

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

ПТИЦЫ

I

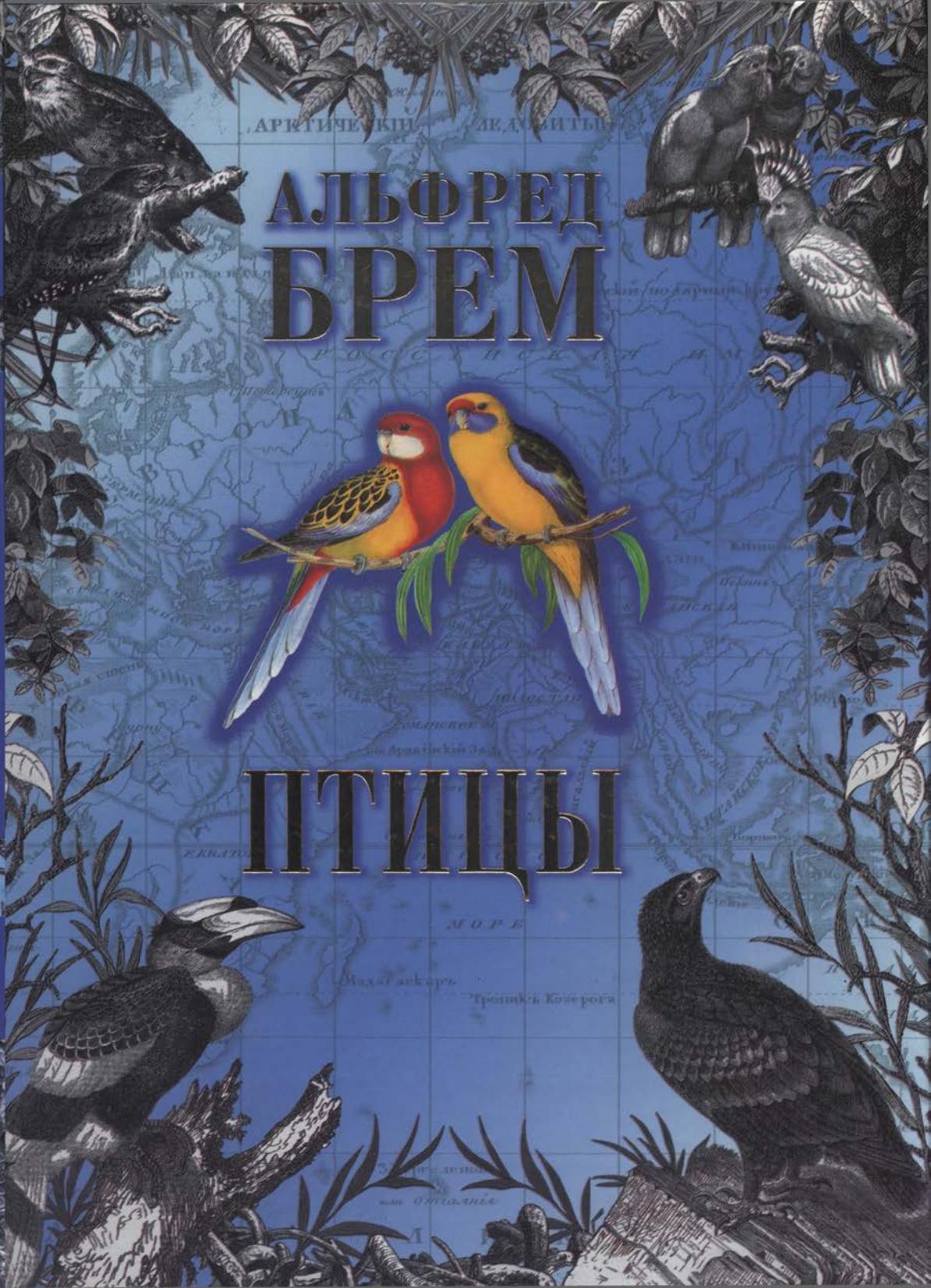
АСТ

АРТИСТИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

ПТИЦЫ

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ
ПТИЦЫ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

*В этом издании Вы увидите
гравюры знаменитых
художников - натуралистов
второй половины девятнадцатого века:*

*Р.Кретимера, В.Кунерта,
Г.Мютцеля, А.Рейхерта,
К.Стерри, А.Фидлера,
Ф.Шмидта-Каринга
и Ф.Шпехта*

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 1999

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ
ПТИЦЫ

Том I

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 1999

Комментарии В. В. Морозова

Брем А.
Б87 Птицы: В 2 т. Т. 1 / Коммент. В. В. Морозова; Гравюры из полного немецкого издания. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 688 с.: ил. — (Жизнь животных).
ISBN 5-237-03130-7

Двухтомник подготовлен по лучшему переводу, который был выпущен в свет в Санкт-Петербурге в 1893 году. Сохранен стиль повествования автора – всемирно признанного классика натуралистической литературы. Впервые в современном отечественном издании в полном объеме воспроизведены иллюстрации, созданные немецкими художниками и граверами в XIX веке специально для книг А. Брема.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 59
ББК 28.693.35

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание книг А. Брема «Жизнь животных» подготовлено по переводу с 3-го немецкого исправленного и дополненного издания в 10-ти томах, выпущенному в свет в 1893 году Товариществом «Общественная польза и К^о» (С.-Петербург).

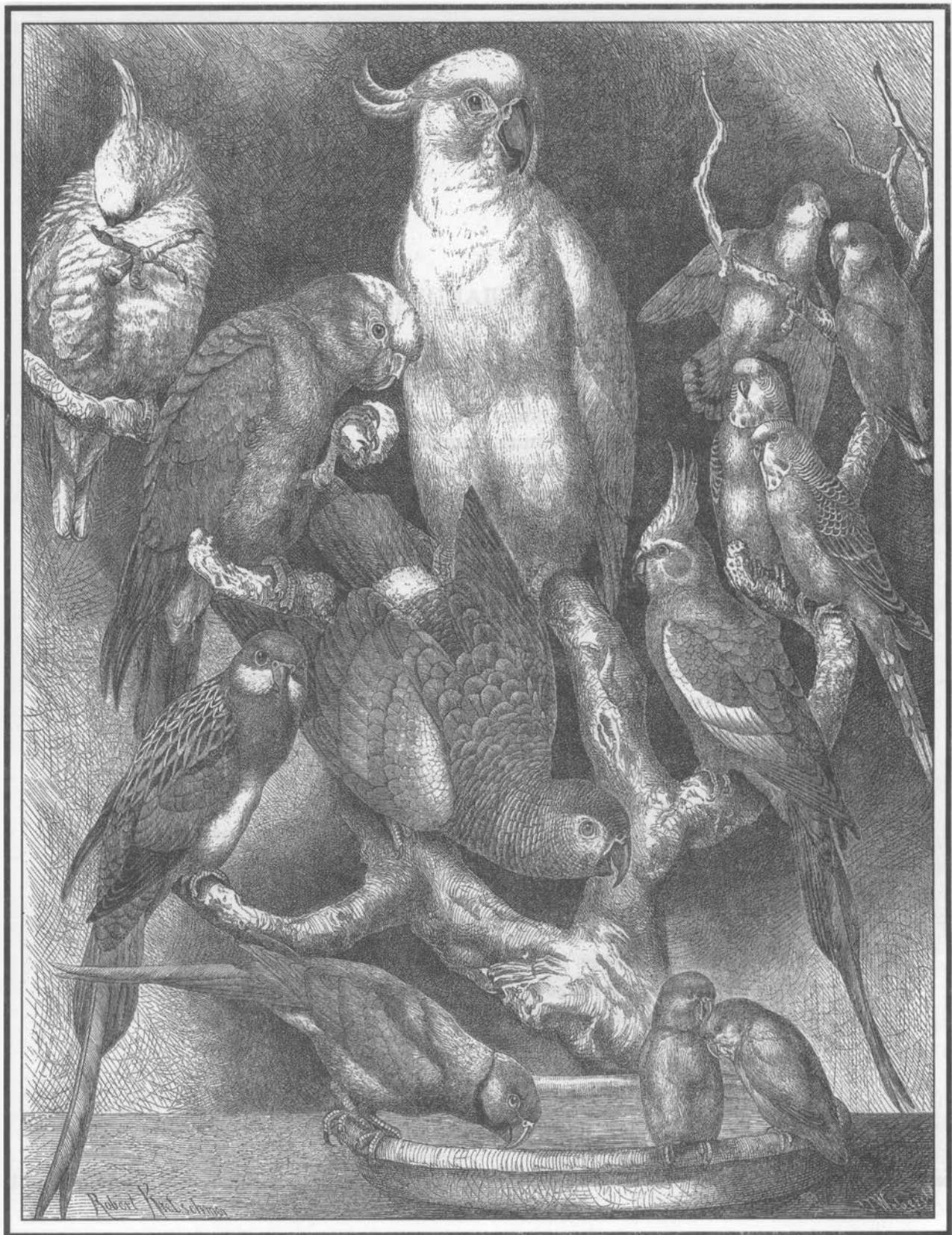
А. Брем — всемирно признанный классик научно-популярной натуралистической литературы. Заслуга его заключается в талантливом изложении сведений из жизни зверей, птиц и других животных. Все затронутые вопросы раскрываются им в общепонятной и увлекательной форме, доступной для самых широких кругов читателей. Знакомство с книгами Брема наибольшую пользу, на наш взгляд, принесет детям.

В данном издании полностью сохранен стиль повествования А. Брема. Сокращению подверглись только узкоспециальные разделы текста — систематические, географические, морфолого-анатомические описания, которые уже потеряли свою актуальность к настоящему времени. На полях книг сделаны необходимые комментарии и примечания. Их подготовили ведущие ученые-зоологи МГУ и РАН, доктора и кандидаты биологических наук, исходя из современного состояния науки.

Все латинские названия животных даны в их современном общепринятом написании. Русские наименования, в большинстве случаев, также приведены в соответствие с общепринятым в научных кругах стандартом.

Особенную значимость настоящему изданию придают сохраненные в полном объеме классические высококачественные, очень точные иллюстрации животных, созданные немецкими художниками и граверами во второй половине XIX века специально для книг А. Брема.

Мы уверены, что знакомство с книгами А. Брема станет настоящей радостью для всех читателей, особенно для любителей живой природы.

БИОГРАФИЯ

Альфреда Эдмунда Брема

Немецкий зоолог Альфред Брем известен всему миру как автор знаменитой книги «Жизнь животных», переведенной на многие языки. Родился Брем 2 февраля 1829 года в семье священника в небольшой деревушке Рентендорф лесистой и холмистой Тюрингии, в Германии. Его отец Христиан Людвиг Брем был не только пастором, но и знатоком жизни птиц. Как орнитолога его знали во многих государствах. Скромный дом пастора посещали ученые из Англии, Франции и других стран. Ему часто посылали для определения целые коллекции птичьих шкурок. Поэтому собственная коллекция постоянно обогащалась и достигла такого большого количества экземпляров, которое редко встречается у частного человека: у него было около девяти тысяч чучел птиц.

Уже в молодые годы, благодаря отцу, Брем приобрел необыкновенную наблюдательность. Ему была знакома вся фауна, обитающая в родных местах, он мог различать мельчайшие особенности отдельных птиц. Очень часто ранним утром пастор брал ружье и отправлялся на охоту в леса, окружающие приход; сыновья почти всегда сопровождали отца и несли добычу, которая большей частью состояла из редких птиц, нужных для коллекции. Альфред Брем с большим восторгом вспоминал об этих прогулках и рассказывал, что, когда ему минуло восемь лет, в день его рождения отец подарил ему ружье.

Дети посещали местную школу, но отец дополнял полученные там знания частными уроками, так что сыновья имели очень хорошую подготовку по всем предметам. Вечерами мать Альфреда собирала вокруг себя детей и читала им драматические произведения Шиллера и Гёте. Несомненно, Брем очень многое получил от своей матери — богатое воображение, прекрасный голос, блестящую память и дар выразительного чтения. Близкие люди утверждали, что Альфред мог бы сделаться прекрасным актером и даже певцом. Он сохранил в течение всей своей жизни любовь к поэзии.

Удивительно, что когда Брему пришло время избрать практическую деятельность, то он обратился не к естественным наукам и медицине, а задумал стать архитектором. Он изучал архитектуру в Альтенбурге с 1843 по 1847 год. Занятия эти, впрочем, даром не пропали: они оченьгодились впоследствии, когда Брему было поручено устройство больших зоологических садов, и во время его путешествий. И вот, получив аттестат, молодой Брем вышел в жизнь; высокий, статный шатен с серо-голубыми глазами, орлиным носом, звучным голосом. Привычка зачесывать длинные волосы назад открывала высокий лоб красивого юноши. Для своего возраста он был образованным человеком, прекрасно разбирался в литературе, архитектуре, зоологии, знал латинский и французский языки.

Неожиданная возможность предпринять большое путешествие в Африку прервала практические занятия Альфреда. Организатор экспедиции барон Джон фон Мюллер — большой любитель природы и известный охотник, пригласил участвовать в ней молодого Брема, узнав, что восемнадцатилетний сын сельского пастора хорошо подготовлен в орнитологии и препарировании шкурок птиц. Брем с восторгом принял предложение, отец также с удовольствием согласился на это путешествие сына.

Брем и Мюллер сели на корабль в Триесте 6 июля 1847 года. Тогда еще Альфред не думал, что увидит родные леса только через пять лет. Спутники приехали в Каир и задержались в этом городе, так как оба, из-за неосторожности, получили тепловые удары. Кроме того, они пережили ужасы землетрясения, которое произошло там как раз во время их пребывания.

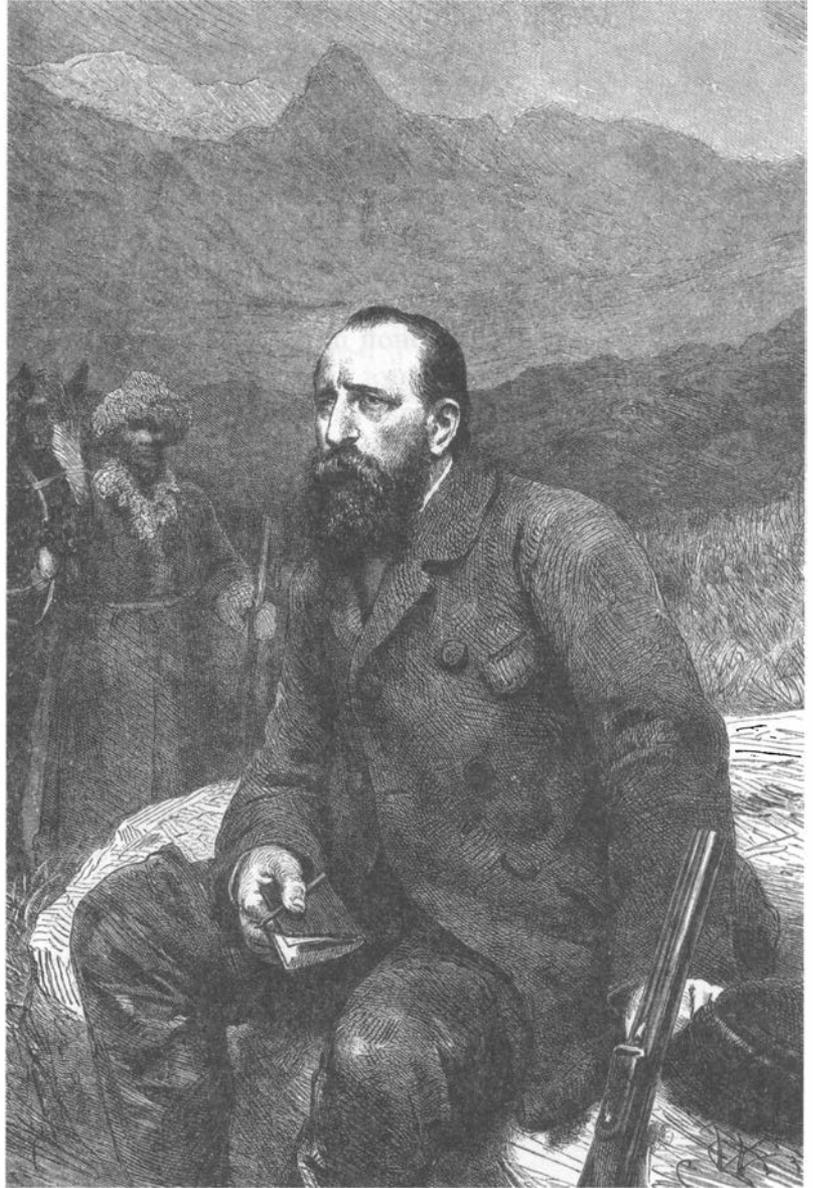
В Каире барон решил расширить маршрут своей экспедиции, не ограничиваться только Египтом, а добраться до столицы Судана Хартума. Но только 28 сентября путешественники смогли отправиться в путь, присоединившись к партии католических миссионеров. Сообща наняли барку и поплыли вверх по Нилу. Барка продвигалась медленно, поэтому натуралисты имели возможность проводить много времени на берегу, охотясь за редкими животными и наблюдая природу. Четвертого января 1848 года они достигли лесистой и богатой водами части Судана, там собрали богатую коллекцию редких птиц, в том числе марабу, маленького черного журавля и других.

Шестого января путешественники прибыли в Хартум, где и прожили до 25 февраля. Охотились в окрестностях, познакомились с бытом населения, как местного, так и пришлого — турками, египтянами, европейцами. Дичи здесь было в изобилии, особенно в лесах, окружающих Голубой Нил, куда Брем отправился на довольно продолжительное время. Но вскоре заболел местной лихорадкой, приступы которой почувствовал еще на Ниле, и вернулся в Хартум. Подлечившись, Альфред снова отправился в леса и привез оттуда до 130 птичьих шкур.

В Хартуме Брем и Мюллеру представился благоприятный случай, они смогли присоединиться к опытному путешественнику английскому геологу Петерику, и проехать частью водой, частью на верблюдах в малоизвестную страну Кордофан, лежащую в зоне саванн. Сначала отправились по Белому Нилу, потом начали сухопутное путешествие по жаркому Кордофану. Пребывание в этой стране было в высшей степени интересно, путешественники первый раз в жизни совсем близко наблюдали крупных млекопитающих: львов, леопардов, гиен. Их коллекция птиц пополнилась разными видами орлов, соколов, грифов. Но через четыре месяца убийственный климат заставил вернуться в Хартум. На обратном пути, проезжая по пустыне на спине верблюда, Брем претерпевал такие страшные страдания, что ежеминутно ожидал смерти. Наконец они достигли Нила и пошли на небольшом судне до Хартума, где намеревались довольно долго прожить, чтобы отдохнуть и вылечиться от лихорадки.

Мюллер и Брем прожили в Хартуме до 28 августа, а потом пустились в обратный путь вниз по Нилу. Генерал-губернатор Хартума отдал в их распоряжение две барки, на которых поместились многочисленные ящики с коллекциями и большое число клеток с живыми экземплярами. 28 октября доехали до Каира, довольные тем, что вернулись целыми и невредимыми из трудного путешествия и довели в сохранности все собранные сокровища. Конец года они прожили в этом городе, делали небольшие экскурсии по окрестностям для охоты и пополнения своих коллекций.

29 января барон фон Мюллер отплыл из Александрии в Европу, с тем, чтобы начать подготовку новой, гораздо более обшир-

*Альфред Эдмунд
Брем*

ной африканской экспедиции. Брем остался в Египте. Почти год находился он то в Каире, то в Александрии, дожидаясь барона или хотя бы денег от него на предварительные работы по организации экспедиции.

Впрочем, любознательный юноша не терял времени даром. Он, облачившись в турецкий костюм, охотился в дельте Нила, бродил по Каиру, знакомился с его памятниками древности и бытом городского населения. Более того, пригласив опытного учителя, систематически изучал под его руководством арабский язык и переводил священную книгу мусульман — Коран.

Тем временем Мюллер добывал средства для экспедиции и вербовал новых членов. Экспедиция была задумана в грандиозных масштабах. Предполагалось добраться Красным морем до Суакина, доехать на верблюдах до Хартума, а оттуда подняться по Нилу до области проживания негров бари, то есть до 4 градусов северной широты. После более или менее продолжительного пребывания среди них экспедиция должна была повернуть на запад к Атлантическому океану.

Барон пригласил для участия в экспедиции орнитолога доктора Ричарда Фирталера и Оскара Брема, брата Альфреда, которые прибыли в Александрию в ноябре 1849 года, привезли с собой деньги и снаряжение. Оскар Брем, хороший энтомолог, должен был обеспечить сборы насекомых и других беспозвоночных. Барон фон Мюллер обещал присоединиться к экспедиции в Хартуме около 1 июля.

Путешественники отправились в путь 24 февраля 1850 года. Точно так же, как и в первый раз, поднялись на барке вверх по Нилу, а затем продолжили путь на верблюдах. Начало путешествия было очень удачно: кроме птиц и зверей собрали много жуков и других насекомых, которыми специально занимался Оскар Брем. Но случилось большое несчастье — Оскар во время купанья утонул буквально на глазах брата! Это был страшный удар для Альфреда и непоправимая потеря для экспедиции. Оправившись от удара, Брем все же нашел в себе силы доставить своих спутников до Хартума.

Положение участников экспедиции было плачевно. Не только не прибыл сам хозяин — барон, но от него не было ни денег, ни писем. Наконец поступило сообщение, что барон фон Мюллер обанкротился. Денег у Брема больше не было, но ему удалось сделать небольшой заем. На эти средства была предпринята шестинедельная экспедиция в леса Голубого Нила. Экспедиция дала богатый материал для коллекций. Но Брем опять схватил лихорадку и совсем больной вернулся в Хартум.

Вылечившись от лихорадки, Альфред вместе со всеми своими спутниками отправился во вторичную экспедицию, которая

продолжалась три месяца, причем путешественники глубоко проникли в тропические леса. Они добыли многих очень редких птиц, почти каждую ночь слышали рев львов, наблюдали целые стада слонов и огромные стаи обезьян, охотились на крокодилов и бегемотов. Однажды сам Брем чуть не сделался жертвой своей неосторожности, когда на него бросился легко раненный и разъяренный бегемот. Экспедиция привезла в Хартум около 1400 одних только птичьих шкур.

Брем жил в Хартуме, занимая деньги у своих друзей мусульман, которые высоко ценили его за способность приручать диких животных. Во дворе его дома был целый зверинец. Всюду за ним следовали стая ручных ибисов и мартышка, он приручил даже нескольких грифов. Но особенное удивление вызывали ручная львица и ручной крокодил. Брем пишет, что все эти животные составляли для него большое утешение во время его невольного плена в Хартуме. Встречая так много привязанности и благодарности в своих животных, он часто забывал тяжелое положение, в которое его поставили люди.

Тем не менее, припадки лихорадки становились все чаще; необходимость возвращения на родину была очевидной. Брем прожил в Судане четырнадцать месяцев, не имея средств заплатить долги. Вернуться в Каир, а затем и на родину ему помогли находившийся тогда в Хартуме немецкий купец Бауергорст и губернатор Судана Латиф-паша.

Отправившись 18 августа 1851 года из Хартума, Брем только к 26 октября добрался до хорошо знакомого ему Каира. Там он прожил всю зиму, отдохнул от трудного путешествия и поправил свое расстроенное здоровье. Шестнадцатого июля 1852 года вернулся он, наконец, после пятилетнего отсутствия в родной дом и имел счастье обнять отца, мать и всех братьев и сестер.

Понятно, что такое продолжительное пребывание в Африке и исключительные занятия охотой и наблюдением природы оказали решающее влияние на карьеру Брема. О продолжении своих занятий архитектурой он перестал думать. Прекрасно сознавая пробелы в естественнонаучном образовании, поступил в университет — сначала в Йенский, потом в Венский.

Уже в эти годы Альфред Брем начал свою литературную деятельность: печатал орнитологические очерки в специальных журналах и был одним из основателей немецкого Орнитологического Общества. В 1855 году он издал в трех томах «Путевые очерки о северо-восточной Африке». Написанные с блеском, они содержали не только подробные описания природы и различные сведения об охоте и образе жизни тамошних животных, преимущественно птиц, но и богатый материал по этнографии виденных им стран.

Гонорар, полученный за эту книгу, позволил Брему в 1856 году вместе с братом Рейнгольдом совершить путешествие по Испании. Брат был врачом, но также страстным охотником и любителем наблюдения природы. Эта поездка, богатая приключениями, в значительной степени пополнила сведения Брема о южно-европейских животных.

После возвращения из Испании Брем поселился в Лейпциге и стал заниматься литературным трудом. Он писал статьи для очень популярного журнала «Die Gartenlaube». Эти статьи сделали Брема известным, так как он сумел придать привлекательность и даже поэтический оттенок своим очеркам о жизни животных. В значительной степени на основании наблюдений, сделанных в Испании, братья в соавторстве с отцом опубликовали очень ценную статью «Орлы-ягнятники и их жизнь». Конечно, яркие поэтические описания царственной птицы принадлежат в этой книге Альфреду.

Вскоре А. Брем получил возможность совершить путешествие в Норвегию и Лапландию. Суровая, величественная природа фиордов и шхер далекого Севера произвела на него сильнейшее впечатление, особенно шумные птичьи базары. С энтузиазмом отдался он орнитологическим наблюдениям, уделяя больше всего внимания незнакомым птицам, не встречающимся ни в средней Европе, ни в Африке. Вернувшись в Лейпциг, описал свои впечатления в ярком очерке «Laplands Vogelberge».

Брем обладал изумительным даром чувствовать красоту и постепенно выработал в себе выдающегося стилиста — настоящего художника слова, способного представить на страницах яркие, красочные образы живой природы. Потребность в доступной форме передать свои знания широким кругам любителей природы побудила Брема написать большую популярную книгу «Жизнь птиц». В этой книге в виде художественных очерков он дал характеристики наиболее интересных представителей преимущественно средневропейской орнитофауны. По словам последующих исследователей, у Брема «всем птицам свойствен характер; существуют веселые, печальные, честные, вороватые, благородные и подлые, прямодушные и лукавые птицы». Книга вышла в свет в Лейпциге в 1861 году, в день 74-летия отца и учителя автора — Христиана Людвиг Брем.

Несмотря на видимые литературные успехи, Брем решил упорочить свое материальное и общественное положение. Он поступил преподавателем географии в частную мужскую гимназию. Это дало ему возможность обзавестись семьей: в 1861 году молодой ученый женился на Матильде Рейц, сделавшейся до конца дней верной спутницей жизни. Она посильно участвовала в путешествиях и очень дорожила его славой, как писателя, так и ученого.

Счастье благоприятствовало Брему, в скором времени он мог снова поехать в Африку. Организаторы грандиозной охотничьей экспедиции в предгорьях Абиссинии пригласили участвовать в ней Брема, как опытного путешественника и натуралиста. Он был даже командирован вместе с молодой женой для выбора подходящего района охоты и разбивки постоянного лагеря. Так что медовый месяц молодые провели весьма экзотично: в Африке на подступах к Абиссинии.

Стоянку для лагеря Брем выбрал на плато Менда. Богатая и разнообразная природа этой местности позволили охарактеризовать ее как африканскую Швейцарию. Здесь Брем ознакомился с жизнью африканских горных животных и сделал множество новых интересных наблюдений. К сожалению, натуралисту не повезло: он снова схватил малярию и, немного подлечившись, вынужден был вернуться в Лейпциг.

Уже через год, в 1863 году, обработав результаты поездки в Абиссинию, он опубликовал книгу «*Ergebnisse einer Reise nach Habesch*». В книге, восхищаясь необыкновенным богатством флоры Абиссинии, автор глубоко сожалеет о том, что мало знаком с ботаникой и поэтому не может подробно описать богатую и разнообразную растительность этой страны. Зато Брем поместил большой материал об образе жизни млекопитающих и птиц. Эти страницы читались зоологами всех стран с большим интересом. В том же году он написал вместе со своим лейпцигским другом натуралистом Россмеслером книгу «Лесные животные», которая была переведена на русский язык.

Работа над этими двумя книгами навела Брема на мысль создать большую научно-популярную сводку о жизни представителей всех классов животного царства. Так было начато издание самого большого сочинения Брема «Жизнь животных». В качестве соавторов Брем привлек двух известных зоологов — Ташенберга, который взялся за написание статей о насекомых и паукообразных, и Оскара Шмидта, которому достались низшие беспозвоночные. Успеху этого сочинения способствовали многочисленные прекрасные иллюстрации. Первый том появился в 1863 году, а полностью объемное шеститомное сочинение вышло только в 1869 году.

Во время работы над первым томом Брему было предложено место директора зоологического сада в Гамбурге. Лучшего директора трудно представить: обширная эрудиция, большой опыт в содержании и приручении диких животных, личные связи — все это создавало блестящую репутацию Брему в глазах членов «Зоологического общества», фактически владевших зоопарком. И для Брема, трудившегося над первыми томами «Жизни животных», посвященным млекопитающим и птицам, эта должность была интересна. Через его руки проходили сотни редких экзо-

тических животных, привозимых кораблями из всех стран света в большой порт Гамбург, и частично оседавших в зоопарке, где ученый мог вести над ними наблюдения.

Брем проработал в зоопарке три года, поставив его на образцовую высоту. Из-за разногласий с членами «Зоологического общества» он вынужден был покинуть зоопарк в Гамбурге. Но вскоре переехал в Берлин, куда был приглашен, чтобы организовать в городе аквариум с морской и пресной водой.

В 1864 году он пережил большую горе: на 78-м году жизни умер обожаемый им отец. Эта смерть очень сильно повлияла на душевное состояние Брема.

В 1869 году вышел последний шестой том «Жизни животных». Этот главный труд ученого сыграл огромную роль в популяризации зоологии во всем образованном мире. Он прославил автора на весь мир и вскоре был переведен на все европейские языки (первый полный русский перевод был сделан в 1870 году). Еще при жизни Брема вышло второе издание.

В этом же году был открыт и Берлинский аквариум. Настоящий зоологический сад в центре большого города сделался одним из самых популярных учреждений Берлина. На его территории кроме аквариума были созданы террариум, в котором содержались крокодилы, черепахи, змеи, и виварий, в больших светлых клетках распевали сотни самых разнообразных птиц. Громадный опыт по содержанию в неволе птиц позволил Брему опубликовать в 1870—1875 годах двухтомную сводку «Птицы в неволе». Сочинение сделалось настольной книгой для всех любителей птиц и послужило популяризации любительского занятия — содержания птиц в неволе.

В 1874 году Брем покинул место директора аквариума. И до конца жизни уклонялся от служебных постов. Успех «Жизни животных» и других книг давал ему солидный доход, и он жил как свободный художник, временами выступая с публичными лекциями.

В 1876 году Брему представилась возможность совершить путешествие в Россию и таким образом посетить страну, фауна которой была ему совсем неизвестна. Общество по изучению северных полярных стран предложило ему участвовать в экспедиции для исследования западной Сибири. Интересно, что среди прочих, экспедицию щедро финансировал иркутский купец А.М. Сибиряков.

Путешественники 19 марта приехали в Нижний Новгород, оттуда по льду Волги на тройках они прибыли в Казань, где задержались на несколько дней. Из Казани маршрут привел их в Пермь, потом через Екатеринбург и Тюмень — в Омск, откуда по Иртышу они добрались до Семипалатинска. В течение нескольких месяцев Брем со своими спутниками исследовали средне-

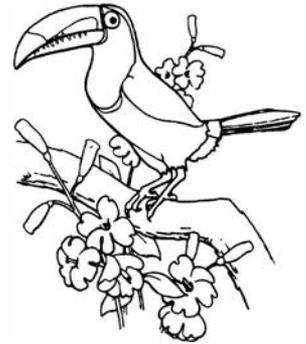
азиатские степи до горных цепей Алатау, причем сделали небольшую прогулку в Китай, за русскую границу. Затем они объехали значительную часть западной Сибири до берегов Карского моря.

Все путешествие длилось шесть месяцев. Сделанные наблюдения представляли для Брема значительный интерес. Он обогатил свой опыт натуралиста близким знакомством с жизнью зверей и птиц за полярным кругом, в тайге, в среднеазиатских степях и прилегающих к ним горах. Эта экспедиция дала богатый материал по этнографии многих народов, проживающих на территории той части России. Брем считал путешествие по России самым интересным в своей жизни и собирался издать подробный дневник. Но вместо этого он выпустил только несколько ярких очерков: «Путешествие по Сибири», «Тундра и ее животный мир», «Азиатская степь и ее жизнь», «Лес, дичь и охотничий промысел Сибири». Полное описание сибирского путешествия было дано спутником Брема — Отто Финшем, его объемистая, чрезвычайно интересная книга была издана в русском переводе под заглавием «Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брема».

Едва отдохнув от сибирского путешествия, неутомимый Брем предпринял новое. На этот раз он поехал недалеко — в южную Венгрию, эту обетованную страну всякого орнитолога. Путешествуя на пароходе по Дунаю, посетил знаменитую колонию цапель на острове Адони, дремучие леса Кескенде, необозримые болота Хулло и живописные Голубые горы. Конечно, по сравнению с сибирским путешествием, поездка по Дунаю была для Брема лишь увеселительной прогулкой.

В 1878 году Брем получил от австрийского императора орден Железной Короны, который давал права дворянства, а в следующем году — командорские кресты испанского ордена Изабеллы и португальского ордена — св. Иакова. Кроме того, Брем был награжден большою золотой медалью за особые научные заслуги и неоднократно избирался членом различных ученых обществ.

Но эти годы принесли Брему и много горя. Скоро, после его возвращения из Сибири в 1877 году, умерла мать, а в следующем году, при рождении младшего сына, он потерял жену, которая была его верной спутницей и усердной сотрудницей в течение их супружеской жизни. От этого удара он уже совершенно не мог поправиться. Однако в 1879 году нашел в себе силы еще раз посетить Испанию, чтобы собрать экземпляры редких орлов. Потом он жил в своем поместье в Рентендорфе. Летом занимался разведением роз, зимой временами выезжал, чтобы прочесть публичную лекцию.

Лишь в 1883 году Брем совершил далекое путешествие. Он подписал очень выгодный контракт, по которому должен был прочитать пятьдесят лекций в больших городах Северо-Американских штатов. Но еще до начала поездки ученого постигло страшное несчастье: все пятеро его детей заболели дифтеритом. Хотя врач успокоил отца насчет исхода болезни, он уехал со стесненным сердцем. Младший сын, любимец семейства, умер раньше, чем Брем доехал до Америки, он получил горестное известие тотчас после высадки в Нью-Йорке.

Брем выполнил контракт, прочитал свои пятьдесят лекций. Это было последнее его путешествие; он вернулся в Рентендорф, чтобы оттуда уже не уезжать. 11 ноября 1884 года Брем скончался от кровоизлияния в мозг в возрасте 56 лет. Утверждения некоторых биографов, будто в конце своей жизни он ослеп, неверно. Его соколиные глаза сохраняли свою зоркость вплоть до того момента, как закрылись навеки...

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Общий взгляд на жизнь птиц

«Птицу узнают по перьям», — говорят немцы, и этим очень верно отличают птиц от всех других позвоночных. Прочими главными признаками этого животного царства можно считать следующие: челюсти их покрыты роговым клювом; передние конечности превращены в крылья, следовательно, ног только одна пара; все кости плюсны срослись в одну длинную кость; череп соединяется с позвоночным столбом одним только мышцелком; нижняя челюсть прикрепляется к черепу посредством особой подвижной квадратной кости. Сердце состоит из двух предсердий и двух желудочков, легкие соединяются со многими воздушными мешками, расположенными в различных частях тела, и с воздушными полостями, находящимися внутри костей; грудобрюшная перегородка неполная, и таз почти всегда незамкнутый.

Как ни своеобразно строение птиц, но скелет их показывает большое сходство со скелетом пресмыкающихся, почему сии последние и считаются прародителями оперенных позвоночных. Возможность летать составляет самую характерную способность птиц, и от этого зависят резко выраженные особенности внешнего вида и внутреннего строения этих животных; можно с уверенностью сказать, что большинство признаков, отличающих птиц от млекопитающих и пресмыкающихся, зависит от приспособления их к летанию.

Органы внешних чувств у птиц довольно хорошо развиты; некоторые из них устроены просто, но никогда не замечается почти полного отсутствия какого-либо внешнего чувства. Лучше всего развиты глаза, что заметно как по их величине, так и по внутреннему строению. Внешний вид и величина глаз довольно разнообразны: у дальновзорких ночных птиц они особенно велики, а у прочих гораздо меньше. Наружного уха нет: довольно большие ушные отверстия лежат по сторонам задней части головы и окружены у большинства птиц лучеобразно расположенными перышками, которые, впрочем, не задерживают звуковых

волн. У сов наружное ухо обозначается подвижной складкой кожи, которая может закрывать и открывать ушное отверстие. Барабанная перепонка находится недалеко от наружного отверстия уха; слуховой проход короткий и покрыт тонкой кожицей, а среднее ухо довольно велико.

Органы обоняния значительно меньше развиты, чем у млекопитающих: носа и больших носовых полостей нет; ноздри расположены на верхней челюсти обыкновенно недалеко от основания клюва и имеют вид круглых отверстий или продолговатых щелей, снабженных иногда роговыми трубочками; отверстия их покрыты гладкой кожей или окружены щетинообразными перышками. Об обонянии птиц существуют самые разнообразные мнения, большей частью выдуманные охотниками и другими неточными наблюдателями. Охотники верят до сих пор, что ворон издали по запаху узнает, заряжено ружье или нет, и даже натуралисты полагают, что грифы чуют падаль за несколько километров. О том, что рассказ о вороне не верен, не стоит и толковать, а об обонянии грифов я могу судить на основании своих опытов, и потому смело утверждаю, что и второе суждение неверно. До известной степени обоняние развито у всех птиц; это доказывают наблюдения, но птицы не могут издали слышать запах, как это замечается у многих млекопитающих.

Осязание у птиц, несомненно, слабее, чем у млекопитающих. Только у некоторых устройство языка позволяет заключать о развитии этого чувства. У большинства птиц язык небольшой, короткий или очень тонкий и нередко покрыт роговидной кожей; у меньшинства язык довольно длинный и мясистый. Он служит в основном для схватывания пищи и для ощупывания предметов. Чувство осязания по отношению к температуре — теплу или холоду, по-видимому, хорошо развито, так как наружная кожа очень богата нервами.

Органы кровообращения и дыхания имеют совершенное устройство. Сердце птицы очень похоже на сердце млекопитающих, разделено полной перегородкою на две половины и имеет два предсердия и два желудочка, но мускулы, образующие его, еще сильнее.

Ни у каких животных нет такого усиленного обмена веществ, как у птиц: более теплая кровь и учащенное дыхание повышает их жизнедеятельность. В связи с этим свойством находится необыкновенная подвижность птиц. Усиленный обмен веществ требует усиленного снабжения организма не только кислородом, но и питанием. Можно предположить, что птица относительно массы своего тела съедает больше, чем всякое другое животное. Многие из них едят все время, пока не спят. Насекомоядные ежедневно съедают количество пищи, превышающее в два

или три раза вес их тела. Птицы, которые питаются мясом позвоночных, требуют меньше пищи — около шестой части веса тела; почти столько же необходимо и растительноядным; однако и тех, и других следует причислить к сильным едокам. Под кожей птиц и около внутренних органов при усиленном питании образуется много жира, но достаточно несколько голодных дней, чтобы его уничтожить. Однако птицы переносят голод дольше, чем большинство млекопитающих.

Органы пищеварения птиц отличаются от подобных органов млекопитающих уже тем, что у птиц нет зубов, и потому они глотают пищу целиком. Слюнные железы существуют, но во рту пища не смачивается слюной, так как она не жуется. У многих птиц пища сначала попадает в расширение пищевода, называемое зобом, где она сохраняется и отчасти размягчается; у других она прямо попадает в первый желудок, который следует рассматривать как расширение нижней части пищевода.

Кожа птиц в общих чертах имеет такое же устройство, как и у млекопитающих; она так же состоит из трех слоев: наружной кожицы, слизистого слоя и нижней, или настоящей, кожи. Первая почти везде тонка и покрыта складками, только на плюсне и пальцах она делается толстой, роговой и часто даже чешуйчатой, а на клюве превращается в толстый роговой слой.

Перья представляют собой роговые наконечные образования, точно так, как волосы, иглы и чешуи у млекопитающих; но внешний вид и строение перьев бывает в высшей степени разнообразно у различных видов и изменяется даже на разных частях тела у одной и той же птицы. У пера выделяют ствол, состоящий внизу из цилиндра, так называемого очина, и четырехгранный, наполненный губчатой массой стержень. К стержню прикреплено опахало из тонких роговых пластинок, называемых бородками; бородки сидят по обе стороны стержня и направлены вкось, снизу вверх. На краях бородок находятся мелкие крючочки, которые скрепляют бородки между собой.

Перья разделяются на настоящие перья и пух. Между настоящими перьями различают маховые, рулевые и кроющие, а маховые перья разделяются на большие, малые и прибавочные. К костям пясти прикрепляется около десяти маховых перьев первого порядка, между тем как число маховых перьев второго и третьего порядка бывает довольно разнообразно. Хвост состоит обыкновенно из двенадцати рулевых перьев, редко их бывает меньше, а часто — больше. Кроющие перья покрывают туловище птиц и основание маховых и рулевых перьев. Оперение распределено по телу рядами, ширина и расположение которых особое у разных видов. Те птицы, у которых кроющие перья распределены одинаково густо на всем теле, к полету неспособны.

Пуховые перья имеют мало развитой стержень, длинные бородки опахала у них мягче и пушистее, чем у других перьев, крючочки также мягкие, бородки между собою не соединяются, что и придает всему перу совершенно другой вид.

Перья, окрашенные в различный цвет, почти всегда имеют и различное строение. Довольно часто в оперении птиц встречается отсутствие красящего вещества, а насыщенный цвет встречается реже. Альбиносы замечены у самых разных видов.

Действительно, никто не может летать так, как птицы! Движение это облегчается тем, что крылья их состоят из перьев, которые отчасти покрывают друг друга, как черепица на крыше, а, кроме того, образуют снизу вогнутую поверхность. Когда крылья приподнимаются, то между перьями образуются щели, через которые проходит воздух; при опускании крыльев, напротив, опахала плотно прижимаются друг к другу и образуют поверхность, которая представляет воздуху значительное сопротивление. Таким образом, при каждом ударе крыльев птица приподнимается на воздух, а так как движение крыльев происходит не только сверху вниз, но и спереди назад, то она вместе с тем и подвигается вперед. Хвост служит рулем; при полете вверх он несколько приподнимается, при спускании отгибается вниз, а при поворотах поворачивается в сторону. Из-за выпуклости крыльев птица лучше летит против ветра, так как он, дую под крылья, приподнимает птицу и таким образом облегчает ей полет: попутный же ветер раздвигает маховые перья и давит на них сверху, что, конечно, затрудняет движение.

Относительная быстрота и другие свойства полета находятся в тесной связи с внешним видом крыльев, а также и со строением перьев. Длинные, узкие, на конце острые крылья, состоящие из твердых перьев, и короткое оперение туловища способствуют быстрому полету; напротив, с короткими, широкими, тупыми крыльями и мягким оперением птица летает плохо. Относительно длинный и широкий хвост облегчает крутые повороты, а большие широкие крылья дают возможность птице парить в воздухе.

По продолжительности полета птицы не уступают никаким другим животным. Они совершают невероятные подвиги, пролетая за несколько дней две—три тысячи километров, а за несколько часов — широкое море. Птицы могут парить в воздухе много часов, а перелетные путешествуют без отдыха в течение целого дня, и только очень неблагоприятные обстоятельства могут обессилить этих обитателей воздуха. Удивительно, что птица летает одинаково легко в различных высотах, между тем как низкая плотность воздуха в верхних слоях атмосферы требует большего напряжения сил, чем в нижних слоях. Когда А. Гумбольдт находился близ вершины Чимборассо, то он неизмеримо высоко над

собой увидел парящего кондора, который казался лишь малозаметной точкой; птица, по-видимому, летала там точно так же легко, как и внизу.

Те птицы, которые особенно хорошо летают, обыкновенно не могут ходить или ходят очень плохо; однако между ними есть и такие, которые бегают с достаточной быстротой. Способ хождения у птиц самый разнообразный: некоторые бегают скорым шагом, другие мчатся рысью, третьи несутся точно в карьер, иные могут только прыгать, другие ходят тихо, большими или маленькими шагами, наконец, есть и такие, которые неуклюже переваливаются с ноги на ногу или скользят на своих широких лапах.

Немало птиц, которые почти все время плавают по поверхности воды, ищут в ней пищу, а также могут и нырять в глубину. У таких птиц кроющие перья, особенно на нижней части тела, теснее прилегают друг к другу и, благодаря жировой смазке, прекрасно приспособлены к тому, чтобы задерживать воду и не давать ей смачивать кожу. Птица, плавающая на поверхности воды, без всяких усилий удерживается в этом положении, и движения ее ног служат только для того, чтобы двигаться вперед. В большинстве случаев для плавания употребляются одни только ноги, которые заносятся вперед в сложенном состоянии, затем расправляются и с полной силой отодвигаются назад, давая этим телу толчок вперед; при тихом плавании птицы двигают ногами по очереди, а при быстром — отталкиваются обеими ногами одновременно. При поворотах вытягивают назад одну лапу, а другой усиленно гребут. Некоторые птицы ныряют с поверхности воды и плавают под водой скорее, чем на ее поверхности; другие ныряют только в том случае, если падают в воду с высоты. Многие птицы, которых не причисляют к плавающим, могут не только плавать и нырять, но даже бегать по дну не очень глубоких водоемов.

Птицы способны еще к одному роду движения, лазанию, и делают это в высшей степени искусно. При этом они пользуются ногами, иногда помогают себе клювом и хвостом, а в исключительных случаях даже крыльями. Почти все лазающие птицы передвигаются только снизу вверх и по верхним сторонам ветвей; но некоторые могут бегать по отвесным стволам головою вниз.

Птицы отличаются громким, чистым и почти всегда приятным голосом. Голосом они приманивают или зовут других птиц, выражают радость и любовь, вызывают противников на бой, призывают на помощь, предостерегают от врагов, предупреждают об опасности и вообще обмениваются всевозможными впечатлениями. При этом следует заметить, что птицы не только понимают голос представителей своего вида, но и умеют заставить других

птиц понять себя. Мелкие береговые птички слушают предостережения крупных болотных птиц; вороны предупреждают об опасности скворцов и других опустошителей полей. Случается, что от голоса испуганного дрозда всполошатся все обитатели леса. Особенно пугливые птицы делаются сторожами всего общества. Во время ухаживания оба пола выражают свои чувства в высшей степени разнообразно и мило. Одни птицы перекликаются, другие поют, не заботясь о том, слышит их кто-нибудь или нет. А птицамать умеет очень нежно разговаривать со своими детенышами.

Каждый вид издает свойственные ему тоны и имеет особый тембр голоса. Но любая птица данного вида по-своему соединяет тоны в отдельные строфы, которые отличаются большим или меньшим богатством нот, силой и способом перехода одного тона в другой. Пение одних птиц ограничивается только несколькими нотами, другие владеют более чем одной октавой. Когда каждая строфа резко обозначается и ясно отделяется от других, то такие строфы называют щелканьем; когда отдельные звуки, хотя и быстро следуют один за другим, но не образуют ясных строф, то это называют собственно пением. Соловей и зяблик щелкают, а жаворонок и щегленок поют. Певчая птица умеет разнообразить свою песнь, и потому-то она и действует на нас так сильно. Местность также влияет на пение: в горах некоторые виды поют иначе, чем на равнине, хотя подобное различие заметно только знатокам. Хороший певец может в известной мере научить старательных учеников, а худой певец скорее испортит пение других птиц. Молодые птички перенимают все подробности пения у более опытных певцов, но, к сожалению, как и дети, скорее склонны воспринимать недостатки, чем хорошие качества. Некоторые виды не довольствуются своей собственной песнью, а примешивают к ней отдельные тоны или строфы других птиц, а иногда посторонние звуки или голоса. Этих птиц мы называем пересмешниками, но совершенно неправильно, так как они подражают вовсе не для того, чтобы смеяться над другими птицами.

Относительно понятливости и душевных способностей птиц я могу повторить почти все то, что мною сказано по этому поводу о млекопитающих; нет ни одной душевной способности и ни одной черты характера, замечаемых у млекопитающих, которых нельзя было бы найти и у птиц. Всякий сколько-нибудь внимательный наблюдатель не раз убедился в том, что даже самые маленькие и безобидные птички приходят иногда в ярость и нападают на других таких же маленьких птичек, выказывая при этом страшную жестокость. Очень долго предполагали, что умственные способности птиц развиты плохо, и все их действия объясняли так называемым инстинктом; многие и теперь придерживаются

этого мнения. Но для меня очевидно, что эти лица сами никогда не наблюдали птиц и не желают вникнуть в наблюдения других.

Ни одно существо, — говорил я в другом сочинении, — не живет такой полной жизнью, как птица; никакое другое существо не умеет так хорошо, как она, воспользоваться ею. Самый длинный день ей кажется недостаточно продолжительным, короткая ночь для нее все-таки длинна: усиленная жизнедеятельность не позволяет провести во сне половину времени своего существования. Почти все дарованное ей время она проводит бодро и весело в деятельности.

Все птицы очень рано просыпаются от короткого ночного сна. Большинство из них уже бодрствуют, когда утренняя заря только начинает золотить небосклон. В полярных странах во время продолжительных летних дней они почти не делают никакого различия между днем и ночью. Если рано утром отправиться в лес, то голоса птиц раздаются при первом появлении зари, а поздно вечером их слышно даже после заката солнца. Для сна птицам, по-видимому, достаточно очень короткого времени ночью и нескольких минут днем.

Птицы, которым Бог даровал звонкий голос, приветствуют начинающийся день своим пением. Только после утренней песенки они начинают искать пищу. Почти все пернатые утоляют самый сильный голод два раза в день, утром и вечером. Исключение из этого правила мы замечаем лишь у тех птиц, добыча которых зависит от счастливого случая. Хищные едят обыкновенно один раз в день, а те из них, которые питаются не живой добычей, а падалью, часто проводят несколько дней без еды. Некоторые птицы, например сорокопуты, дятлы и поползни собирают запасы, которые хранят в известных местах и даже запасают на зиму.

После еды птицы чаще всего пьют, а затем купаются, причем иногда вода заменяется песком, пылью или снегом; посвящают много времени на приведение в порядок своего оперения. После этой возни некоторое время отдыхают и переваривают пищу, а затем снова отправляются за добычей. Если охота была счастливая, то вечером еще успевают провести некоторое время в приятном обществе себе подобных на условленных местах; певчие птицы с особенным увлечением поют по вечерам. Самцы усаживаются недалеко от гнезд, где сидят подруги на яйцах. Самки возвращаются к своим детенышам, если они настолько малы, что не могли ее сопровождать. Птицы не сразу устраиваются на ветках для сна, а перед этим долго щебечут, шумят и прыгают, как бы совещаясь между собой, пока, наконец, усталость не пересилит их любовь к деятельности. Погода имеет большое влияние на образ жизни птиц, а дождь и ветер часто меняют распорядок их дневных занятий.

Весной, при оживлении всей природы, и птицы начинают жить новой жизнью. Многие птички, соединившиеся в парочку, остаются верными друг другу и живут вместе, очень редко, только

Общая часть

в виде исключения одна из них изменяет супружеской верности. Однако в этом отношении были сделаны курьезные наблюдения. Птица-самка, у которых был убит самец, стала спариваться уже через полчаса после его смерти, а когда и второй супруг сделался жертвой своих врагов, то легкомысленная самка немедленно избирала себе третьего самца. Самцы, большей частью, гораздо дольше грустят о потере своих подруг, вероятно, впрочем, потому, что им гораздо труднее найти себе пару.

Самцы стараются приобрести расположение самок всевозможными любезностями: некоторые приманивают подругу призывными возгласами или пением, другие пытаются обратить на себя внимание прекрасного пола разнообразными телодвижениями, трети, наконец, выказывают перед самками свое искусство в умении летать. Такое ухаживание принимает иногда бурный характер, и самец по целым часам преследует самку.

Во время любовных занятий парочка ищет удобное место для гнезда или возвращается на старые места гнездования. Птицы устраивают свои гнезда во всевозможных удобных для этого местах, высоко над землей, под землей, на воде и на суше, в лесах и полях. Хищные почти всегда делают гнезда высоко над землею и очень редко гнездятся на ее поверхности. Птицы, которые больше бегают, чем летают, напротив, почти всегда гнездятся на земле. Живущие в лесу устраивают гнезда на ветвях и сучьях деревьев, в дуплах, а также на земной поверхности. Болотные — в тростнике, в траве на берегах рек и озер, на островах, кочках, в болоте и т. д. Многие прячут гнезда в расщелинах скал, углублениях и других подобных местах. Местоположение гнезд так разнообразно, что общего об этом предмете можно сказать только следующее: каждое гнездо или так спрятано, что скрыто от глаз врагов, или так устроено на открытом месте, что его нелегко заметить, или, наконец, расположено в таком месте, которое недоступно для врагов.

Каждый вид использует для постройки гнезда постоянно одни и те же материалы. Однако птицы умеют приспосабливаться к изменившимся условиям и тогда заменяют обычный материал другим, находящимся под рукой.

Самка строит гнездо, а самец таскает ей материал; так происходит в большинстве случаев, но бывает и наоборот. У ткачей, например, устраивают гнездо одни самцы, а самки разве только помогают, когда приходится выстилать внутренность гнезда. Почти у всех птиц самец принимает на себя роль сторожа, заботящегося о безопасности самки во время ее работы, но у тех птиц, у которых существует многобрачие, самцам до постройки гнезда никакого дела нет. У многих птиц самец во время постройки гнезда развлекает свою подругу песнями или щебетанием.

Устройство гнезда требует усиленной деятельности и полного внимания со стороны птиц. Они исполняют свою работу, по

возможности, без всяких перерывов и стараются кончить ее как можно скорее, но случается, что приходится несколько раз бросать и снова начинать ее. Материалы для гнезда птицы откусывают клювом или отламывают ногами, собирают с земли, поверхности воды, иногда ловят в воздухе. Затем добытый материал пернатые строители сглаживают, смягчают, иногда ссучивают, а потом несут его к гнезду, держа в клюве и лапах.

Одни птицы устраивают общественные гнезда, куда самки кладут яйца сообща и насиживают их часто поочередно. Другие такое большое гнездо делят на отдельные коморки, каждая из которых служит помещением для особого семейства. Есть птицы, которые строят свои жилища в гнездах других птиц и насиживают яйца одновременно с настоящим хозяином гнезда.

После того, как самка снесла должное количество яиц, она начинает их насиживать. Величина яйца находится обыкновенно в соответствии с объемом тела матери. Однако некоторые птицы кладут относительно большие, другие, напротив, сравнительно очень маленькие яйца. Число яиц одной кладки колеблется между одним и двадцатью четырьмя; чаще всего насиживаются разом от четырех до шести яиц.

Птица редко покидает гнездо, сидит в нем как бы в лихорадочном состоянии и доставляет своим телом необходимую для развития зародышей теплоту, причем действует большею частью одна самка, иногда же поочередно с самцом. Изредка птицы пользуются для вывода яиц теплотой солнца или гниющих растительных веществ. Детеныши проклевываются в зависимости от погоды, немного раньше или позже, но продолжительность насиживания отдельных видов мало изменяется. Страус высидывает птенцов в течение 55—60 дней, колибри 10—12, у большинства птиц время насиживания длится 18—26 дней.

Развитие детенышей одной кладки происходит не вполне одновременно и часто случается, что из некоторых яиц птенцы выклевываются одним и даже несколькими днями позже других. После очистки гнезда мать возвращается к детенышам и опускается на них, чтобы согреть теплотою своего тела, причем зацепляется лапками к сторонам гнезда, чтобы не давить нежных деток всею тяжестью своего тела и не оцарапать их когтями. Первые 4—7 дней она покидает как можно реже своих, большею частью, голых детенышей и слетает с гнезда лишь на очень короткое время; после этого необходимость приносить большое количество пищи птенцам заставляет ее изменить свое поведение. Маленькие птички покрывают своих птенцов, как днем, так и ночью, пока у них не появятся перья на спине. Когда птенцы вырастут, мать изменяет свое положение в гнезде: она не прицепляется больше к краям гнезда ногами, но кладет их на спины

птенцов; это делается, однако, так искусно, что детеныши лежат смирно и нисколько этим не тяготятся.

Птенцы начинают пицать тотчас после того, как обсохнут по выходе из яйца. Я наблюдал за высиживанием в комнате канареек, щеглят, чижигов и снегирей; из них раньше и громче всех пицали канарейки; щеглята и чижики начали пицать позже, и слабее всех — снегيري, как будто различные степени способности к пению, которые замечаются потом у взрослых птиц, уже выказываются в первые дни их жизни.

Молодые птенцы вылупляются из яиц со страшным аппетитом. Как только они высохнут, то, как бы в забытьи поднимают свои относительно большие головы и так сильно раздвигают челюсти, что они дрожат от напряжения. Каждый детеныш старается схватить кусок, назначенный его соседу, и в этом отношении мать невнимательна, так как кормит преимущественно того птенца, который сильнее вытягивает шею, и слабейшие детеныши получают корм только тогда, когда самый здоровый, насытившись, опустит голову вниз. Этим объясняется, что некоторые птенцы развиваются гораздо хуже других.

Лишь немногие птицы через несколько минут после того, как вылупятся из яйца, могут искать пищу при помощи матери или самостоятельно. У птенцовых птиц детеныши бывают сначала голые и слепые, в большинстве случаев они поражают своей непривлекательностью и даже безобразием. Наиболее беспомощны в первые дни своего появления на свет те птенцовые детеныши, которые, вырастая, становятся сильными и подвижными птицами. Маленькие птенцовые птицы способны летать уже через три недели.

Выводковые птицы гораздо менее заботятся о птенцах, которые по своему раннему развитию несколько похожи на детенышей жвачных млекопитающих. Высиживание происходит так же старательно, как и у птенцовых, но, как только детеныши освободятся от яичной скорлупы, и густой пушок, которым они покрыты, высохнет от теплоты матери, они вместе с ней уходят из гнезда и следуют за ней почти повсюду. Птицы, живущие на суше, тотчас начинают водить своих детенышей по полям и лесам, а плавающие почти всегда немедленно ведут их в воду. Однако и выводковые птенцы самостоятельно, без помощи матери, не в состоянии первое время просуществовать, и они требуют заботливого материнского ухода. Мать, а иногда и отец, повсюду сопровождают и водят их, когда нужно собирают к себе, согревают и защищают от многих угрожающих им опасностей.

Для защиты своих птенцов все птицы готовы к самопожертвованию. При виде врага они забывают о своей собственной жизни; все существо их тогда изменяется, у самых робких появ-

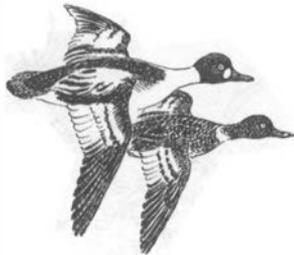
ляется мужество, а у кажущихся глупыми — изобретательность, и они прибегают к всевозможным хитростям, чтобы спасти своих детенышей. Мать, а иногда и отец, летают перед охотником, как будто с подстреленным крылом, беспрестанно опускаясь низко к земле. Завлекая врага все дальше и дальше от детенышей и подстрекая разными телодвижениями его жадность, они ждут, когда птенцы спрячутся. Тогда, стремглав, улетают обратно к ним, предоставив злому врагу бранить их за коварство. Таким образом, мы видим, что птенцы доставляют много забот родителям и у выводковых птиц, и у птенцовых.

Заботы родителей не кончаются тем временем, когда птенцы вылетают из гнезда или становятся настолько сильными, что могут прожить и без матери, умея, по крайней мере, отыскивать себе пропитание. Птицы после этого еще довольно долго обучают своих детенышей всем тем действиям, которые впоследствии им окажутся необходимыми. Считаю долгом здесь еще упомянуть, что у некоторых птиц детеныши становятся вполне самостоятельными тотчас после выхода из яйца; они вовсе не требуют заботы родителей, благополучно вырастают и, по-видимому, развиваются не хуже других.

Юность птицы оканчивается не тогда, когда она начинает летать, а лишь тогда, когда получит оперение, характерное для своего вида. У одних птенцов оперение значительно отличается от оперения взрослых, другие в молодости похожи на самку и различия, свойственные тому или другому полу, появляются гораздо позже. Некоторые хищные птицы должны прожить несколько лет, пока по внешнему виду не сделаются похожими на взрослых.

Продолжительность жизни птиц в известной степени зависит от величины их юношеского возраста. Можно сказать, что живут птицы долго, особенно хищные. Однако болезни и несчастные случаи прекращают их жизнь так же часто, как и у млекопитающих; большинство погибает от когтей и зубов какого-нибудь зверя. Хищные птицы умирают чаще всего от болезней и старческой немощи.

Птицы живут на всем земном шаре; их находили везде, куда только мог проникнуть человек. Они встречаются на покрытых льдом островах северного и южного полюса и в жарких экваториальных странах, среди моря и на высочайших вершинах гор, в плодоносных странах и в пустынях, в первобытном лесу и на голых скалах, окруженных со всех сторон морем. Каждый отдельный пояс имеет своих особых обитателей из класса птиц. Распространение птиц согласуется, однако, с общими законами о распространении животных по земному шару: в холодных поясах большое количество экземпляров, но ограниченное число

видов, а у экватора, напротив, большое разнообразие видов и разновидностей. Не только в каждом поясе, но и в каждой местности встречаются особые птицы, например, на равнинах живут другие птицы, чем в горах, а в безлесных местностях иные, чем в лесах. Изменения в климате и орошении в известной местности ведут за собою и изменения в фауне птиц, ее населяющих. На воде область распространения отдельных видов обширнее, чем на суше, где широкая река, морской пролив, горная степь могут сделаться границами распространения определенного вида птиц; но границы существуют и на море. Только очень немного птиц живет без исключения во всех районах земного шара.

Многие птицы по окончании насиживания и воспитания своих птенцов предпринимают странствования, которые могут быть более или менее далекими, в зависимости от их местожительства и принадлежности к тому или другому семейству и роду. Следует различать перелетных, странствующих и бродячих птиц. Перелетом называем мы такое передвижение, которое повторяется ежегодно в определенное время и всегда по одному и тому же направлению. Странствование — это перелет, совершаемый по необходимости, но не всегда в одном и том же направлении и не связанный с определенным временем. Бродячими называют тех птиц, которые делают короткие перелеты на незначительное расстояние, желая заменить прежнее местожительство другим, более удобным, или воспользоваться пищей, в изобилии находимой в известном месте.

Перелетные птицы осенью покидают наши леса и снова возвращаются к нам весной. Водные птицы улетают перед тем, как воды, дающие им пропитание, покроются льдом, и принуждают некоторых хищников следовать за своей добычей. Перелеты совершаются постоянно в южном направлении. Многие птицы, живущие в восточных частях материков, направляются на юго-запад, а живущие в западных частях, — на юго-восток. Направление это, впрочем, сильно зависит от положения родины и тех стран, которые служат им убежищем во время зимы. При перелете птицы пользуются руслами рек, текущими по направлению их пути, или удобно расположенными долинами; через высокие горы они пролетают по горным проходам, где часто собираются для отдохновения. Одни птицы летят попарно, другие — большими стаями; слабые и небольшие чаще всего ночью, а большие, сильные — днем.

Перелеты совершаются в большинстве случаев очень спешно, как бы под влиянием непреодолимого побуждения. Птицы, содержащиеся в клетках, начинают беспокоиться, когда приходит время перелета, даже в том случае, если они взяты из гнезда и воспитаны в неволе. Некоторые птицы улетают очень рано, дру-

гие гораздо позже, но всегда в определенное время, которое под-
вергается лишь немногим изменениям.

Странствование птиц может быть тем похоже на перелет, что оно часто происходит в определенное время. К странствующим птицам принадлежат многие виды, живущие на далеком севере, которые ежегодно передвигаются на небольшие расстояния, но не предпринимают далеких перелетов в более теплые и обильные пищей страны. Главной причиной этому служит наступающий или уже наступивший, а иногда только предполагаемый недостаток пищи. Птицы, которым снег на земле препятствует отыскивать корм, чаще странствуют, чем те, которые ищут пищу на ветвях деревьев. Виды, питающиеся ягодами и семенами, иногда несколько лет не появляются в средней Европе и показываются в большом числе только в урожайные годы. Трудно понять, как птицы узнают об этом, но наблюдения показывают, что они всегда собираются там, где есть для них обильная пища. В противоположность странствующим равнинным видам, птицы, живущие на вершинах гор, почти ежегодно осенью спускаются в долины, а весной снова возвращаются на высоты, так что эти странствования очень сходны с настоящими перелетами.

Бродячие птицы встречаются во всех странах земного шара. Они перелетают с места на место в течение всего года. Одни странствуют в тесных пределах, другие пересекают большие пространства. Самцы часто бродят, отыскивая самок, большие хищные птицы бродят в поисках добычи, а некоторые птицы, по-видимому, перелетают с места на место без всякой причины, только для удовольствия.

Совершает ли птица дальние перелеты или живет постоянно в одной стране, бродит ли она бесцельно из одной местности в другую или летает за пищей, родиной ее остается то место, где она любит и размножается: в этом смысле гнездо птицы может быть названо ее домом.

Считается, что птицы служат человеку только для удовольствия. Все у птиц нам кажется привлекательным: грациозность внешности, красивый цвет перьев, быстрота и проворство движений, приятный голос, незлобивый нрав, все эти качества располагают нас в их пользу. Древние жрецы многих пернатых считали священными, поэты воспевали и воспевают их в своих стихотворениях. Мы часто и охотно держим у себя в доме птиц, не получая от них никакой пользы, между тем отказываем в гостеприимстве многим млекопитающим, а пресмыкающихся и гадов даже прогоняем от себя из чувства отвращения. Вполне очевидно, что из всех представителей животного царства птицы — наши главные любимцы и баловни.

На самом деле жизнь птиц имеет очень большое значение для природы и благосостояния человека. Птицы образуют необходимое звено в ряду живых существ; они успешно восстанавливают равновесие в борьбе за существование остальных классов животного царства и охраняют природу от вреда, наносимого ей другими животными, главным образом насекомыми, сии последние уничтожили бы всю растительность, если дать им возможность беспрепятственно размножаться. Пользу птиц очень трудно с точностью вычислить и оценить, так как многие вопросы, относящиеся к этой области, еще не вполне ясны, но мы можем смело предположить, что птицы приносят нам более пользы, чем вреда; вот почему их следует беречь и о них заботиться. Люди кое-где относятся враждебно к птицам, уничтожают их гнезда, крадут яйца, ловят сетями, петлями и убивают из ружей. Однако вред, приносимый птицам охотой и ловлей, очень незначителен сравнительно с тем вредом, который мы им приносим, уничтожая леса и кустарники, превращая их в выгодные для нас нивы. Хлебопашество захватывает понемногу всякий кусок земли, годной для какой-либо обработки. Что случится, когда постепенно будут уничтожены все убежища птиц и те места, где они находят пищу и где вьют свои гнезда?

Забота о наших птицах должна выразиться главным образом в том, чтобы естественным или искусственным путем устраивать для них удобные места пребывания и гнездования: этим мы, по крайней мере, сохраним ныне живущих птиц. Журнал немецкого общества покровительства птиц в 1876 году поместил статью с подробным указанием, как следует разводить рощи для привлечения птиц. «Пусть каждый сажает и покровительствует всяким насаждениям, — пишет Болле, — не нужно много терпения, чтобы дожидаться благодетельного результата от увеличения числа деревьев и кустов. Время идет быстро, и удовольствие от этих насаждений только увеличивается, и каждая весна приносит новое наслаждение. Сажайте кусты и деревья, а птицы оживят и сохранят их!»

Следовательно, мы должны позаботиться об устройстве таких мест, где птицы могли бы удобно жить и наслаждаться. Вот в каком смысле я еще раз выскажу то, что давно повторял всем разумным людям: Берегите птиц!

ОТРЯД
СТРАУСООБРАЗНЫЕ
(Struthioniformes)

Семейство
страусовые

СЕМЕЙСТВО
СТРАУСОВЫЕ (Struthionidae)

Африканский страус (*Struthio camelus*) имеет следующие отличительные признаки: очень сильное тело, длинную, в большей своей части голую шею, маленькую плоскую голову, большие, блестящие глаза, на верхнем веке заметны ресницы; уши голые, открытые, внутри обросшие волосами. Клюв средней длины, прямой, округленный спереди, плоский на конце, снабженный роговым когтем: обе половинки клюва гибкие, ротовая щель доходит до самых глаз; ноздри продолговатые, открывающиеся приблизительно посередине клюва. Ноги у страуса высокие, сильные и голые, покрытые только на бедрах щетинами; плюсны в крупных чешуйках, лапы двупалые, внутренний палец которых вооружен большим широким и тупым когтем. Крылья довольно большие, но все же неспособные для летанья, снабженные двумя шпорами; маховые перья у них длинные, рыхлые, мягкие и висячие; хвост довольно длинный, состоящий из таких же перьев. Оперение всего тела довольно густое, мягкое и курчавое; на середине груди остается обнаженная роговая мозоль. У самцов все мелкие перья туловища угольно-черного цвета, длинные крыловые и хвостовые перья — ослепительно белые; голые части шеи ярко-красные; бедра мяско-красного цвета. Глаза карие; клюв желто-рогового цвета. У самок мелкое оперение буро-серое и только на крыльях и на хвосте черноватое; маховые и рулевые перья нечисто-белого цвета.

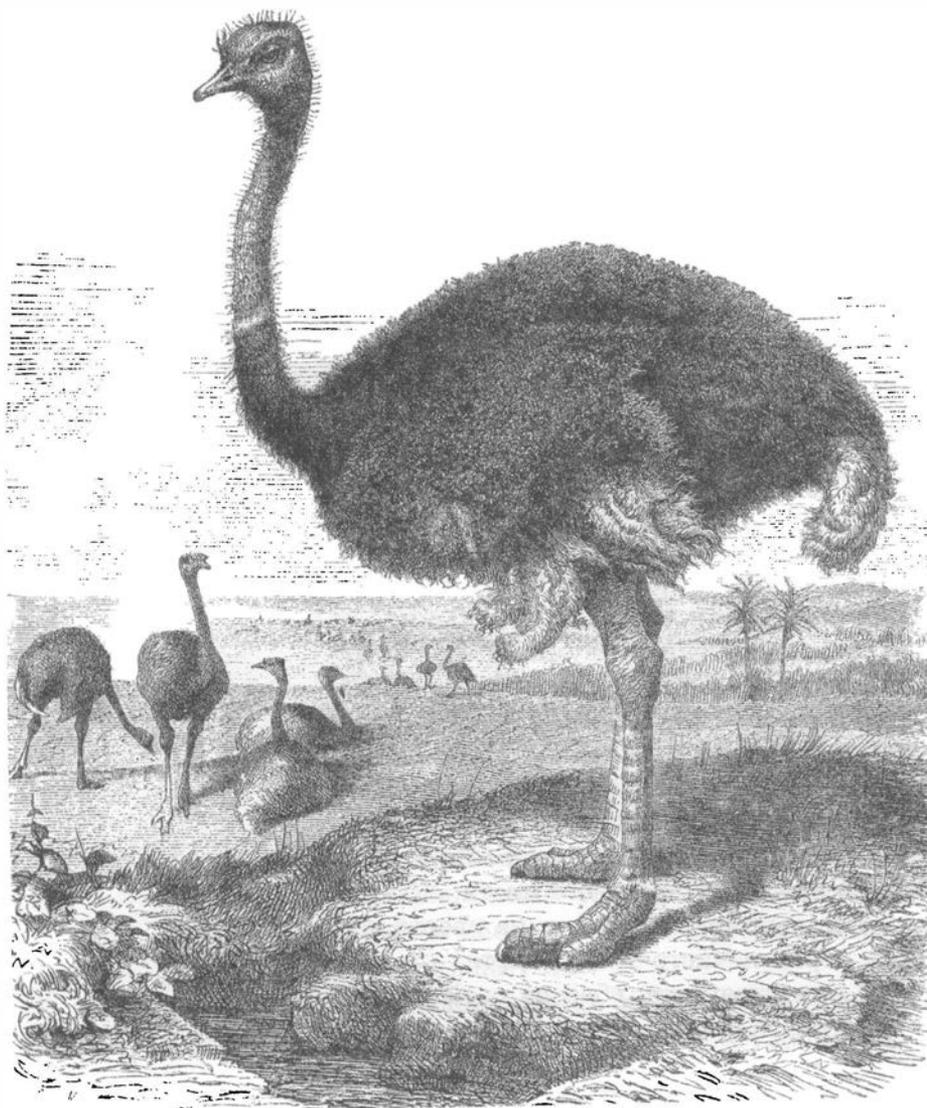
Молодые, недоразвитые еще страусята, сбросив свой птенцовый покров, получают такое же оперение, как у самок. Рост взрослого страуса-самца достигает в высоту приблизительно 2,5 метра, в длину, считая от кончика клюва до конца хвоста, по крайней мере 2 метра. Средний вес около 75 килограммов, доходит до 80—90.

Разумеется, что песчаные пространства пустынь, где нет никакой растительности, не могут прокормить страуса. Поэтому он встречается только в тех низменностях пустынного пояса, в которых растут хоть какие-нибудь скудные растения. Впрочем, следы этой птицы нередко можно встретить и на совершенно голых пространствах, так как страус, переходя из одной низменности в другую, пересекает такие места. Наступающая засуха принуждает

страусов покидать равнины и уходить в другие, зачастую очень отдаленные местности, переселяться даже на избегаемые ими в другое время высоты; необыкновенная подвижность птиц дает им возможность легко совершать подобные переселения. Даже в богатых растительностью степях, где бесконечные травяные пространства, перемешанные с поросшими кустарником низинами, во всякое время года доставляют обильную пищу, страусы ведут

все-таки кочевую жизнь, если только гнездование не приковывает их к определенному месту.

Некоторые путешественники говорят о значительных страусовых стадах, которые они встречали на своем пути. Обыкновенно страус живет маленькими обществами в 5—6 птиц или даже семьями, где больше самок, чем самцов. Такая семья занимает довольно обширное пастбище и держится на нем с постоянством. Первое условие, которому должно удовлетворять подобное место, это наличие воды. В пустынях, где находятся такие водные места, постоянно наталкиваешься если не на самих страусов, то на несомненные призна-

*Африканский страус
(Struthio camelus)*

ки присутствия птиц; их следы нельзя смешать с чьими-то другими следами. Страусы ходят на водопой постоянно одной и той же дорогой, так что вытаптывают настоящие тропинки, в необитаемых местностях они часто приводят в заблуждение — заставляют предполагать о прохождении здесь людей. Там, где разница между временами года не так резка, а потому и влияние их смены на растительный мир не столь велико, страусы, по всей веро-

ятности, из года в год держатся один раз избранной местности и редко удаляются за ее границы.

В утренние и полуденные часы все члены одного стада заняты пастьбой. Страусы спокойно расхаживают, блуждают по своему району, переходя от одного съедобного растения к другому. К полудню желудок их наполняется, и они предаются отдыху в течение нескольких часов, стоя на ногах или лежа на брюхе. А то бодро и неутомимо бегают кругами; иногда кружатся в каком-то сумасшедшем танце, причем приподнимают крылья и трепещут ими, будто собираются взлететь на воздух. Удручающая жара, по-видимому, нимало не отягощает их, раскаленный песок также не беспокоит.

Потом страусы отправляются на водопой, иногда даже купаются; сначала идут вброд по песчаной отмели, а затем уже на значительном расстоянии от берега погружаются в воду по шею, и в таком виде долго стоят в воде. В послеполуденные часы они опять пасутся, а к вечеру подыскивают себе подходящее местечко для ночлега; лежат с подогнутыми под брюхо ногами и спят, но ухо держат настороже. Перед непогодой они обыкновенно ложатся на землю. Вообще же страусы предпочитают находиться в движении, нежели в покое.

Сильные и ловкие ноги не вполне заменяют страусу крылья, однако делают его таким подвижным, что приходишь просто в изумление. При очень быстром беге страус распускает крылья, может быть не столько для равновесия, сколько вследствие возбуждения, которое овладевает им в этом случае и которое он выражает подобным способом.

Из всех чувств самое развитое у страуса, несомненно, зрение. Глаза его очень красивы и сила зрения положительно громадная. Все наблюдатели соглашались с тем, что поступки этой птицы свидетельствуют о ее прекрасном зрении, которое охватывает большие пространства пустынного местожительства. После зрения больше всего развиты слух и обоняние. Чувства осязания и вкуса чрезвычайно тупы, по крайней мере, судя по поведению птицы.

Об умственных способностях страуса существуют различные суждения; одни исследователи соглашались с Библией, где говорится, что Бог отнял у этой птицы мудрость и не наделил ее никаким разумом; другие прославляют ее ум, в особенности осторожность и робость. Я в продолжение нескольких лет имел дело со страусами и должен подтвердить библейское суждение. По моему мнению, страус принадлежит к самым глупым и тупоумным птицам, какие только существуют на этом свете. Трусость его не подлежит никакому сомнению: он поспешно удирает от всякого непривычного явления, но вряд ли способен оценить опасность по ее настоящему значению, потому что приходит в тревогу при виде даже самых безвредных для него животных.

К другим представителям своего вида он относится обыкновенно равнодушно, но в пору размножения или в раздраженном состоянии старается сорвать злость на ком попало и ужас-

нейшим образом обижает свою жертву без всякой причины и повода. Один ручной страус — самец, живший у нас и не успевший еще привыкнуть к самке, опасно ранил ее своими острыми когтями. Он бил ее ногой и притом с такою силой, что нанес страшную рану бедной самке. Нас он боялся не больше, чем животных, и когда находился в раздражении, нечего и думать показываться на одном с ним дворе без здорового кнута в руках. Мне не приходилось замечать, чтобы он отличал нас от чужих людей, хотя не хочу этим сказать, что страус не способен хоть малопомалу привыкнуть к окружающим его людям.

Главную, хотя вовсе не исключительную пищу страуса составляет растительность. На свободе он пасется подобно индюку, щиплет траву и зелень, подбирает с земли зерна, насекомых и маленьких позвоночных; в неволе проглатывает решительно все, что может схватить. Когда я в Хартуме терял что-нибудь не очень объемистое для страусового горла, то, прежде всего мы искали потерянное в страусовом помете, и очень часто не без успеха. Так, например, довольно большая связка моих ключей совершала, если я не ошибаюсь, несколько раз такую экскурсию в желудок страуса. Бертон при вскрытии одного страуса нашел в его желудке различные предметы весом в 4,228 кг; песку, пакли и тряпок было 3,5 кг, затем 3 куска железа, 9 английских монет, 1 медный шарнир, 2 железных ключа, 17 медных и 20 железных гвоздей, свинцовые пульки, бубенчики, кремь и прочее.

Мелких позвоночных страус ест охотно. Мои хартумские пленники съели несколько цыплят, неосторожно приблизившихся к ним; Мэтьюэнь наблюдал то же самое. «Одна утка вывела совершенно здоровую большую семью утят, которых с материнскою гордостью водила за собою по птичьему двору. Здесь они встретились со страусом, он важно расхаживал по двору, а затем одного за другим, быстро проглотил всех утят, как будто это были устрицы». Гейглин не без основания причисляет всех пресмыкающихся, молодых птиц и степных крыс к обычному корму страусов.

Не подлежит сомнению, что страус, подобно верблюду, может пробыть несколько дней и без воды; но обыкновенно он ежедневно ходит на водопой к источникам или просто лужам и пьет с такою жадностью, что даже забывает присущую ему робость. «Когда страусы пьют у источника, — говорит Андерсон, — они как будто ничего не видят и не слышат. Во время нашего пребывания у такого источника, где я в короткое время убил 8 штук этих великолепных птиц, они регулярно появлялись там каждый полдень, и хотя я не мог подкрасться к ним незамеченным, они все-таки подпускали меня на выстрел и отступали неторопливо шаг за шагом».

Шпарраман был первым натуралистом, который дал описание размножения страуса на основании собственных наблюдений. «Сегодня, — рассказывает он, — мы спугнули одного страуса-самца с его гнезда, находившегося среди открытого поля и со-

стоявшего просто из голой земли, на которой и лежали врассыпанную яйца. Таким образом, страус не предоставляет одному солнцу вывести его птенцов, а сам сидит на яйцах, по крайней мере, он поступает так в этой части Африки. Из некоторых обстоятельств можно заключить, что самец и самка насиживают по очереди. Настоящее количество яиц, составляющих обычную кладку страуса, я не берусь определить с точностью. В этот раз мы нашли всего 11 штук яиц; все они были свежи и количество их, по всей вероятности, умножилось бы, так как в другой раз мои готтентоты опять согнали страуса и нашли у него в гнезде 14 яиц, из которых большую часть принесли мне, прочие же оставили, считая их уже не свежими. Таким образом, можно предположить, что страус кладет 16, 18, даже 20 яиц».

Лихтенштейн подробнее описывает размножение страусов. Сообщив предварительно, что в птенцовую пору живут вместе никак не больше 4—5 страусов, т. е. при одном самце 3—4 самки, он продолжает дальше: «Все самки кладут яйца в одно и то же гнездо, которое представляет собою не что иное, как простое круглое углубление в несколько разрыхленной глинистой почве, как раз таких размеров, что при высиживании птица совершенно покрывает его своим телом. Вокруг всего гнезда они выкапывают ногами нечто вроде вала, к которому и прислоняются яйца, располагаясь, таким образом, в виде круга. Каждое яйцо стоит в гнезде на кончике для того, чтобы их поместилось там возможно большее количество. Как только в гнезде накопится 10 — 12 яиц, страус начинает насиживать попеременно с самками: днем самки сменяют друг друга, а ночью насиживает один самец, чтобы защищать гнездо от нападения шакалов и диких кошек, которые жадно охотятся за страусовыми яйцами. Между тем самки продолжают нести яйца во время насиживания, и не только до тех пор, пока гнездо наполнится, т. е. когда там будет лежать 30 яиц, но даже и дольше. Эти, после снесенные яйца, лежат вокруг гнезда уже в беспорядке и, по-видимому, самой природой назначены для удовлетворения хищного аппетита упомянутых врагов, так как страусы охотнее уступают эти свежие яйца, чем уже насиженные. Помимо того, эти яйца имеют еще другое значение, они служат первой пищей молодых страусов, которые, только вылупившись, уже имеют величину обыкновенного петуха, но еще не способны своим нежным желудком переваривать твердый корм. Родители сами раздавливают для них одно яйцо за другим и в короткое время птенцы так успешно развиваются на этом питательном корме, что вскоре сами становятся в состоянии добывать себе пищу на полях.

Страусы прилагают большие старания, чтобы скрыть то место, где находится гнездо. Они никогда не бегут прямо к нему, а колесят сначала вокруг да около. Кроме того, при высиживании птицы никогда не сменяют друг друга непосредственно, а предварительно удаляются с того места, где находится гнездо, чтобы не

подстерегли их там, или же сменяются так быстро, что случайный наблюдатель никогда не может застать их вместе. Днем они совсем покидают гнездо и предоставляют солнцу дальнейшее высиживание. Как только они заметят, что гнездо их открыто, что там побывал человек или какое-нибудь хищное животное и трогал яйца или даже унес несколько штук, они тотчас же сами разоряют гнездо, растаптывают все яйца и устраивают новое гнездо в другом месте. Поэтому, если гнездо находят колонисты, то они довольствуются только одним или парой яиц из тех, которые лежат около гнезда и еще не насижены, затем тщательно замечают следы своих ног. Таким образом, превращают подобное гнездо в настоящую кладовую очень приятных питательных продуктов, откуда каждые 2—3 дня берут столько яиц, сколько требуется для дома. В зимние месяцы (июль, август, сентябрь) чаще всего можно найти страусовые гнезда. Но в это время почти никуда не годятся чудные перья этой птицы, которые при высиживании касаются земли и портятся. Впрочем, я находил страусовые гнезда и насиженные яйца во все времена года».

Если разобраться в сущности этих сообщений, то окажется, что в одно гнездо кладут яйца несколько самок, но высиживает их самец, а не самки, которые лишь в самых исключительных случаях предаются этому занятию. Смотря по местности, пора размножения наступает то немного раньше, то позже, но всегда и повсюду вскоре после наступления весны, когда для молодого выводка уже готовы обильные пастбища.

Самец ухаживает за самкой с приподнятыми и трепещущими крыльями, делая разнообразные прыжки и фигуры, о чем еще будем говорить дальше подробнее, и затем топчет ее в сидячем положении. После изрядного промежутка времени самка кладет свое первое яйцо, а затем кладка идет с промежутками в два дня, пока не закончится. Тогда начинается насиживание, большей частью самцом; он вообще не допускает самок до яиц или, если и разрешает им насиживать, то лишь на время, пока сам удаляется для поиска необходимого пропитания.

Страусовые яйца бывают различной величины, но они, безусловно, крупнее, чем у всех других птиц. Размер вдоль яйца колеблется между 140—155 мм, поперек в наиболее широком месте — между 110 и 127 мм. О птенцах я могу говорить по собственным наблюдениям, так как однажды имел одновременно целый десяток молоденьких страусов, ухаживал за ними и изучал их. По уверению суданцев, принесших их мне, все они были однодневного возраста; по крайней мере, эти люди уверяли, что птенцов старше одного дня невозможно поймать. Вылупившись из яйца, они тотчас же с ловкостью и проворством выбегают из гнезда и скоро начинают добывать себе пищу. Когда мои маленькие пленники достигли 14-дневного возраста, они стали такими самостоятельными, что почти уже не нуждались в руко-

водстве родителей. Тем не менее, нам известно, что родители, или, по крайней мере, отец, заботливо за ними ухаживают.

Еще во время насиживания страус храбро выступает даже против относительно сильных врагов и прибегает к всевозможным уловкам, чтобы прогнать непрошеного, опасного гостя. Андерсон рассказывает о встрече с одной страусовой семьей во время охоты на них. «Как только старые птицы заметили наше намерение, они пустились в поспешное бегство, самки впереди, затем птенцы и, наконец, самец, который замыкал бегство на некотором расстоянии от остальных. Было, право, что-то трогательное в тех заботах, которые родители проявляли по отношению к своим птенцам. Заметив, что мы приближаемся к ним, самец вдруг отстал от других и переменял направление; но так как мы не оставляли своего намерения, то он опять ускорил бег, свесив крылья так, что они касались земли, и стал колесить вокруг нас, опиная сначала широкие, а потом все более и более узкие круги до тех пор, пока не приблизился к нам на пистолетный выстрел. Затем он неожиданно бросился на землю, подражая приемам тяжело раненной птицы, и притворился, будто силится, чтобы снова подняться на ноги. Я уже стрелял в этого страуса и думал, что он действительно ранен, поэтому поспешил к нему. Но скоро убедился, что это было с его стороны только притворство. Едва я приблизился, как он медленно поднялся и побежал в противоположном направлении от самки, которая тем временем значительно опередила нас со своими птенцами».

Если страусу предоставить достаточное пространство для свободного движения, то он без всякого огорчения переносит неволю, и, как уже сказано, настолько привыкает к известному месту, что его можно совершенно спокойно выпускать на свободу пастись и брать с собой в дорогу. Дюверье видел по дороге в Рат, в стране Туарегов, как один ручной страус следовал за караваном. Во время остановок, для того чтобы птица не убежала, на ноги ей наворачивали путы, какие обыкновенно носят верблюды на пастбище; в прочее же время ее оставляли без всякого присмотра, и она постоянно появлялась всюду вместе с верблюдами, уже без всяких пут на ногах. В Судане никто не помышляет о том, чтобы сделать их домашними животными или утилизировать каким бы то ни было образом; их держат единственно ради удовольствия и не прилагают ни малейшего труда, чтобы разводить или извлекать денежную пользу из их перьев. Только в новейшее время от них стали получать барыши, достигнув успеха в попытке их размножения.

Страусов ревностно преследуют по всей Африке. Бедуины считают страусовую охоту за одно из самых благородных удовольствий, так как те трудности, с которыми она сопряжена, и составляют особую прелесть для людей подобного рода.

Североафриканские арабы весьма точно различают страусов по полу и возрасту. Взрослый самец называется «эдлим» (со-

всем черный), самка же — «рибеда» (серая), а птенец — «эрмуд» (буроватый). Так как главную цель охоты составляет добывание перьев, то и предметом преследования служит преимущественно и почти исключительно эдлим. Но этим наносится чувствительный вред размножению страусов.

По сообщениям Тристрама я сужу, что и в северной Сахаре охотятся точно таким же способом, как в Бауде или в степях Кордофана. Охотники выезжают в пустыню или степь на быстрых конях или на отличных верблюдах и разыскивают страусовое стадо. На некотором расстоянии следуют несколько верблюдов, нагруженных кожаными мехами с водой; их погонщики держатся в продолжение всей охоты по возможности вблизи охотников. Напав на след дичи, охотники до тех пор скачут за стадом, пока какой-нибудь осторожный эдлим своим примером не подаст сигнал птицам к бегству в разные стороны. Тогда, разбившись на группы в два или три человека, охотники выбирают самца и скачут за ним во весь галоп. Один охотник следует за птицей, а другой старается перерезать ей путь и, в случае удачи, продолжает преследование. Тогда первый охотник бросается наперерез. Таким образом, они постоянно меняются ролями до тех пор, пока окончательно не измучают бегущего во весь дух страуса. Обыкновенно охотники настигают птицу уже по прошествии часа; тогда, заставив лошадь сделать последнее усилие, они наносят птице сильнейший удар по шее или по голове, который сваливает ее на землю. Тотчас же вслед за этим один из охотников соскакивает с лошади и с обычным в таком случае возгласом: «Во имя Бога Всемилостивого, Бога Великого» перерезает птице шейную артерию, а для того, чтобы перья не запачкались кровью, затыкает рану когтем ноги. Когда птица истечет кровью, охотники сдирают с нее шкуру, выворачивают ее и используют в качестве мешка для хранения красивых перьев. От мяса отрезают лишь столько, сколько требуется в данное время; остальное вешают для вяленья на дерево, и им пользуются проезжие путники.

Несколько часов охотники отдыхают сами и дают отдохнуть своим лошадям после утомительной жаркой охоты. Тем временем подходят верблюды, и экспедиция, обремененная добычей, возвращается домой. Здесь перья сортируют по их достоинству. В отдельный пучок связывают драгоценные белые перья, которых у взрослого страуса бывает самое большое 14 штук, и до выгодной продажи хранят их.

Андерсон рассказывает, что в некоторых странах на юге Африки на страусов охотятся даже пешком, и что он сам видел на озере Нгами бушменов, охотившихся таким образом. Они большей частью окружают целое стадо и обыкновенно с криком и гамом загоняют испуганную птицу в воду. Кроме того, охотники подстерегают страуса на гнезде или около воды, а также, по словам Моффа, отправляются в стада пасущихся страусов, приняв

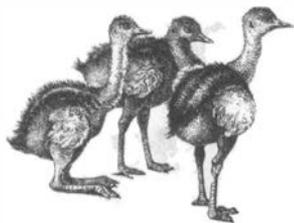
предварительно вид этих птиц. Для этой цели они набивают соломой плоскую двойную подушку, придают ей форму седла, покрывают перьями. Затем берут отрубленную страусовую голову вместе с шеей и натягивают на палку, обернутую соломой. Охотник надевает покрытое перьями седло себе на голову, окрашивает ноги в белый цвет, в правой руке держит голову, а в левой — лук. И в таком виде отправляется к стаду страусов, поворачивая время от времени надетой на палку головой, подобно тому, как это делает озирающаяся птица, и потряхивает своим перистым седлом. Иногда этот обман так удается, что некоторые страусы сами подходят к мнимой птице, намереваясь затеять с нею драку.

Цена на страусовые перья, смотря по моде, подвергается сильным колебаниям; да и не все области доставляют одинаково ценный товар, так как белизна перьев зависит от климата и почвы местности. Самыми лучшими считаются перья, которые получают от страусов, живущих в Сирийской пустыне. За ними следуют по порядку перья от страусов из Сахары, Сенегальских степей, с берегов Нила, из Марокко, южной Африки и южной Аравии. Перья, снятые с домашних страусов, считаются менее ценными, чем те, которые получают с диких. На севере Африки за страусовую шкуру с перьями платят до сотни испанских талеров; внутри же континента ее можно купить по более сходной цене. Один килограмм лучших белых крыловых перьев стоит уже в Судане 1000—1200 марок, более короткие белые маховые и надхвостные перья обходятся в четверть этой цены, а стоимость черных спинных перьев редко превышает 50 марок за 1 кг. Перья капландских страусов ценятся дешевле.

Яйца страусов во всей южной и средней Африке употребляются главным образом в качестве сосудов. Их окружают легким плетеньем и вешают в жилищах или берут с собою в путешествия. Страусовые яйца и мясо употребляются в пищу всеми туземцами. По словам Буршеля, обычный у готтентотов способ приготовления этих яиц очень прост. На конце яйца в скорлупе просверливают маленькую круглую дырочку и посредством гибкого прутика взбалтывают содержимое яйца; затем ставят яйцо на огонь, время от времени помешивая внутри до тех пор, пока белок не свернется. У молодых страусов мясо чрезвычайно нежное и вкусное; у старых более твердое и напоминает говядину.

Семейство страусовые

ОТРЯД НАНДУОБРАЗНЫЕ (Rheiformes)

СЕМЕЙСТВО НАНДОВЫЕ (Rheidae)

Обыкновенный нанду (*Rhea americana*). У этой птицы перья на верхней части головы, шеи, затылка и передней части груди черные, так же как и щетинки на уздечке; середина шеи желтая; голова, щеки и нижняя часть шеи светлее, свинцово-серого цвета; спина, обе стороны груди и крылья буровато-серые. Голые части лица мясного цвета, клюв серо-рогового, а ноги серого. Глаза жемчужного цвета. Самка отличается более светлой окраской перьев на затылке и передней части груди. У самцов размеры следующие: длина 1,5 м, размах крыльев около 2,5 м. Старая самка, исследованная принцем фон Вид, имела 1,38 м в длину и 2,2 м в размахе крыльев.

Область распространения нанду занимает степные пространства Южной Америки. Родиной его следует считать пампасы между Атлантическим океаном и Кордильерами, к югу от лесов Бразилии и до Патагонии включительно. Как настоящая степная птица, нанду избегает гор и девственных лесов; впрочем, в холмистых местностях он так же часто встречается, как и на равнинах, и охотно посещает редкие в травяном море миртовые и пальмовые рощи. Среди пампасов и степей мало мест, где бы совершенно не было нанду.

Один самец живет одновременно с пятью или семью самками отдельным семейством и защищает выбранную им местность от вторжения других птиц этого же рода. Впрочем, после птенцовой поры несколько семей нанду соединяются вместе, и в такое время случается видеть целые стада, состоящие из 60 и более экземпляров.

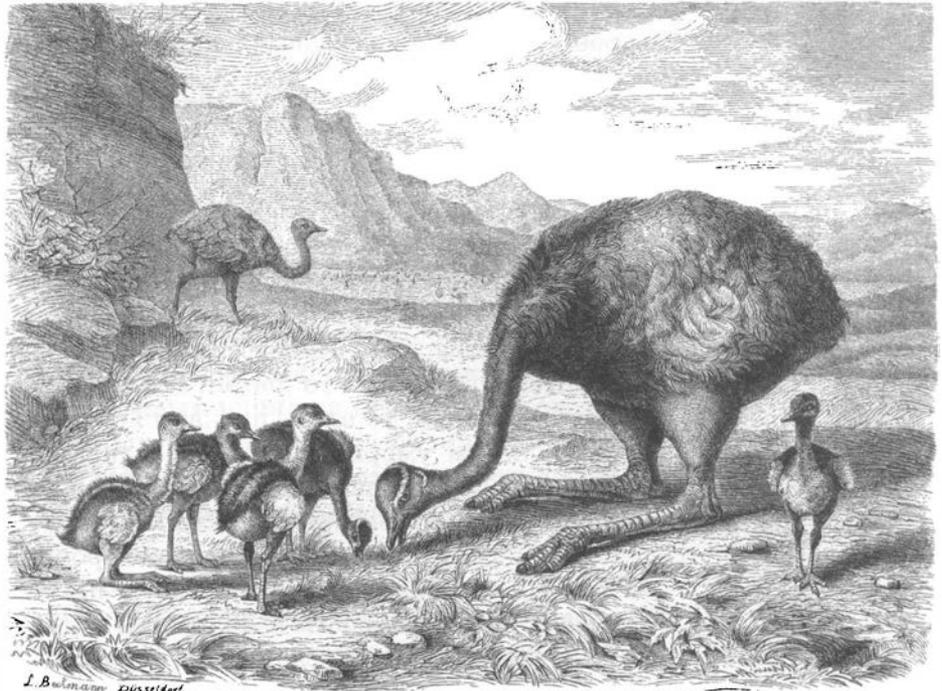
Нанду превосходный бегун, который может утомить и сбить с толку самую лучшую лошадь, потому что он не только быстро бежит, но в то же время делает с поразительной ловкостью самые удивительные прыжки. В пору любви становится особенно оживленным, день и ночь находится в движении. Во время засухи он подобно всякому другому животному в полдень три-четыре часа проводит на отдыхе, однако с наступлением прохладной ночи

наверстывает потерянное время, хотя и считается настоящим дневным животным. Его обыкновенный шаг, по Беккингу, равняется 50—60 см; когда он шагает, распустив крылья, то размер каждого шага достигает целого метра; во время преследования делает прыжки в 1,5 м и так быстро переставляет ноги, что нет никакой возможности различить отдельные шаги. Убегая от охотников, нанду, зачастую, неожиданно сворачивает с прямой линии под углом в 20—25 градусов, при этом высоко поднимает одно крыло, а другое поджимает. А затем опять, как сумасшедший, пускается бежать дальше. Расщелины шириной в 3 м он перепрыгивает без малейшего напряжения, только на один момент, перед прыжком, вспархивая крыльями. Однако крутых берегов старательно избегает, так как ему трудно на них взбираться. Дарвин сообщает, что он два раза видел, как нанду переплывает реку Санта-Марта.

Название этой птицы, данное ей индейцами, выражает собой тот далеко разносящийся призывный звук, который издает самец во время токования. А после любовной поры оба пола издают свистящий звук, то усиливающийся, то понижающийся, которым они, очевидно, созывают друг друга. Птенцы пищат,

как молодые тетерева. В гневе нанду фыркают весьма странным способом, не поддающимся описанию.

За исключением вкуса все внешние чувства нанду остры; их умственные способности также нельзя назвать ничтожными. По словам Беккинга, эта птица умеет тонко наблюдать все происходящее и отлично приспосабливается к обстоятельствам. Вблизи жилища миролюбивых колонистов, которые никогда не трогают нанду, он становится таким доверчивым, что разгуливает среди лошадей и рогатого скота, а от людей и собак сторонится разве только с дороги. Зато он со страхом бежит от гаучо и пускает в ход всю свою хитрость, чтобы избежать его взоров. Эту птицу никогда не заметишь около жилищ туземцев, разве только в некотором отдалении, среди их скота. Гораздо чаще нанду можно

Обыкновенный
нанду
(*Rhea americana*)

Семейство нандовые

встретить среди стада робких пампасовых оленей. Как нанду, так и олени попеременно поднимают вверх головы, чтобы осмотреться и, почуяв малейшую опасность, бегут по одному и тому же направлению. Толпа индейцев приводит нанду в неопиcуемый ужас; он бежит от нее без оглядки, зачастую по целым часам, заражая своим страхом другие стада, которые тоже пускаются в бегство, увлекая за собою даже лошадей и рогатый скот.

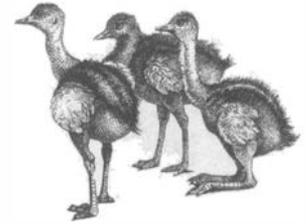
Охотник подползает к птице с подветренной стороны и, лежа на брюхе, размахивает в воздухе платком, привлекая этим ее внимание. Будучи до крайности любопытной, она не в состоянии противостоят соблазну, ближе ознакомиться с неизвестным явлением. Любопытство превозмогает подозрительность, и охотнику скоро предоставляется возможность видеть, как вся семья, с самцом во главе, вытянув шеи, осторожно выступает ему навстречу. При этом нанду случайно отклоняются от цели, сворачивают немного в сторону или останавливаются на короткое время, даже пасутся; но если охотник из терпеливых, то он все-таки дожидается, когда птицы, в конце концов, подойдут к нему на расстояние нескольких шагов.

С наступлением весеннего времени в южном полушарии, то есть в октябре, самец-нанду, который уже на втором году своей жизни становится способным к размножению, собирает около себя обычно от трех до семи самок, в редких случаях больше, и выгоняет из своего округа всех других самцов, наделая их ударами клюва и крыльев. Перед самками он выделяет самые странные телодвижения: то шагает взад и вперед, широко распутив и свесив крылья, то вдруг пускается вскачь с поразительной ловкостью. Затем умеряет шаг, и с сознанием собственного достоинства гордо выступает вперед, или неожиданно приседает к земле, а затем снова повторяет прежнюю игру. При этом он испускает глухой, ревуший крик — вообще проявляет заметное возбуждение. На свободе у него в это время иногда является желание показать свою храбрость и подражаться с другими самцами.

Гнездо нанду представляет собой плоское углубление, устраивается оно в сухих местах, не подверженных наводнению, по возможности скрытых, заросших чертополохом или высокой травой. В большинстве случаев нанду пользуются углублениями, образуемыми в земле спинами диких быков, которые, желая отделаться от мучащих их личинок, ложатся на землю и, при помощи задних ног, вертятся на месте. Если подобного углубления не найдется, то самец нанду выкапывает его сам в подходящем месте. Вырывает оттуда ненужную траву, затем выстилает дно и стенки несколькими стебельками и предоставляет самке возможность положить туда от 7 до 23 яиц*. Около гнезда, на расстоянии пятидесяти шагов, можно найти другие разбросанные яйца, так называемые подкидыши, которые всегда свежее гнездовых.

Яйца бывают самых разных размеров, от величины гусиных до 13 см в долеом разрезе. Окраска их матовая желтовато-бе-

* Нанду — полигамные птицы. Один самец имеет несколько самок, в гнездо, которое он построит, самки откладывают каждая по несколько яиц, в результате чего получается такая большая кладка.

лая; узор состоит из мелких зеленовато-желтых крапинок, окружающих большие поры. Но едва яйца подвергнутся действию солнечных лучей, как быстро линяют и уже через неделю становятся совершенно белоснежными. Когда гнездо наполнится, самец принимается за высиживание. Самки отдаляются от него, хотя все еще держатся в границах своего прежнего округа, отвоёванного самцом. Нанду насиживает всю ночь и в утренние часы, до тех пор, пока не высохнет роса. Он покидает гнездо, смотря по погоде, в разное время и уходит пастись. Вначале самец сидит не особенно старательно, при всяком подозрительном шуме тихонько соскальзывает с гнезда и остается в стороне, пока опасность не минует. Но под конец он высиживает весьма усердно и сходит с гнезда только перед самым носом всадника, чем почти всегда пугает лошадь. При таких переполохах случается, что одно-другое яйцо раздавится или вывалится из гнезда, хотя вообще самец обращается с яйцами в высшей степени бережливо.

В Южной Америке первые нанду вылупливаются в начале февраля, на севере немного раньше, на юге — позже. Они вырастают удивительно быстро и уже через две недели достигают 50 см высоты. На третьем или четвертом дне от роду они бегают уже до того быстро, что ни один человек не в состоянии догнать их в открытом поле; более ранних поймать нетрудно, так как при преследовании они плотно прижимаются к земле. Приблизительно в течение пяти недель птенцы следуют только за одним отцом, но мало-помалу, к семье присоединяются и самки. Осенью молодой нанду меняет свой пуховый наряд на первое грязновато-желто-серое оперение. Молодых самцов можно отличить от самок по более крупному росту; но в каждом стаде встречаются хилые птенцы, которые бросаются в глаза своей физической недоразвитостью.

Беккинг считает за предельный возраст нанду 14—15 лет, и полагает, что многие из них умирают просто от старческой немощи. Он это судит на основании того, что в зимнее время ему случалось встречать отдельных птиц, застигнутых смертью, между тем никаких следов — ни внешних ранений, ни внутреннего отравления — на них не было. Среди животных у нанду мало опасных врагов; разве что взрослого нанду может подхватить кугуар, а птенца утащить лисица или орел; впрочем, эти случаи очень редки; не часто встречается и разграбление гнезда.

Индейцы без церемоний подбирают все яйца нанду, так как каждое оценивается в 15 штук куриных яиц. Они вскрывают острый конец, выпускают белок, имеющий неприятный вкус, кладут внутрь немного жира, перцу, соли и варят желток в скорлупе, постоянно помешивая. Чтобы сварить яйцо вкрутую, как это делают обыкновенно европейцы, требуется целых 40 минут. Мясо нанду грубо на вкус, подобно лошадиному. Но все же индейцы охотно едят его, тогда как европейцы употребляют только нежное

*Семейство
нандовые*

мясо молодых птиц. Кроме мяса употребляется свежий жидкий жир; к сожалению, он скоро портится, а в прогорклом виде не годится даже для смазки. Из шейной кожи птиц индейцы готовят маленькие мешочки для домашнего употребления. Из очень гибких перовых стволов, с которых сдирают бородки, мальчики делают петли для ловли скрытохвостых кур; взрослые плетут из них отличные прочные сбруи, а также красивые коврики. Кроме того, перья служат для метелок, а самые лучшие и длинные — для украшения.

Охота на нанду ведется различными способами. Индейцы и гаучо преследуют их на лошадях и убивают посредством лассо или травят собаками не столько для того, чтобы добыть дичь, сколько ради удовольствия испытать быстроту бега и выносливость лошади или меткость своего глаза и верность руки. На такую охоту собираются несколько всадников. Они выслеживают птицу, с подветренной стороны шагом приближаются к ней настолько возможно, затем пускают лошадь рысью и скачут до тех пор, пока нанду не придут в беспокойное состояние. Охотники стараются отделить от стада одну птицу, которую и преследуют. Они в короткое время настигают ее, и тот всадник, который скачет по левую сторону, бросает лассо на шею птицы; через минуту нанду, похожий на колоссальный шар из пера, валится на землю и, затягивая веревку на шее силой своего падения, погибает. Если первый всадник промахнется, то лассо бросает другой, и, если затравленной птице не удастся добраться до болота, в которое лошадь не пойдет, или до кустов, где нельзя бросать лассо, то она обязательно погибнет. Охота с огнестрельным оружием требует надежных, опытных стрелков. Нанду очень живучи и зачастую с пулей в теле убегают от охотника. Раненый нанду следует за своим стадом, пока в состоянии это делать; когда силы оставляют его, он падает в стороне и умирает.

ОТРЯД
КАЗУАРООБРАЗНЫЕ
(Casuariiformes)

Семейство
казуаровые

СЕМЕЙСТВО
КАЗУАРОВЫЕ (Casuariidae)

Шлемоносный казуар (*Casuarius casuarius*). Казуары отличаются волосистым оперением. Клюв у них прямой, по сторонам сжатый, так что кажется кругловатым, на спинке выпуклый. Перед немного крючковатым концом клюва, сверху и снизу, замечаются зубцы. Ноздри, бороздки которых занимают почти весь клюв, открываются у самого его кончика; они довольно малы и продолговато-овальной формы. Голова снабжена костяным шлемом, который у всех до сих пор известных видов имеет различное устройство. Шея в верхней половине голая и весьма яркого цвета, спереди же обыкновенно имеет один или два кожистых нароста. Короткие толстые ноги трехпалые; когти внутренних пальцев более чем вдвое длиннее когтей других пальцев. Короткие крылья не имеют настоящих маховых перьев; на их месте замечается пять круглых стволов без боронок, которые походят на роговые шипы; настоящих рулевых перьев тоже нет. Покров тела скорее похож на волосы, чем на перья, так как короткие, жесткие бороны торчат раздельно и не имеют боковых волокон. Шлем образуется из возвышения лобной кости и покрыт роговой массой. Никакого различия между полами в глаза не бросается; птенцы отличаются в окраске и тем, что шлемовой нарост у них только чуть-чуть обозначен.

Все путешественники, которые хоть что-нибудь могли сообщить о жизни казуара на воле, соглашаются с тем, что они, в противоположность своим родичам, населяют дремучие леса, да и здесь ведут самую замкнутую жизнь, при малейшей опасности тотчас же убегают и тщательно избегают людских взоров. На малонаселенных островах они не только не редки, но даже скорее обыкновенны, хотя попадаются всегда поодиночке. Миллер ни разу не имел случая видеть в Новой Гвинее казуара, хотя и находил его следы и даже слышал шум от бежавшей в кустах птицы. Уэллс тоже не мог добыть на Цераме ни одного казуара, но они встречались во всех посещенных им местах. От него мы узнаем только следующее: «Эти птицы странствуют по дремучим гор-

ным лесам, покрывающим остров Церам, и питаются преимущественно опавшими плодами, насекомыми и ракообразными. Самка кладет 3—5 больших красиво-зернистых, зеленых яиц на подстилку из листьев; самец и самка насиживают оба, попеременно, в течение целого месяца». Насколько последнее указание справедливо, я не могу сказать: остается лишь пожалеть, что Уэллс приложил так мало труда, чтобы обогатить науку более обстоятельными сведениями.

Все казуары, привозимые в Европу, ловятся туземцами еще птенцами. Этим, по всей вероятности, и объясняется, почему большая часть их оказывается относительно ручными, кроткими и

доверчивыми, тогда как их природному нраву свойственны как раз противоположные качества. Люди рассказывали, что старых казуаров поймать решительно невозможно, так как они крайне пугливы, при малейшем шуме убегают и, благодаря своей способности быстро и выносливо бегать, скоро добираются до чащи, куда не в состоянии проникнуть человек.

По своей походке казуары существенно отличаются от других страусов. Они не бегают, а передвигаются трусцой, держа туловище в горизонтальном положении; причем из-за удлиненных перьев надхвостья птица кажется выше сзади, чем спереди. Казуары следуют один за другим не особенно быстро, но если им действительно приходится от чего-либо убежать, то несутся с поразительной быстротой, де-

Шлемоносный казуар
(*Casuarius casuarius*)

лая при этом удивительно ловкие повороты и прыжки иногда в 1—1,5 м высоты. Казуары отлично плавают.

Голос птицы можно сравнить со слабым, горловым звуком «хууу-хуу-ху». Этот звук выражает хорошее расположение духа, тогда как в раздраженном состоянии казуар фыркает наподобие кошки или совы. Из органов чувств на первом месте стоит, несомненно, зрение; затем более всего развит слух, да и обоняние довольно хорошее. Обладает ли казуар развитым вкусом, решить трудно; относительно осязания и способности ощущать температуру можно сказать лишь то, что эти чувства у казуара существуют.

Я считаю казуара гораздо умнее и злее прочих страусов. Всякое необыкновенное происшествие приводит его, если не в ужас, то в возбуждение, которое переходит буквально в ярость. Тогда он беспощадно нападает на противника, все равно — будь это человек или животное, яростно насккивает и старается нанести удары, как клювом, так и ногами с острыми когтями. Совершенно так же поступает птица в пору размножения. Сторожа Лондонского зоологического сада знают по опыту, что с казуарами надо держаться крайне осторожно, так как самка после спаривания зачастую с яростью набрасывается на самца, и не раз случалось, что эти злые существа даже убивали своих самцов. Некоторые до такой степени неистовствуют в это время, что озлобляются решительно против всех и каждого, кто им подвернется на глаза: набрасываются на людей, одетых в пестрое платье, угрожают детям и в своей слепой ярости даже расщепляют и обдирают деревья. Во всех зоологических садах, где помещаются казуары, сторожа боятся этих грозных птиц гораздо больше, чем больших кошек: по крайней мере, у этих последних гневное настроение можно узнать по выражению лица и вовремя остеречься, тогда как казуар приходит в раздражение ни с того ни с сего, и от него каждую минуту можно ожидать какой-нибудь скверной выходки.

Эту птицу следует причислить к растительноядным, хотя они не совсем пренебрегают и животной пищей. Гааке нашел, что в лесах Новой Гвинеи казуары питаются главным образом нежными плодами, зерна которых попадались не переваренными в их помете. В особенности они любят багряно-красные плоды одной пальмы.

Относительно размножения казуары ничем особенным не отличаются от настоящих страусов. В неволе казуары зачастую кладут яйца, но лишь в немногих зоологических садах удалось вывести птенцов. Величайшее препятствие для размножения заключается в неуживчивости самих птиц. Редко можно найти пару, которая жила бы в мире.

Молодой казуар представляет собой милейшее создание, как по внешнему виду, так и по своему нраву и привычкам. Его пуховой наряд светло-желто-бурого цвета с темно-бурыми долевыми полосами; узор состоит из широкой средней полосы и узких боковых полосок, которые идут вдоль всего тела, одна полоска пробегает и по ногам. Шлем обозначен лишь в виде кожаной пластинки. В первый день своего появления на свет птенец плохо держится на ногах, боязливо переступает ими и сильно покачивается на бегу. На следующий день все движения приобретают большую твердость, и птица подает уже голос, похожий на писк маленького цыпленка, вроде «глю-глюк-глюк». Своими привычками и нравом он напоминает молодого цыпленка. Отец обращается с ним в высшей степени заботливо, при ходьбе осторожно под-

нимают и опускают свои ноги, предварительно осматривается, чтобы не повредить птенца. По ночам отец заботливо прикрывает его своим телом.

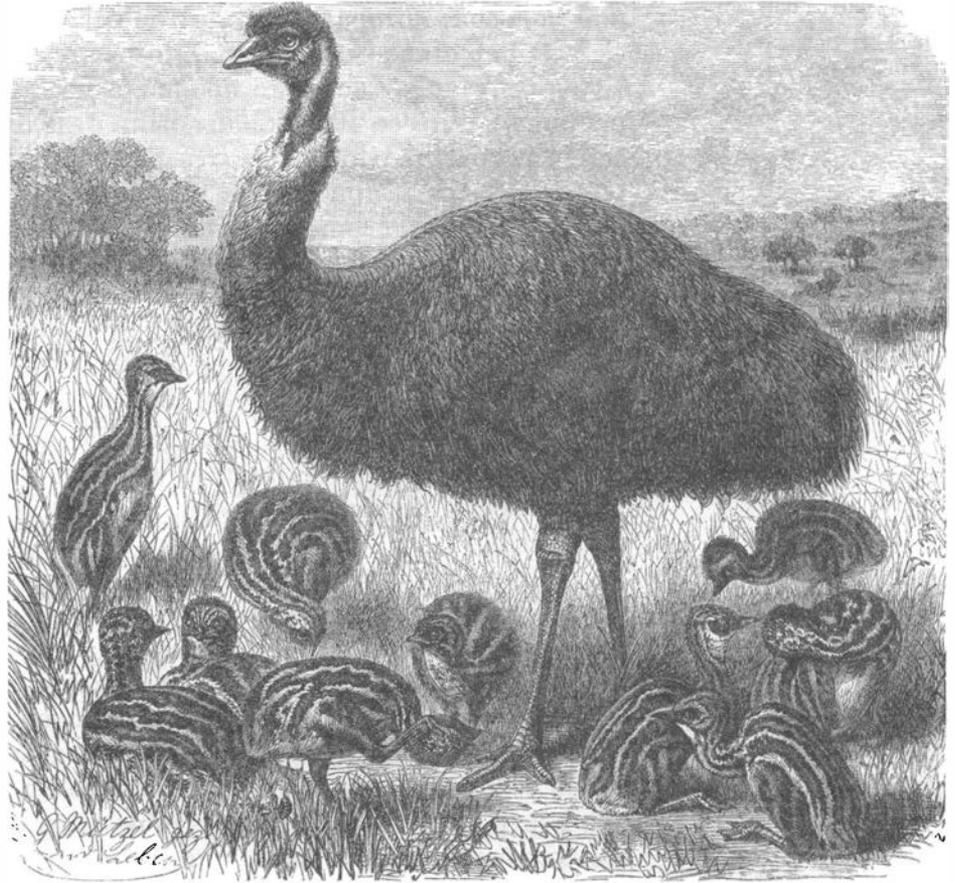
СЕМЕЙСТВО ЭМУ (*Dromaiidae*)

Эму (*Dromaius novae-hollandiae*). В 1789 году появилось описание путешествия губернатора Филиппа в Ботанибей, из которого ученый мир впервые узнал, что Австралия также населена страусами. Вид, названный в том сочинении «новоголландским казуаром», в настоящее время носит название «эму», под которым прежние португальские мореплаватели подразумевали одну исполинскую птицу Малакки. Эму внешним своим видом похож на страуса, только туловище его более сжато и коренасто, шея короче и ноги ниже, отчего, в общем, получается совершенно другое впечатление. Клюв у эму прямой, сильно сжатый с боков, на спинке с ясным килем и скругленный на конце. Большие ноздри, покрытые кожей, открываются приблизительно на середине клюва. Ноги очень сильные, оперенные до пяточного сустава и покрыты внизу крепкими щитками; лапы трехпалые; крайние пальцы одинаковой длины и снабжены большими когтями. Крылья до того малы, что их нельзя даже заметить, когда они прижаты к телу, оперение их несколько не отличается от спинного, так что о маховых крыльях здесь и помина нет; рулевые перья также отсутствуют. Оперение покрывает почти все тело, оставляя обнаженными только стороны головы и горла. Все отдельные перья отличаются значительной длиной и малой шириной, замечательной гибкостью и мягкостью стволков. Полы не отличаются по окраске, разве только отчасти по величине. Эму уступает по величине африканскому страусу, но превосходит в этом отношении нанду. Высота его достигает приблизительно 1,7 м; охотникам приходилось убивать самцов в 2 м ростом. Окраска оперения равномерная матово-бурая, на голове, посередине шеи и спины темнее, на нижней стороне светлее. Глаза светло-карие, клюв темного рогового цвета, ноги светло-буроватые. Голые части лица выглядят серо-голубоватыми.

Говорят, что эму держатся здесь небольшими группами от трех до пяти птиц, но никогда не составляют большого стада, и что привычки и нравы их совершенно такие же, как у страусов. Но все же я должен заметить, что те, от которых исходит это мнение, вряд ли могли сравнивать между собой этих двух птиц. Насколько можно судить, страус и эму в неволе так существенно отличаются друг от друга по манере держаться, что и привычки на свободе живущих птиц, весьма понятно, должны различаться между собою.

Кюрри замечает, что эму превосходный бегун, а потому на него устраивается такая же великолепная травля, какая устраивается в Англии за зайцами. Куннингам пополняет это известие, описывая саму охоту, и говорит, что для нее используют собак, ходящих на кенгуру; но собаки не всегда гонятся за птицами, так как боятся их страшных ног. Колонисты уверяют, что эму в состоянии одним ударом своей сильной ноги переломить человеку голень или убить хищника; поэтому хорошо выдрессированные собаки бросаются на него спереди, хватают за шею и валят на землю. Мясо эму сравнивают с жестким мясом рогатого скота и хвалят его вкус,

хотя оно немного сладковато; мясо молодых эму, по единоголосному уверению всех, отличается замечательным вкусом. Эму бывает очень жирен; тогда его мясо жарят главным образом для того, чтобы вытопить сало, которое в глазах охотника, служит великопным средством против всяких болезней, в особенности против приступов подагры. Относительно размножения эму, живущих на свободе, мы имеем мало сведений. Гульд говорит, что самка кладет 6—7 красивых

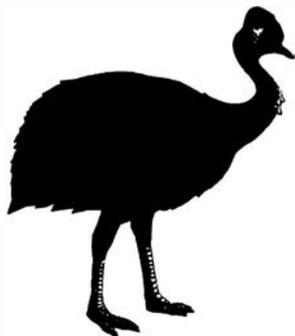

темно-зеленых, зернистых яиц в углубление, вырытое ею в земле, чаще всего в песчаном месте; обе птицы держатся постоянно вместе, самец принимает деятельное участие в высиживании. Беннет сообщает, что гнездо, выкопанное на поросших кустарником холмах, содержит всегда нечетное число яиц: 9, 11 или 13 штук.

О жизни эму в неволе имеются более подробные сведения. Эму легче всякого другого короткокрылого размножается в плену. Та пара, которую Беннет наблюдал в Лондонском зоологическом саду, вывела птенцов. С тех пор не только в Лондонском, но

Эму
(*Dromaius
novae-hollandiae*)

Семейство
эму

и во многих других зоологических садах удачно получался приплод. В Германии Бодинус ежегодно разводил эму и всегда с более или менее благоприятными результатами. Насиживает только самец и притом с таким редким усердием, что даже за все время, в течение 58 дней, не принимает пищи, по крайней мере, его ни разу не застали за едой. Основная окраска оперения птенцов серовато-белая; по спине пробегают две широкие, темные долевые полосы, по бокам тоже две полосы, которые разделяются узкой белой чертой. Эти полосы соединяются на шее и кончаются на голове неправильными пятнами; две другие прерывающиеся полосы украшают перед шеи и груди и заканчиваются широкой полосой, которая проходит по бедрам.

В Берлинском зоологическом саду самка не только не забывается о птенцах, но даже проявила по отношению к ним такую неприязнь, что ее вынуждены были отделить от детенышей. Зато самец с трогательным самоотвержением несет на себе все материнские заботы, при всяком необходимом случае храбро наносит жестокие удары своими хорошо вооруженными ногами и, вообще, пока птенцы нуждаются в его помощи, проявляет самое сильное возбуждение. Птенцы вырастают очень быстро и уже с ранней юности чувствуют отвращение к затворнической жизни в четырех стенах. Вначале они держатся под крыльями отца, потом подле него, едят с жадностью уже со второго дня своей жизни и развиваются тем лучше, чем дольше пользуются покровительством отца. По истечении трех месяцев они вырастают до половины своего настоящего роста, а в два года достигают полного развития.

Из всех короткокрылых эму — самый скучный. Его движения, поведение, характер и привычки гораздо однообразнее, чем у других сородичей. Да и голос эму не очень привлекательный: его можно сравнить с глухим шумом, который выходит из пустого бочонка, когда дети, играя, вынув из бочонка втулку, дудят прямо в отверстие. У самцов и самок голос различный, но эта разница столь незначительна, что надо иметь самый тонкий слух или привычное к этим звукам ухо, чтобы уловить ее. О сумасшедшей гонке с быстрыми, как молния, поворотами и странными движениями, которые замечаются у настоящих страусов, здесь не может быть и речи. Ни у какой известной мне до сих пор птицы нет такого обманчивого взгляда, как у эму, с его чудными ясными глазами. Первый раз, взглянув на лицо, эму можно принять за умную птицу, но при дальнейшем рассмотрении это впечатление рассеивается.

ОТРЯД
КИВИОБРАЗНЫЕ
(Apterigiformes)

Семейство
КИВИ

СЕМЕЙСТВО
КИВИ (Apterygidae)

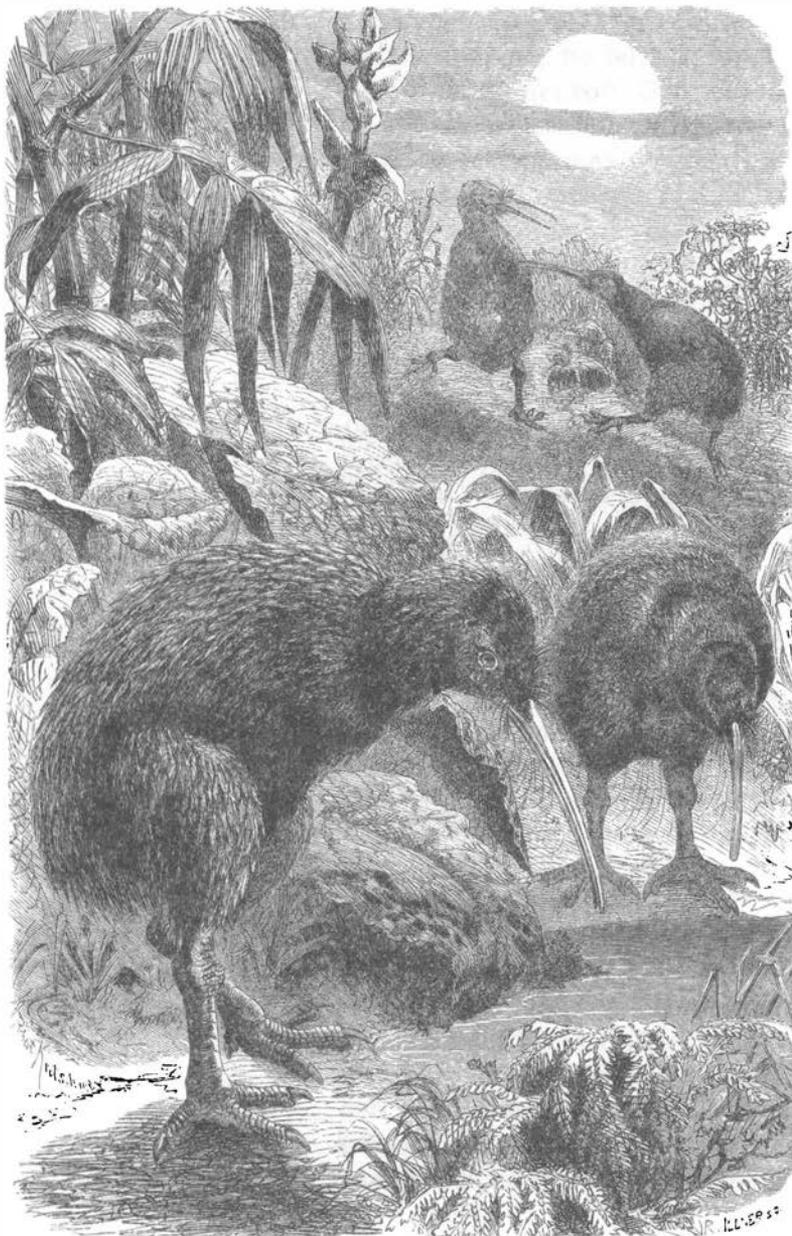
Обыкновенный, или южный, киви (*Apteryx australis*). Туловище у киви довольно толстое, шея короткая, голова не велика, клюв длинный и тонкий. Ноги четырехпалые и относительно короткие, крылья так мало развиты, что, собственно говоря, их можно видеть только на скелете, а в оперении заметны лишь короткие отростки, на которых растут неразвитые перья, состоящие из коротких, но толстых стержней; хвоста совсем нет. Оперение состоит из длинных, ланцетовидных, мягких и висячих перьев, которые увеличиваются по длине, начиная от шеи; они имеют шелковистый блеск и на них кое-где заметны отдельные бородачки. Клюв с первого взгляда похож на клюв ибиса, но отличается от него тем, что ноздри расположены около конца. У основания клюва находится восковица, и от нее идут бороздки до самого кончика. Ноги короткие и очень сильные. Передние пальцы длинные и крепкие, с большими когтями, устроенными для рытья земли. Задний палец короткий и толстый, расположен почти отвесно и при ходьбе не касается земли; он вооружен большим когтем, так что скорее похож на шпору петуха, чем на палец. Строение скелета напоминает скелет страусов; ключиц нет, шейных позвонков очень много, спинные позвонки срослись вместе, а кости крыла мало развиты.

Первый обыкновенный киви, привезенный в Европу, был убит в лесах около бухты Дески, на юго-западном берегу Южного острова Новой Зеландии. Почти все экземпляры, которые ныне находятся в коллекциях, происходят из Северного острова.

Киви до сих пор живет в безлюдных, лесистых местностях Северного острова, но в обитаемых местах совсем истреблен, и добыть его вовсе не так легко, как думают. Уже Дифенбах жалуется, что в продолжение своего пребывания в Новой Зеландии в течение 18 месяцев, несмотря на обещанные туземцам награды, он получил лишь одну шкуру киви. Гохштетер свидетельствует: «Я много путешествовал по Северному острову, на котором, по словам туземцев, еще встречается эта птица, но, несмотря на все старания, не мог добыть ни одного экземпляра киви. Мне указа-

Семейство
КИВИ

ли, что киви еще довольно часто встречается на маленьком, необитаемом и лесистом острове, в заливе Гаураки, около Аукленда, а также в малонаселенных лесистых горах, между мысом Паллизер и Восточным, на юго-востоке Северного острова. Туземцы, которых я застал в Коллинг-вуде, около Золотой бухты, отправились на охоту, привлеченные обещанным вознаграждением в пять фунтов стерлингов, и через три дня мне принесли два живых экземпляра, самца и самку, которых они поймали у истоков реки Рокки и Склатера, на высоте около 1000 м над уровнем моря. Когда Скит в 1861 году исследовал горы, между реками Такака и Буллер, в провинции Нельсон, то он встретил на покрытых травой горах, на востоке от реки Оуен так много киви, что с помощью двух собак мог убивать каждую ночь по 15—20 штук. Он и его слуги тогда питались их мясом.

Южный киви
(*Apteryx australis*)

можно схватить рукой или убить палкой. К этой охоте приучают также и собак. Вследствие подобных преследований киви теперь совсем истреблен в населенных местах».

Еще более подробными известиями об этой птице мы обязаны Буллеру. Киви восполняет недостаток крыльев необыкновен-

ли, привлеченные обещанным вознаграждением в пять фунтов стерлингов, и через три дня мне принесли два живых экземпляра, самца и самку, которых они поймали у истоков реки Рокки и Склатера, на высоте около 1000 м над уровнем моря. Когда Скит в 1861 году исследовал горы, между реками Такака и Буллер, в провинции Нельсон, то он встретил на покрытых травой горах, на востоке от реки Оуен так много киви, что с помощью двух собак мог убивать каждую ночь по 15—20 штук. Он и его слуги тогда питались их мясом.

Об образе жизни киви Гохштетер пишет: «Это ночные птицы, которые день проводят в норах, охотнее всего под корнями больших лесных деревьев, а ночью отправляются искать корм, который состоит из насекомых, личинок, червей и семян разных растений. Они живут парами и могут очень хорошо бегать и прыгать. Кроме человека, самые опасные их враги собаки и кошки. Туземцы ловят киви ночью, приманивая подражанием голоса и смущая горящими факелами, отчего птицы настолько теряются, что их

ной быстротой своих ног. На полном бегу он делает очень большие шаги и держит при этом туловище в наклонном положении, а шею вытянутой вперед. В ночном сумраке киви движется очень осторожно, а также бесшумно, как бегущая крыса, которую он очень напоминает по своим движениям. Когда стоит спокойно на месте, то втягивает шею и тогда кажется шарообразным, иногда поддерживается в этом положении, уткнувшись концом клюва в землю. Если его потревожить днем, то он часто зевает и при этом очень странным образом широко раздвигает челюсти. Если его дразнят, то выпрямляет туловище, приподнимает одну ногу к груди и бьет ею противника быстро и ловко; это его единственное оружие, но он умеет наносить им очень чувствительные удары. Рассказ о том, что киви ударяет о землю ногами, чтобы выгнать на поверхность земляных червяков, так же мало вероятен, как сообщение одного наблюдателя, будто он может наносить опасные раны человеку и даже убить собаку. Во время поиска корма киви постоянно сопит, так что кажется, будто он обнюхивает почву. Трудно сказать, чем он руководствуется при поиске корма — осязанием или обонянием, следует, скорее всего, предположить, что оба чувства действуют сообща. Очень интересно наблюдать, как киви отыскивает земляных червяков, составляющих его главный корм. Птица при этом двигается очень медленно и постоянно засовывает почти до основания свой длинный клюв в мягкую почву, причем или тут же вытаскивает его со схваченным червем, или, медленно ворочая головой, осторожно вытягивает клюв из земли. Достав червяка, он кладет его на землю, потом бросывает, ловит клювом и быстро проглатывает. Кроме того, ест различных насекомых, некоторые ягоды, а также глотает небольшие камешки.

О размножении обыкновенного киви долгое время рассказывали удивительные вещи. Достоверные сведения были добыты лишь тогда, когда появилась возможность наблюдать плененных птиц. По-видимому, вернее всего о гнездовании этой птицы сообщает Вебстер: «Четырнадцать лет тому назад туземец нашел яйцо киви в небольшой норке, под корнями маленького дерева и, вынув яйцо, вытащил из глубины норы и взрослую птицу. Туземец, хорошо знавший, по-видимому, киви, уверял, что эта птица всегда кладет только одно яйцо и что гнездо устраивает постоянно в норе, которую выкапывает сама в сухой почве под корнями дерева. Яйцо покрывается листьями и мхом, их гниение доставляет необходимую теплоту. Для развития яйца требуется шесть недель, и когда птенец вылупится, то мать спешит ему на помощь»*.

Семейство КИВИ

** Иногда, очень редко, киви откладывают 2 яйца. Кладку насиживает самец в течение 42—50 дней, энергия гниения выстилки не используется для инкубации.*

* Прежде для птиц этого отряда использовалось название «скрытохвостые куры»

ОТРЯД
ТИНАМУ
(Tinamiformes)*

СЕМЕЙСТВО
ТИНАМОВЫЕ (Tinamidae)

Тело птиц этого семейства, благодаря сильно развитым грудным мускулам, толстое; шея, напротив, тонкая и длинная, а голова маленькая и плоская; клюв длинный, тонкий и загнутый, без рогового нароста на конце, скорее обтянут роговой массой, которая постепенно переходит в кожистую оболочку. Ноги у них с высокими плюснами и очень жесткими подошвами; задний палец маленький, сидит высоко, а иногда настолько недоразвит, что остается один коготь. Короткие, круглые крылья достигают лишь до задней части спины, а их большие маховые перья узки и остроконечны и как будто на конце обрезаны. Хвост состоит из 10—12 коротких узких перьев, которые скрываются под длинными кроющими перьями. Оперение на голове и шее из небольших гладких перьев. На туловище оперение обильное, густое и состоит из больших перьев. У некоторых видов из одного корня выходят два стержня пера, у других стержни широкие, гладкие и выпуклые, особенно на спинке и хвосте; к концу пера они суживаются и снизу снабжены глубокой бороздкой. У самцов и самок оперение одинаково, и по наружному виду они ничем друг от друга не отличаются.

Эти птицы распространены на большей части Южной Америки и населяют самые разнородные местности; одни виды живут только на открытых пространствах, другие — в чаще леса, иные селятся только на равнинах или в горах; есть виды, которые встречаются лишь на высотах в 4000 м. Птицы привязаны к земле, летают редко, чаще быстро бегают в кустарнике или в высокой траве, наподобие наших перепелов. При беге они немного сгибают плюсневой сустав и вытягивают шею, так что уже благодаря этой позе, их легко можно узнать. В страхе они прижимаются к земле или скрываются в кустах травы, и только те виды, которые выросли в лесу, ищут защиты на ночь на нижних, толстых ветвях деревьев. Как телесные, так и душевные способности их незначительны, при опасности совсем теряют присутствие духа; вообще, кажется, они чрезвычайно ограничены.

Их голос состоит из многих, следующих один за другим свистков, которые иногда идут правильной гаммой и так отличаются от голоса других птиц, что привлекают внимание, как чужеземцев, так и туземцев. Некоторые виды кричат при наступлении ночи, особенно после того, как придут на место отдыха, а также утром, перед тем, как удалиться оттуда. Других слышишь в продолжение всего дня. Семена, плоды, кончики листьев и насекомые составляют пищу этих птиц. Но семена некоторых растений могут придавать их превосходному мясу неприятный горький вкус. Говорят, что есть виды, питающиеся почти исключительно плодами кофейного дерева и пальм.

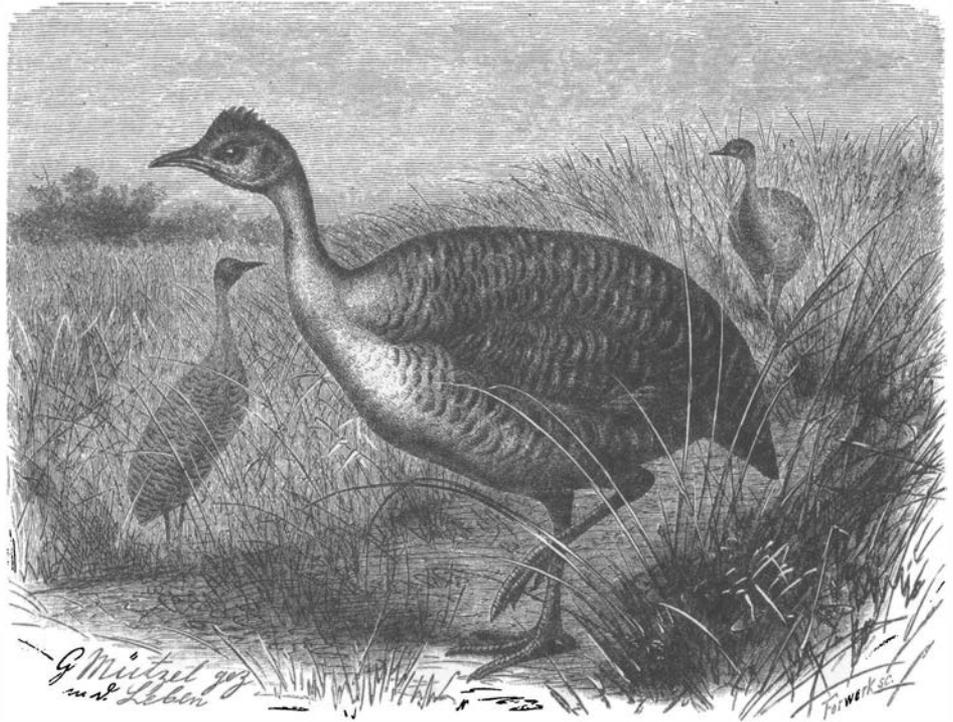
Как дичь для охоты эти птицы в Америке заменяют наших куропаток, поэтому европейцы называют их «куропатками и перепелками» и за ними ревностно охотятся.

Все хищники, как бегущие, так и летающие, состязаются в этом с людьми; даже ягуар не пренебрегает ими; некоторые насекомые, например муравьи, ползающие большими стаями, опасны птенцам. За птицами охотятся с огнестрельным оружием, ставят западни, гоняются на лошадях с арканами или пускают по их следам собак.

Рассказывают, что индейцы превосходно дрессируют своих собак для этой охоты.

Один из наиболее часто встречающихся видов этого отряда **краснокрылый тинаму** (*Rhinchotus rufescens*)*. Оперение птицы ржаво-красно-желтое, горло беловатое, верхняя часть головы с черными полосками. На спине, крыльях и хвостовых покровных перьях также присутствуют широкие черные полосы. Большие маховые перья одноцветные и яркие, ржаво-желто-красные; малые маховые перья свинцово-серые, покрытые черными и серыми волнистыми полосками.

Краснокрылый тинаму живет в степной полосе Бразилии, встречается также и в Аргентине. Он сопровождает здесь, по словам Деринга, путешественника по всей равнине, как в лесистых

Краснокрылый
тинаму
(*Rhinchotus rufescens*)

* Другое название этой птицы — рыжий тинаму, или тимбукту

*Семейство
тинамовые*

ее частях, так и в пампасах. Никогда не живет стаями, но поодиночке в некоторых местах встречается в большом числе.

Все знают эту птицу как любимую дичь местных охотников, поэтому она, подверженная беспрестанному преследованию, сделалась очень осторожной и пугливой. При приближении человека бежит от него в высокой траве, но крыльями пользуется только в крайнем случае. Дарвин рассказывает, что он встретил сотни этих птиц на однообразной равнине Валь-Донадо. Против обыкновения они соединялись в стаи при приближении многочисленной группы путешественников. Тинаму приходили в полное смущение, если их сгоняли в кучу, объезжая кругом на лошадях. Наконец, преследуемые птицы не решались более бежать вперед, а беспомощно ложились на землю. Эта беспомощность тинаму хорошо известна туземцам: даже мальчики гоняются за ними и схватывают самым простым арканом. Мясо птицы принадлежит к числу лучших блюд, которые подают путешественникам в Бразилии и в Аргентине.

По словам Бурмейстера, тинаму отправляется искать пищу только в сумерки. Гнездо устраивает на земле в густом кустарнике; в нем находят 7—9 темно-серых яиц с фиолетовым отливом, скорлупа которых замечательно гладкая, точно полированная.

ОТРЯД
ПИНГВИНООБРАЗНЫЕ
(Sphenisciformes)*

СЕМЕЙСТВО
ПИНГВИНОВЫЕ (Spheniscidae)

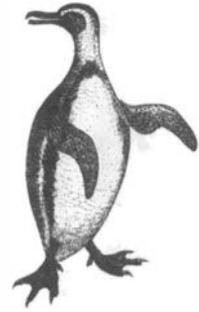
Совершенно отдельно от всех других птиц стоят пингвины. Если рассматривать их с чисто внешней стороны, то они представляют собой переходную ступень от птиц к дельфинам и рыбам. Туловище пингвинов до известной степени можно назвать конусовидным, кверху оно заострено, в середине лишь немного утолщено, а всего толще внизу. Шея средней длины, но очень толстая, голова маленькая, клюв почти такой же длины, как голова. Ноги устроены своеобразно, все четыре пальца, из которых три связаны плавательной перепонкой, обращены вперед; крылья скорее походят на плавники, чем на крылья. Оперение напоминает рыбу чешую, как по своей форме, так и по черепитчатому расположению.

Внутреннее устройство соответствует внешним особенностям; кости существенно отличаются от костей других птиц тем, что они очень твердые, толстые и тяжелые.

Пингвины живут только в южном полушарии, в океане, между Южным тропиком и 80 градусами южной широты; сушу посещают во время размножения. По образу жизни отдельные виды во многом отличаются друг от друга; тем не менее, без всякого вреда для точности мы можем набросать общую картину всего отряда.

Королевский пингвин (*Aptenodytes patagonica*) — самый выдающийся вид этого семейства. Отличительные признаки следующие. Крупный рост, длинный и тонкий клюв. Толстые ноги с длинными пальцами снабжены очень крепкими когтями, оперенными до самых пальцев. Длинные, узкие, ластоподобные крылья и хвост состоят из 30 тонких, жестких, упругих перьев. Спина, голова, затылок, горло и область зоба, темные, буровато-черного цвета. Передняя часть шеи желточно-желтая. Такого же яркого цвета продолговатое пятно, которое находится позади ушей, от него отходит узкая желтая полоска, расходящаяся по сторонам шеи. Верхняя часть груди у пингвина желтоватая, а низ белый; ноги буроватые. Маховые перья, одинаковой окраски со спиной,

Семейство
ПИНГВИНОВЫЕ

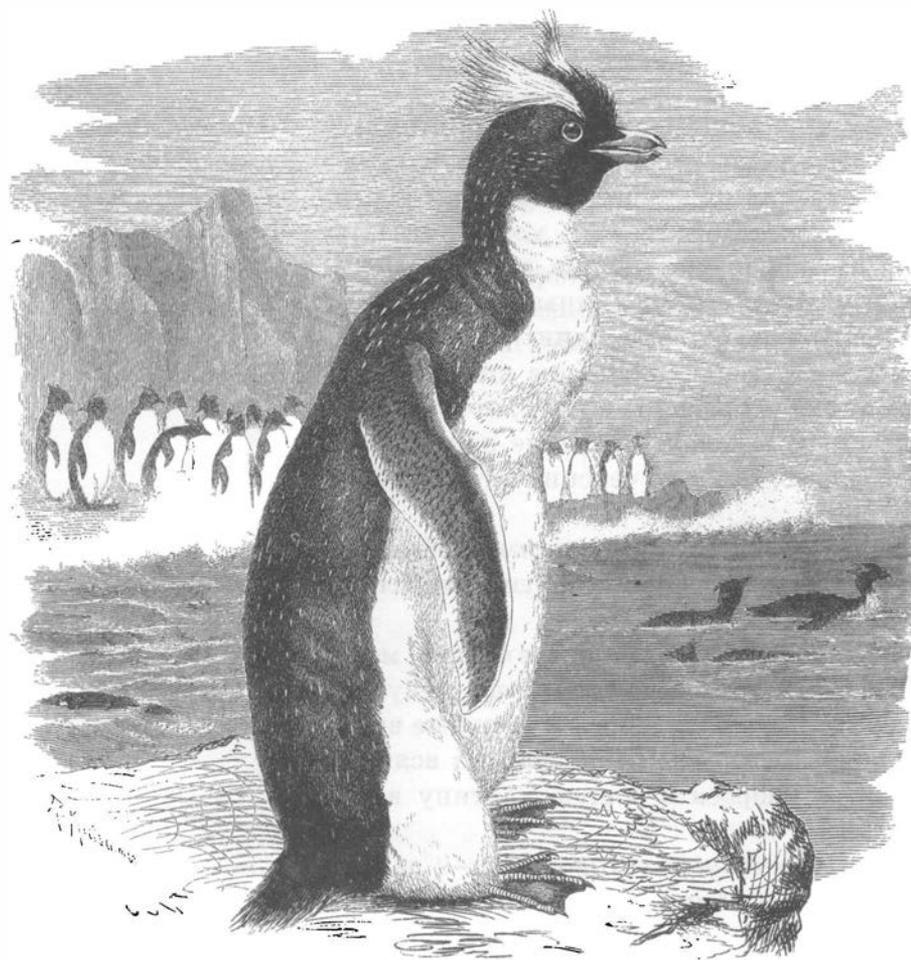

* Прежде птиц, относящихся к этому отряду, называли нелетами

разрисованы долевыми полосками; с нижней стороны они белые. Клюв черный; большая часть нижней челюсти яркого сургучно-красного цвета. Общая длина птицы превышает 1 м, длина крыла 35 см, а хвоста — всего 8 см. Самки меньше самца, но совершенно одинаковой с ними окраски.

Область распространения этого вида простирается, начиная с Патагонии, по всем частям южного океана до островов Стюарт и Кергелен.

Скалистый златовласый пингвин (*Eudyptes chrysolophus*) — другой представитель отряда — действительно великолепная птица.

Златовласый
пингвин
(*Eudyptes chrysolophus*)

Величиной с утку, приблизительно 50 см в длину. У этого пингвина голова, шея, спина и крылья черные; перья, образующие хохол, бледно-желтоватые; передняя сторона тела и задний край крыльев белые; клюв красно-бурый; ноги серовато-белые.

Златовласый пингвин водится в различных частях южного океана, а также на Патагонском берегу, Огненной Земле и на островах Тристан-да-Кунья. Вероятно, что он, подобно другим видам своего семейства, предпринимает дальние странствования; некоторых пингвинов встречали среди открытого моря на очень дальнем расстоянии от суши.

Пингвинов можно сравнить с дельфинами: они не только ведут одинаковый с ними образ жизни, но ходят своими движениями, а некоторые виды до того сходны с маленькими дельфинами, что их можно издали спутать. Строение тела приковывает их к морю; зато в этой сфере они двигаются с неподражаемой ловкостью. Их способность забираться в глубину просто изумительна. Они пользуются при этом только своими короткими крыльями и плавают с такой силой, что легко преодолевают волны

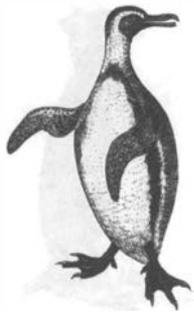
бурного моря, могут нырять и выплывать на поверхность воды даже во время самой сильной бури. Рулем им служат ноги, которые при плавании они вытягивают назад. До какой глубины пингвины ныряют — неизвестно, но можно признать за достоверное, что в этом отношении они не уступают никаким другим ныряющим птицам.

На суше двигаются с большой неловкостью. Положение ног принуждает их к вертикальной ходьбе; они могут делать только маленькие шажки, виляют и очень медленно сдвигаются с места. С крутых скал бросаются вниз, скользя и скатываясь, и, достигнув воды, могут считать себя в безопасности. Стая находится при этом в постоянном движении; одни птицы ныряют в глубину, и снова появляются на поверхности далеко впереди; между тем другие, просто плывущие, перегоняют товарища, и тот, в свою очередь, старается наверстать время. Пингвины ныряют только для того, чтобы поймать добычу. Эта последняя состоит из различных рыб, а также из некоторых ракообразных и мягкотелых, которых они хватают на коралловых рифах или выскивают между морской растительностью. Некоторые виды, впрочем, ограничиваются одними рыбами. Должен заметить, что пингвины менее других птиц тратят время на содержание в порядке своего оперения. Их кожа необыкновенно жирна и постоянно выделяет маслянистое вещество, служащее для смазывания перьев.

Значительная часть года у пингвинов уходит на размножение. При этом странным кажется то, что в период размножения и не высидывающие птицы живут на суше. На давнишних гнездовьях птицы появляются в определенное время года; так, например, на Фолклендских островах, по словам Аббота, в конце сентября, на других островах раньше или позже, и с этого времени здесь начинается чрезвычайно деятельная жизнь. Беннет, посетивший один из островов в южной части Тихого океана, дает очень интересное описание жизни этих птиц.

«Количество пингвинов, которые собираются на одном этом месте, невероятно велико, так что положительно невозможно определить, хотя бы даже приблизительно, сколько их там; днем и ночью их высидывается на сушу до 30—40 тысяч штук, и столько же уходят в воду. Находящиеся на суше птицы, составляющие еще более многочисленное стадо, стоят, выстроившись, словно полк солдат, не только рядами, но и по росту. Молодые — в одном месте, линяющие — в другом, насиживающие самки — в третьем, а холостые самцы — в четвертом. Распределение производится с такой строгостью, что всякий, не принадлежащий к тому или другому обществу, неправильно присоединяющийся к толпе пингвин, не находит себе места».

В хороший вечер, с наступлением сумерек, пингвины кричат до того оглушительно, что их крики издали походят на гул многочисленной людской толпы. В период размножения они про-

таптывают от воды прямые тропинки. Эти тропинки так старательно расчищены от камней и растительности, так гладко и чисто утрамбованы, будто проделаны людьми. Птенцы появляются на свет в шерстистом сером пушке и получают так много пищи, что скоро вырастают.

Помимо человека, у пингвинов не много других врагов, которые бы серьезно вредили им. Маленькие виды, правда, время от времени гибнут в пасти какой-нибудь хищной птицы, а крупные делаются жертвами грабительских набегов хищных морских птиц, которые воруют у них яйца и птенцов; но чувствительных потерь не испытывают ни те, ни другие. Главным врагом является человек, преследующий их из-за мяса и ворвани, а также и из-за шкур; много страшного терпят они от кровожадности невежественных моряков, которые устраивают иногда настоящие боины.

Только в новейшее время пингвины появились у нас в Европе в клетках. Весной 1889 года Франкфуртским зоологическим садом были приобретены

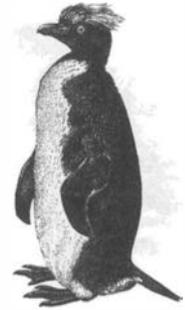
Очковые пингвины (*Spheniscus demersus*). О жизни в неволе этих птиц сообщает Геблер. «Они были еще в своем юношеском оперении, но имели размеры и внешний вид совершенно взрослых птиц. Сначала их поместили в аквариум, где им был отведен бассейн, чтобы доставить публике возможность наблюдать их нырянье; однако птицы не ныряли, не обращали никакого внимания на плававших в воде в качестве корма рыб и заставили насильно кормить себя, так как вообще не ели самостоятельно. Вследствие того, что в аквариуме пингвины не представляли для публики никакого интереса, их через несколько дней перевели в другое помещение, особую клетку в птичнике, где находился небольшой плоский бассейн. Здесь птицы постепенно приучились к тому, что стали самостоятельно брать брошенных для них рыб и таким образом кормились. Когда, с наступлением теплой погоды, пингвинов пустили в большой бассейн на открытом воздухе, они почувствовали себя в своей сфере, скоро научились превосходно нырять и стали ловить живых рыб. Так что в скором времени бассейн пингвинов сделался излюбленным местом для посетителей сада.

Настоящая стихия пингвина — это, естественно, вода. Если пингвин не ныряет, то он плавает, причем издали в это время походит на утку, только тело его глубже погружено в воду. Гребет он исключительно крыльями; ноги при плавании вытягиваются назад и служат ему, вместе с коротеньким хвостиком, только лишь рулем. Когда пингвин только плывет, то плохо подвигается вперед, зато при нырянии он скользит под водой с поразительной быстротой. Но и при этом ноги служат исключительно рулем. Быстрое продвижение под водой значительно облегчается самим строением птицы: острый клюв и заостренная, всегда вытянутая вперед голова с легкостью рассекают волны. Когда

эти темные птицы, охотясь за рыбами, скользят в воде с поразительной легкостью и несутся вперед с распушенными по сторонам лапами, то невольно напрашивается сравнение с полетом низколетающей ласточки. Поразительна также ловкость, с которой пингвины умеют внезапно изменить направление: я видел однажды, как один пингвин, стремительно плывя под водой, сделал поворот, при котором туловище его выгнулось в четверть дуги, и схватил рыбу, неожиданно замеченную подле себя. При этом птице очень помогает ее способность сразу останавливаться даже при самом быстром движении в воде, ставя отвесно свои лапы, до тех пор находившиеся в горизонтальном положении. Вышеупомянутый взрослый экземпляр и зимой с одинаковой ловкостью плавал подо льдом, покрывавшим его бассейн. Насколько во время своего отдыха на суше пингвины походят на тюленей, настолько же при нырянии и охоте фигура и все их движения в высшей степени напоминают дельфинов.

Умственные способности пингвина, по-видимому, незначительны. Относительно других птиц своего вида он держится миролюбиво; только новые пришельцы подвергаются в первое время ударам клюва, если подходят слишком близко к старым; но это скоро прекращается.

Пингвины крайне нечувствительны к холоду; тот взрослый пингвин, о котором я так часто говорил, всю прошлую зиму провел на воздухе, несмотря на то, что морозы, особенно по ночам, были иногда очень жестоки. Для холодного времени птице была отведена маленькая деревянная будка, которая имела отверстие только с одной стороны в виде узкого входа, а пол ее был устлан толстым слоем соломы. Пингвин с удовольствием пользовался этой будкой и в холодные дни выходил оттуда только для еды, причем без размышления бросался в ледяную воду и вылавливал рыб под слоем льда; в теплую погоду он уходил в свою будку только на ночь. Впрочем, в очень суровые зимы этих птиц все-таки лучше держать в закрытом помещении. Гораздо труднее пингвины переносят летнюю жару и потому весьма рационально помещать их на это время по возможности в какое-нибудь прохладное убежище».

ОТРЯД
ГАГАРООБРАЗНЫЕ
(Gaviiformes)

СЕМЕЙСТВО
ГАГАРОВЫЕ (Gaviidae)

* В настоящее время некоторые систематики выделяют 5 видов гагар.

** Полярная гагара — птица высоких широт преимущественно Нового Света и Гренландии. В Старом Свете она заселяет только Исландию: Шпицберген и мелкие архипелаги у берегов Шотландии. В Азиатской части России полярная гагара не живет, здесь ее заменяет белоклювая гагара (*Gavia adamsii*). В Европейской части России отмечаются в основном неполовозрелые или негнездящиеся птицы, их встречали, как правило, в море. Предполагается гнездование на Новой Земле, однако верных доказательств этому нет.

Известно всего несколько видов этих птиц*. У них чрезвычайно густое и плотное оперение, жесткие перья, короткие крылья, ноги имеют полные перепонки.

Прежде всего упомяну полярную гагару (*Gavia immer*). В брачную пору оперение ее на спине и боках матово-черное с беловатыми пятнышками. На голове и шее перья зеленовато-черные. На шее галстук, образованный из черных и белых продольных полосок. Длина птицы достигает 95—100 см.

Летом полярная гагара живет на далеком севере, селится по берегам Гренландии, Шпицбергена, Европейской и Азиатской России, на Фарерских, Оркнейских и Гебридских островах. Зимой перекочевывает; встречается и на реках Германии, хотя и очень редко**.

Чернозобая гагара (*Gavia arctica*) меньше черноклювой, ее длина 77 см. В брачную пору верх головы и задняя часть шеи темного пепельно-серого цвета, спина и крылья матово-черные. На спине и крыльях белые пятнышки и голубоватые крапинки. Шея, черно-серая спереди и белая с боков, украшена черными полосками. Зимнее оперение состоит из темно-серых и черных цветов. По бокам головы темные и белые полосы; у молодых птиц таких полосок нет. Глаза светло-карие; клюв черный; ноги снаружи серые, внутри красноватые, мясного цвета.

Чернозобая гагара повсюду редка. А в Сибири и в наиболее северных частях Америки она является гнездящейся птицей. Во время своего зимнего лета посещает южную и западную Россию, Данию, Германию и Голландию.

Самая маленькая краснозобая гагара (*Gavia stellata*). Ее длина достигает 65 см. На передней части шеи этой птицы летнее оперение блестящего каштаново-буро-красного цвета. Зимой горло выглядит белым. Глаза светлого буро-красного цвета; клюв черный; ноги снаружи темно-бурые, внутри голубовато-серые.

Краснозобая гагара встречается в тех же местностях, что и другие виды. Она живет в поясе между 78 и 60 градусами север-

ной широты, на всем его протяжении по земному шару. Каждую зиму посещает более южные моря, а также реки и другие пресноводные бассейны, которые ко времени ее появления еще не окованы льдом.

Образом жизни и повадками все гагары сходны между собой. Как настоящие морские птицы, они посещают пресные воды только в пору размножения и зимой на пролете; в остальное время живут на море и там усердно занимаются рыболовством. Превосходно плавают и в совершенстве ныряют, но и летают быстро и продолжительно. Гагары с большой легкостью проплывают обширные пространства, могут держать свое тело поверх воды или погружаться в нее настолько, что заметной остается лишь узкая полоска спины. Нырять они способны без видимого усилия и даже без малейшего шума; в глубине они вытягиваются, плотно прижимают свое оперение и крылья к телу и, работая одними ногами, стрелой несутся под водой то в одном, то в другом направлении. В быстроте они поспорят с самыми проворными рыбами, которые и становятся их добычей.

Гагары плавают и ныряют, начиная с первых дней своего существования, а впоследствии при каждом удобном случае, так как в воде они чувствуют себя безопаснее, чем на лету, в воздухе. Суша для них чужда. Они посещают ее, но только иногда; во всяком случае, реже, чем большинство других птиц. Но и тогда они не ходят по земле, а, скользя, выползают на берег, так как неспособны ни к ходьбе в обычном смысле этого слова, ни даже к стоянию. Я неделями наблюдал за пойманными гагарами, часто видел их на суше, но никогда не замечал, чтобы они стояли на земле или шли, упираясь на пальцы или пятки; они только ползали, употребляя в дело клюв, шею, а также крылья и ноги. Полет их гораздо лучше, чем можно предположить, если сравнить их тяжелое тело с маленькими крыльями. Необыкновенно красиво, когда гагара с высоты несется прямо на поверхность моря. Она лишь слегка движет крыльями, чтобы придать полету косое направление, и со свистящим шумом, поворачиваясь то одной, то другой стороной, стрелой несется в воду и исчезает в ее глубине.

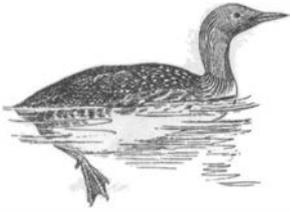
Гагары отличаются своими голосами от других морских птиц. Большинство натуралистов называют крики гагар неприятными и противными. Но я должен сказать, что всегда охотно слушал громкие, звонкие голоса этих птиц. Пронзительный крик черноклювой гагары, подхваченный мощным эхом окрестных гор, походит на жалобный крик человека, находящегося в опасности. Многие называют голос краснозобой гагары резким, трещащим и жалобным, тогда как я сравнил бы его с дикой песнью моря, подслушанной птицей среди бурь и шума морских волн. Все известные мне виды перекликаются и кричат почти одинаково, так что различить их голоса весьма затруднительно*.

При всяких обстоятельствах гагары остаются осторожными птицами. Если возле гнезда они и оставляют добрую часть своей пугливости, то все равно строго контролируют все происходящее

* На самом деле крики разных видов гагар хорошо отличаются на слух.

Семейство гагаровые

** Это не совсем так. В период размножения чернозобые гагары часто собираются небольшими обществами по 5—8 особей и активно общаются друг с другом. В состав таких «клубов» входят негнездящиеся птицы и особи, свободные от насиживания в данный момент.*

*** Имеется в виду полуостров Ямал.*

**** Здесь, видимо, неточность перевода. В местах размножения гагар тростник и камыш не растут, свои гнезда гагары строят из листьев осоки и пушицы.*

перед ними и редко кому-либо доверяют. Могут ли они отличить опасных для них людей от неопасных — еще подлежит сомнению. Скорее они просто стараются избежать неприятного соседства с человеком.

Морские гагары по возможности избегают всякое чуждое им существо, мало общаются с другими животными и не любят даже своих сородичей*. Очень часто их встречают одиночками; во всяком случае, в пору размножения они живут верными парочками, но две пары почти никогда не держатся близко одна от другой. Во время перелетов или в неволе гагары всегда держатся поодаль от других водоплавающих птиц и, когда последние приближаются к ним, то даже клюются. Они способны яростно защищаться и наносить значительные раны своим острым клювом.

Я сомневаюсь, что морские гагары питаются чем-либо другим, кроме рыбы; пока они живут на море, они, разумеется, кормятся исключительно ею. Добывание пищи облегчается необыкновенной способностью птиц плавать и нырять. Они ловят рыбу, быстро преследуя ее в воде, или же вытаскивая со дна. Само собой разумеется, что гагары охотнее едят узких рыб, нежели широких, но и от последних не отказываются. Я наблюдал, как они глотали мелкую рыбу целиком, но рыбы, уже величиной с сельдь, доставляли им затруднения.

Все морские гагары для гнездования выбирают маленькие, спокойные пресноводные озера неподалеку от морского берега, иногда даже такие, которые лежат на значительной высоте над уровнем моря. На Лофотенских островах я наблюдал много пар краснозобых гагар, большинство которых селилось на высоких горных озерах и даже на таких, которые, по уверению норвежцев, были бедны рыбой или даже совсем безрыбные. В тундре Самодского полуострова** я видел краснозобых и чернозобых гагар на крупных и богатых рыбой водных бассейнах.

В пору размножения звонкие голоса гагар слышатся чаще, чем в другое время. С особенно громкими криками пара несется сверху в море и начинает рыбную ловлю, что бывает аккуратно каждый вечер. Гнезда помещаются на маленьких озерных островах и на берегу, если таковых нет, но всегда очень близко к воде. Строятся они из сухого тростника или камыша***, сплетаются небрежно и совершенно не прячутся птицами, сидящую на яйцах гагару можно видеть издали. Кладка краснозобых гагар состоит из двух продолговатых яиц, которые имеют крепкую и прочную скорлупу оливково-зеленого цвета, покрытую к тому же пепельно-серыми, красноватыми и черно-бурыми пятнами, точками и крапинками. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, одинаково усердно и сообща водят всех птенцов.

Яйца находят в гнездах в конце мая, птенцов обыкновенно в июне. Птенцы очень скоро становятся ловкими, но, только научившись летать, они покидают место своего детства, вылетают в море и ведут с того времени жизнь взрослых.

ОТРЯД
ТРУБКОНОСЫЕ
(Procellariiformes)

Семейство
альбатросовые

СЕМЕЙСТВО
АЛЬБАТРОСОВЫЕ (Diomedidae).

Трубноносые птицы населяют все моря обоих полушарий и ведут один и тот же образ жизни, различаясь только в некоторых частностях. У них длинные крылья, а иногда даже очень длинные, и тогда беспримерно узкие; хвост короткий, прямо срезанный, слегка скругленный или вилообразный; оперение очень густое и по большей части темной окраски. Длиннопалые ноги снабжены большими плавательными перепонками. Верхняя половинка клюва изгибается большим крючком над нижней половинкой. А носовая полость переходит на верхнюю половинку клюва в виде роговых трубочек — этого признака совершенно достаточно, чтобы их тотчас же безошибочно распознать от других птиц.

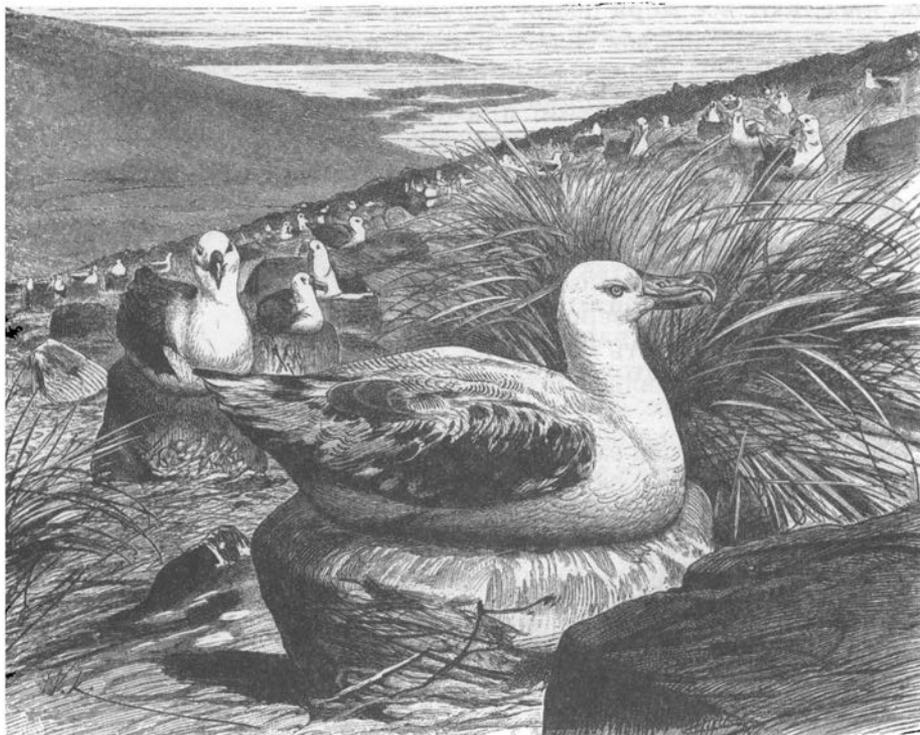
Среди этих птиц альбатросам, составляющим отдельное семейство, следует отвести первое место.

Странствующий альбатрос (*Diomedea exulans*), за исключением черных маховых перьев, имеет чисто белое оперение, которое в молодом возрасте пестрит более или менее темным бурным крапом и дугообразными полосками. Глаза у него темно-карие, голые веки бледно-зеленые; клюв нежного фиалкового цвета, к концу желтый; ноги красновато-желтые. По Беннету, длина его достигает 1,16 м, размах крыльев 3,5 м, длина крыла 70 см, хвоста 23 см. Размах крыльев, впрочем, изменяется весьма значительно. Беннет уверяет, что у одного альбатроса размах крыльев достигал 4,25 м. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что эта птица обладает самыми длинными крыльями.

Родина альбатросов — в океанах Южного полушария; в Северном полушарии они встречаются только в виде заблудившихся экземпляров. Посещают северные части Тихого океана, в особенности Охотское и Берингово моря, кормятся здесь в продолжение некоторого времени и затем снова переправляются на юг, чтобы там всецело отдать делу размножения. В высоких широтах Южного полушария их встречают чаще; по свидетельствам моряков и рыбаков, альбатросы составляют самое обыкновенное явление между 50 и 60 градусами южной широты. Совершаются ли их странствования с известной регулярностью, ежегодно, или

просто зависят от случайности и представляют собой простую кочевку, которую так любят эти птицы, до сих пор еще не установлено. Одно несомненно — альбатросы облетают всю землю в буквальном смысле этого слова, хотя к некоторым поясам приязаны больше, встречаются там во все времена года и там же размножаются.

Все наблюдатели восторженно отзываются о полете этого властелина морей. «В высшей степени радостно и светло делается на душе, — говорит Беннет, — когда видишь, как эта великолепная птица грациозно и легко парит в воздухе, словно влекомая какой-то невидимой силой. После того, как этот могучий летун сделал первое напряжение, чтобы подняться на воздух, больше не замечаешь уже ни малейшего движения крыльев; видно

только, как он то поднимается, то опускается, как будто та же самая невидимая сила производит различные движения без всякого участия его мускулов. Он несется по воздуху у самого корабельного руля с гордым видом независимости, как будто сознавая себя властелином всего, что расстилается под ним. Заметив на воде какой-нибудь предмет, он постепенно опускается с расширенными и растопыренными крыльями, погружа-

*Странствующий
альбатрос
(Diomedea exulans)*

ется в воду и плавает, поедая пищу, точно чайка или утка; затем поднимается, бежит с распушенными крыльями по поверхности моря, начинает кружиться и снова носится по воздуху. В его движениях не замечается ни малейшего напряжения, а только сила и выносливость в соединении с постоянно одинаковой красотой. С настоящей грацией плавает он по воздуху, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, скользит над самыми волнами, так что кажется, будто кончики крыльев обмакиваются в воду; затем снова взвивается ввысь и парит там с одинаковой свободой и легкостью движений. Его полет так быстр, что через несколько мгновений после того, как он только что был у корабля, его видишь уже

на дальнем расстоянии, поднимающимся и опускающимся вместе с волнами, причем он пролетает это громадное пространство в самое короткое время. В бурную погоду он летает как по ветру, так и против ветра, носится, самый жизнерадостный из всех весельчаков, над гребнями волн, поднятыми завывающей бурей. Даже когда он летит при сильном ветре, не заметно никакого особенного движения его крыльев, только сам полет становится чуть-чуть медленнее. Некоторые предполагают, что он, летая постоянно против ветра, не только не обессиливает, но, как парусное судно, в этих случаях подвигается еще успешнее».

Гульд говорит, что сила полета у альбатроса больше, чем у каких бы то ни было других птиц, которых он наблюдал. «Хотя в тихую погоду он и отдыхает иногда над водной поверхностью, но большей частью почти всегда держится на лету, носясь с одинаковой самоуверенностью как над гладкой поверхностью во время продолжительного штиля, так и в сильнейшую бурю, когда он проносится по воздуху с быстротой молнии».

На суше альбатрос теряет почти всю свою подвижность. У своего гнезда он неуклюже переваливается, как лебедь; так же неповоротливо держится на палубе корабля. Голос альбатроса зачастую сравнивается с ревом осла. Впрочем, Чуди говорит, что это ложное преувеличение и что птица издает просто громкий, в высшей степени неприятный, пронзительный крик; Беннет же сравнивает его крик с криком лебедя. Келер утверждает, что в гневе или в страхе альбатрос, подобно аисту, щелкает клювом, а Пехуэль-Леше прибавляет, что при этом он сильно кусается.

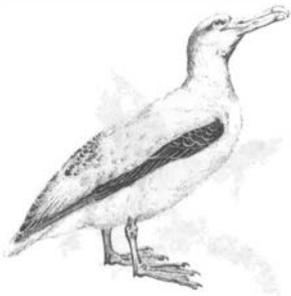
Из органов чувств первое место у этих птиц, несомненно, занимает зрение; все наблюдения доказывают, что альбатрос ясно видит на далеком расстоянии; увидев, например, что маленький буревестник чем-то занят далеко в море, он поспешно подлетает к нему. Об уме альбатроса трудно составить определенное понятие, так как жизнь его проходит в особых условиях, вдали от человека, у него просто нет возможности выказать перед человеком свои умственные способности.

В обществе других птиц своего вида альбатрос живет только в период размножения. На море часто можно видеть альбатросов, летающих вместе, но при этом каждый держится своей дороги и заботится о своем собрате только ради личной поживы. К мелким буревестникам он относится так, как королевский гриф относится к своим так называемым подданным, или, проще, как сильное животное — к своим слабым собратьям. Он утилизирует их труд и, завидев, что они раздобыли что-либо съедобное, тотчас налетает, разгоняет всех, овладевает добычей и летит дальше своей дорогой, нимало не беспокоясь о всяком, по его мнению, сброде.

Ненасытный голод заставляет альбатроса пролетать громадные расстояния и большую часть жизни проводить в воздушном пространстве. Пищеварение у него совершается необыкновенно

*Семейство
альбатросовые*

быстро, и вследствие этого он вынужден постоянно отыскивать пищу. Если когда-нибудь в спокойную погоду ему посчастливится напасть на обильную пищу и отъестся как следует, то вслед за тем наступают горькие дни продолжительного шторма, за которые он опять успеет сильно отощать. До сих пор существует ложное мнение, что бури благоприятствуют морским птицам ловить добычу. На самом деле бурное море мешает птицам кормиться, вот почему они упорно держатся по соседству с судами, надеясь здесь хоть как-то удовлетворить свой вопиющий голод. В тихую погоду альбатросы едят, по всей вероятности, различных головоногих и других мягкотелых, которых собирают на поверхности воды. Они не в состоянии ловить живых рыб под водой, поэтому поджидают, когда добыча всплывет на поверхность. Тогда хватают ее клювом и проглатывают, продолжая плыть.

Гульд находит правдивыми ужасные рассказы о том, что альбатросы нападают на утопленников и, «подобно воронам в реках», выклевают им глаза. Я лично несколько не сомневаюсь в том, что они действительно это делают, и не вижу никакой причины, по которой бы альбатросы стали делать различие между трупами человека или кита: едят же они, не задумываясь, трупы своих сотоварищей.

Относительно размножения альбатросов до сих пор не имеется достоверных сведений от наблюдателей, тогда как в различных баснях недостатка нет. Корник на основании личных наблюдений сообщает приблизительно следующее. На островах Аукланд и Кэмпбелл альбатрос выводит птенцов в ноябре и декабре. Для постройки гнезда он выбирает поросшие травой склоны холмов над лесными чащами. Гнездо состоит из камыша, сухой травы и листьев, скомканных вместе, и имеет в окружности внизу около 2 м, а сверху около 70 см при 50 см высоты. Обыкновенно альбатрос кладет всего одно яйцо. Исследовав более ста гнезд, Корник нашел только одно гнездо, в котором было два яйца. Яйцо имеет 12 см в длину и 8 см в толщину. Сидящий на яйце альбатрос заметен всякому посетителю их гнездовья, он резко выделяется на фоне зеленой травы своей белой головой.

При приближении врага он защищает свое яйцо и не покидает гнезда до тех пор, пока его к тому не принудят; тогда он отходит на небольшое расстояние, не делая ни малейшей попытки улететь. Заклятым врагом альбатросов считается одна дерзкая хищная чайка, так как стоит ему только подняться с гнезда, как она тотчас же бросается туда и пожирает яйцо; альбатрос отлично знает этого врага и, заметив его, начинает ожесточенно стучать клювом.

СЕМЕЙСТВО БУРЕВЕСТНИКОВЫЕ (Procellariidae)

Буревестники отличаются сильным сложением, короткой шеей и большой головой. Клюв сильный и твердый, с бороздками по сторонам и с крючком на конце. Верхняя и нижняя половинки клюва заходят друг за друга и очень остры; ноздри лежат на спинке клюва в трубке, перегородкой разделенной на две половинки. Ноги средней величины и сильные, с короткими плюснами, сжатыми с боков; три передних пальца на ногах соединены плавательной перепонкой, тогда как задний палец обозначен только в виде маленькой бородавки. Крылья похожи на крылья чаек, но все же не так длинны и острее их. Окраска его по большей части темная и мало изменяющаяся по возрасту, полу и времени года.

Все виды этого семейства живут на обширных океанах. В жарком поясе они не так многочисленны, как в умеренных и холодных обоих полушарий, но в Южном полушарии их гораздо больше, чем в Северном. Буревестники почти не умеют ходить. Плавают легко и, по-видимому, без напряжения, но редко. А большую часть своей жизни проводят на лету. Это самые плохие ныряльщики из всех морских птиц, но все-таки могут погружать в воду свое густо оперенное тело. Из органов чувств выше всего у них стоят зрение и слух.

Буревестники гнездятся поблизости от моря, всего охотнее на уединенных, по возможности недоступных утесах и скалах. Настоящего гнезда они не строят, а кладут очень большое, толстое, шероховатое чисто белое яйцо прямо на голую землю и тотчас же начинают насиживать. Птенец выходит в сереньком пушке и растет очень медленно. Родители горячо любят его и при виде врага, не задумываясь, жертвуют собственной жизнью; пытаются иногда защищать его тем, что пускают на врага струю вонючей жидкости. После вылета птенцов из гнезда все общество рассеивается по обширному океану, образуя более или менее многочисленные стаи, летающие туда и сюда.

Гигантский буревестник (*Macronectes giganteus*)*. У взрослой птицы оперение на верхней стороне пятнистое вследствие того, что большая часть мелких перьев имеет тускло-белые края; нижняя сторона тела белая; глаза желтовато-белые; клюв яркого, а ноги бледно-желтого цвета. Оперение молодых птиц одноцветное шоколадно-бурое; глаза темные черно-карие; клюв светлого рогового цвета на кончике с бледным винно-красным налетом; ноги черновато-бурые. Длина птицы 90 см, размах крыльев 200, длина крыла 50, хвоста 18 см.

Полет гигантского буревестника не такой красивый, парящий, как у альбатросов, а более напряженный, с более частыми взмахами крыльев; но все же при беглом взгляде его легко спутать с мелкими видами альбатросов.

Семейство буревестниковые

* Гигантский буревестник заселяет ряд архипелагов Антарктики: Южные Шетландские, Южные Оркнейские и Фолклендские острова, а также остров Южная Георгия, остров Марион и др.

**Семейство
буревестниковые**

По словам Чуди, этот буревестник «осторожен и недоверчив, так что редко попадает на удочку; если же его удастся поймать и вытащить на палубу, то он храбро защищается и жестоко дерется своим острым клювом. Перед ним со страхом расступаются все остальные маленькие буревестники, из которых он, может быть, зачастую выхватывает себе жертву». Они очень прозорливы; Гульд находил в желудке убитых им экземпляров только более

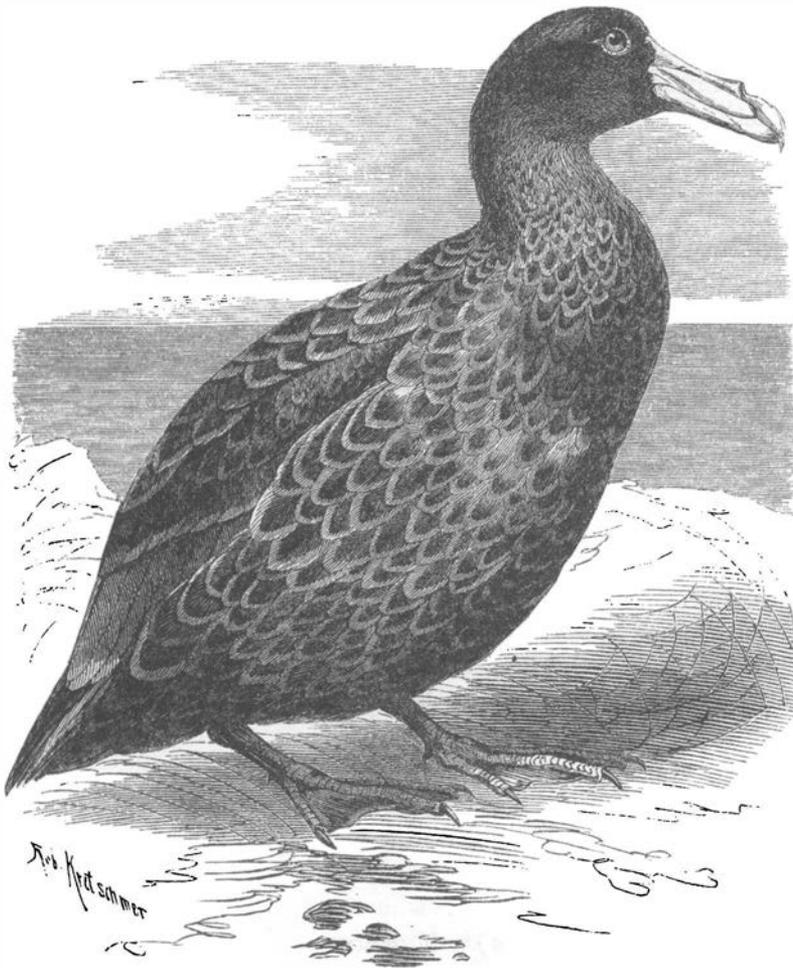
или менее переваренную рыбу; Лессон же сообщает, что ему приходилось находить во внутренностях остатки разных птиц.

По соображениям Хуттона, гигантский буревестник выводит птенцов на острове Принца Эдуарда и кладет всего одно белое яйцо. После долгого насиживания вылупляется птенец, одетый первоначально в прекрасное белое пушистое оперение; он растет довольно медленно и впоследствии одевается в юношеский наряд — темно-бурый с белыми пятнами. Если кто-нибудь приблизится к гнезду, самка отклоняется немного в сторону, а птенец пускает в нарушителя покоя отвратительно вонючую струю маслянистой жидкости, которая бьет на два метра вдаль.

Северный глупыш (*Fulmarus glacialis*). Птица белого цвета со светлым серебристо-серым брюхом и серо-

вато-голубыми шейными перьями; маховые перья темноватые. Глаза карие, клюв у основания серо-зеленый, на спинке бледного желтого цвета; ноги желтые с голубоватым оттенком. Длина достигает 50 см, размах крыльев 110, длина крыла 32, а хвоста 12 см.

Глупыш живет в Северном Ледовитом океане и покидает его крайне редко. Самыми южными пунктами его размножения следует считать небольшие острова близ Исландии*. Подобно всем его родичам, это вполне океаническая птица; к суше глупыш приближается, помимо птенцовой поры, лишь тогда, когда его загонит туда туман или продолжительный шторм. Мореплаватели,

**Гигантский
буревестник**
(*Macronectes giganteus*)

* В настоящее время самым южным районом гнездования глупыша является южное побережье Бретани (Франция).

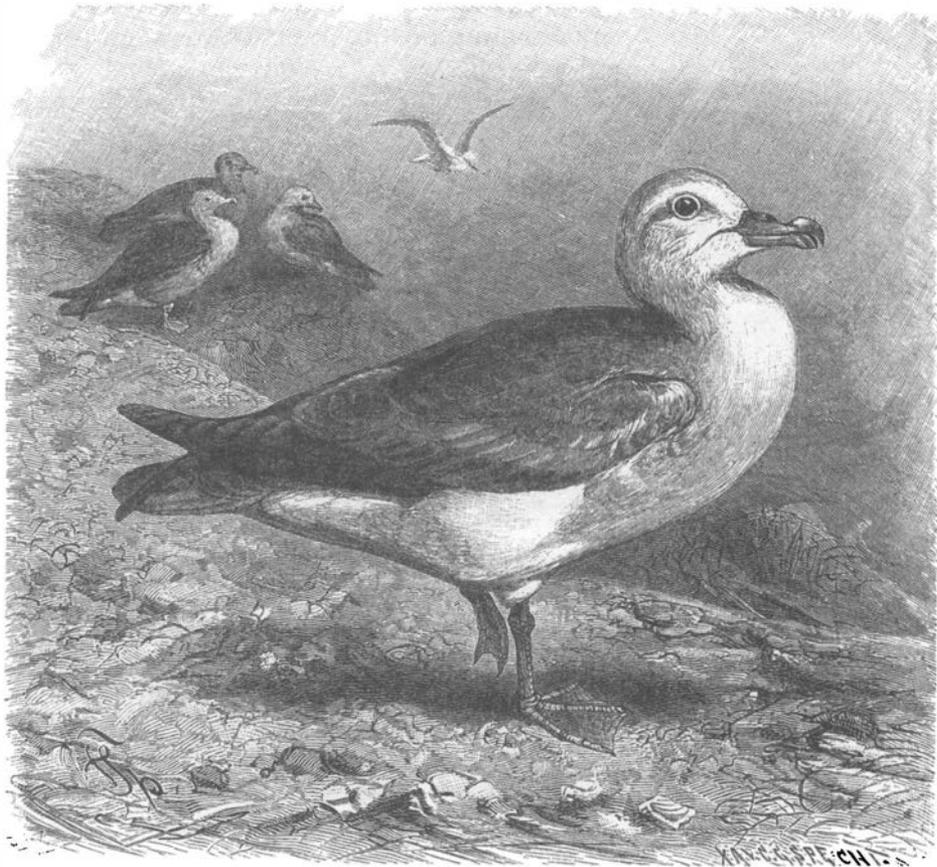
затертые на своем пути льдами, считают появление глупыша верным признаком близости открытой воды.

Полет глупыша имеет некоторое сходство со многими чайками. Он легко скользит над бушующими волнами с распростертыми, почти недвижимыми крыльями, держась по возможности все время на одинаковом расстоянии от воды, и неутомимо борется со штормом, лишь изредка прибегая к отдыху. В плавании он проявляет большую ловкость; купается в самых сильных бурях между скалами или легко несется по поверхности воды; зато на суше совершенно беспомощен, и когда ему приходится пере-

двигаться на ногах, то он скорее скользит на плюснах, чем шагает. Голос его звучит гогочущим «гэ-гэ-гэ-гэ-гэ», в гневе же — каркающим «карв». По своим нравам он ничем особенно не отличается от других видов семейства. Человека не страшится, без малейшего размышления приближается к плывущему судну и с большой назойливостью лезет к рыбакам и китоловам. «При рассечении кита, — говорит Гольбелль, — они ведут себя до того нагло, что их можно перебить веслами и баграми целые тысячи». Подобную же беспечность проявляет он и на гнезде, с которого его почти нельзя согнать.

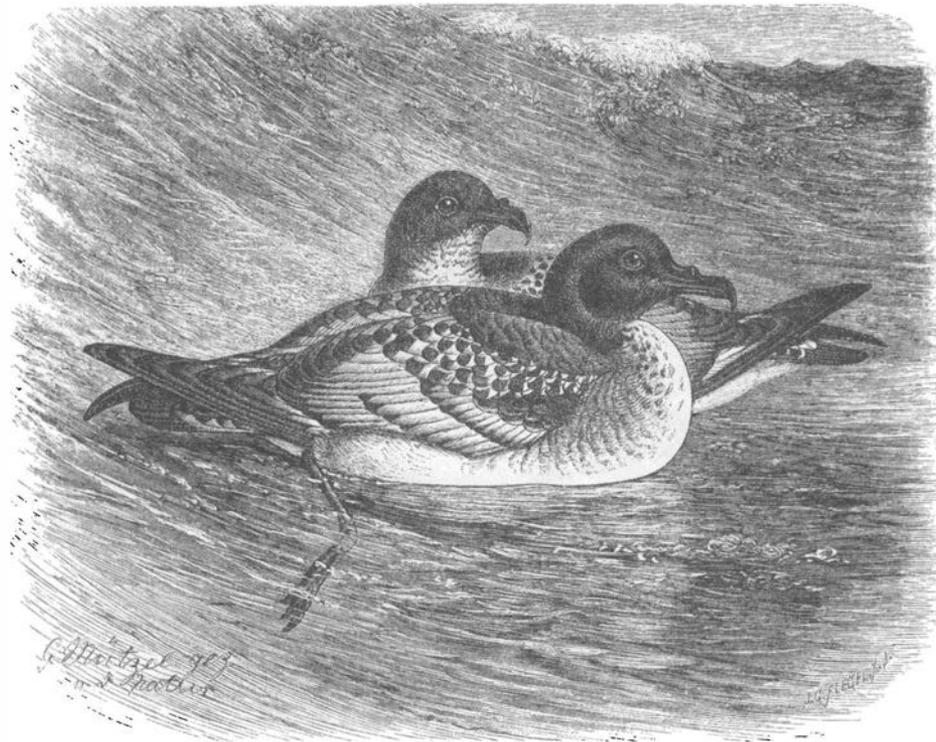
В прожорливости глупыш не уступает ни одному из своих сородичей. Китоловы утверждают, что самая любимая его пища — сало. Некоторые компетентные наблюдатели нашли, что он питается всевозможными морскими животными и даже ест иногда ложечную траву, растущую на скалах. Пищу схватывает, летая над водой или погрузившись в волны; когда вскрывают убитого кита, то плавают рядом с судном и объедаются. Хотя глупыш и умеет нырять, но все же ныряющей птицей его считать нельзя. Потому ему очень редко удается поймать быстрых и ловких животных.

Семейство буревестниковые

Северный глупыш
(*Fulmarus glacialis*)

* Старое название
«капский буревест-
ник».

Капский голубок
(*Daption capensis*)

Кроме человека глупышей преследуют разные соколы и морские орлы; на птенцов нападают большие хищные чайки, так как они отлично знают, что, кроме обрызгивания маслянистой жидкостью, взрослые птицы не могут оказать им никакого сопротивления.

Капский голубок (*Daption capensis*)* из всех морских птиц самый верный спутник судов. Географическое распространение его поистине изумительно. Очень редко случается, чтобы в Северном полушарии он забрел внутрь жаркого пояса или дошел до западных берегов Европы; зато в Южном полушарии встречается повсюду, по крайней мере, в той части океана, которая омывает западный берег Америки до са-

мого экватора и даже севернее. «Я сделал наблюдение, — говорит Чуди, — что в жарких поясах капские голубки не держатся так упорно поблизости от судов, как в холодном климате. Там они окружают суда и днем, и ночью, здесь же на ночь исчезают и появляются только за час и спустя час после солнечного восхода, а также в поздние часы после полудня. Нельзя, впрочем, утверждать, чтобы это было об-

щим правилом, но, по крайней мере, во время моих путешествий это было всегда так. Мне никогда не приходилось встречать капского голубка где-нибудь на рейде, в бухте или в гавани на Южном океане, тогда как масса других птиц всегда залетает в бухты или защищенные от ветра места якорных стоянок судов. Но стоит только удалиться на несколько морских миль от суши, как тотчас же показывается первый из целой стаи капских голубков, спешащих навстречу судну».

Капский голубок плавает легко, хотя все же довольно редко, так как и день, и ночь он проводит на лету и садится на воду только для того, чтобы с удобством подобрать пищу. «Трудно представить себе, — говорит Гульд, — что-нибудь красивее его движения во время полета, когда, закинув шею на спину и подтянув

свои длинные ноги под нижние кроющие перья хвоста, он несется по воздуху с распушенным в виде веера хвостом». Чуди называет голубка крайне прожорливой и сварливой птицей. Его пища состоит из моллюсков, ракообразных и маленьких рыб. Во время следования за судном в бурную погоду он питается всевозможными кухонными отбросами, выкидываемыми за борт и плавающими в кильватере. В ясную погоду довольно робок и недоверчив, в шторм же, напротив, мучимый голодом, он очертя голову смело летает и тогда легко дается в руки.

Относительно размножения капских голубков еще нет никаких сведений. Гульд говорит, что они гнездятся на острове Тристан-да-Кунья и других; Чуди же указывает на голые скалистые островки близ перуанского берега как на места их гнездования. Около южной оконечности Африки они совершенно исчезают с океана в ноябре и декабре, так что это время, наверное, проводят на своих гнездовьях. По всей вероятности, эти гнездовья находятся на островах и на материке Южного полюса. Здесь, вблизи Южной Виктории, между 71 и 72 градусами южной широты, Росс видел летавших птенцов*.

Семейство качурковые

* Капский голубок гнездится на большинстве субантарктических островов.

СЕМЕЙСТВО КАЧУРКОВЫЕ (Hydrobatidae)

Качурки отличаются незначительной величиной, стройным туловищем, короткой шеей и относительно большой головой. Крылья очень длинные, вроде ласточкиных; из маховых перьев второе и третье самые длинные. Клюв маленький, слабенький, прямой, крючковатый сверху, с загнутыми концами обеих половинок. Нижняя челюсть в конце длинного расщепления образует более или менее остро выступающий угол, но бороздок на ней нет. Ноги маленькие, тонкие, с длинными плюснами, покрытые сетчатыми чешуйками; три длинных тонких передних пальца до самых концов соединены плавательной перепонкой; задний палец очень маленький и короткий, в виде бородавки. Оперение густое, вроде меха, темно-бурой окраски с беловатым рисунком.

Различные виды различаются, прежде всего, своими хвостами. У **прямохвостой качурки** (*Hydrobates pelagicus*) хвост средней длины и прямо обрубленный; у **северной вилохвостой качурки** (*Oceanodroma leucorhoa*) хвост сильно вилообразный.

Все качурки — морские птицы, и притом с обширной областью распространения. Живут по всему Атлантическому океану, за исключением крайних северных частей, а также в Тихом океане; встречаются у европейских берегов. В Северном море попадаются редко, а в Балтийском — еще реже и только поодиночке. В Ледовитом океане встречаются чаще, хотя и появляются здесь только в определенное время. Обыкновенно они живут в открытом море, не приближаясь к суше. Но если долгое время держится ненастная погода, то их часто можно видеть вблизи берегов.

Случается даже, что целая стая залетает внутрь материка, без сомнения, с намерением вернуться в море. Такие залетные качурки неоднократно наблюдались в центре Германии и даже в Швейцарии.

Эти птицы деятельны преимущественно ночью. Хотя их можно видеть во всякое время дня, но самая оживленная пора начинается с наступлением сумерек, они слышны также во все часы ночи. Среди океана их встречают поодиночно, но обыкновенно они держатся маленькими и большими стайками как в бурю, так и в хорошую погоду. По целым дням их можно видеть летающими над волнами; они то парят высоко в воздухе, подобно ласточкам, то носятся над самыми волнами, однако, не касаясь воды. Глядя на птиц в эту минуту, кажется, будто они приросли к волне и какая-то волшебная сила удерживает их на одном и том же расстоянии от воды. «Чем крепче ветер, — пишет Бойе, — тем слабее становится движение их крыльев. Птица несется, подобно бабочке над цветами, непосредственно над самыми волнами, заметно предпочитая углубления между волнами их вершинам. То семенящими ножками, то концами своих крыльев она дотрагивается до поверхности воды и тотчас же снова отскакивает, постоянно с таким видом, как будто хотела сесть на воду, но никогда не садится. Вплавь она пускается только в редких случаях, так что это дало повод компетентным наблюдателям утверждать, что качурки никогда не плавают. На самом деле они садятся на воду, по-видимому, только с той целью, чтобы отдохнуть, а не плыть. Пехуэль-Леше часто случалось видеть, как качурки ныряют, красиво и осторожно погружаясь в воду за кусочками брошенного корма.

Сила их полета необыкновенно велика. Они летают буквально по целым дням, без перерыва, находя отдых лишь в перемене положения, переходя, например, из парящего движения в настоящий полет. Только слишком продолжительные штормы в состоянии обессилить их, и то не потому, что их утомляет борьба с ветром, а оттого, что буря затрудняет им добывание пищи и их истощает голод. Напротив, ветер даже облегчает им полет. Среди матросов держится поверье, что в красивых качурках живут души погибших в море моряков».

Далее Бойе продолжает: «Пища качурок состоит из различных моллюсков, маленьких раков, а также, может быть, и из рыбы; разные жирные вещества — масло и тому подобное, плавающие на поверхности воды, также употребляются ими в пищу. Сказать еще что-нибудь по поводу этого — нечего, так как в желудках убитых качурок до сих пор находили постоянно только соленую жидкость.

За несколько недель перед тем, как качурки начинают выводить птенцов, они отправляются в пещеры и расселины поблизости от моря. Выкапывают свои норки в земле, сколь возможно

глубоко, зачастую на 60 см глубины, изготовляют гнездо из нескольких рыхло положенных стебельков травы и в конце июня кладут в него свое единственное яйцо, круглое и белое. Хотя один туземец и говорил мне, что он уже около Иванова дня видел молодых слетков, а около Михайлова дня снова нашел в гнезде других таких же птенцов, но по всем сделанным наблюдениям это оказалось неверным. Еще перед тем, как класть яйцо, птица выщипывает себе перья на брюхе в том месте, которым насиживает; я находил такое голое пятно у большинства качурок уже дней за восемь до кладки. О самом насиживании и о птенцах я не мог сделать никаких личных наблюдений, но полагаю, что оба родителя насиживают поочередно, так как на гнезде находилась всегда только одна птица, а в продолжение дня я видел там как самца, так и самку». К наблюдениям Бойе могу добавить, что яйцо качурки имеет в длину около 30 мм, а в поперечнике около 23 мм. Кроме поморников никакая другая птица не нападает в море на этих птиц.

Семейство
ныряющие
буревестники

СЕМЕЙСТВО НЫРЯЮЩИЕ БУРЕВЕСТИКИ (Pelecanoididae)

Принадлежащие к этому семейству виды отличаются следующими признаками: туловище у них стройное, клюв средней длины, стройный, слабенький. Верхняя челюсть своим клинообразным сильно выгнутым и длинным крючком надвигается над соответственно искривленным концом нижней челюсти. Ноздри располагаются в широких плоских двойных трубках, лежащих на спинке клюва. Большие ноги с широкими ступнями сочленяются далеко позади. Крылья относительно короткие; хвост более или менее длинный, округленный и состоит из двенадцати перьев; оперение гладко прилегающее и жирное.

Ныряющие буревестники покидают море тоже только в период размножения, но приближаются к суше все же чаще своих сородичей и нередко залетают в гавани. Обыкновенно они живут стайками в 8—20 птиц и, охотясь совместно, придерживаются известного направления; в пору высиживания птенцов скучиваются в большие общества и буквально усеивают отдельные острова. Добычу они ловят, ныряя и плавая. Пища состоит главным образом из рыб и головоногих, поэтому в желудке у них нет жирной жидкости, как у других буревестников. Ныряющие буревестники живут по всему Атлантическому океану, а также и по Тихому.

Из тех видов, которые живут на европейских берегах, самый известный — **обыкновенный ныряющий буревестник** (*Pelecanoides urinatrix*). У взрослой птицы оперение передней стороны тела буровато-черное, задней — чисто белое. Глаза карие, клюв свинцово-серый; ноги зеленовато-желтые. Длина птицы 36

*Семейство
ныряющие
буревестники*

см, размах крыльев 80, длина крыла 26, а хвоста 8 см. Этот вид живет в северной части Атлантического океана, включая и Средиземное море, кое-когда встречается и в Балтийском море.

От всех прочих буревестникообразных, ныряющих буревестников сразу можно отличить по их своеобразному полету. Я не знаю никакой другой птицы, которая бы летала так бешено. Правда, нередко случается видеть их спокойно плывущими или ныряющими в глубину прямо с поверхности воды. Обыкновенно же их видишь на лету и не в парящем положении, а бешено носящимися над самими волнами и как бы рассекающими их. Они гоняются по воздуху с распушенными крыльями, бросаются из стороны в сторону, вверх и вниз, необыкновенно быстро следуя один за другим. Какими-то свистящими взмахами крыльев крутятся во все стороны, так что мелькает в воздухе то темная спина, то светлое брюхо. Они то несутся над самыми волнами, карабкаясь по их гребням или погружаясь в глубину, то вдруг взлетают на три метра и более в высоту и оттуда бросаются по косому направлению прямо в воду. Исчезают в ней и снова выплывают, гребя одновременно крыльями и ногами. Так плывут они порядочное расстояние, а затем снова взлетают в воздух, зачастую только для того, чтобы перевести дух, так как тотчас же опять исчезают в воде.

Вполне основательно считают полет других буревестникообразных красивее, но надо сознаться, что никакие другие птицы этого отряда не летают так изменчиво и разнообразно, как ныряющие буревестники. При этом в полете сразу видишь несколько птиц. Одни исчезают в волнах, другие поднимаются оттуда, перелетают через нырнувших, и, когда те показываются на поверхности, сами они снова погружаются в воду. Эта постоянная перемена только увеличивает прелесть картины; я, по крайней мере, могу сказать, что меня это пестрое зрелище игры ныряющих буревестников на воздухе и в воде приводило в неопишуемый восторг.

Для вывода птенцов ныряющие буревестники в большом количестве стекаются на Гебридские, а также и на Фарерские острова. Прилет их бывает в начале мая, по уверению туземцев, всегда ночью, так как в эти часы птицы всего деятельнее. С помощью клюва и когтей они выкапывают глубокие норы в торфяном грунте, на котором находится их гнездовье. Иногда нора имеет целый метр в глубину и походит скорее на кроличье, чем на птичье, жилище. В заднем конце нора несколько расширяется, однако настоящего гнезда все равно нет. Яйцо кладется большей частью прямо на землю или же подстилкой служат несколько стебельков травы. Само собой разумеется, что птицы пользуются прошлогодними норами, если они уцелели, еще охотнее, чем вновь выкопанными, хотя работа эта поглощает у них очень мало времени. Большое кругловатое яйцо имеет 60 мм в длину и 45 мм в толщину и почти чисто белого цвета. Обе птицы попеременно и с большим усердием насиживают яйцо в продолжение несколь-

ких недель. В это время они свирепы, если их потревожат, и в гневе издают звук, похожий на ворчание и визг щенка; при этом также распускают веером хвост, поднимаются и довольно яростно кусают врага. Один из родителей постоянно торчит в норе даже тогда, когда из яйца уже вылупился буро-серый птенец, покрытый густым длинным пухом. Несмотря на обильную пищу, доставляемую обоими родителями, птенец растет медленно и только через несколько месяцев в состоянии покинуть гнездо и улететь в море. Пока птицы сидят в норе, то так жиреют, что на груди у них нарастает слой сала в целый сантиметр толщиной, вследствие чего они составляют лакомую пищу островитян.

Помимо человека, посещающего их гнездовья, у ныряющих буревестников мало врагов. В южных морях их преследуют большие хищные рыбы, а на гнездовьях в горах одолевают соколы и поморники.

*Семейство
ныряющие
буревестники*

ОТРЯД ПЕЛИКАНООБРАЗНЫЕ (Pelecaniformes)

Пеликанообразные отличаются от других птиц не только своими веслоподобными ногами, но и общим строением. Тело их вытянутое, шея средней длины, голова маленькая. На горле из складки кожи образуется отвисающий мешок. Ноги длиннопалые, с короткими плюснами, отличаются от плавательных ног других птиц тем, что плавательная перепонка у них соединяет все пальцы. Крылья длинные и кругловатые или длинные и заостренные. Хвост у разных видов бывает различной формы, но всегда имеет своеобразное строение, отличное от строения хвостов других плавающих птиц. Мелкое оперение прилегает плотно, у одних видов оно жесткое и твердое, у других шелковисто-мягкое; окраска молодых самцов и самок мало или совсем не отличается, но с возрастом большей частью сильно изменяется.

Пеликаны заслуживают название обитателей моря, хотя только члены двух семейств этого отряда похожи на морских птиц тем, что без каких-либо причин никогда не отдаляются от моря. Многие же охотно улетают в глубь страны, и поселяются на подходящих местах. Некоторые виды на море появляются лишь в исключительных случаях. Одни располагаются на отдых или на ночлег на скалистых островах и берегах, другие — по отмелям, большинство — на деревьях, если имеют к тому возможность; есть виды, которые принадлежат к настоящим лесным птицам.

Можно с определенностью сказать, что пеликанообразные соединяют в себе все свойства водоплавающих птиц. Органы чувств хорошо развиты, но умственное развитие довольно низкое; некоторые виды все-таки оказываются довольно способными и поддаются обучению. Несмотря на всю любовь к общительности, они не могут быть названы миролюбивыми птицами, напротив того, им свойственны зависть, алчность и склонность к ссорам, равно как злость, коварство и трусость, когда им приходится сталкиваться с другими существами.

Многие виды гнездятся вместе с птицами других групп, при этом иногда дерзко прогоняют их с гнезд или грабят гнездовый материал. Одной общей жизнью со своими братьями по гнездовой они отнюдь не живут.

Гнезда устраивают на деревьях, в трещинах и по карнизам скал или на горных выступах, реже на равнинах островов, в боло-

тах и топях. Где возможно, эти птицы пользуются чужим трудом, по крайней мере, в устройстве подстилки гнезда; уже потом они достраивают гнездо по своему вкусу. В других случаях они и сами таскают необходимый гнездовый материал и плетут из него неопрятное гнездо. Кладка состоит из одного или двух—четырёх яиц. Яйца относительно малы, продолговаты и обыкновенно покрыты известковым налетом, местами совершенно скрывающим яркую, равномерно окрашенную скорлупу. Реже яйца гладкие и по светлому фону покрыты более темными пятнами. На яйцах сидят оба родителя, и притом так крепко, что их почти нельзя согнать с гнезда; они оба заботятся о снабжении кормом одного или нескольких своих возлюбленных птенцов.

Для пеликанообразных рыба является исключительной пищей. Некоторые виды, конечно, едят при случае и других позвоночных, может быть, даже моллюсков и червей, но всегда они делают это попутно, скорее случайно, нежели намеренно. При ловле рыбы они или стремительно бросаются с высоты в воду, или плывут, погрузив свою длинную шею неглубоко под поверхность, могут, наконец, преследовать свою добычу, плывя под водой.

Одних пеликанообразных китайцы дрессируют для ловли рыбы; невкусное мясо других употребляется в пищу арабами, а островитяне южных морей используют для украшений длинные хвостовые перья пеликанов — вот, в сущности, все, чем исчерпывается польза, приносимая этими птицами человеку.

СЕМЕЙСТВО ФАЭТОНОВЫЕ (Phaethontidae)

Линней, когда увидел птицу из семейства фаэтоновых, назвал ее «сыном солнца»*. Появление этих птиц на горизонте служит для моряков знаком, что они вступили в пределы жаркого пояса. И действительно, фаэтона можно встретить в умеренных поясах земного шара только в исключительно редких случаях. Правда, одиночные экземпляры залетали и в наши области, но такие встречи все-таки принадлежат к числу редчайших исключений.

Самым известным и наиболее распространенным видом является **красноклювый фаэтон** (*Phaeton aethereus*). Его мелкое оперение белого цвета с розово-красноватым налетом; черная полоска на шее спереди более широкая, сзади суживающаяся. Наружные опахала больших маховых перьев черные; задние малые маховые тоже черные, но с белой каймой; хвостовые перья белого цвета. Глаза карие; клюв кораллово-красный; ноги, за исключением черной плавательной перепонки и пальцев, желтые. Длина птицы достигает 100 см, включая оба копьевидных пера длиной до 50—75 см, эти перья заходят сантиметров на 60 за наружные хвостовые перья; размах крыльев около 104, длина крыла 30 см.

* В греческой мифологии Фаэтон — сын бога солнца Гелиоса.

**Семейство
фаэтоновые**

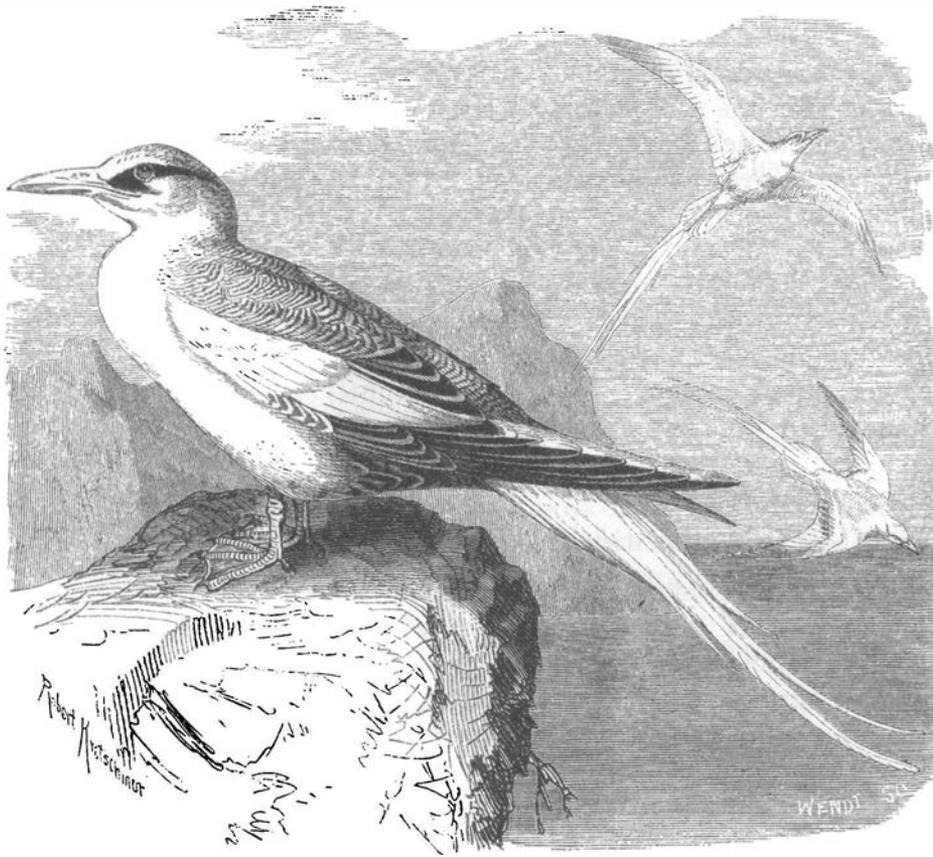
Все моря и океаны, лежащие между тропиками, служат отечеством фаэтонов. Этот вид распространен под данными широтами Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Из-под тропиков фаэтоны иногда залетают и в умеренный пояс.

Обыкновенно фаэтонов видят днем летающими поблизости от берегов, хотя Лессон видел их в тихие, лунные ночи, летавшими так же неумоимо, как и днем, а Беннет встретил этих птиц в апреле в тысяче морских милях от суши. В общем, моряки считают, что триста миль — это то расстояние, на которое эти птицы отдаляются от материков.

Я видел фаэтонов только раз, в южной части Красного моря,

и наблюдал их лишь непродолжительное время; но все путешественники, которые могли лучше познакомиться с ними, согласно высказываются об удивительной красоте и миловидности этих птиц. По словам Чуди, с первого взгляда фаэтон не оставляет впечатления морской птицы; скорее в нем можно видеть обитателя суши, занесенного в необозримую пустыню могучего океана.

Беннет говорит: «Фаэтоны, безусловно, принадлежат к самым красивым морским пти-

**Красноклювый
фаэтон**
(*Phaeton aethereus*)

цам и, наверное, возбуждают удивление всякого, кто видит их чудное оперение, играющее в ярких лучах тропического солнца. По своему характеру они столь же милы, как и привлекательны. Наблюдать за их искусными движениями в воздухе доставляет истинное наслаждение. Корабли часто привлекают их внимание; они прилетают к ним, кружатся над судном, все ниже и ниже по спиральной линии спускаются из верхних воздушных слоев, временами стоят на месте на небольшой высоте, трепеща своими крыльями и даже, хотя очень редко, садятся на корабельные рей. Если их не тревожить, они сопровождают, таким образом, корабль це-

лый день, пока он не выйдет из границ их местожительства или по какой-либо другой причине они сами не повернут назад.

Полное искусство своих воздушных движений птицы показывают при рыбной ловле. Подобно крупным крачкам, они, трепеща крыльями, стоят в воздухе на одном месте, зорко всматриваются в воду и вдруг стремглав несутся, сложив крылья, почти отвесно в воду, с такой силой, что, исчезая под ее поверхность, уходят на глубину одного фута и, чтобы вынырнуть, должны сильно работать крыльями и ногами».

Пища этих птиц состоит исключительно из рыбы и других морских животных, плавающих на поверхности воды. Нутталль уверяет, что очень часто видел их ловящими летучих рыб; Беннет в желудках их также нашел остатки головоногих.

Смотря по местоположению гнездовых островов, время гнездования фаэтонов, по-видимому, различно. В это время самцы бывают в чрезвычайно возбужденном состоянии, беспрестанно дерутся между собой, с криком и чириканьем гоняются друг за другом, бешено носятся кругом и толпятся и теснятся возле равнодушно летящей впереди самки. Для гнездовий предпочитают выбирать острова, лежащие вдали от людских поселений. Случалось наблюдать, что фаэтоны там, где их еще ни разу не беспокоили, клали свои яйца прямо на землю, большей частью под кустами; напротив, на островах, посещаемых человеком, они для этого избирают всегда различные углубления и расселины скал. Яйцо сравнительно велико, около 55 мм длиной, 37 мм в поперечнике, скорее кругловатое. Яйца насиживаются и самцом, и самкой, притом с таким усердием, что при появлении человека птицы не улетают, а защищаются своим клювом, нередко весьма успешно. По выражению Беннета, молодые более походят на пуховую пудреницу, нежели на птицу: они круглы, как мячик, и покрыты нежным, сверху пепельно-серым, на лбу и нижней стороне белоснежным пухом. Позднее они получают полосатое юношеское перовое одеяние, которое с первой же линькой меняется на чисто белое. На третьем году появляется розово-красная окраска, и одновременно с ней вырастают длинные перья.

Жители островов южной части Тихого океана употребляют перья птиц на украшения и весьма ценят их. Такие перья добыть от взрослых птиц очень трудно, поэтому островитяне дожидаются, пока фаэтоны сядут на яйца, ловят птиц на гнездах, вырывают у них перья и снова отпускают на волю.

СЕМЕЙСТВО ПЕЛИКАНОВЫЕ (Pelecanidae)

Самыми крупными представителями отряда пеликанообразных, или веслоногих, являются пеликаны. Они прежде всего характеризуются своим огромным клювом-сачком, который состо-

ит из мешка и прикрывающей его крышки, причем мешок образован нижней частью клюва, а крышка — верхней. Крышка очень длинная, совершенно плоская, сдавленная, от основания до конца довольно равномерной ширины, на самом конце закруглена. Спинка клюва идет ясно заметным килем по всей его длине и на конце переходит в когтевидный, сильный крючок. Нижняя часть клюва состоит из очень слабых, тонких, низких и гибких ветвей нижней челюсти, соединяющихся только на конце, между которыми находится необыкновенно просторный, в высшей степени растяжимый мешок. Тело птицы очень велико, слегка цилиндрическое; шея длинная и относительно тонкая; голова маленькая, ноги низкие с длинными пальцами, почему и снабжены большими плавательными перепонками. Крылья велики и широки; третье маховое самое длинное. Хвост короткий, широк, закруглен и состоит из 20—24 перьев. Область горла и место вокруг глаза голое. Оперение неплотно прилегает к телу, шероховато и жестко, причем каждое перо сильно сужено и заострено. На середине груди есть место с совершенно рассученными перьями. Перья задней части головы и затылка удлиненные, обыкновенно в виде хохолка или шлема. Окраска самца и самки одинаковая, но молодые птицы сильно отличаются от старых.

Пеликаны встречаются во всех частях света, имеют очень обширный район распространения. Но чаще сего живут в тропических поясах и в частях, прилегающих к обоим умеренным поясам. По образу жизни различные виды сходятся не во всем, но, в общем, так походят друг на друга, что мы будем иметь верное представление, если даже ограничимся рассмотрением образа жизни обоих европейских видов.

Самый обыкновенный и самый распространенный из всех пеликанов — **розовый пеликан** (*Pelecanus onocrotalus*). Как и родственные ему виды, это самая крупная из всех водоплавающих птиц. На голове розовый пеликан имеет хохол, образованный из длинных, кругловатых перьев. Оперение в старости белое, кроме бурых маховых перьев, и имеет розовый оттенок; передняя часть груди желтая; в молодости нижние шейные перья бурые с серым, на нижней стороне пепельно-серые. Глаза ярко-красного цвета; голые места вокруг них желтые. Клюв сероватый с красными и желтыми крапинками. Горловой мешок с желто-синеватыми прожилками. Ноги светлого мясо-красного цвета. Длина птицы достигает 140—180 см, размах ее крыльев 220—260, длина крыла почти 55, хвост 18 см. Самцы и самки резко отличаются друг от друга величиной, да и вообще рост этих птиц бывает различен.

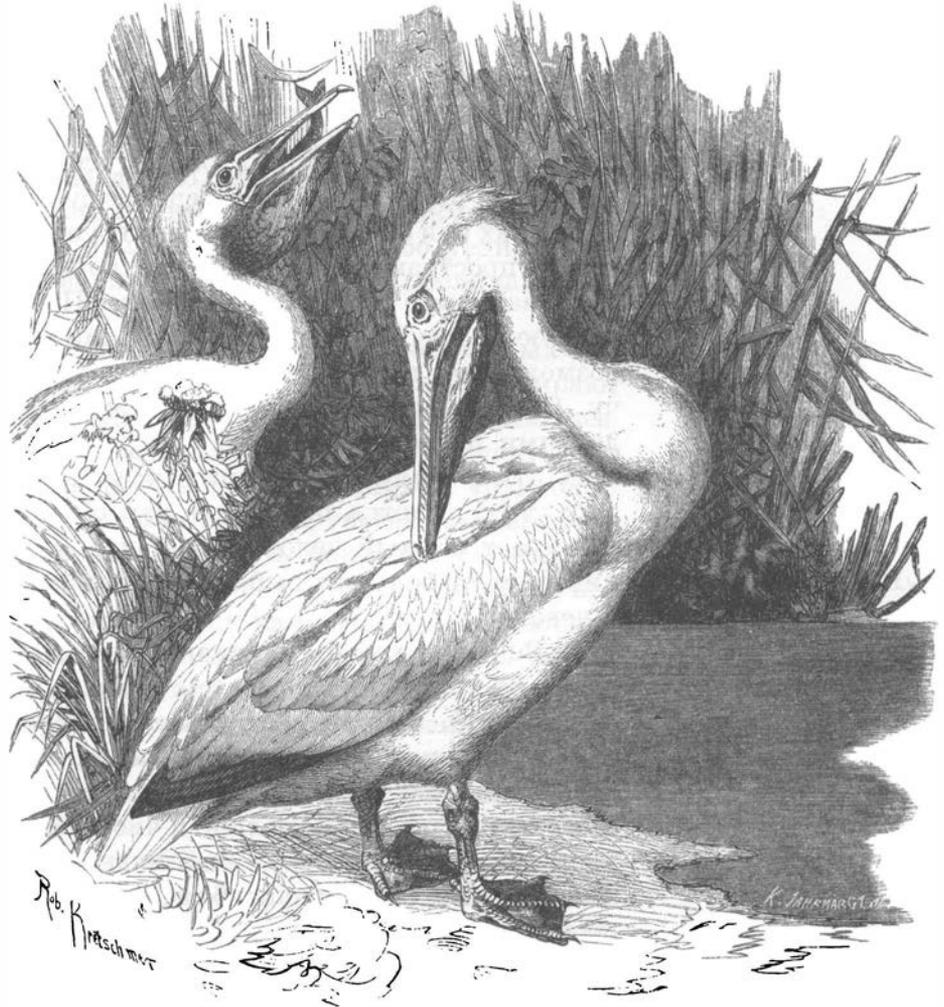
Другой, более крупный вид, **кудрявый пеликан** (*Pelecanus crispus*), белого цвета со слабым серо-красноватым налетом и черными крыльями. Перья головы и задней части тела его кудрявы и образуют причудливый хохол. Глаза серебристо-белые; клюв сверху серо-желтоватый; горловой мешок кроваво-красного цвета с голубоватыми прожилками; ноги черные. Молодые

птицы выглядят также серыми. Длина этого вида достигает 170—180 см, размах крыльев 290, длина крыла 75, хвоста 20 см.

Кто не путешествовал по Египту или северу Африки вообще и не видел огромную массу рыбадных птиц, живущих на местных озерах, где они находят себе приют и обильный корм, тот не может составить себе представления о количестве этих птиц и, наверное, обвинит всякого повествователя о тех краях в преувеличении. По египетским берегам Средиземного моря, по течению Нила в пору разлива или еще далее к югу, равно как и на Белом и Голубом

Ниле с прилежащими к ним озерами, и, наконец, на Красном море — пеликаны собираются иногда в таких массах, что глазом невозможно окинуть одну только стаю. Они в буквальном смысле слова покрывают собой несколько квадратных километров; плавая по озерам, уподобляются гигантским водяным кувшинкам, а когда сидят на берегу или на островах, греясь или оправляя перья, представляют собой нечто вроде длинной, белой живой стены. Там, где птицы собираются на ночлег, они так густо покрывают все деревья маленьких

островов, что издали кажется, будто деревья эти покрыты одними крупными белыми цветами и совершенно лишены зеленой листвы. Стаи из 10—12 птиц довольно редки, напротив, сотенные и тысячные — явление обычное. По весне стаи разделяются. Многие зимующие здесь птицы предпринимают перелет на юг к своим гнездовьям; оставаясь же в Египте и на севере Африки, эти стаи не могли бы найти себе таких удобных мест, которые бы предоставили им возможность для совместного гнездования.

Розовый пеликан
(*Pelecanus onocrotalus*)

Семейство пеликановые

** Это, конечно, преувеличение. Прямых наблюдений о ловле утят пеликанами нет. Не подтвердило этого факта и изучение содержимого желудков пеликанов.*

Пеликаны не делают разницы между пресной или морской водой, но предпочитают мелкую воду глубокой. Из всего семейства только один вид, живущий в средней Америке, добывает свою пищу нырянием с лету; все же остальные пеликаны не могут ловить рыбу таким способом, они в состоянии только схватывать ее с поверхности воды. Из-за воздушных мешков, лежащих под их кожей, эти птицы не имеют возможности погрузить свое тело в воду. Поэтому пеликаны держатся только на местах с такой глубиной, которую они могут обыскивать, пользуясь своей длинной шеей и сачковидным клювом. Для этой цели они собираются на мелких местах водных бассейнов, в известном порядке распределяются по обширному пространству более или менее сомкнутыми группами. На озерах и мелких местах около морского берега они образуют громадный полукруг и, вылавливая рыбу, плывут по направлению к берегу или рассаживаются большим кругом, и, передвигаясь, постепенно сужают его. На узких речках и каналах они разделяются на две группы, замыкают собой с двух сторон пространство, плывут друг другу навстречу и начисто вылавливают всю рыбу в этом районе. При такой ловле необыкновенную пользу оказывает им сачковидный клюв, так как он дает возможность легко схватывать и удерживать пойманную добычу. Обычной едой пеликанов служит рыба; иногда питаются и другими позвоночными. Они опасны для птенцов водоплавающих птиц, живущих поблизости; например, глотают полувзрослых утят*. Глотка пеликанов так обширна, что в нее свободно пролезает сжатый человеческий кулак; я сам много раз вытаскивал рукой больших рыб из желудка пеликанов, живших у меня в неволе.

Во время ходьбы пеликаны двигаются медленно, держа тело довольно прямо и покачиваясь; походка эта не может быть названа тяжелой. Иногда предпринимают сравнительно длинные пешие путешествия. На верхушках деревьев держатся с большой ловкостью, регулярно посещают их, если таковые есть поблизости; здесь они и греются на солнце и чистят свои перья. Плавают пеликаны легко, быстро и продолжительно, летают необыкновенно красиво. После небольшого пробега, подобно лебедям, бьют крыльями по воде, снимаются с поверхности, складывают шею наподобие буквы S, закидывают назад голову, быстро и торопливо машут раз 10—12 крыльями, плавно, широкими размахами пролетают несколько метров до тех пор, пока не отлетят от опасного места. Затем они или поднимаются, кружась, в высокие слои воздуха, или все тем же полетом продолжают лететь над водой далее.

По степени развитости чувств пеликаны едва ли уступают другим своим сородичам; понятливостью они, по-видимому, превосходят многих из них. Там, где пеликаны не доверяют человеку, они держатся с необыкновенной осторожностью, в других местах, напротив, бывают так доверчивы, что ведут себя как ручные птицы.

Ежедневная жизнь пеликанов протекает по одному раз заведенному порядку. Ранние утренние часы — время охоты. Обычно на рыбную ловлю птицы собираются стаями. Начинается лет малых или больших стай; первые летят косою линией, последние образуют клин; одни направляют свой путь к мелким бухтам, другие, уже сытые, возвращаются обратно. Около 10 часов утра все уже насытились и располагаются на любимый отдых по песчаным отмелям или на деревьях; здесь они заняты перевариванием пищи и чисткой перьев. Последнее занятие требует много времени, так как неловкий клюв затрудняет его и вынуждает птиц принимать престранные позы, в особенности если они вздумают оправлять свои шейные перья. Около полудня к месту отдыха беспрестанно прибывают новые пеликаны, и общество с каждой минутой становится все многочисленнее. После полудня, между 15 и 16 часами, ряды пеликанов вновь начинают пустеть; они всей гурьбой снова летят на ловлю. Эта вторая охота длится до захода солнца, после чего все птицы летят на ночевку. Для этого служит плоская песчаная отмель или какой-либо уединенный остров. Там, где есть острова, поросшие деревьями, пеликаны всегда спят на деревьях.

О размножении этих птиц я не мог собрать собственных сведений. В южной Европе для своих гнездовий пеликаны избирают болота и озера. Граф фон Мюле свидетельствует: «На таких гнездовьях гнезда большие. Частью влажные или сырые, свитые из камыша и тростника, помещаются птицами лишь в труднодоступных местах; где есть плавающие острова, гнезда устраиваются вплотную друг к другу. Вся окрестность покрывается жидким белым пометом гнездящихся птиц. Очень странно, но пеликаны выводят птенцов не одновременно, так как возле уже летающего молодняка можно встретить самок, еще только сидящих на яйцах; мой друг Фрейберг, посещавший много раз такие гнездовья, уверял меня, что нашел раз в одном гнезде двух птенцов: одного уже выросшего, а другого еще только покрытого пухом. Он не мог объяснить себе это иначе, как тем, что в одном гнезде совместно вывели птенцов две самки».

Кладка состоит, вероятно, из 3—4 относительно небольших, более или менее продолговатых, утончающихся к концам яиц около 9 см длиной и 6 см шириной; яйца имеют голубоватобелый цвет, но всегда покрыты толстым известковым слоем. По данным Кальберматтена, пеликаны кладут только 2—3 яйца в очень прочно сложенное гнездо, имеющее около 2,6 м в поперечнике и 0,7 в высоту. Вылупившиеся после 38 дней насиживания молодые уже покрыты серым пуховым одеянием, имеют чрезвычайно глупый вид, беспрестанно издают хриплый и резкий крик и вообще представляют собой в высшей степени отвратительных существ. Родители, делившие между собой труд высиживания*, горячо любят своих птенцов и на гнезде забывают всякую пугливость, свойственную им в другое время.

** У пеликанов насиживает кладку преимущественно самка, самец лишь изредка ее подменяет.*

Арабы ловят этих птиц для еды, хотя магометанский обычай запрещает есть пеликанов. Предание говорит, что, когда в Мекке строилась Кааба, воду приходилось доставлять издалека и вскоре появилась нужда в носильщиках; однако Аллах не хотел, чтобы это препятствовало священной постройке, и послал тысячи пеликанов, которые, наполняя свои горловые мешки водой, приносили ее рабочим.

СЕМЕЙСТВО ОЛУШЕВЫЕ (Sulidae)

Птицы этого семейства характеризуются следующими признаками: клюв длиннее головы, и на верхней челюсти его замечаются два слоя, так что весь клюв состоит как бы из трех частей. Ноги низкие, но плотные; крылья необыкновенно длинные, первое маховое перо длиннее остальных; хвост, состоящий из 12 перьев, клиновидно заострен; передняя часть головы и горло остаются голыми.

Обыкновенная, или северная, олуша (*Sula bassana*). Ее описания совершенно достаточно для ознакомления с образом жизни всего семейства. Окраска белая, за исключением буро-черных маховых перьев первого порядка; верхняя часть головы и задняя сторона шеи имеют желтоватый налет. Глаза желтые, клюв голубоватый, ноги зеленые; голая кожа на горле черная. Длина птицы достигает 98 см, размах крыльев 190, длина крыла 62, хвоста 26 см. Самка отличается от самца несколько меньшей величиной.

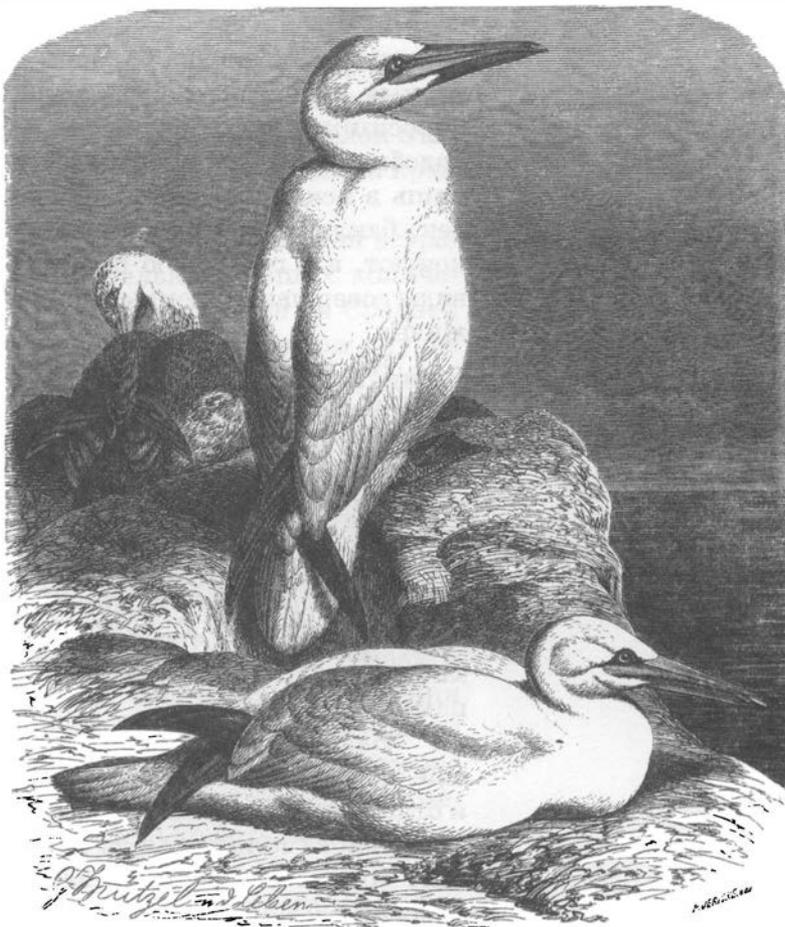
Северная олуша живет по всем морям северного полушария, начиная от 70 градуса северной широты и до тропических стран. Птица эта обычна в Исландии, на Фарерских, Оркнейских и Гебридских островах, реже у берегов Норвегии, одиночные экземпляры попадают вблизи северной Германии, Голландии и Франции, но в большом количестве встречается по американским берегам, а равно и в северной части Тихого океана; некоторые залетали даже внутрь Германии. По-видимому, олуша оказывает особое предпочтение определенным островам или береговым местам. Она проводит ночь на суше, обыкновенно на высоких и крутых, обрывистых скалах, поднимающихся прямо из воды, с которых может постоянно видеть расстилающееся перед ней море.

Искусство свое олуша выказывает на лету, на плавание она решается реже, быть может, только для того, чтобы отдохнуть на короткое время, сушу же посещает, за исключением птенцовой поры, только для сна.

Полет олуши своеобразен, но конечно, не столь превосходен, как полет буревестника и других длиннокрылых птиц, но все-таки очень хорош. После нескольких быстро следующих один за

другим взмахов крыльями она несется некоторое время, рассекая воздух с быстротой стрелы, но не плавно и спокойно, а со стремительными изворотами. Вдруг снова взмахивает крыльями и снова скользит по воздуху, временами описывая круги. Потом резко поворачивает и стремительно несется над самой водой или взвивается на значительную высоту. Как истый нырок, промышляет свою добычу на лету, бросаясь с высоты в воду, и с такой силой погружается в нее, что иногда разбивает голову о подводные скалы.

Что касается умственных способностей этих птиц, то о них можно сказать все то, что сказано выше о морских птицах вообще. Лишившись моря, они теряют присутствие духа и тогда, если не совсем утрачивают способность защищаться, позволяют над собой многое; частое преследование в воздухе, по-видимому, им впрок тоже не идет. К другим птицам они относятся злобно и задорно и в больших собраниях ссорятся с соседями и кусают их. Огромный клюв представляет собой такое ужасное орудие, что олуши могут не бояться ни одной морской птицы; несмотря на это, им приходится испытывать страх перед поморниками или при встрече с фрегатами. В неволе обыкновенных олушей я видел только в Амстердамском зоологическом саду, но не мог подружиться с ними, так как они оставляли слишком жалкое впечатление.

Обыкновенная олуша
(*Sula bassana*)

СЕМЕЙСТВО БАКЛАНОВЫЕ (Phalacrocoracidae)

Тело бакланов удлиненное, мощное и цилиндрическое; шея длинная или даже очень длинная, тонкая; голова небольшая; клюв средней длины и с сильным крючковатым концом. Ноги имеют короткие плюсны и длинные пальцы, с боков они сплющены. Крылья скорее длинные, хотя и тупозаостренные благодаря короткости больших маховых перьев. Хвост средней длины или же

Семейство баклановые

довольно длинный, немного выпуклый. Маховые и рулевые перья весьма жестки; опахала их широки и плотно прилегают друг к другу; стержни крепкие, но гибкие. Остальные перья короткие, плотно прилегающие к телу; перья нижних частей шелковисто рассучены, перья же верхних частей плотно сомкнутые, резко ограничиваются друг от друга и лежат ступенчато один на другом.

Бакланы встречаются во всех частях света и живут одинаково на море и на пресноводных внутренних бассейнах. Некоторые виды обитают на далеком севере, большинство населяет умеренные и жаркие пояса. На суше селятся по камышовым или поросшим лесом болотам и топям, по речным озерам и тому подобным водным пространствам, появляясь на морских берегах лишь в исключительных случаях. Следуя направлению больших рек, бакланы забираются далеко в глубь страны, вообще охотно кочуют, а в гнездовую пору держатся на одном месте. Северные виды совершают сезонные перелеты, остальные ведут кочевой образ жизни.

Бакланы считаются самыми совершенными нырками, но и во всем остальном их нельзя назвать неуклюжими. По ровному месту они ходят довольно неповоротливо, вперевалку, но по ветвям деревьев двигаются с удивительной ловкостью, летают быстрее, чем можно было бы предположить, так как кажется, что они должны сильно уставать от своего полета. На воде они плавают по возможности долго. Ныряют с таким совершенством и так долго остаются под водой, что невольно приводят в удивление наблюдателя. Они чрезвычайно понятливы, умны, рассудительны, хитры, но при этом драчливы, задорны и в высшей степени злопамятны и коварны.

Бакланы очень прожорливы и, даже наевшись до отвала, все еще жадно кидаются на добычу, если она попадет на глаза. Они и отдыхают-то, по-видимому, с единственной целью, чтобы, передохнув, снова приняться за ловлю рыбы и обжорство. Бакланы не едят только тогда, когда заняты приведением в порядок своего оперения или во время сна. Растяжимость глотки дает им возможность проглатывать крупных рыб; однако пища переваривается необыкновенно скоро, и желудок вновь требует пополнения.

Все виды гнездятся стаями и при случае основывают колонии, которые состоят из многих тысяч пар. Гнезда помещаются или на скалистых островах, в трещинах, выбоинах, по карнизам скал, или на деревьях, иногда до 40 и 50 штук на одном и том же. Если бакланам приходится строить гнезда самим, они натаскивают беспорядочную кучу толстых сучьев, заполняют кое-как промежутки камышом или какой-нибудь другой травой, почти никогда не дают ей просохнуть; в гнезде их бывает так мокро, что яйца лежат буквально в слякоти.

Яйца бакланов сравнительно малы, продолговатой формы и имеют толстую скорлупу зеленовато-белого цвета и без пятен; скорлупа местами покрыта известковым или меловым налетом.

На яйцах попеременно сидят оба родителя, насиживая их с усердием и, может быть, точнее будет сказать — с упорством. Воспитанием птенцов занимаются и самец, и самка. Птенцы вылупливаются на свет почти голые. Позднее у них появляется короткий, темно окрашенный пушок, и только когда они уже наполовину вырастут, то покрываются перьями. В гнезде молодые остаются долго, после чего следуют за родителями на воду, день-другой проводят здесь под руководством взрослых и затем уже предоставляют сами себе.

Большой баклан (*Phalacrocorax carbo*) — самый известный и, может быть, самый распространенный вид. Длина взрослой птицы достигает 81—92 см, размах ее крыльев 135—150, длина крыла 36, хвоста 18 см.

Начиная от средней части Норвегии, большой баклан встречается по всей Европе, а зимой в изумительно больших количествах — в Африке, кроме того, он очень часто живет в Средней Азии, а равно и в Северной Америке, причем в первом случае распространяется до южной Азии, во втором — до Вест-Индии.

Большие бакланы живут, смотря по обстоятельствам, на море и в пресноводных бассейнах. Их всегда встретишь на реках и водных пространствах, окаймленных лесами. В большом количестве встречаются эти птицы на море, хотя только на определенных местах, а именно — где берег скалист и мало доступен или где его окружает кольцо окрестных шхер. Не в меньших количествах собираются большие бакланы зимой и в южных морях. Уже в Греции их из года в год встречают на больших озерах и морях; в Египте они иногда покрывают берега на протяжении всего горизонта и каждое утро совершают свой вылет в открытое море. В южном Китае или в Индии они встречаются в таком же количестве. Можно с полной уверенностью сказать, что всякое место подходит для бакланов, так как, где только есть вода и рыба, они уже чувствуют себя хорошо.

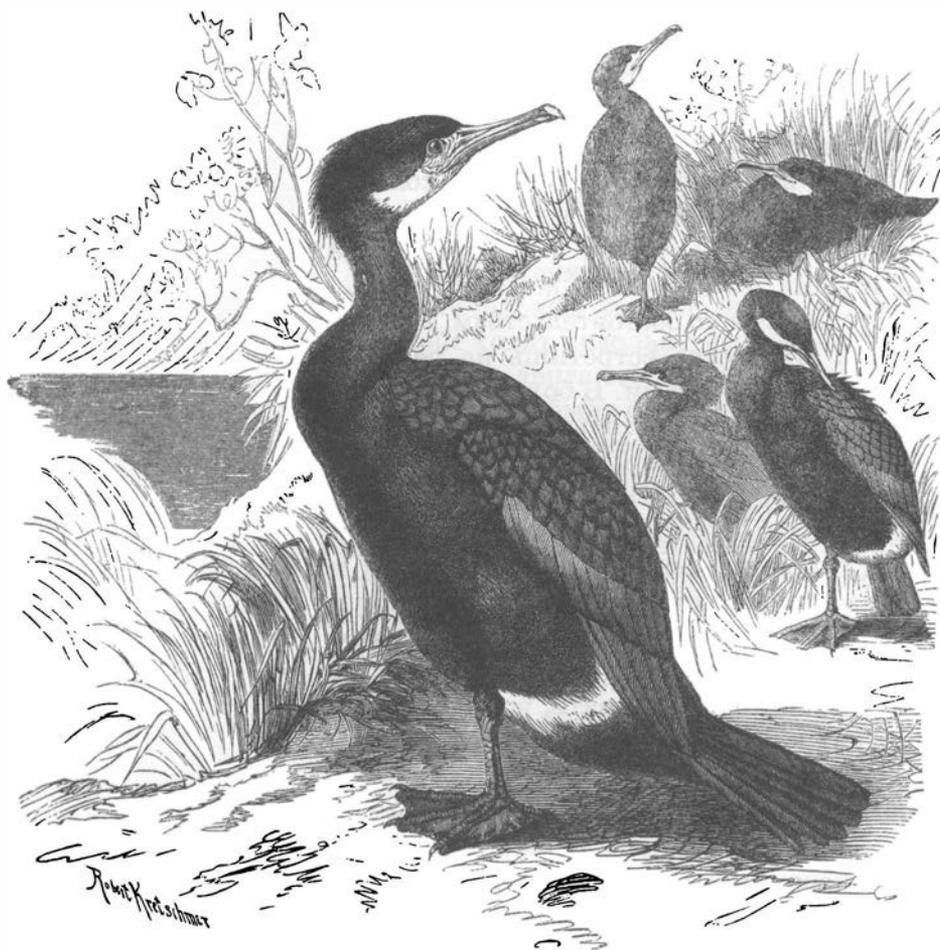
Большие бакланы обыкновенно держатся большими и малыми стаями. В утренние часы они усердно ловят рыбу, после полудня отдыхают и заняты перевариванием пищи; к вечеру еще раз принимаются за ловлю рыбы, а с заходом солнца отправляются спать. Для ночлега на суше они избирают высокие деревья, растущие по берегам рек или озер; такие деревья впоследствии служат им местом гнездования. Ночуя на море, они, наоборот, выбирают скалистые острова, позволяющие видеть далеко вокруг и предоставляющие возможность свободного прилета и отлета. Такие острова уже издали узнаются по массе помета, который разбрасывают эти птицы. Такое излюбленное местопребывание бакланов постоянно привлекает к себе внимание моряков или путешественников, в особенности, конечно, если это место покрыто сидящими птицами. Словно солдаты, рядами располагаются бакланы по зубцам утесов, оборотившись к морю, все в одном на-

правления; однако немногие из них остаются совершенно неподвижными, но каждый из них двигает или шейю, или головой, или крыльями и хвостом.

Чтобы какие-нибудь другие птицы превосходили бакланов в нырянии, я позволю себе сомневаться. Они так быстро плавают под водой, что лучшая, управляемая испытанными гребцами лодка не может настичь их; кроме того, они ныряют на значительную глубину, подолгу остаются под водой, а на секунду показавшись на поверхности, быстро вдыхают воздух и исчезают снова.

Преследуя свою добычу, бакланы так вытягиваются и гребут такими размашистыми толчками, что их тело стрелой несется по водному пространству.

Из органов чувств наиболее развито у них зрение; впрочем, слух их также очень развит; неплохое, вероятно, и обоняние; напротив, вкус их нельзя назвать тонким; правда, заметно, что бакланы делают разницу между разными сортами рыб, но в этом случае трудно предположить, что это находится в зависимости от чувства вкуса. Что касается умственных способностей, то к ним относится уже все высказанное выше.

Большой баклан
(*Phalacrocorax carbo*)

Все виды этого рода нужно причислить к умным, хитрым и недоверчивым птицам, так как замечено, что они никогда не забывают о своей безопасности, ни на свободе, ни в неволе. Однако известно, что бакланы умеют быть находчивыми при различных условиях и извлечь из обстоятельств возможно больше пользы для себя.

Доказательством понятливости бакланов служит факт приучения их китайцами к ловле рыбы, что птицы и исполняют к удовольствию своих хозяев. Большие бакланы, дрессированные

для рыбной ловли, воспитываются в неволе, где они выводятся из яиц, насиживаемых курицами. Молодых птиц рано начинают выносить на воду и приучать бросаться в воду по приказанию хозяина, нырять и выносить на поверхность пойманную рыбу. «Во время прилива, — рассказывает Дулитл, — мосты в Фучау бывают запружены зрителями, смотрящими на эту рыбную ловлю. Рыбак стоит на длинном, около 5—6 м, плоту из бамбука, приводимом в движение посредством одного весла. Когда нужно, чтобы баклан ловил рыбу, рыбак кидает птицу в воду; если последняя не хочет нырять, он до тех пор бьет по воде веслом, пока она не исчезнет в глубине. Поймав рыбу, баклан вновь появляется над водой с добычей в клюве, имея целью, конечно, проглотить ее, чему, однако, препятствует свободно обтянутый вокруг шеи шнур или надетое на нее металлическое кольцо; таким образом, птице волей-неволей приходится плыть к плоту. Рыбак как можно скорее подплывает к ней, чтобы рыба не успела ускользнуть из клюва баклана; так иногда случается, в особенности когда пойманная рыба крупных размеров. Когда рыбак достаточно приблизится, он накидывает на баклана прикрепленный на палку сетчатый сачок и притягивает им птицу к плоту; рыбу у нее отнимает, а баклану в вознаграждение за труды дает немного корма, причем кольцо предварительно снимает, чтобы дать возможность птице проглотить корм. После этого баклану дают немного отдохнуть и затем вновь посылают на работу. Иногда птице приходится в голову удрать вместе со своей добычей, тогда рыбак с возможной быстротой спешит нагнать ее. Обыкновенно это и удаётся, но иногда рыбак терпит неудачу. Иной раз баклан поймает такую сильную рыбу, что один с ней справиться не может; тогда к нему на помощь плывут несколько других бакланов. Случается также, что подобное обстоятельство порождает между птицами ссору из-за добычи».

Их прожорливость переходит всякие границы: один баклан съедает больше, чем человек, он съедает, если может только достать, так же много, как и пеликан. Я дал одному баклану, жившему в неволе, столько рыбы, сколько он мог съесть, и нашел, что он уничтожил утром в среднем 26 длинных рыбин, а в послеполуденные часы — 17*. Во время еды не только желудок заполнялся рыбой, но даже пищевод его необыкновенно раздувался, некоторые рыбы торчали даже из глотки. Однако пищеварение шло так быстро, что в течение двух часов глотка и пищевод были уже совершенно пусты. В море бакланы, по всей вероятности, питаются одной рыбой, которую они вытаскивают со дна или ловят попутно; на суше же преследуют и мелких позвоночных.

Для своего гнезда бакланы предпочитают деревья, но в случае нужды довольствуются и углублениями в земле, выступами скал и тому подобными местами. На континенте или там, где леса доходят до берегов моря, бакланы появляются в поселениях

* Обычная дневная норма баклана — 300—400 г рыбы.

Семейство баклановые

* Как правило, кладка бакланов содержит 5 яиц.

** Две кладки в году у бакланов известны как редчайшие исключения. Довольно обычны повторные кладки после потери первой или гибели маленьких птенцов. Такие кладки могут встречаться даже в августе. Из-за столь поздних сроков размножения раньше их принимали за вторые кладки, однако специальными наблюдениями установлено, что это всего лишь повторные попытки размножения после гибели первого гнезда.

ворон или цапель и овладевают чужими гнездами, первых прогоняя немедленно, вторых же после предварительного жаркого боя. В такие гнезда они натаскивают жестких прутьев, стеблей камыша, тростника и тому подобное, слегка улучшают завоеванные жилища и начинают кладку. Если год-другой их не беспокоить, они так прочно уживаются на месте, что впоследствии прогнать их можно лишь с большими усилиями.

В гнездовьях бакланы появляются обыкновенно в апреле, быстро и усердно устраивают свои гнезда, на иных деревьях буквально на каждой ветке, и уже в конце месяца кладут 3—4 маленьких, узких яйца около 65 мм длиной и 40 мм шириной, снабженных прочной скорлупой голубовато-зеленого цвета и покрытых известковым налетом*. Самец и самка сидят на яйцах попеременно и высиживают их около четырех недель; птенцов кормят они также сообща. Птенцы благодаря изобилию присимого им корма вырастают относительно скоро. Прилетают родители к гнезду с переполненными глотками и желудками и отрывивают на край гнезда несколько дюжин мелких рыбешек; многие рыбки падают через край на землю, но ни один баклан не дает себе труда поднять их. Взрослые чрезвычайно любят своих птенцов, но в минуты опасности не пытаются их защитить, по крайней мере, от человека. В середине июня птенцы вылетают из гнезда, и тогда родители их обыкновенно тотчас же приступают ко второй кладке**, предоставляя молодым кормиться самим.

Охота за большими бакланами или вообще за бакланами не всегда легка, так как благодаря своей хитрости и осторожности они умеют избегать всех уловок охотников. Легче убить такую птицу на стойке под деревом, местом ночлега бакланов; всего же проще, конечно, бить их с гнезда. Такая охота вызывается скорее необходимостью, охотничий же интерес весь пропадает, так как все сводится к бойне. Мы считаем бакланье мясо несъедобным; лапландцы же и арабы держатся другого мнения и считают его лакомым куском, так как оно очень жирное.

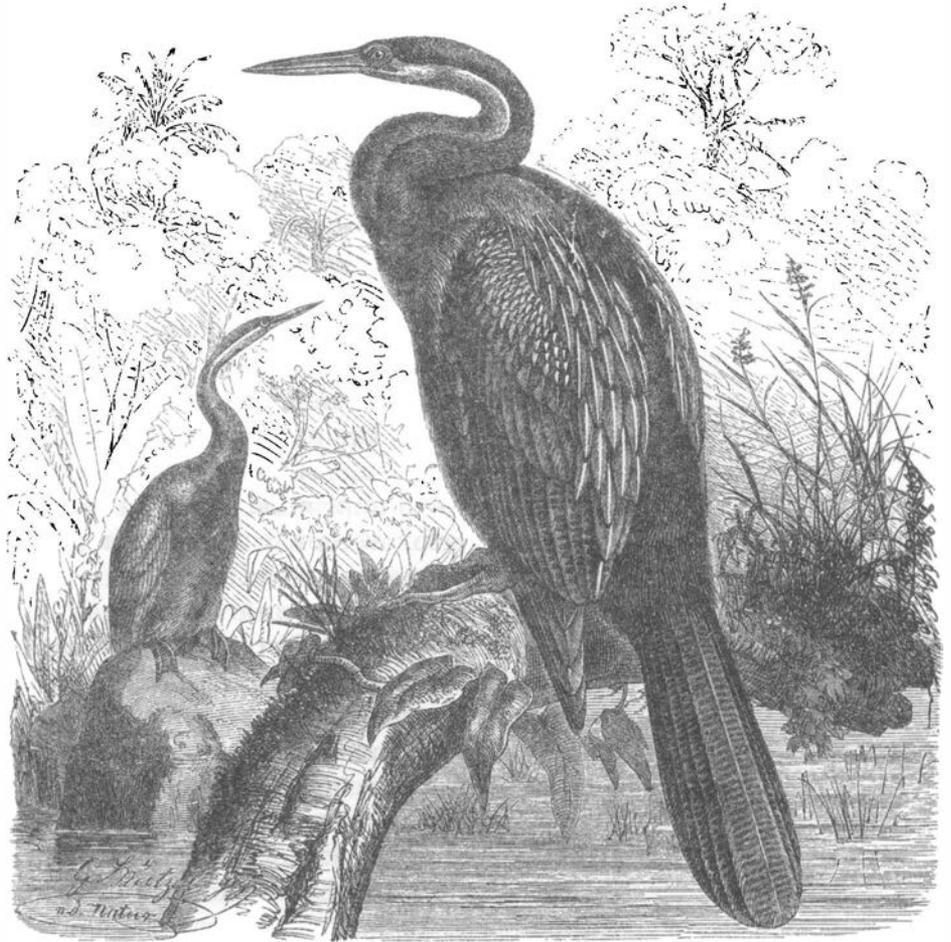
СЕМЕЙСТВО ЗМЕЕШЕЙКОВЫЕ (Anhingidae)

Характерные признаки змеешеек следующие: тело вытянутое, с необыкновенно длинной, тонкой шеей и маленькой, плоской головой. Клюв длинный, прямой, слабый, веретенообразный, весьма острый, с краями, мелко зазубренными по направлению к концу. Ноги короткие, толстые, далеко отставленные назад и снабженные длинными пальцами. Крылья длинные, но коротконочные, с наиболее длинным третьим маховым пером. Длинный хвост состоит из 12 расширяющихся к концу гибких перьев с волнистыми опахалами. Наконец, мелкое оперение очень красивое, блестящее и относительно пестро окрашенное.

Африканская змеешейка (*Anhinga rufa*) имеет преобладающим черный цвет с металлическим зеленым блеском; спина и кроющие перья крыльев ее украшены широкими серебристо-белыми штрихами. Шея ржавого цвета; полоска, начинающаяся около глаза и идущая по бокам шеи, — черно-бурая, другая под ней — белая; перья крыльев и рулевые черного цвета; последние на конце светлее. Глаза медно- или красно-желтого цвета; голые места на голове желто-зеленые; клюв рогового цвета; ноги зеленовато-серые. Длина птицы достигает 86 см, размах ее крыльев 108, длина крыла 34, хвоста 25 см. У самки все цвета менее ярки; однако разница между ее оперением и оперением самца незначительна. Змеешейка свойственна Африке и встречается там на всех водных бассейнах южнее 15 градусов северной широты.

Во время путешествия на Белый и Голубой Нил я часто видел этих птиц и посвятил некоторые часы и дни наблюдениям за их охотой; но таких точных наблюдений, какие были произведены Одюбоном над ее американским родичем, **американской змеешейкой (*Anhinga anhinga*)**, я, конечно, сделать не мог. Поэтому в нижеследующем изложении я буду преимущественно опираться на сведения, сообщенные упомянутым натуралистом, насколько они соответствуют моим личным наблюдениям.

Змеешейки живут по рекам, озерам и болотам, поблизости от которых растут деревья, в особенности на таких водных пространствах, которые окружают острова, густо заросшие деревьями. Утром эти птицы слетают с деревьев, чтобы начать свою охоту, и на ночлег или отдых возвращаются обратно на них же. На деревьях обыкновенно помещаются и их гнезда. Во всяком слу-

Африканская
змеешейка
(*Anhinga rufa*)

Семейство
змеешейковые

чае, они, подобно бакланам, отдыхают и гнездятся и на скалах, но это, конечно, только в тех случаях, когда они не могут воспользоваться деревьями. Богатые животными воды Африки предоставляют им все нужное для жизни, почему и дают пристанище довольно большим количествам этих птиц. Общественными птицами их, конечно, назвать нельзя, так как почти никогда не видно стай змеешеек, которые бы заключали в себе более 10—20 птиц, зато они охотно держатся на каком-нибудь участке озера, пруда или реки обществом из 5—8 штук; точно так же несколько таких стай вечером слетаются на излюбленные деревья для отдыха. В птенцовую пору в благоприятных для птиц местах можно встретить еще более многочисленные собрания.

Едва ли найдется другое, более удачное название, чем то, которое дано этим птицам, — «змеешейка». Их шея действительно напоминает змею; она не только имеет сходный с ней рисунок, но даже и двигается таким же образом. Когда нырнувшая птица плывет под водой, она напоминает змею; если принуждена защищаться или нападать на врага, то с такой молниеносной быстротой вскидывает шею, что опять-таки это можно сравнить с нападением ядовитой змеи. Все змеешейки искусные пловцы, но еще более совершенные нырки. Баклан в сравнении с ними увалень; по крайней мере, в отряде птиц, к которому он относится, пальма первенства в этом отношении принадлежит змеешейке. Их не может превзойти почти ни одна плавающая птица, ни один нырок, за исключением разве только пингвина. Там, где они спокойно могут заниматься своим рыболовством и чувствуют себя в полной безопасности, плавают, наполовину погрузив тело под поверхность воды; если же они завидят человека или какое-либо опасное животное, то так глубоко погружаются, что наружу остается одна только шея. Благодаря этому змеешейка необыкновенно легко скрывается от взора: можно проплыть совсем близко от нее и не заметить птицы, даже когда она плывет на совершенно чистом месте, причем она исчезает, если пожелает, от самого зоркого глаза в камыши, заросли и т.п. Если преследуют ее, то она тотчас же начинает нырять и проделывает это с изумительным мастерством. Змеешейка совершенно не употребляет в дело крыльев, хотя и держит их, слегка отстранив от тела. Она гребет только ногами и действует хвостом, как рулем, и при этом движется с такой быстротой, ловкостью и верностью, что превосходит во всем этом самую быструю рыбу. Расстояния более чем в 60 м она проплывает менее чем в минуту; под водой она, по-видимому, движется еще быстрее, чем по поверхности.

Походка змеешейки переваливающаяся и ковыляющая, но сравнительно быстрая; в ветвях деревьев она проявляет ловкость, которую нельзя было предполагать, так как не только может крепко держаться на сучьях, но умеет и ходить по ним взад и вперед, хотя при этом распускает для поддержания равновесия крылья

и пользуется клювом, как подпоркой. Полет ее походит на полет баклана настолько, что на лету этих птиц можно перепутать. Летящая змеешейка движется быстро и за один раз летит долгое время. Непуганая змеешейка летит обыкновенно довольно низко над водой, по возможности придерживаясь одного и того же расстояния от поверхности воды. Если она при этом захочет сесть на дерево, то по крутой дуге взлетает снизу до самой вершины его, несколько раз облетает и затем уже садится. В пору спаривания она часто залетает на значительную высоту, иногда даже исчезает из глаз и там, в далекой выси, по целым часам, играя, описывает круги. В полуденные часы змеешейки, совершенно как бакланы, опускаются на сучья или скалистые острова по реке, раскрывают крылья и время от времени обмахиваются ими, как бы чувствуя потребность освежиться. В это время они чрезвычайно напоминают позу орлов на гербах. Когда они сидят в позе гербового орла на ветви, часто у самой воды, то кажется, будто они совершенно не обращают внимания на подходящего к ним охотника; на самом же деле зорко следят за ним, и в ту самую минуту, когда охотник скидывает ружье, они уже исчезают в воде.

Змеешейки ловят рыбу так же, как и бакланы, ныряя с поверхности воды вглубь, быстро гребя лапами, настигают под водой рыбу и схватывают ее, метнув своей шеей. В открытом море, по наблюдениям Чуди над американской змеешейкой, эти птицы кидаются на рыбу с замечательной стремительностью; однако они лишь в очень редких случаях сидя остаются на волнах, но тотчас же снова поднимаются с добычей на воздух и съедают ее на лету. Насколько верны эти сведения, я сказать не могу. Одно только верно, что, поймав добычу, птицы эти обыкновенно выплывают с нею наверх и только тут проглатывают ее. Птицы эти требуют очень много пищи, так как прожорливость их необыкновенно велика. Между различными породами рыб змеешейки, по-видимому, различия не делают, как и бакланы, по всей вероятности, не отказываются и от мелких позвоночных, молодых птичек и разных земноводных, может быть, даже и от разных беспозвоночных животных.

Змеешейки гнездятся на деревьях. Их гнезда, устроенные из сухих прутьев, похожи на гнезда цапель. Они в числе 4—8 штук помещаются на одном высоком дереве, если можно, окруженном водой. Кладка состоит из 3—4 яиц около 55 мм длиной и 36 мм в поперечнике, имеющих светло-зеленый цвет и покрытых белым известковым налетом. Гнездовая жизнь, в общем, протекает так же, как и у бакланов.

Неволю чернобрюхие змеешейки переносят при некотором уходе так же хорошо, как и бакланы, вскоре становятся до известной степени ручными и, если воспитываются смолоду, выказывают большую привязанность к человеку.

В уединенных, мало посещаемых человеком местностях чернобрюхие змеешейки не очень пугливы, так что охота за ними не

Семейство змеешейковые

представляет почти никакого труда. Для этого стараются разуз-
нать ночлежные деревья и после полудня становятся под ними,
ожидая прибытия птиц. После выстрела все оставшиеся в живых
птицы кидаются в воду, ныряют вглубь и выплывают то здесь, то
там, выставив над поверхностью одну только шею; однако обыкно-
венно они снова отыскивают себе такие места, где бы по возможно-
сти их скрывали камыш или ветви. Стрельба в плывущую черно-
брюхую змеешейку не имеет смысла; пороху и дробу при этом
тратится много, а успех бывает лишь в редких случаях, так как
тело птицы совершенно спрятано от дробу и для цели остается
одна только тонкая шея. Но и тогда даже, когда все тело птицы
открыто для выстрела, ее убить нелегко, так как плотное оперение
обладает удивительной способностью противостоять удару дробу.

Чернобрюхая змеешейка, с которой снята шкура, а не просто
ощипанная, представляет собой вовсе не дурное кушанье.

СЕМЕЙСТВО ФРЕГАТОВЫЕ (Fregatidae)

Если какая-либо птица и заслуживает название «морской
орел», то это — фрегат. Тело его узкое, шея мощная, голова уме-
ренно крупная. Клюв наполовину меньше головы, у основания
слегка сжатый, по спинке плоский, вдоль вершины согнутый и
оканчивающийся крючком в виде зубца. Нижняя половинка
клюва также согнута, угол, образуемый на подбородке расщепом
клюва, велик, широк и имеет голую кожу. Ноги короткие, силь-
ные, с оперенными плюснами; пальцы длинные, снабженные пе-
репонками; каждый палец имеет сильно согнутый острый ко-
готь; у среднего пальца такой же коготь, но вдобавок еще гребне-
видно зазубренный с внутренней стороны. Крылья необыкновен-
но длинные и сильно заостренные; самое длинное из маховых
перьев — первое. Хвост состоит из 12 перьев, очень длинный и с
глубокой развилиной. Оперение, плотно прилегающее к телу и
блестящее на голове, шее и спине, состоит сверху из продолгова-
тых перьев (кругловатых в области нижних шейных перьев), ко-
торые на груди рассучены, а вокруг глаза и на горле совершенно
отсутствуют. Кожистый горловой мешок может надуваться воз-
духом и снова сдуваться.

* Многие система-
тики не выделяют
его в отдельный вид,
а объединяют с
большим фрегатом
(*Fregata minor*).

Великолепный фрегат (*Fregata magnificer*)*. Оперение ста-
рого самца буровато-черное с металлическим зеленым или пур-
пуровым блеском на голове, затылке, спине, груди и боках. На
крыльях оперение покрыто сероватым налетом, на верхней части
малых маховых перьев и на рулевых перьях оно буроватого цве-
та. Глаза темно-карие, часто серо-бурые; голое место вокруг них
пурпурово-голубое; клюв светло-голубой у основания, в середине
белый и темного рогового цвета на конце; горловой мешок оран-
жево-красный. Ноги в верхней части светлые, карминно-красные,

в нижней части оранжевые. Самка существенно отличается от самца меньшим блеском и более светлой окраской, более или менее белой на груди. У молодых нижние шейные перья и плечи бурые с более светлыми каймами перьев; наиболее крупные перья плеч, маховые, рулевые, перья надхвостья, верхние и нижние кроющие перья хвоста — черные; некоторые перья на середине груди и по бокам бурого цвета; все остальные части белые. Длина птицы достигает 108 см, размах крыльев 230, длина крыльев 65, хвоста 47 см; вес ее лишь немного превышает 1,5 кг.

Родина фрегата приблизительно та же самая, что и у фаэтона, и простирается по морям, лежащим внутри тропиков; только фрегат редко отдалится от берегов так далеко, как фаэтон. Правда, его встречали и в 200—400 морских милях от ближайшего материка, обыкновенно же он почти не улетает от берега далее 15 или 20 морских миль и при всяком изменении погоды возвращается обратно. С наступлением утра покидает место своего ночлега и направляется в море, то описывая круги высоко в воздухе, то летя против ветра; здесь он досыта ловит рыбу и уже в полдень, если предвидит бурю, возвращается на сушу с полным желудком и зобом; в противном случае — только в послеполуденные часы.

Одюбон и другие наблюдатели считают фрегатов одними из быстрейших морских летунов. Как ни проворны морские ласточки и чайки, но, по мнению Одюбона, для фрегата не представляет ни малейшей трудности перегнать их. «Ястреб, сапсан и ловчий кричат, которых я считаю самыми быстрыми птицами из всех соколиных, вынуждены, прежде чем завладеть добычей, иногда преследовать ее. Фрегат же, напротив, молнией несется на преследуемого, если увидит своим зорким глазом, что он поймал рыбу; отрезает ему отступление и заставляет отрыгнуть только что проглоченную добычу». По уверению того же писателя, фрегат наблюдает за дельфинами и хищными рыбами, носится над ними, когда те преследуют летучих рыб, и как только рыбы покажутся из воды, несется к ним, на лету ловит одну из них или стремглав ныряет за ними*, когда они еще плывут в воде. Пойманную рыбу фрегат два или три раза роняет, если ему сразу не удастся схватить ее; но подхватывает ее каждый раз прежде, чем она коснется воды.

Душевные качества фрегата сходны с качествами многих хищных птиц. Особенно выдающейся понятливостью он не обладает, но хорошо умеет отличать врагов от друзей и с приобретением опыта становится умнее. Обыкновенно не выказывает себя пугливым, но держится в известном отдалении от человека, от которого ничего доброго не ожидает; однако в то же самое время внимательно следит за рыбацким судном, следует за ним и, когда дело доходит до вытаскивания рыбы, летает так близко, что его можно ударить веслом. Понуждаемый голодом, фрегат забывает всякую осторожность и с лету хватается где-нибудь возле самого

* Фрегаты нырять не умеют, пищу они всегда подбирают с поверхности воды.

Семейство фрегатовые

** Кладка фрегатов состоит только из одного яйца.*

*** Это не так. Птенцы у фрегатов вылупляются голые, лишь спустя некоторое время у них появляется пух. Вероятно, наблюдатель осматривал колонию, когда птенцам было уже несколько дней от роду.*

поселения рыбу или кусок пльвущего в воде мяса. Стая фрегатов даже собирается в этом случае вокруг крупной падали, пригнанной водой к берегу, где каждый старается урвать побольше. С глупышами, по словам Беннета, они часто подолгу носятся в воздухе, вступая в схватку, причем в полном смысле слова запускают свои когти в противников и иногда вместе с ними с громадной высоты летят прямо в воду.

Главной пищей фрегатов, по-видимому, служат летающие рыбы, однако едва ли эти птицы отказываются полакомиться мелкими позвоночными. Одюбон подозревает их в похищении из гнезд пеликанов птенцов; другие наблюдатели уличили их в воровстве утят. По рассказам Госсе, фрегат не всегда ловит рыбу клювом, часто выхватывает ее лапами и уже затем подносит к клюву.

В северных частях области своего распространения фрегаты начинают постройку гнезда приблизительно в середине мая. Они держатся поблизости от островов, уже годы служивших им местом гнездования, и занимают на них все подходящие места; таким образом на одно гнездовье собирается 500 и более пар. В то время, как одни пары строят свои гнезда, другие целые часы кружатся в воздухе на значительной высоте. Подновляются старые гнезда, закладываются новые, причем сухие ветви и сучья отламываются клювом от деревьев на лету или воруются из других гнезд, или же подбираются с воды; однако гнезда делаются не совсем искусно. Обыкновенно они строятся на деревьях, на стороне, обращенной к воде, охотнее всего на деревьях, стоящих у воды. Одни птицы устраивают гнезда в кроне дерева, другие — на его вершине, причем нередко на одном дереве гнездится много пар. Кладка, по Одюбону, состоит из 2—3 яиц с крепкой скорлупой, имеющих в длину 65 мм, в поперечнике 43 мм, и зеленовато-белого цвета*. Яйца насиживаются обоими родителями попеременно: нет никакого сомнения, что самец принимает участие в этом занятии; Беннет даже думает, что самец больше заботится о яйцах, нежели самка. Птенцы появляются на свет в желто-белом пуховом одеянии и остаются в гнезде очень долго**, так как для полного усовершенствования в их полете необходимо много времени.

ОТРЯД АИСТООБРАЗНЫЕ (Ciconiiformes)

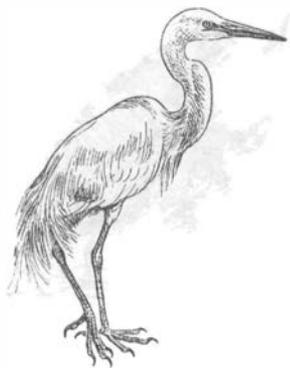
Отряд
аистообразные

«Голенастые птицы имеют много общего в характере и манере себя держать, — говорит Рейхенев в своем общем описании жизни аистообразных, которым мы воспользуемся, — и живут на низменностях, в болотах и на водах, на берегах моря, на лагунах, на песчаных отмелях и в окрестностях речных устьев. Они попадаются в береговых странах, но чаще всего на подходящих местностях внутри материка. По гладкой земле двигаются медленными шагами. Они никогда не бегают, а по воде ходят, часто погрузившись до живота; они плавают более или менее ловко, когда к этому принуждены. Полет их спокойный и равномерный. У многих удары крыльев прерываются довольно продолжительным парением. При перелетах они выстраиваются в строгом порядке. Их пища состоит из моллюсков, раков, насекомых и позвоночных, из рыб, пресмыкающихся и амфибий, которых они отыскивают на земле, на лугах, в болотах и в мелкой воде. Общительность является отличительным признаком голенастых птиц, несмотря на то, что встречаются и исключения; они соединяются в стаи не только для перелетов, но и в месте гнездования, и не только со своими родичами, но и с другими видами; они даже еще охотнее терпят в окрестностях своего гнездовья птиц более отдаленных видов. Обыкновенно они строят свои гнезда на деревьях и, только когда их нет, на земле, в камышах озер и болот и в низком кустарнике*.

Гнезда часто представляют собой очень рыхлую постройку из прутьев, выложенную иногда тростником. Кладка состоит из 3—5 яиц, в большинстве случаев одноцветных, белых или голубых, реже буроватых; иногда они имеют крапинки по белому фону. Форма яиц овальная или продолговато-острая. Голос голенастых птиц глухой и хриплый или крикливый и резкий; некоторые из них вовсе лишены голоса и только трещат, хлопая челюстями. Голенастые птицы встречаются по всей земле, за исключением Крайнего Севера. Они принадлежат к числу птенцовых птиц. Птенцы остаются в гнездах, пока вполне не научатся летать, и кормятся родителями».

**Выпи всегда делают гнезда только на земле, в тростниковых или камышовых зарослях.*

Цапли составляют первое и самое большое семейство этой группы. Их тело замечательно маленькое и сжато с боков; шея очень длинная и тонкая, голова маленькая, узкая и плоская. Клюв обыкновенно длиннее головы или одинаковой с ней длины, довольно толстый, прямой, сжатый с боков, узкий на вершине и конце, очень острый на несколько втянутых краях. За исключением окружности ноздрей, клюв одет гладким и жестким роговым покровом. Ноги средней длины, с длинными пальцами; коготь среднего пальца на внутренней стороне имеет тонкие зубцы в виде гребешка; крылья длинные и широкие, но тупые, потому что второе, третье и четвертое маховые перья имеют почти одинаковую длину; хвост, состоящий из 10—12 перьев, короткий и закругленный. Мелкое оперение обильное, мягкое и рыхлое, часто удлиняется на темени, спине и верхней части груди, местами расчученное; его окраска различна и нередко очень красива, несмотря на то, что настоящих ярких красок в оперении не встречается. Самец и самка отличаются разве только величиной; птенцы носят оперение, отличное от родителей и не такое красивое.

Цапли населяют все части света, все пояса, высоты и все страны, за исключением Крайнего Севера. Они во множестве встречаются внутри умеренной полосы, а в тропических странах составляют большую часть населения болот и водяных пространств. Некоторые виды предпочитают море, другие держатся на реках, иные в болотах; одни любят открытые местности, другие же лесную глушь или просто леса.

Нрав у цапель неприятный. Они умеют принимать самые удивительные позы, но ни одна из них не может назваться красивой. Они довольно подвижны, но каждое из их движений в сравнении с другими голенастыми птицами имеет нечто неуклюжее или, по крайней мере, непривлекательное. Их походка спокойная, медленная и как бы обдуманная; полет ловкий, хотя однообразный и вялый. Они умеют проворно лазать в тростниках или ветвях, но при этом так себя держат, что кажутся неловкими; могут и плавать, но делают это так, что невольно возбуждают смех. Зрение, без сомнения, самое развитое из внешних органов чувств; но взгляд красивых, в большинстве случаев светлых глаз имеет что-то лукавое, как взгляд змеи, и нрав цапель этому соответствует.

Добыча этих птиц состоит преимущественно из рыбы; самые мелкие виды питаются главным образом насекомыми; но все виды едва ли пренебрегут животным, которого смогут одолеть. Они уничтожают мелких млекопитающих, молодых и беспомощных птиц, лягушек различных видов, за исключением, может быть, жаб, а также моллюсков и червей, а вероятно, и раков. Цапли тихо ходят по воде, весьма внимательно и жадно ее осмат-

ривая; при этом они так втягивают свою длинную шею, что голова кажется лежащей на плечах, а нижняя челюсть клюва упирается в выгнутую вперед шею; вдруг шея с быстротой молнии вытягивается во всю свою длину, и клюв, как дротик направляется на добычу, которая в большинстве случаев обречена на верную гибель. Они таким же образом защищаются от нападающих на них врагов.

Все цапли охотно гнездятся в обществе своих собратьев, родичей и совсем чужих птиц. Их большие, грубо сплетенные гнезда находятся или на деревьях, или в камышах на согнутых стеблях. Кладка состоит из 3—6 бело-зеленоватых или голубовато-зеленоватых яиц, не имеющих крапинок. Самка высиживает одна, но в это время ее кормит самец*. Птенцы остаются в гнезде, пока не научатся летать или почти до этого времени; после вылета их еще некоторое время кормят родители, а потом предоставляют своей судьбе.

Серая цапля (*Ardea cinerea*) является самым известным представителем семейства. Оперение на лбу и верхней части головы белое, на шее серо-белое, на спине пепельного цвета; спина украшена белыми полосами по удлинненным перьям; бока нижней части тела черные. Полоса, начинающаяся у глаз и продолжающаяся к затылку, три длинных пера хохла, три ряда пятнышек на передней части шеи и большие маховые перья черные; верхние малые маховые перья и рулевые перья серые. Глаза золотисто-желтые, голое место над клювом зелено-желтое, клюв соломенного цвета, ноги буровато-черные. Длина 100—106 см, размах крыльев 170—180, длина крыла около 47, длина хвоста 19 см. Птенцы более серой окраски и не имеют хохла.

Серая цапля встречается почти во всех странах Старого Света, и не только как перелетная, но и как гнездящаяся птица. В более северных странах она является перелетной птицей, в более южных — кочующей. Из Германии улетает в сентябре и октябре, медленно странствует вдоль больших рек, в октябре всюду появляется в южной Европе и, наконец, перелетает в Африку. Возвращается в марте и апреле. Во время перелета образует стаи, достигающие иногда 50 птиц. Они летят только днем, но очень высоко и медленно, обыкновенно образуя косую линию. Сильный ветер делает их путешествие невозможным; иногда летят и при лунном свете.

Местопребывание и область охоты серой цапли составляют всевозможные водные пространства, от моря до горного ручья. Единственное условие для выбора места — то, что вода должна быть мелкой. Эта цапля встречается на самых маленьких полевых прудах, на канавах и лужах, а также, по крайней мере зимой, на мелких морских бухтах и береговых озерах; но она все-таки предпочитает воды, поблизости от которых находятся леса или, по крайней мере, высокие деревья; на последних она обыкновен-

*Почти у всех видов цапель кладку насиживают попеременно самка и самец.

но отдыхает. Серая цапля боязливее и пугливее остальных видов по той простой причине, что ее усерднее всего преследуют; она сторонится каждого человека, которого хотя бы издали завидит. Старые цапли трудно дают себя обмануть, так как замечают любую опасность и всегда очень осторожны.

Пища серой цапли состоит из рыб, лягушек, змей, особенно ужей, молодых болотных и водяных птиц, из мышей, насекомых, живущих в воде, ракушек и дождевых червей. «Цапли, дойдя до воды, — рассказывает Науман, — и не подозревая близости наблюдателя, обыкновенно тотчас же входят в мелкую воду и начинают свою рыбную ловлю. Они крадутся по воде равномерными, очень медленными шагами и при этом, согнув шею вниз, опускают клюв и внимательно смотрят на воду. Они ходят так осторожно и тихо, что не слышно ни единого звука или плеска, и всегда на таком расстоянии от берега, что вода едва доходит им до пяточного сустава. Таким образом, прокрадываясь и отыскивая добычу, они мало-помалу обходят весь пруд; заметив что-нибудь, с быстротой стрелы вытягивают сложенную шею, так что или один клюв, или вся голова уходит под воду. Поймав рыбу, тотчас ее проглатывают или сначала переворачивают ее в клюве головой вперед, чтобы удобнее было глотать. Если замеченная рыба находится слишком глубоко, то цапля запускает в воду всю шею, причем она, чтобы сохранить равновесие, каждый раз слегка распускает крылья и так сильно бьет ими по воде, что летят брызги. Мне тоже случалось наблюдать, как такой рыболов вдруг останавливался, несколько мгновений стоял смирно и потом вдруг вытаскивал рыбку. Вероятно, он это делает, когда попадает в стаю проворных рыбок, которые не знают, где им спастись, и этим приводят цаплю в короткое замешательство. Цапля целится наверняка и редко промахивается — ведь во второй раз прицелиться в пропущенную рыбу не удастся. Она таким же образом отыскивает лягушек, головастиков и водяных жуков. Первые доставляют ей много труда, когда они довольно велики; цапля колет их клювом, отбрасывает и снова ловит, щиплет до тех пор, пока ей не удастся проглотить их полумертвых и головой вперед».

Серая цапля охотно гнездится обществами и кое-где составляет колонии или поселения, насчитывающие 15—100 гнезд и больше. Они каждый год снова прилетают на прежнее место, несмотря на все преследования, и даже тогда, когда от колонии должны лететь 10 км и больше до ближайшей воды. Поблизости от морских берегов к цаплям всегда присоединяются бакланы, вероятно, потому, что им удобно пользоваться их гнездами. В апреле взрослые цапли появляются около гнезд, поправляют их и начинают нестись. Гнездо около метра в ширину, плоское и незатейливое, состоит из сухих палок, сучьев, тростника, камыша. Неглубокий лоток неопратно выложен щетиной, волосами, шерстью и перьями. В гнезде 3—4 яйца около 60 мм в длину и 43 мм в

ширину; они имеют крепкую и гладкую скорлупу зеленого цвета*. Насиживание продолжается три недели; по истечении этого времени птенцы вылупляются. Это беспомощные и некрасивые существа, которые, по-видимому, мучаются вечным голодом; они неимоверно много едят, из жадности роняют через край гнезда большую часть своей пищи. Птенцы остаются в гнезде дольше четырех недель. Когда слышится предостерегающее «ка» родителей, они прижимаются к гнезду, обыкновенно же стоят прямо. Когда птенцы становятся способными летать, то покидают гнездо. Родители учат их еще в течение нескольких дней, а потом предоставляют их судьбе; старые и малые разлетаются, и гнездовье пустеет.

Благородные соколы и большие совы, вероятно, и некоторые орлы нападают на старых цапель, а более слабые соколы и вороны грабят гнезда. «Ужас, который испытывают столь хорошо вооруженные цапли перед всеми хищниками и даже перед воронами и сороками, — говорит Бальдамус, — замечателен и даже смешон. Разбойники, по-видимому, это очень хорошо знают, так как они грабят такое гнездовье с беспримерным нахальством, утаскивают птенцов из самой густой стаи и в наказание слышат только страшные крики, видят, как цапли боязливо их сторонятся, или же замечают широко открытую пасть и в крайнем случае получают слабый удар крылом. Но я видел, как довольно большая цапля с нахохленными перьями и надутым горлом бросилась на сороку, которая грабила соседнее гнездо ночной цапли, прислоненное к краю ее гнезда. Молодые цапли и от человека защищаются, начинают шипеть и колотить его клювом. Но делают это только тогда, когда находятся в отчаянном положении, если их прижмут к самому краю гнезда»**.

Охота на цапель при помощи соколов, которая прежде существовала во всей Европе, в наше время встречается только у азиатов, например в Индии, а также у некоторых арабских племен в северной Африке. Как только цапля замечает приближающегося сокола, она выплевывает только что пойманную добычу, чтобы облегчить себя, и по возможности быстро поднимается высоко в воздух; но, конечно, сокол ее догоняет очень скоро и нападает на нее сверху. При этом он должен быть очень осторожен, потому что цапля всегда держит свой острый клюв готовым к защите. Если соколу удастся схватить жертву, то оба, кружась, падают на землю; если он имеет дело с опытной цаплей, то погоня продолжается дольше; но в конце концов цапля все-таки спускается, потому что не может от усталости лететь дальше. Необыкновенные повороты, полеты вверх и вниз, нападения и защита обеих птиц составляют великолепное зрелище. Когда охотник поймает цаплю, то он обыкновенно довольствуется тем, что выдергивает у нее нарядные перья или берет домой, чтобы притравливать молодых соколов.

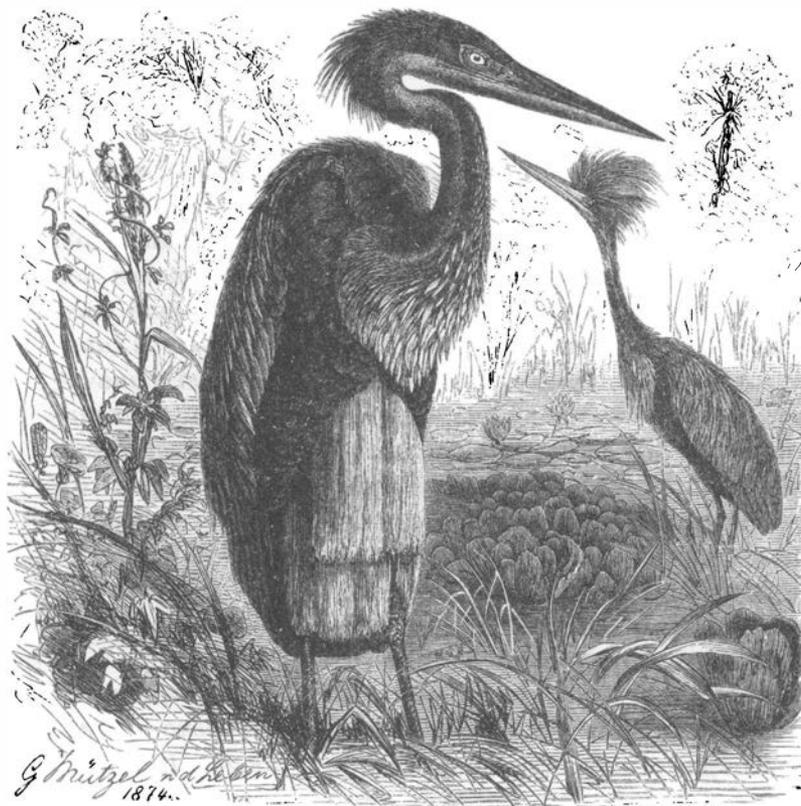
**Свежие и слабонасиженные яйца серой цапли, как правило, темно-голубые. Зеленый цвет яйца приобретают после длительного насиживания, когда синий пигмент в значительной степени разрушается под воздействием солнечного света.*

***Бальдамус, конечно, несколько преувеличивает. Цапли весьма эффективно защищают свои гнезда, и серые вороны, а тем более сороки имеют мало шансов разорить гнездо. Другое дело — ворон, от них цапли страдают сильнее, однако большие колонии и воронам уничтожить полностью не под силу.*

Еще можно назвать живущую в Африке и Индии цаплю-голиаф, или исполинскую цаплю (*Ardea goliath*). Верхняя часть ее головы и перья хохла, сгиб крыльев и нижние части тела, за исключением белого горла, каштаново-красно-бурые; зашеек и бока шеи светлее; остальные верхние части тела голубовато-пепельные; развевающиеся перья передней части шеи снаружи белые, внутри черные, часто с ржаво-бурыми стержнями. Глаза желтые, уздечка зеленая; верхняя часть клюва черная, нижняя на

конце зелено-желтая, в основании фиолетовая; ноги черные. Длина 136 см, размах крыльев 186, длина крыла 55, длина хвоста 21 см.

Большая белая цапля (*Egretta alba*) отличается стройным телосложением, особенно длинной шеей и относительно слабым клювом, длинными спинными перьями с особенно длинными бородками и ослепительно белым оперением. Глаза желтые, клюв темно-желтый; голая кожа щек зеленовато-желтая, ноги темно-серые. Длина 104 см, размах крыльев 190, длина крыла 55, длина хвоста 20 см. Птенцы не имеют нарядных перьев. Окраска клюва меняется, по-видимому, не с возрастом, а в зависимости от времени года.

Цапля-голиаф
(*Ardea goliath*)

* А также Северную и Южную Америку.

** В настоящее время большая белая цапля не гнездится ни в Италии, ни в Испании, ни в северной Африке, ни тем более в Германии. В северной Африке она только зимует.

Большая белая цапля населяет южную, особенно юго-восточную Европу, среднюю и южную Азию, Африку и Австралию*. В Германии считается редкостью, хотя здесь достоверно гнездится, но уже редко попадает на Дунае и не принадлежит к числу обычных птиц ни в Греции, ни в Италии, ни в Испании; но встречается в значительном числе еще вокруг Каспийского моря и в северной Африке**.

Большая белая цапля населяет преимущественно большие болота, а в них всегда те места, которые наиболее спокойны и отдалены от людей, так как она принадлежит к самым осторожным птицам, а там, где ее преследуют, к самым пугливым. Она гораздо красивее держится, чем серая цапля. Науман справедливо говорит, что по красоте и чрезвычайной простоте своего оперения и видному росту, превосходящему рост других цапель, она действительно великолепная птица.

Белая цапля постоянно гнездится в Венгрии, в огромных зарослях болотных тростников, не избегая и близости деревьев. Достойные доверия люди рассказывали Науману, что эта птица ежегодно гнездится на одном из островов Дуная, там она занимает самые высокие деревья и свое гнездо помещает на самой вершине.

Ее жестоко преследуют на родине, особенно для того, чтобы овладеть великолепными спинными перьями, из которых делаются знаменитые султаны на шапках поляков и венгров.

Малая белая цапля (*Egretta garzetta*) имеет только 62 см в длину, размах крыльев 110, длину крыла 32, длина хвоста 11 см. Оперение чисто белое, глаза ярко-желтые, клюв черный, ноги черные, на суставах зелено-желтые.

Малая белая цапля живет там же, где и большая белая цапля, но встречается чаще; она нередко попадает на берегах Дуная, Волги и Нила, а в колониях цапель является одной из самых обыкновенных птиц. Миниатюрность и милость отличают ее от многих родичей. Пищу составляет преимущественно мелкая рыба. Время размножения приходится на май и июнь; 4—5 яиц, составляющие кладку, имеют светло-зеленоватый цвет*.

Другая небольшая цапля, **малая выпь, или волчок** (*Ixobrychus minutus*), отличается следующими признаками. Величина не особенно большая, клюв стройный, плюсны низкие и оперены до колен. Крылья относительно длинные, и в них второе маховое перо самое длинное, хвост короткий и слабый, а оперение не очень густое, различно окрашенное, в зависимости от возраста и пола. Длина 40 см, размах крыльев 57, длина крыла 14, длина хвоста 5 см. Оперение на верхней части головы, затылке, спине и плечах черное с зеленоватым блеском, на верхней стороне крыльев и на нижней части тела ржаво-желтое, на боках груди с черными пятнышками; маховые и рулевые перья черные. Глаза желтые, спинка клюва бурая, остальная его часть бледно-желтая; ноги зеленовато-желтые. У самки темнокрашенные части тела буро-черные, светлые — бледно-желтые; у птенцов верхняя часть головы и затылок ржаво-красно-бурый и усеяны вдоль более темными пятнами; нижние части тела ржа-

Большая белая цапля
(*Egretta alba*)

* Яйца малой белой цапли зеленовато-голубые, выцветающие в процессе насиживания. В норме кладка состоит из 3—5 яиц.

во-желтые с продольными бурыми пятнами; брюшко и покровные перья задней части хвоста белые.

Малая выпь встречается как гнездящаяся или перелетная птица по всей Европе, к югу от средней Швеции и Оркнейских островов*. Она обычна в Голландии, Австрии, Венгрии, Турции и Греции, а в Германии, южной Франции и Испании, по крайней мере, не составляет редкого явления. На Севере она показывается в конце апреля, а исчезает уже в сентябре; во время своего путешествия на долгое время останавливается в Греции, а зимует в северной Африке; отсюда она мало-помалу достигает и экваториальных стран и долетает даже до юга Африки. Для своего летне-

го пребывания она выбирает трясины и воды, поросшие густым камышом или кустами и высокими болотными растениями, и поэтому ей несравненно легче найти себе место по вкусу в Голландии и Венгрии или Греции, нежели в Германии. Местопребывание и образ жизни скрывают ее от наблюдения, и только громкий зов самца во время размножения выдает цаплю опытному человеку. Она нередко живет на маленьких прудах, густо поросших камышом или кустарником, в не-

Малая белая цапля
(*Egretta garzetta*)

* Волчок никогда не гнезился в Швеции и на Оркнейских островах, и даже для Англии известен всего один случай его размножения. Эти птицы

посредственной близости от деревень, и никто здесь и не подозревает о ее присутствии.

Днем цапля сидит неподвижно так хорошо спрятавшись в тростнике или на ветке дерева, что неопытный наблюдатель если даже и видит ее, то обыкновенно ошибается. Она прекрасно умеет выбирать такие места, которые по цвету соответствуют окраске ее оперения, и при этом умышленно играет в прятки, принимает обманчивые, часто очень странные положения. Когда она смиренно стоит на земле, то очень низко опускает шею и вследствие этого кажется очень маленькой. На ходу несколько вытягивает голову вперед, идет грациозно и проворно и постоянно взмахивает хво-

стом, почти как дергач. Она летает относительно скоро и очень ловко; при взлете порхает, а когда опускается, несется, не двигая крыльями, или сразу падает. Лазает удивительно ловко. При опасности мгновенно взбирается по стеблям камыша наверх и здесь так ловко двигается, что на самом деле приводит в удивление.

Малая выпь чувствует себя в полной безопасности в своем тростнике и редко покидает его. Спит очень чутко и замечает нарушителя спокойствия гораздо раньше, чем он ее; когда ей грозит опасность, убегает по земле или удаляется, перелезая с одного стебля камыша на другой, и выходит только к вечеру. Когда считает себя в безопасности, то летит низко над водой к другому камышу или же опускается на голый берег. «Она кажется живет и добродушнее большинства других цапель, — рассказывает Науман, — но можно все-таки ошибиться, если довериться ее хитрому взгляду, потому что она такая же коварная и храбрая, как и другие цапли. Если к ней приближается враг и она от него не может убежать, то внезапно нападает сама и наносит ему сильнейшие удары клювом. Удары обыкновенно направлены в глаза, а человеку — в руки или в другие обнаженные части тела, очень часто они бывают опасными. Насколько скоро вытягивается шея, как будто из ножен, настолько скоро она принимает снова прежнее положение: оба движения происходят в одно мгновение». При большой опасности малая выпь защищается до последнего вздоха.

Влюбленный крик самца — глубокий, глухой басовой звук, который может передаваться слогом «пумм» или «пумб» и напоминает громкий и глубокий зов жерлянки. Этот звук повторяется два или три раза друг за другом; потом наступает довольно длинная пауза, и мычание начинается снова; но эта птица не издает никогда ни одного звука, когда она чувствует близость человека. При опасности оба пола издают квакающее «гэт-гэт».

Вероятно, главную пищу малой выпи составляют мелкие рыбки и гады; кроме того, она ловит червей и насекомых во всех стадиях их развития. Она, вероятно, истребляет молодых тростниковых певунов или других неловких птичек, которые ей попадают в болоте. Охотится только ночью, усерднее всего в вечернюю и утреннюю зарю.

Гнездо находится обыкновенно на старых срезанных камышовых стеблях над водой, реже на земле, и только в исключительных случаях на воде; оно большое, рыхлое и незатейливое, но все-таки прочное и состоит из тростника, камышовых листьев и осоки, а выложено осокой и травой. В начале июня, а в неблагоприятные годы двумя неделями позже находят в нем 3—4, иногда 5 или 6 маленьких яиц с тонкой скорлупой, имеющих 32 мм в длину, 25 см в толщину; они гладкие и тусклые, белой окраски, переходящей в голубовато-зеленый цвет. После 16 дней* насиживания вылупливаются птенцы, одетые в ржаво-желтый пух.

действительно часто залетают к северу от области их размножения, и встречи таких особей послужили Бремю основанием для его выводов.

**Обычно длительность насиживания составляет 17—19 дней.*

Если их не тревожить, то они остаются в гнезде до вылета; если же спугнуть, то убегают между тростниковыми стеблями, лазая по ним, и таким образом спасаются.

Охота на выпь не из легких: птица эта умеет ловко скрываться. Науман забавно рассказывает, как опытная малая выпь, живущая на одном маленьком пруду, с которого собаки и мальчишки должны были ее погнать на многочисленных стрелков, провела все общество и как несчастные охотники, среди которых находился и наш Науман, постыдно возвратились домой после двух часов напрасных ожиданий.

Большая выпь (*Botaurus stellaris*) — представитель того же семейства цаплевых. Ее отличительные признаки следующие: плотное тело, длинная, но толстая шея, узкий, длинный клюв, ноги, покрытые перьями почти до конца плюсны и с большими пальцами; крылья широкие, хвост десятиперый и густое оперение, удлиненное на шее; красивых перьев на шее, как у других цапель, не существует. Длина 72 см, размах крыльев 126, длина крыла 40, длина хвоста 13 см.

Геснер, по рассказам Альбертуса, пишет: «Эта птица по сложению и величине похожа на цаплю; питается рыбой, и поэтому ей даны длинные ноги. Она ест лягушек и других животных, но по цвету не похожа на цаплю, имеет земляной цвет, а когда стоит в воде, отыскивая корм, то держится смиренно и неподвижно, точно мертвая или будто связанная веревками. Она остается неподвижной и тогда, когда птицелов приближается к ней, а если он захочет ее взять, то клюет его, как цапля, и сильно ранит, так как ее клюв очень острый и тонкий.

Эта цапля по латыни получила свое название от звезды, так как она украшена и усеяна красивыми пятнами, похожими на звезды. В Германии она имеет различные названия, смотря по местности; ее называют «болотный бык», «морской бык», «моховая корова» — названия, происходящие от быка, так как ее голос имеет сходство с голосом последнего. От слова «тростник» она называется «тростниковым барабаном», «тростниковой трубой», «тростниковой цаплей», так как ее голос очень громко отзывается в тростниках и звучит как барабан. Но когда она хочет крикнуть во весь голос, то вытягивает свою длинную шею, сует ее в воду или в земляную яму. Она это делает после заката солнца, часто мычит в течение всей ночи и утихает только незадолго перед восходом солнца. В остальное время дня ее не слышно».

В Северной Америке наша выпь заменяется **американской выпью** (*Botaurus lentiginosus*), которая неоднократно залетала в Европу. Она заметно меньше и гораздо темнее, но по окраске похожа на нашу выпь.

В искусстве принимать самые странные положения американская выпь даже превосходит маленьких цапель. Когда сидит смиренно и свободно, то приподнимает переднюю часть тела и так

втягивает свою длинную шею, что голова лежит на затылке; на ходу она несколько приподнимает шею; приведенная в ярость, нахваливает перья, поднимает зашейные перья, раскрывает клюв и готовится к нападению. Когда хочет обмануть, то садится на пятки и вытягивает вверх туловище, шею, голову и клюв, так что они образуют прямую линию, и тогда она скорее похожа на старый острый кол или сухой куст тростника, нежели на птицу. Ходит медленно, внимательно и лениво; полет ее мягкий, бесшумный, медленный и, по-видимому, неловкий. Чтобы высоко подняться, она описывает несколько кругов, но летает не плавно, а порхает и, порхая, спускается до самого тростника, потом складывает крылья и отвесно падает между стеблями. Впрочем, на значительной высоте выпь летает лишь ночью, а днем только низко над камышами.

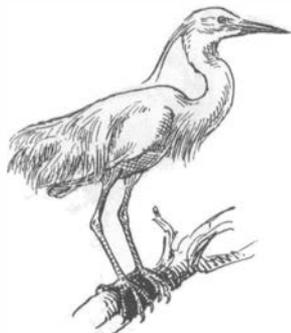
Ее пищу составляет рыба, особенно пескари, лини и караси, лягушки и другие водяные различных видов, но также змеи, ящерицы, молодые птицы и мелкие млекопитающие, величиной не превосходящие водяных крыс. Она ест очень много; охотится только ночью от заката до восхода солнца, но короткие ножки не позволяют ей охотиться в глубокой воде.

Странный крик самца во время размножения, похожий на рев быка, в тихие ночи слышится на расстоянии 2—3 км; он состоит из прелюдии и главного тона. При этом, когда находишься очень близко, слышишь шум, который звучит так, будто кто-то ударяет по воде тростниковым стеблем. Если птица распоеется как следует, ее песня приблизительно звучит так: «ю-ю-прумб», потом «ю-прумб, ю-прумб, ю-прумб». Иногда, но редко к «прумб» еще прибавляется «буу». Самец усерднее всего бухает в начале периода размножения, начинает с вечерней зарей, очень оживляется перед полночью, продолжает подавать голос до конца ут-

Большая выпь
(*Botaurus stellaris*)

Семейство цаплевые

ренной зари и еще раз бухает между 7 и 9 часами. Граф Водзицкий, по своим наблюдениям, подтверждает древнее предположение насчет манеры и способа издавать такой необыкновенно сильный звук. «Выпь, — говорит он, — стояла на обеих ногах, тело держала горизонтально, клюв воткнула в воду и начала реветь; вода при этом брызгала вверх. Потом самец поднял голову, отбросил ее назад и опять быстро опустил в воду, теперь рев раздался с такой силой, что я испугался. Это мне объяснило, что те тоны, которые вначале звучат так громко, издаются, когда птица, набрав много воды в горло, с большой силой выпускает ее снова в болото. Музыка продолжалась, но выпь больше не опрокидывала голову, и громких тонов я больше не слышал. По-видимому, этот звук выказывает высшую точку токования; как только страсть удовлетворяется, самец его больше не издает. После нескольких вскрикиваний он осторожно вынимает из воды клюв и слушает».

Когда выпь токует, она не стоит в самом густом тростнике, а находится скорее на маленьком свободном местечке, потому что самка должна видеть своего обольстителя. Шум, будто кто-нибудь бьет тростниковым стеблем по воде, происходит от самца, который ударяет клювом по воде два-три раза во время громкого рева и наконец погружает его в воду.

Недалеко от места, где чаще всего слышится рев, по возможности скрытом и почти неприступном, находится гнездо выпи. Обыкновенно оно построено на старом согнутом камыше над водой, иногда на земляных холмиках или маленьких тростниковых островках. Как исключение, представляет плавающую постройку на воде. Гнездо, то очень большое, высокое, неряшливо сплетенное, то маленькое и довольно аккуратное, состоит из сухого тростника, листьев, осоки, камыша, а внутри выложено метелками тростника и сухой травой. С конца мая в нем находят полную кладку, состоящую из 3—5 овальных тусклых яиц, имеющих крепкую скорлупу, приблизительно 52 мм в длину и 39 мм в ширину, бледного зеленовато-голубого цвета. Самка высиживает одна, но в это время ее кормит самец и развлекает иногда своим ревом. Самка улетает от человека только тогда, когда он подходит на несколько шагов; еще ближе подпускает собаку. Спустя 21—23 дня птенцы вылупливаются*, согреваются матерью еще в течение нескольких дней и выкармливаются обоими родителями. Если их не трогать, они остаются в гнезде, пока не научатся летать, если же их вспугнуть, они из него выходят, еще не умея летать, и лазают по тростнику. Когда птенцы сами начинают охотиться, то разлетаются и бродят по окрестности.

В южной Европе выпь преследуют из-за мяса, которое очень любят, несмотря на его вкус, отдающий ворванью.

Кваква, или **ночная цапля** (*Nycticorax nycticorax*), отличается от других цапель сжатой фигурой, коротким, толстым, согнутым на спинке клювом; сильными, средней длины ногами, широ-

*Цвет яиц у выпи оливково-коричневатый, кладка состоит, как правило, из 5—6 (от 3 до 7) яиц, период насиживания составляет 25—26 дней.

кими крыльями и густым оперением, не имеющим удлиненных перьев, за исключением трех нитевидных перьев на затылке. У старой птицы верхняя часть шеи, затылок, верхняя часть спины и плечи зеленовато-черные; остальные верхние части тела и бока шеи пепельно-серые; нижние части тела бледно-соломенно-желтые, три нитевидных пера на затылке белые, редко черные. Глаза великолепного пурпурового цвета, клюв черный, в основании желтый, голое место на голове зеленое, ноги зелено-желтые. У птенцов верхнее оперение бурое с ржаво-желтыми и желтовато-белыми продольными пятнами, шея желтая, также разрисованная, нижние части тела разрисованы по беловатому фону бурыми пятнышками; хохла нет, зрачок кажется бурым. Длина 60 см, размах крыльев 108, длина крыла 30, длина хвоста 11 см.

Если в зимнее время останавливаешься на одном из египетских озер, то там кое-где видишь толстые деревья, покрытые многочисленными цаплями. Здесь они сидят в течение всего дня с втянутой шеей, закрытыми глазами, не двигаясь; только когда подходит вечер, некоторые начинают шевелиться. Одна цапля приоткрывает глаза, немного поворачивает голову вбок и поглядывает на солнце, чтобы узнать, как высоко оно находится на небе; другая возится в своем оперении, третья переминается с ноги на ногу, четвертая вытягивает крылья — одним словом, общество оживает. За это время солнце опускается, и наступают вечерние сумерки. Тогда сонные птицы оживляются, ловко прыгают с ветки на ветку все выше к вершине, и вдруг все общество по квакающему призывному крику одной цапли поднимается и летит к первому попавшемуся болоту, чтобы здесь начать свою ежедневную или скорее ночную деятельность. В перелетное время случается увидеть тысячи летящих птиц, не имея возможности догадаться, откуда они появились. Таким зрелищем можно наслаждаться не только в Египте, но и внутри материка, так как эти ночные гуляки, настоящая родина которых юго-восточная Европа, путешествуют по всей Африке.

Кваква имеет обширную область распространения. В Голландии она попадает довольно часто, в Германии — в одиночку и непостоянно, а в дунайских долинах и в подходящих местностях Черного и Каспийского морей — массами; она встречается также в Италии, южной Франции и Испании, каждую зиму бывает в Африке, появляется как гнездящаяся птица в Палестине, в восточной и Средней Азии, Китае, Индии, попадает в большей части Северной, Центральной и Южной Америки и только не встречалась еще в Австралии.

Кваква, за исключением времени размножения, проводит целый день во сне или просто отдыхая, и начинает летать и охотиться только с наступлением настоящей темноты. Ее движения во многих отношениях отличаются от движений других цапель. Походка — короткими шажками, полет — относительно быстро-

Семейство цаплевые

**Яйца квакв зелено-вато-голубые, кладку насиживают оба родителя, но участие самки больше.*

ми, но совершенно бесшумными, часто повторяемыми ударами крыльев. Нельзя назвать ночную цаплю пугливой птицей, хотя она бывает очень осторожна. Обыкновенно ее можно встретить днем, спящую или сонную. Она почти подпускает охотника к дереву, на котором отдыхает, и в местах, где добродушие людей ее избаловало, даже не всегда взлетает. Эта же птица с наступлением ночи становится веселой и подвижной, хотя и не особенно оживленной, но при всех обстоятельствах остается осторожной; она боязливо отлетает от каждого человека, который к ней приближается, и делается необыкновенно пугливой, когда замечает, что ее преследуют. Кваква ловит рыбу приблизительно так же, как и дневные цапли, во всяком случае совершенно бесшумно.

Размножение происходит от мая до июля. В это время птица со своими родичами поселяется или уже на определенных стоянках, или основывает новую колонию. Она предпочитает высокие деревья низким, но не всегда разборчива. Гнездо выстроено неаккуратно; снаружи сплетено из сухих прутьев, как гнездо вороны, а внутри скудно выложено сухими тростниковыми и камышовыми листьями. До начала мая в южной Венгрии нередко находят яйца в гнезде, а в конце месяца почти каждое гнездо содержит 4—5 яиц. Зеленые яйца, длина которых имеет приблизительно 35 мм, а ширина 40 мм, продолговаты и имеют замечательно тонкую скорлупу. Вероятно, самка высиживает одна, по крайней мере, это так кажется днем*.

Замечательно то, что кваква во время размножения и днем занимается рыбной ловлей. Конечно, к этому ее принуждает ненасытный голод птенцов, поневоле она вынуждена изменить свой обычный образ жизни. «Со всех сторон, высоко и низко, — описывает Ландбек, — слетаются к своим гнездам ночные цапли, с зобом, набитым рыбой, лягушками и личинками насекомых. Они уже издали извещают о своем приближении, издавая глубоким басом «куак» или «гевек», а во время кормления птенцы отвечают звуками «куэт-куэт» или «куэаоаэ-куеоеа», похожими на мяуканье кошки. Как только старики отлетели, музыка птенцов снова начинается, из всех гнезд звучит непрерывное «цикоикцик-цек-цек-цек-цгецгегге» и «гет-гет-гет-гет». Для разнообразия молодые цапли влезают по веткам на верхушки деревьев, на которых находятся гнезда, откуда они имеют более широкий обзор и могут заметить своих родителей еще издали; но они часто и ошибаются». Молодые цапли ходят по земле, собирая рыбу, оброненную из гнезд прожорливыми птенцами, если старики отказываются кормить их.

В прежние времена, по-видимому, находили особенное удовольствие в охоте на ночных цапель, потому что этих птиц причисляли к красной дичи и они считались очень вкусными. В наше время их бьют из-за трех белых затылочных перьев, названных

почему-то «перьями Бисмарка». Эти перья добывают мастера, чтобы обработать их в виде султанов.

Семейство
челноклювые

СЕМЕЙСТВО ЧЕЛНОКЛЮВЫЕ (Cochlearidae)

Челноклюв (*Cochlearius cochlearius*). Эта ночная цапля имеет странно сложенную, плоско округленную верхнюю часть клюва в виде перевернутой ложки. Спинка клюва снабжена тупым ребром, а конец имеет зубец, загнутый вниз; при этом эта часть имеет углубления и около них выпуклости; клюв постепенно спереди закругляется. Нижняя часть клюва широкая, гладкая, раздвоенная до кончика и в промежутке между обеими половинами нижней челюсти покрыта влажной кожей. Ноги стройные, средней высоты, покрытые до пяток перьями. Крылья сильные и довольно длинные, между маховыми перьями четвертое самое

длинное; хвост довольно короткий, почти прямо обрезанный, состоит из 12 перьев. Кроющие перья нежные, редкие, похожие на перья других цапель, причем перья зашейка и затылка удлиняются для образования длинного хохла; оперение это различное на спине и плечах, но область уздечки и горло остаются голыми. Лоб, горло, щеки и передняя часть шеи белого цвета; нижняя часть шеи и грудь желтовато-белые; перья спины светло-серые; задняя часть верхней части шеи и брюшко до гузки ржаво-красно-бурые; маховые перья и рулевые беловато-серые. Глаза карие и имеют внутри серый край; клюв бурый, желтый на нижней части челюсти; ноги желтоватые.

Длина 58 см, размах крыльев 99, длина крыла 30, длина хвоста 12 см. Самка несколько меньше

Челноклюв
(*Cochlearius
cochlearius*)

*Челноклюв, действительно, не ест рыбы. Своим широким клювом он ворошит ил на дне водоемов, собирая червей, креветок и других донных беспозвоночных.

самца; птенцы вначале красно-бурые, оперение их темнее на спине, светлее на груди.

Челноклюв живет в кустах и тростнике берегов всех лесистых рек Бразилии и во время размножения встречается в одиночку или парами. Его видишь, когда он сидит на ветке довольно высоко над водой в густом кустарнике речного берега; во внутренних лесах он попадаетея чаще, нежели близко от моря: при приближении лодки ловко прыгает с ветки на ветку и быстро исчезает. Его пища, вероятно, состоит из всевозможных водных животных, кроме рыбы. Принц фон Вид нашел только червей в желудке убитого им экземпляра и думает, что вследствие своего широкого, лодочкообразного клюва он не в состоянии ловить рыбу*. Этот исследователь не слышал его голоса; но Шомбургк говорит, что птица щелкает клювом, как аист, по крайней мере, когда падает в руки человека. Насчет размножения еще мало известно. Яйцо продолговато-круглое, белое, тусклое и пятен не имеет; оно очень похоже на яйцо ночной цапли.

СЕМЕЙСТВО КИТОГЛАВЫЕ (*Balaenicipitidae*)

Одной из самых необыкновенных птиц Африки и даже одной из самых своеобразных птиц всего света может считаться китоглав (*Balaeniceps rex*). Его отличительные признаки следующие: массивное тело, толстая шея и большая голова; мощный клюв, имеющий сходство с тяжелым деревянным башмаком, слегка вогнутый на спинке, по которой проходит округленное ребро, и с сильным зубцом на конце; его широкие нижние челюсти соединены кожистой перепонкой вплоть до самого кончика клюва. Ноги очень высокие, с большими ступнями и длинными пальцами, которые снабжены сильными когтями. Крылья широкие и длинные, между маховыми перьями третье и четвертое самые длинные. Хвост средней длины, прямой, двенадцатиперый; оперение крупноперое, довольно мягкое; на задней части головы находится короткий хохол. Преобладающей окраской является красивый пепельно-серый цвет; края больших перьев светло-серые, маховые и рулевые перья серовато-черные. Глаза светло-желтые, клюв рогового цвета, ноги черные. Птенцы имеют ржаво-буро-серое оперение. Длина 140 см, размах крыльев 262, длина крыла 73, длина хвоста 25 см. Самка значительно меньше самца.

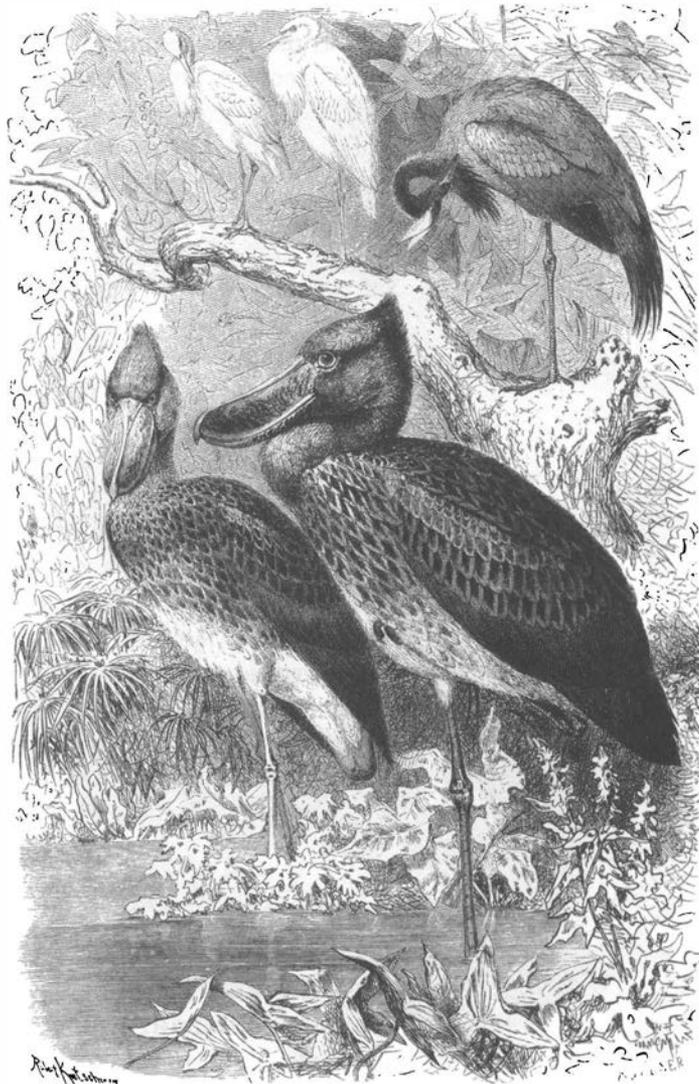
По наблюдениям Гейглина и Швейнфурта, этот великан живет в одиночку, парами или небольшими обществами, по возможности далеко от человеческих селений, в огромных, в большинстве случаев недоступных болотах Белого Нила и некоторых из его притоков. Обычно видишь, как он ловит рыбу среди этих болот, в луже, окруженной густым камышом и кустами папируса, или как он неподвижно стоит, часто на одной ноге, на

термитовом холмике, возвышающимся на более сухих местах болота; отсюда он имеет более широкий кругозор для наблюдений, здесь он переваривает и пищу. При приближении человека уже издали пугливо и осторожно поднимается с большим шумом и низко и тяжело летит над тростником, за которым вскоре и скрывается. Если же его испугать выстрелами, то высоко поднимается в воздух, долго кружит и носится, но не возвращается к болоту, пока замечает на нем подозрительных людей. Он, вероятно, иногда встречается и на открытых водах, но редко.

По походке и полету китоглав похож на марабу, но тело держит горизонтально и тяжелую голову кладет на зоб. Когда он летит, то втягивает шею, как цапли. Единственный звук, который он издает, — громкое щелканье клювом, напоминающее щелканье аистов. Его пища состоит преимущественно из рыбы, и он ловко умеет ее ловить, стоя в воде часто по грудь и быстро направляя свой сильный клюв на добычу, как это делают цапли. Говорят, что, как пеликаны, он делает настоящие облавы вместе с другими китоглавами, образуя круг и стараясь загнать рыбу на мелкие места, шагая и хлопая крыльями. Петерик уверяет, что он ловит и убивает змей, не пренебрегает также и падалью.

Размножение происходит в дождливое время года, а именно от июня до августа. Китоглав выбирает для своего гнезда маленькое возвышение среди камыша или травы, или в непосредственной близости от края воды, или среди болота, но охотнее всего на местах, доступ к которым вода делает почти невозможным. Здесь он сплетает из собранных рыхлых стеблей болотных растений большое гнездо, скрепленное часто дерном и тиной и имеющее почти метр в высоту. Яйца относительно небольшие, 80 мм в длину и 55 мм в ширину; они имеют овальную форму и белую окраску.

Юнкер рассказывает следующее насчет одного китоглава, содержавшегося в плену во время его путешествия по Африке: «Он нас очень забавлял впоследствии на корабле, а позже на

Китоглав
(*Balaeniceps rex*)

Семейство китоглавые

станции Дьур-Гаттас. Я ежедневно приказывал класть рыбу в мою большую ванну, и было очень занятно наблюдать, как эта большая птица иногда долго стояла неподвижно вблизи, потом вдруг погружала в воду свой массивный клюв, с быстротой молнии схватывала рыбу, имеющую почти фут в длину, и без всякого заметного усилия проталкивала ее через свою пасть. Она выказывала невероятно спокойный и флегматичный нрав, с самого начала была очень мало пуглива, и вскоре можно было к ней подходить. Ее пугало только неожиданное появление людей и шум. В большинстве случаев китоглав задумчиво стоял на одном месте и очень неохотно подчинялся перемещениям. Таким образом, наш редкий гость без стеснения и на свободе оставался с нами на палубе. Его отношения с двумя маленькими шимпанзе были чрезвычайно смешными: обезьянки испытывали перед ним невероятный страх. Это нам было на руку, так как шимпанзе вели себя как невоспитанные дети: во время обеда они скалили зубы, кусались, кричали и буквально принуждали нас часто вставать и убегать, после чего они сами набрасывались на полные тарелки. Но спокойный, флегматичный большой китоглав, к немалой нашей забаве, вскоре сделался нашим храбрым защитником от навязчивости этих необузданных обезьян. Когда шимпанзе во время нашего обеда себя нехорошо вели, с визгом топали ногами и с жадностью невоспитанных детей хватались за кушанья, добрый гений в виде негритенка приводил нашего милого защитника. Он неподвижно, как статуя, стоял на близком расстоянии, не обращая ни малейшего внимания на шимпанзе, между тем как обезьянки, к нашему великому удовольствию, поспешно покидали каюту со всеми признаками страха и часто оглядываясь. Когда я направился внутрь материка, я оставил птицу у Гесли, у которого она позже привыкла, кроме рыбной пищи, и к мясу».

СЕМЕЙСТВО МОЛОТОГЛАВЫЕ (Scopidae)

Молотоглав (*Scopus umbretta*). Туловище короткое и почти цилиндрическое, шея короткая и толстая, голова относительно большая. Клюв длиннее головы, прямой, высокий, с боков сжатый и на конце с небольшим крючком. Ноги средней длины, перепонка между пальцами имеет глубокие вырезы, крылья широкие и сильно округленные, в них третье маховое перо самое длинное; хвост состоит из двенадцати рулевых перьев средней длины. Мелкое оперение густое и длинное, на затылке оно образует довольно большой хохолок, окраска его почти однообразно-бурая, на нижней стороне тела по обыкновению светлее. Маховые перья темнее перьев спины и очень блестящие; рулевые перья имеют широкую пурпурово-бурую полосу на

конце и много неправильных узких полосок у основания. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги черно-бурые или также черные. Длина птицы равняется 56 см, размах крыльев 104, длина крыла 31, хвоста 16 см. Самка не отличается от самца.

Эту голенастую птицу встречали почти во всех странах Африки, не исключая юга этой материка и Мадагаскара, а также в южной Аравии, но, по-видимому, она нигде не бывает многочисленна. Она предпочитает низменности, но Гейглин находил ее, однако, в центральной части Абиссинии на вершинах до 3000 м. Я встречал неоднократно молотоглавов в тех странах, где путешествовал, но всегда по-

одиночке или парами. Это довольно странная птица. Когда она стоит, то держится не так красиво, как цапля: шея сильно втянута, хохол закинут на спину, так что голова кажется лежащей на плечах. Когда ничто ее не пугает и она думает, что ее не подстерегают, то играет своим хохолком и то взъерошивает, то опускает его; иногда же она по несколько минут стоит совершенно неподвижно на одном месте. Походка птицы легкая и красивая, но равномерная, а не стремительная; полетом более всего она напоминает аиста: любит лететь прямо с места, много парит и часто поднимается на значительную высоту, если собирается перелететь с воды с одного места на другое; звука голоса ее я никогда не слышал.

Эти птицы всегда встречаются только на лесных реках или на таких берегах, которые поросли лесом; оживленнее всего они бывают в часы утренних и вечерних сумерек; днем они, по-видимому, спят, так как сидят неподвижно на одном месте, или же тихо и смиренно бродят в самой прохладной и тенистой части леса,

Молотоглав
(*Scopus umbretta*)

Семейство
МОЛОТОГЛАВЫЕ

то шлепают по воде, как все болотные птицы, то, подобно маленьким цаплям, с берега схватывают пищу. По моим наблюдениям, рыба составляет главную их пищу. От других естествоиспытателей мы знаем, что они едят также ракушек; гадов, особенно же лягушек, маленьких змей, ракообразных, червей и личинок насекомых. Самец и самка не очень держатся друг друга, гораздо чаще, кажется, каждый из них идет своей дорогой и только изредка сходится со своей парой. Они не очень пугливы, но, подобно всем цаплям, осторожны.

Исполинское гнездо, отличающееся круглым входным отверстием, я несколько раз видел, не догадываясь, что это гнездо молотоглава. Первым описанием его мы обязаны Делегоргу и Верро. Все мной виденные гнезда были большей частью устроены в разветвлении ствола или сучьев мимозы, не очень высоко над землей. Все они очень искусно слеплены из прутьев и глины. Снаружи имеют 1,5—2 м в поперечном разрезе и почти столько же в высоту, так как они выведены куполообразно со сводом.

Внутри гнездо разделяется на три отдельных помещения: прихожую, приемную и спальню. Эти помещения отделаны внутри так же тщательно, как стенки снаружи, входные отверстия в них такого размера, чтобы только птица могла через них пролезть. Вся постройка сработана так превосходно, что даже ливни не всегда ей причиняют вред; если же беда и стряется, то обитатели тотчас же принимаются за дело и искусно исправляют повреждения.

Спальня, самая объемистая часть гнезда, расположена позади всех, здесь происходит насиживание, в котором поочередно принимают участие обе птицы, составляющие пару. Там, на мягкой подстилке из тростника и других растений, лежат 3—5 яиц, составляющих кладку; яйца белые, 44 мм в длину и 33 мм в ширину. Среднее отделение служит складом добычи. В доказательство, что запасов бывает всегда вдоволь и даже с избытком, здесь можно во всякое время найти кости высушенных или сгнивших животных. Передняя, самая маленькая из трех помещений, служит для того, чтобы отсюда держать караул; здесь сторож стоит и высматривает, чтобы своим хриплым голосом предупредить об опасности. Верро заметил, что сторож всегда лежит на груди и вытягивает голову вперед, чтобы тотчас заметить приближение противника. Птенцы молотоглава точно так же, как и птенцы цапли, очень долго не покидают гнезда. Пока вся семья вместе, у старых дел и забот полон рот: от восхода солнца до заката они все время таскают в гнездо пищу. На теле малышей, почти голом, все же видны признаки серо-бурого пуха.

О молотоглаве у народов, которые знают эту птицу, ходят всякого рода рассказы. Жители Анголы, например, верят, что всякий, кто выкупался в одной и той же воде с птицей, непременно

покрывается сыпью. Многие также боятся молотоглавов и не разоряют гнезд этих птиц.

СЕМЕЙСТВО АИСТОВЫЕ (Ciconiidae)

Аисты довольно тяжеловесные голенастые птицы с толстым клювом, длинными ногами и короткими пальцами. Клюв у них длинный, прямой, удлиненно-конический и клиновидный; он иногда загнут несколько вверх, у некоторых видов середины обеих челюстей не вполне сходятся, а кончик клюва несколько сжат со сторон. Ноги длинные и довольно толстые, значительная часть голени не оперена. Короткие передние пальцы соединены небольшими плавательными перепонками и вооружены толстыми вогнутыми когтями. Крылья длинные и широкие, третье и четвертое маховые перья самые длинные; двенадцатиперый хвост короткий и на конце закругленный. Оперение головы и шеи состоит или из узких, удлинённых перьев или из коротких и округленных; у иных оно редкое и шерстистое, даже волосистое; наконец, у некоторых на конце перьев шеи и головы замечаются роговые острия. Оба пола отличаются ростом, а у молодых экземпляров оперение тусклее.

Аисты живут во всех частях света и почти в каждом климатическом поясе, но местожительство видов различно. Однако можно сказать, что они предпочитают лесистые равнины, богатые водой, высоким и сухим местностям и потому никогда не живут в горах, степях и пустынях. Северные виды принадлежат к перелетным птицам и совершают очень далекие странствования; живущие на юге аисты кочуют.

Аисты деятельны только днем, держатся прямо, шею складывают более или менее сильно в виде буквы S, ходят довольно величественно медленными шагами, охотно бродят по воде, но лишь редко решаются плавать. Они летают прекрасно, легко и большей частью высоко, нередко парят, часто поднимаясь на высоту винтовыми линиями; при полете вытягивают шею вперед, а ноги — назад и таким образом по своей фигуре легко отличаются от других летающих птиц. Они не издают никакого звука, кроме хриплого шипения, но заменяют голос очень выразительным щелканьем клювом. Птицы ведут себя постоянно серьезно и с достоинством и доказывают свою понятливость тем, что очень хорошо умеют применяться к обстоятельствам.

Они живут постоянными обществами и ко всем болотным и водным птицам относятся миролюбиво. Маленьким же животным они опасны, так как аисты — это разбойники по ремеслу и не ограничиваются тем, что едят гадюк, рыб, насекомых и червей, а нападают и на всех остальных слабых животных и убивают их, если это окажется им под силу. Они не гнушаются

**Сейчас в Испании и Греции белый аист обычная птица.*

также падалью и поглощают ее с такой же жадностью, как грифы и гиены.

Аисты строят свои огромные гнезда на высоких деревьях или строениях и делают их из сухих ветвей и прутьев, а внутренность выстилают более мягким материалом. Кладка состоит из немногих больших яиц без пятен, которые насиживает только самка. Самец приносит самке корм, пока она сидит на гнезде и помогает ей воспитывать птенцов.

Первым из аистов следует назвать **белого аиста** (*Ciconia ciconia*). Кроме черных крыльев и самых длинных покровных перьев цвет оперения его грязновато-белый, глаза карие, клюв сургучно-красный, а ноги кроваво-красные, голые пятна вокруг глаз серовато-черные. Длина 110 см, размах крыльев 224, длина крыла 68, а хвоста 26 см. Самка ростом немного меньше.

За исключением северных стран, белый аист водится во всей Европе, хотя, конечно, гнездится не повсюду. Между прочим, посещает он и Англию, где прежде, говорят, бывал нередко, теперь же встречается там лишь в небольшом количестве; точно так же он более или менее удалился и из Греции, потому что его, священную птицу турок, жители Греции вовсе от себя изгнали. В Испании, даже в таких местностях, где есть все необходимое для их процветания, они все же составляют редкость*. Они, кроме того, появляются и на юге России и вокруг Каспийского и Черного морей, в Сирии, Палестине, Персии, Туркестане и в Японии, на Канарских островах и, по уверениям Лайярда, без сомнения, должны гнездиться в Африке. Во время своих зимних путешествий птицы пролетают всю Африку и Индию. Они предпочитают равнины, низменные и плоские местности, изобилующие водой, преимущественно болотами и трясины, и непременно избирают страны, носящие на себе печать господства человека. Хотя многие аисты и поселяются в лесах, в стороне от человеческого жилья, и строят на больших деревьях свое объемистое гнездо, но все же большая часть их гнездится на дворах крестьянских усадеб и часто даже на крышах их изб.

Иногда посчастливится заметить прибытие любимых гостей, обитателей крыш. При этом наблюдается, что пара, которая уже в прошлые годы жила на этом же самом дворе, неожиданно с неизмеримой высоты винтообразным движением быстро спускается на прежнее гнездо и с самого первого момента своего прибытия чувствует себя совершенно как дома, будто она никогда отсюда и не улетала. Жизнь их протекает по заведенному порядку. С гнезда, которое делается их настоящим домом, они улетаются на поля и луга, на трясины и болота и там охотятся; в полдень обычно прилетают домой, после чего предпринимают еще вторичное вечернее путешествие, перед закатом солнца снова возвращаются к себе и здесь, потрещав и похлопав клювом, наконец успо-

каиваются и засыпают. Так они проводят время, пока не наступит пора высиживать яйца.

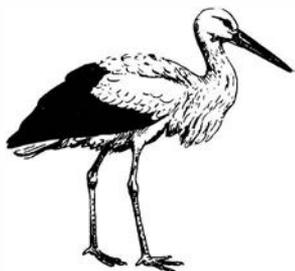
Походка белого аиста тихая и уверенная, осанка — прямая, полет его, которому предшествуют обыкновенно несколько прыжков, относительно медленный, но легкий и красивый, отличается прекрасными винтообразными линиями. Стоит аист обыкновенно с несколько втянутой шеей, причем клюв опущен кончиком книзу; он, впрочем, никогда не принимает таких некрасивых положений, как цапля, и при самом глубоком покое имеет пристойный вид. Он редко ускоряет походку до бега, который, по-видимому, его быстро утомляет, между тем, медленно расхаживая, в состоянии безостановочно двигаться несколько часов. Летать может без усталости; он движет крыльями изредка, и взмахи следуют друг за другом нечасто. Ветром и каждым движением воздуха аист умеет пользоваться так искусно, что, паря на высоте, может как ему вздумается или опуститься или подняться; рулем своим правит так ловко, что по желанию принимает какое угодно направление.

Вдали от гнезда аисты настолько же пугливы, как и прочие их родичи. Они хотя отлично сознают, что крестьяне, пастухи и дети — люди безвредные, но избегают всякого сближения, а охотника, намеревающегося стрелять, они не подпускают его к себе на расстояние выстрела. Птицы ведут себя еще осторожнее во время перелета и во всех случаях, когда сходятся со своими родичами.

Белый аист
(*Ciconia ciconia*)

Семейство
аистовые

В Африке они избегают своих земляков европейцев гораздо больше, чем туземцев.

Напрасно на аиста привыкли смотреть как на добрую и безвредную птицу; этими качествами он вовсе не обладает. Иногда случается, что даже ручные аисты, раздраженные чем-нибудь, бросаются на своего противника. Подстреленный, аист храбро защищается и до последнего издыхания продолжает наносить удары клювом; так как он почти всегда старается попадать в глаза, то может сделаться опасным как человеку, так и собаке. В припадке ревности птицы дерутся не на живот, а на смерть, а мелким животным они всегда опасны.

Единственный звук, который аист в состоянии произвести, есть трудно воспроизводимое хриплое шипение. Оно слышится редко, чаще всего у ручных аистов. Гораздо чаще он щелкает клювом и этим странным инструментом владеет действительно с удивительным умением; он трещит то дольше, то меньшее время, то скорее, то медленнее, то громче, то менее шумно, трещит с радости, а также и с горя, трещит с голоду и после обильной пищи. Все тем же щелканьем он заявляет самке о своих нежных чувствах и, наконец, трещит, лаская птенцов.

Аистам служат пищей всевозможные животные. Они хищные птицы в полнейшем смысле этого слова. По-видимому, они предпочитают земноводных, насекомых и дождевых червей, но, вероятно, так только кажется, потому что последних легче ловить. Во время своих прогулок с целью поохотиться аисты чаще всего встречают лягушек, мышей и насекомых, которые и составляют первую добычу; но они также убивают ящериц, веретениц, ужей и даже ядовитых змей. Аист одинаково падок до рыбы, как и до лягушек, неутомимо охотится за ними в мутной воде и глотает таких, которые длиной с человеческую ладонь. «Прежде, чем проглотить большого ужа, — говорит Ленц, — аист иногда колотит его клювом до тех пор, пока тот не перестает шевелиться, и уже потом только схватывает его как попало и спускает головой или хвостом вниз, не обращая внимания, убит ли он или еще так проворно двигается, что сильно обвивается вокруг клюва; аист в таком случае принужден трясти головой или вытаскивает ужа ногой, расправляет его и снова пытается благополучно препроводить в желудок. Аисты глотают небольших змей без всякой предварительной обработки; долго еще они извиваются в глотке и иногда даже выкальзывают обратно, если он неосторожно нагибается и открывает рот, чтобы схватить новую добычу; поэтому очень интересное зрелище представляет его охота, когда ему на гладком месте приходится справляться с несколькими змеями зараз. Ядовитые гадюки также составляют для него лакомое блюдо, но как только он заполучит гадюку на закуску, то начинает усердно и беспрестанно клевать ее в голову до тех пор, пока вовсе не разможит. Если он поторопится и поступит неосторожно, то не-

убитая гадюка кусает его, и от этого он несколько дней сильно хворает, затем снова совершенно поправляется». Яйца всех птиц, устраивающих гнезда на земле, он ворует. Молодых птенцов, включая и куропаток, уничтожает немилосердно, иногда притаскивает своим детенышам целые гнезда с их содержимым; мышей подкарауливает на полях и лугах у отверстий их нор, кротов выслеживает по взрываемой ими земле, молодых зайцев отнимает от матерей, несмотря на их храбрую защиту.

Некоторые натуралисты держатся того же мнения, упрекают его за всякую уничтоженную им лягушку и стараются доказать, что он опустошает все нивы и поля. Почти не стоит говорить, что все эти уверения очень преувеличенные. Если даже признать в полной мере тот вред, в котором его обвиняют охотники, то и в таком случае надо остерегаться произносить ему решительный приговор. Уничтожить всех зайцев, куропаток, певчих птиц, лягушек и рыб он никак не может, даже не уменьшает количества их в такой степени, чтобы стоило об этом говорить; ни лесоводам, ни сельским хозяевам он также не вредит. Аистов скорее надо причислять к полезным птицам. Внимательные хозяева заметили, что в те годы, когда было мало аистов, мыши и разные другие вредные животные появлялись в гораздо большем количестве, в частности гадюки встречались заметно чаще прежнего. Относительно массы пожираемых ими мышей не может быть и сомнений, это видно из погадок, выбрасываемых аистами; в них встречается множество остатков проглоченных мышей. Впрочем, что бы ни говорили о них, достоверным остается то, что лягушки, улитки и дождевые черви, составляя главную пищу аистов, несмотря ни на что, все еще водятся в большом количестве. Если и было замечено, что число несомненно полезных лягушек уменьшилось, то в этом скорее виноват человек, чем аист.

Однажды устроенное гнездо используется каждый год: известно, что многие гнезда сто лет кряду бывают населены этими птицами. Нельзя с точностью определить, сколько лет одна и та же пара пользуется своим гнездом, но предполагают, и, вероятно, не без основания, что аисты живут очень долго и потому у гнезд не часто меняются хозяева. Самец иногда появляется несколькими днями раньше самки и ведет себя так, что нельзя сомневаться в том, что он обладатель гнезда. Иногда случается, что возвращается только одна птица. Тогда выбор друга или подруги продолжается довольно долгое время. Около гнезда происходят сильные битвы, так как появляются молодые пары, которые сообща нападают на одинокую птицу и стараются ее прогнать с готового гнезда. Иногда это и удается, случается даже, что прежний хозяин гнезда бывает убит. Все наблюдения говорят в пользу того, что парочки аистов соединяются на всю жизнь и что птицы остаются верными друг другу.

Можно привести несколько случаев супружеской верности и взаимной любви аистов. Одна самка аиста три года подряд оставалась в Германии и зимой, искала себе корм около незамерзших ручьев и ключей, а во время самого сильного холода пряталась под крышами хлевов. Самец ее ежегодно возвращался к ней, и они выводили птенцов, как обычно. На четвертый год и самец остался зимой на родине вместе с самкой, и это продолжалось три года сряду. Наконец обе птицы были убиты злыми людьми, причем оказалось, что самка была не способна к большому перелету вследствие давно полученной раны. Совершенно то же самое наблюдал я и в Африке. Я там видел двух аистов, оставшихся в Африке и летом, велел их застрелить и нашел, что одна из птиц была также ранена, это-то и заставило здоровую птицу остаться с ней на чужбине.

Если паре не помешают, то она вскоре после прилета, весной, начинает чинить старое гнездо, приносит новые ветви и прутья и укладывает их на прежние, отчасти уже сгнившие, а также тщательно готовится к внутренности гнезда. Таким образом, гнездо ежегодно становится все выше и тяжелее, так что наконец подставка, на которой оно лежит, не может выдержать тяжести. Приходится вмешиваться людям и выкидывать старые слои гнезда. Постройка не отличается аккуратностью: основанием для гнезда служат палки и ветви с большой палец толщиной, а также колючие прутья, комки земли и куски дерна. Второй слой образуют более тонкие ветви, стебли тростника и листья камыша, внутренняя же подстилка состоит из пучков травы, навоза, перепутанной соломы, тряпок, кусочков бумаги и перьев. Все материалы приносят обе птицы в клюве, но собственно постройкой гнезда занимается по обыкновению самка. Обе птицы работают так усердно, что строят новое гнездо в восемь дней, а починка старого кончается через два или три дня.

Во время постройки аисты делают очень недоверчивыми, и одна из птиц всегда караулит гнездо, пока другая летает за материалом. При этом птицы трещат на все лады и этим выражают свою радость по случаю основания нового жилища или починки старого. Самка кладет первое яйцо в середине или конце апреля, а через несколько дней и остальные три или четыре яйца, если только самка не очень молода. Яйца эти правильной формы и имеют 70 мм в длину и 50 мм в ширину; скорлупа мелкозернистая, гладкая и белая, но иногда с зеленоватым или желтоватым отливом. Насиживание продолжается 28—31 день; обе птицы насиживают по очереди, но большая доля этого занятия приходится все-таки на самку. Зато самец в это время заботится о безопасности своей подруги.

Когда птенцы вылупились, то забота родителей о своем потомстве удваивается: они делают осторожными и никогда не покидают гнезда вместе. Птенцы вначале выкармливаются раз-

личными личинками и насекомыми, земляными червями, пиявками, жуками, кузнечиками и т.п.; позднее они получают более грубую пищу. Родители им корм в клюв не кладут, и птенцы должны с первых дней своей жизни клевать пищу с подстилки гнезда, но родители ими руководят, схватывают за клюв и нагибают его в ту сторону, где лежит корм. Птенцы в первые дни своей жизни сидят на плюснах, а затем становятся во весь рост, причем взрослые птицы предохраняют их от падения, устраивая нечто вроде загородки из вновь принесенных ветвей; птенцы очень скоро знакомятся с окрестностями и с самого начала доказывают, что обладают прекрасным зрением, так как уже издали замечают родителей, возвращающихся к гнезду с кормом, и приветствуют их сначала различными жестами, а затем начинают щелкать клювом, хотя еще неумело. Рост их продолжается полных два месяца. К концу этого времени они начинают пробовать свои крылья, становятся на край гнезда, хлопают ими и, наконец, решаются слететь на конек крыши. Когда крылья их еще более окрепнут, то они вместе с родителями предпринимают небольшие прогулки, но вначале каждый вечер возвращаются в гнездо, чтобы там провести ночь. Но привязанность к колыбели мало-помалу теряется, так как приближается время, когда все аисты, как взрослые, так и молодые, начинают готовиться к дальнему странствованию.

Перед отлетом аисты данной местности с семействами собираются на определенных местах, преимущественно на мягких болотистых полянах. Количество слетающих птиц с каждым днем возрастает, и совещания их делаются все более и более продолжительными. В конце июля все члены общества уже на местах, птицы, составляющие стаю, все налицо; вскоре после этого они пускаются в путь; потрещав немало на прощание, поднимаются высоко, кружатся некоторое время над родным пепелищем и, наконец, улетают по направлению к юго-западу. Дорогой, вероятно, к стае присоединяются еще попутчики, отчего она постепенно растет. Науман говорит, что видел стаи, доходившие до 2000, а иногда и до 5000 птиц. Я могу только подтвердить это предположение, так как стаи, которые я видел во время перелета во внутренней части Африки, были до того многочисленны, что они буквально покрывали берега рек или огромные пространства в степи, когда же они взлетали, то заполняли собой весь видимый горизонт.

Известно, что куницы нападают на молодых аистов и убивают их, но никто не может назвать какого-либо хищника, который был бы опасен взрослым аистам, исключая разве что больших кошачьих пород и крокодилов, которые изредка похищают некоторых из них во время зимнего пребывания в жарких странах. Однако незаметно, чтобы число их значительно увеличивалось, из чего следует, что так или иначе многие белые аисты погибают. К счастью, человек их вовсе не преследует.

Второй вид этого семейства — **черный аист** (*Ciconia nigra*). Длина его достигает 105 см, размах крыльев 198, длина крыла 55, длина хвоста 24 см. Оперение головы, шеи и всей верхней части тела буровато-черного цвета с прекрасным медным или золотисто-зеленым или пурпуровым отливом. Вся же нижняя часть тела, начиная от груди, белая; крылья и хвостовые перья почти не имеют блеска. Глаза красновато-бурые, клюв кроваво-красный, ноги ярко-красные. Цвет оперения птенцов буровато-черновато-зеленый, причем все перья имеют беловато-серые каемки и почти матовые, без блеска; глаза бурые, клюв красноватый, ноги сероватые оливково-зеленые.

Черный аист живет в средней и южной Европе и во многих странах Азии, зимой же пребывает в Африке*.

*А также в Пакистане, Индии, в Китае к югу от Янцзы и на юге Японии.

От белого аиста черный отличается прежде всего тем, что живет исключительно в лесах и никогда не селится поблизости от людей. Он так же, как и родич его, предпочитает равнины горам и местности, обильные водой, — сухим, впрочем, встречается везде, где только может завладеть каким-нибудь старым корявым деревом с засохшей верхушкой в уединенной части леса, мало посещаемой людьми. На таком дереве он устраивает гнездо и отдыхает по ночам. Образ жизни и привычки, все движения и способ выражения своих ощущений — словом, весь нрав его настолько сходен с характером белого аиста, что подробное описание черного совершенно излишне. Впрочем, в движениях его больше ловкости и грации, поэтому он красивее; он гораздо осторожнее и пугливее белого аиста. Во всем остальном на него похож; такой же хищник, не щадит ни одного животного, подходящего в пищу, но гораздо усерднее и успешнее охотится за пресноводными рыбами и потому в некоторых местах бывает очень вредным**.

**Это высказывание преувеличено. Хотя рыбы и являются основной пищей черного аиста, однако его влияние на рыбные запасы ничтожно мало. В настоящее время черный аист — редкая птица, он внесен в списки охраняемых животных многих стран и подлежит полной охране.

Свое большое, неуклюжее гнездо, похожее на гнездо белого аиста, но меньших размеров, он устраивает на сухих ветвях, в разветвлении сучьев или на верхушках больших старых деревьев. Кладка состоит из 2—5, а чаще всего из 4 яиц, которые меньше яиц домашнего аиста, имеют около 75 мм в длину и 48 мм в ширину, но очень на них похожи; насиживание начинается редко раньше половины апреля, продолжается полных четыре недели и ничем не отличается от вышеописанного. Птенцы вылетают из гнезда в конце июня или в начале июля.

Белобрюхий аист (*Ciconia abdimii*), которого в Судане называют «симбил», необыкновенно похож на черного аиста, но заметно меньше ростом; голова и шея у него черные с пурпуровым отливом, спина, крылья и хвост черные с зеленым блеском, нижние части тела белые. Глаза карие, голое место около них синее, голая передняя часть головы и горло красные, клюв зеленоватый, а на конце красный, ноги буровато-серые, на суставах бледно-красные. Длина равняется 75 см, размах крыльев 160, длина крыла 45, хвоста 19 см.

Этот аист в большом числе живет в удобных для него местах до южной оконечности Африки и во время насиживания птенцов всегда встречается в деревьях, но гнездится не на домах, а на соседних деревьях; в южной части материка он селится преимущественно на мимозах и постоянно в обществе себе подобных, так что образуются на одном дереве настоящие колонии в 30 гнезд и более. Яйца, которые бывают разнообразной величины и формы, все-таки меньше яиц белого аиста, имеют 55 мм в длину при 40 мм в ширину, очень похожи на яйца белого аиста и в свежем виде имеют голубоватый оттенок. Путешественнику, мало знакомому с местными обычаями, очень трудно добыть эти яйца, так как всякий вред, нанесенный этой священной птице, считается преступлением, которое приводит в возбуждение все население деревни. Однако существует очень простое средство успокоить или, если хотите, одурaczyć местных жителей, сказав, что эти яйца нужны для приготовления целебных средств, а конечно, лекарства, приготовленные из яиц столь священной птицы, должны, по мнению африканцев, иметь особенно сильное целебное свойство. Этот довод всегда оказывается действенным, и жители тогда даже помогают европейцу добыть яйца.

По своему образу жизни симбил так мало отличается от нашего аиста, что его можно описать лишь в немногих словах. Это также перелетная птица, которая появляется незадолго до периодических дождей, высиживает птенцов и в декабре, когда они уже могут летать, улетает. Появление этих птиц встречается в деревьях с радостью, а отлет их приводит население в печальное настроение. Пищу свою, состоящую преимущественно из саранчи и из других насекомых, скорпионов, тарантулов, червей, слизней, лягушек и мелких пресмыкающихся, он отыскивает в степи*, и потому всегда появляется около степных пожарищ. Когда он шествует, ища корм, то пурпуровая щурка часто садится к нему на голову или спину, чтобы ловить оттуда летающих насекомых, спугнутых ногами аиста.

Седлоклювый аист, седлоклювый ябиру (*Ephippiorhynchus senegalensis*) — крупная и великолепная птица. Перья головы, шеи, нижних частей крыльев, плеч и хвоста черные с металлическим блеском, все прочие части тела белые, глаза золотисто-желтые, клюв у основания красный, далее черный, а на конце кроваво-красный, голая часть головы около клюва красноватая, ободок вокруг глаза желтый. Длина самца равняется 146 см, размах крыльев 240, длина крыла 65, а хвоста 26 см. Самка значительно меньше. У молодых птиц все темные места оперения буровато-серые, белые перья грязно-желтовато-серые, а кожистые наросты еще не развиты. Глаза у них карие, а клюв темно-красный, почти черноватый.

Для того чтобы составить себе понятие о силе впечатления, которое эта огромная птица производит на наблюдателя и долж-

* Травянистые равнины Африки называются саваннами. Настоящих степей в тропических широтах нет, они характерны только для умеренной зоны Европы, Азии и Северной Америки. Американское название степей — прерии.

ным образом полюбоваться ее красотой, нужно видеть седлоклювого ябиру на свободе, когда он вольно движется, летает и носится, описывая широкие круги над темным лесом. При ходьбе этот великан держится очень прямо и гордо и вследствие своих длинных ног кажется еще больше, чем есть на самом деле. При полете птица великолепна, так как белые маховые перья резко отделяются от черных покровных перьев крыла. К сожалению, они встречаются так редко в тех странах, где я путешествовал, и так пугливы и осторожны, что я могу сообщить лишь немного наблюдений касательно их жизни на свободе.

Они живут попарно на Белом и Голубом Ниле, встречаются как на западе, так и на юге Африки, держатся на берегах рек, песчаных островах, на прибрежных озерах и болотах и удаляются от русла реки лишь во время периодических дождей; в виде исключения этих птиц встречали и на мелких морских заливах. Они редко смешиваются с другими болотными птицами, и птицы одной пары держатся всегда вместе.

Седлоклювые аисты выказывают много самоуверенности и достоинства. Каждое движение этой птицы и осанка всегда красивы и грациозны и вполне соответствуют красоте оперения. Она ходит мерными шагами, при ходьбе не шумит, слегка сгибает шею и опускает клюв так низко, что нижняя челюсть почти касается шеи. Веселых прыжков и пляски, как у журавлей, у этих птиц никогда не замечали, но в иных случаях она очень быстро бегаёт с распушенными крыльями. Этот аист очень ловко умеет пользоваться своим огромным клювом: он может взять с земли самый маленький предмет кончиком его и, подбросив, проглотить; точно так же умеет схватить маленького паразита при чистке перьев; кроме того, он, как и белый аист, щелкает клювом.

Пища седлоклювого аиста, вероятно, мало отличается от пищи нашего аиста. В желудке убитых нами птиц мы находили рыб, лягушек и жуков; другие наблюдатели заметили, что он сильно истребляет саранчу; охотники Рюппеля убили одного из них на падали, а Гейглин убил одного аиста, который вместе с грифами и марабу обжирался мясом павшего верблюда. Он может точно так же ловко ловить летящую саранчу и других насекомых, как и схватывать их с земли. Подбрасывает кусок пищи в воздух и очень ловко подхватывает его клювом, а крупные куски сначала раздавливает между челюстями. Ему нужно около одного килограмма мяса или соответствующего количества рыбы, чтобы насытиться.

О размножении их мы имеем немного сведений. В общих чертах оно, вероятно, имеет много сходного с размножением других аистов. Яйца, которые были найдены в восточной Африке, по виду и окраске похожи на яйца аистов, но гораздо крупнее, а именно в продольном разрезе они имеют 78, а в поперечном 53 мм.

Пойманные седлоклювые аисты не составляют редкости и часто встречаются в зоологических садах. Они очень хорошо переносят жизнь в неволе, если получают в пищу мясо или рыбу, очень быстро осваиваются и делаются такими же ручными, как и прочие аисты, скоро научаются распознавать хозяина или сторожа и отличают его от других людей, встречают его щелканьем, увидев еще издали, приближаются к нему, если он зовет, и позволяют ему даже дотрагиваться до себя. Всякое их движение и действие очаровывают, так как поведение их настолько же привлекательно, как и внешний их вид.

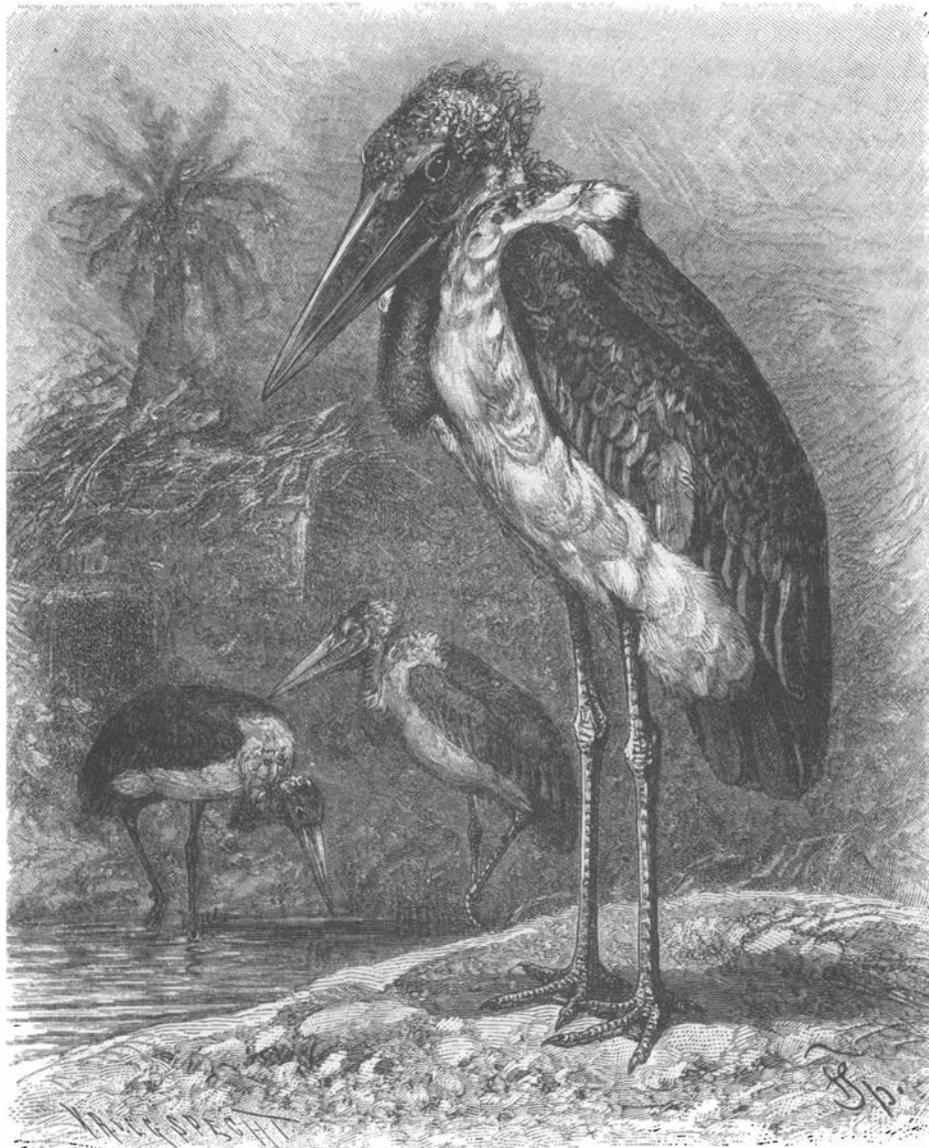
Самые некрасивые аисты носят название «марабу», или «зобатые аисты», так как пищевод их в нижней части шеи расширяется, образуя обширный мешок; хотя он имеет мало общего с обыкновенным зобом, но роль его та же самая. Прочие особенности, отличающие этих аистов от других, — это толстое, неуклюжее тело, толстая голая шея. Прыщеватая голова или вовсе голая, или, в крайнем случае, покрыта пушистыми перышками. Чудовищный, у основания очень толстый четырехгранный клюв спереди заострен клинообразно, наружная оболочка его поражает своей шероховатостью. Ноги высокие, крылья мощные, закругленные, в них четвертое маховое перо самое длинное; хвост средней величины, в нем нижние кроющие перья необыкновенно развиты, начиная от основания, сильно распушены и составляют прекрасное украшение.

Во время моего пребывания в Африке я впервые встретил там **африканского марабу** (*Leptoptilus crumeniferus*), называемого арабами «мешконосец». Голова его красновато-мясного цвета и очень скудно покрыта короткими волосистыми перышками, кожа почти всегда прыщеватая, шея голая. Цвет оперения верхней части спины темно-зеленый, с металлическим блеском, на всей же нижней части тела и на затылке белый. Маховые и рулевые перья черные и без блеска, наружные опахала больших кроющих перьев крыльев имеют белые каемки. Глаза карие, клюв грязного беловато-желтого цвета, ноги черные, но обыкновенно выпачканы светлой грязью. Длина его достигает 160 см, размах крыльев 300, длина крыла 73, длина хвоста 24 см.

В Судане я очень часто имел возможность наблюдать марабу, а близ Хартума почти ежедневно. Кроме своей величины, он поражает также и необыкновенной осанкой. В зоологических садах он обычно получает какое-либо прозвище: его иногда называют «тайный советник»; и действительно, говорит Фирталер, он сильно смахивает на старого служаку в огненно-красном парике, сгорбившегося от многолетней службы, который надел черно-синий фрак и узкие белые штаны и беспрестанно боязливо озирается на своего строгого начальника; я еще прибавлю к этому, что он напоминает неловкого человека, которого впервые вырядили во фрак и который не умеет с должным достоинством

носить это одеяние. Поведение его вполне соответствует его внешнему виду и осанке и невольно возбуждает смех. Всякое его движение производится с необыкновенным спокойствием: его походка, даже каждый шаг и каждый взгляд кажутся рассчитанными и точно обдуман-ными.

На обширной равнине, позволяющей ему оставаться на любом расстоянии от врага, он редко подпускает человека на расстояние выстрела, но и не взлетает, а движется все по одному и тому же направлению с таким расчетом, чтобы между ним и охотником оставалось от 300 до 400 шагов. Марабу очень умен, и после первых выстрелов, направленных в него или в его товарищей, он самым точным образом угадывает, как далеко бьет охотничье ружье его врага; он тотчас отличает охотника от другого человека. Полет их поистине великолепен, величествен и более похож на полет коршуна, нежели на полет наших

фриканский марабу
(*Leptoptilus
crumeniferus*)

аистов; шея у него при этом вытянута, но, вероятно, из-за тяжелого клюва голова несколько опущена; концы крыльев, как у некоторых коршунов и орлов, приподняты кверху, и вообще крылья движутся редко.

Вероятно, нет птицы, которая сравнялась бы с марабу по прожорливости. Обыкновенную его пищу составляют всевозможные позвоночные животные, начиная от крысы и молодого крокодила и кончая самой маленькой мышкой; он пожирает

также моллюсков, пауков, насекомых и с особенным удовольствием падаль. Мы вынимали у него из зоба целые бычьи уши и даже ноги с копытами, также мы находили там такие большие кости, что другой птице их бы даже не проглотить; мы замечали, что он глотает землю, пропитанную кровью, и тряпки, испятнанные ею, наблюдали, что, подстреленный, с подбитым крылом, он еще торопился справиться с начатым куском. Однажды я видал, как 10—12 марабу в Белом Ниле ловили рыбу. Это они делали очень умело и ловко: они оцепляют известное пространство и гонят рыбу друг к другу. Одному из них посчастливилось поймать большую рыбу — конечно, она тотчас же была проглочена, и в то время, пока оставалась в зобу, там ворочалась, расширяя зоб на целый фут. Все прочие птицы тотчас же набросились на счастливого ловца и хватили его за зоб с таким ожесточением, что тот был вынужден бежать, чтобы положить конец нападению. С грифами и собаками марабу постоянно враждуют; на падаль они всегда нападают одновременно с грифами, но места своего не уступают. Ушастый гриф, который обыкновенно раздирает добычу и вскрывает брюшную полость, умеет постоять за себя, но марабу не пытается прогнать, так как убежден, что тот себя тоже в обиду не даст, а начнет угощать соседей направо и налево такими сильными ударами своего клинообразного клюва, что непременно обеспечит себе должную часть добычи.

Охота на марабу бывает всегда затруднительна, так как необыкновенная пугливость этих птиц лишает охотника всякой возможности преследовать их. Даже на их ночлегах нельзя с уверенностью рассчитывать, что удастся перехитрить этих умных птиц. Легче их ловить следующим способом, и то только туземцам, к которым они больше привыкли. К тонкой, но крепкой и длинной бечевке привязывают баранью ногу и кладут ее между прочими отбросами. Марабу проглатывает ее, и, прежде чем успеет выплюнуть кость назад, он уже оказывается пойманным, как на удочку.

Африканский аист-разиня (*Anastomus lamelligerus*). Его длина равняется приблизительно 86 см, длина крыла 42, хвоста 19 см. Оперение отличается от оперения прочих аистов тем, что стержни перьев шеи, брюшка и бедер на конце превращаются в узкие, длинные, роговые или хрящевые пластинки, как у свиристеля или у каркающего петуха. Эти пластинки, а также стержни перьев блестящие, отливают зелеными и пурпуровыми тенями и придают своеобразную красоту перьям, которые без этого казались бы черными. Глаза красноватые, голая уздечка, горло и горловое пятно желтовато-серые, роговой клюв желтый, ноги черные. В оперении молодых птиц отсутствуют роговые пластинки; общая окраска вследствие этого более темная и по преобладающему цвету буровато-серая.

Последние изыскания показали, что аисты-разини живут в средней и южной Африке, а также и в Мозамбике. Я встречал их у Голубого Нила. Здесь они иногда образовывали огромные стаи и теснились или по берегу реки, или же частью стояли в воде и ловили рыбу; они дружно сплываются между собой, но с другими животными мало сходятся, хотя и их случалось видеть на местах общих сборищ всех болотных пернатых жителей. Гейглин находил их на всех притоках Голубого и Белого Нила, а также и близ стоячих вод, расположенных в местностях, лежащих между двумя поименованными реками.

Я должен сказать, что все действия, а также походка и полет этой птицы доказывают, что она настоящий аист. В спящем положении, как верно рисует его Гейглин, разиня держится прямо,

Африканский
аист-разиня
(*Anastomus
lamelligerus*)

сгибает шею в виде буквы S, причем голова почти всегда покоится на зобе. Их движения медленны и размеренны, полет же, напротив, легкий, красивый, часто плавный, при взлете же шумлив. Голос, по заявлению Гейглина, напоминает грубое воронье карканье. До рассвета, часто при густом тумане, эта птица появляется близ луж, на болоте и около пруда; по мнению же Поллена, даже у морского берега, чтобы ловить слизней, улиток, ракушек, рыб и лягушек, из которых первые составляют ее главную пищу. Говорят, что она любит также и ракообразных, сверчков и червей, и Гейглин заметил, что она даже не брезгует и падалью. Улиток она ловит в воде, а ракушек — в иле, очень ловко умеет их вскрывать и вытаскивать мясо. Жердон наблюдал, каким образом в данном случае поступают аисты, живущие в Индии. Птица схватила раковину ногой, передвигала и ворочала ее до тех пор, пока не пристроила как ей казалось удобным, и клювом своим вскрыла створки так скоро, что невозможно было проследить, как именно она это совершила. После этого она засунула кончик клюва в открытую раковину, пошевелила им там некоторое время и вытащила из нее животное. Жердон видел несколько раз эти приемы и не сомневается, что разиня точно так же легко и скоро справится и с речной раковиной.

Внутри Африки птицы эти не пугливы, у берегов моря, наоборот, очень робки, поэтому охота на них вдали от берега до того легка, что один из моих охотников мог одним выстрелом убить восемь птиц, на побережьях же, напротив, охота эта очень затруднительна. Близ Замбези птенцов употребляют в пищу как лакомое блюдо, на Мадагаскаре едят и взрослых; Поллен, говоря об их мясе, находит, что оно очень вкусно.

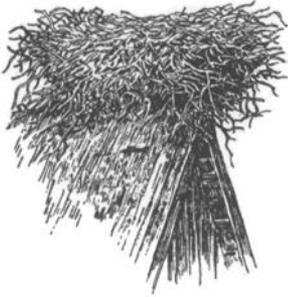
Африканский клювач (*Ibis ibis*) имеет белое оперение на спине с розовато-красным отливом. На плечевых перьях и на кроющих перьях крыльев заметны розовато-красные или пурпуровые поперечные пятна, которые окружены узкой каймой более темного цвета. Маховые и рулевые перья блестящие, зеленовато-черные, нижние кроющие перья крыльев подобны верхним, но расцвечены еще великолепнее. Глаза беловато-желтые, клюв воскового цвета, ноги бледно-красные, голая лицевая часть киноварно-красная. Цвет оперения птенцов очень скромный: на шее и верхней части тела пепельно-серый, на прочих частях желтовато-серый. Длина взрослых 90—104 см, размах крыльев 160—170, длина крыла 47—50, хвоста около 15 см.

В августе цвет оперения африканского клювача особенно прекрасен. Сообразуясь с этим, следует предположить, что время его размножения совпадает с сентябрем.

Насколько мне помнится, я их постоянно видел или в воде, или поблизости от нее, но никогда они не попадались на таком расстоянии от реки, как аисты или журавли. По-видимому, они с одинаковым удовольствием держатся как на голых побережьях рек, так и в прудах, сильно заросших травой. Клювач охотится по утрам и по вечерам и, как кажется, добычей его делаются всякие мелкие животные без исключения, будь то млекопитающие или птички; впрочем, главную пищу его, вероятно, составляют рыбы, водяные гады и черви. В полдень, и притом обыкновенно большими стаями, они стоят и отдыхают на песчаных островах, разбросанных по реке, или в мелкой воде, а иногда даже сидят на

Африканский клювач
(*Ibis ibis*)

деревьях. По походке и полету они до того похожи на нашего аиста, что я даже не сумею указать какой-либо особенности, составляющей разницу в этих движениях. Одно только: он при полете кажется гораздо красивее аиста, так как тут ярче выступает прекрасная окраска его крыльев.

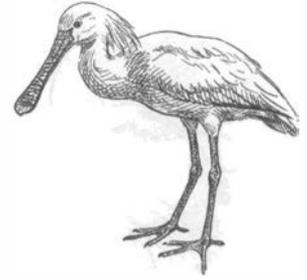
О размножении их я, к сожалению, не мог сделать собственных наблюдений и мне даже не удалось получить сведений от других путешественников.

СЕМЕЙСТВО ИБИСОВЫЕ (Threskiornithidae)

Ибисы — птицы средней величины и красиво сложены; около 30 видов их разбросано по всей земле. Клюв их довольно мягкий, только с твердым кончиком и бывает двух форм; общим признаком для обеих являются бороздки, идущие вдоль всего клюва от ноздрей до конца его. Ноги их довольно длинные, передние пальцы соединены короткой перепонкой, крылья заостренные, хвост прямо обрезанный; оперение обильное.

Ибисы живут преимущественно в странах жаркого пояса всех частей света; некоторые отдельные виды встречаются в различных странах, другие же имеют несколько более ограниченную область распространения. Те, которые живут на Севере, принадлежат к перелетным птицам, остальные кочуют. Они селятся в болотах, трясинах и в лесистых местах; как дневные птицы, с рассветом улетают со своих ночлегов за пищей, днем то заняты, то отдыхают, в послеобеденные часы опять ищут корм, и вечером все вместе направляются к деревьям, служащим им убежищами для ночлега. Они находятся в движении исключительно только днем и не пользуются даже светлыми лунными ночами. Ибисы ходят хорошо, мерными шагами, никогда не бегают слишком быстро, так что движение ног всегда заметно. По воде бродят погружившись до самого туловища, плавают довольно хорошо, когда им вздумается или если обстоятельства их к этому принудят. Летают тихо, иногда машут крыльями часто, иногда же скользят по воздуху; при полете стаями они располагаются в виде клина или прямой линии, которая прорезает воздух во всю ширь; перед тем как опуститься на землю, они некоторое время парят. Голос их неблагозвучен, глухой, резкий или каркающий, иногда пронзительный и жалобный, у некоторых видов очень странный, и ни у одного вида из этого семейства звуки голоса не производят приятного впечатления. Все они живут обществами и соединяются не только с птицами своего вида, но и с другими.

Те из них, которые живут близ устьев рек и на берегах морей, питаются преимущественно рыбой, раками, моллюсками; те же, которые живут в болотах, едят рыб, различных гадов и всяких мелких водяных животных. Живя на свободе, пренебрегают вся-

кой растительной пищей. Гнездо всегда устраивают на ветвях деревьев или кустов, иногда они захватывают и чужое гнездо, которое другая птица здесь свила для себя; кладка состоит из 3—6 одноцветных яиц. Насиживают ли обе птицы эти яйца, остается вопросом нерешенным; впрочем, нам известно, что птенцов они воспитывают сообща. Молодые остаются в гнезде до тех пор, пока научатся летать, но еще долго и после того нуждаются в руководстве старших и остаются жить с ними, составляя все вместе одно общество. Полного возраста они достигают не ранее двух лет; многие виды лишь на третьем году становятся способными к размножению. От естественных врагов не страдают особенно ни старые, ни молодые, точно так же и охотники большей частью щадят их, хотя вкусное мясо достаточно наградило бы охотника за его труд.

Каравайка (*Plegadis falcinellus*). Цвет перьев на шее, брюшке, груди, на бедрах и верхней части крыльев каштаново-буро-красный, на темени темно-бурый с красным оттенком, на спине черновато-бурый с фиолетовым или зеленоватым отливом; точно так же выглядят маховые и рулевые перья. Глаза карие, голый ободок вокруг глаз зеленовато-серый, клюв грязновато-темно-зеленый, ноги зеленовато-серые. В зимнем оперении голова, передняя и задняя части шеи черные; книзу перья делаются светлее; все они по сторонам имеют белую каемку; вся остальная верхняя часть тела имеет медный цвет вперемешку с зеленым, нижняя часть тела, начиная от самой головы, буро-серая. Длина птицы 60 см, размах крыльев 98, длина крыла 35 и хвоста 9 см.

Каравайки живут во всех пяти частях света. В Европе они водятся в долине Дуная, в России и на юге Польши; некоторые отдельные экземпляры попадают в южной Италии, южной Франции и в Испании, в Азии встречаются во всех странах вокруг Каспийского и Черного морей и во всей Индии; в Африке они гнездятся на северном берегу у Средиземного моря, а может быть, и внутри материка, а также на западе и на юго-востоке этой части света*. Из России и Польши небольшое их количество попадает в Силезию, Ангальт, Брауншвейг и в некоторые другие местности Германии; случалось, что такие заблудшие птицы залетали даже в Гренландию. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что в Египте каравайки из года в год держатся все в одних и тех же местах, в Венгрии они бывают как перелетные птицы, которые всегда прилетают в конце апреля, а в августе и самое позднее в сентябре улетают. Тут пристанищами им служат все местности по нижнему течению Дуная и Дравы, а именно болотистые озера и пруды, которые время от времени наполняются водой во время разлива названных рек. Излюбленными местами пребывания их следует считать прибрежные озера, трясины, а также болота, как илистые, так и моховые; в этих самых местах или поблизости от них они выводят детенышей. Стаи,

**В настоящее время каравайка не гнездится в северной Африке на побережье Средиземного моря, не встречается она и в Польше.*

населяющие известные участки, по-видимому, иногда меняют места и перебираются с одних болот на другие. Замечание это относится к зимнему времени, так как гнездование само по себе привязывает их к одному месту.

Во время ходьбы в спокойном состоянии каравайки держат шею довольно сильно втянутой и загнутой в виде буквы S, тело спереди приподнято, клюв направлен к земле; походка совершается легкими, большими шагами, быстрота и размер которых при всевозможных обстоятельствах остаются одинаковыми. Разыскивая пищу, они охотно полощутся в воде, иногда пускаются плавать, даже если на то и нет особенной необходимости, и переплывают от одного островка к другому. При полете они вытягивают шею и ноги совершенно прямо, машут крыльями довольно скоро, но не очень широкими размахами, а затем парят, не шевеля крыльями, но все же подвигаясь вперед, затем опять возобновляют движения крыльями, чтобы дать себе толчок. Только в исключительных случаях можно видеть этих птиц поодиночке, в большинстве же случаев большое количество их летит вместе, всегда высоко над землей в виде тупого клина, еще чаще летят, вытянувшись длинным рядом, который всей своей шириной подвигается вперед, держась так плотно, что кажется, будто крыльями они касаются друг друга. Прекрасное зрелище представляет эта вереница птиц, прорезающая воздух. Точь-в-точь как нити паутины бабьим летом натянуты прямо, а чуть подует ветерок, то правильность их направления нарушена, и они виснут в воздухе; так точно и птицы несутся нестройной шеренгой, линия ежеминутно становится волнообразной, то медленно поднимаясь, то снова опускаясь, образует в высшей степени красивые и разнообразные изгибы и таким образом подается вперед в воздушном пространстве; погружается или возвышается при этом то середина, то один из концов, или же часть пространства между этими точками, то забегая вперед, то отставая, так что линия эта беспрестанно меняется, как бурная волна или как мелкая волна прибоя, но все же остается непрерывной, и вместе с тем все птицы в ней летят по одному и тому же направлению. Только тогда, когда стая таких странниц намеревается опуститься, чтобы отдохнуть, длинная нить разрывается на части и распадается, и каждая птица начинает летать отдельно; все перепутываются между собой, кружатся, описывают спиральные линии, шумно раскачиваясь из стороны в сторону и хотя поодиночке и не все в один момент, но все же быстро следуя друг за другом и каждая на свой лад, стремительно спускаются на землю. Голос их состоит из хриплых, мало слышных звуков, которые звучат как «рах», и вняты только на близком расстоянии. Молодые птенцы издают еще своеобразное чавканье или шепот.

В осторожности и трусости каравайки не уступают остальным болотным птицам. Там, где они устроились оседло или же

лишь на короткое время, они очень скоро научаются различать опасных и безвредных людей. Несмотря на их осторожность, я, впрочем, никогда не наблюдал, чтобы они, как другие птицы, при воспитании птенцов полагались на сторожей.

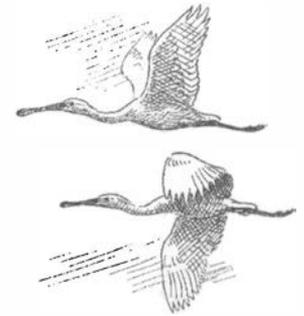
Питается каравайка, смотря по времени и по месту, различными животными. Летом главную их пищу составляют личинки насекомых, червячки, а также и взрослые насекомые, преимущественно сверчки, стрекозы и жуки. Зимой им удается пожить-ся ракушками, червями, рыбами; они хватают маленьких гадов и других водных животных.

Близ Дуная каравайки гнездятся на болотах и трясилах, богато поросших кустарником. Больше всего они любят завладеть старым гнездом аиста, в крайнем случае выстилают его соломой и листьями рогозы и этим самым придают ему такой вид, что его издали можно узнать. Их 3—4 синева-зеленых яйца продолговаты, около 50 мм в длину и 38 мм в ширину и имеют твердую скорлупу. Прекрасный синева-зеленый цвет их иногда заменяется на бледно-зеленый. Птенцов прилежно кормят; они сидят долго в гнезде, позднее лазают по сучьям и, наконец, улетают, руководимые старшими.

Священный ибис (*Threskiornis aethiopicus*) считается представителем того же семейства. Отличительные признаки его: клюв довольно толстый, голова и шея под старость голые, перья, покрывающие плечи, распушены на кончиках. Цвет перьев белый, под крыльями желтоватый; концы крыльев и перья на плечах синева-черные. Глаза карминно-красные, клюв черный, ноги черновато-бурые. Голая черная кожа на шее на ощупь бархатистая и заметно выцветает. У молодых птиц голова и шея покрыты темно-бурыми и черноватыми перьями с белой каемкой. Горло и нижняя часть шеи белые, как и остальное оперение, за исключением крыльев с черными кончиками и черными каймами. После первой линьки и у молодых появляются на плечах распушенные перья. Голова и шея еще остаются оперенными; части эти оголяются лишь на третьем году жизни. Длина вполне взрослых птиц 75 см, размах крыльев 130, длина крыльев 35, а хвоста 16 см.

Египтяне считали Нил подателем жизни и хранителем ее, поэтому ибис, появившийся в стране во время его разлива, пользовался у народа большим почетом и уважением. Эту птицу даже обоготворяли и заботились, чтобы брэнное тело ее не подвергалось тлению, а сохранялось бы на многие тысячелетия. В одной из пирамид Самхары* находят тысячи мумий этих птиц, сохраненных в урнах или лежащих в отдельных камерах, где они расположены целыми слоями.

Славу ибисов распространяли не только египтяне, но и путешественники, посещавшие чудесную страну пирамид. Геродот рассказывает, что ибис выслеживает драконов, летающих змей и

* Узкая полоса пустынь вдоль северо-западных берегов Красного моря.

разных других гадов Египта, убивает их и потому пользуется там большим уважением. Другие писатели утверждают, что Меркурий принимал вид ибиса. У Овидия сказано, что во время битвы богов с титанами Меркурий спрятался под крыльями ибиса. Плиний упоминает, что египтяне при появлении змей обращались с мольбой к ибисам. Иосиф Флавий в своем сочинении «Иудейская археология» говорит, что когда Моисей шел походом на эфиопов, то брал с собой ибисов в папирусных клетках, чтобы они сражались со змеями. Плиний и Гален приписывают ибису открытие клистира. Пирэй рассказывает, что василиск произошел из яйца ибиса, образовавшегося из яда всех съеденных

Священный ибис
(*Threskiornis
aethiopicus*)

им змей, что прикосновение пера ибиса действует на крокодилов и змей как волшебство, оно делает их неподвижными или же моментально убивает. Зороастр, Демокрит и Филон добавляют, что жизнь священной птицы необыкновенно продолжительна и даже что ибис бессмертен, и опираются при этом на показания жрецов Гермополиса, представивших Апиону одного ибиса, который был так стар, что уже не мог умереть. Пищу ибиса, говорится уже в позднейшие времена, составляют змеи и пресмыкающиеся. «Он проявляет, — говорит Белон, — необыкновенную алчность относительно мяса змей и вообще питает отвращение ко всем пресмыкающимся животным, с которыми ведет самые кровавые битвы, причем хотя уже и совершенно сыт, но все же старается убить жертву». Диодор Сицилийский утверждает, что ибис день и ночь бродит по берегу водоемов, подстерегая пресмыкающихся, разыскивает их яйца и заодно охотится на жуков и кузнечиков. По мнению других авторов, они устраивают гнезда на пальмах, помещая их посреди колючих листьев, чтобы предохранить от нападения своих врагов — кошек. Предполагают, что ибис кладет 4 яйца, число которых соответствует фазам Луны (*ad lunae rationem ova fingit*). Элиан тоже, видя какое-то соотношение между этой птицей и Луной, говорит, что она посвящена Луне и о насиживает свои яйца такое количество дней, какое потребно

звезде Изиды, чтобы совершить свой путь. Аристотель уже смеется над такими и подобными заблуждениями и ложными понятиями.

В одно из путешествий в девственные леса на берегах Голубого Нила, которое я предпринимал лично, 16 и 17 сентября я встретил там такое множество этих священных птиц, что мы в короткое время, в два дня, успели добыть 20 штук. Стая за стаей прилетали они из противоположного леса, чтобы в степи ловить саранчу, которая в это время составляла их единственную пищу. После того, как я уже застрелил первого ибиса из пролетевшей толпы, мне уже нетрудно было заполучить и остальных. По совету моего чернокожего служителя я при помощи нескольких палочек поставил убитую птицу стоймя и сделал, таким образом, из нее приманку для остальных. Каждая вереница, пролетающая после этого мимо, останавливалась, чтобы рассмотреть товарища, который им казался живым; мы их встречали выстрелами, результат которых, конечно, был прекрасный, так как разделявшее нас расстояние было очень незначительно. Мы очень скоро заметили, что не только следовало прятаться самим, но, чтобы не возбуждать подозрительность прочих, приходилось подбирать всех убитых птиц.

Впоследствии только нам стала понятна причина такого многочисленного скопления ибисов. Лес, лежавший на противоположном берегу, был частью затоплен, а потому и избран умными птицами местом для устройства в нем гнезд; добраться до гнезд не было никакой возможности. Я предложил по две марки за каждое яйцо, но ни одному из суданцев не пришлось заслужить этих денег. Почва леса была топкой, вода же настолько мелкой, что лодка тоже не могла помочь горю. Еще прежде мне пришлось побывать в другой колонии гнезд, которая находилась в подобном же месте, но все же была более доступна.

Я считаю вероятным, что ибис действительно ест маленьких змей, но не думаю, что он рискует нападать на больших и более опасных. Во время дождей пища его состоит если не исключительно, то главным образом из насекомых. В желудках убитых мы находили саранчу или различного рода жуков, преимущественно навозных; на пойманных мы наблюдали, что они не пренебрегали и маленькими гадами, которых им бросали, но насекомых все же предпочитали. Несмотря на то, что клюв кажется очень неуклюжим, птица умеет им очень ловко владеть. Кончиком его она берет с земли самых мелких насекомых и, пропуская траву через клюв, очень ловко собирает сидящих на ней букашек. «Очень смешно наблюдать, — говорит Гартман, — как ибис ловит саранчу. Сидящих на земле прямокрылых он клюет своим серповидным клювом. Если же насекомые, заметив опасность, подпрыгнут, то и ибис прыгает за ними, причем высокая жесткая трава служит ему помехой, вследствие чего движения его бывают до-

Семейство ибисовые

Семейство ибисовые

вольно неловкие; однако упускать добычу он не любит и если словит ее, то давит в клюве и тотчас глотает».

Ибисы, которых мне приходилось наблюдать, мирно уживались почти со всеми птицами, жившими с ними в неволе в одном пространстве, принимая, впрочем, в отношении к более слабым некоторый вид господства, и, по-видимому, испытывали известного рода удовольствие поддразнивать тех, которые это позволяли. Именно с фламинго они постоянно возились, и прелюбопытным способом. Когда те стояли вместе или спали, спрятав голову в перья, то ибисы тихонько подкрадывались и кончиком клюва начинали теревить жертву своего задора за плавательную перепонку ног, может быть, и не с целью причинить боль, а просто чтобы поддразнить. Фламинго, очевидно, чувствовал неприятный зуд докучного щекотанья, боязливо оглядывался на обидчика, удалялся и пытался снова дремать; ибис опять быстро подскакивал, и снова начиналась прежняя потеха. Больше всего от него доставалось фламинго во время их сожителства в общем, зимнем, помещении, откуда бедняге вовсе некуда было спастись.

По всей вероятности, в древние времена у египтян эти священные птицы размножались в полудомашнем состоянии, теперь же в зоологических садах и при хорошем уходе они очень часто размножаются в неволе.

В Судане за ибисами не охотятся, хотя их вкусное мясо вознаградило бы недурно за труд. Туземцы, впрочем, с удовольствием едят случайно попавшуюся им птицу, кроме того, оципывают их распушенные перья, из которых воины этих племен делают свои излюбленные головные украшения.

В Голландии, на Дунайской низменности, на юге Европы, во всей Средней Азии, в средней Индии, а также на Канарских и Азорских островах живет **обыкновенная колпица** (*Platalea leucorodia*). За исключением желтой полосы на голове, цвет перьев ее чисто белый; глаза карминно-красные, клюв черный с желтым кончиком, ноги черные, кольцо вокруг глаз желтовато-зеленое, горло зеленовато-желтое. Самка немного меньше ростом, а молодые птицы отличаются тем, что у них нет ни хохолка, ни желтого пятна на голове. Длина птицы 80 см, размах крыльев 140, длина крыла 44 и длина хвоста 13 см. Замечательно, что колпицы, которые во время перелета постоянно бывают в Греции, никогда там не гнездятся; по-видимому, и в Индии, южной Франции и Испании они также не выводят птенцов*. Радде находил их в Сибири везде, где только бывал, и утверждает, что они водятся во всей южной Сибири, исключая средние, высоко лежащие местности; мы видели их в Туркестане. Свинхое упоминает о колпице как о зимней гостье южного Китая, Жердон считает ее постоянной жительницей Индии; я же встречал их часто близ египетских озер и южнее — в Нубии до Дерра. Единичные экземпляры залетали далеко на север, чем

и заставили прежних натуралистов думать, что вид этот принадлежит собственно северу.

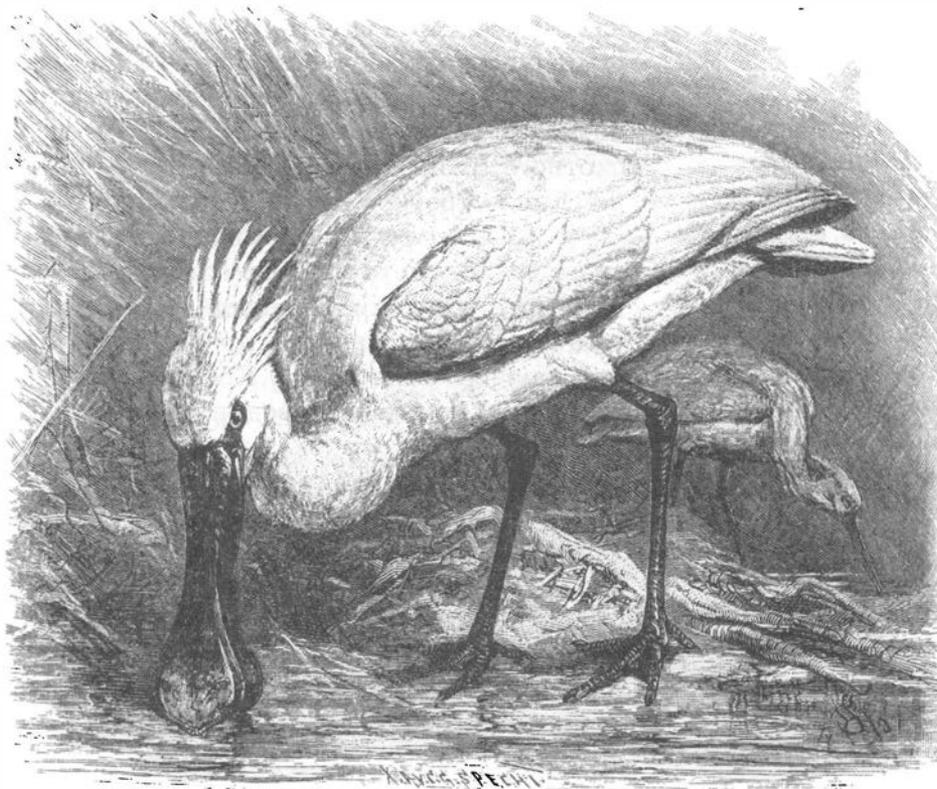
В Индии и вообще на юге Азии и в Египте колпица оседлая птица; в более северных странах она появляется с аистами — значит, в марте и апреле, а в августе и сентябре вновь покидает эти края.

Колпицы путешествуют днем, большей частью держатся в ряд шеренгой, вытянутой в ширину, лететь, по-видимому, не очень торопятся, то есть дорогой останавливаются везде, где находят пищу. Как на родине, так и в чужих странах они явно предпочитают озера и болота, поэтому ни в каком случае не могут считаться морскими птицами, как прежде думали; относительно выбора места они похожи на других ибисов. Они водятся там, где дно моря вязко и илисто, но такое место, строго говоря, более похоже на обширное болото, чем на берег моря. Берегов и трясин, поросших травой, они решительно избегают; во всяком случае, излюбленными участками для добывания пищи являются илистые берега каких бы то ни было водоемов.

Здесь они расхаживают мерными шагами, большей частью бродят по воде, разыскивая пищу; при этом верхняя часть тела низко наклонена вперед, а клюв, покачиваясь из стороны в сторону, как у шилоклювки, обыскивает грязь и воду. Птицу эту редко можно видеть стоящей с прямо вытянутой шеей; если она не за работой, а отдыхает, то изгибает шею книзу так, что голова покоится почти на плечах, а шея сильно выдается вперед; только настораживаясь, она поднимает голову прямо вверх. Ходят они с достоинством, плавно и красивее, нежели аисты. Полет их чрезвычайно легкий и прекрасный; часто они парят или кружатся. От летящей цапли они отличаются тем, что вытягивают шею прямо, от аиста же тем, что машут крыльями чаще и скорее. Из вне-

Семейство ибисовые

**Колпицы гнездятся в Греции, Испании, Индии.*

Обыкновенная
колпица
(*Platalea leucorodia*)

шних органов чувств лучше всего развито зрение, слух хороший, а также, кажется, не хуже развито и чувство осязания; клюв может, по-видимому, хорошо ощупывать предметы.

Принадлежат к осторожным и умным птицам, которые умеют применяться к обстоятельствам и быстро научаются взвешивать их; там, где им нечего бояться, они доверчивы и, наоборот, очень робки везде, где охотятся за болотными птицами. Между собой эти птицы живут в высшей степени дружно и мирно.

Хотя колпица принадлежит к дневным птицам, но в ясную лунную ночь она не прочь выйти на добычу. К немалому моему удивлению, я близ озера видел некоторых в одиннадцатом часу ночи еще бодрствующими: они прилежно разыскивали пищу. Обыкновенно они уже перед закатом солнца торопятся уйти на ночлег и до самого утра больше оттуда не выходят. Они очень охотно устраиваются на деревьях, где спят по ночам и даже иногда на самое короткое время и днем.

Рыбы, конечно, составляют их главную пищу*. Птица ловко схватывает жертву клювом и до тех пор ворочает ее, пока не направит ее должным порядком, то есть головой вперед, а тогда уже глотает ее. Причем справляется с очень большими, величинной даже до 10 и 15 см. Кроме рыбы они, без сомнения, едят и всяких других мелких водяных животных, раков, ракушек, улиток вместе с раковиной, водных пресмыкающихся, а также и насекомых во всех стадиях их развития.

Говорят, что в местах, где деревьев вовсе нет, они гнездятся даже в камышах. Сами гнезда широкие, неплотные и плохо сложены из крепких прутьев и кусков камыша; изнутри гнездо выстлано сухими листьями тростника, ситника и осоки. Бывает, что кладка состоит из 2—3 и даже 4 довольно больших яиц, около 70 мм в длину. По всей вероятности, обе птицы насиживают попеременно, то самец, то самка; по крайней мере, оба вместе выращивают птенцов до известного возраста.

В прежнее время устраивали соколиные травли на колпиц, нынче же за ними в некоторых местностях охотятся из-за их съедобного, хотя и не особенно вкусного мяса**.

** Как выяснено новейшими исследованиями, основной пищей колпиц являются различные беспозвоночные животные: насекомые и их личинки, моллюски, ракообразные; рыба для колпиц — не главный корм.*

***Все это в прошлом. Сейчас колпица стала редкой птицей, повсеместно охраняемой в Европе, она включена в Красные книги многих стран.*

ОТРЯД
ФЛАМИНГООБРАЗНЫЕ
(Phoenicopteriformes)

Семейство
фламинговые

СЕМЕЙСТВО
ФЛАМИНГОВЫЕ (Phoenicopteridae)

Тело фламинго стройное, шея очень длинная, голова большая, клюв немного длиннее головы, значительно в высоту, чем в ширину, но толстый; начиная от середины, загибается под прямым углом, верхняя челюсть гораздо меньше и уже нижней, и, что особенно замечательно, она необыкновенно плоская, но края обеих челюстей усажены зубчиками. Можно бы этот клюв сравнить с ящичком из раковин, причем нижняя челюсть соответствовала бы самому ящичку, а верхняя — крышке. Ноги необыкновенно длинные и тонкие, сплюснуты с боков, высоко над голенью голые; три передних пальца короткие и соединены между собой плавательной перепонкой, которая хотя имеет неглубокие вырезки, но занимает все пальцы до когтей. Задний палец у одного вида совсем неразвитый, короткий и слабый. Крылья умеренной величины; в них второе маховое перо превышает остальные, короткий хвост состоит из двенадцати перьев, мелкое оперение густое и плотное, отличается большой мягкостью и особенной красотой цветов.

Представители этого семейства распространены в Старом Свете и в Америке. Отдельные виды в своих обычаях и привычках или вовсе между собой не различаются, или же различаются очень мало. Следовательно, совершенно достаточно, если мы познакомимся с одним из них.

Обыкновенный, или розовый, фламинго (*Phoenicopus roseus*) белого цвета с чрезвычайно нежным розовато-красным отливом; верхние части крыльев карминно-красные, маховые перья черные. Глаза желтые, кольцо вокруг глаз карминно-красное, клюв у основания розовато-красный, на конце черный, ноги карминно-красные. Длина его 120—130 см, размах крыльев 160—170, длина крыла 39 и хвоста 14 см. Самка значительно меньше ростом, не более 110 см в длину и размах крыльев около 150 см. У птенцов оперение все сплошь белое, на шее серое, на верхней

**Семейство
фламинговые**

части крыльев пятнистое. Только на третьем году цвет меняется и делается похожим на цвет взрослых.

Родина фламинго — страны по берегам Средиземного и Черного морей. Отсюда область его распространения идет к югу, к северным берегам Красного моря, а с другой стороны — к островам Зеленого Мыса. Точно так же он довольно регулярно встречается в Средней Азии близ больших озер и в южной Азии

у морских берегов. Необыкновенно удивительна их скученность в известных местах. По рассказам прежних и теперешних исследователей, они появляются огромными массами на больших озерах Сардинии и Сицилии, часто встречаются на всех прибрежных озерах Египта, Туниса, в Алжире и Марокко и только в Греции встречаются очень редко. Строго говоря, южная Европа образует северную границу области их распространения, северная же Африка и Средняя Азия собственно настоящие их местожительства.

Розовый фламинго везде и всегда

Обыкновенный
фламинго
(*Phoenicopterus roseus*)

предпочитает приморские озера с соленой и стоячей водой; в пресноводных водоемах они попадают только случайно, остаются тут очень недолго и опять исчезают. У самого же моря, наоборот, их можно видеть очень часто, но, конечно, на местах неглубоких, где они могут беспрепятственно двигаться обычным образом. Птицы эти считаются кочующими, но перекочевки со-

вершаются так регулярно, что не мудрено, если возникнет вопрос, не перелетные ли они.

Все те, кто видел фламинго тысячами, согласны с восторженными отзывами прочих наблюдателей, имевших счастье насладиться таким величественным зрелищем. «Если смотреть утром из Каглиари по направлению к озерам, — пишет Четти, — то кажется, что они или окружены дамбой из красных кирпичей, или же что на поверхности вод плавает множество красных листьев. Но это ничто иное, как фламинго, стоящие рядами и производящие эту иллюзию цветом своих розовато-красных крыльев. Никогда богиня утра не украшала себя более яркими цветами, никогда цветы розовых садов Пестума не были прекраснее того, как расцвечены крылья фламинго. Цвет этот ярко-огненный, розовато-красный подобен цвету распускающихся роз. Греки называли эту птицу по цвету ее крыльев. Римляне сохранили это название, и французы, несомненно, имели в виду только этот ее огненно-красный цвет, назвав ее «flamant», то есть «flambant» (пылающий). Первое впечатление, произведенное на меня фламинго, останется в моей памяти навсегда неизгладимым. Взирая на обширное озеро Мензале, я видел их буквально тысячи, даже гораздо больше — целые сотни тысяч. Я не мог отвести глаз от огненной полосы необыкновенной красоты, не поддающейся описанию. Лучи солнца играли на ослепительно белых и розово-красных перьях птиц, и чудные краски как будто оживали. Испуганная чем-нибудь вся масса поднималась, из общей путаницы, из живых роз выравнивалась огромная клинообразная стая, подобная журавлиной, и теперь огненная линия тянулась вдоль голубого неба. Эта картина была восхитительна! Мало-помалу птицы снова опускались и принимали прежнее положение, так что опять можно было себе представить, что имеешь перед собой отряд войска».

Поодиночке фламинго можно встретить очень редко, а до начала спаривания, кажется, никогда; если же, как я мог заметить, это и случается, то не иначе, как с молодыми птицами, которые отстали от главной стаи взрослых. Их всегда можно встретить во множестве; все они сообща занимаются охотой, внутри же их настоящей области распространения птицы держатся обществами в несколько сот или даже тысяч штук. Они боязливо сторонятся тех мест, где им грозит какая-либо опасность; рыбу ловят только в открытой воде*, дающей им возможность озираться кругом, и очень боятся тростниковых зарослей. Они стремительно улетают от приближающейся лодки и вообще пугаются

Семейство фламинговые

** Здесь явное преувеличение, обусловленное тогдашним недостатком знаний. Фламинго никогда не питаются рыбой, основная их пища — рачки *Artemia salina* и некоторые другие ракообразные и моллюски, обитающие в иле сильно соленых водоемов. Этим и объясняется четкая связь фламинго с солоноводными акваториями, которая подчеркивается Брэмом.*

Семейство фламинговые

всякого незнакомого им предмета, поэтому нелегко наблюдать их образ жизни на свободе. Обыкновенно они стоят в воде до пяточного сустава; реже выходят на дюны или песчаные острова и очень редко стоят на берегах, заросших растениями. Как в воде, так и на земле они принимают самые странные позы. Длинная шея их изгибается самым удивительным образом.

Одинаково странно фламинго держит себя как во время покоя, так и при добывании пищи. Он шарит по дну, подобно уткам, но все же поступает при этом несколько иначе. Фламинго бродит по воде и так сильно нагибает шею, что она оказывается на одном уровне с ногами, другими словами, так, что клюв и главным образом верхняя часть его может погружаться в ил. Подобным способом он исследует дно водоема, подвигаясь мелкими шагами назад и вперед, то открывает, то закрывает свой клюв, и при этом шевелит языком. Благодаря сильно развитому осязанию все, что попадает в сито-клюв, исследуется им и сортируется: годное к употреблению удерживается, ненужное же выбрасывается. Шлепая ногами, он приводит в движение и беспокойство всех маленьких водяных животных, идущих ему в пищу.

Перед тем, как лететь, он движется по воде, причем не то летит, не то бежит и делает это не так искусно, как буреви́стник, но все же довольно ловко, как лысуха или утка. Полет начинается этими подготовительными движениями и делается очень легким, когда птица поднимается на высоту. Довольно быстрые взмахи крыльев производят почти такой же шум, какой замечается при полете уток и гусей; некоторые наблюдатели сравнивают шум от полета внезапно спугнутой стаи птиц с отдаленными раскатами грома. Даже самый неопытный человек узнает летящего фламинго: в отличие других длинношеих птиц он вытягивает свою шею вперед, а ноги назад и выглядит очень длинным и узким. Узкие крылья при этом оказываются как раз на середине тела, так что, летящий, он имеет вид креста, а прозаично выражаясь, похож и на помело с крыльями. Стая их при полете выстраивается или в ряд, или в виде клина, как журавли, причем стороны угла постоянно изменяются, так как птицы поочередно меняются, чтобы занять вершину угла.

Из внешних органов чувств, по-видимому, зрение развито хорошо, как и вкус, но богатый нервами язык служит вместе с тем и органом осязания; чувство это, без сомнения, также сильно присуще и мягкой коже, надевающейся на клюв, таким образом, осязание также следует считать очень хорошим. Он всегда осторожен, а иногда даже боязлив; отличает опасное существо от без-

Семейство фламинговые

вредного: стая этих птиц никогда не подпускает лодку на расстояние выстрела, а старые птицы целый день и ночь стоят настороже, и провести их нелегко. Только в одном отношении они вовсе обижены природой: звук голоса их грубый и хриплый; с трудом выкрикивают они свое «крак», лишенное всякого благозвучия, которое звучит то резче, подобно гусиному крику, то переходит в каркающий вороний крик. Если слушать их крик, не видя самих птиц, например, в туманную погоду, то можно вполне ошибиться и вообразить, что имеешь перед собой стадо гусей.

Пищу их составляют маленькие водяные животные, преимущественно ракушки, которых они добывают, обыскивая дно; едят они также различных червей, раков, маленьких рыб и известного рода растительные вещества.

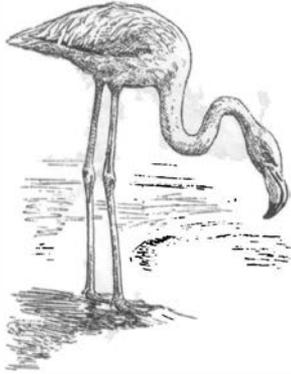
Относительно размножения достоверно следующее. Фламинго устраивает свое гнездо в воде, на неглубоких местах, по уверению же арабов, на плоских ровных островах, поросших очень низким кустарником. В первом случае гнездо это представляется в форме конуса из грязи, которая собрана в кучу ногами и укреплена, вероятно, водяными растениями и тому подобными веществами; оно выведено так высоко, что поднимается на полметра над поверхностью воды; если гнездо расположено на суше, то имеет вид небольшого углубления, вырытого в земле, в котором, как мне говорили арабы, лежит скудная подстилка из тростника и листьев осоки*.

Яиц обыкновенно бывает два; не мудрено, впрочем, что в ином гнезде встретится и три яйца. Они очень длинные, обе половины неодинаковы, и скорлупа их мягкая, как бы из мела, гладкая и известково-белого цвета. Несомненно, что для насиживания птица, поджав ноги, садится на само гнездо; конечно, может случиться, что она случайно протянет одну ногу по другую сторону гнезда и держит ее несколько времени, свесив. Говорят, что насиживание продолжается 30—32 дня и что самка громкими криками призывает самца сменить ее. Говорят также, что птенцов очень скоро после появления из скорлупы ведут в воду и будто здесь с первого дня своего появления на свет они начинают плавать, а вскоре научаются прекрасно и скоро бегать, способность же летать приобретают только через несколько месяцев.

Охота на фламинго требует большой осторожности. Днем эти пугливые создания не подпускают к себе даже на расстояние выстрела из винтовки; во время добывания пищи несколько старых птиц стоят всегда настороже и предупреждают все общество о приближающейся опасности. Арабы рассказывали мне, как ими

* Гнезда фламинго обычно не содержат никакой выстилки, так как птицы гнездятся на водоемах, полностью лишенных растительности. Фламинго используют остатки растений для строительства гнезд только при размножении в нетипичных условиях, как исключение.

Семейство фламинговые

можно еще легче овладеть. Между двумя лодками натягивают обыкновенную рыболовную сеть и гребут, врезаюсь в стадо фламинго; испуганные птицы поднимаются лететь, запутываются в сеть, откуда их освобождают лодочники. Таким образом можно забрать до 50 штук из одной стаи. На озере Мензале, как мне рассказывали рыбаки, практикуется гораздо более странный способ ловли фламинго. После того, как наверняка вымотришь место ночлега стаи, подъезжаешь ночью с возможной осторожностью на плоту из камышей и отыскиваешь караульного. Он стоит выпрямившись и бодрствует, между тем как все остальные, у которых головы спрятаны под крыло, спят. Один из рыбаков, раздетый, пробирается то над водой, то под водой, скрываясь за связкой осоки, которую держит перед собой. Он подплывает к сторожевой птице, быстро схватывает ее, засовывает ее голову в воду и поворотом шеи убивает, прочие рыбаки схватывают руками еще несколько птиц и, убив их таким же способом, привязывают к длинной веревке. Я бы не поверил этому рассказу, если бы мог объяснить себе, как иначе могли быть добыты эти птицы.

На рынках в городах северного Египта я видел этих прекрасных птиц дюжинами, так как мясо их составляет любимую дичь. Древние писатели рассказывают, что римляне любили их мясо, но особенно дорого ценили кушанья из языков и мозга, которых подавались огромные полные блюда. Я пробовал и мясо, и языки и нашел их очень вкусными, особенно языки, которые были превосходны.

ОТРЯД
ПЛАСТИНЧАТОКЛЮВЫЕ
(Anseriformes)

Семейство
паламедеи

СЕМЕЙСТВО
ПАЛАМЕДЕИ (Anhimidae)

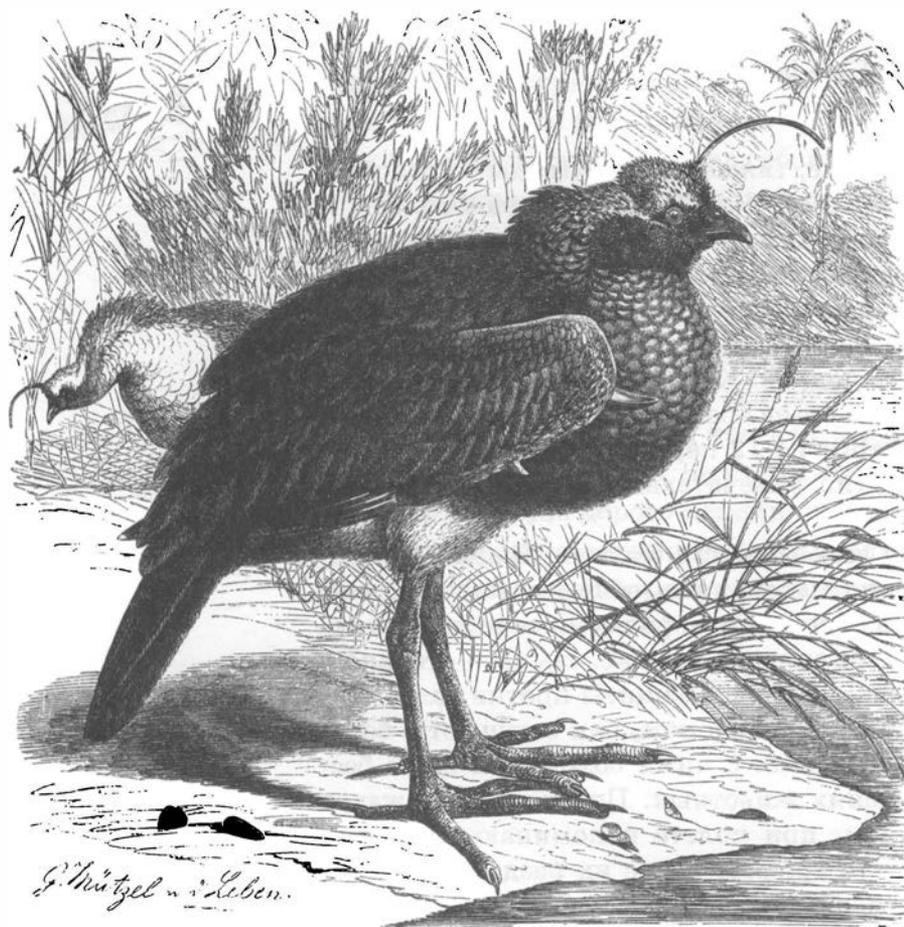
Паламедеи — это большие, тяжеловесные птицы с продолговатой шеей и маленькой головой. Клюв у них меньше головы и похож на куриный: сжатый на спинке, загнутый крючком на конце и покрытый у основания восковицей. Ноги средней длины, толстые, с короткими пальцами, снабженными довольно длинными, чуть-чуть изогнутыми и острыми когтями; наружный и средний пальцы соединены перепонкой. Крылья у них довольно длинные и сильные, из маховых перьев третье — самое длинное; слегка округленный хвост состоит из 12 перьев; оперение густое, на шее мелкоперое. У этих птиц замечательны две очень крепкие шпоры на сгибе крыла.

Паламедеи живут во всех больших болотах Южной Америки и держатся обыкновенно маленькими обществами, во время размножения — парами; в общем это миролюбивые птицы, которые редко пускают в ход свое сильное оружие, самцы — только в любовную пору, а оба пола — в случае защиты против более слабых неприятелей. Судя по словам Пеппига, они вступают в борьбу со змеями, живущими в одних с ними болотах, и даже бесстрашно нападают на больших животных. При ходьбе держатся горделиво и с достоинством; при полете напоминают больших хищных птиц, в особенности грифов. Голос их раздается далеко по лесу. Пища состоит главным образом из растительных веществ, но, подобно всем болотным птицам, они не пренебрегают также насекомыми, мелкими земноводными и рыбками. Посреди болот устраивают огромное гнездо, куда кладут два одноцветных яйца, и немедленно после появления птенцов тотчас же уводят их из гнезда. Рог, левая крыловая шпора, а отчасти и правая пользуются у индейцев большой славой как отличные целебные средства.

В лесных областях средней Бразилии, а отсюда, распространяясь дальше на север через Гвиану и Колумбию, живет **рогатая паламедея** (*Anhima cornuta*). На лбу этой птицы возвышается рог, держащийся только на коже. Он помещается на расстоянии

15 мм от основания клюва и представляет собой тонкое, длинное, торчком стоящее роговое образование, имеющее в длину 10—15 см, толщина у основания 3 мм; его довольно верно можно сравнить со струной. Верхняя шпора, находящаяся на сгибе крыла, имеет треугольную форму, очень острая, 4 см длиной и слегка загнута кверху; вторая шпора, помещающаяся гораздо ниже, почти прямая, имеет всего 8 мм в длину, но такая же крепкая. Мягкое, бархатистое оперение верхней части головы бело-серое, на концах черноватое. Щеки, горло, шея, спина, грудь, крылья и

Рогатая паламедея
(*Anhima cornuta*)

хвост черно-бурые; плечевые и большие кроющие перья крыла с зеленоватым металлическим блеском. Малые покровные перья у основания глинисто-желтые; нижняя часть шеи и верхняя часть груди серебристо-серые, с широкими черными каймами; брюхо и гузка совершенно белые. Глаза оранжевого цвета, клюв черно-бурый, на конце беловатый, рог беловато-серый, ноги аспидно-серые. Длина птицы 80 см, размах крыльев 202, длина крыла 55, а хвоста 29 см.

«Паламедеи, — говорит принц фон Вид, — в пору размножения держатся па-

рами, а остальное время соединяются по 4, 5 и 6 штук вместе. За пищей они ходят на песчаные отмели рек или в болота, не поросшие деревьями, которые часто встречаются по берегам. Пища главным образом состоит, по-видимому, из растительных веществ; по крайней мере в желудках 5—6 вскрытых мной паламедей я не нашел ничего, кроме зеленых листьев одной травы и других широколистных болотных растений.

Гнездо устраивается прямо на земле, в лесном болоте, близ реки. По словам ботокудов, оно содержит два больших белых яйца и состоит только из нескольких прутьев. Птенцы убегают

тотчас же после появления. Мясо паламеды невкусно; португальцы не едят его, тем не менее ботокуды прожорливо объедаются им. Красивые большие маховые перья идут для письма; хвостовые перья употребляются дикарями на трубки. Простой народ составил себе убеждение, что когда паламедея хочет пить, то она каждый раз перед этим погружает в воду свой лобный рог».

Прирученные паламедеи становятся очень доверчивыми и послушными птицами, мирно держатся в сообществе с домашними курами и без нужды никогда не заводят ссоры; но против собак они тотчас же пускают в ход свое оружие и так отлично умеют действовать своими крыловыми шпорами, что одним ударом обращают в бегство упомянутое четвероногое.

СЕМЕЙСТВО УТИНЫЕ (Anatidae)

Самым характерным признаком птиц из семейства утиных можно считать их клюв, служащий ситом и позволяющий особым образом промышлять себе пищу. Этот клюв редко бывает длиннее головы, обыкновенно прямой, широкий, на верхней части плоско округленный, на кончике образует широкий коготь, с боков имеет листовидные роговые зубчики, входящие в такие же зубчики нижней половинки клюва. За исключением жестких краев, клюв покрыт мягкой кожей, по которой проходят ветви нервов, из-за чего она оказывается в высокой степени чувствительной. Такое устройство клюва значительно дополняется большим, мясистым, чувствительным языком, лишь по краям покрытым роговым веществом и на этих местах бахромчатым и зазубренным. Весь этот аппарат представляет собой превосходную цедилку, дающую возможность отделять мельчайшие пищевые кусочки от несъедобных веществ. Тело утиных птиц плотное, но немного вытянутое в длину; шея средней длины или очень длинная и тонкая; голова сравнительно большая, высокая и узкая. Ноги средней высоты и даже низкие, снабжены четырьмя, а в исключительных случаях только тремя пальцами; передние пальцы соединены между собой перепонкой. Крылья средней длины, но заостренные. Хвост состоит из сравнительно большого числа перьев средней длины, прямо срезанный или округленный, иногда клиновидно заостренный. Оперение обильное, густое и гладко прилегающее, под ним всегда находится толстый слой пуха; окраска его нероскошная, однако в большинстве случаев весьма красивая, часто, но не всегда неодинаковая у птиц одного вида.

Область распространения утиных более ограничена, нежели у других водоплавающих птиц. Однако и они являются космополитами, так как, за единственным исключением материка у Южного полюса, они живут во всех частях света.

Семейство УТИНЫЕ

Семейство
утиные

Все эти птицы плавают, притом с такой же ловкостью, как и продолжительностью, и почти нет ни одной птицы, которая бы плавала неохотно или по принуждению; большинство более или менее легко ныряет на большую или меньшую глубину; некоторые почти не уступают в нырянии самым совершенным пернатым ныркам. Все ныряющие виды делают это только с поверхности воды: они представляют собой тип обыкновенных нырков, ныряющих с поверхности воды, но не тип стремительных нырков. В искусстве летать утиные, во всяком случае, уступают другим водоплавающим. Почти все поднимаются с воды или земли после некоторого пробега и с усилием.

Из внешних чувств, кроме зрения и слуха, у них также в значительной степени развито осязание, о чем можно было уже заключить при наружном исследовании мягкого кожистого клюва. Обоняние, по-видимому, тоже довольно развито, а вкус тоньше, чем вообще у большинства других птиц. Лебеди, гуси, утки и крохали принадлежат к числу осторожнейших птиц; они проявляют много хитрости и смысленности, действуют в соответствии с обстоятельствами и в случае изменения таковых выказывают много находчивости. Птицы одной пары очень любят друг друга, и родители также чрезвычайно привязаны к птенцам; селезни, впрочем, не всегда заботятся о своем потомстве. Особенно похвально то мужество, с которым самки защищают своих птенцов в случае опасности, хотя вообще утиные не могут быть причислены к птицам пугливым.

Пищей утиных птиц служат животные и растительные вещества. Настоящих хищников, т.е. таких, которые бы пренебрегали растительной пищей, среди них мало, исключительно растительноядных также немного.

У большинства утиных забота по высиживанию и воспитанию птенцов лежит целиком на матери. Самцы одних видов живут после спаривания в свое удовольствие, легко забывая о детенышах; самцы других видов, напротив, делят заботы если не высиживания, то воспитания вылупившихся птенцов, исполняют обязанности сторожа, когда самка сидит на яйцах, причем обмануть их в это время нелегко. Гнездо устраивается на крепких местах в болоте, на сухом месте, в дуплах, в норах или в расселинах и выбоинах скал. Строится оно из разнообразного материала, сплетается обыкновенно неискусно и грубо, но внутри аккуратно выстилается материнским пухом. Яйца кругловатые или овальные с гладкой скорлупой и всегда одноцветные; вылупившиеся птенцы покрыты густым пуховым одеянием, обсохнув, покидают гнездо, быстро растут и большей частью уже на первом году меняют юношеское оперение на оперение родителей.

У птиц несметное число врагов. Человек охотится за теми, которые представляют для него вкусную дичь, преследует их

ради перьев, собирает их яйца, разоряет гнезда ради пуха и существенно способствует тем самым уменьшению числа этих абсолютно безвредных птиц. Лишь немногие виды утиных человек сделал своими домашними птицами и приручил, хотя среди этого семейства можно найти и много других птиц, способных к приручению.

Первое место в семействе по праву занимают лебеди. Это гордые и величественные птицы, воспетые поэтами и прославленные в сказаниях. За исключением экваториальных областей, лебеди населяют все пояса земного шара; чаще всего их встречают в умеренном и холодном поясах северного полушария. Область распространения каждого вида весьма велика; кроме того, лебеди совершают сезонные перелеты на далекие расстояния. Местом их жительства служат пресноводные озера и богатые водой болота, местопребыванием — всякого рода водные бассейны. Свои гнезда они обычно устраивают на суше, напротив, после птенцово́й поры держатся в море.

Самец и самка этой пары необыкновенно привязываются друг к другу, выказывая самую преданную любовь, и раз заключенный союз уже не разрывается на всю жизнь. Обе птицы одной пары нежно любят друг друга и в опасности друг друга защищают. Столь же нежно родители относятся к своему потомству, так как хотя самец обыкновенно и не разделяет трудов по насиживанию яиц, но все же не перестает самым преданным образом оберегать самку и все время остается поблизости, предупреждая всякую опасность. При постройке гнезда, о чем заботится самка, самец помогает ей, по крайней мере доставляет гнездовой материал, который или приволакивает в клюве или, пльвя, кучей пригоняет его издали. Само гнездо — очень большая, но неискusная постройка, основанием которой служат всякого рода водяные растения; все это дополняется и выстилается сухим камышом и тому подобным материалом. Там, где есть маленькие, укромные островки, самка выбирает их местом для своего гнезда; в других случаях она натаскивает прямо в воду растения до тех пор, пока их не наберется такая куча, которая бы могла выдерживать тяжесть обеих птиц. Кладка состоит из 6—8 яиц с крепкой скорлупой грязно-белого или грязного бледно-зеленого цвета; после пяти-шестинедельного насиживания из них вылупливаются молодые, чрезвычайно милые, одетые в густой пуховый наряд птенцы. Погревшись с день в гнезде и обсохнув, они уводятся стариками на воду, обучаются отыскивать корм, часто садятся к матери на спину, ночью же прячутся к ней под крылья. При опасности мать их защищает, вообще относится к ним с самой горячей нежностью до тех пор, пока они не достигнут полного оперения и более уже не будут нуждаться в заботах и руководстве.

Пищу лебедей составляют растения, растущие в воде или на болоте, корни, листья и семена, а также насекомые и их личинки,

Семейство утиные

* *Лебедь-шипун в наши дни распространен очень широко: он населяет весь юг Европейской части России, Украину, Белоруссию, Прибалтику, юг Западной Сибири, многие области Казахстана и значительную часть Средней Азии.*

** *По сравнению с тем, что описывает Брем, распространение кликуна в наши дни сильно сократилось. Так, на юге Европы, в Средней Азии и степях Западной Сибири он встречается только на миграциях. Основные районы его области гнездования находятся в таежной зоне Швеции, Финляндии, севера Европейской части России и в Сибири.*

черви, ракушки, мелкие земноводные и рыбы. Они добывают пищу, погружая свою длинную шею в воду, обрывая там растения или обшаривая ил и вылавливая из него все съедобное. На глубоких водных бассейнах они временно держатся лишь там, где верхние слои воды кишат мелкими животными.

На лебедей, чаще на молодых, иногда нападают речная скопа и беркут; от других хищников эти гордые и способные дать отпор птицы терпят мало. Человек преследует их из-за мяса и перьев, в особенности ради пуха. На Севере охота на них производится с лодки, причем во время сильного ветра к плавающим лебедям подплывают с наветренной стороны, т.е. лодка направляется так, что она приближается к ним со стороны ветра. Охотник при этом может надеяться, что снявшиеся лебеди, предпочитающие летать против ветра, должны будут повернуть в его сторону и дадут возможность по ним стрелять. В Алжире арабы добывают их способом, упоминавшимся мной при описании фламинго, или же вбивают для этого по берегу морских бухт колышки, привязывают к ним бечевки из верблюжьей шерсти, а на конце их крючки, на которые насаживается хлеб, мясо или рыба.

Ручной лебедь наших прудов — **лебедь-шипун** (*Cygnus olor*) — еще поныне живет в диком состоянии на всем севере Европы и в Восточной Сибири*.

Если обратить внимание на сильно удлиненное тело, длинную, тонкую шею и красный с характерным черным бугром клюв, то этого лебедя уже не смешаешь ни с каким другим видом. Оперение его чисто белое, оперение молодых — серое или белое. Глаза карие; клюв красный, уздечка и бугор черные; ноги буроватые или чисто черные. Длина его достигает 180 см, размах крыльев 260, длина крыла 70, хвоста 18 см. Самка несколько меньше.

Лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*) отличается от шипуна более приземистыми формами, более короткой и толстой шеей и клювом, лишенным бугра, хотя у основания также вздутым и на этом месте желтым, на конце же черным. Длина этого лебедя достигает 160 см, размах крыльев 250, длина крыла 62, хвоста 20 см.

Я ограничусь только описанием образа жизни кликуна. Он не редок на севере Европы и водится по всей северной и Средней Азии до Берингова пролива, встречается также и в Америке. Во время своих пролетов он каждую зиму посещает северную Африку, как Египет, так и северо-западную часть этой части света, следовательно, море у Марокко, Алжира и Туниса. В Испании он попадает редко. К востоку встречается в большем количестве: так, он водится в средней России на всех соответствующих озерах и зимой по устьям южных русских рек или на солончаковых озерах южной Европы или средней Сибири**.

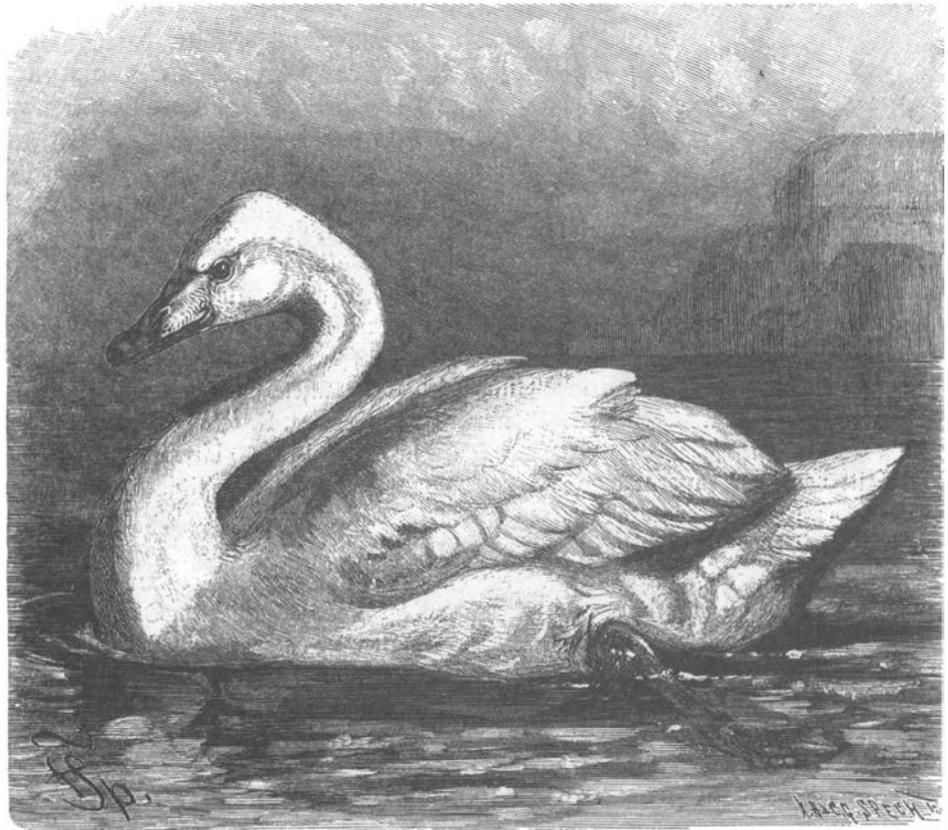
Из живущих в Исландии лебедей немногие совершают свой перелет, так как морские бухты остаются свободными ото льда

благодаря теплomu морскому течению Гольфстрим, внутренние же воды не замерзают благодаря многим бьющим там горячим ключам; напротив, из России все лебеди улетают прежде, чем ледяной покров помешает добыванию их пищи.

Миловидностью и красотой кликун уступает своему сороди-чу шипуну. Он редко изгибает шею так грациозно, как последний, круче и прямее держит ее, но все-таки очень красив, когда плавает. Однако он выгодно отличается от шипуна своим громким и относительно благозвучным голосом, который, впрочем, нужно слушать издали; исландцы его сравнивают со звуками трубы или струнного инструмента.

«Голос его, — говорит Паллас, — напоминает приятный звон серебряного колокола; он издается птицей и на лету и слышится на далекое расстояние; все, что говорится о песне умирающего лебедя, вовсе не выдумка, так как последние вздохи смертельно раненого лебедя вырываются у него в виде песни».

Гораздо обстоятельнее сообщает об этом Шиллинг: «Кликун восхищает наблюдателя не только красотой своих форм, своей вдумчивостью и умом, которые весьма выгодно отличают его от шипуна, но и громким, чистым голосом, который он беспрестанно подает при всяком поводе в виде призывного крика, предостерегающего оклика, а когда кликуны соберутся стаей, то, по-видимому, и в виде беседы между собой. Я по целым долгим зимним вечерам и ночам напролет просиживал, прислушиваясь к их полнзвучным жалобным голосам. Эти голоса можно было сравнить то с певучим призывным звоном колокола, то со звуками духовых инструментов. Однако они не были совершенно похожи ни на тот, ни на другие, но во многом превосходили их, так как издавались живыми существами и сильнее действовали на наше чувство, чем звуки бездушного металла. Эта своеобразная песнь

Лебедь-кликун
(*Cygnus cygnus*)

* В Северной Америке
кликун не живет.
Там его заменяет
близкий вид —
лебедь-трубач
(*Cygnus buccinator*).

как бы олицетворяет в действительности лебединую песнь, упоминаемую в поэтических сказаниях».

В болотах Финляндии, северной России и средней Сибири, а также в Северной Америке* и Исландии кликун гнездится в изрядном количестве. В Исландии его видят, по словам Фабера, в конце февраля на небольших пресноводных озерах; там он остается до конца апреля; затем большинство летит на высокие плоскогорья, где и гнездуются на озерах; некоторые лебеди остаются в долинах. Каждая пара лебедей, если она не может завладеть маленьким озерком, ограничивает для себя известный район и не позволяет ни одной другой паре переходить за границу его, причем с осмелившимся на это у нее происходит ожесточенная драка. Большое гнездо кликуна или устраивается на острове, или бывает плавучее, строится из ситника, а также из камыша, тростника и тому подобных растений; гнездовое ложе слегка выстилается пухом. В конце апреля или в начале мая самка кликуна кладет свои 5—7 яиц около 115 мм длиной, 75 мм в поперечнике, желто-белого, зеленоватого или буровато-желтого цвета. В первых числах июля уже встречаются вылупившихся птенцов. В середине октября видят стариков, плавающих с молодыми.

Все северные племена усердно охотятся за кликунами. Самое плохое время для последних, когда они линяют и большая часть их маховых перьев уже опала. Тогда лебедей бьют прямо с лодок. В это время и старые, и молодые птицы очень жирны, в особенности хорошее кушанье представляют собой последние.

Из внеевропейских видов первое место по красоте занимает **черношейный лебедь** (*Cygnus malanocoryphus*). Оперение его белое; голова, за исключением белой надбровной полоски, и шея до половины — черные. Глаза карие; клюв свинцово-серый, на конце желтый; бугор на клюве и голое место на уздечке кроваво-красного цвета; ноги бледно-красные. Длина его достигает около 100 см, длина крыла 40, хвоста 20 см. Птенцы выходят на свете в белом пуховом одеянии, растут необыкновенно быстро и в первую же осень ведут жизнь, настолько сходную с жизнью стариков, что их трудно даже отличить от них.

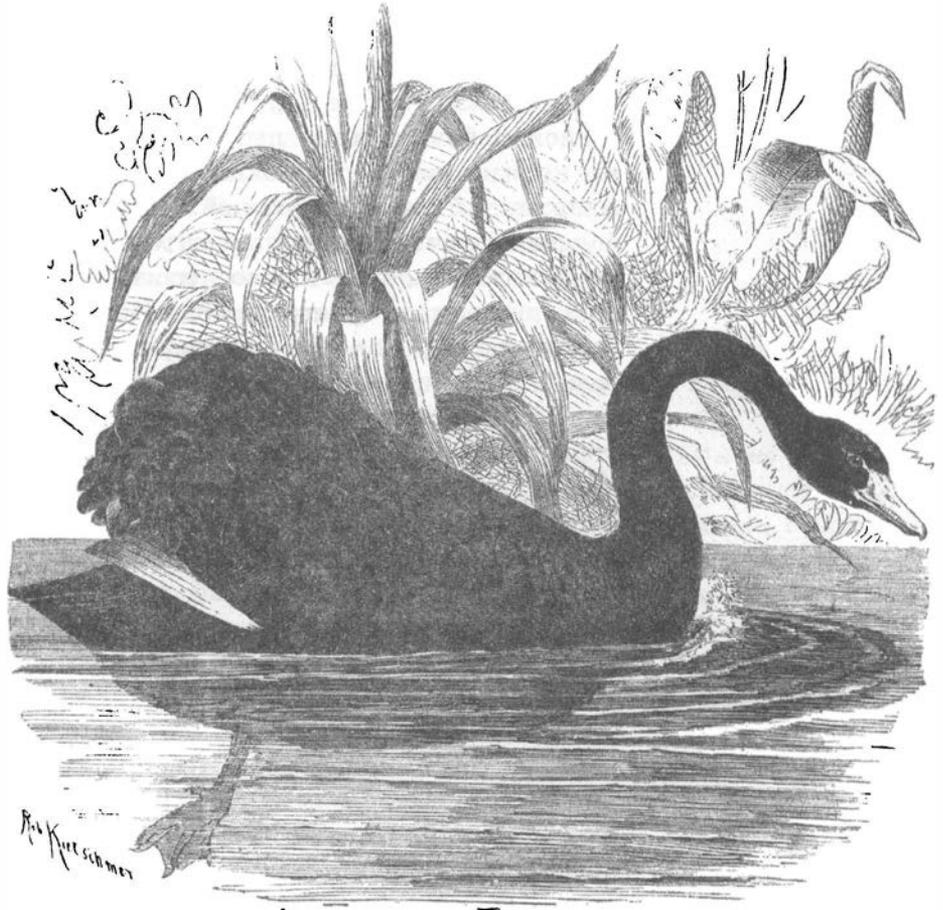
Область распространения черношейных лебедей ограничивается Южной Америкой, от южного Перу до Фолклендских островов, а от них вдоль восточного берега до Бразилии. По своему характеру и повадкам этот лебедь, насколько до сих пор известно, мало отличается от северных сородичей; однако фигура его менее красива, чем у шипуна: плавая и шагая по земле, он держит шею более прямо, чем до некоторой степени напоминает собой гуся. Полет его легок и красив.

По красоте форм и грациозности движений шипуну не уступает **черный лебедь** (*Cygnus atratus*) Тело его очень вытянутое, шея еще длиннее, чем у шипуна, голова маленькая и красиво сложенная, клюв равен приблизительно длине головы и ли-

шен бугра. Окраска мелкого оперения почти одноцветная буровато-черная, переходящая в черно-серый цвет лишь на краях перьев; на нижней части она немного светлее и роскошно отделяется от ярко-белого цвета всех больших маховых перьев и большинства малых маховых. Глаза пурпурово-красные; уздечка красного цвета гвоздики; клюв ярко-карминно-красный; полоса перед концом верхней половинки клюва и самые концы обеих его половинок белые; ноги черные. Величиной этот лебедь немного уступает шипуну.

Кук часто находил черных лебедей, известных уже с 1698 года, по берегам Австралии; в свою очередь нам тоже известно, что лебедь этот хотя местами и вытеснен, но еще обыкновенен на озерах, озерках и реках южной Австралии и Тасмании. В малопосещаемых местностях, внутри материка, он еще и теперь встречается в изумительных количествах, соединяясь, по словам Беннета, в тысячные стаи, и еще так мало пуглив там, что можно без труда набить этих птиц столько, сколько вздумается. В южной Австралии он появляется в зимние месяцы и селится на более обширных болотах и озерах, разбиваясь на небольшие общества, может быть, на отдельные семьи; к весне, времени, соответствующему нашей осени, он начинает обратный отлет на гнездовья. По Гульду, пора его размножения приходится на октябрь и январь; этот натуралист в середине января нашел свежеснесенные яйца и даже в середине декабря добыл молодых в пуховой одежде.

К сожалению, в Австралии эти птицы беспощадно преследуются; в пору гнездования у них отбирают яйца, во время линьки разыскивают их по болотам, когда они не могут летать, и нередко

Черный лебедь
(*Cygnus atratus*)

** Сейчас черный лебедь в Австралии не преследуется, его численность и распространение восстановились.*

убивают просто ради постыдной забавы. Гульду приходилось слышать, что лодки китоловов вплывали в устья рек и по прошествии короткого времени возвращались, наполненные черными лебедями. Белые люди губительны для черного лебедя; там, где они поселились, он должен или отступить, или подчиниться им. Уже теперь много таких областей, где он совсем исчез, тогда как раньше жил там тысячами*.

Другие представители этого семейства — гуси — отличаются от лебедей толстым туловищем, более короткой шеей и клювом и высокими, прикрепляющимися в середине тела ногами. Клюв их почти равен или менее длины головы, сверху округленный, снизу плоский, у основания очень высокий, более высокий, чем широкий, спереди утончающийся, с боков сильно суживающийся, сверху и снизу переходящий в широкоокруглый с острыми краями коготь, по бокам вооруженный жесткими зубчиками и покрытый мягкой кожицей. Ноги средней величины, снабжены большей частью полной плавательной перепонкой и вооружены короткими, сильными, плоскосогнутыми когтями. Крылья длинные, широкие и заостренные; второе маховое перо длиннее всех остальных; предплечье большей частью менее развито, чем у лебедей. Мелкое оперение необыкновенно мягкое и густое, на голове волосистое, на спине каждое перышко резко выделяется; на шее у многих видов перья своеобразно согнуты; пуховое оперение сильно развито. Самцы и самки различаются мало, только в исключительных случаях оперение самки уступает по красоте оперению самца. Молодые уже на первом году жизни получают оперение стариков.

Во всех частях света есть свои оригинальные виды гусей. В Азии и Европе многие виды встречаются одинаково часто; некоторые распространяются по северу всего земного шара; по направлению к югу виды отличаются друг от друга резче. Гуси проводят на воде меньше времени, чем их сородичи, в основном они живут на суше и даже на деревьях. В долинах встречаются чаще, чем в горах, но горы не пугают их: есть виды, которые встречаются на значительных высотах. Гуси ходят превосходно, плавают, правда, хуже и медленнее, нежели утки и лебеди, но все-таки довольно ловко и быстро; ныряют в молодости или во время опасности на значительную глубину, летают легко и красиво, проносясь через большие пространства. Стая летит обыкновенно клином и издает свистящий шум.

Плавая, они глубоко погружают в воду переднюю часть тела, хвост же держат высоко над водой. При поисках пищи на дне водоема они наполовину опрокидываются вперед и до верхней части груди погружают переднюю часть своего тела; при нырянии они одним толчком уходят в глубину. Многие виды издают бормочущие крики, другие — гогочущие, наконец, некоторые испускают благзвучные и далеко слышные звуки. В гневе боль-

шинство гусей шипят. У самцов голос обыкновенно бывает выше, чем у самок.

Все виды без всякого исключения принадлежат к числу умных, понятливых и осторожных птиц. Гуси не доверяют никому человеку, наверняка отличают охотника от поселянина или пастуха, вообще знают всех опасных для них людей, выставляют сторожей — короче, с рассудительностью принимают все меры предосторожности ради своей безопасности. В пору спаривания у самцов дело не обходится без драк, но когда все добудут себе самок, то наступает мир, и различные пары гнездятся рядом, не беспокоя друг друга. Один раз выбрав самку, гусь остается ей верен на всю жизнь. Правда, самец не принимает участия в насиживании, но позднее помогает водить птенцов и служит стражем для всей семьи. Большая часть видов собираются весной на своей родине в безопасных, редко посещаемых местах, например в обширных, богатых растительностью болотах. Здесь каждая пара на маленьком островке или кочке устраивает большое безыскусное гнездо из всякого рода растительных материалов; внутри гнезда выкладываются пухом. Некоторые виды местом для гнезда избирают деревья, дупла или развилины ветвей; в последнем случае они иногда пользуются гнездами хищных птиц или другими подобными гнездами, причем предварительно исправляют их соответствующим образом. Кладка состоит из 6—12* овальных одноцветных яиц, более или менее лишенных глянца и с крепкой скорлупой. По прошествии четырех недель насиживания птенцы вылупливаются из яиц, покрытые мягким, красивым пуховым оперением и если гнездо было на дереве, то спрыгивают с него на землю. Они бегают уже с первых дней своего существования быстро и ловко, равным образом умеют вести себя в воде и под руководством своих родителей начинают отыскивать себе корм. Они развиваются настолько быстро, что уже приблизительно через два месяца если и не достигают красоты и величины стариков, то все-таки похожи на них и становятся самостоятельными.

Все гуси преимущественно растительноядные птицы. Они щиплют с помощью своего снабженного жесткими режущими краями клюва траву и злаки, капусту и другие огородные растения, объедают молодые деревья, обрывают листочки, ягоды, стручки. Ловко и проворно вышелушивают колосья, добираясь до зерна, роются на дне мелких луж, ища и там растительную пищу и не пренебрегают никакой частью подходящего растения. Некоторые виды едят также насекомых, ракушек и мелких позвоночных. За всеми видами гусей ведется усердная охота, особенно, в пору линьки, когда многие из них несколько недель не могут летать. Кроме человека, им угрожают более крупные орлы, многие четвероногие хищники, а в экваториальных странах и крупные пресмыкающиеся, в особенности крокодилы. Еще большим

Семейство утиные

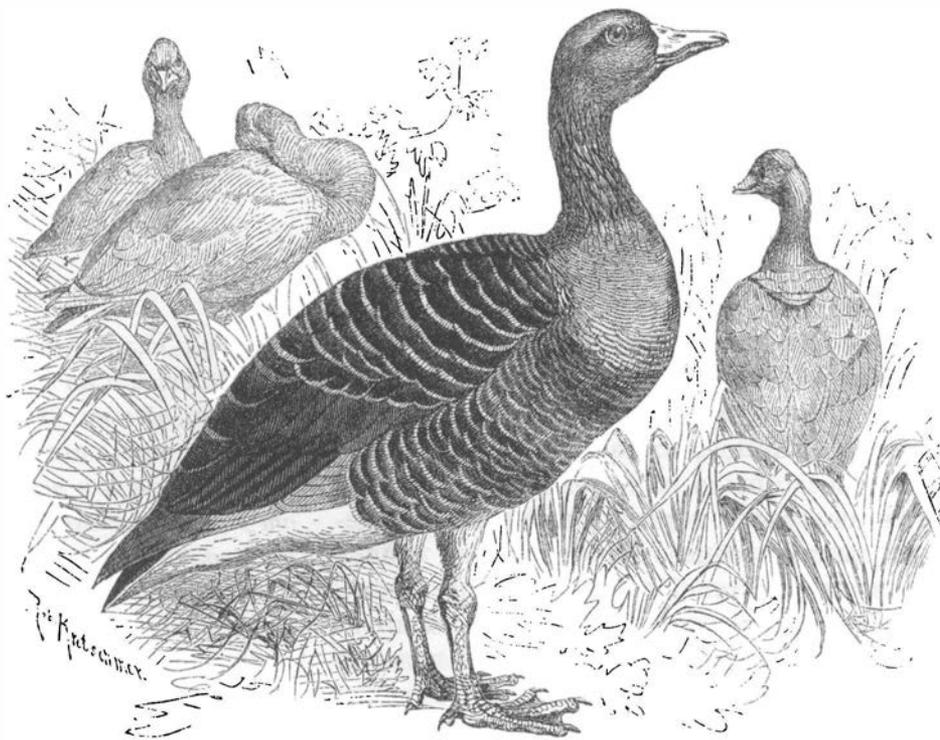

* Обычно кладка гусей состоит из 4—6 яиц, однако могут встречаться кладки с числом яиц от 1 до 8, отложенных одной самкой. Кладки с большим числом яиц откладываются несколькими самками. Для многих видов гусей известно явление подкладки яиц в чужие гнезда.

опасностям подвергаются их яйца и птенцы, которых родители храбро и смело защищают.

Серый гусь (*Anser anser*), от которого происходят наши домашние гуси, на спине буровато-серого цвета, нижние части тела желтовато-серые, скудно и неравномерно покрыты пятнами благодаря одиночным черным перьям. Длина птицы достигает 98 см, размах крыльев 170, длина крыла 47, хвоста 16 см.

Серый гусь свойственен более умеренным полосам, нежели дальнему Северу. Во всяком случае, в Лапландии я еще видел его под 70 градусом, на низовьях же Оби под 69 градусом северной широты. Как здесь, так и там это, вероятно, была северная граница области его распространения. Начиная от севера, эта область

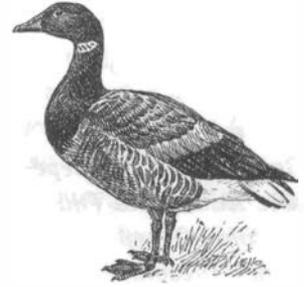

Серый гусь
(*Anser anser*)

простирается в восточном направлении через всю Европу и Азию до Дальнего Востока; на юге границей области гнездования серого гуся служит приблизительно 45 градус северной широты. Во время своего пролета он посещает все страны южной Европы, а равно север Китая и Индии, иногда даже кочует до середины Индии, а может быть, и до северо-западной Африки. Однако в южных частях области своих перелетов он всюду

встречается реже, чем его сородичи, хотя летом те и живут еще севернее его.

Потомки серого гуся, наши домашние гуси, по характеру и особенностям мало отличаются от своих предков, однако дикие родичи их держат себя, как и вообще все дикие птицы, более горделиво, движения их быстрее, и впечатление, производимое ими на наблюдателя, несколько иное. Они ходят очень быстро и красиво, гораздо легче и проворнее домашних гусей, плавают хорошо, ныряют в случае особенной опасности на глубину, однако на воде оказываются менее ловкими, чем на суше. Полет их хорош, правда, не такой легкий и красивый, как у родственных видов, но все же продолжительный и довольно быстрый. Призывный голос этого

гуся — громкое «га-ка-ка-как-гак», часто быстро повторяемое, и, если самки перекликаются с самцами, то переходящее в «ги-кгак». Беседу их можно передать слогами «татта-тта-тта-ттат», выражение большой радости — «тжнг»; при испуге слышится протяжное «кэ-ка-как-ка-как-какака-как»; в гневе самец и самка шипят; все это происходит совершенно так же, как и у домашнего гуся.

Понятливость серого гуся видна уже по его привычкам. Он всегда осторожен и недоверчив. Обыкновенно очень хорошо умеет отличать охотника от пастухов или крестьян или же опасного человека от неопасного. Преследование скоро делает его необыкновенно осторожным, и он никогда не забывает горького опыта. Дружно и неразлучно живет между собой его семья. Вплоть до весны она не распадается, иногда даже совместно возвращается с зимовок и разъединяется лишь тогда, когда старики приступают к новой кладке.

Старые серые гуси нередко делают добычей более крупных орлов и благородных соколов, а иногда лисиц и волков. От человека они всегда держатся настороже, почему и охота за ними требует опытного охотника. Когда охотятся за ними на пролете, то прячутся, например, в камышах и оттуда уже без труда бьют пролетающих птиц; во многих случаях удачна ночная охота на них с расставленными стрелками и загонщиками. Местами их бьют, далеко не следуя охотничьим обычаям, как это делают лапландцы, именно — с лодки, когда гуси еще не могут летать. Их заставляют беспрестанно нырять до тех пор, пока они не утомятся и нырять более не могут; тогда гусей бьют палками или стреляют по ним из ружья. Мясо дикого серого гуся жестко и волокнисто, но мясо гусят необыкновенно вкусно и вполне оправдывает охоту за этими птицами, если она только ведется правильно. Перья серых гусей весьма ценятся и заслуженно считаются лучше перьев домашних гусей, в особенности же превосходен их пух.

Своеобразную окраску имеет **белый гусь** (*Anser caerulescens*). Старый гусь весь белый, за исключением первых десяти маховых черных перьев, стержни их у основания белые, к концу также черные. В юношеском наряде оперение лишь на голове и затылке имеет бело-сероватый налет. На нижней части шеи, верхней части спины оно черновато-серое, такого же цвета перья плеч, грудь и бока, далее книзу цвета бледнее. Нижняя часть спины и верхние кроющие перья хвоста пепельно-серые; большие маховые перья серо-черные, малые маховые такие же, но с серовато-белыми каймами; хвостовые перья темно-серые с такими же каймами. Глаза темно-карие; клюв бледный грязно-красный, по краям черноватый; ноги бледные грязно-карминно-красные. Длина птицы достигает 86 см, размах крыльев 160, длина крыла 48, хвоста 16 см.

Родина белого гуся — далекий север Америки, но он распространен и по северо-восточной Азии, иногда залетает в Европу*.

* В наше время в Азии белый гусь гнездится в основном на острове Врангеля. На побережье материка (на Чукотке) периодически гнездятся отдельные пары белых гусей возле гнезд белых сов (*Nyctea scandiaca*). В прошлом этот вид был более широко распространен по материковым тундрам Азии. Например, во времена П.С.Палласа (последняя четверть XVIII века) он встречался вплоть до Ямала, но со временем был уничтожен людьми, поскольку тогда практиковалась массовая добыча линных гусей на местах гнездования. Хорошо заметные белые гуси, гнездившиеся колониально, были легкой добычей.

** Одно из названий голустики (*Vaccinium myrtillus*).

В восточном полушарии он встречается редко; область его гнездования в западном полушарии ограничивается прибрежными странами от Гудзонова залива до Алеутских островов. Перелеты имеют больше юго-восточное, чем юго-западное направление. Во всяком случае, его наблюдают каждую зиму в северном Китае и северной Японии, одиночками — в Западной Сибири и даже в Европейской России. Главная масса, однако, совершает лет через Северную Америку и останавливается в южных частях Соединенных Штатов. В Техасе, Мексике, на Кубе и других вест-индских островах он обыкновенен в зимние месяцы; в южной Калифорнии, Техасе, Луизиане, Миссисипи, Алабаме, Георгии и Флориде в это время можно видеть тысячные стаи этих гусей. Белые гуси тоже не остаются зимой на одном и том же месте, но в соответствии с погодой то летят на юг, то обратно на север. Полет их превосходен, походка хороша. По Одюбону, белый гусь отличается молчаливостью. Прилетая на зимовку, он ведет себя очень доверчиво по отношению к человеку, но из-за усиленного преследования и он вскоре становится очень пугливым.

В разгар лета этот гусь кормится главным образом травой и насекомыми; позднее он ест ягоды, именно гонобобель*.

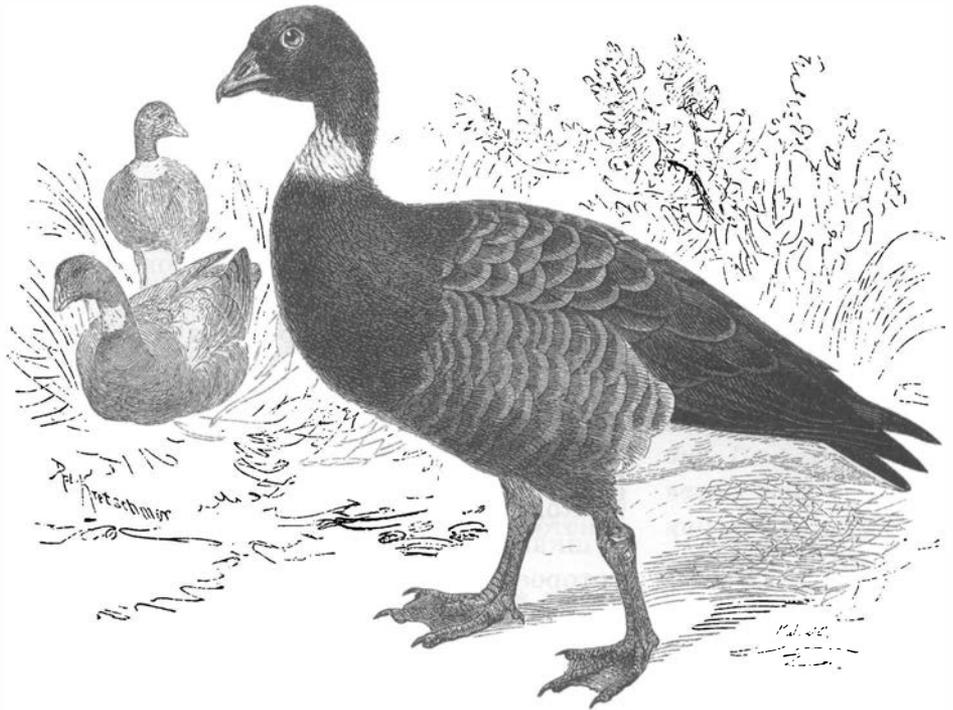
Беренстон говорит, что белый гусь представляет собой одну из главнейших промысловых птиц и что именно индейцы производят жестокие опустошения в его стаях во время пролета. Нередко случается, что за это время хороший охотник убивает сотни гусей. Стрелок обыкновенно берет два ружья и прячется в траву в ожидании пролетающих гусей. Он стреляет в стаю, а жена его заряжает ружье. Мясо молодых птиц, по-видимому, превосходно, а мясо старых годится, по крайней мере, для крепких супов.

Еще одни представители семейства утиных — казарки. Они относительно малы ростом, плотно сложены, но все-таки красивы. Туловище у них сильное, шея короткая, голова довольно велика. Клюв слабоват, мал и короткий, у основания крепок, высок и широк, к концу тонкий, зубчики клюва слабые. Ноги сильные, но довольно низкие; крылья такой длины, что достигают конца хвоста; хвост короткий, слегка закругленный.

Черная казарка (*Branta bernicla*). У нее передняя часть головы, шея, маховые и рулевые перья черного цвета; оперение спины, груди и верхней части брюшка темно-серое с более светлыми каемками; бока брюшка, гузка и верхние хвостовые кроющие перья белого цвета. С каждой стороны шеи находится полукруглое белое поперечное пятно, и перья здесь слегка выемчатые. Молодые птицы выглядят темнее и еще не имеют украшений на шее. Глаза темно-коричневые, клюв красновато-черный, лапы черные. Длина достигает 62 см, размах крыльев 124, длина крыла 36, длина хвоста 11 см.

Черная казарка, как и ее родственники, прибрежная птица, редко теряющая из виду море и лишь в исключительных случаях посещающая внутренность материков, следуя по большим рекам. Отечество черной казарки — север Старого и Нового Света. Она гнездится на островах и побережьях, лежащих между 60 и 80 градусами северной широты. В Исландии гнездится редко*, а на Шпицбергене во множестве. Далее к востоку встречается в середине лета по всем берегам Ледовитого океана, также изобилует в Гудзоновом заливе и на соседних водах. Черная казарка ежегодно совершает перелеты из своего негостеприимного отечества, появляясь на наших берегах, а иногда даже в более южных местностях. В конце октября или самое позднее в начале ноября тысячи этих гусей населяют все плоские побережья Балтийского и Северного морей. Отмели и песчаные банки, обнажаемые отливом, покрываются казарками, насколько хватает глаз. Крик их заглушает грохот прибоя. Издали стада походят при взлете на густой дым и положительно не поддаются исчислению.

От большинства своих родичей, живущих внутри материков, черная казарка отличается красотой, привлекательностью, общительностью и миролюбием, не уступая им в развитии органов чувств. Она одинаково хорошо ходит и по твердой, и по илистой почве, плавает легко и красиво, ныряет отлично, во всяком случае лучше всех остальных гусей, летает также легче и ловчее их, но не всегда, как они, принимает клиновидный порядок, а чаще всего летит беспорядочной кучей. При взлете больших стай слышится шум, схожий с отдаленными раскатами грома. При прямолинейном полете в высоких воздушных слоях ясно слышится свист, резче, чем у более крупных гусей, но глуше, чем у уток. Крик их очень прост: призывный голос состоит из одного трудно передаваемого звука, отчасти похожего на «кнэнг». Разговорным звуком служит резкое и грубое «крох». Гнев, как обычно у гусей, выражается тихим шипеньем.

Черная казарка
(*Branta bernicla*)

* Черная казарка — птица преимущественно арктических тундр, и в Исландии она не гнездится, да и во времена Брема не гнездилась там, а встречалась только на пролете.

Что касается пищи, то морские гуси кроме травы и морских растений едят также моллюсков. На Севере они, вероятно, едят все тамошние растения.

Уже старинные мореплаватели упоминали, что черные казарки часто гнездились на Шпицбергене; китоловы и другие полярные мореплаватели находили их гнездовья на всех посещавшихся ими северных островах. «Эти обыкновеннейшие гуси Шпицбергена, — говорит Мальмгрен, — в очень большом количестве гнездятся на западном и северном берегах острова, на материке и на шхерах, преимущественно на тех, где живет много гаг. Гнездо делается очень неискусно из водяных растений и их листьев, часто располагается рядом с гнездами гаг и обкрадывается ими. Кладка, оканчивающаяся только в июле, состоит из 4—8 яиц с тонкой, неблестящей скорлупой мутного зеленоватого или желтовато-белого цвета, около 72 мм в длину и 48 мм в поперечнике. Перед временем насиживания обе птицы каждой пары выдвывают на очень большой высоте разные смешные воздушные фокусы, и самец очень выразительно ухаживает за самкой. На гнезде оба совершенно не пугливы. Гусак защищает самку и свое потомство от каждого приближающегося врага, даже бросается, шипя, на человека, если он угрожает им. Когда у гусей есть птенцы, храбрость родителей еще более возрастает. К концу июля наступает линька, и старики становятся не способны к полету, как птенцы.

На Крайнем Севере черную казарку преследуют эскимосы и китоловы. На южных берегах ее убивают тысячами весной и осенью. В Голландии ловят в еще большем количестве при помощи выставляемых для приманки гусей. Мясо ее считается вкусным, но часто обладает прогорклым привкусом, который не всякому нравится. Этот привкус возникает от питания птиц ракушками. Поэтому в Голландии пойманных морских гусей некоторое время откармливают хлебным зерном и только потом убивают.

Белошекая казарка (*Branta leucopsis*). Длина ее достигает 70 см, размах крыльев 140, длина крыла 43, длина хвоста 14 см. Лоб и бока головы, верхние кроющие перья хвоста, грудь, брюшко и гузка белого цвета.

Гораздо красивее **Краснозобая казарка** (*Branta ruficollis*). Ее длина 55 см, размах крыльев 135, длина крыла 37, длина хвоста 11 см. Голова и задняя часть шеи, спина, крылья, за исключением верхних кроющих перьев, с белыми каемками; хвост, грудь и бока черного цвета. Продолговато-круглое уздечное пятно и надбровная полоса белые. Надбровная полоса идет дугообразно сзади уха к боку шеи и здесь соединяется со вторым, столь же широким пятном, разветвляющимся позади глаза, идущим вертикально вниз сбоку головы и отсюда изгибающимся под тупым углом и доходящим до половины шеи. Большая полоса на за-

тылке, полоса на груди, средняя часть груди, брюшко, гузка, верхние и нижние кроющие перья хвоста белого цвета. Паховые перья с широкой черной каймой на конце. Наконец, большое окаймленное белыми полосами ушное пятно, горло, передняя часть шеи и зоб ярко-коричнево-красного цвета. Глаза темно-карие, клюв голубовато-черный, лапы совсем черные.

Канадская казарка (*Branta canadensis*), говорят, иногда прилетала в Европу из Северной Америки. Длина самца достигает 93 см, размах крыльев 168, длина крыла 48, длина хвоста 20 см. Самка немного меньше.

Канадская казарка встречается во всей Северной Америке, но уже больше не гнездится в южных частях Соединенных Штатов, а с появлением европейцев отодвинулась к северу и с каждым годом все больше туда оттесняется*.

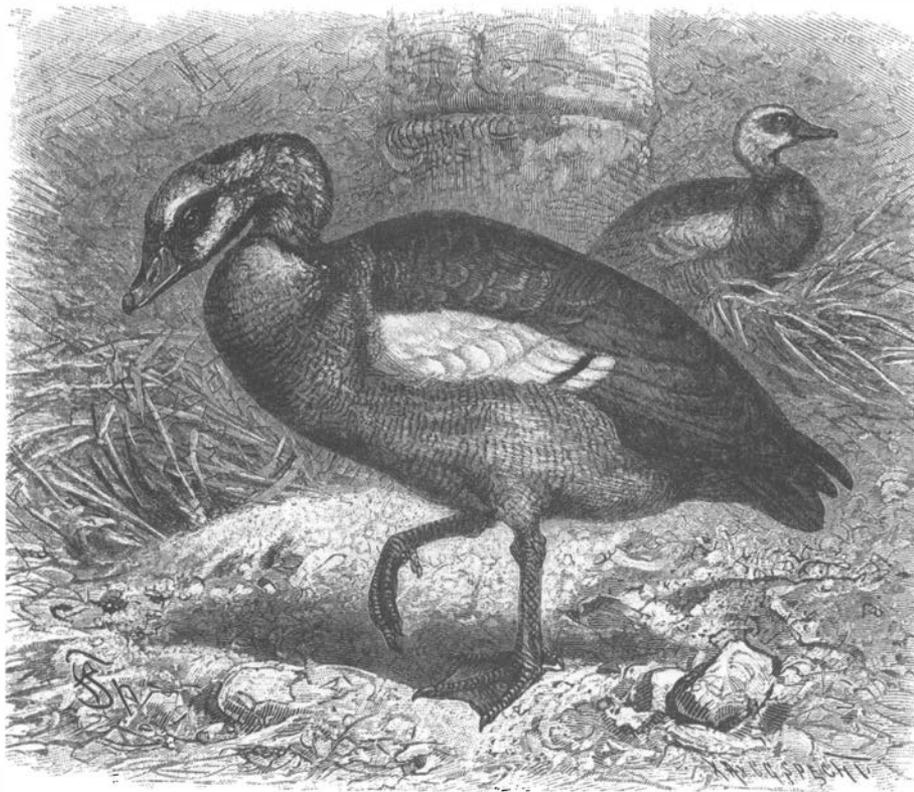
Образ жизни, нрав и привычки канадской казарки почти во всех отношениях сходны с нравами и образом жизни наших диких гусей. Все наблюдатели хвалят необычайную остроту чувств, ум, предусмотрительность, хитрость — одним словом, понятливость канадской казарки и говорят о ней с тем же воодушевлением, с каким наши охотники рассказывают о диком гусе. Во время кормежки они постоянно выставляют сторожей, которые предупреждают стаю о появлении всякого опасного врага. Стадо скота или диких бизонов нисколько их не беспокоит, но медведь или кугуар тотчас же замечаются, и вся стая направляется к воде. Если враг пытается преследовать их и здесь, то гусаки издают громкие крики, стая смыкается и взлетает вразброд, а если думает лететь далеко, то принимает правильный клиновидный порядок. Слух канадской казарки так остер, что она в состоянии с удивительной точностью различать звуки: например, сухую веточку сломало животное или на нее наступил человек. Она остается спокойной, когда дюжина больших черепах или аллигатор с шумом бросаются в воду, но становится боязлива, заслышав звуки весел.

Белые и индейцы с одинаковым рвением охотятся за этими гусями и ловят их сотнями при помощи выставляемых для приманки ручных гусей; мясо их солят или коптят; пух и перья тоже идут в дело, причем по добротности значительно превосходят пух и перья домашних гусей.

Из чужеземных гусей следует упомянуть о **нильском гусе** (*Alopochen aegyptiacus*), потому что он довольно регулярно посещает южную Европу из Африки и Сирии, отличается стройным телосложением, тонкой шеей, большой головой, коротким клювом, высокими ногами, широкими крыльями и роскошным оперением. Клюв полуцилиндрической формы, у лба высокий, кпереди значительно понижающийся и слабосводчатый, переходящий на конце в широкий круглый коготь. Ноги голые несколько выше плюсны, стройные, с небольшими пальцами. Крылья отличаются коротким отростком на сгибе и развитием малых маховых пе-

* Благодаря охраняемым мероприятиям канадская казарка сейчас восстановила свой прежний ареал и численность в северной Америке. Из завезенных в Европу птиц к нашему времени сформировались дикие популяции этого вида, обитающие в Великобритании, Швеции, Норвегии и Ирландии. По большей части эти популяции оседлы.

рьев. Бока головы и передняя часть шеи желтовато-белого цвета с мелкими крапинками. Пятно вокруг глаза, задняя часть шеи и широкий пояс на половине шеи ржаво-бурого цвета. Оперение верхней стороны тела серого и черного цвета, нижней — бледно-желтого с белыми и черными поперечными полосками; середина груди и брюшка светлее, первая украшена большим округленным коричнево-бурым пятном. Гузка прекрасного ржаво-желтого цвета. Кроющие перья крыла белые, к концу черные с красивым металлическим отблеском. Концы маховых перьев и рулевые перья блестяще-черного цвета. Глаза желтые или оранжево-желтые; клюв красновато-синий, сверху светлее, у корня и у конца серо-синий; лапы красноватые или светло-желтые. Длина доходит до 70, размах крыльев до 140, длина крыла 42, длина

Нильский, или
египетский, гусь
(*Alopochen aegyptiaca*)

хвоста 14 см. Самка очень походит на самца, только несколько меньше ростом; оперение ее не так красиво окрашено и пятно на груди не так велико. Отечество этого гуся — Африка, от Египта до Капской земли и от восточного берега далеко в глубь страны; на западном берегу он, по видимому, не встречается. Из Африки нильский гусь распространился по Палестине и Сирии и неоднократно залетал в Грецию, южную Италию и южную Испанию.

Во время моих путешествий по Африке я очень часто наблюдал эту красивую птицу, изображения которой постоянно встречаются на древне-египетских памятниках. В Нижнем Египте нильский гусь встречается редко, начиная же от Верхнего Египта к югу его нет только в неудобных местах реки, т.е. там, где она сжата справа и слева скалистыми стенами, не оставляя совсем места для больших островов. Уже в южной Нубии попадаются многочисленные стаи, а в Судане нильский гусь принадлежит к обычным явлениям на обеих реках и также встречается далеко от них на прудах. Во время размножения нильский гусь попадает парами и потом

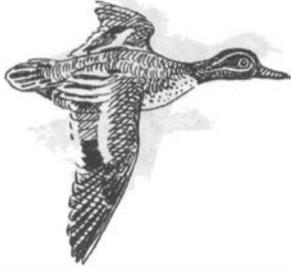
появляется в сопровождении птенцов. Позже отдельные семьи соединяются вместе и ко времени линьки, которое, впрочем, не лишает их возможности летать, появляются неисчислимы стаи, часто на много миль покрывающие оба берега реки. Во время одной поездки по Белому Нилу я, как уже сказано выше, в течение трех дней видел берега реки, покрытыми бесчисленными полчищами птиц, большую часть которых составлял нильский гусь. Впрочем, далеко от воды он встречается только высоко летящим в воздухе. По-видимому, он сильно привязан к воде.

Нильский гусь хорошо бегаёт, очень ловко плавает с глубокопогруженной грудью, при преследовании ныряет быстро, надолго и на большую глубину или проплывает далеко под водой, работая ногами и крыльями; летает с сильным шумом, но легко и быстро.

Нильский гусь при всяких обстоятельствах осторожен, постоянно заботится о своей безопасности, в высшей степени недоверчив, а подвергаясь преследованиям, становится осторожнее всех других гусей, умеет оценивать расстояния и тотчас отличает иностранцев от туземцев, которых меньше боится.

Нильский гусь пасется на полях, как наши дикие гуси; подобно уткам, копается или в бухте или в реке; он охотно добывает, ныряя, разных водяных животных со дна реки. Молодые нильские гуси чрезвычайно жадно едят, по крайней мере в определенное время саранчу; взрослые тоже едят животную пищу, но, по-видимому, пренебрегают рыбой; я никогда не видел, чтобы они гонялись за ней.

В безлесных местностях случается, что нильский гусь устраивает гнездо в высокорасположенных углублениях скал или просто на земле. Там же, где река окаймлена лесом или хотя бы отдельные подходящие деревья стоят кое-где по берегу или недалеко от него, он постоянно устраивает гнездо на деревьях; в северо-восточной Африке гнездится преимущественно на одном виде колючей мимозы. Гнездо в основном состоит из ветвей самого дерева, но внутри мягко выстилается тонкими веточками и травами. Число яиц, по моим наблюдениям, колеблется от 4 до 6, а по уверению моих черных охотников, от 10 до 12; яйца очень круглые, в среднем 64 мм в длину, 47 мм в поперечнике, с толстой и гладкой скорлупой, желтовато-белого цвета. Время насиживания зависит от наступления весны. Так, в Египте нильские гуси садятся на яйца в начале марта, а в Судане лишь при наступлении периода дождей, в начале сентября. Самка насиживает одна, в продолжение 27—28 дней; самец изображает верного стража, постоянно сидит вблизи и возвещает предостерегающим криком о всякой приближающейся опасности. Раз в сутки, в часы после полудня, насиживающая самка оставляет яйца, но всегда сначала тщательно прикрывает их пухом. Птенцы скоро отводятся на реку и ускользают от случайных преследований

даже на чистых, не заросших кустами и камышом островах, так как при опасности самым проворным образом бегут к воде и умеют отлично нырять.

В Египте за нильским гусем охотятся турки и европейцы; в Восточном Судане его единственными опасными врагами являются, по-видимому, орлы и крокодилы. Мясо его, насколько я могу судить, не отличается от мяса других видов гусей; мясо молодых чрезвычайно вкусно, мясо старых хотя вязко и жестко, но отлично годится для супа.

Огарь, или красная утка (*Tadorna ferruginea*), отличается наибольшей величиной, маленьким зубцом на клюве, роговой одеждой ног и складчатым строением клюва. Оперение преимущественно яркого ржаво-красного цвета, щеки желтовато-белые, шея ржаво-желтая. Узкая, но во время брачного оперения заметная полоса на нижней части шеи зелено-черная; верхние и нижние кроющие перья крыльев белые, перья зеркальца зеленые; область надхвостья, верхние кроющие перья хвоста, маховые и рулевые перья блестяще-черные. Самка отличается от самца меньшей величиной, менее яркой окраской и более белым лицом; также у нее обыкновенно нет черной полосы на шее. Глаза светло-коричневые, клюв черный, лапы свинцово-черные. Длина достигает 62 см, размах крыльев 116, длина крыла 36, длина хвоста 14 см.

Центром области распространения красной утки является Средняя Азия. К востоку ее отечество простирается до верхнего Амура, к западу — до Марокко. Она поздно улетает и уже рано весной снова появляется на своей родине — в степи. Здесь она всюду находит для себя удобные места: на равнине, в горах до 3000 м высотой или до снежной линии, на озерах, реках, протоках и на самых маленьких ручейках. Она представляет характерную птицу степи и больше, чем какая-либо другая птица, содействует оживлению ее высот и зеленых долин.

Кто судит о ней исключительно по ее малому росту, тот принимает за утку; кто хорошо ее знает — видит в ней гуся. Кроме того, что уже окраска оперения указывает на ее родство с другими гусями, образ жизни, поведение, походка, полет и искусство плавания, голос, даже способ насиживания согласуются с особенностями, привычками и обычаями гусей, но не уток.

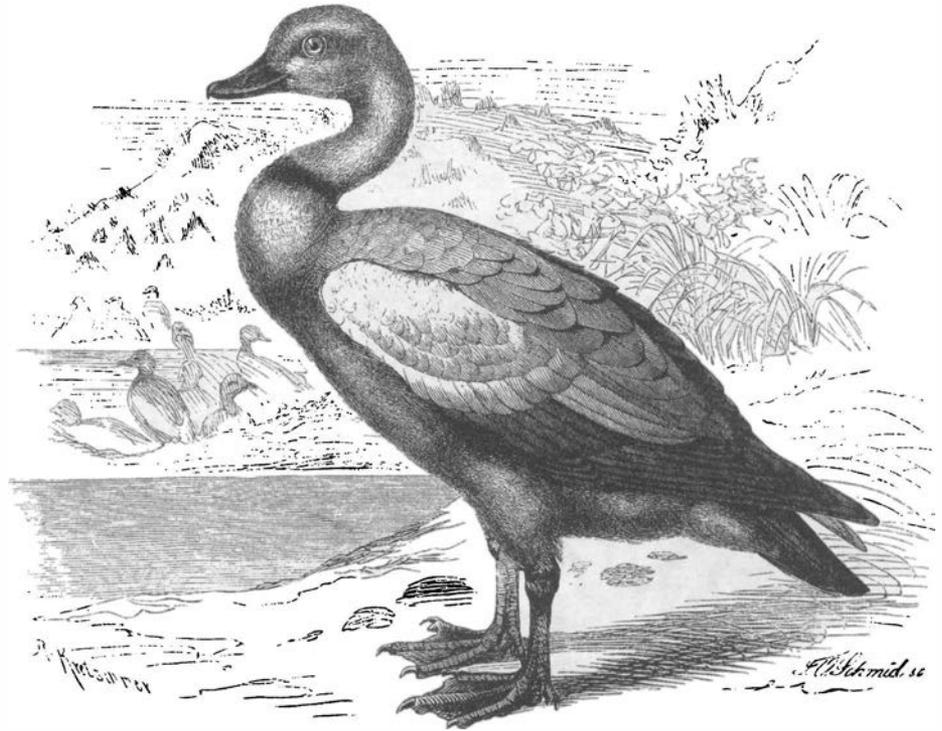
Огари живут попарно, выказывая взаимную верность, свойственную роду гусей, живут не столько на воде, сколько у воды, решительно избегая болот. Они отыскивают лужайки, покрытые сочной травой луга, поля с хлебными всходами и пасутся здесь, как все гуси. Во всяком случае, они не пренебрегают животной пищей, но решительно предпочитают ей растительную. В неволе погибают, если их кормить исключительно животной пищей. Огарь держится прямо, высоко подняв голову, как другие гуси; ходит хорошо, мерными шагами, которые мо-

гут ускоряться до очень быстрого бега, но никогда не переваливаясь, как утки.

При плавании тело его более погружено спереди, чем сзади. Летает, редко взмахивая крыльями. Перед опусканием на землю парит и описывает красивые круги. Чрезвычайно приятно смотреть, когда пара этих красивых и величественных птиц спускается с вышины в глубину долины; при этом они всегда парят, не двигая крыльями и производя великолепные повороты, которые не только демонстрируют белизну крыльев и всю их красоту, но и обнаруживают, что этот гусь такой мастер летать, какого не встречается в семействе уток. Сильный, далеко звучащий голос огаря может быть сравним только с криком других гусей.

В начале и в середине мая парочка начинает искать подходящее место для гнезда. Огарь устраивает гнездо только в норах и пещерах и поэтому часто принужден долго искать, прежде чем найдет подходящее место, а также должен терпеть сожительство отличных от него птиц. В северо-западной Африке Сальвин нашел одно гнездо в расщелине

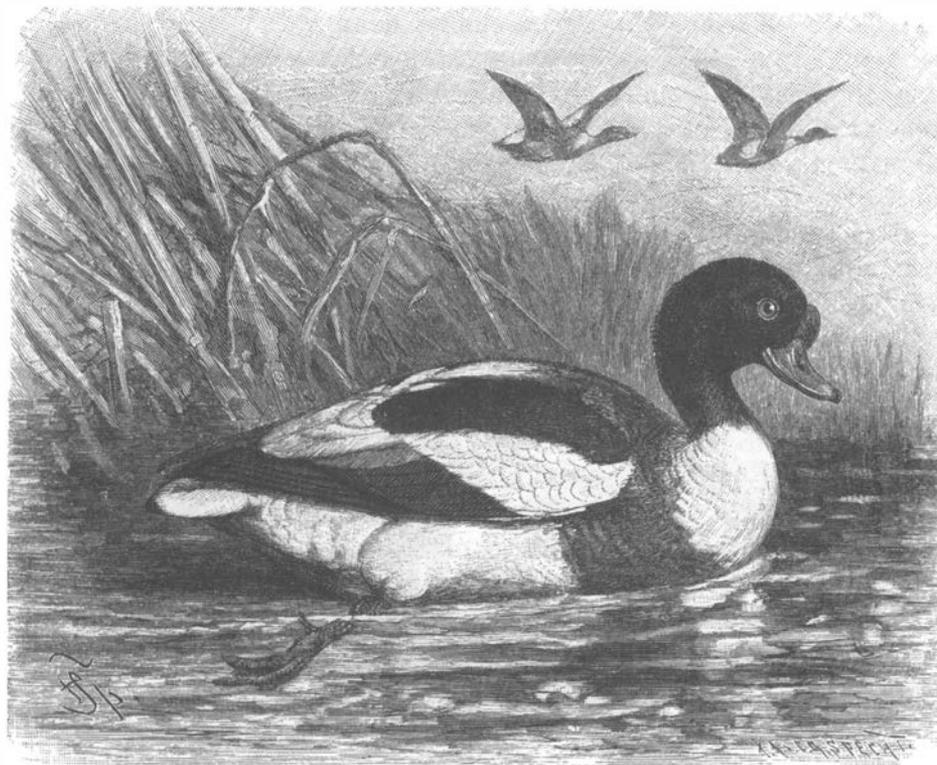
отвесной скалистой стены, где находились также гнезда коршунов, грифов и воронов. В Сибири огарь тоже предпочитает расщелины скал, а также гнездится в древесных дуплах, гнездах хищных птиц или в оставленных норах степных сурков. Ради удобной норы он иногда должен летать много верст от места своей кормежки и даже забираться в пустыню или лишенную растительности степь. Когда самка сидит на яйцах, самец для ее охраны держится вблизи. При этом он садится или на выступ скалы, или на толстую ветку, бдительно сторожит гнездо, предупреждает при опасности особым криком и улетает вместе с самкой или бросается навстречу собакам и другим хищным животным, нападая на них или уводя их от гнезда. Гнездо устраивается из жестких листьев, травы и сверху выкладывается венком из пуха.

Огарь, или
красная утка
(*Tadorna ferruginea*)

Кладка состоит из 12—15 желтовато-белых яиц, блестящих и с тонкой скорлупой, около 62 мм в длину и 46 мм в поперечнике. Когда птенцы вылупятся и обсохнут, они оставляют гнездо, причем просто прыгивают на землю, а затем родители отводят их к воде, часто за много миль от гнезда. Здесь проводят они свое детство, оберегаемые и руководимые обоими нежно их любящими родителями. Сначала птенцы покрыты пухом, очень отличным от одеяния утенка, но похожим на пух птенцов пеганки. Лишь постепенно одеяние птенцов переходит в оперение молодежи, похожее на оперение самки.

Пеганка (*Tadorna tadorna*) имеет голову и шею блестяще-го темно-зеленого цвета и два больших черных пятна на пле-

Пеганка
(*Tadorna tadorna*)

чах. Поперечная полоса на шее, расширяющаяся спереди, средняя часть спины, кроющие перья крыла, бока и хвостовые перья до черных концов — ослепительно белого цвета. Широкая полоса на груди и некоторые перья, прикрепленные к плечевой кости, прекрасного коричневого цвета; средняя часть груди и брюхо серо-черные, нижние хвостовые кроющие перья желтоватые, маховые перья черно-серые; перья, образующие зеркальце, металлически-зеленого цвета. Глаза темные, орехово-бурые; клюв карминно-красный, ноги мясо-красные. Длина достигает 63, размах крыльев 110, длина крыла 36, длина хвоста 12 см. Самка носит такое же оперение, лишь немного менее блестящее. У молодых задняя часть шеи серая, верхняя часть спины буро-серая, нижняя сторона тела желтовато-серая и не имеется грудной полосы.

На берегах Балтийского и Северного морей пеганка принадлежит к самым обыкновенным видам своего семейства. К северу она распространяется приблизительно до средней Швеции, к югу — до северной Африки, где часто встречается на всех озерах,

появляясь в зимнее время иногда в неисчислимом количестве. Кроме того, ее наблюдали на берегах Китая и Японии, а также находили на всех крупных озерах Сибири или Средней Азии. Так как она предпочитает соленую воду пресной, то ее чаще всего встречают на самом море или на озерах с солоноватой водой. Зимой она является великолепным украшением озер северной Африки, потому что здесь она покрывает иногда обширные пространства и уже издали отличается от всех прочих птиц своими яркими красками.

Пища ее состоит преимущественно также из растительных веществ, в особенности из нежных частей морских растений или других трав, которые растут в соленой воде, из семян, различных родов злаков и осок, хлебных зерен. Животные вещества, однако, составляют необходимое дополнение к ее пище, и это особенно ясно показывает ее среднее положение между гусями и утками.

Во время жизни на свободе пеганка ревностно преследует маленьких рыбок, слизняков и насекомых. Она добывает пищу, не столько плавая, сколько бегая, при отливах появляется на отмелях, бегает по их краям подобно прибрежной птице и тщательно вылавливает рыбу в ямах с водой. Утром она посещает соседние сухие места и подбирает здесь земляных червей и насекомых, также обшаривает болотистые места или даже вылетает на поля за растительной и животной пищей.

Она гнездится так же, как красная утка, только в углублениях. «Тот, кому приходится путешествовать вблизи морских берегов, — говорит Бодинус, — будет немало удивлен, когда он часто в двух километрах и далее от моря замечает эту прекрасную птицу в сопровождении ее самки; часто можно видеть также много их нор на холме или открытом месте в лесу, куда птицы вдруг исчезают.

Если наблюдатель отправится на замеченное место, то убедится, что наша блестящая водная птица спустилась в глубь земли. И не для того, чтобы удостовериться в качестве находящихся там лисьих, барсучьих или кроликовых нор или чтобы присвоить себе их жилища, как только эти четвероногие вырастут, нет! Но чтобы устроить свой домашний очаг вместе с ними. Лисица и пеганка живут в одной норе; первая, вообще не щадящая никакой птицы, почти не обижает пеганку. Это достоверный факт, наблюдавшийся и сообщенный самыми опытными писателями. Впрочем, по моим наблюдениям, это сожителство для пеганки оказывается не вполне безопасным. Я сам нашел подле одной обитаемой лисьей норы крылья и перья пеганки, хотя при этом осталось недоказанным, что убийцей была лиса. Нора находилась в лесу, населенном ястребами, так что один из них мог съесть птицу на этом подозрительном месте. Если спросят, отчего разбойница лисица, не щадящая почти никаких животных, с которыми может справиться, делает исключение для пеганки, то, я

думаю, на это можно ответить, что лисе внушает почтение необыкновенная храбрость этого гуся. Не только старые птицы, но и молодые отличаются необычайной смелостью».

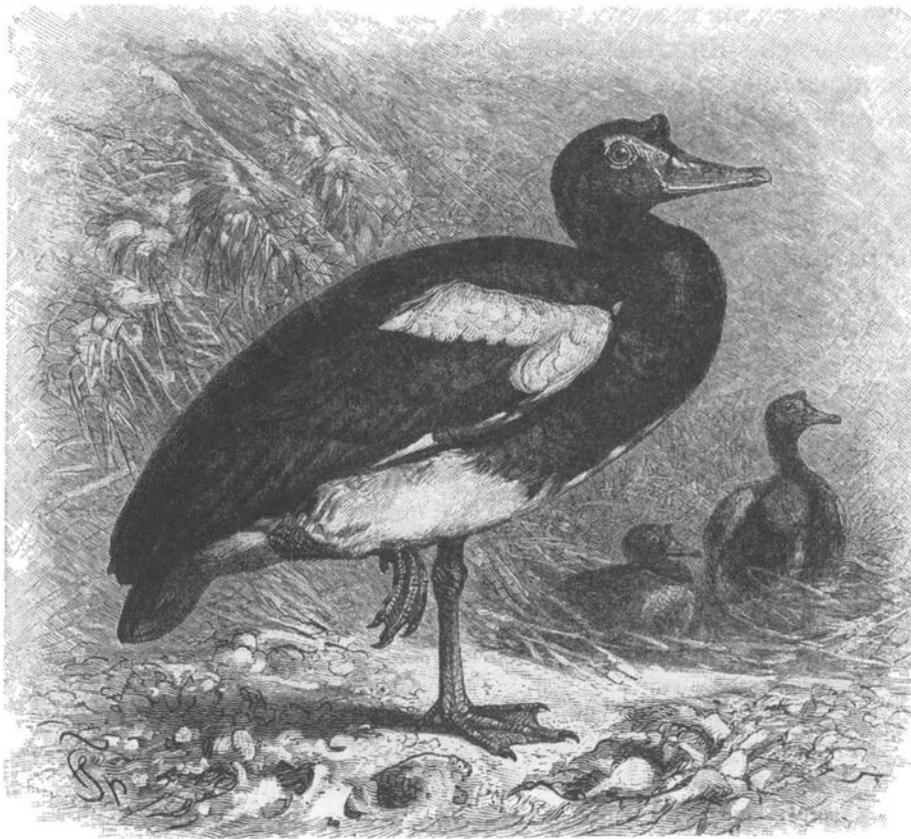
Пеганки регулярно занимают норы, даже если они находятся в непосредственной близости к человеческим постройкам; птицы постепенно так привыкают к своим хозяевам, что во время насиживания позволяют наблюдать за собой. Если самку не тревожить, то она кладет 7—12 больших яиц, около 70 мм длины и 50 мм в поперечнике, белых, с гладкой и твердой скорлупой, и затем начинает ревностно насиживать. Самка постепенно окру-

жает свою кладку пухом и при отлучке постоянно заботливо покрывает им гнездо.

После окончания насиживания, продолжающегося 26 дней*, мать отводит своих птенцов к ближайшему морскому берегу, но по дороге охотно проводит несколько дней на лежащих по пути пресных водах. Путешествующий выводок легко поймать, между тем это становится почти невозможно, едва выводок доберется до глубокой воды, потому что птенцы превосходно ныряют с первого дня своей

жизни. Впрочем, мать старается изо всех сил защищать своих птенцов, смело нападая на врагов или пытаясь обмануть их притворством.

В 1827 году, по словам Ярреля, в Англии, к большому удивлению натуралистов, был убит один вид этого семейства, свойственный внутренней Африке — **обыкновенный шпорцевый гусь** (*Plectropterus gambensis*), почему его и причислили к европейской фауне. Названный вид довольно сильно отличается от других гусей. Его отличительные признаки: значительная величина, стройное тело, длинная шея. Клюв большой, сильный, у корня верхней половинки выдающийся бугром. Ноги относительно вы-

Обыкновенный
шпорцевый гусь
(*Plectropterus
gambensis*)

*В действительности длительность инкубации у пеганки составляет 29 — 30 дней.

сокие, голые еще выше пяток; лапы с длинными пальцами и большими плавательными перепонками. Крылья длинные, острокопечные, с особенно развитыми малыми маховыми перьями и развитыми в сильные шпоры роговыми бородавками. Хвост довольно длинный, клиновидно заостренный. Мелкое оперение гладко лежащее, но состоящее из крупных перьев, оставляющее непокрытой лобную часть головы. Щеки, подбородок и шея, средняя часть груди и нижняя часть тела, короткие верхние кроющие перья крыла вдоль всего края белого цвета; нижняя часть шеи и нижние шейные перья, маховые и рулевые перья бурые с черно-зеленым отливом. Глаза красно-бурые, клюв синевато-красный, лапы светло-красные. Длина достигает 90 см, размах крыльев 170, длина крыла 50, длина хвоста 18 см. Самка значительно меньше, но окрашена подобно самцу; у молодой птицы верхняя сторона тела бурая, крылья черные, передняя часть шеи серо-бурая, в остальных частях оперение светло-серое.

Шпорцевый гусь распространен по всей средней, восточной и западной Африке, но не достигает Капской колонии*.

Шпорцевый гусь бегаёт лучше всех известных мне видов семейства, держит высоко туловище и по походке напоминает аиста или цаплю. Перед взлетом он сначала пробегает порядочное расстояние, затем поднимается, бьёт сильно и быстро крыльями, скоро забирается на значительную высоту и там быстро несётся вперед, часто любит делать красивые повороты или некоторое время парить. В плавании он не отличается от обыкновенных гусей. Я никогда не замечал у него собственно крика, а самое большее, да и то редко, резкие шипящие звуки; но Гейглин утверждает, что старые шпорцевые гуси издадут трубоподобные крики, а молодые — свистящие и дребезжащие звуки. Все, которых я видел на свободе, были дики и осторожны и прекрасно отличали европейцев от туземцев, по крайней мере подпускали последних гораздо ближе к себе, чем первых. Относительно пищи шпорцевые гуси еще тем отличаются от других гусей, что охотно пожирают рыбу и вообще животные вещества и, будучи раз приучены к ним, едят их с той же жадностью, как утки.

В Австралии гнездится особый **куриный гусь** (*Cereopsis novaehollandiae*). Он отличается следующими признаками: плотное туловище, толстая короткая шея, небольшая голова; очень короткий, сильный, тупой, у основания высокий клюв, покрытый восковицей, у конца согнутый и равномерно усеченный, так что несколько походит на клюв некоторых видов куриных. Ноги с длинной плюсной, но короткими пальцами, с глубоко вырезанными плавательными перепонками и большими, сильными когтями. Широкие крылья с сильно развитыми малыми маховыми перьями; короткий закругленный хвост; богатое мелкое оперение. Окраска прекрасного пепельно-серого цвета с буроватым отливом на верхней части головы переходит в светлый пепель-

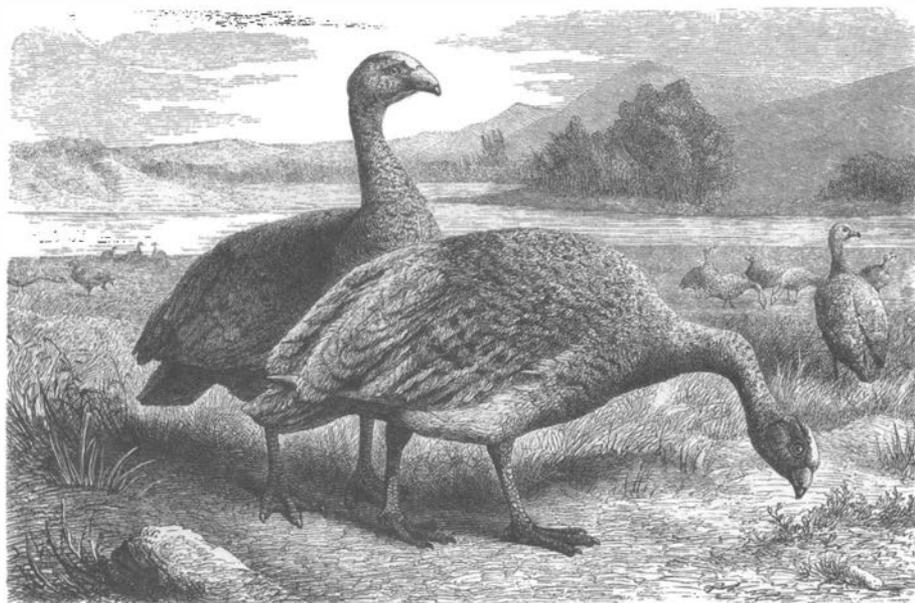
*В настоящее время шпорцевый гусь распространен и в Капской провинции.

но-серый цвет, а спина разрисована кругловатыми черно-бурыми пятнами, расположенными у концов отдельных перьев. Конечная половина малых маховых перьев, рулевые и нижние кроющие перья хвоста — буровато-черные. Глаза ярко-красные; клюв черный, его восковица зеленовато-желтая; лапы черноватые. Длина достигает 90 см, длина крыла 55, длина хвоста 20 см.

Лабильярдьер рассказывает, что первые гуси, найденные им на маленьких островах Бассова пролива, позволили поймать себя руками; но те, которым удалось благополучно ускользнуть, скоро сделались робкими и обращались в бегство. Куриный гусь, сообразно своим способностям, живет гораздо больше на суше, чем на воде. Он ходит превосходно, но плавает довольно плохо и неохотно, а летает тяжело. Отличается от всех прочих видов своего семейства нелюбовью к воде, что выказывает и в неволе. Он лишь крайне редко пускается вплавь без принуждения, про-

водит день и ночь преимущественно на суше, где утром и вечером пасется, а в полдень и ночью отдыхает.

Половое возбуждение у гусей выказывается самым заметным образом. Оба пола чаще, чем прежде, издают ворчащие звуки; гусак ходит вокруг гусыни с красивыми поклонами, бдительно смотрит во все стороны и безжалостно прогоняет всех прочих

Куриный гусь
(*Cereopsis novaehollandiae*)

животных. После спаривания гусыня усердно строит гнездо, всегда выбирая для него самые подходящие материалы. Гнездо строится хоть и не вполне искусно, но все-таки гораздо лучше гнезд большинства других гусей. Внутри оно гладко закруглено и красиво выложено перьями и пухом. Яйца относительно малы, округлые, с гладкой скорлупой желтовато-белого цвета. Высиживание продолжается 30, а в холодную погоду и 38 дней. Птенцы выбегают из гнезда в тот же день, как вылупятся, и следуют за матерью. В неволе они отказываются от крутых яиц, рубленых дождевых червей, вообще от животных веществ, также от белого хлеба и, по-видимому, едят только растительную пищу. Как только птенцы благополучно вылупятся, гусак проявляет свою необыкновенную драчливость, и тогда становится понят-

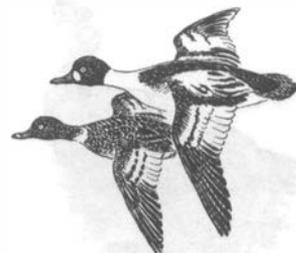
ным, почему австралийские поселенцы не могут держать у себя на дворах такую птицу.

Большая часть видов в семействе утиных — это собственно утки. Они отличаются от гусей главным образом более низкими ногами, а от лебедей — более короткой шеей. Их тело короткое, широкое и сжато сверху вниз. Шея короткая или, самое большее, средней длины, голова толстая; клюв по длине равняется голове или немного короче, одинаково широк по всей длине или спереди немного шире, чем сзади, у основания более или менее высокий, иногда также шишковато вздутый. Верхняя половина клюва выпуклая и у краев так загнута, что нижняя половина по большей части входит в нее. Зубчики клюва явственные и острые. Ноги поставлены далеко позади и оперены до пяток. Плюсна тонкая, сжатая с боков; средний палец длиннее плюсны; перепонки между пальцами большие и полные; задний палец всегда существует; когти небольшие. Крылья средней величины, узкие и острые. Хвост состоит из 14—20 перьев, короткий, широкий, на конце закругленный или заостренный. Мелкое оперение очень плотное и гладкое; пуху очень много. Окраска сильно различается у самцов и самок, зависит от времени года и возраста. У самца она более или менее блестящая, а у самки простая и скромная.

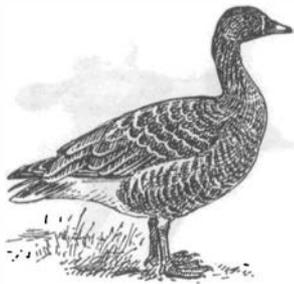
Утки распространены по всему земному шару, но виды их более многочисленны в жарком и умеренном поясах, чем в холодном. Они населяют моря и пресные воды, забираются даже высоко в горы; перелетают, если их к этому вынуждает зима, в более теплые страны, некоторые виды очень далеко и во время перелета собираются в громадные стаи. Некоторые виды ходят почти так же хорошо, как гуси; другие тяжело переваливаются. Все утки искусно плавают, но ныряют лишь в исключительных случаях и не особенно хорошо. Летают они так же хорошо, с быстро следующими один за другим ударами крыльев, производя свистящий или звенящий звук. Утки одинаково легко поднимаются и с воды, и с суши; они иногда низко тянут над землей или поверхностью воды, иногда же поднимаются вверх на много сот метров.

Голос некоторых уток благозвучен и чист, дрожащий или свистящий, у других квакающий или крякающий; у самца всегда другой, чем у самки. В гневе некоторые шипят, звук этот напоминает глухое фырканье. Утята издают слабый писк. Внешние чувства у уток развиты, по-видимому, превосходно и довольно равномерно. Умственные способности если и не плохи, то все-таки менее развиты, чем у гусей. Их пища, добываемая ими преимущественно в сумерках и ночью, смешанная. Нежные кончики листьев, клубни и всевозможные семена, болотные и водяные растения, травы и хлебные злаки, насекомые, черви, слизняки, пресмыкающиеся, рыба, мясо более крупных позвоночных, даже падаль — все это охотно пожи-

Семейство утиные

Семейство утиные

*Самцы уток не принимают участия в воспитании потомства. После того как самки сядут на яйца, самцы собираются в стаи и отлетают на линьку, зачастую далеко от района гнездования.

рается утками. Для лучшего пищеварения поедаются скорлупки раковин и песок или мелкие камешки.

Хотя все утки живут парами, самки охотно устраивают свои гнезда близко одно к другому. Некоторые виды образуют даже настоящие высиживающие общества. Гнездовье, где можно скрыть гнездо, предпочитается всем прочим; но многие гнезда устраиваются также и на открытом месте. Одни виды гнездятся в норах под землей или в расщелинах скал, другие — в дуплах деревьев, третьи — на деревьях, причем пользуются гнездами сухопутных птиц как основанием для собственных. Некоторые утки устраивают на земле глубокий лоток из различных растительных веществ, а углубление посередине его при насиживании мягко выстилают собственным пухом. Кладка состоит из довольно большого числа яиц, редко меньше шести, иногда же до 16. Высиживание продолжается 21—24 дня. Как только птенцы обсохнут, мать как можно скорее ведет их к воде и с горячей любовью руководит ими. Утята уже с первого дня своей жизни оказываются в высшей степени ловкими и подвижными созданиями. Они отлично бегают, плавают и ныряют и усердно ловят насекомых. Птенцы быстро растут и, едва одевшись в первое оперение, начинают менять его на второе; когда оно разовьется, семья снова соединяется с отцом или, по крайней мере, с каким-нибудь селезнем*.

Все быстро летающие хищники, от орла до самок ястреба или перепелятника, преследуют старых уток. Молодых уток преследуют лисы, куницы, ласки, крысы, вороны и хищные чайки. Кроме того, много выводков уничтожается неожиданным разливом вод и другими разрушительными явлениями природы.

Среди всех уток самой важной для нас является **кряква** (*Anas platyrhynchos*), потому что от нее ведут свой род наши домашние утки. У самца кряквы голова и верхняя часть шеи зеленого цвета, передняя часть груди бурая, окраска зашейка яркая серо-коричневая вперемежку с более темными оттенками и на плечах принимает водянистый серовато-белый, бурый или черноватый цвет, верхняя часть крыльев серого цвета. Зеркальце роскошного синего цвета с обеих сторон окаймлено белой полоской, спина и надхвостье черно-зеленые, нижние части серовато-белого цвета с весьма нежным водянистым черным оттенком. Зеленый цвет шеи отделяется от каштаново-бурой окраски передней части груди узкой белой шейной полосой; верхние кроющие перья хвоста, из коих средние загнуты кверху, черно-зеленые, нижние кроющие перья бархатисто-черного, маховые темно-серого цвета. Осенью самка своим оперением походит на самца. В длину самец достигает 63 см, размах крыльев 104, длина крыла 30, хвоста 9 см. Самка меньше самца.

Область распространения кряквы охватывает всю Европу и Азию, Америку до Мексики и северную Африку. Кряква соверша-

ет на Севере сезонные перелеты и продолжает вести кочевую жизнь еще и в наших широтах. В октябре и ноябре кряквы собираются в огромные стаи и направляются в более южные страны. Большинство долетает до Италии, Греции и Испании, и лишь немногие из них достигают северной Африки или тех же широт южной Азии. С этого времени на итальянских, греческих и испанских озерах приходится видеть их тысячами и сотнями тысяч; они иногда покрывают поверхность воды на пространстве нескольких квадратных километров, и когда поднимаются, то производят глухой шум, который слышен издали и напоминает гул морского прибоя. В обратный путь они пускаются уже в феврале или самое позднее в марте. На родине, как и на чужбине, кряквы охотнее всего селятся на озерах, прудах и топях, поросших тростником и камышником. Особенно нравятся им водные пространства, лишенные кое-где растительности, в общем же поросшие кустарником и всевозможными болотными растениями; отсюда они время от времени перелетают на небольшие пруды, лужи, каналы и поляны, чтобы покормиться в этих местах. На открытой воде показываются сравнительно редко, обыкновенно как можно скорее уплывают в чащу водных растений и там, бродя по воде и пологаясь, роются в тине.

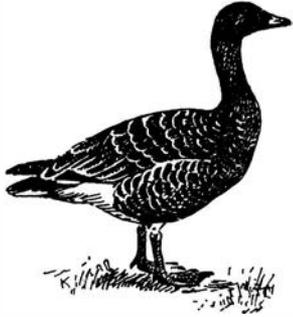
Кряква принадлежит к числу самых прожорливых из всех известных нам птиц: она объедает нежные листики или кончики трав и всевозможных болотных растений, ест их почки, ростки и зрелые семена, хлебные зерна, клубни, а также ревностно охотится за всеми животными, начиная с червей и кончая рыбами и лягушками; она, по-видимому, одержима неутолимим голодом и, чтобы насытиться, ест в течение всего времени, пока не спит.

По своему нраву, образу жизни и привычкам кряквы похожи на своих потомков — домашних уток. Они ходят, плавают,

Кряква
(*Anas platyrhynchos*)

Семейство
утиные

ныряют и летают так же, как и домашние утки, хотя и лучше них, и обладают совершенно таким же голосом. Они имеют тонкие внешние чувства и очень понятливы: правильно оценивают обстоятельства и сообразно с ними поступают, но постоянно выказывают осторожность и хитрость и, испытав преследования, становятся даже необыкновенно пугливыми. Чрезвычайно общительная и миролюбивая кряква охотно присоединяется к своим родичам и вообще любит общество различных птиц. Она не всегда избегает близости человека, напротив того, часто селится на прудах, находящихся под защитой людей. Например, на прудах парков или больших садов кряква становится чрезвычайно доверчивой, охотно позволяет кормить себя; здесь она выводит и воспитывает своих птенцов и, наконец, начинает вести себя почти как домашняя утка.

После прибытия на место гнездования кряквы разбиваются на пары. Эти утки с большой любовью привязываются друг к другу, хотя, впрочем, случается, что они легко соблазняются и изменяют взаимной верности. После спаривания, которое почти всегда происходит на воде и сопровождается громкими криками, самка выбирает подходящее место для закладки гнезда. С этой целью она отыскивает спокойное, сухое место под кустами или другими растениями, а также селится на деревьях, в уже готовых гнездах хищных птиц или ворон. Незатейливая постройка гнезда состоит из небрежно скученных сухих стебельков, листьев и других растений и впоследствии покрывается пухом. Кладка состоит из 8—16 продолговатых, серовато-белых яиц с твердой гладкой скорлупой, которых нельзя отличить от яиц домашней утки. Время высиживания продолжается 24—28 дней. Самка высиживает с самоотвержением; когда она покидает яйца, то всегда осторожно прикрывает их пухом, который выщипывает у себя, удаляется, по возможности скрываясь в траве, а возвращаясь, приближается не иначе, как вполне убедившись в безопасности. Когда вылупятся птенцы, то самка в течение одного дня еще обогревает их в гнезде, а затем отводит к воде. Если птенцы вырастают в гнезде, расположенном высоко, то, прежде чем предпринять первый выход, они попросту спрыгивают с высоты на землю, не причиняя себе этим падением никакого вреда. В течение первых дней своей жизни птенцы по возможности прячутся в густой осоке, тростнике и других болотных растениях и, лишь испытав свои крылья, начинают иногда появляться на более открытой поверхности воды. Мать прилагает все старания, чтобы скрыть их от взоров людей или других врагов; в случае необходимости она пытается притворством обратить опасность на себя, а также мужественно отражает нападение врагов, по крайней мере более слабых, и нередко обращает их в бегство. Птенцы следят за каждым предостережением, каждым призывным криком матери, прячутся, как только она им приказывает, между растениями и земляны-

ми кочками и, не шевелясь, остаются в таком положении до тех пор, пока она не вернется; при появлении матери в один миг вскакивают и собираются все вместе. Растут они необыкновенно быстро; по прошествии шести недель они уже летают.

Все заботы и страх самок нисколько не трогают самцов. Когда самки начинают высиживать, самцы их покидают. Еще прежде, чем вылупятся птенцы, самцы начинают линять, вследствие чего их роскошное оперение превращается в невзрачное — летнее. Это летнее оперение они носят в течение четырех месяцев, а затем снова линяют, меняя серые цвета на яркие. К этому времени начинают линять и молодые, и с этих пор старые и малые обоего пола снова соединяются, чтобы сообща провести осень и впоследствии всем вместе отправиться на зимние квартиры.

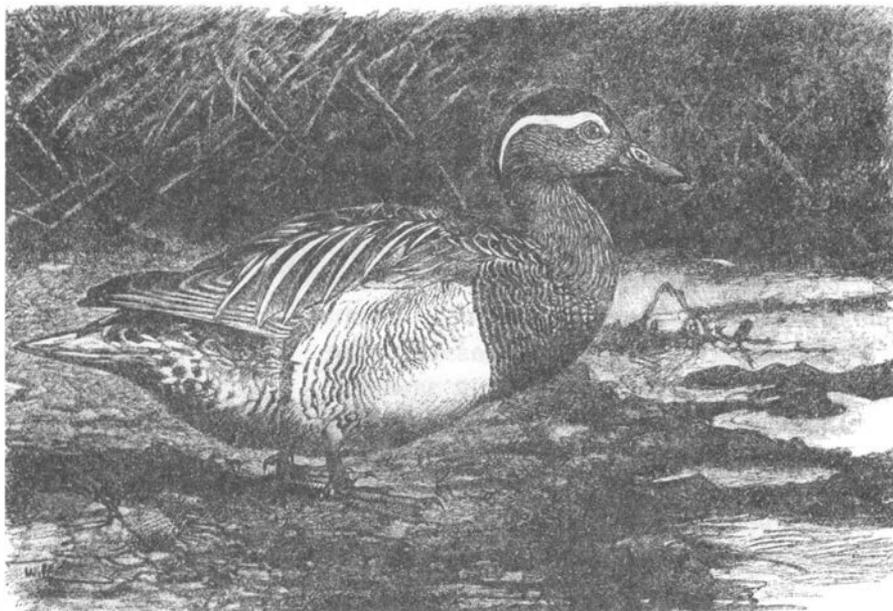
Многие старые кряквы становятся добычей лисицы и выдры, молодые — добычей хорька и норки; яйца и молодых птенчиков похищают водяные крысы и выслеживают коршуны и камышовые луны. Но самыми страшными врагами, несомненно, должно считать соколов, которые по временам питаются почти одними утками. При виде этого хищника кряквы стараются по возможности спастись от него нырянием, случается, что увлекают схватившего их разбойника за собой в глубину и этим до такой степени утомляют его, что ему приходится отказаться от охоты. Ястребы и орлы, в особенности орланы, не менее ревностно охотятся на уток, и большей частью успешно, хотя и против них утки прибегают к известным средствам самозащиты. Зейфертиц наблюдал однажды в течение нескольких часов разнообразные способы самозащиты уток против хищных птиц. Когда они заметили медленно подлетающего орлана, то поднялись на воздух и начали взад и вперед носиться над водой, отлично сознавая, что он не в состоянии изловить их на лету. Когда орлан отказался от охоты, они снова опустились на воду и продолжили по-прежнему отыскивать себе пищу. В это время показался сапсан; тогда утки не взлетели, а начали не переставая нырять, пока и этот враг не убедился в тщетности своих стараний. Позднее появился ястреб, умеющий одинаково хорошо ловить птиц, как сидящих, так и на лету. Утки тотчас же сбились вместе, крыльями стали бить по воде и образовали, таким образом, дождь из водяных брызг; ястреб летал сквозь него, однако до такой степени был смущен этим, что и он отказался от охоты.

Мясо кряквы так прекрасно, что охота на них ревностно ведется всюду и всеми возможными способами; утки действительно тысячами становятся добычей охотников.

Среди более мелких видов заслуживает внимания **чирок-трескунок** (*Anas querquedula*). Его темя и задняя часть шея черно-бурого цвета. Лоб, обе стороны головы и шея покрыты на бурокрасном фоне тонкими белыми черточками и отделены широкой белой глазной полосой. Подбородок и горло черные, нижняя часть

шей, спина, зоб и верхняя часть груди буровато-желтые и покрыты темно-бурыми дугообразными полосами и пятнами. Нижние части тела белые, большие маховые перья серо-бурые с белыми стержнями и темно-бурыми кончиками, малые маховые перья, составляющие зеркальце, серо-черные, длинные плечевые перья голубовато-серо-черного цвета с широкой белой каймой, верхние кроющие перья крыльев светло-серо-синие, хвостовые перья темно-пепельно-серые и с боков снабжены беловатой каймой, которая снаружи все более и более расширяется. Глаза светло-карие, клюв зеленовато-черного, ноги красновато-пепельно-серого цвета. В летнем оперении пропадает красивая окраска головы и шеи, остаются, однако, красивыми синие кроющие перья крыльев. Оперение самки похоже на летнее оперение самца; только ее покровные перья крыльев не голубого, а темного буровато-серого цвета. В длину птицы достигают 38 см, размах крыльев 62, длина крыла 20, хвоста 8 см.

Чирок-трескунюк
(*Anas querquedula*)

Чирок-трескунюк (*Anas crecca*). Размером он меньше чирка-трескунка: в длину достигает 32 см, размах крыльев 54, длина крыла 14, хвоста 7 см. Голова и верхняя часть шеи яркого коричневато-красного цвета, за исключением широкой, роскошного синевато-зеленого цвета полосы на уздечке. Задняя часть шеи и обе стороны груди по пепельно-серому фону покрыты черным поперечным волнистым рисунком; передняя часть шеи, область зоба и верхняя часть груди покрыты на светлом красновато-желтом фоне редкими черными пятнами. Боковые кроющие перья нижней части желтоватые, а средние нижние кроющие перья хвоста черные. Все остальные нижние части тела белые, большие маховые перья темного буро-серого цвета, малые маховые перья, образующие зеркальце, с внутренней стороны буро-серого цвета, из них первые четыре пера

Областью гнездования чирка-трескунка является вся средняя Европа и Средняя Азия; северная граница их распространения доходит самое большее до южной Швеции. Во время перелета они посещают все страны южной Европы, большую часть местностей Средней Азии и Африки; на востоке Африки они проникают до 10 градуса северной широты.

Гораздо реже в Германии гнездится чи-

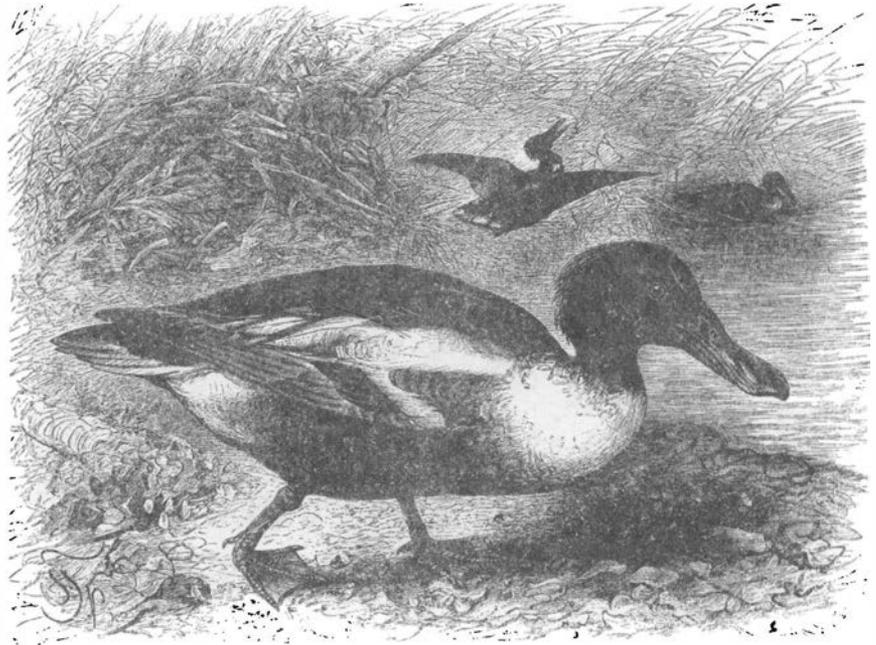
снаружи бархатисто-черные, остальные золотисто-зеленого цвета, который на концах делается ярче. Несколько удлиненные и заостренные верхние малые маховые перья пепельно-серые с черными стержнями, небольшие верхние кроющие перья крыльев буровато-серые. Перья хвоста серовато-буро-черные с белой каймой. Летнее оперение отличается серыми верхними кроющими перьями крыльев и ярко окрашенным зеркальцем.

Родиной этого чирка следует считать тундру*, однако они распространяются по всем северным частям света; во время зимы скитаются по всей Европе и Азии, а также в Северной Америке, появляются там в сентябре и октябре и возвращаются обратно в марте или апреле; они также массами посещают северную Африку.

Одной из самых пестрых и удивительных уток является широконоска (*Anas clypeata*). Она отличается большим, суженным сзади и весьма широким спереди клювом, который сильно изогнут, мягок и снабжен мелкими зубчиками. Голова и верхняя часть шеи темно-зеленые. Задняя часть шеи снизу, а также зашеек и короткие малые маховые перья покрыты светло-серой каймой. Нижняя часть шеи, зоб и верхние кроющие перья крыльев белые. Перья зеркальца, ограниченного спереди широкой белой полосой, блестящего металлически-серого цвета. Спина и надхвостье черно-зеленые, грудь и брюшко каштаново-бурого цвета. Нижние кроющие перья хвоста черные, маховые перья буро-серые, средние рулевые перья бурые с беловатой каймой, которая к краям делается все более и более широкой. Глаза золотисто-желтого, клюв черного, ноги красно-желтого цвета. В длину эта утка достигает 50 см, размах крыльев 80, длина крыла 24, хвоста 8 см. Самка по серо-желтому фону покрыта более темными пятнами, верхняя часть крыльев серая. Узкое зеркальце серо-зеленого, клюв зеленоватого цвета с бледно-красными краями. Ее оперение похоже на летнее оперение самца.

Родиной широконоска является умеренный пояс; на Крайнем Севере она встречается реже. В Европе живет повсеместно, начиная от южной Норвегии. Встречается в Канаде и во всех Соединенных Штатах. Отсюда они зимой перекачывают до

*Чирок-свистунок в тундре не столь многочислен, как в лесной зоне.

Широконоска
(*Anas clypeata*)

Семейство утиные

Мексике, из Европы переселяются до северной и средней Африки, из Азии — до южного Китая, Индии и Австралии. В Польше, Дании и Голландии эта утка — обычное явление, кое-где встречается в средней Германии и массами попадает зимой во всей южной Европе. В Германии она появляется в конце марта или начале апреля и уже около конца августа постепенно снова собирается лететь на юг. Она также предпочитает пресные воды морю; тем не менее весьма охотно селится на морском побережье, живет на тенистых мелких водах, плоских песчаных берегах и на лужах, оставленных отливом, и ведет здесь образ жизни, скорее похожий на образ жизни береговых птиц, чем уток.

Широконоску уже издали можно отличить по ее роскошному и поразительному оперению. Своими же обычаями и привычками она существенно не отличается от других уток. Она довольно хорошо и охотно ходит, плавает легко и красиво, часто ползает в воде, ныряет же лишь в случае крайней необходимости; летает скоро и ловко, хотя и не так быстро, как более мелкие виды, и во время полета производит слабый шум. Большими обществами широконоски собираются редко или даже никогда, так как и в зимних убежищах мне приходилось их видеть только небольшими семейками, хотя и могло случиться, что несколько таких семейств жили весьма близко одно от другого.

Пища широконоски нам в точности еще неизвестна. Мы знаем, что она питается всякими маленькими червями, насекомыми и их личинками, рыбьей и лягушачьей икрой, мелкой молодой рыбой и пресноводными улитками, а также не пренебрегает и нежными растительными веществами; однако мы видим, что пленные широконоски труднее переносят неволю, чем все прочие утки, и часто, даже при изобильной пище, хиреют и погибают, и нам еще до сих пор в точности неизвестно, какого питательного вещества лишает их неволя. Между тем очевидно, что им не хватает только какой-то любимой пищи, которая необходима для их благополучия*. На воле они, вероятно, находят массу маленьких животных столь нежного строения, что в желудке убитых уток мы их уже не в состоянии определить; по крайней мере, широконоски гораздо чаще прочих уток копошатся в жидкой тине или в плавающих водяных растениях. Ночью они больше занимаются разыскиванием пищи, чем другие утки, днем охотно отдыхают на песчаных местах берега, стоя на одной ноге или лежа на животе, и спят преимущественно в полдень; при наступлении же сумерек приходят в движение и остаются деятельными почти до следующего утра.

Гнездо широконоски находится в тростнике или осоке, окруженной водой или трясинной. Но может быть свито и в тростнике, растущем на берегу канавы, и в кустарнике в большем или меньшем отдалении от воды, иногда даже в посевах ближайших полей. Но оно всегда по возможности хорошо скрыто. Гнездо

**Важное место в питании широконосок занимают планктонные ракообразные и мелкие моллюски.*

свито из тростника, травы и других растений, имеет глубокое углубление и позднее выкладывается пухом. Кладка состоит из 7—14 овальных, мелкозернистых, гладких матовых яиц мутного ржаво-желтоватого или зеленовато-белого цвета около 51 мм в продольном и 37 в поперечном диаметре. Самка высиживает с горячей преданностью, но во время высиживания не выносит помех и постоянно покидает яйца в начале высиживания, если ей несколько раз помешали. По словам Наумана, время высиживания продолжается 22—23 дня. Птенцы достигают полного развития по истечении приблизительно четырех недель. Мясо их превосходно, но и старые птицы также чрезвычайно вкусны.

На мой взгляд, среди уток, пальма первенства за красоту принадлежит **каролинской утке** (*Aix sponsa*). Птица эта распространена и весьма многочисленна во всей Северной Америке, в настоящее время прочно водворилась на прудах Германии. Эта утка отличается

стройным телом, тонкой шеей, большой головой, украшенной хохлом, довольно коротким стройным клювом, короткими сильными ногами, узкими перьями, а также роскошным плотным и блестящим оперением. Оперение верхней части головы и щек между глазом и клювом блестящего темно-зеленого цвета, обе стороны головы и большое пятно по сторонам шеи пурпурово-зеленые с голубоватым отливом; перья, образующие хохол, золотисто-зеленые и украшены двумя узкими белыми полосками. Верхняя часть шеи и верхняя часть груди яркие каштаново-бурые и как бы обрызганы нежными белыми капельками. Плечевые перья, большие маховые и рулевые перья зелено-синего цвета с бархатисто-черным отливом. Перья между плечами, задняя часть спины и верхние кроющие перья хвоста черно-зеленые. Некоторые узкие кроющие перья хвоста красновато-оранжевого цвета. Подбородок, горло, полоса вокруг верхней части шеи, середина груди и живот белые; бока на желтовато-сером фоне покрыты тонким и красивым черным волнистым рисунком. Глаза ярко-красные, веки оранжево-красные, клюв беловатый, посередине желтоватого, у корня темного буровато-красного, на кончике черного цвета, ноги красновато-желтые. Длина

Каролинская утка
(*Aix sponsa*)

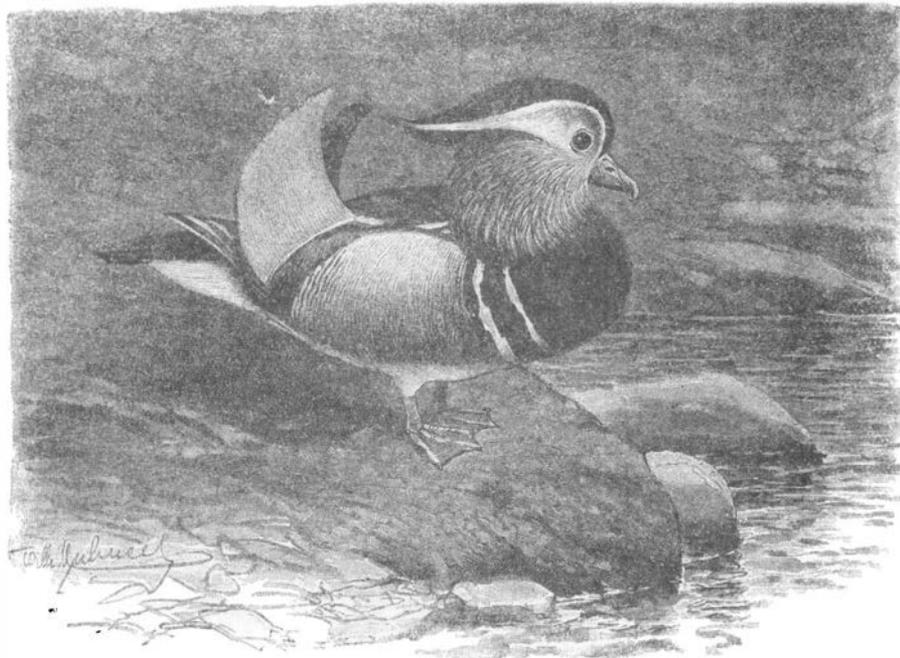
птицы 45 см, размах крыльев 72, длина крыла 22, хвоста 10 см. Самка несколько меньше самца и на голове не имеет хохла, хотя перья головы также немного удлинены; ее оперение на верхней части тела темного буро-зеленоватого и блестящего пурпурового цвета и покрыто большими пятнами, окраска головы серо-зеленая, шея буровато-серая, зоб белого цвета, грудь белая с бурыми пятнами, брюшко белое; глаза окружены широким белым кольцом, которое переходит в полосу и тянется до ушной области.

С красивой фигурой и роскошным оперением каролинской утки вполне согласуются ее грациозные движения.

На свободе она питается зернами и семенами, нежными кончиками различных водяных и хлебных растений, червями, улитками и жуками и ест также маленьких лягушек и других позво-

ночных животных.

Мясо каролинской утки начиная с сентября и до наступления зимы, говорят, действительно превосходно; поэтому неудивительно, что их всюду преследуют и каждую зиму тысячами доставляют на рынки. Об их полном приручении в Америке, по-видимому, еще не помышляли. Но что они мало-помалу делаются домашними птицами, не подлежит сомнению. Для содержания на прудах каролин-

Мандаринка
(*Aix galericulata*)

кая утка заслуживает предпочтения перед другими родичами не только вследствие того, что превосходит всех красотой, но и потому, что легче других уток размножается в неволе.

В семействе утиных особое место занимают нырки. Благодаря своей способности нырять эти утки предпочитают открытые и глубокие воды. Большинство из них живет на море, во время же размножения преимущественно переселяются на пресные воды. К воде они привязаны больше, чем все вышеупомянутые утки. Вследствие того что их ноги находятся далеко позади туловища, они, чтобы удержать его в равновесии, вынуждены держаться чрезвычайно прямо; поэтому при ходьбе они неуклюже покачиваются или переваливаются с боку на бок. Полет также затрудняет их больше, чем всех прочих уток; впрочем, раз поднявшись, они летят довольно скоро, подвигаясь вперед быстрыми взмахами кры-

льев. Зато как проворно двигаются они на воде! Глубоко погружив свое широкое и сравнительно тяжелое тело в воду, так что остается непокрытой лишь узкая полоска спины, а хвост волочится по поверхности воды, они, сильно отталкиваясь широкопепончатыми ногами, подвигаются вперед чрезвычайно быстро. Если же они желают погрузиться в глубину, то им достаточно одного толчка своими ногами-веслами кверху и одновременного с этим взмаха хвостом книзу, и их туловище головой вперед опрокидывается вниз. Нырки не способны, подобно гагаре, преследовать под водой добычу, но ныряют на дно в более или менее отвесном направлении и после минутного отсутствия появляются почти на том же самом месте, с которого исчезли. Так как они отыскивают свою пищу на дне, то им приходится нырять на значительную глубину, те из них, которые живут на море, ныряют иногда на глубину около ста метров, что легко определить исследованием их пищи. Лишь немногие питаются преимущественно растениями; большинство едят ракушек, других моллюсков, червей, раков, рыб, во время пребывания на пресных водах едят и насекомых. Пища, найденная на дне, там же, в глубине, и проглатывается.

Нырки чаще остальных зубчатоклювых птиц гнездятся обществами, образуя иногда настоящие поселения. Яйца их с более твердой скорлупой, чем яйца других уток, в общем же весьма похожи на них.

Нырки приносят значительную пользу своим пухом, которым выстилают гнездо. У некоторых видов вкусное мясо. Но мясо большинства из них, из-за их пищи, имеет неприятный вкус ворвани и по крайней мере избалованному лакомке для употребления непригодно. Поэтому на многих нырков охотятся только ради их пуха, но не из-за мяса. От врагов они страдают меньше других уток. Тем не менее более быстрые хищные птицы ловят их на лету, а крупные рыбы или живущие в воде земноводные похищают птенцов; вообще же вода спасает их от многих преследований.

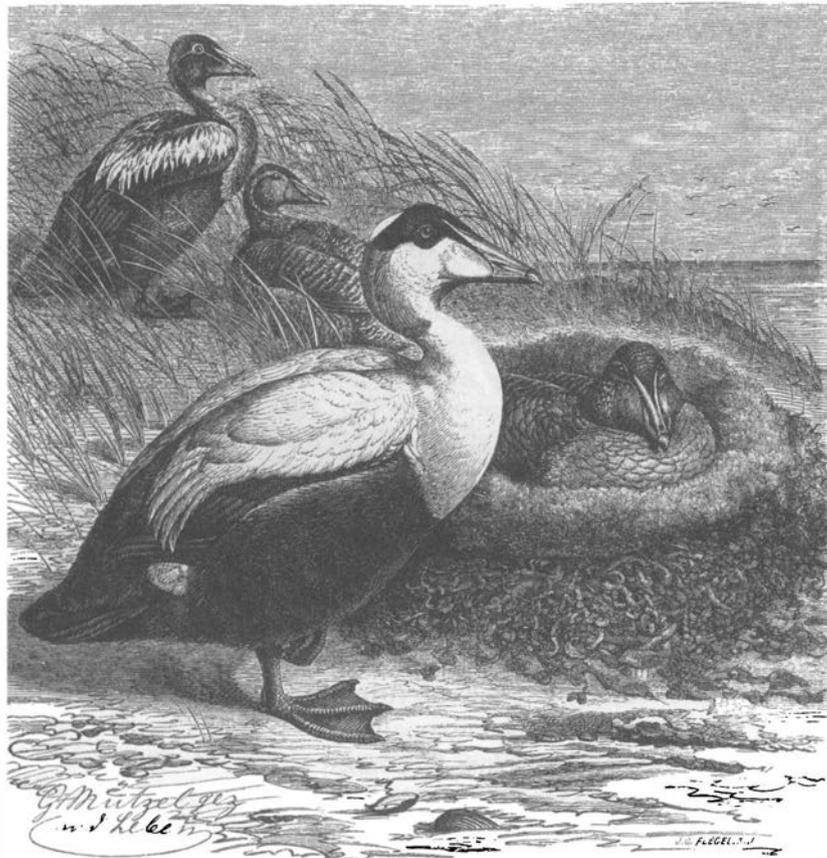
Среди всех нырков первое место принадлежит гагам. У **обыкновенной гаги** (*Somateria mollissima*) верхняя часть головы, шея и спина, включая сюда и верхние кроющие перья крыльев, белые, на передней части груди эта окраска переходит в красноватый цвет. Лоб и височная область, нижняя часть спины и брюшко черные, щеки светло-зеленого цвета; маховые и рулевые перья выглядят буровато-черными, перья, образующие зеркальце, бархатисто-черного цвета. Глаза красновато-бурые, клюв зеленовато-желтый, ноги маслянисто-зеленые. Длина птицы 63 см, длина крыла 29, хвоста 9 см. Самка меньше самца и ржавого цвета. Голова и шея ее покрыты бурыми продольными пятнами; остальные части — черными лунообразными поперечными пятнами, зеркальце бурого цвета с белой каймой, нижняя часть тела темно-бурая с незаметным черным волнистым рисунком.

По прошествии времени высиживания оперение самца приобретает брачную окраску: голова и шея становятся черно-серыми с темными облачными пятнами, плечи серо-черными со светлыми черточками; область зоба на желтовато-белом фоне покрывается узором, состоящим из черноватых и ржаво-бурых каемок перьев.

Область распространения настоящей гаги превосходит области распространения всех прочих видов. Она населяет весь Север, от Ютландских островов до Шпицбергена и от западных берегов Европы все северные берега земли до Гренландии и Исландии. Самое южное место ее гнездования находится на острове Зильт и на маленьких датских островах, лежащих на одинаковой широте с

ним; к северу от этих местностей она, по-видимому, становится многочисленнее. Уже в средней Норвегии, где прибрежные жители берегут ее и она охраняется особыми, к сожалению не везде чтимыми законами, гага встречается тысячами; в Исландии и Гренландии также постоянно пребывают множество гаг.

У гаги-гребенушки (*Somateria spectabilis*), приблизительно равной по величине обыкновенной гаге, клюв с боков немного раздут в виде бугра и окружен тонкой черной полосой; подобного цвета полоски тянутся по обеим сторонам шеи от основания нижнего клюва; верхняя часть головы серая, щеки светло-зеленые, шея белая, передняя часть груди светло-красно-

Обыкновенная гага
(*Somateria mollissima*)

вато-мясного цвета, средняя часть спины, кроющие перья у сочленения крыльев и нижняя часть спины белого цвета, все остальные перья черные; глаза карие, клюв красный, ноги красноватые. Самка отличается от самок родственных видов светло-красно-бурой окраской.

ОТРЯД

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

(Falconiformes)

Отряд
ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

Почти все относящиеся к хищным виды питаются исключительно другими животными. Они ловко подстерегают свою жертву и преследуют ее в воздухе или по земле, между ветвями деревьев или даже в воде, пока, наконец, не схватят и не убьют; иногда довольствуются теми трупами, которые находят; одним словом, они в этом отношении вполне сходны с хищными млекопитающими. К дневным хищным относятся птицы разной величины: крупные, средние, мелкие. Но как бы ни было велико различие между ними в этом отношении, общий характер заметен везде без исключения, и дневных хищных трудно смешать с другими птицами.

В общих чертах охарактеризовать этих птиц довольно легко. Тело сильное, сжатое с боков, с широкою грудью; конечности мощные и производят впечатление избытка силы, несмотря на то, что кажутся иногда несоразмерно длинными. Голова у них большая, красиво округленная, только в исключительных случаях удлинненная; шея обыкновенно короткая и всегда толстая, даже тогда, когда она достигает необычайной длины; туловище короткое и широкое, особенно в грудной области. Клюв их короткий, верхняя половина его имеет выгнутую спинку, загнутый крючком кончик и покрыта при основании восковицей; но верхняя половина неподвижна и шире нижней, которую она обхватывает. Часто острота краев усиливается еще присутствием зубца на конце верхней челюсти. Ноги короткие, сильны и длиннопалы; пальцы (три вперед, один назад) имеют развитые когти, благодаря которым птицы приспособлены к ловле добычи. Когти более или менее сильно загнуты и заострены, редко мало выгнуты и тупы; верхняя сторона их округлена, нижняя большей частью несколько выдолблена, так что представляет два острых края. Они служат, таким образом, удобным хватательным органом и вместе с тем страшным оружием.

Оперение представляет значительное разнообразие, смотря по семействам и родам. Вообще перья крупные и редкие, кроме как у соколов. Пух встречается у грифов и других дневных хищ-

Отряд
хищные птицы

ных или на всей поверхности тела, или сосредоточен преимущественно на шее и на голых полосах, находящихся между местами, заросшими кроющими перьями; иногда даже пух заменяет в некоторых местах покровные перья. Случается, что отдельные места на голове, особенно часто — уздечка и кольцо вокруг глаз, не покрыты перьями. Спинная оперенная полоса разделяется на две между лопатками и далее к заду суживается; обе боковые ветви грудобрюшной оперенной полосы широко расходятся, иногда очень расширены в своей передней части и большей частью дают ясную наружную ветвь около плечевого сочленения. Маховые и рулевые перья всегда значительных размеров; число их постоянно: 10 больших маховых перьев, большею частью 13—16 малых маховых и почти всегда 12 парно одинаковых рулевых.

В окраске оперения преобладают темные цвета; но она не лишена красивых сочетаний, а также рисунков, удовлетворяющих нашим эстетическим понятиям. Некоторые представители хищных даже могут считаться очень красиво окрашенными. Голые участки кожи на голове, гребни и бородки под клювом, которые также у них встречаются, уздечка, восковица, клюв, ноги и глаза иногда окрашены очень ярко.

Из органов чувств надо, прежде всего, указать на глаза. Они у всех большие и обладают совершенной внутренней подвижностью и допускают одинаково отчетливое зрение с разного расстояния, так как легко к нему приспособляются. Попеременно приближая и удаляя руку от глаза грифов, можно без труда заметить, как изменяется величина зрачка. Слух дневных хищных птиц также высоко развит; обоняние, напротив, по сравнению со зрением и слухом может считаться слабым, хотя относительно грифов часто утверждали противное. Во всяком случае, чувство осязания более развито, нежели обоняние и вкус; последний, по-видимому, стоит на не слишком высокой степени развития, хотя замечено, что дневные хищные делают выбор между той или другой пищей.

Умственная ограниченность наблюдается лишь у немногих дневных хищных; большинство же, несомненно, высоко одарено. Они действительно обладают большею частью приписываемых им душевных качеств: мужество и самоуверенность, жадность, жестокость, хитрость и даже злоба являются их отличительными качествами. Действуют, заранее обдумав свои намерения, составляют план и приводят его в исполнение. Они самоотверженно преданы членам своей семьи, смело нападают на врагов и противников и сильно привязываются к друзьям.

Одного, общего многим птицам, качества недостает дневным хищным: они не имеют приятного голоса. Многие из них могут издавать только один, два или три простых, подчас неприятных звука. Впрочем, это не общий недостаток; некоторые птицы изда-

ют звуки, которые даже музыкально развитое ухо может считать приятными.

Дневные хищные живут по всей земле, на всех широтах и долготах. Они принадлежат большей частью к древесным птицам и потому преимущественно населяют леса, но не избегают ни безлесных гор, ни голых степей и пустынь. Встречаются на небольших островах океана и на высочайших горных вершинах; на ледяных полях Гренландии и Шпицбергена и в сожженных солнцем равнинах пустыни; в чаще девственного леса и на крышах церквей больших городов. Область распространения отдельных видов очень велика. Но некоторые виды едва ли имеют определенную область распространения и кочуют почти по всей земле.

Многие дневные хищные с наступлением зимы, когда их охота становится менее прибыльной, откочевывают в южные страны, следуя за более мелкими птицами. Но виды, населяющие крайний север, только перелетают с места на место. Во время таких перелетов птицы иногда соединяются в стаи, которые нельзя наблюдать в другое время, так как только меньшинство хищных птиц может быть причислено к общественным животным. Эти стаи уже к весне распадаются на маленькие стайки, а затем и на пары. Пары возвращаются на родину в довольно точно определенное время и при первой возможности приступают к выводу птенцов.

Все дневные хищные выводят птенцов в первые весенние месяцы, и только раз в год, если им ничто не помешает. Гнезда в большинстве случаев расположены на деревьях, часто на выступах скал, на крышах старых зданий, в отверстиях их стен или на недоступной высоте; реже в дуплах деревьев и всего реже они кладут яйца прямо на землю, на подстилку из хвороста. Гнезда, расположенные на деревьях или скалах, всегда велики и широки, но плоские и с неглубокой выемкой; они служат большей частью несколько лет сряду, и потому постепенно становятся значительно выше от ежегодных поправок. Оба пола принимают участие в постройке гнезда; по крайней мере, самец помогает самке. Крупные виды не без труда добывают материалы, необходимые для постройки, именно крепкие и толстые палки. Орлы добывают их, как рассказывает Чуди о беркуте, прямо с деревьев; для этого они, сложив крылья, бросаются вниз со значительной высоты, схватывают на лету лапами намеченную ветку и отламывают ее силой полученного толчка. Затем они несут к гнезду доставшиеся им с таким трудом ветки и сучья. Те дневные хищные, которые гнездятся в дуплах и норах, кладут яйца прямо на гниль в дупле или на землю и голые камни. Не будет, вероятно, ошибкой сказать, что только меньшинство видов само строит гнезда. Большинство, например, не очень крупные сокола, предпочитают пользоваться гнездами других птиц, именно вороньими, других дневных хищ-

Отряд ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

Отряд хищные птицы

ных, может быть, также гнездами цапель, черных аистов и т.п. Иногда, как уже сказано выше, они пользуются дуплами деревьев, вообще строят гнезда лишь в случае крайней необходимости.

Спариванию предшествуют разные игры, вполне соответствующие нраву этих гордых птиц. Выражением любви у большинства служат красивые упражнения в летании, часто отличные от обыкновенного полета, парение на большой высоте; своеобразные, резкие или чрезвычайно нежные звуки выражают у некоторых видов возбуждение. Ревность играет, разумеется, большую роль и в этой семье властелинов: они нападают на всякого пришельца и по возможности изгоняют его из своих владений, будь то даже чуждая птица, принадлежащая к другому виду. Эти битвы служат поводом к красивым движениям, быстрому нападению, ловкому отражению, мужественному преследованию одной птицы другой и к такой же стойкой защите. Когда раздраженные противники схватятся, они не уступают оба: царапают друг друга и, не будучи больше в состоянии пользоваться крыльями, крутятся в воздухе, падают вместе на землю. Здесь битва прерывается на одно мгновение; но едва они поднимутся на воздух, как бой возобновляется снова с таким же ожесточением. После продолжительного поединка более слабый противник отступает и, преследуемый победителем, покидает его владения.

Кругловатые яйца имеют несколько шероховатую скорлупу сплошь белого, сероватого и желтоватого цвета или усеянную более темными пятнами и точками по светлому фону. Число их колеблется от одного до семи. У большинства видов насиживает одна самка, но у некоторых самец по временам сменяет ее. Насиживание продолжается от двух до шести недель, после чего вылупливаются птенцы в совершенно беспомощном состоянии: маленькие, круглые, покрытые густым беловато-серым пухом, с большой головой и открытыми глазами. Они быстро растут и покрываются скоро, по крайней мере, с верхней стороны, густыми перьями. Родители очень о них заботятся, так же как и о яйцах, никогда не покидают их и жертвуют жизнью, если не в силах отразить нападение. Очень немногие дневные хищные выказывают трусость при подобных же обстоятельствах; огромное большинство обнаруживает, напротив, мужество, достойное уважения. Некоторые переносят своих птенцов на другое, более безопасное место, если им угрожает опасность. Такую же самоотверженность, как при нападении врагов, они обнаруживают, добывая птенцам нужную пищу. Они приносят обильную добычу и при опасности прямо бросают ее в гнездо с высоты. Сначала кормят птенцов полупереваренной пищей, отрывая ее из зоба, потом дают им разорванные части животных. Но у некоторых видов одна только самка может готовить для птенцов пищу; самец не умеет разрывать на части добычу и, в случае отсутствия самки, птенцы голодают даже при изобилии пищи. Молодых хищников, выле-

тевших из гнезда, родители продолжают еще долго водить, кормить, учить и оберегать.

Пища дневных хищных состоит из позвоночных всех классов, самых разнообразных насекомых, птичьих яиц, червей, слизней, падали, человеческого кала и в исключительных случаях также из плодов. Они добывают себе пропитание то ловлей живых животных, то отбивая у других представителей этой же группы пойманную ими добычу, то просто подбирая найденную случайно падаль. Для ловли служат лапы; клювом они разделяют пищу на части или, вернее, разрывают ее. Насекомых ловят прямо клювом. Пищеварение совершается у них очень быстро. У тех птиц, которые имеют зоб, пища смачивается в нем слюной и отчасти разлагается; остальное довершает быстро действующий желудочный сок. Кости, сухожилия и связки жертвы превращаются в кашицу, перья и волосы сбиваются в комки и время от времени отрываются в виде так называемых погадок. Помет их представляет жидкую кашицу, похожую на разведенную известку, и выбрасывается наружу струей. Все дневные хищные могут зараз съесть очень много, но зато могут и голодать подолгу.

Деятельность дневных хищных нужно рассмотреть еще с другой и самой важной стороны: их хищнические наклонности могут быть направлены на вредных или полезных нам животных, и потому они сами могут быть полезны или вредны. В своей совокупности эта группа должна считаться чрезвычайно полезной.

Кроме человека, дневные хищные имеют мало врагов. Сила и ловкость служат им надежной защитой в борьбе с более сильными противниками. Впрочем, они немало терпят от различных паразитов, как наружных, так и внутренних, и делаютя жертвой ненависти, которую по справедливости заслуживают, по крайней мере, многие из этих птиц; в общем, однако, они живут безмятежной и свободной, прекрасной жизнью до тех пор, пока не придут в столкновение с человеком. Последний и есть самый опасный их враг.

СЕМЕЙСТВО АМЕРИКАНСКИЕ ГРИФЫ (Cathartidae)

Самый бросающийся в глаза отличительный признак семейства американских грифов — сквозные продолговатые ноздри. Кроме того, эти птицы отличаются более или менее длинным клювом, покрытым при основании верхней его части мягкой восковицей; клюв в своей конечной части сильно согнут и с зубцом, а от восковицы отделен перетяжкой. Эти грифы отличаются сильными ногами с толстой плюсной, длинными, заостренными крыльями, довольно длинным хвостом и голой головой, а также голой верхней частью шеи, эти части обыкновенно украшены ко-

Семейство американские грифы

жистыми образованиями в виде гребешков при основании клюва и лба, а также и ярко окрашенными выступами и складками.

Андский кондор (*Vultur gryphus*) в значительной степени разделяет участь многих хищников. Его также не оценили и оклеветали, про него рассказывали самые удивительные вещи и верили в них. Только исследователям нашего столетия удалось очистить от сказок описание его жизни. Благодаря Гумбольдту, Дарвину, Орбиньи и Чуди мы имеем такие сведения насчет этой сказочной птицы, что в настоящее время можем иметь полную уверенность в том, что обладаем ясной картиной ее жизни.

Оперение вполне взрослого кондора черное, со слабым тем-

но-стальным блеском; перья крыльев — матово-черные, наружные кроющие перья всех трех рядов, а также и шейные брыжи, состоящие из мягких, волосовидных, пушистых, длинных перьев — белые; малые маховые перья на наружной части опахала имеют белую кайму. Эта кайма на перьях предплечья и плеча становится все шире и, наконец, распространяется на внутреннюю часть опахала, так что плечевые перья белые, а черные только при основании. Зашеек, передняя часть головы и горло — черновато-серые; узкая кожица на горле, как и обе морщинистые складки кожи по обоим бокам шеи у самца — ярко-красные; шея цвета сырого мяса; область зоба бледно-красная.

Андский кондор
(*Vultur gryphus*)

Глаза блестяще-карминного цвета; но у двух мне известных самцов светло-зеленоватые с медным отливом, клюв при основании и на спинке черного, рогового, цвета, с боков и на конце желтогового; ноги темно-бурые. По измерениям Гумбольдта, длина самца 102 см, размах крыльев 275, длина крыла 115, длина хвоста 37 см; длина самки 85 см, размах крыльев на 24 см меньше.

Родина кондора — высокие южноамериканские горы. В Андах он предпочитает полосу высотой от 3000 до 5000 м, в Магеллановом проливе и Патагонии гнездится в отвесных ущельях непосредственно над берегом. Он также часто спускается до берегов Перу и Боливии, но, как говорит Чуди, в высоких местах встре-

чается в десять раз чаще, чем в низких. По описаниям Гумбольдта, кондор часто летает над Чимборасо, то есть в шесть раз выше облаков, простирающихся над долинами, на высоте 7000 м над уровнем моря.

Образ жизни и поведение кондора в главных чертах такие же, как и у других грифов. Во время размножения он живет парами, в обыкновенное же время стаями, для отдыха выбирает отвесные выступы скал. Когда кондор взлетает, то поднимается при помощи медленных ударов крыльев; потом он как будто плывет, не двигая уже крыльями. Если один кондор замечает что-нибудь съедобное, то опускается, и все остальные, которые это заметили, быстро следуют за ним. «Иногда совсем непонятно, — говорит Чуди, — как менее чем в четверть часа целые массы кондоров собираются на положенной приманке, тогда как прежде самый дальноротый глаз не увидел бы ни одного из них».

Кондор преимущественно питается падалью. Гумбольдт сообщает, что пара кондоров нападает не только на андского оленя и викунию, но даже на гуанако и телят; они этих животных убивают, преследуют и наносят раны до тех пор, пока те не упадут мертвыми. Чуди подтверждает, что кондоры следуют за дикими и ручными стадами млекопитающих и тотчас же бросаются на околевшее животное. В некоторых случаях они нападают даже на раненых лошадей, которые не могут защититься. Кондоры раздирают и съедают мясо вокруг раны, наконец, добиваются до грудной полости, вследствие чего мучимое ими животное околевает. При потрошении убитых викуний и андских оленей охотник всегда окружен стаями кондоров, которые с жадностью бросаются на брошенные внутренности, не выказывая при этом ни малейшего страха перед человеком. Они, вероятно, так же подстерегают пуму, чтобы воспользоваться остатками обеда этого хищника. Кондор очень тщательно наблюдает за стадами коз и овец во время ягнения и пользуется каждым удобным случаем, чтобы стащить козленка или ягненка. Чуди говорит, что стельную корову всегда надо запираť во двор или в загон, защищенный оградой и находящийся поблизости от жилища, и старательно ее здесь караулить, потому что как только она отелится, тотчас появятся гигантские птицы, которые будут стараться овладеть теленком; последний погибает, если люди его не защищают. В странах, населенных кондорами, пастушьи собаки так дрессированы, что во все время пребывания кондора в воздухе они настороже, смотрят вверх и громко лают. На берегах эти птицы питаются трупами больших морских млекопитающих, которые в большом количестве живут около берегов Южной Америки. Кондоры избегают человеческих жилищ и не трогают детей.

Время размножения кондора падает на наши зимние или весенние месяцы. Спариванию предшествуют со стороны самца любовные игры. По моим наблюдениям над пленными кондора-

**Семейство
американские
грифы**

ми, я видел, что оба пола буквально токуют, чтобы выразить свои чувства. Гнездо находится на неприступной скале, но едва может назваться гнездом, так как самка часто кладет свои два яйца на голую землю. Яйца, имеющие в длину 108 мм, в ширину 72 мм, одноцветные и блестяще белые. Птенцы появляются на свет одетыми в сероватый пух, растут медленно, долго остаются в гнезде и еще после вылета кормятся и храбро защищаются родителями при грозящей опасности. «В мае 1841 года, — говорит Чуди, — в погоне за подстреленным оленем мы заблудились между гребнями высоких гор и попали на трех высиживающих самок на расстоянии не более 15 м над нами. Они встретили нас таким страшным карканьем и такими грозными движениями, что мы стали опасаться, как бы они нас не спихнули в пропасть со скалистого гребня, на котором мы находились и который едва достигал ширины 60 см. Мы могли спастись только поспешным отступлением на более широкое место».

Индейцы часто ловят кондоров, потому что находят удовольствие их мучить. Они наполняют тело околешего животного одуряющими травами и кладут его в виде приманки. Слетевшиеся на пададь кондоры, наевшись этого мяса, шатаются, как пьяные; индейцы ждут, пока птицы не наедятся, потом скачут к ним столь быстро, насколько позволяет скорость их лошадей, и бросают лассо в стаю обжиралющихся кондоров. Наконец употребляют еще один, особенный, способ ловли, подтвержденный Чуди и другими. Расстилают на земле свежую коровью шкуру, на которой висят куски мяса; под нее ложится индеец с достаточным количеством веревок. «Когда кондоры насыдут на шкуру, индеец снизу через шкуру схватывает птицу за лапы и тут же прикручивает к ним веревкой тот кусок шкуры, который мешком охватил лапы. Поймав таким образом несколько штук, индеец вылезает из-под шкуры. Подскакивают другие индейцы, бросают свои плащи на кондоров и уносят птиц в деревню, где их сберегают для травли быков. Кондоры не получают никакой еды в течение целой недели. В назначенный день привязывают одного кондора на спину быка, которого предварительно ранят пиками. Голодная птица раздирает клювом измученное животное, которое к великому удовольствию индейцев в иступлении носится вокруг места зрелища.

В провинции Гуарохирин, на высоком плоскогорье находится такое место, где этих птиц легко можно поймать в большом числе. Там есть ущелье приблизительно в 20 м глубиной. На его край кладут околешего лошака или ламу. Вскоре слетаются кондоры, при раздирании животного они спихивают его в ущелье, куда и сами за ним следуют, чтобы его съесть. Наевшись, они уже не в состоянии вылететь из узкого ущелья. Тогда индейцы, вооруженные длинными палками, спускаются вниз и убивают боязливо кричащих птиц». Чуди, который все это рассказал, прибав-

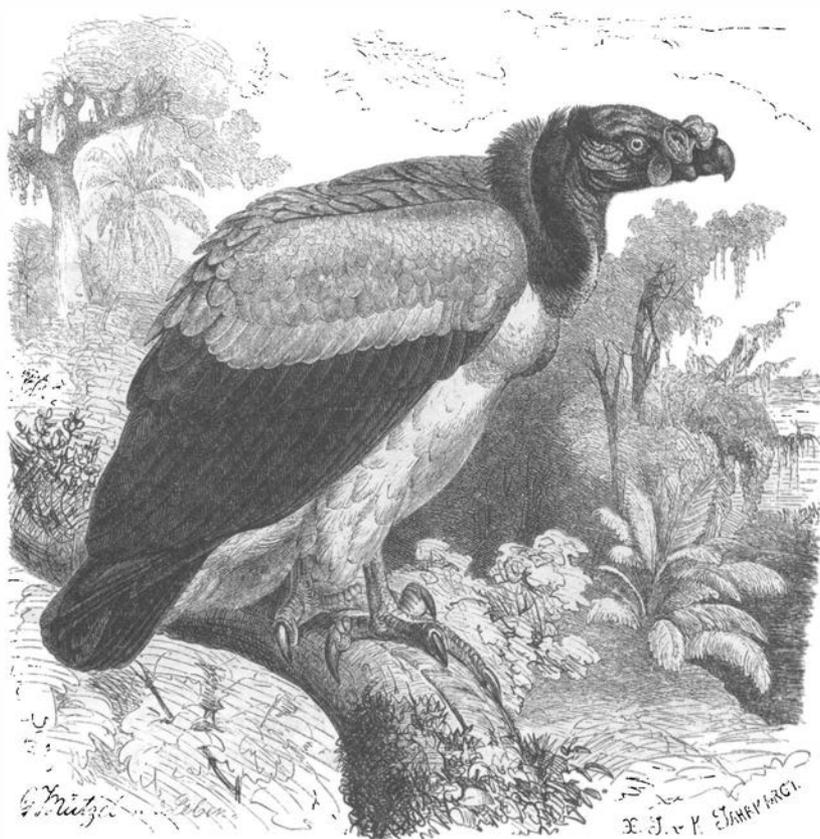
ляет, что он сам принимал участие в такой охоте, при которой были убиты 28 кондоров.

Королевский гриф (*Sarcorhamphus papa*) имеет 84—89 см длины, 1,8 м в размахе крыльев, 52 см в крыле и 23 см в хвосте. Даже у старых вылинявших птиц великолепное оперение. Шейные брыжи серые, передняя часть спины и верхние кроющие перья крыльев — ярко-красновато-белые; брюшко и нижние кроющие перья крыльев — чисто белые; перья крыльев и хвоста совершенно черные; большие маховые перья снаружи имеют серую кайму; темя и передняя часть головы, одетая в короткие, прямые щетинистые перья — красные; кругловатые бородавки, украшающие клюв позади и под глазом, и припухлая складка, идущая к затылку — темно-красные; шея и голова ярко-желтые. Глаза серебристо-белые. Самка превосходит самца ростом. У нее имеется высокий, мохнатый, черноватый гребень; клюв при основании черный, в середине ярко-красный, на конце желтовато-белый; восковица желтая, ноги черно-серые. Птенцы орехово-бурые, на спине темнее, на гузке и на нижней части бедер — белые.

«Как в Перу кондор обратил на себя внимание первых путешественников, — говорит Чуди, — так в Мексике и Южной Америке первое место занимает королевский гриф. Уже Фернандец упоминает о нем. Такое яркое, красивое оперение, не встречающееся ни у одного другого хищника, дает ему право на имя *Rex vulturum* — король грифов».

Королевский гриф распространен от 32 градуса северной широты по всем внутренним странам до Мексики и Техаса и встречался даже во Флориде*. Он появляется в горах только до высоты 1500 м над уровнем моря. Его главное местопребывание составляют девственные леса или долины, поросшие деревьями. Он никогда не живет в степях и горах, лишенных деревьев. По словам Орбиньи, королевский гриф встречается, по крайней мере, наполовину реже, нежели кондор. Ночью они собираются боль-

Семейство
американские
грифы

Королевский гриф
(*Sarcorhamphus papa*)

* В настоящее время королевский гриф не встречается ни в Техасе и северной Мексике, ни во Флориде.

Семейство
американские
грифы

шей частью в стаи на низких ветвях деревьев и, по-видимому, возвращаются каждый вечер к определенным местам отдыха.

С наступлением утра гриф поднимается и летит вдоль леса и его окрестностей, чтобы убедиться, не приготовил ли ему добычу какой-нибудь ягуар. Если ему удалось найти падаль, то он с шумом бросается вниз со значительной высоты, но все-таки сначала садится на небольшом расстоянии и только время от времени бросает взгляд на лакомый кусок. Он всегда осторожен и самым тщательным образом убеждается в безопасности. И только по прошествии четверти часа или получаса дает полную свободу своей жадности. Он иногда настолько наедается, что едва может двигаться. После еды летит к высоко стоящему, предпочтительно сухому дереву и отдыхает на нем в течение нескольких часов.

Обыкновенно королевскому грифу на падаль указывают всюду распространенные более мелкие грифы, которые раньше королевского замечают ее. «Если даже сотни грифов, — говорит Шомбургк, — находятся на падали, они мгновенно удаляются, как только показывается королевский гриф. Они ждут, сидя на ближайших деревьях или на земле с жадными и завистливыми взорами, пока их повелитель не утолит голод и не удалится. Как только он отлетит, то они снова бросаются на оставленную добычу с жадностью, чтобы проглотить остатки, которыми пренебрег королевский гриф. Так как я часто был свидетелем такого рода сцен, то могу уверить, что ни одна другая птица не пользуется таким уважением и уступчивостью со стороны мелких грифов, питающихся падалью. Когда они издали завидят, что королевский гриф приближается к падали, на которой они уже работают, то мгновенно отступают, и, когда королевский гриф уже близко, они делают странные движения головой. Кажется, что они на самом деле его приветствуют; по крайней мере, я объяснял себе таким образом их вытягивания головы и поднимание и опускание крыльев. Когда королевский гриф сядет, то они совершенно смиренно и с голодным желудком наблюдают за его едой».

Азара узнал от индейцев, что королевский гриф гнездится в дуплистых деревьях; принц фон Вид сомневается в верности этого показания, а Чуди его подтверждает; Шомбургк ничего не мог узнать на этот счет, Орбиньи не видел даже и гнезда, но слышал то же самое, что рассказывали Азара; Бурмейстер говорит, что королевский гриф гнездится на высоких деревьях, даже на верхушках старых, сухих, сильных стволов. Два яйца, составляющие кладку, говорят, белые. Вылетевших птенцов можно еще целые месяцы видеть в обществе их родителей.

Вся Америка населена так называемыми индюковыми грифами. Между ними наиболее известен **гриф-индейка** (*Cathartes aura*). Птица имеет относительно короткий, но широкий клюв с восковицей, которая покрывает большие, продолговато-круглые, сквозные носовые отверстия; шея голая в верхней части, хвост

ступенчатый и плюсны относительно короткие. Спереди голова голая, сзади морщинистая. Еще морщины начинаются у ротового угла и проходят через середину темени. Спереди они карминно-красные, сзади голубовато-красные, вокруг глаз бледно-красные. Голая шея красная, оперенная часть шеи, верхняя часть спины и нижняя часть тела — черные, с зеленым металлическим блеском. Каждое перо верхней части имеет более светлую кайму; маховые перья — черные, малые маховые перья украшены широкими, полинялыми, серовато-желтыми краями; рулевые перья несколько темнее, нежели маховые. Радужная оболочка глаз темно-коричневая, клюв желто-роговой, ноги белые. Длина тела 78 см, размах крыльев 164, длина крыла 49, длина хвоста 26 см.

Урубубу (*Coragyps atratus*) отличается более тонким и длинным клювом, восковица которого также далеко выдается вперед, тогда как маленькие, продолговато-круглые и сквозные носовые отверстия лежат близко к основанию клюва, а также более коротким, прямо обрезанным хвостом и относительно высокими ногами.

Этих двух грифов и еще другие сходные виды так часто смешивали между собой, что становится трудным всегда точно определить, к какому виду относятся сведения, сообщаемые путешественниками об их образе жизни. Но все они ведут настолько сходный образ жизни, что, если собрать важнейшие наблюдения над ними, то получится, вероятно, верная картина жизни и деятельности каждого вида в отдельности. Поэтому я не ручаюсь за безусловную верность названий, упоминаемых в нижеследующем описании.

Гриф-индейка распространен по всей Северной, Средней и Южной Америке до Магелланова пролива и от берегов Атлантического океана до Тихого, но не везде встречается одинаково часто. Гриф-урубубу принадлежит скорее Южной Америке, в Соединенных Штатах не встречается севернее Каролины, но считается самой обыкновенной птицей в странах, лежащих вокруг Калифорнийского залива, а также в Средней и Южной Америке.

Гриф-индейка
(*Cathartes aura*)

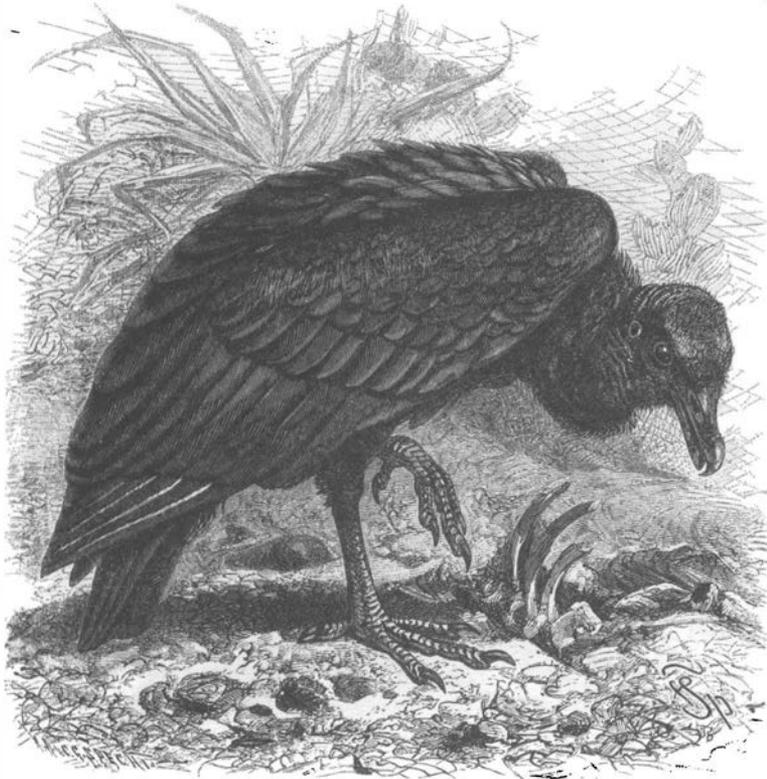
«Европеец, который в первый раз видит берега Перу, удивляется невероятному количеству черных грифов, которых он встречает у берега на всех дорогах, в городах и деревнях, а также нахальству и доверчивости, с которыми они приближаются к человеку». Они, по-видимому, понимают, что их терпят потому, что они заменяют в городах Южной Америки нашу уличную полицию. Чуди уверяет, «что без этих птиц главный город Перу принадлежал бы к самым нездоровым из всех городов этой страны, так как начальство нисколько не заботится об удалении нечистот. Многие тысячи черных грифов живут в Лиме и ее окрестностях и так доверчивы, что на базаре они скачут среди самой густой толпы». То же самое можно сказать относительно всего

юга и даже некоторых мест Северной Америки. К этим птицам относятся не только радушно, но они ограждены от преследования строгими законами.

Их движения похожи на движения грифов Старого Света. «Они ходят, — говорит принц фон Вид, — высоко выпрямивши тело, почему и походят на индейского петуха; отсюда, вероятно, и их название. Они летают легко, не ударяя часто крыльями и как будто плавающая, поднимаются также часто на большую высоту, но обыкновенно не заботятся особенно о добывании пищи, так как она почти всегда находится в изобилии. На покое они сидят с втянутой шеей и нахохленным оперением и тогда не производят благоприятного впечатления».

Их внешние чувства очень развиты, но и у них зрение служит главным средством для отыскивания пищи.

Бурмейстер очень живо описывает один из их пиров. «Большие черные птицы, которые и в Бразилии также очищают дороги от падали, находятся везде. Они слетаются на падаль стаями в 20, 30, 40 штук, выклевают глаза павшему животному и с нетерпением, как это видно по всей их манере, ожидают той минуты, когда под влиянием солнца накопившиеся в теле газы прорвут гнилую кожу живота и таким образом представят их лакомым ртам вонючие внутренности. Происходит страшная давка, когда наступает, наконец, ожидаемое

Урубубу
(*Coragyps atratus*)

мгновение. Каждая схватывает по куску вываливающихся внутренностей. В одну секунду мягкие, полусгнившие кишки раздраны и проглочены. Потом наевшиеся грифы садятся, плотно прижавшись друг к другу, на ближайшее высокое дерево и, не спуская глаз с падали, дожидаются, пока она не загниет и не сделается более мягкой, чтобы иметь возможность продолжать пир. От времени до времени один более жадный гриф, при первом дележе получивший недостаточно большой кусок, слетает на выпотрошенное тело, пробует кое-где продолбить себе дыру, тербит края ран и таким образом помогает общему разложению тела. Если другие замечают, что его предприятие удастся, то они вскоре следуют его примеру, клюют и рвут тело и съедают одну часть за другой, пока на чисто не обглодают костей. В два дня они оканчивают работу, и когда уже ничего не могут получить, то мухи принимают участие в полной очистке костей. Впрочем, грифы бросаются и на свежее мясо, когда в состоянии его разрывать, а также нападают на живых животных и убивают их, несмотря на все опровержения этого факта». «Днем, — говорит Гумбольдт, — черные грифы облетают берега и появляются в индейских стоянках, чтобы украсть что-нибудь съедобное. Но в большинстве случаев им ничего не остается делать, чтобы удовлетворить свой голод, как напасть на твердой земле или в мелкой воде на молодых крокодилов, длиной от 18—20 см. Замечательно хитро эти маленькие животные защищаются некоторое время против грифов. Как только они завидят одного из них, то становятся на задние лапы, поднимают и вытягивают голову и широко открывают пасть. Не останавливаясь, хотя и очень медленно, они поворачиваются к врагу и показывают ему зубы, которые очень длинны и остры у только что вылупившихся крокодилов. Часто случается, что когда молодой крокодил, таким образом, всецело занят одним грифом, другой гриф пользуется удобным случаем для внезапного нападения. Он бросается на крокодила, схватывает его за шею и взлетает с ним очень высоко. Мы это наблюдали много раз по утрам».

Говорят также про этих грифов, что они воруют чужие яйца: уверяют, что они помещают свои гнезда поблизости гнезд некоторых болотных и плавающих птиц только для того, чтобы иметь вблизи их яйца.

Мешать грифам во время еды доставляет особенное удовольствие местным жителям. Шомбургк рассказывает, что офицеры крепости Иоаким забавлялись тем, что стреляли из пушек, заряженных маленькими ружейными пулями, в черных грифов, которые собирались около боен крепости стаями в 300—400 штук. В таких случаях часто 40—50 штук из них оставалось на месте. «Наши индейцы, — продолжает тот же писатель, — часто забавляются во время отдыха тем, что привязывают кусок

**Семейство
американские
грифы**

мяса на крючок удочки и отбрасывают его подальше. Тотчас же самый жадный и проворный из грифов хватает мясо, и тогда индейцы делают из него настоящее пугало. Веселые охотники украшают его чужими перьями, которые они прикрепляют мягким воском, срезают его шейные брыжи, сажают ему на голову коронку и посылают его тогда снова в стадо собратьев, где он своим видом приводит их в ужасное волнение. Вскоре он остается одиноким и покинутым до тех пор, пока ему не удастся сбросить свой наряд». Грифы страдают также от других хищных птиц. Каракары и химанго нападают на них, когда они, наевшись, набьют зоб, и до тех пор мучат их, покуда они не отрыгнут уже съеденное.

Чуди говорит, что черный гриф-урубуб гнездится в феврале и марте на крышах домов, на церквах, на развалинах и разрушившихся высоких стенах. Кладка, по его словам, состоит из трех беловато-бурых яиц. Этот же наблюдатель сообщает, что грифы-индейки выбирают для гнезда песчаные выступы скал на берегах моря или близкие к берегу небольшие острова; они также в феврале и марте кладут 3—4 яйца, которые круглее и светлее яиц черных грифов. Все остальные наблюдатели, за исключением Аббота, показывают, что оба вида кладут только два яйца и всегда на голую землю, или в ущелье скалы, или под почти свалившимся стволом дерева, предоставляющим птенцам некоторую защиту от непогоды; гнезда строятся также, вероятно, в древесных дуплах или даже в норах под корнями. В южных штатах Северной Америки и в Мексике, среди болотистых пространств, грифы-индейки охотнее всего выбирают для гнезда холм, вершины которого вода не может достигнуть в случае наводнения, или же вырывают под кустом неглубокую яму, которая и служит гнездом. Они очень часто гнездятся среди цапель и других болотных птиц. Оба родителя высидывают, говорит Одюбон, попеременно в течение 32 дней*, и при этом одна из птиц кормит другую, изрыгая перед ней находящиеся в зобу куски падали. Птенцы кормятся таким же способом, сначала полусгнившим мясом, размельченным на мелкие кусочки, а позднее более крупными кусками.

Азара нам сообщает, что они могут сделаться необыкновенно ручными и превращаются даже в настоящих домашних животных. Друг этого исследователя имел одного грифа, который мог летать на свободе и провожал своего хозяина, как верная собака, на прогулках или на охоте в поле, даже в более длинных путешествиях; он шел на зов и принимал пищу из рук. Другой гриф сопровождал своего господина в путешествиях, превосходящих 50 английских миль. Всегда держался около экипажей и отдыхал, когда уставал, на их крыше. Но на обратном пути он улетал вперед. И всех извещал о возвращении хозяина.

** В настоящее время однозначно установлено, что кладки урубуб содержат от 1 до 3 голубовато-зеленых с бурыми пестринами яиц, которые птицы насиживают 39-41 день.*

СЕМЕЙСТВО СКОПИНЫЕ (Pandionidae)

Семейство СКОПИНЫЕ

Как по внешнему виду, так и по образу жизни большой интерес представляет скопа (*Pandion haliaetus*). Вот отличительные признаки этой птицы: туловище относительно мало, но довольно коренасто, голова умеренной величины; довольно короткий клюв загибается и образует длинный крючок. Лапы сильные, оперение на них едва доходит до пятки, неоперенная часть их покрыта толстой, но мелкой сетчатой чешуей; сравнительно короткие пальцы вооружены острыми, круглыми, сильно изогнутыми когтями; крайний наружный палец может вращаться вперед и назад. Крылья так длинны, что простираются дальше хвоста, тоже далеко не короткого; третье маховое перо длиннее остальных. Характерно для скопы ее гладко прилегающее, жирное оперение. Голова и затылок желтовато-белые с черно-бурыми продольными полосками; здесь все перья отличаются острыми кончиками. Верхняя сторона туловища бурая; каждое перо имеет более светлую каемку. Хвостовые перья бурые с черными поперечными полосами. Нижняя часть тела окраской резко отличается от верхней — она бывает белой или желтовато-белой. На груди бурые перья образуют пятно или полосу, вроде ошейника, которая иногда выражена ясно, иногда чуть заметна; от глаза к середине шеи спускается темная полоса. Глаза ярко-желтые, восковица и кожа на ногах свинцово-серые, клюв и когти блестящего черного цвета. В длину скопа речная имеет 53—56 см, размах крыльев 156—164, длина крыла 50—92, длина хвоста 15—18 см.

Скопа принадлежит к числу немногих птиц, распространенных решительно по всей земле. В Европе скопа живет и размножается летом повсюду, начиная от Финляндии и севера России вплоть до южных окраин материка; она водится на больших и на некоторых мелких островах, находящихся близ европейского материка. В Азии водится около всех больших озер, как на севере, так и на юге. В Европе, Азии, а также в некоторых частях Африки она живет круглый год. В Северной Америке она не водится

Скопа
(*Pandion haliaetus*)

Семейство скопинные

только там, где пресные воды слишком долгое время остаются под ледяным покровом; далее по направлению к югу встречается решительно повсюду вплоть до южной Бразилии. Наконец в Австралии скопа живет везде, где только существуют подходящие условия. На севере скопа повсюду только летний гость, на юге же, по-видимому, она кочевая птица. Способ добывания пищи определяет весь ее образ жизни: она питается почти исключительно рыбой, только в крайнем случае гадами, и пренебрегает всякой другой добычей.

Птица избирает в качестве постоянного местожительства местности, изобилующие водой, но во время перелета она встречается повсеместно и удостаивает своим вниманием даже самые незначительные пруды. Тотчас после прилета, который имеет место поздней весной, не раньше конца марта, начинается ее летняя жизнь, и она приступает к починке старого или к сооружению нового гнезда, которое с этих пор становится ее постоянным жилищем. Она строит гнездо только на самых высоких деревьях и притом обыкновенно выбирает те из них, с которых открывается вид на воду или, по крайней мере, на поле, лесную поляну или какой-нибудь луг. Соответственно этому гнездо всегда находится на значительной высоте над землей, до 15-20 м, и притом непременно на верхушке дерева, а не на больших боковых сучьях. Речная скопа сама строит свое жилище, а материал для него большей частью достает из воды; уже благодаря одному этому обстоятельству гнездо ее легко отличить от гнезд всех других орлов. Для постройки основания гнезда она употребляет толстые, слегка подгнившие ветви, имеющие 3—4 см в поперечнике; верхняя часть строится из более тонких прутьев, внутри гнездо не особенно глубоко, выстлано осокой, соломой, мхом и лишаями. Толстые ветви скопа вылавливает из воды; мох она срывает большими кусками с деревьев. Гнездо скопы легко узнать еще издали по следующим двум признакам: оно помещается на самой вершине высоких деревьев, и нижняя поверхность его бывает очень слабо закруглена. Диаметр углубления гнезда имеет приблизительно один метр, высота же колеблется между одним и двумя с половиной метрами, смотря по тому, сколько лет оно служит. Это зависит от того, что скопы каждый год приносят для гнезда новые строительные материалы и таким образом с течением времени постройки их принимают огромные размеры.

Смотря по погоде, самка начинает нести яйца то раньше, то позже, обыкновенно между 24 и 30 апреля; она кладет по яйцу через день. Кладка состоит из трех, редко из четырех, а иногда только из двух продолговатых яиц, с твердой и почти матовой скорлупой. В длину они имеют 59—70 мм, а наибольший поперечник 44—52 мм. Окраска и рисунки, образуемые на них пятнами, так же изменчивы, как и размеры. Высиживание, начинающееся тотчас же после того, как самкой положено первое яйцо, про-

должается 22—26 дней; в нем, по-видимому, принимают участие обе птицы; обыкновенно вылупливается только два птенца. Они отличаются прожорливостью, которая, впрочем, удовлетворяется настолько обильно, что все гнездо бывает завалено только наполовину съеденными свежими рыбами, причем обыкновенно объедена только передняя их половина. Земля под деревом бывает также сплошь усеяна гниющей рыбой, если только пара коршунов, воспользовавшись счастливым случаем, не догадается свить поблизости гнездо и не станет кормить своих птенцов главным образом объедками со стола своего богатого родича. Птенцы могут летать не ранее как через 8, а иногда даже только через 10 недель. Тогда они покидают гнездо, следуя за своими родителями, под руководством которых они учатся искусству рыбной ловли, а в сентябре, или октябре, или самое позднее в ноябре они предпринимают путешествие в более южные страны.

Если буря разрушит гнездо или если срубят дерево, на котором оно свито, то скопа нередко совсем покидает тот лес, в котором она жила. Если вблизи высокоствольного леса находится большой, изобилующий рыбой, водный бассейн, то иногда две пары скоп поселяются в довольно близком соседстве друг от друга. Но обыкновенно каждая пара избирает особый обширный район, по возможности находящийся не у самого морского берега.

Дневные занятия у скопы распределены. Обе птицы вылетают довольно поздно из гнезда на рыбную ловлю к озеру или реке, которые часто находятся очень далеко, причем всегда с замечательной точностью придерживаются одного определенного пути. Длинные крылья позволяют птице легко пролетать большие расстояния. Сначала она парит на большой высоте, а потом опускается ближе к поверхности воды и начинает ловлю. Скопа не летает над водой, пока не исчезнет туман, мешающий ей издали увидеть добычу, так что наблюдать за ее охотой можно не ранним утром, а ближе к полудню. Прилетая, скопа описывает в воздухе круги и внимательно озирается, чтобы убедиться в безопасности; затем спускается к воде и начинает носиться взад и вперед на высоте 20 м над ее поверхностью. Временами она приостанавливается и висит в воздухе на одном месте, трепеща крыльями, чтобы внимательнее следить за замеченной ею рыбой. И тогда, протянув далеко вперед лапы, чрезвычайно ловко и быстро опускается на воду под углом к поверхности, и исчезает под волнами. Но вскоре снова выплывает и несколькими сильными взмахами крыльев поднимается над поверхностью воды, стряхивает с себя прилипшие капли. Затем, каков бы ни был результат ловли, она обыкновенно улетает в другое место, если охотилась на пруде или маленьком озере. Благодаря этому своеобразному способу охоты речная скопа часто делает промахи, но она от этого вовсе не терпит недостатка в пище, так как даже частые неудачи нисколько не смущают ее. Если ей удастся пой-

мать рыбу, то она запускает обе свои лапы в ее спину с такой силой, что бывает не в состоянии сразу вытащить когти; поэтому башкиры дали ей характерное название — «железный коготь».

Нередко скопа рискует жизнью и даже погибает, так как чересчур крупная рыба может утащить ее с собой вглубь и утопить. Рассматривая пойманных скопой рыб, заметили, что она всегда вонзает два пальца в один бок и два пальца в другой бок добычи. Схваченную рыбу, если она не окажется слишком тяжелой, скопа уносит далеко, обыкновенно в лес, чтобы съесть ее на свободе, а очень тяжелых рыб она дотаскивает, по крайней мере, до берега, хотя иногда это и бывает ей настолько трудно, что временами она летит, касаясь поверхности воды.

Только в крайности скопа решается охотиться и за чем-нибудь другим, кроме рыбы. Так, мой приятель Либе сообщил мне, что она ловит лягушек в прудах, если, вследствие частых преследований, боится показываться близ соседних рек или озер, изобилующих рыбой.

Речные скопы относятся друг к другу чрезвычайно миролюбиво. На других птиц они не обращают ни малейшего внимания и бывают только довольны, если и те со своей стороны не причиняют им никакого беспокойства. Маленьким птицам речная скопа охотно позволяет поселяться в своем просторном гнезде, и эти ее сожители со своей стороны настолько уверены в ее добродушии, что решаются строить здесь свои гнезда, которые, конечно, не уцелели бы, если бы такой сильной хищной птице, как скопа, захотелось прогнать непрошенных гостей.

У нас в Европе маленькие птицы только в исключительных случаях поселяются в гнезде скоп, но уже на островах Красного моря это случается гораздо чаще; особенно охотно гнездится на больших постройках один вид сорокопутов. В Америке трупиялы, а особенно пурпуровые мейны постоянно вьют свои легкие качающиеся гнезда, имеющие вид кошелечков, на нижней части гнезда скопы, которые, именно благодаря этому, легко бывает узнать еще издали. Вильсон нашел на одном гнезде не менее четырех таких висячих построек.

Скопа никогда не нападает на других представителей царства пернатых; это еще более подтверждается поведением водяных птиц. Все они отлично знают речную скопу и нисколько не боятся, а смотрят на нее как на равную и поэтому совершенно спокойно относятся к ее соседству. Там, где водятся орланы, речной скопе часто приходится работать на них; особенно белоголовый орлан постоянно воюет с ней. Как только она поймает рыбу, орлан бросается на нее и мучает до тех пор, пока она не уступит ему свою добычу. Коршуны, большие черные вороны, серые и черные вороны также нередко отнимают пойманных ею рыб. Наконец, в самых больших и старых гнездах речных скоп часто посе-

ляется куница, которая, вероятно, иногда поедает также и яйца этих птиц.

Эта птица даже в больших зоологических садах представляет в известном смысле редкость. Я пробовал воспитывать скоп как старых, так и вынутых из гнезда еще молодыми, но они не доставили мне никакого удовольствия. Старые никогда не привыкают к неволе, целыми днями сидят на одном месте; если кто-нибудь войдет к ним в клетку, то они совершенно теряют присутствие духа и выказывают только величайший страх. Они несколько не привыкают к сторожу, заметно чахнут, худеют все больше, и больше, и в один прекрасный день их находят в клетке мертвыми, причем невозможно бывает определить причину их смерти. Взятые из гнезда молодыми, скопы также плохо переносят неволю, с трудом приучаются есть корм и рано или поздно умирают даже при самом лучшем уходе.

Семейство ястребиные

СЕМЕЙСТВО ЯСТРЕБИНЫЕ (Acciptridae)

Птицы, принадлежащие к этому семейству, характеризуются совершенно оперенными плюснами, достигающими длины среднего пальца, кругловатыми или яйцевидными, почти вертикально расположенными в восковице ноздрями и хвостом, равным половине длины крыла. Они распространены по всем частям света, за исключением Южной Америки.

Самый крупный и самый сильный из семейства ястребиных — **беркут** (*Aquila chrysaetus*). Это наиболее крепко сложенная птица из всех ближайших родичей, ловчая птица среднеазиатских кочевых наездников, герой различных сказаний, оригинал для гербов, эмблема силы и могущества. Длина беркута достигает 80—95 см, размах его крыльев 2 м и более, длина крыльев 58—64 см, хвоста 31—36 см. Первые измерения соответствуют величине самцов, вторые — более крупных самок. У старой птицы затылок, исключая заднюю часть шеи, ржаво-буро-желтый, все остальное оперение белое, на конце весьма равномерного темно-бурого цвета; хвост белый, покрыт черными пятнами или перевязями, на конце черный. Штаны бурые, нижние кроющие перья хвоста белые. В молодом оперении, которое повсюду светлее, светло-бурый цвет распространен до темени и боков шеи; крылья снабжены большим белым зеркалом; хвост серо-белый; штаны очень светлые, часто тоже белые. Вышесказанное относится к наиболее часто встречающейся окраске, и необходимо добавить, что оперение этих орлов необыкновенно склонно к вариациям в цвете.

Беркут живет в высоких горных поясах и чрезвычайно обширных лесах Европы и Азии, но при случае, по Гейглину, долетает до северо-восточной Африки. Этот орел распространен по южной Европе, северной Африке, Скандинавии, по всей России,

**В Бельгии беркут
сейчас не встречается,
но в Великобритании
гнездится в горах
Шотландии.*

***На самом деле
беркуты достигают
половозрелости в
возрасте 4 лет.*

где она покрыта лесами или скалами, от Урала до Китая и от лесного пояса Сибири до Гималайских гор, по Малой Азии, северной Персии. В западной Европе, во Франции и Бельгии он встречается гораздо реже, чем на востоке и юге; в Великобритании появляется лишь как кочевая птица*; в Швейцарии он, правда, не совсем редок, однако и не часто встречается. На юге России представляет собою обычное, а в горах Средней Азии ежедневное явление.

Не избегая крупных лесов, этот орел предпочитает селиться все-таки в высоких горах, охотнее всего на недоступных скалах. Раз избранной местности орлиная чета придерживается особенно настойчиво. Даже зимой не покидает ее, если находит достаточно дичи, за это время аккуратно посещает свое гнездо, словно желая заявить на него свои права. Одни только молодые орлы совершают перелеты или кочевки; они-то главным образом и попадают под выстрелы. Для достижения зрелости, в полном смысле этого слова, орлу нужно много, может быть, 6 – 10 лет и больше**. До этого времени он летает по всему белому свету, пролетая, быть может, гораздо большие расстояния, чем мы думаем. Оседлым беркут становится лишь тогда, когда он спарится и задумает устроить собственное гнездо. Но и тогда район его жительства еще очень обширен, что вызвано значительными требованиями к пище этой птицы.

Беркуты, сообщая промышляя добычу, сообщая и съедают ее. Однако трапеза отнюдь не всегда проходит мирно. Лакомый кусочек способен породить ссору между самыми нежными супругами. Охота продолжается приблизительно до полудня; после этого хищники возвращаются к гнезду и выбирают себе укромный уголок для отдыха. Обыкновенно это случается тогда, когда лов был удачен. Беркут сидит тогда долгое время на одном месте с набитым зобом и растрепанным оперением, предаваясь отдыху и пищеварению, обращая, однако, внимание на свою безопасность. Отдохнув, беркут обыкновенно летит на водопой. Утверждают, что для него достаточно уже крови убитой им жертвы, однако каждый пленный орел доказывает противоположное. Он пьет много и, кроме того, нуждается в воде для купанья. При теплой погоде редкий день проходит, чтобы он не делал этого. Утолив жажду и вычистившись, беркут еще раз вылетает на добычу. К вечеру он обыкновенно забавляется, играя в воздухе; с наступлением сумерек осторожно, без малейшего крика, прилетает на место ночлега, которое выбирается птицами всегда с чрезвычайной осторожностью. Такова, в коротких словах, ежедневная жизнь этой птицы.

Только сидя и на лету беркут красив и величествен, походка же его беспомощна и неловка до смешного. Чтобы взлететь с ровной поверхности земли, он, ковыляя, сначала делает пробежку, потом медленно и мощно взмахивает крыльями. Достигнув из-

вестной высоты, парит часто целых четверть часа, не делая крыльями ни одного взмаха. На лету, подобно грифам, он распластывает свои крылья настолько, что концы отдельных маховых перьев уже не соприкасаются между собой, тогда как хвостовые перья всегда прикрывают друг друга.

Вид летящего беркута, благодаря ровно срезанному хвосту, представляет собою нечто столь своеобразное, что его никогда нельзя смешать с грифом. Кружащийся в далекой выси хищник, увидев добычу, сначала опускается по спиральной линии, чтобы лучше нацелиться; затем вдруг складывает свои крылья и со свистом стремглав несется на землю в косом направлении, выставив вперед когти прямо на намеченную добычу, и бьет ее обеими лапами. Если добыча не тяжела, он сейчас же вонзает в нее свои когти; если же последняя может нанести ему какой-либо вред, он никогда не забывает нанести ей удар лапой по голове, чтобы одновременно и ослепить, и обезоружить. Мой отец часто видел приемы охоты беркутов, которые и изложил в превосходном описании; поэтому я приведу это описание, хотя только в виде выдержек. «При схватывании добычи, — говорит отец, — он так сильно бьет когтями, что слышен звук удара и видно, как мощно сжимаются пальцы. Обыкновенно он схватывает так, что пальцы одной лапы вонзаются в голову... Когти другой ноги глубоко впились в грудь жертвы. Чтобы держаться в равновесии, беркут широко раскрыл крылья и вместе с хвостом пользовался ими как подпоркой. При этом глаза налились кровью и казались больше обыкновенного, все перья на теле прилегли плотно, клюв раскрыт, язык высунут. В нем была заметна не только чрезвычайная ярость, но и необычное напряжение силы. Жертвы очень скоро расстаются с жизнью под могучими когтями хищника, так как они не способны оказывать ему сопротивление».

Однако он нападает даже на острозубых лисиц. «Горе бедной кумушке Патрикеевне, — совершенно правильно рассказывает Гиртаннер, — у которой не удалась ночная охота и которая, желая промыслить что-нибудь на обед, крадется к беззаботно играющему выводку каменных куропаток, тогда как за ней уже следит крутящаяся пара орлов! Горе, если, увлекшись охотой, лиса слишком сосредоточила свое внимание на намеченной добыче! Быстро прижав крылья к телу, с широко раскрытыми когтями, царь птиц стрелой и со свистом летит на нее. В то же мгновение он бьет неосторожную плутовку в оскаленную мордочку и таким образом делает безвредными ее острые зубы. Другой лапой он вцепляется в тело своей жертвы, насаждает на нее всей силой, удерживаясь при этом в равновесии взмахами крыльев, и затем жестоко начинает разрывать свою жертву, прежде чем она расстанется с жизнью».

Сознание собственной силы увлекает беркута иногда до того, что он решается даже нападать на властителя земли. То, что он

**Никакой беркут не
в состоянии поднять
и унести маленького
ребенка.*

налетал на маленьких детей и, если мог, уносил их с собой, вовсе не принадлежит к числу басен*; известны даже факты, что он бросался на взрослых людей, не будучи вынужден к тому оборонной или защитой своего гнезда. По этому поводу Нордман рассказывает одну забавную историю. «Голодная и безумно смелая птица кинулась в середине села на большую пасшуюся свинью, громкие крики которой привлекли внимание поселян. Прибежавший крестьянин прогнал орла, который с большой неохотой оставил свою тяжелую добычу и, слетев с жирной спины свиньи, бросился на кота и с этой ношей уселся на заборе. Раненая свинья и окровавленный кот начали ужасный концерт. Крестьянину теперь хотелось освободить и кота, но он не решался подойти без всякого оружия к свирепой птице, почему и поспешил домой за заряженным ружьем. Но орел бросил кота, налетел на крестьянина и вцепился в него когтями; дуэт тогда превратился в трио: попавшийся врасплох крестьянин, жирная свинья и старый кот кричали вместе о помощи. Прибежали другие крестьяне, схватили орла руками и отнесли связанного злодея к одному моему приятелю».

Слишком долго перечислять здесь всех животных, за которыми орел охотится. Среди европейских птиц от него не страдают лишь хищные, ласточки и быстрокрылые певчие птицы, а из млекопитающих, не считая крупных хищников, только большие парно- и непарнокопытные. То, что он не отказывается от мелких животных, считается точно установленным на основании долговременных наблюдений. «Упомянутое Плинием сказание, — замечает граф фон Мюле, — что Эсхил был убит черепахой, брошенной орлом на его плешивую голову, отнюдь не лишено достоверности. Очень часто случается, что беркут схватывает какую-нибудь наземную черепаху, поднимается с ней на воздух, роняет ее на скалу и повторяет это до тех пор, пока не расколотит ее, после чего он усаживается возле нее и принимается за еду».

Многие животные, которые находят защиту от орла, прячась от него, делают все-таки его добычей, так как он охотится за ними так долго, что, утомленные, они предаются в его власть. Так, он до тех пор наводит ужас на водоплавающих птиц, ищущих спасения от него в нырянии, пока те от усталости более нырять не могут; тогда орел и хватает их без затруднения. Он не отказывается попользоваться и на чужой счет, допускает вместо себя поработать других хищников, например сапсанов, и заставляет их только что захваченную ими добычу отдать ему. Иногда даже он уносит убитую охотником дичь на глазах у него.

Пойманную, убитую или, по крайней мере, полузадушенную добычу орел, перед тем как есть, сначала поверхностно ощипывает; окончив это, он ест ее с головы. У более крупных птиц он оставляет только клюв. После головы съедает шею, затем уже остальное тело. Кишки не трогает, все же остальное, что только

может разгрызть, съедает и переваривает. Так как он, подобно ястребам и благородным соколам, глотает только маленькие куски, то, чтобы съесть половину вороны, тратит около 20 минут. Ест он с большою осторожностью, время от времени озирается и прислушивается. При малейшем шуме сосредоточивается, долго всматривается в то место, откуда донесся шум, и только тогда принимается за еду вновь, когда все успокоится. После еды очень тщательно вычищает клюв. Волосы и шерсть, кажется, для него необходимы: они, по-видимому, нужны ему для прочищения желудка. После полного переваривания пищи шерсть сбивается в клубки, которые орел и отрыгивает в виде погадок, обыкновенно каждые 5—8 дней. Если не давать ему перьев и волос, он проглатывает сено и солому. Кости, охотно глетаемые им, совершенно перевариваются в его желудке.

Беркут начинает гнездиться рано, обыкновенно уже в середине или конце марта. Гнездо вьет в горах преимущественно в больших, сверху прикрытых нишах или на широких карнизах утесов; в обширных лесах он устраивает гнездо на верхушечных ветвях высочайших деревьев. Гнездо, устроенное на дереве, обыкновенно состоит из массивного фундамента из крепких сучьев, которые орел или подбирает с земли или срывает с деревьев, налетая с большой высоты прямо на сухие сучья и в то же мгновение схватывая их лапами. Более тонкие ветви служат наружной обкладкой, прутья и мох — внутренней подстилкой плоского гнездового ложа. Такое гнездо имеет в поперечнике 1,30—2 м с гнездовым ложем в 70—80 см, однако с годами, употребляемое в дело долгое время, оно растет если не в объеме, то в высоту, и поэтому представляет собой поистине массивную постройку. При устройстве гнезда в нише утеса орел меньше заботится о солидности основания. Правда, он и сюда обыкновенно натаскивает большие сучки для складывания из них нижней опоры, после чего продолжает верхнюю постройку вышеописанным же образом; при случае, впрочем, довольствуется более мелкими прутьями.

Яйца беркута сравнительно невелики, круглые, окружены грубой скорлупой и имеют беловатый или серовато-зеленый основной фон, неравномерно покрытый более крупными и более мелкими сероватыми и буроватыми пятнами и точками, часто сливающимися между собой. В гнезде находят 2—3 яйца, но редко более двух птенцов, часто же только одного. Самка насиживает яйца приблизительно пять недель. Вылупившиеся из яиц птенцы, появляющиеся на свет обыкновенно уже в первых днях мая, бывают покрыты, как и у других хищных птиц, густым серовато-белым шерстистым пухом. Они растут довольно медленно и получают способность летать или немного ранее середины июля, или большею частью в конце этого месяца. Вначале они почти неподвижно сидят на своих плюснах, и о жизни их свидетельствует только изредка ворочающиеся головы. Позднее

Семейство ястребиные

они временами приподнимаются, возятся много в своем оперении, так как вырастающие перья производят неприятный зуд, время от времени расправляют как бы обрубленные крылья и, двигая ими, делают некоторый намек на попытки летать. Наконец приподнимаются на пальцах, подбегают и отбегают от края гнезда, с любопытством смотрят в неизмеримую глубину или на виднеющихся в голубой выси родителей, пока не научатся вылетать из гнезда и прилетать к нему обратно. Оба родителя обращаются с птенцами с чрезвычайной нежностью. И в особенности орлица тщательно заботится об удовлетворении всех их нужд. Пока они еще малы, она почти не оставляет гнезда, садится на них, чтобы согреть. Вместе с самцом орлица натаскивает обильную добычу, чтобы птенцы не терпели в ней никакого недостатка. В самом раннем возрасте птенцы получают корм, предварительно размяченный в зобу матери; впоследствии она разрывает для них пойманную добычу. Наконец оба родителя начинают носить в гнездо цельную добычу и предоставляют птенцам есть, как они желают, чтобы постепенно приучить их к самостоятельности.

Пока детки маленькие, родители не улетают далеко от гнезда, по крайней мере, самки; напротив, позднее, в зависимости от успешного подрастания птенцов, они улетают на более долгое время и на более отдаленное расстояние; и, наконец, если они достаточно запасли пищи для своих птенцов, то часто пропадают на целый день. Насколько велико число жертв, нужных для поддержания жизни двух молодых орлят, видно из одного сообщения Бехштейна, по словам которого, около одного орлиного гнезда найдены были остатки 40 зайцев и 300 уток. Быть может цифры эти и преувеличены, но все же орлиная чета довольно-таки пагубно распоряжается среди окрестных животных, причем нужно понимать слово «окрестность» в обширном значении его; так, наблюдались случаи, когда орел таскал цапель из-за 20—30 километров. В одном гнезде, к которому 2 июля 1877 года был спущен на веревке охотник Рагг, лежали: еще не загнившая, на три четверти съеденная молодая серна, остатки одной лисы, сурка и не менее пяти зайцев.

Охота на орлов в большинстве случаев возможна только для хорошего ходока по горам и искусного стрелка. В большинстве же случаев орлы даже в ранней молодости, еще издали выказывают необыкновенную осторожность и пугливость. С возрастом недоверчивость орла настолько же увеличивается, насколько развивается в нем понятливость. Он также отличает безвредного человека от охотника, например, без всяких опасений занимается своим грабежом вблизи пастухов, но уже издали летит прочь от вооруженного человека, обыкновенно же относится недоверчиво ко всякому непривычному явлению, почему чаще всего вовремя удаляется от всякой угрожающей ему опасности.

Воспитанные смолоду орлы вскоре становятся ручными и доверчивыми; они так привыкают к хозяину, что скучают по нему, если его нет долгое время, встречают радостными криками, когда он возвращается, и никогда не делают ему вреда. Доверять им, однако, следует так же мало, как и другим хищным птицам. Особенно нужно остерегаться держать в узком помещении и без строгого призора нескольких орлят. У них еще не развито достаточно сообразительности, и они просто по одному только непониманию нападают друг на друга. Один из них после долгой битвы берет верх над другим и начинает совершенно невозмутимо есть побежденного. У старых птиц можно меньше опасаться таких инцидентов и, если помещение их достаточно обширно, к ним можно посадить и более мелких хищных птиц, ловкость которых спасала бы их в случае чего от хищнических наклонностей орлов.

В пище беркуты мало требовательны. Всякое мясо им по вкусу, а шерсть и перья, по крайней мере, не принадлежат к их необходимым потребностям. При всяких условиях жизни они требуют много чистой воды для питья вволю и еще, скорее, для купанья. Орлы очень чистоплотны, не терпят никакой грязи ни на своем оперении, ни на клюве, почему беспрестанно чистятся. При относительно удовлетворительном уходе они выживают в неволе много лет. «В Императорском дворце в Вене, — рассказывает Фитцингер, — по старому обычаю правителей дома Габсбургов несколько столетий подряд содержались в неволе живые орлы, пользовавшиеся самым заботливым уходом. Один прожил там с 1615 по 1719 год*. В Шенбрунне в 1809 году околел один орел того же вида, который провел в неволе почти полных 80 лет».

Паллас, а после него Эверсман первые сообщили нам, что башкиры и другие центральноазиатские народы употребляют беркутов для охоты. Во время нашего путешествия по Сибири и Туркестану я сам видел этих огромных ловчих птиц, а от киргизов, которые отдавали этим птицам особое предпочтение, узнал все нижеследующее о приемах этой охоты и дрессировки орлов. Все киргизские охотники, пользующиеся беркутами как ловчими птицами, вынимают их из гнезд возможно более юными и воспитывают с большою заботливостью. Молодой орел кормится на руке и из рук сокольничего, чтобы птица привыкла к нему с раннего детства; позднее, когда орленок еще совершенно не оперится, после каждой еды на голову ему заботливо надевают колпак. Какую-либо особенную дрессировку киргиз не считает нужной и скорее довольствуется приучением птицы к руке и призыву; наследственная привычка дополняет недостающее. Когда орел научится хорошо летать, охотник выезжает с ним в степь, чтобы его сначала натравливать на слабую дичь, именно на байбаков и сусликов. Тяжелая птица, сидящая на руке, одетой в толстую перчатку, скоро утомляет охотника, и он кладет руку на луку седла

**По всей вероятности, это исключительный случай или какая-то ошибка. Обычно орлы живут в неволе вполонину меньше, порядка 40-60 лет.*

Семейство ястребиные

или на особую подставку, упирающуюся в стремя. Благодаря искусству киргизов пробираться верхом по самым плохим дорогам, верховой сокольник всегда на какое-нибудь возвышенное место, откуда открывается большой кругозор. Так он, завидев подходящую дичь, снимает с головы птицы колпак и бросает ее в воздух. Вначале орел выказывает себя довольно неловким, но вскоре приобретает необходимую ловкость, чтобы настичь степного сурка прежде, чем тот достигнет своего жилища. Когда птица поймет свое назначение, ее начинают натравливать на лисиц. Последних охотники вспугивают из их нор, преследуют на лошади и стараются гнать так, чтобы они прошли поблизости от сокольника, который в нужный момент и бросает им вслед ловчую птицу. Орел поднимается, описывает сначала один или два круга, затем по косому направлению несется на лису и вонзает свои когти в заднюю часть ее тела. Лиса сейчас же изворачивается, чтобы нанести противнику смертельный укус; однако беркут ловит момент и схватывает лису за морду, стараясь по возможности вонзить когти в глаза. Лиса и тут старается спасти свою шкуру и препятствует второму или третьему нападению орла, внезапно бросаясь вместе с орлом на землю и поворачиваясь на спину. Но в ту минуту, когда лиса хочет перевернуться, орел разжимает свои лапы, поднимается на воздух и снова как грозная туча несется над бедной плутовкой, готовый еще раз вонзить свои ужасные когти в голову животного. Такие нападения, сменяемые угрожающим полетом, утомляют лису скорее, чем можно было бы ожидать, и она, наконец, почти не оказывает сопротивления державшей ее птице. В это время подъезжают ободряющие орла ликующим гиканьем охотники и прекращают страдания лисы ловким ударом палицы.

Когда орел достаточно ознакомится с травлей лисиц, сокольник начинает травить его на волков, которые, как и лисицы, предварительно выгоняются на чистое поле. Не всякий орел решается нападать на этого несравненно сильнейшего хищника, но ловчая птица, хорошо натасканная на лисиц, исполняет это отлично, хотя всегда с большою осторожностью; при этом орел поступает таким же образом, как при вышеописанной травле лисицы. Причинить серьезные повреждения, как это часто бывает с лисицами, волку орел не в состоянии; но едущие вслед охотники во время подобной охоты более чем когда-либо стараются подоспеть к птице вовремя, почему волка, схваченного орлом, обыкновенно можно считать погибшим.

Орла, который бьет страшного волка и без дальнейшей подготовки травит другую дичь, киргиз не продаст ни за какие деньги; ловчая птица, удовлетворяющая более скромным требованиям, в глазах такого охотника стоит двух — трех кобылиц. Одновременно с двумя орлами охотиться нельзя, так как они возбуж-

даются соревнованием, бросаются друг на друга и бьются не на живот, а на смерть.

Гораздо обыкновеннее применяется в дело орлиное оперение, нежели живой орел. Среди тирольцев и верхнебаварцев некоторые части орлиного оперения употребляются как дорогое украшение. Выше всего ценится так называемый орлиный пух — нижние кроющие перья хвоста, за которые охотно платят 4—10 марок; после него особенно ценятся когти. Очень часто носят на серебряных часовых цепочках клыки благородного оленя, клыки лисицы, когти ястреба или филина, но высшее украшение для такой цепочки — орлиные когти. Особенное предпочтение отдается заднему когтю, меньше ценится передний коготь, наконец, дешевле всего слабый коготь самого маленького пальца. У китайцев голова и лапы беркутов служат врачевными амулетами, а маховые перья употребляются на веера и на оперение стрел. У бурят также высоко ценятся маховые и рулевые перья орлов, а монголы приносят их в жертву богам.

Весьма интересно, что среди индейцев Америки господствует то же воззрение. «Они охотно вынимают из гнезд, — говорит принц фон Вид, — взрослого орленка, которого выращивают, а потом пользуются его хвостовыми перьями, которые у них весьма высоко ценятся: одно перо продается за целый доллар. У всех индейских племен Северной Америки перья служат знаками их геройских подвигов, и у большинства такое перо означает одного убитого врага. Орлиное перо, выкрашенное киноварью в красный цвет и с укрепленными на его конце погремушками гремучей змеи, имеет в глазах индейцев большое значение, а именно: оно обозначает в высшей степени заслуженный подвиг в деле конокрадства. Далее индейцы украшают орлиными перьями свои перистые шапки, прикрепляя перья перпендикулярно в ряд на красную суконную тесьму; на верху же устраивается шапочка из мелких перьев. Когда такая шапка надета, красные тесьмы с гребневидными, перпендикулярно стоящими орлиными перьями ниспадают на спине до земли. Индейцы-манданы зовут это украшение, надеваемое в большие праздники, «махеси-акуб-нашка», причем его могут носить только отличившиеся бойцы; такое украшение к тому же и дорого, и обладатель его поменяется им только на лошадь. Я должен только заметить здесь, что на большинстве идеализированных картин художника Котлина, изображающих охоту на бизонов, индейцы нарисованы с подобными украшениями. Это совершенно неверно. Индеец, как на охоту, так и на войну, идет без всякого украшения; только талисман свой он никогда не забывает. Большие перистые гребни носят, правда, известными предводителями в большом сражении или во время битвы, причем только в редких случаях, на охоте же никогда. Точно так же индейцы прикрепляют часто орлиные перья к своему оружию или же носят их в волосах; крылья же служат им веерами»:

Семейство ястребиные

Другой крупный орел – **могильник** (*Aquila heliaca*) значительно менее беркута: длина его достигает только 80—86 см, размах крыльев 1,9—2,2 м, длина крыла 60—63, хвоста 27—29 см; таким образом, самка этого вида не вполне достигает размеров самца беркута.

Область распространения могильника очень обширна, она простирается от Венгрии до Китая. Этого орла правильнее назвать степной птицей, хотя он не избегает лесов на равнинах и в невысоких горах. Как в Европе, так и в Азии, он с наступлением зимы оставляет свое местопребывание, как и другие перелетные птицы, и снова появляется лишь тогда, когда земля освободится от снега, редко ранее последних чисел марта.

Область, в которой могильник живет во время вывода птенцов, может быть гораздо разнообразнее, чем у беркута. В степи, по моим наблюдениям, он селится, главным образом, в местах распространения сусликов, по крайней мере, во время нашего последнего путешествия по Сибири я всегда находил эту гордую птицу в большом числе лишь там, где было много сусликов. Поведение его совершенно отличается от поведения беркута в том отношении, что там, где он может рассчитывать на равнодушие жителей страны, а, быть может, видит и защиту с их стороны, он гнездится в непосредственной близости селений и даже в самих селениях.

Некоторые орнитологи утверждают, что могильник по благородству, мужеству и хищности заметно уступает беркуту; однако это воззрение может быть справедливо лишь отчасти. Принимая во внимание менее значительные размеры могильника, можно сказать, что он ведет себя более или менее сходно с беркутом. В посадке и в полете я не мог найти значительных различий между ним и его более крупным родичем. Совершенно верно, что он чаще охотится за более мелкой дичью, чем беркут, и я считаю вероятным, что в степях, где обыкновенный суслик доставляет ему столь обильную и удобную пищу, он редко нападает на животных, могущих защищаться, а может быть и никогда не нападает на них; но я вполне убежден, что, побуждаемый голодом, он станет действовать так же храбро, как и любой другой представитель того же семейства. Как показывают различные наблюдения, могильник охотится за всякой дичью, соразмерной его величине, которую он рассчитывает догнать и одолеть, от зайца или байбака до мыши и от полувзрослого павлина до воробья.

Большое гнездо могильника, похожее в главных чертах на гнездо беркута, устраивается на деревьях всюду, где они есть, безразлично, какой бы высоты они ни были, в степи, напротив, на земле, а в горах в нишах или на карнизе крутой скалы.

Вероятно, каждая пара могильников ежегодно выводит птенцов в одном и том же гнезде, по крайней мере, пока ее не тревожить. Замечают, что пара занимает гнездо тотчас по возвращении весной и храбро защищает его против всех птиц, которые хотят

завладеть им или лишь приближаются к нему. В течение всего времени вывода птенцов самец, по словам Фармана, постоянно на страже, то делая красивые круги над гнездом, то сидя поблизости от него на соседнем дереве; он слетает при малейшем намеке на опасность и предостерегает самку грубым, каркающим криком, после чего последняя оставляет гнездо и начинает описывать круги вместе с самцом. Если приближается другой могильник или вообще хищная птица, то самец тотчас загораживает дорогу и бьет с ним не на жизнь, а на смерть.

Внимание Фармана было однажды привлечено громким карканьем и хриплым криком двух птиц этого вида, между которыми происходил один из таких серьезных поединков на высоте около 100 м над землей. Битва продолжалась, по крайней мере, минут 20. Она началась с того, что оба бойца описывали на известном расстоянии круги один вокруг другого; затем то один, то другой переходил к нападению, причем со всех сил бросался на противника. Тот очень ловко уклонялся от удара и нападал в свою очередь. Битва продолжалась, та-

ким образом, долгое время. Затем орлы разлетелись на некоторое расстояние, один вдруг обернулся и снова с величайшей яростью бросился на ненавистного врага, который теперь с громким криком тоже пустил в дело свое оружие. Клюв, когти и крылья — все было в действии, оба орла двигались так быстро и сильно, что наблюдатель мог видеть лишь кружащуюся в воздухе, перепутанную массу перьев, не поддающуюся никакому описанию. Наконец, оба так крепко вцепились когтями друг в друга, что не могли более действовать крыльями и, кувыряясь, свали-

Могильник
(*Aquila heliaca*)

Семейство ястребиные

** Обычно самка оставляет гнездо с яйцами только чтобы съесть принесенную самцом добычу. Птицы оставляют гнездо без присмотра только в тех случаях, когда их беспокоят или преследуют.*

*** Насиживание у могильников на самом деле длится почти полтора месяца.*

лись метров на 30 или 40 вниз, после чего высвободили свои когти и снова разделились на короткое время. Этим окончилась первая схватка. Вторая началась таким же образом, как первая, причем время от времени одна из птиц делала притворное нападение на другую. Но скоро они переменили прием боя, и каждая старалась, описывая тесные круги вокруг другой, подняться выше противника; наконец, это действительно удалось одному из орлов, и он мог всею тяжестью устремиться вниз. Могильник, подвергшийся нападению, мгновенно перевернулся на спину и встретил врага вытянутыми вперед лапами. Оба снова вцепились друг в друга, кружась, спустились вниз более чем на 100 м и, почти достигнув земли, снова разъединились. Битва продолжалась с такой же яростью, пока одному из них не удалось, наконец, схватить своего храброго противника после сильного удара на высоте около 100 м над землей. Тот мужественно встретил врага, вонзил ему в тело когти, и теперь оба тяжело свалились на землю на расстоянии 10 м от наблюдателя. Фарман соскочил с лошади, чтобы поймать благородных бойцов, но они выпустили друг друга и улетели в разные стороны. Лужи крови на земле достаточно показывали, как серьезна была битва.

В первых числах апреля, в России на месяц позднее, кладка, состоящая из двух, самое большее из трех яиц, бывает обыкновенно закончена. Яйца, представляющие заметные различия по величине, форме и цвету, обыкновенно меньше, чем яйца беркута; они длиной 70—82 мм, толщиной 54—60 мм и на белом фоне разрисованы разбросанными по всему яйцу довольно частыми фиолетово-зелеными, бледными красными или светло-бурыми точками и пятнами, но могут быть и без пятен. Самке достается по обыкновению главная часть труда вывода птенцов; но и самец принимает в этом участие, чтобы дать своей подруге возможность принести себе добычу по собственному выбору. Иногда оба родителя одновременно оставляют гнездо на долгое время, хотя в нем еще яйца*. Возвращаясь, они всегда приближаются к гнезду осторожно, не кружатся над ним, а быстро прилетают и, не останавливаясь, тотчас бросаются в гнездо. Птенцы, которые вылупливаются из яйца после высиживания, длящегося около месяца**, в Венгрии в первых числах мая, подобно родичам, одеты густым, белым пухом. Выкармливаются обоими родителями так, как было описано выше относительно беркута, и становятся способными к лету приблизительно около половины июля, а в северной области распространения могильника соответственно позднее.

Могильники, вынутые из гнезда молодыми, становятся столь же ручными и их можно также дрессировать для охоты, но, как единогласно уверяют киргизы и монголы, они далеко не оказывают таких услуг, как беркут.

Из больших орлов в Германии более распространен **малый подорлик** (*Aquila pomarina*). Он значительно меньше беркута и могильника. Длина его равна от 65 до 70 см, размах крыльев 168—185, длина крыла 48—52, а хвоста 24—26 см. Преобладающую окраску составляет очень равномерный слабо блестящий кофейно-бурый цвет, который весной и летом бледнеет до тусклого земляного бурого и на шее становится несколько светлее. Радужная оболочка глаз желтая с отдельными бурыми точками, а у самки золотисто-желтая с красными точками на нижней стороне глаза; восковица желтая; клюв на конце черный; неоперенные части ног желтые. Молодые птицы всегда заметно темнее старых.

В настоящее время достоверно известно, что малый подорлик населяет, кроме северной Германии, лишь Польшу, западную Россию, Венгрию, европейскую часть Турции и Грецию. Посещает во время перелета западную Германию, Францию, Швейцарию и Италию, может быть, и северо-восточную Африку, иной раз залетает также в Голландию, Великобританию и Швецию; но его совершенно нет уже в Испании.

Подорлик любит влажные и болотистые местности, а потому селится преимущественно в лесах по речным долинам и в лиственных лесах.

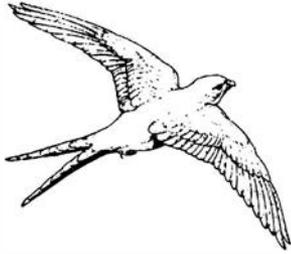
По своему нраву он не так привлекателен, как его родичи. Это самый робкий и безобидный из орлов, которых я знаю. Характер его смирный, гораздо более похож на характер сарыча, чем орла; уже его внешний вид, его взгляд выдают это. Сидя, он имеет неблагородный вид, на лету же выказывает себя настоящим орлом. Он тоже поднимается высоко в воздух и парит, особенно в хорошую погоду, по целым часам, описывая великолепные круги. Голос его — далеко раздающийся крик. Хорошее настроение он выражает приятными звуками, которые Науман сравнивает с тихим звоном колокольчика.

Пища подорлика состоит из мелких позвоночных. У нас его любимую пищу составляют лягушки, а может быть и другие зем-

Малый подорлик
(*Aquila pomarina*)

Семейство
ястребиные

новодные, пресмыкающиеся и мелкие грызуны. При всяких обстоятельствах лягушки остаются его главной пищей, и этим достаточно объясняется, почему он встречается чаще или реже или вовсе отсутствует в той или другой области. Гомейер нашел в его желудке также остатки щуки, из чего можно заключить, по крайней мере, то, что он ест рыб, когда может овладеть ими, мертвыми или живыми — этот вопрос я оставляю открытым. Гораздо чаще он охотится за пресмыкающимися: ящерицами, ужами, а может быть и гадюками. Птицей, приносящей вред высшим животным, он становится лишь к концу периода размножения. Его можно видеть сидящим на отдельно стоящих деревьях, на камнях или столбах и подстерегающим добычу. Заметив что-нибудь, он быстро спускается на землю и старается схватить замеченное животное. В случае нужды даже делает быстрые прыжки вслед за ним или быстро идет большими шагами, как ворона; насколько мне известно, так не поступает никакой другой орел. Бросается ли он на водяных птиц, как не раз утверждали, я не могу сказать; но я могу уверить, что и он отнимает у сапсана добычу. На падаль подорлик опускается очень охотно.

Малый подорлик больше держится леса и, как кажется, посещает безлесные местности лишь в том случае, если принужден к этому. В лесу он предпочитает определенные места; для устройства гнезда выбирает, как сообщил мне Гомейер, место поблизости от маленькой лесной поляны, чтобы по возможности беспрепятственно сквозь ветви слететь с гнезда. Если лес холмистый, то гнездо обыкновенно находится на высоте, но всегда расположено так, чтобы орел, слетев, мог скоро попасть на открытое место, не встречая препятствия со стороны чащи ветвей. Он редко гнездится в очень маленьких лесах и, напротив, очень охотно в рощах, окруженных со всех сторон лугами, так как здесь он может заниматься охотой самым удобным образом. Для гнезда он выбирает старые толстые деревья. Дубы и буки, по-видимому, предпочитает другим деревьям. Хвойными он довольствуется весьма редко; гораздо чаще можно найти гнездо на березе или ольхе. Сам он строит гнездо лишь в крайнем случае, а отыскивает себе подходящее гнездо сарыча или ястреба; охотно высиживает поочередно в двух гнездах, один год в одном, другой в другом. До кладки яиц всегда натаскивает в гнездо несколько хворостин, а во время вывода птенцов, подобно другим орлам, неизменно украшает гнездо зелеными ветвями для того, чтобы закрывать ими себя или птенцов или же чтобы иметь возможность держать гнездо в чистоте. Благодаря новым ветвям гнездо, в котором постоянно живут подорлики, вырастает с годами до значительной высоты. В первых числах мая, а в виде исключения уже в конце апреля, самка кладет в течение трех или четырех дней два яйца, из которых обыкновенно и состоит кладка. Одно яйцо можно найти в гнезде лишь в том случае, если данной паре помешали; три яйца при-

надлежат к числу величайших редкостей. Обе птицы принимают участие в высиживании, сидят на яйцах чрезвычайно усердно, необыкновенно любят свое потомство и редко выказывают страх при виде человека, если не подвергались ранее многократным преследованиям.

Спугнутый с гнезда высиживающий подорлик обыкновенно очень скоро возвращается назад. Если подходить к месту высиживания, то он медленно поднимается на гнезде и часто долго смотрит на человека, прежде чем решится слететь. Иногда он сидит так крепко, что оставляет гнездо лишь после того, как несколько раз хлопает в ладоши. Если же он слетает, то всегда странным образом. Именно, бросается сначала вниз, своеобразно качаясь из стороны в сторону, пока не будет в состоянии распустить крылья. Описав несколько кругов над вершинами деревьев, он возвращается обратно на небольшое расстояние от гнезда, садится на ближайшее дерево и начинает жалобно кричать. Если у него похитить яйца, то он обыкновенно оставляет гнездо, но не во всех случаях. Выклюнувшимся птенцам оба родителя приносят столько пищи, сколько могут, и теперь еще земноводные и пресмыкающиеся составляют главную пищу и родителей, и детенышей. По словам Мехленбурга, часто можно видеть, как старики приносят в гнездо больших змей.

Подорлики, воспитанные смолоду, становятся настолько же ручными, как и любая другая хищная птица. И даже подорлики, пойманные взрослыми, скоро привыкают к неволе.

Помимо более сильных хищных птиц, которые овладевают его гнездом, паразитов, живущих на его коже и во внутренних частях, воронов и ворон, которые с криком преследуют его, этот орел не имеет врагов среди животных. Но, к сожалению, у него много врагов среди стрелков и собирателей яиц, и последние принадлежат к числу самых злейших, самых безжалостных. Я никогда не стану отрицать пользы научно составленной, богатой коллекции яиц, но тот вред, который причиняет безрассудный собиратель птицам, гораздо больше той пользы, которую его рвение может иметь для орнитологии. Так как гнездо подорлика легко найти, то он и подвергается злейшим преследованиям со стороны этих грабителей, и из многих лесов он уже буквально прогнан. К огорчению всех тех, кому эта большая, безобидная и почти безвредная хищная птица доставляла радость и удовольствие.

Охота за подорликами не особенно трудна; он становится осторожным и пугливым лишь в том случае, если испытал многократные преследования. Из винтовки его убивают без труда; обыкновенно при некоторой осмотрительности можно к нему подойти и с дробовиком. Я полагаю, следует как можно меньше преследовать его, так как из всего, что я мог узнать, сделал заключение, что он приносит гораздо больше пользы, чем вреда. Быть

может, подорлик иногда и схватывает взрослого зайца или серую куропатку, но этот незначительный вред он более чем заглаживает своей охотой на мышей.

Орел-карлик (*Hieraaetus pennatus*), быть может, самая привлекательная птица во всем роде. Длина самца равна 47 см, размах крыльев 113, длина крыла 36, длина хвоста 19 см. Самка длиннее на 4 см и имеет на 8 см больший размах крыльев, чем самец.

Орел-карлик распространен по большей части юго-западной и юго-восточной Европы и Азии. Подобно другим перелетным

птицам, он собирается на удобных пролетных путях, например, около Босфора и в долине Нила, в настоящие стаи; напротив, прибыв на зимние квартиры, стаи до некоторой степени снова разбиваются. Это я наблюдал, по крайней мере, в Египте и в центральной Африке. И там, и тут я часто встречал эту птицу. В конце марта 1852 года я встретил столь многочисленные перелетные стаи, что в три дня смог убить около 20 штук.

Орел-карлик — настоящий благородный орел по нраву и характеру. Он отличается от своих более круп-

Орел-карлик
(*Hieraaetus pennatus*)

ных родичей, по-моему, двумя особенностями: большей ловкостью и меньшей осторожностью. Полет его быстр, силен и легок, подолгу бывает парящим и припадении на добычу он быстр, как стрела. Гебель, который многократно имел случай наблюдать этого орла, говорит: «Карликовый орел, играя, охотится лишь короткое время днем, беспокоит каждую пролетающую мимо более крупную хищную птицу, живет в вечной вражде с балобаном; вражда эта ведет к ежеминутным битвам высоко в воздухе, при-

чем обе ловкие птицы исполняют всевозможные фокусы при полете и доставляют наблюдателю высокое наслаждение». Эти слова я считаю справедливыми, так как и меня появление этого орла всегда приводило в восторг. Для собственного увеселения он крайне привлекательным образом долгое время кружит над одним местом и любит подниматься на значительную высоту; на охоте, напротив, парит довольно низко над землею и, по наблюдениям графа Лацара, нередко трепещет на месте, как пустельга. Садясь на деревья, он редко выбирает высочайшие вершины, а по большей части опускается на нижние ветви. Здесь он сидит прямо, часто долгое время не двигая ни одним членом, но обращает внимание на все, что происходит около него, а больше всего смотрит на возможную добычу. Самцы и самки держатся всегда вместе, даже во время перелета. Я никогда не видел в Африке одинокого карликового орла; всегда держались вместе пары или целые общества. Этой постоянной взаимной привязанности птиц одной пары соответствует и поведение этих птиц у гнезда.

Голос орла-карлика бывает различен. Во время спаривания и вывода птенцов его голос состоит всегда из звучного крика, который повторяется по несколько раз, смотря по обстоятельствам, под влиянием страха или радости. Но коль скоро дело вывода птенцов окончено, и родители начинают водить птенцов с собою и приучать к охоте, крик орла изменяется. Особенно крик птенцов звучит настолько глухо, что в нем едва ли можно узнать чистый звук, издаваемый этими птицами весной.

Орел — очень энергичный хищник; мелкие птицы составляют главный предмет его охоты. Граф Лацар указывает, что он питается стренатками*, жаворонками, щеврицами**, вьюрками, перепелками и куропатками; граф Водзицкий указывает кроме того на скворцов и синиц; я находил в его зобе остатки горлиц. Кроме своей любимой дичи карликовый орел охотится и за мелкими млекопитающими, именно за мышами, и Гебель находил зобы исследованных им экземпляров наполненными ими; точно так же он не пренебрегает и пресмыкающимися; в Испании, по наблюдениям моего брата, очковая ящерица составляет даже существенную часть его пищи. Вероятно, карликовый орел нисколько не уступает ястребу и с одинаковою ловкостью ловит птиц и на лету, и сидящих. «На одном болоте, — рассказывает граф Водзицкий, — большие стаи скворцов занимались отыскиванием пищи и, по-видимому, приманили карликового орла из соседнего леса. Он кружил, делая прекрасные повороты, над скворцами, которые поминутно взлетали и снова садились. Эта игра наскучила орлу, и он пожелал принудить их взлететь, чтобы скорее добыть себе завтрак. С быстротою молнии он бросился по прямой линии вниз на скворцов. Испуганная стая старалась скрыться в деревьях, под которыми я отдыхал. Несмотря на незначительное расстояние и на то, что птицы подлетали к ивам, орлу удалось схва-

*Камышовые овсянки.

**Коньки.

тить одну из них. Когда орел спускался вниз, его невероятно быстрый полет производил громкий шум. После удачного лова хищник взлетел на ближайший сарай, уселся на крыше, не обращая внимания на охотников и собак, долгое время с большой осторожностью осматривался вокруг и затем начал ощипывать скворца. Это приготовление обеда продолжалось более четверти часа, и когда я затем застрелил орла, скворец был так прекрасно ощипан, как будто бы его готовил самый лучший повар». Охотнее всего карликовый орел охотится в лесу, где ловит добычу почти таким же способом, как ястреб. В Египте ему доставляют обильную добычу пальмовые леса, и здесь он ревностно охотится главным образом за горлицами; только в сапсане они имеют, быть может, еще более страшного врага, чем в этом ловком орле. Его хищнические способности вполне признают хищные паразиты; подобно сапсану, и карликовый орел подвергается ревностным преследованиям коршунов, как только достанет добычу, и он тоже принужден оставлять ее иногда этим наглым попрошайкам.

По отношению к филину карликовый орел обнаруживает смертельную ненависть. «Я хотел, — пишет мне граф Лацар, — застрелить подорлика, выставил поэтому своего филина на выкошенном лугу и спрятался в ожидании за кучу сена. Я увидел тогда маленькую бурую хищную птицу, которая подлетела с такою поспешностью, что я едва успел схватить ружье. Карликовый орел, которого я скоро признал в этой хищной птице, бросился со всех сил на филина. Раздался выстрел, но птица благополучно улетела. Однако она не удалилась, а поднялась лишь на высоту около 150 м и более получаса описывала круги над филином. Наконец орел снова бросился вниз и приблизился на расстояние выстрела; но мной овладела охотничья лихорадка; я выстрелил и промахнулся опять. Когда орел удалился после этого, я потерял всякую надежду, но через 10 минут он снова возвратился, снова стал кружить и в третий раз бросился вниз. На этот раз я убил его».

Охота за орлом-карликом, как можно видеть из сказанного, представляет мало трудностей. Верная привязанность птиц одной пары часто становится губительной для обоих; я почти всегда мог убивать этих птиц парами. Можно ли ловить карликового орла в капканы так же, как других родичей его, я не могу сказать.

Карликовые орлы, взятые из гнезда молодыми, становятся, при надлежащем уходе, такими же ручными, как и другие орлы.

В Испании карликового орла иногда своеобразно дрессируют. Какая-то изобретательная голова напала на мысль пользоваться птицами для гадания о счастье. Для этой цели человек становится на бойком месте с ящиком, в котором сидят разные хищные птицы, и приглашает прохожих дозволить пти-

цам выбрать для них счастливый номер лотереи. Соколы, а между ними и наш карликовый орел, приучены брать клювом билеты из кучи, которую фокусник держит перед ними, и таким образом выбирают их. По-видимому, держатся того мнения, что, благодаря такому приему, счастье в буквальном смысле слова приносится с неба.

Ястребиный орел (*Hieraetus fasciatus*). Стройное тело, относительно короткие крылья, очень длинный хвост, длинные ноги, оперенные до пальцев, высокая плюсна и большие, сильные лапы с длинными, слабо согнутыми когтями и, наконец, вытянутый в длину, но все же сильный клюв служат отличительными признаками ястребиного орла. Длина его равна 70 см, размах крыльев 145, длина крыла 45, а хвоста 26 см. Самка на 8 см длиннее и, по крайней мере, на 10 см больше в размахе крыльев.

Ястребиный орел населяет в довольно большом числе экземпляров южную Францию, Испанию, Португалию, южную Италию, Грецию и Турцию, северо-западную Африку, а также, вероятно, Туркестан и всю Индию, от Гималайских гор до крайнего юга. В Греции и южной Италии он не редок, в Испании и Алжире это самый обыкновенный орел. Местопребыванием его служат здесь горы, лишенные леса, с крутыми скалистыми склонами. В Индии живет преимущественно в холмистых местностях, поросших джунглями.

Он не совершает перелетов, но во время спаривания кочует и часто собирается при этом в общества, состоящие из довольно

Ястребиный орел
(*Hieraetus fasciatus*)

большого числа экземпляров. Мой брат Рейнгольд видел раз, как 20 этих орлов пролетали над королевским увеселительным садом около Мадрида. На месте гнездовья, однако, пара этих орлов не терпит около себя другой пары или вообще другой хищной птицы.

Ястребиный орел чрезвычайно ловкая, мужественная, смелая, дерзкая, даже наглая птица, которая по нраву сходна с ястребом, но во многих отношениях превосходит его по силе и ловкости. Полет его более похож на полет благородного сокола, чем на полет орла, и такому впечатлению существенно способствует стройное сложение птицы. Он, правда, описывает и круги по-орлиному, но летает, делая гораздо более быстрые удары крыльями, и потому подвигается вперед гораздо скорее, чем все остальные известные мне представители этого семейства. Только сидя он держится менее благородно, чем остальные орлы, именно, нагнувшись вперед; однако и он часто держится очень прямо. Взгляд его не только живой, но сверкающий. Ярость и дикость светятся в его глазах, и поведение орла не противоречит этому впечатлению. Он соединяет быстроту сокола с ловкостью перепелятника, мужество орла с кровожадностью ястреба, не боится никакой другой птицы и нападает на каждую, которая приближается к нему, или для того, чтобы прогнать ее, или для того, чтобы овладеть ею. Мой брат видел, как он бешено дрался с ягнятником; Крюпер рассказывал, как он с ожесточением бросался на орлана, крайне опасного противника, а также и на грифов; я убедился, что он преследует серого грифа и беркута. Вероятно, он дерется со всякой хищной птицей.

Охотится он, как я полагаю, за многими животными, как и беркут. Темминк, впервые описавший его, говорит, что он нападает на водяных птиц; однако ястребиный орел вовсе не довольствуется только этой охотой. В Испании это самый страшный враг домашних кур: он уносит их на глазах у людей и преследует с таким упорством, что буквально истребляет всех кур некоторых уединенных крестьянских дворов. Не менее ревностно преследует он и голубей. Млекопитающим, величиной до зайца, угрожает постоянно. «Однажды, — рассказывает Тачановский, — поблизости от лежащего среди пустыни леса мы увидели, как самка бросилась на зайца, умертвила его одним ударом и не позволила подоспевшему самцу принять участие в этой добыче. Другой раз во время охоты с соколами на вихляя мы заметили, что сокола не хотели бросаться на добычу. Причиной этого было то, что вдруг с высоты спустился ястребиный орел и тотчас убил эту дрофу». В Индии он, по словам Жердона, охотится за зайцами, джунглевыми курами, цаплями, утками и другими водяными птицами, по словам индусов, также за клювачами, по уверениям туземных соколятников, даже за их ручными или дрессированными соколами. Жердон видел сам, как ястребиный орел

бросался последовательно на зайца, джунглевого петуха и павлина, но тщетно, так как густота джунглей делала безуспешными его нападения. Одна пара орлов регулярно посещала одно село, чтобы ловить в нем кур. Эллиот уверяет, что он видел, как два ястребиных орла почти одолели павлина, по крайней мере, сбили его на землю.

Все животные, которых преследует ястребиный орел, хорошо знают, как он страшен, и стараются поэтому избежать встречи с хищником. «Когда я, — рассказывает Пауис, — хорошо спрятавшись в ситнике на берегах озер в Албании, подстерегал уток и водяных курочек, то часто замечал, какое впечатление производило появление ястребиного орла. Все водяные птицы едва обращали внимание на камышовых луней, которые парили над ними, и едва поднимали головы, когда показывался подорлик. Но лишь только появлялся ястребиный орел, водяные курочки бежали к ситнику, утки, вытянув горизонтально шеи, распластывались на воде, и со всех сторон раздавались крики предостережения и страха, пока страшный хищник не пролетал мимо. Я видел два раза, как эти орлы бросались на птиц, которых я ранил, но никогда не мог выстрелить в них».

Гнездо часто помещается в углублениях на крутых склонах скал, в местах, по возможности безопасных*. Обе птицы высиживают поочередно и часто сидят одновременно на гнезде. Яйца они поворачивают клювом, от этого и происходят царапины, которые можно видеть на яйцах, долго подвергавшихся насиживанию. Следует предположить, что ястребиные орлы защищают своих птенцов с таким же мужеством, какое они обнаруживают вообще; но на человека, угрожающего их потомству, они все же, кажется, не нападают.

Жердон думает, что этого орла можно было бы легко дрессировать для охоты за антилопами, зайцами, дрофами и тому подобной крупной дичью. Вероятно, он прав.

Зимняк (*Buteo lagopus*) живет в северных странах, а особенно в тундре**. Клюв его мал и узок, сильно согнут и снабжен длинным крючком; большие крылья, в которых третье или четвертое маховое перо длиннее других, достигают в сложенном положении конца длинного закругленного хвоста. Оперение рыхлое, в области зоба превращенное в щетинки; перья большие и длинные, а те, которые покрывают голову и затылок — средней длины и закруглены. Необыкновенно разнообразная окраска представляет смесь белого, желтовато-белого, красно-серого, буро-черного и бурого цветов. Длина равна 65 см, размах крыльев около 150, длина крыла 45, длина хвоста 24 см.

Хотя и говорят, что зимняк гнездился в различных частях Германии, тем не менее, Германия лежит вне пределов области, где он выводит птенцов. Областью этой надо считать тундру. Доказано, что эта птица гнездится в северной части Великобрита-

* В некоторых местностях, например Туркмении, ястребиные орлы делают гнезда на деревьях.

**В умеренных широтах зимняк появляется поздней осенью или зимой. Иногда зимует.

Семейство ястребиные

* В настоящее время зимняк в Шотландии не гнездится, лишь изредка зимует.

Зимняк
(*Buteo lagopus*)

нии, именно в Шотландии, вероятно, лишь в тех местах, которые похожи на тундру*.

В Европе его встречают летом чаще всего в Скандинавии и северной России; в Сибири мы наблюдали его лишь у северного края пояса лесов, а гораздо чаще в настоящей тундре. В Северной Америке, где он тоже встречается, без сомнения, замечается то же самое. Даже там, где он гнездится южнее, он отыскивает для жительства такие места, которые сходны с тундрой или, строго говоря, представляют тундру.

Из северной России он посещает южные части страны или направляется в области, прилежащие к Черному морю; из Сибири

перекочевывает до степей Туркестана. В Туркмении Вальтер неоднократно наблюдал его в значительном числе в течение марта в высокогорном ущелье.

Опытный наблюдатель может отличить зимняка от его туземных родичей особенно на лету. Благодаря более длинным крыльям с черными пятнами на сочленении и бросающемуся в глаза рисунку хвоста, общий вид его на лету достаточно отличает его от сарыча. Движения обеих птиц тоже различны, так как зимняк, ударяя крыльями, опускает их ниже и после каждых двух или трех ударов пролета-

ет обыкновенно некоторое расстояние паря. Помимо этого, оба вида так мало различаются по своей жизни зимой, что можно без колебания относить к одному из них то, что случается наблюдать над другим. Гораздо скорее и определеннее можно указать на различия в летней жизни обеих столь родственных между собою птиц.

Проезжая по тундре, наверное, заметишь уже в первые часы путешествия, а по крайней мере в первые дни, пару зимняков,

которые или описывают круги высоко в небе или, подобно сарычам, парят низко над землей, время от времени трепеща крыльями, пролетают некоторое расстояние и снова останавливаются, чтобы высмотреть пеструшку. Если посетить тундру в последние дни июля, то такая птица, наверное, заметив человека, подлетит к нему и громким криком будет выражать свой страх, чтобы он не тронул гнезда. Дело в том, что около этого времени из 4—5 яиц, которые едва можно отличить от яиц нашего сарыча, уже вылупились птенцы и сидят на гнезде в пушистом пуховом наряде, ожидая родителей. Гнездо находится в тундре на таком месте, где до него можно добраться без затруднений. Правда, зимняк никогда не упустит случая воспользоваться деревьями или удобными впадинами скал. Но в большинстве случаев не может сделать этого потому, что во многих местах той своеобразной области, где он выводит птенцов, есть достаточно пищи, но нет деревьев или скал, а потому зимняк вынужден устраивать гнездо прямо на земле. Для постройки его употребляются исключительно тонкие ломкие ветви. Дело в том, что птице стоит немало труда достать себе даже и такие. Пролетая большие пространства, зимняк лишь кое-где находит случайно отломанную ветку карликовой березы, а в самом благоприятном случае вырванный куст этого дерева или сухую ветку лиственницы, которую может употребить в дело. Понятно поэтому, что он довольствуется самыми незначительными ветвями и употребляет при постройке основания гнезда даже такие, которые не толще, чем переплетенные между собой ветви верхушки карликовой березы, на которых находится гнездо. Тяжесть гнезда тем не менее настолько значительна, что гибкие, упругие ветви карликовой березы, которые сгибаются даже под тяжестью птицы, прижимаются к земле, как бы сливаются с самим гнездом и таким образом, строго говоря, образуют нижнюю часть его. Если зимняк найдет оленью шерсть или другие мягкие вещества для выстилки гнезда, то приносит и их, если же не найдет, то довольствуется тем, что выстилает очень плоское углубление гнезда, а иногда и нижнюю часть его очень тонкими ветвями и отдельными стеблями ситника*.

В северной Скандинавии он кладет яйца, по наблюдениям Уоллея, между половиной мая и концом июня, в тундре западной Сибири, по-видимому, тоже не позднее. В конце и начале августа мы находили в различных гнездах птенцов в пуховом наряде.

Животное, которое привязывает зимняка к тундре, — пеструшка** и другие грызуны. Благодаря чрезвычайному обилию этих животных, птица в течение самого важного времени ее жизни никогда не терпит нужды. Пеструшек она ловит без труда, сколько хочет и сколько ей нужно. Ими зимняк питается сам и кормит своих птенцов. Он не пренебрегает и другими животными тундры. Может быть опасным и зайцам, когда подрастающие птенцы более обыкновенного побуждают его хищничать. Это мож-

* *Весьма типично для зимняка устройство гнезд прямо на земле, лоток гнезд он, как правило, выстилает сухой травой, оленью шерсть — случайная примесь.*

** *Пеструшка — это старое название леммингов.*

но заключить из тех наблюдений, которые мы собрали относительно канюка во время зимнего пребывания его у нас в Германии. Правда и здесь мыши, обыкновенные и земляные полевки, составляют его главную пищу. Замечательный случай произошел однажды, когда я отправился на охоту с одним знакомым после того, как выпал первый снег. Сделал выстрел по куропаткам, от которого одна из них упала на расстоянии приблизительно 300 шагов. На нее тотчас уселся зимняк, но на него не менее быстро бросился другой, и оба вцепились друг в друга когтями. Прежде, чем мы успели подъехать к ним рысью, между ними сидел уже третий.

При глубоком снеге, когда мыши показываются редко, эта птица становится особенно опасной для серых куропаток. Тем не менее, зимняк принадлежит к птицам преимущественно полезным, хотя и могут встретиться случаи, когда настоятельно необходимо избавиться от него. Я охотно заявляю о своем согласии с последними словами.

Обыкновенный канюк (*Buteo buteo*). Отличается маленьким, узким, сильным, согнутым клювом, неопределенными плюснами, относительно короткими лапами, широкими крыльями, в которых маховые перья от третьего до пятого равной длины между собой и длиннее остальных, и коротким, прямо усеченным хвостом, который покрывается сложенными крыльями. Достигает длины в 50—56 см при размахе крыльев в 120—125 см; длина крыла равна 38—40, длина хвоста 26 см. О цвете его трудно сказать что-нибудь общее, так как окраска канюка чрезвычайно разнообразна и редко можно видеть двух, окрашенных одинаково. У некоторых равномерная черно-бурая окраска с поперечными полосами на хвосте. У других верхняя сторона, грудь и голени бурого цвета, а остальные части светлые буро-серые с поперечными пятнами. Третьи светло-бурого цвета с продольными черточками до самого хвоста; четвертые желтовато-белого цвета с темными маховыми и хвостовыми перьями, с пятнами на груди, с поперечными полосами на рулевых перьях и т.д. Глаза в молодости серо-бурые, позднее красновато-бурые, в старости серые; восковица желтого цвета; ноги светло-желтые; клюв у основания голубоватый, на конце черноватый.

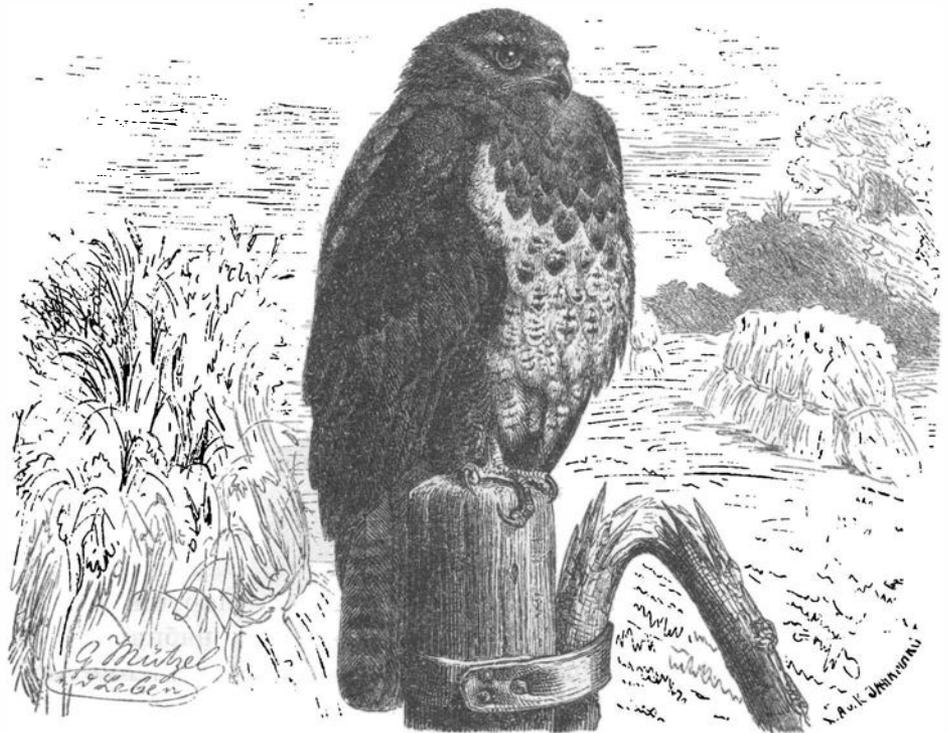
Опытный наблюдатель узнает канюка с первого взгляда, все равно, сидит ли он или летает. Обыкновенно он сидит съевшись, с мало прилегающими перьями, охотно на одной ноге, согнув другую и спрятав ее в перья. Камень, земляной бугор или дерево, которое он выбрал для отдыха, служат ему сторожевыми пунктами, с которых он обзревает свою область. Летает он медленно, но легко, почти без шума и пролетает большие пространства паря. Во время охоты сарыч часто долгое время трепещет над одним местом, чтобы самым тщательным образом осмотреть его или чтобы хорошенько присмотреться к замеченному

животному. Нападая, он падает на землю, плотно прижав крылья к телу, расправляет их вниз, пролетает еще некоторое расстояние над землей и затем хватается за свою добычу, широко расставив лапы. При обыкновенной охоте он редко поднимается на значительную высоту, но весной, и именно во время спаривания, поднимается вверх необыкновенно высоко и проделывает при этом фокусы, которые от него нельзя было бы и ожидать. «Там, где он гнездится, — совершенно верно говорит Альтум, — он составляет истинное украшение местности. Великолепное зрелище представляет пара канюков в ясные весенние дни или позднее, когда они носятся над лесом, описывая чрезвычайно красивые круги. Их громкое и звучное «хиэх» еще увеличивает приятное оживление. После того, как они проделают свои летательные фокусы, один из них складывает крылья и с громким свистом падает в лес; за ним тотчас следует другой».

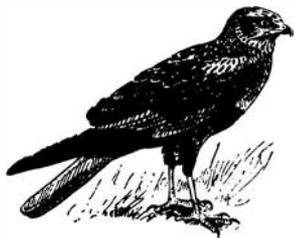
Голос канюка похож на мяуканье кошки. Из чувств выше всего стоит зрение; но и слух его остр, осязание тонко, вкус также замечен, а обоняние, быть может, развито более, чем мы думаем. Душевные способности, по-видимому, хорошо развиты:

канюк, живущий на свободе или находящийся в неволе, довольно часто обнаруживают большую смывленность и хитрость.

В конце апреля или начале мая канюк селится на своем старом гнезде или строит новое. Он выбирает для этого удобное дерево в лиственных или хвойных лесах и возводит по возможности близко от ствола, на развилине ветвей или в удобной развилине толстых сучьев почти всегда большую постройку, которая увеличивается с годами в объеме, если он не предпочтет воспользоваться гнездом ворона или вороны, которое покажется ему удобным. По большей части он бывает строителем не только для себя, но и для многих других хищных птиц нашего отечества. Гнездо в диаметре около 60, самое большее 80 см. Снаружи оно состоит

Обыкновенный
канюк
(*Buteo buteo*)

из более толстых ветвей, которые становятся обыкновенно все тоньше и тоньше и, наконец, выбираются с большой тщательностью, так что плоское углубление гнезда оказывается выложенным нежными зелеными прутиками. Иногда канюк выстилает гнездо также мхом, шерстью животных и другими мягкими веществами. Кладку составляют 3—4 яйца, которые на зеленовато-белом фоне испещрены светло-бурыми пятнами. Самка высиживает, по-видимому, одна, а птенцы выкармливаются обоими родителями сообща.

С канюком происходит приблизительно то же, что и с лисицей. Каждый его проступок замечается неблагоприятными взорами, а полезная деятельность оценивается слишком низко. В глазах всех охотников это самая вредная хищная птица, и потому он подвергается ожесточенным преследованиям.

Верно, канюк ловит мышей, крыс, кротов, хомяков, змей, лягушек, насекомых, дождевых червей, а также молодых зайцев. Или добывает старых, больных, особенно раненых, и питается их мясом. Верно и то, что он иногда ловит куропаток, возможно, достаточно ловок, чтобы ловить даже летом и осенью здоровых тетерок или фазанов. Далее доказано, что он приносит своим птенцам, кроме только что названных родов дичи, вьюрков, жаворонков, черных дроздов и других молодых птиц, которыми может овладеть; нельзя отвергать, наконец, что он, подобно луням, поедает яйца уток, а может быть и других охотничьих птиц. Но главная пища канюка состоит, тем не менее, из мышей всех видов, крыс, хомяков, сусликов, лягушек, сверчков и других насекомых. Следовательно, он питается животными, которые или приносят нам самый чувствительный вред или, как лягушки, существуют в таком множестве, что истребление нескольких из них не имеет значения. Блазиус вынул остатки 30 мышей из желудка одного канюка, Мартин вскрывал сотни этих хищных птиц, переданных ему для набивания, и во всех зобах находил лишь мышей. Возможно, что мнение Ленца, будто бы канюк, поедая по 30 мышей в день, ежегодно должен истреблять около 10000 этих вредных грызунов, неверно, подобно всем теоретическим вычислениям в этом роде. Но, как бы то ни было, верно то, что канюк приносит больше пользы, поедая мышей, чем вреда, нападая на некоторые виды дичи.

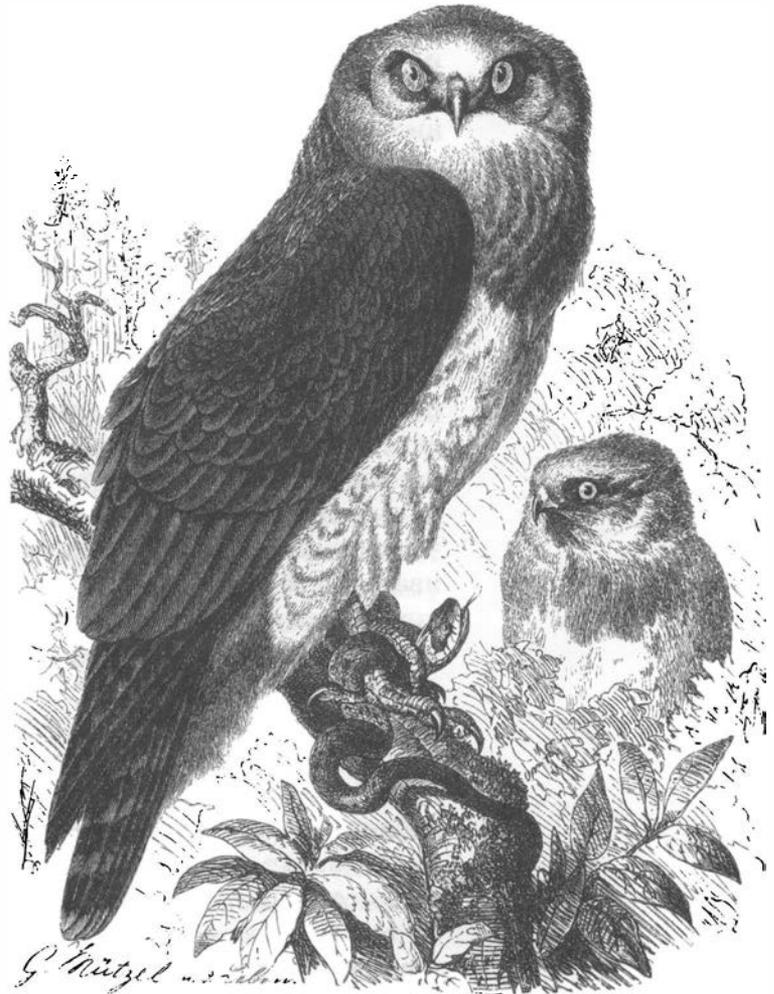
Нельзя при этом забывать и то, что эта хищная птица, как и все родичи ее, более или менее приспособляется к обстоятельствам, а следовательно, в местности, богатой дичью, чаще нападает на дичь, чем в местности, бедной дичью, где ловля ее требует от канюка гораздо больше труда, чем добывание обычной пищи.

Эта птица, о которой часто так несправедливо судят и на которую так клевещут, — один из самых ревностных истребителей гадюк. Ленц произвел самые обширные опыты, чтобы удостовериться в этом, и чрезвычайно прославляет эту птицу. Чтобы

оценить по достоинству опасность битв канюка с гадюками, надо знать, что он может пострадать от яда гадюк и даже умереть от коварного пресмыкающегося, если бывает укушен в часть тела, обильную кровью. Правда, редко случается, чтобы хищная птица не вышла победительницей из битвы; но некоторые, наверное, погибают в битве с гадюками.

В Европе живет змеяяд (*Circaetus gallicus*). Длина его равна 70 см, размах крыльев 180, длина крыла 56, длина хвоста 30 см. Острые перья головы и задней части шеи матово-бурые со светлой каймой. Перья спины, плеч и мелкие кроющие перья крыла темно-бурые с более светлыми краями. Маховые перья черно-бурые с тонкой светло-бурой каемкой, белым краем и черными поперечными полосками. Хвостовые перья темно-бурые с широкими белыми концами и тремя широкими черными поперечными полосками. Лоб, горло и щеки беловатого цвета с узкими бурыми черточками; зоб и верхняя часть груди яркого светл-бурого цвета; остальная нижняя сторона белая с редкими светл-бурыми поперечными пятнами. Кружок из пуха окружает большие глаза; направленные вперед щетинки покрывают уздечку. Глаза желтые, клюв голубовато-черный, восковица и ноги светл-голубые. Молодые птицы мало отличаются от старых.

Эту бросающуюся в глаза и легко различимую хищную птицу смешивали, вероятно, прежде со светлыми канюками, пока не начали обращать на нее внимание. У нас это летняя птица, которая прилетает в начале мая и снова оставляет нас в сентябре, чтобы провести зиму в средней Африке и южной Азии с живущими там представителями того же вида. Змеяяд селится в больших, уединенных лесах и ведет здесь, насколько известно до сих пор, поистине тихую жизнь или, по крайней мере, бывает мало замечен. В Индии, где он тоже выводит птенцов, он живет менее в лесах и джунглях, чем на открытых равнинах, безразлично, сухи ли они или влажны. В северной Африке его можно видеть глав-

Змеяяд
(*Circaetus gallicus*)

ным образом зимой, часто обществами по 6—12 штук; он охотно держится на скалах у воды, но еще охотнее в степи, иногда на расстоянии многих километров от воды. В северо-западной Африке его находили гнездящимся.

Образ жизни и поведение, нравы и привычки змееяда несравненно более напоминают нашего канюка, чем какого-нибудь орла. По моим наблюдениям, это спокойная, ленивая, капризная и сварливая птица, которая, по-видимому, обращает внимание лишь на дичь, за которой охотится, и на других змееядов, более удачливых на охоте. У гнезда он по всем данным боязлив и осторожен и не любит кричать; в Африке от него едва ли можно услышать хоть один звук, и он оказывается там одной из самых неосторожных хищных птиц. Усевшись на дерево, змееяд таращит свои большие глаза на приближающегося охотника и думает о чем угодно, но только не о том, чтобы улететь. Однако его можно видеть сидящим на дереве лишь к вечеру и в самые ранние утренние часы; в течение всего остального дня он медленно и не торопясь занимается своей охотой. Он парит, описывая круги, над равнинами, обещающими добычу, или неподвижно сидит около воды, подстерегая дичь. На лету часто трепещет крыльями на месте, как его родичи; припадении медленно опускается вниз и движется еще некоторое время над землей с помощью нескольких ударов крыльями, пока не бросится, наконец, на землю, широко расставив лапы, чтобы схватить намеченное животное. Во время охоты он часто входит в воду и идет вброд по мелкому месту и затем вдруг хватает добычу, вытянув лапу. В полуденное время змееяд посещает песчаные отмели около вод, чтобы напиться, прыгает здесь, как ворон, перелетает с места на место и затем медленно удаляется. В самую сильную жару, в полдень, садится на дерево и сидит по целым часам, по-видимому, без движения, выпрямившись, как человек. Для ночлега он охотно избирает одиноко стоящие деревья, которые позволяют видеть далеко кругом; но и здесь без колебания позволяет человеку подойти.

Змееяд заслуживает свое название, так как он охотится преимущественно за этими пресмыкающимися. Но не довольствуется только ими, а ловит также ящериц и лягушек, преследует рыб и охотится, по Жердону, даже на крыс, мелких птиц, раков, больших насекомых и многоножек. Однако пресмыкающиеся и земноводные, во всяком случае, составляют его любимую дичь. Припадении он действует так рассудительно, что даже самая опасная змея мало может повредить ему или даже не может ничего поделывать, причем это искусство охоты кажется природным. «Мой змееяд, воспитанный смолоду в неволе, — пишет Мехленбург Ленцу, — с быстротой молнии бросается на всякую змею, как бы ни была она велика и бешена, хватает ее одной лапой тотчас позади головы, а другой за спину с громким криком и ударяя крыльями; своим клювом он перекусывает сухожилия и связки

позади головы, и животное лежит, неспособное к сопротивлению, в его лапах. Через несколько минут он приступает к еде, причем глотает змею, которая еще сильно извивается, головой вперед и при каждом глотке раскусывает ей спинной хребет. Раз утром он за несколько часов съел три большие змеи, из которых одна была более 1 м длиной и очень толста. Он никогда не разрывает змею, чтобы глотать ее кусками; чешую потом выплевывает в виде комков. Змей он предпочитает всякой другой пище. Я приносил ему одновременно живых змей, крыс, птиц и лягушек, но он, не обращая внимания на животных, находившихся ближе, бросался на змей. Эллиот упоминает, что видел одного змеееда, который был крепко обвит змеей, но так крепко держал ее за голову, что все усилия ядовитого животного были тщетны. Вообще его ловкость и густое оперение представляют единственную защиту от яда змей; самому змеееду яд вовсе не безвреден, как думали прежде.

Гнездо, которое постоянно находится на высоких лиственных или хвойных деревьях, но на различной высоте над землей, а в исключительных случаях и на скалах, строится в начале мая, или же птицы в это время пользуются старым гнездом; дело в том, что пара возвращается много лет сряду на одно и то же место для вывода птенцов, даже если у нее отнимут яйца. Само гнездо не больше, чем у нашего канюка, и состоит из сухих, не особенно толстых ветвей, а его плоское углубление выложено такими же ветвями. Подобно другим хищным птицам, змеееды выстилают углубление гнезда зелеными листьями и прикрепляют к нему зеленые ветви для защиты от солнца. Говорили, что самка кладет два яйца, но всегда находят лишь одно и именно в первых числах мая, скоро после того, как птицы явятся на гнездо. Яйцо продолговато-круглое, относительно большое, с тонкой и шероховатой скорлупой голубовато-белого цвета.

Спариванию часто предшествуют, по словам Тристрама, воздушные игры. Самец и самка гоняются друг за другом с громким криком, поднимаются в воздух, описывают на значительной высоте над землей узкие круги и затем вдруг снова бросаются вниз, самка на гнездо, а самец поблизости от него на то место, где он отдыхает и сторожит. Обе птицы высиживают, по Мехленбургу, в течение 28 дней* и обе принимают участие в воспитании и выкармливании птенцов. В случае опасности озабоченная мать переносит своего птенца на другое гнездо: это, совершенно независимо друг от друга, наблюдали граф Водзицкий и охотники принца фон Вид.

В Африке живет одна из самых замечательных птиц — **орел-скоморох** (*Terathopius ecaudatus*). Цвет и рисунок оперения так же бросаются в глаза, как и его фигура. Прекрасный матово-черный цвет, покрывающий голову, шею, заднюю часть спины и всю нижнюю сторону, резко отделяется от светлой каштаново-бурой

* Длительность
насиживания у
змеееда составляет
около 40 дней.

верхней части спины, так же окрашенного хвоста, несколько более светлой нижней части спины и широкой полосы на крыльях. Глаза прекрасного бурого цвета с золотистым блеском, клюв у основания красно-желтый, на конце голубоватого цвета; восковица бледно-кораллово-красная. Молодые птицы темно-бурого цвета. Длина самки равна 58 см, размах крыльев 183, длина крыла 58, а хвоста лишь 13 см; самец меньше самки.

Орел-скоморох широко распространен по Африке; его нет лишь на севере, а от Сенегала до берега южной части Красного моря и оттуда до южной оконечности Африки встречается всюду.

Он любит горы, но не связан с ними; я полагаю даже, что в настоящей степи он обыкновеннее, чем в гористых странах. На высочайших горах Абиссинии Гейглин не замечал его, но постоянно наблюдал на всех скалистых горных массивах, которые поднимаются над равнинами Судана, а также вдоль низменностей и болот Белого Нила. Его видишь очень часто, но редко имеешь возможность ближе познакомиться с ним. Обыкновенно случается видеть его летающим. Он летит высоко в воздухе,

Орел-скоморох
(*Terathopius ecaudatus*)

всегда вне выстрела и осматривает сверху большие пространства. Гейглин узнал, что уже с наступлением дня он покидает высокие деревья, на которых проводил ночь, и, непрерывно летая, кружит по своей области; я не видал его в движении так рано и лишь в виде исключения наблюдал, что он описывал круги. Напротив, я почти всегда замечал, что он летит по прямому направлению, не останавливаясь иначе, как затем, чтобы проделать один из своих летательных фокусов или если заметит добычу. Левальян говорит, что их всегда встречают парами; я должен сказать противоположное: по моим наблюдениям, они всегда показываются по-

одиночке. Пара живет, по-видимому, в очень обширной области и кроме времени вывода птенцов редко держится вместе, а обыкновенно порознь.

Даже самый неопытный наблюдатель легко узнает орла-скомороха. Его вид настолько бросается в глаза, что дал повод к разным басням. Спика самым серьезным образом уверяли туземцы восточной Африки, что тень этой птицы гибельна; напротив, в некоторых частях Африки на скомороха смотрят с известным благоговением, так как считают его целителем среди птиц, который приносит коренья, обладающие чудесными целебными свойствами. Абиссинцы называют эту птицу «небесной обезьяной».

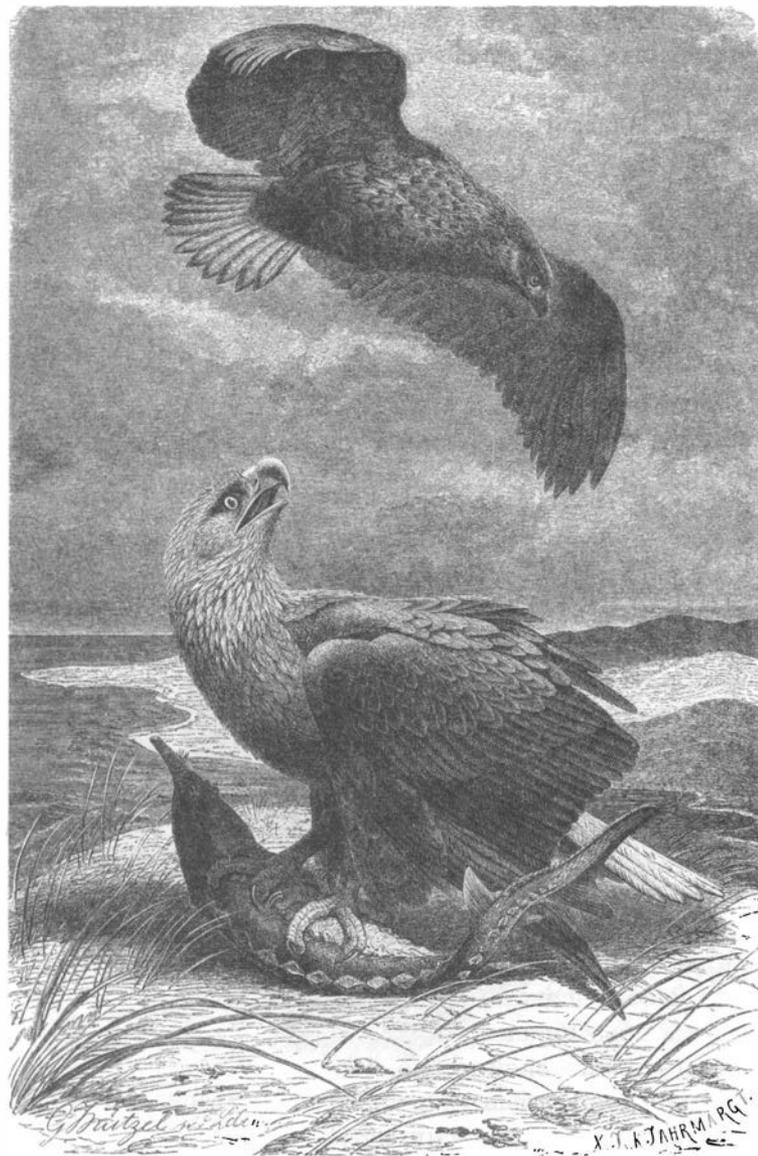
Каждое из этих названий и каждая басня, сочиненная про скомороха, основываются на виде и поведении животного. Прежде всего, его полет удивителен, как ни у какой другой птицы. Мое прежнее описание этого движения было сочтено одним моим ученым другом слишком поэтическим; но я и теперь могу повторить его. Этой хищной птице недаром дали название скомороха: она плавает, вертится, играет, летает, как будто бы для того, чтобы развлечься, а не для отыскивания пищи. Уже Левальян упоминает, что орел-скоморох иногда вдруг падает на некоторое расстояние вниз и так сильно складывает крылья, что кажется, будто бы он сломал крыло и должен упасть на землю; я видел, как он делал настоящие прыжки по воздуху. Надлежащим образом описать полет скомороха нельзя: он единственный в своем роде. Часто он высоко поднимает крылья, несколько минут не двигается, а затем так сильно ударяет ими, что слышен своеобразный, далеко раздающийся шум. Лишь на лету эта птица выказывает всю свою красоту; сидя, она кажется более странной, чем привлекательной. Особенно удивительный вид имеет, когда сидит на дереве. Скоморох нахохливается так, что кажется комком перьев, поднимает перья на голове и шее и поворачивает голову то вверх, то вниз, совершенно как филин. Если он заметил что-нибудь такое, что возбудило его внимание, то принимает особые позы: он расширяет тогда крылья и сопровождает это еще более сильными движениями головы, чем обыкновенно.

Из его чувств бесспорно выше всего стоит зрение, на что достаточно указывают уже его большие глаза; но и слух развит хорошо, а осязание также заметно. Относительно остальных чувств я не имею данных для суждения. Лишь крайне редко можно слышать голос скомороха, которого держат в неволе; обыкновенно это тихое «ква-ква», реже более громкое «какк-какк» или резкое «кау»; на лету же он нередко издает «хи-хи-хи» или «хиа-хиа», звучащее как голос канюка.

Левальян говорит, что скоморох нападает на молодых газелей, ягнят и больных овец; Гейглин убедился, что он опасен мелким млекопитающим. Я сам никогда не наблюдал, чтобы он на-

падал на крупных млекопитающих. Добыча его состоит из самых различных пресмыкающихся, а именно змей и ящериц; часто можно видеть, как он носит первых по воздуху. Не кружа предварительно и не трепеща на месте, как канюк, он вдруг останавливается в своем быстром полете и, как падающий камень, со свистом бросается вниз на замеченную змею. Он убивает без различия мелких, крупных, ядовитых и безвредных змей. На этом основана сказка, о которой я упоминал выше: арабы принимают змей, поднятых птицей на воздух, за целебные коренья. Если зажигают в степи траву, то скоморох охотится, поднимаясь или опускаясь вдоль линии огня, и часто пролетает сквозь густые облака дыма над самым пламенем, чтобы схватить одно из пресмыкающихся, убегающих от него.

Орлан-белохвост
(*Haliaeetus albicilla*)

лепно окрашенный и, кроме того, бросающийся в глаза своим поведением скоморох.

Одними из широко распространенных и очень характерных птиц, описываемого нами семейства являются орланы. Крупные, в большинстве случаев даже очень большие хищные птицы с крепким и длинным клювом, который у восковицы мало приподнят, а впереди ее к концу загнут вниз; с толстыми, только наполовину

оперенными плюснами, сильными, отдельными пальцами, длинными, острыми и очень кривыми когтями; большими крыльями, какими отличаются все парящие птицы; третье маховое перо длиннее остальных; когда крылья сложены, то они почти доходят до конца не очень длинного, широкого и более или менее закругленного хвоста. Оперение орланов обильное. Перья головы и затылка не особенно длинные, но с заостренными кончиками. Основной цвет оперения более или менее темный, яркий или тусклый серый; хвост обыкновенно белый; голова также часто бывает белой.

По берегам всех морей, омывающих Европу, часто встречается **орлан-белохвост** (*Haliaeetus albicilla*). Смотря по местности, величина и окраска его сильно варьируют. В длину он имеет 85—90 см, размах крыльев почти 2,5 м, длина крыла 65—70 см, а длина хвоста 30—32 см.

Область распространения орлана-белохвоста и беркута почти совпадают. Эта могучая птица водится во всей Европе; достоверно известно, что она выводит птенцов в Германии, кроме того в Шотландии, Скандинавии, Венгрии, Турции, Греции, Италии, Египте*. Наконец, в северной и южной России, на востоке ее всей северной и средней Сибири. Вальтер часто встречал орлана-белохвоста близ восточного побережья Каспийского моря, а в марте месяце также несколько раз на Амударье. На севере я встречал его по берегам Оби всюду, где они лесисты, но раз также среди тундры к северу от Урала. Достоверно известно, что он водится в Исландии, на Шпицбергене, Новой Земле и в Гренландии**.

На Амуре и в северном Китае он встречается часто, так как область его распространения простирается даже и на Японские острова.

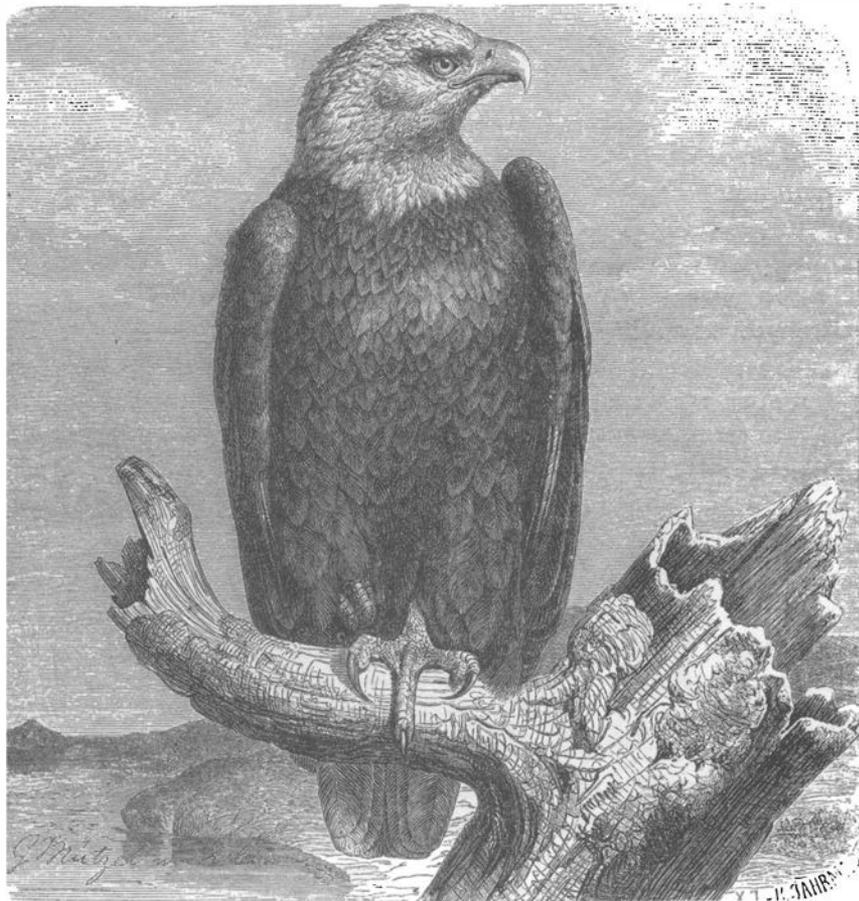
Нельзя также не упомянуть в этом сочинении о североамериканском **белоголовом орлане** (*Haliaeetus leucoccephalus*) не только потому, что он заменяет в Америке наш европейский вид, но главным образом ввиду того, что он неоднократно залетал в Европу и, как говорят, был даже убит в Германии. Он меньше орлана-белохвоста. Имеет в длину от 72—85 см, размах крыльев 190—211, длина крыла 52—57, длина хвоста 27—30 см. У старых птиц окраска оперения туловища однообразная темно-бурая, причем каждое отдельное перо снабжено более светлой каемкой; голова же, верхняя часть шеи и хвост ослепительно-белого цвета, маховые перья черные; глаза, восковица, клюв и ноги окрашены несколько светлее, чем у его европейского родича. У молодых птиц оперение почти сплошь черно-бурое.

Образ жизни и характер всех известных мне больших орланов чрезвычайно сходны: это ленивые, но сильные, выносливые и упрямые хищные птицы и притом принадлежащие к числу самых опасных хищников. Приступая к характеристике этого рода, считаю уместным начать с поэтического описания белоголового орлана, данного Одюбоном.

* Наблюдения орлана-белохвоста в Гренландии, на Новой Земле и Шпицбергене также относятся к негнездящимся бродячим птицам.

** Орлан-белохвост в настоящее время не гнездится ни в Палестине, ни в Египте. Скорее всего, он не гнезился там и во времена Брема, просто взрослых бродячих птиц принимали за гнездящихся.

«Чтобы получить понятие об этой птице, перенеситесь на берега Миссисипи в то время, когда приближение зимы пригоняет сюда из северных местностей миллионы водяных птиц, ищущих на юге более мягкого климата. На берегу этой широкой реки вы увидите орла, величественно сидящего на самой верхушке высочайшего дерева; своими сверкающими глазами он осматривает всю окрестность и внимательно прислушивается ко всякому звуку, издающему его чуткого уха. Время от времени он обращает свои взоры на землю, и от них не ускользнет даже совершенно бесшумно крадущийся молодой олень. Самец уселся на дерево, находящееся

головой орлан
(*Haliaeetus*
leucocephalus)

на противоположном берегу реки, и иногда среди тишины и спокойствия раздается его крик: это он перекликается со своей самкой. Она тогда раскрывает свои широкие крылья, наклоняет ниже туловище и отвечает на крик звуками, напоминающими хохот сумасшедшего; затем она тотчас принимает прежнее положение и снова наступает полная тишина».

«Разные виды уток — шилохвосты, свиязи, кряквы — быстро проплывают мимо вниз по течению реки, но орлан не нападает на них. Но в тот же момент слышится издали дикий, напоминающий звук

трубы, крик приближающегося лебедя. Над рекой раздается зов самки орлана, предупреждающей об этом самца. Он вдруг встряхивается и клювом приглаживает свои перья. Вот уже показалась белоснежная птица; ее длинная шея вытянута, она озирается кругом, чтобы вовремя заметить приближение какого-нибудь врага. Длинные крылья, по-видимому, с трудом поддерживают тяжелое туловище, и потому птица все время машет ими; ноги, приспособленные для плавания, помогают также изменять направление полета. Намеченная орланом добыча приближается. В то

самое мгновение, когда лебедь пролетает мимо пары опасных хищников, орлан-самец поднимается с вселяющим ужас криком, который для лебеда более страшен, чем даже звук ружейного выстрела. Теперь настал тот момент, когда орлан проявляет всю свою силу. Он скользит по воздуху, подобно падучей звезде, и с быстротой молнии устремляется на дрожащую жертву, которая в смертельном страхе и отчаянии употребляет все свое искусство, чтобы на лету увернуться от жестокого врага, угрожающего ей смертью. Лебедь поднимается, меняет направление полета и охотно бросился бы в реку, если бы орлан не был знаком со всеми его уловками и не заставлял бы его все время держаться на высоте. Наконец лебедь теряет надежду на спасение, страх одолевает его, и он падает духом, видя смелость и быстроту противника. Еще одна отчаянная попытка спастись — и орлан вонзает свои когти под крылья жертвы и с непреодолимой силой заставляя ее спуститься вместе с ним на ближайший берег».

«Теперь мы можем убедиться в жестокости этого опаснейшего врага пернатых. Выпрямившись над издыхающей под ним жертвой, он сжимает свои сильные лапы и вонзает острые когти глубоко в сердце умирающей птицы. Он шумно проявляет свою радость в то время, как его жертва судорожно вздрагивает под ним. Самка все время наблюдала за всяким движением самца и если она не поспешила к нему на помощь, то только потому, что чувствовала, у самца совершенно достаточно силы и храбрости. Теперь же она спускается к нему, они вместе переворачивают несчастного лебеда грудью кверху и принимаются за еду». Только поэт, каковым был Одюбон, может так живо описать нападение орлана на его беззащитную добычу. Одюбон передал в своем описании то, что действительно видел: краски нарисованной им картины вполне соответствуют действительности. К сожалению, я не могу далее цитировать этого автора, не растягивая чересчур своего описания; мне следует попытаться передать все то, что мне известно еще о нашем орлане, как можно более кратко*.

Все орланы вполне заслуженно называются морскими орлами. Они преимущественно береговые птицы, по крайней мере, только в исключительных случаях они удаляются на значительные расстояния от воды. Внутри материков старые орланы встречаются почти только по берегам больших рек и озер, молодых же, напротив, часто можно бывает видеть и очень далеко от моря. С того времени, когда они начинают летать и вплоть до периода спаривания, т.е. в течение нескольких лет, молодые орланы странствуют по всему белому свету, летая, куда глаза глядят. И во время таких путешествий появляются в самых центральных частях материков, следуя вверх по течению больших или, по крайней мере, значительных рек. Большею частью орланов не замечают во время этих путешествий, так как они обыкновенно летят на очень большой высоте.

** Поэтическое описание охоты белоголового орлана на лебеда, конечно, плод фантазии Одюбона. Лебедь — слишком крупная и сильная птица, чтобы орлан мог с ней справиться. Скорее всего Одюбон наблюдал охоту орланов за каким-нибудь другим объектом, но для большей эффектности и красочности описания заменил этот объект лебедем. Белоголовый орлан — одна из наиболее изученных птиц Северной Америки. Основным объектом его питания — рыба, а птицы (утки и гуси) занимают второстепенное место.*

Старые орланы гораздо реже решаются отправиться на кочевку, во-первых, потому, что они неохотно покидают свое постоянное местожительство, а во-вторых, потому, что они более опытные в своем хищническом ремесле, чем молодые. Они даже не всегда переселяются из России или других северных, лежащих вдали от моря местностей. А просто перелетают зимой ближе к населенным местам и живут вблизи их, голодая и жадно высматривая, нельзя ли чем-нибудь поживиться, пока не раздобудут или какую-нибудь падаль, или собаку, кошку, поросенка, козленка, курицу, тетерева, гуся, утку. Впрочем, как бы далеко ни странствовал орлан, он только в крайнем случае удаляется от воды. Они не избегают степей, а в южной России даже решаются строить там гнезда, но поселяются непременно близ реки.

За исключением периода размножения, орланы живут большей частью обществами, походя в этом скорее на грифов, чем на орлов. Удобно расположенный лес или скала служат местом собраний или ночлега; среди лета они охотно ночуют на небольших островах, особенно на шхерах, часто также они проводят ночь в лесу близ берега, а иногда даже и далеко от воды. В таком случае они помещаются всегда на одном из нижних сучков вершины высокого дерева, так что густая листва почти совершенно закрывает их. Если в окрестности орлан может иметь обильную добычу, то он возвращается на такое место ночлега с таким же постоянством, как и в свое гнездо. Он прилетает поздно на ночлег и рано утром, еще до восхода солнца, отправляется осматривать тот район, в котором охотится. Если он скоро найдет добычу, то наедается еще до полудня и затем несколько часов отдыхает, вычистив сначала свой клюв и напившись воды; при этом он роется клювом в оперении, иногда также немного поспит, а в послеобеденное время отправляется вторично на охоту, с которой возвращается уже прямо на ночлег.

Подобно беркуту, орлан охотится за всякой дичью, с которой может справиться, и при всяком удобном случае пускает в дело свои неоперенные лапы, чрезвычайно облегчающие ему рыбную ловлю. Ежу, несмотря на его иглы, точно так же, как и лисице с ее острыми зубами, трудно спастись от этого хищника; дикому гусю его осторожность помогает не больше, чем ныряющим птицам их умение скрываться под водой. Близ берега моря он преследует различных морских птиц, особенно уток и гагар, а также рыб и морских млекопитающих. К смелости и уверенности в своей силе у этого хищника присоединяется еще удивительная настойчивость. Гомейер видел, как орлан несколько раз сряду бросался на лисицу, которая, как известно, умеет постоять за себя. Этот же натуралист слышал от очевидцев, к рассказу которых можно отнести с полным доверием, что в другом подобном случае одному орлану чуть было не удалось убить выслеженную им лисицу, беспрестанно нападая на нее, ловко уклоняясь от ее опасных зубов и никаким образом не позволяя ей укрыться в соседнем лесу. Что стада мел-

кого скота сильно терпят от этого орла, достаточно известно; не подлежит также сомнению, что он нападает на детей*.

Нордман рассказывает даже, что в Лапландии орлан бросился на одного лысого рыбака, другой орлан утащил из рыбацкой лодки только что пойманную щуку, пока сидевший тут же рыбак приводил в порядок сеть.

На птичьих горах севера орлана можно бывает встретить постоянно, и здесь он преспокойно вытаскивает птиц из их гнезд. Гагар он настигает на лету, молодых тюленей уносит на глазах матерей, а рыб преследует глубоко под водой. Иногда, впрочем, эти попытки ему не удаются. Киттиц слышал от камчадалов, что иногда дельфин, на которого бросается орлан, утаскивает его с собой в воду, где он и погибает. Ленц же рассказывает следующее: «Орлан носился над Гавелем и заметил осетра, на которого он тотчас же и бросился; но смелый хищник слишком понадеялся на свою силу: осетр оказался для него чересчур тяжелым, и он не мог вытащить свою добычу из воды. Но в то же время и рыба была не в силах утащить орла с собой вглубь. Осетр, как стрела, несся над самой поверхностью воды; на нем сидел орел с распростертыми крыльями, так что оба они напоминали корабль, идущий под парусами. Несколько человек, заметив это странное зрелище, сели в лодку и поймали осетра вместе с орланом, который так глубоко вонзил когти в рыбу, что уж не мог вытащить их».

В степях южной России орлану часто приходится довольствоваться самой жалкой дичью. Когда он охотится вдали от реки, то, по словам Нордмана, главную добычу его составляют маленькие степные млекопитающие и птицы. Сидя на верстовых столбах или на холмах, насыпанных для обозначения дороги, зимой часто в непосредственной близости от людских жилищ, он подкарауливает сусликов и ящериц; умеет также изловить цокора, схватывая его как раз в тот момент, когда он, роясь, приподнимает верхний слой земли. Орланы любят падаль, пожалуй, не меньше чем грифы, даже близ моря значительную часть их пищи составляет мертвая рыба, выброшенная морем; внутри материков они никогда не упускают случая поживиться найденной падалью.

По физическим способностям все орланы стоят ниже орлов. По земле они движутся, может быть, проворнее последних и, как уже было сказано, умеют до известной степени управляться на воде; но полету их недостает той ловкости и изящества, которыми отличается полет всех благородных орлов. На лету они выглядят иначе: их короткая шея и короткий, сильно закругленный хвост при очень длинных, но довольно узких и почти всюду имеющих одинаковую ширину крыльях, настолько характерны, что их трудно принять за кого-нибудь из благородных родичей. Кроме того, они более тяжело машут крыльями и полет их более медленный, хотя все же летят очень скоро, даже и тогда, когда совсем не шевеля крыльями, парят, описывая в воздухе круги

* Что касается мелкого рогатого скота, то орлану не под силу убить взрослую овцу или козу, он обычно довольствуется падалью, хотя новорожденные ягнята и детеныши северного оленя вполне доступная ему пища. Высказывания о нападениях на детей, относятся к разряду басен. Их включают в свои повествования рассказчики, чтобы подчеркнуть хищнические наклонности крупных хищных птиц, показать, какие они грозные и страшные.

или скользя по прямому направлению. Зато они превосходят благородных орлов в одном отношении, а именно в искусстве, с которым они управляют на воде; уменьем этим обладают только немногие хищные птицы. Орлан ныряет, бросаясь в воду с высоты, и в этом отношении он может поспорить с любой чайкой или крачкой. По сообщению одного прекрасного наблюдателя, шведского натуралиста Нильсона, иногда орлан, чтобы отдохнуть, прямо-таки опускается на поверхность моря, совершенно подобно плавающей птице, и остается на воде более или менее долго, смотря по желанию. Когда он хочет взлететь, то простирает крылья почти вертикально и одним ударом их поднимается с воды. Органы чувств развиты у него почти так же хорошо, как и у орлов.

В марте для орланов наступает период размножения. Весьма вероятно, что и у них самка часто всю жизнь остается верной одному и тому же самцу, но последнему при приближении всякого другого самца приходится вступить с ним в серьезный бой, и в случае неблагоприятного исхода он может лишиться подруги.

Расположение гнезда зависит от местных условий. Везде, где крутые утесы омываются непосредственно морем, орлан отыскивает подходящее место. Там, где берег моря или большой реки порос лесом, он выбирает для постройки гнезда всякое дерево; если вблизи водного бассейна, изобилующего рыбой, нет ни одного высокого дерева, он довольствуется часто совсем жалкими кустами, которые едва могут вынести тяжесть постройки, и даже камышами.

Всего чаще он гнездится на соснах, а, кроме того, также на буках и дубах. Гнездо представляет огромную постройку, имеющую 1,5—2 м в поперечнике и 30—100 см и даже более в высоту; оно служит одной и той же паре много лет подряд, а от ежегодных починок становится все более и более высоким. Основание сложено из сучьев, толщиной в руку, а верхняя часть гнезда из более тонких ветвей. Очень пологое дно покрыто нежными ветками и выстлано сухой травой, лишаями, мхом и т.п.

В конце марта, редко раньше или немного позже в гнезде можно найти всю кладку, состоящую из двух или трех сравнительно небольших яиц, имеющих только 67—73 мм в длину, 53—57 мм в толщину; яйца эти довольно разнообразны. Скорлупа у них толстая, грубая и крупнозернистая, окраска различная; встречаются и совершенно белые без всяких пятен, и такие, у которых по белому фону рассеяны более или менее многочисленные красноватые, коричневые и темно-бурые пятна. Мне известно, что самец помогает самке высидывать; для отдыха в это время он всегда избирает в некотором отдалении от гнезда скалу или высохший сук, с которых открывается вид на всю окрестность; при малейшей тревоге он тотчас же спешит отсюда на помощь самке. Для вылупившихся птенцов обе птицы таскают множество пищи; они охотятся с тем большим рвением и смелостью, чем больше подрастают их птенцы, и мало-помалу гнездо их обращается в настоящую

бойню, где можно найти остатки всевозможных животных, в особенности рыб и водяных птиц. Как только они завладеют добычей, направляются прямо к гнезду и при этом, по наблюдениям графа Бамбелли, одного из членов нашего охотничьего общества в Венгрии, пролетают расстояние в 4—5 км так быстро, что приносят своим птенцам еще живых, бьющихся рыб. Если птенец выпадет из гнезда, что нередко случается, и при этом не убьется, то родители продолжают кормить его внизу, как будто с ним ничего не случилось. Если убьют самку, то самец один кормит птенцов. При благоприятных обстоятельствах птенцы уже через 10—14 недель бывают в состоянии покинуть гнездо, но после вылета еще часто возвращаются в него. Только к осени они совсем покидают родителей.

В клетке орлан держит себя сначала крайне беспокойно, нападает даже на сторожа, но вскоре он приручается и относится тогда к людям вполне дружелюбно. Поэтому заведующие зоологическими садами любят орланов и дорожат ими. При более или менее удовлетворительном уходе орланы переносят неволю так же долго, как и другие родственные им виды. Случаи, что орланы проживали в клетке до 40 лет, не составляют редкости. Относительно тех, которые так долго прожили в неволе, известно, что они только на 10-м или 12-м году приобретают окраску старых птиц, или, что также иногда случается, несут яйца.

В Африке водится самый красивый орлан-крикун (*Haliaeetus vocifer*). Последний является вообще одним из самых красивых представителей семейства ястребиных и настоящим украшением тех местностей, в которых он обитает. У взрослых птиц голова, шея, затылок, верхняя часть груди и хвост ослепительно-белого цвета, маховые перья голубовато-черные, край крыльев и вся нижняя сторона тела — великолепного красноватого цвета; кольцо вокруг глаз, восковица и лапы светло-желтые, клюв, как сверху, так и снизу синевато-черный. Длина этой птицы 68—72 см, длина крыла 50 и длина хвоста 15 см.

Орлан-крикун впервые был открыт Левальяном в южной Африке; позже другие натуралисты встретили его также в западной и во внутренней части северо-восточной Африки. Пара орланов, сидящих на дереве, обвитом лианами и нависшем над зеркальной поверхностью воды, представляет чудную картину, и, как ни избалован глаз наблюдателя в этих местах, избилующих роскошно окрашенными птицами, эта картина всегда приводит его в восторг.

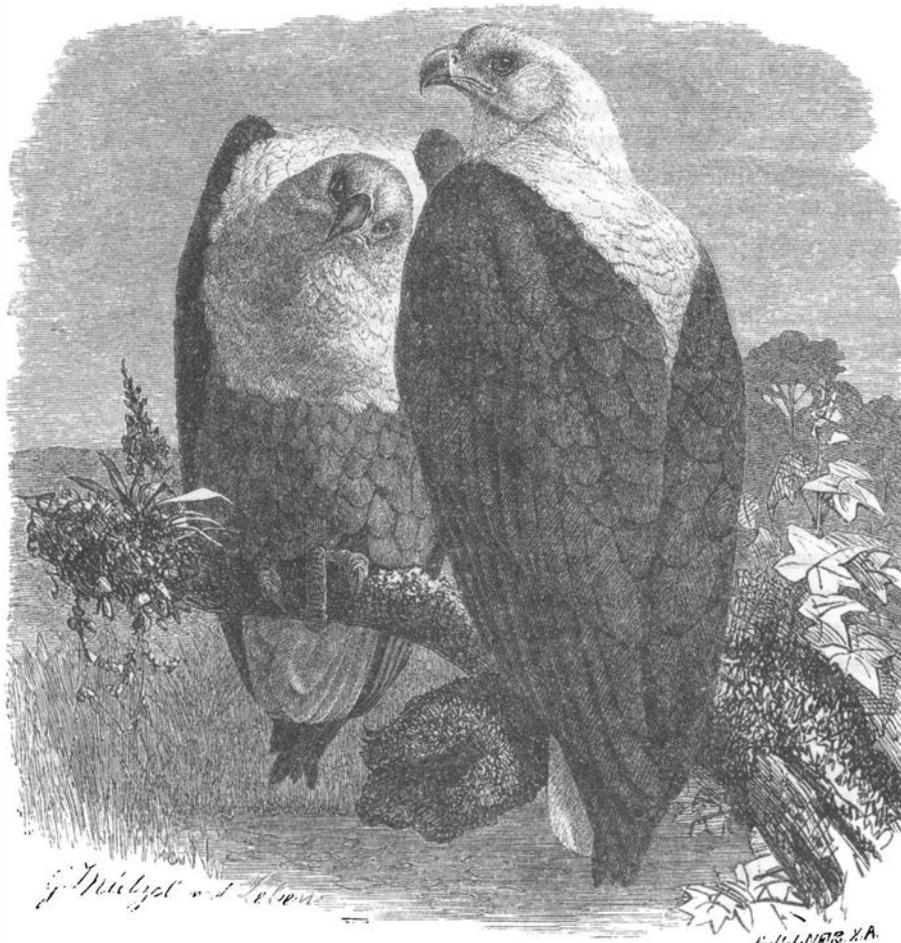
Образом жизни и характером орлан-крикун вполне походит на своих родичей. Он всегда живет парами, только после периода размножения иногда эти орланы, может быть, собираются временно в общества с более крупными родичами. Каждая пара избирает себе участок, имеющий около 3 км в диаметре. Здесь в утренние часы орланы летают взад и вперед, высматривая добычу; в полдень поднимаются высоко в воздух, чтобы поиграть, кружатся с полчаса и более и время от времени звонко

кричат, так что их бывает слышно на далеком расстоянии. «Голосовые средства орлана-крикуна, — говорит Швейнфурт, который, по-видимому, особенно увлекается этими птицами, — замечательны; в этом отношении он не имеет себе подобных в царстве пернатых. Крик его всегда раздается неожиданно и распространяется далеко по гладкой поверхности реки; то он напоминает голоса испуганных женщин, то кажется, что спрятавшаяся где-нибудь толпа шулунов-мальчиков вдруг выскочила с шумом и гамом. Обман слуха бывает настолько полный, что я, например, всегда оглядывался с

удивлением, чтобы открыть виновника этого крика, хотя в течение нескольких лет очень часто имел случай наблюдать орланов-крикунов. Этот крик составляет, по-видимому, наиболее существенную их особенность. Когда орлан кричит на лету, то движения его становятся чрезвычайно беспокойными; так и ожидаешь, что он сейчас перекувырнется в воздухе».

«Когда эти орлы, — пишет Пехуэль-Леше, — во время заката солнца летят в вышине над широко расстилающейся поверхностью воды, они иногда вдруг начинают выделывать на лету удивительные

Орлан-крикун
(*Haliaeetus vocifer*)

штуки: кружатся, предаваясь какому-то дикому веселью, и при этом сильно вздрагивают и встряхиваются, словно охваченные судорогами. Затем, через известный промежуток времени, слышится их крик, который у них сопровождается такими странными упражнениями». После обеда и под вечер парочка отдыхает на верхушке дерева или на каком-нибудь плавающем стволе, и обе птицы сидят так целыми часами друг возле друга. Всякое новое явление орланы обыкновенно встречают криком; при этом один из них закидывает голову далеко назад, подобно другим орланам, поднимает веерообразно распущенный хвост кверху меж-

ду крыльями и из груди его с силой вырывается громкий зву-
ный крик. У каждой пары есть свое любимое место отдыха, и
если удастся открыть его, то можно быть уверенным, что ежеднев-
но в известный час встретишь там орланов. Для ночлега они
выбирают более густой лес, где их убаюкивают своим криком
живущие там попугаи.

Пища орлана-крикуна состоит из рыбы и падали. На рыбу
он бросается с большой высоты, ныряет за ней глубоко в воду и
затем снова поднимается, тяжело махая крыльями. За падалью
или опускается на землю, заметив ее здесь, или вытаскивает ее из
воды, если она плывет вниз по реке. Гартман узнал в Судане от
туземцев, что орлан также вытаскивает из воды большие ракови-
ны и разбивает их на скалах.

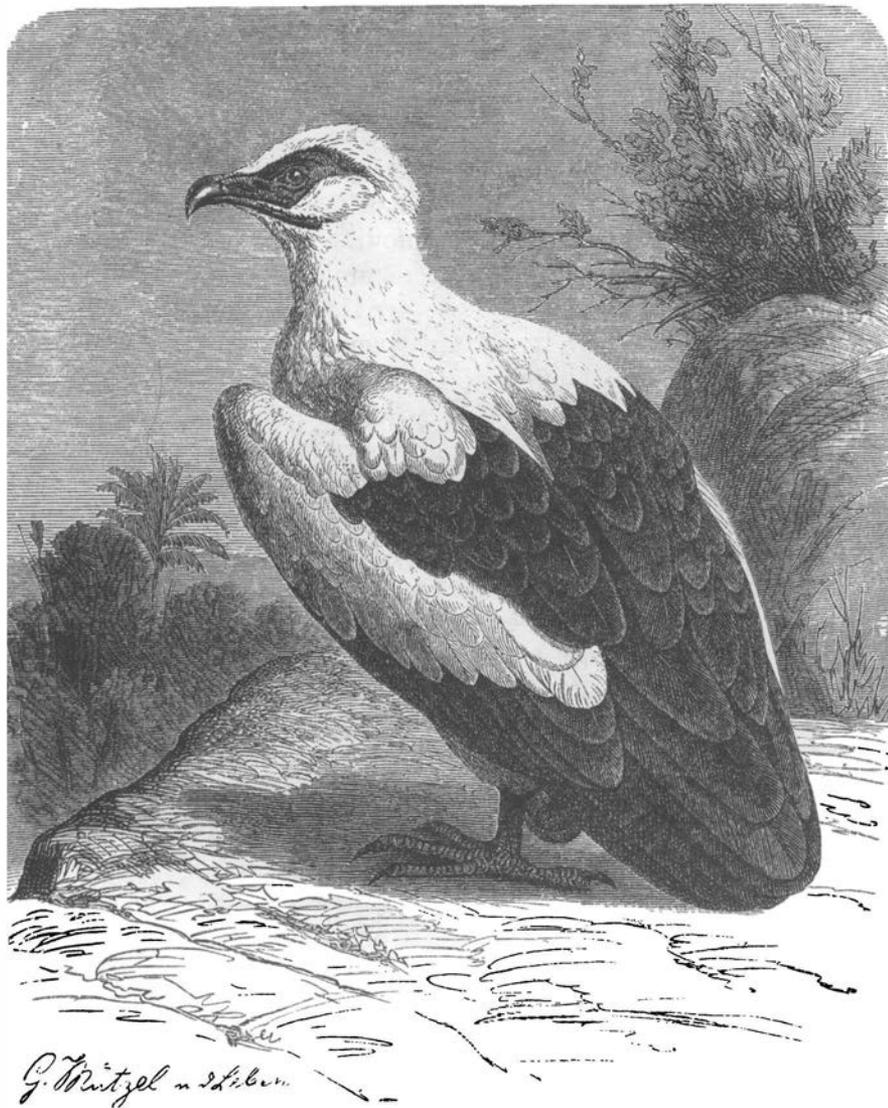
Я видел однажды, как орлан-крикун преследовал цаплю; дру-
гой раз он съел подстреленного нами коршуна. Но все-таки я не
думаю, чтобы орлан постоянно охотился за высшими позвоночны-
ми, как утверждает Левальян, нашедший кости газели в числе дру-
гих остатков от его обеда. «Мы ни разу не видали, — говорит Пе-
хуэль-Леше, — чтобы орлан-крикун преследовал птиц или млеко-
питающих; они и не боятся этого орла». Зато с другими хищными
птицами у орлана-крикуна далеко не мирные отношения; особен-
но яростно он нападает на грифов и, благодаря своей ловкости,
обыкновенно остается победителем. Он не терпит конкурентов по
своему ремеслу. Однажды Гейглин видел, как орлан-крикун с кри-
ком бросился на другую хищную птицу и отнял у нее рыбу. Ли-
вингстон не раз был свидетелем того, как орланы мучили пелика-
нов до тех пор, пока последние не извергали из своего мешка пой-
маных ими рыб и не уступали их своим мучителям.

В неволе орланы-крикуны держат себя совершенно так же,
как и остальная их родня. Они скоро приручаются и встречают
тогда хозяина звонким криком. Насколько можно судить по име-
ющимся наблюдениям, они легко переносят наш суровый кли-
мат. В зоологических садах пленные орланы-крикуны живут из
года в год на открытом воздухе.

Пальмовый гриф, или **грифовый орлан** (*Gypohierax*
angolensis), о котором здесь идет речь, внешним видом и осан-
кой гораздо более похож на стервятника. Клюв у него сильный,
хотя длинный и очень узкий. Верхняя половина его слегка дуго-
образно изогнута, коротка и оканчивается тупым крючком, на
краях нет зубцов; нижняя половина большая и приблизительно
на одну треть менее высокая, чем верхняя. Восковица прикрыва-
ет половину клюва; ноздри имеют вид широких щелей, распо-
ложенных несколько косо в продольном направлении. Уздечка го-
лая, ноги слабые. Пальцы сравнительно короткие, вооруженные
не особенно большими кривыми когтями. Крылья длинные и ос-
трые. Оперение взрослой птицы все белое, за исключением чер-
ных кончиков больших маховых перьев, малых маховых перьев,

плечевых перьев и широкой черной полосы. У молодых птиц однообразное темно-бурое оперение и бурые глаза. Только на третьем или четвертом году молодые птицы вполне приобретают окраску взрослых. В длину он имеет 60 см, длина крыла 40, а хвоста 20 см.

Относительно образа жизни этой птицы, известной уже в течение целого столетия, мы только в последнее время получили сведения от Рейхенова. Преимущественно на основании его на-

Гальмовый гриф, или
грифовый орлан
(*Gyrohierax angolensis*)

орлан-белохвост внутри европейского материка. Наиболее удобное местожительство представляют для этого орлана болотистые пространства, тянущиеся вдоль рек, особенно там, где воды больших западноафриканских рек несут с собой громадное количество ила, мутящего море на протяжении многих миль и образующего часто обширные дельты. Эти болотистые местности

блюдений нами и составлено последующее описание. «Пальмовый гриф часто встречается под тропиками в западной Африке. В восточной же был убит до сих пор только один экземпляр на острове Пемба, к северу от Занзибара. На западном побережье, внутри указанных нами пределов, он принадлежит к числу наиболее обыкновенных хищных птиц. По Золотому берегу вплоть до Габона я встречал его повсюду, где только имелись подходящие условия для его существования. Питаясь преимущественно рыбой, он может жить только вблизи воды, на морском берегу или около рек; на плохо орошаемых возвышенностях и горах он представляет такую же редкость, как и наш

главным образом покрыты зарослями мангровых деревьев, и только местами, украшенные пальмами и колючими панданусами, пересекаются узкими речными рукавами, которые очень редко посещаются человеком; здесь-то обыкновенно и устраивают свои жилища пальмовые грифы. Они представляют здесь настолько обыкновенное явление, что могут быть отнесены к числу птиц, наиболее характерных для пустынных болотистых местностей. Их можно видеть сидящими в одиночку или парами на верхушке дерева и отдыхающими после еды или играющими высоко в воздухе, причем они то описывают круги, то несутся над самой поверхностью воды, высматривая добычу. Сидящий пальмовый гриф держится довольно прямо; его длинный клюв и голая передняя часть головы делают его настолько похожим на королевского грифа, что его узнаешь только тогда, когда он поднимется. Особенности своего образа жизни он напоминает нашего орлана-белохвоста, только все движения его более медленны. На лету он также имеет более всего сходства с орланом-белохвостом. Подобно белохвосту, он тоже иногда, играя, бросается вниз с большой высоты и затем, спокойно паря, снова поднимается ввышину. Впрочем, у него манера охотиться иная, чем у орлана-белохвоста; в этом отношении он скорее напоминает коршунов. Охотясь, он низко несется над поверхностью воды и, заметив рыбу, спускается довольно медленно по дугообразной линии, чтобы схватить ее на поверхности. Я никогда не видал, чтобы этот гриф бросался круто, увидев добычу. Кроме рыбы он, по-видимому, питается моллюсками, которые во множестве находятся на болотистых берегах устьев рек. Впрочем, возможно, что иногда нападает на млекопитающих и птиц. Не раз мне случалось видеть его преследующим серых попугаев, которые улетали от него с явными признаками страха и громким криком. Сначала я скорее склонен был смотреть на эти преследования, как на игру, но ввиду интересного наблюдения Ушера, видевшего, как пальмовый гриф бросился на молодую козу, должно предположить, что он преследует попугаев с враждебными намерениями. Но я считаю невероятным, чтобы пальмовый гриф ел косточки плодов пальм, как утверждает Пэль*. Удивительна молчаливость этой птицы. Хотя я в течение полугода мог почти ежедневно наблюдать ее в низменностях Камеруна, я ни разу не слышал от нее ни одного звука.

Гнездо я всегда находил на одном из самых высоких деревьев того района, в котором жила пара этих птиц. На время периода размножения пальмовые грифы часто покидают устья рек и летят вверх по течению туда, где растут гигантские хлопчатники и баобабы, на которых удобнее строить гнездо, чем на низких мангровых деревьях. Гнездом, устраиваемым на верхушке или на вилообразно расходящихся сучьях упомянутых нами деревьев, птицы пользуются несколько лет подряд, и потому оно дости-

**Как показали специальные исследования, плоды гвинейской пальмы и раффии, или винной пальмы, составляют существенную долю в питании грифа.*

гает значительных размеров. Кладка состоит, по-видимому, только из двух яиц. К сожалению, я не мог вполне убедиться в этом; мне ни разу не удалось достать яйца из гнезда, хотя самые гнезда я видал несколько раз; но они всегда находились на совершенно недоступных для меня местах. Что негры умеют, тем не менее, добираться до этих гнезд, доказывают нередко привозимые в Европу живыми молодые грифы».

Во многих отношениях значительно расходятся с этим рассказом сообщения Пехуэль-Леше. «Эта коренастая птица или отдыхает в ленивой позе на суке дерева, растущего на берегу или среди саванны, или, реже, кругами носится по воздуху на сравнительно небольшой высоте и медленно парит над берегом моря или над водами, прорезывающими материк. По дороге этот гриф схватывает крабов, раковины, следующих за приливом рыб и подобную легко добываемую мясную пищу. Никогда мы не видали, чтобы он бросался стремглав с высоты на свою добычу или долго преследовал какое-нибудь животное. Я также ни разу не замечал, чтобы какая-нибудь птица или млекопитающее выказывали страх перед ним. Он схватывает только то, что случайно попадетс я ему по пути и, как на свободе, так и в неволе, охотно питается плодами масличной пальмы. Когда мы охотились за водяными птицами, не раз случалось, что после удачного выстрела какой-нибудь находившийся поблизости пальмовый гриф преспокойно подлетал и уносил подстреленную птицу, несмотря на наш крик и угрожающие жесты. Один старый гриф в течение нескольких недель ежедневно появлялся утром около нашего жилища как раз, когда мы стреляли для обеда зеленых голубей, постоянно пролетавших мимо нас в одно и то же время. Он садился на баобаб и терпеливо дожидался, пока мы уйдем, чтобы тогда подобрать то, что оставалось от нашей добычи».

«Мы можем назвать пальмовых грифов вполне безвредными или даже полезными птицами; туземцы также не сообщили нам ничего, что говорило бы не в их пользу. Поэтому их никто не преследует. Местами, конечно, за ними охотятся из-за мяса, которое приобретает приятный вкус, может быть, вследствие того, что они отчасти питаются плодами масляной пальмы. У негров племени Кру, этих западно-африканских странствующих мастеров, мясо их считается даже одним из самых лакомых блюд».

Осоед (*Pernis apivorus*) достигает 59—62 см в длину; размах его крыльев 135—140, длина крыла 40, длина хвоста 23 см. Оперение подвержено разнообразным изменениям; но, по наблюдениям Берендса, особенности окраски сохраняются в течение нескольких поколений, так что птенцы двух родителей одинакового цвета наследуют их окраску. Иногда оперение бывает однообразного бурого цвета, только на хвосте три больших и несколько маленьких коричневых полос, да голова у самца серо-голубая; часто также верхняя сторона туловища бывает бурой, а нижняя

более или менее испещрена белыми пятнами или скорее белая с бурыми поперечными пятнами и с черными стержневыми полосками. Молодые птицы обыкновенно коричневые или желто-бурые; перья на голове у них светлее, а стержни более темные. Кроме указанных видоизменений окраски, существует и много других. Глаза у осоеда бывает всяких оттенков, начиная от серебристо-белого до золотисто-желтого; клюв черный, восковица золотисто-желтая, ноги лимонно-желтые.

Вся Европа, за исключением самых северных стран, может считаться отечеством осоедов. Начиная от средней Скандинавии и Финляндии, они водятся решительно повсеместно, но всюду, разве только за исключением восточной России, встречаются поодиночке и только местами. На низменностях он попадает чаще, чем в горных местностях: вообще на высоте более чем на 1000 м над уровнем моря он, по-видимому, не встречается; кроме того, присутствие или отсутствие осоедов в какой-нибудь местности зависит от характера леса. Исключительно хвойных лесов осоед избегает или, по крайней мере, там, где может выбирать, предпочитает лиственные. По словам Альтума, он охотнее поселяется в буковых лесах, чем в дубовых.

«Осоед, — говорит Науман, — совсем неблагородная и трусливая птица; по этому качеству он превосходит всех наших хищных птиц. Главные черты его характера — добродушие, трусливость и вместе с тем глубокое упрямство. Он пуглив, летает медленно, тяжело и обыкновенно низко над землей; на лету он лениво, а при поворотах и довольно неловко машет крыльями, по временам парит и в таком случае кажется менее неповоротливым; вообще полет его более тихий и медленный, чем у других его родичей. Прибавлю еще, что, когда он летит, его легко отличить от канюка, часто встречающегося в Германии. Осоед кажется значительно больше вытянутым в длину и хотя он своей фигурой на

Осоед
(*Pernis apivorus*)

лету напоминает трезубец, его всегда можно отличить по его более длинным крыльям и хвосту. В период любви он также выделяет разные фокусы.

«Во всем поведении осоеда, — продолжает Науман, — является величайшая лень. Целыми часами он сидит на одном месте, обыкновенно на межевом камне или на уединенно стоящем дереве, высматривая добычу. Вопреки обыкновению других хищных птиц, довольно свободно двигается по земле и часто на ходу преследует насекомых. Когда идет по земле, подняв высоко голову и растопырив головные и затылочные перья, пожалуй, его можно было бы принять за небольшого орла, если бы его тотчас не выдавала походка, которой он напоминает скорее ворону. Крик его — торопливое, часто повторяющееся «ки-ки-ких», тянущееся иногда несколько минут сряду».

Осоед вполне заслуженно носит свое имя, так как пищу его главным образом составляют осы и другие перепончатокрылые. До тех насекомых, которые строят свои гнезда над землей, он добывается, вероятно, сбрасывая их жилища с ветвей, к которым они прикреплены, а живущих под землей он добывает, разрывая их подземные постройки. «Однажды я видел, — пишет мне Либбе, — пару осоедов, которые были заняты тем, что на краю одного поля раскапывали шмелиное гнездо. Самка хватала лапами дерн и землю и вырывала кусок за куском, причем помогала иногда и клювом. Самец несколько раз на короткое время сменял свою подругу. Приблизительно через четверть часа они окончили свою работу».

Если эта птица откроет пчелиное или осиное гнездо, ее нелегко отогнать от него. «В одно июльское утро, — рассказывает Берендс, — крестьянин заметил осоеда, занятого раскапыванием осинового гнезда. Хотя его несколько раз спугивали, он вскоре снова появлялся и усердно принимался за прерванную работу. В полдень я его застрелил прежде, чем он успел раскопать гнездо. В его зобу и желудке я нашел только остатки жуков и ни малейшего следа ос, которые, однако, во время шестичасовой работы осоеда целыми сотнями кружились около него; он отгонял их от себя, встряхивая головой. Это явление возбудило мое внимание, и я очень обрадовался, когда вскоре после того мне удалось достать старую, легко раненую самку, и я получил возможность производить над ней опыты. Когда я предлагал ей осу, то она не только не ела ее, но даже отворачивалась; если же она и решалась схватить осу, то сейчас же и бросала ее. Сколько раз я ни повторял опыт, результат был один и тот же. Никогда я не мог заставить птицу съесть осу». Берендс, взгляд которого мы будем опровергать далее, замечает затем, что осоед, кроме ос и пчел, ест еще саранчу, жуков, гусениц, лягушек и ящериц. Остатки теплокровных животных Берендс находил в их желудке только изредка.

За исключением Берендса, все наблюдатели, рассматривавшие насекомых, находившихся в зобу и желудке осоеда, единогласно утверждают, что он непременно откусывает жало у всех перепончатокрылых, шершней, ос, шмелей и пчел, прежде чем проглотит их. По словам Наумана, он умеет так ловко ловить этих насекомых, что, когда он схватывает их, они располагаются у него в клюве сбоку в поперечном направлении. Быстро сжимая челюсти, осоед откусывает конец брюшка насекомого на расстоянии миллиметра от жала, так что откушенный кусок отпадает; он никогда не проглатывает жала, так как иначе оно могло бы нанести ему смертельную рану, вонзившись во рту или глотке. Над всеми насекомыми он производит эту операцию, и никогда в содержимом его желудка не находили ни одного жала. Во время охоты за осами и пчелами его достаточно защищают от укусов летающих вокруг него насекомых жесткое оперение и твердые щитки, покрывающие его лапы.

Тотчас после прилета на родину осоед принимается за постройку нового или за починку старого гнезда. Он строит его всего охотнее в лиственных лесах, граничащих с полями и лугами. Только в крайности он сам строит себе гнездо: гораздо охотнее пользуется готовым гнездом, в котором в предыдущем году жил сарыч или коршун, или даже старым вороньим гнездом, которое он чинит, обыкновенно употребляя для этого свежие зеленые прутья. Когда он решится сам строить себе гнездо, то принимается за дело в высшей степени неловко и небрежно. Постройка в таком случае выходит чрезвычайно плохая и состоит обыкновенно из нескольких слоев тонких прутьев, которые иногда бывают так неплотно наложены один на другой, что видны насквозь яйца, если смотреть на гнездо снизу.

Во время периода любви самцы и самки осоедов, подобно другим ястребиным птицам и особенно канюкам, играют друг с другом высоко в воздухе, и тогда, по словам Наумана, бывает очень интересно смотреть на эти игры, происходящие над тем местом, где находится гнездо осоедов. Парочка их, не шевеля крыльями, большими кругами взлетает на высоту, поднимаясь по спиральной линии. Самец постепенно отделяется от самки и залетает на еще большую высоту; затем отсюда он почти с вертикально поднятыми крыльями, как-то особенно быстро покачиваясь, спускается снова к самке, но тотчас опять кругами поднимается на большую высоту, чтобы еще раз спуститься к ней, затем снова взлетает на высоту; и так они играют друг с другом иногда в течение четверти часа.

Кладка состоит из двух яиц*, форма и цвет которых изменчивы; то они шарообразны, то яйцевидны. Скорлупа у них более или менее блестящая, желто-белая или красно-бурая со светлыми или темными пятнами, цвет которых иногда всюду одинаков, иногда же на одной половине яйца темнее, чем на другой. По

* Кладки осоедов обычно содержат два яйца, но бывают гнезда с одним или тремя яйцами.

наблюдениям Саксэ, осоед несет яйца никак не раньше конца мая и притом второе яйцо через промежуток от трех до пяти дней после первого. «Самец и самка сидят на яйцах попеременно и кормят друг друга личинками ос и шмелей; личинки эти приносятся осоедами вместе с сотами, и часто в гнезде образуются большие запасы. Замечательно смелыми бывают осоеды, когда они сидят на яйцах. Шестого июня 1870 года я рассчитывал найти яйца в одном гнезде, которое перед тем много раз осматривал. Осоед сидел в нем; хвост его высовывался из гнезда. Я постучал палкой о дуб, но осоед не шевельнулся. Только после того, как я несколько раз принимался стучать, он сел на край гнезда, нахохлился, поднял перья на голове, злобно посмотрел на меня, встряхнулся и снова уселся на яйца. Только, когда я уже почти добрался до самого гнезда, осоед, нисколько не торопясь, пошел вдоль сука, на котором находилось гнездо, и затем уже полетел. Преследуемый воронами и разными небольшими птицами, он некоторое время летал вокруг дерева и затем снова опустил, шагах в 50 от меня. Оказалось, что яйца высиживались уже в течение 4—5 дней. Не раз со мной случалось, что осоед улетал из гнезда только тогда, когда я уже почти мог схватить его.

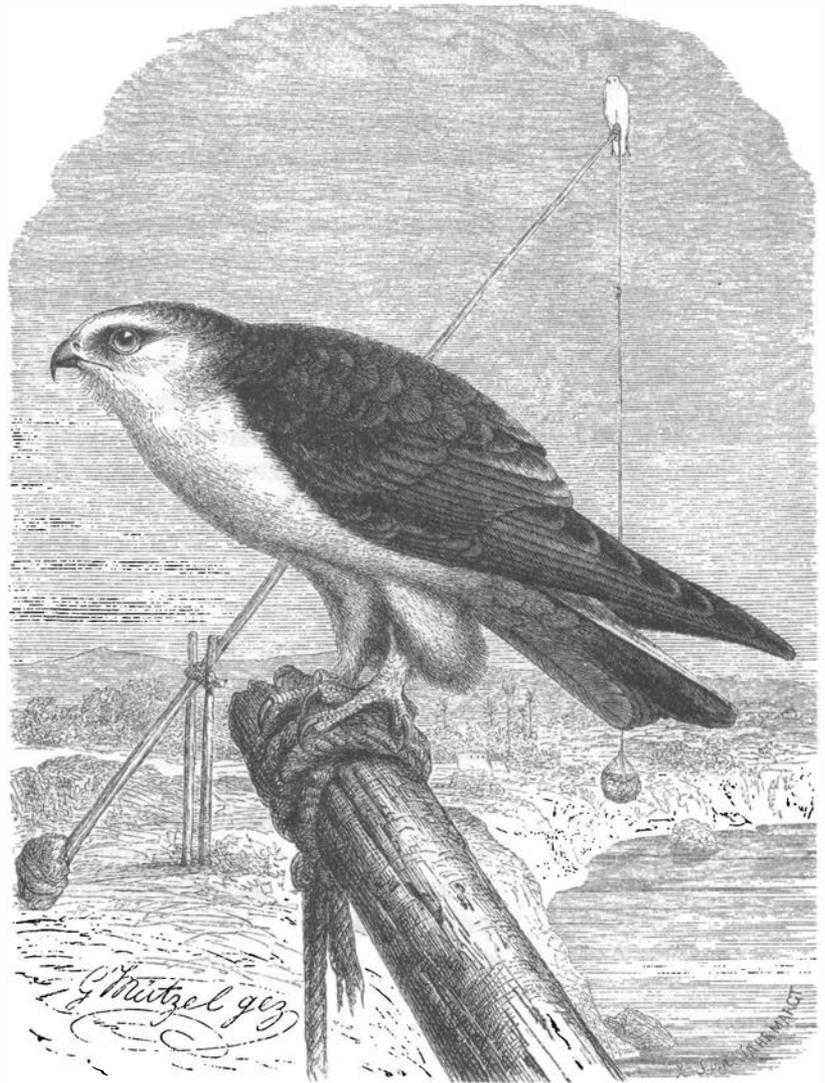
Сначала птенцы кормятся гусеницами, мухами и другими насекомыми; родители собирают эту пищу в глотку и выбрасывают потом птенцам. Позже они приносят птенцам целые соты, наполненные личинками, и осиные гнезда, а под конец даже молодых лягушек, птиц. Птенцы после того, как научатся летать, некоторое время еще ночуют в гнезде; потом они начинают кочевать, причем сначала держатся все вместе и, вероятно, все еще возвращаются на то место, где родились. Под руководством своих родителей они скоро научаются сами добывать себе пищу, но, несмотря на это, еще долго остаются в некоторой зависимости от них».

Во всех частях света распространены коршуны. Представители немногих установленных до сих пор видов чрезвычайно сходны между собою. Голова у них большая и круглая, туловище коренастое, клюв короткий, сравнительно высокий, сильно изогнутый в длинный крючок. Крылья очень длинные, так что, когда они сложены, то заходят дальше короткого хвоста, имеющего на конце небольшую выемку. Чрезвычайно густое оперение состоит из очень нежных, как бы рассученных шелковистых перьев, как у сов.

У чернокрылого дымчатого коршуна (*Elanus caeruleus*) верхняя сторона тела окрашена в красивый пепельно-серо-голубой цвет, лоб и нижняя сторона тела белые, кроющие перья крыльев и плечи черные. У молодых птиц верхняя сторона буровато-серая, а нижняя светло-желтая. Взрослый самец имеет 35 см в длину; размах крыльев 78, длина крыла 30, длина хвоста 14 см. Самка немного больше самца.

Уже в Сирии дымчатый коршун попадает нередко, а в Египте он принадлежит к числу довольно обыкновенных птиц. Начиная отсюда, распространен во всей Африке и южной Азии; нередко залетает также и в Европу, где его убивали не только в Испании, южной Италии, Греции, но не раз также и во Франции, Германии, Великобритании. Там, где коршун является постоянным жителем, а не гостем, как у нас в Европе, он поселяется всего охотнее в тех местностях, где леса чередуются с полями. По наблюдениям Жердона и других ученых, в Индии они водятся всюду, где по условиям местности могут найти достаточную для их пропитания добычу. Они живут всегда парами и не соединяются в общества с другими птицами того же вида, разве только летают вместе с птенцами, пока те требуют еще обучения. Впрочем, пары живут очень близко одна к другой, и благодаря этому иногда случается увидеть сразу в воздухе несколько пар.

По образу жизни дымчатый коршун имеет много общего, с одной стороны, с канюками, с другой — с совами. Он бывает особенно деятелен рано утром и вечером, летает также и в сумерки, когда другие хищные птицы уже отправляются на покой. Летит ли коршун или сидит на одном из своих излюбленных постов, его всегда легко бывает узнать. На лету он отличается от большинства других хищных птиц тем, что высоко держит крылья, так что концы маховых перьев находятся значительно выше туловища. Когда он сидит, его еще издали легко узнать по ослепительной окраске, которая сверкает под лучами южного солнца. В Египте он имеет обыкновение отдыхать, сидя на журавлях колодцев, которыми крестьяне пользуются для орошения своих полей. В Нубии он выбирает те деревья, с которых всего лучше можно видеть

Чернокрылый
дымчатый коршун
(*Elanus caeruleus*)

Семейство ястребиные

всю окрестность. Заметив добычу или почувствовав голод, дымчатый коршун слетает с дерева и, почти не шевеля крыльями, парит на умеренной высоте. Увидев бегущую по земле мышку или саранчу, он трепещется некоторое время на одном и том же месте, затем складывает крылья, устремляется вниз и, в случае удачи, относит добычу на свой наблюдательный пост, чтобы там съесть ее. Саранчу он поедает часто и на лету, но мышей всегда относит на дерево. На одном каком-нибудь большом поле может наловить достаточно добычи для того, чтобы насытиться. Главную, даже почти исключительную пищу его составляют мыши; саранчу он ест лишь между прочим. Конечно, не пренебрегает и птенцами, которых ему иногда случается находить в гнездах, а также, по словам Гейглина, и ящерицами, водящимися в пустыне. Он нападает даже на летучих мышей, за которыми охотятся, кроме него, еще только некоторые виды сов.

Дымчатый коршун не только красивая, но и приятная птица. В Египте она относится к человеку доверчиво и имеет для этого полное основание. Она без всякой боязни летает около работающих крестьян. К своей самке самец относится очень нежно. Безобидных птиц не трогает; сильных же хищных птиц преследует с громким криком. Голос его похож на голос нашего чеглока, но отдельные тоны более продолжительны; они почти свистящие и бывают слышны издалека.

В Америке живет **миссисипский коршун** (*Ictinia mississippiensis*). Он достигает 37 см в длину; размах крыльев 95 см, длина крыла 29, длина хвоста 13 см. Голова, шея, малые маховые перья и вся нижняя сторона тела чисто-свинцового цвета, причем следует заметить, что на лбу и на кончиках малых маховых перьев цвет этот переходит в серебристо-белый. Остальные части тела, за исключением черных уздечки и век, окрашены преимущественно в темный свинцово-серый цвет, переходящий на верхних покровных перьях крыльев и хвоста, а также на больших маховых и рулевых перьях в серо-черный. Глаза кроваво-красные, клюв черный, ноги карминно-красные.

Область распространения миссисипского коршуна простирается только на южные и юго-западные окраины североамериканских стран, омываемых Мексиканским заливом. Отдельные экземпляры залетали в южную Каролину и даже еще севернее, так что иногда здесь удавалось подстрелить их; но настоящая их родина Техас и Мексика.

«С наступлением весны, — рассказывает нам Одюбон, — миссисипский коршун появляется на берегах той величественной реки, имя которой он носит, и кочует вдоль нее, долетая до Мемфиса. В Луизиану он прилетает в половине апреля небольшими стаями, штук в 5 или 6, и поселяется в лесах по берегам рек. Вглубь страны не залетает. По-видимому, всего охотнее поселяется на недавно посаженных плантациях, находящихся побли-

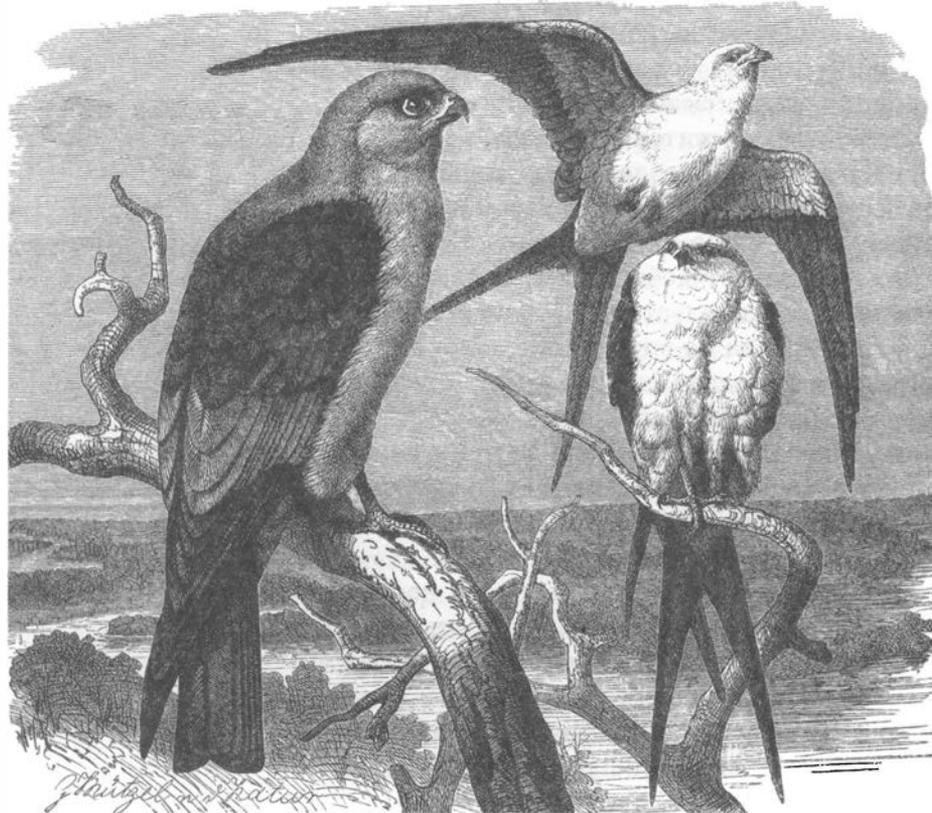

зости воды. Полет миссисипского коршуна красивый и сильный; он неутомим и залетает на такую высоту, на которую может подняться еще только один вилохвостый коршун. Часто этот коршун парит в воздухе, совершенно не двигая крыльями, и описывает правильные круги. Также часто, сложив крылья, он вдруг, словно стрела, устремляется косо вниз и проносится над самыми ветвями, на которых заметил ящерицу или какое-нибудь насекомое; иногда случается видеть, как он, с изумительной ловкостью, летает вокруг верхушки или ствола дерева, намереваясь схватить добычу. Порою коршун летает зигзагами, как бы спасаясь от преследований опасного врага, а иногда кажется, что он кувыркается на лету, подобно голубю-турману. Дальние путешествия совершает небольшими перелетами, обыкновенно сопровождаемый целой свитой ласточек. Иногда же парит на большой высоте среди ворон и грифов или в обществе вилохвостого коршуна. Грифа он охотно дразнит, пока этот трус не спустится на землю, чтобы прекратить неприятную для него игру. Преследуя крупное насекомое, пресмыкающееся или небольшого гада, коршун поворачивается боком, вытягивает лапы с широко раскрытыми пальцами и обыкновенно моментально схватывает добычу. По-видимому, он съедает ее на лету с не меньшим удовольствием и удобством, чем сидя на дереве. На землю он никогда не спускается, пока здоров. На млекопитающих никогда не нападает, хотя и любит преследовать лисицу, громко крича и бросаясь на нее; птиц также не трогает». По Риджваю, пища его главным образом состоит из разных цикад и кузнечиков, а отчасти также и из маленьких змей. Он не всегда схватывает добычу когтями, а пользуется для этого также и клювом.

Гнездо свое миссисипский коршун устраивает на верхних ветвях самых высоких деревьев, преимущественно на роскошных магнолиях и белых дубах, составляющих украшение всех южных штатов. Постройка эта бывает очень проста и похожа на гнездо вороны; она состоит из набросанных друг на друга ветвей, обложенных сверху испанским мхом, корой виноградных лоз и сухими листьями. Два или три кругловатых яйца разрисованы множеством темных шоколадно-бурых и черных пятен по зеленоватому фону. В длину они имеют 40 мм, а наибольший поперечник равняется 35 мм, так что они округлы и без всяких пятен. Обе птицы высиживают яйца и так любят своих птенцов, что храбро защищают их от всякого врага, даже от человека. Одюбон сообщает, что пара коршунов, гнездо которых он велел достать, несколько раз проносились около самой головы негра, лазавшего за гнездом. Птенцы, как только научатся летать, становятся похожи на родителей и еще до зимнего перелета вполне приобретают оперение взрослых птиц.

Вилохвостый коршун (*Elanoides forficatus*) — один из самых замечательных и, несмотря на простоту своей окраски, один

из наиболее великолепных представителей птиц Южной и Средней Америки; он нередко залетал также и в Европу и потому причисляется также к птицам и этой части света. Туловище у него коренастое, шея короткая, голова небольшая, но сильно вытянута в длину. Клюв довольно длинный, но низкий, слегка загибающийся уже от основания и образующий крепкий крючок, края его прямые без зубцов и выемок, разрез рта очень глубокий. Ноги короткие и небольшие, но довольно крепкие; короткие пальцы вооружены сильно загнутыми, чрезвычайно острыми когтями. Крылья, похожие на крылья ласточки, очень длинны и слегка заострены; хвост необыкновенно развит и на конце снабжен та-

1

2

- 1 — Миссисипский
коршун
(*Ictinia mississippiensis*)
2 — Вилохвостый
коршун
(*Elanoides forficatus*)

кой глубокой выемкой, что крайние его перья более чем вдвое длиннее средних. У взрослых птиц все оперение белое, за исключением нижних шейных перьев, крыльев и хвоста, которые окрашены в черный цвет с металлическим зеленоватым отливом. Глаза кофейного цвета или темно-карие; клюв черный, восковица голубовато-серая, ноги светлого зеленовато-голубого цвета; когти светлого рогового цвета. Самец немного меньше самки, оперение его туловища более чистого белого цвета, а черный цвет крыльев более блестящий. Длина этой птицы 60 см, размах крыльев 130, длина крыла 40—45, длина крайних хвостовых перьев 30 см.

Вилохвостый коршун встречается во всей Южной Америке, начиная от южной Бразилии, и в южных окраинах Соединенных Штатов, местами он принадлежит к числу довольно распространенных птиц. По Одюбону, большие стаи вилохвостых коршунов появляются в начале апреля в штатах Луизиана и Миссисипи, где их причисляют к самым обыкновенным птицам; в сентябре они снова улетают отсюда. Оседлыми птицами они являются толь-

ко на юге Северной Америки, в Техасе и Мексике, а также и в Бразилии*.

Чрезвычайно редко можно видеть вилохвостых коршунов, летающих поодиночке или парами, обыкновенно они собираются многочисленными стаями и парят высоко в воздухе или сидят на деревьях; в таких случаях бывает от 20 до 200 штук этих птиц. «Вилохвостый коршун, — говорит Одюбон, — чрезвычайно красив и неутомим на лету. Он движется по воздуху с такой легкостью и грацией, что всякий, кто сколько-нибудь любит наблюдать за птицами, придет в восторг от этого зрелища. Паря и описывая большие круги в воздухе, коршун то поднимается на неизмеримую высоту, направляя полет только при помощи своего вилообразного хвоста, то вдруг с быстротой молнии спускается вниз и затем снова поднимается, парит все дальше и дальше и скоро исчезает из виду. Иногда видишь, как стая кружится около дерева или быстро пролетает между его ветвями, почти касаясь его ствола, чтобы схватить каких-нибудь насекомых или маленьких ящериц. Движения этих птиц изумительно быстры и разнообразны. Глубокие дуги, описываемые ими, внезапные круги и зигзаги и необычайная легкость, с которой он разрезает воздух, должны привести в восторг каждого наблюдателя».

Пища вилохвостого коршуна состоит преимущественно, а иногда даже исключительно из насекомых. Одюбон и Риджвай сообщают, что он ест ящериц и змей, но почти все остальные наблюдатели утверждают, что он истребляет только насекомых. Охотится он за ними так же, как и ласточки, с той только разницей, что хватает свою добычу не клювом, а лапой. «Во время нашего путешествия по горам, — рассказывает Одюбон, — мы увидели целую стаю вилохвостых коршунов, летавших взад и вперед довольно низко над дорогой, по которой мы следовали. Некоторые из них парили на высоте едва 4 м над землей. Вся стая тесно держалась вместе и очень напоминала стаю наших касаток. Полет их был не быстр, но силен и ровен, крыльями они совсем не шевелили. Наше появление, по-видимому, несколько не смутило коршунов; даже крик восторга, вырвавшийся у моего спутника, его знаки и жесты, от которых я тщетно старался его удержать, не встревожили их. Некоторые из них пролетали на расстоянии всего 4 или 5 м от нас и таким образом давали нам возможность хорошо рассмотреть все их движения. Время от времени какая-нибудь из птиц медленно и грациозно поворачивала или нагибала вниз голову и в то же время выдвигала вперед ногу, которая перед этим, судорожно сжавшись, что-то хватала; нога выдвигалась настолько далеко, что касалась закрытого до сих пор клюва. Но птица оставалась в этом положении только одно мгновение: она раскрывала клюв, проглатывала добычу и снова поднимала голову. Эти движения проделывала вся стая. Скоро мы поняли их причину: вилохво-

Семейство ястребиные

** Из-за неразумного преследования этот коршун уничтожен на большей части североамериканской области гнездования, поэтому в Техасе в настоящее время не обитает. В Северной Америке вилохвостый коршун — перелетная птица.*

* Красный коршун не живет в Сибири, западная граница его гнездового ареала проходит от северной Эстонии через самый запад Белоруссии, окрестности Чернигова и Киева до черноморского побережья Кавказа. Этот вид часто путали с черным коршуном (*Milvus migrans*), о чем также упоминает и сам Брем.

стые коршуны охотились за одним видом пчел, отличающимся великолепной окраской».

«При тихой и теплой погоде, — продолжает Одюбон, — вилохвостый коршун парит на неизмеримой выси, охотясь за большим насекомым, так называемым mosquito-соколом, и выказывает при этом все свое искусство. Главную пищу этой птицы составляют саранча, гусеницы, маленькие змеи, ящерицы и лягушки. Пронесясь низко над землей, он иногда вдруг останавливается на мгновение, не шевеля крыльями, спускается вниз, схватывает змею, уносит и растерзывает ее на лету».

Одюбон рассказывает об одном вилохвостом коршуне, которого он несколько дней держал в клетке. Коршун отказывался от всякой пищи и не давал кормить себя насильно. Взъерошив перья, со скучным видом все сидел на одном и том же месте; только если его хватили за крылья, старался защищаться когтями. Он умер от истощения.

Красный коршун (*Milvus milvus*). Это статная птица, имеющая 65—72 см в длину; размах ее крыльев 140—150 см, длина крыла 50, длина крайних хвостовых перьев 38 см. От своих европейских родичей и вообще от всех других коршунов красный коршун отличается более вилообразным хвостом, средние перья которого на целых 10 см короче крайних.

Все равнины Европы, начиная от южной Швеции до Испании и отсюда до Сибири*, служат родиной этих хищных птиц, которых Шиллер назвал «царями воздуха». Внутри этой области распространения, очень обширной, красный коршун встречается далеко не всюду. Во время перелета они часто соединяются в большие стаи, штук в 50—200. Около Толедо мы наблюдали однажды среди зимы стаю коршунов, состоящую по крайней мере из 80 штук; все они жили очень дружно, днем охотились вместе, а ночью отправлялись ночевать в небольшой лесок на берегу Тахо. Летом в той же местности красные коршуны встречаются только парами и то не особенно часто. Во время своих периодических странствований они направляются через северо-западную Африку и долетают до островов Зеленого мыса. Большое количество их ежегодно дважды перелетает через Гибралтарский пролив.

В прежнее время красный коршун играл ту же роль, которая в настоящее время в Африке выпала на долю хохлатого коршуна. «Во времена Генриха VIII, — говорит Пеннант, — над британской столицей носилось много коршунов, которых привлекали разные отбросы, валявшиеся на улицах; эти птицы были до того смелы, что хватили свою добычу, не стесняясь ни шумом, ни большой толпой. Убивать их было запрещено». Богемец Шашек, посетивший Англию в 1471 году, замечает, что он нигде не видал такого множества красных коршунов, как в Лондоне, а Белон уверяет, что он не нашел никакой разницы между коршунами, живу-

щими в Каире и Лондоне. В настоящее время обстоятельства изменились, и эта птица, принадлежавшая в Великобритании к числу самых обыкновенных, теперь совсем исчезла оттуда и только в Шотландии местами выводит птенцов*.

Красный коршун вовсе не величественная птица; он ленив, неповоротлив и отвратительно труслив. Летаёт медленно, но удивительно неумолимо. Тихо плывя по воздуху, он иногда в течение целой четверти часа ни разу не взмахнет крыльями и управляет полетом только при помощи своего широкого хвоста. Таким образом, коршун, по-видимому, без всякого усилия то поднимается на неизмеримую, почти недостижимую для человеческого глаза, высоту, то пронесётся через большие пространства над самой землей. Сидящего на дереве красного коршуна можно узнать по тому, что он насколько возможно вытягивает шею, так что голова кажется лежащей совсем между плечами, а также по тому, что хвост у него обыкновенно направлен не прямо вниз, а немного вперед. Поэтому, если смотреть на сидящего красного коршуна сбоку, то бросается в глаза угловатость линий его профиля.

Из чувств у красного коршуна, несомненно, всего лучше развито зрение; чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на его прекрасные глаза; но ещё убедительнее доказывается это поведением парящего на громадной высоте коршуна, если покажется где-нибудь животное, могущее служить ему добычей. По развитию умственных способностей красный коршун, конечно, не уступит ни одной из хищных птиц. Он, например, всегда умеет отличить охотника от простого крестьянина, избегает возвращаться в те местности, где один раз уже был напуган. В понятливости красного коршуна можно также убедиться, если застанешь его поблизости от гнезда или если приходится наблюдать его в неволе. Крик коршуна довольно неприятный, протяжный, нечто среднее между смехом и блеянием. Его можно передать приблизительно слогами «гиги гизэ». Во время спаривания слышится также своеобразная трель. Красный коршун питается маленькими млекопитающими, птенцами, ещё не умеющими летать, а также ящерицами, змеями, лягушками, жабами, кузнечиками, жуками и дождевыми червями. Кроме того, он ворует у крестьян цыплят, причиняет немало хлопот гусятникам, досаждаёт охотникам своими нападениями на молодых зайцев и куропаток. Несмотря на все эти грехи, красного коршуна едва ли можно причислить к вредным птицам. Если где-нибудь на полях начнут особенно сильно размножаться мыши, то туда является и красный коршун; он остаётся в таких местах иногда несколько недель и каждый день пирует на славу. Если принять в соображение, что красный коршун истребляет множество мышей и вредных насекомых, то нельзя не прийти к тому заключению, что ему можно простить убийство какого-нибудь зайчика или гусенка. Охотники считают неоспоримым, что он приносит большой вред, истребляя много дичи в

** В наши дни красный коршун отсутствует в Шотландии, на Британских островах он остался только на самом западе Англии.*

* Коршуны обычно подбирают снулую, большую или мертвую рыбу. Они не в состоянии поймать рыбу, полную сил. Поэтому коршун играет в природе роль санитара, не давая распространяться заболеваниям среди рыб и других животных.

лесных дачах, предназначенных для охоты, и поэтому всякий из них считает нужным по мере возможности истреблять красных коршунов и их птенцов. Но на самом деле эти коршуны принадлежат к числу наиболее безвредных наших хищных птиц. Ловлей рыбы, которой он занимается довольно правильно и ради которой иногда не ленится пролетать расстояния в 25—30 км, он также приносит далеко не такой значительный вред, как обыкновенно думают. Помимо того, что ему только изредка удается схватить замеченную им рыбу*, он вообще направляет свои преследования больше против лягушек, чем против рыб.

Период размножения начинается вскоре после весеннего перелета. Красный коршун придерживается по возможности той же местности, в которой он провел предыдущее лето, но не всегда поселяется в своем прежнем гнезде. Если ему удастся найти незанятое воронье или соколиное гнездо, то он довольствуется им; если же не удастся, то сам строит себе новое. Избравши для жилья какой-нибудь лес, самец и самка сначала долго летают над ним, играя друг с другом и выказывая при том все свое искусство; затем они выбирают какое-нибудь дерево, обыкновенно как можно более высокое, но иногда и совсем не подходящее, плохое, причем не обращают внимания на то, лиственное оно или хвойное. На верхних ветвях этого дерева или на одном из его больших боковых сучьев они начинают строить гнездо, имеющее около метра в поперечнике и по способу постройки не отличающееся существенно от гнезд канюков и других ястребиных птиц. Узнать его можно бывает благодаря тому, что красный коршун любит выстилать гнездо разными тряпками и бумагами, причем не всегда выбирает для этого самые чистые. Бывали случаи, что коршуны крали у прачки развешанные для просушивания занавески и выстилали ими свое гнездо.

Кладка состоит из 2—3, редко 4 яиц, которые очень похожи на яйца обыкновенного канюка, только немного крупнее их. Длина их равняется 59—62 мм, наибольший поперечник 45—47 мм. Скорлупа мелкозернистая, но матовая; основной цвет белый с легким зеленоватым оттенком; фон этот усеян пестрыми крапинками и грубыми черточками темного красно-бурого цвета. По-видимому, высидивает только самка; по крайней мере, пока она сидит, самец ревностно занимается добыванием для нее пищи. Приблизительно через 4 недели вылупливаются птенцы, и тогда оба супруга начинают таскать им пищу. Птенцы красных коршунов не менее прожорливы, чем птенцы других хищных птиц; благодаря этому их родители принуждены усиленно заниматься охотой, чтобы прокормить их, и в это время они иногда позволяют себе нападать на домашнюю птицу. Высиживающая самка очень упорно сидит на яйцах.

В некоторых местностях место красного коршуна занимает **черный коршун** (*Milvus migrans*), которого иногда смешивают с

предыдущим; местами встречаются оба вида вместе. Черный коршун заметно меньше красного. Он имеет 55—58 см в длину, размах его крыльев равняется 136—145 см, длина крыла 44—47, длина хвоста 26—29 см; первые из приведенных нами цифр относятся к самцу, вторые — к самке. Оперение вообще темнее, чем у красного коршуна, так что названия, данные этим двум птицам, нельзя не признать удачными.

Весной, тотчас же по прибытии на свое летнее местопребывание, черный коршун отыскивает то место, где он жил в предыдущем году, и приступает к своим летним занятиям. Эрцгерцог Рудольф Австрийский доставил мне такое прекрасное и верное описание этой птицы, что всего лучше будет привести его здесь целиком, только местами добавляя его наблюдениями других исследователей. «В Венгрии черный коршун считается довольно обыкновенной птицей; в нижней Австрии я встречал его только в некоторых местностях, но в них он поселяется ежегодно. Любимым его местопребыванием бывают леса, особенно растущие по берегам больших рек или около болот. Высокие деревья нужны ему собственно только для витья гнезда и для ночлега. В течение дня он все время летает вдоль реки, над кустами или среди них. Все в нем приспособлено для жизни на ровной местности, изобилующей водой, поэтому он особенно любит наши придунайские луга. Тот, кто знаком с ним, конечно, не в состоянии и представить себе его среди местности холмистой или гористой. В таких местах его никогда не приходилось видеть; он не встречается ни на высоких горах, ни на лесистых предгорьях, ни на плоских возвышенностях, он избегает даже тех лесов, которые граничат с большими лугами и полями. В этом отношении его разборчивость доходит до того, что, например, на лугах, орошаемых Дунаем, он из множества живущих здесь хищников встречается всех чаще, а на расстоянии всего одной мили отсюда, на опушке Венского леса, его уже никогда не увидишь. Я имею возможность бывать очень часто в Венском лесу и ни разу еще не встречал там черного коршуна, красный же ежегодно прилетает сюда.

Черные коршуны — птицы общительные; раз они водятся в какой-нибудь местности, то встречаются в ней всегда в большом количестве.

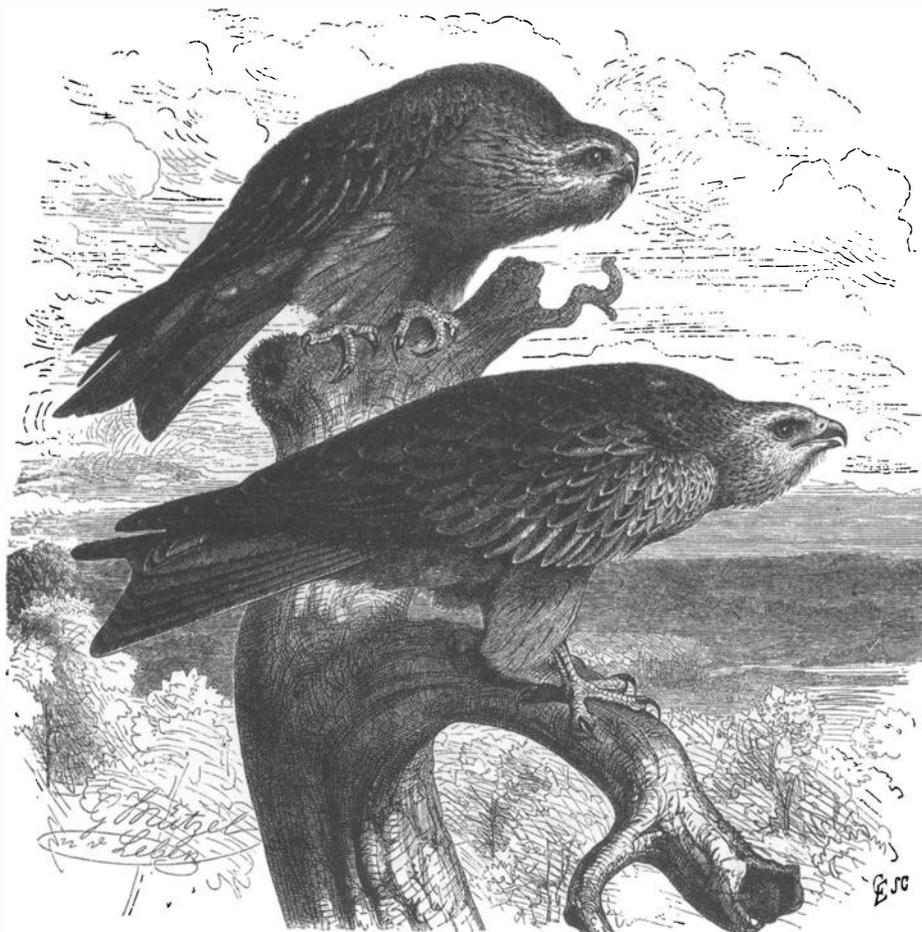
Полет этой птицы чрезвычайно красив, особенно когда она, летая, играет над поверхностью больших рек, чем она занимается иногда в течение целой четверти часа и даже более; но только весной в период спаривания можно получить истинное понятие об ее искусстве. Возбужденная чувством любви, пара черных коршунов поднимается на большую высоту и парит здесь. Вдруг один из них, опустив совсем крылья, падает и опускается почти до самой поверхности воды, затем он некоторое время летит стрелой по кривой линии, быстро возвращается назад, тре-

пещет на месте, подобно пустельге, и вообще производит удивительные эволюции, летая по всем направлениям.

Гнездо черного коршуна построено чрезвычайно просто. Коршуны строят его на нижней половине одного из самых высоких деревьев и обыкновенно в углу между стволом и одним из главных сучьев. Оно состоит из набросанных кое-как прутьев; обыкновенно уже издали виден высовывающийся из него раздвоенный хвост самки. В большинстве случаев черный коршун завладевает покинутыми гнездами цапель, вследствие чего гнезда коршунов и цапель трудно отличить одно от другого. Большинство

гнезд черного коршуна я находил на тех островах, где жили цапли и бакланы; на тех же, где гнездились канюки, красные коршуны и более крупные представители ястребиных, я никогда не встречал черных коршунов во время периода размножения. Время высиживания подвержено значительным колебаниям. В половине апреля я находил гнезда, в которых самки уже ревностно высиживали яйца, а несколько других пар в то же время еще строили гнезда или даже только отыскивали подходящее место для их постройки. К середине мая в боль-

1

2

- 1 — Черный коршун
(*Milvus migrans*)
2 — Красный коршун
(*Milvus milvus*)

шинстве гнезд самки уже сидели на яйцах.

Тот, кому приходилось наблюдать черных коршунов, наверное, замечал, что они чрезвычайно любят общество болотных и водяных птиц, и дружба, в которой они живут с этими птицами, может служить доказательством безвредности коршунов. Однажды на берегу большого острова я нашел гнездо черных коршунов; в ста шагах от него все деревья были испещрены гнездами цапель, между которыми кое-где виднелись также гнезда пустельги.

и чеглока. Все обитатели этой колонии совершенно мирно пролетали друг возле друга, а коршун самец, играя, носился среди гнезд летающих цапель и бакланов. Одно из них было построено на высоте всего каких-нибудь 3 м над землей на толстом суку; над ним на том же дереве помещались 4 или 5 гнезд бакланов. Другое гнездо коршунов находилось на толстом дереве также низко над землей: на метр выше его помещалось гнездо цапель и в обоих этих гнездах самки сидели на яйцах, а самцы — коршун и цапля — сидели рядом на одном и том же сучке. Оба гнезда коршунов были построены на самых крайних из высоких деревьев острова, одно на краю болотистой части леса, другое на противоположном конце, на берегу широкого рукава Дуная. Рядом, на другом небольшом островке, находилось еще одно гнездо коршунов, а совсем близко от него, хотя по другую сторону узкого рукава реки, поселились канюк, балобан и несколько чеглоков; наконец, тут же находилось большое гнездо речной скопы, впрочем, покинутое в этом году. Я думаю, что черные коршуны поселяются рядом с цаплями и бакланами главным образом по той причине, что, будучи очень прожорливыми, они вместе с тем очень ленивы и не любят особенно трудиться над добыванием себе пищи. Всего охотнее они едят рыбу, и им легко утолить голод, живя по соседству с цаплями, так как последние часто роняют из своих гнезд больших рыб, чем и пользуются другие птицы. Правда, черный коршун сам довольно искусный рыболов, но он предпочитает попрошайничать и жить на чужой счет. Иногда он на лету пристает к большим водяным птицам и к речным скопам и отбивает у них добычу. Кроме рыб пищу его составляют чаще всего молодые зайцы, хомяки, суслики, мыши и в особенности лягушки. Для птичников он очень опасен, благодаря своему необыкновенному нахальству; он без всякого стеснения похищает цыплят и утят на глазах их родителей, и, в случае таких нападений, его можно отогнать только ружейными выстрелами. Однажды в одной деревне, расположенной среди долины на окраине луга, я наблюдал черного коршуна, который постоянно являлся сюда охотиться и летал приблизительно на высоте дымовых труб, выматривая добычу».

Относительно размножения черного коршуна могу еще прибавить, что он свое гнездо, подобно красному коршуну, всегда выстилает разными лохмотьями, старыми передниками, ночными кофтами или свалянной шерстью млекопитающих, паклей и тому подобными материалами, так что его жилище легко отличить от гнезда других живущих у нас птиц. По словам Блазиуса, не трудно бывает узнать, занято ли гнездо черными коршунами или уже покинуто ими, по тем тряпкам или клочкам пакли, которые часто прицепляются к краям гнезда или к соседним ветвям, когда птицы таскают их в гнездо. В конце апреля в гнезде обыкновенно уже находится вся кладка, состоящая из 3—4 яиц, поразитель-

* Период насиживания у черного коршуна составляет не менее четырех недель, обычно более одного месяца.

но сходных с яйцами красных коршунов; основная окраска их желтоватая или серовато-белая; благодаря испещряющим их бурым жилкам, они выглядят как бы мраморными; кроме того, они густо усеяны более мелкими пятнами. По-видимому, высиживает только самка. После трехнедельного высиживания* вылупливаются птенцы; они покрыты пуховым одеянием, основная окраска которого белая; начиная с затылка, оно имеет слабый ржавый оттенок, позади глаз находятся буроватые пятна, а вся верхняя сторона светлая серо-бурая. Вначале родители кормят птенцов полупереваренными кусками мяса, лягушками и рыбами. Обыкновенно птенцы начинают вылетать из гнезда, когда хвост и крылья еще не приобрели тех размеров, которые они имеют у взрослых птиц, и тогда в дождливую погоду их нетрудно поймать на земле или на низких деревьях. Поздним летом семейство распадается, и каждый из его членов начинает жить особняком. К осени пары черных коршунов снова собираются сначала в небольшие общества, а потом в целые стаи и вместе предпринимают зимнее путешествие.

Черный коршун считается одной из самых вредных наших хищных птиц. Я не могу, однако, вполне присоединиться к этому мнению и скорее думаю, что в тех местностях, где водится много этих коршунов, причиняемый ими вред не особенно значителен. При беспристрастном сравнении вредных и полезных сторон его деятельности приходишь к заключению, что они приблизительно уравнивают друг друга. Пищу его составляют главным образом мыши и лягушки, а также рыбы, которых он во время периода размножения подбирает преимущественно под гнездами цапель. Поэтому нельзя не признать, что причиняемый им вред весьма незначителен, и мне кажется, что за ним числится вовсе не так уж много грехов, как думают. Своим присутствием он очень оживляет местность, особенно в тех однообразных равнинах, в которых он обитает, и пейзаж очень выигрывает в красоте, когда среди неба виднеется парящий коршун.

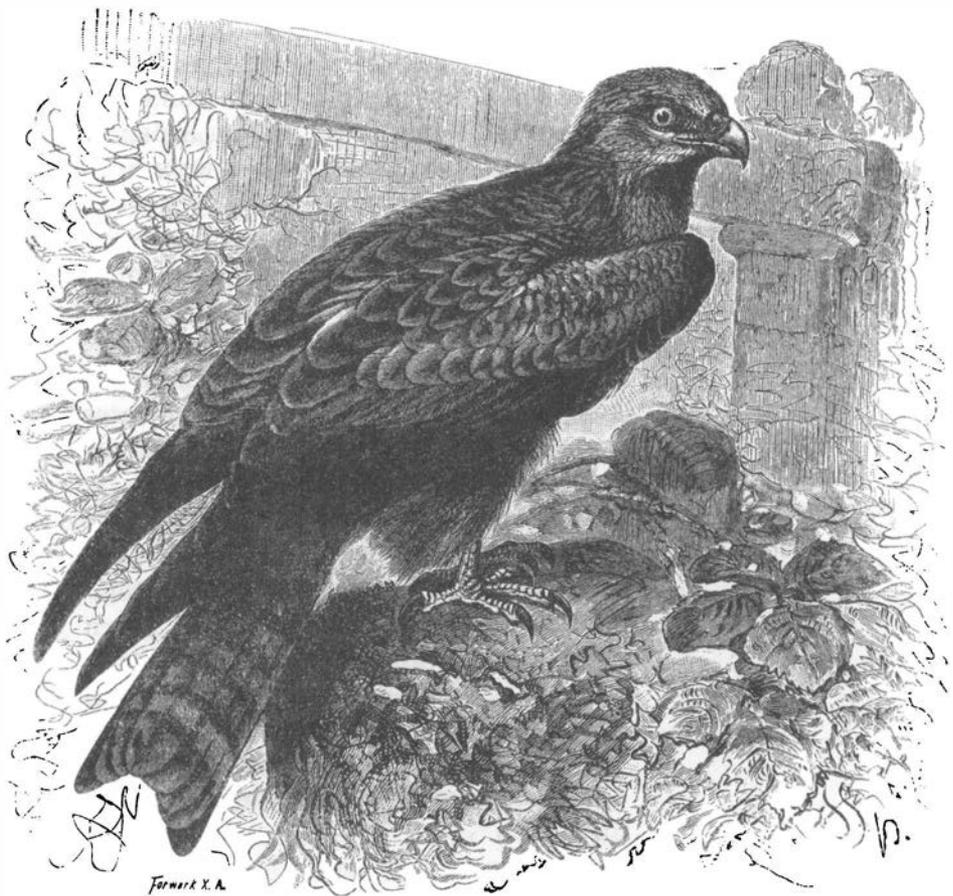
Коршун-паразит (*Milvus parasitus*) имеет 52—55 см в длину, размах крыльев его равняется 132—136, длина крыла 43—45, а хвоста 20—22 см.

Область распространения обнимает всю Африку, за исключением области Атласских гор, кроме того, Мадагаскар, Сирию, Малую Азию. В северо-восточной Африке этот коршун является самой обыкновенной из хищных птиц; он принадлежит к числу типичных представителей фауны стран, орошаемых Нилом, и побережья Красного моря. Коршун-паразит— первая птица, которую встречаешь в Египте; его же видишь парящим над девственными лесами в области верхнего течения Нила. Он более чем какой-нибудь другой его родич питается за счет человека и живет с ним в большой дружбе, которая, впрочем, очень

выгодна для коршуна, но для человека часто оказывается весьма нежелательной.

Коршун-паразит — самая дерзкая и надоедливая из всех известных мне птиц. Попрошайничество — его ремесло; поэтому он охотнее всего живет в населенных местах, посещает ежедневно дворы и поселяется на пальмах, растущих в садах, или на верхушках минаретов. Он становится, наконец, докучливым и даже ненавистным, так как его видишь решительно повсюду. Ничто не ускользает от его зорких глаз; он внимательно следит за деятельностью людей и, благодаря своему близкому знакомству с ними, прекрасно понимает все их дела, так что в этом отношении с ним могут сравниться только очень немногие птицы и млекопитающие.

Он непременно полетит вслед за овцой, которую ведут на бойню, но если пастух гонит овец с пастбища, остается совершенно равнодушным; когда рыбак возвращается с ловли, коршун летит ему навстречу, когда же тот отправляется на ловлю, не обращает на него никакого внимания. Он летает над баркой, в которой убивают какое-нибудь животное, или даже садится на нее. Кружится около повара, как только тот появляется на палубе стоящего или плывущего судна; он первый посещает лагерь, первый замечает всякую падаль. От него нельзя достаточно далеко спрятать никакого куска мяса. С ловкостью у него соединяется необъяснимая дерзость, с жадностью — знакомство со всеми привычками человека. Плохо приходится неосторожному покупателю, который несет мясо на голове в корзине или в деревянной чашке, как это часто делают в Египте: деньги его, вероятно, пропадут даром. Мне самому пришлось однажды быть свидетелем того, как коршун-паразит схватил ве-

Фернек Х. А.

Семейство ястребиные

Коршун-паразит
(*Milvus parasitus*)

Семейство ястребиные

сивший более килограмма кусок мяса, который несли в корзине, и унес его целиком, несмотря на брань ограбленного им человека. В Абиссинии однажды наш повар разрезал на куски зайца на ящике, стоявшем посреди двора. Едва только он успел повернуть голову на чей-то зов, как один из кусков уже очутился в когтях подлетевшего коршуна, который и тут не упустил благоприятного момента. Он умеет воровать буквально из рук человека.

Коршун-паразит питается не только за счет людей; он следит также за деятельностью животных и птиц. Как только кто-нибудь схватит добычу, тут же его окружает толпа этих несносных коршунов; они с криком преследуют хищника, яростно бросаясь на него, и чем дольше продолжается эта охота, тем более увеличивается количество попрошаек. Тяжелая добыча, которую держит в своих лапах благородный хищник, мешает ему лететь с обычной быстротой, и он не может избавиться от нападающих на него сзади коршунов. Желая избавиться от них, он скоро бросает добычу и предоставляет коршунам драться из-за нее друг с другом, а сам возвращается на те места, где охотился, и отыскивает новую добычу. Грифам тоже ненавистны коршуны-паразиты. Они постоянно кружатся около пирующих грифов, смело пролетают среди них и умеют вовремя подхватить куски мяса, разбрасываемые грифами, и всегда с необычайной жадностью набрасываются на найденную добычу. Коршун-паразит редко сам охотится, хотя довольно ловок и очень искусно умеет ловить мелких домашних птиц, даже молодых голубей, а также мышей, пресмыкающихся и рыб, которых он особенно любит.

Коршунов-паразитов приходится обыкновенно видеть летающими целыми стаями: парами они держатся только около своих гнезд. Над бойнями больших городов они носятся иногда стаями штук в 50—60.

Крик этой птицы начинается высоким звуком, который можно приблизительно передать слогом «хи», и оканчивается продолжительным, дрожащим «тэ-хэ-хэ-хэ». Относительно полета, характера и способностей мне здесь незачем распространяться: во всех этих отношениях коршун сходен с европейскими родичами.

Туземцы вполне заслуженно считают коршуна-паразита чрезвычайно дерзкой и несносной птицей; тем не менее они не преследуют его; думают, что и к нему должны применяться законы вежливости и гостеприимства, так что коршун может с полной безопасностью летать всюду, где ему вздумается. О его доверчивости существует немало интересных рассказов; образ коршуна встречается также и в некоторых сказках.

В Африке живет крупный и сильный **боевой орел** (*Polemaëtus bellicosus*) — большая птица длиной 80—86 см, с крыльями длиной в 60—65 и хвостом в 31—34 см. Преобладающий

цвет на верхней стороне пепельно-серо-бурый, на голове к нему примешивается черно-бурый. Беловатая полоса пробегает над глазами к задней части головы и теряется в коротком, широком хохле. Вся нижняя сторона белая с голубоватым налетом и почти без пятен. Глаза серо-бурые, восковица зеленовато-голубая, клюв черный, лапы свинцово-серые.

Первое описание боевого орла появилось в конце прошлого столетия в знаменитом сочинении Левальяна о птицах южной Африки. Позднее эту птицу нашли в западной и восточной Африке, и теперь я знаю, что большая хищная птица, которую я видел в абиссинских горах сидящей на высоком дереве, сильно выдававшейся над окружающей местностью, был орел.

Об образе жизни и поведении этого красивого хищника все еще нет более подробных наблюдений, чем те, которые сообщил Левальян, и потому я должен основываться на них в дальнейшем изложении.

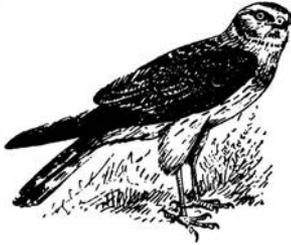
Боевой орел выбирает для жилья одиноко стоящее дерево, так как он очень осторожен и любит видеть, что делается вокруг. Отсюда пара облетает обширную область, неизменно держась вместе; рядом они не терпят ни одной другой птицы того же вида и вообще никакой хищной птицы. Всякий другой хищник, который вторгнется в эту область, подвергается беспощадному нападению; хохлатые орлы бьются с ним изо всех сил и принуждают его обратиться в бегство. «Случается, — говорит Левальян, — собираются стаи грифов и воронов с намерением отнять у орла его добычу; однако одного взгляда хищника бывает достаточно, чтобы удержать эту ватагу паразитов».

Вероятно, боевой орел охотится главным образом в утренние и вечерние часы. Обыкновенно добыча его состоит из мелких антилоп и зайцев; но вообще он не щадит и многочисленные виды диких куриных птиц. Весь его характер показывает, что он настолько же опасный враг африканским животным, как наш беркут европейским. Во всей южной Африке нет хищной птицы, которая равнялась бы этому орлу по силе и кровожадности. Это неограниченный властелин в своей области; сила и смелость соединяются в нем, делая его страшным врагом всех беззащитных существ. Полет его легче и быстрее, чем у других орлов. Голос, как говорят, то резкий и пронзительный, то грубый и глухой.

Гнездо устраивает на вершинах высочайших деревьев и лишь в случае их недостатка на выступах скал недоступных горных обрывов; оно, в общем, похоже на гнездо других орлов, но, как говорят, строится совершенно определенным образом из трех различных слоев. Первый слой состоит из толстых палок, второй — из более тонких ветвей, мха, сухих листьев, вереска и других мягких растительных веществ, встречающихся в окрестностях, и, наконец, третий — из тонких прутьев, который и образует лоток

Семейство
ястребиные

гнезда. Вся постройка имеет в диаметре от 1,5 до 2 м и так крепка, что человек совершенно безопасно может держаться на ней. Яиц два, около 8 см длиной; они почти шарообразны и чисто белого цвета. Пока самка высиживает, самец снабжает ее необходимым кормом, а позднее охотится и для всего семейства, но лишь до тех пор, пока птенцы еще очень малы; как только они подрастут, они нуждаются в таком большом количестве пищи, что старики едва могут добыть достаточное количество ее. Готтентоты уверяли Левальяна, что они два месяца питались едой, которую отнимали у двух молодых хохлатых орлов. До вылета птенцов на гнезде и вокруг него накапливаются кучи костей самых различных животных.

Левальян долгое время держал в неволе одного боевого орла и наблюдал, как он с жадностью бросался на предлагаемое мясо, проглатывал его фунтами и никогда не отказывался принимать пищу, даже если его зоб был уже полон. Исследователь упоминает далее, что этому хищнику по вкусу приходились всякие животные, он не пренебрегал даже предложенным ему трупом другого орла. Я на основании собственных наблюдений над птицами этого вида в неволе считаю это указание преувеличенным.

Приблизительно в тех же странах встречается родственный, но гораздо меньший хищник, который называется **гребенчатый орел** (*Lophaëtus occipitalis*). Он плотного сложения, с длинными крыльями, коротким хвостом и высокими ногами; оперение его довольно одноцветно. Очень темный бурый цвет составляет основную окраску, брюхо темнее, грудь светлее. Длина равна 50—52 см, размах крыльев 120—130, длина крыла 33—35, а хвоста 18—20 см.

Из африканских хохлатых орлов гребенчатый орел один из самых обыкновенных, если не самый распространенный из всех. В лесах области Нила он встречается довольно часто. Здесь его можно видеть спокойно сидящим на вершинах мимоз и крайне серьезно играющим своим хохлом. Он морщит лоб, наполовину закрывает глаза и поднимает свой хохол так, что он стоит вертикально, расставляет перья хохла также в стороны и нахохливает остальное оперение, потом снова прижимает хохол к затылку. Это важное занятие длится по полчаса, причем он не делает никакого другого движения. В это время гребенчатый орел кажется воплощением лени и производит впечатление малодетельной хищной птицы. Однако можно скоро узнать эту сонливую птицу и с другой стороны, стоит ей только заметить что-нибудь, за чем можно охотиться: мышку, полевую крысу, земляную белку, воркующего голубя. С быстротой молнии она слетает, делая короткие, быстрые удары крыльями, ловко пролетает, подобно нашему ястребу, через самый густой кустарник, ревностно преследует намеченную добычу и

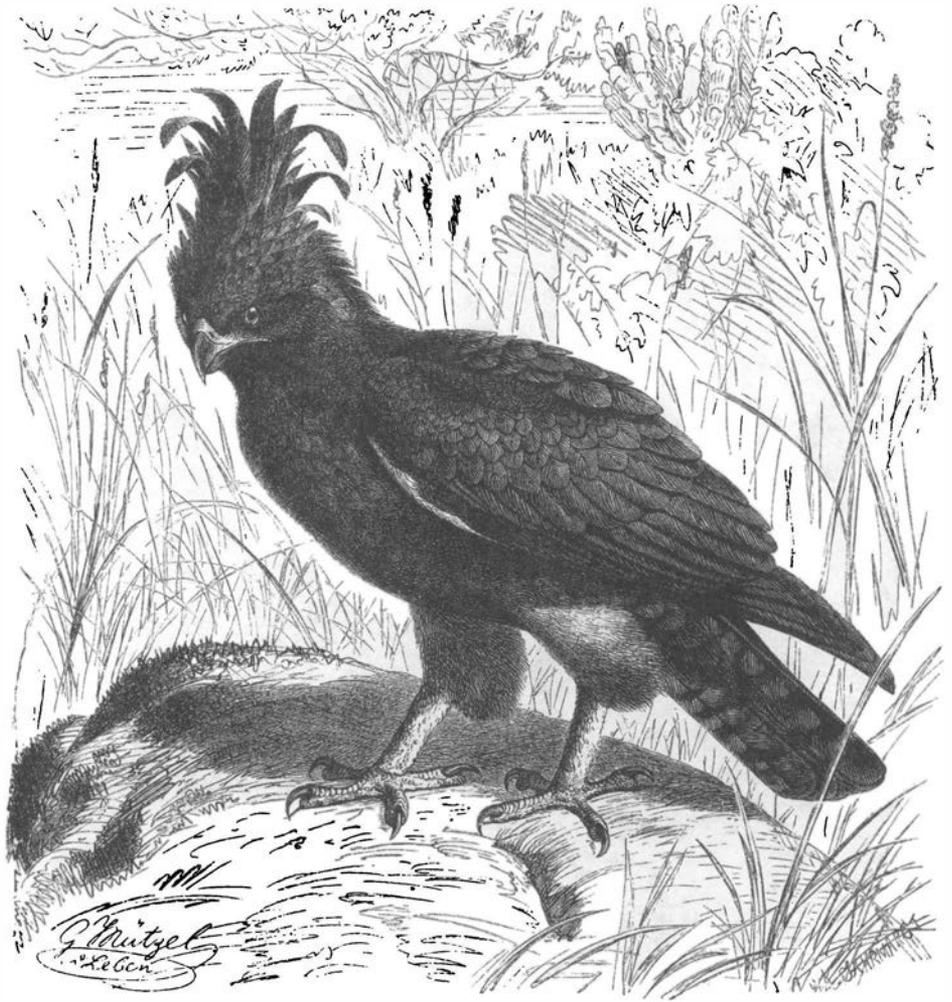
почти без промаха схватывает ее. По поведению и характеру гребенчатого орла можно сравнить с нашим ястребом. Он так же дерзок и хищен, как и тот, и является, безусловно, лучшим хищником леса.

О размножении гребенчатого орла я не делал самостоятельных наблюдений. Левальян говорит, что он устраивает гнездо на деревьях и выстилает его углубление перьями и шерстью. Самка кладет, как говорят, два почти круглых яйца, которые испещрены на бледном фоне красно-бурыми пятнами.

Гвианская гарпия (*Morphnus guianensis*). Длина птицы равна 70 см, размах крыльев 150—154, длина крыла 40—42, а хвоста 30 см. Замечательно рыхлое оперение, похожее на оперение сов, удлиняется на задней части головы в перистый хохол длиной в 15 см и изменяется с возрастом птицы.

Принц фон Вид, Шомбургк и Бурмейстер сообщают нам кое-что относительно местопребывания и образа жизни этой все еще мало известной птицы. Из этих данных следует, что гвианская гарпия

распространена по большей части Южной Америки и держится в прибрежных лесах и в оазисах степей, а всего охотнее у берегов рек. Ее можно видеть в воздухе, делающей круги, и она может быть легко узнана по ослепительно-белому оперению, которое резко выделяется на темно-голубом небе. Птица отличается и своим громким криком. Для отдыха выбирает сухие вершины высоких деревьев, остается здесь, не двигаясь, целые часы и по временам поднимает свой красивый хохол. Охотится за млекопитающими и птицами. Принц фон Вид узнал от охотников, что эта птица

Гребенчатый орел
(*Lophætus occipitalis*)

особенно охотится за обезьянами. Гнездо строит, по Шомбургку, на не слишком высоких деревьях.

Известное родство с только что описанной хищной птицей обнаруживает южноамериканская гарпия (*Harpyia harpyia*). Тело ее крупное, голова большая, клюв необыкновенно высокий и крепкий, с сильно закругленной спинкой и заостренным краем, который образует изгиб под ноздрями и тупой зубец перед ними. Ноги толще, чем у других хищных птиц; лапы очень длинные и каж-

дый из длинных пальцев вооружен еще чрезвычайно большим, толстым и сильно согнутым когтем. Крыло, которое в сложенном положении не достает до середины хвоста, коротко и закруглено, как и хвост. Оперение обильное и мягкое, почти как у сов; на затылке оно удлиняется в длинный и широкий хохол, который может подниматься. Голова и шея серого цвета. Удлиненные перья на затылке, вся спина, крылья, хвост, верхняя часть груди и бока тела шиферно-черного цвета. Хвостовые перья с тремя поперечными беловатыми полосками; нижняя часть груди и гузка белого цвета; остальная нижняя часть имеет черные крапины на белом фоне; голени на таком же фоне покрыты черными волнистыми полосками. Клюв и когти черного цвета, ноги желтые; глаза красно-желтые. Дли-

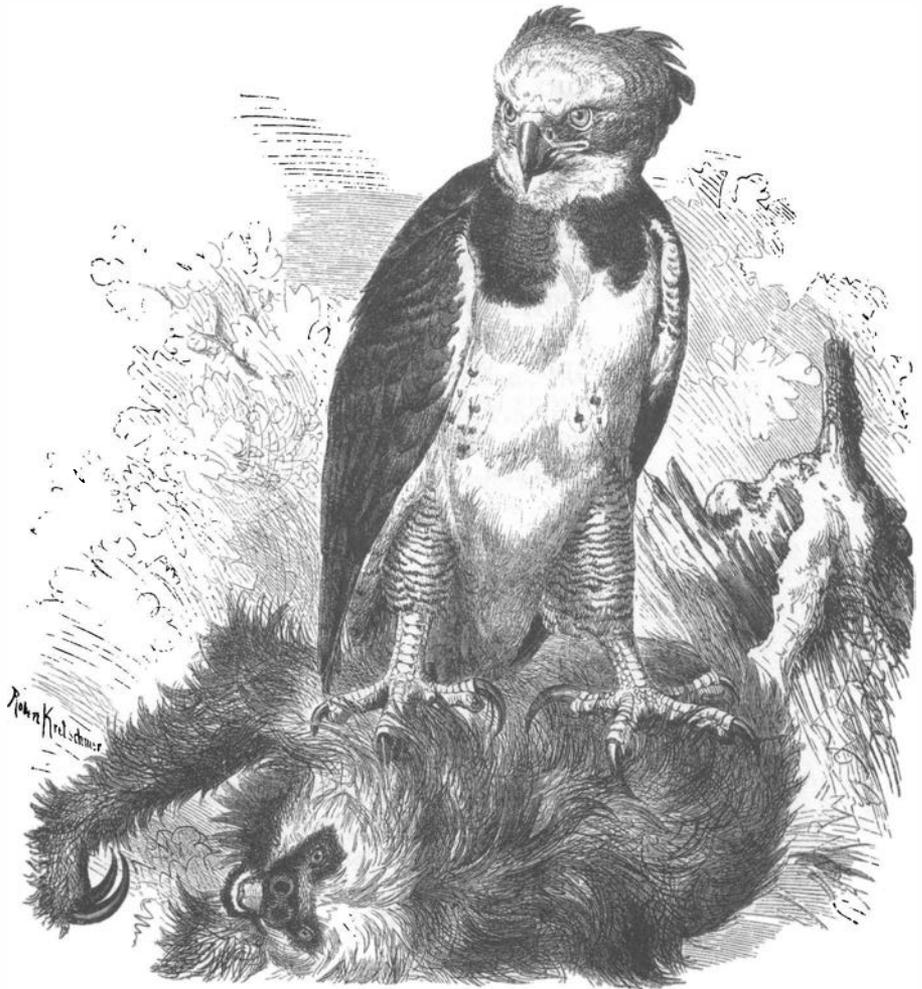
Гвианская гарпия
(*Morphnus guianensis*)

на гарпии равняется 1 м, длина крыла 55 см, а хвоста 34 см. Бурмейстер приводит еще большие размеры. Средний палец длиной 8 см, задний 4 см; но последний снабжен когтем, который имеет в длину 8 см, если мерить по дуге, а коготь среднего пальца, измеренный таким же образом, равен 4 см.

Начиная от Мексики и до середины Бразилии и от Атлантического океана до Тихого, гарпия встречается, по-видимому, в каждом более или менее обширном лесу. В горах она населяет, однако, лишь более глубокие и более теплые долины; на высоты

не поднимается. Там, где она встречается, это хорошо известная хищная птица, пользующаяся с незапамятных времен большим уважением, и о жизни которой издавна существуют различные басни. Уже первые путешественники, которые описывали Америку, а особенно ее животных, упоминают об этой птице, и каждый старается рассказать о ней совершенно невероятные вещи. Так, Фернандец рассказывает, что гарпия, которая будто бы почти такой величины, как овца, даже прирученная, нападает на человека по самому ничтожному поводу, постоянно дика и раздражительна, но тем не менее может быть полезной, так как ее легко дрессировать. Модуит уверяет, будто бы одного удара клюва гарпии достаточно, чтобы раздробить череп человека, в его описании проглядывает, что эта хищная птица очень часто пускает в дело свою силу. Только позднейшие наблюдатели д'Орбиньи, Чуди и Пурламак, которые подробно описывают жизнь гарпии, не позволяют преувеличений. От них мы узнаем в кратких чертах следующее.

Гарпия населяет влажные, богатые водой леса Южной Америки и преимущественно берега рек; д'Орбиньи уверяет, что он никогда не видал гарпии внутри лесов, вдали от рек. Она встречается всюду, но нигде не попадает часто, вероятно, лишь потому, что ее перья с незапамятных времен составляют крайне ценное украшение индейцев, и поэтому ее сильно преследуют. Кроме времени спаривания, гарпию всегда наблюдают поодиночке, она как будто боится, что другая птица, даже из пары, помешает ей на охоте. Подобно ястребу, ее редко можно видеть на высоких деревьях, напротив, она сидит на нижних ветвях. Отсюда поднимается сначала вертикально

Южноамериканская
гарпия
(*Harpyia harpyia*)

вверх коротким, порывистым, но быстрым, как стрела, полетом, кружит несколько минут и, если ей посчастливится высмотреть добычу, с силой бросается вниз на нее. Говорят, что она вовсе не пуглива и очень близко подпускает к себе человека; однако это относится, вероятно, лишь к тем лесам, в которых она имеет мало случаев познакомиться со своим самым страшным, если не единственным врагом.

Насколько можно заключить из различных указаний, гарпия не пренебрегает никаким высшим позвоночным животным, если только оно не слишком сильно и велико. Некоторые наблюдатели склонны думать, что она нападает лишь на млекопитающих и именно, главным образом, на обезьян и ленивцев; но Чуди наблюдал, что она ревностно преследует также птиц. «Ни одной хищной птицы, — говорит он, — индейцы не боятся так, как гарпию. Ее величина, мужество и отвага действительно делают ее одним из самых опасных врагов. В лесах она находит обильную пищу среди птиц, но производит значительные опустошения и среди белок и обезьян. Если стадо последних, а особенно капуцинов, почует близость гарпии, то обезьяны поднимают жалобный крик, убегают по возможности все на одно дерево и стараются спрятаться в самой густой листве. Эти беспомощные животные могут противопоставить своим врагам лишь жалобные крики». Макузи уверял Шомбургка, что гарпия — величайший враг ревунов, что она уносит косуль, охотится также на ленивцев и кусками отрывает этих последних от ветви, к которой они прицепились. Что последнее указание очень нуждается в подтверждении, мне едва ли нужно упоминать.

Гнездо гарпии, по словам Шомбургка, находится на высочайших деревьях и, по словам индейцев, используется им в течение нескольких лет сряду. Верного описания их яиц я не знаю.

Д'Орбиньи рассказывает, что индейцы очень часто вынимают гарпию из гнезда, выкармливают и держат в неволе единственно затем, чтобы добывать драгоценные перья более легким способом, чем путем охоты за старыми птицами. Индеец, у которого есть живая гарпия, пользуется уважением со стороны других и поэтому очень счастлив. Кормить птицу и таскать ее во время странствования по лесам выпадает на долю женщин. Когда гарпии, содержащиеся в неволе, получают окончательную окраску, то начинается их мучение: два раза в год хозяин вырывает у каждой перья из хвоста и крыльев, чтобы украсить ими стрелы или сделать себе головной убор. Перья эти составляют важный предмет меновой торговли у индейцев, и некоторые племена, известные как искусные охотники за гарпиями получают за них все, что вообще ценит индеец. В Перу счастливому охотнику достается особенное вознаграждение. «Если индейцу посчастливится убить гарпию, — говорит Чуди, — то он идет с ней из хижины в хижину и собирает дань в виде яиц, кур, маиса и тому подобных вещей. У

дикарей и европейцев на берегах Амазонки мясо, жир и помет этой птицы считаются, по словам Пурламака, драгоценными целебными средствами.

Ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*), считается типичной птицей семейства ястребиных. Длина его равна 32 см, размах крыльев 64, длина крыла 20, длина хвоста 15 см. Значительно более крупная самка на 8—9 см длиннее и на 12—15 см больше в размахе крыльев. У старых птиц вся верхняя сторона черновато-пепельно-серая, нижняя сторона белая с ржаво-красными волнистыми линиями и ржаво-красными стречневыми черточками; хвост с 5—6 черными поперечными полосками и белой каймой на конце. Клюв голубой, восковица желтая, радужная оболочка золотисто-желтая, ноги бледно-желтые.

В Европе перепелятник, по-видимому, водится везде, а также и в большей части Средней Азии он, вероятно, оседлая птица. Живет в лесах всякого рода, охотнее всего в рощах, которые находятся в гористых странах. Но вовсе не боится человека, напротив, охотно селится в непосредственной близости от деревень и городов. По крайней мере, он посещает их осенью и зимой, охотится даже в маленьких садах внутри больших городов, ежедневно появляется, если ему раз удалось достать здесь добычу, в определенные часы, и иногда не дает себе даже труда унести добычу, а поедает ее в укромном местечке в непосредственной близости от жилых построек.

«Перепелятник, — говорит мой отец, который очень подробно и точно описал его, — прячется большую часть дня и появляется лишь тогда, когда хочет охотиться. Несмотря на короткие крылья, он летает легко, быстро и очень ловко; ходит, напротив, подпрыгивая и неловко. Он боязлив перед человеком, но дерзок и бесстрашен по отношению к более крупным птицам. Бехштейн приписывает большую отвагу самцу, Науман — самке, но оба ошибаются: и самец, и самка одинаково храбры. Правда, самка сильнее и может с успехом выдержать битву, в которой самец был бы побежден. Мне пришлось однажды видеть замечательное зрелище перед окном. Самка перепелятника поймала воробья и унесла его за забор сада, едва в 10 шагах от моего жилища, чтобы съесть его там. Я заметил это из окна и не стал мешать. Когда перепелятник не управился еще и наполовину, прилетела ворона, чтобы отнять у него добычу. Перепелятник расправил крылья и закрыл ими свою добычу. Но после того, как ворона несколько раз бросилась на него, он взлетел, держа воробья в одной лапе, ловко повернулся на лету так, что спина его почти была обращена к земле, и так сильно схватил ворону свободной лапой за грудь, что она принуждена была улететь. Но и самец обнаруживает такую же дерзость, как и самка, и, подобно ей, появляется в деревьях».

С дерзостью ястреб-перепелятник соединяет замечательное присутствие духа и хитрость. Если перепелятник возбужден на-

Семейство ястребиные

**Семейство
ястребиные**

ходящейся поблизости добычей, он забывает все вокруг себя, не обращает внимания ни на людей, ни на собак и кошек. Схватывает и уносит намеченную добычу около самого наблюдателя, бросается со свистом над самой головой сидящего человека, так что почти задевает его крыльями, схватывает жертву без промаха и исчезает с нею, прежде чем успеешь хорошенько опомниться. У охотника, стреляющего мелких птиц, он нередко уносит подстреленную дичь. Тачановский даже уверяет: чтобы приманить перепелятника, достаточно сделать выстрел из ружья. Должен сказать, что и я часто видел после выстрела приближающегося перепелятника, но не считал возможным сделать такой вывод, как только что упомянутый автор.

*Ястреб-перепелятник
(Accipiter nisus)*

Перепелятник — самый страшный враг мелких птиц, но вовсе не редко он отваживается нападать и на более крупных. От серой куропатки до королька ни одна птица, по-видимому, не защищена от его нападений; мелкими млекопитающими он тоже не пренебрегает. Смелость перепелятника иногда поистине беспримерна. Случалось наблюдать, что он нападал на домашних петухов, и не раз видели, как бросался на зайцев. Однако кажется, что он хотел лишь в шутку напугать этих боязливых животных.

«Мой отец, — пишет мне Рейхенов, — добыл раз на охоте серую куропатку, не употребляя в дело собаки, пороха и свинца. На расстоянии около 100 шагов поднялось стадо куропаток, и почти в то же время в середину тесно скучившейся стаи бросился перепелятник-самка. С куропаткой в лапах перепелятник напра-

вился на находившуюся неподалеку межу и прикончил здесь свою добычу. Мой отец спокойно подождал, пока перепелятник убил куропатку, и подкрался, прикрываясь склоном межи, на довольно близкое расстояние к тому месту, где должен был сидеть перепелятник, схватил камень и с криком бросил его в хищника; этим он так испугал перепелятника, что тот оставил куропатку и улетел. Я сам однажды в Вецларе помешал громким криком перепелятнику-самке схватить голубя, которого он уже догнал». У перепелятника, конечно, нет недостатка в мужестве и хищности для того, чтобы броситься на каждую дичь, которую он рассчитывает каким-нибудь образом одолеть: он отваживается нападать, по-видимому, бесцельно, даже на животных, могущих хорошо защищаться. «Я шел по своему лесу и следил за цаплей, которая спокойно пролетала над самыми деревьями. Вдруг из густых ветвей одного из последних деревьев бросился перепелятник, мгновенно схватил испуганную цаплю за шею, и оба со страшным криком упали вниз. Я подбежал тотчас к ним, но перепелятник заметил меня слишком рано, он испугался, выпустил цаплю, и обе птицы спокойно полетели в разные стороны. Я очень хотел знать, чем бы окончилась эта неравная битва, если бы я не помешал. Одолел бы маленький, безумно смелый хищник цаплю и действительно умертвил бы ее?»

Если считать, что те перепелятники, которые бросаются на более крупных млекопитающих, хотят лишь напугать их, то все же надо думать, что на более мелких, величиной до белки, перепелятник нападает лишь затем, чтобы съесть их. Мюллер долгое время наблюдал, спрятавшись, за перепелятником, который повторял свои нападения на белку, причем она подвергалась смертельной опасности. Для мелких птиц, именно вьюрков, воробьев, синиц, скворцов и дроздов, перепелятник опасен тем, что захватывает их всегда врасплох и делает спасение почти невозможным, ловит так же хорошо летящих птиц, как и сидящих, и во время охоты даже летит вслед за вспугнутой добычей.

Все мелкие птицы знают и очень боятся своего страшнейшего врага. «Воробьев, — говорит Науман, — страх перед ним загоняет в мышинные норы, и все остальные птицы стараются спастись, как только могут». Некоторые поступают при этом с немалой сообразительностью. Они описывают тесные круги вокруг ветвей и стволов, причем перепелятник, несмотря на свою ловкость, не может так скоро следовать за ними; благодаря этому они немного опережают его и с быстротой молнии бросаются в густой кустарник. Другие при появлении хищника бросаются на землю, прижимаются к ней, лежат неподвижно и часто остаются незамеченными; короче, каждый изо всех сил старается спастись. Самые проворные из мелких птиц преследуют злодея с громким криком и тем самым обращают на него внимание других птиц, которые становятся осторожными. Особенно деревенские ласточ-

ки часто портят ему охоту, и он хорошо знает, сколько вреда они причиняют ему; если они приблизятся к нему, он взвизгивает в высоту, описывает, паря, несколько кругов и затем улетает к лесу, наверное, с сильной злобой в сердце на то, что докучливые птицы так быстры. При нападениях он нередко дает промах; но зато, если посчастливится, схватывает сразу и двух птиц. Пойманную добычу уносит в укромное место, вырывает у нее большие перья и затем, не торопясь, съедает ее. Кости, перья и волосы он выбрасывает обратно в виде погадок. Молодые птицы, еще не вылетевшие из гнезда, и которые выводятся на земле, принадлежат к любимой пище перепелятника, но он не щадит и яиц.

Голос перепелятника слышен редко, обыкновенно лишь у гнезда. Это быстро следующие друг за другом «ки-ки-ки» или медленное «кэк-кэк». Первый крик служит, по-видимому, предостережением.

Гнездо перепелятника находится в чащах или в молодых лесах, редко высоко над землей; оно, по возможности, хорошо скрыто и помещается, если можно, на хвойных деревьях близко от ствола. Он любит такие местности, где поле и лес чередуются между собой. Здесь он выбирает для постройки гнезда чащу или молодой лес, расположенный, по возможности, вблизи от полей или даже от деревень. Если перепелятник раз дал себе труд построить гнездо, то выводит в нем птенцов из года в год, а если у него похитить весной яйца, то кладет их два раза в один год. Между 10 мая и 20 июня в гнезде находят 3—5 не очень больших, довольно гладких яйца различной формы и цвета, с толстой скорлупой. Самка высидит одна, сидит очень усердно и обнаруживает чрезвычайную любовь к яйцам, не оставляет их, даже если ее несколько раз потревожат, и старается всеми силами оборонять их при нападениях. Оба родителя в изобилии приносят птенцам пищу; однако лишь самка умеет надлежащим образом раздирать ее на куски. Наблюдали, что молодые перепелятники, у которых была убита мать, умирали от голода при обильной пище, так как отец не умел подготовить ее так, чтобы они могли ее есть. После вылета родители долго еще кормят птенцов, водят и учат их.

Более крупные благородные птицы без колебания съедают перепелятника, если могут овладеть им; более мелкие птицы проявляют свою ненависть, по крайней мере, тем, что преследуют его. Человек является врагом этого хищника всюду, где только познакомится с ним. У многих народов Азии перепелятник высоко ценится в качестве охотничьей птицы и поэтому имеет много друзей. «На южном Урале, — говорит Эверсман, — его употребляют для охоты больше, чем какого-либо из ястребов, но главным образом лишь для охоты на перепелов. Летом выкармливают птенцов, дрессируют их, употребляют осенью для охоты и затем отпускают на свободу. Их не стоит кормить в течение зимы, так как весной можно достать столько молодых, сколько нужно.

Для охоты выкармливают только более крупных самок; мелких самцов отпускают на волю, так как они для охоты не годятся». Точно так же, как на Урале, перепелятников вынашивают и в Персии и Индии и употребляют с большим успехом. «Охота на воробьев, — замечает Сен-Джон, — одно из любимейших летних удовольствий в Персии, когда погода слишком жаркая для охоты, требующей напряжения. Мелкую добычу вспугивают главным образом около оросительных канав и бросают ястреба прежде, чем улетающие птицы достигнут безопасного убежища. Перепелятник редко дает промах и преследует воробьев с таким рвением даже в мышиных норках и других убежищах, что часто бывает трудно вытащить его оттуда обратно, и таким образом случается терять ценных ловчих птиц. Хороший перепелятник ловит 15—20 воробьев в час. Его понятливость удивительна. Уже через неделю после поимки перепелятника можно употреблять для охоты, правда, привязав к длинному шнуру. Достаточно заняться им несколько дней, чтобы настолько приручить его, что он и без веревки возвращается к хозяину. Самок употребляют преимущественно для охоты на перепелов». Как мы узнаем от Жердона, перепелятника высоко ценят все индийские охотники. Часто ловят в сеть для хищных птиц и дрессируют на куропадок, перепелок, бекасов, голубей и особенно на мейн. Они оказывают хорошие услуги особенно в джунглях и вознаграждают труд, затраченный на их дрессировку.

Кто сам держал перепелятника в неволе, должен признать искусство азиатских охотников. Эти хищные птицы вовсе не приятные пленники; их пугливость, дикость и обжорство просто отвратительны. Ленц приводит пример прожорливости, на который я хочу указать в заключение, так как он характеризует нрав птицы. «Несколько лет тому назад я достал самку перепелятника, которая так яростно преследовала овсянку в колючем кусте, что запуталась в нем и была поймана. Я тотчас связал ей концы крыльев вместе и посадил ее в комнату, где собралось 11 человек, на которых она смотрела сверкающими глазами. Я принес шесть молодых воробьев и пустил одного из них на пол, воробей побежал, и перепелятник тотчас бросился на него, схватил, задушил его когтями и уселся на своей добыче, которую сильно сжимал, пристально смотря на общество. Так как он не хотел при нас есть, то мы ушли прочь, и когда вернулись через 10 минут, воробей был съеден. То же случилось и с двумя следующими воробьями; но четвертого, которого он так же яростно задушил, как и остальных, он съел лишь наполовину, когда мы возвратились, дав ему, как всегда, для еды 10 минут. Тем не менее, он так же жадно схватил и пятого и опять через 10 минут шестого, хотя и не мог съесть их, так как его зоб был полон».

Я часто держал перепелятников в неволе долгое и короткое время, но никогда не мог вступить в дружбу с ними.

* Среди тетеревятников, населяющих Восточную Сибирь и север Дальнего Востока, довольно значительна доля светлых птиц, некоторые особи отличаются практически целиком белой окраской оперения.

** На самом деле тетеревятник в Средней Азии не гнездится, там встречаются только пролетные или зимующие птицы. Зато он заселяет всю лесную зону Сибири и Северной Америки.

Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*) не только по имени, но и по характеру своему ястреб в настоящем смысле этого слова.

Тетеревятник — большая, сильная хищная птица длиной 55 см и 1,1 м в размахе крыльев, при длине крыла в 31 см и длине хвоста в 22 см. Более крупная и более сильная самка на 12—15 см длиннее и на 15—18 см больше в размахе крыльев, чем самец. В окончательном оперении верхняя сторона тела черновато-серо-бурая, с большим или меньшим голубым налетом; нижняя сторона белая, каждое перо разрисовано буро-черными стержневыми черточками и волнистыми линиями. Клюв черного рогового цвета, восковица бледно-желтая, глаза ярко-желтые, ноги желтые. В одежде молодых верхняя сторона тела бурая, каждое перо с ржаво-желтым краем и пятнами; нижняя сторона ржаво-красноватая, позднее ржаво-беловатая, с бурыми продольными пятнами. Клюв, глаза, ноги и восковица бледнее, чем у старых птиц. Отклонения редки; впрочем, очень светло окрашенных тетеревятников и альбиносов наблюдали неоднократно*.

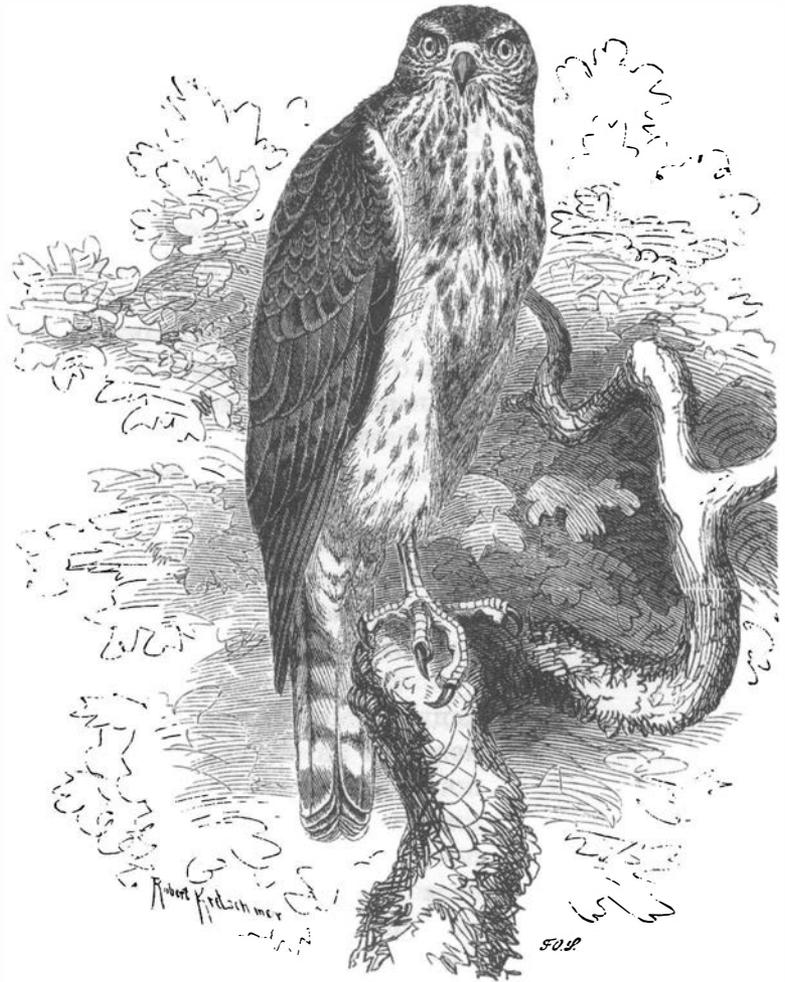
Область распространения тетеревятника простирается по большей части Европы и Средней Азии**; в пределах этих стран он, однако, встречается не везде, а если и встречается, то не одинаково часто. Где тетеревятник раз поселился, оттуда его трудно прогнать, если условия до некоторой степени благоприятны для его жизни. Он требует густой древесной заросли, в которой может пользоваться покоем и легко хватать добычу. Он едва ли делает различие между красноельем и лиственным лесом и особенно любит такие леса, которые чередуются с полями и лугами. Но все же чаще встречается в более крупных, чем в мелких, лесах.

По моему мнению, описание этой хищной птицы, данное моим отцом, остается до настоящего времени самым лучшим; поэтому оно служит основой последующего изложения, и лишь местами я буду вставлять более новые и важные наблюдения.

Тетеревятник — одинокая, необщительная хищная птица, которая лишь во время спаривания и вывода птенцов держится вместе с другой птицей; это крайне необузданный, дикий, дерзкий, быстрый, сильный и при этом хитрый и пугливый хищник. Полет его всегда быстр, а когда он бросается на добычу, то летит порывисто и шумно и часто парит. При этом он обыкновенно несколько расширяет свой длинный хвост. Если тетеревятник летит из одной части леса в другую и, особенно в гористых местностях, стремится от одной возвышенности к другой, то он летит на значительной высоте, приблизительно на 200—400 м над землей. Обыкновенно же скользит, как кустовые хищники, низко над землей, держась лесных опушек и кустов. Часто пересекает деревья и кустарники или пролетает над самыми верхушками их. Едва ли какая-нибудь другая птица обнаруживает во время полета столько разнообразия в движениях, как тетеревят-

ник, который соединяет быстроту с резкими и неожиданными поворотами, стремительность движения с ловкостью, изумительной в такой большой птице. Он быстро поднимается вверх, некоторое время парит, описывая круги, внезапно бросается вниз, с величайшей уверенностью пролетает сквозь густые деревья и то поднимается, то опускается. На земле и он неловок, обыкновенно прыгает и лишь редко ходит. Садясь на дерево, всегда выбирает нижние ветви, и помещается, по возможности, ближе к стволу. Я никогда не видел его сидящим на скалах и стенах; на дома в деревнях он, говорят, иногда опускается. Голос его — сильный, противный крик, который, однако, слышится нечасто.

Тетеревятника можно видеть в движении и деятельности во всякое время дня, даже в полуденные часы, которые большинство остальных хищных птиц посвящают отдыху. Он довольно правильно облетает большую область и долгое время возвращается изюм в день на то место, где ему раз посчастливилось. Изумительное обжорство принуждает его охотиться почти непрерывно: подобно перепелятнику, он редко действительно сыт, а всегда голоден или, по крайней мере, кровожаден. Он охотится за всеми птицами, от дрофа и глухарей до маленьких вьюрков, и за всеми млекопитающими, которых надеется одолеть. Он бросается на зайца, чтобы умертвить его, поднимает с земли злую ласку и уносит от гнезда белку, разбойничает среди летающих и сидящих животных, плавающих птиц и бегущих млекопитающих и даже вытаскивает свою добычу из убежищ. Величайший страх охватывает животных, которые знают, что он опасен для них; они часто так пугаются, что остаются на месте, неподвижно устремив глаза и, как говорит Науман, «проливают кровь в его когтях, прежде чем решатся искать спасения в бегстве или прижавшись к земле». Хищность его можно сравнить лишь с его дерзостью, а оба эти качества — с его кровожад-

Ястреб-
тетеревятник
(*Accipiter gentilis*)

Семейство ястребиные

ностью: он никому не дает пощады. Подобно перепелятнику, всегда захватывает добычу врасплох и потому почти всегда достигает цели. «Около деревенских жилищ, — совершенно справедливо пишет Альтум, — он так же неожиданно, как на окраине леса, со свистом пронесится над крышей низкого строения или в промежутке между двумя постройками. С быстротой молнии схватывает на дворе одну из домашних кур или голубя и исчезает с ними прежде, чем успеешь хорошенько узнать нежданного гостя».

За домашними голубями он охотится постоянно, и одна пара тетеревятников может за несколько месяцев опустошить самую богатую голубятню. Заметив тетеревятника, голуби поспешно обращаются в бегство; но он с быстротой молнии бросается наперехват за ними и старается схватить одного из них, причем обыкновенно бросается на него сверху. Это происходит без заметного движения крыльев с далеко вытянутыми лапами и несколько сложенными крыльями, но с такой быстротой, что сопровождается шумом, который можно слышать на расстоянии 100—150 шагов.

Очень понятен и основателен тот смертельный страх, который охватывает при его появлении всех тех птиц, которым он угрожает. Лишь только он показывается, во всем птичьем мире начинается тревога. Голуби или куры сидят неподвижно на земле, позволяют человеку брать их руками или убегают в какое-нибудь укромное место и целые дни и недели не могут забыть перенесенного испуга. Сильные куры, собирая последние силы, бегут с хищником на спине в дом, как бы желая найти защиты у человека, и только храбрые вороны, которым тоже приходится жестоко терпеть от него, могут отважиться оказать сопротивление.

Точно так же усердно, как птиц, преследует он и млекопитающих. «Молодых зайцев, — говорит мой отец, — он одолевает легко, а на старых нападает по определенному плану. Именно, когда заяц ищет спасения в бегстве, он несколько раз ударяет его клювом, а когда заяц ранен и утомлен, он хватает его лапами и постепенно умерщвляет клювом и когтями. Эта битва продолжается обыкновенно долгое время, и я знаю пример, когда заяц некоторое время катался вместе с ястребом по земле и последний все-таки не выпустил его, даже когда ему приходилось лежать под зайцем. Один мой приятель, человек, достойный доверия, убил из засады одним выстрелом сразу и зайца, и тетеревятника в то время, когда тетеревятник бросился на зайца».

Если возможно, тетеревятник не довольствуется одной жертвой, а убивает столько птиц, сколько может поймать, затем спокойно ест их. Так, Розенталь видел, как тетеревятник в течение часа унес из гнезда одного за другим пять воронят, почти способных уже летать, несмотря на защиту собравшихся старых ворон. Если он голоден или возбужден продолжительным преследованием, а может быть, и обескуражен рядом неудачных нападений,

то забывает всякую осмотрительность, преследуя спасающегося от него голубя, залетает даже внутрь дома или влетает в окно, бросается на птицу в клетке. На дворах его случалось ловить руками на схваченной им курице, накрывать корзинами, прогонять ударами палки. Замечательно то, что он большой лакомка. Где есть выбор, он всегда бросается на самую вкусную дичь. Это доходит до того, как пишет мне Мейеринк, что в местностях, богатых дичью, особенно там, где много фазанов и серых куропаток, его нельзя поймать в ловушку, если посадить в качестве приманки голубя, и, напротив, он попадает в нее очень скоро, если посадить туда фазана или куропатку. Там, где держат голубей, он всегда больше охотится за ними, чем за курами, хотя ему и легче ловить этих последних. Очевидно, он поступает так только потому, что голуби более нравятся ему, чем куры.

Причиной необщительности тетеревятника служит, вероятно, его неимоверная хищность. У птиц, содержащихся в неволе, мы часто наблюдали убийство собственных детенышей и птиц того же вида. Один мой приятель, лесничий, уверял меня, что держал однажды 14 тетеревятников в большом помещении; несмотря на обильную пищу, они после ужасных битв переели друг друга, так что осталось лишь два*. Я могу дополнить эти данные, прибавив, что в неволе более сильный тетеревятник съедает более слабого, даже своего самца, птенца, отца или мать.

Невыразимая ненависть встречает тетеревятника всюду, где он покажется. Особенно вороны, которых он подчас схватывает, когда они сидят, неумоимо преследуют его и бросаются на него, обнаруживая полное презрение к смерти. «Один тетеревятник, — продолжает мой отец, — которого преследовали три вороны, пытался иногда схватить одну из них, но они так искусно уклонялись, что ему никак не удавалось даже ранить какую-нибудь. Вороны некоторое время летали, таким образом, вместе с ястребом, и вдруг тот заметил на расстоянии 300 шагов голубей на крыше. Он тотчас поспешил туда и бросился косо вниз, но возвратился без голубя. Вороны были, казалось, совершенно изумлены этим нападением на голубей. Пока тетеревятник парил, они могли следовать за ним, но когда он кинулся на голубей, то ни одна из них не была в состоянии сопровождать его. Лишь когда он поднялся снова, вороны возобновили свою погоню. Некоторое время они опять гонялись за ним; вдруг он бросился почти по горизонтальной линии, пролетел около 200 м, поймал голубя и улетел с ним. Однако вороны снова стали его преследовать, да так сильно, что он должен был выпустить голубя и отказаться от всякой попытки поймать другого». Вороны вообще единственные птицы, которые проявляют при каждом удобном случае смертельную ненависть к тетеревятнику и доставляют ему много хлопот. Лишь только он показывается, как черная толпа окружает его; громкое карканье привлекает все новых и новых помощников, и таким

* Часто такого рода случаи — проявление стресса в условиях неволи.

Семейство ястребиные

образом вороны иногда совершенно останавливают тетеревятника. Это случается особенно тогда, когда он улетает с добычей в когтях или хочет съесть ее на земле. В пылу битвы обе стороны иногда совершенно забывают обо всем окружающем. Науман говорит, что хищнику удается иногда схватить одну из преследующих его ворон, но такие случаи могут встречаться лишь редко, так как вороны, охотясь за тетеревятником, действуют всегда с большой осторожностью. Кроме ворон, и наши мелкие благородные ястребы нападают на ненавистную и для них хищную птицу, а ласточки постоянно забавляются тем, что с громким предостерегающим криком сопровождают его.

Гнездо тетеревятник устраивает на самых старых и самых высоких деревьях в лесу, по большей части на толстых ветвях, около ствола; оно очень велико и плоско, состоит внизу из самых сухих сучьев, затем из прутьев и сверху выложено зелеными еловыми, пихтовыми и сосновыми ветвями, которые, по-видимому, постоянно заменяются новыми. Собственно лоток гнезда, очень неглубокая ямка, выложен обыкновенно пуховыми перьями самой высиживающей птицы. Раз построенное гнездо служит и на следующий год той же паре тетеревятников, которые поправляют, расширяют его и втыкают в него свежие ветви. Однако иногда пара имеет три или четыре гнезда, которые строятся на незначительном расстоянии одно от другого, и выводит птенцов то в одном, то в другом. Уже в марте, в прекрасные ясные дни, можно видеть, как обе возбужденные любовью птицы поднимаются винтообразно в высоту, делая равномерные повороты. Во второй половине апреля или в начале мая кладка бывает обыкновенно закончена. Она состоит из 2—4 больших, скорее продолговатых, чем круглых, очень вздутых посередине яиц, с толстой и шероховатой скорлупой. Они разрисованы по зеленоватому фону редкими желтыми пятнами, но часто бывают и лишены пятен. Самка высиживает с горячей преданностью и не оставляет гнезда даже после того, как ее несколько раз тревожили. Птенцы растут быстро, но и едят невероятно много, и обоим родителям приходится немало трудиться, чтобы утолить их волчий аппетит. Оба родителя приносят все, что находят; по наблюдению одного нашего знакомого, человека, вполне достойного доверия, приносят даже целые гнезда с находящимися в них птенцами, именно гнезда обыкновенных и черных дроздов*. Едва ли следует сомневаться в том, что, как уверяли некоторые лица, более сильные птицы в гнезде, если терпят голод, нападают на своих братьев и съедают их.

Вследствие приносимого тетеревятником вреда, который нельзя оценить и который очень часто непосредственно касается человека, эту коварную хищную птицу ревностно преследуют. Охота за ними не особенно легка, так как смышленность и хитрость старых тетеревятников доставляют охотнику много хлопот. Но тем лучше вознаграждается ловля их или охота, основан-

* Тем не менее такие свидетельства — выдумки.

ная на том, чтобы разумно пользоваться ненавистью тетеревятника к филину. Насколько он не любит, чтобы другие зазорные птицы нападали на него, настолько ревностно, горячо и упорно сам нападает на филина. Своеобразно хлопая крыльями, более порхая, чем трепеща, он приближается к ненавистной сове на расстояние нескольких сантиметров, так что бывает нельзя стрелять в него, чтобы не попасть в филина. Иногда тетеревятник садится на жерди перед шалашом, тогда его можно без труда застрелить.

Приручить тетеревятников можно, это доказали древние охотники, а современные азиатские доказывают и в настоящее время. Но что надо делать, чтобы сломить их упрямство, остается для меня загадкой. Покорить такое существо человеку — это торжество приручения. В Индии тетеревятник, по Жердону, самый драгоценный из всех охотничьих птиц. «Бац, как называют его в Индии, дрессируется на вихляев, коршунов, стервятников, уток, бакланов, цапель, ибисов, зайцев и т.д. Для охоты на зайцев тетеревятнику надевают кожаные штаны, чтобы он не изорвал ноги о шипы кустов, как случается обыкновенно, так как заяц тащит хищника за собой. Тетеревятник держится одной лапой, а другую волочит за собою, чтобы схватывать соломины, ветви и тому подобное и тем удерживать зайца. Он летит прямо к добыче; но если она находится не на надлежащем расстоянии (около 100—200 м), то оставляет охоту и или возвращается обратно к охотнику, или садится на соседнее дерево или на землю. Хорошо дрессированный тетеревятник-самка стоит обыкновенно 20—50, а самец 10—30 рупий».

Чем дольше и чаще им пользуются, тем лучше он становится. Он привыкает к людям, собакам и другим предметам, которые могут сначала пугать его, довольно быстро; его понятливость просто удивительна, ум почти равен уму собаки. Томсон уверяет, что у него были настолько ручные и умные тетеревятники, что достаточно было протянуть руку, чтобы приманить их на нее; другие могли сидеть перед палатками без привязи, перелетали, когда охотники снимались с места, на ближайшее дерево и следовали за ними по лесу и открытым местам, никогда не отставая, пока не взлетала какая-нибудь птица, годная для охоты, и не начиналась их работа. «Чудное зрелище, — замечает Жердон, — доставляла одна из этих птиц, когда она, как пуля, устремлялась за взлетевшей дикой курицей и сбивала ее на землю, прежде чем мы успевали различить, что это за птица. Иногда между ними начиналось состязание в быстроте: курица летела впереди, тетеревятник за ней, обе птицы напрягали все мускулы, ястреб все более и более приближался, пока ему не удалось, наконец, схватить добычу. В местности, поросшей травой, которая не мешала видеть далеко вокруг, такая охота имеет величественный вид. Не менее привлекательна и охота на фран-

Семейство ястребиные

колинов в высокой густой траве. Ряд слонов взгоняет добычу, франколин взлетает прямо, спущенный ястреб следует за ним по горизонтальной линии, пока не увидит, что тот опускается, и схватывает его, падая почти вертикально вниз». Хорошо дрессированных тетеревятников можно, по словам Томсона, употреблять на все виды куриных Индии, от павлина до серой куропатки; в час они могут поймать более дюжины птиц. В Персии тетеревятника вынашивают чаще, чем какого-либо другого ястреба. Некоторых птиц, употребляемых для этого, ловят на лесистых холмах юга и запада, но большую часть привозят из прикаспийских лесов. «Тарлана», как называют в Персии тетеревятника, употребляют для охоты на каменных куропаток и франколинов. Белые экземпляры, получаемые из Сибири, ценятся не выше обыкновенных. На южном Урале и прилежащих степях тоже чаще всего вынашивают именно этого ястреба, во-первых, потому, что его во множестве находят во всех лесистых местностях, а потому не трудно и достать, во-вторых, потому, что он очень понятлив.

На юге Африки живет, насколько известно до настоящего времени, самый крупный вид из семейства ястребиных, которого называют **певчий ястреб-габар** (*Micronisus gabar*). У него оперение горла и верхней части груди шиферно-серое; оперение брюха, гузки и штанов, а также большие кроющие перья крыльев покрыты по белому фону тонкими пепельно-серыми зигзагообразными поперечными линиями. Радужная оболочка глаз прекрасного бурого цвета, клюв темно-синий, восковица и ноги ярко-оранжевого цвета. Длина самца равна 50 см, размах крыльев 99, длина крыла 30, длина хвоста 22 см. Самка приблизительно на 4 см длиннее и на 5—6 см больше в размахе крыльев.

Певчий ястреб имеет только весьма отдаленное наружное сходство с европейским ястребом; по умственным способностям и нраву он совершенно отличается от него. Это ленивая угрюмая птица, которая не обладает той смелостью, которая делает европейского ястреба опасным врагом всех более слабых позвоночных животных. Лень — вот преобладающая черта его характера: целыми часами сидит он на одном месте, сонливо оглядывая со своей вышки ближайшую окрестность. Полет его не так быстр и ловок, как у наших ястребов, а, напротив того, вял и нерешителен.

Главной пищей певчего ястреба служат насекомые, пресмыкающиеся и мелкие млекопитающие. По моим наблюдениям, саранча составляет его любимую, а временами и исключительную пищу. Кроме того, он охотится еще за мышами, остатки которых находят обыкновенно в его желудке. Гартман видел, что он ловит и ящериц, и наблюдения этого натуралиста совершенно сходятся с моими собственными. На птиц он нападает только в тех случаях, когда мелкие пташки несутся целыми стаями к водопою, но

ему и тут редко удается схватить хоть одну птичку. Он слишком неуклюж, чтобы поймать птицу на лету, и я никогда не видал, чтобы он преследовал голубей, как это делают наши тетеревятники и перепелятники. Уже грызунов, величиной с белку, он никогда не трогает, а с сусликами, например, живет в величайшей дружбе.

Пойманные ястребы этого вида по нраву противоположны европейским представителям этого семейства. Певчие ястребы — это спокойные, тихие птицы, которые целыми часами сидят на одном месте, скоро знакомятся со своими воспитателями и со временем становятся с ними даже очень ласковыми. Без видимого неудовольствия принимают они предлагаемую им пищу, но все же легко делаются жертвой не вполне соответствующей их природе обстановки.

Одни из самых красивых представителей дневных хищных птиц нашей части света — это луны. Стройные птицы, средней величины, с небольшим слабым туловищем; нежным и слабым, сильно загнутым, тупым и зубчатым клювом, конец которого образует длинный крючок. Ноги стройные, длинные и короткопалые, крылья длинные, большие, но довольно узкие; хвост средней величины, широкий и мягкий.

Полевой лунь (*Circus cyaneus*). Встречается чаще других. Вся верхняя часть тела взрослого самца светлого пепельно-бурого цвета за исключением затылка, который бурый с белыми долевыми полосками; нижняя часть белая. Первое маховое перо черно-серое, следующие пять — черные, а около корня сероватые или белые; прочие — пепельно-серые; средние перья хвоста темно-серые, у краев светлее, почти белые; крайние перья покрыты у корней едва заметными неправильными полосками. У старой самки оперение затылка, задней стороны тела и верхней части крыльев имеет ржаво-желтые края; полоска над глазом беловатая; передняя сторона по ржаво-желтому полю покрыта продолговатыми бурыми полосками; на хвосте несколько бурых и ржаво-желтых полос. Молодые птицы похожи на самку. Зрачок, восковица и ноги лимонно-желтые; клюв черного рогового цвета. Длина достигает 46 см, размах крыльев 113, длина крыла 36, длина хвоста 21 см. Самка на 6 см длиннее и на 9 см шире самца. Область распространения полевого луня довольно обширна. Он живет во всей средней части Европы точно так же, как и в большей части Средней Азии, посещает во время своих перелетов все страны северной Африки до экватора, также всю южную Азию, насколько местные условия удовлетворяют его потребностям.

На юге России, в Придунайской низменности, Турции и Греции, на юге Средней Азии и в северной Африке полевого луня заменяет **степной лунь** (*Circus macrourus*).

В своих нравах и привычках, насколько я мог узнать, оба родственные вида луней мало чем отличаются друг от друга, так что совершенно достаточно в последующих описаниях иметь в

Семейство ястребиные

виду одного полевого луны. Появившись в конце марта, полевой лунь, устроившись в своих владениях, начинает вести такой правильный образ жизни, что его невозможно не заметить. Несколько раз в сутки облетает он свои владения вдоль и поперек, почти всегда держась выбранного однажды направления, так что не может не броситься в глаза даже не особенно внимательному наблюдателю. Едва успеют кусты, луга и поля обсохнуть от росы, как полевой лунь уже отправляется за добычей и продолжает поиски до тех пор, пока старания его не увенчаются успехом. За счастливым ловом следует более или менее продолжительный отдых, после которого лунь опять летит за пищей. Так проводит он время, попеременно летая и отдыхая, до самых сумерек. Летает он, как бы качаясь в воздухе, почти касаясь земли. То паря, высоко поднявши вверх крылья, то ускоряя свой полет ленивыми взмахами крыльев, летит лунь по избранной им дороге, направляясь преимущественно к ручью, канаве или ряду кустарников. Иногда он уклоняется от главного направления вправо или влево или кружит по одному месту, несколько раз стремительно опускается на землю, как будто хватая добычу, но, поднявшись, продолжает свой путь. Летает, как бы качаясь, вокруг верхушек деревьев, над рядами кустов, по ту или другую их сторону, несется над лугом или нивой и, наконец, возвращается, описывая большие дуги, к исходному пункту своих странствований. Кто внимательно следит за какой-нибудь парочкой луней, тот, конечно, заметит, что самец всегда более или менее тщательно исследует местность, но охотится в разное время дня, то утром, то в полдень, то вечером. Такая охота продолжается часа полтора, после чего лунь обыкновенно отдыхает от четверти до получаса или, по крайней мере, несколько минут. Для отдыха выбирает какое-нибудь возвышение почвы или известное место среди луга или хлебного поля; сидит вначале в задумчивости несколько минут неподвижно, причем не упускает случая оглядывать кругом всю местность и, наконец, приступает к чистке и разглаживанию своих перьев. Последнее производится так тщательно, что место отдохновения луны легко отыскать по множеству разбросанных там перьев, особенно в период линьки. Я никогда не видел, чтоб полевой лунь сидел на деревьях, между тем как степные луны всегда отдыхают на них*.

** Это не так, для степного луны сидеть на деревьях так же необычно, как и для полевого.*

К искреннему моему сожалению, я не могу выступить в роли защитника полевого луны. Нельзя не согласиться, что красивая ярко-голубая птица служит истинным украшением равнин, особенно когда она весной плавно носится над полями; несомненно и то, что она очень полезна, уничтожая мышей и насекомых, в особенности саранчу, а ловлей ящериц и лягушек, которые вместе с мышами составляют ее главную пищу, не приносит нам, по крайней мере, никакого вреда: но различные злодеяния, которые она позволяет себе совершать на наших глазах, лишают ее права на

наше сочувствие и защиту. Несмотря на свою кажущуюся слабость, полевой лунь — дерзкий и опасный враг всех тех животных, которых он в состоянии одолеть. В его хищнические когти попадают суслики, молодые зайцы, неоперившиеся птицы, гнезда которых расположены на земле, начиная с молодых фазанов и куропаток и кончая малиновкой. Взрослую птицу лунь поймать, конечно, не может, но сидящую низко на гнезде самку он снимает так же ловко, как выхватывает из гнезда неоперившегося птенца или лежащие в нем яйца. Что он убивает молодых фазанов — удостоверено многими свидетелями. По словам Наумана, его вид страшно пугает куропаток. Во время полета он, правда, не может причинить им вреда. Вот почему куропатки, увидев луня, тотчас улетают как можно скорее и прячутся от страшного хищника среди высокорастущих злаков, или кустарников, или же в огородах, засаженных капустой и репой. От зорких глаз луня, однако, не укрывается эта игра в прятки. Он тотчас подлетает, обыскивает самым тщательным образом место убежища своей жертвы, порхает над ним, стремительно опускается на землю как бы для того, чтобы схватить добычу, опять поднимается вверх и продолжает эту жестокую игру до тех пор, пока молодая куропатка не оплошает и не попадет ему в когти. «Старые куропатки, — говорит Розенталь, — защищают сообща свое потомство, причем, однако, большей частью погибает один или два птенца». Таким же образом хватает он молодых камышевок, бекасов и других болотных и водяных птиц. Кроме того, полевой лунь умеет отлично пользоваться своей способностью мгновенно останавливаться на лету и падать на землю, чтобы застать врасплох сидящую на яйцах птицу. Впрочем, вышеупомянутыми сведениями мы вполне исчерпали весь запас прегрешений полевого луня.

С воронами полевой лунь живет в постоянной вражде и нелегко одолевает храбрых маленьких птиц, вроде ласточек и трясогузок. Из людей для луня опасны больше всего собиратели яиц, так как от охотника он по большей части сумеет уберечься.

Полевой лунь, пойманный даже взрослым, ведет себя в неволе гораздо спокойнее, чем всякая другая хищная птица, за единственным исключением его ближайших родичей. По-видимому, без всякого озлобления мирится он с потерей своей свободы; совершенно равнодушно смотрит на стоящих перед его клеткой людей, спокойно прохаживается туда и сюда и принимает разнообразные позы. На всякую предложенную ему пищу он бросается без оглядки, пожирает все, что ему приносят, но только при определенной пище может долго прожить в неволе.

В сообществе с полевым лунем живет **луговой лунь** (*Circus pygargus*). Длина его достигает 44 см, размах крыльев 125, длина крыла 48, а хвоста 23 см. У старого самца, бесспорно, самого красивого из наших луней, голова, затылок, спина и верх груди голубовато-серого цвета. У старых и молодых самок, оперение кото-

Семейство ястребиные

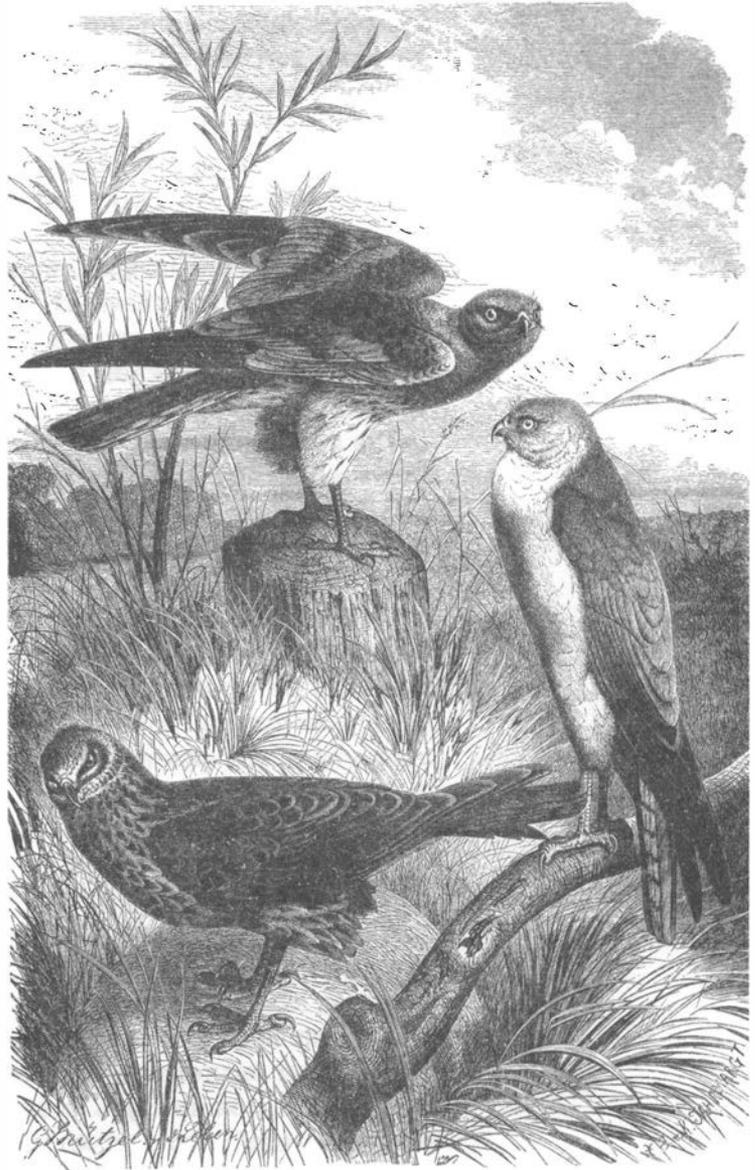
рых почти одинаковое, верхняя часть тела преимущественно буро-серая. Глаза у старых птиц ярко-желтые, у молодых карие, клюв голубовато-черный, восковица желтая; очень высокие и тонкие ноги желтовато-воскового цвета.

Область распространения лугового луня не менее обширна, чем местожительство обоих описанных нами раньше его родителей. Однако птица эта принадлежит более востоку, чем западу северных стран Старого Света. Согласно данному ему имени, он предпочитает для житья обширные луга или, по крайней мере, болота, высыхающие летом на больших пространствах; поэтому он селится преимущественно поблизости рек и в особенности на низменностях, затопляемых во время половодья. Чаще встречается в низменностях Австрии и Венгрии, южных Придунайских долинах; но центральным пунктом его области распространения должны мы, вероятно, считать сибирские степи и Туркестан. Во всех степях около Алтая, к юго-востоку до горной страны Алатау, где мы путешествовали вместе с Финтшем и графом Вальдбург-Зейлем, мы находили чаще всех остальных видов луней — лугового луня; но (о чем следует особенно упомянуть) встречали его очень часто и в тундре нижнего течения Оби. К востоку область его распространения простирается до Китая. Во время своих путешествий он посещает осенью и зимой всю южную Европу, большую часть южной Азии и Африки, попадает зимой в Индии в удобных ему местностях, проникает до степей средней Африки, появляется, по словам Андерсона, даже в южной Африке.

Хотя луговой лунь ни внешним своим видом, ни образом жизни, ни нравом, ничем особенно не отличается от полевого и степного луня, я все же не могу отказать себе в удовольствии передать здесь те сообщения, которыми я обязан талантливому перу кронпринца Рудольфа Австрийского. Описание жизни этой птицы передано так живо и ярко, а вместе с тем так верно и правдиво, что я ничего не читал равного, а тем более лучшего описания. «В Австрийской низменности, — так пишет мне кронпринц, — луговой лунь вьет гнезда даже в окрестностях Вены, но, подобно другим своим сородичам, оказывается очень прихотливым в выборе местожительства. Любимым местопребыванием его служат обширные безлесные равнины, покрытые, однако, то мелким тернистым кустарником, то нивами, и прорезанные реками. Луговой лунь — настоящий житель низменности и никогда не встречается ни в горах, ни в лесистых местностях. Он, правда, не связан, подобно камышовому луню, с какой-нибудь определенной местностью; однако старательно избегает далеких путешествий вне своего отечества. Обширные поля и в особенности сырые луга, молодые поросли и просеки по краям береговых лесов больших рек служат ему любимым местопребыванием, в особенности, если в их непосредственной близости находятся большие, безлесные пространства».

Со своей стороны я могу прибавить, что луговой лунь даже в вышеупомянутых степях отыскивает себе для жилья преимущественно местности, орошаемые рекой, ручьем или едва просачивающимся из земли ручейком и уже оттуда предпринимает путешествия по сухим степям. Однако, вопреки всем собранным нами наблюдениям, луговой лунь поднимается и на вершины степных гор, залетает по дороге в небольшие рощи, хотя при этом все-таки придерживается тех горных откосов, которые сохраняют отпечаток степей.

«Луговой лунь, — продолжает кронпринц, — хищная птица, которая всю свою жизнь проводит на земле или, по крайней мере, над землей. Только во время спаривания можно видеть, как они парочками поднимаются в высоту, где совершают всевозможные эволюции в воздухе; однако эти упражнения в полете далеко не так разнообразны, как у камышового луня, хотя нужно сказать, что луговой лунь гораздо быстрее, легче и выносливее своего большого сородича. Полетом своим он несколько не напоминает хищных птиц, а скорее ласточек и чаек; за ласточку его нередко принимает даже опытный охотник. Когда луговой лунь, поднявшись прямо с земли, несется, почти касаясь ее, то полет его удивительно напоминает полет козодоя. Луговой лунь — одна из самых подвижных и беспокойных птиц: с восхода солнца и далеко за полночь он находится в постоянном движении, хотя круг деятельности его ограничивается только весьма небольшим пространством. Часто можно видеть, как он, широко распустив крылья, почти не ударяя ими в воздухе, парит над волнующейся нивой, или вдруг пролетает совсем низко над полем или лугом, выписывая извилистые линии; потом круто поднимается в высоту, чтобы покачаться или покружиться в воздухе, после чего камнем падает на землю в густые злаки или

1

3

- 1 — Полевой лунь,
самка
(*Circus cyaneus*)
2 — Луговой лунь
(*Circus pygargus*)
3 — Степной лунь
(*Circus macrourus*)

высокую траву, где отдыхает несколько минут; потом опять принимается за ту же игру, которую продолжает изо дня в день почти безостановочно. Самки ведут более спокойную жизнь, чем самцы, и сидят по большей части на земле, в особенности во время высиживания. Самка, впрочем, такая невзрачная птица, что не знатоку трудно признать ее за лугового луня, если он вообще и заметит ее. Что касается самца, то он, бесспорно, одна из самых красивых и изящных птиц Германии. Его веселый и беспокойный нрав в высшей степени оживляет монотонную равнину. Его красивой наружностью поразится всякий, кому удастся увидеть эту стройную птицу, как она, освещенная солнцем, искрясь и отливая серебром, плавно несется над волнующимися нивами, тем более, что в среднеевропейских странах привыкли видеть только темно оперенных хищных птиц. Для ночлега луговой лунь выбирает себе хлебное поле, некошенный луг, густой кустарник, иногда осоку; часто отдыхает и на пограничных камнях, воткнутых в землю кольях, на часовнях и т.д.; во всяком случае, он спит только на земле или низко над ней. Леса избегает он даже днем, а тем более ночью. Я никогда не видал, чтобы луговой лунь сел на дерево, но замечал, напротив того, что он избегает не только леса, но и одиноко стоящих деревьев и даже в молодом лесу, где вьет свои гнезда, никогда не садится на кусты. Чем охотнее держится он долин, орошаемых реками, тем решительнее избегает лесной чащи. Конечно, ему случается лететь мимо опушек высоких лесов, но никогда не проникает он в их середину. Чаще всего можно видеть, как луговой лунь, подобно чайкам, носится туда и сюда вдоль какого-нибудь речного протока; только один раз заметил я, что, испуганный встретившейся ему лодкой, он полетел по направлению высокого леса.

«Луговой лунь, как и все его сородичи, довольно пугливая птица, которая держится от человека в почтительном отдалении; однако она не одарена хитрою и умною осторожностью соколов. Не умея различить, как это делают другие хищные птицы, охотника от крестьянина, мужчину от женщины, он спасается от всякого человека в полете, описывая в воздухе волнообразную линию. Если он летит высоко над полями и завидит человека уже издали, то можно быть уверенным, что он пролетит дальше, чем на ружейный выстрел, от заклятого врага всех зверей. Но часто случается, что лунь пробирается у самой земли, по тропинкам между хлебными полями и лугами и тогда может случиться, что, вследствие закрытого со всех сторон вида на окрестность, он на повороте неожиданно почти наткнется на самого охотника и таким образом попадетс я ему в руки. Сидя на земле, он не так пуглив и умеет скрыться от врага; когда же отдыхает, скрывшись среди густого кустарника, то часто спокойно пропускает мимо себя человека или поднимается с земли, когда тот уже совсем близко.

Гнездо лугового луны представляет весьма простую постройку из хвороста, сухих веток и подобных веществ, которые довольно крепко соединены между собой; оно расположено всегда у самой земли, среди густого кустарника, хлебных растений, высокой травы и иногда в камыше. Вообще луговой лунь гораздо осторожнее камышового при выборе места для постройки гнезда и избегает открытых мест. Смотря по состоянию погоды, но большей частью не раньше половины мая, кладка, состоящая из 4—5 яиц, окончена. Яйца, длина которых достигает 42 мм, а ширина 32 мм, чисто белые или покрыты редкими пятнами; они мелкозернисты и без глянца, вследствие чего имеют сходство с яйцами сов, но отличаются от них своим светло-зеленым отливом. Они так похожи на яйца полевых луней, что их часто смешивают между собою. Любовь к своим яйцам и птенцам луговой лунь превосходит даже других сородичей. Любовь эта выказывается не одной только самкой, так как самец для защиты гнезда готов, не задумываясь, подвергнуться всякой опасности. Даже другие луговые луны спешат на защиту чужих птенцов, которым грозит опасность, и вместе со встревоженными родителями с громким криком окружают врага. Пока самка сидит на яйцах, самец постоянно носится взад и вперед около гнезда, время от времени он подлетает к подруге и садится рядом; после короткого отдыха опять начинает он кружиться около гнезда и, наконец, покидает, большей частью ненадолго, свое местожительство для добывания пищи.

Луговой лунь живет охотой на бегающую, сидящую или ползающую, но никак не на летающую дичь. Самой любимой его пищей служат хомяки, суслики, полевые мыши и лягушки; кроме того, он хватает и птиц, не умеющих летать, время от времени и молодых зайцев, перепелов и куропаток. Но вообще я того мнения, что приносимый им вред нельзя сравнить с той пользой, которую он оказывает, уничтожая мышей, сусликов и других вредных грызунов».

Мне остается упомянуть о болотном луне (*Circus aeruginosus*). Оперение его довольно значительно изменяется, не только смотря по полу и возрасту, но и по временам года. У старого самца перья лба и темени покрыты бурыми и желтыми полосками; остальная верхняя часть тела кофейного цвета. У взрослой самки оперение менее яркое и не такое пестрое. Длина достигает 55 см, размах крыльев 136, длина крыла 43, длина хвоста 24 см. Самка на 3—4 см длиннее и на 7—9 см шире.

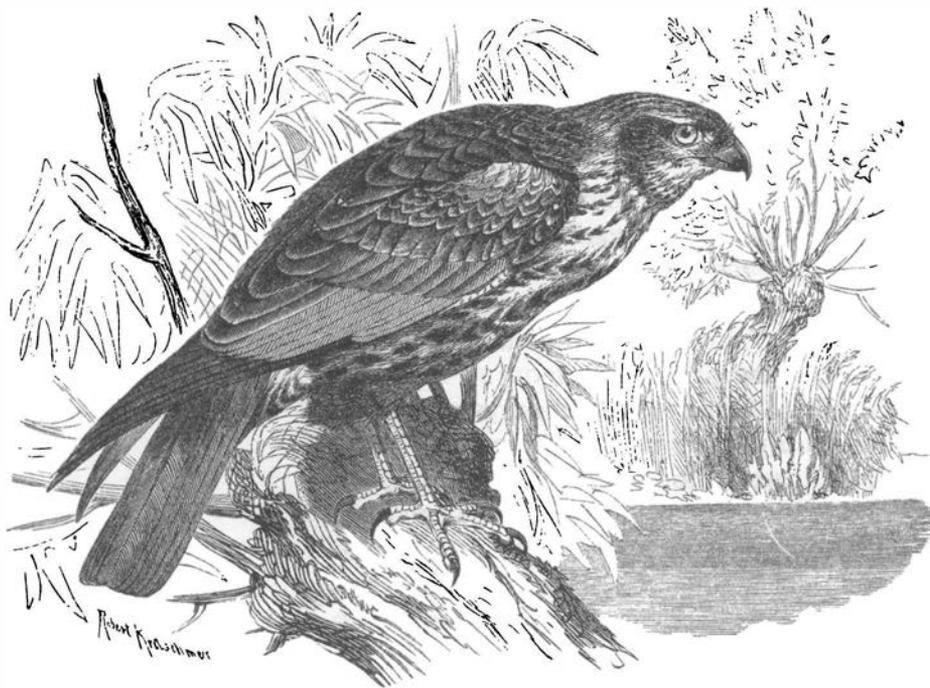
Болотный лунь водится во всех странах и местностях Европы, отвечающих условиям, необходимым для его существования. Кроме того, он встречается во всей западной Азии к югу от Алтайских гор; но чем дальше на восток, тем появляется он все реже и реже, а на Амур и в Китай залетает разве только в одиночку. Во время своих перелетов он посещает юг Азии и большую

часть Африки. Жизнь болотного луня связана с низменностью: положительно можно сказать, болото и вода так необходимы для его существования, что он никогда не упускает их из виду. У нас болотный лунь перелетная птица и появляется с весенним разливом рек, следовательно, не раньше марта и не позже апреля; в августе начинается отлет этих птиц, а к концу октября они совершенно исчезают. Но в южной Европе, а именно в Греции и Испании, так же как и в северной Африке и преимущественно в Египте, а еще чаще в Персии и Индии, этого луня считают уже оседлой птицей.

Несмотря на то, что мне случалось наблюдать за болотным лунем в трех частях света и временами даже в значительном количестве, я все-таки предпочитаю передать здесь слова крон-

принца Рудольфа об этом предмете; позволю себе, впрочем, вставить наблюдения и других опытных натуралистов, а иногда и свои собственные.

«Образ жизни и нрав болотного луня изобличают в нем неблагородного хищника, в котором не отразились характерные особенности этой группы птиц. Слабость телосложения позволяет ему только охоту за небольшою дичью, которую он убивает на земле или

Болотный лунь
(*Circus aeruginosus*)

разыскивает среди болот. Человека он боязливо избегает, умеет спастись от него среди камыша или непроходимых болот. За исключением времени размножения, эту большую хищную птицу можно увидеть довольно редко. Днем она скрывается в камышах, где в полной тишине и с большим успехом гоняется за добычей. Это особенно относится к тем луням, которые устроили свое жилище среди обширных болот, у стоячих вод и топей. Здесь лунь сидит целый день на толстых стеблях тростника и камышовых головках, плавающих бревнах, старых выступающих из воды сваях, но всегда как можно дальше от берега. Плывущую среди осоки лодку или охотничью собаку он подпускает к себе на близкое расстояние, как будто надеясь на свое темное оперение. И только когда опасность ему покажется очень серьезной, он под-

нимается вверх, но не так, как другие хищные птицы, которые как можно скорее спешат удалиться на расстояние, а медленно летит над камышами, тяжело ударяя о воздух своими круглыми крыльями. Единственное время, когда болотный лунь отрекается от своей ленивой медлительности, от своей, так сказать, пресмыкающейся жизни, это пора размножения: тут он бросает болото и тростник, носится высоко по воздуху, совершая самые удивительные фокусы, будто хвастаясь своим умением летать. Пара таких птиц, живущая обыкновенно так скрытно, что их в остальное время года и не заметишь, в апреле в состоянии оживить всю окружающую местность. Раньше, чем самка начнет свою кладку, еще во время спаривания, парочка луней часто поднимается в высочайшие слои воздуха и там предается еще более разнообразным и искусным играм, чем это делают коршуны. Болотные луни отличаются, впрочем, от коршунов тем, что, время от времени, со значительной высоты вдруг низвергаются на землю и, отдохнув несколько секунд, снова начинают играть, совершенно так, как это делают другие луни.

С началом мая все игры прекращаются; самки садятся на свои гнезда, и только одни самцы иногда забавляют их и себя разными воздушными упражнениями. Когда видишь их кружащимися все по одному и тому же месту, то можешь сказать, что гнездо находится неподалеку; поэтому его нетрудно отыскать. В стоячих водах, в тростнике и болоте гнездо это устроено на высоких травах или близ самого берега в осоке, иногда даже в хлебном поле, в случае если эти поля непосредственно граничат с берегами, населенными болотными лунями.

Если нет подходящего места или все болото покрыто водой, то гнездо строится между высокими стеблями тростника, на самой воде, и, следовательно, плавает. В береговых полянах оно находится чаще всего в камышах, окаймляющих запруды или узкие рукава, но, кроме того, встречается постоянно в просеках и молодых лесах, расположенных недалеко от берега. Я, впрочем, заметил, что некоторые гнезда изредка попадают и очень далеко от воды, в совершенно сухих местах. В таких случаях гнездо представляет довольно обширную, плоскую, как тарелка, постройку из ветвей и травы и лежит прямо на земле, между тем как среди болот и тростниковых зарослей оно всегда состоит из тростника, осоки и других болотных растений, которые самка, часто издали, притаскивает в своих лапах. При выборе местожительства птица главным образом обращает внимание на то, чтобы ничто не могло помешать ей свободно прилетать и вылетать из гнезда. Большой частью в первых числах мая и, во всяком случае, не раньше конца апреля в гнезде находят окончательную кладку, состоящую из 4—5 яиц.

Болотные луни — самые нежные родители. В то время, как все остальные хищные птицы, за исключением полевых луней,

Семейство ястребиные

долго не решаются вернуться к гнезду, с которого их раз спугнули, камышовый лунь дает себя несколько раз согнать с гнезда и снова возвращается к нему даже на виду своего противника. Когда гнездо стоит на открытом месте, то самка, которая, как у всех луней, одна занимается высиживанием, старается обмануть внимание охотника, распластываясь по земле, и только тогда с шумом поднимается с гнезда, когда враг находится от нее в двух или трех шагах; но и тут она не спешит улететь подальше, как это делают другие хищные птицы, а медленно несется над самой землей и, только отлетевши шагов на сто, поднимается прямо вверх на довольно большую высоту, описывает большой круг над гнездом и возвращается к нему с другой стороны. Если же она заметит, что враг все еще не удалился, то продолжает носиться над гнездом с жалобным криком; но стоит нарушителю ее спокойствия удалиться шагов на сто, как птица тотчас же с высоты прямо опускается на гнездо».

Болотного луны мы, безусловно, должны считать самым вредным хищником из его сородичей: пища его состоит почти исключительно из водяных и болотных птиц, молодых птенцов и яиц, и только в случае их недостатка довольствуется пресмыкающимися, рыбами и насекомыми. Охотится в общих чертах совершенно так же, как и прочие его сородичи, с той только разницей, что гораздо усерднее преследует птиц. И в этом отношении приносит больше вреда, чем какая бы то ни было хищная птица, так как другие, кроме того, ловят много мелких грызунов и насекомых.

«В поле, — рассказывает Науман, — болотный лунь выслеживает гнезда жаворонков и других птиц, причем не брезгает ни яйцами, ни молодыми птичками. Большие яйца он искусно высасывает, маленькие же проглатывает со скорлупой. Он производит страшные опустошения в гнездах полевых птиц, а также в гнездах диких гусей и уток среди камышовых зарослей, потому что во время вывода птенцов питается одними яйцами и птицами*.

** Данное утверждение не совсем верно. В период вывода птенцов болотный лунь питается теми же объектами, что и вне периода размножения. Кроме птиц, в его пище присутствуют и млекопитающие.*

Старые птицы, которые очень хорошо знают, что болотный лунь такой же искусный, как и злобный, истребитель их потомства, стараются всеми силами удалить его от своего гнезда и преследуют его жалобным криком и сердитыми ударами клюва. Дикие утки, гуси и другие плавающие птицы, временно покидая гнездо, тщательно закрывают яйца разным настилочным материалом, стараясь скрыть их от глаз луны. Зато яйца птицы, случайно спугнутой с гнезда и не успевшей прикрыть их, должны считаться неминуемо погибшими, так как первый лунь, которому они попадутся на глаза, без всякой церемонии высосет их. Только лебединые яйца ему, кажется, разбить не под силу: я видел, как лунь долгое время клевал их, но вынужден был отказаться от своего намерения. Главным предметом его нападений во все время, от вывода яиц до самой осени, служат лысухи, которые плавают

врассыпную, завидев врага, они поспешно скликают друг друга и спешат укрыться в ближайшем тростнике. Если хищник и тут преследует их, то лысухи снова плывут на открытую воду и стараются спастись, ныряя. В тростнике лунь долго гоняется за ними, перепрыгивая с одного стебля на другой, пока не сцапает кого-нибудь. Старым уткам он повредить не может и даже не смеет нападать на молодых утят в присутствии матери, которая, чуть заметит, что лунь намерен напасть на утят, взлетает ему навстречу, иногда даже выше камыша, кидается и кусает его, между тем как птенцы, прижавшись друг к другу, испуганно дожидаются матери. Пока у молодых гусят живы оба родителя, ни один камышовый лунь не может обидеть их, потому что оба родителя, а преимущественно самец, постоянно сторожат птенцов».

Бородач, или **ягнятник** (*Gypaetus barbatus*), по моим собственным измерениям, достигает 1—1,15 м длины, 2,4—2,67 м в размахе крыльев; длина крыла равняется 79—82 см, длина хвоста 48—55 см. Первые цифры относятся к самцам, вторые к самкам, но те и другие, как у всех хищных птиц, подлежат значительным колебаниям. Оперение старых птиц на лбу, темени и боках головы желтовато-белое, оттененное более темными щетинистыми перьями; задняя часть головы и шеи красивого ржаво-желтого цвета; спина, верхние кроющие перья крыльев и хвоста черные. По груди проходит ожерелье бело-желтых перьев с черными пятнами. От основания клюва тянется поперек глаза черная уздечка; на задней части головы она загибается, но не совсем подходит к такой же полоске, идущей с другой стороны, так что не образует полного кольца. Глаза серебристо-белые; окружающая их кожа красно-коричневого цвета. У молодой птицы глаза пепельно-серые. Очень молодые птенцы черно-бурые, только после нескольких линек оперение молодых бородачей принимает такой же вид, как у старых.

В последнее время нашли, что сардинские, испанские и южноафриканские бородачи светлее окрашены, чем те, которые живут на Пиренеях и на Алтае.

Бородач очень распространен. В Европе он населяет Альпы и Трансильванские горы, реже встречается на Балканах и в Пиренеях, на Кавказе. В Азии он водится на всех высоких горах, от Алтая до пограничных и центральных гор Китая и оттуда до южноаравийских и Гималайских гор. В Африке его местопребывание ограничивается только северными береговыми странами этой части света*.

Ни одна хищная птица, не исключая даже орла, не была так подробно описана, как бородач, но в то же время можно сказать, что только в последние годы из ее жизнеописания отброшено все лишнее и сказочное. Я сам, вследствие своих наблюдений за этой гордой птицей в Аравии и Испании, был одним из первых, поставившихся изобразить жизнь и нравы ее согласно со строгой исти-

* В прошлом и первой половине этого столетия бородач преследовался людьми в большинстве стран Европы, в результате чего он был истреблен во многих местах. Сейчас бородач не встречается ни в Альпах, ни в Карпатах (Трансильванские горы), ни на Сардинии, нет его также в горах Болгарии, Югославии, Испании и на Апеннинском полуострове. Пока еще он сохранился только в Пиренеях, на Корсике, в горах Греции, на Крите и на Кавказе. Бородач внесен в Красную книгу России и в списки редких видов птиц большинства стран Европы и многих стран Азии.

ной. В настоящее время мне доставлено много и других наблюдений. Мы получили более или менее подробные отчеты от Жердона, Адамса, Ходжсона, Ирби, Гейглина, Гюрнея, Крюпера, Гуддлестона, Юма, Сальвина, моего брата и других. Отчеты эти очень сходны между собой, но сильно разнятся рассказы о швейцарском бородаче прежних и новейших наблюдателей, в том числе и уважаемого Гиртаннера. Поэтому я сообщу мои собственные и согласные с ними наблюдения вышеупомянутых естествоиспытателей, а потом уже передам более важные, по моему мнению, рассказы швейцарских наблюдателей.

Более прочих своих собратий, за исключением разве кондора, бородач имеет право считаться обитателем самых высоких точек горного пояса; но под этим не должно подразумевать, что он водится исключительно в горах: он любит вершины, но не избегает и долин. Совершенно равнодушно относится он к непогоде, буре, льду и снегу. Незаметно тоже, чтобы постоянная жара, господствующая в более низких слоях воздуха южных гор, беспокоила его, при стремительном полете даже горячий воздух веет ему прохладой. Тем более он мгновенно может унести из неносной жары и охладить свою грудь в чистом эфире высших слоев воздуха. На всех высоких горах Испании он составляет довольно обыкновенное явление, но вьет гнезда и ниже, на высоте от 200—300 м над уровнем моря. То же самое относится и к Персии. В Швейцарии, напротив, бородач, по возможности, держится самых высоких и недоступных вершин, где живет никем не замеченный.

«Над вершинами проносятся страшные зимние бури, — говорит Гиртаннер, — разметывая по сторонам снег и лед. От ударов ветра дрожат хижины в горах, а мощный заповедный лес под напором ветра стонет, качается и трещит, и всему живому грозит смерть среди ужасного шума разыгравшихся сил природы. Только тогда начинает опытный охотник посматривать в вышину из своего низенького окошка, чтобы узнать, не кружится ли бородач над его деревней. Охотник хорошо знает, что исполинская борьба стихий и лютый голод заставят хищника спуститься с высоты и приблизиться к жилищу человека. Если бородачу удастся кого-нибудь похитить для наполнения своего голодного желудка, то он в скором времени повторяет свое посещение; если счастье ему не благоприятствовало, то он исчезает, чтобы больше не возвращаться. Бородач прилетает и улетает, как чужеземец из далекой, незнакомой страны». По моим собственным наблюдениям, каждая пара живет на пространстве в несколько километров и облетает его каждый день по известному маршруту. Поэтому за ними легко наблюдать в той местности, где они водятся.

По моим наблюдениям, только через часа полтора после восхода солнца начинает он облетать свою область и не позже пяти часов пополудни опять направляется к месту ночлега. Обе птицы

одной пары летят вдоль горного хребта обыкновенно не выше 50 м над землей и на не слишком далеком расстоянии друг от друга и высматривают добычу. Они несутся вдоль всего протяжения хребта, огибают верхушку особенно высокой горы и исследуют точно таким же образом противоположную сторону. Если главный хребет прерывается поперечными долинами, то птицы облетают их на той же высоте, которой они до сих пор держались. Над котловинами они кружатся по большей части довольно продолжительное время. Если зоркий взгляд тут ничего не высмотрит, годного для пищи, бородач поднимается вверх и точно таким же образом исследует верхушки гор и плоские возвышенности; если и тут поиски окажутся безуспешными, то спускается в долину.

Бородач, совершающий подобный полет, не задерживается никакими препятствиями. Во время своих перелетов он несется необыкновенно быстро и с большим шумом, не двигая крыльями, и вся фигура его при этом до того красива, что никак нельзя его смешать с коршуном или орлом. Только совершенно незнающие люди могут его принять за стервятника. Опускаясь на ноги, бородач всегда выбирает возвышенную местность, преимущественно выступы скал или, по крайней мере, горные площадки. Видно, что ему трудно взлетать вверх, почему он и предпочитает начинать свой полет с высоты, чтобы отсюда, не взмахивая крыльями, взлететь. А когда он уже парит в воздухе, то малейшего дуновения достаточно, чтобы приподнять его на какую угодно высоту. В Абиссинских горах бородач поднимается, по словам Гейглина, иногда так высоко в воздухе, что самому

Бородач
(*Gypaetus barbatus*)

зоркому глазу кажется точкой в небе. На скалах, где только возможно, он сидит прямо; но большей частью ему приходится держаться горизонтального положения из-за своего длинного хвоста. Походка его сравнительно хороша: он шагает, а не припрыгивает.

Еще в 1858 году я писал, что, если спросить у добросовестного испанского охотника о бородаче, то он, конечно, не станет рассказывать тех невероятных охотничьих и разбойничьих историй, которыми так злоупотребляют швейцарцы, говоря о своей птице. Испанец скажет просто: «костолом», ест падаль, кроликов, зайцев и других мелких млекопитающих, кости он раздробляет, сбрасывая их с большой высоты в глубину долины. Ни один испанец, к которому мы обращались, как к охотнику или как ученому, не считал своего бородача таким отчаянным разбойником, каким швейцарцы считают своего. Когда я спрашивал в Испании о птице, которая похищает коз и баранов, детей и собак, то мне всегда называли беркута, а никак не бородача. О беркуте, и только о нем одном, испанцы рассказывают столько историй, сколько их сообщают немецкие натуралисты об альпийском бородаче. В Испании смотрят на бородача, как на очень безвредную птицу. Пастухи вовсе не боятся его, а владельцы стад никогда и не слышали о разбойничьих набегах, совершенных им; но каждый человек уверяет, что бородач постоянно вместе с грифами набрасывается на падаль и, как уже раньше замечено, бросает с высоты кости, чтоб раздробить их. Я сам раз наблюдал в Сьерра-Неваде за бородачом, который со скалы высоко подымался в воздух, опускался вниз, что-то брал со скалы, опять подымался вверх, и снова опускался на скалу: поведение его в этом случае я иначе не могу объяснить, как вполне поверив рассказу испанца. Нет основания сомневаться в том, что птица именно таким способом разбивает большие кости. Орлан-белохвост и другие птицы, а именно вороны и чайки, поступают, по уверению добросовестных наблюдателей, совершенно так же. Бородач, таким образом, носит с полным правом свое испанское название — «костолом».

Про абиссинского бородача Гейглин сообщает следующее: «Наши кабинетные ученые описывают бородача гордым разбойником, смело сбрасывающим в пропасть больших млекопитающих и нападающим даже на людей. Я имел случай наблюдать за этой птицей ежедневно в течение долгого времени. Убивал их дюжинами и, по исследовании желудка, к величайшему своему удивлению, нашел, что его пища состоит почти вся из костей и других отбросов, и что питается он трупами. Сам же охотится только в крайних случаях, ему редко удается поймать зайца или заблудившуюся большую козу. Можно его иногда видеть шагающего или скачущего боком, подобно воронам, на зеленых лужайках горных стран, для того, чтобы подстеречь водящихся там многочисленных крыс».

Крюпер говорит следующее: «Когда слышишь имя бородача, то невольно вспоминаешь о самом смелом разбойнике пернатого царства, ужасаешься при мысли о страшных злодействах этой птицы. И приходит на ум, действительно ли бородач такое вредное существо, внушающее ужас и страх людям и стадам, или он вовсе не заслуживает той печальной репутации, которая сложилась о нем в сочинениях ученых и головах простолюдинов? В Аркадии, где нет очень высоких гор, местожительство его начинается у самого моря. Чем же может там, в долине, поживиться этот опасный сосед? Отыскивает он там овец, коз или крупный скот, чтобы растерзать? Его можно иногда видеть кружащимся на небольшой высоте у подножия поросшей кустами горы: голова его опущена вниз, он что-то выслеживает и вдруг бросается вниз и исчезает. Вероятно, он в эту минуту напал на добычу, нашел, может быть, козу? Нет, только черепаху, которая утолит его голод и придется по вкусу его птенцам. Чтобы добыть мясо черепахи, он ее бросает с высоты на скалу и таким образом разбивает ее щит. Англичанин Симпсон, который наблюдал за бородачом в Алжире, подтвердил это сообщение и рассказывал мне, что всякий бородач имеет особенную скалу, на которой он разбивает черепах. 14 мая 1861 года я нашел гнездо бородача. Под ним у скалистой стены лежало великое множество черепах и различных костей».

«Мозговые кости, — говорит Симпсон, — составляют лакомство, которое больше всего любит бородач, и когда грифы склюют все мясо с трупа животного, он появляется под конец пира и проглатывает кости целиком или же разбивает их и проглатывает кусками, если не в состоянии добыть иначе костяной мозг. Разламывает он кости, сбрасывая их с значительной высоты на камень. Как старые, так и молодые ягнятники страшно прожорливы: около их гнезда находят множество костей черепах и тому подобных лакомств. Из этого, впрочем, не следует, что он сам и его птенцы ограничиваются мозговыми костями, черепахами и тому подобными яствами. Напротив того, он не брезгает ни ягненком, ни зайцем, ни курицей, хотя его когти и клюв относительно роста очень слабы, и он не может, подобно грифам и орлам, растерзать свою добычу. Этот недостаток вознаграждается, впрочем, его удивительной глотательной способностью. Греки уверяют, что он глотает и переваривает решительно все, но истории, которые рассказываются по этому случаю, так удивительны, что я не решаюсь их передавать».

Ирби говорит, что падаль составляет, по-видимому, единственную пищу бородача. «Эта птица, — подтверждает Гюрней, — проглатывает большие кости. Желудок убитого мной у южного берега Африки бородача был переполнен ими. Кости эти, без всякого сомнения, проглочены без кусочка мяса, и я сам видел, как один ягнятник проглотил сухую кость. Самая большая из найденных

мной костей — позвонок быка в 10 см длины, 7 ширины и 5 см толщины. В желудке птицы я нашел вместе с костями еще большое количество шерсти дамана, из чего заключил, что бородач таскает и подобных животных, вероятно, в то время, как они, выйдя из своей норки, днем греются на солнце». «Он ловит, — говорит Адамс, — сурков, но не придерживается исключительно живой добычи, так что его часто можно видеть тихо летящим вдоль откосов гор, где он высматривает падаль и другие остатки. В желудке убитого мной в Кашмирских горах бородача я нашел различные кости и копыто козерога». Хуттон уверяет, что бородач в Индии питается исключительно падалью и редко хватается добычу больше курицы, которую тут же и разрывает на лету. Ходжсон подтверждает эти слова.

После таких многочисленных и во всех отношениях схожих между собою описаний трудно поверить рассказам швейцарских наблюдателей о смелости, силе и хищности ягнятника. Сюда относятся, например, рассказы Штейнмюллера, будто один огромный бородач пробовал спихнуть со скалы быка; другой унес годовалого козленка, несмотря на сопротивление его хозяина, а потом обратил последнего в бегство; третий с высоты сбросил козленка; четвертый втащил на противоположную скалу двадцатисемифунтовый железный капкан; пятый сам был убит в воздухе лисицей, которую унес с земли; шестой похитил ребенка на глазах его родителей; седьмой, наконец, утащил на 1400 шагов трехлетнюю девочку, которую спасло от растерзания только присутствие мужчины, прибежавшего на крик. В Швейцарии любимой его пищей служат убитые им самим мелкие млекопитающие животные, а именно: зайцы, сурки, новорожденные и молодые серны, козы, ягнята, поросята. Но если ему это не удастся и он не может добыть и падали, то голод и чувство самосохранения принуждают его нападать на больших животных. С этим согласуются все полученные мною сообщения самых достоверных наблюдателей, так что я не считаю себя вправе сомневаться в совершенной истине этого факта. Все наблюдатели согласны между собой еще в том мнении, что одной падалью и мелкими животными бородач не мог бы поддерживать свое существование. Кальберматтен сообщает, что видел, стоя на берегу Дуная, у Орсовы, как бородач только в 20 шагах от него набросился на гуся и унес его.

«Альпийских зайцев бородач старается, прежде всего, выгнать из-под защиты кустов и хвойных деревьев, чтобы потом в открытом поле прямо схватить их или прежде оглушить только ударом крыла. Смотря по обстановке, он тут же объедает свою добычу или уносит ее в гнездо или же в свое обыкновенное местожительство. Во время охоты на взрослых серн, овец он пускает, прежде всего, в ход не когти, а крылья. Если орел, сложив крылья, как камень падает с высоты на добычу, впускает в нее когти и

старается задушить, то нападение бородача происходит с более близкого расстояния. Наш тессинский наблюдатель после многократных собственных наблюдений сообщает нам следующее: «Если бородач своим зорким глазом высмотрит на земле годное ему в пищу животное, он не падает с высоты камнем, подобно благородному орлу, но спускается, описывая в воздухе большие круги. Часто садится на рядом стоящее дерево или скалу и начинает нападение, взлетев с того места еще немного вверх. Если он увидит поблизости людей, то громко кричит и улетает. Никогда не нападает на животных, пасущихся в долине, далеко от обрывов; но если заметит серну, которая пасется около самого обрыва, то начинает, подлетев к ней сзади, пугать оторопелое животное и гоняет его взад и вперед, пока оно, оглушенное и обезумевшее от страха, не бросится к краю обрыва. Достигнув этой цели, бородач пускает в ход свои мощные крылья. С оглушительным свистом и шумом хлопают жесткие крылья по бокам до смерти испуганной и ослепленной жертвы. Тщетно старается она, собрав последние силы, защититься рогами от своего убийцы. Наконец она решается сделать прыжок или просто оступается, прыгает или валится в пропасть или же, падая в совершенном изнеможении, умирающая скатывается вниз по уступам скалы. Медленно опускается бородачатый ягнятник за своей жертвой, добывает ее, если нужно, ударами клюва и крыльев и немедленно принимается за растерзание еще теплого животного. Если овца или другое животное, стоя на самой крутизне обрыва, не заметит хищника, пока он не подлетит совсем близко сзади, то борьба обыкновенно непродолжительна. Он озадачивает изумленную жертву сильными ударами крыльев и одним метким толчком сбрасывает ее благополучно вниз с помощью клюва и когтей, на лету хватая ее с края скалы, потом выпускает из когтей, так что она падает и разбивается на дне пропасти».

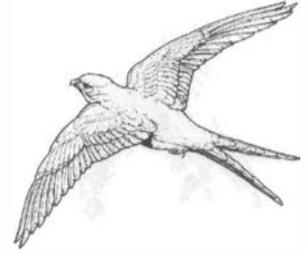
Бальденштейн мне рассказывает: «Как-то вечером, в одну из моих охот в горах, я сидел в приятном разговоре с пастухом, а его собака бегала около близкого обрыва взад и вперед, обнюхивая землю; вдруг до нашего уха донесся страшный вой собаки, и в то же мгновение мы увидели нашего верного сторожа, летящего в воздухе над пропастью, между тем как его убийца, бородач, торжественно парил над ним. Мы перед тем не обращали внимания на собаку и не заметили появления бородача, пока страшный крик собаки не заставил нас оглянуться. Не будь этого жалобного воя, собака пропала бы совершенно загадочным для нас образом, и мы бы никак не могли себе объяснить ее внезапного исчезновения, хотя, весьма вероятно, у нас и возникло бы подозрение именно об этом роде ее смерти. Быстро спустился бородач за своей добычей и вместе с ней скрылся с наших глаз. Все это совершилось чрезвычайно быстро, быстрее, чем это можно передать словами. Сбросила ли птица собаку ударами своих сильных крыль-

ев или стащила ее крючковатым клювом, я сказать не могу, потому что, как сказано выше, оглянувшись, увидел собаку уже летящую над бездной. Но я наверно могу сказать, что бородач ни разу не напал на моих гончих, пока они гонялись далеко от обрыва, хотя часто кружился над ними. Этот хищник не бьет свою добычу налетом, как это делает орел».

Другой охотник из Граубиндена рассказывает, как однажды он невдалеке от того места, где стоял, увидел бородача, который напал на серну и напрасно старался ударом крыла сбросить ее в пропасть. Обыкновенный его способ нападения на этот раз не удался потому, что сметливая серна, вместо того, чтобы броситься к пропасти, несколькими смелыми прыжками спаслась в пещере, откуда мужественно отражала нападение своими рогами, так что хищник никакими усилиями не мог выгнать ее из ее убежища. Из Тессина сообщили мне о подобном же случае. Все эти рассказы идут от горных жителей из Альп, где бородач живет постоянно. Все они переданы людьми, которые безошибочно могут отличить бородача от беркута. Эти люди никак не хотели отказываться от фактов, замеченных ими днем своими собственными, большей частью очень зоркими глазами.

Давно перестали верить тому, что бородач бросается также на человека с намерением его убить; рассказы эти даже осмеивали, как басни, но потом опять начали их выдавать за правду или, по крайней мере, за вещь возможную. Случаи похищения маленьких детей большими хищными птицами, которые в Альпах можно приписать только орлам, слишком достоверно доказаны, чтобы в них можно было еще сомневаться. Я не совсем ясно понимаю, почему преступником в этом отношении может быть только орел? Почему бородач, который, как доказано, одолевает даже взрослых серн, не может утащить такое незащищенное существо, как ребенок, и сбросить его со скалы? Тут, по-моему, тяжесть преступления следует поделить поровну между обеими птицами, потому что и бородач старается унести свою добычу, если он по какой-нибудь причине не может растерзать ее на месте. Если тяжесть жертвы превышает его силу, он всегда может ее сбросить вниз, как это замечается у других хищных птиц. Более сомнения вызывают те сообщения, в которых наш бородач бросался на подростков с целью умертвить их каким бы то ни было образом. Очень мало известно примеров подобных нападений. Но достоверность того факта, как на Зильбернальпе бородач столкнул одного пастушонка со скалы в пропасть и у подножия растерзал, получает сильное подтверждение благодаря новым рассказам о подобных же случаях в Бернских Альпах. Этот новейший случай нападения бородача на подростка вовсе не старая история, я много потрудился над тем, чтобы удостовериться в верности этого факта.

Гиртаннер рассказывает: «В течение июня 1870 года можно было прочесть во многих швейцарских газетах, что вблизи Рейхенбаха в Бернском кантоне бородач напал на одного мальчика и убил бы его, если бы птицу не спугнули вовремя. Сначала я мало обратил внимания на это сообщение и ждал, что этот бородач скоро превратится в орла или даже в ястреба, а пострадавший мальчик — в курочку. Но опровержения не последовало на этот раз, и так как дело интересовало меня настолько, что стоило его исследовать, то я отправился в Кандергрунд к пастору Галлеру, радушие которого мне было хорошо известно».

Гиртаннер рассказывает дальше, как этот пастор направил его ко второму лицу, Блазеру, и как после довольно продолжительной переписки с этим последним он узнал следующее.

«Дело было 2 июня 1870 года в 4 часа пополудни; этот самый мальчик, Иоганн Бетшен, веселый, живой парень лет 14, небольшого роста, но крепкого сложения, шел из Кина в Арис. Кин лежит в глубокой долине близ Рейхенбаха, в уголке, образуемом в Кинской долине слиянием рек Кина и Кандера; Арис приблизительно на 150 м выше на площадке горного выступа. Довольно крутая дорога вела мальчика по только что скошенному лугу, и когда он на маленьком горном пастбище подошел к небольшому стогу сена в 100 шагах от жилья, на него сделано было нападение. Внезапно и совсем неожиданно птица набросилась на мальчика сзади, со страшной силой ударила его обоими крыльями по голове так, что, по его собственным словам, ему показалось, что его бьют двумя косами; одним ударом птица сшибла его с ног и повалила на землю. Падая и стараясь обернуться назад, чтобы увидеть, кто таким дерзким образом ударил его в голову, мальчик снова подвергся такому же нападению: последовал второй натиск и удар обоими крыльями, которые свистели справа и слева вокруг его головы и почти лишали его сознания, так что он был совсем оглушен. Тут мальчик увидел огромную птицу, которая напала на него в третий раз, вонзила когти ему в бок и грудь, ударяя крыльями, почти лишив его дыхания, и, наконец, начала долбить ему голову клювом. Ни движениями ног, ни поворотами всего тела не мог он прогнать птицу. Тем сильнее действовал мальчик своими кулаками: одной рукой он старался отражать удары, другой — освободиться от своего врага. Это ему, наконец, удалось. Птица вдруг поднялась над мальчиком, может быть, для того, чтобы возобновить нападение. Но мальчик принялся отчаянно кричать. Этот ли крик удержал птицу от повторного нападения или, может быть, поднимаясь, она увидела спешившую на крик женщину и потому бросила свое намерение — осталось неизвестным. Вместо того, чтобы снова напасть, бородач поспешно скрылся за склоном горы. Мальчик так ослабел от испуга и ужаса, что едва мог подняться с земли. Упомянутая женщина нашла его окровавленным и с трудом поднимающимся с земли. Жен-

щина эта уже не видела птицы. В этом факте можно было бы, пожалуй, еще сомневаться, но я не сомневаюсь нисколько. По-терпевший Иоганн Бетшен, который раньше никогда не слыхивал о таких птицах, не мог бы сочинить подобный рассказ о птичьем нападении и так описать его, причем он совершенно одинаково рассказывал о ходе вещей и своей спасительнице и другим людям, когда его обмывали и перевязывали у жилья. Его и всю его семью я знаю за людей правдивых. Раны его, которые я сам потом осматривал, состояли из трех, доходящих до костей черепа шрамов на затылке. На груди и боках видны были очень ясно следы когтей в виде сильных пятен, частью кровавых; потеря крови была также очень значительна. В продолжение 8 дней мальчик был очень слаб. По моему мнению, нельзя сомневаться ни в правдивости его рассказа, ни в действительности подобного факта. Но как я мог узнать от мальчика, который никогда не видал таких птиц и который был так испуган нападением, имел ли он дело с орлом или с бородачом? Я вызвал его на допрос, и он рассказал мне все, что мог и как умел. У него остался в памяти страшный крючковатый клюв, на конце которого он видел свои собственные волосы и кровь, далее — кольцо вокруг шеи, испещренные белыми пятнами крылья и, наконец, что особенно было для меня убедительно, — «под клювом у него было что-то сильно мохнатое».

«Хотя, к счастью, случаи нападения ягнятников на людей, — продолжает Гиртаннер, — очень редки, в особенности на людей в таком возрасте, как упомянутый мальчик, но я, по крайней мере, не сомневаюсь теперь в том, что они бывают; другим же предоставляю, конечно, судить по-своему. Чтобы бородач напал на взрослого человека в надежде его осилить, чтобы он его сбрасывал со скалы или убивал каким-нибудь другим образом, еще не доказано. Тем не менее, охотники, путешественники и пастухи уверяют, что иногда, отдыхая в опасных горных местах, они чувствовали над собой удары шумящих и свистящих крыльев могучей птицы, которая с быстротой стрелы пронеслась над их головами в зияющую пропасть со скалистой вершины. Но они предполагают, что только случай привел птицу на это место, и что она нечаянно зацепилась за их тело крыльями». Наши сведения о размножении бородачей в настоящее время существенно увеличились благодаря различным наблюдениям. Почти всеми установлено, что эта птица, так же как и другие птицы этого семейства, высидывает птенцов по несколько раз в одном гнезде. Гнездом, которое лорд Лильфорд нашел в Испании, птицы пользовались, по уверениям ближайших жителей, с незапамятных времен. Обыкновенно бородач выбирает для высидывания, как и другие хищные птицы, просторную пещеру, большей частью за какой-нибудь неприступной каменной стеной; впрочем, по сообщению моего брата, может случиться, что он устраивает гнездо

только на 10 м выше доступного людям места. В Швейцарии, по рассказам Гиртаннера, бородач выбрал для гнезда место на голой, недоступной скале, довольно высоко в горах, там, где нависший утес образует крышу над довольно просторной нишей. Один сардинец, о котором упоминает Гиртаннер, нашел гнездо на трех близко стоящих друг к другу дубовых пнях у большого обломка скалы.

Первый наблюдатель, которому удалось добраться до гнезда бородача, был, кажется, мой отец. Гнездо было расположено на выступе скалы, защищенном от лучей солнца несколькими выдающимся камнем; оно находилось только на 15 м выше подошвы последнего горного гребня, так что добраться до него было относительно нетрудно. Поперечник нижней части постройки равнялся приблизительно 1,5 м; поперечник гнездового углубления, имевшего около 12 см глубины, равнялся 60 см, высота гнезда равнялась 1 м. Длинные ветки, толщиной от детской руки до большого пальца, служили ему основанием, над ним была еще тонкая настилка из веток и сучков, среди которых углублялся лоточек гнезда; он состоял из тех же, только более тонких материалов и был тщательно выложен внутри лыком, коровьими и лошадиными волосами. Другое гнездо было найдено в Греции Симпсоном. Оно было, как сообщает Крюпер, выстроено из толстых веток и как бы заткано шерстью различных животных, преимущественно козье. Лоток был совсем плоский и тоже выложен шерстью, и на нем сидел трехмесячный птенец, около которого лежали кости, целая ослиная нога, несколько черепах и других животных остатков, очевидно, заготовленных ему в пищу. «Оба родителя приблизились к гнезду и по временам издавали свист, похожий на свист пастуха». Позднее старики стали выказывать еще больше беспокойства, но Крюпер вовсе не упоминает о какой-нибудь попытке к нападению на него. Сальвин подтверждает вышесказанное: «Все пары бородачей, за которыми я наблюдал, держались в стороне, пока вскарабкавшийся к их гнезду человек вынимал птенца, и не пытались даже напасть на похитителя». «В Гималайских горах, — говорит Адамс, — гнездо бородача всегда устраивается на неприступных скалах. Время размножения падает на апрель и май. В окрестностях Симлы я нашел однажды в пещере под нависшей скалой его гнездо, в котором сидело два птенца. Богатое собрание костей баранов и других домашних животных окружало их; это, вероятно, были кухонные отбросы одного европейского поселения в нескольких милях отсюда»*.

Вред, который живущий на свободе бородач может принести человеку, незначителен и ни в каком случае не может сравниться с вредом, причиняемым беркутом. На юге, где он легко достает падаль и кости, черепах и других маленьких животных, бородач только в исключительных случаях позволяет себе напасть на домашних животных. В Швейцарии он стал так редко

Семейство ястребиные

* Все эти истории Гиртаннера, конечно же, приукрашенное переложение прослушанных им рассказов крестьян, также намеренно преувеличивавших хищнические возможности бородача. Максимум, на что способна эта птица, — добыть млекопитающее среднего размера типа детеныша сурка или козленка серны, которого бородач в принципе может испугать и столкнуть со скалы. Однако спихнуть в пропасть взрослую серну, собаку или унести ребенка бородач не в состоянии. Он просто не обладает такими физическими возможностями.

появляться, что его хищническим набегам там не стоит придавать большого значения. О какой-нибудь значительной пользе от него, конечно, не может быть и речи, если не говорить о туарагах, которые будто бы эту птицу убивают ради мяса и жира, чтобы мясо съесть, а жир употребить как средство против укуса ядовитых змей. Там, где бородачи попадаются часто, они ведут довольно спокойную жизнь. Их преследуют разве только из любви к охоте, а никак не из необходимости. Однако человек все-таки остается самым большим врагом этой птицы, потому что вредит ей, если не непосредственно, то косвенно, все большим и большим захватом тех владений, в которых они прежде беспрепятственно царствовали и теперь еще ведут свободную жизнь. Кроме того, их всячески беспокоят хищные птицы, а именно стервятники, маленькие соколы, даже вороны; не менее беспокоят их и всякие паразиты. Но все эти враги, вместе взятые, не в состоянии отравить ему жизнь. Один только человек теснит его все больше и больше и окончательно выгоняет из всех доступных ему мест.

Самые большие из хищных птиц – это грифы Старого Света. Клюв их длиннее головы или, по крайней мере, одной с ней длины; он прямой, только перед кончиком верхней челюсти загибается крючком больше в высоту, чем в ширину, и снабжен острым расщепом и большой восковицей, которая занимает одну треть, а у слабейших видов даже половину всей длины клюва. У некоторых видов встречаются кожистые наросты, гребневидные возвышения на клюве. Ноги крепкие, но пальцы на них слабые, когти короткие, мало изогнутые и всегда тупые, так что имеют мало значения в смысле орудия нападения. Крылья необыкновенно велики, широки и большей частью закруглены. Хвост средней длины, закруглен или сильно ступенчат и состоит из жестких перьев.

Осанка ленивая; садясь на землю очень низко, они отделяют крылья от туловища, и только изредка с некоторою тщательностью чистят свои перья. Ходят они, хотя и некрасиво, но легко, большей частью короткими шагами, а летают медленно, но необыкновенно долго. Их внешние чувства по своей тонкости могут поспорить с чувствами других пернатых разбойников. Зрение их охватывает даль, о которой мы едва ли можем себе составить понятие. Слух их, который вместе с тем есть и самое развитое из их внешних чувств, очень хорош. Обоняние сильнее, нежели у всех других хищных птиц, хотя не так тонко, как это описывается в баснословных рассказах о них. Вкус, несмотря на отвратительную пищу, которой они питаются, нельзя считать ничтожным. Также нельзя отрицать присутствие у них осязания, как способности чувствовать прикосновение, так и ощущать окружающую температуру. Их умственные способности, наоборот, кажется, мало развиты. Они робки, но редко бывают осторожными; раз-

дражительно и вспыльчивы, но вовсе не отважны; грифы общественные птицы, однако совсем не миролюбивы; заносчивы и злонамеренны, но притом трусливы; ум их даже не возвышается до хитрости. Мы называли их ленивыми, потому что видим их сидящими целыми часами неподвижно и в полном спокойствии на одном и том же месте, но могли бы утверждать совершенно противоположное о тех из них, которые большую часть дня проводят в полете. Нрав их представляет смесь разнообразнейших и, по-видимому, противоречащих друг другу качеств. Многие склонны считать их спокойными и тихими птицами, тогда как более точные исследования показывают, что их надо причислить к самым свирепым из всех хищных птиц.

Изучить грифов можно, но только освоившись с их способом добывания пищи. Немногие из них нападают на животных с намерением убить, обыкновенно они просто подбирают только то, что им доставил случай. Грифы объедают трупы или уносят замеченные нечистоты. Но случай не всегда оказывается для них благоприятным, и им часто приходится целыми днями голодать. Поэтому при виде добычи грифы ведут себя так, как будто во что бы то ни стало должны вознаградить себя за перенесенное воздержание и запастись на будущее время.

Птицы, питающиеся таким образом, могут жить только в теплом и умеренном поясе земного шара. Богатый юг является для них более щедрым, нежели север, и доставляет достаточно пищи для поддержания их жизни. За исключением Австралии и Америки, все части света дают приют грифам. Некоторые виды находятся приблизительно в одинаковом количестве в Европе, Азии и Африке или, по крайней мере, замещаются там близкими сородичами. Они встречаются и в знойных равнинах, и на самых высоких вершинах горных хребтов. Грифы, как нам известно, выше других птиц поднимаются в воздушном пространстве; способны без затруднения переносить самые значительные перемены давления воздуха. Некоторые виды селятся на горных хребтах и покидают их только в виде исключения; другие, наоборот, предпочитают населять низкие местности. Их огромные крылья позволяют, а своеобразность пищи даже вынуждает, пролетать большие пространства. Только во время кладки яиц забота о птенцах привязывает их к какому-нибудь месту; в продолжение остальной части года грифовые ведут более или менее скитальческую жизнь. Только некоторые из грифов избегают близости человеческого жилья, другие находят свой насущный хлеб рядом с человеком гораздо легче, нежели в странах, куда не проникло еще человеческое господство. Во многих странах южной Азии и Африки именно эти хищные птицы служат характерным явлением населенных мест.

Образ жизни грифов станет ясным, если я опишу некоторых из них во время их деятельности. Я могу это сделать, тем более

что не только видел грифов в неволе, но наблюдал за ними и на свободе и довольно часто был свидетелем их деятельности.

На южной окраине пустыни лежит издохший верблюд. Трудности путешествия изнурили его; хотя погонщик и снял с него накануне всю кладь и позволил свободно идти подле нагруженных товарищей, он не мог уже достичь Нила и, совершенно изнеможенный, упал, чтобы больше не вставать. Его хозяин, который с непритворным горем расстался с ним, оставил его лежать нетронутым, так как его вера запрещает ему употреблять умершего и даже убитого без обычных обрядов животного. На следующее утро труп лежит еще нетронутый на своем смертном ложе. Тогда появляется ворон над ближайшей горной вершиной. Его пронизательный глаз замечает падаль; он кричит и приближается к ней быстрыми взмахами крыльев, несколько раз кружится над павшим животным, затем опускается на землю и ходит на небольшом от него расстоянии по земле; опять быстро приближается к нему и обходит его кругом несколько раз, осторожно осматриваясь. Другие вороны следуют его примеру, и скоро собирается порядочное общество этих всесветных птиц. Тогда появляются и другие плотоядные хищники. Всюду присутствующий коршун-паразит и едва ли реже встречающийся стервятник описывают круги над падалью, орел приближается тоже, несколько марабу спиралью кружатся над приманившей их добычей. Но тех, кто должен начать пир, еще нет. Раньше их прибывшее общество, хотя и клюет тут и там павшего зверя, но его толстая шкура слишком тверда для их слабых клювов, они не могут оторвать от нее большие куски. Стервятник смог вытащить только обращенный кверху глаз из глазницы.

Но время, когда грифы, самые крупные члены этого семейства, вылетают за пищей, понемногу приближается. Вот и десять часов; хорошенько выспавшись, грифы покидают один за другим свой ночлег. Сначала они пролетели низко вдоль горного хребта, но, не высмотрев ничего съедобного, взлетели на воздух и поднялись на необозримую высоту, там они продолжают кружиться. Причем один из грифов оказывается зорче всех, от его удивительно пронизательного взора едва ли может что-нибудь ускользнуть. Заметив в долине сборище, гриф тотчас же ясно понимает, что добыча найдена. Немедленно он начинает спускаться, описывая спиральные круги; исследуя дело поближе и убедившись в находке, он разом складывает свои могучие крылья. С шумом падает он вниз с высоты ста, может быть, и тысячи метров и разбился бы на месте, если бы вовремя не раскрыл еще раз крылья, чтобы остановить падение и принять должное направление. От лени и беспомощности, проявляемых этой птицей в другое время, теперь не остается ни малейшего следа. Наоборот, она поражает ловкостью, которой никак нельзя бы было от нее ожидать.

За первым грифом без оглядки следуют и все остальные, находившиеся поблизости. Знаком для начала пира служит падение вниз первого грифа. В продолжение минуты слышится шум, который птицы производят при падении, и видны по всем направлениям быстро увеличивающиеся тела, тогда как за несколько минут перед тем птицы, размах крыльев которых равняется почти трем метрам, казались не больше точек на горизонте. Теперь уже ничто не мешает хищникам. Как только один из них принялся за еду, никакая опасность более не спугнет их; даже замеченный ими вдали охотник не может им помешать. Достигнув земли, стремятся они с прямо вытянутой шеей и приподнятым хвостом к падали. Их больше ничто не удерживает, и нет птиц более жадных, чем они. Меньшая братия почтительно отступает, а между грифами возникает яростный бой и спор. Толкотня, споры, ссоры, драка — едва ли доступны описанию. Два или три удара клюва сильных грифов разрывают кожу, а потом и мышцы падали, а более слабые запускают свои длинные шеи в брюшную полость, чтобы добраться до внутренностей. С жадной поспешностью роятся они в них, стараясь оттеснить один другого. Печенку и легкие по большей части съедают тут же внутри животного. Кишки же, наоборот, вытаскиваются наружу, растягиваются и после яростного боя проглатываются кусками. К пирующим постоянно спускаются все новые голодные грифы с решительным намерением отогнать первых от вкусного пира, и опять происходит новый бой, шум, свирепые удары клювом и сердитые крики. Слабейшие гости сидят кругом, отказываясь от пира, и ждут, пока сильнейшие не насытятся; чрезвычайно внимательно следят они за ходом дела, зная, что иногда и до них долетит какой-нибудь кусочек, брошенный, конечно, не по желанию дерущихся, а в пылу боя. Орел и коршун парят в высоте над пирующим обществом и бросаются в середину стаи, схватывают когтями только что оторванный грифами кусок мяса и уносят его прежде, чем последние успеют воспрепятствовать этому захвату. Маленькое млекопитающее бывает в несколько минут съедено до последней косточки таким прожорливым обществом; даже от быка и верблюда после одного пира остается очень мало. Насытившиеся птицы неохотно удаляются от трупа.

Не везде и не всегда пир грифов происходит так, как описано выше. Уже в южной Европе и еще более в Африке в тех местах, где грифы находят падаль вблизи населенных мест, к ним присоединяются другие голодные гости. Во внутренней Африке это собаки и марабу. Грифам приходится выдерживать с ними тяжелую борьбу; но голод делает грифов дерзкими и опасными для соперника. Даже самые большие собаки отгоняются ими, как бы они ни рычали и ни скалили зубы, потому что каждый гриф видит в них опасного конкурента на общую добычу. Даже самая сердитая собака

ничего не может сделать против грифа. Если бы ей и удалось уку-
сить его, то она может попасть не дальше, как в распростертые
крылья, не причиняя никакого вреда птице, тогда как от сильного
клюва грифа всегда остается в том месте, куда он попадет, крова-
вая рана. Иное дело марабу. Они грифам не дают возможности
отогнать себя, рубят своими клинообразными клювами направо и
налево через всю толпу, пока она не очистит им места.

По окончании пира грифы неохотно удаляются от места
пиршества, а чаще остаются на целые часы поблизости и выжи-
дают наступления пищеварения. Довольно долгое время спустя
они отправляются на водопой и там опять проводят несколько
часов. Пьют много и часто купаются. В этом они особенно нужда-
ются, потому что, когда кончают свой обед, то бывают покрытыми
грязью и нечистотами и облитыми кровью с ног до головы. Когда
омовение совершено ими благополучно, они еще несколько часов
проводят в ленивом покое, причем садятся на свои пятки, распу-
стив крылья, с намерением отогреть их на солнце, или плашмя
ложатся на песок. К месту ночлега направляются вечером. Для
ночлега выбирают деревья или крутые выступы скал, очень охот-
но ночуют на карнизах скал, к которым нет доступа ни сверху, ни
снизу. Некоторые виды предпочитают деревья, другие — скалы.

Полету предшествуют несколько быстро следующих друг
за другом и довольно высоких скачков; затем следуют несколь-
ко довольно медленных ударов широкими крыльями. Но как
только грифы достигнут высоты, они летят дальше, почти не
ударяя крыльями, причем они при помощи различных постано-
вок крыльев спускаются вниз по очень мало наклонной плоско-
сти, или же поднимаются снова вверх при помощи встречного
ветра. Таким образом, они, по-видимому, без всяких усилий под-
нимаются вверх на значительную высоту, на которой и летят
дальше, если хотят пролететь большое пространство. Несмотря
на кажущуюся неподвижность крыльев, полет их необыкновен-
но быстр и неутомим.

В прежние времена предполагали, что только одно обоняние
руководит грифами в отыскивании падали; мои наблюдения, под-
твержденные опытами других исследователей, убедили меня в
противном. Некоторые наблюдатели считали вправе думать, что
гриф может почуять запах падали на расстоянии целой мили, и
так много рассказывали басен на этот счет, что и впрямь убежда-
ли легковерных людей, будто грифы чуют смерть умирающего.
Мои наблюдения убедили меня в том, что грифы спускаются и на
еще свежую, не издающую никакого запаха пададь. Они даже
при сильном ветре слетаются со всех сторон, как только один из
них увидит добычу, а на скрытую пададь летят только тогда, ког-
да она уже найдена раньше воронами и стервятниками, собрание
которых и привлекает их внимание. Поэтому я думаю, что могу с
полной достоверностью утверждать, что превосходнейшее и важ-

нейшее из внешних чувств грифов — зрение, и что только зоркий глаз делает их жизнь возможной.

В Европе встречается только один представитель грифов — **черный гриф** (*Aegypius monachus*). Это самая большая европейская птица. Длина самца, по некоторым измерениям, доходит до 1,1 м, размах крыльев 2,22 м, длина крыла 76 см, длина хвоста 40 см. Самка длиннее на 4—6 см и размах ее крыльев больше на 6—9 см. Оперение темно-бурое, глаза бурые. Клюв у восковицы голубой, местами красноватый, затем яркий фиолетовый, а на конце синий. Ноги цвета сырого мяса, отливающего в фиолетовый. Шея там, где не покрыта перьями, светлого свинцового цвета, голые кольца вокруг глаз фиолетовые. Молодые птицы почти черные.

Черный гриф встречается в Испании, на Сардинии и на всех горных хребтах Балканского полуострова, а также в Словении, в странах среднего Дуная и даже до Карпат в качестве гнездящейся там птицы*.

Оттуда он распространяется на большую часть Азии до Китая и Индии. Еще не так давно гриф был редкостью на южном Урале; теперь он там попадает часто. Сибирская язва, которая уже несколько лет свирепствует в этих местностях, доставляет ему обильную пищу**.

В Сирии и Палестине он живет часто, в Персии редко встречается. В Африке встречается в области Атласской горной страны и части западного берега моря; иногда он показывается в северной части долины Нила.

Согласно письменному сообщению графа Лацара, все охотники Трансильвании единогласно подтверждают, что черный гриф хватается и убивает и живых животных. Я могу представить целый ряд доказательств, подтверждающих эти показания. В зобу одного из пяти грифов, убитых кронпринцем, эрцгерцогом Рудольфом, принцем Леопольдом Баварским, графом Бомбеллесом и мной в Фруска-Гора, был суслик, у другого белка; обоих животных грифы, конечно, не могли схватить иначе, как живыми***. В Греции Гейглин увидел 6—8 грифов за едой, прокрался к ним и, к немалому своему удивлению, узнал, что они спорили из-за обладания несколькими довольно большими сухопутными черепаками. Один из них держал черепаху в когтях и трудился над ее спинным щитом. Остальные уже вскрыли одну черепаху и отделили ее мясо от щита, у другой проклевали отверстия по швам щитков панциря и тяжело поранили, так что она обливалась кровью. Мейеринк рассказывает, что в 1867 году в поместье Гельмсдорф черный гриф убил зайца и в это время был сам убит. Еще лучшим доказательством может служить исследование моего брата. «Я привязал, — пишет он, — козу, чтобы заманить бородача. Вдруг она начинает метаться, как бешеная, во все стороны, насколько позволяет веревка. Я слышу сильный шум в воздухе и надеюсь уже увидеть перед собою бородача, но, к немалому своему

Семейство ястребиные

* В настоящее время черный гриф относится к глобально угрожаемым видам птиц Европейского континента. Он сохранился только в Испании, кое-где в Греции, на Балеарских о-вах, в Крыму и на Кавказе. В остальных районах Европы, перечисляемых Бремом, черный гриф исчез.

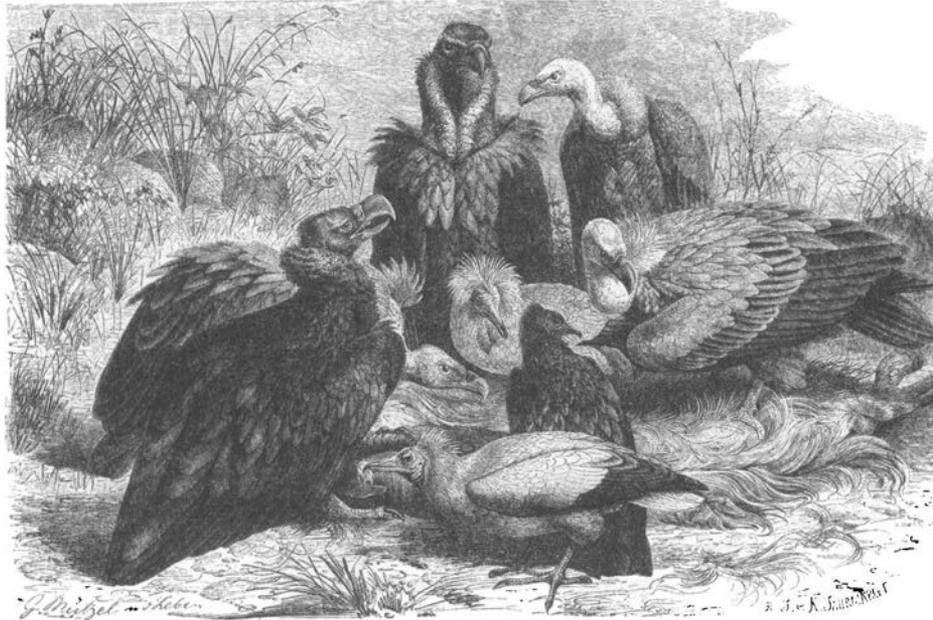
** Сейчас на южном Урале гриф не встречается, известны лишь единичные залеты.

*** Грифы обладают необыкновенно острым зрением и способны обнаруживать самые мелкие предметы с большого расстояния. Вполне вероятно, что суслик и белка были найдены мертвыми.

*В Азии известны кладки грифов из двух яиц, но они встречаются крайне редко.

удивлению, вижу грифа, который с вытянутыми когтями с шумом летит над самой землей и бросается на козу. Я быстро выхожу из своей засады и едва успеваю помешать грифу».

«Черный гриф, — повествует далее мой брат, — гнездится в Испании, по крайней мере, только на деревьях. Его обширное гнездо стоит или на толстом суке сосны или на широкой густой вершине вечнозеленого дуба, иногда не выше 3—4 м над землей. Основание его состоит из палок, толщиной в человеческую руку; за ним следует слой более тонких прутьев, и только на этих последних покоится плоское углубление гнезда из тонкого сухого хвоста. В гнезде к концу февраля находят одно белое яйцо* с толстой скорлупой; продольный разрез его равняется 85, а поперечный 68 мм. Я постоянно находил только одно яйцо, и наблюдения всех испанских охотников, которых я спрашивал, согласуются с моими наблюдениями.

1

2

3

- 1 — Черный гриф
(*Aegypius monachus*)
2 — Стервятник
(*Neophron percnopterus*)
3 — Белоголовый сип
(*Gyps fulvus*)

Вылупившийся из гнезда птенец покрыт густым, мягким белым пухом и раньше четырех месяцев не вылетает из гнезда. Его заботливо кормят родители падалью, но вовсе не защищают так героически, как это обыкновенно предполагают. Если охотник подойдет близко к гнезду, в котором сидит птенец, то грифы, правда, кружатся над тем местом, но никогда не подлетают к охотнику на расстояние выстрела. Около Лагранья, где грифы находят самые удобные места для гнездования в огромном сосновом лесу, окружающем деревню, они селятся в большом количестве и именно на расстоянии четверти часа пути друг от друга.

Мы узнали, что черный гриф, который вообще-то мирного характера, также имеет своих врагов, отравляющих ему жизнь. Кронпринц Рудольф, выслеживая под гнездом парочку грифов, увидел высоко в воздухе двух больших хищных птиц, которые, сцепившись вместе и кружась, опустились в гнездо. Тут они разделились, и наблюдатель с удивлением заметил, что бойцы были не одного вида: один из них был черный гриф, другой беркут.

Что побудило этого последнего напасть на черного грифа — остается загадкой. От человека гриф не страдает, по крайней мере, его не преследуют».

Африканский ушастый гриф (*Torgos tracheliotos*) является одним из самых крупных представителей этого вида. Он отличается очень большим и сильным клювом, высокими ногами, большими, широкими, но несколько округленными крыльями, относительно коротким хвостом и своеобразным оперением. Перья верхней части тела такой же формы, как и у других крупных грифов; нижнюю же часть тела покрывает частый, довольно длинный пух серовато-белого цвета, из которого торчат отдельные длинные и узкие саблевидные перья. На бедрах и икрах также лишь редкие маленькие перышки обычного строения; эти части тела также покрыты пухом, который отличается от грудного пуха только большей длиной и желтовато-серым цветом. Голова, половина затылка и вся передняя часть шеи — голые. Подбородок покрыт перьями в виде волос. Самец имеет 1—1,05 м длины, 2,7—2,8 м размах крыльев, длина крыла 69—72 см, длина хвоста 34—36 см. Самка значительно больше. Преобладающая окраска оперения — желтовато-сероватая; маховые и рулевые перья темнее, большие покровные перья крыльев имеют более светлую кайму. На затылке и затылке очень часто вырастают светло-желтовато-серые и желтовато-белые перья. Молодые птицы отличаются от старых более темным оперением и более широкими перьями на брюшке. Глаза темно-карие, клюв с боков рогового цвета, темный на спинке и на нижней части; ноги светло-свинцово-серые, голая часть шеи — серая, а щеки также голые и фиолетовые. При сильном возбуждении птицы все голые части головы и шеи краснеют, за исключением темени.

Африканский ушастый гриф распространен от Верхнего Египта по всей Африке, а в высоких горах поднимается до 4000 м. Он встречается реже своих родичей, но все-таки попадает всюду. Питается почти всегда крупными павшими животными. Не так доверчив, как более мелкий черный гриф. Он смело появляется в деревнях или на городских бойнях. Властвует один над падалью и прогоняет всех других грифов, за исключением, может быть, сильно кусающихся сипов. Он умеет держать на почтительном расстоянии собак, которые во всей северо-восточной Африке являются опасными конкурентами грифов. Совершенно то же самое рассказывают и про его индийского представителя.

Индийский ушастый гриф (*Sarcogyps calvus*). Его длина, говорит Жердон, 91 см, длина крыла 60, длина хвоста 25 см; следовательно, эта птица значительно меньше африканского ушастого грифа. Область распространения этой птицы простирается по всей Индии до Бирмы.

«Индусы, — замечает Жердон, — называют его королем грифов, потому что все остальные грифы его боятся и всегда уступают ему место, когда он показывается». Между всеми своими родичами ушастый гриф отличается обжорством. Четыре ушастых грифа в течение 5 минут съедают начисто, за исключением черепа и костей ног, самую большую собаку. Я неоднократно имел случай убедиться в силе ушастого грифа.

После каждого пира индийский ушастый гриф летит к ближайшему водою, пьет и приводит в порядок свои перья, отдыхает, причем он, как курица, ложится в песок и с наслаждением

Индийский
ушастый гриф
(*Sarcogyps calvus*)

греется на солнце; потом он летит, описывая круги, часто как будто пlying и не производя некоторое время ударов крыльями, к месту своего отдыха. Он не всегда выбирает высокие деревья для ночлега. Довольствуется даже кустом мимозы, имеющим едва 3 м вышины. Здесь он сидит, держась очень прямо, плотно втянув голову и с вяло висящим хвостом. Утром он, по крайней мере, еще два часа после восхода солнца проводит на месте своего ночлега, и пока оно не поднимется, он так мало пуглив, что можно подойти к нему и даже убить его дробью. Когда я в первый раз возвращался из

Мензы, то встретил в одной долине, довольно населенной, так как она прорезана дорогой, стаю из 8 штук спящих ушастых грифов. Птицы сидели так крепко, что я объехал кругом на лошади дерево, на котором они спали, и не спугнул их. Грифы взлетели только после того, как я одного из них убил, но были еще так заспаны, что снова уселись, уже на расстоянии около 500 шагов. Они никогда не появляются на падали раньше 10 часов утра и остаются на ней никак не позже 4 или 5 часов пополудни. Их можно узнать по спокойному, красивому полету, но главным образом бросаются в глаза своей манерой опускаться на падаль; увидав ее,

они падают вертикально с высоты, много превосходящей 100 м, а потом, распластав крылья и вытянув ноги, косо спускаются на пададь. Они, как и черный гриф, предпочитают мышцы, а внутренностями, по-видимому, пренебрегают.

Во время еды ушастый гриф становится на свои прямо вытянутые ноги; перья на нем лежат гладко, причем сам он принимает горизонтальную позу. Лежащее перед ним мясо придерживает когтями и раздирает его клювом с силой, соответствующей его огромной голове. В большинстве случаев он проглатывает только маленькие кусочки, а кости старательно обгладывает. Он также нуждается в воде: пьет много и, когда может, купается очень аккуратно. В злобе взъерошивает все перья и фыркает как сова; при этом голое место на его затылке заметным образом краснеет.

Индийский ушастый гриф находится на дурном счету у туземцев более, чем любой другой гриф. Его считают не только нечистым в религиозном отношении, как остальных грифов, но даже опасным для человека. Рассказывают, будто бы наблюдали, что он бросается на спящих людей и их заклевывает.

Сипы отличаются вытянутым, стройным, сравнительно слабым клювом и низкими ногами, но, прежде всего, своей длинной гусиной шеей равномерной толщины; она постепенно переходит в продолговатую голову и покрыта редкими, беловатыми, пуховидными щетинками. У птенцов все перья, особенно перья шейных брыжей, длинные. Таким образом, с безошибочной верностью можно узнать молодых сипов по их длинным и висящим перьям, а старых, наоборот, по их коротким, размочаленным и волосовидным перьям. В окраске оперения также происходит с возрастом более или менее заметная перемена, в особенности в окраске перьев брыжей, которые у молодых птиц всегда темно-желтовато-бурые, а у старых всегда белые или желтовато-белые.

Белоголовый сип (*Gyps fulvus*) имеет 1,12 м длины, размах крыльев 2,56 м, длина крыла 68 см и длина хвоста 30 см. Оперение весьма равномерно светло-желтовато-бурое.

Встречается в Трансильвании, в южной Венгрии и на всем Балканском полуострове, в восточной, южной и средней Испании, на Сардинии и Сицилии, но зато очень редко встречается на Апеннинском полуострове, и всегда только случайно. Зальцбургские Альпы являются самым северным пунктом его области размножения*.

Еще чаще, чем в Трансильвании, встречается он во всем Египте и Северной Нубии, в Тунисе, Алжире и Марокко, а в Азии он также встречается до Гималайских гор.

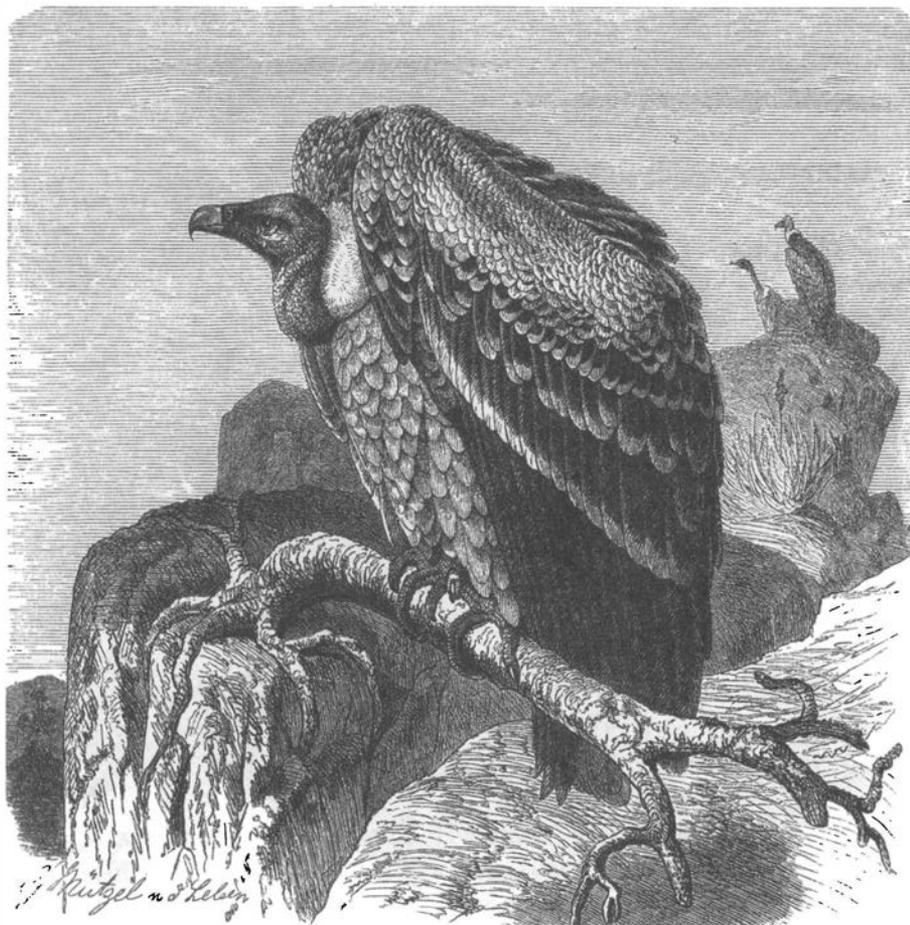
В средней Африке белоголового сипа заменяет сип **Рюппеля** (*Gyps ruppellii*), самый красивый вид.

Все сипы, по-видимому, предпочитают жить на скалах; поэтому их чаще всего встречаешь поблизости гор, имеющих удобные, прямые, отвесные стены. Но некоторые виды, и особенно

* Так же как и другие крупные хищники-падальщики в настоящее время белоголовый сип не встречается на Апеннинском п-ве, Сицилии, в Альпах и Трансильвании. В Западной Европе он сохранился только в Испании, на Балканах и Сардинии.

сип Рюппеля, нередко садятся на деревья, даже и ночь проводят на них.

Образ жизни белоголовых сипов во многом сходен с образом жизни других видов. Сипы так хорошо ходят по земле, что человек должен употребить известное усилие, чтобы догнать шагающего грифа. Белоголовые сипы лучше всего, хотя и не в хорошем смысле, выказывают характер всех грифов вообще. Они самые сердитые, вспыльчивые и коварные. Но сравнительно с другими грифами их умственные способности не велики; кажется, что у них хорошо развиты только одни низменные качества. Они

Сип Рюппеля
(*Gyps rueppellii*)

живут большими стадами, основывают вместе поселения и соединяются также с другими видами. При уничтожении падали преимущественно выедают внутренности околевших животных. Несколькими укусами они прорезают круглую дыру в животе и всовывают в нее свою длинную шею, насколько только могут. Самые мясистые внутренности проглатывают, не вынимая головы из дыры, а кишки сначала вытаскивают сильными движениями наружу, разделяют их клювом на части и уже кусками проглатывают. Само собой разумеется, что при такой работе голова и шея покрываются кровью и слизью, так что после еды сипы представляют самую ужасную картину. Вопрос, бросаются ли они также на больных и околевающих животных, я оставляю открытым. Арабы обвиняют их в этих проступках, как и пастухи южных венгерских гор.

О размножении белоголового сипа дают сведения Бальдамус, Крюпер, Симпсон, Гейглин и мой брат. Наблюдения последнего содержат в главных чертах все, до сих пор известное. «Время размножения белоголового сипа в Испании падает на вторую

половину февраля или на начало марта. Гнездо обыкновенно устраивается в трещине скалы или, по крайней мере, под выступом скалы и состоит из тонкого слоя не очень крупного хвороста. Самка откладывает в это гнездо одно белое яйцо, величиной с гусиное, с толстой скорлупой. Она высиживает его поочередно с самцом таким образом, что на самца падает обязанность насиживания обыкновенно в утренние и в первые послеобеденные часы, а на самку, напротив, во все остальное время дня. Белоголовый сип никогда не гнездится на деревьях. В удобных местах находятся всегда несколько гнезд на расстоянии приблизительно 100—200 шагов друг от друга. Замечательно то, что общество, гнездящееся таким образом на скалистой стене, вовсе не состоит исключительно из грифов; последние преспокойно терпят в своем соседстве бородача и ястребиного орла, позволяют даже черному аисту поселиться и гнездиться в непосредственной близости от их гнезда. Сипы довольно плотно сидят на яйцах и только при громком крике показываются из гнезда, садятся на край его и высматривают нарушителя их спокойствия. Если последний хорошо спрятался, они возвращаются на гнездо и вообще покидают его только тогда, когда на самом деле убедятся в грозящей им опасности. Не раз думали, что именно эти грифы храбро нападают на охотника, который грозит их гнезду, но после моих наблюдений это показание оказывается лишенным всякого основания.

Мне осталось не известным, сколько дней они должны высиживать, чтобы большое яйцо созрело; я знаю только, что в конце марта уже некоторые из птенцов оказываются вылупившимися. Замечательно, что взрослые птицы не издают никакого запаха, а только что вылупившийся птенец и развивающийся еще в яйце зародыш, даже желток и белок сильно пахнут мускусом. На самом деле, чтобы решиться выдуть ртом содержимое подобного яйца, нужно обладать спокойствием страстного исследователя, да даже и он должен с собой бороться, чтобы победить сильное отвращение. Птенец, который похож на маленький комочек шерсти, пользуется большой любовью обоих родителей, которые его аккуратно кормят сначала уже совершенно разложившимися и сгнившими кусками падали, позже более питательной пищей, но, конечно, все-таки падалью*. Благодаря изобилию пищи птенец растет очень скоро, но проходит три месяца, пока он не сделается способным летать».

Белоголовый сип приручается редко. «Не слишком преувеличивают, — говорит мой брат, — когда утверждают, что сип, в известной степени, всегда остается опасным. Только один раз я видел настоящего ручного сипа на дворе одной гостиницы в Байоне. Конечно, он был привязан на длинную, тонкую цепь, и вследствие этого лишен свободы движений. Эта птица, услышав голос своего хозяина, слетала с жердочки, доверчиво подходила к нему и даже позволяла брать себя между ног и гладить

* Птенцов выкармливают отрыжкой родителей, как и у грифов.

голову, шею и спину. С живущими в гостинице собаками она жила также в большой дружбе». Граф Лацар, который называет белоголового сипа коварным и мрачным существом, имеющим некоторое сходство со злобным идиотом, знал также, в виде исключения, двух ручных птиц этого вида. Одна из них, которая была ранена, летала за своим господином в открытое поле, самостоятельно предпринимала маленькие путешествия и иногда исчезала дня на два, но всегда возвращалась к своему хозяину. Один мясник держал другого белоголового сипа несколько лет на своем дворе. Этот гриф жил в большой дружбе со старой собакой мясника. Когда последняя околела, то ее смело положили перед грифом; но, несмотря на то, что он был голоден, сип не дотронулся до своего старого друга, загрустил, отказывался с тех пор от всякой пищи и на восьмой день лежал мертвый около мертвой собаки.

В Египте часто ловят белоголовых сипов, потому что их перья используются как украшения или в хозяйстве. Говорят, что на Крите и в Аравии продают шкуры этих сипов скорнякам, которые ее выделывают и превращают в ценный мех.

Ни одна из птиц, относящихся к грифам, не получила такой большой известности, как **стервятник** (*Neophron percnopterus*), с древних времен описанный под именем Рахам, Алимощ и курицы фараонов. Он изображен на старинных египетских постройках, древние египтяне и евреи воспевали его как эмблему родительской любви, да и ныне, по крайней мере, на него смотрят без всякого презрения. Он отличается от всех известных видов своим телосложением, похожим на воронье, длинными, довольно заостренными крыльями, длинным ступенчатым хвостом и оперением. Клюв очень вытянут в длину; восковица простирается дальше половины клюва; крюк верхней части клюва согнут вниз, но он тонкий и слабый; ноги слабые, и их средние пальцы почти такой же длины, как и плюсна; пальцы вооружены слабо загнутыми когтями средней длины. Вся голова лишена перьев. Грязно-белый цвет, который в области шеи и верхней части груди более или менее переходит в темно-желтый, является преобладающим, но на спине и на брюшке этот цвет чище; большие маховые перья черные, плечевые перья сероватые. Длина самки 79 см, размах крыльев 160, длина крыла 50, длина хвоста 26 см.

Стервятник причисляется к немецким птицам, потому что его несколько раз убивали в Германии. Он чаще встречается в Швейцарии, как это уже говорил старый Геснер; пара стервятников гнездилась даже в окрестностях Женевы*.

Дальше к югу он появляется гораздо чаще. На юге Франции он, хотя еще и не является оседлой птицей, но залетает туда не слишком редко; в Италии стервятник встречается реже, в Испании он встречается всюду, хотя и не очень часто, а в Греции и

* В Швейцарии и Альпах стервятник в настоящее время не обитает. Сомнительно, что он жил в Германии и раньше. Наблюдавшиеся птицы, по всей видимости, были залетными.

на Балканском полуострове он всюду распространен. Зимой стервятник обыкновенно покидает Крым и южную Россию, где он также гнездится; в большей части западной и южной Азии он решительно оседлая птица. К югу от среднего Египта встречается часто. На самом деле он населяет всю Африку, от северной границы до крайнего юга, может быть, за единственным исключением береговой области запада, где его до сих пор наблюдали только на островах Зеленого мыса. Но он составляет редкость не только на побережье Красного моря, но также и во внутренних частях материка, он почти совершенно избегает больших лесов. В западной и южной Азии он гнездится в Малой Азии, Сирии, Палестине, Аравии, Персии, Туркестане, Афганистане, Гималайских странах, в северной и средней Индии, но зато отсутствует совершенно на юге этого материка, как и дальше к востоку, например, в Китае.

Грязное ремесло, которым занимается этот гриф, послужило основанием для предрассудков, которые разделяются даже самыми крупными нашими исследователями. «Трудно найти другую птицу, — говорит Науман, — противная наружность которой так хорошо соответствовала бы ее привычкам и нраву, как стервятника. Голая передняя часть маленькой головы, выдающийся голый зоб, рыхлые перья шеи, всегда грязное и стертное оперение и грубые ноги не производят благоприятного впечатления на зрителя. К этому надо еще прибавить, что у живой птицы часто из ноздрей капает противная жидкость, и что вообще эта птица распространяет запах, похожий на запах нашего ворона, и притом такой сильный, что почти развалившаяся шкура стервятника не теряет этого запаха даже по прошествии нескольких лет. Это скучная и ленивая птица».

Я твердо убежден, что Науман судил бы иначе, если бы он видел так же часто, как и я, стервятника живым. Правда, ремесло этой птицы противно, но не она сама. Вовсе не входит в мои намерения описать ее как красивую, веселую или приятную птицу; но, без сомнения, она не может быть названа противной. По крайней мере, мне она всегда гораздо больше нравилась, чем другие крупные виды этого подсемейства.

Только в южной Европе стервятник пуглив и осторожен. Во всей Африке он доверчиво относится к человеку, если, конечно, еще не страдал от кровожадности европейца. Он нисколько не глуп, так как очень точно отличает того, кто ему полезен, от того, кто ему вредит; даже при весьма трудных обстоятельствах умеет с некоторой хитростью добывать себе насущное пропитание. Его также нельзя назвать ленивым; напротив, он очень подвижен и иногда только ради одного развлечения в течение нескольких часов упражняет свои крылья. Конечно, если он сытно поел, то долгое время сидит на одном месте. Когда ходит, похож на нашего большого ворона; когда летит, он несколько напоми-

Семейство ястребиные

нает нашего аиста, но также и бородача; только летает гораздо медленнее и не так красиво, как последний. Одним прыжком стервятник покидает землю, поднимается медленными ударами крыльев и потом быстро улетает, не двигая крыльями. Если погода хороша, то поднимается все выше и выше и иногда залетает в верхние слои воздуха на высоту 1000—1200 м. Когда можно, он выбирает скалу для отдыха; деревьев избегает, если возможно, а в больших лесах отсутствует совершенно. Так же часто, как и на скалах, можно его видеть сидящим на старых зданиях; в северной Африке, Индии и Аравии на храмах, мечетях, памятниках и домах. Стервятник общителен по отношению к своим родичам. Очень редко видишь его одиноким, чаще парами, но чаще всего большими или маленькими стаями. Он соединяется с другими грифами, так как этого требует его ремесло, но всегда только на короткое время; как только общий пир кончается, он больше не заботится о своих родственниках. В южном Египте и южной Нубии встречаются большие стаи стервятников, которые в течение нескольких часов забавляются красивыми упражнениями в летании, сообща отыскивают места отдыха, и также вместе вылетают за пищей, без малейшей драки или спора. В обществе больших грифов стервятник скромно сидит в стороне и, по-видимому, со страхом смотрит на их отвратительную работу.

Стервятник неразборчив в пище. Он съедает все, что только может быть съеденным. Обыкновенно думают, что падаль составляет для него главную пищу. Конечно, он появляется на всякой падали и, насколько это ему позволяют его небольшие силы, старается насытиться. Стервятник выклеивает глаза, выдалбливает отверстие в заднем проходе и старается вытащить через него внутренности или дожидается, пока не насытятся большие грифы, и тогда обгладывает кости, оставленные ими; но такое пиршество составляет его праздничное кушанье. Большие реки и море дают ему обильную добычу, потому что они выкидывают на берега падаль или, по крайней мере, дохлую рыбу и доставляют всяких низших морских животных. Наконец, он питается и мелкими живыми животными. Коварно нападает на крыс, мышей, на мелких птичек, на ящериц и других пресмыкающихся; как вор, грабит он гнезда с яйцами и ловко ловит кузнечиков на лугах и выгонах.

Но ни грабежи, ни воровство далеко не доставляют нужного для него пропитания. К счастью, он умеет и иначе прокормить себя. Стервятник является аккуратным гостем в окрестностях больших селений Африки, на бойнях, которые обыкновенно находятся за городом. Здесь он сидит рядом с мясником и следит за мясом и шкурой или за внутренностями вместе с их содержимым, которые ему бросает мясник. В крайней нужде он колукает землю, пропитанную кровью. Конечно, бывает, что он проглатыва-

ет иной раз и несъедобное вещество, например, старую запачканную кровью тряпку или что-нибудь в этом роде.

Для европейского наблюдателя интересно видеть, как стервятник безошибочно судит о человеке и как он его знает. Уверенный в некоторой защите или, вернее сказать, в равнодушии, он появляется в непосредственной близости от домов и отыскивает свою пищу так же спокойно, как домашние птицы или, по крайней мере, как наши вороны. Я наблюдал, когда мы в палатке сдирали кожу с птиц, как он прокрадывался вплоть до столбов палатки, внимательно смотрел на нашу работу, и перед нашими глазами съедал куски мяса или обглаживал кости, которые мы ему кидали. Я на самом деле его полюбил во время путешествий по пустыне. Он целыми днями провожает караваны, он первая птица, которая вместе с пустынным вороном находится на месте отдыха, и последняя, которая его покидает.

Пойманные молодые стервятники делаются ручными, следуют шаг за шагом за своим хозяином, как собака, и встречают его радостными криками, как только он показывается. Пойманные старые стервятники также скоро привыкают и долгие годы переносят потерю свободы.

В средней и западной Африке к стервятнику присоединяется близкий родич его, которого называют **бурый стервятник** (*Neophron monachus*). Он отличается от первого более коротким клювом, более широкими крыльями и более коротким, прямо обрезанным хвостом. Оперение его на задней части шеи и на затылке похоже на шерсть, голые места не так велики, ибо только темя, щеки и передняя часть шеи лишены перьев. Преобладающий и притом весьма равномерно распределенный цвет оперения — темно-буро-земляной. Его длина 63—68 см, размах крыльев 157—169, длина крыла 45—50, длина хвоста 23—25 см; первые измерения относятся к самцу, вторые к самке.

В средней и южной Африке бурый стервятник встречается всюду, а в северной Африке, в Азии и Европе его не находили. В некоторых частях западной Африки, как известно, до сих пор он является единственным грифом, населяющим береговую область; в Абиссинии попадаетея гораздо чаще, нежели стервятник. Он садится на крыши домов; в абиссинских деревнях он показывается утром поблизости домов, остается там весь день и только с закатом солнца улетает к своему месту отдыха. Дальше вглубь материка он заменяет стервятника, который избегает пустыни. Бурый стервятник ведет борьбу за существование и вдали от людей. Его можно назвать полудомашним животным. Он, по крайней мере, так же дерзок, как и наша серая ворона или наш воробей. Бесстрашно ходит взад и вперед перед дверью, копошится в непосредственной близости кухни, а когда хочет отдохнуть, в крайнем случае, летит на верхушку одного из ближайших деревьев. Он постоянный гость у каждой бойни, но никогда не уносит того, что ему не

Семейство ястребиные

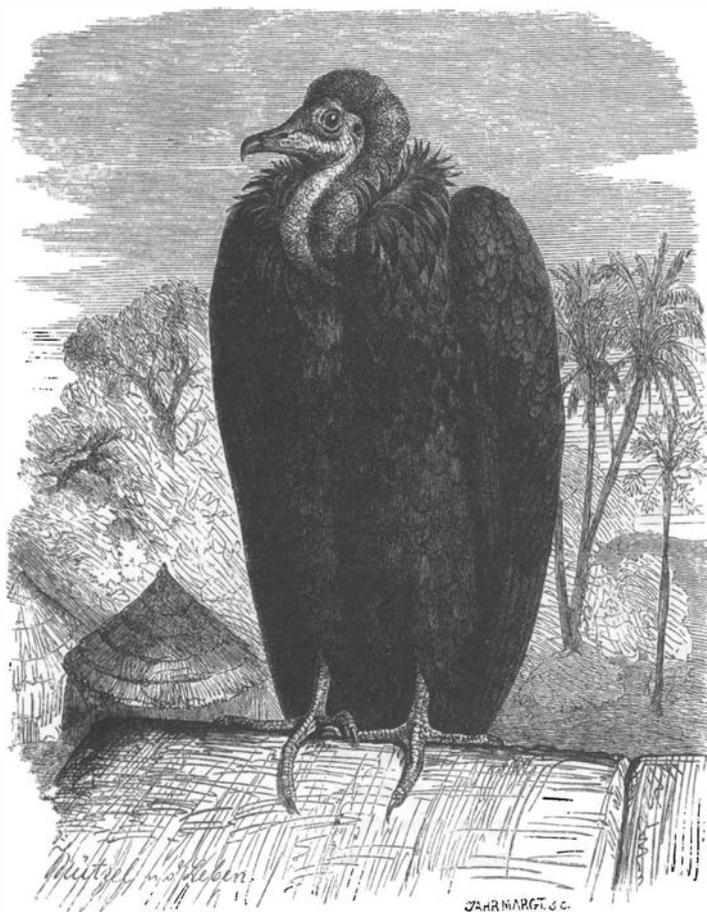

принадлежит; никогда не похищает цыпленка или какое-нибудь другое мелкое домашнее животное; его главную пищу составляют кухонные обрезки. Бурый стервятник показывается на падали и здесь держит себя совершенно так, как и его родичи. В противоположность крупным грифам, он с восходом солнца покидает место отдыха и возвращается к нему только с наступающей ночью. Для ночлега выбирает всегда такие деревья, который находятся по возможности дальше от людей.

По своей осанке бурый стервятник очень красив — это настоящий гриф. Даже когда летит, трудно его отличить от остальных крупных родичей, тогда как близкий ему стервятник уже издали отличается своими острыми крыльями и клиновидным хвостом. Ярко окрашенная голова и кожа на горле придают бурому стервятнику особенную нарядность, на голых частях его тела проходят все оттенки цвета, которые мы можем наблюдать на голой шее и голове индийского петуха.

Бурый стервятник любит общество своих собратьев больше, чем других грифов; но он вовсе не так строго, как говорит Гейглин, избегает общества близкого к нему во многих отношениях обыкновенного стервятника; после еды его можно часто видеть с последним.

В первых месяцах года он покидает селения и обращается к удобным лесам, чтобы начать гнездование. В одном лесу из высоких мимоз на Голубом Ниле я нашел в январе настоящую колонию этих птиц. Гнезда находились на высоких мимозах, частью на раздвоении веток, частью на более крепких сучках у

Бурый стервятник
(*Neophron monachus*)

ствола. Все гнезда, мной исследованные, были сравнительно маленькие и едва имели 60 см в диаметре; они были плоские, крепко сплетенные и состояли из толстых и тонких сучьев, выбранных с большой аккуратностью для выстилки углубления. Лотки гнезд были так малы, что в них мог поместиться только один птенец. Я исследовал сам и велел исследовать другим до двадцати гнезд и во всех нашел только по одному яйцу. Яйцо бурого стервятника кругловатое, грубозернистое и серо-белого цвета, на тупом конце со многими глинисто-красными крапинками; но в

этом отношении встречаются многочисленные отклонения. Оба родителя насиживают яйца. На южном берегу Красного моря в апреле я в каждом гнезде нашел полувзрослого птенца. Из этого видно, что время размножения, кажется, тянется довольно долго, и птенцы, вероятно, растут медленно.

Бурого стервятника так же мало преследуют, как и остальных грифов. Охота на него не представляет никаких затруднений, потому что там, где встречается, он очень доверчиво относится к человеку. Поймать его просто. Я долгое время имел одну из этих птиц и с ней подружился. Несмотря на ее естественную склонность к нечистотам, это была красивая и приятная пленница, которая вскоре стала меня узнавать и выказывать при моем появлении живую радость. К несчастью, она улетела от меня в Египте.

СЕМЕЙСТВО СЕКРЕТАРИ (*Sagittariidae*)

Птица-секретарь (*Sagittarius serpentarius*) отличается от всех остальных хищников своими необыкновенно длинными плюснами, вследствие чего ее ноги напоминают ноги журавлей.

Она сложена стройно; голова довольно маленькая, широкая и несколько приплюснутая на темени; шея относительно длинная и тонкая, тело вытянутое. Клюв короче головы, толстый, сильный, с загибом, начинающимся почти от основания, округленный с боков, но сжатый на конце; крючок средней длины, но очень острый, край челюстей острый и прямой, без всякой вырезки или зубца. Ноги во всех частях удлинены, особенно в плюсне. Пальцы короткие и снабжены средней длины когтями, мало согнутыми, тупыми, но сильными. Крылья длинные, но почти прямо обрезанные на конце, потому что первые пять маховых перьев почти одинаковой длины. Острый ступенчатый хвост замечательно длинный. Среднее перо с каждой стороны еще более длинно, чем остальные; наконец, оперение обильное и крупноперое. На голове хохол, который состоит из шести пар перьев, длиной приблизительно в 15 см, стоящих рядами, расположенными один за другим; эти перья могут приподниматься, остальные же, напротив, лежат гладко. Окраска простая, но милостивая. Верхние части тела светло-пепельные с буроватым оттенком. Хохол, большие и малые маховые перья, покровные перья плеч, надхвостье, нижние части бедер — черные, верхние покровные хвостовые перья — белые, украшенные перед концом неправильными пятнами. Глаза серовато-карие, клюв темно-рогового цвета, черный на конце; плюсна желто-оранжевого цвета. Самка отличается от самца более коротким хохлом и более короткими хвостовыми перьями; ее оперение светлее, перья бедер бурые с белыми полосками; брюшко белое. Птенцы походят на самку. Длина самца 1,15—1,25 м, размах крыльев 62 см, длина

средних хвостовых перьев 68, высота плюсны 28 см. Самка несколько больше самца.

Птица-секретарь распространена в большей части Африки. Она избегает не только леса, но и близости высоких деревьев; ее охотничью область составляют степи, сухие и сырые луговые пространства и иногда, может быть, редко поросшие травой поля, но ни в каком случае не леса.

«Секретарь, как и страус, дрофа и бегунок, — говорит Гейглин, — настоящая степная птица, которая летает редко, низко и плохо, но проворно ходит по своей охотничьей области. Ее походка и осанка очень красивы. Выпрямившись, высоко держа шею и голову, которой равномерно покачивает взад и вперед, мерными шагами гуляет она по степи, отыскивая добычу; редко ускоряет свой шаг». Я вполне согласен с моим покойным другом относительно гордости походки секретаря, но не могу с ним согласиться насчет описания полета. Идущая птица-секретарь представляет очень приятное зрелище, так как походка ее гордая и самоуверенная; но и высоко летящая птица не уступает некоторым хищным, хоть она, конечно, не может тягаться в полете с соколом, орлом или грифом. Соответственно своим длинным ногам, она ходит легче и лучше любой другой дневной хищной птицы. Ходит по полю, высоко выпрямившись, с достоинством, не обнаруживая усталости на расстоянии нескольких миль. Во время охоты или когда ее преследуют, она бежит с согнутым вперед телом, а свои крылья использует неохотно; для того, чтобы подняться в высоту, она должна сначала разбежаться. Сначала полет кажется тяжелым; но если птица раз поднялась на известную высоту, то несется легко и красиво, обыкновенно на большие расстояния, не двигая при этом крыльями. На лету вытягивает ноги назад, как журавль, а шею часто вперед, поэтому ее никак нельзя смешать с другой летящей хищной птицей. Может быть, она охотится преимущественно на ходу и, потревоженная, поднимается только на незначительную высоту. Но я могу уверить, по собственным наблюдениям, что она может, в случае нужды, очень высоко подняться.

Все наблюдатели согласны в том, что птицы-секретари живут парами и населяют довольно обширную область. Они нигде не попадают в большом количестве, а встречаются всюду. Никогда не забывают об осторожности, по крайней мере, при всех обстоятельствах боятся человека; видят опасного врага в каждом путешественнике. Когда она думает, что ее преследуют, то старается, как это наблюдал Гейглин, как можно скорее удалиться. Удерживая преследователя на том же расстоянии, выбирается на свободу; или же взлетает и, пролетев несколько тысяч шагов, спускается в густую высокую траву и бежит, уже скрытая от врага, еще некоторое время, по возможности, в другом направлении.

Птица-секретарь питается преимущественно пресмыкающимися и амфибиями, но не пренебрегает и другими позвоночными, если они попадают; никогда не пропускает насекомых, которые по временам составляют ее главную пищу. Она ест удивительно много: ее можно назвать почти ненасытной. Левальян вытащил из зоба одного им убитого экземпляра 21 маленькую черепаху, 11 ящериц и 3 змеи, кроме этого еще массу кузнечиков, а в большом желудке — комок из костей позвоночных, остатков черепах и крыльев насекомых, которые, вероятно, выкинулись бы в виде погадки. Гейглин думает, что она делает еще большее опустошение среди млекопитающих, нежели между пресмыкающимися; но все остальные исследователи утверждают обратное, и Гейглин, по-видимому, впоследствии согласился с ними.

Издревле птица-секретарь известна как истребитель змей. «Она смело нападает, — говорил Левальян, — на самых опасных змей и, когда они от нее спасаются, преследует их так скоро, что кажется, будто она несется над землей. Если она догнала змею и если последняя начинает защищаться, шипит и сильно надувает шею, то птица расправляет одно крыло, держит его в виде щита перед ногами, бьет им нападающее животное, прыгает взад и вперед

и делает самые странные движения. Она защищается одним крылом от укусов змеи и этим утомляет своего коварного врага; углом другого крыла опрокидывает змею на землю, оглушает ее, может быть, подкидывает ее еще клювом в воздух, раздробляет ей темя и, наконец, проглатывает или целиком, или разодрав предварительно на куски».

Верро описывает секретаря на змеиной охоте таким же образом, но, во всяком случае, гораздо подробнее Левальяна. «Уже

Птица-секретарь
(*Sagittarius
serpentarius*)

Семейство секретари

и без того красивая и величавая, птица, приготавливаясь к борьбе со змеей, кажется еще привлекательнее и милее, чем когда-либо. Чтобы напасть на змею, которую она имеет намерение убить, она выказывает всю свойственную ей осторожность и приближается с величайшею предусмотрительностью. Нахохлившиеся перья хохла и затылка означают начало битвы. Она бросается сильным прыжком на змею, наносит ей сильный удар мощной лапой и часто уже с первого толчка растягивает ее на земле. Если первый удар не удался, то змея поднимается, яростно и грозно расширяет свою шею и этим принуждает секретаря отскочить назад. Но птица это делает только для того, чтобы обождать и высмотреть удобный момент. Змея с поднятой головой поводит языком и шипит, чтобы испугать своего врага; но у секретаря храбрость возрастает с опасностью. Она снова идет вперед с поднятыми крыльями и снова наносит ногами удары с такой неодолимой силой, что вскоре змея падает на землю, не будучи в состоянии продолжать борьбу. Если, как мы это часто наблюдали, змея сама нападает на своего противника, то и здесь последний умеет отклонить ее укусы или при помощи крыльев, которыми он прикрывается, или же прыгая назад и в сторону. Наконец, усталая и утомленная, змея падает в растяжку на землю, и тут секретарь удваивает свои усилия, губительными ударами своих лап разбивает ей позвоночный столб, чем отнимает у нее подвижность и силу, и, наконец, хватает ее с быстротой молнии своей сильной лапой за затылок. Тогда без дальнейших приготовлений птица ест свою добычу. Она съедает змею длиной почти в 2 м в несколько минут; голову же раздробляет при помощи нескольких ударов клюва, а потом спокойно отправляется к своему месту отдыха, втягивает голову в плечи и остается в этом положении несколько часов подряд, спокойно переваривая пищу». Драйсон уверяет, в противоположность названным исследователям, что можно видеть секретаря, охотящимся и на лету. «Эта птица летит на высоте приблизительно 60 м над землей, вдруг останавливается, спускается и бежит за подмеченной добычей; расправляет свои крылья, нападает на врага, нанося удары клювом и употребляя крылья для защиты; иногда поднимается, высоко прыгая в воздухе, вероятно, когда ее противник, коварность которого ей известна, старается энергично защищаться, но тотчас же снова опускается на землю на расстоянии приблизительно 6 м и снова идет на бой до тех пор, пока ей не удастся вполне победить своего врага». Гейглин видел, как секретарь одним ударом своей сильной лапы раздробил панцирь черепахи. Более старинные наблюдатели уверяют, что они видели, как эта птица поднимает на воздух большую змею и роняет ее со значительной высоты, чтобы убить; правда, новейшие путешественники не могут ничего сообщить насчет этого факта, но это показание вовсе не невероятно, так как другие хищные птицы действуют таким же образом.

В наше время еще не установлено достоверно, опасны ли для птицы-секретаря укусы больших ядовитых змей, или же, в известном смысле, яд на нее не действует. Но не подлежит никакому сомнению, что она без размышлений проглатывает убитых змей вместе с зубами; значит, она, не задумываясь, подвергает себя опасности быть изнутри раненной и отравленной зубами.

Мы имеем много между собой согласных показаний насчет размножения секретаря. Левальян, Верро и Гейглин делают об этом самые подробные сообщения. В июне или июле начинаются ревностные битвы между самцами из-за обладания самкой; самка тотчас же начинает вместе со счастливым победителем строить гнездо. Оно почти всегда находится на вершине высокого и густого куста, большей частью мимозы, или на отдельно стоящих деревьях. Основную часть гнезда составляют сложенные вместе прутья, скрепленные глиной; плоское углубление выложено растительными волокнами, перьями и другими мягкими веществами. Каждое гнездо в течение нескольких лет используется одной и той же парой. Легко можно узнать древность гнезда по различным слоям, потому что каждый год прибавляется новый слой к уже существующим. Нередко случается, что прутья наружных стенок пускают новые побеги, вследствие чего постройка совершенно скрывается от глаз. Пара каждый вечер прилетает к гнезду для того, чтобы в нем переночевать. Они не терпят второй пары секретарей в избранной ими области; но позволяют, как и другие большие хищники, мелким зерноядным селиться в непосредственной близости от гнезда или даже в его прутьях. Самка кладет 3—4 яйца только в августе. Яйца величиной почти с гусиные, но круглее; они или чисто белые, или разрисованы редкими красноватыми крапинками. Время высиживания продолжается шесть недель, и в это время самку кормит самец; птенцы вылупливаются в белоснежном пуху. Они в высшей степени беспомощны, долгое время у них остаются слабыми ноги, и поэтому птенцы редко покидают гнездо до шестого месяца. Если их вынуть из гнезда, то видишь, что они после 5—6 месяцев немного могут ходить, но все-таки еще часто садятся на пятки.

Охота на секретаря имеет свои трудности. Нелегко отыскать птицу, а еще труднее ее перехитрить. Андерсон, а также и Гейглин уверяют, что долгая погоня на лошади обыкновенно бывает успешна. Птица старается убежать от всадника, устает, взлетает уже почти задыхаясь, вскоре снова падает на землю, встает еще раз, бежит и летит попеременно, все время преследуемая, до тех пор, пока не может больше ни лететь, ни бежать; тогда она делается добычей охотника. Гейглин в течение двух дней получил не менее шести птиц, пойманных таким образом.

Эта птица издревле носит название «секретарь», и это имя делается только тогда понятно, когда сравнишь ее с писарем, который заложил перо за ухо. Арабские прозвания этой птицы поэтичнее, но еще менее понятны. В западном Судане ее называют «чертовым камнем», на северо-востоке «роковой птицей». У туземцев существует много рассказов о ней, но эти рассказы большей частью баснословны и не имеют ни малейшего значения для естественной истории секретаря.

СЕМЕЙСТВО СОКОЛИНЫЕ (Falconinae)

Птицы, относящиеся к семейству соколиных, характеризуются следующими признаками: на верхней половине клюва имеется заметный зубчик, на нижней половине соответствующая зубчику выемка. Плюсна их довольно длинная; крылья длинные, заострены и доходят почти до самого конца хвоста, второе вместе с третьим маховые перья — самые длинные, а первое по длине равно третьему или четвертому.

Благородные соколы ловкостью и быстротой полета превосходят всех других хищных птиц. Они с такой стремительностью бросаются на свою добычу, что наиболее рьяные из них охотятся исключительно за летающими птицами или насекомыми.

На мой взгляд, между всеми хищными птицами соколы занимают первое место. Между птицами они то же, что кошки между хищными животными, и вообще из всех хищных птиц самые совершенные. Их душевные качества идут рука об руку с физическим совершенством. Соколы — отъявленные разбойники, однако им можно простить причиняемые бедствия ради того удивления, в которое они приводят нас своей жизнью и поступками. Сила и ловкость, смелость и охотничий пыл, благородная осанка, большая понятливость — вот бросающиеся в глаза качества этих птиц.

Соколы живут во всех частях света и во всех областях. Они встречаются, начиная от берегов океанов и кончая вершинами высоких горных поясов, живут преимущественно в лесах, но почти столь же обыкновенны и на скалах, и в развалинах, как в безлюдных местностях, так и в оживленных городах. Каждый вид распространен на большой площади земного шара, и вне своего района он замещается весьма близкими видами; кроме того, каждый вид предпринимает весьма отдаленные экскурсии в виде перелетов или кочевков. Одни виды представляют собой настоящих перелетных птиц, другие только иногда странствуют и, наконец, третьи причисляются к числу кочевых птиц.

Все благородные соколы являются птицами в высшей степени ловкими в своих движениях. Их полет превосходен благодаря необыкновенной быстроте, продолжительности и высшей сте-

пени ловкости. Сокол пролетает огромные пространства с невероятной скоростью и при нападении бросается со значительной высоты наземь, иногда с такой стремительностью, что глаз не может различить его форм. У настоящих благородных соколов полет обуславливается быстро следующими один за другим ударами крыльев, лишь изредка прерываемыми непродолжительным плавным парящим полетом.

На пролете или в пору любви благородные соколы взвиваются на неизмеримую высоту и парят там красивыми кругами, устраивая воздушные игры ради удовольствия или для возбуждения самки. В другое время они держатся на высоте 60—120 м над землей. Сидя, благодаря короткости своих ног, они принимают вертикальное положение, при походке же держат тело горизонтально; однако на земле они чрезвычайно неловки и странным, беспомощным образом прыгают попеременно обеими ногами и, чтобы подвинуться вперед, вынуждены прибегать к помощи своих крыльев.

Пищу благородных соколов составляют позвоночные животные, в большинстве случаев преимущественно птицы, но они питаются также и насекомыми. Ловят свою добычу почти всегда на лету и не в состоянии схватить птицу, если она сидит на земле*. Нет ни одного благородного сокола, который бы на свободе питался падалью; каждый большей частью питается добычей, им же самим захваченной; в неволе голод, конечно, может принудить их брать и мертвых животных. Пойманная добыча редко бывает съедена на месте, обыкновенно она относится на подходящее место, удобное тем, что оно доставляет обширный кругозор или прикрывает птицу, но все-таки дает ей возможность осматривать окрестность.

Временем охоты благородных соколов являются утренние и вечерние часы. В полдень они обыкновенно сидят с набитым зобом на каком-нибудь возвышенном и укромном месте и неподвижно, тихо, взъерошив перья, предавшись полудреме, ждут, пока переваривается пища. Они спят довольно долго, но зато поздно отправляются на покой; некоторых можно видеть охотящимися еще в сумерках.

Благородные соколы летом большей частью живут парами, и в избранной ими области не терпят присутствия ни другой пары соколов, ни каких-либо иных хищных птиц. Во время своих путешествий они летят стаями с другими родственными птицами; некоторые виды образуют тогда довольно значительные стаи, которые, по-видимому, держатся вместе по целым неделям и месяцам. Однако к орлам и совам такие стаи относятся враждебно. Никто из соколов не пропустит случая досадить гораздо более сильному пернатому хищнику.

Местоположение гнезд благородных соколов бывает различно, большей частью таковым служит какая-либо подходящая рассе-

** Не совсем так. Все соколы, даже те, которые питаются преимущественно птицами, часто схватывают птиц, сидящих на земле. Это доказано многочисленными прямыми наблюдениями.*

Семейство соколиные

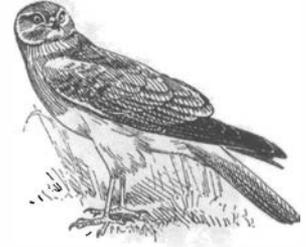
** У некоторых соколов, например, у дербника и пустельги, в насиживании кладки, особенно на начальных стадиях этого процесса, самец принимает участие.*

лина крутой скалы, высокое строение или верхушка высочайшего дерева в лесу; однако некоторые виды устраивают свои гнезда и там, где нет деревьев и скал, прямо на голой земле или для этой цели выбирают какое-нибудь просторное древесное дупло. Очень охотно они пользуются гнездами других более крупных птиц, например, ворон. Особенного труда устройство такого гнезда не составляет. Натасканные прутья обыкновенно складываются в плоское ложе и только в центре гнезда слегка выкладываются нежными корешками. Кладка состоит из 3—7 яиц весьма однородного рисунка. Они округлые, с более или менее толстой скорлупой и обыкновенно по бледному розовато-бурому фону бывают густо покрыты более темными нежными крапинками и более крупными пятнами того же цвета. Яйца высидиваются одной самкой*, и пока она сидит на них, самец кормит ее и старается развлечь трудящуюся подругу, проделывая на ее глазах воздушные упражнения. Птенцы вскармливаются обоими родителями, которые выказывают по отношению к ним нежную любовь, самоотверженно защищают от врагов, в некотором отношении и от человека, а по вылете заботливо наставляют их в первых шагах самостоятельной жизни.

С древних пор благородные соколы служат человеку для охотничьей потехи. Это существует еще и в наши времена во многих местностях Азии и Африки. Все относящееся к соколиной охоте так обстоятельно изложено Ленцем, что я не нахожу ничего лучшего, как привести его слова. «Искусство дрессировки соколов для охоты ведет свое начало с глубокой древности. Но особенно сильное развитие соколиная охота получила в средние века после первых крестовых походов, так как крестоносцы нашли эту охоту процветающей на Востоке и оттуда привезли хороших соколов и опытных сокольничих.

Целые столетия существовала лучшая, а впоследствии единственная в Европе школа сокольничих в селе Фалкенверт во Фландрии. В прежние времена соколов, ловимых на месте, далеко не хватало для удовлетворения спроса: на ловлю их люди отправлялись до Норвегии и Исландии, и особенно этот остров доставлял лучших ловчих птиц. В Померании, сообщает Шмидт, прежде голландские соколиные охотники усердно ловили по берегам соколов, изголодавших и уставших от полета через море с севера, и таким образом иногда налавливали их до 100 штук. Возвращаясь обратно в Голландию, ловцы сажали птиц на шесты, положенные на каждое плечо. Ради экономии для корма этих птиц дорогой они выпрашивали и убивали лишних деревенских собак».

О состоянии соколиной школы в Фалкенверте в 1860 г. генерал фон Ардеш сообщает следующее. «Еще теперь в Фалкенверте живут люди, усердно занимающиеся ловлей и дрессировкой соколов. Местоположение этого местечка совершенно откры-

тое, степное, что весьма благоприятствует этому занятию. Соколы ловятся осенью. Обыкновенно держат только самок, и лучше всего однолетних. Двухлетние также еще годны для дрессировки, старых же выпускают снова на волю. Ловля ведется следующим образом: ловец тщательно прячется на открытом поле, причем от него тянется шнур около 100 м длины с привязанным на конце его живым голубем, который может свободно двигаться по земле. На расстоянии около 40 м от ловца вышеописанный шнур проходит в кольцо, возле которого приспособлена особая накрывающая сеть, от которой также к ловцу протянута бечева. Лишь только появится какой-нибудь сокол, ловец тянет за шнур голубя к себе, последний пытается улететь, чем приманивает к себе внимание сокола, который и ловит его на лету. В то же мгновение ловец мало-помалу начинает подтягивать голубя, а вместе с ним и крепко вцепившегося в последнего сокола, к кольцу, у которого обе птицы и накрываются внезапно сетью. Очень важно тотчас же узнать о появлении в данной местности сокола, для чего охотник пользуется услугами чрезвычайно чуткого и зоркого стража, а именно сорокопута, который привязывается неподалеку от голубя и никогда не пропустит подать свой далеко слышный голос, как только издали увидит появившегося сокола. Возле него вырывается яма, в которую сорокопуд в случае нужды может спрятаться. Только что пойманного сокола нужно непременно три дня продержать голодным, а впоследствии как можно чаще носить его на руке, завязав ему глаза. К лишению сна не прибегают. До весны сокол должен хорошо выдрессироваться и тогда фалкенвертские ловцы едут в Англию к герцогу Бэдфордскому, к которому они и нанимаются на некоторое время вместе со своими соколами. Во время охоты эти люди нередко ломают шею и ноги, так как им приходится прыгать через пни и камни, будучи вынуждены при этом, следя за соколом, не спускать глаз с неба. Обыкновенный сокол служит не более трех лет.

К атрибутам соколиной охоты относятся следующие предметы: кожаный колпачок, устроенный таким образом, чтобы он не давил на глаза, ременные привязи, короткая и длинная, причем последняя бывает около 2 м длиной. Они прикрепляются к сапожку, т.е. к кожаному кольцу, охватывающему ногу птицы. Из пары птичьих крыльев, привязанных к яйцеобразному телу, устраивается небольшое чучелко, служащее для обратного приманивания сокола, который издали принимает чучелко за птицу. Для защиты от острых когтей сокола рука сокольничего должна быть одета в толстую перчатку. Когда начинается дрессировка, соколу надевают на голову колпак, привязывают к цепи и 24 часа выдерживают голодным, после чего его сажают на тыле ладони, снимают колпачок и дают съесть птицу. Если он не ест, на него снова надевают колпак и только через 24 часа снимают последний; если же он в течение 5 дней не захочет есть, сидя на руке, то

каждый раз не минует колпака и безжалостно голодает, сидя на ременной цепи. Впрочем, чем чаще за это время с птицы снимают колпак и сажают ее на кулак, тем легче она становится ручной и тем охотнее приучается есть, сидя на руке. Как только последнее достигнуто, начинаются учебные упражнения, причем перед уроком сокола долгое время носят на руке с открытой головой, и после урока на него снова надевают колпак и прикрепляют к цепи, чтобы он спокойно мог поразмыслить о данном ему уроке. Во время первых уроков птицу с открытой головой сажают на спинку стула и оттуда приглашают ее для еды прыгнуть на руку, а позднее приучают прилетать к охотнику все с более и более далекого расстояния. Затем то же самое проделывается и на воле, однако сокол во избежание бегства удерживается на бечеве, привязанной к длинной ременной цепи; сокольник становится таким образом, что птица должна лететь против ветра, так как сокол, как и другие птицы, летит по ветру очень неохотно. Если сокол хорошо исполняет свое дело, на него вечером надевают колпак, сажают на подвешенный обруч и качают всю ночь, чтобы он не мог спать. На следующее утро начинаются прежние упражнения; он ест на руке, его снова носят до вечера и снова всю ночь качают; то же самое проделывается и на третий день и на третью ночь. На четвертый день все повторяется снова, только теперь ему дают ночью соснуть. На следующий день его пускают свободно на землю, не привязывая на бечевку, и удерживают на одной только длинной ременной цепи. Он должен лететь за пищей на руку; если летит мимо, за ним идут следом и манят его до тех пор, пока он, наконец, не прилетит. С этого момента такое упражнение часто повторяется на воле; птица приучается также прилетать на руку охотника, сидящего на лошади, и не бояться ни людей, ни собак.

Теперь наступает первый урок травли. На воздух бросают убитого голубя, пускают на него сокола, привязанного к длинному шнурку, и для первого раза дозволяют немного поест; впоследствии же голубя у него отнимают тотчас же, и только на руке он получает какую-либо подачку. В следующие дни такие же упражнения проделываются несколько раз с живыми птицами, у которых подрезают маховые перья; затем при помощи легавых собак разыскивают куропаток, по возможности одиночные экземпляры, быстро снимают с сокола колпак, как только куропатка взлетит, и спускают его на нее. Если он промахнулся, его примаанивают обратно живым голубем с подрезанными маховыми перьями или же чучелом. Чтобы приучить сокола схватывать более сильных птиц, как, например, цапель и журавлей, его сначала дрессируют на молодых птицах этого вида или же на старых, у которых подрезаны крылья и на клюв надет футляр; также его сначала, если возможно, спускают вместе с хорошим старым соколом. Предназначенным для этих упражнений цаплям и журавлям на шею надевается чехол из мягкой кожи, чтобы они не так

легко могли быть задушены. При нападении на цапель соколы обыкновенно взвиваются высоко в воздух и оттуда стремглав несутся на добычу; цапля старается взлететь еще выше и с изумительной быстротой протягивает по направлению к несущемуся врагу острый конец своего клюва с целью проткнуть противника. Наконец сокол схватывается с цаплей, и оба падают с высоты вниз. Быстро поспевающие охотники сейчас же освобождают сокола, дают ему в награду хороший кусок мяса и лишают цаплю ее наиболее красивых перьев. После этого на ногу цапли надевается металлическое кольцо, на котором вырезается год и место ловли, и ее отпускают на свободу. Некоторые цапли нередко бывают вновь затравлены по прошествии многих лет и таким образом украшаются несколькими кольцами.

Если хотят, чтобы птица хорошо травила зайцев, то изготавливают хорошее чучело зайца. Много раз кормят сокола, посадив его на это чучело, затем привязывают мясо к самому чучелу, ставят последнее на колеса и заставляют человека сначала тихо, затем быстро возить такого зайца по земле, наконец, даже запрягают быструю лошадь, гонят чучело по полю и пускают ему вслед сокола. Для соколиной охоты нужна ровная, безлесная местность».

Наиболее пышно обставлялась соколиная охота в Средней Азии. «В марте, — пишет около 1290 года Марко Поло, — хан Кублай обыкновенно уезжает из Камбалу; он берет тогда с собой около 10000 сокольников и ловцов. Эти последние разъезжаются по стране группами в 200—300 человек, и все, что они убивают на охоте, должно быть доставляемо хану. При своей персоне хан имеет еще особую свиту из 10000 человек, из которых каждый имеет свисток. Когда хан охотится, они становятся в некотором отдалении друг от друга, образуя вокруг хана обширный круг, следят за выпускаемыми им соколами, ловят их и подводят к хану обратно. Всякий сокол, принадлежащий хану или какому-либо высокому сановнику, имеет на своей ноге серебряную бляху с вырезанным на ней именем владельца сокола и сокольничего. Существует даже особый чиновник, в руки которому сдаются те сокола, владельцы которых сразу не находятся. Во время охоты хан ездит на слоне и всегда имеет при себе 12 лучших соколов. Около него едет верхом толпа людей, высматривающая птиц и делающая хану знаки тотчас, если появится что-либо достойное охоты. По всему государству из года в год заботливо разводятся зайцы и пернатая дичь, чтобы для ханских охот всегда был в них избыток».

Тавернье, много лет проживший в Персии, рассказывает следующее: «Персидский шах держит при себе более 800 соколов, из которых одни служат для травли диких кабанов, диких ослов, антилоп, лисиц, другие для поимки журавлей, цапель, гусей и куропапок. При дрессировке соколов на животных берут какое-нибудь чучело, кладут в глазные впадины мясо и дозволяют птице, сидя-

щей на чучеле, съесть это мясо. Когда это удается, чучело ставится на четыре колеса и приводится в движение; сокола же по-прежнему приучают есть, сидя на голове чучела. Наконец впрягают впереди лошадь, и все время, пока сокол сидит и ест, возят чучело, насколько можно быстро. Таким же способом дрессируют даже воронов». Шарден, который также жил долгое время в Персии, добавляет к вышесказанному: «Когда сокол нападает на сильное четвероногое животное и сядет ему на голову, к нему на помощь спешат с собаками; еще в начале VII столетия соколов часто дрессировали нападать на людей и выклевывать у них глаза».

О том, что и в более новое время соколиная охота еще не исчезла в Персии, мы узнаем из эскизов о Персии Джона Малькольма, появившихся в 1827 году. «Охота ведется на лошади с соколами и борзыми. Если где-нибудь вспугнут антилопу, за ней гонятся с быстротой ветра. Собак и соколов спускают. Последние летят близко над землей и быстро настигают добычу, бросаются на ее голову и задерживают дичь на месте; в это время подспевают собаки и вцепляются в свою добычу. На старых самцов антилоп соколов не спускают, так как антилопы легко прокалывают рогами этих прекрасных птиц».

Соколиная охота по сию пору представляет собой обыкновенное явление у арабов, в особенности у бедуинов Сахары, персов, индусов, различных кавказских и среднеазиатских племен, у китайцев и других монгольских народов. Арабы особенно предпочитают балобанов, водящихся на юге Европы, и ловят их на севере Африки или привозят из Сирии, Малой Азии, Крыма и Персии. Причем арабы за хорошо дрессированных соколов платят необыкновенно высокие цены. Мне ни разу не представилось случая видеть лично соколиную охоту арабов, однако, благодаря Гейглину, мы имеем очень дельное и подробное описание дрессировки и травли соколов. «Арабские охотники ловят соколов в капканы, дуги которых обернуты материей, чтобы не поранить ног пойманной птицы. Капканы приносятся на такие места на деревьях, где эти птицы обыкновенно ночуют. Капканы снабжены шарниром, который легко оборачивается, так что пойманный сокол висит с капканом на воздухе и не может нанести себе никакого вреда, пока его не вынет из западни поджидающий охотник. Приручение сокола к охоте за газелями требует много внимания, терпения и ловкости со стороны соколиного охотника. Последний тотчас же привязывает своего любимца, надевает ему кожаный колпак, в котором есть только одно отверстие для клюва, и на затылке он может быть завязан с помощью кожаных ремешков. Птицу относят в темное помещение и сажают на какую-нибудь деревянную жердочку или на сосуд, наполненный сухим песком. Первые дни ее нужно поморить голодом; кормление совершается только на перчатке сокольничего. При этом колпачок всегда снимается с сокола, и он скоро привыкает к перчатке и даже к движениям руки. Пища состоит

преимущественно из сердца и печени домашнего скота. Затем соколиный охотник начинает приучать его, сняв колпачок, летать к перчатке сначала в комнате, позднее на воле, но первое время, конечно, на привязи, мало-помалу увеличивая расстояние; после кормежки тотчас снова надевают колпак на голову сокола. Наконец, применяется удлиненная ременная привязь и чучело газели, глазные впадины которого наполняются кормом».

Приемы и сама охота индийских соколиных охотников весьма картинно и живо описаны Жердоном: «В различных местностях страны дрессируются сапсаны, обыкновенные в данной области в зимнее время. Их ловят по берегам и продают по 2—10 рупий настоящим соколиным охотникам, которые и натаскивают их на цапель, аистов, журавлей, разинь, ибисов и даже на дроф. При этом я должен заметить, что мнение, будто цапля при подобной травле пытается пронзить сокола своим клювом, подтверждается туземными сокольничими, которые насчет этой охоты имеют более опыта, чем кто-либо из европейцев. Даже тогда, когда сокол уже сбил наземь свою добычу, он еще рискует погибнуть от ударов мощного клюва цапли, если только он с первого раза не вцепился лапой в затылок своей добычи, что старая ловчая птица, конечно, всегда старается сделать. Когда охотятся за красавкой, то сапсан оберегается острого, кривого заднего когтя этой птицы, который может причинить опасные раны.

Пожалуй, еще более, чем сапсан, ценится у индийцев так называемый королевский сокол; ему отдают предпочтение перед всеми другими. Этих соколов ежегодно ловят массами на тонких камышинках, которые намазываются птичьим клеем, и туда соколы приманиваются при посредстве мелких птиц. Этот сокол в особенности дрессируется для охоты на сидячую дичь, выражаясь охотничьим языком, т.е. его не спускают на добычу с руки. Он высоко парит в воздухе и описывает над сокольничим свои круги до тех пор, пока не спугнет какую-нибудь дичину. Тогда он с изумительной поспешностью, стремглав, несется вниз на испуганное животное. Действительно, чудное зрелище представляет собой этот сокол, когда он несется за куропаткой или дрофой, уже отлетевшими на довольно далекое расстояние. Едва только сокол заметит спугнутую им добычу, он дважды или трижды летит вниз и затем, сложив крылья, колом бросается прямо на вспугнутую птицу, причем движение его быстрее, нежели пущенная из лука стрела. Этот род охоты, правда, весьма безопасный, все-таки нельзя сравнивать с великолепной охотой с сапсанами, которых спускают с руки на цаплю».

После этих предварительных сведений мы можем перейти к ознакомлению с наиболее известными и интересными видами соколов.

Самыми благородными из соколов можно считать **кречетов** (*Falco rusticolus*), жителей далекого севера. Для них харак-

** Данное высказывание не совсем верно, цвет оперения кречетов определяется в основном наследственностью. Так, птенцы белой морфы имеют белую окраску оперения еще до вылета из гнезда. С возрастом, правда, часть пестрин может исчезать, и птицы становятся более светлыми, чем в молодости.*

терна весьма значительная величина. Клюв относительно сильный, согнутый кривым крючком, плюсна оперена до двух третей своей длины, длинный в сравнении с крыльями хвост. Во всем остальном они чрезвычайно схожи с другими благородными соколами; даже нельзя считать отличительным признаком не раз высказываемое замечание, что в старости оперение их делается белым*.

Размеры всех кречетов почти одинаковы; исландский кречет, по-видимому, самый маленький. По моим собственным измерениям, длина самки этого кречета достигает 60 см, размах крыльев 126, длина крыла 40, хвоста 24 см.

Ловчие кречеты живут в северных странах, преимущественно по берегам океанов, на скалах которых и селятся. Они не избегают лесов, но их нельзя причислять, как других соколов, к лесным птицам. Скорее всего, кречеты любят селиться поблизости от птичьих базаров, там, где в летнюю пору собираются на гнездовья миллионы морских птиц. Не было случая, чтобы я не встретил в таких местах кречета.

Пищу кречетов летом составляет водная птица, зимой — белые куропатки; кроме того, они нападают на зайцев и, по утверждению Радде, целые месяцы живут, питаясь белками. Они ужасные враги для всего пернатого мира и угроза для всякого птичьего базара. Во время моего трехдневного пребывания на двух птичьих горах в северной Лапландии я видел чету исландских кречетов, регулярно прилетающую на добычу около 10 часов утра и затем около 4 часов пополудни. Их охота была всегда необыкновенно коротка. Они прилетали, делали один или два круга над птицами и затем стремглав бросались в стаю кайр, чистиков или тупиков, схватывали всегда какую-нибудь из этих птиц и уносили ее с собой. Я никогда не видел, чтобы они промахнулись. Гольбель уверяет, что он лично наблюдал, как один исландский кречет на лету схватил сразу двух молодых моевок, по одной в каждую лапу, и таким же образом добыл себе пару песочников. Фабер нашел в одном из гнезд, к которому он добрался, массу натасканных кайр, чистиков, тупиков и моевок. Кроме водных птиц гнездящиеся кречеты опасны также и для болотных курочек и голубей. Однако Гольбель говорит, что он видел только двух молодых голубей, которых кречет схватил сидящих, а старых птиц, весьма часто преследуемых, он поймать не может.

По окончании гнездовой поры кречеты часто приближаются к поселениям, вообще выказывают мало пугливости. Зимой они оставляют морские берега и, следуя за летом куропаток, перекочевывают в горы. Куропатки до такой степени боятся кречетов, своих опаснейших врагов, что, как это наблюдал Шрадер, при виде кречета стремительно, с удвоенной силой кидаются в снег и насколько можно поспешно зарываются в нем. Может быть, водная птица также пытается прятаться от соколов, но в

огромной стае нельзя заметить движений той птицы, на которую устремился хищник. Видно только, как стая разлетается в разные стороны, так обыкновенно делают голуби, когда на них бросится сапсан.

В прежние годы датское правительство ежегодно посылало в Исландию особый корабль, называвшийся соколиным кораблем, для добывания благородных соколов. Из Копенгагена доставленные соколы поступали во владения любителей соколиной охоты или же посылались в качестве драгоценных подарков к различным дворянам. В наши дни правительство, по-прежнему, более не организует подобной ловли; несмотря на это, летний корабль, отправляющийся в Исландию, почти ежегодно привозит несколько живых соколов в свое отечество, это те самые птицы, которые появляются в наших зоологических садах. В Лапландии или Скандинавии, по-видимому, никто не занимается ловлей соколов, так что кречеты там преследуются только натуралистами.

Большое плоское гнездо кречета помещается в каком-нибудь углублении недоступной скалы, вблизи моря. По уверению Нордзее, кречет завладевает вороньим гнездом, найдя его незанятым или просто выгнав из него законных обитателей. В таких случаях кречет лишь немного выкладывает гнездо тонкими прутиками, принося их в когтях, и выстилает внутренность мелкими ивовыми прутиками и листьями осоки, при этом эта подстилка впоследствии покрывается остатками обильного корма, натаскиваемого для птенцов. Гнезда, устроенные кречетом*, состоят из очень толстых сучков и из небольшого количества сухой травы.

Конечно, птичьи базары в летнее время бывают наполнены такой массой птиц, а высокие места так сильно заселены белыми суропатками, что вред, причиняемый кречетом, не очень заметен. К тому же норвежцы уверяют, что некоторые англичане, убиваю-

Кречет
(*Falco rusticolus*)

* Как выяснено специальными наблюдениями, кречеты сами гнезд

не строят, а используют гнездовые постройки других видов птиц — воронов, зимняков, орланов-белохвостов.

** Сейчас балобан стал редкой птицей, он исчез из Австрии, на большей части Балканского п-ва, во многих местах юга России и Украины, практически перестал гнездиться в Польше. Встречается по всей Средней Азии до Китая; он живет также в Армении, Малой Азии, вероятно, также в Персии и долетает зимой до Индии и среднего Египта, хотя там не гнездится.*

щие ежегодно тысячи куропаток ради одной наживы, гораздо более вредны для дичи, нежели исландские кречеты все вместе взятые. В Исландии и Гренландии, наоборот, там, где кречеты встречаются чаще и в зимнее время постоянно приближаются к населенным местностям, их преследуют довольно беспощадно, а по всей северной Азии они и в настоящее время ловятся для травли. Кроме человека, кречеты имеют врагов лишь в воронах, которые, по крайней мере, равны им по силе. Фабер и Гольбель упоминают, что обеих этих птиц очень часто можно видеть дерущимися.

Не менее кречета ценился в прежнее время другой благородный сокол — **балобан** (*Falco cherrug*), статная птица около 54 см длины, 1,4 м в размахе крыльев, с крыльями в 41 и хвостом в 20 см. Оперение балобанов довольно сходно с оперением молодых сапсанов, и поэтому их часто смешивают.

Балобан распространен по всей юго-восточной части Европы, в особенности в нижней Австрии, Галиции, Польше, Венгрии, Придунайской низменности, южной России и по Балканскому полуострову*.

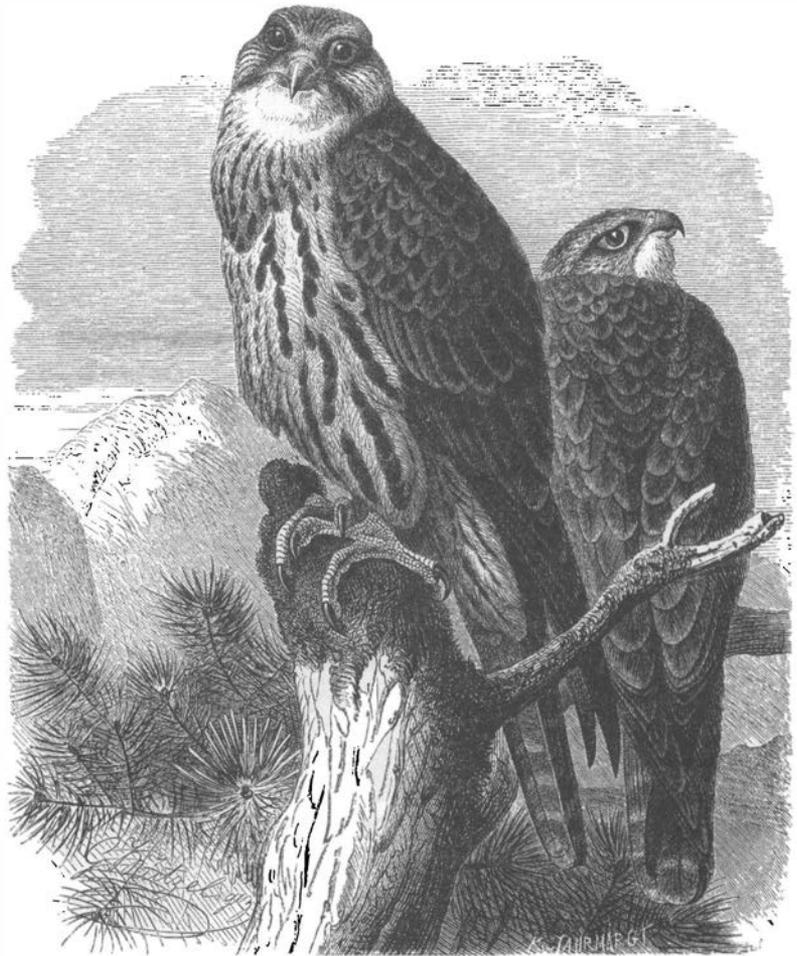
По своему образу жизни, повадкам балобан похож на сапсана. Но арабские соколиные охотники отличают его от сапсана и приписывают свойства, которыми, по их уверению, сапсан не обладает. Некоторые исследования убедили меня, что нужно согласиться с мнением арабских знатоков. У балобана более вытянутое, чем у сапсана, тело, более длинный и более острый клюв и более широкие в плечах и предплечье сильно выпуклые крылья. Он летает быстрее своего родича, движет быстро и мощно своими крыльями, плавно пролетая после нескольких взмахов и, играя над гнездом, описывает большие круги и плывет по воздуху долгое время с изумительной легкостью, почти не взмахивая крыльями.

Об образе жизни балобанов на зимовках нам мастерски рассказывает Гейглин. «Когда на лагуны и болота Нильской дельты слетится много всякой водяной птицы, сюда в то же время собирается большое количество соколов и орлов, именно: египетские кречеты и сапсаны, могильники и орлы-крикуны; которые здесь не знают недостатка в добыче. Вместе с ними показывается и балобан. Вскоре он высмотрит себе какой-нибудь пост на одиноко стоящем дереве, на пальме или акации, с которых он мог бы осматривать кругом весь свой охотничий район. Лишь только пробудится день, а вместе с ним поднимут шум тысячи сбившихся в стаи гусей, уток, песочников, насевших по тростниковым островам в лагунах или по мелким водным пространствам, — балобан покидает свой пост. Но еще густой, стелющийся понизу туман покрывает водную ширь, что, впрочем, не препятствует никому приняться за охоту. Большей частью без всяких предварительных кругов он несется по прямой линии вниз на какую-нибудь оживленно кричащую стаю уток. Мгновенно наступает гро-

боявая тишина! Водяные курочки и другие плохие летуны приседают и стремительно ныряют вглубь, в то время как утки, надеясь на быстроту своего полета, внезапно снимаются и ищут спасения в быстром бегстве. Сокол всегда забирается немного выше, стрелой несется за ними, с изумительной ловкостью сбивает жертву ударом или схватывает ее когтями и уносит с собой, часто преследуемый кричащими коршунами и пустельгами, на которых не обращает ни малейшего внимания. Он садится на какое-нибудь ближайшее, несколько возвышенное, сухое место, где и принимается за еду. Иногда летает кругом высоко в воздухе и, словно играя, бросается на летающих повсюду болотных птиц, ускоряя свой полет только тогда, когда добыча достаточно ему приглянется. Добыча редко ускользает от него, хотя балобан охотится с меньшей поспешностью и удалью, чем его сородичи. В жаркое время дня он усаживается на дерево, а с наступлением вечерних сумерек он летит на ночлег спокойным, ровным, слегка тяжеловатым полетом».

К этому описанию я должен прибавить, что оно вполне соответствует моим наблюдениям над зимней жизнью сапсанов. «Для охоты на газелей, — продолжает далее Гейглин, — годен только балобан, так как остальные благородные соколы большей частью кидаются с такою силой, что разбиваются до смерти, переломив себе грудную кость. Поэтому за хорошо выдрессированных балобанов и платят необыкновенно большие цены».

Сапсан (*Falco peregrinus*) отличается от других ловчих соколов меньшей величиной, сравнительно более коротким и более согнутым клювом, не так низко оперенными плюснами и более коротким хвостом сравнительно с длиной крыльев. Вся верхняя часть его светлого аспидно-серого цвета с темными аспидно-серыми треугольными пятнами в виде полос. Лоб серый, горло беловато-желтое, обрамленное черными баками; верхняя часть груди в буро-желтоватых полосках и покрыта круглова-

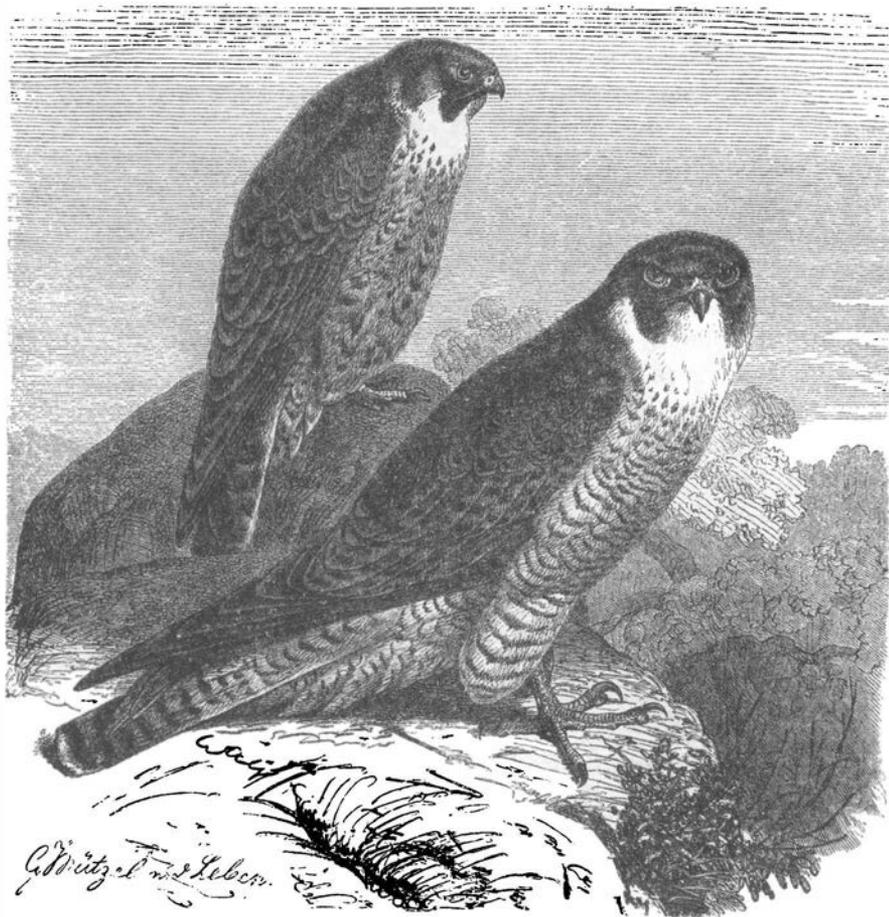

Балобан
(*Falco cherrug*)

тыми сердцевидными пятнышками. В окраске самок более свежести в цветах, нежели в окраске самцов. Длина старого самца достигает 42—47 см, размах его крыльев 84—104, длина крыла 36, хвоста 20 см; длина значительно более крупной самки достигает 47—52 см, размах крыльев 110—120, длина крыльев 82, длина хвоста 20 см.

Сапсан вполне оправдывает свое латинское название (*peregrinus* — путешествующий), так как он летает почти по всему свету. Его необыкновенная распространенность будет очевидна, если принять во внимание, что он живет не только в умеренных поясах, но даже и в северном холодном поясе. В тундре за

Полярным кругом он является даже преобладающим соколом, но, разумеется, каждую зиму вынужден оставлять область своего гнездования и лететь на юг. Во время этого перелета посещает все северные страны Европы, Азии и Америки, пролетает по всей Европе до самых южных областей и встречается там в зимнее время очень часто; вместе с перелетными птицами он странствует через Средиземное море и, следуя пролетным путем, залетает далеко вглубь Африки. Во время подобных же перелетов в Азии долетает до Японии, Китая и Индии, а в Америке встречается в Соединенных Штатах, в средней Америке и в Вест-Ин-

Сапсан
(*Falco peregrinus*)

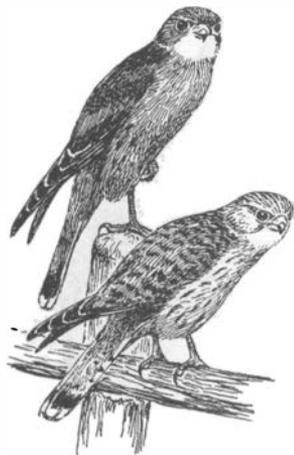
дией. По моим наблюдениям и по исследованиям других натуралистов, на юг залетают преимущественно самки, тогда как самцы больше предпочитают оставаться на севере.

Итак, область гнездования сапсанов простирается по всей Европе, за единственным, быть может, исключением южной оконечности Пиренейского полуострова, а равно по Средней Азии и более северным частям Америки, следовательно, вовсе не удивительно, что их находят почти по всей земле. Сапсан проявляет

чрезвычайную способность уживаться при самых разнообразнейших условиях. В северо-восточной Африке зимой он живет по всему побережью, в каждой нильской области до средней Нубии встречается повсюду во всех местностях, удовлетворяющих его потребностям в пище и обещающих безопасность. То же самое можно сказать и про южную Азию. «Сапсан, — замечает Жердон, — встречается по всей Индии от Гималайских гор до мыса Коморина, но только в холодное время. Особенно обыкновенен он на берегах моря и крупных рек. В Индии гнездится, как мне думается, редко, являясь скорее зимним гостем, прилетающим в первых неделях октября и вновь покидающим страну в апреле». В Закаспийской области, по Вальтеру, он гнездится. В Америке сапсан также летает далеко на юг. Встречается ли в Бразилии, мне неизвестно; я могу только с достоверностью утверждать, что он пролетает над Мексиканским заливом. При его необыкновенной способности к дальним перелетам путешествие в 1000 километров оказывается до известной степени простой прогулкой; я глубоко убежден, что он без особенного напряжения перелетает Средиземное море в один день.

«Сапсан, — говорит Науман, — смелая, сильная и чрезвычайно ловкая птица; его мощное телосложение и блестящие глаза доказывают это с первого же взгляда. Исследования показывают, что он недаром наделен природой такими особенностями и что в деле мог бы со славой перещеголять своих ближайших родичей — кречетов и балобанов. Его полет чрезвычайно скор, сопровождается быстрыми взмахами крыльев, весьма редко бывает плавным и большей частью проходит низко над землей. Слетая с земли, он распускает хвост и, прежде чем подняться на высоту, пролетает небольшое расстояние над самой землей. Лишь весной он иногда летает в воздухе на неизмеримой высоте. Сапсан очень пуглив и так осторожен, что для ночного покоя отыскивает лишь хвойные леса. Если таковых нет поблизости, то он охотнее остается сидеть в открытом поле на каком-нибудь камне, и его ночевка в маленькой лиственной роще принадлежит к числу редких случаев. Из осторожности он в небольшой роще летит на ночной отдых лишь очень поздно вечером и выбирает какой-нибудь толстый сук высокого старого дерева; в более обширном лесу охотно ночует на одиноких, оставшихся на лесосеке деревьях, а прилетает сюда уже с заходом солнца большей частью с набитым зобом. Днем сапсан неохотно садится на деревья. Когда он сидит, то очень втягивает шею, так что его круглая голова кажется сидящей прямо на плечах; белое горло с резко выделяющимися черными боками делает его заметным издали. На лету отличается от других родичей тонкостью телосложения, узким хвостом и длинными, узкими и острыми крыльями. Голос его сильный и звучный, похожий на слоги: «кгиак-кгиак» или «каиак-каиак»

ак». Однако, за исключением поры спаривания, его слышишь не очень часто.

Данные Наумана о пугливости и осторожности сапсана подходят для лесных местностей в Германии, но не для всех других местностей. В бесплодной тундре сапсан также осторожно избегает приближающегося охотника; напротив, в больших городах он нисколько не заботится о том, что делается внизу под ним; там он нередко выказывает такую дерзость, которая находится в полнейшем противоречии с его поведением в другое время. Но еще более можно удивляться, видя сапсанов в северо-восточной Африке, именно в Египте, беспечно сидящих посреди селений на немногих пальмах или сикоморах, на рынке, на церковных башнях, домах и голубятнях, откуда они предпринимают свои разбойничьи экскурсии. Отсюда видно, что поведение его всегда и всюду зависит от обстоятельств и что он все соображает и взвешивает.

По-видимому, сапсан ест только птиц; он страшен для всех пернатых, начиная от дикого гуся и кончая жаворонком. Самые сильные опустошения производит среди куропаток и голубей; уток преследует с неутомимым терпением и оказывается ужасным врагом даже для умеющих хорошо защищаться ворон; он иногда неделями питается исключительно ими. Подобно своим ближайшим родичам, сапсан охотится обыкновенно за пернатой добычей, пока она летит. Сидящих на деревьях птиц схватывает без дальнейших околичностей. Но не делает этого с сидящими на земле или плывущими по воде птицами. Ловля добычи при таких условиях представляет для него трудности почти непреодолимые и, вследствие его бешеного и стремительного полета, в известной степени для него опасна. «Сапсан, — пишет мне Гомейер на основании своих многочисленных наблюдений, — совершенно не может схватить птицу с земли или воды. Если кто и уверяет, что видел это, то он был сам введен в заблуждение по недостаточной внимательности при наблюдении, причем испуганная несущимся на нее соколом птица сделала, наверное, легкомысленную попытку улететь и, едва только снялась с земли или воды, была тотчас же схвачена хищником. Однажды я видел на расстоянии около 200 шагов, как сапсан, наверное, раз 50, но всегда безуспешно бросался на притаившегося у земли голубя. В другой раз я стоял в одном небольшом заливчике у Юкермунда, спрятавшись в камыше, когда один сапсан, преследуя песочника, подлетел ко мне. Приблизительно в 40 шагах от меня песочник бросился в совершенно тихую воду. Сапсан постоянно кидался на открыто лежащего на воде песочника, но всегда мимо. Наконец эта охота ему надоела, и он полетел прочь. Почти тотчас же снялся и песочник, улетев в противоположном направлении. Однако в несколько секунд сокол вновь кинулся за ним, и песочник снова бросился в воду. Еще несколько безуспешных нападений со стороны сокола, и охота

кончилась ничем. Третий случай я наблюдал во время моей поездки из Стральзунда в Гиддензе в прекрасную, солнечную погоду, когда лодка чуть-чуть двигалась от дуновения совсем слабого ветерка, и море также было совершенно спокойно. Преследуя голубя, сапсан уже совсем догнал свою жертву, как голубь быстро бросился в воду. Бесперывными и стремительными натисками сокол старался спугнуть птицу; однако это ему не удалось, и голубь неподвижно оставался сидеть на воде. Наконец сокол удалился; случилось совершенно то же, что и в предыдущем случае; голубь поспешил спастись от своего опасного врага; но лишь только он поднялся с воды, сокол опять оказался поблизости, и птица еще раз бросилась в воду. Так продолжалась охота, пока ее можно было видеть с удалявшейся мало-помалу лодки. Этот случай вновь подтвердил, что сапсан не может схватить животное с воды, а если покажется, что это случилось, то не иначе, как после взлета птицы»*.

Но на лету даже самые быстрые птицы редко могут спастись от него. «Благоразумные домашние голуби не знают, — говорит Науман, — иного средства спастись, как, с возможной быстротой сбившись в плотную стаю, броситься в бегство. Сокол стрелой кидается на тех птиц, которые хоть немного отделяются от стаи. Если он первый раз промахнулся, то голубь старается взлететь выше сокола и, если это ему удастся, сокол устает и бросает охоту».

Все птицы, на которых нападает этот сокол, очень хорошо знают его и без дальнейших проволочек стараются спастись. Вороны не решаются пугать сапсана, но, завидев его, тотчас же, как возможно скорее, улетают. Они имеют, конечно, вполне основательные причины бежать от сапсана, так как он и им, нападающим и преследующим всякого другого сокола, не позволяет ни малейших шуток над собой. Большей частью он взвизгивает над еще неопытными птицами, которые осмелятся дразнить его, несется сверху прямо на них и бьет без промаха. По собственным наблюдениям я знаю только одну птицу, которая успешно нападает на него и выгоняет из данной местности; это — большой поморник. Всякий пролетающий мимо сапсан возбуждает в поморнике — этом чрезвычайно ловком, смелом и храбром обитателе тундры, беспокойство за птенцов, и любой такой сокол, появляющийся вдали, в ту же минуту подвергается самому ожесточенному нападению. Я с удовольствием наблюдал такую охоту на севере Сибири. Сокол летел прямо к своему, видимо, довольно отдаленному гнезду и попался на глаза поморнику. Поморник тотчас же с громким криком поднялся в воздух, в самый короткий промежуток времени догнал пернатого разбойника и начал ему непрерывно наносить самые ожесточенные удары. С игривой легкостью и неподражаемым искусством он беспрестанно поднимался над своим про-

* Специальными целенаправленными наблюдениями в тундре показано, что сапсан часто хватается сидящих на земле птиц. Кроме того, в пищу этого сокола обнаружены мелкие млекопитающие — полевки и лемминги, которые могли быть схвачены только на земле.

** Тем не менее поморники часто служат сапсанам в качестве охотничьей добычи. В описываемой ситуации Брем, видимо, наблюдал сапсана, не обладавшего достаточным опытом взаимоотношений с поморниками, может быть, это была молодая птица.*

тивником и несся сверху прямо на него. Сокол, насколько мог, старался увернуться, но не отвечал на нападения; напротив, он, видимо, очень струсил и насколько можно поспешно летел далее, все время преследуемый не знавшим устали поморником. Эта охота над дикой тундрой продолжалась, пока оба не скрылись из моих глаз*.

Если сапсан схватит какую-либо добычу, то душит или закалывает ее обыкновенно еще в воздухе; но очень тяжелых птиц, как, например, тетерева и диких гусей, приканчивает на земле, промучив их все время, пока несется с ними на землю. Преследуя добычу, он летит с такой сказочной быстротой, что трудно сделать какое-либо определение его скорости. Слышен только свист, и виден несущийся в воздухе предмет, но нет никакой возможности узнать в нем сокола. Эта стремительность его нападения как раз является и причиной того, что он редко кидается на сидящую птицу. Он рискует сам разбиться до смерти, и действительно известны примеры, когда сапсан при стремительном полете падал, оглушенный ударом о древесный сук.

В наших местах сапсан предпочитает гнездиться в трещинах крутых скал, трудно или совсем недостижимых; в случае нужды строит гнездо и на высоких деревьях. Собственную постройку он возводит только в редких случаях, большей частью пользуется гнездами других хищных птиц, начиная от гнезда орлана и до полуразвалившегося жилища коршуна, а равно селится и в покинутых или взятых силой гнездах ворон. Он охотно устраивает свое гнездо в месте, заселенном цаплями, и даже иногда пользуется гнездом этой птицы. В наших краях в апреле или мае, иногда только в июне находят полную кладку из трех или четырех овальных яиц, покрытых бурыми пятнами по темно-красноватому фону. Яйца высиживаются самкой; самец развлекает ее способом, уже описанным выше. Оба родителя необыкновенно любят своих птенцов и с ожесточением прогоняют всякого врага, приближающегося к гнезду. По крайней мере, это мы наблюдали в сибирской тундре. Уже издали сапсаны указали нам место, где находилось гнездо. Они еще на далеком расстоянии вылетели к нам навстречу, с громким криком крутились над нами высоко в воздухе, спускались все ниже и ниже по мере нашего приближения к гнезду и беспрестанно бросались на нас. Зрелище, которое представляли собой эти перепуганные соколы, было чрезвычайно привлекательно, так как при этом они выказывали все свое искусство в полете.

Только что видишь их кружащимися в далекой воздушной выси далеко за пределами выстрела, как, внезапно, сложив крылья, они со свистом проносятся мимо в нескольких метрах от нас, достигают самой низкой точки, потом без взмаха крыльями взбираются на прежнюю высоту, снова летают кругами и снова стремглав несутся вниз. На настоящее нападение они не решались и

ни разу не приближались так близко, как это делают при подобных обстоятельствах ястребы и чайки.

Молодые сапсаны вначале кормятся полупереваренным в зобу мясом, позднее в изобилии разнообразными птицами, по вылете обстоятельно обучаются и только тогда сами оставляют родителей, когда станут совершенными ловцами.

Вред, приносимый сапсаном, не подлежит сомнению, но многие полагают, что от него нет никакой пользы, и как охотники, так и любители голубей видят в нем самого неприятного врага, истребление которого должно производиться всеми средствами*.

Однако я, а вместе со мной и всякий другой, который когда-либо видел эту гордую птицу во время ее воздушной охоты, никак не могут желать ее исчезновения, так как сокол этот — украшение наших лесов и лугов. Он соединяет в себе силу с ловкостью, смелость с понятливостью; сидит или летит — он привлекает внимание всякого наблюдателя. Ратуя за его пощаду, я рискую приобрести врагов во всех охотниках и голубятниках; несмотря на это, я не могу не обратить здесь внимания на то обстоятельство, что в Англии на этого сокола начинают смотреть уже другими глазами, чем ранее. Там также всякий охотник точил на него зубы, и в обращение были пущены все средства к его истреблению, начиная от капканов, ставившихся в гнезда, до вороньего шалаша, от ружья до петли; благодаря объединенным усилиям, добились, что в некоторых охотничьих областях, по крайней мере, в птенцовую пору, сапсаны были совершенно изгнаны. С тех пор начали замечать какую-то все более и более расширяющуюся эпидемическую болезнь тетеревов и серых куропаток, столь бережно охраняемых; тогда пришла мысль, что эта болезнь, прежде не замечавшаяся, может быть явилась как следствие беспощадного истребления сапсанов. Более слабые экземпляры куропаток, прежде обыкновенно первыми попадавшие в лапы сокола, оставались жить, размножились и дали еще более слабое, склонное к болезням, потомство. Взвесив эти обстоятельства, некоторые крупные английские землевладельцы более не преследуют сапсанов и ждут от этого если не приумножения выводков куропаток, то более здоровых поколений пернатой дичи. Я не решаюсь высказаться окончательно о верности вышеприведенного мнения, однако оно, по-моему, все же заслуживает внимания натуралистов и охотников.

В средней Африке и Индии сапсан замещается чрезвычайно красивым пернатым хищником, который, благодаря своей необыкновенной красоте, заслуживает упоминания в этой книге. Это **красношейный сокол**, или **сокол турумти** (*Falco chiquera*), быть может, самый красивый из всех благородных соколов. Его голова и затылок ржаво-красного цвета. Спина, верх крыльев, кроющие перья крыльев и верхние малые перья маховых крыльев имеют широ-

* В настоящее время сапсан — редкая птица, он внесен в списки видов, находящихся под угрозой исчезновения, и Красные книги разных стран или даже континентов. Вред, наносимый сапсаном населению пернатых, сильно преувеличен. Специальными исследованиями показано, что доля особей, изымаемых этим соколом из популяций различных видов птиц, совсем не велика, к тому же, как и другие хищники, сапсан проводит селективный отбор среди пернатых, выбраковывая ослабленных и больных особей.

кие, сильно выделяющиеся черные поперечные полосы по пепельно-серому фону. Нижняя часть груди, брюхо и бедра снабжены темными пепельно-серыми, густо расположенными перемычками по светло-желтому фону. Узкая полоска над глазом, как и ясно выделяющиеся усы, — черные; горло белое; зоб и верхняя часть груди, особенно по бокам — ржаво-красные, сгиб крыла того же цвета. Хвост, как и спина, имеет 8—10 более темных перехватов; широкие концевые перемычки имеют белые каймы. Глаза темно-карие; клюв у основания зеленовато-желтый, на конце голубого

Турумти
(*Falco chiquera*)

на индийских сизоворонок. При преследовании этой добычи сокол осторожен и внимателен, но все-таки часто обманывается необыкновенными изворотами сизоворонок, которые то несутся в косом направлении, то летят совершенно вертикально, причем не переставая кричать, как можно скорее стараются добраться под защиту какого-нибудь дерева. Но здесь-то они как раз и в опасности, так как сокол преследует их с ветки на ветку и снова выгоняет наружу, и несколько секунд спустя обессиленная добы-

рогового цвета; ноги светло-оранжево-желтые.

Быстрота и ловкость этого красивого хищника обеспечивают ему привольную жизнь, но и у него есть свои враги, по всей вероятности, среди более крупных сородичей. В девственном лесу я нашел однажды, в виде остатков от обеда, голову и оба крыла самца сокола этого вида. Туземцы центральной Африки никогда не преследуют эту птицу; индусы, наоборот, умеют обращаться с турумти и извлекать для себя пользу из его ловкости.

«При случае этого сокола приручают и дрессируют на перепелов, серых куропаток, в особенности же

ча делается жертвой не знающего покоя преследователя. Я знал соколиных охотников, которые выдрессировали нескольких турумти охотиться вместе».

Чеглок (*Falco subbuteo*) принадлежит к более мелким благородным соколам. Его длина достигает 31 см, размах крыльев 78, длина крыла 25, хвоста 16. Самка сантиметра на 4 длиннее, а в размахе на 5—7 см шире. Отличительными признаками его являются: малая величина, вытянутое тело и относительно длинные, серповидные, заходящие за конец хвоста, крылья. Вся верхняя часть голубовато-черная, голова сероватая.

Чеглок — быстрейший из всех наших благородных соколов. По своим повадкам чеглок во многом отличается от других благородных соколов. «Он представляет собой, — говорит мой отец, — чрезвычайно отважного, смелого и ловкого пернатого хищника, который может померяться со всяким другим в быстроте своего полета. Его полет имеет много общего с полетом ласточек: как и они, чеглок большей частью серповидно держит крылья, мало распускает хвост и всей своей осанкой очень походит на стрижей. Покинув какое-либо дерево, он пронесется по воздуху, часто пролетая целый участок в 300—400 шагов без малейшего видимого движения крыльями и не медленно, как сарычи или пустельги, но весьма быстро. Если он залетает слишком низко, так как во время полета он заметно опускается, то ему стоит только сделать несколько взмахов крыльями, и он снова достигает прежней вышины. Так продолжается этот красивый полет далее и в короткое время скрывает сокола из глаз человека. Если обыкновенный его полет можно назвать скорым, то его полет во время преследования какой-либо птицы становится стремительным. Как стрела пускается чеглок за какой-нибудь деревенской ласточкой и, если в его распоряжении довольно пространства для ее преследования, то ласточка погибла. Мы однажды видели, как взрослый самец напал на добычу. Он взвился над небольшой птичкой, за которой гнался, и быстрыми ударами крыльев достиг нужной для нападения высоты. Тогда он сложил крылья и, пронесясь десять метров в косом направлении, схватил птицу. Зеленый дятел, пролетавший также мимо сокола, пришел в такой ужас от этого стремительного налета, что с громким криком и большой поспешностью бросился в ближайшую чащу».

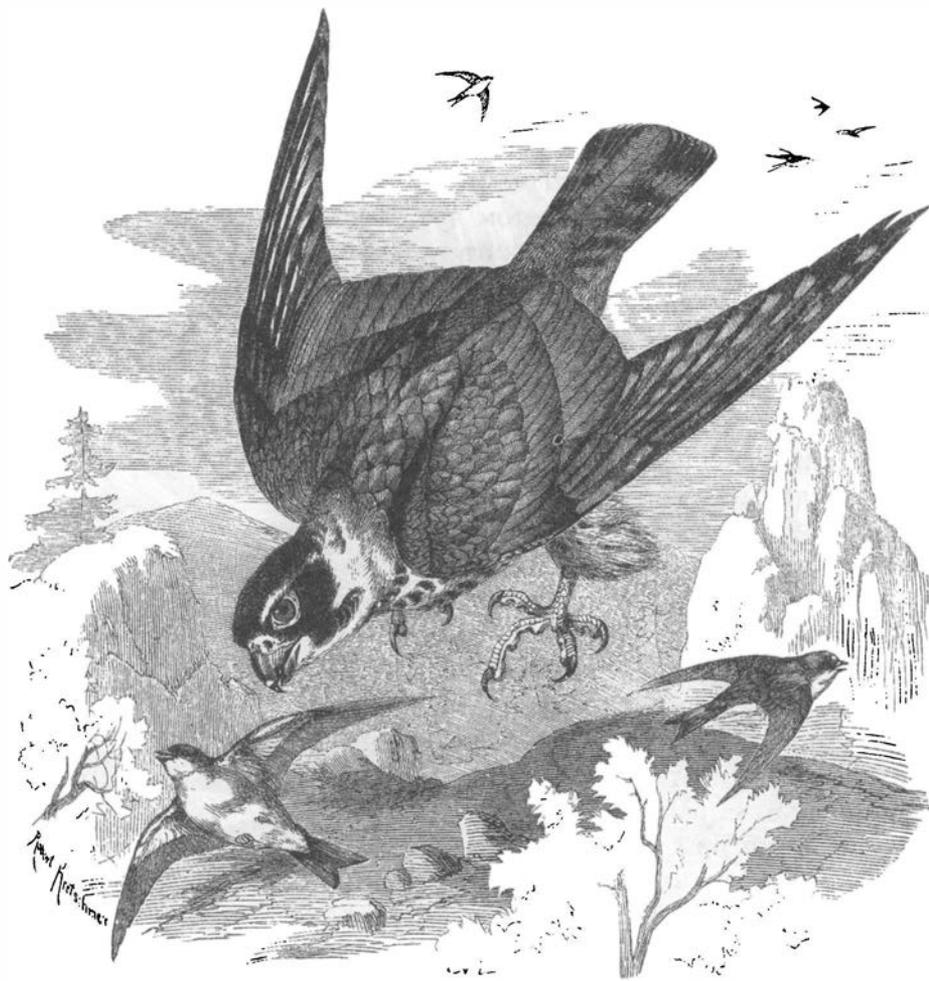
При такой охоте чеглок иногда забывает всякий страх перед человеком, слепо несется за преследуемой птицей, причем часто залетает в дома, даже внутрь едущего экипажа, если там ищет спасения его перепуганная и обезумевшая добыча. С величайшей легкостью он совершает самые красивые повороты во время своего плавного полета. На землю садится редко, чаще же всего на деревья; добычу съедает как на деревьях, так и на земле.

Самцы и самки живут очень дружно и осенью сообща отлетают. Охотятся они также сообща, но при этом очень завидуют друг

другу и нередко ссорятся между собой. Голос чеглока — приятно звучащее «гэт-гэт-гэт», часто и быстро повторяемое. В птенцовую пору он издает ясное «гик». Чеглок бывает всегда пуглив и осторожен, поэтому только тогда летит спать, когда наступает совершенная темнота. Человека он сильно боится. Все его повадки говорят за высокое развитие его умственных способностей.

Как уже было замечено Науманом, чеглок является ужасом для полевых жаворонков. Однако он отнюдь не гнушается и другими птицами и опасен даже для быстрых ласточек. «Столь

Чеглок
(*Falco subbuteo*)

храбрые обыкновенно ласточки, так охотно преследующие задорным криком других хищных птиц, чрезвычайно боятся его и при появлении поспешно обращаются в бегство. Иногда я видел чеглока, влетавшего в стаю домовых ласточек, которые были этим так перепуганы, что некоторые из них падали со страху на землю, где и позволяли мне себя взять. Я долго держал их на раскрытой ладони, прежде чем они осмелились лететь дальше. Жаворонки так сильно пугаются при виде своего смертельного врага, что, преследуемые

им, летят часто прямо на людей, падают под ноги пахарей и лошадей и с перепугу и страху теряют голову, так что их нередко можно поймать руками. Обыкновенно чеглок летит низко и быстро над землей. Если весной жаворонки еще издали завидят его, то быстро взвиваются на такую высоту, что человеческий глаз едва может различить их, и усердно повторяют оттуда свою трель, хорошо сознавая, что на высоте чеглок не может им повредить. Чеглок, подобно другим соколам, нападает всякий раз на свою добычу сверху и при этом никогда не преследует ее на

столь значительной высоте, так как ему стоило бы большого труда и усилий залететь выше. Чеглок нападает на одиночных и низко летящих птиц и на свободе ловит их в четыре, а то и в десять налетов; если же он еще чаще промахивается, то скоро устает и улетает».

В то время как ласточки видят в чеглоке своего заклятого врага, стрижи, по-видимому, не обращают на него никакого внимания. «В моем прежнем охотничьем районе в западной Пруссии, — говорит Ризенталь, — одна парочка чеглоков гнездилась в непосредственной близости от гнездовья стрижей. Таким образом, эти оба вида самых ловких и самых быстрых летунов были соседями. Соколы нисколько не беспокоили стрижей, которые влетали и вылетали у самого гнезда чеглока в свои гнездовые отверстия в старых полусгнивших соснах. Один из соколов только при случае летал вперегонки со своими черными соседями, и если он перегонял их, что всегда случалось, то радостно оповещал о своей победе своим звонким «кик-кик-кик». Не беспокоиться подобным соседством было в характере быстрокрылых стрижей, а для соколов, в большинстве случаев, гораздо легче ловить другую добычу, нежели этих стремительно носившихся соседей». Несмотря на это, доказано, что чеглок может ловить и их. «Чеглок — это единственная хищная птица, — говорит еще Глогер, — которая настигает многих из летающих стрелой стрижей»; Альтум также подтверждает: «Я даже видел раз, — говорит он, — как чеглок поймал горного стрижа».

Разумеется, чеглок не ограничивается охотой только на деревенских и городских ласточек, стрижей и полевых жаворонков, но гоняется также за лесными и хохлатыми жаворонками, а на юге России и в степях за белокрылыми жаворонками, каландрами*, черными и короткопалыми жаворонками, вообще за всеми видами этого рода, которые только ему попадутся. Однако он не довольствуется постоянно столь мелкой добычей, а также ловит птиц до величины перепела и горлинки и нападает на серых куropаток и даже на журавлей**.

Все наблюдатели, встретившие его на зимовках, свидетельствуют, что он появляется на зимовке вместе с перепелами и остается столько же времени, сколько и они. Есть наблюдения, доказывающие, что этот смелый и отважный пернатый хищник преследует некоторых птиц, которых он, очевидно, одолеть не может, а из одного только задора. «Чеглок, — говорит Нордман, — находит удовольствие в преследовании таких птиц, которые крупнее его, хотя он их ранить не может, а только дразнит. Особенно часто страдают от его драчливости малые журавли (красавки). В Крыму я наблюдал пару этих соколов, из шалости нападавших на вышеупомянутых журавлей, которые по обыкновению были заняты танцами; при этом, по-видимому, шутки ради, чеглоки налетали то на одну, то на другую птицу».

* Степные жаворонки.

** Это, конечно, преувеличение. Чеглок не нападает на журавлей, они для него слишком крупная добыча.

Этому же соответствуют и данные, приводимые Глогером, что чеглоки нападают и на белок. Если это основано на наблюдении, то, без сомнения, мы и здесь должны считать причиной этого явления просто задор; наша белка слишком хорошо умеет защищаться, чтобы на нее могла безнаказанно нападать такая небольшая птица, как чеглок. Я думаю, что те же самые побуждения имеют место и при запугивании куропаток. Поэтому я и сомневаюсь, чтобы он мог бить взрослых куропаток. Во всяком случае, преимущественную пищу его составляют мелкие птицы; мышей, которых ему так же трудно ловить с земли, как и сапсану, он схватывает в редких случаях. Напротив, он часто ловит на лету насекомых, в особенности сверчков, стрекоз и даже самцов муравьев, когда они роятся. У многих убитых чеглоков зоб был набит исключительно насекомыми.

Вред, приносимый чеглоком, немаловажен. Ленц высчитывает, что он ежегодно уничтожает, по крайней мере, 1095 мелких птиц. Зато это самый любезный сотоварищ человека из всего соколиного семейства. «Я никогда не имел, — говорит мой отец, — другой птицы, которая доставляла бы мне столько радости, как мой ручной чеглок. Когда я проходил мимо помещения, где он содержался, он, еще не видя меня, начинал кричать, подлетал к дверце, брал от меня птицу и съедал ее. Если я входил в помещение, то садился мне на руку, позволял себя гладить и при этом доверчиво смотрел на меня. Если я приносил его в комнату и сажал на стол, он спокойно сидел и с большим удовольствием ел даже в присутствии посторонних людей предложенную ему птицу. Когда его дразнили или хотели отнять у него добычу, он клевался, но никогда не наносил ран своими когтями. Кто видел этого сокола, тот всегда с удовольствием ласкал его. Никто не пожалеет, если будет держать у себя пойманного чеглока. Он знает своего хозяина, умеет ценить его любовь и, по-видимому, благодарит за нее своим благородным взглядом».

Во время процветания соколиной охоты чеглока также к ней приучали и употребляли для травли перепелов и других мелких птиц. Некоторые сокольничие, говорят, доводили свою дрессировку до того, что чеглоки даже гоняли диких гусей, которых они схватывали за горло и не выпускали до тех пор, пока те не падали вместе с ними на землю. Несмотря на это, в соколиной охоте чеглок, по-видимому, особенной роли не играл и держался больше ради ловкого полета, приводящего в восторг всякого наблюдателя, чем ради травли. «Чеглок, — говорит наш старый друг Геснер, — очень благородная птица, и хотя она, именно благодаря своей малой величине и слабости, почти не употребляется для травли, но все же является ручным и добродушным созданием и каждый раз возвращается к своему хозяину, будет ли выпущена в чистом поле или в лесу. Ее ссоры и раздоры с галками представляют собой весьма интересное зрелище».

Каждую осень, направляясь с севера, места своей родины, в Германии бывает пролетом один маленький быстрый благородный соколог, который зимует в южной Европе или северной Африке, а весной снова летит обратно в свою родную страну, это — дербник (*Falco columbarius*). Короткие крылья дербника, будучи сложены, доходят только до двух третей длины хвоста. Усы у него выражены слабо. Длина самца достигает 32 см, размах его крыльев 86, длина крыльев 20, хвоста 13 см; самка сантиметра на 2 длиннее, а размах крыльев на 3—4 см меньше, чем у самца.

Несмотря на свою малую величину, дербник не уступает в хищничестве, отважности и смелости ни одному из других благородных соколов. Он не такой превосходный летун, как чеглок: его полет, напротив, часто походит на полет перепелятника. Благодаря коротким крыльям, дербник может, подобно перепелятнику, производить крупные повороты, и часто развлекается, как и чеглок, летая кругами во время своих воздушных упражнений, которые по привлекательности почти равны движениям чеглока. Эти качества в высшей степени облегчают ему охоту за мелкими пернатыми, которых он приводит в ужас так же, как чеглок или перепелятник. Когда я с высоты Обдорска озираю лежавшую передо мной широкую, сильно наводненную северную местность, на расстоянии почти одного метра от моей головы внезапно появился дербник, преследовавший снизу одну варакушку; испуганный неожиданной встречей, соколог в полном смысле отпрянул назад, задерживая свой быстрый лет трепыханием крыльев, повернул и несколько секунд спустя исчез, в то время как перепуганная и спасающаяся благодаря мне добыча шмыгнула в кучу сложенных дров, ища спасения от своего ужасного врага. Мелкие птицы, живущие в тундре, доставляют необходимую для дербника пищу. От него много терпят варакушки, лапландские подорожники, желтые и северные плиски*, синицы, трещотки**, все песочники, вообще мелкие голенастые птицы, а также дрозды, так как он с такой же отвагой, как и чеглок, бьет птиц, равных ему по весу и, быть может, даже более тяжелых, чем он. Лорду Лильфорду пришлось убедиться, как один из пернатых хищников утащил у него в течение одного только часа не менее пяти раненых вальдшнепов. На Фарерских островах, по словам Мюллера, он часто ловится, залетая внутрь домов в погоне за скворцами. Когда он охотится за стаей этих птиц, скворцы стараются подняться выше его и до тех пор летят кверху, пока не становятся едва заметными для глаза. Этим самым они нередко спасаются от сокола. Но если какой-либо скворец отобьется от стаи, он делается верной добычей дербника. О ловкости этого хищника говорит факт, замеченный Сальвином и Бродриком, что он, подобно чеглоку, охотится и за ласточками, с несравненным искусством перенимая все их изворотливые движения. Мои личные наблюдения заставляют думать, что дербник, в противоположность другим благо-

* Имеются в виду желтые и белые трясогузки.

** Это ошибка. В тундре Западной Сибири пеночки-трещотки не живут, в данном случае это пеночки-таловки (*Phylloscopus borealis*).

Семейство соколиные

**Период насиживания у дербника составляет 30—33 дня.*

родным соколам, хватает свою добычу с земли и с воды. По крайней мере, я несколько раз видел, как он, совершенно как перепелятник, так близко облетал кусты, что почти задевал своими крыльями их листву, и поэтому я считаю его способным на все то, в чем так искусен перепелятник. Привычки дербника также напоминают привычки перепелятника: садясь на дерево, он всегда выбирает более низкие сучки и усаживается по возможности ближе к стволу.

Как большинство благородных соколов, дербник гнездится так же, сообразуясь с условиями местности; в горных областях — на скалах или в их трещинах, в лесистых — на деревьях, в тундре или на болотах — на земле. В середине или конце мая (на дальнем севере позднее) в гнезде находят четыре — шесть или продолговатых, или кругловатых яиц, покрытых по беловатому или темному кирпично-красному фону весьма нежными буро-красными и более грубыми черноватыми пятнами. В исключительных случаях яйца имеют шоколадный цвет с темно-бурыми пятнами, которые часто похожи на яйца пустельги или кобчика. Молодые выводятся приблизительно после трехнедельного насиживания*. Вскармливаются обоими родителями, которые их горячо любят и храбро защищают. В общем, воспитываются как чеглоки. Оставляют родителей уже в конце августа, покидают свой гнездовый район и направляются на зимние стоянки.

Хотя дербник питается преимущественно мелкими птицами, но вред, причиняемый им, едва ли ощутителен. Разумеется, и пользы хищник приносит столь же мало, так как уже прошли те времена, когда и дербника пускали в погоню за пернатой дичью. Удивительная смелость и несравненная ловкость делают его годным для охоты за мелкой дичью. Дербник был излюбленной ловчей птицей многих страстных охотниц, и особенным любимцем императрицы Екатерины II, для охоты которой эти птицы ловились и доставлялись ежегодно в довольно большом количестве. После осенних охот они выпускались на свободу.

Так называемые неблагородные соколы схожи с их благородными родичами по внешности, строению клюва, крыльев и хвоста, но имеют более длинное и рыхлое оперение, более короткие крылья, в которых маховые перья не столь тверды, более длинный хвост, более сильные ноги с более короткими пальцами и различно окрашенное, смотря по полу, оперение. Неблагородные соколы похожи друг на друга, как по образу жизни и повадкам, так и по форме и окраске. Тотчас видно, что они менее одарены, чем только что описанные родичи. Полет их, правда, еще легок и довольно быстр, но все-таки далеко уступает полету благородных соколов. Обыкновенно они летают на значительной высоте над землей, внезапно останавливаются, увидев добычу, долгое время трепещут крыльями, благодаря чему продолжительное время держатся почти над тем же местом, и затем с довольно стремитель-

ной поспешностью бросаются вниз за намеченной добычей. Ради удовольствия они иногда, особенно в ясный летний вечер, забираются высоко, причем проделывают весьма красивые воздушные упражнения. Когда они сидят, то выглядят более вялыми, нежели благородные соколы, почему кажутся крупнее, чем есть на самом деле. На земле держатся довольно ловко: их длинные плюсны придают им довольно легкую походку. Что касается развития внешних чувств, то они несколько не уступают в этом благородным сородичам; но своим образом жизни от них отличаются. Они живее и веселее, притом смелы и задорны. Они часто из озорства преследуют более крупных пернатых хищников, а филина дразнят, насколько хватает сил. Их крик «кли-кли-кли» звучит по-разному, смотря по тому, что они им выражают: радость или страх. Будучи раздражены, они хихикают.

У нас неблагородные соколки довольно пугливы и бывают даже очень осторожны, когда знают, что их преследуют; на юге живут с человеком на самой короткой ноге. А красная пустельга вовсе не боится человека и даже его жилище считает своим. Они легко приучаются вылетать и возвращаться обратно, повинуются зову, приветствуют своих хозяев радостным криком и выказывают свою привязанность разными другими способами.

Чрезвычайно привлекательна зимняя жизнь этих соколов. Во время перелетов они собираются в общества, которые держатся вместе все время пребывания на чужбине. От Жердона и других индийских орнитологов мы узнаем, что европейские виды являются в южной Азии обычными зимними гостями. Они совершают перелеты вплоть до центральных частей экваториальных стран и для пребывания своего избирают там подходящие места в степях или девственных лесах. Причиной продления их пребывания служит обилие корма; поэтому соколов обыкновенно и встречают там, где массами попадает саранча. Кто не видел лично туч этих насекомых, тот не может составить о них никакого представления; попадают такие участки леса, в которых по стволам и ветвям деревьев видна одна только саранча. Спугнутая туча этих прожорливых созданий затемняет свет. Но скоро появляются и истребители саранчи и первым из них — красная пустельга. Сотни этих птиц неподвижно сидят на высочайших вершинах мимоз и плавно или трепеща крыльями без усталости летают и скользят над черно-серой тучей саранчи, проделывая самые разнообразные движения. Пока саранча висит еще на ветвях, длинные иглы и шипы деревьев не позволяют ринуться на нее проворным пернатым хищникам; но лишь только насекомые снимаются, соколы подлетают к ним, проносятся, охотясь, сквозь толпу летящей массы и ловко выхватывают когтями одного из этих вредных насекомых. Саранча вертится в когтях птицы, кусает своего врага острыми челюстями в защищенную щитиками плюсну; но враг оказывается сильнее. Один щипок силь-

ного клюва раздробляет голову саранчи, и победитель тут же принимается есть ее. Не теряя времени, пустельга отрывает у насекомого крылья, отламывает жесткие ножки и съедает свою лакомую добычу в воздухе же, где она умеет удерживаться плавным полетом. В течение двух минут ловкий охотник ловит, разделяет и уже съедает саранчу. И вновь спешит к туче насекомых, чтобы еще поживиться одним из них. Одних этих данных достаточно, чтобы эти птицы приобрели наше расположение. Но и в летнюю пору они приносят такую же пользу человеку, как в далекой Африке, почему и заслуживают, чтобы всякий здравомыслящий человек щадил их, берег и холил.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*) чрезвычайно красивая птица. У самца в полном оперении голова, затылок и хвост — пепельно-серые (за исключением голубовато-черных концевых полос с белыми каемками); верхняя часть тела красивого ржаво-красного цвета, все перья с концевыми треугольными пятнами. Горло беловато-темное, грудь и брюхо красивого красносерого или бледно-желтого цвета, на некоторых перьях имеется по одному черному продольному пятну. Маховые перья черные и украшены 6—12 беловатыми или ржаво-красными треугольными пятнами на внутренних опахалах, на концах же с более светлыми каймами. Глаза темно-карие, клюв бурого цвета, восковица и голое место около глаз — зеленовато-желтые, ноги лимонно-желтого цвета. Есть усы. У старой самки вся верхняя часть красноватая с продольными пятнами, идущими до верхней части спины, отсюда же идут поперечные пятна; хвост по серо-красноватому фону имеет перевязи на конце широкие, в других частях узкие, одно только надхвостье чистого пепельно-серого цвета. Молодые носят одежду матери. Длина птицы достигает 33 см, размах ее крыльев 70, длина крыльев 24, хвоста 16 см. Самка на 2 см длиннее и на 3—4 см шире самца.

Нет ни одной страны от Лапландии и до южной Испании, от Приамурского края и до западного берега Португалии, ни одного местечка в Европе и Азии, где не было бы пустельги. Она живет как на равнинах, так и в гористых местностях, все равно, лесисты они или нет, она так же хорошо укрывается и в скалистых, и в лесистых местностях.

Пустельга, бесспорно, принадлежит к числу самых милостивых соколов. Ее повсеместная распространенность и постоянное появление то тут, то там предоставляет всякому случай наблюдать эту птицу; кто познакомится с ней, тот и полюбит ее. Пустельгу можно видеть в деятельности с раннего утра до позднего вечера, часто совершенно в сумерках. Со своего гнезда, которое всегда является центральным пунктом обитаемой области, она летает на поля в одиночку или парами, а осенью даже и более многочисленными обществами, по крайней же мере вместе со своим подросшим семейством. Пустельга вьется, трепещет крыльями

ми, над каким-нибудь определенным местом, обзрывает с этого пункта всю расстилающуюся под ней окрестность и несется стремглав вниз, заведя своим необыкновенно зорким глазом какую-нибудь мышку, кузнечика, сверчка или другое более крупное насекомое. При этом, камнем несясь вниз, она прижимает к телу крылья; подлетев к самой земле, немного раскрывает крылья, нацеливается на добычу, схватывает ее когтями, взвизгивает и съедает ее, отлетев прочь; если добыча велика, она относит ее на более удобное место, где и съедает. Если самка сидит на яйцах, то самец издали оповещает ее призывным криком о своем прибытии или удаче на охоте, издавая разнообразные сдавленные и слегка крикливые звуки. Если пустельга во время охоты окружена еще неопытными молодыми, то возле пернатого кормильца царствует веселый беспорядок; каждый из птенцов старается предупредить другого, каждый пытается первым овладеть добычей. Такая семейная картина представляет собой чрезвычайно занимательное зрелище: горячая преданность птицы к своему потомству делает ее еще более привлекательной.

Смотря по состоянию погоды, пустельга кладет яйца немного позже или раньше. До начала мая редко можно найти полную кладку; чаще всего ее не находят до начала июня; само собой разумеется, что в южной Европе птица несется раньше. Для гнезда служит большей частью гнездо вороны или какое-либо углубление в скалах и строениях. У

нас пустельга гнездится во всех вороньих, грачиных или сорочьих гнездах, в старых лесах охотно селится и в дуплах деревьев. Она общительна, как и ее ближайшие родичи, иногда образует настоящие колонии: известны случаи, что 20—30 пар мирно гнездились в одной и той же роще. Плоское дно гнезда этого сокола, мало отличающегося от гнезда других хищных птиц, скудно выкладывается корешками, соломой, мхом и шерстью животных.

Кладка состоит из 4—9, обыкновенно 4—6 кругловатых яиц, покрытых буро-красными пятнами и крапинками по белому или ржаво-желтому фону; яйца различны по величине и форме, име-

Обыкновенная
пустельга
(*Falco tinnunculus*)

ют в большом поперечнике 36—41 мм, в меньшем — 29—32 мм. Они насиживаются преимущественно самкой; но иногда труд этот разделяется и самцом, который в другое время птенцовой поры заботится о корме для самки. Как и большинство хищных птиц, самец чувствует себя пригодным для ловли добычи. Но не в состоянии раскладывать пищу по ртам птенцов, предварительно размячлив ее в зобу. Напротив, если молодые уже довольно окрепли, может быть, даже научились летать, тогда он проявляет самую горячую отцовскую заботу даже и тогда, когда по воле случая самка лишилась жизни. Оба родителя любят свое потомство с чрезвычайной нежностью, присущей всем хищным птицам, и проявляют необыкновенную смелость даже против человека.

Любимую пищу пустельги составляют мыши, вместе с тем она питается и насекомыми. Она ест и мелких птиц, если может добыть их и, случается, натаскивает своим птенцам несколько пар жаворонков; я не считаю невероятным, что она может решиться полакомиться где-нибудь молодым зайчиком. И, наконец, мне припоминается интересное наблюдение моего отца, как одна пустельга летела за бегущим взрослым зайцем, бросилась на него с высоты по крайней мере 20 м, дважды подымалась вверх и стремительно бросалась на косога с высоты с такой силой, что от него летела шерсть. Однако считать пустельгу, благодаря этому, за вредную птицу и преследовать ее, вместо того, чтобы брать под защиту, столь же несправедливо, как и безрассудно. Кто знаком с образом жизни пустельги, тот знает, что сокол этот принадлежит к числу полезнейших птиц и сохраняет наши поля от многих грабителей, хотя изредка он и промыслит какого-нибудь зайчишку или куропатку.

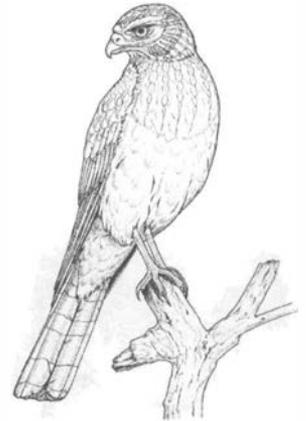
Я добирался до многих гнезд пустельги, будучи уже взрослым, наблюдал этого сокола в трех частях света и считаю себя поэтому совершенно компетентным высказать о нем собственное мнение. Но в этом случае мое мнение не единично. Все истинные и лишённые предрассудков наблюдатели высказываются совершенно в том же смысле, как и я. «Вред, причиняемый пустельгой, — говорит мой отец, — незначителен, так как она уничтожает небольшое количество птиц; но польза, приносимая ею истреблением мышей, весьма велика». В таком же духе высказывается и Науман: «Пустельга, правда, разоряет многие гнезда мелких птиц, преимущественно жаворонков. Однако она уничтожает гораздо большее количество мышей, почему и является весьма полезной птицей; она съедает также много вредных насекомых, например, кузнечиков, полевых сверчков и т.п.». С не меньшей ясностью высказывается и Глогер, хотя он добросовестно перечисляет все проделки пустельги и обвиняет ее, например, в уничтожении птичьих яиц. «Пища, которой питается эта птица, делает ее, несмотря на небольшой вред, причиняемый ею мелким животным, весьма полезной для человека». Убедительны слова и

Гомейера: «Пустельга принадлежит к числу полезнейших птиц, благодаря тому что питается, насколько я могу заключить, исключительно мышами, жуками, сверчками, кузнечиками и т.п. Сколько я ни наблюдал пустельгу во время своих экскурсий, я никогда не видел, чтобы она поймала птицу или даже преследовала ее. Правда, говорят, наблюдались случаи, что она ловила птиц, но, во всяком случае, это были исключения, не стоящие внимания». Упомяну еще здесь, что Прин, исследовавший погадки в одной колонии из двадцати гнезд этих соколов, нашел, что они состояли исключительно из мышиной шерсти и костей. Поэтому я считаю излишним приводить дальнейшие доказательства пользы пустельги.

В южной Европе к обыкновенной пустельге присоединяется близкородственный, более красивый вид — **степная пустельга** (*Falco naumanni*). Длина ее достигает 32 см, размах крыльев 68, длина последних 26, хвоста 14 см; самка на 2 см длиннее и на 5 см шире самца. У старого самца зоб, большие кроющие перья крыльев, задние маховые и хвост — голубовато-пепельно-серые; перья спины кирпично-красные без малейшей отметины; грудь и брюхо темно-красноватые с очень мелкими стержневыми, часто почти невидными пятнами; хвостовые перья на конце имеют черную перевязь. Глаза, клюв и ноги окрашены так же, как и у обыкновенной пустельги, но когти не черного цвета, а желтовато-белые. Самка очень походит на самку вышеописанного вида, но светлее и легко отличается по бело-голубоватому хвосту и по светлым когтям. Молодые сходны с матерью.

Истинная родина степной пустельги южная Европа, Испания с ее островами, Мальта, южная Италия, но предпочтительнее всего Греция и страны, лежащие далее на восток. Она обыкновенна в южной и средней Испании, на Сицилии и в Греции, несколько реже встречается в Турции, но попадает повсюду, а в южнорусских, сибирских и туркестанских степях вместе с кобчиком является одной из самых обыкновенных хищных птиц тех местностей. В западной Сибири, по моим наблюдениям, область их гнездования ограничена степями, наверное, то же самое можно сказать и о востоке Азии. К югу степная пустельга распространена до Марокко, Алжира и Туниса; некоторые из них, по словам Гейглина, гнездятся в крепостных стенах Александрии; в Палестине, Сирии и Малой Азии этот сокол принадлежит к числу обычных гнездящихся птиц и совершенно обыкновенен в Персии, особенно на юге ее. Из своей столь обширной родины он каждую зиму совершает перелет в Африку и южную Азию. По личным наблюдениям я знаю степную пустельгу как одну из самых обычных зимних птиц степей внутри Африки.

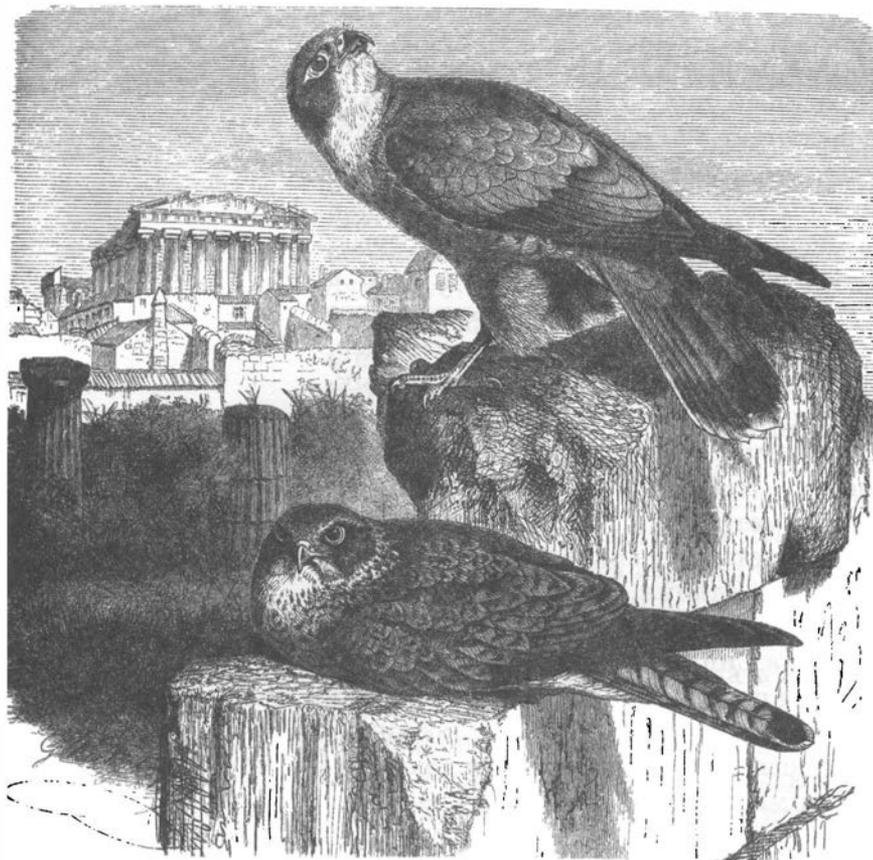
По своему образу жизни, поведению и повадкам она представляет собой точную копию нашей пустельги, но еще более походит своими привычками на кобчиков, с которыми ведет самую

тесную дружбу. О жизни кобчиков я буду говорить подробнее, почему и отсылаю читателя к этому описанию; здесь же упомяну только, что степная пустельга, безусловно, относится к числу самых привлекательных птиц из всего семейства.

Несмотря на страсть к истреблению птиц у испанцев, итальянцев и греков, на юге Европы никто не думает их преследовать, в глазах же турок и русских они считаются неприкосновенными птицами. Как на востоке, так и на юге России в полезности этих соколов уже убедились. В одних местностях на них смотрят как на посланцев с неба в губительную пору налетов саранчи. В других

просто радуются их присутствию, бодрой подвижности и с благодарностью смотрят на них, как на полноправных обитателей однообразных степей; по крайней мере, охотно забавляются ими, когда приходится ехать верхом или в повозке через эти гладкие равнины. При приближении птицы пугливо слетают со своих мест отдыха и все далее и далее летят перед путниками. Степная пустельга оказывается еще в более высокой степени насекомоядной птицей, чем обыкновенная, а также и наиболее успешно действующим врагом ужасной саранчи. Она, разумеется, не откажется и от какой-нибудь мышки, молодой

Степная пустельга
(*Falco naumanni*)

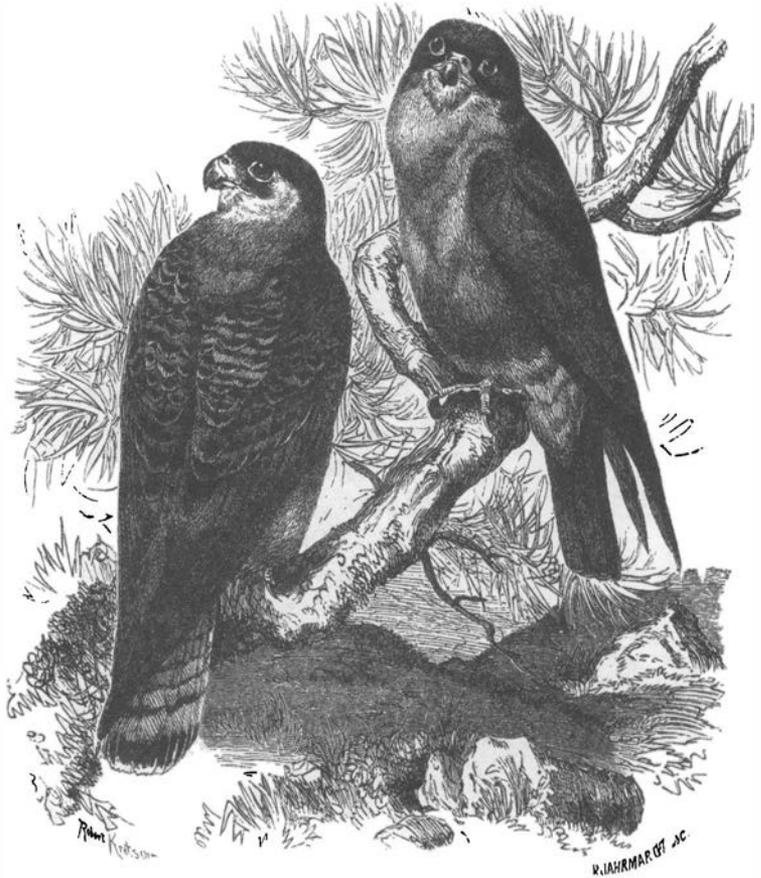
беспомощной птички, ящерицы, если таковые попадутся на глаза; в общем, по своей пище ближе походит на кобчиков, чем на обыкновенную пустельгу.

Южной Европе свойственна еще другая насекомоядная хищная птица, родственная пустельге, но особенно близкая степной пустельге, это **кобчик** (*Falco vespertinus*) — один из самых красивых соколов вообще. Отличительные признаки его: более короткий клюв, другая относительная длина маховых перьев, более короткий хвост и, наконец, разнообразие оперения, зависящее не только от пола, но и от возраста птицы. По величине он почти равен степной пустельге. Длина самца кобчика достигает 31 см,

размах его крыльев 78, длина крыльев 22, хвоста 14 см. Самка, примерно, на 3 см длиннее и на 4—5 шире. В полном оперении самца нельзя смешать ни с одним соколом. Нижняя часть брюха, штаны и нижние кроющие перья хвоста темного ржаво-красного цвета. Восковица, голое окологлазничное кольцо и ноги кирпично-красные, клюв у основания желтый, на конце рогового голубоватого цвета. У самки голова и затылок светлого ржавого цвета, все остальные верхние части тела свинцово-серые; нижние шейные перья и хвост имеют более темные поперечные полосы; перед шеи, бока ее, за исключением бурых усов, — белые; остальные нижние части тела ржаво-желтые с единичными бурными стержневыми штрихами. Восковица, окологлазничный ободок и ноги — оранжево-красные. В молодом оперении верхняя часть тела темно-бурая, причем каждое перо оторочено ржаво-желтоватой каймой; нижняя часть тела, начиная от белого горла, ржаво-желтая, покрытая широкими бурными продольными пятнами. Голые места еще светлее, чем у самки. Глаза всегда карие.

Кобчик одинаково водится как в юго-восточной Европе, так и в Средней Азии и только на Амуре и в Китае замещен близким родичем. На западе нашей части света он редок, но иной раз пролетом встречается и там. Кобчик представляет собой в полном смысле характерную для степей птицу и живет, начиная от венгерской степи через южную Россию и всю Среднюю Азию до границ Китая. Соответственно этому он зимой улетает преимущественно в Индию, а не в Африку. Правда, и в Африке он встречается в долине Нила, но всегда лишь одиночками, и только на юго-востоке этого материка, куда он попадает, очевидно, из Индии и южной Аравии, его наблюдают чаще.

В посещенных мною степях южной части западной Сибири и северном Туркестане кобчик принадлежит к числу весьма обыкновенных птиц: в этих областях его так же часто можно видеть, как облака на небе. Лишь в очень редких случаях я видел одиночных кобчиков, большей частью наблюдал их обществами и

Кобчик
(*Falco tinnunculus*)

Семейство соколиные

постоянно вместе со степными пустельгами, на которых они до мельчайших подробностей походят своим поведением и повадками. Оба эти быстролетных сокола всюду являются верными товарищами, и что замечаешь у одних, то видишь и у других. Где только найдется местечко для их отдыха, будет ли то линия телеграфных столбов или окаймляющий зимник частокол, плетень из конических корзин, наполненных землей, или врытые наискось столбы с 2—3 оставленными нарочно ветвями — они непременно уже тут.

Я должен заметить, что кобчики встречаются в степях не повсюду в одинаковом количестве, и во время своего полета, видимо, следуют направлению более крупных рек, по крайней мере, во время своих прилетов и отлетов в приречных долинах встречаются чаще, нежели в далеких степях. Здесь они разлетаются уже потому, что не везде могут найти подходящих гнездовых и должны отыскивать более удобное место стоянки. По моему предположению, они предпочитают отлогие откосы холмов или даже крутые обрывы гор открытым равнинам, хотя и здесь они отнюдь не отсутствуют. Такое предпочтение объясняется, быть может, просто тем, что поблизости таких отрогов есть подходящие для гнездовья скалистые стены, которые впоследствии и становятся центральным местом их участков. Если в известной местности растут несколько высоких деревьев, то кобчики иной раз образуют настоящие поселения, во всяком же случае деревья делаются местом утренних и в особенности вечерних собраний этих милых соколов. Тогда их видишь здесь в полуденную пору усевшимися для отдыха тесно друг к другу на деревья обществами из 20, 30 и более штук. В таком положении кобчики ждут, пока наступит позднее послеполуденное или вечернее время, необходимое для их охоты. Лишь только насекомые начнут усерднее летать и ползать, кобчики снимаются и летят во все стороны степи высматривать там кузнечиков, стрекоз, бабочек, крылатых муравьев и жуков. Большую часть пищи этих соколов составляют насекомые в различных стадиях развития, преимущественно жуки; реже они промышлят какую-нибудь мышку или маленькую ящерицу. Удивительно то искусство, с которым кобчики схватывают ползущего по земле жука, держат его плотно между своими короткими когтями и съедают на лету. Иногда насекомое бывает настолько мелко, что его не замечаешь, будучи даже на расстоянии нескольких метров от сокола. И судишь об удачном лове лишь по тому, что птица съедает свою добычу на лету, для чего слегка протягивает лапы, что-то берет из них клювом и съедает. После этого соколок тотчас же приступает к своим воздушным упражнениям и вновь что-нибудь да ловит. Чем ближе наступает вечер, тем оживленнее становятся движения кобчика, так как с приближением ночи все больше и больше появляется насекомых, оставляющих свои ук-

ромные уголки и принимающихся летать. Поэтому этих птиц часто можно видеть на охоте поздно, после захода солнца, и только с полным наступлением ночи они обществами летят на ночлег. Напротив, в туманную погоду они, по словам Робсона, сидят на земле или летают у самой ее поверхности в надежде поживиться каким-нибудь одиноким насекомым. Но лишь только погода прояснится, и солнце снова ярко заблестит на небе, они выказывают полную оживленность и веселость.

Ко времени птенцовой поры стаи, летавшие на зимовки, собиравшиеся там и вместе вернувшиеся, разбиваются на пары. И в это время можно видеть, как самцы проделывают всевозможные воздушные упражнения, охорашиваясь перед самками и развлекая их; вообще они выказывают все свойственное им искусство в летании. О размножении, к сожалению, я не могу привести

собственных наблюдений и в этом случае должен заимствовать сведения у других натуралистов, именно у Радде и Нордмана. По сообщению первого, кобчики устраивают в мае свои гнезда на деревьях и для этого выбирают преимущественно высокие ивы; по сведениям последнего, они нередко пользуются сорочьими гнездами. Утверждали, что кобчик охотно устраивает гнездо и в дуплах деревьев; и это мне

нельзя отнюдь не невероятно. Кладка состоит из 4—5 яиц, которые очень малы, шаровидны, мелкозернисты и по желтовато-белому фону покрыты более бледными и более темными красно-бурными точками и завитками. В начале августа птенцы уже вылетели, и с этих пор самым усердным образом обучаются своими родителями. Лишь только они выучатся ловить добычу, все кобчики, и старые и молодые, начинают готовиться к отлету на зиму.

Самые маленькие из соколов живут в южной Азии. Эти хищные птицы, будучи величиной с жаворонка, однако вполне оправдывают свое название, так как в смелости и храбрости они соперничают с самыми крупными благородными соколами. Эти маленькие милостивые соколы, которых Кауп сравнивает с попу-

Муту
(*Microhierax*
caerulescens)

гаями, свойственны Индии и странам Малайского архипелага и распространены там в числе около полудюжины видов.

Самый известный вид — **мути** (*Microhierax caerulescens*), птица, имеющая в длину самое большое 20 см, при длине крыльев в 9 и хвоста в 6 см. Темя, затылок, хвост и состоящие из шелковистых перьев штаны этого соколка — голубовато-черные. Передняя сторона головы, горло, грудь и полосы, идущие от углов клюва вплоть до плеч — ржаво-красновато-белые; остальные нижние части ржаво-красные. Круглые беловатые пятна на хвосте образуют четыре красивые перевязи; с таким же рисунком и маховые перья. Глаза темно-карие, клюв буро-черный, ноги светло-голубые.

Этот сокол хорошо известен всем туземцам, распространен по всей южной Азии. К сожалению, об его нраве, равно как и о нраве других родственных ему соколов, известно очень мало. Рассказывают, что карликовые соколы в высшей степени храбрые птицы, ревностно охотятся за всеми мелкими пернатыми, но не боятся битвы и с более крупными птицами. Этими достоинствами, разумеется, пользуются столь любящие охоту индусы. Название этого сокола — мути обозначает «горсть» и дано птице потому, что, идя на охоту, его забирали в кулак и прямо как камень бросали на добычу. Мути, по словам Мундея, дрессируют бросаться на перепелов и другую подобную дичь. По уверению этого натуралиста, он по опыту убедился, что подобная охота доставляет своеобразное удовольствие. Выдрессированный соколик помещается на ладони головой в одну сторону, хвостом в другую, причем его оперение тщательно разглаживается. Подойдя шагов на 20—30 к дичи, сокольник сильно кидает птицу вслед за улетающей дичью. Птица с величайшей храбростью, по-ястребиному стремительно несется вниз на добычу.

Некоторые натуралисты, а между ними и Жердон, сомневаются, чтобы этот сокол употреблялся для таких охот.

СЕМЕЙСТВО КАРАКАРА (Polyborinae)

К особенному семейству причисляем мы каракар. Это хищные птицы с относительно длинным клювом, который у основания прямой, на конце слегка загнут коротким крючком и не имеет зубцов. Ноги высокие, с узкими плюснами и слабыми, не очень длинными пальцами, вооруженными мало загнутыми, но острыми на конце когтями; крылья короткие, хвост широкий и длинный, оперение жесткое. Уздечка, в редких случаях горло и передняя часть лба голые, а на задней части головы перья заострены.

Каракар можно узнать издали по полету: их крылья кажутся четырехугольными потому, что раздвинутые маховые перья ка-

жуются одинаковой длины. Полет их мог бы быть очень быстрым, но большей частью птица летит медленно и низко над землей. Ходят они без труда, важно и медленными шагами. Один вид каракар так освоился с землей, что для ночлега не выбирает деревья, а только обломки скал.

Одним из видов каракары является **химахина** (*Milvago chimachina*). Эту птицу отличают характерные признаки. Длинный слабый клюв оканчивается коротким крючком и не имеет зубцов на верхней челюсти. Восковица образует широкую выемку перед круглыми ноздрями, окруженными высокими краями. Стройные ноги средней длины, плюсны почти совсем голые; довольно длинные пальцы вооружены крепкими, круто загнутыми когтями. Крылья, в которых четвертое маховое перо самое длинное, заострены; довольно длинный хвост несколько закруглен; на горле оперение очень редкое. Длина достигает 38 см, у самки 40 см, размах крыльев 81—83, длина крыла 25—26, длина хвоста 16—17 см.

Химахина распространен на большей части Южной Америки. В Бразилии он водится везде во множестве, преимущественно в степях, а именно в высохших болотах; на островах Чили живет везде и встречается в огромном количестве, а на берегах Патагонии и Огненной Земли составляет еще довольно обыкновенное явление. Любимым его местопребыванием служат открытые, ровные местности, особенно выгоны, где пасется скот, на островах его можно видеть на каждой крыше, за каждым плугом. На берегах моря встречается везде, на горах только до известной высоты. Ходит довольно уверенно, летает же не очень быстро, так как парение прерывается довольно частыми ударами крыльев. Химахина перелетает с одного места на другое чаще попарно, иногда в одиночку, но никогда не собирается в стаи или общества.

По словам Дарвина, химахина пожирает все, даже хлеб, выброшенный с сором из дому, или сырой картофель, который он ворует не только около домов, но выкапывает и в поле, вскоре после того, как его посадят. Химахина последним из хищников покидает скелет трупа; его часто можно видеть за ребрами скелета коровы или лошади, как птицу в клетке. Черви и личинки насекомых составляют иногда лакомое блюдо для химахина; кроме того, он часто садится на спины домашних животных, чтобы освободить их от вшей и других насекомых или их личинок. В болотах отыскивает улиток и пресмыкающихся, на морском берегу клюет в песке разных морских животных, которых прилив выбрасывает на берег. По-видимому, он совсем не гоняется за

птицами и млекопитающими. В желудке этих птиц натуралисты находили только белых личинок и червей, улиток и рыб, но никогда не видали следов съеденных ими птиц. Химахина не несет своей воровскою наглостью, но еще несноснее высоким, звонким, часто повторяющимся свистом, который буквально оглушает слушателя.

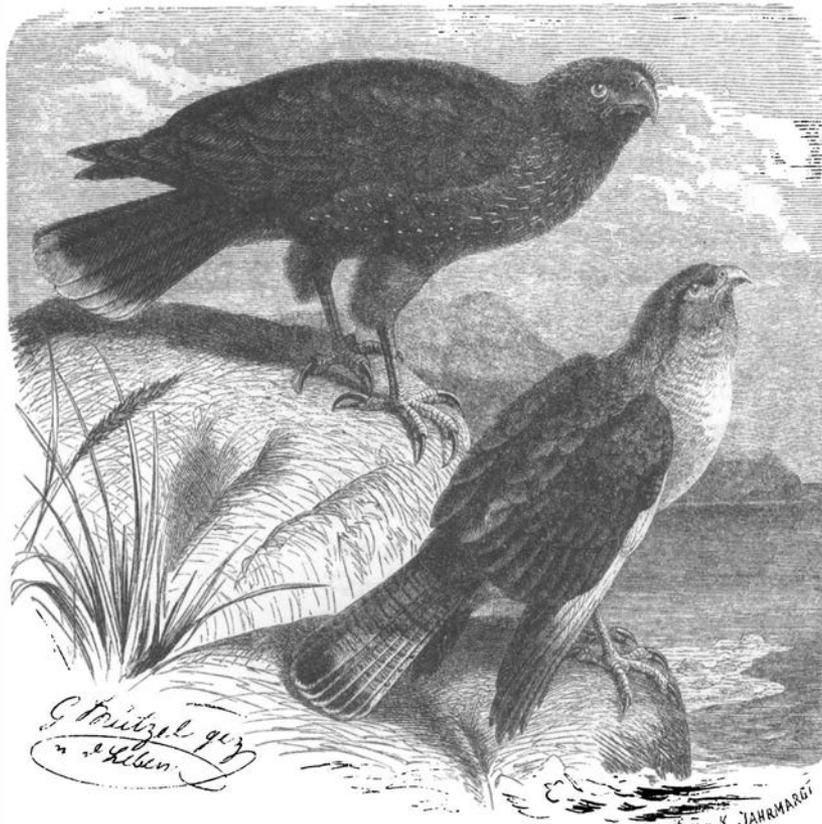
В сентябре или октябре химахина удаляется от человеческих жилищ, чтобы на подходящем дереве из хвороста и корней построить большое, но низкое и плоское гнездо. Кладка состоит,

по мнению д'Орбиньи, из 5—6 кругловатых яиц, покрытых по красноватому или светло-серому фону красными или темно-бурыми пятнами и крапинками. Эти крапинки у толстого конца яйца гуще, чем у тонкого, и расположены весьма неправильно. В период высиживания химахина общительнее и терпимее, чем в другое время и выказывает большую нежность к своим птенцам, но как только птенцы становятся самостоятельными, вся суровость нрава снова возвращается к родителям.

Химанго (*Milvago chimango*). Эти хищные птицы, хотя в некоторых местностях живут вместе с химахинами, но вообще принадлежат к птицам более юж-

ной оконечности материка. Особенно часто встречаются на Фолклендских островах, которые, по-видимому, составляют центральный пункт его области распространения. По величине они подходят к нашим орлам-крикунам. Оперение старых птиц густого черного цвета, только перья спины и груди покрыты беловатыми долевыми пятнами.

О нравах и образе жизни химанго сообщают нам Дарвин и Аббот. «Эти хищные птицы, — говорит Дарвин, — во многом сходны с другими каракарами. Они питаются мясом убитых жи-

2

1

1 — Химахина
(*Milvago chimachina*)

2 — Химанго
(*Milvago chimango*)

вотных и рыб, на некоторых же островах одно море доставляет им пищу. Они совсем не робки, скорее в высшей степени бесстрашны, и отыскивают себе пищу в отбросах, около самых жилищ человека. Когда общество охотников убьет зверя, то химанго собираются в большом количестве вокруг тупа, терпеливо ожидая, не перепадет ли что-нибудь на их долю. Но они также охотно нападают и на раненых животных: так, например, один раненый баклан, убежавший от них к берегу моря, был мгновенно схвачен и убит несколькими химанго, по крайней мере, его смерть была ускорена ударами клюва этих хищников. Офицеры одного военного судна, зимовавшего на Фолклендских островах, рассказывают много примеров необыкновенной хищности и бесстрашия этих птиц. Так, они напали на собаку, лежавшую у ног своего господина, а на охоте стрелкам стоило немало труда спасать от химанго убитых ими диких гусей, которых эти хищники хватали прямо на их глазах. Говорят, что целое общество этих хищных птиц сидит часто перед отверстием кроличьей норы и, когда выйдет животное, набрасываются на него все вместе. Пока корабль находился в гавани, эти птицы постоянно летали вокруг борта, так что надо было ставить усиленный караул, чтобы не дать им срывать кожу со снастей или воровать мясо и дичь с кормы корабля». Аббот заметил, что они не щадят даже раненых птиц своего собственного вида, а яростно набрасываются на них, убивают и пожирают. «Они чрезвычайно живы и любопытны и хватают почти все, что лежит на земле: большую черную лакированную шляпу затащили они раз на целую английскую милю расстояния; точно так же унесены были два тяжелых шара, которые употребляются для поимки скота. У Узборна во время съемки плана береговой линии они утащили маленький компас вместе с футляром, в котором он лежал, и так далеко унесли, что его никак не могли отыскать; кроме того, птицы эти так задорны и страстны, что иногда со злостью вырывают клювом траву». Несмотря на то, они очень трусливы при встрече с более мужественным животным. По земле они бегают с удивительной скоростью, почти так же ловко, как фазаны; полет их, напротив того, тяжел и неуклюж, так что они скорее бегают, чем летают.

Каракара (*Polyborus plancus*). Отличается стройным телом, большим, вытянутым, но высоким, у корня прямым клювом со слабым крючком на конце, высокими стройными ногами, довольно короткие пальцы которых снабжены острыми, но едва загнутыми когтями, длинными, сильными крыльями, в сложенном состоянии почти достигающими конца хвоста; на них третье маховое

Семейство каракара

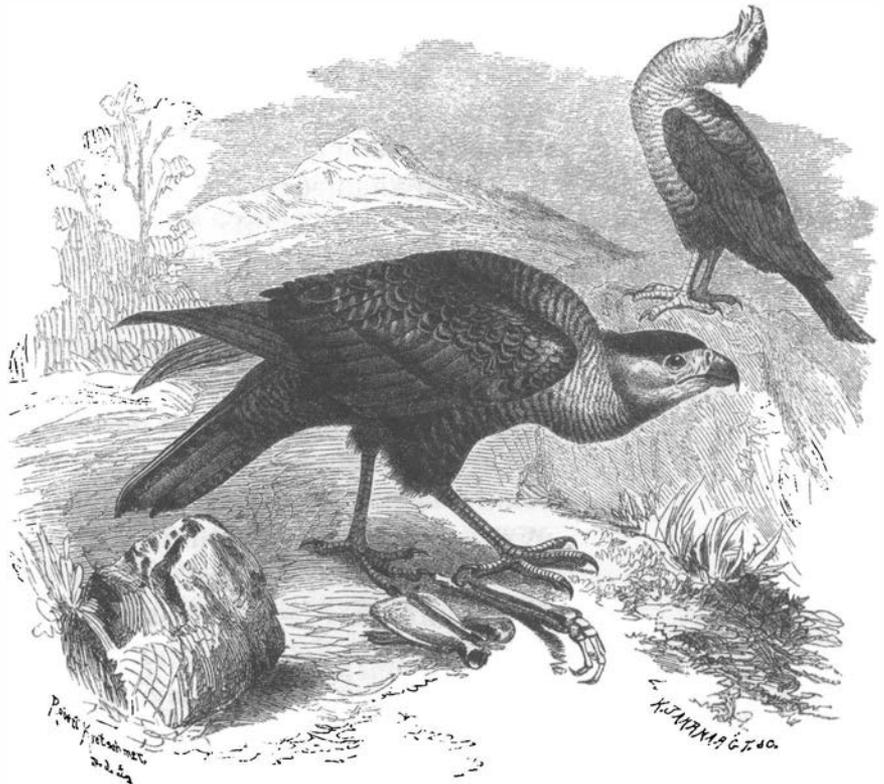

перо самое длинное; длинным, на конце обрубленным хвостом, жестким тусклым оперением, которое на голове, шее и груди состоит из узких, а на спине из широких, закругленных перьев, а на уздечке превращается в щетинки. По измерению принца фон Вид, каракара достигает 70 см длины; размах крыльев равняется 125 см, длина крыла 38, длина хвоста 20 см. Перья верхней и задней части головы, которые иногда приподнимаются в виде хохла — темно-буро-черные; перья спины черно-бурые с белыми поперечными полосками; крыло темно-бурое. Самка немного больше самца, но вообще отличается от него только немного более бледной окраской.

Азара, принц фон Вид, Дарвин, д'Орбиньи, Шомбургк, Чуди, Бок, Овен, Герман и другие натуралисты доставили нам очень подробные сведения об образе жизни, нравах и местожительстве каракара. Эта хищная птица живет нередко парами в равнинах Южной Америки, преимущественно в степях и редких лесах. В первобытных лесах и в горах они никогда не встречаются, но особенно многочисленны в местах болотистых. «Часто можно видеть, — говорит принц фон Вид, — как эти красивые хищные птицы прохаживаются по пастбищам или, сильно ударяя крыльями, почти над самой землей торопливо перелетают с одного куста на другой. Но еще красивее эти пестрые, гордые птицы на земле. Они ходят, выпрямившись, и ловко шагают, так как их длинные ноги, довольно короткие пальцы и не очень загнутые когти очень удобны для хождения». Хохол их придает им, по мнению Бока, величественный вид, а дерзость вполне соответствует тому мнению, которое составляешь себе о них с первого взгляда.

Пища их состоит из всяких животных веществ. В степях они гоняются, подобно нашему луню, за мышами, маленькими птицами, пресмыкающимися, улитками и насекомыми, на морском берегу питаются тем, что выбрасывается приливом на берег. Принц фон Вид находил в желудке каракара остатки насекомых и преимущественно кузнечиков, которых очень много в бразильских лугах; Бок наблюдал часто, как они в сообществе свиней, разрывавших землю, поедали личинок и червей; Азара видел, как они преследовали американского страуса, ягнят и молодых оленей. «Если стада, — сообщает он, — не охраняются хорошей собакой, то легко может случиться, что каракара нападет на новорожденных ягнят и съест их живьем, вырвав предварительно их внутренности из живота. Если каракара не надеется совладать со своей добычей, то он призывает своих товарищей и становится тогда опасным хищником». У всякой падали он постоянный гость. «Ког-

да в долине околет какое-нибудь животное, — говорит Дарвин, — то каракара является на пир вторым и чисто обглаживает кости. По дорогам в пустынях Патагонии можно часто видеть большое число этих птиц, пожирающих трупы животных, умерших от голода и жажды». Поселяне сильно ненавидят каракара за то, что он с величайшей наглостью похищает куски мяса, вывешенные для сушки; но для разнообразия он поедает охотно и цыплят или других слабых, а иногда и более сильных домашних животных. По словам Дарвина, он таскает и яйца. Часто можно видеть, как каракара, стоя на спине лошади или мула, ищет у них паразитов или сдирает клювом струпья с ран бедного животного, которое, опустив уши и изогнув спину, стоит спокойно, так как не имеет возможности освободиться от назойливой птицы. Едва ли подлежит сомнению, что каракара при первой возможности без церемонии насыщается и у человеческого трупа; об этом можно судить уже по поведению птицы, когда ляжешь отдохнуть где-нибудь в пустыне. «Пробудившись, — говорит Дарвин, — вы замечаете на каждом соседнем холме по одной или по несколько этих птиц, которые терпеливо сторожат вас своими недружелюбными взорами». Охотники, выезжающие с лошадьми и собаками, днем всегда сопровождаются несколькими каракара, которые часто утаскивают у них из-под носа подстреленную дичь. Они даже гоняются за другими хищниками в надежде отнять у них только что пойманную добычу. Так, например, они преследуют больших аистов, только что проглотивших кусок мяса, и мучают их до тех пор, пока несчастные птицы не отрыгнут добычу, которой тотчас же завладевают каракара. С другой стороны, их тоже дразнят и сердят всевозможные птицы. Даже их ближай-

Каракара
(*Polyborus plancus*)

Семейство каракара

шие сородичи часто ссорятся с ними. «Когда каракара, — говорит Дарвин, — спокойно сидит на ветке или на земле, химанго часто принимается кружиться около него, то поднимаясь, то опускаясь, и норовит всякий раз, как приблизится к своему родичу, нанести ему удар клювом, который, со своей стороны, каракара старается всеми силами отворотить».

С раннего утра до поздней ночи каракара постоянно деятелен и в непрерывном движении. К вечеру он соединяется на известных местах с другими птицами своего вида, прежде всего со своим верным товарищем, черным коршуном. Причем выбирает для ночлега преимущественно нижние ветки одиноко стоящих старых деревьев в степи. К таким деревьям он прилетает за 5—6 английских миль. За неимением их устраивается и на низких кустах, садится на удобные ему скалы или на постройки термитов.

Спарившиеся каракара живут в течение целого года в самом тесном союзе. Их можно узнать даже среди целой стаи, так как они постоянно держатся вместе. Время высиживания различно, смотря по местности, в которой птица живет. В Парагвае каракара вьет гнездо осенью, в средней Америке — весной. Гнездо представляет большую плоскую постройку из хвоста, углубление которой выложено тонкими кореньями, травой и мхом. Его находят как на высоких, так и на низких деревьях. Кладка состоит из 3—4 яиц, которые имеют форму вытянутой груши; они достигают 45 мм длины и в самом толстом месте 35 мм ширины, различны по цвету и рисунку, но преобладающий цвет — желтоватый с бурыми и кроваво-красными пятнами. Птенцы при появлении из яйца покрыты белым пушком; родители воспитывают их очень заботливо и, пока они нуждаются в их помощи, поддерживают во всех отношениях; но потом скоро гонят их от себя или, по крайней мере, относятся к ним равнодушно.

ОТРЯД КУРООБРАЗНЫЕ (Galliformes)

Отряд
курообразные

Большая часть курообразных имеют плотное телосложение с короткими крыльями, сильными ногами и обильным оперением. Тело их плотное, короткое, с высокой грудью, шея короткая, самое большее средней длины; голова мала, клюв, представляющий многочисленные различия, обыкновенно короток и едва равен половине длины головы, но иногда и очень длинен, почти достигает длины головы. Ноги, самый важный орган движения кур, всегда очень сильные и по большей части средней вышины; лапы длиннопалые; когти короткие. Голень толста и мясиста, благодаря сильным мускулам, которые прикрепляются здесь к костям; плюсна толстая; лапы более или менее развиты. Обыкновенно четыре пальца хорошо развиты, но иногда задний палец недоразвит, так, что остается лишь коготь, который только изредка вполне исчезает. У большинства куриных, живущих на земле, задний палец, прикрепленный выше остальных, мал; у древесных кур он, напротив, довольно велик; у одной группы пальцы развиты в поразительной степени. Крылья обыкновенно короткие и в таком случае сильные и выпуклые, но в виде исключения они бывают и очень длинными. Заслуживает внимания необыкновенное развитие перьев гузки или кроющих перьев хвоста, которые служат главным украшением некоторых кур, а также у некоторых видов замечено строение и развитие малых маховых перьев. Оперение покрывает тело и шею очень обильно, у двух групп также и ноги до пальцев, но зато часто оставляет непокрытыми большие или меньшие места на шее и зобе. В таком случае кожа образует здесь наросты, которые так же сильно развиты, как на других местах перья; образуются вздутия в виде бородавок, лопастей, гребней, бородак и других придатков.

По великолепию и красоте цветов куры вообще едва ли уступают представителям других отрядов, и многие из них могут соперничать с самыми блестящими представителями того же класса. Различие в оперении самца и самки ни у каких птиц не проявляется в большей степени, чем у кур. По крайней мере, самцы у многих отличаются от самок, которые более скромно оперены, таким поразительным образом, что трудно признать в них птиц одной пары.

Курообразные, которых известно около 400 видов, как уже указано, космополиты, но Азия наиболее богата ими. Каждая область служит более или менее исключительным местом жительства известных семейств. Любимым местом пребывания куриных можно считать лес, но они не исключительно живут в нем, так как населяют и бедные растениями равнины, покрытые лишь скудным кустарником и травами горные склоны Альп ниже снеговой линии и соответствующие им по климату тундры. Представители этого отряда встречаются почти на всем земном шаре; где одни виды не могут поддержать свою жизнь, там другие находят свое ежедневное пропитание. Как могут они добыть пропитание в тех местах, где солнечный зной или холод ночи, длящийся месяцы, приносят на землю бескормицу и нужду, мы не можем понять, хотя и знаем, что им годится собственно все съедобное. Куриные главным образом питаются растительными веществами, но в то же время не пренебрегают и животными; кроме того, они довольствуются веществами, которыми питаются разве только гусеницы, а может быть и некоторые жвачные.

Курообразных нельзя назвать особенно богато одаренными природой. Способности их незначительны. Лишь самая меньшая их часть может соперничать с другими птицами в летании, большая часть плохо лазает, так как не может свободно двигаться, и все без исключения боятся воды. Царство их — ровная земля. Зато они отличные бегуны; сильные и относительно высокие ноги позволяют им бегать не только продолжительно, но и очень быстро. Если одна сила ног оказывается недостаточной, то они прибегают к помощи крыльев, больше затем, чтобы поддерживать тело в равновесии, чем для того, чтобы двигать его вперед. Лететь курица решается обыкновенно лишь тогда, когда это кажется ей необходимым, если она не надеется достигнуть цели достаточно быстро или достаточно верно. Полет большинства видов требует многочисленных, быстрых ударов короткими, круглыми крыльями, не дает движущим ими мускулам промежутков для отдыха и потому очень скоро утомляет птиц. Но и в этом отношении есть исключения. Голос кур всегда своеобразен. Немногие виды могут быть названы молчаливыми, большая часть кричит охотно и много. Но приятных звуков приходится слышать мало. Нежный призывный голос наседки к своим цыплятам еще может нравиться, но любовный крик петуха едва ли кому-нибудь приятен, хотя иные и называют этот крик «пением», но о настоящем пении здесь не может быть и речи. Охотники, конечно, не обращают внимания на мелодичность пения; в их ушах голос некоторых самцов звучит приятнее, чем пение соловья.

Относительно развития высших способностей можно дать также не очень благоприятный отзыв. Зрение и слух, по-видимому, остры; вкус и обоняние нельзя считать недоразвитыми; относительно осязания мы должны воздержаться от решения. Нельзя

отрицать у них известной степени понятливости; но при более внимательном наблюдении скоро замечаешь, что ума их хватает не далеко. Курообразные хотя и имеют хорошую память, но не находчивы. По отношению к опасным животным или людям они ведут себя так же, как и по отношению к неопасным. Пустельга нагоняет на них такой же ужас, как и орел; пахарь причиняет такой же страх, как охотник. Продолжительное преследование делает их лишь более пугливыми, но не более осторожными, более недоверчивыми, но не более догадливыми. Если же в дело замешивается страсть, то они становятся безрассудными. В высокой степени страстными оказываются все виды, даже те, которых мы считаем самыми кроткими и миролюбивыми. Половое возбуждение у них самое сильное, какое только можно вообще наблюдать у птиц; оно изумительно и кажется даже невероятным. Стремление к спариванию у многих переходит в настоящее бешенство, совершенно изменяет их характер, подавляет, по крайней мере, на время, все другие потребности и чувства, делает их в буквальном смысле безумными. Петух в возбужденном состоянии признает лишь одну потребность: владеть одному несколькими и даже многими курами. Горе тогда всякому сопернику! По отношению к нему нет пощады; чтобы повредить ему употребляются все средства. Никакая другая птица не борется с соперником с более упорным бешенством, немногие бьются с такой же, никогда не слабеющей выносливостью. Всякое оружие пускается в дело; всякое средство кажется пригодным. К битве побуждают красота и голос, сила, ловкость и всякие другие дарования противника; бьются с ожесточением, которому нет равного, вовсе не обращая внимания на посторонние обстоятельства, пренебрегая полученными ранами, забывая только что избегнутую опасность; бьются в буквальном смысле не на жизнь, а на смерть. В сердцах обоих бойцов царствует одно лишь чувство: угроза телу и жизни соперника, его чести и самоуверенности, захватить награду любви.

Самец не заботится о судьбе своего потомства в том случае, если он бросается в глаза своей величиной и красотой оперения; напротив, если он по цвету похож на окружающую среду, и мало отличается от самки, то он принимает большее или меньшее участие в деле воспитания потомства. В первом случае самец предоставляет курице одной высиживать яйца и водить птенцов; он присоединяется к семейству лишь тогда, когда счастливо окончено скучное дело высиживания; тогда он служит сторожем и вожаком всего выводка. Во втором случае самец, начиная с того времени, как положено первое яйцо, охраняет безопасность матери и потомства и с отеческой верностью подвергает себя видимым опасностям в надежде спасти их.

Значительное большинство курообразных высиживает на земле. Гнезда их могут быть различными, но никогда не устраи-

Отряд курообразные

ваются искусно. Кладка обыкновенно многочисленна. Яйца зарисованы, но все же однообразны.

Молодые вылупливаются из яиц в виде подвижных и относительно развитых существ. Птенцы с первого дня жизни подбирают пищу, которую указывает им мать, слушаются ее зова и, если они устали или ищут защиты от дурной погоды, то мать прикрывает их собою. Рост их идет необыкновенно быстро. Большинство видов уже раньше конца первого года получают оперение взрослой птицы. Другим видам нужен промежуток времени в два и даже три года для того, чтобы их можно было считать окончательно оперившимися.

Куриные имеют так много врагов, что только их необыкновенно сильное размножение может поддерживать равновесие между истреблением и замещением. Все хищные животные, большие и малые, ревностно преследуют кур, а человек присоединяется в качестве злейшего врага к естественным их преследователям. Курообразные везде служат предметом охоты и притом в большей степени, чем все остальные птицы вместе взятые. Но человек скоро заметил и то, что этими важными животными можно пользоваться и совершенно другим способом. Уже с древнейших времен человек старался привязать к себе их, по крайней мере, некоторые виды из лесов южной Азии распространил по всей земле и приучил к самым различным климатам, к самым различным условиям. Вероятно, что из всех видов он выбрал самые пригодные; но не подлежит никакому сомнению и то, что человек подчинит своей власти многие виды, которые в настоящее время живут на воле, и сделает из них полезных домашних животных.

СЕМЕЙСТВО КРАКСЫ (GRACIDAE)

У большой группы краксов клюв высокий, на верхнем крае сильно изогнут, по сторонам сжат, лишь в исключительных случаях на спинке образует острое ребро. У основания клюв покрыт восковицей и украшен наростами, которые во время спаривания еще сильнее разбухают. У одного вида они переходят в твердый очень большой грушевидный желвак, у другого вида заменяются стоячим рогом, расположенным более к середине головы. Ноги сильные, умеренной высоты и с довольно длинными пальцами, крылья короткие, седьмое и восьмое маховые перья перья в них самые длинные. Хвост довольно длинен и немного закруглен. Оперение на темени и затылке удлиняется большей частью в гребнеобразный хохолок, который состоит из узких жестких перьев, сначала загнутых слабо назад, а на концах снова вперед.

Хохлатый гокко (*Crax alector*) из этого семейства имеет желтый мясистый нарост у основания клюва; все оперение блестящего голубовато-черного цвета, но брюшко, гузка и окончания

хвостовых перьев белые. Глаза карие, клюв у основания бледного воскового цвета, на остальных частях рогового цвета. Ноги мясного красного цвета. Длина около 95 см, длина крыльев 42, длина хвоста 32 см. У самки только шея, грудь и спина черные, живот ржаво-красный, крылья и нижняя часть бедра ржаво-красные с желтыми волнистыми полосками*.

Гокко населяют Южную Америку, включая и юг Мексики; распространяются по внутренней Бразилии до Парагвая и Чили, встречаются там во всех лесах.

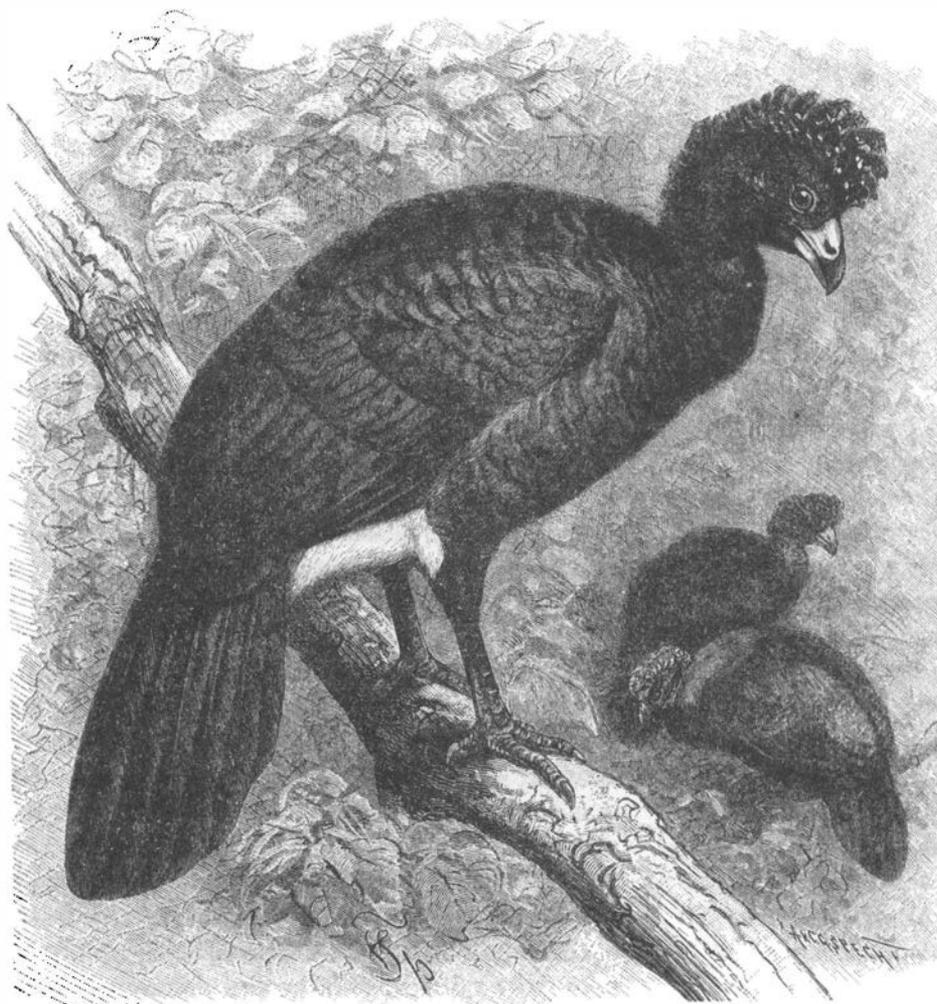
Гокко чрезвычайно привязаны к деревьям и покидают лес лишь на короткое время. Их, правда, часто встречаешь и на земле, по которой они, если почва ровная, бегают с чрезвычайной быстротой; обыкновенно же видишь на ветвях деревьев, во время на-

сживания парами, а то по три, четыре штуки и более. По ветвям двигаются они медленно, хотя относительно ловко. Полет низок и непродолжителен. Голоса этих птиц очень разнообразны. Одни ворчат, другие свистят, третьи бормочут, у иных слышатся звуки, которые можно передать слогами «ракка-ракка». Голоса слышатся чаще всего в ранние часы утра, вскоре после пробуждения от сна, и после того, как птицы выйдут из середины леса на прогалины у берегов реки. Индейцы рассказывали Шомбургку, что один вид всегда начинает кричать, когда созвездие Южного

Креста достигает наибольшей высоты, и Шомбургк нашел это поразительное сообщение верным. «4-го апреля, начало Креста достигло меридиана в 11 часов 25 минут, и в это самое мгновение

Семейство краксы

* Описанный здесь вид по окраске некоторых частей тела и окраске самок более всего напоминает гололицего кракса (*Crax fasciolata*).

Хохлатый гокко
(*Crax allector*)

**Наряду с растительной пищей, хохлатый гокко и другие виды краксов используют и животные корма — червей, насекомых и других беспозвоночных.*

*** Гнезда гокко имеют вид плоского настила из ветвей и устраиваются на деревьях, обычно высоко над землей. В кладке 2 белых яйца, у некоторых видов — 3. Насиживает главным образом самка около месяца. Птенцы вылупляются покрытые пухом, очень быстро развиваются, и вскоре покидают гнездо, сопровождаемые родителями. Птенцы выкармливаются различными беспозвоночными.*

в ночной тишине раздался глухой голос гокко. Через четверть часа глубокая тишина лежала на наших окрестностях. Так как мы в продолжение этого времени никогда не слышали голоса этой птицы, то сообщение оказалось в этом случае настолько верным и поразительным, что все сомнение относительно замечательного явления у нас исчезло».

Пища гокко, живущего на свободе, состоит преимущественно или даже исключительно из плодов*. Шомбургк подтверждает это сообщение и прибавляет, что иногда их мясо, вследствие употребления в пищу известного растения, принимает резкий запах лука, в то же время и вкус его изменяется и делается более пикантным. «Когда индейцы, — рассказывает он, — были заняты чисткой места для того, чтобы повесить гамак, и срезали лесными ножами попадающийся на пути кустарник и вьющиеся растения, мое обоняние поразил этот запах с такой силой, будто работали на луковом поле. При исследовании я нашел, что запах принадлежал стволу и листьям одного вьющегося растения. Без сомнения, в то время, когда мясо гокко принимает описанный луковый запах и вкус, птицы едят плоды, семена и цветы этого вьющегося растения». Бэтс очень определенно указывает, что гокко, живущие в лесах по берегам Амазонки, никогда не спускаются на землю с вершин высоких деревьев, причем они не только проводят большую часть жизни на макушках деревьев, но и там находят себе корм. Это подтверждает и опыт, приобретенный нами в зоологических садах. По способу отыскивания пищи гокко отличаются от всех куриных; они не разгребают почвы, а только подбирают корм с земли или срывают его со стебельков, как голуби.

Относительно размножения, к сожалению, нам известно до сих пор очень немного, однако все-таки мы знаем, что гокко высиживают птенцов не на земле, а на деревьях**.

Так как мясо гокко по нежности похоже на мясо голубя, а по вкусу на мясо индейского петуха, то в Южной Америке на них ревностно охотятся, особенно во время спаривания, когда птицы обнаруживают свое присутствие звучащим на далекое пространство голосом. В глубине леса, далеко от жилищ, они едва ли вызывают страх перед людьми. Их можно было без труда захватить и даже убить нескольких одного за другим, при этом остальные птицы даже не удалялись. Остающиеся в живых, конечно, со страхом смотрят на убитых товарищей, но перелетают лишь с одного дерева на другое. Около человеческих жилищ гокко бывают очень осторожны и боязливы; каждый шорох пугает их, а появление человека обращает в самое поспешное бегство. Кроме мяса убитых птиц индейцы пользуются их толстыми маховыми и хвостовыми перьями, которые употребляют на веера, собирают и такие перья, которые находят в лесах. Более мелкие перья также употребляются для всевозможного рода украшений.

Гокко, которых находишь почти во всех индейских поселениях, выводятся, по словам Марциуса, из яиц, взятых из лесу и высиженных курами, так как размножение пойманных гокко удается лишь при особенно благоприятных условиях, хотя приручаются они очень легко. Индейцы сообщили Шомбургку, что гокко никогда не размножались в неволе. Бэтс, кажется, считает то же самое, так как замечает, что иначе индейцы давно бы одомашнили этих великолепных птиц.

Другая группа краксов — пенелопы, отличаются от гокко вытянутым телом, стройным низким клювом, у основания покрытым восковицей. Низкие ноги относительно длинные; сильно закругленный хвост; вокруг глаз голое место; горло почти голое, редко покрытое короткими щетинами или длинными волосяными перьями; оперение на голове удлиняется в хохолок, но никогда не образует хохловидный гребешок. Цвет оперения однообразен, на верхней части преобладает тусклый металлический зеленый, бурый, а на нижней, особенно на груди, многие перья по краям более светлые.

Рыжебокая пенелопа (*Penelope superciliaris*) имеет вытянутое тело, стройный низкий клюв, у основания покрытый восковицей. Длина тела 62 см, крыльев 26, хвоста 27 см. Самка отличается неясными бурыми полосками и полинялыми краями перьев, молодые птицы — серо-бурой окраской, ржаво-красно-желтой глазной полосой и тонким, волнистым рисунком на груди, гузке и бедрах.

Родина пенелоп Центральная и Южная Америка до Парагвая и Чили. Пенелопы живут в лесах на высоких деревьях, в гористых местностях, иные также в высоких горах, поднимающихся до 2000 м над поверхностью моря. Обыкновенно прячутся в густых ветвях, осторожно наблюдают за всем, что вокруг них происходит, и поэтому не всегда допускают беспрепятственно наблюдать их или ловить. В зарослях они двигаются довольно проворно, между тем как летают очень посредственно, а бегают по земле не особенно хорошо. Гумбольдт рассказывает, что одна стая собралась недалеко от его ночной стоянки, чтобы напиться в ближайшей реке. Когда птицы утолили свою жажду, они попробовали забраться на крутой берег, но это было для них настолько трудно, что путешественники могли гнать их, как овец перед собой. Шомбургк, напротив, сообщает, что когда пенелопы находятся на вершинах деревьев, и там замечают преследование, то с невероятной быстротой перепархивают с сучка на сучок и спешат в густую листву маковок, чтобы спрятаться там или дальше перелететь с вершины на вершину.

Пенелопы своим криком раньше других птиц возвещают о наступлении дня; их можно довольно часто слышать и поздно вечером. Крик звучит неприятно и не может быть удачно передан. Овен рассказывает, что птицы почти оглушают путешествен-

Семейство краксы

* Кладки из 4-6 яиц, по всей вероятности, снесены двумя самками.

** В результате неумеренного преследования некоторые виды пенелоп и гокко находятся на грани вымирания: сохранились маленькие популяции чуть более чем по 100 птиц. Красноклювый (*Craux blumenbachii*) и синеклювый (*Craux alberti*) краксы, белокрылая (*Penelope albipennis*) и колумбийская (*P. Perspicax*) пенелопы внесены в Красную книгу МСОП.

ника своим криком. Одна из птиц стаи начинает кричать чиркающими звуками, другие мало-помалу пристают к ней; шум увеличивается все более до тех пор, пока, наконец, не достигнет невыносимой для человеческого уха силы, затем он снова уменьшается и, наконец, совсем прекращается, хотя и на короткое время.

Пища состоит преимущественно из древесных плодов и ягод. Принц фон-Вид находил в желудках убитых им пенелоп также остатки насекомых.

Относительно размножения существует много сообщений, но подробного мы еще ничего не знаем. Все пенелопы вьют свои гнезда в ветвях деревьев и лишь в исключительных случаях на земле. Гнездо из сухих или покрытых листьями ветвей неплотно построено. Кладка состоит из 2—3, а иногда 4—6* больших белых яиц. Насиживает самка одна или ей помогает самец, еще не определено; наблюдатели и между ними Байон, сообщают лишь, что мать водит своих птенцов, а некоторое время кормит их в гнезде.

Мясо пенелоп превосходно. В некоторых местностях вследствие этого многие виды уменьшились в числе**. Продолжительное преследование делает стаи пугливыми. Шомбургк рассказывает, что пенелопы в высшей степени осторожны, поэтому к ним можно подкрасться лишь во время еды. Если индейскому охотнику удастся близко подойти к стае, то обыкновенно он причиняет жестокие опустошения, так как может застрелить из сарбаканы до четырех птиц раньше, чем остальные заметят это и обратятся в бегство. Птица, убитая беззвучной стрелой, падает с дерева, не прерывая занятий остальных; они только следят, длинно вытянув шеи, за исчезнувшим товарищем и испуганно смотрят по сторонам, отыскивая причину. Тот же самый натуралист сообщает, что мясо старых пенелоп лишь тогда бывает удобоваримо и мягко, когда птицу убивают ядом урари, потому что этот яд делает жесткое мясо более нежным.

СЕМЕЙСТВО СОРНЫЕ КУРЫ (Megapodiidae)

Куры этого семейства — большеноги, живут в Полинезии и Австралии и отличаются способом насиживания не только от всех родичей, но и от всех птиц вообще. Они кладут необыкновенно большие яйца в гнездовой холмик, сгребенный из земли и листьев, в котором благодаря гниению растительных веществ образуется такая высокая температура, что яйцо достигает развития. Из него вылупляется птенец, вполне оперившийся и настолько самостоятельный, что способен прокормить себя без помощи матери. Птицы из семейства сорных кур среднего роста и отличаются высокими, длиннопалыми, вооруженными большими когтями и во всех отношениях развитыми ногами.

Филиппинский большеног (*Megapodius cummingi*). Тело стройное, шея средней длины, голова велика, клюв короче головы, прямой, перед концом выпуклый. Крылья широко округлены, в них третье и пятое маховые перья одинаковы и самые длинные; хвост, состоящий из десяти перьев, короток и закруглен. Плюсны очень толсты и немного больше длинного, сильного среднего пальца, который, как и все остальные, вооружен толстыми, длинными, но мало загнутыми когтями. Оперение обильное, на затылке удлиняется, округлость глаз, горла и шеи, а также и большая часть головы остаются совсем голыми.

«Здесь, на Филиппинских островах, — сообщает Пигафетта уже в 1520 году, — находят черных птиц, величиной с курицу, которые кладут вкусные яйца значительной величины. Нам сказали, что самка кладет эти яйца в песок, и что солнечная теплота достаточна для вылупления птенцов»*.

Джунглевая курица (*Megapodius freycinet*)**. Джунглевая курица почти такой же величины, как и самка фазана. Перья головы темно-красно-бурые, на спине и крыльях коричнево-бурые; верхние и нижние покровные перья хвоста темные, каштаново-бурые. Маховые хвостовые перья черновато-бурые, задняя часть шеи и вся нижняя сторона серые. Глаза светлые, красновато-бурые, клюв немного темнее, ноги яркого оранжевого цвета.

Жильберт и Мак Джиливрей познакомили нас с образом жизни этих птиц. «При прибытии в порт Эссингтон, — так сообщает Жильберт, — мое внимание привлекли многие очень большие земляные возвышения. Мне сказали, что это могилы туземцев; последние же, напротив, уверяли меня, что это большеног соорудил их для высиживания яиц. Но это показание звучало так странно, и, по-видимому, так противоречило привычкам остальных птиц, что никто из поселенцев не верил в правдивость его. К тому же сомнения увеличивались из-за величины яиц, которые туземцы принесли и выдали за яйца большенога. Я все-таки решил сделать все возможное, чтобы выяснить этот вопрос. Заручившись помощью смышленного туземца, отправился 16 ноября в бухту Крокера, малоизвестную часть порта Эссингтона, которая была населена этими птицами». Жильберт рассказывает затем, как он нашел в чаще различные кучи, исследовал их и убедился, что туземцы говорили правду.

Жильберт утверждает также, что большеног живет исключительно в самых густо сплетенных чащах на берегу моря и не углубляется далеко в лес. Он живет парами или одиноко, пищу находит на земле. Она состоит из кореньев, которые он без труда выгребает с помощью своих сильных когтей, а также из семян и насекомых, особенно из больших жуков. Голос звучит как кудахтанье домашних кур, и оканчивается криком, который напоминает зов павлина.

*Многие систематики не выделяют этот вид и считают его принадлежащим к виду *Megapodius freycinet* — джунглевая курица.

**В современной систематике большеногов этого вида, обитающих в Австралии и на Новой Гвинее, выделяют в особый вид — *Megapodius reiwardt*.

Гнездовые холмы очень разнообразны по виду и величине, а также по составным частям. Большая часть расположена близ воды и состоит из песка и раковин. Некоторые заключают в себе ил и перегнившее дерево. Гнездовые холмы джунглевых кур Новой Гвинеи состоят, по Гааке, исключительно из листвы. Жильберт нашел один холм, который был высотой почти в 5 м, а в окружности около 27 м; окружность другого равнялась около 50 м. Вполне вероятно, что самые значительные гнездовые холмы представляют произведение нескольких поколений; ими ежегодно пользуются и их увеличивают. Собственно гнездовое углубление начинается или на наружном крае вершины и спускается косо вниз к середине, или на самой вершине и идет тогда по наружному склону. Яйца лежат на 2 м вглубь от вершины и на 60—90 см от боков. Яйца стоят всегда отвесно, толстым концом наверх. По величине они различны, по виду же походят друг на друга. Длина равняется 9 см, а ширина 6 см. Окраска изменяется, смотря по свойству веществ, которые их окружают: те, которые лежат в черной земле, бывают темного, красновато-бурого цвета, а положенные в песчаный холм — грязно-желтого. Окрашена лишь кожа, тонко покрывающая яйцо, если ее сорвать, то находишь, что настоящая скорлупа имеет белый цвет. По уверению туземцев, яйца кладутся ночью и с промежутками в несколько дней.

Появление птенцов из яйца не наблюдали ни Жильберт, ни Мак Джиливрей; но первый нашел в яме, глубиной в 60 см, молодую птичку, которая лежала на сухих листьях и была не старше нескольких дней.

Я не знаю случая, чтобы взрослых большеногов держали в неволе и наблюдали за ними продолжительное время. А также не слышал и не читал, чтобы хоть одна из этих замечательных птиц прибыла живой в Европу.

Малео (*Macrocephalon maleo*). Этот вид особенно отличается твердым кругловатым горбом, который начинается над ноздрями, покрывает весь лоб и выступает даже над затылком. Длина тела 60 см, крыльев 29, длина хвоста 21 см.

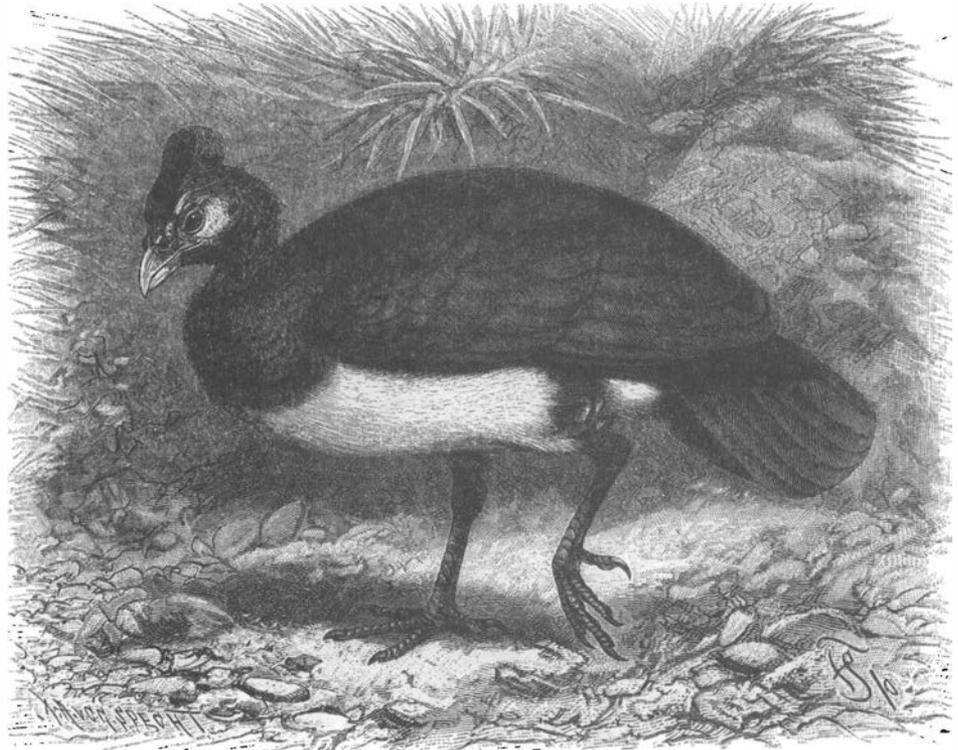
Жизнь этой поразительной птицы на свободе, насколько мне известно, наблюдали лишь Уэллс и Розенберг. Местопребывание малео очень ограничено и простирается лишь по береговой полосе и некоторым островкам. Между тем, в одних местах он встречается в большом количестве, в других его совершенно напрасно искать. Главное требование для пребывания птицы заключается, по-видимому, в том, чтобы земля была покрыта низким кустарником, так как птица преимущественно живет на земле и ищет там себе пищу, которая состоит из всевозможных маленьких животных и плодов: в желудках убитых птиц находили земляных улиток, насекомых и плоды, смешанные с илом и камешками. «В августе и сентябре, когда здесь меньше всего или совсем нет дождей, — сообщает Уэллс, — малео идут к морскому берегу,

чтобы положить яйца. С этим намерением они выбирают известные бухты, которые как можно дальше отстоят от людских жилищ. Если эти места оказываются удобными, то служат гнездованием для всех птиц вокруг. Малео встречаются там дюжинами и сотнями». Я посетил самую известную из этих бухт, но, к сожалению, в слишком позднее время года, вследствие чего видел их не в таком большом количестве; несмотря на это, я нашел возможность сделать и собрать наблюдения.

«Это место состоит из крутой береговой полосы, длиной приблизительно в английскую милю, и на очень глубокое пространство покрыто рыхлым вулканическим песком и гравием, по которому очень трудно ходить. По обеим сторонам оно ограничено маленькими речками, а сзади лесом.

Сразу за чертой прилива видны углубления до полутора метра в поперечнике. В них или вокруг них, на глубине от 30–60 см, находят яйца наших малео, обыкновенно лишь по одному или по два яйца, иногда же по пять или семь в одном углублении и всегда на расстоянии от 15–20 см друг от друга. Птицы парами прилетают к морскому берегу, выбирают себе или новое место, или старое углубление и попеременно сгребают песок до тех пор, пока не получают достаточное его количество. Затем самка кладет яйцо, покрывает его песком, и пара возвращается обратно в лес. Вполне свежие яйца составляют чрезвычайно вкусное блюдо; вследствие этого туземцы приходят и отыскивают их. После кладки родители более не заботятся о яйцах, и птенцы, вылупившись из яйца, выкарабкиваются без посторонней помощи из песка и бегут в лес».

Розенберг особенно часто находил этих птиц на маленьком острове реки Бонэ, который считается собственностью местного раджи и особо охраняется приставленными слугами; во время насиживания птиц здесь собирают яйца. Эти в высшей степени вкусные яйца всем хорошо известны; каждый богатый лакомка

Малео
(*Macrocephalon maleo*)

охотно платит за каждое яйцо 12–15 центов. Охота за этими птицами и ловля их строго запрещены, так как невыгодно уничтожать производителей столь дорогого товара; сторож, кроме того, обязан прогонять от яиц лакомых до них ящериц варанов. От одного такого сторожа наш естествоиспытатель узнал следующее.

«Самка выгребает в земле, большей частью у корня дерева или куста, нередко и на открытом месте, яму в 60 см в поперечнике и 1,5—2 м глубины. Яма идет несколько вкось и сначала отлого, а потом круто спускается в глубину на той стороне, где птица, разгребая землю, бросает ее назад от себя. Когда птица дошла до подлежащей глубины, то она еще немного разрыхляет дно ямы и опускает яйцо на это мягкое ложе. Яйцо, по своей тяжести, погружается в вертикальном направлении и остается так стоять. Самка забрасывает яму вырытой землей и затем более не заботится ни о гнезде, ни о яйце. В двух таких ямах, раскрытых Розенбергом, термометр показывал 44,4 градуса по Цельсию, между тем, как температура воздуха была 27,8 градуса. Каждое углубление заключает в себе лишь одно яйцо, созревание которого продолжается 26–28 дней. Детеныши выходят наружу из земляного углубления вполне развитыми и с первых дней жизни сами заботятся о своей пище.

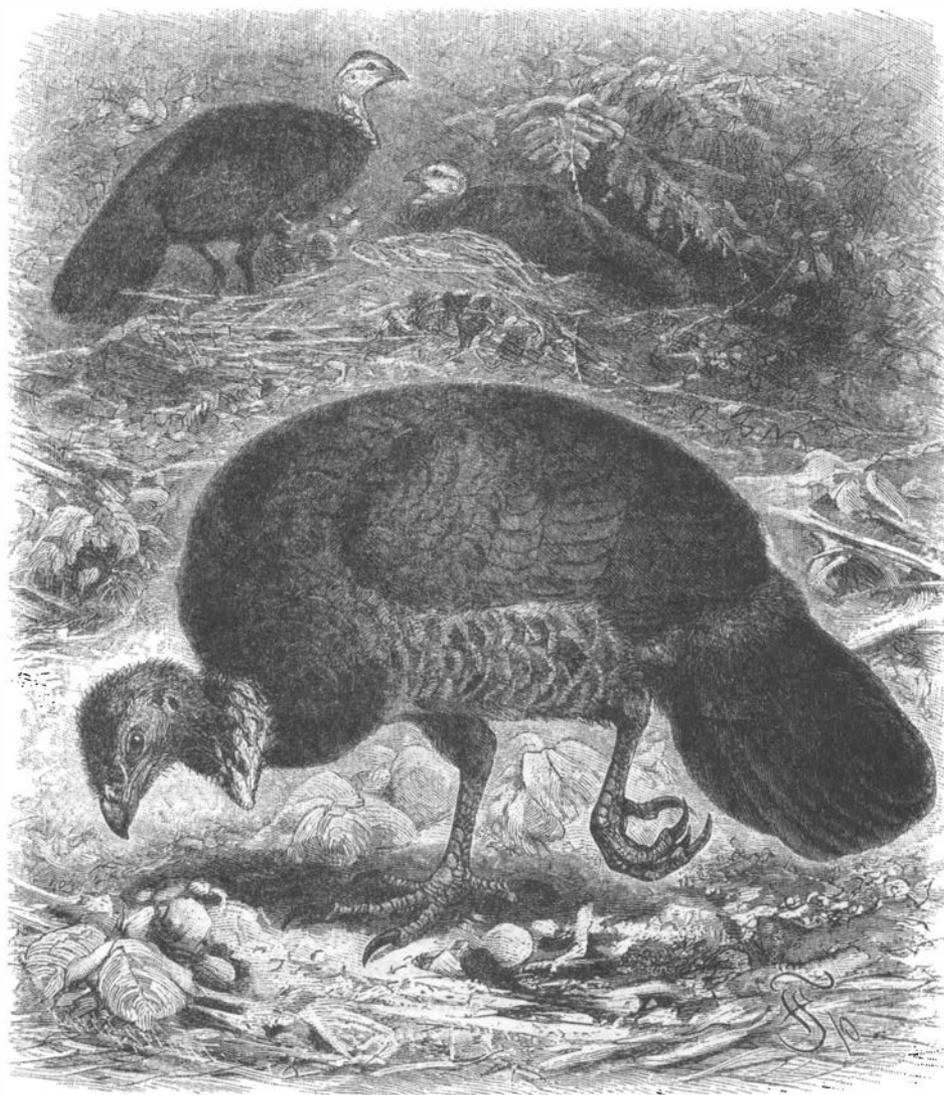
«Малео, — говорит Уэллэс, — выглядят очень красивыми, когда бегают по песку. Цвет оперения, голова со шлемом и поднятый хвост придают им своеобразный вид; тихая и обдуманная походка делает их еще более достойными внимания. Если к ним приблизиться, то они быстро убегают, если же испугать, то они летят к низким ветвям ближайшего дерева. Между полами различие едва заметно, однако у самца нарост немного больше и розово-красный цвет немного ярче, чем у самки. Но эти признаки, по-видимому, вовсе не постоянны и не настолько поразительны, чтобы тотчас отличить самца от самки».

Кустарниковый большеног (*Alectura lathami*) хорошо известен поселенцам в Австралии, которые его называют кустарниковой курицей. Эта птица отличается сильным сложением, шей средней длины, большой головой, толстым, на спинке круто загнутым клювом, толстыми ногами, относительно короткими пальцами, короткими, закругленными крыльями, средней длины хвостом и обильным оперением. Кроме того, замечателен на передней стороне шеи длинно висящий вниз кожистый нарост. Оперение на верхней стороне красивого шоколадно-бурого цвета, на нижней стороне светло-бурое. Кожа голой головы и шеи карминно-красная; спускающийся вниз нарост светло-желтый. Длина тела 80 см, крыльев 31, хвоста 25 см. Самка отличается от самца меньшим ростом и менее развитым шейным украшением.

«Замечательной чертой образа жизни кустарниковой курицы следует считать то, что она, в противоположность прочим птицам, не насиживает своих яиц. В начале весны птица нагребает

очень большую кучу сухих растений для подстилки своим яйцам и предоставляет развитие птенцов теплоте, которую производит разложение этих куч. С этой целью насланная куча сооружается за несколько недель до времени кладки, бывает широкой конусообразной формы, однако колеблется в величине так, что заключает в себе от двух до трех возов; эта же самая постройка, если можно заключить по величине и по полному разложению веществ в нижней ее части, кажется, употребляется по несколько лет подряд и только, благодаря прибавлению материалов, снова делается годной к употреблению.

Бугор образуется так: птица разгребает ногами известное количество материалов для постройки и бросает их от себя назад в одну среднюю точку. При этом курицы настолько хорошо очищают землю вокруг, что вряд ли остается где-нибудь листок или соломинка. Как только куча достигает достаточной величины и в ней разовьется надлежащая теплота, в нее кладутся яйца, причем всегда в виде круга, на самой середине, на расстоянии 25–30 см друг от друга, глубиной в длину руки, но так, что они стоят широким концом кверху. Затем они покрываются листьями, и предоставлены естественной теплоте, развивающейся в куче. Меня уверяли туземцы и достойные доверия поселенцы, что из одной кучи иногда можно вынуть до двух четвериков яиц, и я сам видел женщину, которая несла домой половину этого количества, найденную в соседней чаще. Некоторые из туземцев

*Кустарниковый
большенос
(Alectura lathami)*

** В подготовленное «гнездо» откладывают яйца несколько самок кустарниковых большеногов, они не заботятся о яйцах и птенцах, регуляцию температурного режима осуществляет самец так, как описывает Склеттер.*

уверяют, что самка постоянно находится недалеко от кучи, чтобы покрывать обнажившиеся яйца и присутствовать при появлении птенцов, между тем, как другие показывают, что самка только кладет яйца, и птенцы развиваются без посторонней помощи*. Птенцы с момента вылупления покрыты перьями и обладают достаточно развитыми крыльями, которые позволяют им взлететь на ветви деревьев, и они так могут пользоваться своими ногами, как только что вылупившаяся из куколки и высохшая бабочка может пользоваться своими крыльями».

«Самец, — говорит Склатер, — с приближением времени насиживания начинает сгребать внутри своей роци все встречающиеся растительные вещества, бросая их назад и всегда захвативши как можно больше листьев одной ногой. Так как он всегда начинает свою работу с наружного края роци и бросает всю массу внутрь, то куча все более и более увеличивается. Как только она достигнет высоты около 1,5 м, обе птицы начинают ее равнять и, когда это окончится, вырывают на середине углубление. В определенное время в него кладутся яйца, приблизительно на 40 см глубины, под вершиной в кружок. Самец следит за ходом развития, т. е. за теплотой естественной печки для насиживания. Он покрывает обыкновенно яйца и оставляет лишь одно круглое отверстие, через которое доходит вниз надлежащее количество воздуха, и чрезмерно возвышенная теплота находит выход; в жаркую же погоду он снимает два или три раза в день почти всю покрывку.

Вылупившийся цыпленок пребывает не менее 12 часов внутри холма, не делая ни малейшего усилия, чтобы вылезти, и в продолжение этого времени так же глубоко зарывается самцом, как и яйца. На второй день он выходит оттуда с вполне развитыми перьями, которые еще заключены в скоролопающихся оболочках. По-видимому, однако, он вовсе не думает употребить в дело крылья, а двигается исключительно с помощью своих сильных ног. После полудня возвращается назад к холму и снова зарывается заботливым родителем, хотя на меньшую глубину, чем раньше. На третий день он вполне способен летать. Длина яйца равняется 95 мм, толщина — 65 мм; они чисто белого цвета.

В своих родных лесах кустарниковый большеног живет обществами, обыкновенно маленькими стаями, наподобие других куриных. Такие общества пугливы и недоверчивы, пока бегают по земле, но как только садятся на деревья, тотчас выказывают чрезвычайную смелость. Во время бега через лес птицы часто издают громкий кудахтающий звук. «Вспугнутая курица, — продолжает Гульд, — благодаря ловкости, с которой она стремится сквозь перепутанный кустарник, делает напрасным всякое преследование. Если она сильно стеснена или на нее нападает сильнейший враг — динго, то она вскакивает на самую низкую ветвь ближайшего дерева, и с ветки на ветку поднимается все выше до

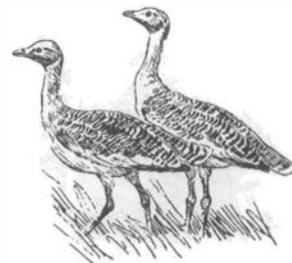
тех пор, пока не достигнет вершины, чтобы отсидеться там или перелететь на другое, соседнее дерево. Она ищет также в лесу защиты от полуденного солнца и поэтому часто делается жертвой своей смелости, так как охотнику тут легко ее подкараулить. Если птицы соединились в маленькие общества, то охотник может перестрелять их одну за другой и принести домой всю стаю. Доверчивость птиц так велика, что они будут наверно скоро истреблены, если не принять особых мер к их сохранению, о чем следует сожалеть, так как мясо их очень вкусно.

СЕМЕЙСТВО ФАЗАНОВЫЕ (PHASIANIDAE)

Одним из важных видов этого семейства следует считать **кеклика** (*Alectoris chukar*). Верхняя часть тела и грудь у него голубовато-серые с красным налетом. Белое горло окружено черной каемкой; полоска, идущая от основания клюва через лоб, и маленькие пятна на подбородке около углов нижней челюсти, также черные. Перья в паху покрыты желтоватыми буро-красными полосками, попеременно с черными, прочие перья на нижней части тела ржаво-желтые. Маховые перья черновато-бурые с беловатыми стержнями и ржаво-желтыми каемками на наружных опахалах, наружные рулевые перья ржаво-красные. Глаза красновато-карие, клюв кораллово-красный, а ноги бледно-красные. Длина тела 35 см, размах крыльев 50—55, длина крыла 16, а хвоста 10 см; самка по обыкновению несколько меньше; ее легко отличить от самца по отсутствию шпорцевой бородавки.

В XVI столетии кеклик жил на скалистых берегах у Рейна, ныне его находят только в Альпийских горах, именно в верхней Австрии, в верхней Баварии, в Тироле, и в Швейцарии. Еще чаще он встречается на южных склонах Альп и в Италии, водится в Греции и Турции, в Аравии, Персии, Туркестане, на Алтае и других внутренних и южных горах до южного Китая и Индии*. Кеклик превосходит остальных лесных куриных проворством, находчивостью, умом, храбростью, драчливым задором. Он легко приручается, бегаёт по земле необыкновенно скоро и с таким искусством, которое достойно удивления. Ему безразлично, ровное место или нет, покрыто оно камнями или поросло травой; с легкостью перебирается он через обломки камней и по отвесным стенам скал и удерживается на таких поверхностях, где, казалось бы, птице с таким тяжелым телом трудно даже двигаться. В сравнении с остальными лесными куриными полет его легкий, быстрый, скорый и поразительно беззвучный. Несмотря на это, кеклик никогда не летит подолгу зараз, а напротив, при первой возможности, торопится поскорее спуститься на землю, так как он больше доверяет силе своих ног, чем силе грудных мышц, которые у него сравнительно развиты. По собственной охоте он

Семейство фазановые

* Кеклик, латинское название которого — *Alectoris graeca*, обитает в Альпах, Аппенинах, горах Балканского полуострова. Восточнее от северо-восточной части Греции, Крита, Крыма и Малой Азии до Китая и Гималаев живет азиатский кеклик — *Alectoris chukar*. Эти виды очень сходны, внешние различия крайне незначительны. На полуостровах Индостан и Индокитай кеклики не встречаются.

никогда не взлетает на высокие деревья, точно так же избегает и лесистых местностей, которых, по-видимому, даже боится; впрочем, в случае опасности прячется в ветвях высочайших сосен. Зарудный видал эту птицу во внутренней Азии на высоких кустах можжевельника и на ильмах.

Всем охотникам известно, насколько хорошо у кекликов зрение, которое очевидно развито лучше прочих органов чувств. Душевные способности, по показаниям наблюдателей, чрезвычайно хорошо развиты. Кеклики относятся осмотрительно ко всему, что творится вокруг, отличают без труда охотника от безвредного пастуха и вообще очень хорошо узнают своих врагов, отлично умеют избегать преследований и всевозможных ловушек, словом, постоянно выказывают себя умными птицами.

Пища их состоит из различных растительных веществ и всевозможных мелких животных. На высоких горах они питаются почками рододендронов и других альпийских растений — ягодами, нежными листьями и разными семенами. Но вместе с тем, едят пауков, насекомых и их личинок. В долинах кеклики посещают поля в то время, когда хлеба еще низки и зелены, питаются там почти исключительно верхушками молодой пшеницы и других зеленеющих злаков. Зимой они довольствуются можжевеловыми ягодами, а в крайнем случае, и хвоей.

Там, где кекликов много, они, как уже сказано, поздно осенью собираются в большие стаи, которые в Индии доходят до ста штук. В начале весны стаи эти рассеиваются, и каждая пара выбирает себе местожительство, где предполагает устраивать гнездо. Они, по словам Гиртаннера, проводят ночь в скрытом месте под кустом рододендрона или под ветвями ползучих сосен. Утром выходят за пищей на открытые места, причем много бегают взад и вперед, в полдень снова прячутся в кусты или купаются в песке; тихо сидят в дремоте до самого вечера, а потом возвращаются на места отдыха, по дороге отыскивая себе корм. Самец по отношению к самке бывает очень нежен. Когда самец токует, то он, то опускает крылья, то приподымает их, распускает хвост, яростно вызывает на бой остальных самцов, геройски защищает свой участок против всякого непрошеного гостя и тогда, когда самка уже сидит на яйцах. «Если залечь, — говорит Гиртаннер, — даже на довольно большом расстоянии от гнезда, где сидит наседка, и начать подражать голосу самца, то хозяин стремительно прибегает, полный сильного волнения. Гнев так его ослепляет, что нередко он мечется возле спрятавшегося наблюдателя, который при этом может схватить его и словить почти руками. Только уверившись, что нарушитель семейного счастья прогнан, самец гордо поворачивает и возвращается восвояси». Гнездо представляет простое углубление, выкопанное под низкими, карликовыми елями, кустами, под нависшими камнями и в других защищенных местах. Оно выстлано мхом, вереском, травой и т. п. В горах гнез-

до выстилается гораздо тщательнее, чем в долинах, а в южных странах самка довольствуется просто ямкой в песке. Кладка состоит из 12–15 желтовато-белых яиц, покрытых тонкими, светло-бурыми штрихами, около 46 мм длины и 33 мм ширины. Насиживание длится, наверное, около 26 дней. Наседка сидит очень плотно, и после появления цыплят вместе с самцом ведет птенчиков на кормовые места. «Птенцы, — говорит Чуди, — точно так, как и взрослые, отлично умеют прятаться и в один миг исчезают при первом приближении к ним. Если спугнуть семью, то она рассыпается в разные стороны, почти не взлетая и лишь пугливо вскрикивая «пи-чи, пи-чи»; птицы убегают не более, как на 40 шагов, и, несмотря на близость, их невозможно найти за камнями и по кустам. Если же охотник вооружится терпением и умеет дудочкой подражать призывному голосу матки, то выводок немедленно опять собирается». Все же там, где этих птиц много, охота на них дает хорошую добычу и много удовольствия. Кроме человека кеклика преследуют лисицы, куницы, ласки, хищные птицы и вороны; иногда их убивают и камни, скатывающиеся с гор, но больше всего им вредят жестокие зимы.

Греки и швейцарцы, индийцы и персы знают, как легко приучить кеклика; единственно по этой причине в клетках так часто встречаешь именно эту птицу. Неуживчивость их и страсть к дракам была хорошо известна уже древним, так как кекликов держали в неволе главным образом для потехи зрителей, любивших смотреть, как они между собою дерутся, иначе говоря, устраивать бои. То же самое существует и теперь в Индии и в Китае, где очень многие занимаются приручением кекликов так удачно, что делают из них почти домашних животных. Птицы бегают на свободе по всему дому, делаются положительно членами семейства и следуют за хозяином повсюду, и в саду и во дворе. В Греции их считают существами, способными охранять от колдовства, и поэтому зачастую держат их в неволе. Здесь они, впрочем, не пользуются свободой: их запирают в конусообразные ивовые клетки, которые так малы, что птицы в них едва могут поворачиваться. Несмотря на это, даже при такой обстановке, они выносят долгие годы неволи.

В юго-западной Европе кекликов заменяет **красная куропатка** (*Alectoris rufa*). Эта красивая птица от вышеописанной отличается преобладающим красным цветом оперения верхней части тела и широким ошейником. Этот красновато-серый цвет верхней части тела ярче всего на задней части головы и на затылке, где он почти чисто ржаво-бурый и только на темени сероватый. Белая полоса, начинаясь со лба, спускается и образует ясно обозначенные полосы над бровями, на горле отчетливо вырисовывается почти чисто белое пятно, окруженное упомянутым ошейником. Глаза светло-карие, ободок вокруг глаз красный, как киноварь, клюв кроваво-красный, а ноги карминно-красные. Самка

отличается от самца только несколько меньшим ростом и отсутствием шпорцевидного нароста на ногах. Длина тела 38 см, размах крыльев 52, длина крыла 16 и хвоста 11 см.

Только по новейшим исследованиям удалось с большей или меньшей достоверностью определить родину красной куропатки; прежде ее часто смешивали с ее сородичами. Она живет только в юго-западной части Европы, а именно в Испании, Португалии, на Мадейре, Азорских островах. На Мальте она составляет редкость; далее на восток, вероятно, не встречается. Около 100 лет тому назад ее завезли в Великобританию, где она живет и по сию пору, встречаясь в некоторых графствах на востоке.

«Красная куропатка, — пишет мне брат мой Рейнгольд, — любит жить там, где гористые местности чередуются с полями. В Испании ее можно найти на всех горах, за исключением, может быть, только хребтов вдоль северного берега на высоте до 2000 метров над уровнем моря. Густых лесов она избегает и, напротив, с удовольствием селится в парках или на малолесистых пространствах, поросших или высоким вереском, или мелким, вечнозеленым дубом, кустами розмарина».

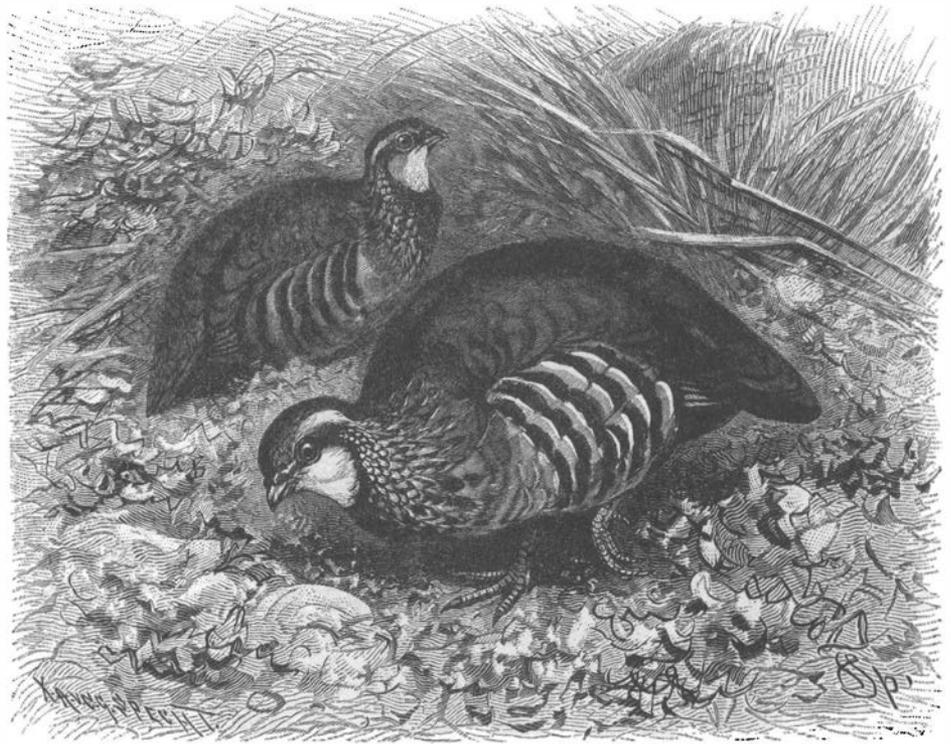
«В движениях красной куропатки, — продолжает мой брат, — есть много общего с движениями нашей серой куропатки; хотя не будет преувеличенным сказать, что и в этом отношении первая красивее и грациознее. Бегает она необыкновенно скоро и, в высшей степени, ловко; она иногда мчится, как стрела, бегают с одинаковой скоростью даже между камнями и обломками скал, очень искусно лазает по горам, редко прибегая к помощи крыльев. Полет ее гораздо быстрее полета серой куропатки и производит меньше шума. Красная куропатка взлетает легко, быстро поднимается на известную высоту и там несетя, трепеща крыльями, причем взмахи их едва слышны, и часто пролетает большие пространства, как бы паря. С отвесных скал она бросается вниз наподобие хищных птиц. Несмотря на все это, она, однако, неохотно летает далеко и избегает подниматься часто раз за разом, а старается, где только возможно, справиться при помощи ног».

«Большую часть года, — пишет дальше мой брат Рейнгольд, — красная куропатка живет стайками до 10—30 штук, так как несколько выводков нередко соединяются в одно общество. Тут все они живут в одной местности, никуда особенно не удаляются и, так как красная куропатка в воде не нуждается, то в известные часы на водопой не ходит. Деятельность ее начинается с самого раннего утра и кончается лишь после заката солнца, по крайней мере, позже очень редко слышен зов самца. В полдень они сидят смирно, вероятно дремлют, спрятавшись между камнями и в низких кустах. Незадолго до захода солнца они снова пробуждаются и шныряют до самой ночи, больше играя, чем отыскивая себе пищу. Время размножения, конечно, изменяет и образ

жизни куропатки: стаи разбиваются на пары уже в феврале. Самцы сильно дерутся из-за самок и дают повод к очень интересной охоте, которая будет описана ниже. Когда самки уже насиживают, то самцы покидают их, сами же рыщут кругом, ища любовных приключений, что, впрочем, почти всегда служит к их гибели. Гнездо, которое можно найти на засеянных хлебами полях, в виноградниках, под кустами розмарина и т. п., состоит из небольшого углубления, вырытого самкой. В нем лежит 12—16 яиц, имеющих около 40 мм длины и 31 мм ширины и отличающихся от яиц серой куропатки величиной и окраской. Тотчас после появления на свет цыплята начинают быстро бегать, тщательно оберегаемые матерью, которая в это время удваивает свою бдительность.

В виду опасности она себя держит точно так же, как и наша серая куропатка при подобных обстоятельствах. Птенцы вскоре научаются порхать, беспрестанно машут крылышками, но уже в конце третьей недели они становятся существами подвижными и ловкими. Для полного их развития требуется не менее 4 или 5 недель. Вначале они питаются насекомыми, гусеницами, червями и мелкими семенами, которые впоследствии составляют основную их пищу; кроме того, они едят и разную зелень, содержащаяся в ней влага, по-видимому, служит им питьем».

«В Испании очень много охотятся за красными куропатками; охота эта начинается, как только цыплята достигнут величины перепелки. Птиц разыскивают или с собакой, или наудачу обшаривают весь населенный ими участок. Осенью успешно охотятся на приманную птицу. Удачнее всего охота бывает во время спаривания; она, бесспорно, самая заманчивая и притом своеобразная. Захватив с собой клетку с приманкой, охотник отправляется в такое место, где рассчитывает встретить куропаток. Из близлежащих камней устраивает стенку вышиной око-

Красная куропатка
(*Alectoris rufa*)

ло 1 м, которая служит ему засадой. В шагах 10 или 15 он ставит на возвышение клетку, слегка прикрывает ее мусором, сняв предварительно ту покрывку, которой клетка до сих пор была закрыта. Если приманная птица хороша, то она тотчас же начинает призывать, сопровождая каждый призыв возгласом «так-так», на который следует ответное «так-те-рак». Обыкновенно не пройдет и нескольких минут, как около клетки уже появля-

Серая куропатка
(*Perdix perdix*)

ется куропатка. Так как в виде приманной птицы берут самцов, то случается, что к охотнику являются и самцы, и самки, иногда даже парочка попадает вместе. Они оглядываются, ища товарища, отвечают на его зов и, так как относятся к охотнику доверчиво, то попадают неминуемо под выстрел. Такая охота продолжается около двух недель. В Испании красную куропатку приручают специально для этой охоты. За хорошую приманную птицу платят большие деньги, даже от 400–500 марок; иногда она составляет все богатство опытного охотника. Нередко случается, что один охотник приманкой убивает 60–80 пар куропаток. Эта охота в Испании запрещена, но испанцы, уважая прочие законы, знать не хотят этого закона, который был издан с целью оградить птиц от истребления.

Серая куропатка (*Perdix perdix*) отличается от красной куропатки не только цветом, но и щитками на плюснах, по два ряда спереди и сзади. У нее нет шпорцевой бородавки и крылья устроены иначе; третье, четвертое и пятое маховые перья самые длинные; хвост состоит из 16–18 перьев. Оперение различное, смотря по стране и местожительству птицы; оно не так красиво, как у красной куропатки, но все же очень приятное по виду.

Серая куропатка живет в Германии, Дании, Швеции, Норвегии, Великобритании, Голландии и северной Франции, во всей Венгрии и в Турции, в некоторых местах Греции и северной Италии. Она, кроме того, обыкновенна в средней и южной России, в

Крыму, малой Азии, а в прочих частях Азии заменяется очень сходным видом*. Ее развели и в Новой Зеландии. Она решительно предпочитает равнины горам; например, в Швейцарии ее находят лишь до 1000 м над уровнем моря. Для ее благосостояния нужны обработанные и разнообразные местности; но для защиты нуждается в кустах и потому любит места, в которых кое-где встречаются рощи, лесистые холмы или, по крайней мере, живые изгороди. Она избегает густого леса, но селится на его опушке и в рощах, расположенных около. Не боится и сырых мест, если только они поросли деревьями и на них находятся островки, возвышающиеся над водой.

Мало птиц, которые бы так строго держались в пределах однажды избранной области, как серая куропатка. По опыту известно, что молодые куропатки остаются жить на той поляне, где родились. Место, которое по какой-либо причине покинули птенцы, долго пустует и населяется куропатками из соседних участков только мало-помалу.

Серая куропатка ходит обыкновенно тихо с втянутой шеей и сторбленной спиной, но, когда она торопится, то вытягивает шею и держится гораздо прямее. Она точно так же умеет прятаться, как и ее родичи, пользуется для этого всяким углублением в почве и прижимается к земле на ровных местах, надеясь на то, что ее не заметят, благодаря сходству окраски оперения с цветом почвы. Полет ее нельзя назвать тяжелым, но требует значительных усилий и потому скоро утомляет птицу. При взлете она очень сильно работает крыльями, но, поднявшись на известную высоту, часто летит с распростертыми и неподвижными крыльями, время от времени делая толчок несколькими частыми взмахами. Она неохотно поднимается высоко и редко летит на далекое расстояние, особенно при сильном ветре, который буквально несет ее, как перышко. На деревья она, как и другие куропатки не садится, по крайней мере, пока здорова, хотя бывают и исключения. Зато владеет искусством, которое трудно у нее предположить: она умеет плавать. Граф Водзицкий наблюдал два выводка, которые при опасности летели к реке или пруду и старались спастись вплавь. «Когда мы заметили это, — рассказывает он, — то прилегли на противоположном берегу и велели гнать куропаток к реке. Скоро мы увидели, как птицы без колебаний вошли в воду, следуя за старым самцом, а затем поплыли рядышком без заметных усилий, причем хвосты у них были приподняты, а крылья несколько оттопырены. Когда они вышли из воды, то стряхнули с себя воду, как курицы стряхиваются после купания в песке и, по-видимому, вовсе не были усталыми»**.

Куропатка очень умная и понятливая птица; она осторожна и пуглива, хорошо отличает друзей от врагов, опыт учит ее многому, она отлично умеет принаравливаться к различным условиям жизни. Серая куропатка миролюбива, любит общество, в случае

** В настоящее время серая куропатка помимо перечисленных Бремом стран заселяет практически всю Францию, большую часть Италии, но в Швеции и Норвегии встречается лишь на самом юге, а в Турции гнездится только в центральных частях страны. На восток по степной и лесостепной зонам она распространена до Алтая, Тувы и Западного Саяна, а восточнее замещается близким видом — бородачатой куропаткой (*Perdix dauurica*).*

*** Рассказы графа Водзицкого о плавающих серых куропатках более чем сомнительны, как и многие другие его истории, которые однозначно относятся к категории басен, сочиняемых на досуге. По крайней мере, подтверждение наблюдений о плавающих серых куропатках нам не известно.*

Семейство фазановые

нужды выказывает самоотвержение, очень нежна к подруге жизни, к птенцам, но выказывает все эти хорошие качества лишь в кругу своей семьи, в тесном смысле этого слова, не применяя их даже к другим птицам того же вида. Когда приходится защищать свой участок или самку, то самец храбро бьется с противником и, если встретятся два выводка, то без драк не обходится; зато семья часто принимает на воспитание осиротелых птенцов, и взрослые птицы обходятся с приемными детенышами так же нежно, как со своими собственными.

Четвероногие хищники опасны главным образом яйцам и птенцам куропатки. Ястреба, кречеты, перепелятники, коршуны, вороны, сойки постоянно следуют по пятам за этими птицами, преследуя как молодых, так и взрослых куропаток. Если представить себе все те опасности, каким подвергаются куропатки, прежде чем достигнут полного возраста, и если вспомнить, что им, кроме того, нужно бороться с невгодами зимней погоды, то кажется невероятным, что они еще есть на свете. В каждой сельской местности следовало бы иметь и хорошенько содержать густые изгороди или небольшие лесные чащи и рощи, которые служат им убежищами. А поблизости таких рощ нужно зимой класть корм, чтобы устроить трапезу для голодающих птиц, и этим, по возможности, смягчить бедствия, производимые морозами.

Серая куропатка никогда и нигде не причиняет вреда, а только оживляет природу наших полей, веселит каждого своим приветливым видом, доставляет самую привлекательную охоту и приносит значительную пользу своим мясом.

Турач (*Francolinus francolinus*). Этот вид особенно охотно селится на болотистых и богатых водой местностях, хотя не избегает и сухих. Во всяком случае, ищет мест, покрытых низкими очень густыми кустарниками, высокой травой и вьющимися растениями, дающими ему возможность прятаться. Таким образом, его находят на болотистых островах рек, имеющих медленное течение, а также на руслах, где вода бывает только временно, и которые заросли густым кустарником. Находят его и в степных местах, даже около обработанных полей*.

* В некоторых местах, например, на Кипре турач приспособился к жизни на полях зерновых культур, отделенных друг от друга узкими посадками деревьев.

Турач живет парами, как и другие близкие ему виды, но пары поселяются так близко одна от другой, что самцы слышат голоса не только соседних, но и более дальних своих собратьев. Птицы спариваются и остаются так жить надолго, если не на всю жизнь. После насиживания можно встретить выводки, но они расходятся гораздо раньше, чем у куропаток, бродят маленькими обществами от 3 до 6 штук. Днем турач тихо и скрытно бродит в густых зарослях; вечером, а чаще утром, на заре, слышен его своеобразный, громкий и звонкий голос, который большинство наблюдателей передают слогами «чук-чук-тититур»; звуки эти перешли на все местные языки. Жердон, которому мы обязаны об-

стоятельными сообщениями о тураче, называет его голос неприятным и замечает: «В Индии старались его передать на разных языках, но эти подражания не дают должного представления о звуках, если их сам не слышал. Магометане говорят, что самец турача выкрикивает молитву: «добань тери кудрут»; другие утверждают, что он говорит: «луссунь, пиац удрук» (чеснок, лук, имбирь). Адамс пробует передать этот крик слогами: «лохи ва уитч», а другой наблюдатель полагает, что крик турача похож на звуки сломанной трубы. Крик этот не особенно громок, но все же слышен на довольно большом расстоянии. Там, где много турачей, один самец отвечает другому, и каждый из них при этом влезает на небольшое возвышение, чтобы голос его был слышнее. Во время дождливой и пасмурной погоды птицы кричат чаще».

Турач не особенно робкий. Впрочем, преследуемый охотником, он убегает от него по таким местам, где можно скрываться, и только в крайних случаях он отважится перебежать открытые пространства. Так он бежит перед охотником 2–3 минуты, не решаясь взлететь. Перед собакой мчится между кустами так быстро, что перегонит каждого четвероногого. Ловко продирается сквозь самую густую чащу, по открытым полянам мелькает, как катящийся камень. И только устав, спасается или временно укрывается в самых ветвистых кустарниках. А взлетает в последний момент, когда собака на него буквально наткнется, или же охотник толкнет ногой. Тогда он взлетает с шумом, беспрестанно машет крыльями и летит совершенно по прямому направлению и так медленно, что каждый, даже неопытный стрелок, может положить его на месте. Поэтому, пролетев несколько сот шагов, он опять бросается на землю, продолжая спасаться бегством.

Турачи высиживают цыплят с апреля до июля. Гнездо обыкновенно устраивается сообразно с обстоятельствами в высокой траве или в кустах, заросших травой, иногда на плантации индиго, иногда даже в сахарном тростнике. Кладка состоит из 10–15 бледно-бурых, испещренных своеобразными белыми шероховатыми точками яиц, 40 мм в продольном и 30 мм в поперечном разрезе. Наседка высиживает одна, водят же и воспитывают молодое поколение до положенного времени оба родителя вместе.

Везде, где он только водится, турач составляет предмет периодической, хотя и беспощадной охоты и, к сожалению, как замечено выше, падает жертвой даже самых неопытных охотников. Конечно, одна из главных причин его постепенного истребления — легкость охоты за ним. Само собой разумеется, что турачи делаются добычей всевозможных хищников: лисиц шакалов, болотной рыси и других диких кошек, а также орлов, соколов, сов, даже, может быть, и змеи лакомятся ими. Впрочем, нет сомнений, что все они вместе взятые не могли бы способствовать истреблению этих птиц, если бы не явился человек, злейший их враг. Жалобы на уменьшение количества этой прекрасной пернатой дичи раз-

даются повсеместно и слышатся на Кипре и в Индии, в Сирии и в Палестине, на Кавказе и в Персии. Говорят, что в Испании они водились еще в пятидесятых годах. А в Сицилии, рассказывают, последний турач был съеден на обеде во время большого праздника в 1869 году. На Кавказе количество этих птиц заметно и неудержимо уменьшается с тех пор, как здесь поселились русские и другие европейцы. До тех пор татары, придерживаясь древних обычаев, охотились за ними лишь с ястребами и соколами, не производя опустошений; огнестрельное оружие, которым теперь владеют охотники, готовит здесь, как и везде, верную гибель этой дичи.

Лет двадцать тому назад пойманные турачи не составляли редкости в зоологических садах, между тем, как теперь их можно видеть только как необыкновенную диковинку.

Наиболее крупные птицы из семейства фазановых живут в горах. Туловище у них плотное, шея короткая, голова маленькая, клюв продолговатый, но в то же время толстый и широкий, ноги короткие и толстые, на плюснах замечается тупая шпора, крылья короткие, но несколько заостренные, хвост относительно длинен и слегка закруглен. Оперение обильное.

Кавказский улар (*Tetraogallus caucasicus*), по-грузински интауре. Длина тела 58 см, крыла — 25, а хвоста — 17 см.

Об образе жизни этой птицы Раде сообщает следующее: «Древняя Колхида во всех своих частях не представляет большого разнообразия относительно животного царства. Там заметна роскошная растительность, но встречается мало характерных животных. Однако иное замечаем мы на высоких горах Кавказа. Там, на границе вечных снегов, между 2000 и 3500 м над уровнем моря, я познакомился с гигантской куропаткой — кавказским уларом. Он здесь живет довольно в значительном числе и, по словам всех горных жителей, водит особую дружбу с кавказским козерогом. Говорят, что эта птица предупреждает козерога о приближении охотника особым свистом, и дружба эта усиливается еще тем, что улар ест помет козерога. Таким образом, оба эти существа тесно связаны между собой: куропатка предупреждает козерога, а козерог кормит птицу. Вероятно, эта предполагаемая дружба объясняется проще тем, что оба животных питаются одной пищей. Если обратить внимание на то, чем питается козерог, то окажется, что он ест преимущественно дерн, образуемый различного рода лапчатками. Эти растения с белыми и желтыми цветами и с плодами, несколько напоминающими землянику, служат пищей не только козерогам, но и уларам. Этим общим кормом совершенно естественно объясняется то, что оба животных встречаются на одних и тех же местах. К этому, вероятно, еще присоединяется то обстоятельство, что улара привлекают сюда насекомые, водящиеся в помете козерогов. На менее высоких приморских хребтах и на более высоких хребтах, тяну-

щихся по направлению к Армении, улар, наверное, не живет*, точно также не живет здесь и козерог.

«Все туземцы, — продолжает Радде, — единогласно утверждают, что охота на кавказских уларов представляет большие трудности. Необыкновенно пугливая и осторожная птица подпускает к себе только на выстрел винтовки, но часто охотник, даже хорошо владеющий оружием, может пробродить целый день, не сделав ни одного выстрела. Название “интауре” дали этой птице грузины, которые ничего не зная об ее образе жизни, сравнивают ее с индейкой: слово «интауре» значит — “горная индейка”».

Гималайский улар (*Tetraogallus himalayensis*), называемый жителями Гималайских гор ирмунель, или гуркаю, английскими же охотниками, совершенно некстати — снежным фазаном.

Длина его 72 см, размах крыльев 100, длина крыла 32, а хвоста 20 см. Верхняя часть головы, затылок и зашеек рыжевато-серые, под шеей проходит широкий светлый рыжевато-серый воротник, продолжающийся и на верхней части спины и покрытый волнистыми поперечными полосками, состоящими из отдельных точек. Нижние шейные перья, часть спины, надхвостье и кроющие перья крыльев и хвоста темные, буровато-серые с чрезвычайно тонкими волнистыми желтовато-серыми поперечными полосками. Все большие перья верхней части тела — с более или менее широкими ржаво-желтыми каемками, отчего происходит полосатый рисунок. Полоса, начинающаяся за ушами, спускающаяся по сторонам шеи, затем круто поворачивающаяся к груди, и другая, образующая на горле фигуру вроде подковы, — темно-каштанового цвета. Горло и пространство между только что упомянутыми полосками — белые. Перья поперечной полосы, проходящей по зубу, — бледные, рыжевато-белые, некоторые из них отчасти скрыты черными полулунными пятнами, образующими полосы. Грудь и живот темно-каменисто-серые с более темными стержнями перьев и с необыкновенно тонкими буровато-желтыми волнистыми поперечными чертами. Боковые перья светлее, с широкими наружными и узкими внутренними ржаво-бурными или ржаво-красными каймами, которые образуют продольные полосы. Большие маховые перья почти белые, а малые перья белые лишь у основания; первые на конце, а последние до самого основания покрыты грязно-желтыми поперечными полосками, состоящими из мелких пятнышек. Перья на плечах также испещрены, но имеют ржаво-бурные каемки. Наружные рулевые перья темно-ржаво-красные с красноватыми темно-серыми полосками, начинающимися от кончиков; к середине хвоста эти полосы переходят в пятна каменисто-серого цвета. Оба пола оперены одинаково и отличаются только по величине.

Гималайский улар живет во всей западной части Гималайского хребта до Непала, а также и в Тибете. По словам Северцова, он встречается и на Тянь-Шане, а Финш предполагает, что его

* Зато здесь, в горах Армении живет другой вид уларов — каспийский улар (*Tetraogallus caspius*).

** Предположение
Финша было под-
тверждено, гималай-
ский улар водится в
Куньлуне.*

можно найти и в Куньлуне*. Тот же натуралист указывает на замечательно обширное распространение улара и пишет: «В Гималайских горах этот вид гнездится на высотах не ниже 4000 м, между тем, как на Тарбагатае, около горы Марал-чеку, его встречают уже на высоте 1200 — 1400 м над поверхностью моря.

Гималайский улар живет обществами и собирается в стаи, которые состоят иногда из 20–30 штук, хотя редко можно встретить более 5–10 птиц вместе. Несколько таких стай проживают на одном горном участке. Они редко покидают тот участок, в котором поселились и спугнутые только летают взад и вперед. Никогда не залетают в леса или густые чащи, избегают даже таких мест, где растет высокая трава или какой-нибудь мелкий кустарник. После всего сказанного бесполезно говорить, что они не садятся на деревья.

В прекрасную теплую погоду гималайские улары сидят по целым дням на скалах и на крутых склонах, почти не двигаясь, исключая утро и вечер. Если же стоят холода, туманы и дожди, тогда они бодры и подвижны, бегают то вверх, то вниз и целый день пасутся. При этом они тихонько бродят по горе, щиплют то там, то сям нежные кончики листьев, травинки, молодые стручки различных растений, случайно останавливаются и принимаются рыть землю, откапывая какую-нибудь луковицу, до которых они большие охотники. Дойдя до вершины какого-либо горного хребта, они останавливаются на некоторое время. После этого улетаю, спускаются на землю и опять начинают подниматься в гору. Походка их очень неуклюжая, они при ходьбе поднимают хвост и издали напоминают старого гуся.

Улары особенно любят такие пастбища, на которых только что ночевало стадо овец, вероятно потому, что здесь начинает прорастать и заманчиво зеленеть свежая трава, между тем, как в других местах она уже давно высохла и затвердела. Убежища для ночлегов улары выбирают на скалах над пропастями; на такие места они возвращаются несколько ночей подряд».

Крик птиц, тихий и нежный свист, слышится в разное время дня, громче всего при наступлении рассвета и очень часто в туманную погоду. Крик их начинается протяжным звуком и кончается рядом скорых последовательных посвистов; звук этого голоса самый приятный из всех, который издает какая-либо пернатая дичь. Впрочем, во всей полноте голос слышится только тогда, когда птицы сидят смирно, так как спугнутые и приведенные в бегство, они через короткие промежутки издают только тихий свист. Поднимаясь, улары кричат быстро, резко и сильно, обыкновенно все время, пока летят и даже несколько секунд после того, как опустились на землю. Заканчивают они несколькими звуками, которые, кажется, поразительно хорошо выражают удовольствие, ощущаемое ими при благополучном возвращении на свое прежнее место. Мне кажется, что резкий крик, который эти пти-

цы производят при взлете и во время полета, лучше всего можно сравнить с шумом, производимым стаей голубей, которые собираются спуститься на какое-либо место, чтобы поесть.

«Птицы не особенно дики и пугливы. Если подкрадываться снизу и приблизиться шагов на 80 или 100, то увидишь, что они потихоньку взбираются на гору, сворачивая иногда в сторону, часто оборачиваются назад, оглядываются, редко убегают далеко, если никто их не преследует; если же к ним подойти сверху, то они поднимаются, но также вначале не бегут. Вообще говоря, они редко спускаются далеко с гор, и движения свои никогда не доводят до быстроты бега, если же это иногда случается, то непосредственно перед взлетом. Весь выводок поднимается сразу, летит быстро, сначала вниз, потом вверх, поднимаясь примерно до той же высоты, откуда начали спускаться. На меньших горах, именно на тех, которые они посещают зимой, птицы не залетают далеко, а большей частью перемещаются лишь на другую сторону горы».

«Гималайские улары едят листья различных растений и траву, при случае даже мох, корни и цветы; впрочем, главною пищей остается все же трава. Они очень любят молодые всходы ячменя и пшеницы, и, если они только пронюхают, что поблизости их местожительства есть отдаленное поле, то забираются туда ночью и по утрам; но на полях ежегодно обрабатываемых, никогда не появляются. Обыкновенно они чрезвычайно жирны, мясо же их не особенно вкусно; если птица убита на значительной высоте, то она имеет неприятный запах, который происходит от некоторых растений, употребляемых ими в пищу. Хотя я провел не одно лето в Гималаях, и именно в снежной полосе, но никогда не находил ни гнезда, ни яиц этой птицы. В Тибете, наоборот, я часто видел целые семьи, старых птиц вместе с птенцами. В этих выводках, впрочем, было заметно больше взрослых птиц, чем молодых, и состояли эти выводки, по всей вероятности, из нескольких семейств. Таким образом, я никак не мог составить определенного представления, как велико может быть количество выводимых цыплят*. Яйца, которые путешественникам удавалось находить, по величине похожи на яйца индюшек. Но по форме они продолговаты, как у тетеревиных. Основной цвет яиц оливково-бурый; рисунок на них состоит из разбросанных, маленьких, светлых орехово-бурых пятнышек».

Во время моего путешествия по Сибири и Туркестану я решил всеми силами постараться увидеть эту чудную птицу на ее родине. 28 мая 1876 года мне удалось привести в исполнение давно лелеянную мной мечту. Мы устроили охотничью прогулку из пограничного казачьего поста на берегу озера Зайсан, под руководством старого киргизского охотника и в сопровождении моего спутника, графа Вальдбург Цейль-Траухбург и доктора Пандера. По уверениям нашего киргиза, что и оказалось совершенно справедливым, улар живет на высочайших, еще покрытых сне-

* Обычно в кладках уларов от 6 до 12 яиц, соответственно в выводках от 6 до 12 птенцов, однако смертность молодых птиц очень высока, поэтому в семейных группах и объединившихся выводках число молодых обычно меньше числа взрослых птиц.

Семейство фазановые

гом вершинах гор, которые мы называли Тарабагатай. Но, кроме того, он держится на одном из низких отрогов этих гор, называемом Манрок. Эта часть гор отличается своеобразными рас-селинами. Сотни вершин, разделенные глубокими долинами и пропастями, уходят ввысь, громоздясь друг над другом. С север-ной стороны они круты, но не скалисты, напротив, на них лежит свежий травянистый покров или же они поросли низким тер-нистым кустарником. С южной стороны горы образуют здесь целые лабиринты утесов, таких диких, таких изрытых, с такими безднами, подобных которым не встретишь ни в каких других горах в мире. Даже вода затрудняется найти себе надлежащий путь среди этого лабиринта, и действительно в глубоких доли-нах часто можно встретить ручейки, которые текут в одну сто-рону, а другие навстречу им. Вот каковы места, которые предпо-читают улары и в которых они селятся в немалом количестве. Полные ожиданий, верхом на лошадях, под предводительством нашего киргиза-охотника и его сына, цветущего и сильного юно-ши, мы въехали в одну из долин, пробираясь то по холмам, то по горам, то, спускаясь в дикие, каменистые ущелья. По склонам гор бегали каменные куропатки, над вершинами летали орлы и соколы, с карнизов и выступов раздавалось оживленное, веселое пение каменного дрозда, каменки и горихвостки. Мы продолжа-ли путь до тех пор, пока старый киргиз не остановился у подо-швы горы. Он предложил нам разделиться на две партии так, чтобы одна поднялась с одной стороны, а другая с другой. На-чался подъем, который показал нам, до какой степени ловко ла-зают тамошние лошади. Я поднимался по ущелью, вымытому водой; моя лошадь могла двигаться вверх только прыжками. Наконец, она довезла меня до вершины, причем выказала столько же выносливости, сколько и искусства. Над горой кружились орлы, а каменные куропатки шныряли вокруг нас, не взлетая, с такую доверчивостью, какой мне до сих пор не случалось ви-деть. Далее наш путь шел то в гору, то под гору; иногда мы пробирались по скалистому крутому хребту, иногда по покрыто-му травой северному склону. Куда ни глянешь, везде глаза наши встречали глыбы гор или долины. После езды, длившейся около часу, проводник обратил наше внимание на крик улара. Я услы-хал, как будто совсем близко от нас, своеобразный, благозвуч-ный, протяжный свистящий крик, состоящий из нескольких зву-ков. Но пришлось еще довольно долго ехать прежде, чем мы увидели птицу, издающие эти звуки, и тут только началась охо-та. Описывать здесь охоту я считаю излишним; скажу только, что мне посчастливилось убить одну из этих великолепных птиц. Кроме того, в этот день и в следующие я лежал, спрятавшись в одном месте, и в подзорную трубу издали рассматривал этих птиц, чтобы как можно лучше ознакомиться с их образом жиз-ни, привычками и особенностями. Вместе с тем я пользовался

всяким случаем, чтобы через посредство моего русского приятеля как можно больше разузнать об этой куропатке от такого тонкого наблюдателя, каков был охотник киргиз.

Непременное условие местожительства гималайского уларя заключается в том, чтобы участок был совсем безлесен. Улар — птица утесов в настоящем смысле этого слова. На равнины она не заходит даже в самые жестокие зимы. Чем суровее скалы, чем глубже пропасти, чем непрístupнее для людей и животных стены утесов, тем более можно быть уверенным, что встретишь там уларя. Он выбирает, по возможности, самые высокие вершины гор, впрочем, улетает с них днем в долины и держится на склонах там, где есть зелень или растут мелкие кусты.

Каждая пара уларов здесь в горах Манрок из года в год владеет определенным участком. Она не допускает, чтобы по соседству жила другая пара. Если на чьем-либо участке появляется самец, то хозяин этой местности тотчас нападает на непрошеного гостя с громким, почти пронзительным криком и бросается прогонять его. При этом он, чему я сам был очевидцем, принимает позы токующей каменной куропатки, то есть бежит с наклоненной головой, висящими крыльями и с полуприподнятым и несколько распушенным хвостом. Токование здесь начинается в первые дни марта и продолжается до конца этого месяца; в это время самцы, конечно, настроены очень воинственно, но, по уверениям моего рассказчика, старого киргиза-охотника, они в это время кричат не больше, чем всегда.

Движения этих гордых птиц напоминают скорее каменных, нежели серых куропатов, хотя не совсем на них похожи. Бегают они скоро и проворно, одинаково ловко как в гору, так и под гору. Полет состоит из нескольких быстрых и частых взмахов крыльями, за которыми следуют тихие, скользкие движения, причем крылья почти не шевелятся. Вследствие несоразмерно коротких крыльев полет представляет совсем необыкновенную картину; летящая птица кажется чрезвычайно длинной, между тем, как во время бега она нам представляется короткотелой. Самую лучшую картину полета можно получить, если представить себе длинный крест с короткой перекладиной. Если время позволяет, то улары любят, прежде чем взлететь, взобраться на какое-либо возвышенное место, на котором они любят побегать. В течение дня парочка побывает в различных местах своего участка; под вечер же они всегда направляются к известному и, по возможности, безопасному месту и здесь проводят ночь.

Пища уларов состоит главным образом из растительных веществ. Можно предположить, что они едят и насекомых, но на этот вопрос мой киргиз не мог дать мне положительного ответа; следует допустить, что они в суровые зимы, при глубоком снеге вырывают в нем ходы, и таким путем докапываются до растений, составляющих их главный корм.

Семейство фазановые

Число яиц в кладке, по показаниям моего киргиза, бывает до девяти. Яйца эти больше утиных, круглы и по зеленовато-желтому фону имеют темные, иногда синеватые пятна; впрочем, надо прибавить при этом, что нельзя очень полагаться на верность этих показаний, так как киргизы мало смыслят в красках и плохо их различают. Гнездо устраивается на выступе скалы, на таком месте, где достаточно земли, чтобы вырыть неглубокую ямку, которая выстлана только небольшим количеством сухих растений. Самка насиживает яйца, а самец в это время сидит поблизости от гнезда на возвышенном месте и в случае опасности предупреждает наседку; во время гнездования он сам делается гораздо осторожнее и пугливее. Спустя приблизительно около четырех недель появляются птенцы, и с этого времени оба родителя водят цыплят: мать не покидает их даже в случае большой опасности.

Говорят, что к концу ноября птенцы вполне вырастают, но уже гораздо ранее этого времени они держат себя совершенно как взрослые. Со старыми птицами они и проживают целую зиму; выводки разбиваются не задолго до спаривания. Если наседка погибает, то отец один водит даже самых крошечных птенчиков.

Естественными врагами уларов следует считать всех больших хищных птиц, особенно беркута и одного белобрюхого его родича, вероятно ястребиного орла, от которого улары еще больше терпят, чем от первого. От лисиц и волков спасает их необыкновенная бдительность. Человека в этих странах им нечего бояться. Из киргизов только немногие занимаются охотой за этой куропаткой, так как жители степи более склонны охотиться на лисиц, волков и куниц, чем за такой пернатой дичью, которую очень трудно добыть. По единогласным уверениям всех русских, которых я расспрашивал, мясо его бело, как снег и превосходно на вкус, нежно, несколько пряно и похоже на мясо глухаря или серой куропатки.

Обыкновенный перепел (*Coturnix coturnix*) — распространен во всех странах Старого Света и в Австралии. Особенности этого вида следующие: клюв маленький, слабый, у основания возвышенный, от основания до кончика слегка изогнутый, в углах расширенный; ноги короткие без шпор, с длинными пальцами; относительно длинные и острые, несколько выпуклые крылья; необыкновенно короткий, сводообразный хвост состоит из двенадцати перьев; оперение почти одинаково у самца и самки. Верхняя часть тела перепела бурая с ржаво-желтыми поперечными и продольными полосами. Крылья по черноватобурому полю покрыты поперечными ржаво-желтыми пятнами, которые вместе образуют полосы. Глаза светло-красноватобурые, клюв сероватый, ноги красноватого цвета или бледно-желтые. Длина равняется 20 см, размах крыльев 34, длина крыла 14 и хвоста 4 см.

Очень мало стран в Старом Свете, где бы не наблюдался наш перепел. В Европе он водится везде южнее 60 градусов северной широты. Но регулярно встречается только с 50 градусов северной широты. В Средней Азии населяет удобные для него места, довольно часто встречается в степях. На зиму переключивается на юг, в Африку и южную Азию. Странствования его во всех отношениях необыкновенны. Перелеты совершаются ежегодно, но во многом отличаются от обыкновенного перелета прочих птиц. Некоторые перепела, по-видимому, кочуют круглый год, но даже те, которые привязаны к гнездовью, покидают свои участки не в одно и то же время. Некоторые перепела появляются в Египте уже в конце августа, тогда как большинство прибывают не ранее сентября. Между тем в сентябре в Германии можно найти перепелов на гнезде, высиживающих яйца, или же птенцов еще в пушке. Во всяком случае, перелет совершается главным образом в сентябре, тянется целый октябрь и продолжается еще и ноябрь. Многие зимуют на трех южно-европейских полуостровах, некоторые в южной Франции, а в умеренные зимы — даже и в Германии; большая же часть перелетает в тропические страны Африки и Азии, а иные летят через всю Африку до самой Капской земли*.

С начала сентября все поля побережья Средиземного моря кишат перепелами. «В терновниках, в канавах, на полях из-за каждого кустика, из-за каждой глыбы земли, — говорит граф фон-дер-Мюле о Греции, — отовсюду охотнику навстречу вылетают перепела, и не пройдет нескольких часов, как ягдташ его уже набит. Иногда случается, что ночью дует сирокко, и тогда на следующее утро нельзя найти ни одной птицы на тех местах, где накануне еще их были огромные стаи; вдруг они снова появляются во множестве, и так продолжается до наступления холодов, когда ночные морозы прогоняют всех пролетающих птиц». Совершенно то же случается и в Турции, в южной Италии и Испании, на побережьях Черного и Каспийского морей и точно так же близ Японского и Китайского морей**. Вальтер сообщает из Туркмении, что перепелки в бесчисленном множестве пролетают по течению Амударьи.

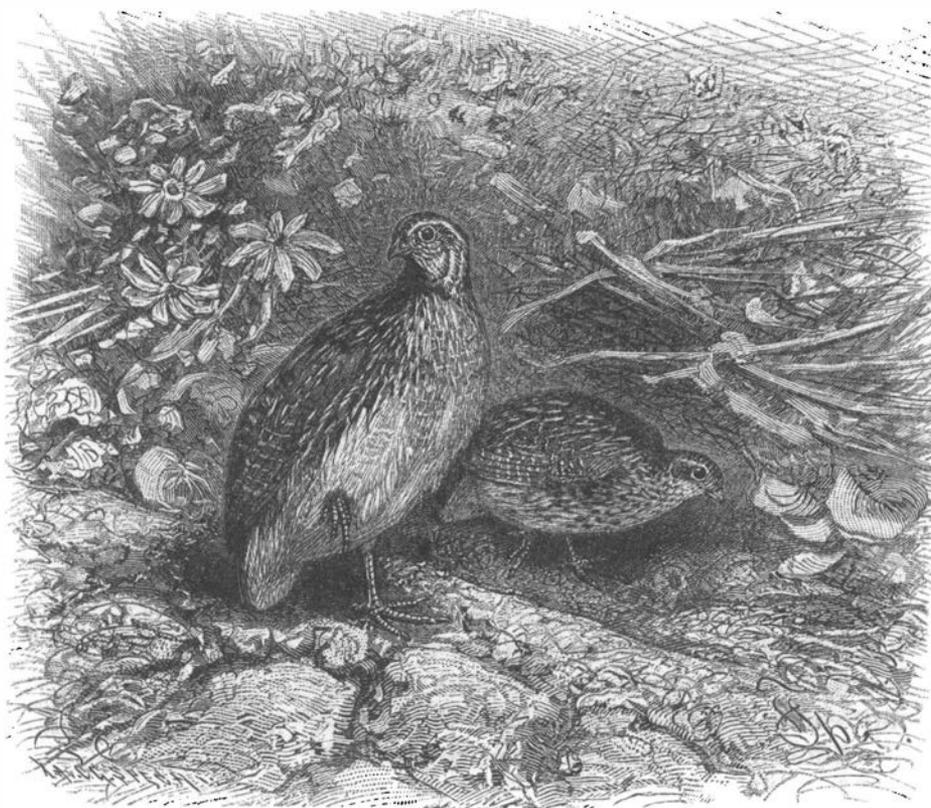
Все странствующие перепела перед отлетом собираются в великом множестве на оконечностях южных полуостровов. При неблагоприятном, то есть попутном ветре, перелет задерживается, но как только поднимается противный ветер, то все поднимаются и летят над морем в юго-западном направлении. Если ветер не усиливается и не превращается в бурю, то странствование совершается благополучно: стая летит до тех пор, пока крылья не откажутся служить; в случае сильного утомления, по уверению моряков, заслуживающих доверия, птицы опускаются на воду, отдыхают некоторое время, а затем поднимаются и летят дальше. Иначе бывает, если ветер переменит направление или перейдет в бурю. Попутный ветер в сильной степени препятствует пе-

* В южной и восточной Африке обыкновенный перепел — оседлая птица.

** На Дальнем Востоке к востоку от Байкала распространены другой вид перепела — немой перепел (*Coturnix japonica*).

релету через море, а буря делает путешествие совершенно невозможным. В подобных случаях птицы, уставшие до изнеможения, как бы бессознательно падают на выступающие утесы и палубы кораблей, и здесь подолгу лежат без движения. Они бывают настолько сбиты с толку этой неудачей, что по целым дням остаются в своих случайных убежищах, не решаясь на дальнейший путь, даже, если ветер переменится и погода станет благоприятной. Вышесказанное наблюдалось многими людьми, а сколько перепелов погибает при этом в волнах — об этом никто не знает.

В течение первых дней своего пребывания в Африке ни

Обыкновенный
перепел
(*Coturnix coturnix*)

один из перепелов не взлетает без крайней нужды. Для меня не подлежит сомнению, что, перелетев на другой берег моря и почувствовав под собою твердую землю, перепела продолжают свое путешествие, главным образом бегом. Тогда их можно встретить повсюду в северо-восточной Африке, но никогда не замечаешь летающих стай, а беспрестанно встречаешь отдельных птиц, иногда, впрочем, в довольно большом количестве. Они избирают своим местожи-

тельством удобные для них местности, например, поля, засеянные альфой и другими растениями, но чаще всего травянистую степь. Я считаю вероятным, что во время своего пребывания в Африке перепела кочуют.

Любимыми местами перепелов следует считать плодородные, богатые хлебными растениями равнины. Высоких гористых местностей они избегают и селятся в низменностях. Воды они боятся так же, как и высот, поэтому никогда не водятся в болотах и трясинах. Они любят забираться в пшеничные и ржаные поля; можно принять за правило, что там, где пшеница не возделывается, перепела чувствуют себя не очень привольно и встречаются

только во время перелета. На пути они никогда не опускаются в кустарники; летом не покидают полей.

Перепела нельзя назвать ни красивой, ни одаренной птицей и, несмотря на это, его любят все: и старый, и малый. Этим он обязан своему звонкому, далеко раздающемуся призывному крику при спаривании, всем знакомому «буквервук». Он, несомненно, много способствует оживлению местности, и каждый внимает ему с удовольствием. Кроме этого призывного крика они издают еще и много других звуков, которые настолько тихи, что слышны только вблизи.

По своим свойствам и нраву, по образу жизни и действиям, перепела во многом отличаются от серой куропатки. Они ходят скоро и проворно, но держатся некрасиво, так как голову втягивают, а хвост висит вниз, поэтому перепел кажется шарообразным. На каждом шагу он кивает головой и очень редко принимает благородную осанку, иногда очень мило покачивается. Летает скоро, шумя крыльями, и порывисто, однако гораздо скорее и искуснее серой куропатки. На далекие расстояния летит неохотно, хотя и поднимается при полете довольно высоко, но скоро опять опускается на землю, и если приходится скрываться, то спасается бегом. Можно считать, что чувства его, по крайней мере, зрение и слух, хорошо развиты, сообразительность же очень плоха.

Пища перепелов состоит из разного рода зерен, листьев и почек, равно как и из различных насекомых, которым, по-видимому, птицы всегда отдают предпочтение. Но, как опытом установлено, перепелов можно кормить в течение нескольких месяцев одними пшеничными зернами. В их рацион входят маленькие камешки, способствующие пищеварению и свежая вода; но для утоления жажды перепелу достаточно росы на листьях и поэтому его редко можно встретить на определенных водопоях.

Весьма вероятно, что у перепелов существует многобрачие; по крайней мере, все наблюдения указывают на отсутствие правильной брачной жизни у различных полов. Самец ревностью превосходит всех куриных птиц, старается изгнать соперников из своей области и сражается за свое единовластие не на жизнь, а на смерть. Самка приступает к постройке гнезда поздно, перед самым началом лета, вырывает по преимуществу на гороховых или пшеничных полях мелкое углубление, выстилает его сухими частями растений и кладет туда 8–14 яиц. Эти яйца относительно велики, длиной в 29 мм, шириной в 22 мм, грушевидные, с гладкой скорлупой и блестящими темно-зелеными или черновато-коричневыми пятнами по светло-коричневому фону; но часто случаются отклонения от этой окраски и рисунка. Самка усердно высидывает яйца в продолжение 18–20 дней, не дает согнать себя с гнезда и поэтому часто делается жертвой своей самоотверженности.

Семейство фазановые

Птенцы тотчас по появлении из яиц убегают с матерью, которая заботливо водит их, принуждает к еде, в дурную погоду прячет в своих перьях, вообще отлично ухаживает за ними. Птенцы удивительно быстро растут, скоро перестают обращать внимание на призывный крик матери и при первой возможности стараются сами пробить себе дорогу в жизни. На второй неделе своей жизни они уже летают, на пятой или шестой достигают полной величины и достаточного навыка для того, чтобы отправиться в осеннее путешествие.

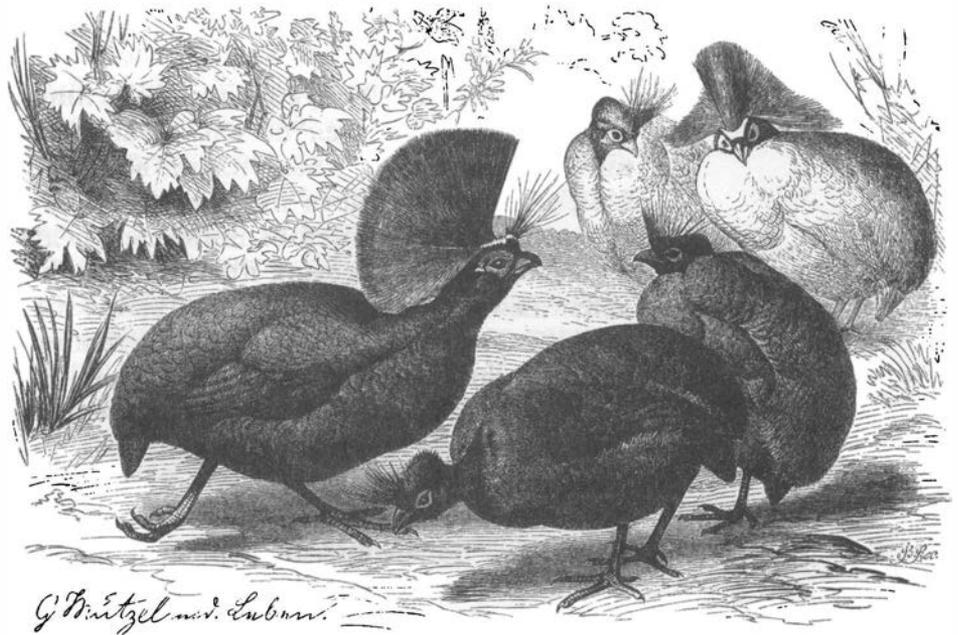
Человек является злейшим врагом птиц. С давних пор по всем берегам Средиземного моря расставляются сети, силки и множество западней. Остров Капри прославился обильным ловом перепелов; этот лов составлял главную статью дохода прежних епископов, к епархии которых принадлежал этот остров. По сообщению Ватертонна, в Риме иногда в один день взималась пошлина с 17 тысяч перепелов. Не менее значителен их улов на испанском берегу, главным образом весной. «На Майне, — рассказывает граф фон Мюле, — особенно на островах, во время перелета перепелов все, от мала до велика, занимаются охотой на них и их приготовлением. Их ловят ножными и шейными силками, на клей и в сети, преимущественно наволочной сетью, которую делают большого размера из рыболовных сетей, а особенно жирных и тяжело поднимающихся перепелов мальчишки убивают просто палками. Битую птицу ощипывают, отрезают голову и ноги, потрошат, делают на груди надрез, упаковывают и отсылают. Если вспомнить, что из тех перепелов, которые спасаются от преследования человека и хищных животных, еще тысячи гибнут в море, то трудно себе представить, каким образом их сильное размножение может пополнить эти потери».

Руруль, или **венценосная куропатка** (*Rollulus roulroul*), населяет Суматру и Малакку. У нее клюв толстый с тупым крючком, ноги с тонкими плюснами и короткими пальцами, задний палец без когтя. Крылья умеренно закруглены, из маховых перьев четвертое самое длинное, хвост короткий, оперение обильное, на надхвостье очень развитое, на лбу переходит в твердые, загнутые назад щетинки. Лоб, затылок и вся нижняя часть туловища черного цвета с синевато-стальным отливом; перья на темени белые. Сравнительно большой хохолок состоит из густых, растопыренных, мелко разветвленных перьев цвета ржавчины; маховые перья светло-коричневые — цвета ореха. Длина туловища достигает 26 см, длина крыла — 14, длина хвоста — 6 см. У самки нет хохолка, голова и верхняя часть шеи темно-серые, маленькие перья темно-зеленого травяного цвета, кроющие перья крыльев светло-орехового цвета.

«В некоторых местностях на Суматре, особенно во внутренних частях этого острова, — пишет мне Розенберг, — на целые мили простираются травянистые равнины. Эти равнины только

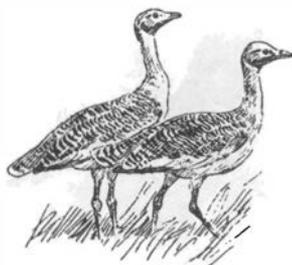
по берегам реки скудно заселены, поросли редкими деревьями и кустами, и местами окружают более или менее значительные остатки лесов; они служат любимым местопребыванием слонов, оленей, кабанов и тигров, но птиц там водится немного. Хорошо, если охотник или путник то там, то здесь спугнет кукушку, перепела, козодоя или стаю маленьких зябликов. Но, если он приблизится к одной из рощиц, то он найдет там гораздо более богатое население. Тут-то живет и гнездится одна из самых прекрасных и своеобразных пород куриных, отсюда она вылетает в вокруг лежащую степь, правда так недалеко, что при приближении опасности она всегда может вовремя скрыться в соседнем кустарнике».

Розенберг о венценосных куропатках говорит так: «Рулул не водится выше 1500 м над поверхностью моря, так что считается характерною птицей для жарких низменностей Суматры. На Яве он никогда не попадался мне. Эта птица живет в единобрачии, и потому ее находят преимущественно парами; днем, и если ей не мешают, она остается на земле, чтобы отыскивать пищу, которая состоит из насекомых, червяков, улиток, семян, ягод, почек и молодых частей растений. Вид у рулула

ленивый и вялый и поэтому он производит своеобразное впечатление на наблюдателя, так как держит свой почти непропорционально большой хохол всегда прямо; когда идет спокойно или стоит, то топорщит богатое оперение на надхвостье, а хвост подгибает к нижней стороне тела. Он держится менее напыщенно только тогда, когда бежит поспешно и вытягивает вперед шею и голову, а в состоянии совершенного покоя прячет голову между плечами и принимает почти шарообразный вид. Если его спугнуть, то он с громким свистом летит сильными, быстрыми взмахами крыльев, пролетает низко над землей 30—40 шагов и потом спускается, чтобы спастись бегством. Счастливи минуя опасность, самец призывает спугнутую самку особым призывным криком, который выражается в малайском названии «рулул». С наступаю-

Рулуль, или венценосная куропатка (Rorullus roulroul)

щей темной парой садится на низкий сук дерева, чтобы предаться ночному покою.

Во время спаривания за обладание самкой между самцами происходят горячие драки, причем пускаются в ход и клюв, и ноги. Я не мог узнать, живет ли самец всю жизнь с одной и той же самкой, но считаю это вероятным. Самка кладет 8 — 10 соразмерно больших, серовато-оливковых яиц в плоское углубление, скудно выложенное травинками и спрятанное под кустарником; она усердно высидывает их, а между тем недалеко самец стоит на стороже; впоследствии он тоже верно помогает своей подруге при воспитании птенцов.

К врагам рулула — змеям, хищным птицам и хищным млекопитающим, — присоединяется и человек, который неустанно охотится за ним из-за его вкусного мяса, и ловит его преимущественно силками. Я часто ловил его живым и держал довольно долго в неволе, кормя червяками, стрекозами и отваренным рисом».

Виргинский бобуайт, или **виргинская куропатка** (*Colinus virginianus*), узнается по следующим признакам: клюв короткий, сильный, очень выпуклый, верхняя челюсть загнута крючком, в передней части нижней челюсти находятся два или три зубчика. Ноги средней вышины, спереди с двумя продольными рядами гладких роговых пластинок, сбоку и сзади покрыты маленькими чешуйками. Крылья выпуклые, довольно длинные, в них четвертое маховое перо самое длинное; хвост из двенадцати перьев коротко закруглен; несколько блестящих перьев удлиняются на голове и образуют маленький хохолок. Все перья верхней части тела красновато-бурые с черными пятнами, крапинками, полосками и с желтыми краями; на нижней части тела перья бледно-желтые, с красновато-коричневой продольной полосой и с поперечными черными волнообразными полосками. Горлышко белое. Ото лба через глаз и до затылка тянется белая полоска. Через нее от глаза проходит черная полоска и охватывает шею; по сторонам шеи черные, белые и коричневые крапинки — все это вместе премило украшает головку этой перепелки. На верхних кроющих перьях крыла преобладает красновато-коричневый цвет; темно-коричневые большие маховые перья к краю бородки окаймлены светлее; малые маховые перья покрыты неправильными огненно-желтыми полосками; рулевые перья серо-голубые, за исключением средних желтовато-серых с черными крапинками. Глаза орехово-карие, клюв темно-бурый, ноги голубовато-серые. Самка отличается более бледной окраской и менее ясным рисунком перьев, особенно желтым цветом на лбу, бровях, по бокам шеи и на горле. Пол птенцов вообще-то похожих на самку, сейчас же узнается по более или менее ясному рисунку. Длина туловища достигает 25 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, длина хвоста 7 см.

Виргинская куропатка водится в Северной Америке на территории, ограниченной на севере Канадой, на западе Скалистыми горами, на юге Мексиканским заливом. Ее развели на Ямайке, Санта-Круссе и других островах Вест-Индии, а также в Англии с полным успехом, в других местах отчасти успешно. Она выбирает себе такое же местопребывание, как и наша куропатка; предпочитает поля, но ей необходимы густые заросли кустарников и тому подобные защищенные места; при случае она даже углубляется в лес. На юге Соединенных Штатов она оседлая птица; на севере зимой предпринимает странствования, которые могут обратиться в настоящие перелеты.

Судя по описаниям американских исследователей, виргинская куропатка походит на нашу куропатку своим образом жизни и своими привычками. Бегаёт она так же проворно, летает немного быстрее; остальные способности стоят приблизительно на той же степени развития, но голос ее более звучен и разнообразен, чем у куропатки. Он состоит из двух звуков, которым иногда предшествует еще вводный «бой»; они повторяются большей частью один за другим и звучат как «бобвейт». Этому крику легко подражать, и благодаря ему, сложилось народное название виргинской куропатки — «боб уайт». Нежное чувство выражается тихим чириканьем, страх — испуганным свистом.

Летом виргинская куропатка питается насекомыми и различными зернами хлебных растений; осенью зерна составляют главную ее пищу. Пока зеленеют поля, всем, от мала до велика, живется радостно и отлично; но с наступлением зимы и этот вид куриных терпит крайнюю нужду, и тогда куропатки решаются улететь в южные края. Во время таких путешествий многие погибают, потому что хищники преследуют их по пятам, а человек пускает в ход все средства, чтобы завладеть лакомой дичью.

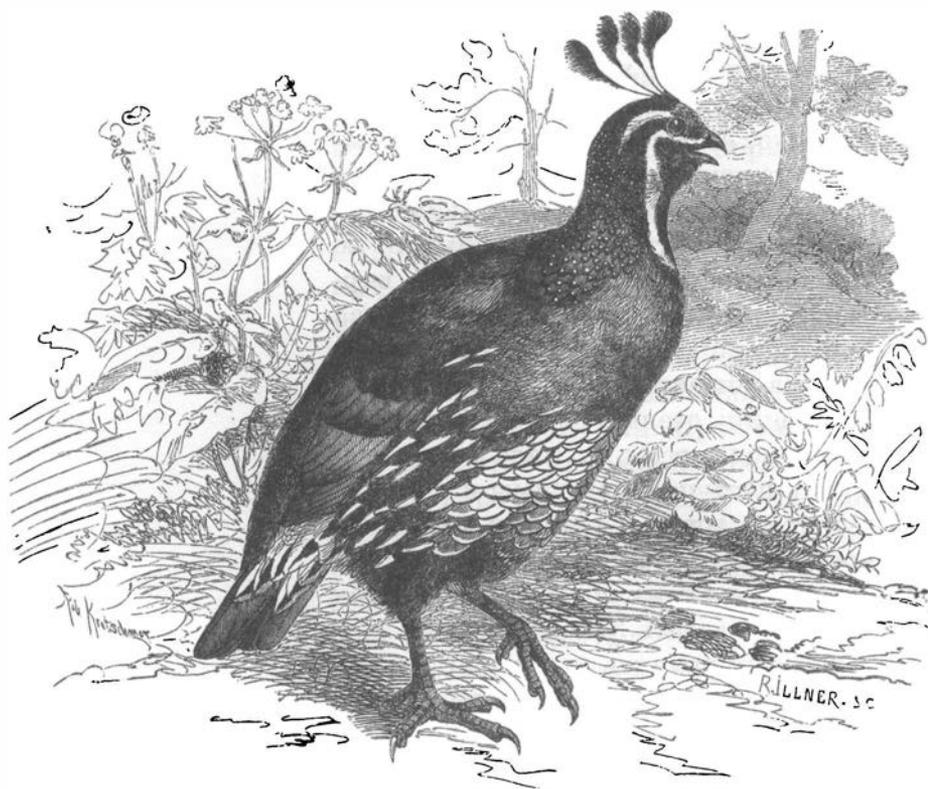
Виргинскую куропатку легко приручить и разводить в тех местностях, которые удовлетворяют ее жизненным потребностям. Пойманные птицы этой породы, если с ними разумно обращаться, примиряются со своей участью уже через несколько дней, теряют всякий страх и в удивительно короткое время привыкают к тем людям, которые за ними ходят. Еще легче делаются ручными те из них, которые выросли на глазах человека.

Американцы любят охотиться за хорошенькими птицами, мясо которых считается превосходным, хотя охота за ними не так легка, как за нашей куропаткой. Виргинская куропатка не взлетает из-под легавой собаки, но старается при приближении опасности спастись бегством, и только в крайней необходимости срывается обыкновенно из-под самых ног охотника. Охота еще затрудняется в том случае, если стая благополучно достигла леса, потому что тут все снимающиеся птицы садятся на деревья, прижимаются к толстым сукам, и их не различит самый острый глаз. Напротив того, они идут на пищик, и тому, кто умеет подражать

крику самца или самки достается богатая добыча. В Америке для этой охоты чаще применяют сети и силки, чем огнестрельное оружие.

Калифорнийский хохлатый перепел (*Lophortyx californica*).

Лоб соломенного цвета, каждое перо с темным стержнем; этот цвет ограничен полоской на лбу, которая, удлиняясь, образует брови. Затылок, покрытый длинными перьями, серо-голубой, каждое перо с черной полоской с краю и с черным стержнем, с двумя беловатыми пятнами на конце. Спина оливкового цвета, горло черное, окруженное белой полоской. Верхняя часть груди серо-голубая, нижняя часть — желтая, каждое перо светлее на конце и

Калифорнийский
хохлатый перепел
(*Lophortyx californica*)

с черной полоской по краям. Средина брюшка буровато-красная и каждое перо тоже обведено темной полоской, так что образуется черный раковистый узор. Величина туловища достигает 24 см, длина крыла 11, длина хвоста 9 см.

Все известные мне сообщения об образе жизни калифорнийских хохлатых перепелов очень скудны. «Эта великолепная птица, — рассказывает Гамбель, — чрезвычайно часто встречается по всей Калифорнии; зимой она соединяется в ог-

ромные стаи, которые состоят иногда из тысячи и более штук. Предположительно, лесные пространства способны укрыть такое большое число птиц. На заросших кустами равнинах и на склонах холмистых местностей перепел встречается также часто, как и в лесах. Эта птица выказывает такую же бдительность, как и виргинская куропатка, но гораздо проворнее на ходу, и делает напрасным всякое преследование тем, что с удивительной быстротой убегает и прячется. Если ее спугнуть вдруг, то она обыкновенно летит к деревьям и прижимается к горизонтальному суку, как белка; ее трудно найти еще и потому, что оперение очень походит на древесную кору. Гнездо устраивается на земле, обыкновенно у подножия дерева или под ветвями куста; хохлатый

перепел несет яйца иногда в большом количестве. Я нашел 24 яйца в мелком углублении, вырытом у подножия дуба; оно было выложено несколькими листочками и сухой травой, но середина не была ничем прикрыта. Возможно, что две курицы положили яйца в одно и то же гнездо, так как обыкновенно каждая кладка не превышает 15 яиц». Эти яйца в продольном разрезе достигают приблизительно 32, а в поперечном 24 мм; обыкновенно они желтоватые или светло-серые с темно-бурыми и буровато-желтыми пятнами, но бывают многочисленные отклонения.

«Красивая на вид, нежная на ощупь, душистая и чрезвычайно вкусная — калифорнийский хохлатый перепел, в самом деле, великолепная птица! Я любовался им уже много лет тому назад, с тех пор как увидел в первый раз в музее, украшением которого он служил: там из него было набито чучело и неуклюже приколочено к доске. Теперь же, после того как я наблюдал эту птицу живую в ее отечестве, видел ее раньше, чем потух блеск ее глаз, после того, как я сам охотился на ее цыплят, я еще более восхищаюсь ею и думаю, что вряд ли найдется в Америке другая птица, равная ей по красоте. Ее полные и круглые формы ничуть не кажутся неуклюжими, потому что шея и хвост у нее длинные, голова маленькая, а красиво выгнутые перышки придают ей необыкновенную миловидность. Ее бег легок и нетороплив: это поистине удивительное зрелище, когда петух с поднятой головой, с блестящими глазами и колеблющимся хохолком гордо переступает через лежащий на земле ствол, под которым спряталось его маленькое семейство! Он так храбр и вместе с тем так слаб, с такой твердой волей — и так беспомощен!

За исключением сплошного хвойного леса без кустарника, эти перепела селятся во всяких местностях, но очевидно предпочитают густые заросли и особенно береговой ивняк. Правда, они встречаются часто на полянках между кустарником, даже в кустах сухой равнины, и так как я встречал их во всяких местностях, то и не могу сказать, какие, собственно, они предпочитают.

Подобно другим куриным, калифорнийский перепел питается преимущественно семенами и плодами, хотя насекомые составляют немаловажную часть его корма. У него в зобу можно найти семена всевозможных трав, ягоды всех сортов, виноград и тому подобное, кузнечиков, жуков, мух и других насекомых, и, без всякого сомнения, когда Аризона заселится, эта перепелка не будет пренебрегать пшеницей, рожью и другими злаками. В первые весенние месяцы она охотно ест ивовые почки, и тогда ее мясо приобретает горький вкус.

Хорошенький хохолок, так сильно украшающий этот вид куриных, образуется в раннем возрасте; его замечают уже у цыплят, которым всего несколько дней. У них, правда, он состоит только из маленького, коротенького пучка из трех или четырех

перьев, которые скорее коричневого, чем черного цвета, не расширяются на конце и стоят прямо. Хохолок наклоняется вперед, только когда птица совсем оперится. Число перьев, из которых он состоит, значительно колеблется. Иногда их бывает 8—10, а иногда только одно.

Охота на калифорнийского хохлатого перепела труднее, чем на виргинскую куропатку. Хотя он взлетает не вдруг и летит не быстрее, но, если стая поднялась, и одна или две птицы убиты, то чрезвычайно трудно сделать еще один удачный выстрел. Кроме некоторых случаев, перепела летят не очень стойко, и раз спугнутые, они опять садятся на землю и скрываются так хорошо, что их уже больше не спугнуть; если же это удастся, то они убегают по возможности быстрее и дальше, так что их находят довольно далеко от места нападения. Привычка их спасаться бегством утомляет не только охотника, но и собаку до такой степени, что даже прекрасно выдрессированная собака не годится для этой охоты. Правда, стрелку часто предоставляется возможность стрелять по бегущей птице: но какой же охотник захочет таким бесславным образом набивать свой ягдташ благородной дичью! Полет калифорнийской перепелки замечательно быстр и всегда силен, ровен и прям, так что опытному стрелку не особенно трудно убить ее».

В Индии живут известные виды из семейства фазановых. Туловище у этих птиц плотное, клюв средней длины и сильный, верхняя челюсть выпуклая и загнутая на конце. У самцов ноги довольно высокие и снабжены шпорами, крылья короткие и сильно закруглены. Хвост средней длины, немного ступенчатый и кровлеvidный, так как 14 перьев, из которых он состоит, образуют две соприкасающиеся плоскости, образующие между собою угол. На голове поднимается мясистый гребешок; с нижней челюсти спускаются мягкие мясистые бородачки; щеки голые. Великолепные перья густо покрывают тело; перья надхвостья или верхние кроющие перья хвоста удлиняются, закрывают собственно рулевые перья и серпообразно висят с задней части тела.

Известные виды живут в лесах и ведут уединенную жизнь, хотя все они дают о себе знать своим голосом.

Индийская дикая, или банкивская, курица (*Gallus gallus*) имеет, по-видимому, наибольшее право считаться родоначальником наших домашних кур. Она часто встречается на востоке и в северной холмистой стране Индийского полуострова, обыкновенна на полуострове Малакке и на Зондских островах, но, наоборот, в средней Индии редко встречается. Странно, что у нас имеются только скудные сведения об образе жизни этой курицы, вероятно, ее трудно наблюдать. Охотник и наблюдатель встречаются на своем пути непреодолимые препятствия в тех лесах, где живут эти куры. По словам Жердона, при путешествии через лес часто приходится встречаться с этими птицами.

Петухи этого вида так же задорны, как их потомки, даже, пожалуй, еще задорнее: поэтому туземцы приручают их, так как находят, что если домашние петухи и бывают сильнее их, зато никогда не обладают их ловкостью и мужеством.

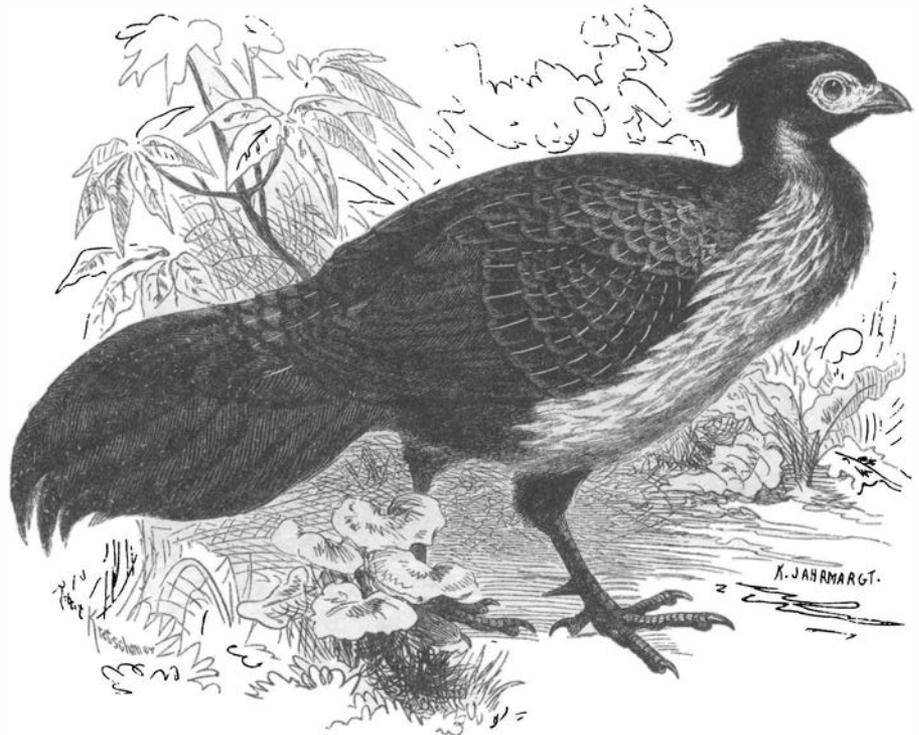
О размножении у нас имеется несколько сообщений. «Индийская дикая курица, — говорит Жердон, — кладет 8–12 молочно-белых яиц часто под бамбуковый куст или в густой кустарник; предварительно она сгребает в кучу несколько упавших листьев или немного сухой травы и prepares себе таким образом грубое гнездо. Она сидит на яйцах от июня до июля, смотря по местности.

На лесных куриц мало охотятся, потому что мясо их не особенно вкусно и отличается от мяса домашних куриц тем, что имеет буроватый цвет, кроме белых бедренных мускулов. Жердон высказывается против такого мнения, уверяя, что мясо молодых птиц имеет вкус самой превосходной дичи. Этот исследователь находит и охоту на них чрезвычайно интересной и говорит, что она особенно обильна там, где между полями лежат отдельные джунгли.

Всех диких куриц можно сделать ручными, но они привыкают к неволе далеко не так скоро, как можно подумать.

Птицы, пойманные старыми, никогда не делаются ручными, и даже если их яйца высидит домашняя курица, то птенцы, как только вырастут, при первой возможности стараются убежать.

Гималайский фазан, или черная лофура (*Lophura leucomelana*), по-индийски — киррик. Спина блестящего черного цвета, шея спереди и грудь белая, брюшко и нижние, кроющие перья хвоста очень темного бурого цвета. Глаза карие, клюв бледно-желтого рогового цвета, голые щеки ярко-красные, ноги серого рогового цвета. Длина достигает 60 см, размах крыла 72, длина крыла 22, длина хвоста 26 см. Самка немного меньше ростом.

Гималайский фазан,
или черная лофура
(*Lophura leucomelana*)

Область распространения гималайского фазана — восточная часть Гималайских гор. О жизни на свободе этого вида нам мало известно.

Серебряный, или серебристый, фазан (*Lophura nycthemera*) отличается от других фазанов длинным висячим хохолком, состоящим из распушенных перьев, и клинообразно удлинненным кровлевидным хвостом, средние перья которого не выгибаются в сторону, а только слегка наклоняются вниз. Длинный и густой пучок перьев на задней части головы черный, блестящий, затылок и верхняя часть шеи спереди белые, вся остальная верхняя часть тела белая с узкими поперечными черными зигзагами, ниж-

Серебристый фазан
(*Lophura nycthemera*)

няя часть тела черная со стальным отливом. Маховые перья белые, с черной очень узкой поперечной каемкой и с широкими параллельными полосками, перья хвоста по белому фону с такими же полосками, которые чем ближе к сторонам, тем гуще и яснее. Голые щеки прекрасного пурпурового цвета. Глаза светло-коричневые, клюв голубовато-белый, ноги красные, как коралл. Длина тела достигает 110 см, длина крыла 36, длина хвоста 67 см. Самка значительно меньше ростом, перья ее окрашены в серовато-ржавый цвет с очень мелкими серыми крапинками; подбородок и щеки беловато-серые, нижняя часть груди и брюшко беловатые с ржаво-коричневыми пятнами и черными поперечными полосками. Большие маховые перья черноватые, по наружным перьям хвоста идут черные волнообразные полосы.

Мы не знаем, когда попали в Европу первые серебряные фазаны, но можно предположить, что это случилось не раньше XVII века, так как писатели XVI века, например Геснер, не упоминают об этой красивой и замечательной птице. Родина серебряного фазана южный Китай; теперь он водится в диком состоянии в не-

многих местностях, но в Китае и в Японии его часто держат как домашнюю птицу. В Европе он успешно разводится при самом простом уходе и на свободе так же хорош, как на дворе или в большом саду.

Относительно способности двигаться и живости серебряный фазан уступает своим родичам. Некоторые даже называют его ленивой птицей. Он решается взлететь только при крайней необходимости, и, если, наконец, снялся, то пролетает небольшое расстояние и опять спускается на землю. В беге ему не достает ловкости и проворства золотистого фазана; по быстроте он, пожалуй, остается позади обыкновенного фазана, но зато превосходит их выносливостью. Голос различен, смотря по времени года. Весной во время спаривания чаще всего слышится протяжный звучный свист самца, в другое время только глухое кудахтанье: «ра-да-ра дук-дук-дук», сопровождаемое свистом только в том случае, если птица взволнована. Милости самки он домогается еще небрежнее, чем другие куриные. Самец, конечно, очень возбужден и готов на драку, даже показывает свою храбрость на людях: в бешенстве набрасывается на них и старается прогнать, толкая шпорами и ударяя клювом; но относительно самки он не выказывает особенных стараний, чтобы понравиться ей. Обыкновенно он поднимает только хохолок, когда хочет выразить свои нежные чувства, гораздо реже доходит он до того, что опускает голову, распускает крылья и растопыривает хвост.

Курица кладет 10–18 яиц, которые окрашены или в ровный красновато-желтый цвет, или в светло-желтый с маленьким коричневатými точками. Если оставить ей яйца, то она сама насиживает их с большим самоотвержением. Через 25 дней появляются цыплята, маленькие прелестные создания, которым очень идет их затейливо разрисованный пушок. Они довольно скоро вырастают настолько, что могут летать или, по крайней мере, порхать, но только на втором году достигают полного роста и убранства своих родителей. В ранней юности они предпочитают питаться насекомыми; позднее едят всевозможную зелень и, наконец, более твердые растительные вещества, именно семена и хлебные растения. Капуста, салат и плоды считаются лакомством. Их мясо так же хорошо, как мясо всякого другого фазана.

Маньчжурские ушастые фазаны (*Crossoptilon mantchuricum*) отличаются крепким телосложением. Клюв и ноги у них очень сильные, последние со шпорами, крылья средней длины и сильно закруглены, умеренно длинные ступенчатые перья хвоста расположены кровлеобразно, четыре средних согнуты, как бы разветвлены и распушены, перья на щеках направлены вверх и образуют так называемые уши, покровные перья тусклы и, за немногим исключением, без блеска.

Ушастый фазан, водящийся в Маньчжурских горах, был описан в 1862 году Свинхое. У него темное оперение. Самка отлича-

Семейство фазановые

ется тем, что несколько меньше самца и украшающие перья у нее менее развиты. Пржевальский наблюдал ушастого фазана в монгольских горах. Там монголы называют его харатака — «черная курица». Он водится в значительном количестве и почти исключительно в горных лесах, богатых кустарником. Питается, по-видимому, исключительно растительными веществами, молодыми зелеными почками, листьями барбариса, чаще всего корнями различных растений. Поздней осенью и зимой фазаны обыкновенно сидят на деревьях небольшими обществами; весной и летом держатся днем исключительно на земле и только к вечеру взлетают на деревья, чтобы переночевать на безопасной высоте. Так, по крайней мере, рассказывают охотники, потому что сам Пржевальский никогда не видел ни одного фазана на дереве. С началом весны общества распадаются, и с тех пор птицы поселяются попарно в известной области, чтобы выводить птенцов.

В начале мая все самки сидят уже на яйцах. Гнездо находится в густом кустарнике, выложено небольшим количеством травы и содержит 5–7 яиц. В начале весны, как только общества распались, самцы начинают токовать. Их в высшей степени неприятный голос напоминает крик павлина, только он не такой громкий и отрывистый. Кроме того, Пржевальский не знает, самцы ли или самки — испускают особенные глухие звуки, отчасти похожие на воркование голубя. Вообще самец кричит редко, с неопределенными промежутками и обыкновенно только после заката солнца, хотя изредка случается, что его голос раздается раньше, даже около полудня. Во время спаривания встречающиеся самцы сейчас же вступают в горячую драку. Но они кричат и призывают в течение утра так редко, что голос одной и той же птицы слышится самое большое пять-шесть раз. Эта неопределенность крика и большая осторожность ушастых фазанов чрезвычайно затрудняют охоту, особенно весной. Трудность эта увеличивается еще особенностями местности. Высокогорный лес, в котором он водится, завален упавшими деревьями и кучами прошлогодних листьев. Северные склоны гор поросли густыми зарослями колючих кустарников — барбарисом и дикой розой; южные склоны — это отвесные голые скалы. Все эти особенности его местожительства настолько неблагоприятны для охоты, что она может считаться одной из самых трудных. Нельзя и думать выходить на охоту с собакой, потому что в такой местности она не только не может оказать помощи охотнику, но даже часто не может следовать за ним, когда ему приходится лазать по скалам. Следовательно, охотник вынужден полагаться только на свой собственный слух и зрение. Но оба чувства помогают мало, потому что осторожная птица почти всегда слышит его приближение или замечает его издали и вовремя прячется. Только в очень редких случаях, когда на нее нападают незаметно, она взлетает; обыкновенно же чрезвычайно быстро спасается бегством. Иногда охот-

ник слышит шум ее шагов на расстоянии нескольких метров, но не может рассмотреть ее в чаще; или же птица показывается на мгновение и снова исчезает, так что охотник даже не успевает приложить ружье к плечу. Преследовать бегущего ушастого фазана совершенно невозможно, потому что он исчезает как камень, брошенный в воду. Если птица взлетает, то, несмотря на свою величину, так тихо и беззвучно, что часто ее и не слышишь. Она летит чрезвычайно спокойно, но обыкновенно недалеко, спускается снова на землю и убегает. Несмотря на все усилия Пржевальского и его спутников, им в 14 дней удалось убить только двух таких фазанов для коллекции. Двое местных охотников, нанятых для этой цели, бродили денно и ночно по горам в это время, и тоже добыли только двух куриц, настигнутых ими в гнездах.

Охотники убивают ушастых фазанов главным образом зимой, когда те сидят на деревьях, но силками ловят их гораздо больше. Главную добычу охотника составляет хвост, длинные распушенные перья которого употребляются как лучшее украшение шапок китайских офицеров; за них на месте дают на немецкие деньги 20 пфеннигов.

Пойманные ушастые фазаны кротки и покорны, легко привыкают к клетке и хозяину, очень выносливы, и так быстро размножаются, что их можно причислить к самым превосходным птицам для содержания в парках.

Обыкновенный фазан (*Phasianus colchicus*) окрашен так пестро, что я не берусь точно описывать его оперение.

Обыкновенный фазан населял первоначально берега Каспийского моря и западную Азию, но был разведен в Европе еще в

Маньчжурский
ушастый фазан
(*Crossoptilon
mantchuricum*)

древние времена. Аргонавты, предпринявшие поход в Колхиду, нашли эту великолепную птицу и привезли ее с собой в Грецию. Отсюда она распространилась по южной Европе, а римляне, которые очень ценили ее вкусное мясо, перенесли ее в южную Францию и в Германию. На юге нашего отечества, именно в Австрии и

Богемии, она живет в диком состоянии, а на севере Германии живет под покровительством человека в так называемых фазановых парках. Она часто встречается в Венгрии и на юге России, реже в Италии, очень редко в Испании, вырождается в Греции, где прежде была обыкновенна.

Королевский фазан (*Syrnaticus reevesii*). Это самый большой из всех фазанов, длина его достигает 2,1 м, длина хвоста 1,6 м.

Родиной королевскому фазану служат горы, лежащие к востоку и северу от Пекина. Фазаны избегают

сплошных, высокоствольных лесов и предпочитают рощи или густые кустарники, окруженные плодоносными полями или лугами и не имеющие недостатка в воде. Плодоносные нивы, по-видимому, благоприятны для их существования. Днем они бегают по земле, пробираются от одного куста к другому, проползают через кусты терновника, в которых надеются найти пищу. Иногда отправляются на опушку леса и отсюда на поля, где питаются, смотря по времени года, свежими посевами или спелыми семенами, и только с наступлением вечера отыскивают для сна подходящее дерево. В диких, поросших кустарником местностях они проводят ночь просто на примятом ими кусте ситника или терновника.

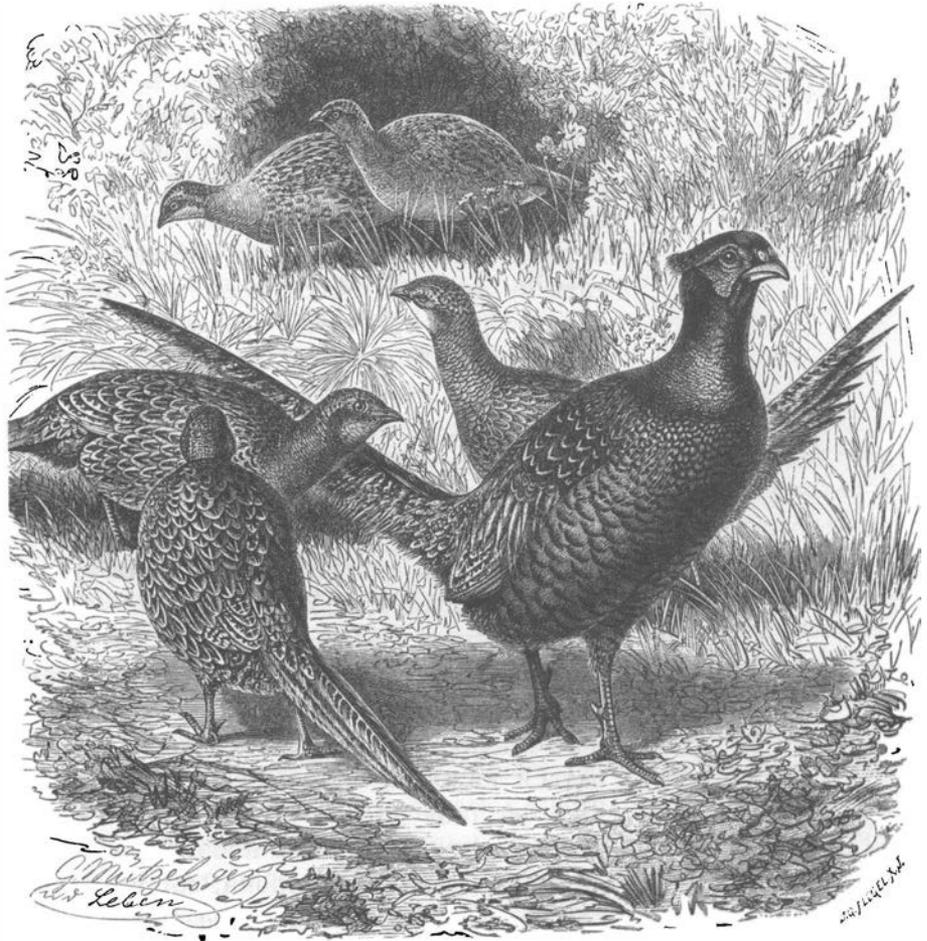
Фазаны одарены от природы слабыми способностями. Самец, правда, отличается великолепной осанкой и умеет выставить свою красоту в самом выгодном свете, но все-таки по понятливости не может сравниться с домашним петухом. Самка, по-видимому, без претензий; она держит себя всегда скромно. Бегают они превосходно, но летают плохо. Чувства развиты, но понятливость, безусловно, слаба. Все пестрые китайские фазаны одинаково ограничены, одинаково не способны вовремя принять надлежащее решение. Из похвальных качеств первое место занимает их безграничная любовь к свободе. Фазан привыкает к известной местности, если она отвечает его желаниям, но любит постоянно бродить.

Королевский фазан
(*Syrnaticus reevesii*)

«Вряд ли можно найти какую-нибудь породу дичи, — говорит совершенно справедливо Винкель, — которую можно так же легко лишить способности владеть собой, как эту, благодаря чему она не в состоянии бывает принять какое-нибудь решение. Если приближение человека или собаки застанет фазана врасплох, то он, по-видимому, забывает, что природа дала ему крылья; спокойно остается сидеть без движения на том же месте, где его застали, ежится и прячет голову, или начинает бесцельно бегать кругом. Ничто не бывает так опасно для его жизни, как поднятие воды в реке, протекающей вблизи его местопребывания. Если он находится в это время у самой воды, то будет стоять неподвижно на том же месте и смотреть в воду, не отводя от нее глаз. В результате этого его оперение промокнет и увеличится в весе настолько, что он уже не в состоянии бывает подняться. Тогда он погибает, сделавшись жертвой своей собственной глупости». Один фазан, за которым Винкель наблюдал в подобном случае, не только не старался спастись, но, наоборот, продолжал все глубже входить в реку. Когда ноги его перестали касаться дна, и его подхватило течением, он, расправив крылья по воде, с тихою покорностью стал ожидать своей участи. При помощи багра фазана вытащили на берег и избавили на этот раз от опасности. «Боязливость его, — говорит Науман, — не имеет границ. Пробежавшая мышь сильно пугает его; даже подползающая улитка сейчас же вспугивает с гнезда самку фазана; когда же наступает настоящая опасность, она остается лежать, как мертвая».

Самка отыскивает себе укромное местечко в густом кустарнике или среди высоко поднявшихся растений, например, в хлебах,

Обыкновенный
фазан
(*Phasianus colchicus*)

пырее или луговой траве. Выкапывает здесь небольшое углубление, сгребает в него несколько ветвей кустарника, находящихся поблизости, и кладет затем 8—12 яиц, всегда в промежутке 40—48 часов. Если отнять у нее яйца, то она кладет их большее количество, редко, однако, превышающее числом 16 или 18 штук. Размером яйца меньше, чем у яиц домашней курицы и окрашены в простой желтоватый серо-зеленый цвет. Положив последнее яйцо, самка тотчас принимается высидывать и занимается этим делом с усердием, достойным удивления. Сидит она на яйцах с такой настойчивостью, что дает подойти на очень близкое расстояние самому опасному врагу, прежде, чем решится оставить гнездо; да и тогда она обыкновенно не улетает, а в большинстве случаев убегает. По истечении 25—26 дней появляются птенцы. Мать согревает их, пока они совершенно не высохнут, и уводит из гнезда искать корм. Если погода стоит благоприятная, то маленькие, довольно проворные цыплята в течение 12 дней настолько развиваются, что начинают понемногу летать; когда же они достигнут величины перепела, то каждый вечер вместе со старой самкой начинают взлетать на деревья. Мать старается защитить их по возможности от всякого рода вредных влияний, ради них подвергается различным опасностям. Но, тем не менее, на долю ее редко выпадает счастье видеть всех птенцов взрослыми, так как молодые фазаны принадлежат к числу самых изнеженных и слабых птиц. Молодые остаются при матери до поздней осени и образуют выводок; затем, прежде всего, отделяются самцы, а к весне и самки, которые уже достигли половой зрелости.

Вряд ли существует какой-нибудь другой вид куринообразных, который был бы подвержен стольким опасностям, как фазан. Он скорее всех своих родичей погибает под влиянием перемены погоды и несравненно чаще становится добычей всякого рода хищников. Злейший враг его — лисица, которая ведет на него такую же охоту, как и человек, но гораздо лучше умеет пользоваться каждым случаем, чтобы обмануть вкусную дичь. Молодых фазанов уносят хорьки и кошки; ежи и крысы пожирают яйца в гнезде. Ястреб и кобчик, лунь и коршун тоже делают свое дело, даже ворон и ворона, сорока и сойка похищают цыплят, а также одолевают старых фазанов.

Золотистый, или золотой, фазан (*Chrysolophus pictus*). «Несмотря на то, что золотистый фазан уже с давних пор известен в Европе, — говорит совершенно справедливо Бодинус, — всякий рассматривает его всегда с одинаковым восхищением. Сила привычки не в состоянии притупить впечатление восторга, испытываемого при взгляде на великолепный блеск красок его оперения; тот же, кто видел его в первый раз, едва может оторваться от этого прелестного зрелища». В самом деле, золотистый фазан, или золотая курица у китайцев, может быть назван великолепной птицей, так как окраска его настолько же прекрасна, насколько

привлекательна его фигура. Густой хохол, состоящий из ярких золотисто-желтых слегка распушенных перьев, покрывает голову самца и оттеняет воротник. Отдельные перья воротника окрашены главным образом в оранжево-красный цвет, но имеют по краям кайму черно-бархатного цвета, так что образуется ряд параллельных темных полос. Перья зашейка, большая часть которых прикрывается этим воротником, золотисто-зеленого цвета, с черной каймой по краям, так что имеют вид чешуи. Перья спины и верхние кроющие перья хвоста ярко-желтого цвета. На щеках, подбородке и горле перья желтовато-белого цвета. На нижней части горла и на брюшке перья яркого шафранно-красного цвета. Кроющие перья крыльев буро-красного цвета, маховые перья красновато-серо-бурого с ржаво-красной каймой, плечевые перья темно-синие, по краям более светлого цвета, хвостовые перья покрыты по буроватому полю черным мраморным или сетчатым рисунком и, наконец, вытянутые в длину узкие верхние кроющие перья хвоста темно-красного цвета. Глаза золотисто-желтые, клюв светло-желтый, ноги буроватого цвета. Длина тела достигает 85 см, размах крыльев 65, длина крыла 21, длина хвоста 60 см. У самки господствующим цветом оперения является ржаво-красный цвет, переходящий на нижней стороне в ржаво-серо-желтый.

Родина золотистого фазана — Забайкальская область и восточная часть Монголии до самого Амура, а также южный и юго-западный Китай*. Восточная часть Тибета дают приют алмазному фазану. Оба они живут в горах; однако, золотистый фазан населяет низкий пояс, а алмазный фазан — высокий пояс, расположенный на 2000—3000 м над уровнем моря.

Золотистый фазан в существенных своих чертах похож на представителей других видов семейства, но можно все-таки сказать, что он быстрее в своих движениях, ловчее, умнее и понятливее, например, обыкновенного фазана. Движения его в высшей степени грациозны. Он может делать прыжки прямо-таки поражающие своей легкостью и грацией, умеет пролезать сквозь самые густые заросли с удивительной ловкостью и взлетает с места также гораздо быстрее других фазанов. Голос его, который, впрочем, редко слышен, похож на особого рода шипенье. О больших умственных способностях его также не может быть и речи, в особенности же ему свойственна, по-видимому, трусливость, присущая его семейству.

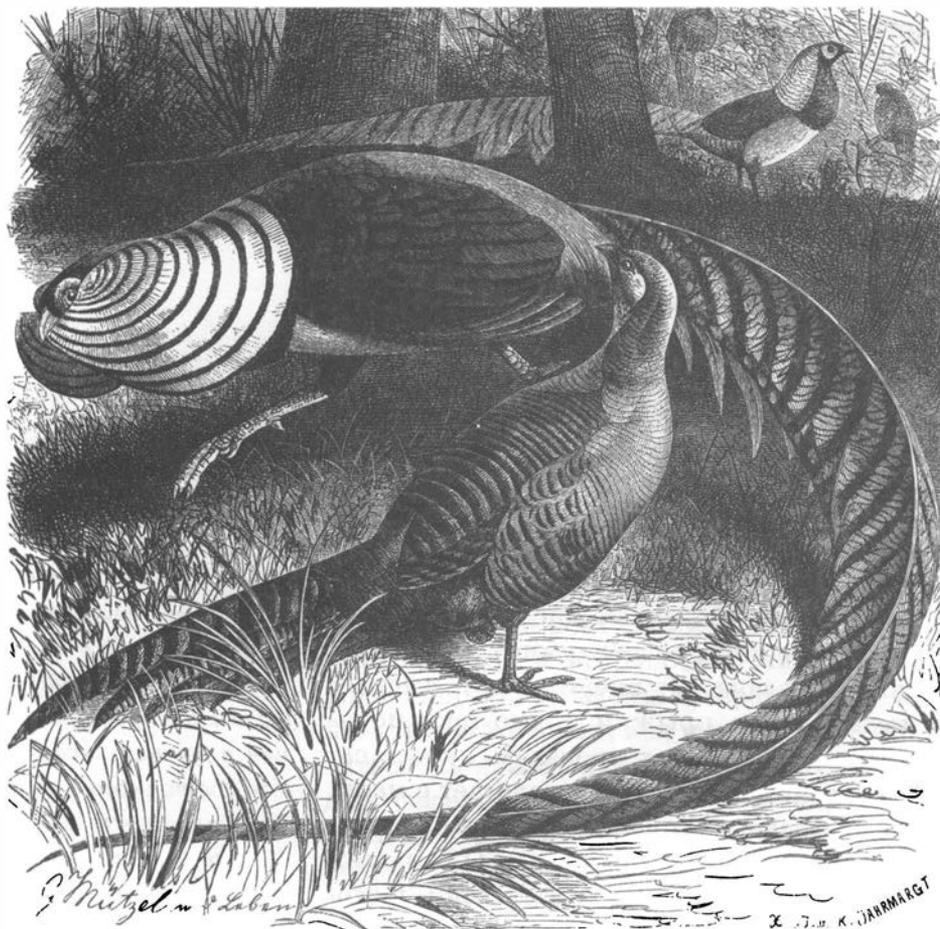
Золотистый фазан начинает токовать около конца апреля. В это время он чаще обыкновенного издает свой шипящий призывный голос, отличается более оживленными движениями, чем когда-нибудь в другое время, становится в высшей степени драчливым и любит принимать грациозные положения, причем нагибает голову, высоко вздувает воротник, распускает крылья, поднимает хвост и с необыкновенной грацией совершает всякого рода повороты. Чтобы его любовное настроение было услышано

Семейство фазановые

* Распространение золотого фазана охарактеризовано не верно: на Амуре, в Забайкалье и Монголии он не водится и не встречался в прошлом. Золотой фазан распространен в горных лесах юго-восточного Тибета, в южном Китае и на севере Ассама.

еще где-нибудь в другом месте, или желая подзвать самку, он издает один за другим 3—4 коротких отрывистых крика, имеющих отдаленное сходство со звуком, производимым при затачивании косы; их нельзя смешать ни с одним другим птичьим голосом, но также невозможно дать им более точное описание. В начале мая самка приступает к кладке яиц в таком месте, где она может свободно двигаться; при этом она выбирает себе местечко поукромнее и сооружает здесь неряшливое гнездо, по примеру других фазанов. Яйца, числом 8—12, очень малы и окрашены довольно равномерно в светлый ржавый или желто-красный цвет. По истечении 23—24 дней высиживания из яиц появляются в высшей степени милотвидные цыплята. По истечении первых 14 дней они начинают взлетать на деревья и, когда достигнут величины перепела, то уже весьма мало нуждаются в материнской опеке.

Все, что может быть сказано в похвалу золотистого фазана, относится также, но только в большей мере, к алмазному фазану. Он еще грациознее, еще ловчее, быстрее в движениях, умнее и, что важнее всего, он выносливее.

Все, что может быть сказано в похвалу золотистого фазана, относится также, но только в большей мере, к алмазному фазану. Он еще грациознее, еще ловчее, быстрее в движениях, умнее и, что важнее всего, он выносливее.

Алмазный фазан

Алмазный фазан
(*Chrysolophus
amherstiae*)

Алмазный фазан (*Chrysolophus amherstiae*). Второе его имя — фазан леди Амхерст, он был назван так в честь леди Амхерст, которая впервые привезла его в Европу. Алмазный фазан, на мой взгляд, превосходит красотой золотистого фазана.

У индийского, или хохлатого, павлина (*Pavo cristatus*), которого нам следует считать родоначальником самой красивой из наших домашних птиц, голова, шея и передняя часть груди окрашены в великолепный пурпурово-фиолетовый цвет с золотистым и зеленым отливом; спина зеленого цвета; каждое перо его

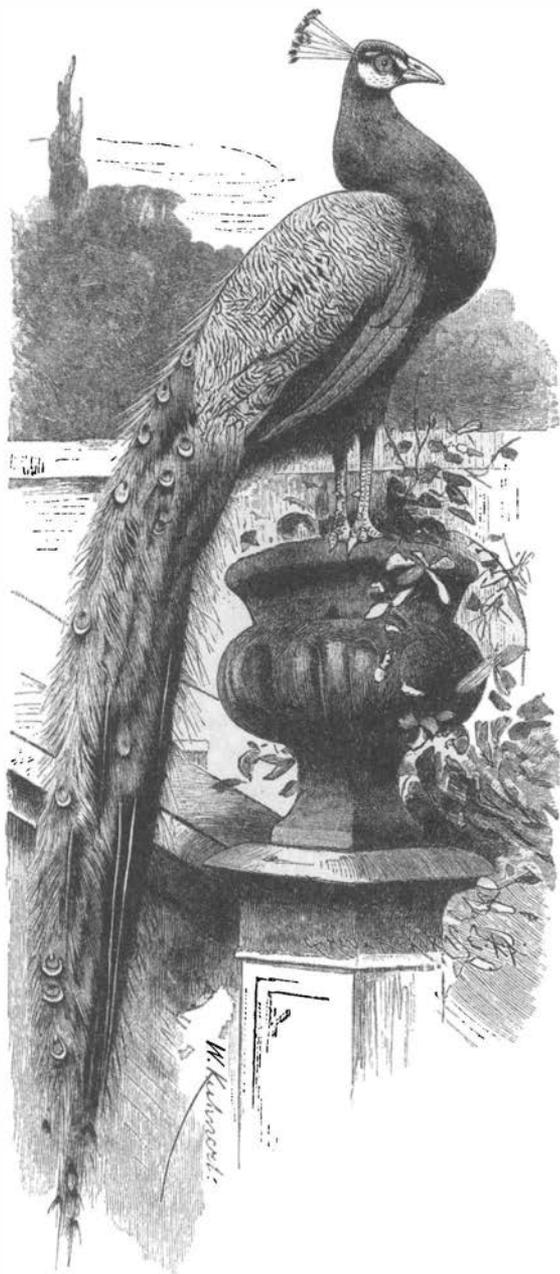
окружено каймой медного цвета и покрыто раковистым рисунком. Крылья белые с черными поперечными полосами, середина спины темно-синего, а нижняя часть черного цвета. Маховые и хвостовые перья светлого орехово-бурого цвета; перья, образующие хвост, зеленого цвета и украшены великолепными пятнами, имеющими вид глазков, так называемыми «зеркальцами». Перья, образующие хохол, числом 20—24, имеют бородки только на конце. Глаза темно-карие, голое кольцо вокруг них беловатого цвета, клюв и ноги бурые. Длина достигает 110—125 см, длина крыла 46, длина хвоста 60 см, но хвост бывает длиной до 1,2—1,3 м. У самки хохол на голове значительно короче и окраска его темнее, чем у самца. Голова и верхняя часть шеи орехово-бурого цвета, на затылке перья зеленоватые, с беловато-бурой каймой, нижние шейные перья светло-бурого цвета и покрыты тонким поперечно-волнистым рисунком. На zobу, груди и брюшке перья белые, маховые перья бурые, рулевые темно-бурого цвета с белой каймой на конце. Длина около 95 см, длина крыла 40, длина хвоста 33 см.

Этот павлин живет в Индии и на острове Цейлон, а в Ассаме и на Зондских островах, главным образом на острове Яве, его заменяют два родственных ему вида*. Он населяет леса и джунгли преимущественно гористых местностей, причем чаще встречается в тех из них, которые окружены открытыми равнинами или прорезаны оврагами, чем в тех, которые можно сравнить с нашим высокоствольным лесом. В горах южной Индии он поднимается до пояса, лежащего на 2000 м над уровнем моря; в Гималайских горах, однако, его нет; на острове Цейлон он встречается также преимущественно в горах. По словам Вильямсона, любимым местопребыванием его служат леса, поросшие густым кустарником или высокой травой, в том случае, если в них нет недостатка в воде; он также охотно живет на плантациях, доставляющих ему кров и имеющих отдельно стоящие, высокие деревья, удобные для ночного отдыха. Во многих местностях Индии его считают святой и неприкосновенной птицей, убиение которой, в глазах туземцев, считается преступлением и угрожает опасностью жизни каждому нарушителю этого закона. Поблизости многих индусских храмов содержатся многочисленные стада полудиких павлинов, уход за которыми принадлежит к числу обязанностей жрецов. Здесь павлины скоро начинают сознавать оказываемое им покровительство и обнаруживают, по крайней мере, по отношению к индусам, едва ли большую пугливость, чем те павлины, которые выросли на курином дворе.

Теннент уверяет, кто сам не видел павлина в уединенной, дикой пустыне, не может составить себе представления об его красоте. В тех частях острова Цейлона, которые редко посещаются европейцами, и где павлину никто не мешает, он встречается в таком громадном количестве, что днем можно видеть сразу це-

* Сейчас в роде павлинов выделяют только 2 вида.

Павлин, населяющий остров Яву и другие острова Индонезии и Индокитая, называется зеленым павлином (*Pavo muticus*).

Индийский, или
хохлатый, павлин
(*Pavo cristatus*)

лые сотни этих птиц, а ночью нельзя заснуть от не прерывающегося громкого их крика. Прекраснее всего выглядит павлин, когда взлетит на дерево, и длинный хвост его, то скрытый наполовину в листве, то распущенный на виду, становится чудным украшением самого дерева, на котором он сидит. Днем общества пав-

линов держатся большей частью на земле и только в утренние и вечерние часы выходят на открытые места и поля, чтобы искать здесь корм. Преследуемый павлин старается как можно дольше спастись бегом и решается взлететь только тогда, когда опередит своих преследователей на известное расстояние. Полет его тяжеловесен и шумен. Птица поднимается обыкновенно не выше, чем на расстояние выстрела, и редко залетает далеко. Можно было бы подумать, говорит Вильямсон, что павлин, раненный в крыло, тяжело падает на землю. Однако, это несправедливо: раненый павлин почти всегда очень скоро снова вскакивает на ноги и бежит тогда с такой быстротой, что в девяти случаях из десяти уходит от охотника, если тот не следует за ним по пятам. Перед собакой или более крупным хищником павлин испытывает гораздо больше страха, чем перед человеком, вероятно потому, что ему многое пришлось испытать от охотничьих собак и тигров. Если пустить собаку по его следу, то он как можно скорее взлетает на дерево и после этого уже не так легко дает согнать себя с места. Там, где есть тигры, охотники, поседевшие в Индии, по поведению павлинов с полнейшей уверенностью заключают о присутствии этого хищника.

Как настоящая куриная птица, павлин выбирает свою пищу равным образом, как среди животного, так и среди растительного царства. Он ест все, чем питается наша домашняя курица, но, благодаря своей величине и силе, в состоянии одолеть и более крупных животных. Например, он убивает змей значительной длины, которых частью и съедает. Когда поднимаются молодые хлеба, он всегда отправляется кормиться на поля, а когда созревают плоды священной смоковницы, то он до того наедается ими, что мясо его приобретает горький вкус.

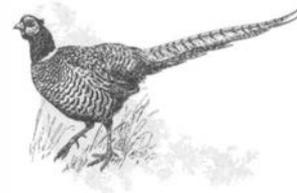
Яйца павлин высидывает в различные времена года, смотря по местности, в южной Индии около конца дождливого времени, а

в северной части страны, начиная с апреля и до октября.

Нельзя сказать, чтобы павлин считался за отличную дичь у европейских охотников в Индии, тем не менее, никто из их не в состоянии устоять против искушения застрелить самца, плавно несущегося по воздуху. Мясо старых птиц пригодно, правда, только для супа, но мясо полувзрослых отлично, благодаря тому, что оно мягко и имеет превосходный вкус дичи.

Когда павлин впервые прибыл в Европу, в достоверности неизвестно. Александр Великий не знал ручных павлинов, так как дивился, когда в первый раз увидел павлина на воле во время похода в Индию, и, как гласит предание, привез его с собой в Европу. Но, тем не менее, эта великолепная птица гораздо раньше уже была распространена на западе. «Эта птица жила там (в Индии) на свободе в лесах, — пишет Ген, — и оттуда проникла она по пути финикийской морской торговли в область Средиземного моря; это не только видно из одного памятника, указывающего на начало X столетия до Р. Х., но подтверждается также сравнением собственных имен. Корабли царя Соломона, снаряжавшиеся в Эдомитских гаванях, во время поездок в Офир и обратно, в числе других драгоценностей привозили с собой также павлинов». Во времена Перикла павлин был такой редкостью в Греции, что люди издалика приходили смотреть на него. Аристотель, переживший Александра только на два года, говорит о павлине, как о птице обыкновенной и хорошо известной во всей стране. На пирах римских императоров он уже играл выдающуюся роль. Вителлий и Гелиогабал подавали гостям своим огромные блюда, состоявшие из языков и мозга павлинов и самых дорогих индийских пряностей. На острове Самосе его держали в храме Юноны и изображали на монетах. В Германии и Англии, в XIV—XV столетиях он был, по-видимому, еще большею редкостью, так как английские бароны доказывали свое богатство тем, что на больших пирах приказывали подавать жареного павлина, украшенного его собственными перьями и обложенного сливами, бывшими в те времена еще большею редкостью. Геснер, естественная история которого появилась в 1557 году, знал его очень хорошо и дает уже подробное описание его. «Между большими птицами павлин занимает первое место по фигуре, уму и красоте своей. Он дивится своей чудной красе и, если кто-нибудь хвалит его и называет красивым, то он быстро распускает свои цветные и золотистые перья, подобно прекрасному цветнику; если же бранят его, то он прячет хвост и выказывает этим презрение к своему поносителю. Когда его хвалят, он распускает хвост, однако, как только он посмотрит на свои безобразные ноги, то снова опускает его. Когда павлин просыпается ночью и не может осмотреть самого себя в темноте, он боязливо кричит и думает, что потерял свою красу. Павлин не только знает, что он самая красивая из всех птиц, но знает также, какое место у него красивее

Семейство фазановые

всего, поэтому он поднимает шею и очень гордится перьями, которые служат ему украшением. Когда же хочет испугать кого-нибудь, то сначала распускает перья, затем трещит ими и кивает трижды своей гордой головой. Желая охладиться, он распускает перья так, что они дают ему тень и укрывают от жары. Когда же ветер дует ему в зад, то он распускает крылья для того, чтобы воздух проходил через них и охладил его таким образом. Когда его хвалят, он выказывает тщеславие, подобно красивому ребенку или красивой женщине; тогда он поднимает по порядку свои перья, так что они становятся похожи на красивый цветник или пеструю картину. Перед художниками, желающими изобразить его, он стоит совершенно смиренно, чтобы они могли хорошенько рассмотреть и срисовать его, как рассказывает Элиан. Павлин очень чистоплотная птица, он ходит с осторожностью, чтобы не загрязниться, и, если, будучи еще молодым, замочится или перепачкается, он часто умирает от этого, не будучи в состоянии выносить никакой грязи».

В существенных чертах мы и поныне придерживаемся приблизительно того же мнения, как и старый Генсер. Гордость и тщеславие действительно составляют самую выдающуюся черту характера павлина, и он выказывает их не только перед самкой, но также и перед человеком. Но, кроме этого, он еще самоуверен и властолюбив.

В лесах Гималайских гор, от Афганистана до крайнего востока этой горной цепи, на высотах, лежащих от 2000 до 3000 м над уровнем моря, живет великолепная птица, может быть, самая красивая из всего семейства — **гималайский монал** (*Lophophorus impejanus*).

Трудно описать великолепие окраски монала. Голова и горло металлически-зеленого цвета; хохол на голове как бы из золотых колосьев. Верхняя часть шеи и затылок отливают пурпурово-красным или карминно-красным цветом и имеют рубиновый блеск. Нижняя часть шеи и спина бронзово-зеленые с золотистым блеском; некоторые перья на спине белого цвета. Нижние шейные перья и кроющие перья крыльев, зашеек и верхние кроющие перья хвоста фиолетово- или голубовато-зеленые и блестят так же, как и остальное оперение. Середина груди темного цвета с зеленым и пурпуровым отливом, брюшко темного цвета и лишено блеска; маховые перья черные, рулевые перья буровато-красного цвета. Глаза карие, голое место вокруг них синеватого цвета, клюв темный, ноги темного серо-зеленого цвета. У самки горло и область зоба белые, все остальные перья покрыты темно-бурыми пятнами, волнистыми линиями и полосками по бледно-желто-бурому полю; большие маховые перья черноватого, малые маховые перья черного цвета с буро-желтыми поперечными полосками. Длина самца достигает 65 см, размах крыльев 85, длина крыла 30, длина хвоста 21 см. Самка заметно меньше ростом.

Многие охотники считают мясо монала равным по достоинству мясу индийского петуха, другие утверждают, что его почти нельзя есть. Самки и молодые птицы доставляют осенью превосходное жаркое, тогда как к концу зимы эта дичь становится хуже на вкус. Смотря по времени года, охота на монала сопряжена с большими или меньшими затруднениями; благодаря, однако, тому, что эта прекрасная дичь встречается часто, искусный охотник всегда возвращается с богатой добычей. Осенью охотник ждет, пока поднятые им птицы взлетят на деревья, затем подкрадывается к первой, убивает ее, подходит к другой, убивает ее, и так долгое время может продолжать свою охоту, так как животные, по-видимому, мало обращают внимания на выстрелы.

Взрослых моналов содержать в клетке легко; тем не менее, эта великолепная птица принадлежит к числу редкостей в наших зоологических садах. В Индии, в подходящих для этого местах, можно содержать столько моналов, сколько пожелаешь; но эти горные птицы не выносят жары во влажной местности, и большинство из них умирает во время путешествия. Леди Импей привезла в Англию первых живых моналов и много потратила труда и денег, чтобы поселить их здесь. Эти птицы в неволе ведут уединенный образ жизни, прячутся от наблюдателя, держатся всегда пугливо, постоянно роются в земле, беспрестанно разрывают поросшие травой места в своей клетке и очень скоро приводят их в безобразный вид. Зиму они переносят так же легко, как и наши фазаны. В парке графа Дерби впервые удалось заставить моналов размножаться; впоследствии они высидывали яйца в зоологических садах.

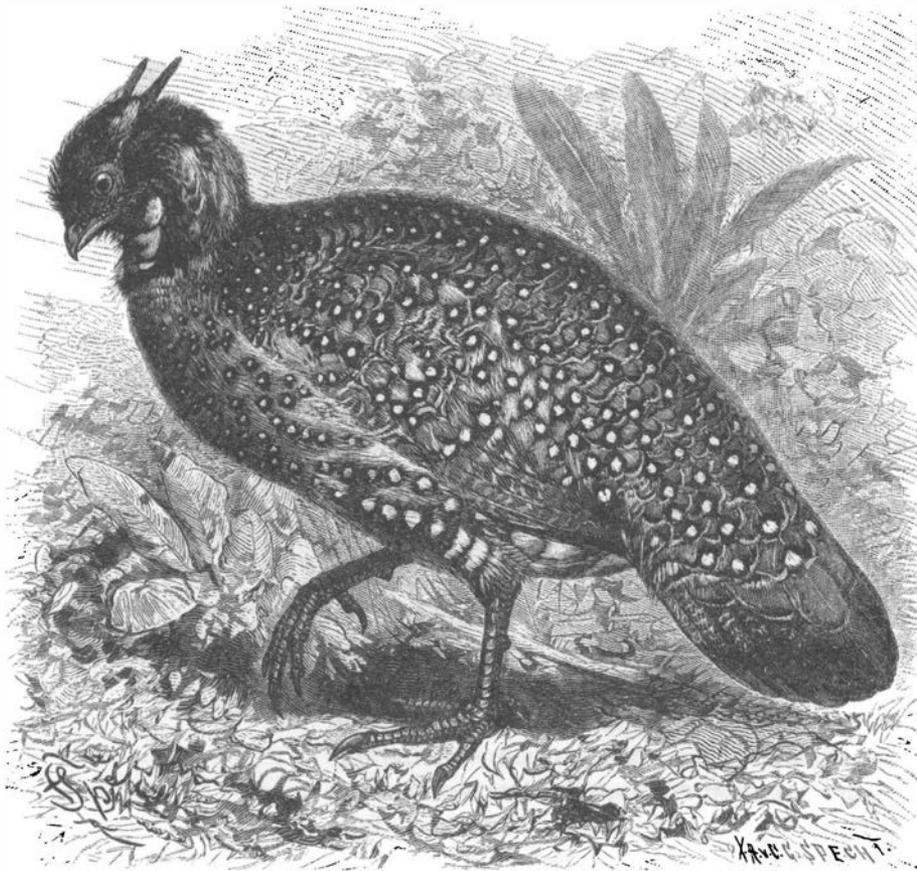
Трагопан-сатир (*Tragopan satyra*) обитает в восточной части Гималайских гор, Непале и Сиккиме. Представляет собой, несомненно, самый красивый вид этого семейства. Лоб и темя черного цвета. Через виски к затылку тянется довольно широкая черная полоса, такого же цвета узкая кайма окружает кожистые наросты. Затылок, верхняя часть шеи и прибавочные крылья одноцветные, карминно-красные; зашеек, грудь и брюшко покрыты по красному полю рисунком, состоящим из белых с черной каймой пятен, расположенных на концах перьев. Нижние шейные перья и верхние кроющие перья хвоста бурого цвета покрыты черными и желтыми полосками и украшены пятнами на конце. Некоторые кроющие перья крыльев покрыты также красноватыми пятнами, темно-бурые маховые перья имеют края глиняно-желтого цвета и украшены такими же полосками. Рулевые перья черного цвета и покрыты в корневой своей части темными, огненно-желтыми поперечными полосками. Глаза темно-карие, голая глазная область, рог, зоб и кожистые наросты темно-синего цвета и покрыты красными или оранжево-желтыми пятнами, ноги желто-бурого цвета. Длина тела достигает 75 см, длина крыла 30, длина хвоста 28 см. У самки, которая заметно меньше ростом, в

Семейство фазановые

оперении преобладает красивый бурый цвет. Оперение на верхней части тела темнее, чем на нижней, и разрисовано многочисленными черноватыми и красноватыми поперечными полосками и пятнами, а также беловатыми стержневыми полосками и пятнами.

О жизни сатиров на свободе рассказывает натуралист. «Обыкновенным местопребыванием этой великолепной птицы служат густые и темные леса, растущие высоко в горах, под самой снеговой линией. Зимой она спускается ниже и поселяется тогда в самых густых местах дубовых, ореховых и самшитовых лесов, в

Трагопан-сатир
(*Tragopan satyra*)

которых горный бамбук образует между высокими деревьями непроходимые чащи. Здесь встречаешь их обществами от 2 или 3 штук до дюжины и более, но не соединенными вместе семьями; они, напротив, рассеяны по лесу, хотя такая стая, если не тревожить ее, держится вместе. По-видимому, выводок каждый год возвращается в ту же местность, или остается жить в ней даже тогда, когда почва покрыта снегом. Если сильная гроза или другие причины заставляют семью покинуть место своей стоянки, то она направляется, обыкновенно,

в долины, поросшие лесом, небольшие лесочки, или также в чащи кустарников».

«Зимой трагопан совершенно не кричит, пока его не пугают; я, по крайней мере, ни разу не слышал, чтобы он по собственной охоте кричал в это время. Если спугнуть его, то он издает жалобные крики, которые имеют некоторое сходство с бляением молодого ягненка, и могут быть приблизительно выражены слогами «вэ-вэ-вэ». Эти звуки сначала следуют так медленно один за другим, что их можно ясно отличить; затем птица начинает выкрикивать их быстро один за другим, вслед за тем пти-

ца, обыкновенно, поднимается. Там, где трагопана не тревожат часто, он не особенно пуглив и редко поднимается раньше, чем преследователь подойдет к нему на очень близкое расстояние. Тогда он старается пробраться через кустарник, или поднимается и взлетает на дерево. Он кричит все время, пока бежит, или до тех пор, пока не спрячется в ветвях. Если птиц несколько, то все они начинают кричать в одно время и разбегаются по различным направлениям, причем некоторые бегут по земле, другие же взлетают на деревья. Когда испугнешь их в первый раз, то они летят только до ближайшего дерева; если же их поднимают чаще, то они улетают обыкновенно на довольно далекое расстояние, причем охотнее всего летят под гору. Полет их отличается быстротой и своеобразным, трескучим звуком, так что трагопана, даже не видя его, легко узнать и отличить от других диких куриных. Там, где его местопребывание часто посещается охотниками и туземцами, трагопан держится осторожнее, а если подобные посещения повторяются постоянно, то он становится, наконец, до того пугливым и хитрым, что превосходит в этом отношении всякую другую птицу. В таких случаях, как только он заметит присутствие человека, то обыкновенно, испустив свой призывный крик, или иногда без крика, взлетает на дерево и прячется в густой листве его вершины так искусно, что найти его нельзя, или можно, но если удастся заметить сучок, на который он взлетел. Ночь он проводит постоянно на деревьях.

«С началом весны, как только на более высоких горах начинает таять снег, сатиры покидают свое зимнее местопребывание, разъединяются мало-помалу и рассеиваются по тихим и уединенным лесам в поясе березы и белой альпийской розы, поселяясь обыкновенно на самой опушке леса. Они спариваются уже в апреле, и тогда чаще обыкновенного приходится встречаться с самцами. Из них, по-видимому, многие ведут кочевой образ жизни, желая, вероятно, отыскать себе подругу».

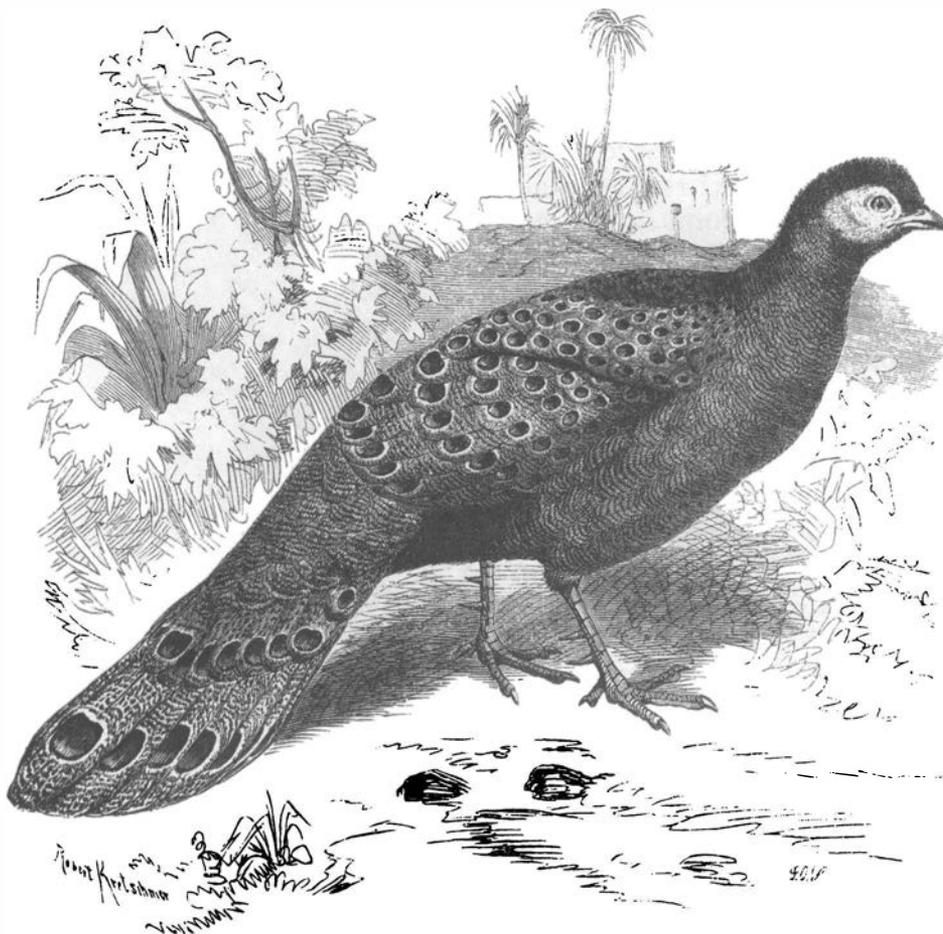
«Главная пища сатира состоит из листьев и почек деревьев, преимущественно различных видов дуба и самшита; но рядом с этим они потребляют также и коренья, цветы, ягоды, семена и зерна, а также жуков и других насекомых, всегда, однако, в относительно небольшом количестве сравнительно с количеством потребляемых листьев».

О высиживании яиц этот натуралист не сообщает ничего; но мы, по крайней мере, отчасти знакомы с этим делом из наблюдений над пленными сатирами. Они легче многих своих родичей содержатся в клетках, очень хорошо переносят наш климат при надлежащем уходе.

Павлиний фазан (*Polyplectron bicalcaratus*). У этой птицы обе стороны головы и горло белого, а темя серого цвета, с темными волнистыми полосами. Все оперение вообще землисто-бурого цвета с небольшими желто-буроватыми пятнами яйцеобраз-

Семейство фазановые

* Павлиний фазан встречается также на севере Индии в Сиккиме.

Павлиний фазан
(*Polyplectron
bicalcaratus*)

ной формы, которые на шейке и крыльях принимают форму блестящих фиолетовых глазков с белой каймой, а на хвосте превращаются в зеркальца блестящего сине-зеленого цвета. Голая область глаз буроватого цвета. Длина достигает 60 см, из коих 25 см приходится на долю хвоста. Самка отличается более коротким хвостом, мозолистыми наростами, заменяющими шпоры, и менее блестящей окраской оперения.

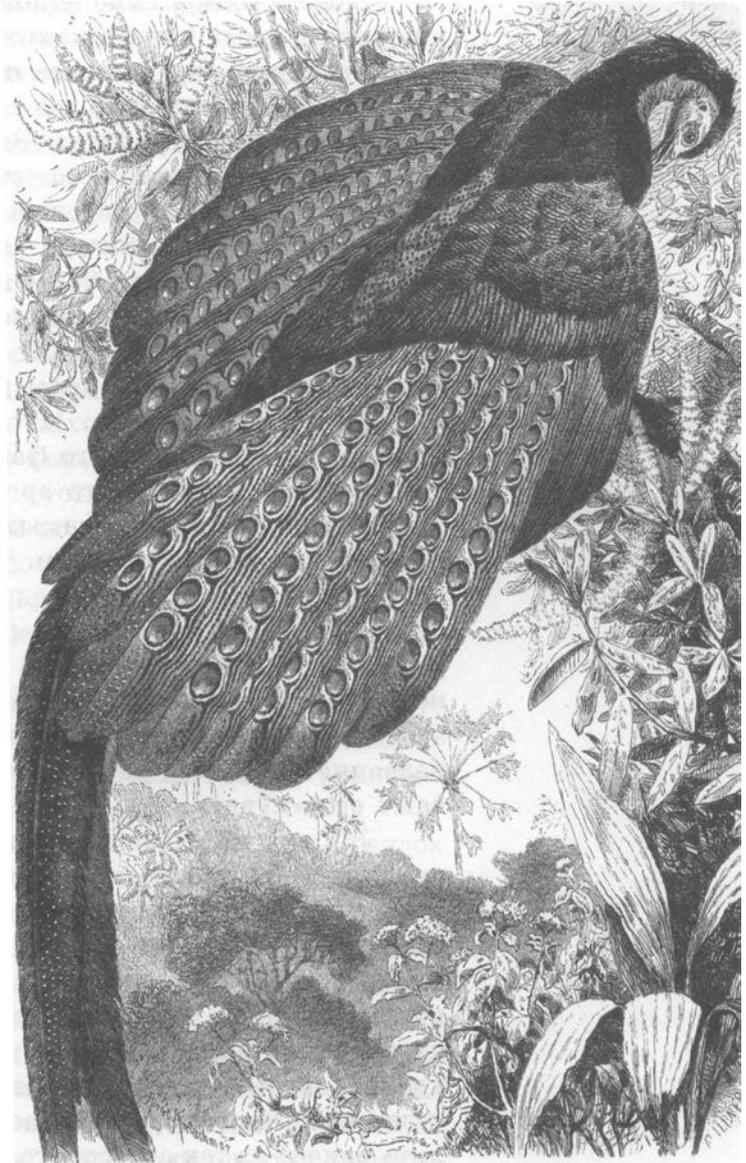
Павлиний фазан встречается в Ассаме и Бирме*. О его жизни на воле нам ничего не известно. Говорят, что все павлиньи фазаны по возможности скрываются в дремучих лесах, много вре-

мени проводят на земле, преимущественно в частых кустарниках и вследствие этого редко попадают на глаза. О степени достоверности этих сообщений я судить не могу; считаю, однако, долгом заметить, что поймать этих птиц и приучить их к неволе и к подходящему корму не должно быть особенно трудно, так как в неволе их случается видеть нередко. Иногда они попадают и в наши клетки, прекрасно переносят потерю свободы, но не легко размножаются. По своему образу жизни они с нашими домашними птицами имеют

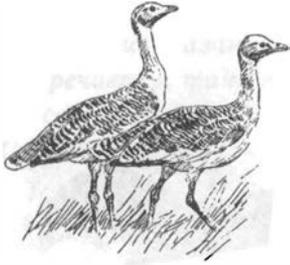
больше сходства, чем с павлинами, в особенности походят они на кур. Гааке сообщает, что весной, стало быть, во время спаривания, самец распускает хвост и крылья и в этом положении постоянно преследует самку. Осанка его очень миловидна и грациозна и потому он производит на наблюдателя самое благоприятное впечатление.

Большой аргус (*Argussianus argus*). Аргус отличается от всех известных птиц тем, что перья плеча и предплечья чрезвычайно удлинены, расширены на конце, притом имеют мягкий стер-

жень, но жесткое опахало, тогда как большие маховые перья, наоборот, очень коротки. Своеобразная красота оперения у спокойно сидящей птицы, за исключением только зеркальцев, покрывающих последнее малое маховое перо, совершенно незаметна. Она проявляется лишь при распускании крыльев и хвоста. Короткие перья на темени бархатисто-черные; волосистые перья задней части шеи желтого цвета и покрыты черными полосками, перья на шее и зашейке ярко-бурого цвета и испещрены светло-желтыми крапинками и полосками. Перья средней части спины на желтовато-сером фоне покрыты темно-бурыми пятнышками, нижние перья довольно равномерно красно-бурого цвета и покрыты черными и светло-желтыми полосками и волнистым рисунком того же цвета. Наружная часть опахала малых маховых перьев покрыта на красновато-сером фоне рядом частых продолговатых темно-бурых пятен, окруженных более светлым ободком. Внутренняя часть опахала около стержня покрыта на серо-красном фоне мелкими белыми точками. На длинных кроющих перьях плечевой части крыла преобладает прекрасный красно-бурый цвет, образующий основную окраску; рисунок же состоит из светлых серо-красноватых полос, между которыми лежат ряды красно-бурых пятен с темным ободком из желтовато-белых пятен. А также из черточек, рубцов, буровато-красных сетчатых полосок и, наконец, больших с блестящим отливом зеркальцев, ограниченных темной чертой со светлой каймой. Эти зеркальца расположены у самого стержня; на наружной части опахала и на больших маховых перьях они выступают более отчетливо, нежели на малых маховых перьях. Самые длинные перья хвоста черные, внутренняя часть стержня пепельного цвета, наружная красно-бурого, оба опахала украшены белыми пятнами с черным обод-

Большой аргус
(*Argusianus argus*)

ком; остальные рулевые перья имеют с ними сходство, с той только разницей, что мелкие пятнышки расположены рядами и многочисленнее. Общая длина достигает 1,7—1,8 м, из коих на долю средних хвостовых перьев приходится 1,2 м, длина крыла равна 45, длина же самых длинных нижних маховых перьев — 75 см. Самка значительно меньше и отличается более простым оперением и рисунком.

В 1780 году в Европе появились и возбудили всеобщее восхищение первые чучела каких-то прекрасных птиц, о существовании которых уже имелись некоторые сведения. Несколько позднее (в 1785 году) Марсден сделал следующее сообщение относительно их образа жизни: «Знаменитый аргус — это птица необыкновенной красоты и может быть красивейшая из всех. Поймав аргуса в лесах, чрезвычайно трудно сохранить его некоторое время живым. Мне никогда не случалось видеть, чтобы его удалось сохранить живым более месяца. Он от природы ненавидит свет. Когда находится в темном месте, то он весел и испускает иногда крик, который звучит, как его местное название «куау». Кричит скорее жалобно, чем резко, как павлин. Днем он сидит совершенно неподвижно. Мясо его имеет точно такой же вкус, как и мясо обыкновенного фазана».

Рэффлс говорит, что аргус, играющий важную роль в поэзии малайцев, живет в самых дремучих лесах Суматры и обыкновенно встречается парами. Туземцы утверждают, что он играет в «галанган», то есть, надувшись, вертится кругом, подобно павлинам. Соломон Мюллер рассказывает, что он в первый раз услышал громкий голос этой птицы, когда ночевал на юге Борнео, около Сакумбони, на высоте 60 м над уровнем моря, и что аргус у местных жителей, населяющих южную часть Борнео, носит название «харуве», тогда как малайцы острова Суматры называют его «кувау».

Жарден и Сельби сообщают, что большой аргус во время спаривания является во всей своей красе. Тогда он ходит, подняв хвост кверху и растопырив крылья. Птенцы приобретают свое великолепное оперение лишь после многократного линяния. Туземцы ловят аргуса в петли, так как он не только необыкновенно пуглив и хитер, но также прекрасно умеет прятаться в густых кустарниках лесов и, благодаря тому, что цвет его оперения подходит к окружающей обстановке, скрывается даже от зорких глаз туземцев. Один старый малаец, которого Уэллэс просил застрелить одного из тех аргусов, голоса которых постоянно слышались в лесах Малакки, уверял, что в течение 20 лет его охотничьей жизни ему не только ни разу не случалось убивать их, но даже никогда не приходилось видеть одного из них в лесу на воле. Ловят, однако, эту птицу далеко не редко, так как малайцы умеют ценить по достоинству ее превосходное мясо. «В Паданге, на западном берегу Суматры, — пишет Розенберг, — туземцы часто

приносили мне живых аргусов и уступали их по 1,5 — 2 гульдена за штуку; он, стало быть, должен часто встречаться в горных лесах этих островов. В самой глуши лесов на сухих, доступных солнечным лучам прогалинах путешественнику или охотнику нередко попадаются места, тщательно очищенные от сучьев и листьев, от которых по всем направлениям идут узкие тропинки, ведущие в лес. Сюда, главным образом в полдень, аргус является для того, чтобы отдыхать, играть и драться; здесь случается видеть, как он, наподобие кур, лежит на согретой солнцем земле и купается в песке; в счастливом случае иногда приходится наблюдать его во время игры или драки; на ведущих отсюда тропинках охотники и ставят свои силки. По уверению туземцев, самец водит за собою нескольких самок. Пока он не возбужден половым чувством, то походкой и осанкой вполне походит на павлина: плотно прижимает к телу свои красивые крылья и в горизонтальном направлении вытягивает хвост. Во время же спаривания самец с распушенными и прижатыми к земле крыльями, токуя, гордо разгуливает по лесным прогалинам; в это время слышится своеобразный, напоминающий мурлыканье звук, привлекающий самок, но несколько не похожий на крик «куау», от которого произошло его прозвище. Говорят, что самка кладет в незатейливое, спрятанное в частом кустарнике гнездо, 7—10 белых яиц, несколько не уступающих по своей величине гусиным; мне самому никогда не приходилось их видеть. На воле аргус питается насекомыми, улитками, червяками, почками и семенами. Мои пленники предпочитали вареный рис всякой другой пище. Мясо их чрезвычайно вкусно».

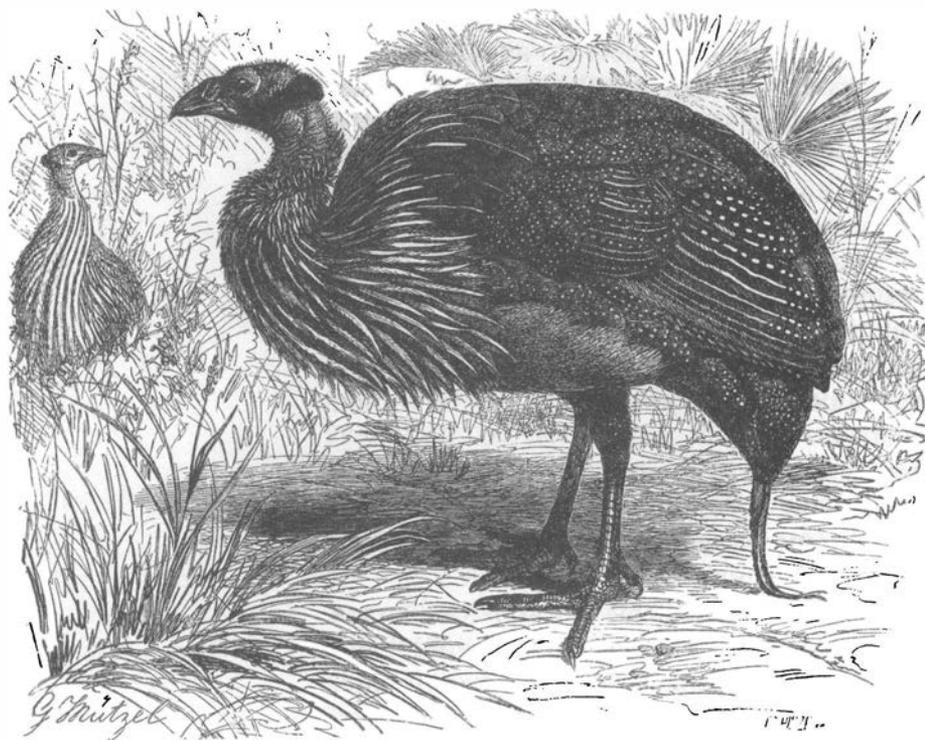
До нового и новейшего времени мы разделяли мнение Марседена, будто бы аргус не переносит неволи; в конце же шестидесятых годов и эта гордая птица нередко попадала в Европу живой. Я видел ее в нескольких зоологических садах.

Отличительными признаками цесарок — нескольких видов птиц из семейства фазановых — служат: плотное туловище, короткие крылья, средней длины хвост, сильно удлиненные верхние, кроющие перья хвоста, вообще обильное оперение. Средней вышины ноги с короткими пальцами и обыкновенно лишенные шпор, и крепкий клюв. Голова и верхняя часть шеи более или менее голые и украшены пучками перьев, большими и маленькими хохлами, шлемовидными наростами и висячими кожистыми наростами; окраска оперения весьма однообразна, а рисунок состоит из светлых жемчужных пятен на темном фоне и, подобно головному украшению, свойственен, как самцам, так и самкам.

Самым замечательным видом я считаю **грифовую цесарку** (*Acryllium vulturinum*), живущую в восточной Африке. Туловище у нее вытянуто в длину, шея длинная и тонкая, маленькая голова обнажена и украшена одним только воротником, который тянется на затылке от одного уха к другому и состоит из очень

коротких, бархатистых перьев. Шейные перья имеют ланцетовидную форму, малые маховые перья значительно длиннее больших, средние рулевые перья длиннее боковых. Клюв крепкий, короткий, сильно согнут, и верхняя часть его ясно свисает крючком над нижней. Ноги с высокими плюснами и бородавчатыми отростками вместо шпор.

Оперение отличается таким же великолепием окраски, как и оперение самого красивого фазана. Воротник на шее темного красно-бурого цвета; шея синего ультрамаринового цвета с черными и серебристо-белыми полосами. У каждого узкого и длинного пера посреди черного поля, покрытого мелкими серыми пятнышками, проходит белая полоса шириною в 4 мм. По краям эти перья имеют широкую кайму синего, ультрамаринового, цвета.

Грифовая цесарка
(*Acryllium vulturinum*)

серому полю необыкновенно тонким рисунком, состоящим из светлых жилок и пятнышек. Каждое это жемчужное пятнышко окружено черной полоской. На перьях паховой области и брюшка жемчужные пятна увеличиваются. У пятнышек, которые расположены над чисто-голубыми обеими сторонами груди, каждый темный ободок окружен еще полосками лилового цвета, имеющими вид решетки. На наружной бородке больших и малых маховых перьев жемчужные пятна сливаются в узкие, белые полосы. Наружные бородки первых четырех или пяти малых маховых перьев украшены, кроме того, широкими каймами лилового цвета, которые, соединяясь между собой, образуют узкое

На коротких перьях середины груди рисунок этот исчезает и заменяется чистым, черно-бархатным цветом, тогда как на обеих сторонах груди он переходит в великолепный синий ультрамариновый цвет. На перьях зашейка еще видны светлые, срединные полосы, но уже нет синей каймы; вместо нее выступает в высшей степени красивый рисунок, состоящий из черноватых и серых волнистых линий и пятнышек. Остальное оперение покрыто по темному черно-

зеркальце. Длина достигает около 60, длина крыла 29, длина хвоста 24 см.

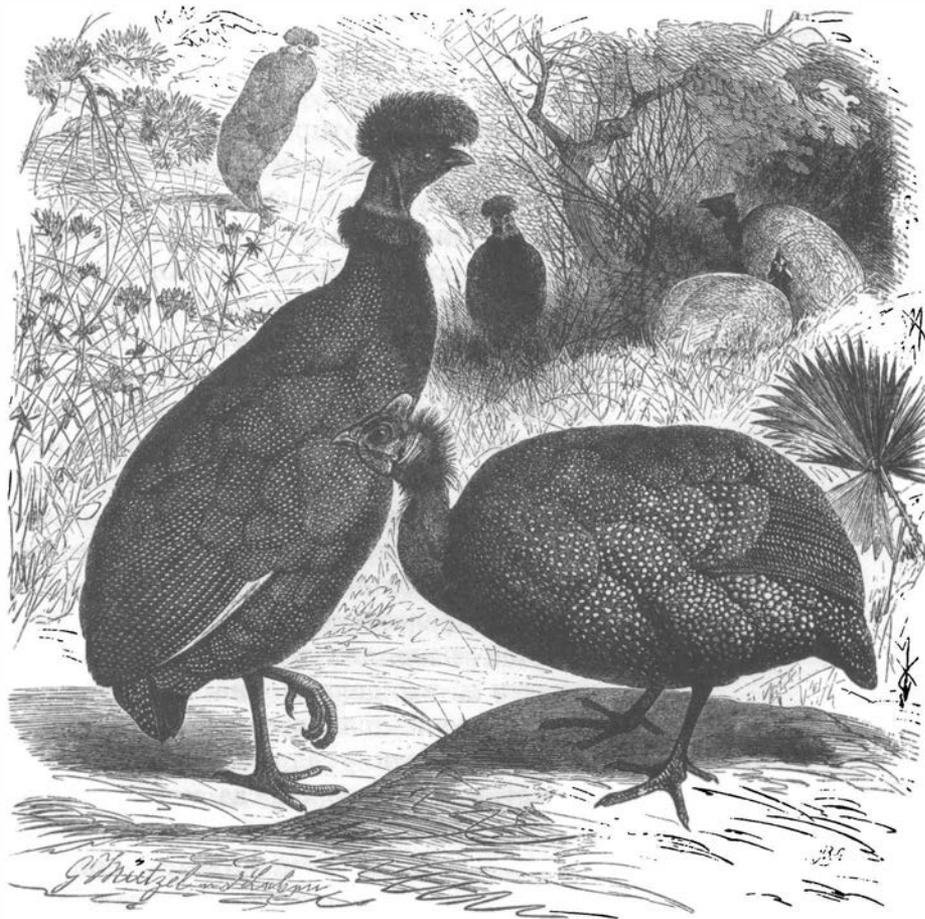
Обыкновенная цесарка (*Numida meleagris*) имеет более или менее длинный рог на середине темени и две кожистые или мясистые лопасти на задней части нижней челюсти. Верхняя часть груди и затылок лилового цвета без пятен, спина и надхвостье покрыты по серому фону маленькими бисерообразными пятнами, окаймленными более темным. Эти пятна на верхних покровных перьях крыльев увеличиваются, частью же сливаются, и на наружном крае опахла малых маховых перьев превращаются в узкие поперечные полосы.

Все цесарки водились первоначально в Африке; наиболее известный вид, обыкновенная цесарка, живущая в западной Африке, была сделана домашним животным. Она отличается от диких куриц значительным ростом.

Хохлатая цесарка (*Guttera edouardi*) распространена по всей средней Африке. На острове Занзибар* она не встречается, на лежащем против него материке местами обыкновенна.

Кирк наблюдал ее многочисленные стаи в дельте Замбези у Джубанги и внутри страны, приблизительно на 40 английских миль на восток от водопадов Виктории, причем эта цесарка встречается в лесах чаще всех других видов.

Цесарке нужна, по моим наблюдениям, местность, покрытая густым, мелким лесом, между которым находятся открытые прогалины. Богатые кустарником долины на равнинах, леса, в которых густые кусты покрывают землю, высокие горные равнины до 3000 м, отлого спускающиеся и покрытые скалистыми глыбами, но все-таки поросшие по склонам великолепным растительным

1

2

- 1 — Обыкновенная цесарка (*Numida meleagris*)
2 — Хохлатая цесарка (*Guttera edouardi*)

* Ныне это остров Мадагаскар.

Семейство фазановые

ковром, — удовлетворяют всем требованиям этих птиц. Уже более 200 лет тому назад, как сообщает Фальконет, они часто встречались на Ямайке, в настоящее же время они там так обыкновенны, что иногда становятся бичом страны. На Кубе их также находят в различных местах, особенно в восточной части острова, так как там много кофейных плантаций, покинутых хозяевами, которые оставили их с намерением развести новые в лучших местностях. Прирученные цесарки, как предполагает Гундлах, остались там, размножились и одичали.

Цесарки — оседлые птицы, хотя и не в строгом смысле этого слова. Я помню, что находил их в известные времена в лесах и степях тех стран, где обыкновенно они не обитают. А Кирк с уверенностью говорит, что в восточной Африке они, когда наступает период дождей, отправляются внутрь страны, расходятся там и приступают к размножению. Там, где они часто встречаются, об этом скоро узнаешь. Они дают о себе знать тем, что по утрам и вечерам слышится их труднопередаваемый, подобный звуку трубы голос, сделавшийся, благодаря нашим домашним цесаркам, хорошо знакомым большей части наших читателей.

Цесарки всегда улетают при приближении человека. Они не столько осторожны, как пугливы; стадо коров пугает их, собака наводит на них безумный страх, человек всегда приводит их в большое возбуждение. Вследствие этого нелегко наблюдать птиц; по крайней мере, никогда не надо при приближении пренебрегать известными мерами осторожности. Если скрыто подкрадываться к стае, крик которой был слышен, то можно увидеть птиц, ходящих по прогалине или шныряющих между скалистыми глыбами, или же пролезающих сквозь кустарник. Подобно индейцам на военной тропе, эти птицы бегают друг за другом длинными вереницами и, что делает одна, тому подражают и другие. Одинокие пары встречаются в высшей степени редко; семейства, состоящие из 15—20 штук — чаще, обыкновенно встречаются многочисленные стаи, которые иногда могут состоять из 6—8 семейств. Семейства живут тесно вместе, и даже общества часто остаются в тесной связи. Если семейство, стая или общество как-нибудь вспугнуто, то оно разделяется, и каждая птица отдельно сама избирает себе дорогу. Все мчатся, бегут и несутся или летят и перелетают насколько можно поспешно к какому-нибудь убежищу, но по прошествии известного времени, если все спокойно, самцы издадут крик, похожий на звук трубы, и быстро снова созывают все стадо вместе. Цесарки пробуют, когда их вспугнешь, спастись посредством полета лишь тогда, когда уже испытали преследование; однако и тогда они полагаются, пока возможно, на свои быстрые ноги. Иногда, прежде чем подняться, они бегут в течение нескольких минут перед охотником, причем постоянно останавливаются, но осторожно, только на большом расстоянии от выстрела. Они умеют прекрасно воспользоваться каждым кустом и каждым

обломком скалы. Старый самец ведет всю стаю; он всегда впереди и постоянно указывает направление, даже тогда, когда птицы летят. После выстрела стая рассыпается на части. Птицы летают и садятся по несколько раз отдельно, пока не соберутся около вожака. Он тотчас после нападения начинает громко трубить или кричать, причем садится на самую высокую точку, например, на кусок скалы совершенно открыто, чего обыкновенно никогда не делает, как бы с намерением показаться разбежавшейся стае. Птицы по возможности сбегаются и слетаются и ведут себя затем, как обыкновенно.

Для сна все виды выбирают возвышенные места, которые представляют для них наибольшую безопасность. Самым любимым местом бывают высокие деревья на берегах рек; также забираются они с наступлением вечера в горы, и отыскивают здесь для сна недоступные другим животным, по крайней мере, млекопитающим хищникам, хребты и вершины скал. «Даже ночью, — говорит Гейглин, — ничто не ускользает от них; если вокруг места отдохновения не тихо, то они шумят по целым часам. Во время нашего пребывания в стране Богосов, домашние цесарки, которые ночевали на помосте, похожем на голубятню, указывали нам таким образом приближение леопардов, гиен, диких кошек, больших филинов, и мне несколько раз посчастливилось по их голосу убить этих хищников на дворах, и даже на соломенных крышах домов».

Цесарки, без сомнения, великолепно украшают собой поросшие низкой травой или совсем сухие лесные прогалины. Темные птицы теряются между камнями, окрашенными в такой же цвет, но резко отличаются от зеленых или серо-желтых травяных пространств. Не узнать их нельзя; горизонтально стоящее туловище, рыхлые и кажущиеся взъерошенными перья надхвостья и кровлеvidный хвост так характеризуют наружный вид, что только неопытный может смешать их с какими-нибудь другими куриными птицами. По скорости бега с ними сравниваются, конечно, турачи, но полет их разнится от полета этих родичей и отличается частыми, почти шумными взмахами крыльев, за которыми следует короткое парящее движение.

Пища цесарок изменяется, смотря по стране и местности, а также по времени года. Весной, во время дождей, насекомые, по всей вероятности, составляют главную пищу, так как я находил их зобы совершенно наполненными кузнечиками; позднее они едят ягоды, листья, почки, маковки травы и, наконец, все виды семян. На Ямайке в более прохладные месяцы года цесарки выходят бесчисленными обществами из своих лесов, распространяются по полям и причиняют там значительный вред.

Кладка состоит из 5—8, иногда и более грязных желтоватобелых, довольно блестящих яиц с необыкновенно твердой скорлупой. Насиживание продолжается 25 дней. «Самец и самка ни-

Семейство фазановые

когда не удаляются от гнезда и стараются шумом и скорой беготней из стороны в сторону привлечь на себя внимание человека». Цыплята, покрытые пухом, по виду и характеру похожи на молодых фазанов. Скоро после появления из яйца они уводятся старыми птицами, быстро вырастают, всюду следуют за своими родителями, а также постоянно взлетают по ночам вместе с ними на деревья.

У цесарок много врагов. Все африканские кошки, начиная с леопардов и гепардов до рыси, все шакалы и лисицы преследуют старых и молодых, виверры пожирают только яйца и цыплят. Большие хищные птицы ревностно охотятся за этой, так легко добываемой, дичью, и даже пресмыкающиеся нередко хватают их. Мы нашли в желудке одного питона, который был длиной в 2,5 м, вполне выросшую цесарку. Человек с особенным предпочтением охотится за ними, так как их можно добыть без особого труда, хотя цесарки, почуяв преследование, делаются очень пугливыми. На Ямайке этим птицам ставят зерна, намоченные в роме. Они едят их, пьянеют, начинают кружиться, усаживаются в какое-нибудь место, которое, как им кажется, дает защиту, и без всякого сопротивления позволяют охотнику взять себя; часто, впрочем, большую часть тех птиц, которые ели пьяные семена, находят мертвыми.

СЕМЕЙСТВО ИНДЕЙКОВЫЕ (*Meleagridae*)

Индюки могут считаться представителями фазанов в Новом Свете. Это большие, стройные, длинноногие, короткокрылые и короткохвостые птицы. У них голова и верхняя часть шеи лишены перьев и покрыты бородавчатой кожей; с кончика верхнего клюва свешивается цилиндрический растягивающийся отросток, на горле висят мягкие складки кожи. Эти птицы населяют весь восток и север Америки.

Индейка (*Meleagris gallopavo*) сверху буровато-желтого цвета, с прекрасным металлическим отливом, каждое перо окаймлено широкой бархатисто-черной полосой. Спина и кроющие перья хвоста темного орехового цвета и покрыты зелеными и черными полосками, грудь желтовато-бурая, с боков несколько темнее, брюшко и бедра буровато-серые, область гузки черноватого цвета. Маховые перья черно-бурые; большие маховые с серовато-белыми полосками, малые — с буровато-белыми. Рулевые перья того же цвета с черным волнистым узором, покрыты полосками и усеяны мелкими точками. Голые части головы и шеи светло-голубые, под глазами окраска ультрамаринового цвета. Бородавчатая кожа ярко-красная. Глаза желтовато-голубые, клюв — беловато-рогового, ноги бледно-фиолетового или сургучно-красного цвета. В длину индейка достигает 100—110 см, размах крыльев около 150,

длина крыла 46, длина хвоста 40 см. Оперение самки не так красиво и ярко, но, тем не менее, похоже на оперение самца. В длину она достигает 85 см, размах крыльев 122, длина крыла равна 40, длина хвоста 28 см.

В центральной части Северной Америки дикую индейку заменяет прекрасная **глазчатая индейка** (*Agriocharis ocellata*), которая соединяет в себе красоту павлина со сложением индейки.

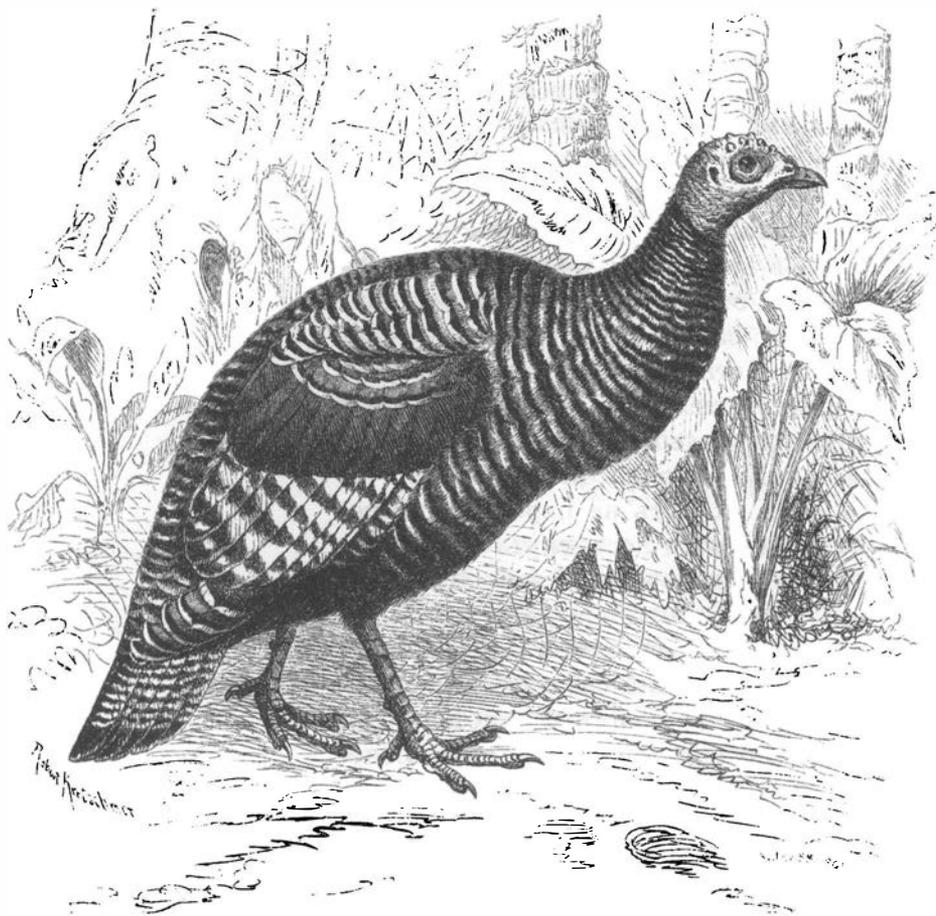
О жизни глазчатой индейки на воле имеется много сообщений, но все они уступают превосходному описанию, которым мы обязаны Одюбону. Индейки и в наше время в значительном количестве населяют леса штатов Огайо, Кентукки, Иллинойс, Индиана, Арканзас, Теннесси и Алабама. В Георгии и Каролине они не столь многочисленны, в Виргинии и Пенсильвании становятся редкими, а в густонаселенных штатах уже совершенно истреблены. По временам живут большими обществами и совершают странствования; отыскивая корм, они проходят лесные пространства, бегают днем по земле и отдыхают ночью на высоких деревьях. Около октября, когда еще немного древесных семян падают на землю, индейки переселяются в низменности Огайо и Миссисипи. Самцы собираются в общества от 10 до 100 штук и отыскивают корм исключительно для себя; самки со своими полувзрослыми птенцами также собираются в стаи, почти столь же многочисленные, и отдельно придерживаются того же пути. Таким образом, они пешком продвигаются дальше и дальше, пока не повстречаются с охотничьей собакой или с каким-нибудь другим четвероногим хищником, или пока их путь не пересечет широкая река. Если обществу индеек случится достигнуть берега подобной реки, то оно собирается на самом возвышенном месте и остается здесь иногда в течение нескольких дней, как бы совещаясь, прежде чем решиться переправиться на другой берег. Самцы надуваются и клохчут, как бы желая ободрить себя; самки и птенцы насколько могут, подражают им и, наконец, при тихой погоде, они решаются на отважное предприятие и перелетают через реку. Индюк-вожак подает сигнал, испустив отрывистый «глюк», и начинается воздушная переправа. Старые птицы без труда перелетают на другую сторону, даже в том случае, если ширина реки достигает нескольких английских миль. Молодые птицы и менее сильные часто во время пути падают в воду и тогда бывают принуждены добираться до другого берега вплавь. При этом индейки плотно прижимают крылья к туловищу, распускают хвост, вытягивают шею, начинают, насколько могут, перебирать лапами и обыкновенно достигают земли. Здесь они сначала бегают, точно одурелые, и часто забывают о свойственной им осторожности, так что легко становятся добычей охотника.

В середине февраля у глазчатых индеек появляется половое возбуждение. Если весна сухая, то самка в середине апреля отыскивает себе подходящее, по возможности скрытое место для гнез-

Семейство индейковые

* Это утверждение не соответствует действительности.

Глазчатая индейка
(*Agriocharis ocellata*)

дования. Она прячет свое гнездо и от самца, так как он обыкновенно убивает птенцов*. Гнездо представляет собой неглубокое, беспорядочно выложенное перьями углубление; кладка состоит из 10—15, а иногда и 20 дымчато-желтых яиц, покрытых красными точками. К гнезду самка приближается с величайшей осторожностью, и когда покидает его, то тщательно прикрывает сухими листьями, так что отыскать гнездо очень трудно, разве только, если случится вспугнуть с него сидящую на яйцах матку. Если она во время высидывания заметит врага, то припадает к гнезду и не шевелится до тех пор, пока не заметит, что ее убежище открыто.

Одубон рассказывает, что он часто, не вспугнув самку, мог приблизиться к гнезду на расстоянии нескольких шагов, когда, свистя или громко разговаривая, придавал себе равнодушный вид; напротив того, если он приближался к гнезду осторожно, самка уже на расстоянии, по крайней мере, 20 шагов поднималась и убегала. Впрочем, самка, потревоженная человеком, не покидает своего гнезда навсегда, случается это тогда, когда какое-нибудь хищное животное похитило или выпило у нее несколько

яиц. Если кладка разорена, то птица несетя вторично. Иногда случается, что несколько маток кладут свои яйца в одно и то же гнездо: Одубон однажды нашел трех самок, сидящих на 42 яйцах. В таком случае одна из самок всегда сторожит гнездо, так что ни один из более слабых хищников не может повредить выводку. К концу высидывания самка ни под каким видом не покидает своего гнезда.

Одубон был однажды свидетелем того, как из яиц вылупился целый выводок молодых индеек. Он наблюдал это, лежа на

земле в нескольких шагах от гнезда. Старая самка приподнялась на половину высоты своих ног, боязливо взглянула на яйца, озбоченно заклохтала, осторожно устранила каждую половину скорлупы и начала гладить клювом цыплят, которые, шатаясь, старались выйти из гнезда. Он видел, как все они покинули скорлупу и, спустя несколько минут, катясь и бегом стали подвигаться вперед. Прежде чем покинуть гнездо, старая самка встряхнулась, расправила перья, приняла совершенно другую осанку, приподнялась, вытянула шею и обвела вокруг глазами, чтобы убедиться в безопасности; затем она несколько распустила крылья, нежно заклохтала и стала заботливо собирать своих цыплят.

Уже на 14 день своего существования птенцы приобретают способность взлетать немного кверху, и с этих пор семья под вечер всегда садится на низкий сучок, где и проводит ночь в безопасности под защитой материнских крыльев. Еще несколько позже старая самка со своими цыплятами покидает леса днем, чтобы попользоваться обилием различных ягод на лесных полянах или лугах и насладиться благодетельным влиянием солнца. С той поры птенцы начинают расти необыкновенно быстро. Уже в августе они способны защищаться от нападения четвероногих хищников; молодой самец уже чувствует в себе силу взрослого самца и начинает упражняться, торжественно расхаживать и клохтать. В эту пору старые и малые снова собираются вместе и начинают свое странствование. Случается нередко, что дикие индейки присоединяются к обществу ручных, дерутся с самцами и домогаются любви самок.

Хотя глазчатая индейка и предпочитает всему другому так называемые иллинойские орехи и ягоды дикого винограда, почему во множестве и водится в тех местностях, где эти плоды растут в изобилии, тем не менее, она ест различные травы и злаки, хлебные растения, ягоды, а также насекомых, мелких кузнечиков и тому подобное.

При беге индейки слегка раскрывают крылья, точно вес тела для них слишком тяжел; затем, пробежав несколько метров, широко распускают крылья, и два-три раза высоко подпрыгивают, после чего продолжают свой путь по земле. Ища корм, они высоко держат голову, как будто им нужно постоянно осматриваться кругом; в то же время роют ногами землю, потом вдруг останавливаются и подбирают клювом что-нибудь на земле.

Среди бесчисленных врагов, преследующих индеек, самые опасные после человека — рысь, белая северная сова и филин. Рысь преследует взрослых и молодых, а также выпивает их яйца; совы главным образом ночью похищают многих птиц с деревьев; против них, однако, индейки защищаются, и часто с успехом. Лишь только они почуют беззвучно приближающуюся сову, как предостерегающий об опасности крик «глук» призывает все общество к вниманию. Спящие птицы тотчас пробуждаются и на-

Семейство индейковые

чинают следить за каждым движением совы, которая, высмотрев жертву, налетает как стрела, и непременно схватила бы индейку, если бы та не успела увернуться. Только сова начинает приближаться к ней, она низко нагибает голову и в то же время распускает хвост, сбивая этим с толку нападающего врага, которому в лучшем случае удастся схватить лишь несколько перьев. Случается нередко, что индейка бросается на землю и бежит к первому попавшемуся кусту, чтобы в нем спрятаться.

В Америке охота за индейками и ловля их производится повсеместно с большим рвением, иногда даже без всякой пощады. Самцов особенно охотно бьют во время токования, иногда на деревьях. Подкрадываются к ним в таком случае совершенно таким же образом, как мы это делаем с нашим глухарем; их выгоняют также с помощью собак, подстерегают на местах ночлега или поблизости мест, обещающих обильную пищу и т. д. Охота на индеек требует большого опыта, так как пугливость дичи с первого же раза отбивает у неопытных стрелков желание продолжать это занятие. Один из способов охоты, хотя и не достойный охотника, но, тем не менее, важный для голодных людей и путешественников, состоит, по словам Пехуэль-Леше, в том, что этих крупных птиц сбивают выстрелами с деревьев, на которых они устроились на ночь. Удачнее всего охота бывает тогда, когда деревья лишены листьев, и в местностях, где эту дичь еще не часто тревожили. Высмотрев в лесной полосе, растущей вблизи реки, то место, где обыкновенно проводят ночь индейки, охотники в звездную ночь, вооружившись дробовиками подкрадываются к дереву, гуще других усаженному птицами, и убивают сначала ту птицу, которая сидит дальше всех, потом следующую и т. д. Небольшой шум, производимый в кустарнике охотником при его приближении, нисколько не мешает делу, нельзя только при этом громко разговаривать, и каждую птицу, попадающую под выстрел, следует убивать наповал, чтобы она не билась и не пугала остальных. Сколько-нибудь опытный охотник всегда может таким способом в весьма короткое время настрелять несколько штук с одного дерева, прежде чем остальные придут в беспокойство или улетят. Хорошему стрелку нередко случается добывать по 6—10 штук зараз. Додж сам убил 12 штук; один солдат, по словам Доджа, перестрелял даже 26 штук с одного дерева, а несколько других солдат, по словам того же очевидца, в течение нескольких часов добыли 82 птицы на одном и том же месте.

Индейки были перевезены к нам очень скоро после открытия Америки. Из писателей Овидео первый упоминает о нем. «В Новой Испании, — говорит он, — существует порода больших и очень вкусных павлинов, из которых многие были переправлены на острова и в провинцию Кастилию-дель-Оро, где их и кормят в своих домах христиане. Самки выглядят невзрачно, самцы же красивы и часто распускают веером свой хвост, хотя

последний у них и не так красив, как у павлинов в Испании». Затем следует верное описание индеек, которое заключается замечанием, что мясо этих «павлинов» очень вкусно и, несомненно, лучше и нежнее мяса испанских павлинов. Гиллиус говорит об индейке, как о домашней птице европейцев. В 1557 году, однако, она была еще настолько редкой и ценной птицей, что верховный совет в Венеции определял, на чей стол имеют право подаваться «индейские куры». В Англию, говорят, она была ввезена на пятнадцатом году царствования Генриха VIII, или в 1524 году, в Германию — около 1534 года, а во Францию еще позже. В настоящее время она всюду распространена в качестве домашней птицы. Чаще всего ее можно встретить в Испании главным образом на тех дворах, которые построены поодаль от селений, среди пустынных равнин. Здесь я видел стада в несколько сот штук, находившихся под наблюдением особых пастухов, которые утром гнали птиц на пастбище, днем не давали им раскочиваться в разные стороны, а вечером снова пригоняли домой. В Германии их держат довольно редко, хотя разведением индеек очень даже стоит заниматься. Владельцы некоторых ферм ценят их высоко; большинство людей, однако, не могут терпеть этих птиц за шумный, вспыльчивый и сварливый нрав.

СЕМЕЙСТВО ТЕТЕРЕВИНЫЕ (Tetraonidae)

Самая крупная и благородная из тетеревиных птиц — **глухарь** (*Tetrao urogallus*). Его называют еще глухой тетерев, мошняк, моховой тетерев, моховик, у лопарей тюхач. Темя и горло черноватые; шея темная пепельно-серая с черным волнистым рисунком, передняя часть шеи с черноватыми пепельно-серыми волнистыми полосками. Спина черноватая с пепельно-серым и ржаво-бурым налетом; верхняя часть крыльев черно-бурого цвета с ржаво-бурыми волнистыми разводами; 18–20 хвостовых перьев черного цвета с немногочисленными белыми пятнами. Грудь блестящего зеленого цвета; остальная нижняя сторона тела покрыта черными и белыми пятнами, особенно частыми на гузке. Глаза карие, голые брови над ними, состоящие из отдельных, тонких листочков и голые бородавчатые места вокруг глаз — сургучно-красного цвета; клюв рогового белого цвета. Длина тела 90—112 см, размах крыльев 120—144, длина крыла 40—45, длина хвоста 34—36 см, вес 3,5—6 кг.

Самка на треть меньше самца и очень пестра. Голова и верхняя часть шеи черноватая с ржаво-желтыми и черно-бурыми поперечными полосками. На остальной верхней части тела оперение представляет смесь черно-бурого, ржавого и ржаво-желтого цветов. Рулевые перья на фоне прекрасного ржаво-красного цвета покрыты черными поперечными полосами, горло и сгиб крыла

** В Восточной Сибири к востоку от Лены и Байкала, на Камчатке и Дальнем Востоке обитает другой вид глухаря — каменный глухарь (Tetrao parvirostris).*

*** Со времен Брема распространение глухаря еще более сократилось. Сейчас он уже совершенно не встречается в Малой Азии, Греции, Бельгии, в других европейских странах его распространение тоже уменьшилось.*

ржаво-красно-желтые, верхняя часть груди ржаво-красная, брюхо на ржаво-желтоватом фоне покрыто прерывающимися черными и белыми поперечными полосками. Нередко встречаются петухоперые самки, необыкновенно похожие на самцов. Длина тела 72—78 см, размах крыльев 108—112, длина крыла 35, длина хвоста 22 см, вес 2,5—3 кг. Самку глухаря называют глухаркой, глухой курочкой, а на севере копалюхой.

В прежние времена глухарь населял, без сомнения, все сплошные леса северной Азии и Европы; в настоящее время он во многих местностях совершенно истреблен. Однако область распространения его все еще очень обширна. От Малой Азии, Греции, Кантабрийских гор в Испании она простирается высоко на север до Лапландии и Ледовитого океана и далеко на восток по России до Камчатки и Китая*.

В Англии, Ирландии, Голландии, Дании, затем в Америке, Африке и Австралии вовсе нет глухарей; в очень малом числе встречается он теперь в северной Италии, Франции и Бельгии**.

Прежде всего, глухарь требует обширных лесов смешанного состава и возраста с не заросшими прогалинами, лесными лугами и с влажной, местами болотистой почвой. Там, где есть смешанные леса, он охотнее всего селится в них; затем охотно селится в хвойном лесу, хотя и лиственный может известное время быть его жилищем. Он необыкновенно любит солнечные горные склоны; во всяком случае, эта птица требует высокоствольных лесов, в которых нет недостатка в ручьях, ключах и других водах, и в которых рядом с высокими деревьями встречаются чащи или места, поросшие вереском, низким кустарником и ягодными кустиками.

Глухарь — оседлая птица, хотя и не в полном смысле этого слова. При продолжительной сильной стуже и глубоком снеге он оставляет иногда свое местопребывание на высоких горах и спускается в более низкий пояс, но при наступлении теплой погоды возвращается на высоты.

При обыкновенных условиях глухари держатся днем на земле и, если возможно, избирают такие места, куда падают первые лучи утреннего солнца и где есть маленькие открытые пастбища, чередующиеся с деревьями, кустами вереска, кустиками черники и где есть поблизости чистая вода. Здесь они бегают, проползают сквозь низкие заросли и кустарники, отыскивают пищу и поднимаются лишь в том случае, если с ними случится что-нибудь необыкновенное, но они умеют также отлично прятаться, прижимаясь к земле под кустами или у стволов деревьев. К вечеру они поднимаются, самцы и самки отдельно, и с наступлением ночи те и другие взлетают на деревья, чтобы переночевать. Глухари почти никогда не поднимаются до вершины дерева, а обыкновенно остаются на середине его, спят здесь и с наступлением утра спускаются с деревьев. При глубоком снеге, сильном холоде и в таких

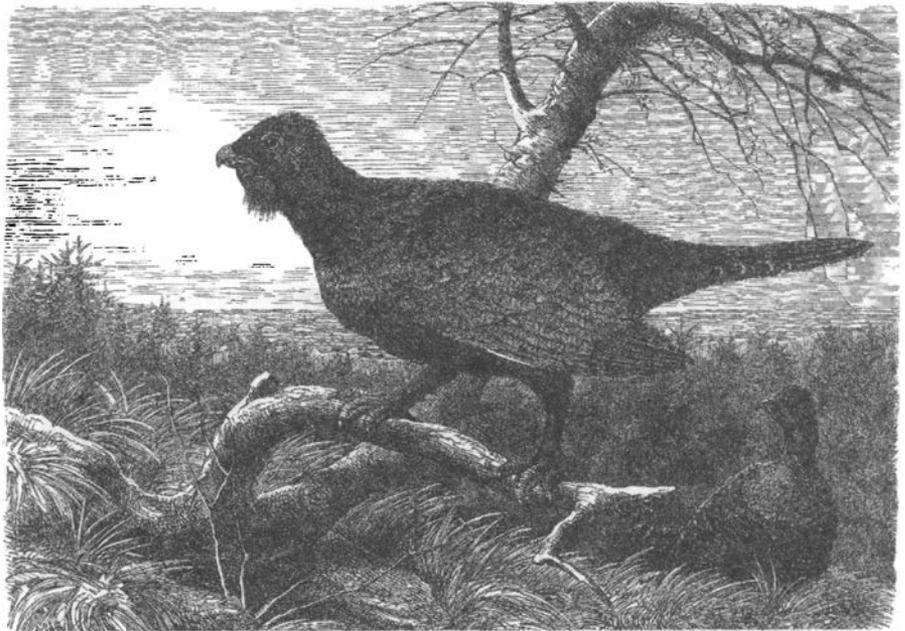
местах, где бывают снежные бури, глухари спят и на земле, причем под кустами или зарываются в снег. Заметив опасность, глухарь, поднимаясь, быстро сбрасывает с себя снеговой покров. Это я узнал от опытных охотников на Урале.

Пища глухарей состоит из древесных почек, листьев или хвои, листьев клевера и травы, лесных ягод, семян и насекомых. Самец довольствуется более грубой пищей, чем самка или молодые птицы. «У десяти самцов, зоб которых я исследовал во время тока, — говорит мой отец, — я не нашел ничего, кроме еловых, пихтовых или сосновых иголок и, по-видимому, самец во время тока не тратит много времени на отыскивание пищи, а большей частью ест то, что может добыть в непосредственной близости. На основании совершенно разного вкуса мяса глухаря и глухарки

мне кажется вероятным, что глухарь поедает большей частью почки елей, пихт и сосен, между тем как глухарка питается более нежными частями растений. Этим обуславливается, вероятно, то, что мясо старого глухаря твердо и даже при надлежащем приготовлении едва съедобно, а мясо самки, напротив, очень нежно и вкусно. Мясо полугодовалых самцов тоже очень хорошо, но до этого возраста они бегают вместе с матерью и кормятся тем же, чем и она».

Я хочу дополнить вышесказанное, прибавив, что глухарь весной в хвойных лесах ест почти исключительно хвою, в буковых лесах буковые почки, а в смешанных предпочитает тоже хвою. Маленькие камешки для переваривания пищи, а также сухой песок, чтобы рыться в нем, безусловно, нужны глухарю. К воде глухарь подходит несколько раз в день.

Из известных мне описаний особенностей нашей дичи я все еще считаю самым подробным и лучшим то, которое мой отец обнаружил в 1822 году. Я приведу его рассказ здесь, и лишь местами буду вставлять несколько слов, причем ссылаясь на книгу «Глухариный ток» лесничего Гейра. Но с тех пор появились два очень подробных сочинения Вурма о глухарях, мы здесь и ими воспользуемся.

Глухарь
(*Tetrao urogallus*)

«Глухарь, — говорил мой отец, — неуклюжая, тяжелая и пугливая птица. Походка его быстрая, но далеко не в такой степени, как у полевых куропаток, дрохв, ржанок и куликов. При ходьбе тело его почти горизонтально, лишь немного наклонено назад и несколько вытянута шея. На деревьях посадка его различна. Он держит тело то в горизонтальном положении, то поднимает его, вытягивая при этом шею вперед или вверх. На деревьях держится не только на нижних ветвях, если вершина достаточно крепка, то и высоко на дереве; я часто видел, как самцы и самки сидели на верхушках деревьев. По земле он бегают, когда ищет пищу. Полет его тяжелый, шумный, ускоренный быстрыми ударами крыльев, почти прямой и, без крайней необходимости, непродолжительный. Шум при взлете глухарей с земли на дерево очень сильный. И самец, и самка обыкновенно чрезвычайно пугливы. Их зрение и слух, крайне остры, и они пользуются этой тонкостью чувств, чтобы избежать опасности издали».

Число яиц в одной кладке колеблется, смотря по возрасту матери. Молодые самки редко кладут более 6—8 яиц, более старые около 10—12. Яйца малы, длиной лишь 60—70 мм, толщиной 48—52 м, а по многим измерениям Вурма, длина их равняется всего 52—62 мм, толщина 40—43 мм. Они продолговаты, спереди закруглены, мало выпуклы, имеют довольно тонкую и гладкую скорлупу, блестящую, с малозаметными порами и на желто-буром или грязно-желтом, реже серо-буровато-желтом фоне разрисованы серо-желтыми, светлыми и каштаново-бурыми пятнами и точками, а иногда и более темными разводами. Высиживание продолжается в среднем 28 дней, при благоприятной погоде иногда одним днем меньше, а неблагоприятной одним больше. Глухарка высиживает яйца с преданностью, поистине трогательной. Так, по словам Гейера, можно, например, по крайней мере, в последнее время высиживания, поднять самку руками с гнезда и снова посадить обратно, причем она не обнаруживает никакого страха и не улетает с гнезда. «Это дает возможность защищать все те гнезда, которые подвержены опасности, устраивая вокруг них заборы и оставляя для входа и выхода промежутки, достаточный для того, чтобы самка могла через него проскользнуть. Этот прием иногда употреблялся в Германии, и самка без затруднения переносит его».

«Когда птенцы вылупились, — продолжает Гейер, — то по прошествии нескольких часов, надлежащим образом обсохнув, они убегают прочь вместе с матерью и, начиная с этого времени, она охраняет их с необыкновенной любовью и заботливостью. Если случится неожиданно наткнуться на выводок, то бывает трогательно видеть, с каким криком и шумом глухарка встречает человека. В одно мгновение все птенцы исчезают; они умеют так хорошо прятаться, что действительно трудно найти одного из них. Этим они обязаны, главным образом своей окраске.

Часто, и именно среди валежника, птенцы бывали у меня под ногами, они не умели еще летать и, тем не менее, редко удавалось отыскать одного из них. Печальнее, конечно, судьба выводка, если появится хитрая лиса со своим безошибочным чутьем. Матери иногда удается общеизвестная хитрость: она бежит и порхает в 3—4 шагах от лисицы, притворяется, что у нее подбиты крылья, и, таким образом, отводит лису от птенцов, а затем вдруг поднимается, прокрадывается на то место, где оставила птенцов, и хорошо известными звуками «глюк-глюк» дает знать, что опасность прошла. Собравши птенцов, она с возможной торопливостью удаляется в противоположном направлении. Если же ей не удастся это, то дело оканчивается часто очень печально, нередко не остается в живых ни одного птенца».

Пища состоит почти исключительно из насекомых. Мать водит птенцов на удобные места, разрывает землю в местах, обещающих поживу, подзывает криком «бак-бак», кладет им на клюв муху, жука, личинку, гусеницу, червя, маленького слизняка и тому подобное и таким образом приучает их есть. Любимую пищу составляют куколки всех видов муравьев. Мать выбегает часто с птенцами на опушки леса, чтобы отыскивать муравейники на лугах и межах. Найдя муравейник, она роет, пока не покажутся куколки, и затем созывает весь выводок, который поспешно глотает этот хороший корм. Когда птенцы подрастут, они едят почти все, что ест и мать. Уже по прошествии немногих недель они настолько оперяются, что могут взлетать на деревья или, по крайней мере, порхать; но настоящее оперение получают гораздо позднее.

Поздней осенью молодое семейство разделяется по полам: самки остаются при матери; самцы кочуют сообща, подают время от времени свой голос (осенний ток), иногда дерутся и на следующую весну начинают вести образ жизни старых птиц.

Кроме лисицы и ястреба за глухарями охотится еще много врагов. Старые самцы, правда, хорошо скрываются от большинства врагов, благодаря своей осторожности и жизни на деревьях; напротив, нежные птенцы, а еще более яйца, подвергаются частым нападениям различных хищников, самки становятся добычей крупных хищников и особенно орла и филина. «Даже мелкие виды соколов, — говорит Вурм, — легко одолевают утомленную бегством глухарку, поэтому она чрезвычайно боится их и избегает показываться днем на открытом месте. Безрассудное бегство от хищных птиц гонит иногда глухарей на большие расстояния и в самые странные места: жилища, погреба, дымовые трубы, конюшни, даже в большие города, и некоторые глухари при этом убиваются, налетая со всего размаха на стены и стволы деревьев».

Яйцам глухарей угрожают все хищные млекопитающие и, кроме того, вороны. К сожалению, они довольно часто попадают-

ся в руки неразумных людей: иной пастух или дровосек лако-
мится яичницей, которой он обязан не своим домашним курам, а
глухарям. Там, где охотой заведуют хорошие лесничие, глухарей
щадят. Ни один настоящий охотник не убьет самку: охотятся
исключительно на самцов и то лишь во время тока. Это понимает
каждый, кому пришлось хоть раз самому выйти в ранние утрен-
ние часы, чтобы послушать токующего глухаря, а если возможно,
то и убить его. Это действительно охота в полном смысле этого
слова: глухарь и во время токования остается осторожным и
позволяет перехитрить себя лишь опытному охотнику. Но имен-
но трудность и увеличивает доставляемое охотой удовольствие.
«Перед утром при свете месяца, — так описывает эту охоту Ко-
бель, — охотник отправляется в лес; если небо пасмурно, он зажи-
гает факел и идет так, пока не приблизится к месту тока. Дорога
тянется часто между старыми деревьями, которые принимают
фантастический вид при свете горящего факела, или ведет в чащу
кривых деревьев, которые глядят на человека, точно какие-то
странные живые фигуры, и настроение становится все более и
более напряженным. Время от времени охотник прислушивается
среди ночной тишины к токованию, которого он, быть может, ожи-
дает еще более страстно, чем самка глухаря. И когда из лесной
темноты раздается щелканье и тихое точение, сердце охотника
бьется сильнее».

Одного неосмотрительного движения достаточно для того,
чтобы спугнуть глухаря. «Каждый раз, как охотник услышит
главный удар, во время так называемого точения, — учит Гей-
ер, — он приближается двумя или тремя прыжками или боль-
шими шагами и затем опять спокойно ожидает следующего то-
чения, продолжая в то же время соблюдать возможную осторож-
ность. Такие прыжки продолжают до тех пор, пока по звуку
токования глухаря не станет ясно, что охотник подошел к нему
на расстояние выстрела. Заметив, наконец, птицу, охотник взво-
дит курок ружья, прицеливается, спокойно ожидает следующего
точения, стреляет и убивает птицу».

Сказанное производит впечатление, будто охота эта очень
проста, но я по собственному опыту знаю, что в действительнос-
ти совсем иначе. Охотничья лихорадка овладевает и самым спо-
койным стрелком; ему становится трудно сдерживать громкое
биение сердца, соразмерять шаги, спокойно ожидать следующе-
го точения. Очень часто едва находишь силы, чтобы устоять на
месте. Бывает, несмотря на величайшую осторожность, которую
соблюдает охотник, глухарь все же своевременно замечает стрелка
и улетает, или его предупреждают бдительные самки, или спуги-
вает другая поднятая дичь в то время, когда охотник считает
его уже в своей власти. И даже, если охотник счастливо подо-
шел под самое дерево, то ему очень часто бывает трудно увидеть
эту большую птицу; Настоящее время для охоты наступает имен-

но в утренние сумерки, а в это время глухаря особенно трудно различить в темной вершине ели, еще труднее верно прицелиться в него.

Скандинавские, а также русские крестьяне и промышленники относительно редко охотятся на току, считая эту охоту малопроизводительной. В этих странах глухари играют важную роль в пище народа и составляют предмет вывоза. Там их добывают по большей части петлями, и ловушками в засадах и на тех местах, где глухари кормятся, охотятся ночью с факелами, подкрадываются к ним на лыжах, в санях, наконец, ловят с помощью ручной сети, когда птицы спрячутся под снегом. Поэтому русское правительство вынуждено издать охранительные законы. Лишь немногие охотники-господа охотятся на глухарей с загонщиками или с легавой собакой.

О различном употреблении частей убитого глухаря Вурм говорит следующее: «Его большие хвостовые перья идут на веера и даже на экраны перед печами, маховые перья — на метелки, ноги — на ручки пресс-папье и ножки бокалов, из желудочных камешков выделывают мелкие охотничьи украшения и, наконец, лишь тот, кто еще никогда не ел хорошо приготовленного глухаря может хулить жаркое из него. Мы умолчим о суеверном народно-медицинском употреблении его языка, пуха, выделениях слепой кишки, желудочных камешков и т. д.». Мясо осенних глухарей, благодаря остановке половой деятельности, окончанию линьки и более сочной пище, всегда нежнее, сочнее и меньше пахнет смолой, чем мясо самцов, убитых весной на току.

Тетерев (*Lyrurus tetrix*). Другие названия — тетерев-косач, обыкновенный тетерев, полевой тетерев. Это довольно стройная птица с сильным, средней длины клювом и ногами, оперенными не только до пальцев, но и между ними. Наружный и внутренний пальцы тетерева одинаковой длины. Крылья короткие, но сравнительно более длинные, чем у глухаря. Хвост, состоящий из 18 перьев, у самок имеет неглубокую вырезку, у самцов он образует характерную глубокую развилину. Это обуславливается тем, что самые длинные нижние кроющие перья хвоста выступают из-под шести наиболее коротких перьев, по длине равных рулевым перьям. Кроме того, эти нижние кроющие перья отгибаются лирообразно, образуя нечто вроде рожков. Таким образом, весь хвост имеет лирообразную форму. Оперение самцов — черное; перья на голове, шее и нижней части спины имеет роскошный стальной синий блеск; на сложенных крыльях — снежно-белая перевязь (зеркальце). Глаза карие, зрачок синевато-черный; клюв черный; пальцы серо-буроватые; брови и голое место над глазами — ярко-красного цвета. Тетерка пером похожа на самку глухаря; окраска ее оперения есть смесь ржаво-желтого и ржаво-бурого цветов с черными поперечными полосами и пятнами. Длина самцов бывает 60—65 см, размах крыльев 90—100, длина каждого крыла их

Семейство тетеревиные

30, хвоста 20 см; вес тела 1,2—2 кг. Самки сантиметров на 15 короче и на 22 уже самцов.

Косач обыкновенно причисляется к дичи среднего достоинства. Однако Людвиг ставит косача на одно место с глухарем, а Ризенталь пишет: «Существующее мнение, что тетерев должен быть причислен к средней дичи, а не к перворазрядной благородной, так называемой красной, весьма странно и непонятно. Птица эта по своей благородной осанке, по другим особенностям и по условиям охоты на нее не только не уступает ни в чем глухарю, но, говоря беспристрастно, даже стоит выше его. Правда, глухарь больше тетерева, зато последний красивее, его труднее бить, мясо его лучше глухариного и довольно вкусно даже у старой птицы».

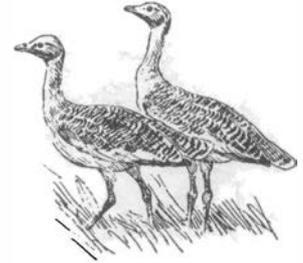

Тетерев
(*Lyrurus tetrax*)

сии встречается до Приамурской области. Всюду и всегда тетерев-косач водится только там, где местность отвечает его потребностям. Он предпочитает дикорастущие, заглохшие, источенные насекомыми, полуразрушенные огнем и бурями рощи, богатые низким кустарником. Живет на березах и предпочитает их всем другим деревьям; в хвойный лес перебирается только в случае крайней нужды. Нигде он не бывает так обыкновенен, как в про-

городной, так называемой красной, весьма странно и непонятно. Птица эта по своей благородной осанке, по другим особенностям и по условиям охоты на нее не только не уступает ни в чем глухарю, но, говоря беспристрастно, даже стоит выше его. Правда, глухарь больше тетерева, зато последний красивее, его труднее бить, мясо его лучше глухариного и довольно вкусно даже у старой птицы».

Область распространения косача приблизительно та же, что и глухаря, только он не распространяется так далеко на юг и несколько далее идет на север. В горах Испании и Греции он уже не встречается, в Италии живет только на высоких Альпах, зато попадает там очень часто. В Германии водится во всех областях и провинциях, но отнюдь не во всякой местности, большей частью только в излюбленных им лесах, долинах и горах. Он представляет обычное явление во всей альпийской области, а также в Богемии, Шотландии, обыкновенен в Лифляндии и Эстляндии, в Скандинавии, во всей Рос-

странных зарослях березняка: даже маленькая рощица берез в состоянии заставить его поселиться в ней. Но и березовые леса заманчивы для него только тогда, когда в них произрастает густой молодняк и низкий кустарник. Он чрезвычайно любит болотистую почву, его встречают даже там, где болотная растительность является преобладающей, оттесняя собой лес и кустарник, хотя в настоящих болотах на топких местах он не водится.

Тетерев необыкновенно многочислен в северной и средней России, а также по всей северной и Средней Азии на протяжении ее лесной растительности. Во время нашего путешествия по Сибири, мы нашли его повсеместно в районе лесного пояса, а в березовых лесах встречали стаями в несколько сот штук. Путешествуя по северному побережью Байкала, Радде почти ежедневно наталкивался на самок, сидевших на яйцах, а позднее и на тетеревиные выводки. Там же он получил достоверные сведения, что в области нижней Буреи в октябре и ноябре одним только казачьим постом было убито и словлено до 2000 тетеревов. Дальше к северу птица эта быстро убывает в количестве; по словам Модендорфа, в бассейне нижнего Енисея тетерев еще обыкновенен до 67 градуса северной широты, но двумя градусами выше уже больше не встречается; в районе нижней Оби мы уже не встречали его, начиная от 65 градуса.

«Тетерев-косач, — сообщает мой отец, который тоже сделал немало превосходных наблюдений над этой птицей, — почти столь же плотен по телосложению, как и глухарь, но во всех своих движениях более ловок, чем последний. Он бежит быстрее глухаря, причем держит тело менее наклонно и более вытягивает шею. На деревьях он держится или прямо, или в горизонтальном положении; то подтягивает шею, то вытягивает ее кверху. Он предпочитает садиться на лиственные деревья и гораздо чаще глухаря спускается на землю. Несмотря на свои короткие маховые перья, летает очень хорошо, двигаясь в прямом направлении, причем делает необыкновенно быстрые взмахи. Часто в один раз пролетает довольно большие пространства. На лету он шумит, но гораздо менее, чем глухарь, и полет его кажется более легким. Тетерев очень чуток. Его зрение, слух и чутье превосходны. Во всех случаях он держится с крайней осторожностью».

К этому, однако, Людвиг делает добавление. По его исследованиям, обоняние у тетерева развито менее, чем зрение и слух. А Чуди считает тетерева довольно глупой птицей и говорит, что он плохо запоминает местность, и что от преследований его спасают пугливость и дикость, нежели осторожность и соображение. С этим мнением я согласиться не могу, скорее, думаю, что птица эта убеждает нас в противоположном. Тетерев позволяет себя обмануть лишь в очень редких случаях; он склонен быть недоверчивым даже тогда, когда подозрения неосновательны, и при всякой опасности старается тотчас же скрыться. Самки и самцы в разных

случаях кричат по-разному. Призывный крик представляет звонкий короткий отрывистый свист; нежные чувства выражаются тихим «бак-бак», крик птенцов — нежный писк. Однако, в пору токования, крик самцов включает в себе такое разнообразие звуков, какого трудно ожидать от такой молчаливой в другое время птицы.

Пища тетерева существенно отличается от пищи глухаря: во всяком случае, она нежнее и состоит из древесных и цветочных почек, листьев, ягод, зерен и насекомых. Летом он кормится ягодами черники, брусники, малины и ежевики, зимой — можжевельными ягодами, шиповником, ест также почки вереска, березы, осины, орешника, ольхи, ветлы и бука; в исключительных случаях питается молодыми зелеными шишками хвойных деревьев, в чем мы убедились, исследуя зоб одного старого тетерева, но игл он почти никогда не трогает. Столь же охотно, как растительной, питается и животной пищей; к последней принадлежат маленькие кузнечики, черви, муравьиные куколки, мухи, жучки и тому подобное; птенцы почти исключительно выкармливаются нежными насекомыми. Перелеты, которые предпринимаются тетеревами, живущими на севере, совершаются, по-видимому, ради корма. Когда в Сибири наступает пора морозов, по словам Радде, в предобеденные часы тетеревов видят сидящими на вершинах душистых тополей, где они соскабливают с веток смолистые почки; то же самое они проделывают с ветками березы и других лиственных деревьев. Тетерева не отказываются и от зерновой пищи. Наблюдения Людвиг показали, что они довольно охотно едят всходы на полях и поспевший овес. Любят также глотать мелкие камешки.

От глухарей тетерева отличаются большей общительностью. Но и среди тетеревов попадаются самцы, которые проводят дни одиноко и только в пору токования присоединяются к другим птицам; однако, таких тетеревов немного. Старые самцы обыкновенно никогда не разлучаются, самки уединяются только в птенцовую пору и когда молодые достигнут полного оперения, снова сбиваются в стаи. При матери остаются молодые самки; молодые самцы присоединяются к старым и мирно живут с ними вплоть до наступления поры токования. В противоположность всегда небольшим стайкам тетерок, самцы собираются в необыкновенно многочисленные стаи. В Сибири, в начале зимы мы много раз встречали стаи из 200—400 тетеревов, тогда как самок видели только в небольшом числе.

С первыми весенними днями в полном блеске выступает на сцену жизнерадостное чувство, и даже задор, столь характерные для наших тетеревов, так как едва успеет стаять снег, как они уже начинают токовать.

Глухариный охотник будет утверждать, что токование его излюбленной дичи нельзя сравнить с токованием другой птицы,

однако простой смертный едва ли с ним будет согласен. Даже многие охотники считают тетеревиные тока красивейшим весенним зрелищем. Одно несомненно: тот, кто только раз побывал на этих токах, никогда их не забудет. Они заключают в себе многое такое, что заставляет причислить эти поединки разгоряченных любовью тетеревов к числу привлекательнейших зрелищ. Стоит только вспомнить картину токования: широко шагнувший вперед расцвет весны, оживленную толпу косачей, причудливость их любовной пляски, красоту, ловкость и крики плясунов, далеко разносящиеся и оживляющие лес, и многое другое.

Для своих токов тетерева выбирают свободные лесные поляны, лучше всего какую-нибудь лужайку или пустырь, или лесную просеку, где древесный молодняк настолько низок, что не может мешать. К вечеру тетерева садятся на деревья и токуют без перерыва вплоть до наступления ночи. Рано утром, когда еще сумерки не рассеялись, они покидают места своего ночлега и слетают на землю. Там, где тетеревов водится много, они собираются на подходящих местах в большом количестве; на севере их слетается штук 30—40, иногда 100. Людвиг описывает: «Первый прилетевший косач садится безмолвно или, шурша крыльями, минут 5—10 остается неподвижно, насторожившись, и только тогда, когда чувствует себя в полной безопасности начинает бормотать, с чего и начинается собственно токование». В марте и в первых днях апреля токование часто продолжается непрерывно; позднее оно длится целое утро, причем каждый косач в отдельности выказывает ту неутомимость, которая приводит нас в удивление: в Лапландии я слышал токование косача, продолжавшееся без перерыва с 11 часов вечера до 2 часов ночи.

Токование есть в одно и то же время песнь и пляска любви; когда прилетевший косач вполне убедится, что все кругом спокойно, он, прежде всего, издает весьма оригинальное «чужыканье». После этого следует так называемое бормотание. Если косач очень возбужден, то чужыканье и бормотание его кажутся беспрестанно сменяющимися одно другим и почти невозможным становится различить конец и начало каждого колена, между которыми он нередко вставляет каркающие звуки. С косачом редко случается, как это бывает с глухарем, чтобы он забыл обо всем окружающем и, так сказать, сделался глух и слеп; впрочем, я знаю случаи, когда некоторые косачи, по которым давали выстрел во время их бормотания, не только не улетали, но, казалось совсем не слышали выстрела. Движения токующего тетерева оживленны, странны и показывают возбужденное состояние птицы. «Перед бормотанием, — говорит мой отец, давая совершенно верное описание токования тетерева, — косач держит хвост вертикально и, распустив веером, вытягивает кверху шею и голову, перья которой взъерошиваются, и отставляет крылья вбок и книзу. Затем он проделывает несколько скачков, то в одну, то в другую сторону,

иногда поворачиваясь кругом, и держит нижнюю половину клюва так отвесно вниз, что она трется о перья подбородка. Во время всех этих движений косач хлопает крыльями и делает полные обороты на месте». Чем тетерев разгоряченнее, тем оживленнее его мимика и, в конце концов, можно подумать, что видишь перед собой обезумевшую и ополоумевшую птицу. Наиболее усердными становятся движения, когда на одно место соберутся несколько косачей, так как в таких случаях они из плясунов превращаются в гневных драчунов. Двое косачей становятся, подобно петухам, друг против друга. С головами, опущенными к самой земле, бросаются друг на друга и одновременно подсакивают вверх, стараясь в это время нанести друг другу удары и щипки. Вновь падают на землю с гневным клохтаньем, несколько раз оборачиваются на месте, сбегаются вновь и подсакивают для новой схватки. Если драка серьезна, с обоих бойцов летят перья; однако, несмотря на кажущуюся злобу, с какой они дерутся, они не наносят друг другу серьезных ран и, глядя на них, я почти склонен думать, что, скорее, они стараются нагнать друг на друга страху, чем нанести вред. Однако случается, что более сильный схватывает более слабого за вихор, протаскивает его, словно пленника, некоторое расстояние, наносит ему еще несколько ударов и принуждает его к бегству. И после всего этого горделиво возвращается на место битвы, чтобы вновь приняться за токование. Впрочем, побежденный самец обыкновенно возвращается на поле битвы и вновь вступает в единоборство или же летит на другой ток, помериться с другими косачами.

Обыкновенно такой ток приманивает самок, так что самцы по окончании турниров могут получить награду за свои труды. Число самок, прилетающих на тока, бывает очень различно. Я встречал до восьми самок и думаю, что один петух может почитать себя счастливым, если за один ток он добьется любви шести самок. Некоторые утверждают, что в самом начале токования косач не обращает внимания на самок, а токует для своего собственного удовольствия, танцует и распевает от избытка чувств и жизненной силы, и что спаривание происходит лишь в поздние утренние часы. Со всем этим я согласиться не могу.

В середине мая тетерка начинает готовиться к кладке. Ее гнездо — простая мелкая ямка, которую она разгребает в земле и выстилает самое большое несколькими прутиками. Гнездо устраивается по возможности в безопасном месте, между высокой травой, под небольшими кустами и т. п. Кладка состоит из 7—10, иногда из 12 яиц, имеющих по продольной оси 49 мм, в поперечнике 35 мм. Яйца имеют серо-желтый, бледно-серый или красновато-желтый фон, по которому густо разбросаны темно-желтые, ржавые, оливково-бурые и серые пятна и точки. Тетерка сидит на яйцах, если и не так усердно, как глухарка, то все-таки с горячей преданностью и точно так же всегда искусным притворством

старается отманить от гнезда приближающегося врага, а в наиболее благоприятное время с самой глубокой нежностью посвящает себя заботам о своих подрастающих цыплятах. С первых же дней появления на свет тетеревята умеют ловко прятаться, скоро научаются перепархивать и уже по прошествии нескольких недель в состоянии всюду следовать за стариками. Несмотря на это, им приходится избегать много опасностей прежде, чем они окончательно станут взрослыми. Косачи не заботятся ни о выводе птенцов, ни о самих выводках.

За тетеревами усердно охотятся различные хищники, человек же занимается тетеревиной охотой повсеместно. Самая привлекательная охота на токах, и уже потому, что охотник, даже если ему и не посчастливится, вполне вознаграждается чудным зрелищем тока.

По всей Сибири в ходу охота на «чучела». Последние состоят из настоящего чучела косача или его подобия, старательно сделанного из пакли, материи и дерева; такое чучело употребляется как приманная птица. Сибирские охотники уверяли меня, что во время одной охоты на чучело они убивали в удачное утро до 40 косачей.

Особенно усердно охотятся за тетеревами в Тироле и в баварских горах, так как хвостовые перья их являются излюбленным украшением для молодежи и носятся на шляпах. По словам Кобеля, за несколько столетий до настоящего времени, эти перья, укрепленные на полях шляпы, были знаком вызова на состязание. По тирольским сказаниям, черт, когда он является в образе охотника, имеет на своей шляпе половину хвостовых перьев косача, но носит их не на левой стороне, как христианские охотники, а всегда на правой, поэтому его легко отличить от благочестивого человека и таким образом спастись от его опасных козней.

В местностях, где живут вместе глухари и тетерева, но где самцов глухарей сильно убавилось, глухарки иногда держатся вблизи тетеревиных токов из желания спариться с петухами-косачами. Точно так же случается, что тетерки для той же цели сами присоединяются к холостым самцам глухарей или, по крайней мере, не отказывают последним в их домогательствах. О существовании помеси между косачем и глухаркой узнали только в начале тридцатых годов нашего столетия и в этой помеси склонны были видеть особый вид тетеревиных; однако исследования Нильсона рассеяли все заблуждение вышеупомянутого взгляда, которого, между прочим, долгое время держался и мой отец. С того времени тетерева-межняки не раз воспитывались в неволе, и смешанность их породы была совершенно доказана.

Тетерев-межняк (*Tetrao urogallus* x *Lulurus tetrix*) будучи в большинстве случаев помесью между тетеревом и глухаркой, реже — между глухарем и тетеркой — по форме и окраске зани-

**Семейство
тетеревиные**

мает почти среднее положение между обоими родителями, но с первого взгляда отнюдь не кажется помесью. Верхняя часть головы петуха-межняка бывает или черная блестящая, или по черному фону испещрена серыми крапинками и тонкими зигзагами. Верхние части его крыльев черновато-бурого цвета вперемежку с серой окраской, поперек рулевых перьев второго порядка идет широкая, грязно-белая полоса, а на концах их такого же цвета каемки. Хвост с неглубоким вырезом, черный, на концах перьев

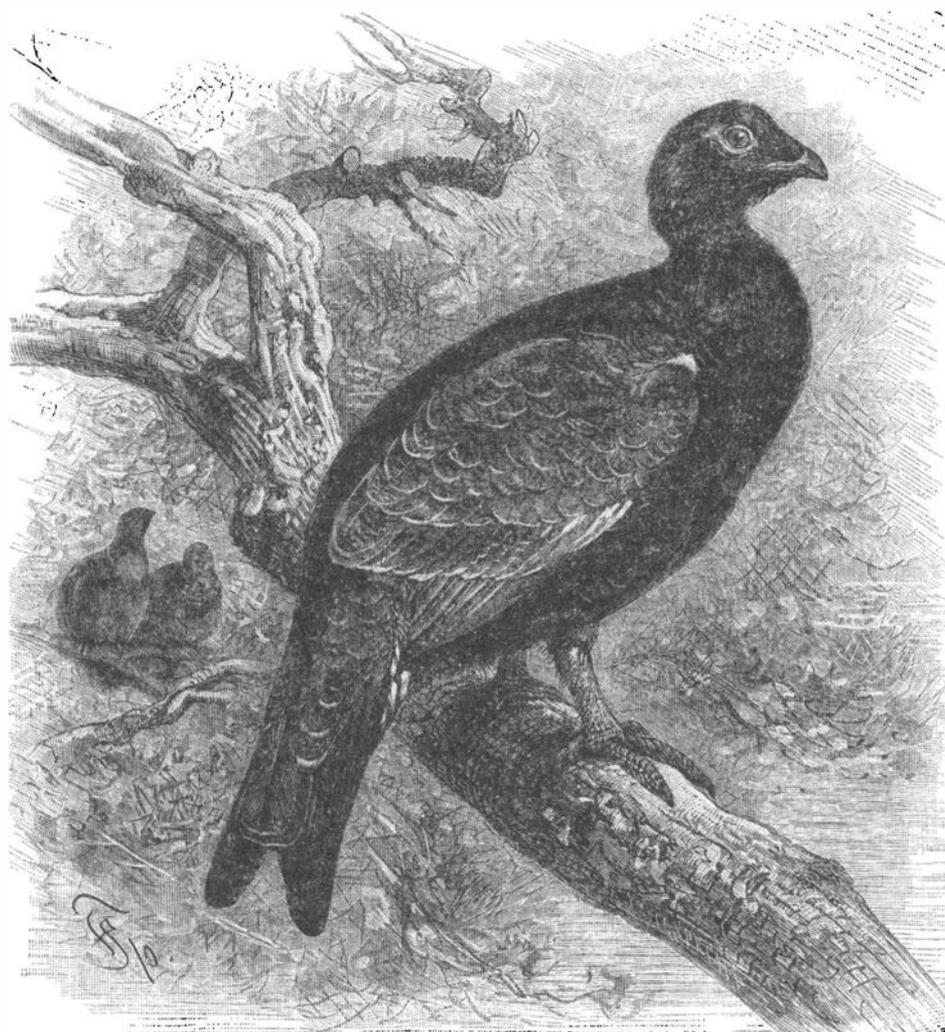
иногда имеет белые каемки. Оперение нижней части тела черное, в передней половине шеи и на зобу с фиолетовым блеском, по бокам с серым налетом и бывает покрыто белыми пятнышками. Перья бедер белого цвета, перья плюсны пепельно-серые. Глаза темно-карие, клюв черного рогового цвета. Самка межняка имеет большое сходство то с глухаркой, то с тетеркой, но всегда меньше глухарки и больше тетерки. Длина самца межняка достигает 65—75 см, самки — 55—60 см.

Межняк встречается всюду, где водятся вместе глухарь и тетерев: в Германии, Швейцарии, но преимуще-

ственно в Скандинавии. Там, по словам Нильсона, экземпляры такой помеси убивают и ловят ежегодно в большом числе.

На Кавказе место косача заступает родственный ему вид **кавказский тетерев** (*Lyrurus mlokoseiwicki*), открытый только в 1875 году.

Кроме глухаря и косача в европейских лесах живет **рябчик** (*Tetrastes bonasia*). По строению тела он похож на вышеописан-

Тетерев-межняк
(*Tetrao urogallus* x
Lulurus tetrix)

ных родичей, но плюсна у него оперена только на три четверти длины и пальцы голые. Округленный хвост состоит из 16 рулевых перьев; перышки на темени удлинены и образуют хохолок. Оба пола похожи друг на друга по величине и цвету оперения, хотя все-таки отличить их можно. У самки нет черного пятна на горле и окраска оперения не так ярка: в ней заметно больше серого, чем бурого цвета. Длина тела обыкновенно около 45 см, размах крыльев 62, длина крыла 19, хвоста 23 см. Самка на одну пятую меньше самца.

Область распространения рябчика простирается от Пиренеев до Северного полярного круга и от берегов Атлантического до берегов Тихого океана; но в этой обширной области он встречается не везде, а только в некоторых местностях. Во всех обширных лесах России рябчик немного меньше ростом и в его оперении более заметны белый и серый цвета.

Рябчик любит прятаться, и потому мало заметен; только редко и случайно можно увидеть, как он перебегает через полянки от одного куста к другому. А в суровое время года сидит на толстых ветвях, прижавшись к сучку и вытянув голову вперед; в этом положении его не всегда легко заметить. Если рябчика спугнуть с ветвей, то он быстро взлетает и прячется на земле в кустах; если же его настигнуть на земле, то садится на ближайшее дерево и оттуда глупо и с любопытством смотрит на нарушителя спокойствия. Если его еще раз вспугнуть, то летит на хвойное дерево с густой вершиной, прячется там в самых темных местах и сидит смиренно; иногда незаметно перебегает на противоположную сторону дерева и оттуда потихоньку улетает. Когда рябчик не вполне уверен в своей безопасности, он сидит и ходит, согнувшись, как куропатка; в другое время держится прямо и бегаёт с вытянутой шеей. Он очень быстр и ловок во всех своих движениях, может также прекрасно прыгать. У самки довольно короткие перышки хохолка всегда прижаты к темени, а самец важно выступает с приподнятым хохлом. Полет рябчика существенно не отличается от полета тетеревов, но по-моему мнению, он совершается с большею легкостью, однако несколько медленнее. И на что я хочу обратить особое внимание, рябчик при взлете мало шумит крыльями, а не хлопает ими громко, как тетерева, и полет его так тих, что быстро летящего рябчика едва слышно. Самцы и самки заметно отличаются по голосу, самки кричат особенно разнообразно.

Органы чувств у рябчиков развиты, вероятно, лучше, чем у тетеревов, по крайней мере, слух у них отличается необыкновенной тонкостью; относительно умственных способностей они стоят на одинаковой ступени. По образу жизни и нраву они отличаются от всех нами описанных родичей.

Рябчик в отличие от других куриных, живущих в многоженстве, чаще всего держится попарно или семьями. Уже в сен-

Семейство тетеревиные

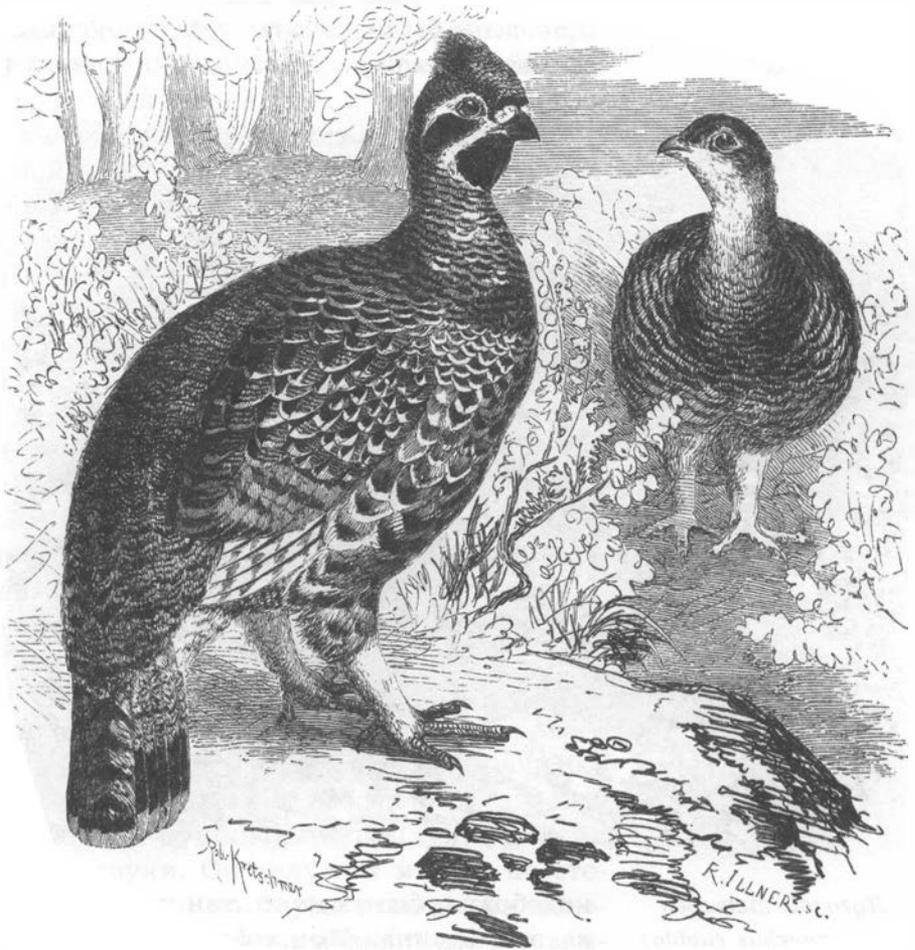
тябре молодой самец выбирает себе подругу, но выводка еще не покидает, под весну они отделяются и принимаются за гнездование. Так же, как и тетерева, рябчики токуют, но танцуют при этом не так характерно, а ограничиваются тем, что ерошат перья на темени, ушной области и шее; нежные чувства к своей подружке изъясняют громким свистом и резкими трелями. Когда самец сильно возбужден, то взбирается на ближайшее дерево, выбирая средние ветви у самой верхушки, и там свистит и разливается без устали почти всю ночь и утро, от заката солнца до наступления дня. На землю токующий рябчик спускается только непосредственно перед спариванием.

В заботах гнездования он принимает только самое незначительное участие. Тотчас после первого спаривания самка находит себе самое неприметное место под кустом или хворостом, между камней или между папоротниками, устраивает там углубление и в нем несется. Откладывает она 8–10, иногда 12 яиц, которые довольно малы, 40 мм длины и 30 мм ширины, гладки и с блеском; по буро-красному фону они испещрены темно-бурными пятнами и точками. Эти яички она насиживает полных три недели, притом так усердно, что можно подойти к ней совсем близко и все же ее не спугнуть. Русский охотник Сабанеев утверждает, что на Урале наблюдали случаи, когда самки рябчика приспособлялись себе старые чужие гнезда даже на деревьях и высиживали в них своих детенышей. Найти гнездо очень трудно. Место для него птиц выбирается с необыкновенной осторожностью. Самка при приближении врага не вспархивает и не убегает, отводя охотника от гнезда, как тетерев, но в тех случаях, когда вынуждена покинуть гнездо по собственному усмотрению, никогда не забудет тщательно прикрыть яички подстилкой. Вышедших из гнезда детенышей даже трудно заметить. Только что вылупившихся птенцов мать обогревает еще некоторое время в гнезде, пока они совершенно не обсохнут, затем ведет их кормиться на места, самые обильные пищей. Почуввав опасность, она прибегает к многочисленным ухищрениям, которые так присущи всем птицам этого семейства. Серенькие птенчики, по цвету почти не отличающиеся от окружающей почвы, прижимаются к кочкам мха, к камням и корням деревьев так ловко, что нужен чуткий нос лисицы или легавой собаки, а не глаз человека, чтобы обнаружить присутствие их в данном месте. В первое время мать ведет цыплят на открытое, солнечное место, где они ищут себе насекомых, которые в это время составляют их исключительную пищу. Позднее они привыкают к пище взрослых, едят в большом количестве тех же насекомых, ягоды, кончики травяных листьев, семена трав, лепестки цветов и различных растений. Очень скоро молодежь научается летать, изменяет своему прежнему ночлегу под крыльями матери и все перебираются на ветви деревьев, то высоко, то низко лежащих, и там, прижавшись потеснее, размещаются

около, а иногда и под матерью. Когда птенцы начинают летать, к ним присоединяется отец, и тут все семейство образует стайку, которая до самой осени дружно и неразлучно живет вместе. Там, где они водятся в изобилии, их бьют во множестве, так как надо сознаться, что мясо их, бесспорно, самое вкусное жаркое из всех птиц этого семейства.

Охотятся на рябчиков с легавой собакой или же, что еще интереснее, их подзывают пищиком. Пищик — инструмент очень простой: это дудочка, при помощи которой необыкновенно верно свистят, подражая призывному голосу самца; иллюзия так полна, что рябчики, поддавшиеся обману, немедленно прилетают на зов. Счастье, что для такого рода охоты нужна известная сноровка, иначе говоря, она мыслима только для искусного охотника.

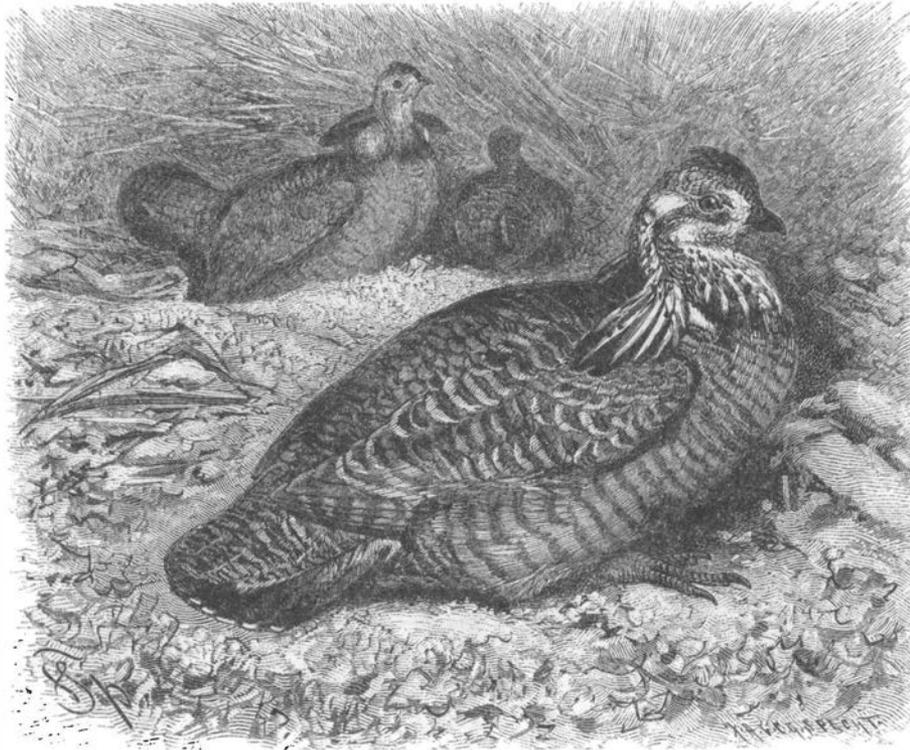
Среди тетеревиных птиц, водящихся в Америке, по моему мнению, заслуживает внимания луговой тетерев (*Tympanuchus cupido*). Он отличается от других птиц этого семейства двумя длинными пучками, которые спускаются по обеим сторонам шеи. Эти пучки прикрывают на шее голые места двух подкожных мешков, находящихся в сообщении с дыхательным горлом. Пучки состоят из 18 узких перьев. Самец и самка почти не отличаются друг от друга по окраске, а разнятся только тем, что у самца перья на пучках несколько длиннее, чем у самки. Во всем прочем по строению тела луговой тетерев похож на глухаря, но хвост короче, чем у последнего и на голове перышки несколько удлинены. Перья верхней части тела пестрые и покрыты черными, бледно-красными и белыми пятнами, на нижней части тела заметны поперечные бледно-бурые и белые полосы, вследствие чего и происходит такое сме-

Рябчик
(*Tetrastes bonasia*)

шение цветов, которое трудно описать. Длина птицы 45 см, размах крыльев 75, длина пера 20, а хвоста 12 см.

«Когда я первый раз жил в Кентукки, — говорит Одюбон, описаниями которого я воспользуюсь, — луговой тетерев был там так обыкновенен, что его мясо ценилось наравне с говяжьей, и истые охотники считали охоту за ним недостойной себя. На этих тетеревов смотрели так, как в других частях Соединенных штатов смотрят на ворон, вследствие тех опустошений, которые они производят зимой в садах и на плодовых деревьях, а летом на полях. Деревенские мальчишки и маленькие негры весь день были заняты тем, что прогоняли этих непрошенных гостей с помощью гремушек и ловили их всевозможными сил-

*Луговой тетерев
(Tutrapiichus cupido)*

ками и западнями. Случалось, что зимой луговые тетерева приходили на дворы ферм и ели там корм вместе с домашними курами; часто их можно было видеть сидящими на крышах домов и бегущими по улицам деревень. Я хорошо помню, что многих птиц поймали в хлеве, куда они зашли добровольно вместе с индюками. В течение этой зимы один мой приятель убил 40 тетеревов с единственной целью поупражняться в стрельбе; он даже не потрудился подобрать убитых птиц, так как и ему, и всему семейству надоела эта дичина. Мои собственные слуги предпочитали простой шпик жареным тетеревам».

Рассказ этот теперь звучит очень странно, если обратить внимание на то, что он относится к стране, где несколько десятков лет тому назад можно было купить этих птиц по одному центу за штуку, и где ныне найти их почти невозможно. Луговые тетерева, точно так же как индейцы, покинули штат Кентукки и перекочевали далеко на запад, чтобы избежать кровожадности белых людей. Теперь, если они и встречаются в восточных штатах, то только благодаря охотничьим законам, которые изданы для их охраны.

В отличие от других тетеревиных, луговой тетерев живет только в безлесных равнинах. Обыкновенным местопребыванием его служат сухие, песчаные поляны, заросшие редким кустарником или низкой травой; он, однако, не избегает обработанных участков земли и даже отыскивает поля, так как они доставляют ему обильный корм. Он живет на земле гораздо чаще других тетеревиных и на деревья садится только в худую погоду или с целью пощипать ягоды и плоды с кустов и деревьев; ночь проводит также на земле, в траве и кустах. Зимой предпринимает странствования, которые в известном смысле можно назвать перелетами, так как они происходят большей частью в определенное время; однако кочевки эти имеют целью найти лучшие кормовые места, и потому они совершаются не повсюду, а только кое-где и не каждую зиму. Многие охотники справедливо считают лугового тетерева оседлой птицей.

По движениям своим он очень похож на наших домашних кур; во всяком случае, тяжеловеснее и неуклюжее рябчика. Если его вспугнуть внезапно, то он взлетает, но если заметит охотника издали и перед ним находится открытое пространство, то чрезвычайно быстро бежит к ближайшим кустам или в густую траву; там он прячется, прижимаясь к земле. Одюбон видел, как по свежевспаханному полю этот тетерев неся, помогая себе взмахами крыльев; затем спрятался за большую глыбу земли и как бы с помощью волшебства исчез из глаз. По толстым сучьям деревьев он двигается довольно проворно, а на тонких ветвях может держаться в равновесии только при помощи крыльев. Полет его сильный, ровный и довольно быстрый, причем он может лететь долго; шум, производимый крыльями, менее заметен, чем у прочих тетеревиных. Он движется по воздуху, очень часто взмахивая крыльями, затем, опустив их, скользит по воздуху, и в это время осматривает находящееся под ним пространство. При взлете обыкновенно кричит четыре или пять раз подряд. Голос его мало отличается от кудахтанья нашей домашней курицы; во время спаривания самец издает своеобразные звуки. Он надувает мешки по сторонам шеи так, что они по цвету и по форме становятся похожими на небольшие апельсины. Затем нагибает голову к земле, открывает клюв и выкрикивает несколько раз то громче, то тише, трещащие звуки, очень сходные с дробью на большом барабане. После чего опять поднимается, снова надувает мешки и возобновляет свои тутуканья. Как только пора спаривания заканчивается, и воинственное настроение утихает, воздушные мешки съеживаются и в течение осени и зимы значительно уменьшаются в объеме. У молодых самцов они начинают функционировать только в конце первой зимы.

Пищу луговых тетеревов составляют как растения, так и всевозможные мелкие животные. Летом они пребывают на лу-

Семейство тетеревиные

гах и хлебных полях, осенью в садах и виноградниках, зимой разыскивают места, где много ягод. К ягодам всех сортов питают особенное пристрастие, также им по вкусу пришлись яблоки. Главную часть пищи составляют хлебные растения: тетерева едят кончики молодых листьев и спелые зерна, поэтому могут навредить как в полях, так и в садах. Но эти птицы приносят и долю пользы, уничтожая личинок, улиток и тому подобных вредных животных. По-видимому, они особенно падки на кузнечиков и если один из членов семейства завладеет этим лакомым кусочком, то все остальные начинают гоняться за ним, чтобы попользоваться хотя бы крохами от вкусной закусочки. Не стоит говорить, что они не брезгуют и другими насекомыми, например, обитателями муравейников.

Там, где луговые тетерева водятся в изобилии, они собираются к зиме в большие стаи, которые только под весну опять раздробляются. Происходит это тотчас после таяния снега, как только появляются первые листочки, причем птицы образуют общества, состоящие из 20 и более штук. Такое общество выбирает определенное место, куда все ежедневно слетаются, чтобы здесь предаваться забавам и пляскам, присущим порою весенних увлечений.

В тех местах, где луговые тетерева мало пуганы людьми, воркотню и тутуканье их можно слышать не только рано по утрам, но и целый день до вечера; там же, где драчуны знают, что следует бояться сильного врага, после восхода солнца редко можно услышать подобный звук. Самки кладут яйца от начала апреля до конца мая, смотря по тому, где живут — севернее или южнее. Гнездо устраивается не особенно тщательно из сухих листьев и травы, но непременно старательно прячется в густой траве или под ветвями кустов, плотно прилегающих к земле. Яйца, числом 8—12, по величине равняются куриным, около 45 мм длины и 32 мм ширины, ярко-бурого цвета, почти такого же, как у цесарок, и насиживаются 18—19 дней. Детенышей с первых шагов воспитывает и учит мать без помощи отца. Наседка лугового тетерева со своими цыплятами во всех отношениях напоминает нашу домашнюю курицу.

Птенцов луговые тетерева высидывают один раз в году, если ничего им не помешает; если же яйца пропадут, то птицы приступают ко второй кладке, которая всегда бывает малочисленнее первой. В августе цыплята достигают величины куропатки и уже довольно хорошо порхают, а к октябрю они становятся совершенно взрослыми.

Все североамериканские хищники, особенно койоты и лисы, различные виды куниц и вонючек, соколы и совы, могут считаться злыми врагами незащитных тетеревов; они им приносят вреда даже больше, чем человек, который, наконец, понял, что охота эта скоро прекратится, если не будет запрещена в из-

вестную часть года. В тридцатых годах в штатах появился закон об их охране. Закон этот наказывает штрафом в 10 долларов того, кто убьет эту птицу во всякое время, кроме октября и ноября. Вследствие этого закона в некоторых местах число их, вероятно, значительно увеличилось, так как в Европу каждую зиму поступает масса дичи и живых тетеревов. Охота на них ведется различным образом и некоторыми любителями с большим увлечением.

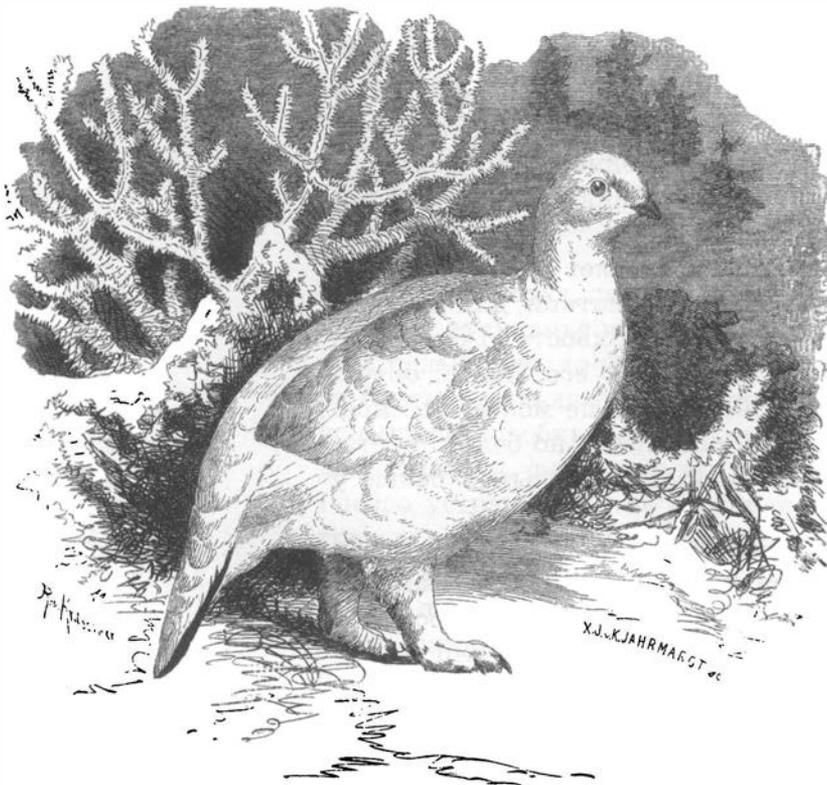
Одним из самых необыкновенных и интересных видов этого семейства может считаться **белая куропатка** (*Lagopus lagopus*). Эти птицы интересны как по образу жизни, так и по особенностям линьки с переменой времени года. Тело их кажется очень сжатым; кроме того, они отличаются маленьким клювом, не очень длинным и не очень толстым, сравнительно короткими ногами, у которых плюсны и пальцы покрыты волосистыми перышками. Крылья средней длины, хвост короткий слегка округленный или прямо обрезанный и состоит из 18 рулевых перьев. Оперение очень густое и обильное, цвет его обыкновенно меняется по временам года. Самец и самка мало между собою разнятся, а детеныши очень скоро делаются похожими на взрослых.

Белая куропатка по величине представляет почти середину между обыкновенным тетеревом и серой куропаткой; длина самца 40 см, размах крыльев 64 см, длина крыла 19, хвоста 11 см; самка на 2 см короче самца и настолько же меньше его. Зимой оперение их, хотя и отличается простотой, но, тем не менее, оно прекрасно. Все перья, кроме хвостовых, ослепительно белого цвета, хвостовые же совершенно черные, окаймлены белым и белые у основания.

В брачном оперении темя и задняя часть шеи ржавого или ржаво-бурого цвета с черными пятнами и волнообразным рисунком. Перья на плечах, спине, надхвостье и средние хвостовые перья наполовину черного, наполовину ржаво-бурого или темного ржаво-желтого цвета с поперечными полосами, и все окаймлены белым. Рулевые перья блеклого цвета; большие маховые перья белые, как зимой; малые маховые перья бурые, как и спина. Передняя сторона головы, шея и горло ржаво-красные и обыкновенно без пятен. Перья на голове, верхняя часть тела ржавого или ржаво-бурого цвета с черными пятнами и такой же каемкой. Середина груди черная с ржавыми и белыми пятнами. Брюшко и лапы белые, а нижние кроющие перья хвоста черные с ржаво-желтыми и бурыми полосами и зубчатым рисунком. Под глазами и у углов рта белые пятна. В общем, цвет бывает то ярче, то светлее; случается даже, что перья по ярко-коричневому фону разрисованы черным. В течение лета перья выцветают и блекнут. Самки обыкновенно ярче расцвечены и надевают летнее оперение всегда раньше самцов. Одновременно с появлением темных цветов на зимнем белом оперении, начинает крас-

нет и увеличиваться гребень, что прибавляет немало красоты птице.

Белая куропатка распространена на всем севере Старого и Нового Света, но не везде в одинаковом количестве. На востоке и на севере она встречается повсюду, где есть удобные места: во всей северной России, включая и Прибалтийские губернии, в Сибири, на Скандинавском полуострове, наконец, на крайнем севере Америки. В России мы встречали ее еще в степи между Омском и Семипалатинском; Радде находил ее в восточной части Саянского хребта на высоте почти 2000 м, а именно в широких долинах, поросших березняком; мы часто видели ее в тундре Самоедского полуострова. В болотах прус-

Белая куропатка
(*Lagopus lagopus*)
в зимнем оперении

ской Литвы белая куропатка предпочитает те области, где лес чередуется с открытым болотом. Любимые места их пребывания не леса, а опушки леса, но почва при этом должна быть сырая, влажная. В тундрах они живут и на холмах, и на ровных местах, и на склонах, и в долинах, так как почва там везде одинаковая. На Скандинавском полуострове, напротив, куропатка живет только в средней части гор, а в долинах встречается очень редко и остается там недолго. Это объясняется тем, что жизнь ее связана с березами и ивами, которые растут выше полосы хвойного леса. На плоских возвышенностях Скандинавии

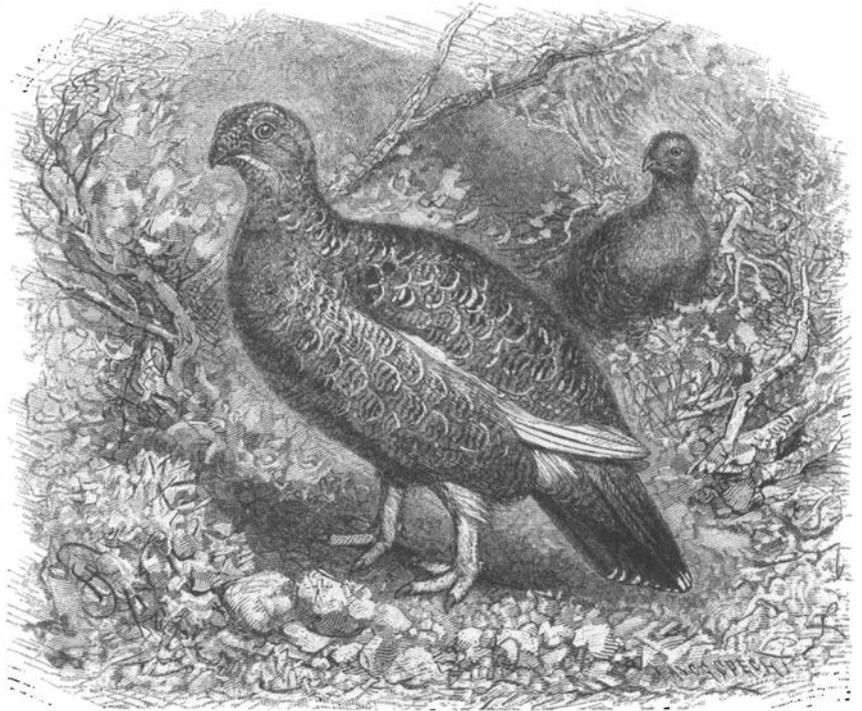
и в некоторых местах тундры их очень много, больше, чем других тетеревов. Одна парочка живет совсем близко от другой и участок каждой из них так невелик, что редко имеет 500 шагов ширины. Весной самец ревниво охраняет свои владения и прогоняет всякого пришельца.

Об этой куропатке можно сказать, что она относительно высоко одаренная птица. Принадлежит к самым подвижным и впечатлительным лесным куриным, которых я знавал, ловка, поэтому редко спокойна, и умеет проворно двигаться при всяких условиях. Широкие, густо оперенные лапы позволяют ей быстро бегать по топким болотам и по рыхлому снегу, и, по всей вероятно-

сти, она умеет даже плавать. Походка ее не всегда одинакова: обыкновенно она семенит мелкими шажками, согнувшись, причем горбит спину и опускает хвост; бежит плавно, следуя всем неровностям почвы; если внимание ее привлечено чем-либо особенным, она взбирается на кочку, оглядывая оттуда все кругом. В случае преследования несется по земле с изумительной быстротой. Когда стоит на кочке и озирается, то вытягивает тело насколько возможно, поднимает голову и кажется тогда очень стройной. Полет ее быстрый и красивый, он более похож на полет тетерева, чем серой куропатки, но отличается как от того, так и от другого. Поднявшись с земли, птица эта, особенно самец, взлетает на высоту около 4 м, затем несется 300, 400, 500 и даже 600 шагов на том же расстоянии от земли, то быстро машет крыльями, то парит, затем взвивается кверху, после чего точно также стремительно опускается и садится на землю.

Белая куропатка не только умеет прорывать ходы в снегу, чтобы добывать себе из-под него пищу, но, в случае нападения хищной птицы, падает отвесно вниз и, так сказать, утопает в легком снежном покрове. Здесь она ищет убежище в непогоду, укрываясь от резких ветров: иногда можно найти всю стайку, тесно сплотившуюся вместе, причем все птицы зарылись в снегу, только у некоторых из-под снега торчат головы.

Хорошо развитые внешние чувства помогают куропаткам своевременно узнавать приближающуюся опасность, и они мастерски умеют защищаться, сколько позволяют силы. В большинстве случаев поразительно смелы и отважны. Иногда случается, что самцы, прогуливаясь без самок, ведут себя очень беспечно. Пробегая несколько раз мимо прохожего или охотника, они не торопятся укрыться, будто им необходимо рассмотреть хорошенько такое необыкновенное существо, как человек. При этом самец горбится, приседает, выбирая места тундры, скудно поросшие карликовой березой, воображая, что может там спрятаться, и время от времени вытягивает шею, чтобы поглядеть, что творится кругом.

*Белая куропатка
(Lagopus lagopus)
в летнем оперении*

Пища белых куропаток по преимуществу растительная, зимой они едят, главным образом, березовые почки, засохшие ягоды, летом нежные листки, цветы, побеги, ягоды, а при случае и разных насекомых, которыми удаётся поживиться.

С половины марта куропатки спариваются и вскоре начинают токовать. Самцы продолжают токовать, а самки уже кладут яйца. Они роют неглубокие ямки на солнечных склонах плоских возвышенностей, на заросших пустырях, уже свободных от снега, под кустами малорослой ивы, березы, можжевельника и в подобных укромных местах. Гнездо выстилают сухой травой, иногда другими сухими растениями, собственными выпавшими перьями и даже отчасти землей. Место для гнезда обыкновенно так хорошо выбрано, что его трудно найти.

Кладка бывает закончена или в конце мая, или в начале июня и состоит из 9–12, а иногда из 15–16 и даже 20 грушевидных, гладких, блестящих яиц около 42 мм длины и 30 мм ширины; цвет их охристо-желтый и покрыт множеством бурых или красно-бурых пятнышек и точек. Самка насиживает с большим усердием, самец же, по-видимому, не принимает в этом деле участия, а служит только сторожем. Он выказывает все свое мужество, и каждого человека или каждое хищное животное, которое приближается, встречает своим предостерегающим «габа-у, габа-у». Становится на кочку, а если его вспугнут, то улетает лишь на несколько шагов, и снова начинает кричать, очевидно, желая отвести врага от гнезда. Он упорно защищает свой участок от вторжения других самцов, но случайно пробегающая мимо свободная самка, по-видимому, спутывает его понятия о супружеской верности и он, несмотря на любовь к своей подруге, не прочь провести время и с новой самкой. Наседка же, напротив, в виду опасности остается на гнезде как можно дольше. Сначала она как будто и не замечает приближающейся беды, и покидает гнездо, только когда подойдешь к нему вплотную, причем непременно прибегает к обычным хитростям.

Если все обстоит благополучно, то хорошенькие цыплята появляются в конце июня или начале июля, и тогда можно встретить целое семейство вместе даже на очень мокрых местах болота. В это время их можно в прямом смысле назвать болотными птицами, так как они легко двигаются на топких трясилах. В первые дни прелестные цыплятки покрыты мягким пухом и поразительно похожи на пучок оленьего мха. Как все дикие цыплята, они чрезвычайно проворны и прытки, легко и ловко перебегают через тину и лужи и в первые дни научаются пользоваться своими маленькими, короткими крылышками. Этим объясняется их искусство избегать всяких встречающихся опасностей. Цвет оперения, тождественный с цветом почвы, обманывает даже зоркий соколиный глаз, местность, по которой они бродят, спасает их от чуткого носа кумушки лисы и от ее родича песца. Живут птен-

цы весело и беззаботно, понемногу подрастают, меняют свои пятнистые черно-бурые маховые перья на белые, возобновляют их еще несколько раз, и уже в конце августа или в начале сентября бывают ростом почти с родителей. Еще с месяц, говорит Барт, они держатся поблизости гнезда, затем, в конце сентября или начале октября соединяются с другими выводками, образуют стаи, и делаются до того пугливыми, что почти никогда не допускают до удачного выстрела.

До тех пор, пока склоны возвышенностей не покроются снегом, стаи остаются на тех местах, где они встретились, безразлично, приобрели птицы зимнее оперение вполне или только отчасти. Но, как только выпадет снег, стаи перебираются в долины, лежащие выше, и там держатся у берегов горных озер, поросших березовыми кустарниками. Такие места привлекают почти всех куропаток с огромного участка, и они, предчувствуя снежные метели, собираются сюда тысячами. Испуганные чем-нибудь, птицы с шумом проносятся мимо охотника в виде густых белых облаков, тянувшихся на сотни метров. Когда выпадет глубокий снег, который покрывает одинаковым слоем горы и долины, стаи эти разбиваются. Когда же и низменности оденутся снежным покровом, то они спускаются туда, остаются здесь недолго и возвращаются в горы, откуда снова спускаются после первой снежной метели.

Белые куропатки составляют одну из самых драгоценных птиц для охоты. Поразительное их множество дает мало-мальски опытному охотнику прекрасный заработок, поэтому многие обитатели северных стран с особенным увлечением предаются этой охоте; однако только немногие из них охотятся так, как меня учил старый Свайсон. Они убивают самок или осенью, прежде чем выводки успели собраться в стаи, или зимой, когда они скучиваются и живут в березовых чащах сотнями и тысячами. Осенью для этого необходима хорошая легавая собака: с ней в полдень можно убить несколько дюжин куропаток. Я охотился с одним англичанином, который уже шесть лет подряд отправлялся в горы, проводил там несколько недель с целью бить куропаток. Он мог в точности перечислить количество птиц, убитых им, и оказалось, что в одну осень он перестрелял более 400 куропаток. При этом я должен заметить, что норвежцы приходят в ужас от англичан, которые без разбора и без жалости стреляют даже цыплят, пока они еще ростом с перепела или жаворонка, безразлично — годны они на что-нибудь или нет. Норвежские охотники не вязнут в глубоком лесу в самых негостеприимных и пустынных местах, не сваливаются в снежные пропасти, так как у них есть лыжи, на которых они ловко несутся, скользя даже по рыхлому снегу. Они не блуждают по беспредельным и однообразным снежным равнинам, так как слишком хорошо знакомы с родными фиордами. Часто та или другая гора служит им приметой, по которой, сбившись с дороги, все же возможно найти обратный путь.

Конечно, следует сказать, что охотник должен быть сильным человеком, не бояться трудностей и не терять присутствия духа даже в густом тумане. Зимой пользуются ружьем реже, чем сетями и силками уже по тому одному, что порох довольно дорог. Место пребывания белых куропаток охотникам хорошо известно и они расставляют сети между березовыми кустами, куда куропатки приходят искать корм. В каком огромном количестве их иногда ловят, можно судить по тому, что один купец в одну зиму мог собрать и переслать 40000 куропаток. Эта дичь идет не только в Стокгольм и Копенгаген, но даже в Германию и Великобританию. Мясо молодых белых куропаток по вкусу не уступает мясу серых и, кроме того, отличается известной пикантностью. Мясо старых птиц нужно долго мочить, чтобы получить хорошее жаркое.

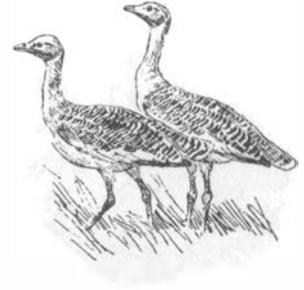
Кроме человека всевозможные хищные животные преследуют куропаток, не уменьшая в значительной степени их числа. Особенно сильно они страдают от хищных птиц в бесснежные зимы в болотах Литвы.

Тундряная куропатка (*Lagopus mutus*). Смотри по местным условиям своей родины, птица эта представляет множество разновидностей. Даже в одной и той же местности летнее оперение ее бывает различно. На Швейцарских Альпах она в разные времена года так изменяется по цвету, что, по словам Шинца, каждый месяц меняет свой наряд. Глаза темно-карие, клюв черный. Длина птицы 35 см, размах крыльев 18, а хвоста 10 см.

Куропатки, живущие на севере, по цвету летнего оперения совершенно походят на те скалы, где они селятся. Они обитают в Альпийских горах по всему их протяжению, на Пиренеях, в горах Шотландии, на всех высоких горных вершинах Скандинавии, в Исландии, в горах северной Сибири и вообще северной Азии, в Северной Америке и в Гренландии. Из Альп они иногда залетают в Шварцвальд, из Пиренеев на горы Астурии, Галиции и вероятно из континентальной Азии даже в Японию, если верно, что рисунок, сделанный одним из тамошних жителей, снят с птицы, действительно убитой в Японии. На севере тундряная куропатка встречается на всякой твердой земле, будь это материк или остров значительной величины.

В противоположность белой куропатке тундряная куропатка живет только на голых местах, поросших кустарником. Поэтому в Альпах обитает выше пояса лесов, близ снегов и льдов, в Норвегии на голых вершинах, покрытых валунами, только в Исландии и Гренландии для гнездования она спускается в более низкие места и даже в низменности непосредственно вблизи моря. Из сообщений Радде следует заключить, что в Восточной Сибири она селится только на высоких горах.

Тундряная куропатка резко отличается от своих родичей по образу жизни. Нрав ее спокойнее, а умственные способности ог-

раниченное. По бегу и полету они почти равны, даже можно сказать, что у тундряной куропатки эти движения еще легче, нежели у белой. Вообще она редко летит сразу подолгу, там же, где она еще не напугана преследованиями, почти никогда. В одном только она, кажется, решительно превосходит всех своих родичей. «Я несколько раз замечал, — говорил Гольбельль, — что эта куропатка может плавать не только побуждаемая опасностью, но иногда даже и без особой необходимости. В сентябре месяце 1825 года мы стояли с нашей баркой у берегов Гренландии, в так называемой юго-восточной бухте; несколько дней все было окутано туманом до того, что несколько куропаток приблизились к судну. Одна из них так стремительно наткнулась на парус, что была отброшена и упала в воду. Погода стояла тихая, и я велел спустить лодку, думая поживиться упавшей птицей. Но птица с необыкновенной легкостью поднялась с воды и улетела. В следующую зиму мне случилось видеть, как две куропатки при 10 градусах мороза поднялись с утесов близ Годхавна и, не задумываясь, спустились на воду. Кроме того, я видел, как они купались и даже плавали в неглубоких горных водоемах». Голос тундряной куропатки особенный, и ничуть не похож на голос других куропаток.

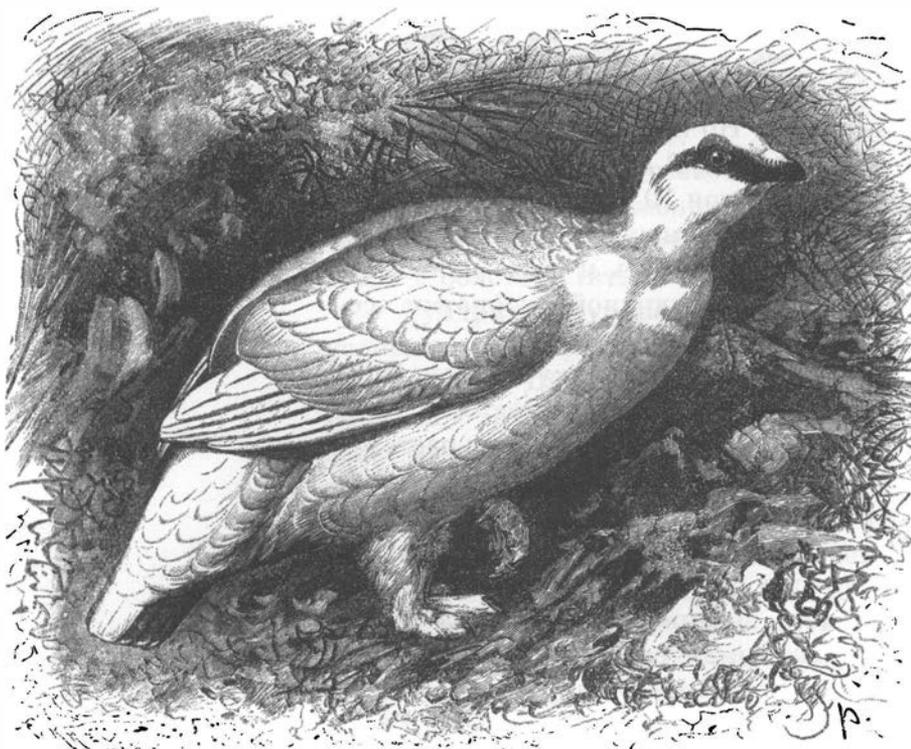
Описывая свою первую охоту на тундряных куропаток, Бойе замечает: «Они, как окаменелые, ожидали приближения охотника на скале, которая была скудно покрыта альпийскими растениями, и потом полетели без криков, производя только сильный шум взмахами крыльев». «Их необыкновенная лень, — говорит он далее, — составляет резкий контраст между ними и белыми куропатками. По-видимому, самцы сидят целый день смирно и неподвижно около своих наседок, выбирая почти всегда самые крутые и отвесные места, будто любясь с вершины обрыва самыми привлекательными картинами». Фабер рисует тундряную куропатку как птицу «необыкновенно смелую и глупую», Гольбельль находит гренландских куропаток «очень простоватыми, доверчивыми». Записывая свои наблюдения, я высказался почти теми же словами, как Бойе. «Первые два самца, убитые мной, были поразительно неосторожны: они не обнаруживали ни малейшего страха, не улетали, а, напротив, ожидали охотника, по-видимому, с величайшим удивлением». Точно так же они себя держат и на Альпах. «В туманную погоду, — пишет Шинц, — чаще всего они бегают по земле и воображают, что достаточно защищены от всяких преследований; но, впрочем, они и при теплой ясной погоде очень доверчивы». И даже тут, по словам Чуди, «на обнаженных горах подпускают к себе человека на расстояние 10 шагов». При холодной погоде они пугливее, зимой собираются в более или менее большие стаи.

Пища их состоит главным образом из растений. У куропаток, живущих в Альпах, зоб набит листьями ползучей ивы и вереска, почками ели и рододендронов, ягодами брусники, черники

**Семейство
тетеревиные**

и ежевики, различными цветами и т. п. На севере они питаются почками и листьями карликовой ивы и березы, листовыми и цветочными почками разных северных растений и ягодных кустов, растущих на этих высотах, а также ягодами. За недостатком другой пищи, глотают кусочки лишая, которые соскабливают с камней. Если наблюдения Фабера справедливы, то они заготавливают себе запасы на зиму.

Бедность и негостеприимность мест, где куропатки селятся, нередко пагубны для птиц, живущих в Альпах. Хотя они очень

*Тундрная
куропатка
(Lagopus mutus)*

невзыскательны и хорошо умеют переносить бури и непогоды, все же всех невзгод преодолеть не могут. Если зимой при безветрии снег валит целый день, наша птица не подвергается большой опасности; если с гор скатываются лавины, то немало птиц бывает раздавлено глыбами снега; когда же снег покрывается крепкой ледяной корой, то множество куропаток хиреют и околевают с голода. Но не одна только природа относится жестоко и даже враждебно к невинным существам, часто еще хуже с ними поступает человек и остальные хищники. Тысячи и сотни тысяч куропаток погибают ежегодно; некоторые делаются добычей вооруженного охотника и не меньше птиц отсчитывают себе на зубы лисицы и росوماхи, многие куропатки истекают кровью в когтях кречетов и белых северных сов.

ОТРЯД
ЖУРАВЛЕОБРАЗНЫЕ
(Gruiformes)

Семейство
трехперстковые

СЕМЕЙСТВО
ТРЕХПЕРСТКОВЫЕ (Turnicidae)

Трехперстки небольшие птицы с вытянутым туловищем, характеризуются следующими признаками. Клюв средней длины, тонкий, прямой, сжатый с боков с выпуклой спинкой и слегка загнутым концом. Ноздри имеют боковое положение и отчасти прикрыты голыми кожистыми щитками. Слабые ноги с длинной плюсной и тремя или, в виде исключения, четырьмя пальцами. Закругленные крылья средней длины, короткий хвост из 10—12 рулевых перьев почти скрыт под кроющими перьями.

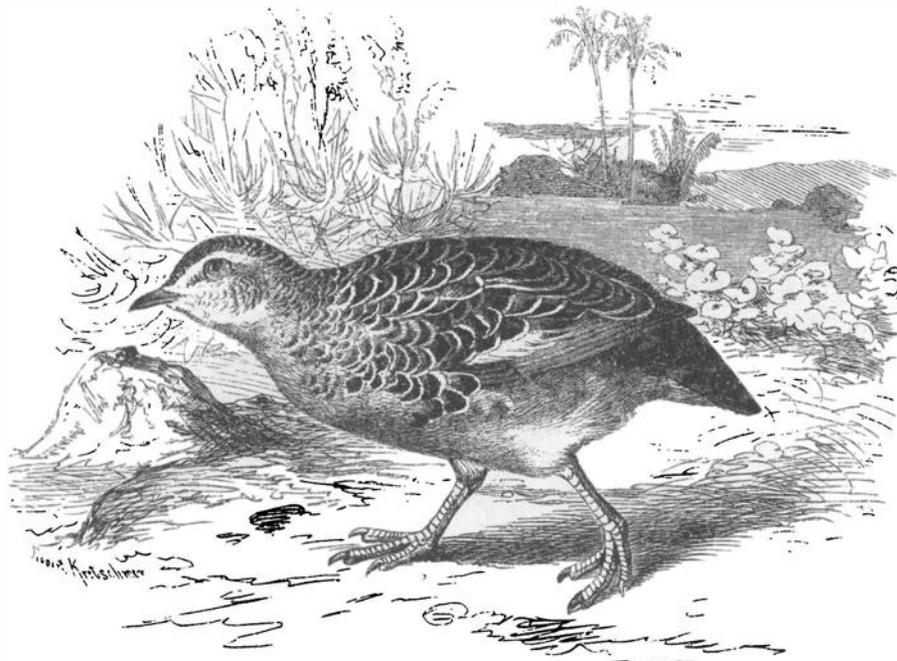
Трехперстки распространены по всем Восточному полушарию и не встречаются в Западном. По-видимому, Австралия является центром области распространения семейства: здесь живет больше видов, чем во всех остальных частях света, вместе взятых; они не только населяют все известные до сих пор части материка, но распространены также по островам, прилежащим к матерiku и даже к Тасмании. Местопребыванием им служат равнины, каменистые обрывы и склоны гор, густо поросшие кустарниками и травой. Трехперстки ведут настолько скрытый образ жизни, что, кроме периода спаривания, их можно встретить очень редко, если не предпринимать специальной охоты за ними. Они прячутся в густой траве, пока только возможно, и, наконец, вылетев из-под самых ног охотника, поднимаются невысоко, пролетают с быстротой стрелы в прямом направлении около 100 метров и вдруг опять опускаются на землю.

В период спаривания оживляются, но и тогда их можно только слышать, а не видеть. Половое чувство возбуждает оба пола в высшей степени и вызывает в каждом из них борьбу; замечательно, что не только самцы, но и самки ожесточенно дерутся между собой, у некоторых видов борьба происходит, по-видимому, между одними самками. По рассказам Жердона, все самки очень драчливы, и это используют в южной Индии им же во вред. Ручную самку сажают в западню, которую ставят в подходящем месте на земле. Всякая самка, услышав призывный голос сидящей

в западне птицы, стремительно подлетает к ней с целью сразиться с назойливой соперницей, попадает в самую опасную часть западни, в пылу драки сбивает подпорку и оказывается вдруг окруженной со всех сторон решеткой. Захлопываясь, дверца задевает колокольчик, который извещает ловца о добыче; он прибегает, вынимает из клетки пойманную птицу и снова устанавливает западню; снова прилетает самка, затем еще одна, и при удаче один человек может наловить в течение дня до 20 штук этих ревнивых птиц. Таким способом ловятся исключительно самки трехперсток и в большинстве случаев такие, которые имеют зрелое, готовое к кладке яйцо. «Мне не раз сообщали, — говорит Жердон, — что 8 или 10 пойманных таким образом птиц неслись раньше,

чем их успевали принести домой».

В прежние времена думали, что трехперстки живут в многобрачии; все новейшие наблюдатели указывают как раз противоположное, а некоторые утверждают, что самец и самка верны друг другу. Для постройки гнезда, состоящего из простого слоя соломинок и травяных листьев, самка отыскивает небольшое, хорошо скрытое углубление почвы. Кладка состоит из

*Африканская
трехперстка
(Turnix sylvatica)*

4—7 яиц. Оба ли родителя насиживают, или эта забота лежит на одной самке, неизвестно; во всяком случае, достоверно, что и самец принимает участие в воспитании птенцов.

Благодаря необыкновенной драчливости трехперсток, азиатские народы издавна держат их в клетках и пользуются ими для потешных боев. Даже старые птицы легко привыкают к неволе и не слишком прихотливы в пище. В южной и восточной Азии их кормят главным образом вареным рисом, хотя лучше не лишать их животной пищи, так как на свободе они питаются и разными семенами, и разными насекомыми; жадность, с которой они съедают последних, доказывает, насколько необходима им животная пища.

Африканская трехперстка (*Turnix sylvatica*) принадлежит к наиболее крупным видам семейства. Длина самца достигает

15 см, длина крыла 8, длина хвоста 4 см; самка заметно крупнее и тяжелее самца; длина ее 19 см, длина крыла 9, длина хвоста 4 см. Оба пола нисколько не различаются по окраске.

Эта птица, мало известная и по сей день, распространена по всей северо-восточной Африке, от границ Египта до Адриатического моря и от Гибралтарского пролива до Сенегала, а может быть, и далее к югу. К северу область ее распространения захватывает Испанию и Сицилию. Если она и была найдена еще дальше на севере, то только в качестве случайного гостя. Говорят, что трехперстка нередко встречается в южной Франции и будто бы даже была убита около Оксфорда в Англии. В южной Испании и Португалии она, может быть, распространена гораздо шире, чем установлено до сих пор; в Сицилии*, насколько теперь известно, тоже встречается в различных местностях. Очень трудно судить о числе экземпляров, живущих в данной местности: она ведет до того скрытый образ жизни и ее так трудно найти, что нелегко сказать, часто она встречается или редко. Неизвестно даже, кочует она или нет. В пользу последнего мнения склоняются английские исследователи, производившие наблюдения в Испании; в Андалузии держатся противоположного мнения, прибавляя, что трехперстка является проводником для перепелов, ведет их в Африку и играет в их эмиграциях такую важную роль, что в случае ее гибели перепела уже не могут одни переправиться в Африку. Понятно, что такого рода рассказы лишены всякого основания и показывают только, как мало знают испанцы о нашей птице.

Образ жизни трехперстки всего лучше описал Лошъ, который много лет проживал в Алжире и имел немало случаев наблюдать ее. И здесь она населяет местности, густо поросшие кустарником. Каждая пара живет самостоятельно и никогда не соединяется в общества; по крайней мере, встречаются птицы только парами. Трехперстка очень осторожна и пуглива, старается всегда вовремя предупредить опасность. Она пользуется своими крыльями только в случае крайней необходимости, но бежит, если вспугнуть ее, так долго, как может, и прячется в почти непроницаемые кусты, залезая в такую чащу, что ее можно достать оттуда только рукой или при помощи хорошей собаки. Пища состоит из насекомых и семян приблизительно в одинаковых количествах. Самка строит гнездо в траве или в кустах. Оно представляет маленькое углубление в почве, выстланное, а иногда и нет, сухой травой и всегда расположенное в таком скрытом месте, что его крайне редко удается найти.

Трехперстка выводит, по-видимому, два поколения птенцов в течение года. Кладка состоит из 4—5 яиц, 24 мм в продольном диаметре и 18 мм поперечном, довольно густо разрисованных по серовато или желтовато-белому фону бледно-пурпуровыми или темно-бурыми пятнами. Во время насиживания оба родителя

** В наши дни в Европе трехперстка сохранилась только на юге Испании, в остальных районах европейского континента, перечисляемых Бремом, она давно истреблена.*

Семейство трехперстковые

** У трехперсток система брачных отношений представляет собой полиандрию, при которой самка спаривается последовательно с несколькими самцами. Самка откладывает яйца, забота о гнезде и птенцах целиком лежит на самцах. При полиандрии самки обычно конкурируют за самцов и за территорию и являются более активным и агрессивным полом.*

сменяют друг друга и, в случае гибели самки, самец принимает на себя все материнские заботы*.

Как только птенцы становятся самостоятельными, они покидают родителей, и те приступают к выводу второго поколения.

Птенцы покидают гнездо, едва обсохнув. Сначала они окружены самыми нежными заботами обоих родителей, созывающих детей посредством тихого «кру». Кроме этого призывного крика трехперстка издает в утренние и вечерние сумерки своеобразный низкий, дребезжащий звук, который можно сравнить с известным каркающим криком ночной цапли с той только разницей, что он слабее его и менее громок.

СЕМЕЙСТВО ЖУРАВЛИНЫЕ (Gruidae)

Благороднейшими представителями отряда журавлеобразных мы считаем журавлей. Признаки их следующие. Сравнительно длинное, почти цилиндрическое, но сильное и не сжатое с боков тело. Длинная, тонкая шея, маленькая голова красивой формы. Клюв довольно крепкий, прямой, несколько сжатый с боков и заостренный, с тупой спинкой, длиной равной голове или немного ее превосходящий, мягкий в своей основной части и твердый на конце. Очень длинные сильные ноги, голые далеко выше плюсны, с четырьмя пальцами; короткий, маленький задний палец сочленяется так высоко, что на ходу птицы он не касается земли; наружный и средний передние пальцы соединены толстой перепонкой, доходящей до их первого сочленения; когти короткие, плоско-загнутые с тупыми краями. Большие, длинные крылья, в которых третье маховое перо самое длинное, очень широки. Довольно короткий или закругленный хвост состоит из 12 перьев. Обильное, плотно прилегающее, жесткое оперение, часто оставляющее голые места на голове и шее, иногда видоизменяется в красивые перья: у некоторых форм перья удлинены на передней стороне шеи, у других они здесь совсем исчезают. Оба пола не различаются заметно по окраске, но бывают разной величины; после первой линьки молодые получают оперение старых птиц, но гораздо позже приобретают украшающие перья в полном их составе.

Каждая часть света населена особыми видами журавлей, наибольшее число их водится в Азии. Местопребыванием служат большие болота и трясины, предпочтительно такие, которые граничат с обработанными полями; журавли с таким же успехом находят себе пищу на полях, как и на болоте. Они мерно, но грациозно шагают, иногда забавляются прыжками, похожими на танцы, но сохраняют известное достоинство в движениях; довольно глубоко заходят в воду, умеют плавать, легко, красиво и большей частью высоко летают, прямо вытянув шею и ноги, часто парят,

описывая большие круги. Голос их громкий, пронзительный. Они умны и понятливы. Журавли деятельны с раннего утра до позднего вечера, но отыскиванию пищи посвящают всего лишь несколько утренних часов, а остальное время — своей общественной жизни. Свой далекий перелет в тропические страны они совершают почти без перерыва днем и ночью, а потому и в поразительно короткий срок.

Все журавли едят насекомых и червей, мелких рыб и амфибий, разоряют иногда гнезда птиц, но, по-видимому, животная пища служит им только лакомством. Корм их состоит главным образом из различного рода семян, особенно зерен злаков, кроме того, из почек, кончиков листьев, корешков и клубней. Там, где журавлей много, набег их на поля могут сделаться чувствительными.

Гнездо устраивается в низменных или болотистых местностях; кладка состоит из двух яиц, усеянных бурыми пятнами по зеленоватому фону. Оба родителя поочередно насиживают и вначале кормят птенцов, которые проводят, вероятно, в гнезде первые дни жизни, и только затем выводятся родителями.

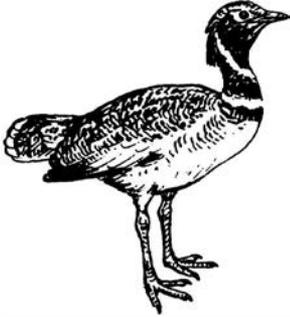
Журавли имеют мало врагов. На месте зимовки некоторые попадают крокодилам, это я знаю по опыту; других животных, которые были бы для них опасны, я назвать не могу. Кое-где человек преследует журавлей ради мяса или ловит гнездовых птенцов, чтобы воспитать их. Они легко привыкают к неволе, вступают со своим хозяином в тесную дружбу и радуют его изяществом движений, привлекательностью нрава и поразительным умом. В Японии и Китае один из тамошних видов журавлей считается священной или, по крайней мере, уважаемой птицей.

Серый журавль (*Grus grus*). Оперение пепельно-серого цвета; горло и передняя часть темени черные, шея на боках беловатая; маховые перья черные. Глаза буро-красные, клюв при основании красноватый, на конце черно-зеленый, ноги черноватые. Длина достигает 140 см, размах крыльев 240, длина крыла 65, а хвоста 21 см.

Журавль этот живет в широком поясе Старого Света между низменными тундрами севера и средней Европой, и от восточной границы средней Сибири до Скандинавии включительно; отсюда он перелетает в Сиама и Индию через Китай или в среднюю и западную Африку. В Германии он гнездится только к востоку от Эльбы.

Наш серый журавль появляется в Судане стаями в октябре и располагается здесь на больших песчаных речных отмелях, которые возвышаются над поверхностью воды. В это же время и в таком же количестве его встречают в Индии, где он поселяется в подобных же местностях. В начале октября и конце марта можно наблюдать перелет журавлей большими обществами; они летят высоко в воздухе, строго сохраняя клиновидный строй, и только иногда кружат или рассыпаются в беспорядочную стаю. Возмож-

Семейство журавлиные

но, что они опускаются на землю, но нигде не останавливаются надолго. Журавли держатся из года в год известного направления и, прежде всего, знакомых нам путей перелета птиц и отклоняются от них только в силу необычайных явлений. Перед осенним перелетом они собираются, подобно аистам, в известных местах, откуда в какой-нибудь день с громким криком снимаются и летят затем без отдыха днем и ночью, пока не достигнут места зимовки. Прибывши сюда, они летят низко и находят подходящий их требованиям остров, не занятый еще другой стаей. Все время своего пребывания на чужбине они держатся большими стаями и принимают в свою среду родственные виды.

Вместе вылетают по утрам на поля, чтобы добыть пищу, и вместе возвращаются перед полуднем. День и ночь проводят на островах, забавляясь различными играми и постоянно очищая и приводя в порядок перья; наступающая теперь линька вызывает необходимость таких забот. Стаями они пускаются в обратный путь и прилетают на родину; здесь разбиваются на меньшие группы, а те на пары, которые расселяются по удобным для устройства гнезд местам, совершенно отличным от мест зимовки.

В Индии или Судане журавль береговая птица, на севере Европы или Азии он становится болотной птицей. Здесь журавль поселяется на больших болотах и трясинах и выбирает такие места, которые поросли невысоким тростником и осокой и дают, во всяком случае, широкий кругозор. Эти места служат ему для вывода птенцов, и отсюда он вылетает на поля, где добывает пищу в течение лета. Журавль избегает болот, трясин и топей, заросших высоким камышом или кустарниками, но обширность открытых болот, на которых он поселяется, затрудняет приближение человека и обеспечивает достаточную безопасность.

Все движения журавля красивы, проявления его высоко развитых способностей приковывают к нему наше внимание. Крупная, хорошо сложенная, подвижная, умная и понятливая птица отлично сознает свои выдающиеся способности и выражает это самыми разнообразными поступками. Журавль ходит мелкими, грациозными и мерными шагами, обыкновенно спокойно и с сознанием своего достоинства и только в случае опасности топчется и бежит. После одного, двух прыжков без труда поднимается на воздух, несколькими широкими взмахами сильных крыльев достигает желаемой высоты и летит, прямо вытянув шею и ноги, ровно и неторопливо, но быстро и решительно стремясь к намеченной цели. Его ум действительно достоин удивления. Он умеет замечательно быстро обсудить и оценить обстоятельства и сообразовать с ними свои поступки. Он не пуглив, но в высшей степени осторожен, и потому его очень трудно перехитрить. Журавли постоянно думают о своей безопасности; стая выставляет сторожей, на которых лежат заботы по ее охране; раз потревоженная стая высылает лазутчиков, прежде чем вернуться на место, откуда ее спугнули.

С истинным удовольствием наблюдал я в Африке, как острожно действуют журавли, познакомившись с коварством человека. Они высылают сначала одного лазутчика, затем нескольких, которые тщательно высматривают и прислушиваются, нет ли чего подозрительного, и только после внимательного осмотра успокаиваются и возвращаются, чтобы известить всю стаю. Но их встречают еще с неполным доверием и, давши помощников, опять отправляют на рекогносцировку, и только тогда, наконец, вся стая следует за ними.

Серый журавль ест хлеба и посевы, обрывает кончики травы и полевых растений, очень любит горох, подбирает некоторые плоды, ловит червей и насекомых, особенно жуков, кузнечиков, сверчков и стрекоз, и кое-когда глотает лягушек или других амфибий. Зимующие в Судане стаи журавлей вылетают незадолго до восхода солнца в степные поля, засеянные дуррой, наполняют зернами желудок и пищевод до самой глотки и возвращаются на реку; напившись воды, они затем переваривают принятую пищу в течение целого дня. По самому умеренному расчету, журавли, зимующие на Белом и Голубом Ниле, истребляют около 100 тысяч гектолитров хлебов. Но такая потеря здесь вовсе нечувствительна, и никто не отказывает птице в пище; другое дело в густо населенной Индии, где спелое зерно имеет большую цену: здесь справедливо считают зимующих журавлей вредными птицами и косо на них смотрят, а потому всеми мерами преследуют и гонят их.

Прибывши на родину, каждая пара поселяется на болоте, в котором предполагает вывести птенцов, и в пределах известных границ не терпит другой пары, хотя приветствует каждую пролетающую стаю громким криком. Когда болота зазеленеют и на кустарниках покажется листва, журавли принимаются за постройку гнезда. На островок, кустик осоки, поваленный куст и вообще на место, возвышающееся над землей, они наносят сухие хворостинки и наслаивают на них без особого старания более или менее сухие соломинки и листья тростника, камыша, ситника и траву. В несколько углубленную середину этой постройки самка кладет два крупных, продолговатых яйца, около 94 мм в длину и 61 мм в толщину; яйца имеют плотную, крупнозернистую скорлупу, почти лишенную блеска; основной цвет ее то серозеленый, то буроватый, то светло-зеленый, и по этому фону она разрисована, впрочем, очень изменчиво серыми и красно-серыми маленькими пятнами, крапинами и черточками на крупных красно-бурых и темно-бурых пятнах. Оба родителя насиживают попеременно и вместе защищают гнездо от нападения врагов. Журавли никогда не выдают положения своего гнезда и выказывают, наоборот, удивительное умение скрываться в течение гнездового периода от глаз наблюдателя.

«Эта крупная птица, легко бросающаяся в глаза, — говорит Науман, — позволяет наблюдателю подозревать, что где-

Семейство журавлиные

нибудь в болоте должно находиться ее гнездо; но она всегда умеет скрыть самое место его тем, что постоянно приближается к гнезду пешком и согнувшись, под прикрытием высоких растений и кустов. Если она слышит шум, сидя на гнезде, то уходит также крадучись, взлетает далеко от гнезда на открытом месте болота, и только тогда становится видимой. Поэтому гнездо журавля трудно найти. Очень трудно и подойти к нему, вследствие положения на топком болоте, если бы и удалось отыскать его благодаря счастливой случайности». Вместе с тем, журавль прибегает и к другому средству, чтобы скрываться. «Однажды, — рассказывает Гомейер, — я лежал, хорошо спрятавшись, около болота, где жила пара журавлей. Я наблюдал за грациозными движениями умных птиц, когда самка, не замечая меня и отбросив робость птицы и самки, приступила к таинствам туалета. Она набрала в клюв грязи и стала мазать спину и кроющие перья крыльев, отчего эти части потеряли свой красивый пепельно-серый цвет, и приобрели землистый серо-бурый оттенок. Для пользы науки я убил красивую птицу и нашел, что перья верхней половины тела пропитались красящим веществом, так что я не мог удалить его даже тщательным отмыванием; оно так прочно пристало к перьям, может быть, благодаря действию слюны. Это сразу объяснило причину своеобразной окраски журавля в гнездовой период. Только на это время он принимает такую окраску, так как затем перья, вырастающие на смену выпадающим, сохраняют свой естественный цвет. Поэтому понятно, отчего мы не замечаем такого ржавого оттенка на всех северных журавлях, пролетающих через Германию: они успели сменить мелкое оперение». Это наблюдение Гомейера было вполне подтверждено химическим исследованием Мевеса.

Несмотря на толстые ноги, птенцы хорошо бегают и прекрасно умеют прятаться в густом ситнике или камыше. Родители стараются не выдать присутствия детенышей и занимаются ими только тогда, когда уверены, что никто их не видит. Подозревая опасность, они часто уводят птенцов очень далеко, например в поля, чтобы здесь спрятать их в хлебах.

Старых журавлей можно наверняка убить только из заранее устроенной засады, которая не возбуждала бы их подозрений. Только случайность и, разумеется, особые обстоятельства, как, например, крайний голод, могут заставить птиц забыть привычную осторожность. В прежние времена их мясо ценилось выше и подавалось как жаркое на больших пирах за столом богатых охотников. Впрочем, мясо молодых действительно имеет недурной вкус; старых же журавлей можно назвать несъедобными. В Азии охотятся на все тамошние виды с соколами и другими способами ради их перьев.

В восточной Азии живет великолепный стерх, или белый журавль (*Grus leucogeranus*), несколько экземпляров которого были убиты и в Европе. За исключением черных рулевых перьев и голой кроваво-красной головы, он совершенно белый. Глаза светло-желтые, клюв бледно-красный, ноги карминно-красные. Длина достигает 120 см, размах крыльев вдвое больше.

Даурский журавль (*Grus vipio*), водящийся в Забайкалье, также причисляется к европейским птицам, так как его встречали в южнорусских степях. Он отличается от серого журавля большими размерами голого поля на голове и закругленным хвостом. Оперение его почти равномерного буроватого пепельно-серого цвета, за исключением перьев хвоста и маховых, которые темного аспидного цвета. Глаза оранжево-красные, клюв при основании зеленый и буровато-черный на конце, ноги бледного розово-красного цвета. Длина достигает 136 см, размах крыльев 240, длина крыла 66, длина хвоста 23 см.

Изящный журавль-красавка (*Anthropoides virgo*)

гнездится в среднеазиатских степях, перелетает в южную Индию, среднюю и южную Африку и чаще обоих предыдущих видов посещает Европу. Он отличается от своих родичей коротким округленным клювом, оперенной головой с двумя пучками длинных перьев позади, удлиненными перьями на нижней части шеи и тем, что верхние кроющие перья крыльев только значительно удлинены и много больше остальных, но не взъерошены и не закручены, как у серого журавля. Оперение, отличающееся своей мягкостью, светлого свинцово-серого цвета; передняя сторона шеи и украшающие ее перья, ниспадающие на грудь, темно-черные, пучки перьев на голове чистого белого цвета. Маховые перья серо-черные. Глаза карминно-красные, клюв грязно-зеленый при основании, далее рогового цвета, на конце бледно-красный; ноги черные. У молодых птиц нет украшающих перьев на голове и на шее. Длина достигает 85 см, размах крыльев 166, длина крыла 45, а хвоста 16 см.

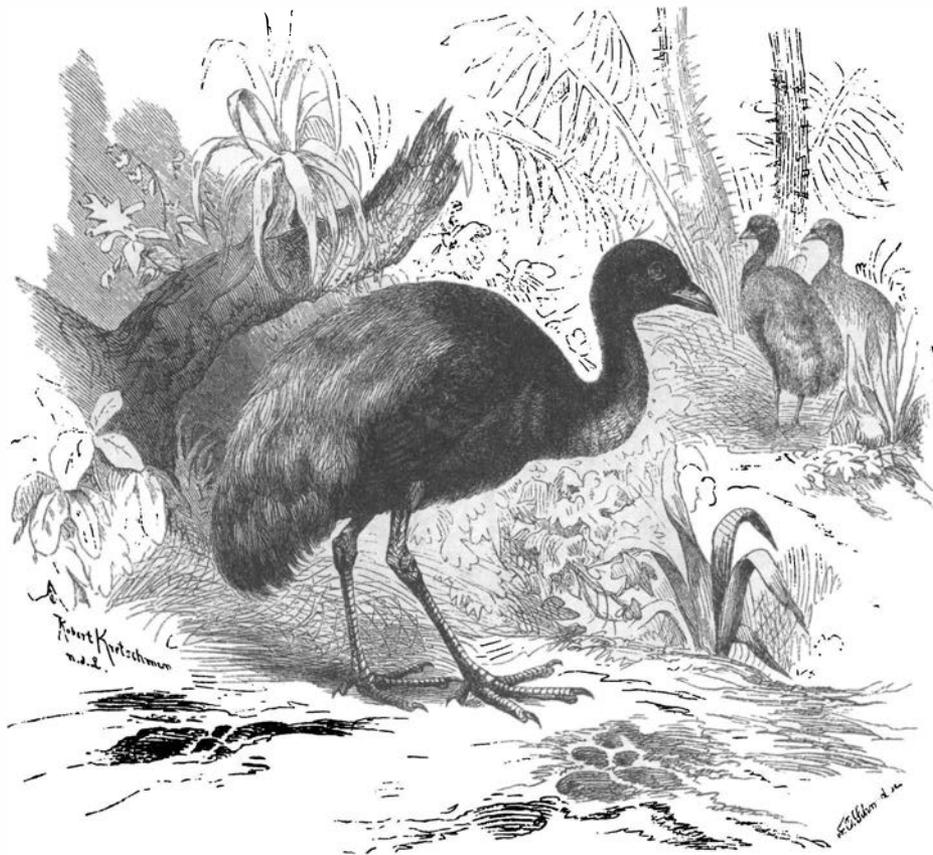

1 — Журавль-красавка
Anthropoides virgo
2 — Венценосный журавль
Balearica pavonina

Серокрылый трубач (*Psophia crepitans*). Прежнее название птицы — агами. Голова, шея, зашеек, крылья, нижняя часть груди, брюхо и гузка черного цвета. Прибавочные крылья пурпурово-черные с голубым или зеленоватым отливом; плечевые перья у молодых маслянисто-бурые, у взрослых свинцово или серебряно-серые. Нижняя и верхняя части шеи стального голубого цвета с металлическим отливом. Глаза красно-карие, голое кольцо вокруг глаз мясо-красного цвета, клюв зеленовато-белый; ноги жел-

товатого мясо-красного цвета. Длина достигает 52, длина крыла 29, длина хвоста 3 см.

Родина трубача в Южной Америке к северу от Амазонки; по другую сторону этого громадного потока его замещает другой родич. Трубач живет только в лесах, здесь встречается повсюду и держится большими обществами, достигающими, по словам Шомбургка, до 100—200 штук. Эти стаи расхаживают медленно и с достоинством, пока их ничто не тревожит, развлекаются веселыми и смешными

Серокрылый трубач
Psophia crepitans

прыжками, но умеют очень быстро бегать и предпочитают этот способ передвижения. «Они так плохо летают, — говорит Шомбургк, — что, когда стае приходится преодолевать широкую реку, многие трубачи не долетают до противоположного берега, падают в воду и спасаются вплавь». Завидевши охотника, стая пугливо снимается, но конечно, никогда не улетает сразу на далекое расстояние; тяжелые птицы вскоре опять опускаются на землю или взлетают на невысокие ветки деревьев, откуда их легко подстрелить. Напугавши птиц, можно услышать их странный голос: сначала они издают резкий дикий крик, затем глухой шум, производимый ими с закрытым клювом. Этот шум, напоминающий бара-

банный бой, вовсе не неприятный, длится с минуту и постепенно слабеет; потом наступает минутная пауза, и затем опять крик и глухой шум. По мнению индейцев, барабанный бой действительно исходит из брюха, этого мнения придерживается каждый, кто видел кричащую птицу.

Пища трубача состоит из плодов, зерен и насекомых. Молодые предпочитают червей и жуков, старые легко привыкают к хлебным зернам всякого рода и печеному хлебу.

Трубач гнездится на земле, выкапывает, как курица, мелкое углубление у основания дерева и кладет туда 10 или более светло-зеленых яиц; птенцы, как настоящие выводковые птицы, чуть обсохнув, покидают гнездо вместе с родителями, но еще в течение нескольких недель сохраняют очень густой, длинный и мягкий гнездовый пух.

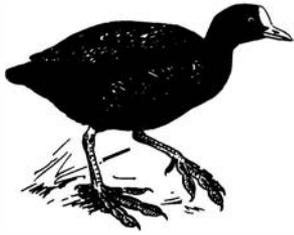
По словам Шомбургка, агами встречается во всех индейских поселениях на полной свободе и обыкновенно в роли сторожа и повелителя всех остальных домашних птиц. Он узнает людей, которые занимаются им, привязывается к своему хозяину, слушается его голоса, следует за ним как собака, расхаживает перед ним или пляшет кругом веселыми прыжками, выражая живую радость при возвращении хозяина после продолжительной отлучки или выказывая ревность к другим животным, с которыми ему приходится делить расположение своего господина. Он очень чувствителен к ласкам, позволяет, например, чтобы ему чесали голову и шею, и вызывает даже на такие ласки, которые неприятны другим птицам. Он оказывает почтение знакомым дома, смотрит недружелюбно на чужих, а некоторых лиц ненавидит. Властолюбие свое он показывает, впрочем, не только по отношению к домашним птицам, но и по отношению к собакам и кошкам; смело наступает на них, вероятно опасаясь за своих подопечных.

СЕМЕЙСТВО ПАСТУШКОВЫЕ (Rallidae)

Птицы из семейства пастушковых распространены по всей земле. Это красивые болотные птицы с высоким, сильно сжатым с боков телом, средней длины шеей, маленькой головой. Ноги у них высокие, длиннопалые, всегда с сильно развитым задним пальцем; крылья довольно короткие, округленные, не достигающие до конца хвоста, когда сложены; хвост длинный, закругленный и состоит из 12 перьев; оперение густое, но гладко прилегающее.

Пастушки водятся на всем земном шаре и населяют болотистые или, по крайней мере, сырые местности. Некоторые из них живут в настоящих торфяниках, поросших камышом прудах и озерах, другие на лугах и хлебных полях, немногие в лесах. Они ведут скрытый образ жизни и стараются показываться на глаза

Семейство
пастушковые

как можно меньше, решаются взлетать лишь в случае крайней необходимости и мастерски умеют прятаться среди растений. Они все превосходно бегают, немногие порядочно плавают, некоторые даже ныряют; но все виды пастушковых принадлежат к самым плохим летунам. Их громкий, своеобразный голос раздается в вечерние и утренние часы, иногда в течение долгого времени без перерыва.

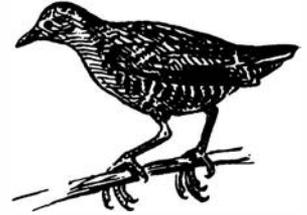
Чувства у этих птиц хорошо развиты, душевные способности не слишком слабые и нрав у них приятный. Очень немногие виды живут обществами. Они питаются растительными и животными веществами, едят семена и очень охотно, а по временам, может быть, и исключительно, едят насекомых, личинок, слизней, червей, яйца других птиц или даже маленьких гнездовых птенцов. Более крупные виды этого семейства — настоящие хищники, истребляющие даже взрослых мелких позвоночных. Гнездо строится поблизости от воды, часто над самой ее поверхностью в ситнике, осоке и камыше, и сплетено достаточно хорошо, чтобы в него не могла проникать вода; оно включает от 3 до 12 яиц, усеянных темными пятнами и крапинками по белому фону; яйца насиживаются обоими родителями. Одеты шерстистым пухом птенцы принадлежат к выводковым. За пастушками собственно не охотятся, потому что эта охота даже с помощью хорошей легавой собаки обещает мало; но при случае их убивают, так как мясо очень вкусно.

Лысуха (*Fulica atra*). Преобладающий цвет ее оперения довольно равномерный аспидно-черный, на голове и шее более темный, на груди и брюхе более светлый, чем на спине. Глаза ярко-красные, клюв вместе с лобным щитом белый, передняя сторона плюсны красно-желто-зеленая. Первое оперение молодой птицы представляет смесь цветов светло-серого и черного, благодаря широким беловатым каймам на краях перьев, а нижние шейные перья имеют маслянистый отлив. Длина 47 см, размах крыльев 78, длина крыла 23, а хвоста 8 см.

Лысуха распространена по всей Европе и Средней Азии; кроме того, она встречается зимой по всей Африке, южной Азии и Австралии.

Лысуха встречается на всех подходящих для нее водных пространствах. Избегая рек и потоков, а также моря, она всего охотнее селится на озерах и прудах, берега которых заросли камышом и высоким тростником. На зимовку переселяется в южную Европу и северную и среднюю Африку на озера морского побережья и богатые водой болота, безразлично — пресноводные или соленые.

Сообразно устройству своих плавательных ног, лысуха держится больше на воде, чем на суше; но часто выходит и на берег, особенно около полудня, чтобы отдохнуть и почистить перья. Она может довольно хорошо бегать по ровному месту, хотя ее неуклю-

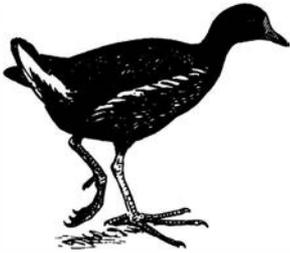
жие ноги мало для этого пригодны, но чаще и дольше плавают. Ноги ее — прекрасные весла, так как длина пальцев вполне возмещает недостаточную ширину плавательных перепонок. Умением нырять соперничает со многими плавающими птицами; она может опускаться на значительную глубину и передвигаться под водой на большие расстояния, работая своими крыльями как веслами. Летает она несколько лучше камышницы, но все-таки довольно плохо; поэтому редко решается подняться. Чтобы взлететь, ей нужно сильно разбежаться; при этом она несется по поверхности воды, хлопая крыльями и так сильно шлепая ногами, что плеск слышится на далекое расстояние. Крик ее — резкое «кев» или «кюв» — напоминает лай собачонки; кроме того, она издает краткое, твердое «питц» и иногда глухое щелканье.

По нраву лысуха несколько отличается от близкой ей камышницы. Она так же мало пуглива, как и та, но осторожна и, прежде чем довериться, долго испытывает, узнает и различает людей. Селится нередко в непосредственном соседстве от жилья, около мельниц. В период спаривания каждая пара оберегает свои владения и не терпит в них никаких сожителей. Тотчас после вывода птенцов отдельные семьи соединяются в общества, которые мало помалу разрастаются в неисчислимые стаи. На зимних квартирах такие стаи буквально покрывают необозримые пространства на поверхности богатых пищей озер; но и здесь эти общества неохотно терпят в своей среде плавающих птиц других видов и в особенности стараются прогнать уток.

Пища лысухи состоит из насекомых, живущих в воде, их личинок, червей, мелких моллюсков и различных растительных веществ, находимых в воде. Разоряет ли она гнезда мелких птиц, подобно своим родичам, не доказано, хотя и не невероятно. Отыскивает пищу, плавая и ныряя, собирает ее с поверхности воды или достает со дна. Говорят, что на юге лысуха иногда выходит из воды в соседние поля за кормом. Наблюдения над пленными птицами согласуются с этим сообщением, так как они долго живут в неволе на одном зерне и считают его основной пищей, даже если им давать и рыбу.

Тотчас после прилета лысуха приступает к постройке гнезда, если поселяется на небольшом прудике; на больших же водных пространствах, где селится много пар, им приходится выдерживать несколько битв, чтобы завоевать известное место. По словам Наумана, там, где птиц соберется много, нет конца дракам, возне, плеску и крику. Соседи очень часто переступают чужую границу, и законный хозяин стремительно и гневно бросается на пришельца. Согнувшись, щелкая клювами, противники наступают друг на друга и пускают в ход все оружие, которым располагают: колют клювом, бьют крыльями, топчут ногами, пока один из них не отступит. Гнездо располагается в камыше или около него у самой воды, нередко на перегнутых стеблях камыша; часто оно

Семейство
пастушковые

плавает на поверхности воды. Основа гнезда состоит из кусков камыша и соломин, а внутренняя выстилка из отборных материалов; стебли ситника и мятлика, тонкие соломинки и травинки иногда тщательно обработаны. В середине мая в гнезде находится 7—15 крупных яиц, в среднем 53 мм в длину и 36 мм в толщину. Тонкая, но прочная матовая скорлупа их очень изящно разрисована пепельно-серыми, темно-бурыми и черно-бурыми пятнами и крапинками по бледному глинисто-желтому или желто-бурому фону. Через 20 или 21 день после кладки появляются из яиц очень красивые птенцы, покрытые черным пухом, за исключением ярко-красной головы. Едва они успеют обсохнуть, как родители ведут их в воду; кормят, согревают под крыльями, предупреждают об опасности, даже мужественно защищают от врагов, вообще заботливо ухаживают за ними. Сначала птенцы держатся преимущественно в камышах или на берегу в безопасных местах; на ночь они обыкновенно возвращаются в гнездо. Потом постепенно отдаляются от родителей и становятся совершенно самостоятельными еще раньше, чем научатся хорошо летать.

Несмотря на то, что мясо лысухи по вкусу еще хуже мяса ее родичей, тем не менее, на нее кое-где усердно охотятся.

Камышница (*Gallinula chloropus*). Эту изящную птицу называют водяной курицей и камышницей зеленоногой. У нее конусовидный, сжатый с боков клюв с лобным щитом и острым мелко зубчатым краем. Ноги большие, длинные пальцы с широкой подошвой и лопастными перепонками; тупые крылья широкие, третье маховое перо у них всего длиннее; хвост короткий из 12 перьев и богатое, густое оперение в общем темного аспидно-серого цвета. Нижние шейные перья и спина оливково-бурые, гузка совсем белая. Глаза окружены тройным кольцом, внутри желтым, затем черновато-серым и снаружи красным. Клюв при основании сургучно-красный, на конце желтый; ноги желто-зеленые. Длина достигает 31 см, размах крыльев 60, длина крыла 20, длина хвоста 20 см.

Камышница распространена по всем частям света, хотя и отдельными устойчивыми разновидностями. В Европе, за исключением крайнего севера, она встречается повсюду.

Любимым местопребыванием камышницы служат маленькие пруды, поросшие по краям камышом и осокой или, по крайней мере, закрытые тростником и кустарниками и частично покрытые плавающими водяными растениями. Каждая пара старается завладеть целым прудом, и только на более значительных водных пространствах селится несколько пар, каждая из которых строго придерживается своих владений.

«Если лебедь, — говорит Либе, — служит эмблемой гордого величия, то камышница является эмблемой грациозной подвижности. Одаренная, как едва ли какая-нибудь другая птица, краснолобая курочка ныряет так же ловко, как порхает в камыше и

тростнике. Днем она плавает между листьями кувшинки и жабником почти так же легко и грациозно, как чайка, вылавливая кое-что то здесь, то там; а то нырнет и вытащит со дна пучок водяной крапивы или урути, чтобы отыскать на их поверхности раковин с горошинку или водяных насекомых. Вечером и ночью она охотно взбирается на тростник, захватывая своими длинными пальцами сразу по 3—4 стебля, притом так осторожно, что почти не производит шума. Если спугнут ее, она бежит, порхая по плавающим листьям водяных растений или, нырнув, как бы исчезает из пруда». При опасности она плавает под водой, быстро загребая крыльями, на минуту поднимается к поверхности, чтобы подышать, высунув из воды только клюв, и плывет дальше. Она летает вяло, тяжело порхая, медленно, почти по прямой линии, обыкновенно низко над поверхностью воды; только поднявшись на известную высоту, летит легче; при этом прямо вытягивает шею и ноги.

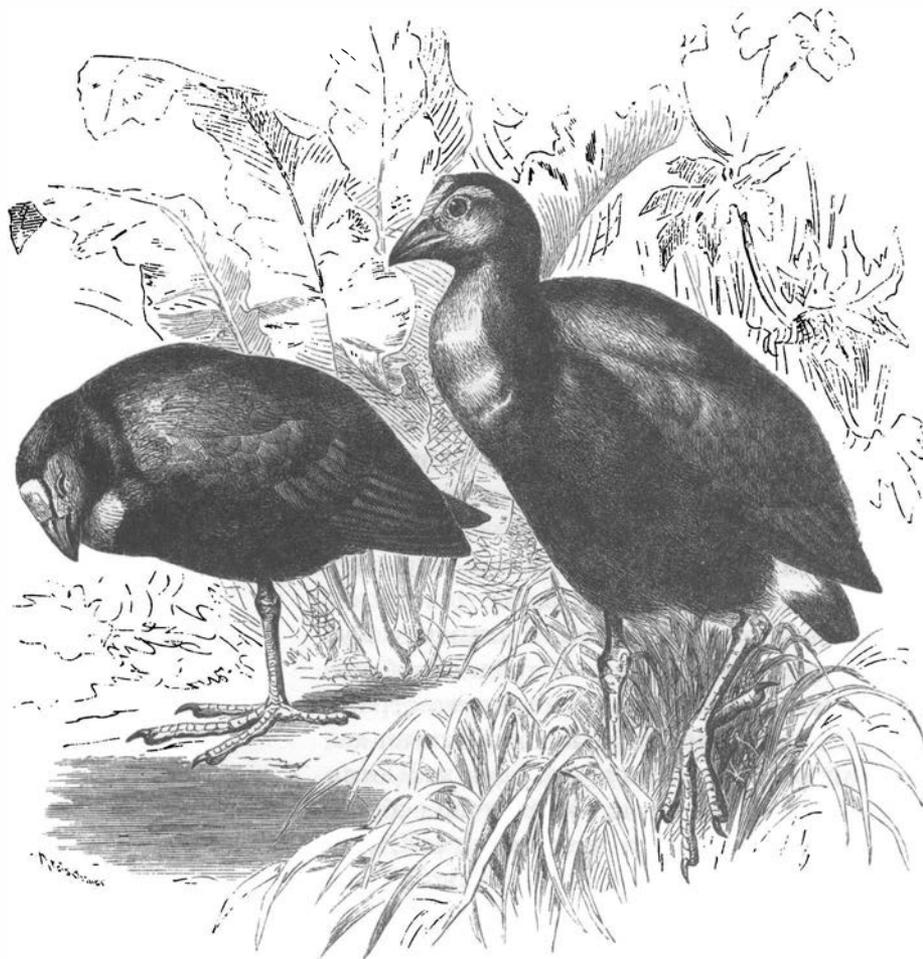
Водяная курица просыпается и начинает свою деятельность ранним утром и засыпает поздно. Весной каждой паре приходится выдержать продолжительные бои с другими парами, отыскивающими себе местожительство. Едва приблизится чужая камышница, самец, полуплаывая, полубегая по воде бросается на пришельца, распустив крылья и нагнув голову; он рубит клювом и царапает ногами, бьет крыльями и, если противник не отступает, зовет на помощь самку, пока, наконец, не прогонит пришельца. Такие драки случаются даже тогда, когда уже начата постройка гнезда. Гнездо обыкновенно висит в пучке камыша на перегнутых вниз листьях или плавает на поверхности воды между несколькими пучками, реже лежит на сухом бугре, в камыше. Кусочки дерева, дощечки, домики для гнезд уток и тому подобные материалы, плавающие на воде, идут в дело. Оба супруга строят сообща, иногда тщательно, но обыкновенно небрежно. Листья камыша, свежие и сухие, наслаиваются друг на друга и заплетаются сверху в виде корзины. Углубление гнезда глубокое, чашеобразное. По окончании постройки самка приступает к кладке. Яйца в числе 7—12 сравнительно велики, около 47 мм длиной и 29 мм толщиной, имеют плотную мелкозернистую скорлупу. Родители насиживают оба в течение 20—21 дня, самец, впрочем, только в то время, пока самка отыскивает пищу. Вылупившиеся птенцы остаются около 24 часов в гнезде, а затем выводятся на воду, где самец их радостно приветствует.

В Германии за водяными курами не охотятся, так как они умеют расположить к себе всякого, и мясо их так сильно отдает болотом, что вовсе не удовлетворяет избалованному вкусу; в южной Европе, напротив, не щадят и их.

Султанка (*Porphyrio porphyrio*). Очень большой лобный щит характеризует султанских куриц. Европейский вид этих птиц содержался древними римлянами и греками вблизи храмов и

**Семейство
пастушковые**

считался под покровительством богов. Это большей частью плотно сложенные птицы средней величины. Они имеют сильный, твердый, толстый клюв, очень высокий и длиной почти равный голове, большой лобный щит. Длинные сильные ноги с большими отдельными пальцами, крылья умеренной величины, четвертое маховое перо которых всего длиннее, для данного семейства сравнительно длинный хвост и гладко прилегающее, роскошно окрашенное оперение. Передняя часть головы и шеи красивого бирюзового цвета; задняя часть головы, затылок, брюхо и бедра темно-

*Султанка
Porhyrio porhyrio*

индигового цвета, который, переходя на нижнюю часть груди, спину и кроющие маховые перья крыльев, становится ярче. Гузка белая. Глаза бледно-красные; узкое кольцо вокруг глаз желтое, клюв и лобный щит ярко-красные; ноги красно-желтые. У молодых птиц спина голубовато-серая, а грудь и брюхо с белыми пятнами. Длина достигает 47 см, размах крыльев 83, длина крыла 24, длина хвоста 10 см.

Султанка живет в болотистых и богатых водой местностях Италии, Испании, Португалии, юга России, северо-западной части Аф-

рики и Палестины; она залетает нередко на север Италии и в южную Францию, несколько раз была замечена в Великобритании и один раз, в 1788 году, была убита в Мелхингене, в герцогстве Сигмаринген. Суровые зимы проводит в южной Испании и северо-восточной Африке; при более умеренной погоде она из года в год остается на своей родине.

своим нравом они больше всего напоминают нашу водяную курицу, но отличаются от нее более гордой осанкой и исполненной достоинства мерной и красивой походкой. Они осмотрительно переставляют ноги, поднимая их, складывают пальцы, опуская, опять расправляют их так, чтобы они занимали возможно большую поверхность, и сопровождают каждый шаг встряхиванием хвоста. Султанки могут, впрочем, как водяная курица, нестись по волнистой поверхности плавающих растений, полупорхая, полубегая. Они очень хорошо плавают и идут в воду не только по необходимости, но очень охотно и часто сами; легко держатся на волнах и плывут, грациозно кивая головой. На лету отличаются от своих родичей только красотой оперения, но никак не ловкостью движений. Неохотно поднимаются на воздух, неловко перепархивают некоторое пространство и снова опускаются на землю, всего охотнее в камыш, осоку или хлеб, чтобы здесь спрятаться. Длинные красные ноги, свешенные на лету, очень украшают их и позволяют отличить на далеком расстоянии. Голос напоминает клохтанье и кудахтанье кур, а также голос камышницы, только он сильнее и глубже. Относительно душевных способностей этих птиц мнения наблюдателей расходятся. Собственно пугливыми их назвать нельзя; но они очень осторожны и, испытав преследования, становятся необычайно трусливыми.

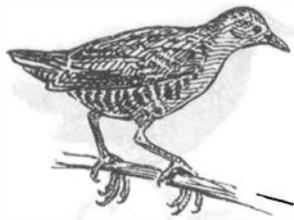
Султанки питаются обыкновенно одними растительными веществами, всходами хлебов и вообще травами, листьями и различными семенами, особенно рисом; но в период вывода птенцов они снуют по болотам, отыскивают и разоряют гнезда не только слабых, но и более сильных птиц. В этом отношении они очень вредны, и во всех болотах, населенных султанскими курочками, можно найти массу разбитых яичных скорлуп. Как хищные птицы или как кошка перед норой мыши, подстерегают они воробьев, которые лакомятся остатками их пищи. Одного удара сильного клюва достаточно, чтобы убить жертву; затем они разрывают ее на части, придерживая одной ногой, и ногой же подносят куски ко рту. Рыб они едят с жадностью.

В неволе все султанки легко приручаются ко всякой пище, привыкают ко всем домашним и мирно уживаются с курами, если только у тех нет цыплят. Если предоставить им больше свободы, они ходят по двору и саду или же по улице, приходят в комнаты, во время обеда выпрашивают себе остатки и становятся настоящим украшением двора; они долго живут в неволе и при хорошем уходе даже размножаются.

Обыкновенный погоныш, или болотная курочка (*Porzana porzana*). Длина болотной курочки достигает 21 см, размах крыльев 40, длина крыла 12, длина хвоста 6 см.

Наша болотная курочка выводит птенцов во всей Европе, средней и северной Азии, а зимует в южной Европе, северной и средней Африке и южной Азии. В богатых водой равнинах север-

*Семейство
пастушковые*

ной Германии она встречается во всех болотах и на всех сырых лугах, реже попадает в холмистых местностях, а в горах — только в очень немногих подходящих местностях. Она появляется на месте своего гнездования не ранее середины, большей частью в последних числах апреля и уже в конце августа откочевывает постепенно к югу, путешествуя днем и ночью, и в основном пешком; это дает возможность заметить ее в таких местностях, где она совершенно не встречается во время птенцового периода. Она выбирает летним местопребыванием преимущественно луга, прорезанные канавами и поросшие осокой, и настоящие болота и трясины, но свободную поверхность воды избегает.

Болотная курочка ведет скрытый образ жизни, прячась под защитой травы. Мало подвижная днем, она оживляется к вечеру, и ночью находится в полном разгаре деятельности. Если удастся подстеречь ее, можно заметить, что по своим движениям она напоминает коростеля, так же, как он, держится стоя, так же, как он, ходит, бегают, месит грязь и летает, при опасности дергает хвостом и т.д. Только в одном отношении она далеко превосходит своего родича: она отлично и столь же охотно, как и часто ныряет и плавает со вздернутым кверху хвостом, сопровождая каждое движение ног киванием головы, и в таком положении в высшей степени красива. Призывный голос ее, хотя и звонкий, более приближается к чириканью, чем к свисту; краткое «уйт», которое можно сравнить со звуком падения капли в наполненный жидкостью сосуд, служит выражением нежности, кажется общим обоим полам, а квакающим звуком выражается страх. Полагаясь на свое несравненное умение прятаться, она далеко не пуглива и часто подпускает к себе человека или собаку так близко, что они могут схватить ее; даже преследования почти не служат ей уроком.

Гнездо погоньша сплетено грубо и рыхло из листьев камыша и осоки или из стеблей ситника и разных трав и выстлано внутри более тонким материалом. Оно находится в мало доступных уголках гнездования, часто окруженных со всех сторон водой и никогда не бросающихся в глаза. Гнездо лежит на листьях и стеблях осоки и между ними; самка умеет с течением времени так хорошо скрыть его, что, насидевшая яйца в такого рода куполообразной беседке, остается совершенно недоступной даже для зоркого глаза красного коршуна. Кладка оканчивается в конце мая или в первых числах июня и состоит из 9—12 яиц вытянуто-овальной формы, около 33 мм в продольной диаметре и 24 мм в поперечном. Самец, по-видимому, принимает мало участия в насиживании, не обращает никакого внимания на птенцов: все заботы о них предоставляет самке. После трех недель усердного насиживания вылупляются из яиц птенцы в черном шерстистом пуховом оперении. Едва обсохнув, они бегут за самкой с первого дня жизни и во всем следуют примеру родителей; с ловкос-

тью мыши шмыгают по траве, без колебаний идут в воду, плавают и ныряют и при опасности умеют так хорошо спрятаться и прижаться, что только безошибочное чутье хищных млекопитающих в состоянии отыскать их. Еще не оперившись, они покидают самку, расходятся и вступают на собственный страх в борьбу за существование.

Эта беззащитная птица имеет много врагов, а еще больше охотников за ее яйцами, так что сильного размножения ее только хватает на покрытие потерь. Ее редко стреляют, еще реже ловят, и то большей частью случайно при охоте за бекасами.

В прекрасные майские вечера с лугов и полей доносится странный трескучий звук, подобный тому, который получается, если проводить щепкой по зубьям гребешка. Этот звук раздается с небольшими перерывами до поздней ночи и с раннего утра до восхода солнца, притом редко с одного места, но большей частью то оттуда, то отсюда, хотя и в пределах известных границ. Птица, производящая этот треск, **коростель (Sorex sorex)**, по-другому дергач, дергун, кречек. Отличительными признаками его служат: высокое, сильно сжатое с боков туловище, средней длины шея и довольно большая голова; гладкое, но не особенно густое оперение. Сверху оперение черно-бурого цвета с оливково-серыми пятнами; пепельно-серое на горле и передней стороне шеи; буро-серое с буро-красными поперечными пятнами на боках и буро-красное с желтовато-белыми пятнами на крыльях. Глаза светло-карие, клюв красноватого буро-серого цвета, ноги свинцово-серые. Длина достигает 29, размах крыльев 47, длина крыла 14, длина хвоста 2 см. Окраска самки менее яркая.

Коростель распространен по северной Европе и значительной части Средней Азии. В южной Европе он появляется во время перелета, но, по-видимому, гнездится лишь в исключительных случаях, да и во время перелета встречается там по одиночке. К моему большому удивлению, я нашел его раз в девственных лесах средней Африки. В Германии многие думают, что он предводительствует перепелами; греческие охотники также утверждают, что во главе каждой стаи перепелов находится коростель. На чем основано такое мнение, остается вопросом, так как коростель по образу жизни не имеет ничего общего с перепелами и даже перелетает не всегда одновременно с ними. Они путешествуют ночью и большую часть пути совершают, вероятно, пешком.

В выборе себе местопребывания коростель сообразуется с обстоятельствами. Он населяет плодородные местности, особенно равнины, не избегая, однако, и холмистых областей. Всего охотнее располагается на лугах, окруженных хлебными полями или лежащих поблизости, но одинаково не любит как слишком сухих, так и слишком сырых мест и, по-видимому, ему приходится долго искать, прежде чем найти себе вполне подходящее местожительство. После покоса он переселяется на хлебные поля, а во

время жатвы уходит отсюда в кустарники, но не раньше, чем его выгонит коса.

Коростель скорее ночная, нежели дневная птица; по крайней мере, он умолкает в жаркие часы дня и кричит всю ночь, за исключением полуночи. «Чтобы оставаться хорошо скрытым, — говорит мой отец, — коростель устраивает себе в высокой траве особые ходы, в которых бегаёт с большим удобством, не шевеля ни травинкой. Этим объясняется, почему можно в короткий промежуток времени услышать его крик то там, то сям и почему его быстрое беганье не выдается движением травы. Он использует в качестве таких ходов канавки, прорезывающие луга и закрытые свешивающейся травой; здесь он находится в полной безопасности от преследований хищных птиц и многих хищных зверей. Коростель изумительно скоро бегаёт; при этом наклоняет голову вниз, вытягивает шею, придает телу горизонтальное положение и на каждом шагу кивает головой. Очень узкое тело позволяет ему быстро бежать в траве и хлебах даже там, где нет ходов, так как легко может пробраться всюду. Коростель летает быстро в прямом направлении и низко над землей, свесив вниз ноги, но пролетает лишь небольшие расстояния. Его очень трудно поднять, так как он хорошо понимает, что в густой траве находится в большей безопасности, чем на воздухе, и потому только легавая собака может заставить его взлететь. От человека почти всегда убегает. Коростель обладает особым умением прятаться не только в траве, хлебах и кустах, но даже под осокой и в валежнике, и обыкновенно его замечают только тогда, когда он уже убегает». Собаку коростель иногда подпускает к себе так близко, что ей удается схватить его при взлете. Поднявшись, он порхает, как молодая птица, впервые пробующая свои крылья, и как можно скорее опять опускается на землю.

Тотчас после прилета коростель приступает к размножению, оттого-то именно раздаётся почти непрерывно его «эррп-эррп-эррп» или «кнеррп-кнеррп». Нежным «кью-кью-кью» ласково зовёт он самку, и та отвечает на его любовный зов подобным образом. Если другой самец переступит границы владений, он бросается на него со страшным злобным криком и прогоняет.

Парочка только тогда приступает к постройке гнезда, когда трава достигнет значительной высоты, в некоторые годы не раньше конца июня. Она выбирает сухое место в пределах своих владений и, выкопав здесь углубление или ямку, выстилает ее сухими листьями и стеблями трав, мхом и тонкими корешками. Число яиц колеблется между 7—9, но может дойти и до 12. Яйца относительно велики, имеют 37 мм в длину и 26 мм в толщину, красивой яйцевидной формы, с плотной, мелкозернистой, гладкой и блестящей скорлупой и усеяны мелкими глинисто-красными, бледно-красными, красно-бурыми и пепельно-голубыми пятнами по желтоватому или зеленовато-белому фону. Самка насиживает

в течение трех недель и так усердно, что иногда ее можно снять с гнезда руками; она не убегает даже от косы и становится нередко жертвой материнской преданности. Птенцы, покрытые черным шерстистым пухом, вскоре выбегают из гнезда, но мать собирает их вместе. Они отвечают на ее зов писком и собираются под ее крылья; испугнутые, рассыпаются во все стороны, и в одно мгновение так хорошо прячутся, что их очень трудно найти. Несколько подросши, птенцы пробуют уже спасаться бегством и выказывают при этом столько же проворства, как раньше в умении прятаться.

В Германии коростеля стреляют при случае; в Испании и Греции его стреляют чаще и постоянно продают на базарах, так как мясо его считается очень вкусным блюдом.

СЕМЕЙСТВО ЛАПЧАТОНОВЫЕ (*Heliornithidae*)

В Южной Америке, в восточной, западной и южной Африке живут странные маленькие птицы относительно положения которых в системе натуралисты до сих пор не согласны между собой; внутреннее строение их и особенное строение скелета доказывают близкое родство с пастушками. Нырющие курочки, так зовут этих маленьких, стройно и сильно сложенных птиц. Тонкий и невысокий клюв имеет длину головы; на спинке он закруглен; лобного щита нет; ноги очень коротки и покрыты перьями до плюсны; пальцы длиннее плюсны и имеют широкие лопастные перепонки, которые образуют между передними пальцами короткую плавательную кожицу; только короткий задний палец не имеет перепонки; второе и третье маховые перья крыльев всего длиннее; сильный хвост состоит из 18 слегка закругленных перьев.

У малого американского лапчатоного, или пикопары (*Heliornis fulica*), голова и верхняя часть шеи черные; спина, крылья и хвост бурые; брови, горло и передняя сторона шеи белые; грудь и брюхо желтовато-белые. Глаза карие, клюв рогового бледно-желтого цвета, в старости — красный, при основании с буроватой спинкой, на конце с черными пятнами, ноги красновато-желтые, плюсна с внутренней и задней стороны черная; все пальцы с черной полоской на каждом сочленении. Длина достигает 31, размах крыльев 82, длина крыла 14, длина хвоста 8 см.

Принц фон Вид дал довольно подробное описание ее образа жизни. «Пикопара, — говорит он, — живет в Бразилии и Парагвае и распространена, по словам Азары, до 25 градусов южной широты, следовательно водится в значительной части Южной Америки. Она часто попадает на всех реках восточной Бразилии, где держится в густой тени кустарников и водяных растений, покрывающих речные берега. Во всех тихих, уединенных местах

Семейство лапчатоподобные

наверное можно найти ее. Нередко она сидит на тонкой ветке в воде и отвешивает поклоны. Она питается семенами и водяными насекомыми, ловя которых, иногда, правда редко, погружает в воду переднюю часть туловища. Голос ее состоит из нескольких сильных растянутых горловых звуков, похожих издали на лай маленькой собачки.

Двух птенцов своих пикопара выводит в жаркое время года. Сначала они совершенно голы и прячутся под крылья родителей, удерживаясь там клювом. Однажды в декабре я убил самца, который носил под крылом только что вылупившегося еще совсем голого птенца. Когда птенцы подрастут, можно видеть их сидящими на спине у самки и ныряющими вместе с нею. Заметив опасность, или когда подойдут к ней слишком близко, птица взлетает, когда не имеет при себе птенцов, но скоро опять опускается в тень береговых кустов. При настойчивом преследовании она прячется в густых кустарниках берега или спешит к суше, чтобы здесь скрыться до минования опасности. Ныряет она только в крайних случаях, особенно подстреленная; она долго остается тогда под водой, хотя и значительно уступает в умении нырять гагаркам. Я находил пикопару на реках даже в девственных лесах».

СЕМЕЙСТВО КАГУ (Rhynchotidae)

Кагу (*Rhynchotus jubatus*), гнездящийся в Новой Каледонии, является единственным видом семейства того же имени. Тело сжатое, прямой клюв умеренной длины. Плюсна толстая и приблизительно вдвое длиннее среднего пальца; передние пальцы совершенно свободны, короткий задний палец прикрепляется высоко. Мягкое оперение серого цвета; длинные перья затылка расушены; нижняя сторона тела светлого ржаво-бурого цвета. Хвост зеленый при основании и красно-бурый на конце; маховые перья украшены поперечными полосками — черными, белыми с черным рисунком под мрамор и отчасти бледными ржаво-бурыми.

Кагу ведет ночной образ жизни и питается исключительно животными, особенно слизнями и червями.

СЕМЕЙСТВО СОЛНЕЧНЫЕ ЦАПЛИ (Eurypygidae)

У **солнечной цапли** (*Eurypyga helios*) точное описание оперения невозможно, вследствие чрезвычайного разнообразия окраски и рисунков, и завело бы слишком далеко. Глаза красные, клюв желтого воскового цвета, ноги соломенно-желтого. Длина достигает приблизительно 42 см.

Только благодаря новейшим путешественникам мы имеем кое-какие сведения о жизни солнечной цапли на свободе. Эта

птица, которую не без основания сравнивали с большой оперенной бабочкой, живет в северной части Южной Америки от Гвианы до Перу и от Эквадора до средней Бразилии, на морском побережье и берегах рек, особенно Ориноко, Амазонки. «Благодаря своему красивому оперению, представляющему смесь цветов серого, желтого, зеленого, черного, белого и бурого, — говорит Шомбургк, — солнечная цапля является одним из прекраснейших представителей фауны этой страны, где птицы вообще так богаты роскошными цветами, особенно когда она, как индюк, распустит хвост и крылья, которые блестят на солнце и играют цветами. Она встречается по одиночке, реже парами, в лесах, на местах,

освещенных солнцем, но преимущественно на берегах рек. Питается мухами и другими насекомыми, которых ловит настолько ловко, что те редко ускользают от нее. Всегда подвижная, поворачивая постоянно голову во все стороны, она разыскивает добычу на земле и на листьях низких кустарников. Когда ее зоркие глаза заметят насекомое, она тотчас умеряет шаги, осторожно подступает, быстро вытягивает шею и притом так сильно, что в одно мгновение успевает схватить и проглотить

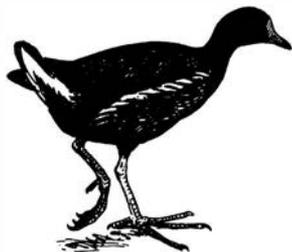
жертву, не подозревающую даже близости врага». По словам Бэтса, солнечная цапля часто встречается на Амазонской реке, но ее не все замечают, так как птицу скрывает пестрая листва, и только призывный голос, тихий, протяжный свист, выдает ее присутствие. Веддель тоже говорит, что ему нечасто удавалось видеть эту птицу, но не потому, что она редка, а благодаря ее пугливости. Умея подражать крику, можно заманить цаплю в глубь леса. По словам Гудо, она чаще всего попадает в сумерки, так как именно в эту пору оживляется.

Кастельно называет солнечную цаплю дикой и злой, похожей по образу жизни и нравам на цапель. Если к ней прибли-

Солнечная цапля
(*Eurypyga helios*)

Семейство
солнечные цапли

зиться, она расправляет крылья и готовится к защите; на врага своего бросается иногда, как кошка. Несмотря на это, ее, вероятно, легко поймать и приручить, так как цапля встречается в ручном состоянии во всех поселениях индейцев и на дворах европейцев, живущих на ее родине, и пользуется особым почетом. На Амазонке ее называют «паваоне» или павлином и пользуются этим именем как кличкой для пленных птиц, так как они приучаются следовать за хозяином, как собаки. Плаца видел в Сарайку экземпляр, проживший в неволе 22 года, а Шомбургк и Бэтс подтверждают, что эту птицу держат очень охотно, благодаря легкости приручить и ее долголетию. В неволе она большей частью бегаёт на свободе, смешивается с домашними птицами, без всякого страха расхаживает перед собаками, но хорошо различает чужих животных и робко скрывается от незнакомых людей. Приятно наблюдать, как она охотится за насекомыми в комнатах и в поле, перед домом и на крыше. Бэтс уверяет, что цапля позволяет детям играть с ней, откликается на зов и прибегает, чтобы взять из рук предлагаемую ей пищу.

Первые сведения о размножении птицы сообщил нам Гудо. Гнездо всегда расположено над землей на деревьях, на высоте 2 м; кладка состоит из двух яиц, усеянных более или менее крупными пятнами и отдельными точками темно-бурого цвета по суриково-красному фону. Птенцы покидают гнездо в августе.

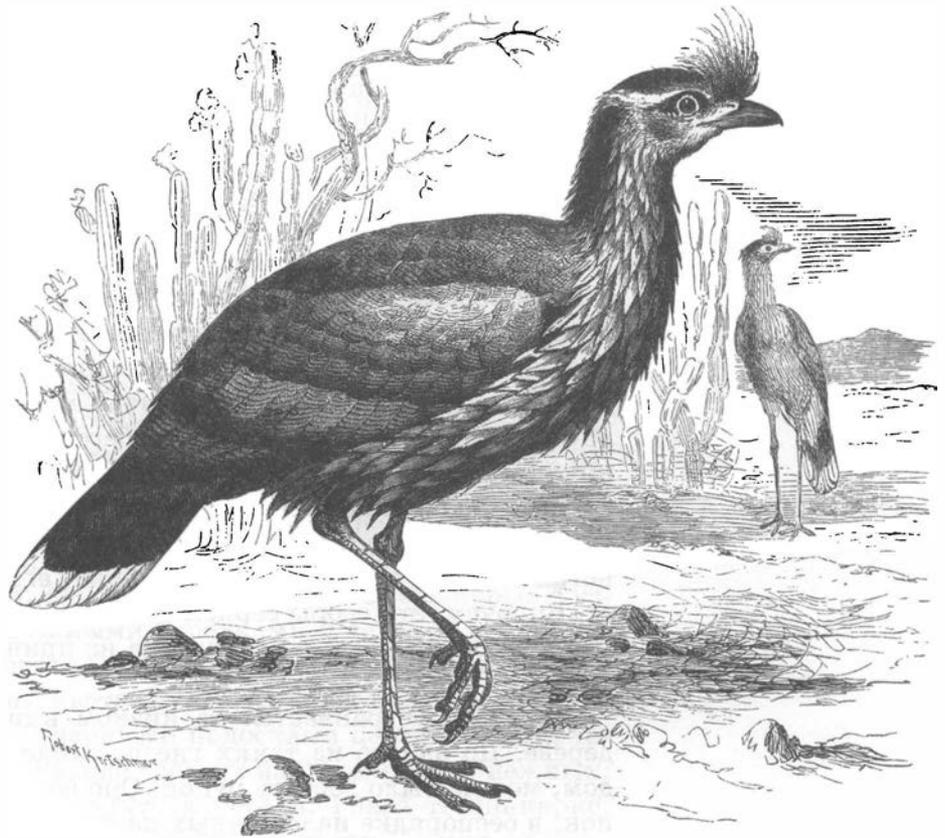
СЕМЕЙСТВО СЕРИЕМОВЫЕ (Cariamidae)

Оперение *сериемы* (*Cariama cristata*) серого цвета. Каждое перо разрисовано тонкими, светлыми и темными поперечными зигзагообразно-волнистыми линиями; на перьях передней части груди эти линии не доходят до стержня, благодаря чему вдоль него получается продольная полоса. Перья нижней части брюха не имеют рисунка. Удлиненные перья головы и шеи черно-бурые, маховые перья черные с беловатыми поперечными полосками на внутренней части опахала, перья прибавочного крыла с белыми концами; оба средних рулевых пера хвоста однородного серо-бурого цвета, остальные перья черно-бурые посередине и белые при основании и на конце. Глаза светло-желтого цвета, уздечка серовато-мясного цвета, голое кольцо вокруг глаз голубоватое, клюв кораллово-красный, ноги спереди красновато-бурые, с боков кирпично-красные. Самка отличается от самца более короткими перьями на затылке и желто-серым основным тоном окраски. Птенцы во всех существенных чертах похожи на самку. Длина достигает 82 см, длина крыла 37, длина хвоста 31 см.

Об образе жизни сериемы дали нам подробные сведения принц фон Вид и Бурмейстер, и их сообщения существенно дополнены в последнее время Гомейером, которому удалось наблю-

дать пойманную птицу; таким образом, мы можем в настоящее время похвалиться достаточным знакомством с этим странным животным, загадочным для многих исследователей. Сериема распространена по значительной части Южной Америки и живет на обширных, открытых пастбищах внутренней Бразилии, где небольшие возвышенности или равнины, поросшие травой, сменяются редкими кустарниками. Она встречается парами или, после гнездового периода, семействами штуки по 3—4, но видеть ее удастся только там, где она не может спрятаться в траве. Ее окраска, по словам Бурмейстера, очень выгодна в сухих степях. Птица прижимается, услышав шум, и только время от времени несколько приподнимает голову; затем быстро бежит в траве, совершенно не показываясь.

«Хотя я слышал птицу ежедневно в саваннах, — говорит Бурмейстер, — именно на раннем рассвете, лежа на своей постели, но никогда не видал ее лицом к лицу. Я часто слышал звук рядом с собой, но стоило мне броситься по его направлению, и все замирало, ничто не шевелилось — не только птица, но и ни одна травинка». Аргентинского родича сериемы, называемого там «чунья», также чаще слышно, нежели видно; тем не менее, Бурмейстеру два раза удалось видеть его. Принц фон Вид говорит, что бег этой птицы похож на бег индюка; Бурмейстер прибавляет, что она бежит скорее лошади, бегущей рысью, и что последняя может догнать ее только галопом. Гомейер замечает, что на бегу птица сильно наклоняется вперед, придает туловищу и сложенному хвосту горизонтальное положение и плотно прижимает к телу крылья, нисколько не распуская их. В спокойном состоянии шея втянута, передняя часть туловища приподнята и хвост опущен. Гомейер наблюдал, что сериема проводит ночь на деревьях и никогда на земле. Подни-

Сериема
(*Cariama cristata*)

Семейство сериемовые

маясь по дереву, она выказывает большую неловкость, и ей нужно много времени, чтобы добраться до намеченного места. Здесь она вытягивает шею и подбирает ноги и проводит ночь, скорчившись таким образом. Бурмейстер также говорит, что она проводит ночь на вершинах деревьев умеренной высоты. На свободе, как и в неволе, часто раздается ее громкий, далеко слышимый голос. По мнению Бурмейстера, он звучит как лай и тявканье молодой собаки, а по словам Гомейера, напоминает голос хищных птиц и необыкновенно пронзителен.

Пища сериемы состоит преимущественно из насекомых, водящихся в пампасах; она уничтожает также много змей, ящериц и т.п. Поэтому пользуется в Бразилии общим уважением, и закон запрещает убивать ее. Принц фон Вид, вскрывши желудок птицы, нашел его набитым кузнечиками; Бурмейстер причисляет к ее пище и сочные ягоды.

В период спаривания самцы ожесточенно дерутся из-за самок. Принц фон Вид непосредственно наблюдал эти драки в февралю. «Они преследовали друг друга в густом утреннем тумане и подошли к нам случайно так близко, что мы видели, как они быстро бежали с широко раскрытым клювом». Гомейер тоже упоминает о драчливости сериемы и описывает принимаемые птицей боевые позы. «Во время драки, — говорит он, — сериема делает бешеные прыжки, нахохливает шейные перья, надувается как хищная птица и при каждом прыжке распускает хвост веером и вместе с тем иногда, для удержания равновесия, то одно, то другое крыло. То прыжками, то бегом наступает она на противника и преследует его, сопровождая это смешными движениями. Собственно оружием ей служит клюв, которым она, время от времени, наносит противнику меткий удар и вырывает клочок перьев; ногами же она только толкает и топчет его, но никогда не царапает. Впрочем, эти ссоры серием между собой или с другими птицами не продолжительны и никогда не принимают злобного характера».

Гнездо устраивается на низком или не слишком высоком дереве. До одного из таких гнезд, найденного принцем фон Видом, можно было достать рукой. Оно состояло из сухих хворостинок, в беспорядке наложенных на ветви; слой глины или коровьего навоза служил подстилкой. В гнезде находились два яйца белого цвета с редкими ржаво-красными крапинами; яйца приблизительно равные по величине павлиньим яйцам. Птенцы покрыты густым пухом ржаво-желтого цвета с волнистым серо-черно-бурым рисунком; они проводят некоторое время в гнезде, но потом, говорят, изгоняются оттуда родителями.

«Хотя мясо этой птицы бело и так же вкусно, как и куриное, — продолжает принц фон Вид, — тем не менее, за ними редко охотятся. Благодаря пугливости, трудно подойти к птицам на расстояние выстрела; даже моим охотникам, засевшим около гнез-

да, не удалось перехитрить стариков. Как только сериема заметит что-нибудь необычайное, она сейчас же умолкает, и через несколько мгновений голос ее раздастся уже издалека; иногда она прячется в кустах. Лучший способ охоты за этой птицей — преследовать ее верхом рысью и не терять из виду. Отрезав ей кругом путь к кустам и ускорив бег, наконец, удастся утомить ее. Как только охотник заметит это, он быстро подъезжает к птице, которая мечется из стороны в сторону, и набрасывает на шею петлю или убивает выстрелом, если она успела подняться на дерево, пролетев недолго и низко над землей. Обыкновенно она прижимается к земле, и ее можно поймать руками живую. Я долго и тщетно ходил со своими охотниками, разыскивая эту птицу, пока не встретился мне случайно отважный плантатор на быстром жеребце. Он обещал устроить зрелищную охоту за сериемой и поскакал к птицей, крик которой вдруг раздался, и погнался за ней. Мы с удовольствием смотрели, как всадник скорой рысью неотступно преследовал быструю птицу по пригоркам и холмам, через тихие долины и равнины, как он в высшей степени ловко перерезал ей путь к кустам и, наконец, принес нам красивую добычу живой».

СЕМЕЙСТВО ДРОФИНЫЕ (Otidae)

Дрофа (*Otis tarda*) самая большая из европейских птиц. Ее длина достигает свыше одного метра, размах крыльев 2,2—2,4 м, длина крыла около 70 см, хвоста — 28 см; вес птицы 14—16 кг. Голова, верхняя часть груди и часть крыла светлого пепельно-серого цвета. Спина по ржаво-желтому фону испещрена черными поперечными полосками; затылок ржавого цвета. Нижняя часть тела грязно-желто-белая. Маховые перья темные серо-бурые с узкими черно-бурыми наружными бородками и такими же кончиками; стволы их желтовато-белые. Перья предплечья черные, у корня почти чисто белого цвета. Рулевые перья прекрасного цвета с белыми кончиками и черными полосками перед ними; крайние из них почти белые. Борода состоит из 30 длинных, нежных, узких, рассученных серовато-белых перьев. Глаза темно-карие; клюв черноватый; ноги серовато-рогового цвета. Самка отличается заметно меньшей величиной, менее ярким оперением и отсутствием бороды; длина ее не превышает 70 см, а размах крыльев — 180 см.

Начиная с южной Швеции и средней России, дрохвы водятся во всей Европе и Средней Азии; в одиночку же и только зимой они попадают в северо-западной Африке. В Великобритании они совершенно истреблены, хотя иногда еще появляются в качестве перелетных птиц; во Франции они сделались очень редкими птицами; в Испании встречаются только в некоторых местностях. В Венгрии, Молдавии и Валахии, в Румынии, в южнорусских

** В наше время в Европе дрофа сохранилась в Испании, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Австрии, Сербии, Болгарии, Румынии, Молдавии, Украине и России. В других европейских странах она уже не встречается. Везде дрофа находится под охраной, она внесена в список глобально угрожаемых видов и в Красные книги многих стран.*

степях и во всей Средней Азии дрофы считаются самыми обыкновенными птицами; они встречаются также в Малой Азии, в северной Сирии, Палестине и Марокко*.

Дрофа всюду предпочитает те местности, в которых занимаются хлебопашеством. Радде встречал ее, например, в тех местах, в которых резче всего проявлялся степной характер Средней Азии, гораздо реже, чем в Нижнеудинских и Баргузинских степях и в долине реки Селенги, хотя здесь местность холмистая или гористая. Но встречал именно потому, что и в тех, и в этих степях большое пространство земли засеяно хлебом. В Греции дрофа принадлежит к числу оседлых птиц всех равнин. В Испании она оживляет обширные плодоносные пространства обеих Кастилий, Ла Манчи, Эстремадуры и Нижней Андалузии. На островах Средиземного моря встречается только изредка.

В России и в Средней Азии дрофа перелетная или, по крайней мере, кочевая птица. Она появляется здесь в известное время весной и остается на месте своего гнездовья только до августа, предпринимает, стало быть, ограниченное путешествие. Вальтер видал ее в Туркмении только как пролетную птицу, но слышал, что зимой там встречаются стаи дроф, по крайней мере, те, которые располагаются здесь на временный отдых во время своего пролета.

Дрофа избегает лесистых местностей, потому что она за каждым кустом видит засаду. Точно так же избегает близости жилищ. Кюльц рассказывает, что в Евпатории, во время продолжительного холода, он видел стаи дроф, пролетавшие так низко над городом, что каждый, по своему желанию, мог стрелять их из ворот своего дома.

Походка дрофы медленная и размеренная, придающая птице известную сановитость; но, в случае необходимости, она может бежать так быстро, что ее с трудом настигает даже собака. Перед взлетом она делает разбег в два-три маленьких прыжка, и затем уже поднимается на воздух, хотя не очень быстро, но без всякого усилия. Летит она, рассекая воздух медленными взмахами крыльев, но, когда достигнет известной высоты, устремляется так быстро, что охотник, желающий убить ее из винтовки, должен быть очень в себе уверен. Науман полагает, что ворона должна напрягать усилия, чтобы лететь наравне с дрофой; мне же лично никогда не случилось видеть, чтобы она летела так быстро.

При полете дрофа вытягивает шею и ноги, а тяжелая грудь ее несколько свешивается вниз; поэтому ее можно узнать еще издали. Когда целая стая дроф поднимается одновременно, то каждая птица держится на известном расстоянии от другой, как будто из страха задеть друг друга своими крыльями.

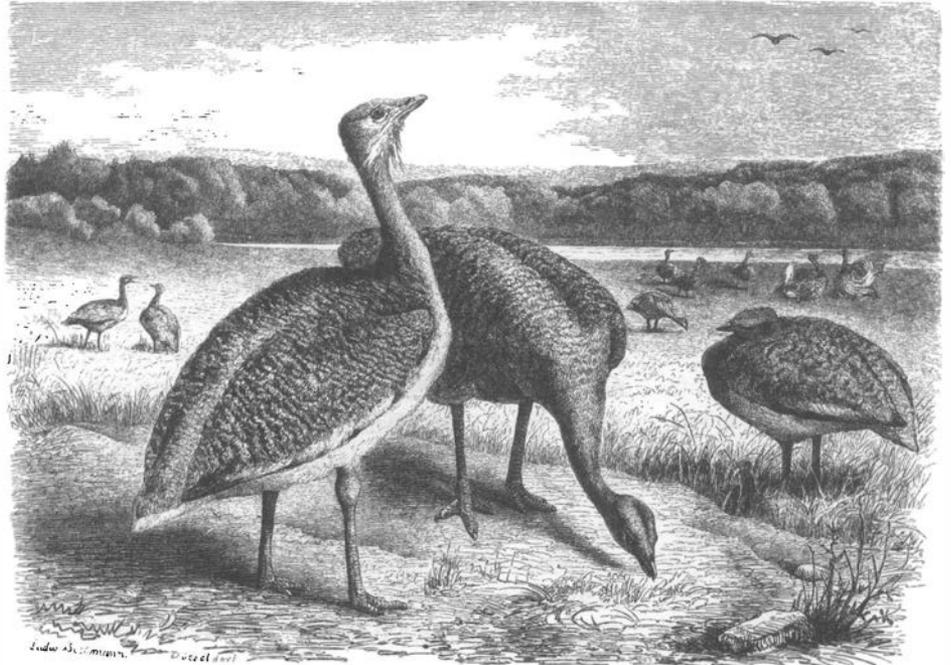
Голос дрофы, который она подает во всякое время, трудно выразить слогами; это тихое и своеобразное трещание, слышное

только на самом близком расстоянии от птицы. В брачную пору Науман изредка слышал низкий глухой звук, будто в горле что-то бурлит, и сравнивает его со звуками «ху-ху-ху» домашнего голубя-самца. Согнанная с гнезда наседка издает, по Эберле, жалобное «цюу-цюуу».

Опыт доказывает, что из всех внешних чувств у дрофы зрение самое развитое. От ее зоркого глаза ничто не укроется. «Дрофа уже издали, — говорит Науман, — усматривает грозящую опасность, в особенности, когда она представляется в виде подозрительной личности; охотник, надеющийся застать врасплох эту птицу, обыкновенно заблуждается, думая, что он настолько отдален от нее, что

не может быть замечен. Напрасно он надеется, добравшись до холма или бугорка, под этим прикрытием приблизиться к птицам на расстояние выстрела. В тот самый момент, когда он, по его мнению, скрылся из виду дроф, они обращаются в бегство. Завидев опасность, дрофы вытягивают шею, но случается, что и нет; тем не менее всякий, знакомый с их нравами, замечает, что даже в том случае, когда они напускают на себя наружное спокойствие, то перестают пастись, некоторые смирно стоят на одном месте, другие беспокойно шныряют туда и сюда, но все стремятся к одному — спастись бегством. Каждый человек, внимательно рассматривающий дрофу, кажется ей подозрительным, будь он в образе крестьянина, пастуха или даже женщины. Можно подумать, что птицы на расстоянии более 300 шагов умеют читать по лицу человека, замышляет он против них что-нибудь злое или нет. Точно так же они умеют отличить ружье от всякой похожей на него простой палки».

Науман полагает, что обоняние у дроф развито очень мало. Ему не раз случалось сидеть в землянке среди них, а они самым беззаботным образом расхаживали вокруг его засады до того близко, что некоторых он легко мог схватить рукой; их не пугал даже запах табачного дыма, выходявшего из отверстия, проделан-

Дрофа
(*Otis tarda*)

ного в землянке для ружья. Во всяком случае, обоняние у них действительно очень слабое; но то, что дрофы отлично слышат, не подлежит никакому сомнению.

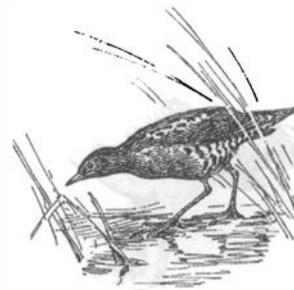
Взрослая дрофа питается главным образом зелеными растениями, зернами и семенами, в молодости же почти исключительно насекомыми. Она ест все наши овощи, за исключением только картофеля, до которого обыкновенно не дотрагивается; всего же охотнее — молодой горох, капусту, не пренебрегает также сурепицей и горчицей, а в случае нужды ощипывает кончики обыкновенной травы. Зимой она питается преимущественно рапсом и злаками; летом, наряду с растительной пищей, ест и некоторых насекомых, хотя специально за ними не охотится, подстерегает, при случае, полевую мышь и поедает всякое подвернувшееся ей маленькое животное. Из наблюдений Эльснера вытекает, что дрофа только случайно разоряет гнезда. Всякую еду она берет клювом и разве лишь зимой раскапывает иногда ногами скрытую под снегом пищу. Для улучшения пищеварения глотает мелкие камешки. Жажду утоляет каплями росы, покрывающей утром траву.

Уже в феврале, по наблюдениям Наумана, в поведении свободно живущих дроф замечается существенная перемена. «С этих пор оканчивается регулярное посещение известных пастбищ, определенный полет дроф к этим лугам и обратно, и миролюбивое сожительство между собой. Ими овладевает какое-то беспокойство, пробуждающее их к кочевке с одного пастбища на другое во всякое время дня. Самцы начинают ссориться из-за самок, преследовать друг друга. Союзы становятся шаткими, однако совершенно не распадаются. При таких обстоятельствах нередко случается, что в самозабвении дрофы летают над деревьями и в деревьях, даже по самым оживленным местам, так низко от земли, как никогда в обычное время. С гордой осанкой, надувшись, как индюки, приподняв распущенный веером хвост, самцы расхаживают около самок, редко отлетают далеко и, опустившись, тотчас снова принимают прежнее положение». Горловой мешок до того раздувается, что шея самца становится вдвое толще обыкновенного. В начале любовной поры возбужденный самец расхаживает с чуть опущенными крыльями и косо приподнятым в виде крыши хвостом. Но вскоре им овладевает весь пыл любовной страсти: тогда он надувает шею, закидывает голову так далеко назад, что она совершенно лежит на затылке, расширяет и опускает крылья, причем все перья их обращает вверх и вперед, так что последние плечевые перья почти закрывают голову сзади, а перья бороды — спереди; хвост отбрасывает так далеко вперед, что, строго говоря, видны только растопыренные нижние кроющие перья; наконец, верхнюю часть тела он пригибает книзу и в таком виде представляет собой какой-то удивительный перовой шар. Самонадеянность, заметная во всем его существе, выражается по вре-

менам в необыкновенной храбрости и в вызывающем задоре. Каждый самец служит для него теперь предметом ненависти и презрения. Он силится вызвать в нем чувство почтения, но так как и противник воодушевлен теми же побуждениями, то ему редко удается иметь успех, а потому волей-неволей приходится тотчас же начать бой. Смелые бойцы спешат друг к другу странными прыжками; для обеспечения победы пускается в дело вся сила клюва и ног. Ссорящиеся самцы преследуют друг друга даже на лету, причем делают в воздухе такие эволюции, каких нельзя было даже ожидать от них, и беспощадно долбят друг друга клювами. Но постепенно водворяется спокойствие. Сильнейшие самцы овладевают самками, и только слабенькая молодежь пытается еще с детским задором воспроизвести серьезное сражение, только что закончившееся у старших. С этих пор самец и самка держатся постоянно вместе; куда летит одна, туда же следует и другой*.

Гнездовье выбирается очень осторожно, причем старые пары относятся к этому делу еще заботливее молодых. Когда хлеб на полях поднимется уже настолько высоко, что может скрыть насиживающую самку, та выкапывает в земле небольшое углубление, выстилает его несколькими сухими стебельками, соломинками и былинками и кладет в него два или в виде исключения три небольших яйца, которые имеют 78 мм длины и 56 мм толщины; они короткой, овальной формы, с крепкой грубозернистой скорлупой без всякого блеска, по бледно-оливково-зеленому или матово-серо-зеленому фону рассеяны темные пятнышки и разводы. Дрофа приближается к своему гнезду обыкновенно с величайшей осторожностью, буквально подкрадывается к нему, очень редко показывается в это время и, лишь только заметит кого-нибудь, тотчас же прижимает плотно к земле шею, которую во время высиживания она держит прямо. Стоит только показаться неприятелю, как она тотчас же невидимо проскальзывает в рожь; если опасность появляется совершенно неожиданно, то вспархивает, но тотчас же снова бросается в рожь и скрывается бегом между колосьями. Если человеку случится дотронуться голой рукой до яиц дрофы, то она никогда уже к ним не вернется. Точно так же она безвозвратно покидает гнездо, если заметит, что почва около него утоптана человеческими ногами**. После тридцатидневного высиживания вылупляются шерстистые, буроватые, с черными пятнышками птенчики, которых самка обсушивает под крыльями и после того уводит. Она любит их с нежной самоотверженностью. Охраняя птенцов от врагов, обрекает себя на опасность. В испуге летает совсем близко около нарушителя своего покоя, прибегает к искусству притворяться, столь свойственному всякой самке и, когда ей посчастливится провести врага, она снова возвращается к своим птенцам, которые в это время сидят, плотно прижавшись к земле, находя защиту в полнейшем сходстве сво-

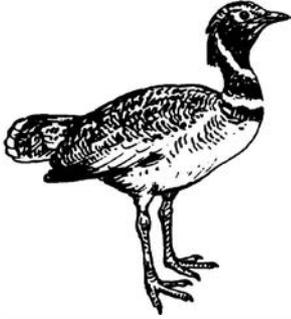
Семейство дрофиные

* Это не совсем так. Дрофы — птицы полигамные, они образуют пары только на очень короткое время для спаривания. Спаривание происходит на току, самки устраивают гнезда без участия самцов. После спаривания парные отношения не поддерживаются.

** Последние два утверждения не соответствуют действительности.

Семейство дрофиные

его оперения с окружающим. Свое первое детство дрофы проводят исключительно во ржи, и только впоследствии, приняв известные предосторожности, когда никого не видно вокруг, самка выводит своих птенцов на открытые паровые поля, но при этом никогда не заходит настолько далеко, чтобы не успеть вовремя и быстро скрыться в найденном убежище.

Первая пища молодых дроф состоит из мелких жучков, кузнечиков и гусениц, которых мать отчасти выкапывает из земли, отчасти ловит. Вначале птенцы крайне беспомощны, ходят плохо и покачиваясь, и только уже впоследствии научаются сами отыскивать себе корм; в это время они начинают есть разную зелень, по словам Вангелина, преимущественно молодой горох. Только спустя месяц после появления на свет они становятся способными перепархивать небольшое расстояние; но еще через две недели начинают летать уже довольно хорошо и в сопровождении своих родителей пролетают дальние расстояния.

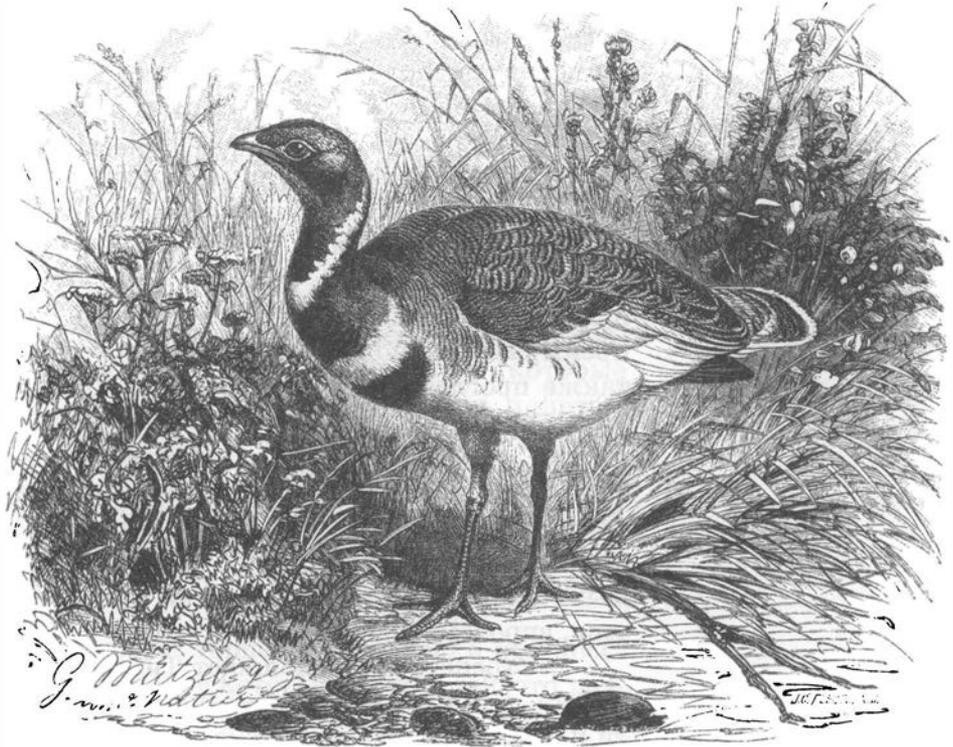
Охота за дрофами считается одной из приятнейших, а потому эти птицы всюду ревностно преследуются. В прежние времена для такой охоты употреблялось особенное огнестрельное оружие, настоящая адская машина, которая состояла из многих, связанных между собой, ружейных стволов, но, вследствие своей непомерной тяжести, требовала для перевозки тележку. Опытные охотники любят охотиться на этих птиц в период их спаривания, когда самцы гордо чванятся своей красотой, и подстреливают их тогда просто пулями. В это время охотники часто переодеваются крестьянами и идут с каким-нибудь кузовом или тачкой или берут крестьянскую рабочую лошадь и едут на ней или идут рядом, прикрываясь ее туловищем. Иные пытались перехитрить стаи дроф таким способом: брали крестьянскую телегу, накладывали в нее соломы, зарывались туда и подъезжали в таком виде как можно ближе к стае. Где хорошо знакомы с привычками дроф и знают их пролетный путь, там на них охотятся загоном, вспугивают и гонят их по такому направлению, что они вскоре натываются на хорошо спрятанную цепь стрелков. На полях, где там и сям имеются естественные, не подозрительные для дроф прикрытия, также с успехом пользуются засадами. Молодых дроф в средней Европе нередко преследуют с помощью собак и убивают во время охоты на куропаток. В русских степях на них охотятся с борзыми, а в Азии — с соколами или прирученными холзанами. Поджидают также первых заморозков с туманами и в такую погоду выезжают на лошадях в степи для охоты; в это время крылья дроф покрываются ледяной корой, которая мешает птице действовать ими. В суровые морозы дрофы, по словам Кюльца, целыми стаями разыскивают жилища уединенно живущих татар, и в это время их ловят там без всякого труда. Разные западни и петли, которые местами расставляют для них, редко приводят к цели. Гораздо больше человека дрофам вредят четвероно-

гие и пернатые хищники, которые в состоянии осилить старую птицу и безнаказанно унести беспомощных птенцов.

Мясо дроф совершенно несправедливо считается плохим. Хорошо приготовленные молодые дрофы представляют превосходное жаркое; да и старые птицы, если их для размягчения некоторое время продержать зарытыми в земле, не так дурны на вкус. Только совсем старых птиц, конечно, следует считать несъедобными; но их клейкое мясо доставляет, при варке, крепкий бульон и, тщательно освобожденное от жил и мелко истолченное, идет в качестве хорошей приправы на приготовление паштетов и битков.

Стрепет (*Tetrax tetrax*). Помимо меньшей величины и различной окраски отличается от дрофы немного удлинненными перьями по сторонам

верхней части шеи и на задней части головы. Длина птицы всего 50 см, размах крыльев 95, длина крыла 26, а хвоста 13 см. У самок, которые еще меньше величиной, стороны головы желтоватые, передняя часть шеи и груди светло-желтоватая с черными полосками; нижние шейные перья испятнаны сильнее, чем у самцов, верхние кроющие перья крыла белые с черными пятнами; оперение нижних частей белое.

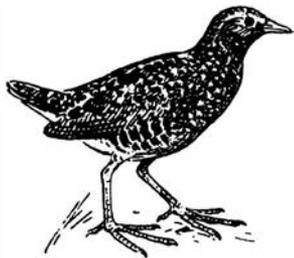

Стрепет
Tetrax tetrax

В русских сибирских степях, которые следует считать центром области распространения этой птицы, она появляется иногда целыми массами, особенно во время перелета. «В первые дни весны, — говорит Кюльц, — сюда прилетают стрепеты, желанные гости, и притом, будто сговорившись, все разом в одну ночь, так что в один прекрасный день всюду видны целые стаи, тогда как еще накануне не замечалось ни одного. Вначале они держатся кучами по двенадцать и больше штук вместе, но потом, через несколько недель после своего прибытия, разделяются на пары»*. То же самое, вероятно, происходит и в Испании, так как и здесь стрепеты отлетают каждую осень, а весной снова появляются. Во время своих странствований стрепет попадает в местности, лежа-

* Стрепет, как и дрофа, полигам и постоянных пар не образует.

Семейство
дрофиные

щие близ Атласских гор, и здесь зимует. В Египте он появляется редко: насколько мне помнится, в мои руки попался всего один экземпляр, убитый близ Александрии.

Стрепет не так исключительно привязан к равнинам, как его более крупный родич — дрофа; он встречается и в гористых местностях. В Испании гнездовьем своим избирает преимущественно виноградники, не обращая внимания на то, где они лежат, — в равнине или на склонах гор; помимо этого, он поселяется в обществе с авдоткой в пустынных испанских «кампо». В Венгрии живет в «пусте», в южной России, во всей Сибири и в Туркестане — в степях. Лес он избегает с таким страхом, что не только не гнездится вблизи, но даже при перелете, скорее сделает круг, нежели пролетит мимо. Избрав своим гнездовьем хлебное поле, стрепет иногда утром любит прилететь на клеверное или эспарцетовое поле и провести здесь часика два, после чего снова возвращается в укромную чащу волнующейся нивы. С наступлением жатвы, которая страшно беспокоит его, он вынужден перекочевывать с одной пашни на другую.

Взрослый стрепет питается большей частью насекомыми и червями, в особенности кузнечиками, жуками и различными гусеницами, не пренебрегая, впрочем, и растительной пищей. Желудки исследованных мною стрепетов я находил наполненными преимущественно насекомыми. Для улучшения пищеварения они также проглатывают маленькие кусочки кремня. Стрепеты кормятся несколько раз в день; ранним утром, вскоре после восхода солнца, их вернее всего можно застать в разгаре деятельности. Они выбирают обширные клеверные поля с открытым видом; здесь зарываются в самую середину и, зорко оглядевшись вокруг, старательно принимаются обрывать листья и отыскивать насекомых. Осенью они то здесь, то там подбирают семена, но это случается, впрочем, редко.

«Стрепет, — продолжает Тинеман, — птица красивого сложения, с приятным, приветливым нравом. Вследствие пугливости и осторожности ее, к сожалению, нельзя иначе наблюдать, как с помощью зрительной трубы из отдаленного укромного места. Как только она завидит человека, тотчас же неподвижно застывает на месте, вытянув шею кверху. При приближении человека шагов на 200 или 300, стрепет удаляется, затем начинает облетать приближающегося к нему человека, описывая над ним полукруг. По всей вероятности, для того, чтобы удостовериться в благонадежности его, так как стрепет отлично умеет отличить простого прохожего от подсматривающего наблюдателя и последнего, в свою очередь, от пагубного для него охотника. Большие глаза, обуславливающие прекрасное зрение, а также большие ноздри, свидетельствующие об отличном чутье, оказывают ему в этом случае большую услугу. Если же парочка находится где-нибудь внизу, то самец долгое время стоит торчком и озирается кругом,

чтобы расследовать, нет ли где опасности, тогда как самка тотчас же принимается расхаживать, отыскивая корм. Если самке случится быть одной, то она проявляет такую же бдительность, как и самец, и отправляется промышлять пищу не прежде, чем убедится, что поблизости нет никакого врага. Семьи, скучившиеся в стаи или группы, завидев человека уже издали, улетают от него; отдельные же экземпляры, напротив, зачастую подпускают к себе человека на довольно близкое расстояние, они так плотно прижимаются к земле, что их можно совершенно проглядеть, и взлетают уже из-под самых ног человека. По всей вероятности, вследствие такой своей уверенности, некоторые стрепеты охотно задерживаются вблизи пасущихся дроф, однако никогда не вмешиваются в их стаи, но почтительно остаются в некотором отдалении, шагах примерно в 30—50.

Полет их — трепещущий со свистом и так походит на полет дикой утки, что несведущий человек летящего стрепета принимает обыкновенно за утку. Вытянув голову и шею вперед, а ноги назад, стрепет рассекает воздух быстрыми взмахами крыльев, при этом проявляет обыкновенно скрытые белые части крыльев и производит шум, отчасти похожий на звон бубенчиков едущей вдали тройки. Только в октябре мне случилось видеть стрепетов, летающих обществами, причем медленными взмахами крыльев они описывали в воздухе большие круги, которые по красоте отнюдь нельзя сравнить со спиральным полетом аистов или соколов, так как круги эти имеют наклонное направление и очень неправильны. Эти полеты служат, очевидно, предварительным упражнением для дальнейшего путешествия, если не смотреть на них, как на прощание с родиной, на которую, прежде чем покинуть ее, им хочется еще раз бросить взгляд с высоты».

К сожалению, масса стрепетов теряет свои выводки при косье клевера, причем гибнут даже и некоторые самки, так что размножение птиц вследствие этого весьма незначительно. Стрепеты представляют собой превосходную дичь, поэтому их всюду ревностно преследуют. В Испании птиц подают к столу под названием «фазаны». В южной России для охоты на них пользуются чаще всего телегами. Когда самец увидит подъезжающую к нему телегу, то боязливо всматривается в необыкновенное явление; если телега приближается осторожно, то он отлетает на небольшое расстояние, и тогда весь труд охотника пропал, или плотно прижимается к траве, или смело остается на месте, вызывая охотника своим «терркс-терркс». В обоих последних случаях самец погиб.

В один из первых вечеров, проведенных мною в полуразвалившемся доме одного из предместий Каира, я, к немалому своему изумлению, увидел, что с плоских крыш домов слетали какие-то большие птицы, которые направлялись к садовым кустам, где и исчезали. Прежде всего, я принял их за сов, но полет их был

*Семейство
дрофиные*

совершенно другой, к тому же громкий крик, который издала одна из птиц, тотчас же вывел меня из заблуждения. Чем ближе навигалась ночь, тем оживленнее становилось в саду, залитом ярким светом полной луны. В чаще апельсиновых деревьев шмыгали они точно привидения, исчезая так же внезапно, как и появлялись. Меткий выстрел дал мне должные разъяснения. Я бросился в сад и увидел, что убил хорошо знакомую мне по чучелам немецкую птицу авдотку, или леженя — ночную дрофу. Впоследствии мне представлялось немало случаев наблюдать это странное существо, так как я встречал его или одного из его родичей, который мало отличается от него образом жизни, во всех областях южной Европы и во всех странах северо-восточной Африки, исследованных мною.

ОТРЯД ПОГАНКООБРАЗНЫЕ (Podici pediformes)

СЕМЕЙСТВО ПОГАНКОВЫЕ (Podici pedidae)

Поганки свойственны умеренным поясам, не распространяются далеко на север, но и на юг далеко не идут, живут на стоячих, в исключительных случаях и на медленно текущих водах, окаймленных по берегам камышом и тростником; в море они появляются временами и в виде исключения*. «Ни одна другая птичья порода, — говорит Науман, не может быть названа с такой справедливостью водяной или водоплавающей птицей, как они, хотя до сих пор неизвестно ни одной из них, которая бы, по крайней мере, в известную пору не проводила большого или меньшего времени на суше. Гагаровые* выходят на сушу лишь в случае особенной необходимости, но и при этом держатся у самой воды, чтобы в случае чего тотчас же иметь возможность броситься в нее. Вода является необходимостью для всех их действий, даже для того, чтобы сесть с лету или подняться на воздух, так как они не могут сделать этого иначе, как после короткого пробега по водной поверхности. Вся жизнь их сводится к двум занятиям — плаванию и нырянию. В то время, когда другие водоплавающие птицы, вздумав оправиться, отдохнуть или погреться на солнышке, отправляются для этого на берег или другое твердое местечко, — гагаровые остаются на поверхности воды и все вышеназванное совершают плавая. Когда они предаются покою, их тело лежит на воде, подобно куску пробки, весьма мало погружившись; ноги всплывают кверху и кладутся вдоль крыльев на маховые перья; клюв они засовывают между спинными и плечевыми перьями. Таким образом, они предаются отдыху или сну в тихую погоду на спокойной глади вод, обыкновенно вдали от берега. Если же поверхность воды не совсем спокойна, и они могут опасаться быть пригнанными ветром к берегу, то опускают в воду свои ноги и мастерски умеют, вероятно, одним своеобразным движением удерживаться на одном и том же месте». Плывая под водой, они движутся так быстро, что идущий по берегу человек не успел бы за ними. При этом вытягиваются в длину и гребут изо всей силы своих ног. Легкий толчок — и поганка уже под водой, еще дви-

Семейство
поганковые

* Это вовсе не так. Прибрежные мелководья морей — типичные места зимовок многих видов поганок.

** По современным представлениям, поганки совсем не родственны гагарам, они объединяются в самостоятельный отряд поганкообразных.

жение снизу — и она снова на поверхности. Плывя, они держат тело в любом положении и могут погрузить его в воду на желаемую глубину.

Насколько легко им двигаться при плавании, настолько трудно бывает принять какое-либо положение или ходить, когда они попадут на сушу. «При этом, — как говорит Гейглин, — они держат себя прекурьезно и имеют весьма потешный вид. Тело принимает почти вертикальное, слегка согнутое положение; шея весьма сильно согнута наподобие буквы S; плюсны стоят, чуть-чуть отклоняясь от вертикальной линии, хотя снизу слегка оттопыриваются вперед. Таково их положение при стоянии и ходьбе». Взлететь с земли, по наблюдениям Наумана, они не могут, взлетают с воды, после продолжительного пробега. Длинная шея и голова при этом вытягивается прямо вперед, широкие ноги откидываются назад, а крылья хлопают проворно и быстро. Таким образом, они летят по прямому направлению, поднимаются вскоре на умеренную высоту и двигаются удивительно быстро. Ногами пользуются как рулем, почему и могут, по желанию, изменять направление своего полета; короткие крылья, однако, не позволяют им делать плавных движений; поэтому-то они, когда садятся и бросаются на воду в косом направлении, падают на ее поверхность с далеко слышным шумом. Впрочем, летом они очень неохотно решаются летать и в случае опасности обыкновенно стараются нырнуть.

По развитию внешних чувств поганки, вероятно, не уступают другим водоплавающим птицам; умственные способности, также, по-видимому, у них развиты. Они всегда недоверчивы, пугливы и хитры, могут даже распознавать опасных людей или животных от опасных врагов.

Пищу поганок составляют рыбы, насекомые, лягушки и головастики. Свою добычу они добывают из глубины, но глотают ее только тогда, когда выплывут наружу. При этом случайно проглатывают песок и зеленые части растений.

Поганки живут всегда парочками, нежно любят друг друга, совершают перелеты совместно и возвращаются обратно на тот же пруд, на котором жили раньше. Здесь они строят свое плавучее гнездо, отличающееся от гнезд других птиц тем, что оно сплетено не только из сухого, но и из сырого материала; таким образом, яйцам приходится лежать всегда в сырости и даже в воде. Гнездовой материал вытаскивается со дна, куда за ним птицы ныряют, укрепляется между несколькими старыми стеблями камыша и сплетается чрезвычайно нерадиво, так что походит скорее на натасканную кучу, чем на гнездо.

Кладка состоит из 3—6 яиц довольно больших, продолговатых, с крепкой и жесткой скорлупой, первоначально зеленовато-белого цвета. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, но самка сидит дольше. Пока самка сидит на гнезде, самец плавает по-

близости. Если гнездо оставляют оба, то предварительно всегда вылавливают со дна кучу полусгнивших водяных растений и покрывают ими яйца. По прошествии приблизительно трех недель насиживания вылупляются птенцы, даже из таких яиц, которые при насиживании большей частью лежали в воде; выплывшиеся птенцы тотчас же следуют за родителями. Плавать они умеют уже с первого дня своего появления на свет, нырять научаются в короткое время. Вначале, в случае опасности, старики всегда забирают их под крылья и ныряют вместе с ними; нередко они даже летят с птенцами, спрятанными в грудных перьях*. Когда птенцы захотят отдохнуть, то находят местечко для сна или отдыха на спине родителей. Влезание на это теплое и мягкое ложе удается им с трудом, но в этом случае родители приходят им на помощь. Они дают им знак держаться скученно, ныряют и выплывают под самыми птенцами, так что те оказываются сидящими у них на спине. Таким же образом старики и освобождаются от своего бремени, когда оно им надоеет или же, когда всем угрожает опасность. «Чтобы добыть корм своему небольшому выводку, пока он еще недостаточно вошел во вкус ныряния, — пишет мне Либе, — они отыскивают поросшее камышами место, собирают вокруг себя молодое поколение и сильно барахтаются в воде совершенно так же, как человек, желающий удержаться на глубоком месте. Через это они непрерывно баламутят воду, а вместе с тем выкидывают со дна на поверхность воды червей и личинок, и в распоряжении птенцов появляется обильный корм».

Пока поганки находятся на воде, они защищены от большинства опасностей; на лету же часто делаются добычей хищных птиц. Яйца их усердно уничтожают вороны и камышовые луны, быть может, даже водяные курочки и пастушки. Прежде этих милостивых птиц, служащих настоящим украшением каждого болотца и стоячих вод, били только к посту, но с тех пор, как вошло в моду употреблять их оперение в виде меховых украшений, началось беспощадное преследование поганок**. Во времена кремневых ружей убить большую поганку считалось искусством, так как при вспышке пороха они так быстро ныряли в глубину, что дробь не доставала их, хотя и падала на место, где они только что были. От наших современных ружей поганки более не уходят или уходят, но очень редко. Их постоянные ныряния и всплывания наружу, различные позы, принимаемые ими, и беззаботная доверчивость веселят всякого, кто их видит.

Одной из красивых птиц является **чомга** (*Podiceps cristatus*). Ее называют в различных местностях большой поганкой, хохлатой поганкой, хохлатым нырком. В брачную пору на голове птицы замечается украшение в виде одного перистого пучка, разделяющегося наверху и образующего два рожка, и роскошного, длинного, состоящего из рассученных перьев воротника, охватывающего бока головы и горло. Верхние части тела блестящего черно-

** Это не совсем так. Поганки, скрываясь от опасности, часто ныряют вместе с птенцами, при этом птенцы прячутся у взрослых среди оперения на спине. Они также сидят в оперении спины, когда родители перелетают с ними.*

*** К счастью, эта мода давно канула в лету.*

бурого цвета; зеркальце на крыльях, образуемое малыми маховыми перьями, область щек — белые; воротник ржаво-красный, с краю черно-бурый; нижняя часть тела блестящего атласно-белого цвета, с боков покрыта ржавыми и черно-сероватыми крапинками. Глаза карминно-красные; уздечка красная; клюв бледно-розовый; ноги с наружной стороны темного рогового цвета, на внутренней стороне — рогово-беловато-белые. В зимней одежде хохол и воротник еще не сформированы; к черно-бурому цвету верхних частей примешивается темно-серый. Самка отличается

от самца меньшей величиной, но не окраской. Молодые не так красивы, как старики в зимней одежде, на голове и шее имеют полосатость; птенцы в пуховом оперении и с полосками серого и черного цвета. Длина взрослой птицы достигает 95 см, размах крыльев 66, длина крыла 18 см.

Чомгу встречаются повсюду на всех подходящих озерах и водных пространствах Европы, чаще всего на южных озерах. На севере она появляется весной после таяния снега, в апреле, и остается на своей родине самое большее до конца ноября; там же, где море не замерзает, она перекочевывает к нему и оста-

ется зимовать; некоторые птицы, следуя направлению берегов, перелетают в южную Европу и северную Африку. В Греции и Испании чомга из года в год живет оседло; но число живущих там хохлатых поганок с каждой зимой заметно увеличивается, благодаря прибытию новых, перекочевывающих сюда с севера. В северо-западной Африке эта птица все еще обычный гость; в Египте ее всегда встречают одиночками, притом редко. В Средней Азии

Чомга
Podiceps cristatus

и Северной Америке она такой же обыкновенный житель, как и в Европе, из Сибири совершает перелеты в южный Китай и Японию, а из Северной Америки до южных частей Соединенных Штатов.

Весной чомги появляются парочками, но осенью охотно соединяются в более крупные общества, в которых насчитывается иногда до 50 и более штук, и которые предпринимают сообща свое путешествие на юг. То, что птицы эти совершают свое путешествие ночью, нужно еще проверить. Но за то, что на юг они направляются по крупным озерам и рекам, следуют по направлению морских берегов, высказалось большинство натуралистов. Летом чомги перебираются на более обширные пруды или озера, местами поросшие камышом и тростником. Для них нужна довольно большая площадь водной поверхности, чтобы, по крайней мере, в середине они могли быть в безопасности от охотничьего дробовика. Чомги более, чем другие виды, придерживаются воды, тем более, что стояние и хождение для них более затруднительно, чем для их мелких сородичей. В плавании и нырянии они не уступают ни одному из последних; чего не могут достичь ловкостью, того добиваются терпением. По наблюдениям Наумана, в полминуты чомга проплывает под водой расстояние больше, чем в 60 м. Полет ее относительно быстр, направляется по прямой линии и производит далеко слышный шум.

Сильный крик хохлатых поганок бывает весьма разнообразен. Самец перекликается с самкой. Каждая пара владеет своим гнездовым районом, и там, где водная площадь дает возможность гнездиться нескольким или многим парам, перед началом птенцово́й поры происходит немало драк; побежденным, в конце концов, приходится в бегстве искать спасения от преследования победителей.

«Чомги приступают к кладке, сообразуясь с тем временем, когда камыш поднимется на известную высоту. Гнездо устраивают около камыша, тростника или ситника близко от границы этой растительности с чистыми участками воды и вдали от суши; часто оно кладется совершенно на открытом месте на воде и тогда прикрепляется к нескольким стеблям. Ширина его достигает около 30 см, высота приблизительно 15 см. Гнездовое ложе необыкновенно плоско, но со временем постепенно вдавливаются под тяжестью садящейся на него птицы. В общем, такая постройка так напоминает сплетенные ветром плавучие пучки гниющих водных растений, что неопытный глаз никогда не догадается, что это гнездо птицы. Не только нужно удивляться тому, как могут эти сырые пучки удерживать на себе довольно тяжелых птиц, но и тому, что они не шелохнутся, даже когда птицы влезают или слезают». Чомга влезает на гнездо с известной осторожностью, как бы вскальзывая на него, но все-таки роняет в воду то или другое яйцо. Кладка состоит в среднем из четырех яиц, наполо-

*Семейство
поганковые*

вину лежащих в сырости; они имеют около 52 мм длины и 35 мм в поперечнике, вначале бывают чисто белого цвета, но скоро становятся грязного глинисто-желтого. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, необыкновенно прилежны в этом занятии, и проявляют к своему потомству горячую любовь.

Птенцов водят и самец, и самка, но обязанности сторожа самец главным образом берет на себя. Вначале птенчикам подносятся в клюве мелкие личинки насекомых, позднее таковые кладутся уже на воду, и одновременно птенцы обучаются нырянию. Чересчур крупную рыбу старики съедают сами, если видят, что птенцы не могут проглотить ее; впоследствии ловят для своих детей более мелких рыбешек. Если птенцы по неловкости роняют корм, старики его тотчас же подхватывают. Родители героически защищают своих детей от пернатых хищников. Науман видел, как одна самка высоко выпрыгивала из воды, кидаясь на летавших мимо ворон и хищных птиц, щелкала или ударяла клювом, чем действительно отогнала хищников от своих птенцов. «Во время этой отчаянной борьбы самка испускает жалобные крики, в то время как самец, будь он даже неподалеку, только криками, видимо, разделяет боязнь самки за птенцов, но не имеет храбрости оказать действительную помощь».

На свободе чомги кормятся почти исключительно рыбами, хотя отнюдь не отказываются и от более или менее крупных насекомых, птицы эти могут принести некоторый вред в рыбных прудах, там, где разводятся рыбы; но вред этот весьма незначителен и вознаграждается приносимой чомгами пользой. Мясо этих птиц несъедобно, но шкурка весьма ценна и представляет собой настолько дорогой мех, что их преследование можно с известной точки зрения извинить. Охотник, который не слишком высоко ценит прибыль от убитых чомг, едва ли будет преследовать их, так как он невольно любит этими подвижными и странными созданиями.

ОТРЯД
РЖАНКООБРАЗНЫЕ
(Charadriiformes)

Семейство
поморниковые

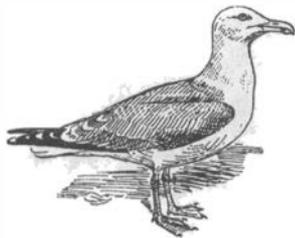

ПОДОТРЯД
ЧАЙКИ (Lari)
СЕМЕЙСТВО
ПОМОРНИКОВЫЕ (Stercorariidae)

Поморники отличаются от других чаек по внешнему виду и окраске. Туловище у них довольно толстое, голова маленькая, относительно короткий клюв имеет у основания восковицу; он довольно толстый, спереди сжат с боков, кончик верхней челюсти загнут сильным крючком, на нижней челюсти заметен угловатый выгиб. Ноги средней длины, пальцы относительно короткие с острыми, сильно загнутыми когтями и соединены большими перепонками. Крылья длинные, узкие и острые, не очень длинный хвост состоит из 12 перьев. Оперение обильное и густое, на нижней части тела похожее на мех; цвет его чаще всего темно-бурый, на котором у взрослых птиц редко, а у молодых часто замечаются светлые пятна.

Поморники живут по преимуществу в холодном северном поясе земли, большей частью на открытом море, а во время гнездования в тундре, на островах и берегах. Они ходят быстро и ловко, держа туловище горизонтально. Некоторые виды ходят почти так же хорошо, как и голенастые птицы. Поморники хорошо плавают, но все же чаще летают, причем полет их своеобразный и не похож на полет других морских птиц: они летают чрезвычайно смело, производя на воздухе разнообразные, удивительные повороты, часто парят и держатся на месте, трепеща крыльями. Голос их состоит из неприятного карканья, а птенцы издают тихий писк. Они превосходят других чаек остротой внешних чувств, а также смелее и храбрее их. Как настоящие хищники, поморники нападают на тех животных, которых могут одолеть, и как истые разбойники до тех пор преследуют других птиц, пока те им не отдадут свою добычу. Они не принадлежат к числу хороших нырков и могут схватывать только тех рыб, которые держатся у самой поверхности воды, но занимаются хищничеством точно так, как и другие чайки, и едят не только рыб, но и птиц, их

Семейство поморниковые

* Это, несомненно, преувеличение, основанно на рассказах фермеров, которые во всякой хищной птице видели врага, покушающегося на их собственность.

** Кладки поморников содержат обычно два яйца, в малокормные годы часто только одно. Кладки из трех яиц встречаются как редчайшее исключение.

*** На самом деле поморники достигают половой зрелости на третье лето жизни.

яйца, маленьких млекопитающих, а иногда разных морских беспозвоночных животных; они осмеливаются нападать даже на молодых ягнят, выклеивают у них глаза и мозг и выедают из трупа все, до чего могут добраться*; они питаются как живыми животными, так и падалью. Кроме того, поморники тщательно наблюдают за чайками, крачками, чистиками и другими морскими птицами. И как только последним удастся схватить добычу, тотчас же спешат к ним, и до тех пор мучат счастливого охотника, пока он со страху не выплюнет или не изрыгнет уже проглоченную добычу. Поморники необыкновенно ловко подхватывают пищу на лету, пока она еще не попала в воду. Подобный разбой навлекает на них ненависть всех других птиц, которые их боятся, как опасных хищников. Ни одна морская птица не гнездится по соседству с ними, ни одна не занимается охотой около залива или озера, где держатся поморники; каждая птица осторожно осматривается, когда приближаются эти разбойники; самые храбрые птицы тотчас нападают на них, как только увидят, а слабые улетают от них со страхом. Для своего гнезда поморники вырывают неглубокую круглую ямку в песке или во мху, растущем в тундре; в это простое гнездо они кладут два-три яйца**, обе птицы одной пары насиживают их по очереди, чрезвычайно заботливо относятся к своему потомству и смело защищают его при приближении врага. Птенцы сначала выкармливаются полупереваренной мясной пищей, а впоследствии более грубым кормом. Если их не тревожить, то птенцы остаются несколько дней в гнезде, затем покидают его и проворно бегают, как и другие береговые птицы прятаясь при опасности между камнями и неровностями почвы. Научившись летать, они некоторое время порхают над землей, причем родители обучают их своему ремеслу, после чего они, наконец, вместе с родителями улетают в открытое море. Они делаются способными к размножению во второе лето своей жизни***.

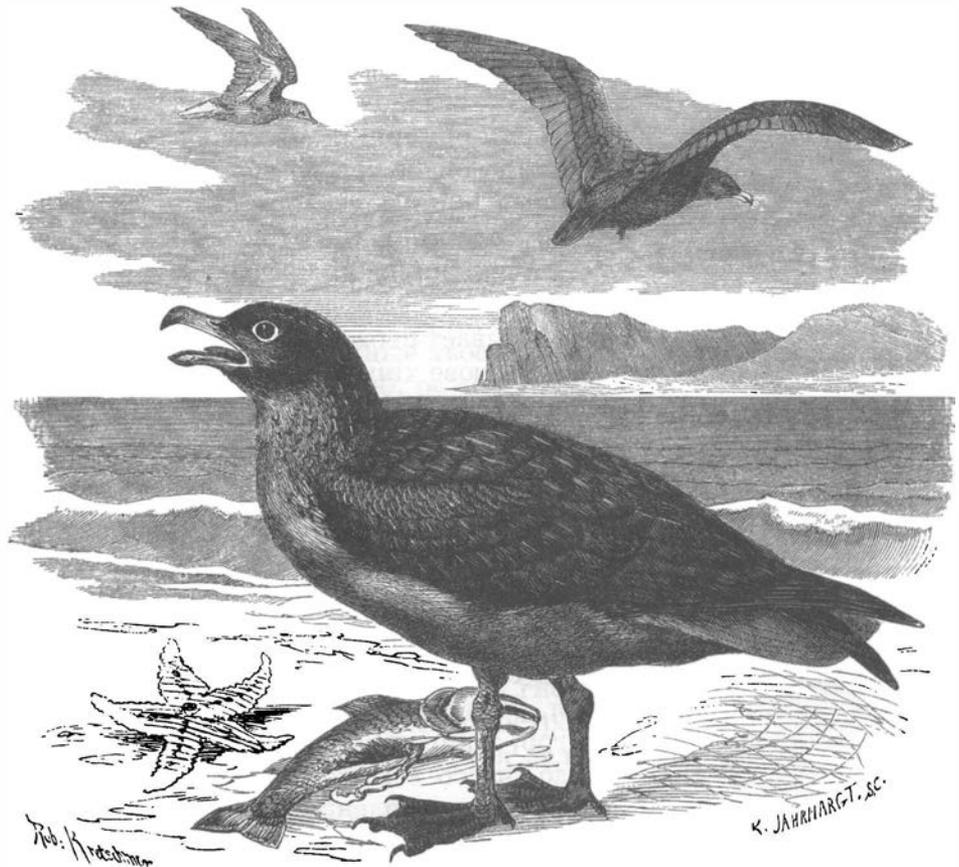
Северные жители отыскивают иногда яйца поморников, чтобы питаться ими, но другой пользы эти птицы не приносят, а потому все считают их вредными животными и преследуют всевозможными способами. Охота за ними не представляет трудностей, так как поморников легко привлечь на всякую приманку, и они точно так же мало боятся людей, как и животных.

Большой поморник (*Stercorarius skua*) может по величине равняться большому ворону: длина его — 57 см, размах крыльев 146, длина крыла 43, а хвоста 17 см. Средние перья хвоста как бы обрезаны, следовательно, каждое на конце имеет два прямых угла; они мало удлинены против остальных. Оперение серовато-бурое с красноватыми и бледно-серыми продольными полосками, у основания темных крыльев замечается белое пятно, глаза красновато-бурые, клюв у основания свинцово-серый, а на конце черный, ноги черновато-серые. Молодые птицы цветом оперения не отличаются от взрослых.

Родиной большого поморника считают пояс между 60 и 70 градусами северной широты, но его наблюдали также на морях более южной части умеренной полосы. В Европе он водится на Фарерских, Оркнейских, Шотландских и Гебридских островах, а также в Исландии*; отсюда он зимой пролетает к берегам Англии, Германии, Голландии и Франции. Большинство этих птиц, однако, остается на севере даже в холодное время года и отыскивает себе пропитание на открытом море.

Большой поморник, который по образу жизни похож на других больших чаек, отличается от них проворством, разнообразием и ловкостью дви-

жений. Он бегаёт быстро, красиво и долго плавает, глубоко опустив грудь в воду, легко поднимается с воды или земли и летает, как большие чайки, но не столь равномерно, причем поражает своими смелыми и неожиданными поворотами, напоминающими полет хищной птицы. Иногда он парит, не двигая крыльями, иногда несется, как бы по наклонной плоскости, сверху вниз с изумительной быстротой. Голос его похож на низкое «ах-ах» или грубое «ия»; при нападении на врага он громко выкрикивает «гох». По смелости, хищности и неуживчивости большой поморник похож на других поморников и превосходит этими качествами всех морских птиц. Это самый страшный морской хищник; он не водит дружбы ни с какими другими птицами; его все ненавидят, но лишь самые храбрые осмеливаются на него нападать. Как сильно действует на других птиц смелость поморника, лучше всего видно из того, что даже самые большие морские птицы, превосходящие его силой, боязливо избегают его. Вследствие своей беспрестанной деятельности поморник всегда голоден, и потому он летает только для того, чтобы охотиться. Если он не видит вблизи других птиц, то

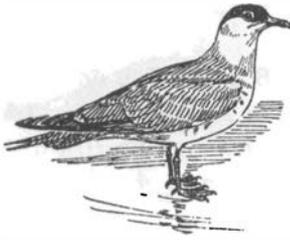
** В наши дни большой поморник гнездится еще на Шпицбергене, в некоторых*

местах у побережья Норвегии и совсем недавно проник на побережье Кольского полуострова, острова Вайгач и Новая Земля.

*Большой поморник
(Stercorarius skua)*

*местах у побережья
Норвегии и совсем
недавно проник на
побережье Кольского
полуострова, остро-
ва Вайгач и Новая
Земля.*

**Семейство
поморниковые**

решается сам добыть себе пищу, бросается в воду за рыбами, бега-ет по берегу и подбирает то, что выброшено волнами, или ищет в земле червей и насекомых. Но как только он издали увидит дру-гую плотоядную морскую птицу, то спешит к ней, наблюдает и терпеливо ожидает, чтобы она поймала добычу. Тогда бросается на нее, как хищная птица на летящую дичь, и преследует с такой силою и ловкостью, с такою смелостью и наглостью, что бедная жертва поневоле принуждена выплюнуть только что пойманное животное.

Часто случается, что поморник схватывает и саму птицу. Граба видал, как поморник одним ударом раскроил череп тупику, а дру-гие наблюдатели замечали, что он убивал чаек и олушей, разрывал их на части и по кускам проглатывал. Мертвые и больные птицы, которые плавают по морю, постоянно делаются добычей поморни-ка; здоровые же птицы потому избегают той же участи, что при появлении поморника тотчас же ныряют в воду. На птичьих горах он немилосердно грабит гнезда живущих там птиц и таскает зах-ваченные яйца и птенцов своим собственным детенышам. «Как только это хищник приближается к гнездовью, — пишет Науман, — то тысячи птиц начинают издавать жалобные крики, но ни одна из них однако не осмеливается серьезно защищаться от поморника. Он схватывает первого попавшегося птенца, который страшно кор-читя в клюве хищника, и несчастная мать летит некоторое время за поморником, жалобно кричит, но помочь своему несчастному птенцу не может. Отлетев на некоторое расстояние, поморник спус-кается на воду, убивает свою добычу и проглатывает ее, а затем летит к своим птенцам, и отрыгивает только что проглоченную пищу». Таким образом поморник делается настоящим бичом для птиц, живущих на общих гнездовьях. При нападении он пользует-ся, говорят, только своим клювом, но, вероятно, и острые когти при этом играют некоторую роль.

В середине мая парочки поморников отправляются на гнез-довья, расположенные на плоских возвышенностях или на скло-нах гор, покрытых травой и мхом; здесь птицы устраивают себе гнездо, часто вертясь на одном месте и образуя таким образом небольшое углубление, а в первых числах июня кладут по два грязно-зеленых яйца с бурыми пятнами, которые имеют около 70 мм длины и 50 мм ширины. На гнездовье, которое посетил Граба, жили около 50 пар. Никакая другая птица не устраивает своего гнезда около поморника, так как все боятся этого опасного соседства. Самка и самец насиживают поочередно в течение че-тырех недель. В начале июля в большинстве гнезд уже можно найти птенцов, покрытых серовато-бурым пушком. Если прибли-жается человек, то птенцы быстро покидают гнезда, спотыкаясь, бегут по земле и прячутся. Взрослые птицы поднимаются на воз-дух при приближении врага, страшно кричат и смело бросаются сверху на противника, причем не боятся ни людей, ни собак. Случается, что они при этом сильно ранят человека в голову, почему, по словам Граба, жители Фарерских островов иногда прикрепля-

ют к своей шапке острый ножик стоямя, на который птица и натывается при нападении. Чем ближе подходишь к гнезду, тем теснее кружатся родители над непрошеным гостем и наконец бросаются на него по наклонной линии, так что поневоле приходится нагибаться, чтобы не получить рану в голову. Птенцы сначала выкармливаются моллюсками, червями, яйцами, причем родители отрыгивают то, что у них находится в зобе; впоследствии птенцы получают куски мяса, рыб, молодых птичек, пеструшек и прочее, а когда они делаются более самостоятельными, то охотно едят ягоды, которые растут недалеко от их гнезда; кроме того, как я сам имел случай наблюдать, они постоянно хватают комаров, которые их мучат и летают вокруг. Молодые достигают полного роста в конце августа, некоторое время они носятся недалеко от гнезда, а в середине сентября улетают в открытое море.

Более известен **длиннохвостый поморник** (*Stercorarius longicaudus*)*. Он заметно меньше и стройнее большого поморника и, кроме того, отличается значительно удлинненными и острокопечными средними хвостовыми перьями. Оперение у него однообразное дымчато-бурое с белыми или желтовато-белыми пятнами на лбу и горле. Причем этот цвет не зависит ни от возраста, ни от пола. Глаза карие, клюв черный, восковица темная свинцово-серая, ноги синевато-черные. Длина, включая удлинненные хвостовые перья, равняется 60 см, а без хвостовых перьев — 50, размах крыльев — 100—110, длина крыла — 81, а хвоста — 18 см.

Длиннохвостого поморника можно считать за самый обыкновенный вид. Он водится в северных морях от Шпицбергена и Гренландии до средней Норвегии. Часто встречается в Исландии, на Фарерских и других островах, расположенных севернее Шотландии. Встречается на полуострове Лабрадор и острове Ньюфаундленд, а также в Беринговом и Охотском морях. Зимой он постоянно появляется на южных берегах Северного моря, а иногда залетает и внутрь материка. За исключением времени гнездования всегда живет на открытом море не только вблизи островов и шхер, но и, по-видимому, по целым неделям держится далеко от твердой земли.

Его походка, очень скорая, но не имеет в себе ничего особенного, при плавании поморник похож несмотря на темную окраску на маленьких чаек; при полете не только отличается от последних, но в известной степени и от своих родичей. Даже неопытный наблюдатель тотчас отличит длиннохвостого поморника от всякой другой известной ему птицы, когда только увидит его полет. Науман справедливо говорит, что его полет самый замечательный и разнообразный во всем птичьем царстве. Часто он летит некоторое время, как сокол: то медленно шевелит крыльями, то неподвижно парит на большом пространстве, затем опять качается с довольно прямо вытянутым телом, так что издали его вполне можно смешать с луном. Но вдруг он начинает необыкновенно быстро трясти или махать крыльями, потом стремится в дугообразном направлении вниз, снова поднимается вверх, обра-

* В настоящее время этот вид носит название короткохвостого поморника, и все о чем говорится в данном очерке, относится именно к короткохвостому поморнику.

Семейство поморниковые

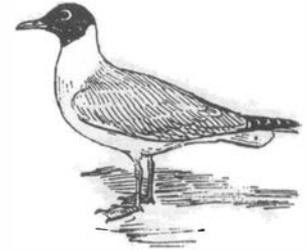

зую извивающуюся линию, состоящую из длинных и коротких дуг, падает с поразительной быстротой вниз, медленно взлетает снова вверх. Иногда кажется утомленным и вялым; иногда же в нем «как бы поселяется злой дух»: он вертится и поворачивается, бьется и трепещет, короче — производит быстро изменяющиеся и чрезвычайно разнообразные движения. Его крик звучит наподобие крика павлина, вроде «мау», громко и звонко; во время размножения слышны странные звуки, которые можно назвать даже пением, хотя они состоят из простых, но очень разнообразно оттененных слогов «ие-ие».

Его душевные свойства во многих отношениях согласуются с душевными свойствами большого поморника; длиннохвостый поморник так же смел, нахален, мужествен, завистлив, жаден и хищен, как и вышеназванный. Длиннохвостый поморник лишь одним, по-видимому, от него отличается, он любит общество других птиц своего вида. За исключением времени насиживания этих птиц часто видишь маленькими обществами. Но в период гнездования они, в противоположность другим родичам, живут парами уединенно, и каждая отдельная парочка населяет свой участок. Маленькие чайки так же боятся длиннохвостого поморника, как крупные морские птицы боятся большого поморника; поразительно, однако то, что кулики, бекасы, сизые чайки постоянно гнездятся на одном с ними болоте.

Как на Лофотенских островах, так и на тундрах Самоедского полуострова я по целым неделям из дня в день наблюдал длиннохвостых поморников и при этом заметил, что они в продолжение лета ночью так же деятельны, как и днем. Часто мне казалось, будто они по целым часам охотились за насекомыми; несмотря на то, я находил в желудке убитых мною лишь маленьких рыб и пеструшек. Я никогда не наблюдал, чтобы они разоряли гнезда, но они всегда преследовали сизых чаек и заставляли их уступать только что пойманную добычу. Крачки и глупыши еще больше чаек страдают от них. Отнятая добыча едва ли составляет главную часть пищи длиннохвостого поморника, потому что его часто видишь занятым на болоте или морском берегу: или охотящимся за пеструшками и добывающим всевозможных червей и ягоды, или подбирающим морских животных, выкинутых на берег волнами.

В середине мая длиннохвостый поморник появляется на твердой земле, а именно в тундре, чтобы насиживать яйца. На более обширном болоте можно встретить от 50 до 100 пар; каждая отдельная пара ограничивает себе известное пространство и защищает его от других птиц этого вида. Гнездо стоит на кочке в болоте и представляет простое, но хорошо выровненное углубление. Яйца, которые редко находишь раньше середины июня, немного напоминают яйца некоторых бекасов, имеют в поперечнике около 55 мм длины, 42 мм толщины, с мелкозернистой скор-

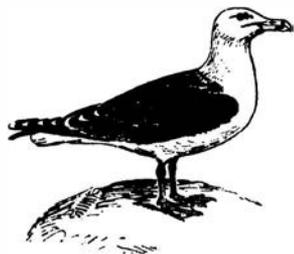
лупой, мало блестящие и покрытые по темному маслянистому буро-зеленому фону темно-серыми и темными черно-бурыми пятнами и точками, сетками и тонкими волосообразными черточками. Науман говорит, что длиннохвостый поморник никогда не кладет более двух яиц; я же, смею уверить, часто находил в гнезде по три яйца. Обе птицы насиживают попеременно и выказывают самое сильное беспокойство, когда человек приближается к гнезду, издали стремятся навстречу нарушителю покоя, летают вокруг него, бросаются на землю, стараются привлечь его внимание к себе, начинают притворяться, со странным шипением прыгают и порхают по земле, взлетают, когда к ним подойдут, но тотчас же снова принимаются за прежние проделки. Но они все-таки не так нахальны, как более крупные виды их семейства, по крайней мере, я никогда не наблюдал, чтобы хоть одна парочка длиннохвостых поморников показала себя более смелой, чем почти одинаковые с ними по величине сизые чайки. Но они преследуют со смертельной ненавистью хищных птиц и даже чеглока обращают в бегство.

Жители Норвегии не считают себя особенными друзьями длиннохвостого поморника, они все-таки оставляют его в покое, хотя лишь потому, что они не хотят, охотясь за ним, тревожить на гнездовьях других полезных птиц. Яйца его едят так же охотно, как яйца чаек; по вкусу они им не уступают. Только лапландцы охотятся за этой птицей ради мяса; они ставят удочки, на которые нацепляют кусок рыбы или птичьего мяса. Науман рассказывает, что один из его друзей подстрелил длиннохвостого поморника; птицы, к его великому изумлению, нападали на него или с безумной храбростью близко летали вокруг. Я никогда не наблюдал ничего подобного.

СЕМЕЙСТВО ЧАЙКОВЫЕ (Laridae)

Чайки могут быть довольно верно названы морскими воронами, так как очень похожи на этих птиц по своему образу жизни. Они имеют стройное, но плотное туловище и различную величину: мелкие виды — ростом с галку, а крупные достигают почти величины орла. Туловище у них довольно толстое, шея короткая, голова большая, клюв средней длины, с боков сильно сжат, до середины прямой, а на конце образует отлогий крючок, нижняя челюсть на конце ребристая, обе челюсти с острыми краями, и рот открывается почти до глаз. Ноги средней величины с тонкими плюснами, почти всегда четырехпалые и с перепонками между передними пальцами. Крылья широкие и длинные, но с острыми кончиками, первое маховое перо длиннее всех остальных. Хвост средней длины, широкий и на конце прямо обрезанный, только изредка с небольшой выемкой или с несколько уд-

Семейство чайковые

линенной серединой; он состоит из 12 перьев. Кроющие перья на всем теле очень густые, а на груди и брюшке даже похожи на мех, очень мягкий и нежный. Окраска оперения большей частью светлая и приятная и вообще довольно однообразная, но различная по временам года и возрастам.

Чайки распространены по всем частям света и живут на всех морях. Только немногие виды далеко отлетают от земли, и если это случается, то скоро возвращаются обратно, так что их по справедливости можно назвать береговыми птицами. Для моряков они служат вернейшими предвестниками земли, если они кружатся около корабля, то земля недалеко. Еще чаще, чем в открытое море, залетают они во внутренность материка, следуя течению больших рек и перелетая от одного водного пространства на другое. Некоторые виды, впрочем, предпочитают пресные воды и живут там, по крайней мере, перед гнездованием и во время его. Многие виды принадлежат к перелетным птицам, появляются на своей северной родине весной, там высиживают птенцов, а поздно осенью улетают на юг; другие виды кочуют. Перемещения эти имеют тесную связь с питанием птиц. Для всех чаек, без исключения, рыбы составляют самую любимую пищу. Но многие усердно гонятся и за насекомыми, и именно эти-то чайки и принадлежат к числу перелетных, так как недостаток пищи принуждает их странствовать, между тем чайки, которые живут около моря, весь год находят себе корм, если только море зимой не замерзает. Кроме рыб и насекомых, они едят и всяких других мелких морских животных, а также различные животные вещества. Они, как грифы, охотно питаются падалью, как хищные птицы, гонятся за живой добычей, отыскивают себе корм на берегу, как голуби и куры. Одним словом, выказывают такое же разнообразие приемов при отыскывании пищи, как вороны, но еще жаднее и прожорливее их; они, по-видимому, всегда страшно голодны и потому кажутся ненасытными.

Внешний вид и окраска чаек привлекательны, движения их изящны, и образ жизни очень интересен. Осанка их на земле красивая и гордая, ходят они довольно скоро. Плавают лучше большинства других птиц этого отряда: точно клочья пены носятся по волнам, ярко выделяясь своей белизной от цвета воды, так что служат лучшим украшением для моря. При полете они нечасто и довольно медленно машут крыльями, но нередко и парят, точно ширококрылые соколы, продолжительно, легко и изящно; одним словом, все движения их по воздуху производятся легко, как бы играя. В нырянии чайки уступают крачкам, но все же так сильно кидаются в воду, что их легкое тело проникает на полметра ниже поверхности воды. Голос у них неприятный и состоит из сильных и слабых громких каркающих и трескучих звуков, которые издаются часто, если только у птицы замечается какое-либо возбуждение. Из внешних чувств, очевидно, более всех развиты зрение и слух; осязание также довольно хорошо развито; чайки выказывают присутствие вкуса тем, что очень разборчивы в пище, когда ее много, а об обонянии достоверного ничего сказать нельзя.

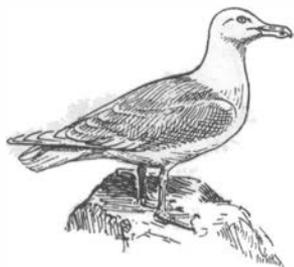

Чайки умные и понятливые птицы, которые замечают все, что вокруг них делается, и умеют приспособливаться к различным условиям; они мужественно вступают в бой с другими животными и выказывают много самоуверенности. Птицы одной пары очень привязаны друг к другу и нежно любят свое потомство; любят они и общество себе подобных, но все-таки завистливы, недоверчивы и недружелюбны относительно других птиц, и потому самая тесная дружба прекращается, когда дело дойдет до дележа корма. К людям они относятся недоверчиво всегда и везде, однако беспрестанно появляются по близости людских жилищ, посещают каждую гавань и каждую прибрежную деревню, кружатся около кораблей, которые уходят в море или приближаются к земле. Это делается осторожно, но постоянно, так как птицы знают, что вблизи людей всегда находятся отбросы, которыми они могут воспользоваться. Чем-нибудь обиженная или раненая чайка дает знать о своем горе другим птицам; между ними замечается полное единодушие, когда дело идет о том, чтобы сообща встретить какую-либо опасность или противостоять общему врагу. Хищные птицы, ворон и ворона преследуются всеми чайками, находящимися по соседству, и большей частью объединенными усилиями бывают обращены в бегство.

В обыкновенное время взрослые чайки иногда встречаются и поодиночке, но во время гнездования все виды образуют общества, которые иногда возрастают до несметной толпы. Гнезда устраиваются различно, смотря по местности: там, где нет недостатка в строительном материале, они выстилаются высохшими водорослями и лишаями, там же, где нельзя найти этих веществ, гнездо устраивается без всякой подстилки. Кладка состоит из 2—4 больших яиц правильной формы; скорлупа у них грубая, толстая, обыкновенно грязного зеленовато-бурого цвета с пепельно-серыми и темно-бурыми пятнами; яйца насиживаются по очереди и самкой, и самцом в течение 3—4 недель, причем в холодную погоду птицы сидят усерднее, чем в теплую. Они выказывают необычайную привязанность к своему потомству и подвергают себя всякой опасности, когда детенышам угрожают. Птенцы вылупляются из яиц в густом пятнистом пушке и оставляют гнездо там, где это возможно, уже в первые дни после появления на свет; в случае нужды они прячутся в углублениях почвы и даже спасаются в воде. Сначала родители кормят птенцов отрыгнутой полупереваренной пищей, впоследствии они получают только что пойманных животных и другие вещества. После вылета из гнезда птенцы еще некоторое время остаются с родителями, а затем покидают гнездовья и рассеиваются во все стороны.

На дальнем севере чаек причисляют не только к самым красивым, но и к самым полезным птицам, о них в некотором отношении заботятся точно так, как о других животных, появляющихся на так называемых птичьих горах. Яйца чаек считаются доходной статьей у многих норвежских землевладельцев, их охотно едят местные жители, а также пересылают их в другие

Семейство чайковые

страны, причем за них платят недешево; перья чаек заменяют у бедных жителей севера гагачий и гусиный пух, которыми богатые набивают свои подушки и перины. Мясо взрослых чаек считают съедобным только некоторые северные племена; птенцы же употребляются в пищу жителями Исландии и других мест, и представляют действительно съедобное кушанье, если хорошо приготовлены; однако яйца и перья всегда ценятся выше мяса. В некоторых странах ежегодно устраиваются большие охоты на чаек, но больше для кровожадного удовольствия, чем для того, чтобы пользоваться птицами. Чаек ловят различным образом: ставят силки на песчаные отмели, кладут рыбу на разложенные сети, устраивают удочки с какой-нибудь наживой, и всеми эти средствами большей частью достигают своей цели.

Одна из самых крупных чаек — **бургомистр** (*Larus hyperboreus*). Нижние шейные перья и спина нежного голубовато-серого цвета. Большие маховые перья, которые при сложенных крыльях лишь немного выступают над хвостом, светлые голубовато-серые; все остальные части тела белые. Глаза соломенно-желтого цвета, клюв лимонно-желтый, нижняя половина клюва над выступающим наружным концом украшена красным продольным пятном; ноги бледно-желтые. Зимнее оперение на шее покрыто тусклыми буроватыми пятнами. Юношеское оперение покрыто по грязно-белому фону серыми или серо-бурыми полосами, волнами и пятнами; большие маховые перья светлые, буровато-серые. Длина тела около 75 см, размах крыльев 170, длина крыла 47, хвоста 22 см.

Родиной этих прекрасных птиц служит крайний север обоих полушарий; область странствования простирается до широты северной части Африки, большинство птиц, однако, уже зимует в Исландии и в северной Скандинавии или вообще не покидает родины.

Гораздо далее распространена и потому более известна **обыкновенная, или озерная чайка** (*Larus ridibundus*). Верхняя часть головы и передняя часть шеи дымчато-темно-бурого цвета. Затылок, нижняя часть тела, хвост и маховые перья, кроме кончиков, белого цвета, верхняя часть спины голубовато-серая, кончики маховых перьев черные. Глаза темно-карие, ободок вокруг глаз красный, клюв и ноги сургучно-красного цвета. При зимнем оперении верхушка головы нечерная, нижняя часть шеи серая, и за ухом замечается темно-серое пятно. Клюв и ноги бледнее, чем весной. При юношеском оперении верхняя часть тела буроватая. Длина тела 42 см, размах крыльев 94, длина крыла 31, хвоста 13 см.

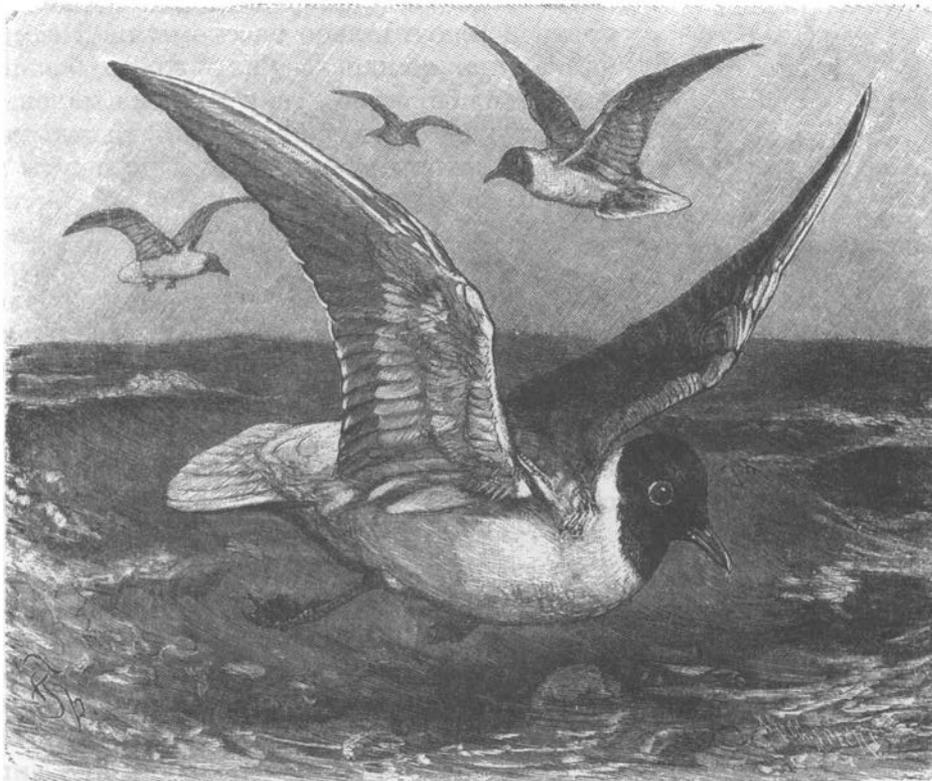
Озерная чайка часто появляется только около 60 градусов северной широты* и гнездится до 30 градусов северной широты. Она обыкновенна на всех пресных водах Европы, Азии и Америки.

В прежние времена озерная чайка довольно часто встречалась на озерах и прудах Германии; в настоящее время она вытеснена из многих стран постоянно увеличивающейся обработкой земли, но все еще посещает их во время своего перелета. В южной

* В настоящее время озерная чайка распространена к северу до 65 градусов северной широты.

Европе она остается из года в год; среднюю Европу покидает в октябре и ноябре, чтобы провести зиму в странах, расположенных у Средиземного моря. Ко времени таяния снегов она возвращается обратно, в благоприятные годы уже в марте или в первые дни апреля. Более взрослые птицы еще на зимних местообитаниях соединяются в пары и прилетают вместе на гнездовье; молодые, по-видимому, соединяются в местах гнездования здесь, а те, которые еще неспособны к насиживанию, бродят по стране. Море они посещают лишь в продолжение зимы, так как очень редко случается, чтобы они насиживали на островах вблизи материка. Пресные воды, окруженные полями, составляют их любимое местопребывание.

Их движения в высшей степени грациозны, быстры и легки. Они ходят скоро и продолжительно, часто по целым часам следуют за пахарем или ловят насекомых на лугах и полях, плавают чрезвычайно красиво, хотя не вполне быстро, и летают спокойно, быстро, ловко, несколько медленно, однако без видимого напряжения, с разнообразными поворотами в воздухе. Эту чайку можно назвать осторожной и немного недоверчивой птицей; несмотря на это, она охотно селится

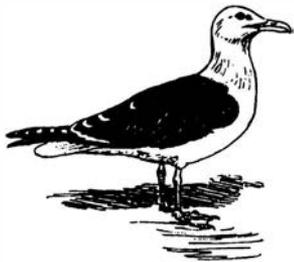

вблизи людей, удостоверяется в своей безопасности и соответственно этому ведет себя. Во всех местностях, расположенных вблизи вод, где находятся гнездовья, чайку привыкли считать за полудомашнюю птицу; она беззаботно бродит даже между людьми, так как знает, что никто не причинит ей вреда; но она очень обижается на всякий нанесенный ей вред и не так легко забывает причиненное зло.

Со своими родичами чайки живут в большом согласии, хотя зависть и обжорство составляют господствующие черты их нрава; с другими птицами, напротив того, они неохотно вступают в сношение, поэтому, насколько возможно, стараются избегать общества, и объединенными силами нападают на тех, кто к ним

*Обыкновенная, или
озерная, чайка
(Larus ridibundus)*

Семейство чайковые

приближается. Там, где озерные чайки вместе с другими видами населяют один и тот же остров, они яростно нападают на родичей, которые приближаются к их владениям, но и другие чайки встречают озерных чаек подобным образом. Хищные птицы, вороны, цапли, аисты, утки и тому подобные обитатели вод в их глазах считаются также врагами. Голос этих чаек до того неблагозвучен, что вполне объясняет данное им прозвище — «вороны». Каркающее «криэ» составляет призывный зов; обыкновенный голос раздается как «кек» или «шерр»; гнев выражается скрипящим «керрекекек» или хриплым «гирр», за которым следует «криэ».

Главную пищу обыкновенной чайки составляют насекомые и маленькие рыбы; однако она не пренебрегает мышами, а также не оставляет без внимания и падаль. Она выкармливает птенцов почти исключительно насекомыми. Несмотря на свою слабость, чайка отважно нападает на довольно больших животных, и ловко разрывает большие куски мяса на маленькие кусочки. Она охотится в продолжение целого дня, то отдыхая, то летая. С внутренних вод летит на поля и луга, по целым часам следует за пахарем, чтобы собрать личинок майских жуков, несется близко над травой или над водой, чтобы поймать насекомых или рыб; возвращается к воде, чтобы напиться и выкупаться, переваривает довольно скоро пищу и снова начинает охоту. При отлете и прилете старается придерживаться известных путей.

В конце апреля начинается насиживание, но только после того, как каждая пара с боем и криками избрала себе место гнездования. Озерная чайка никогда не насиживает одиноко, редко в небольшом обществе, а чаще всего очень большими стаями, состоящими из сотен и тысяч птиц, которые на маленьком пространстве как можно ближе теснятся друг к другу. Гнезда лежат на низких кустах камыша или рогоза, окруженных мелкой водой или болотом, или на кучах сухого тростника, иногда и на болоте между травой; и, разумеется, лежат на недоступных местах. Постройка гнезда начинается тем, что отдельные пучки камыша и травы пригибаются вниз, затем приносятся камыш, тростник, солома, ими выстилается углубление. В начале мая каждое гнездо содержит 4—5* относительно больших яиц, имеющих в поперечнике 55 мм в длину и 36 мм в поперечнике, украшенных по бледно-маслянисто-зеленому полю красновато-пепельно-серыми и темно-буро-серыми пятнами, крапинами и точками; форма, окраска и рисунок бывают очень разнообразны. Оба пола насиживают попеременно, однако только в продолжение ночи не покидают гнезда, так как солнечную теплоту полуденных часов считают вполне достаточной для нагревания яиц. После 18 дней насиживания** птенцы вылупляются; они оперяются через 3—4 недели. Там, где гнезда окружены водой, в первые дни жизни птенцы их не покидают; на маленьких же островах, напротив того, они охотно из него выбегают и весело снуют по твердой земле. Когда им исполнится неделя, они уже спускаются на воду; на второй неделе начинают порхать вокруг, на третьей становятся довольно са-

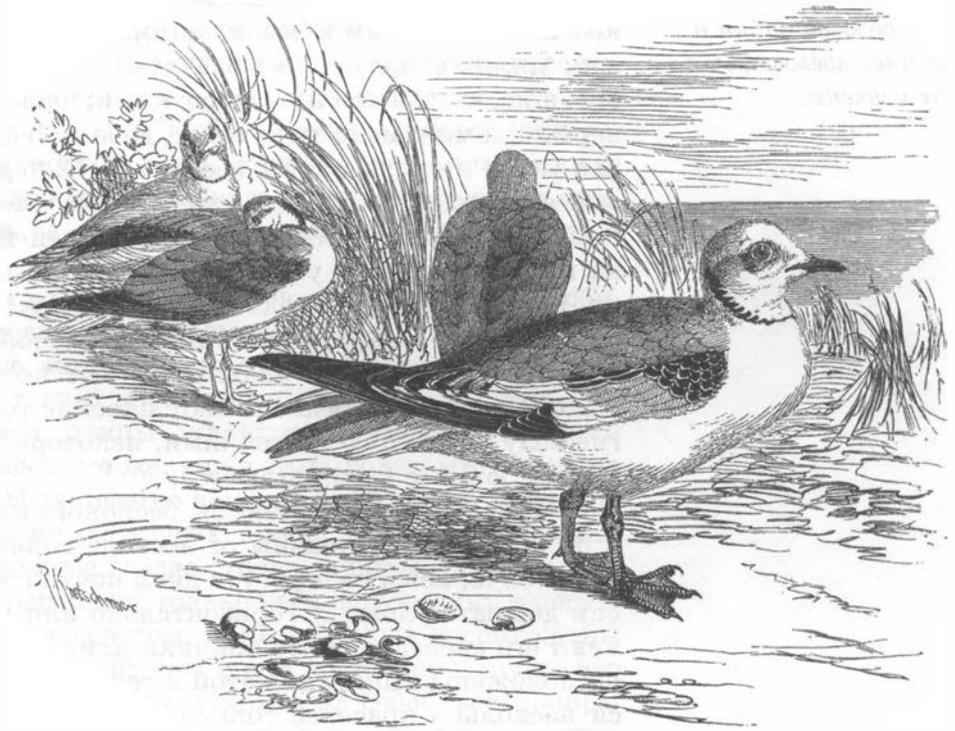
* Здесь явно вкралась ошибка. У озерной чайки, как и у большинства других чаек, в кладке обычно 3 яйца. Четыре яйца встречаются исключительно редко, гораздо чаще попадают гнезда с одним или двумя яйцами.

** На самом деле период насиживания озерной чайки составляет 23—26 дней.

мостоятельными. Их родители в высшей степени заботятся о птенцах и непрерывно за них опасаются. Каждая хищная птица, которая покажется вдали, каждая ворона или цапля тревожит их. В гнездовье поднимается невозможный крик, даже насиживающие птицы покидают свои гнезда, густая туча поднимается вверх; все устремляется на врага и прилагают все усилия, чтобы его прогнать. Они с бешенством устремляются на собаку или лисицу, тесно кружатся около приближающегося человека и очень радуются, когда враг отступает. Лишь мало-помалу снова наступает некоторое спокойствие и сравнительная тишина.

В северной Германии есть обыкновение отправляться в определенные дни на охоту за безвредными чайками; против них открывается опустошительная война, которая стоит жизни многим сотням птиц, но зато и некоторые из участников побоища также получают заряд дроби. Бесплезное кровопролитие, которое под названием «охота за чайками» считается народным праздником, напоминает жестокие игры южных европейцев и ни в каком случае не имеет прощенья. Озерные чайки принадлежат не к вредным, как прежде думали, а к полезным птицам, которые пока живут, приносят пользу нашим полям. Да, они ловят небольших рыбок, но это не имеет никакого значения перед огромным числом уничтоженных ими насекомых; следовательно, чаек нужно щадить даже тем людям, которые не обращают внимания на то, что эти птицы в значительной степени украшают наши пустынные озера.

Розовая чайка (*Larus rosea*). Она отличается своим клинообразным хвостом, средние перья которого длиннее других на 2 см. На тонком клюве едва заметен угловатый выступ нижней челюсти; плюсна довольно длинная, четырехпалые лапы средней величины. Цвет оперения нежнее и красивее, чем у всех остальных чаек; спина жемчужная или серебристо-серая, нижняя часть шеи, грудь и брюшко бледно-розовые, на середине шеи узкое черное ожерелье, наружное опахало первого махового пера черное,

Розовая чайка
(*Larus rosea*)

** Места гнездования розовой чайки — тундры Сибири от восточного Таймыра до дельты Колымы. Образ жизни этого вида в период размножения хорошо изучен. Особенности биологии розовой чайки в зимнее время почти не изучены.*

все остальные перья белые. Веки и внутренность рта желтовато-красные, клюв черный, ноги карминно-красные. Длина тела 37 см, крыла 22, хвоста 14 см.

Розовая чайка была открыта в 1832 году Россом на островах Ледовитого океана в Северной Америке; однажды, именно 5 февраля 1858 года, ее убили на острове Гельголанд в Северном море. Образ жизни ее еще неизвестен*.

СЕМЕЙСТВО КРАЧКОВЫЕ (Sternidae)

Крачки могут считаться самыми лучшими летунами и нырками из всего семейства. Эта средней величины или маленькая птица, со стройным туловищем и твердым, прямым или по спинке слегка согнутым клювом, который бывает одной длины с головой; нижняя челюсть клюва также немного согнута. Ноги небольшие, четырехпалые с короткими, часто глубоко вырезанными перепонками и мало загнутыми, довольно острыми когтями. Крылья узкие и острые, хвост состоит из 12 перьев и всегда более или менее вилообразный. Оперение мягкое, плотно прилегающее, и в нем преобладают светло-серый, черный и белый цвета. Окраска мало отличается у самца и самки, но довольно сильно изменяется по временам года и по возрасту.

Крачки живут во всех поясах земного шара, держатся около моря или пресной воды и кочуют по берегам морей и рек. Некоторые виды предпочитают плоские голые берега моря, другие воду, заросшую растениями, некоторые населяют по преимуществу южные береговые леса.

Все крачки отличаются беспокойным подвижным нравом и непрерывно деятельны от восхода солнца до его заката. Проводят ночь, лежа на берегу, а днем почти постоянно летают. Сидя, они держат туловище горизонтально или даже несколько наклоняют его вперед, так что кончики длинных саблевидных крыльев расположены выше прижатой к телу головы, поэтому они кажутся несколько красивее только тогда, когда сидят на возвышенных предметах: камнях, кольях и т.п. Ходят они, семеня ножками, и таким образом передвигаются лишь на небольшие расстояния; вследствие своей легкости они держатся на поверхности воды, как пробки, но не в состоянии плыть против волн, зато при полете выказывают замечательную ловкость. Когда они не торопятся, то тихо двигают крыльями, низко опуская их при каждом ударе, и тихо подвигаются вперед волнообразными линиями. В иных случаях они начинают скоро двигать крыльями и тогда несутся по воздуху с быстротою стрелы. Чаще всего их видишь низко летящими над водой, причем они то поднимаются, то опускаются по наклонной линии с сильно прижатыми крыльями, и так глубоко ныряют в волнах, что почти все туловище погружают в воду. Затем они снова вылетают, потряхивают крыльями, что-

бы сбросить с них капли, и снова носятся над водой. Из внешних чувств наиболее развиты зрение и слух. Наблюдения над их нравом показали, что они очень осторожны и пугливы, и почти не могут обойтись без общества себе подобных. Но завистливо относятся к удачной добыче своих товарищей, почему быстро подлетают к птице, как только видят, что она ныряет в воду, причем часто ошибаются и приближаются даже ко всякому светлomu предмету, который падает в воду. Из этого видно, что все их стремления направлены к добыванию корма, а обо всем остальном они заботятся лишь настолько, насколько предмет или явление может помочь или повредить добыванию пищи. Самец и самка очень дружно живут между собой и нежно любят свое потомство, так что, несмотря на свою обычную осторожность, подвергаются явной опасности, если дело идет о спасении яиц или птенцов.

Главную пищу крачек составляют рыбы и насекомые; крупные виды едят, однако, маленьких млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и гадов, а мелкие виды — различных червей и других небольших морских животных. Чтобы схватить добычу, они летают близко над поверхностью воды, зорко глядят вниз и, когда заметят животное, то опускаются, несколько секунд парят над ним, чтобы вернее схватить, а затем быстро погружаются в воду и берут клювом.

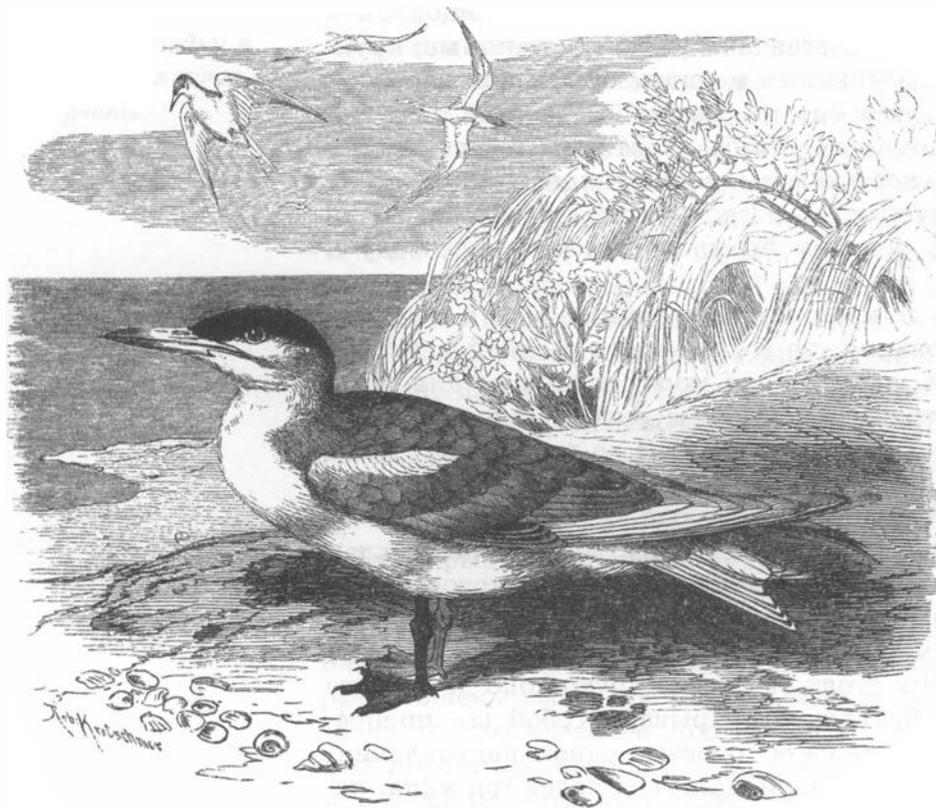
Несколько недель до кладки яиц крачки из года в год собираются на месте гнездования, по возможности в одной и той же местности. Те, которые живут около моря, выбирают для этого песчаные отмели и острова, коралловые рифы, мангровые или другие прибрежные леса; птицы, живущие во внутренней части материка, избирают подобные же, но не столь голые местности на берегах озер и болот. Обыкновенно каждый вид гнездится в большом количестве отдельно от других видов, иногда же каждая пара поодиночке. Настоящее гнездо строят те виды, которые живут в болотах, прочие вырывают только небольшую ямку в песке, которую нельзя назвать и гнездом. У иных гнезда расположены по отдельности, у других стоят так тесно друг около друга, что насиживающие птицы буквально покрывают собой все прибрежье. Они должны повернуть свои головы в одном направлении, чтобы не мешать одна другой. Большинство кладет три яйца, некоторые четыре, другие только два, а те немногие, которые гнездятся на деревьях, лишь одно. Самец и самка насиживают попеременно, но в жаркое время дня предоставляют одному солнцу нагревать яйца. Птенцы вылупляются через 2—3* недели и покрыты сначала пестрым пушком; они в первый же день уходят из гнезда и бегают, пожалуй, еще скорее взрослых по берегу, причем нежные родители присматривают, наблюдают за ними и заботливо кормят. Растут они довольно скоро, но вполне взрослыми их можно назвать только тогда, когда они в совершенстве выучатся летать и приобретут все привычки своих родителей; тогда взрослые вместе с молодыми оставляют гнездовье и странствуют по берегам морей и озер.

** Обычно период
инкубации крачек
длится 3—4 недели.*

Все четвероногие хищники, которые могут добраться до гнезд крачек, таскают у них яйца и птенцов, в чем им помогают вороны и крупные чайки, а быстрокрылые хищные птицы гоняются и за взрослыми крачками. Некоторые чайки преследуют и мучат крачек, чтобы принудить их выплюнуть только что схваченную добычу. Человек также им сильно вредит, похищая у них вкусные яйца, но самих птиц не трогает, не употребляет в дело ни перьев, ни мяса. Недоброжелательные люди высчитывают каждую рыбку, схваченную крачками, и потому называют их вредными. Но при этом забывают о большой пользе, которую приносят птицы, уничтожая многочисленных насекомых. Так что польза от истребления вредителей вполне вознаграждает вред от уничтожения рыбок. Виды, живущие около моря, не приносят нам решительно никакого вреда, а все прочие

радуют любителей природы своей красотой и проворством.

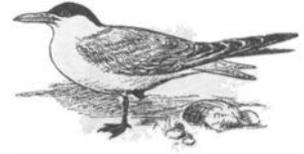
Первое место среди крачек занимает **чеграва** (*Hydroprogne caspia*). Ее называют и красноносой мартышкой. Она отличается большим сильным красным клювом, который длиннее головы, длинными саблевидными крыльями, хвостом с небольшою выемкой на конце и плотно прилегающим оперением. Верхняя часть головы черная, стороны шеи, нижняя часть тела и верх-

Чеграва
(*Hydroprogne caspia*)

няя часть спины блестяще-белого цвета, плечи светло-серовато-голубые; кончики маховых перьев темнее, а рулевых перьев светлее прочего оперения верхней части тела. Глаза карие, клюв кораллово-красный, ноги черные. В зимнем наряде голова имеет смешанное оперение, черное с белым, а у молодых птиц на спине замечаются поперечные бурые пятна. Длина птицы 52 см, размах крыльев 130, длина крыла 42, а хвоста 15 см.

Настоящей родиной чегравы следует считать Среднюю Азию и юг Европы, но она, в виде исключения, гнездится в Померании и в некоторых местах голландского и французского морского побережья. Зимой показывается на южных берегах Средиземного

моря и на озерах Нижнего Египта, а также на северных берегах Красного моря и Индийского океана, причем, следуя течению рек, залетает и во внутренние области Африки и Индии. Я ее часто видал в Судане; во внутренних частях западной Индии она, по словам Жердона, является постоянным зимним гостем; встречали ее и на западном берегу Африки.

Ее чаще всего можно видеть летящей на высоте около 15 м над поверхностью воды с опущенной вниз головой, на которой очень заметен блестящий красный клюв; она тихо машет огромными крыльями и время от времени падает в воду. Для отдыха птицы эти собираются на песчаных берегах и сидят здесь обществами рядышком, причем все головы обращены к воде. Общество крачек даже издали легко отличить от стаи чаек, так как они сидят, не двигаясь, между тем как чайки бегают по берегу. На морях и больших озерах чеграва, ловящая добычу, на несколько минут опускается на воду, но при этом обыкновенно держится на одном месте, не подвигаясь вперед, и скоро снова поднимается на воздух. Голос ее громче, грубее и резче, чем у других видов, но состоит почти из таких же звуков, очень неприятного «криэ» или «крэик».

Она сторонится человека, так как очень осторожна и пуглива.

Чегравы, по-видимому, менее общительны, чем другие крачки; хотя во время гнездования они живут стаями, но после этого времени охотятся сами по себе и соединяются только на местах отдыха. У них, по-видимому, сильно развита жадность и зависть, кроме того, они отличаются смелостью и драчливостью.

Главную пищу чегравы составляют рыбы. Она хватает и проглатывает довольно больших рыб, но при случае нападает и на береговых, и водных, особенно тогда, когда они плавают, и съедает их с таким же аппетитом, с каким маленькие виды крачек глотают насекомых. В Индии чеграва усердно охотится, по словам Жердона, за раками, хотя и здесь в большинстве случаев занимается рыболовством. Шиллинг первый заподозрил ее в похищении яиц тех птиц, которые гнездятся на берегах, так как он замечал, что чайки и другие крачки взлетали с страшным криком, когда приближалась чеграва, яростно на нее нападали и старались прогнать, между тем она спокойно пролетала мимо и, по-видимому, вовсе не обращала внимания на преследование; другие наблюдатели подтвердили это.

Едва ли можно предположить, что соколы нападают на чеграв, так как эти последние отлично умеют защищаться своими сильными клювами, наносят им очень чувствительные удары и часто опасны даже охотникам, которые их ранили. Люди, впрочем, редко преследуют их, так как им нужны только их вкусные яйца. Эти яйца дают для владельца гнездовья очень хороший доход. Для неволи чеграва не годится, так как она сильно скучает, если не может летать, и очень неохотно питается мертвыми рыбами.

* Препрежнее название
этого вида — нильс-
кий ножеклюв.

СЕМЕЙСТВО ВОДЕРЕЗОВЫЕ (Rynchopidae)

Туловище у птиц этого семейства вытянуто, шея длинная, голова маленькая, крылья очень длинные, хвост средней длины и вилообразный. Нижняя челюсть клюва гораздо длиннее верхней, и обе с самого основания так сплющены с боков, что их можно сравнить с лезвиями ножниц. Ноги довольно длинные, но тонкие и слабые, между передними пальцами замечается сильно выемчатая перепонка; оперение состоит из длинных жирных перьев, которые тесно прилегают к телу.

Семейство это состоит, насколько известно, из трех видов, но распространено в тропических странах Азии, Африки и Америки.

На среднем и верхнем течении Нила я познакомился с **африканским водорезом** (*Rynchops flavirostris*)*. Лоб, передняя часть головы, хвост и нижняя сторона тела, как и кончики больших кроющих перьев на крыльях, белого цвета, верхняя часть головы, задняя часть шеи, затылок и верхние спинные перья черновато-бурые. Глаза темно-карие, клюв и ноги кораллово-красные. Длина птицы равняется 45 см, размах крыльев 110, длина крыла 34, а хвоста 7 см.

Хотя водорез летает хорошо и днем, но делает это лишь тогда, когда его испугнут. Обыкновенно он проводит день без движения на песчаных отмелях, причем или лежит, прижавшись брюхом к земле, или изредка стоит на своих коротких слабых ножках. В это время от него не слышно никакого звука и даже редко заметно какое-либо движение. Он оживает только при закате солнца, а в пасмурные дни уже в поздние послеобеденные часы; тогда он приподнимается и потягивается, расширяет крылья, начинает мелкими шагами похаживать взад и вперед и время от времени кричит; при наступлении ночи улетает искать пищу. Бесшумно летит он, изредка ударяя крыльями, над самой поверхностью воды, время от времени опускает нижнюю челюсть и ею бороздит воду, при этом схватывает плавающих на поверхности насекомых, которые, по крайней мере, на Ниле, образуют его главную пищу, хотя, вероятно, он не пренебрегает и маленькими рыбками. Полет его легкий и красивый, но тем своеобразен, что птица должна высоко поднимать крылья, чтобы их кончики не касались воды. Относительно длинная шея позволяет птице летать над поверхностью воды, тело его при этом выше воды всего на несколько сантиметров, между тем как большая часть нижней челюсти опущена в воду. Водорез плавает только в случае крайней нужды, например, когда раненный падает в воду. Если на одной отмели живет много водорезов, то некоторые улетают за добычей очень далеко, так как другие мешают им в этом занятии. В средней Африке они редко покидают реку, на которой живут, а охотятся на соседних прудах, образованных дождями. На востоке и западе этой части света они, точно так же как и их

американские родичи, посещает тихие морские заливы. Летящие птицы издают своеобразный жалобный крик, который едва ли можно передать слогами и который не похож на голос никакой другой птицы.

Около Донголы я нашел в мае гнездовье водореза. Меня привлекли на песчаный островок многие птицы, лежавшие, прижавшись брюхом к земле, а когда я подъехал к острову, то они стали так кружиться около меня, что нетрудно было догадаться, в чем дело. После непродолжительных поисков я, к моей великой радости, нашел готовые гнезда, состоящие из простых ямок в песке, но имевшие ту особенность, что от ямки во все стороны шли как бы лучи, состоящие из тонких, точно ножом нарезанных желобков; очевидно, что желобки эти были сделаны нижней челюстью водореза. Яйца, которые мы нашли и впоследствии бесспорно признали за яйца водореза, были очень похожи на яйца крачки; они относительно малы, около 42 мм длины и 26 мм ширины, правильной формы и имели скорлупу серовато-зеленую с желтоватым оттенком, на которой замечались светлые и темные, серовато-бурые и темно-бурые пятнышки и черточки. В каждом гнезде было от трех до пяти яиц. Насиживают оба пола или этим делом занимается одна самка, я узнать не мог; точно так же не мог собрать наблюдений и относительно образа жизни птенцов, но, вероятно, что о птенцах можно сказать то же, что говорит Жердон о детенышах другого вида, живущего в Индии. «Интересное зрелище представляет толпа этих птенчиков, которые в числе ста или более штук чрезвычайно быстро побежали перед нами и, достигнув конца отмели, пробовали даже спастись в воде, причем некоторые просто спрятались в песке. Но плавать они еще не умели, по крайней мере, очень глубоко опускались при этом в воду». У американского вида заметили, что рост птенцов продолжается очень долго.

Семейство ЧИСТИКОВЫЕ

ПОДОТРЯД ЧИСТИКОВЫЕ (Alcidae)

СЕМЕЙСТВО ЧИСТИКОВЫЕ (Alcidae)

К чистиковым причисляют очень похожих между собой, хорошо ныряющих морских птиц, которые распространены по северным морям. Отличительные признаки их следующие: сильное туловище, короткая шея, толстая голова, умеренно-длинный клюв разнообразной формы. Ноги средней высоты, по сторонам сжатые, трехпалые, снабженные большими плавательными перепонками, крылья короткие, узкие, в иных случаях малоразвитые, хвост короткий и оперение мягкое, большей частью двухцветное.

Все чистиковые принадлежат Северному Ледовитому океану и прилежащим к нему бухтам и проливам, распространяются

** Чистиковые птицы принадлежат не столько Северному Ледовитому, но преимущественно северным частям Тихого и Атлантического океанов. В Атлантике многие из них распространены до Британии во Франции и до Ньюфаундленда в Северной Америке, а тонкоклювая кайра гнездится даже на северном побережье Испании вплоть до 42 градусов северной широты. В Тихом океане большинство видов чистиковых птиц также гнездится значительно южнее Северного Полярного круга, проникая к югу вплоть до Японских островов и самого юга США. Отдельные виды достигают полуострова Калифорния в Мексике, совсем немного не доходя до Северного тропика.*

только местами южнее полярного круга*, хотя они во время своих зимних странствований ежегодно перелетают его. Это настоящие морские птицы, которые собственно только в продолжение насиживания живут на земле, в остальное время все свои дела справляют над водою или в воде. Они плавают и ныряют чрезвычайно искусно, летают хорошо, ходят, правда, неохотно, однако довольно скоро, хотя большей частью скользят на ступнях, а не опираются на пальцы. Рыбы и раки, которые достаются с довольно значительной глубины, составляют их исключительную пищу. Все живут и охотно ловят рыбу вместе. На время насиживания соединяются в большие или меньшие стаи; некоторые виды соединяются в такие общества, которые насчитывают до ста тысяч пар. Чистиковые, в особенности гагарки, считаются жителями севера в высшей степени полезными птицами. Один вид вместе с тюленями составляет главное средство пропитания жителей большей части поселений южной Гренландии. Эти птицы по целым неделям и месяцам составляют главное, иногда исключительное кушанье тех людей.

Тупик (*Fratercula arctica*) может считаться одной из самых удивительных морских птиц. Эта птица средней величины, с короткой шеей, толстой головой и очень странно устроенным клювом. Если посмотреть на него сбоку, то он имеет треугольную форму, у основания шире, чем у лба и подбородка, необыкновенно сильно сжат с боков, окружен сзади рубцом из толстой кожи, который огибает углы рта; спереди на клюве замечаются несколько бороздок, кончик его не особенно острый, но с сильно режущим концом; ноги трехпалые с большими плавательными перепонками и очень длинными, на бок повернутыми когтями. Крылья небольшие, узкие с округленными короткими концами, шестнадцатиперый хвост очень короткий. На глазах замечательны голые веки, на нижнем крае которых замечается хрящеватый, удлиненный, горизонтальный отросток, а наверху треугольный вертикальный отросток. Верхняя часть головы, ожерелье и верхняя часть спины черные, щеки и горло пепельно-серые, нижние части тела белые, а бока серые или черноватые. Глаза темно-карие, ободок кругом глаза кораллово-красный, нижняя часть пальцев пепельно-серая, клюв на конце бледно-кораллово-красный, в бороздках еще бледнее, а у основания голубовато-серый; угол рта оранжево-желтый, ноги красные. Молодые птицы отличаются более низким клювом и менее ярким цветом оперения. Длина тела равняется 31 см, размах крыльев 62, длина крыла 17, а хвоста 6 см.

Тупик живет в Ледовитом океане, в северной части Атлантического океана до 80 градусов северной широты. Он встречается на европейских, азиатских и американских берегах, на севере Тихого океана заменяется другим сходным видом. В Ледовитом океане он живет в несметном количестве, занимая летом своими

гнездами все удобные места, причем на одной скале находят сотни тысяч и миллионы птиц*.

В южной Гренландии он не многочисленен, а дальше на север встречается в большом количестве**. На европейских берегах Ледовитого океана эти птицы самые многочисленные обитатели так называемых птичьих гор. К перелетным птицам тупика причислить нельзя, хотя зимой он часто показывается в более южных странах; строго говоря, он только перекочевывает от своих гнездовых в открытое море и оттуда снова к птичьим горам.

Во время моего путешествия в Лапландию я встретил или, по крайней мере, заметил тупика только на Лофотенских островах. Первое, что меня поразило в этой птице, это ее необыкновенно странный полет над самыми волнами, причем казалось, что она не летит над водой, а скользит по поверхности ее. Тупик при этом употребляет в дело не только крылья, но и ноги, быстро подвигается от одной волны к другой, так что похож на рыбу, которая наполовину плавает, наполовину летает. При этом он бьет крыльями и ногами по воде, плотно прилегает к каждой волне, описывает одну дугу за другой и таким образом подвигается вперед довольно быстро, но с заметным напряжением сил. Клюв при этом постоянно прорезывает воду, так что полет тупика сильно напоминает полет водореза. Поднявшись с воды, он летит по прямому направлению, быстро махая крыльями и так скоро, что охотнику трудно догнать его выстрелом. В плавании, вероятно, не уступает ни одному из своих родичей. Он свободно плавает по поверхности воды и, когда нужно, ныряет без видимого напряжения и, не производя ни малейшего шума, остается под водой до трех минут и, говорят, достигает до 60 м глубины. По твердой земле он ходит мелкими шажками и переваливаясь, но замечательно скоро, легко поднимается на воздух, прямо с места. Свободно падает с высоты на твердую землю; сидя, он почти всегда опирается на всю ступню и хвост или ложится прямо на брюхо. Даже в спокойном состоянии он, точно так, как его родичи, беспрестанно двигает головой направо и налево, как будто что-либо ищет или к чему-нибудь присматривается. Голос его похож на трещание других родственных птиц, но отличается очень низким тоном.

Я долгое время, так сказать, жил с тупиками, внимательно изучал птиц на гнездовых и, должен признаться, что изучение их образа жизни доставило мне много удовольствия. Из всех птиц этого семейства я считаю тупика самой веселой и умной птицей. Его, конечно, можно, как думает Фабер, считать глупым и скучным, когда видишь, как он спокойно сидит перед своим гнездом. Но мнение об этой птице совершенно меняется, когда наблюдаешь ее в родной стихии, где она может показать все свои способности. Тупик и на воде не выказывает осторожности, в обыкновенном смысле этого слова, по той простой причине, что на его родине ни одному человеку не придет в голову на него нападать с

Семейство чистиковые

* Это, несомненно, преувеличение. Колонии тупиков никогда не достигают таких размеров. Обычно численность колоний от нескольких тысяч до немногих десятков тысяч птиц, лишь отдельные поселения тупиков достигали 100 000 и более особей. В наши дни вся европейская популяция этого вида составляет 5—6 млн птиц.

** Данные сведения Брема основаны на опросах, и потому они не объективны. В Гренландии тупик — немногочисленный вид, наиболее обычен он в Исландии и на других островах Атлантического океана в бореальных широтах.

Семейство ЧИСТИКОВЫЕ

лодки. Однако он делается осторожным, если замечает, что его преследуют, а под конец, как я сам, к своему удивлению, заметил, птица эта делается необыкновенно пугливой. По отношению к птицам своего вида он выказывает общительность и миролюбие. В случае нужды тупик умеет очень искусно и успешно воспользоваться острым клювом, ему приходится чаще других птиц употреблять его в дело, так как должен защищать свою нору от посещающих ее животных. Все тупики, которых я вынимал из их нор, очень сильно клевались.

Пища его состоит из мелких ракообразных и маленьких рыб; последние служат кормом для птенцов. Говорят, что на гнездовых он ест также зеленые части растений, например листья ложечной травы; но собственных наблюдений я относительно этого привести не могу*.

Так как тупик везде гнездится вместе с кайрами и гагарками и, вероятно, нигде не образует отдельных гнездовых, то все, что можно сказать о насиживании яиц этими птицами, относится и к тупикам. В середине апреля или начале мая, смотря по тому, когда растает снег, тупики появляются на птичьих горах, и каждая пара отыскивает свою старую норку или вырывает новую. В этом отношении тупик отличается от кайр и гагарок, так как никогда не кладет яиц на открытом месте. Не все птицы роют норы, а используют щели скал и темные углы, и только нужда заставляет приняться их за тяжелую работу; так, по крайней мере, мне показалось. На посещенных мною маленьких островках очень много тупиков гнездились под большими камнями, а также в расселинах и трещинах круто спускающихся скал; но для огромного количества птиц, конечно, не хватало естественных углублений, и потому тонкий слой торфа, покрывающий скалы, был везде разрыт. Норы по ширине похожи на кроличьи, но редко делаются глубокими, а большей частью бывают такими короткими, что, заглянув в них, видишь сидящих птиц. Оба пола, кажется, в одинаковой степени работают при рытье нор. При этой работе они пользуются клювом и ногами, но как они копают, я сказать не могу, так как тотчас перестают, когда к ним приближаются**. Во время копания они до того запылены или, лучше сказать, замазаны торфянистой землей, что цвет их оперения едва заметен, но перед насиживанием они тщательно очищаются. Самка кладет только одно, относительно большое яйцо, около 70 мм длины и 45 мм толщины. Скорлупа крупнозернистая и не гладкая, цвет ее сначала чисто белый, но от торфяной земли он скоро делается желтоватым и даже буроватым. Обе птицы насиживают поочередно, но время насиживания я точно определить не мог, а только слышал, что оно продолжается около 5 недель***. Вылупившийся птенец покрыт длинным и густым пухом черного и светлосерого цвета. Детеныш, по-видимому, растет довольно медленно и остается более месяца в своей норе; затем, когда крылья у него

* Практически более 90% в диете тупиков составляет рыба. Остальные корма встречаются как примесь. О целенаправленном потреблении тупиками растений вопрос окончательно не решен. Многие орнитологи считают, что растительные корма попадают в их пищеварительный тракт вместе с рыбой.

** Тупики выкапывают норы с помощью клюва.

*** Эти сведения довольно точны. Установлено, что период насиживания у тупика составляет 35—42 дня.

вполне вырастут, он покидает гнездо и вместе с родителями летит на море. Оба родителя таскают ему издалека корм и в случае нужды самоотверженно защищают его сильными ударами клювов. Оба родителя одинаково нежно любят детеныша, и самец добровольно берет на себя все заботы воспитания, если самка случайно погибнет.

Владельцы птичьих гор отнимают у тупиков первое яйцо, если только смогут добраться до гнезда, но дают им высидеть второе, чтобы впоследствии схватить птенца, когда он уже вполне оперится; молодых птиц сейчас же едят или солят на зиму.

Во всех тех странах и морях, где живет тупик, встречается и гагарка (*Alca torda*). В брачном оперении верхние части тела и шеи черные, узкая полоска от клюва к глазу, каемка, образованная кончиками малых маховых перьев, грудь и брюшко — белые. В зимнем оперении белый цвет появляется на верхней части шеи и по сторонам головы; у птенцов цвета перьев не такие ясные. Глаза темно-карие, клюв черный с черной поперечной полосой, ноги также черные. Длина тела 42 см, размах крыльев 70, длина крыла 21, а хвоста 9 см.

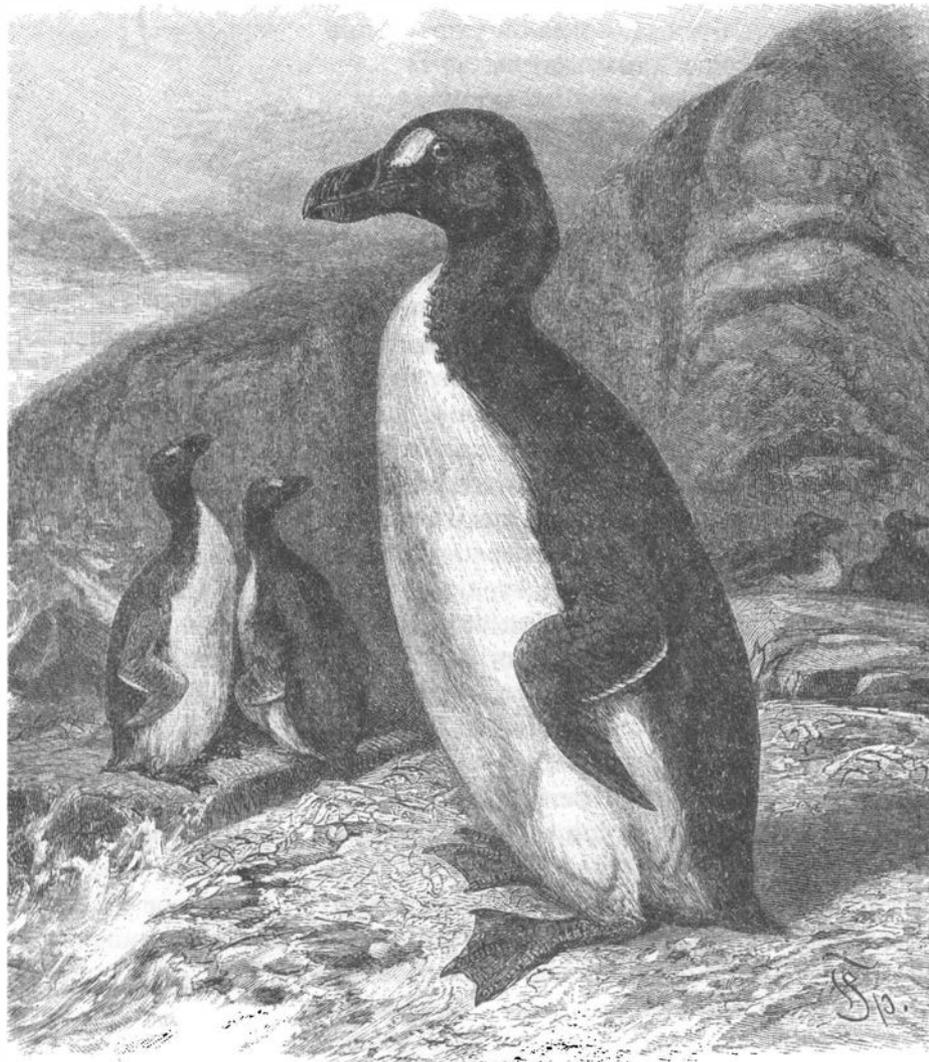
По образу жизни и привычкам гагарка так похожа на тупика, что почти все то, что сказано о первом, можно отнести и к последней. Гагарка вполне морская птица, круглый год встречается на тех же местах, что и тупик, однако охотно странствует из одной части моря в другую. Зимой часто посещает фьорды Норвегии, где летом ее никогда не видно; она появляется ежегодно на морских берегах Германии, Голландии и Франции, но в начале весны всегда возвращается на север для гнездования.

Еще в начале нашего столетия жила в большом количестве на далеком севере удивительная птица — **бескрылая гагарка** (*Pinguinus impennis*), которая теперь почти истреблена вследствие сильного преследования со стороны людей. Прежде исландцы и гренландцы питались ее мясом, ныне же шкура гагарки ценится чуть ли не на вес золота.

Кроме большого роста, птица отличается неразвитыми крыльями, в которых хотя и замечаются все маховые перья, встречающиеся у других птиц, но для летания они непригодны. Бескрылая гагарка ростом примерно с гуся, длиной около 90 см. О размахе крыльев не стоит говорить, вследствие их малого развития. Длина крыла колеблется между 17 и 20 см, а хвоста между 8 и 9 см. Оперение на верхней части тела блестяще-черное, на горле чернобурое, над глазами замечается овальное белое пятно, нижняя часть тела и каемка на конце малых маховых перьев также белые. При зимнем оперении белый цвет распространяется и на горло, а у молодых и на одну сторону головы. Клюв и ноги черные.

До последнего времени думали, что эта птица и поныне живет на севере земного шара, но исследования Уоллея доказали нам противное; по изысканиям Стенструпа, оказывается, что в

доисторические времена бескрылая гагарка встречалась в большом количестве на берегах Дании. Ничто нам не доказывает, что эта птица когда-либо встречалась на Шпицбергене, ее также не нашли на севере Америки. По словам Прейера, один экземпляр этой гагарки, убитой в Лабрадоре, хранится в Британском музее в Лондоне. Гольбельль сообщает, что последняя бескрылая гагарка была поймана в 1815 году на берегу Гренландии под 64

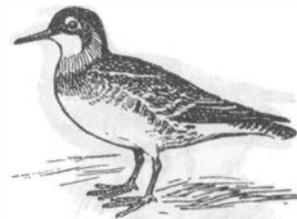

Бескрылая гагарка
(*Pinguinus impennis*)

градусами северной широты около Фискернэса. Блазиус, однако, не отрицает сообщение Беникена, что в 1821 году под 70 градусами северной широты в Гренландии была убита еще одна из этих птиц. В 1790 году один экземпляр был убит в Кильской гавани, и потому эта редкая птица может быть причислена к немецкой фауне; в 1830 году, по словам Наумана, мертвая гагарка была выброшена морем на берега Нормандии. Чаще всего, вероятно, она встречалась в Исландии и на Ньюфаундленде, хотя не на самом острове, а на окружающих шхерах и маленьких скалистых островах, которые по-

стоянно находятся под сильным прибоем волн; эти скалы выбирались бескрылой гагаркой как безопасные места гнездования и в последнее время служили ей единственным убежищем. Многие из этих шхер и ныне носят название «гагаркины скалы», как доказательство того, что прежде там постоянно встречалась бескрылая гагарка.

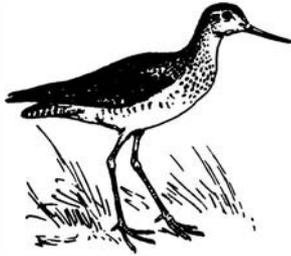
Уже в прошлом столетии бескрылая гагарка встречалась здесь не особенно часто. В одной старой рукописи начала второй

половины XVIII столетия Ньютон и Уоллей нашли описание скал около мыса Рейкьянес. В ней говорится о большом количестве птиц на скалах, но при этом добавлено, что гагарки там вовсе не так многочисленны, как исландцы думают, и что они занимают лишь шестнадцатую часть этих скал, так как вследствие малого развития крыльев не могут высоко на них подниматься. В одной части этой рукописи дается обстоятельное описание гагарки со всеми ее особенностями, и автор так подробно описывает яйца, как это может сделать только натуралист; кроме того, здесь приложен рисунок, изображающий скалу и двух людей, занятых ловлей гагарок. Олафсон, который был в Исландии в 1458 году, рассказывал, что жители острова привозили с этих скал целые лодки яиц, из чего следует, что уже тогда предпринимались регулярные охотничьи поездки к вышеупомянутым скалам. Поездки эти, кажется, продолжались до начала нашего столетия, но во времена Фабера, в 1822 году, они прекратились, и туда ездили только изредка и случайно. Летом 1813 года один корабль ехал от Фарерских островов в Исландию; проезжая мимо вышеупомянутой скалы, экипаж увидел, что она покрыта птицами, остановился, так как погода это позволяла, и убил много гагарок, некоторые были привезены в Рейкьявик. Если сведения, сообщаемые тогдашними натуралистами, верны, то моряки перебили много гагарок, так как в Рейкьявик они привезли 24 бескрылые гагарки, не считая тех, которые дорогой были съедены и посланы. В 1814 году, по словам Фабера, один исландский крестьянин убил на небольших шхерах семь гагарок; до 1830 года их еще кое-где находили, но уже не истребляли большими массами. В 1830 году некто Гудмундзон предпринял две охотничьи поездки на остров Эльдей и на остров, называемый «Мучной мешок», и нашел на первом 12 или 13, а на втором 8 бескрылых гагарок, из которых большинство было им убито и приготовлено для коллекций. В следующем году тот же Гудмундзон снова ездил на охоту в те же места и добыл 24 экземпляра этих птиц, некоторые были доставлены живыми и сохранялись в неволе. Из этих гагарок потом одна дама сделала чучела (вероятно, госпожа Томсен или ее сестра, девица Левер, на которую ссылается Блазиус); Ньютон и Уоллей говорили с этой дамой по поводу птиц. В 1833 году было убито 13 птиц, в 1834 году — 9, в 1840 или 1841 году — 3, а в 1844 году — 2 гагарки. Последние две гагарки были, вероятно, вообще последними из этих птиц.

Многочисленные сообщения прежних мореплавателей и новейшие исследования доказывают, что бескрылая гагарка часто встречалась на Ньюфаундленде и соседних шхерах. Мы обязаны Стенструпу собранием древних, более замечательных известий об удивительном множестве «пингвинов», как называют этих птиц в Америке, прежде встречавшихся на западных берегах Атлантического океана. Сообщения от XVI столетия указывают нам, что

Семейство
чистиковые

бескрылые гагарки были тогда очень многочисленны на Ньюфаундленде. Гайклейд рассказывают в письме от 13 ноября 1578 года, что на так называемом Пингвиновом острове было найдено большое количество этих птиц, и что их по доске нагнали в лодку столько, сколько лодка могла нести. «Мы увидели остров, — пишет этот путешественник, — который называется Пингвинов остров, по имени птиц, гнездящихся там в невероятном количестве; эта птица летать не может, так как ее крылья не в состоянии поднять тело, которое очень велико, не менее чем у гуся, и необыкновенно жирно. Французы на этом острове ловят много таких птиц и солят их; и мы могли бы сделать подобные запасы, если бы имели достаточно времени». Другие отчеты подтверждают это известие, но самое лучшее свидетельство в достоверности вышесказанного состоит в следующем: в 1841 году Петр Стувиц, норвежский натуралист, был послан на Ньюфаундленд своим правительством, чтобы познакомиться с тамошними условиями ловли трески; во время своих исследований он часто слышал от рыбаков, с которыми разговаривал, о том, что в прежнее время здесь встречалось множество птиц, которых местные жители называли пингвинами. Он поместил это известие в своем отчете, но ученые его родины были этим сильно смущены, так как полагали, что пингвины встречаются только в южном полушарии. Стувиц, узнав, что на родине сомневаются в справедливости его известия, решился посетить группу маленьких шхер, которые находятся при входе в бухту Бонависта, и здесь нашел остатки простых каменных оград, куда в прежнее время загоняли несчастных птиц, а в этих оградах целые груды костей пингвинов. Он послал в Христианию некоторые из этих костей, там их признали за кости бескрылой гагарки, и таким образом недоразумение это было разъяснено. В 1863 году один американец получил позволение от правительства снять слой земли, находящийся на этих скалах, и перевезти эту землю в Бостон в качестве удобрения. При снятии замерзшего слоя почвы не только было найдено много костей гагарок, но на некоторой глубине нашли мумии этих птиц, которые прекрасно сохранились в слое торфа и льда. Ньюфаундленский епископ получил, к счастью, две из этих мумий и, узнав их ценность, послал в Англию, и таким образом дал возможность Овену написать свое известное исследование о скелете бескрылой гагарки. Остров, о котором здесь идет речь, носит название острова Функа. Джон Мильн был там в 1874 году и собрал кости еще около 50 гагарок. В 1887 году из Америки туда был послан Лукас; он исследовал этот маленький остров, имеющий не более 20 м высоты над поверхностью моря; подтвердил все сообщения Стувица и смог собрать отдельные кости около ста птиц, из которых была составлена дюжина полных скелетов.

Блазиус в 1883 году составил список чучел и шкур бескрылой гагарки, сохраненных в различных музеях, причем оказа-

лось, что известно 74 штуки, из которых три в Америке и 71 в Европе; из них 21 экземпляр в Великобритании и 20 в Германии.

Все наблюдатели утверждают, что птицы эти плавали с высоко приподнятой головой, но назад загнутой шеей и всегда ныряли, если их беспокоили. На скалах они сидели прямо, еще прямее, чем кайры и гагарки, ходили или бегали маленькими, короткими шагами, держа тело в отвесном положении, как люди; в случае опасности они бросались в море с 4 или 5 м высоты. Шум их более беспокоил, чем предметы, которые они могли распознать зрением.

Говорят, что их пища состояла из различной по величине рыбы, но Фабрициус сообщает, что он нашел в желудке молодой птицы растительные вещества. Самка клала только одно яйцо в июне; оно отличалось от яиц других гагарок значительной величиной: это самое большое пятнистое яйцо, замеченное у европейских птиц. Длина его равнялась 120—130 мм, а наибольшая ширина 75—80 мм. Толстая скорлупа была матовая и имела заметные поры. Основной цвет серовато-белый, переходящий местами в желтоватый или зеленоватый, рисунок очень разнообразный, как у кайр и обыкновенных гагарок, и состоял из бурых или черных круглых и длинных пятен, волнистых полосок и других линий. Насиживанием занимались как самец, так и самка, но продолжительность времени насиживания неизвестна. Детеныш вылуплялся в темно-сером пушку, и родители очень скоро уводили его на море.

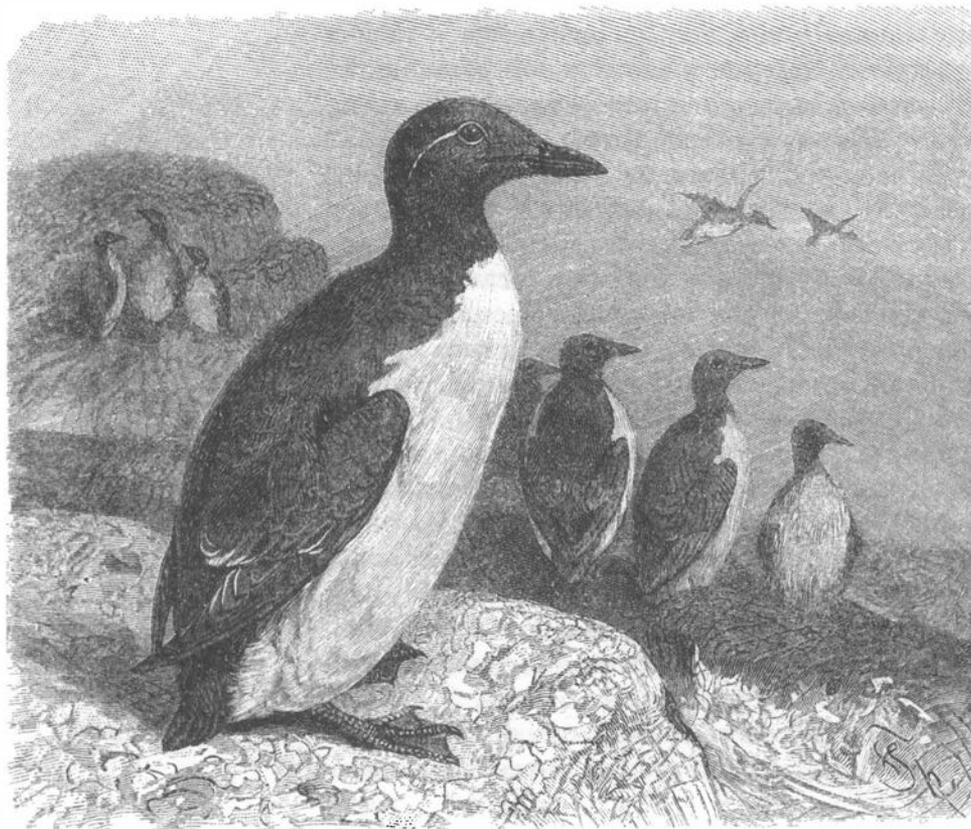
У **толстоклювой кайры** (*Uria lomvia*) голова, передняя часть шеи и верхняя часть тела бархатисто-бурые, кончики малых маховых перьев белые, так что образуется светлая полоса. Нижние части тела белые, бока бурые с продольными полосками. В зимнем оперении передняя сторона тела и щеки также отчасти белые. Глаза карие, клюв черный, ноги свинцово-серые, а снаружи темные. Длина равняется 46 см, размах крыльев 72, длина крыла 21, а хвоста 6 см.

Кайры живут в северных морях земного шара, но отдельные их экземпляры выводят птенцов и в умеренном поясе*, куда они перекочевывают зимой.

Кайры только в птенцовую пору держатся на земле, остальное время проводят среди открытого моря. Большая их часть из года в год придерживается одних и тех же местностей. Кайры плавают очень ловко, причем тело свое погружают в воду приблизительно до белых частей брюшка. Ныряют мастерски и в высшей степени проворно, ловко гребут под водой крыльями и ногами; они могут также в продолжение нескольких минут оставаться под водой. Летают быстро, со свистом перерезая воздух, но не любят пролетать за один раз далекие расстояния. При полете большей частью держатся над самыми волнами и только, когда отправляются на гнездовье, летят на значительной высоте. Бросаясь в воду с вершины своей горы, они скользят по воздуху

**Семейство
ЧИСТИКОВЫЕ**

* Умеренные широты населяет другой вид кайр — тонкоклювая кайра (*Uria aalge*).

*Тонкоклювая кайра
(Uria aalge)*

почти без малейшего взмаха крыльями и низвергаются в море по прямой линии, при этом почти все держатся одного и того же направления, так что из поднимающихся и спускающихся птиц над горой образуется нечто вроде шатра. Помимо птенцовой поры, их никогда не увидишь летающими подобным образом. В другое время они больше плавают и ныряют или, самое большее, поднимаются на воздух коротким полетом и вскоре снова спешат погрузиться в волны. Походка их обыкновенно ползающая, так как они неуклюже скользят на ступнях.

Голос проявляется в непрерывном кряканье и хныканье, которое, впрочем, звучит весьма разнообразными тонами. Моло-

дые кайры свистят. О гнездящихся на Гельголанде кайрах Нолл говорит следующее: «Певунами кайр, конечно, назвать нельзя, но если их слушать с судна в спокойную погоду, то можно различить, что почти каждая птица издает разный звук и имеет свой особенный тон».

В с я к и й , хоть раз побывавший на птичьей горе, занятой кайрами, не станет больше удивляться тому, что эти птицы слывят

глупыми. В самом деле, они выказывают себя необыкновенно беспечными или доверчивыми существами, особенно тогда, когда находятся на суше. Впрочем, и плавая, они зачастую подпускают к себе судно на очень близкое расстояние; на гнездовьях почти не обращают никакого внимания на человека. Здесь, совершенно спокойно, не возбуждая ни малейшего подозрения в птицах, можно подойти к ним на четыре шага; смело присесть, долго рассматривать их и тут же заниматься рисованием или записями; они и не подумают улететь. Несмотря на все это, внимательный наблюдатель успеет сделать заключение, что их только в известном смысле можно считать глупыми птицами. Человек, который во-

обще редко навещает кайр, не возбуждает их опасения; зато появление кречета сразу очищает всю птичью гору, а летящий вдаль морской орел вспугивает и обращает в бегство тысячи птиц. Из этого видно, что и кайры умеют распознавать своих врагов, а если они не избегают человека, то лишь потому, что не считают его за врага.

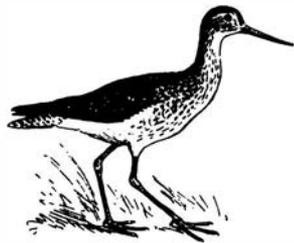
Местом своего гнездования они избирают круто вздымающиеся горные громады или отдельные скалы, которые возвышаются непосредственно на морском берегу и изобилуют карнизами, выступами и трещинами. Вероятно, вблизи этих скал море особенно богато рыбами и раками, составляющими главную пищу этих птиц. В исходе марта или в начале апреля кайры появляются большими и малыми стаями на горах, и вскоре после этого здесь начинается суета. В это время птичью гору можно принять за колоссальный пчелиный улей. Тучи птиц постоянно окружают ее. Преимущественно их много там, где имеются удобные места для сиденья; кайры сидят на всех выступах, углах, остриях и карнизах, выстроившись правильными рядами и обратив свои белые груди в сторону моря; сотни тысяч летают сверху вниз и снизу вверх; кроме того, масса птиц охотится и ныряет в море.

Пары связаны между собою тесной дружбой; пока не настанет пора кладки яиц, они милуются друг с другом клювами, трутся шеями, в одно и то же мгновение бросаются в море, сообщая ловят рыбу и вместе возвращаются на гнездо, где они впоследствии дружно разделяют все заботы о выводе птенцов.

Самка кладет всего одно, но очень большое яйцо, около 85 мм длиной и 52 мм толщиной, оно круглой формы, с крепкой крупнозернистой скорлупой, по светлому фону которой рассеяны темные пятна; впрочем, внешний вид этих яиц до того разнообразен, что из сотни едва можно подобрать два совершенно одинаковых. Настоящего гнезда кайры не строят, а кладут яйцо большею частью без всякой подстилки прямо на голый камень, с которого не счищается даже крупный гравий. Тотчас же после кладки начинается высиживание. После 30—35 дней вылупляется птенец, который сначала походит скорее на серо-черный комок шерсти, чем на птицу; впрочем, он очень быстро вырастает, сбрасывает свой пуховый наряд и в течение месяца облекается в перья. В это время птенцы изменяют своим родным скалам ради моря. «Эта перемена, — говорит Науман, — сопряжена с явной опасностью, о чем наглядно свидетельствуют поднимающаяся среди семейства суета и боязливые крики. Под руководством стариков птенец одним прыжком бросается с обрыва в море. Ныряет в тот же момент, как только коснется в первый раз воды, и под водой находится в сопровождении родителей. А затем, когда вынырнет, с громким свистом робко прижимается к ним, как бы ища защиты и желая укрыться на их спинах. Но ему приходится продолжить знакомство с морской стихией, и после частых ныряний под

Семейство чистиковые

руководством родителей птенец становится смелее. Многим птенцам этот первый прыжок в море со скалы обходится дорого, в особенности тем, которые, по несчастью, падают прямо на камень, где и разбиваются насмерть».

Такие птичьи горы регулярно осаждаются охотниками, которые собирают более или менее богатую добычу в виде яиц и птенцов. Яйца рассылаются довольно далеко по всему северу; а молодых птиц заготавливают впрок на всю зиму. На Фарерских островах образовалась уже особая группа людей, птицеловов. Это очень отважные люди, не страшщиеся никакой опасности, и смело смотрящие смерти в глаза. Они хорошо знают, что редко кому из них придется умереть спокойной смертью на собственном одре. Птицеловы влезают на гору и спускаются с нее при помощи длинных канатов. Чтобы достать до выступа, усеянного насидживающими птицами, они раскачиваются на канатах и, перелетая через пропасти, ступают на узкие карнизы, доступные разве только птице, одним словом, из невозможного делают возможное.

В Гренландии кайр по зимам тысячами убивают с помощью огнестрельного оружия и, кроме того, добывают другим, чрезвычайно оригинальным способом. Пока не взломается лед, кайры имеют обыкновение ночевать на своих гнездовьях, где и проводят короткую ночь в крепком сне. По прибытии птиц гренландцы с осторожностью взбираются на гору и начинают их вспугивать внезапными криками и выстрелами; бедные кайры, не соображающие с перепугу, что море оковано льдом, без размышления бросаются вниз головой и на смерть разбиваются о лед. Кроме людей их непрерывно преследуют хищные птицы, вороны и чайки, а под водой также и хищные рыбы. Однако, несмотря на все эти преследования, численность их не уменьшается.

Мясо кайр темного цвета и, хорошо приготовленное, имеет своеобразный, довольно приятный вкус дичи, несколько напоминающий мясо уток, в чем мы сами успели убедиться.

Пойманные кайры, за которыми я ухаживал, без всякого затруднения принимались за корм и, по-видимому, не делали никакого различия между мелкой рыбой и крабами. Несколько часов в день они забавлялись плаванием по воде, но нырять, однако, не решались. Устав плавать, отправлялись на сушу и здесь, плотно прижавшись друг к другу, образовывали как бы одну кучу. Они никогда не скользили на пятках, а скорее ходили на пальцах, лишь изредка прибегая к помощи крыльев; в этом случае двигались в высшей степени грациозно, чрезвычайно быстро и ловко. В Берлинском аквариуме неоднократно представлялись случаи наблюдать их искусство в плавании и нырянии, любуясь сквозь стекла отведенного для них бассейна.

ПОДОТРЯД
КУЛИКИ (Charadrii)
СЕМЕЙСТВО
ЯКАНОВЫЕ (Jacanidae)

Семейство
якановые

Одна из самых обыкновенных птиц Южной Америки — желтолобая якана (*Jacana spinosa*). Отличительные ее признаки следующие: легкое, красивое туловище, тонкий, стройный клюв с голой мозолью на лбу и голыми лопастями по углам рта; высокие, тонкие, длиннопалые ноги, когти которых почти одинаковой длины с пальцами; узкие остроперые крылья, между маховыми перьями которых третье самое длинное; на сгибе крыло снабжено крепким, вогнутым шипом, и, наконец, округленный хвост, состоящий из десяти мягких, нежных, немного заостренных перьев. Старая птица на голове, шее, груди и брюшке имеет черную окраску; на спине, крыльях и по сторонам брюшка — красновато-бурую; маховые перья до самого черного конца своего — желтовато-зеленые; рулевые перья темные красновато-бурые. Глаза бледно-желтые; клюв красный, на конце желтоватый, голая мозоль на лбу, так же как и лопасти по углам рта — кроваво-красные; ноги свинцово-серые; шип на крыле желтый. Молодая якана от подбородка до гузки имеет желто-белую окраску; на верхней части головы и затылке — черную; на спинке — оливково-бурую. Длина ее тела 25 см, длина крыла 14, хвоста — 5 см, высота плюсны 55.

От Гвианы до Парагвая якана водится на всех стоячих водах, покрытых местами широкими листьями водяных растений. Благодаря красивой внешности ее все любят и щадят; она селится в непосредственной близости от жилья, оживляя собой каналы на плантациях; по словам же принца фон Вида, якана главным образом водится в болотистых местах, на сырых болотистых лугах, в водных бассейнах по близости морского берега, а также и внутри материка или среди первобытных лесов. Она расхаживает по широким листьям, расстилающимся по водной поверхности, на которых держится очень легко, благодаря длинным пальцам своих ног. Хотя якана и слетает, когда заметит быстро приближающуюся к ней лодку, но скоро снова садится на прежнее место. Она представляет в высшей степени привлекательное зрелище, когда с быстротой мысли несется по плотно сплетенным между собой листьям водяных лилий, занимаясь в то же время своим делом. Садясь, она высоко приподнимает красивые крылья и выставляет напоказ ярко-блестящие маховые перья, как будто с умыслом щеголяя всей своей красотой. Яканы, движущиеся в яркий солнечный день по широким зеленым листьям водяных растений, превосходят по красоте великолепный цвет этих последних. При опускании или перед самым взлетом слышится

Семейство якановые

* В кладке якан
бывает от 3 до 6 яиц,
но как правило, 4.

Желтолобая якана
(*Jacana spinosa*)

обыкновенно громкий, похожий на смех голос, служащий для других птиц предостережением; птица издает его еще тогда, когда, застигнутая врасплох, вынуждена искать спасения в бегстве. «Как только та или другая из них, — говорит Шомбургк, — заметит что-нибудь подозрительное, так немедленно вытягивает шею и испускает громкий звук; тогда все общество вторит ей и друг за другом устремляется в бегство».

Якана питается водяными членистоногими и их личинками, но не пренебрегает также семенами и, по-видимому, постоянно занята поиском пищи.

Гнездо ее представляет собой безыскусную постройку, которую она сооружает в болотах и по краям канав, но часто кладет прямо на голую землю 4—6 бледно-зеленоватых или голубоватых яиц, покрытых светло-бурыми крапинами*. Птенцы следуют за матерью вскоре после появления на свет.

СЕМЕЙСТВО РЖАНКОВЫЕ (Charadriidae)

Чибис (*Vanellus vanellus*) характеризуется четырехпальными ногами, тупыми крыльями и особенным хохолком на голове. Хохолок состоит из длинных, узких перьев, образующих раздвоенный кончик. Самка отличается более коротким хохолком и белыми и черными пятнами на передней части

шеи. Длина ее достигает 34 см, размах крыльев 70, длина ее крыла 22, хвоста 10 см.

Чибиса наблюдали во всех странах Старого Света, начиная от 81 градуса северной широты вплоть до северной Индии и северной Африки. Он одинаково обыкновенен как в некоторых местах Китая, так и в Великобритании, и каждую зиму совершает перелеты с родины на юг до областей, лежащих между северной Индией и Марокко; он летает на Фарерские острова, в Исландию и даже в Гренландию. Всюду, в Греции, Испании, в Малой Азии, северной Африке, в южном Китае и в Индии он появляется в большом количестве в конце октября, посещает долины рек, болотистые низменности или берега морей и в начале марта снова

улетает на север. Из европейских областей наиболее изобилует чибисами, без сомнения, Голландия; чибис, будучи характерной для страны птицой, обычен в ландшафтах Голландии, также как каналы, пегие коровы, ветряные мельницы и высокие деревья, осеняющие домики голландцев.

Чибис — один из первых вестников наступающей весны, прилетает к нам приблизительно в одно время с веселым скворцом и полевым жаворонком, прилетает даже и тогда, когда еще господствует зима, в последнем случае он, бывает, вынужден вести довольно жалкое существование. У чибиса более, чем у других птиц, замечен тот факт, что некоторые стаи летят вперед, указывая главную пролетную дорогу и выбирая места для стоянок другим стаям*. Им иногда приходится очень горько, если погода вдруг переменится к худшему.

Как только стая этих птиц основалась на родине, она распределяется по различным местообитаниям и начинает свою летнюю жизнь. Чибис не любит близости человека, почему и избегает селиться недалеко от его жилья. Главным условием для гнезда является близость воды. На гнездовьях чибиса можно видеть или слышать ежеминутно. Несмотря на осторожность, которая заставляет его в каждом существе, за исключением разве овец, видеть опасного врага, он почти непрерывно находится в движении и, так как любит больше летать, чем бегать, то для выражения различных чувств охотнее употребляет в дело крылья. Всего оживленнее ведут себя чибисы, когда яйца лежат в гнезде или когда птенцы еще беспомощны; в это время они различными маневрами стараются отдалить от гнезда приближающуюся опасность.

Полет чибиса превосходный и полон самых затейливых изворотов. Когда он несется над водой, то летит, тихо взмахивая крыльями; поднявшись высоко на воздух, начинает выкидывать различные фортели, словно этими странными движениями хочет выразить свои чувства. Если ему или птенцам грозит действительная опасность, он проделывает на лету самые головоломные штуки, то падает стремглав вниз чуть не до самой земли и немедленно вслед за тем снова тихо поднимается на высоту, то бросается из стороны в сторону, то просто кувыркается. Сев на землю, он побегает немного по ней и затем, поднявшись, снова начинает прежние упражнения.

Ни одна наша птица не летает так, как чибис, ни одна не умеет проделывать таким удивительным образом всевозможные движения крыльями, которые проделывает он. Походка его красива и проворна; бег может достигать значительной быстроты. На лету и бегая по земле, он постоянно играет своим хохолком, то держа его горизонтально, то высоко приподнимая. Чибис очень часто подает свой голос, который, хотя и нельзя назвать разнообразным, все же состоит из нескольких звуков, которые он выкрикивает на разный манер.

** Первые прилетные птицы вовсе не являются разведчицами дороги и условий для последующих. Обычно первыми прилетают птицы, зимовавшие наиболее близко от какой-то территории.*

Чем больше наблюдают чибиса, тем все более убеждаются в его уме. Осторожность положительно делает ему честь. Он прекрасно знает, какому человеку можно доверять, а кого следует избегать. С пастухами и крестьянами ведет известную дружбу; охотника избегает с такой боязливостью, что положительно приходится убедиться в том, что он знаком с действием ружья. Неприятности никогда не забывает, и место, на котором постигло несчастье одного из родичей, на годы остается в памяти других птиц.

Ко всем четвероногим хищникам чибис выказывает самую глубокую ненависть, иногда проявляя при этом величайшую храбрость и даже безумную отвагу. Он с гневом бросается на легавую

Чибис
(*Vanellus vanellus*)

собаку, проносясь часто у самой ее головы так близко, что раздосадованное животное делает попытку схватить его. Точно так же нападают чибисы на лисицу и прогоняют ее. Но не всегда бывают победителями; лисица нередко схватывает наиболее смелого из атакующих и прикусывает его на глазах других птиц, которые, преисполненные ужаса, разлетаются во все стороны и вдали от места побоища криками оплакивают своего несчастного родича. Чибисы смело нападают на некоторых птиц: чаек, цапель и аистов, когда знают, что последние летают хуже их; однако они тщательно избегают тех пернатых хищников, которые превосходят их в искусстве летать. Весьма привлекательное зрелище представляют собой чибисы, нападающие на канюка, коршуна, лакомую до яиц ворону или орла: кажется, что они полны уверенности в победе, тогда как хищник ощущает страх. При этом один чибис подбодряет другого, и смелость их возрастает с числом атакующих, прилетающих на шум. Пернатого хищника они так отделяют, что он предпочитает бросить охоту, чтобы только избавиться от крикунов. Чибисам остается беречься встречи с ястребами и благородными соколами. При виде этих хищников умные и ловкие чибисы ведут себя очень растерянно, издают жалостные крики, пытаются броситься в воду и

пробуют спастись нырянием, но, если вода неглубока, то они пропали. Аисты и другие голенастые обыкновенно внимательно следят за чибисами и, благодаря этому, избавляются от многих опасностей. Вот почему эту птицу греки зовут «доброй матерью».

Главную пищу чибиса, по-видимому, составляют дождевые черви; наряду с этим он ест личинок всякого рода насекомых, водяных и земных улиток и т.п. На водопой летает несколько раз на день и питает большую любовь к купанью.

В Германии чибисы особенно не преследуются, так как мясо их по справедливости считается безвкусным; южноевропейцы, однако, этого взгляда не разделяют и преследуют чибисов столь же усердно, как и других куликов. Впрочем, в Германии ставят на чибисов силки, и если повести это дело с умением, можно рассчитывать на обильную добычу. Яйца их и у нас в почете.

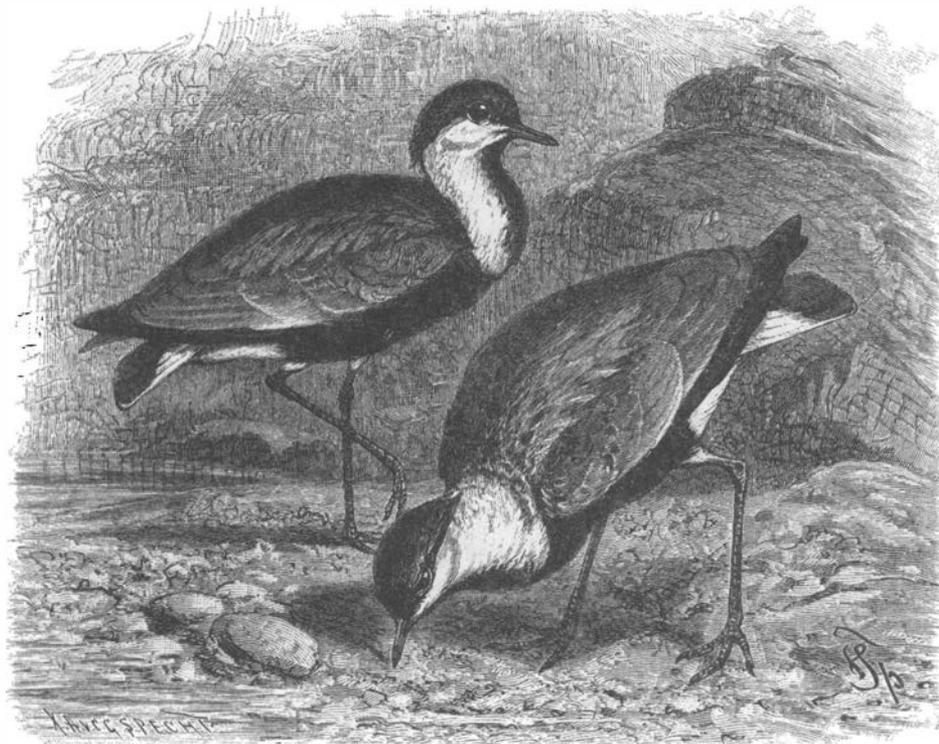
Путешественник, едущий по Нилу, уже в первые дни своего пути знакомится в стране фараонов с одной птицей, которую он может просмотреть или не услышать только случайно. Эта птица — **шпорцевый чибис** (*Hoplopterus spinosus*). Характерными признаками его будут: клюв как у чибиса, тонкие, трехпалые ноги, острые шпоры на сгибах крыльев, относительно заостренные крылья и, наконец, тупой хохолок на затылке. Окраска оперения не изменяется ни с полом, ни с возрастом. Нижние шейные перья серо-бурого цвета; голова и нижние части тела черные, бока головы, шеи, брюхо, зашеек и область надхвостья — белые. Длина птицы достигает 30 см, длина крыла 18, хвоста 9 см.

По мнению Адамса, шпорцевый чибис и есть крокодиловый сторож, но он ничем не подтверждает этого мнения. Арабы, однако, зовут крокодиловым сторожем другую птицу, а шпорцевого чибиса называют «зикзак», по издаваемому им крику.

Из всех птиц Египта шпорцевый чибис — самая обыкновенная. Его видишь повсюду, где только присутствие пресной воды делает его пребывание возможным, так как он практически никогда не отдаляется от воды. Но чибис очень неприхотлив в своих требованиях и водится даже на тех полях, которые временно бывают покрыты водой; такие места, во всяком случае, ему нравятся. Морских берегов он, по-видимому, избегает; держится на берегах озер с застойной или солончаковой водой. В знойной Нубии он попадает реже, а на востоке Судана и в Абиссинии лишь одиночками; однако он еще довольно регулярно встречается по рекам и озером северной половины центральной Африки.

По своему поведению шпорцевый чибис сходен с европейским чибисом, но, по-видимому, менее общителен и держится больше парочками. Но пары живут совсем близко одна от другой, и на короткое время охотно соединяются. Мало найдется других птиц, которые бы так надоедали натуралисту тем, что попадают повсюду, как шпорцевый чибис. Вначале вас бесконечно веселит их бодрая, оживленная деятельность, их быстрый бег, их легкий, изящ-

ный полет, их громкий, если не совсем благозвучный, то не лишенный и некоторой приятности крик, их смелость и боевой пыл, но вскоре они делаются положительно ненавистными. Они умеют, собравшись массами, испортить весь день охотнику или натуралисту, так как являются сторожевыми птицами не только для одних береговых, но и для всех птиц вообще. От них ничто не ускользает. Охотник, четверть часа бродивший по болоту и озерам, завидев прекрасного фламинго или пеликана, начинает подкрадываться к нему, ползя на животе, и вдруг с величайшей досадой замечает, что за ним следит пара вездесущих чибисов. Надежда овладеть добычей, уже бывшей почти в руках, ускользает: большими кругами летают эти возмутительные птицы над головой охотника, громко крича свое «зикзак-зикзэ», дерзко кидаются на него сверху и поднимают все пернатое население озера, побуждая к бегству осторожных птиц. В ярости охотник вскакивает на ноги и очень часто с досады сбивает выстрелом одного из этих надоедливых крикунов. Точно так же это происходит и ночью, так как слова одной арабской саги, что «зикзак» никогда не спит и не ищет покоя, очевидно, основаны на наблюдениях над этой птицей.

Шпорцевый чибис
(*Hoplopterus spinosus*)

зительно та же, что и у его европейского родича; в желудках убитых находят всевозможных насекомых, червей, моллюсков и песок. От этой пищи мясо принимает в высшей степени неприятный вкус, и как у европейцев, так и у египтян «зикзак» считается несъедобным.

Золотистая ржанка (*Pluvialis apricaria*). Верхняя часть тела имеет золотисто-зеленовато-желтый оттенок, так как у всех перышек каемки такого цвета. Этот золотисто-зеленый оттенок еще более заметен при зимнем оперении. Темя, затылок, нижняя часть шеи и спина черного цвета, но все перья с золотисто-зелеными каемками, пятнышками и острыми кончиками; лоб, брови, сторо-

ся на него сверху и поднимают все пернатое население озера, побуждая к бегству осторожных птиц. В ярости охотник вскакивает на ноги и очень часто с досады сбивает выстрелом одного из этих надоедливых крикунов. Точно так же это происходит и ночью, так как слова одной арабской саги, что «зикзак» никогда не спит и не ищет покоя, очевидно, основаны на наблюдениях над этой птицей.

Пища шпорцевого чибиса прибли-

ны шеи, груди и брюшка белого цвета; гузка и нижние кроющие перья хвоста также белые. Малые маховые перья темно-бурого цвета, большие маховые перья имеют на черном фоне золотисто-зеленые поперечные полоски, нижние кроющие перья крыльев белые, а около сочленения крыла имеют буроватый оттенок. Перья у основания крыла чисто белые, рулевые перья черновато-бурые с 7—9 светлыми полосками. Глаза темно-бурые, клюв черный, ноги серовато-черные. Длина этой птицы 26 см, размах крыльев 58, длина крыла 18, а хвоста 8 см.

Золотистая ржанка — типичная птица тундры. Когда путешествуешь по болотам, покрывающим весь север земного шара, то со всех сторон слышишь меланхолический, почти жалобный голос этой птицы, видишь их парами, семействами, небольшими стайками или многочисленными обществами, смотря по времени года. Ее там встречаешь повсюду, куда ни оглянешься, так как одна пара живет близко от другой, и охотник, который их преследует, может с утра до вечера заниматься охотой. Большинство птиц летит на юг из Лапландии и Финляндии до берегов Средиземного моря и в юго-западную Африку, из северной Азии в Индию и Китай и из самых северных стран Америки на юг Соединенных Штатов и даже в Бразилию*. Перелет совершается обыкновенно обществами и преимущественно ночью. Во время своего странствования ржанки летят очень высоко, иногда без заметного порядка, но чаще клином, как журавли. Днем такая стая отдыхает в удобной местности, обыкновенно на полях, чтобы поискать корм, а если погода теплая, то остается и на целую зиму.

По своему образу жизни ржанка мало отличается от других видов семейства. Это веселая, пугливая птица, которая может красиво ходить или быстро бегать по земле, причем останавливается отдохнуть только после очень продолжительной пробежки. Она ловко и скоро летает, при перелете на большие расстояния несется по воздуху подобно быстрому голубю, а вблизи гнезда любит выделывать красивые повороты и другие фокусы. Благозвучный и чистый свист ее может быть передан слогом «тлюи» и звучит очень приятно, несмотря на меланхолическую интонацию; во время спаривания голос этот переходит в трель, похожую на пение, и которую можно передать слогами «талюдль-талюдль-талюдль-талюдль». Внешние чувства и душевные способности этой птички развиты хорошо. Она отличается любовью к обществу себе подобных, миролюбием, привязанностью самцов и самок друг к другу, нежностью к птенцам и другими хорошими качествами. Главная ее пища состоит из червячков и личинок насекомых; летом она почти исключительно ест комаров во всех стадиях развития, а во время перелета — земляных червей, жучков и разных насекомых; для лучшего пищеварения часто глотает мелкие кусочки кварца. Вода ей необходима как для питья, так и для купания и, вероятно, она каждый день омывает свои перышки.

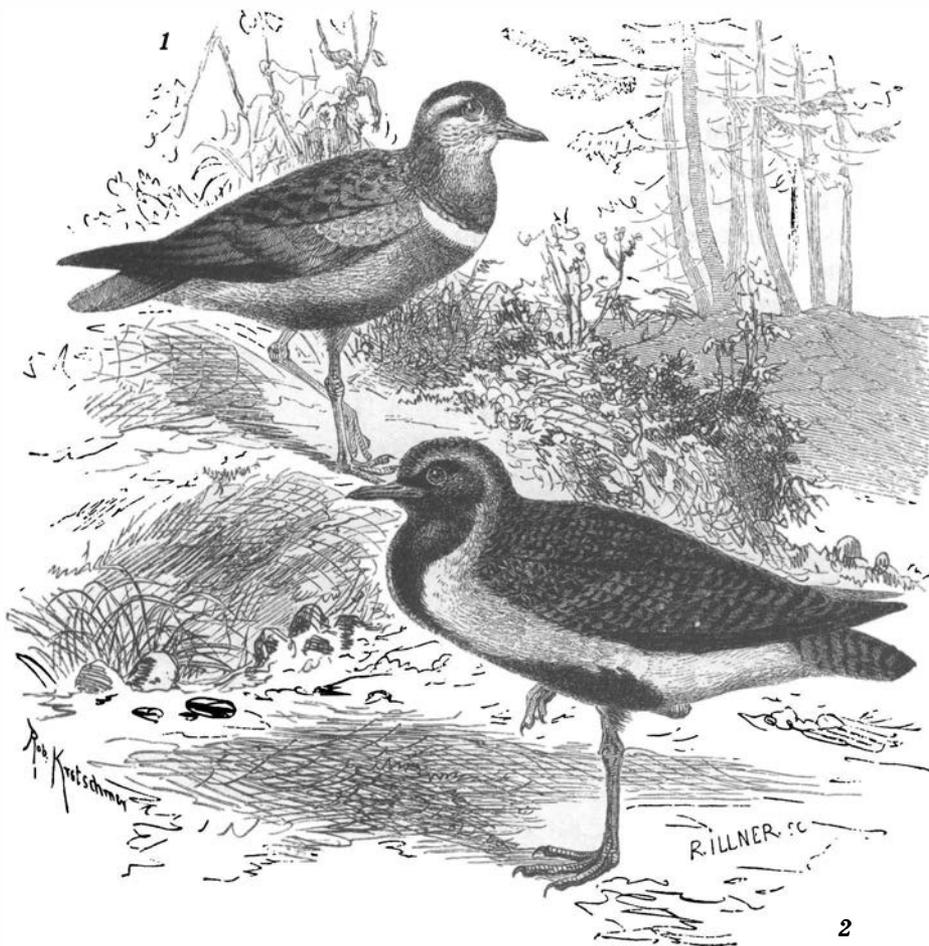
Семейство ржанковые

* Золотистая ржанка населяет северные районы от Скандинавии до востока Таймыра, но кроме нее в тундрах на севере Азии и Северной Америки обитают еще два близких и внешне похожих вида. Север Азии от Ямала до Чукотки населяет бурокрылая ржанка (*Pluvialis fulva*), летающая зимовать в Китай, а Северную Америку — американская ржанка (*Pluvialis dominica*), зимующая на юге США и в Южной Америке.

**Семейство
ржанковые**

Для гнезда служит небольшая и неглубокая ямка, которая выкапывается самкой* и в которую в виде подстилки кладется только несколько тонких травинок. Кладка состоит из обыкновенного числа относительно очень больших яиц, 46 мм длины и 35 мм толщины, которые отличаются своей гладкой матовой и мелкозернистой скорлупой; основной цвет их грязно- или бледно-оливково-зеленый, на котором замечаются множество черно-бурых или красновато-бурых пятнышек. Кладка оканчивается или раньше, или позже, смотря по тому, находится ли место гнездования севернее или южнее. Птенцы покидают гнездо уже в первый день своей жизни. Они появляются на свет с врожденным умением прятаться, свойственным всему семейству этих птиц. Пока птенцы еще не выросли, оба родителя забывают всякую осторожность и действительно трогательно заботятся о своем потомстве. Если первые яйца

1 — Хрустан
(*Eudromias morinellus*)
2 — Золотистая
ржанка
(*Pluvialis apricaria*)

* Ямку для гнезда делают как самка, так и самец.

бывают похищены, то парочка решается на вторую кладку, но в большинстве случаев самка несет только раз в году.

На севере соколы преследуют взрослых ржанок, а песцы, росомахи и другие куницы, канюки, вороны и чайки уничтожают птенцов, причем чайки чаще всего таскают яйца. Во время зимнего перелета этих птиц преследуют все хищники. Во время перелета ржанки очень осторожны относительно охотников, во всяком случае, умеют их отличить от мирных крестьян и пастухов. Мясо ржанок считается вкусным, хотя осенью оно немного отзывается ворванью.

Хрустан (*Eudromias morinellus*) имеет оперение соответствующее по цвету горной каменистой местности. Верхняя часть тела черноватая с ржаво-красными каемками на перьях; серая голова

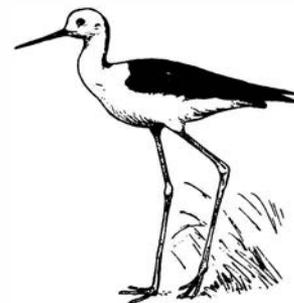
отделяется от груди черной и белой полосками; грудь ржаво-красная, середина нижней ее части черная, брюшко белое; над глазами проходит широкая светлая полоска, которая замыкается на затылке. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги зеленовато-желтые. Осенью верхняя часть тела темно-пепельно-серая, верхняя часть головы черноватая с ржаво-желтым рисунком, полоска над глазами бледно-ржаво-желтая, верхняя часть груди серая, а прочие нижние части белые. Самка похожа на самца, но не так красива. Длина — 23 см, размах крыльев 46, длина крыла 15, хвоста 7 см.

СЕМЕЙСТВО ШИЛОКЛЮВЫЕ (Recurvirostridae)

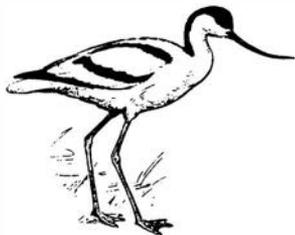
Во всех областях, прилежащих к Средиземному морю, особенно часто в северной Африке, а так же и в Азии, живет **ходулочник** (*Himantopus himantopus*). Клюв его длинный и слабый, к концу утончающийся, прямой, по спинке округлый, согнутый книзу, мягкий только у конца. Ноги трехпалые, необыкновенно длинные, слабые и высокие. В весеннем оперении задняя часть головы, узкая полоска на затылке и нижние шейные перья — черные с зеленоватым блеском; хвост пепельно-серый; все остальные части тела белые, с передней стороны с нежным розово-красным налетом. У самок окраска менее яркая, хвост еще менее блестящ, на затылке темный цвет шире, но матовее. В зимнем оперении черный цвет головы и затылка пропадает, переходя в серый оттенок. Глаза красивого карминно-красного цвета; клюв черный; ноги бледно-карминно- или розово-красного цвета. Длина птицы достигает 38 см, размах крыльев 70, длина крыла 23, хвоста 8 см.

Ходулочник живет в южной Европе, Средней Азии и северной Африке. Он селится на многих, но далеко не на всех пресных водах трех южных полуостровов Европы, обитает в южной России и к югу от сибирской границы*, по всей Средней Азии и Индии. Здесь, как и в Персии, Египте, северо-западной Африке и даже в Сардинии, он бывает из года в год. В местах его гнездовий, лежащих более к северу, он появляется в конце апреля или в начале мая и остается в этой области самое большее до конца сентября. Во время своего перелета пролетает всю Африку вплоть до Капской земли и всю Азию до острова Люсон. Немногие пары, гнездящиеся в Германии, для своего местопребывания выбирают большие, лежащие в стороне болота и ведут такой тихий образ жизни, что их можно заметить только случайно; в Египте же, напротив, ходулочники живут в непосредственной близости селений и даже в них самих. Если в селении есть какой-либо бассейн для водопоя или купания буйволов, то можно с уверенностью встретить на нем целую компанию бегающих ходулочников. Это хороший случай для наблюдения за птицами, которые обыкновенно бывают очень осторожны; здесь же они спокойно подпускают человека на несколько шагов.

Семейство ШИЛОКЛЮВЫЕ

* В наши дни ареал ходулочника более широк, чем во времена Брема: этот кулик заселяет всю Францию, гнездится в Нидерландах, местами в Германии и дважды в Великобритании, заселяет юг Западной Сибири почти до южных границ лесной зоны.

Ходулочник очень любит места с соленой водой, хотя исключительно их и не придерживается. Морской птицей его назвать нельзя. Во всяком случае, иногда он встречается и на морском берегу, где бродит между шилоклювками; обыкновенно же его встречают на небольших прудах и водоемах, местами покрытых тиной, а в птенцовую пору на больших болотах. Своей общительностью он превосходит всех наиболее родственных ему птиц: парочками его видят только в пору размножения, в течение же всего остального времени он держится стайками из 6—12 штук, зимой, как уже упомянуто, многочисленными стаями.

Походка этих птиц отнюдь не ковыляющая, как это можно было бы предположить, напротив — она легка, красива, шаги мерные, птица быстро передвигается вперед, благодаря длинным ногам; полет необыкновенно легок и красив, ловок и изящен. При взлете ходулочник быстро хлопает крыльями, но, достигнув известной высоты, летит тише и спокойнее; перед тем как сесть, плавно описывает один или несколько кругов. Длинные ноги при полете всегда вытянуты назад, при этом общий вид летящего ходулочника так оригинален, что его всегда узнаешь.

Насекомые, по-видимому, составляют исключительную пищу ходулочников. Их постоянно видишь занятыми такой ловлей, причем они то схватывают насекомых с поверхности воды, то ищут их в иле, то ловят на лету. Насколько я мог наблюдать, они ловили мух, комаров и жуков.

Гнезда ходулочника, к сожалению, мне лично видеть не удалось, яйца же держал в руках. В Египте он гнездится в апреле и мае, а в Индии гораздо позже; гнезда они чаще всего устраивают общественно. Местом для гнезда служит какое-нибудь природное углубление среди зарослей камыша, лежащее выше уровня воды; иногда птица приносит несколько камешков для укрепления стенок, а затем рыхлое дно скудно выстилает несколькими стебельками. Яйца имеют приблизительно форму яиц наших чибисов и почти такой же величины: длина их равна около 45 мм, поперечник 30 мм. Самка насиживает усердно; оба родителя жалобно кричат, если подойти близко к гнезду. Молодые оставляют гнездо тотчас по появлении; несколькими неделями позднее они уже вполне оперены.

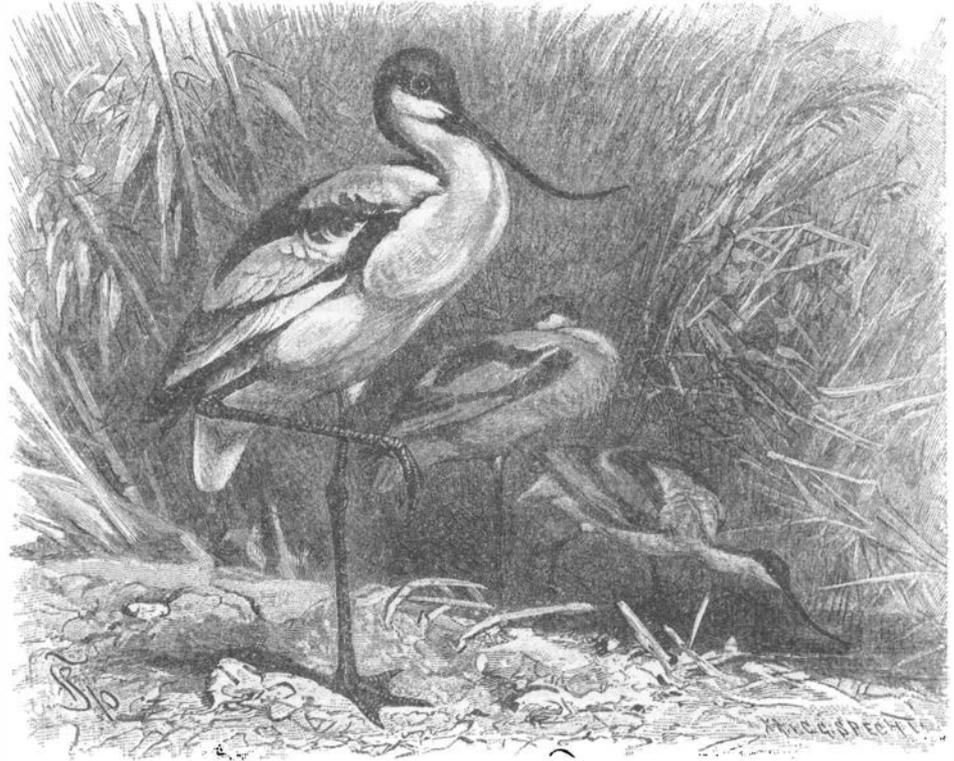
Жители Венгрии охотятся за «аистовым куликом», как они называют ходулочника, хотя мясо его нельзя назвать особенно вкусным; по моим же наблюдениям оно и съедобно-то только зимой. В неволе ходулочников я никогда не видел.

Шилоклювка (*Recurvirostra avosetta*) имеет простое, но красиво окрашенное оперение. Верх головы, затылок, зашеек, плечи и большая часть крыла — черные; два большие поля на крыльях, образованные более короткими плечевыми перьями, задние малые маховые перья, кроющие перья больших маховых и все остальное оперение — белое. Глаза красновато-бурые; клюв черный; ноги

пепельно-серые. У молодых черный цвет имеет буроватый оттенок, и перья крыльев отличаются ржаво-серыми каемками. Длина взрослой птицы достигает 43 см, размах ее крыльев 74, длина крыла 22, хвоста 7 см.

В Старом Свете шилоклювка найдена повсюду, начиная со средней Европы. Она живет как на берегах Северного и Балтийского морей, так и на соленых озерах Венгрии и Средней Азии; с этих мест она посещает пролетом всю южную Европу и Африку до Капской земли, оттуда же — южный Китай и Индию. В местах, где она водится, встречается большей частью в значительном количестве. В средней Европе появляется в апреле; обратный отлет ее начинается в сентябре.

Шилоклювка — настоящая морская птица, она редко покидает морской берег и делает это по собственному желанию только тогда, когда ей удастся найти какое-нибудь озеро с соленой водой. Внутри материка она принадлежит к числу редких явлений*. Местопребыванием ее служат сырые морские берега или берега озер с тинистой почвой; поэтому случается, что в одной местности она

известна всякому, в нескольких же километрах уже бывает только редким гостем. На море, по словам Наумана, меняет свое местопребывание, сообразуясь с приливами и отливами. Птицы эти — одно из истинных украшений моря. При спокойном хождении или стоянии шилоклювка держит тело большею частью горизонтально и подбирает шею наподобие латинского S. Походка ее легкая и относительно скорая, хотя за один раз она редко проходит большие расстояния; полет, правда, не такой скорый, но все еще достаточно быстрый и притом настолько своеобразный, что птицу легко можно узнать на всяком расстоянии, так как она широко машет своими выпуклыми крыльями, то поднимающимися высоко кверху, то опускающимися книзу, подбирает шею и вытягивает свои длинные ноги назад. Благодаря очень хорошо разви-

Шилоклювка
(*Recurvirostra avosetta*)

* Это не совсем так. В Средней Азии, например, шилоклювка — обычный обитатель внутренних мелководных соленых водоемов.

**Семейство
ШИЛОКЛЮВЫЕ**

тым плавательным перепонкам, она может передвигаться на глубоких местах, плавает легко и ловко и делает это без особенной причины. Ее свистящий голос звучит несколько уныло, но отнюдь не лишен приятности. Призывный крик похож на «кюи» или «дютт», в пору спаривания птицы издают жалобное и часто быстро повторяемое «клиу».

Обыкновенно шилоклювку видят или стоящей в воде, или медленно бродящей по ней, с постоянными кивками и движениями в разные стороны головой; здесь она отыскивает пищу, нередко погружает всю голову в воду или тинистое дно, причем часто окунается наполовину, как утка. Клювом она пользуется несколько иначе, чем другие болотные птицы. Она, по выражению Наумана, «как саблей» движет им из стороны в сторону, подхватывая плавающую добычу, удерживая ее кромками нижней поверхности клюва, а затем проглатывает. Эта оригинальная птица, медленно продвигаясь вперед, бороздит своим клювом по лужам, оставшимся после отлива, и буквально кишачим мелкими животными; покончив с одной, она переходит к другой. Часто с одной лужей возится час и более. Обыкновенно вначале кладет свой клюв на воду или на разжиженный ил, несколько секунд копается в нем, как утка, после чего стремительно начинает взмахивать клювом. Впрочем, последнее движение, как это можно было наблюдать на пойманных экземплярах, служит только для того, чтобы расшвырять ил и обнажить добычу, а не для того, чтобы захватывать ее. Я все-таки видел некаторых птиц, которые косили своим клювом по низкой сырой траве или ловили в воде плававшую добычу. Я шилоклювок наблюдал часто и внимательно, но думаю, что на илистых озерах они гораздо чаще копаются клювом в иле, подобно уткам, чем косят им, как саблей.

Шилоклювка, живя всегда обществами, очень пуглива и во всех случаях улетает при приближении человека. Подходя к месту, где сотни этих птиц усердно занимаются ловлей добычи, можно заметить, как по первому предостерегающему крику все они становятся беспокойными и тотчас же вплавь или вброд удаляются на глубокое место, или снимаются, успокаиваясь только тогда, когда будут вне выстрела.

Пойманные шилоклювки требуют заботливого ухода и обильного корма из личинок насекомых или муравьиных яиц и при этих условиях живут в клетках годы.

**СЕМЕЙСТВО
КУЛИКИ-СОРОКИ (*Haematopodidae*)**

Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*) отличается приземистым туловищем и большой головой; клюв у него длинный, прямой, сильно сжат с боков, спереди клиновидный и очень твердый; ноги средней длины и очень сильны; на лапе три коротких и

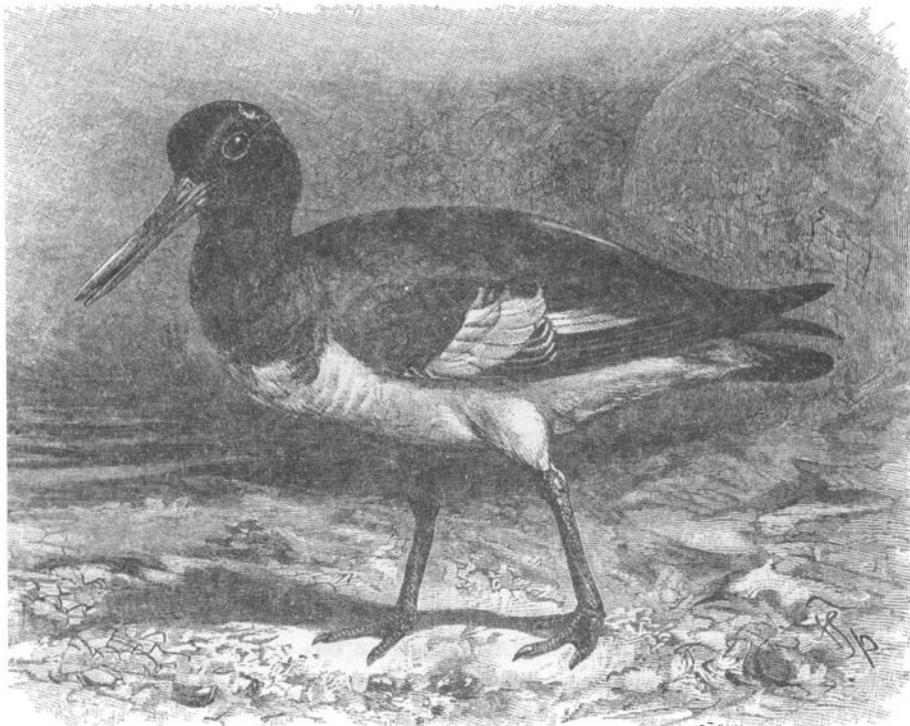
широких пальца, между средним и наружным пальцами замечается большая перепонка. Крылья средней длины, острые; хвост довольно короткий, сзади срезан прямо и состоит из 12 рулевых перьев. Оперение на верхней части тела, передней части шеи и на зобе черное со слабым металлическим отливом; нижняя часть спины, надхвостье, место под глазами, грудь и брюшко белые; большие маховые и рулевые перья у основания белые, а в остальной части черные. Глаза ярко кроваво-красные, у краев оранжевые, а голое колечко около них сурикового цвета; клюв такого же цвета, но имеет светлый кончик; ноги темно-красные. Длина птицы 42 см, размах крыльев 82, длина крыла 25, а хвоста 11 см. Самка немного меньше ростом, и черный цвет на груди у нее занимает меньше места. При зимнем одеянии на горле замечается белое полулунное пятно.

Кулик-сорока встречается на всех европейских морских побережьях, особенно там, где они каменисты. Его находят также на островах Северного моря, берегах Ледовитого океана и, что всего удивительнее, около больших сибирских рек, например, по нашим собственным наблюдениям, по нижнему течению Оби. В южную Европу он прилетает зимой, но не очень часто, так как его странствования во многих отношениях своеобразны. Так, например, он улетает каждую осень с берегов Северного моря, в Исландии же перелетает только с северного побережья на южное. Объясняется это очень просто тем, что эта птица остается весь год на тех берегах, которые омываются Гольфстримом, а улетает с тех берегов, где вода зимой замерзает. Во время перелета кулик-сорока по возможности держится берегов, не задумываясь, перелетает морские пространства, но очень неохотно летит через материк, почему во внутренних частях Европы принадлежит к числу редких птиц.

Хотя по виду эта птица кажется неуклюжей и тяжелой на подъем, но на самом деле она очень подвижна. Кулик-сорока бегает с короткими отдыхами, обыкновенно не очень торопясь и семеня ногами, но в случае нужды может бегать очень быстро. Благодаря своим широкопалым лапам, легко держится на самом мягком иле; прекрасно плавает, скоро и сильно летает, большей частью по прямой линии, но также и дугами со смелыми поворотами, причем чаще парит, чем другие береговые птицы. Голос его похож на свистящее «гиип» и слышен очень часто; иногда он сопровождается продолжительным «квиррррр»; случается, что этот звук произносится порывисто и тогда звучит как «квик-квик, кевик-кевик». На месте гнездования он удивительно благозвучно поет трелями, что повторяется несколько раз и продолжается долго.

Благодаря своему поведению, он очень заметен среди других птиц. Ни одна птица на побережье не может сравниться с ним по беспокойной деятельности, смелости, драчливости при постоянно

хорошем расположении духа. Когда он сытно поел и немного отдохнул, то начинает гоняться за другими куликами и дразнить их, так как не в состоянии долго сидеть на одном месте и долго оставаться спокойным. Подобные забавы часто переходят в серьезные драки, так как каждая птица старается отомстить за нанесенную ей обиду. Кулики зорко наблюдают за каждой прилетающей или улетающей маленькой птичкой, а больших, например уток и гусей, встречают и провожают громким криком. На берегу часто появляются птицы, которых кулики-сороки привыкли считать своими врагами или, по крайней мере, нарушителями своего спокойствия. Как только приближается подобная птица, например ворона, ворон, большая хищная птица или крупная чайка,

*Кулик-сорока
(Himantopus ostralegus)*

то один из куликов тотчас же подает сигнал к нападению, а все другие громко кричат, чтобы дать знать о его появлении другим птицам, бегут к неприятелю и с удивительной смелостью бросаются на пришельца. В этом случае они очень похожи на чибисов, но имеют лучшее оружие и потому дерутся с большим успехом. Само собой разумеется, что прочие жители берега скоро начинают понимать значение их крика,

например, отличают призывный голос кулика от крика предостережения. Там, где встречаются морские кулики, они играют самую важную роль на побережье и в известном смысле управляют образом жизни всех других мелких береговых птиц. Эти хитрые создания везде осторожно избегают человека. Они узнают рыбаков, пастухов и знают, что эти люди на них не нападают, и потому спокойно позволяют им приближаться, но всех других людей они встречают недоверчивыми взглядами и позволяют охотнику только в первый раз приблизиться к ним на расстояние выстрела; второй раз их уже не обманешь.

Почему по-немецки и по-французски эту птицу называют «устричный ловец» трудно понять, так как она никогда не ест устриц. Кулик-сорока охотно питается мелкими мягкотелыми,

съедает при случае и большого моллюска, который лежит мертвым на берегу, но живую устрицу он не в состоянии открыть*. Пища его главным образом состоит из мелких червяков, и, вероятно, он кормится преимущественно червяками пескожилами. Без сомнения, не пренебрегает маленькими раками, рыбками и другими морскими животными, а когда около берега пасется скот, то ловит и насекомых, водящихся около стад. Он часто переворачивает камни и большие раковины.

Легче всего приблизиться к куликам, когда они спят в полуденные часы, но их внешние чувства так сильно развиты, что и тогда к ним нужно подходить очень осторожно, так как они уже издали слышат шаги приближающегося человека. Охота затрудняется еще тем, что их не так легко убить выстрелом дроби. Впрочем, серьезно охотятся за куликами только естествоиспытатели и начинающие неопытные охотники, потому что мясо их совсем не годится для пищи, вследствие того, что приобретает очень неприятный вкус от их корма. Яйца, напротив, считаются очень большим лакомством. Любители иногда ловят этих веселых птиц живыми, чтобы держать в неволе.

СЕМЕЙСТВО БЕКАСОВЫЕ (*Scolopacidae*)

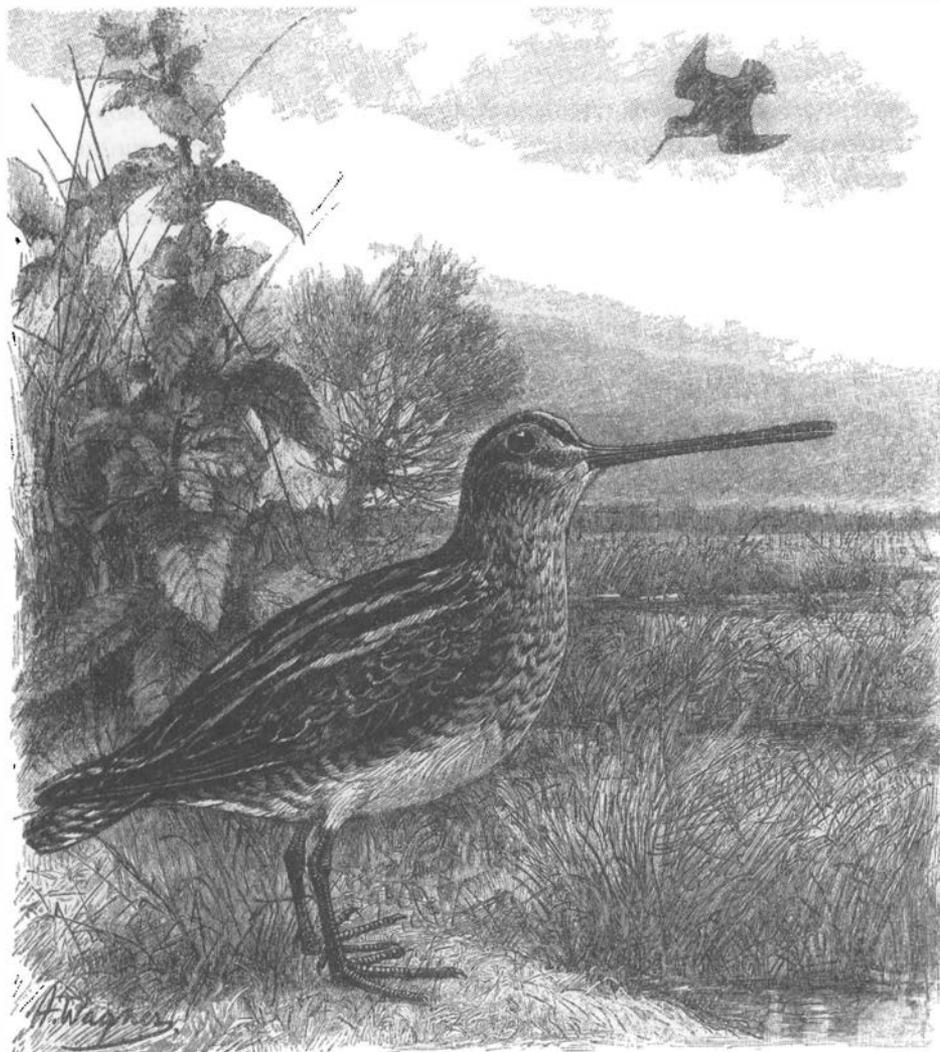
Характерными признаками птиц этого семейства будут следующие. Тело их цилиндрическое, голова сильно выпуклая, средней величины, клюв тонкий, ноги слабые. Тонкие, крылья заостренные, задний край их с более или менее серповидной выемкой, а перед первым большим маховым пером имеется добавочное маленькое, узкое маховое перышко; хвост короткий, сильно округленный. Оперение отличается большой мягкостью.

Все принадлежащие к этому семейству птицы живут в сырых, болотистых местностях; летом держатся парочками, осенью и зимой стайками, выказывают друг к другу большую привязанность или, по крайней мере, охотно держатся вместе. Они питаются насекомыми, их личинками, червяками, моллюсками и ракообразными. Кладка состоит из четырех грушевидных яиц землистого цвета; вылупившиеся птенцы скоро покидают гнездо. Родители ходят с выводками пуховых птенцов, пока последние не становятся в состоянии отыскивать пищу самостоятельно. Все бекасовые птицы, живущие у нас, принадлежат к перелетным; бекасовые птицы, живущие в южных широтах, — к кочевым.

Главным представителем этого семейства является **вальдшнеп** (*Scolopax rusticola*), характеризующийся следующими признаками. Клюв его довольно длинный, на конце округленный, ноги низкие, плотные, выше плюсны оперенные, маленький задний палец имеет короткий коготь. Крылья довольно круглые, тупые, хвост состоит из 12 рулевых перьев. Оперение передней части голо-

* Местами на морских побережьях основным кормом куликов-сорок служат двусторчатые моллюски-мидии, которых в обиходе неправильно называют устрицами. Раковины мидий кулики-сороки с успехом открывают, раздвигая сомкнутые створки своим мощным, твердым и заостренным наподобие отвертки клювом и перерезая им мускул-замыкатель раковины моллюска.

вы — серое, верхняя часть головы, затылок и затылок имеют четыре бурых и столько же ржаво-желтых поперечных полосок, верхние части тела сверху ржавого цвета с ржаво-серыми, ржаво-желтыми, серо-бурыми и черными пятнышками, горло беловатое, нижняя часть тела серо-желтоватого и бурого волнистого оттенка. Маховые перья покрыты ржавыми пятнами по бурому фону, рулевые перья такими же, но по черному фону. Очень крупные глаза бурого цвета, клюв и ноги серого рогового цвета. Длина птицы достигает 32 см, размах крыльев 58, длина крыла ее 21, хвоста 9 см; вес птицы, по Гофману, в среднем равняется от 308 до 309,7 г, но может колебаться между 250 и 406 г.

Обыкновенный бекас
(*Gallinago gallinago*)

Эти птицы предпочитают держаться в крупных и густых лесах, нежели в небольших зарослях кустарника, вероятно потому, что крупные леса предоставляют для них более защиты, нежели мелкие, впрочем, они посещают и мелкие, и весьма охотно. В бедных лесами областях вальдшнепы нередко опускаются в кустарники садов или в одиноко разбросанные кусты.

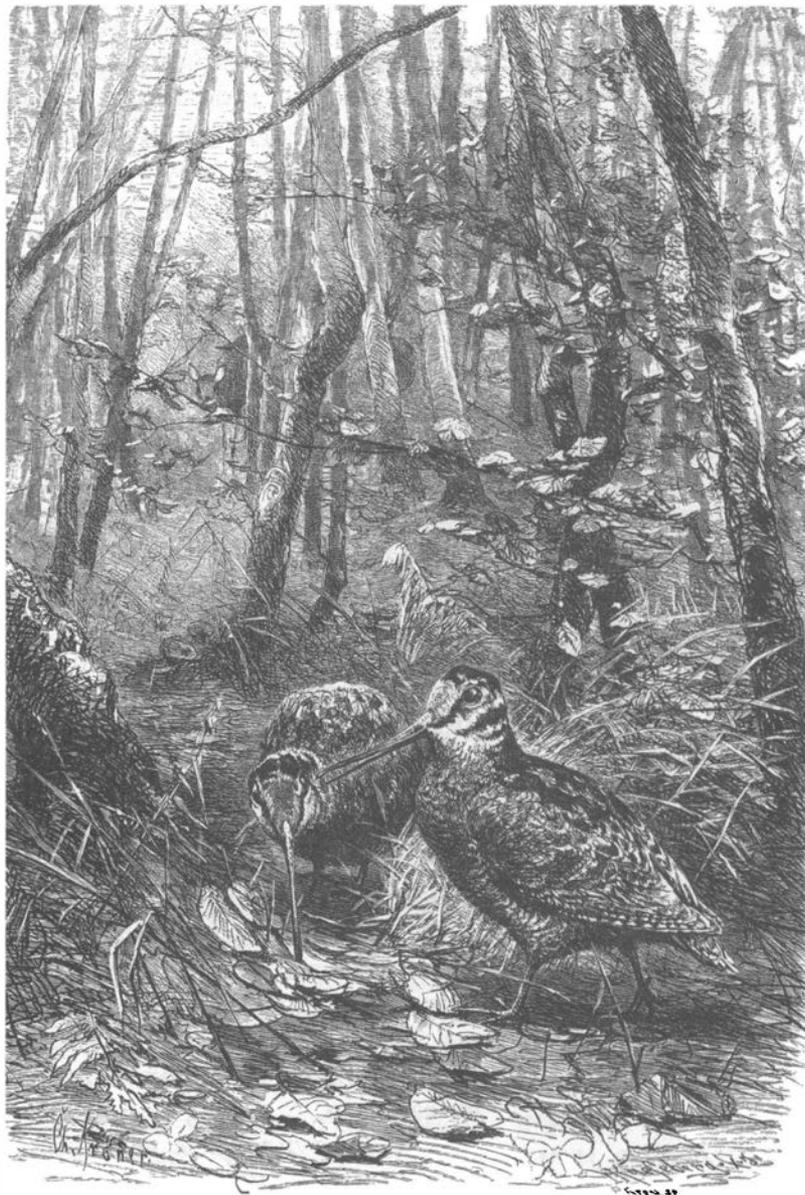
Вальдшнепы, по-видимому, ни одному дереву не отдают особенного предпочтения, и в хвойных лесах их встречают столь же часто, как и в лиственных. Главное для их жизни — наличие сырой мягкой лесной почвы, в которой они могли бы рыться клювами. В этом отношении их потребностям соответствуют необъят-

рья покрыты ржавыми пятнами по бурому фону, рулевые перья такими же, но по черному фону. Очень крупные глаза бурого цвета, клюв и ноги серого рогового цвета. Длина птицы достигает 32 см, размах крыльев 58, длина крыла ее 21, хвоста 9 см; вес птицы, по Гофману, в среднем равняется от 308 до 309,7 г, но может колебаться между 250 и 406 г.

За исключением некоторых островов на севере, вальдшнеп является обычным гостем всех областей Европы, всего севера Азии, Средней Азии, также Мадейры, Канарских и Азорских островов; иногда залетает в Исландию и был встречен на Ньюфаундленде.

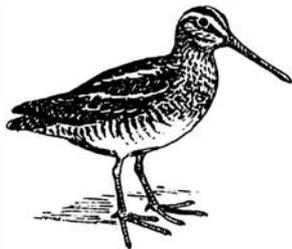
ные леса севера, состоящие большей частью из сосен. Сосновые боры песчаных областей не представляют благоприятных условий для их пребывания.

Наблюдения над ежедневной или семейной жизнью вальдшнепов далеко не легки, так как они чрезвычайно боязливы и недоверчивы. Днем они никогда не показываются на открытых местах; если же вынуждены спуститься на такие, то, распластавшись, плотно прижимаются к почве, причем окраска их оперения сливается с цветом земли, как это замечается у серой куропатки. Если в лесу очень тихо, то может случиться, что и днем увидишь их бегающими по земле, но в подобных случаях они всегда выбирают места, где по возможности могут считать себя скрытыми от яркого света, по всей вероятности, для них неприятного. Только с наступлением сумерек становятся смелее и начинают свою беготню. В спокойном состоянии они подтягивают шею, держат тело горизонтально и опускают к земле кончик клюва. Ходят, сгорбившись, крадучись, мелкими шажками, немного торопливо и не останавливаясь, но зато полет их во всех отношениях превосходен. Вальдшнепы могут пролететь, не задевая, сквозь густейшую чащу ветвей; соразмеряют быстроту своего полета с обстоятельствами и, то торопя, то умеряя его, ловко несутся в любом направлении. Иногда они круто поднимаются вверх, но никогда, по крайней мере днем, не поднимаются высоко на воздух и, насколько возможно, избегают открытых пространств, при полете издают глухой кряхтящий звук, по которому их узнает всякий охотник, даже если и не видит самой птицы. Обыкновенно вальдшнеп, напуганный днем выстрелами охотни-

Вальдшнеп
(*Scolopax rusticola*)

*Семейство
бекасовые*

** На самом деле только кажется, что во время тяги вальдшнеп летит медленно. Замеры скорости его движения показали, что она равняется 7 м/с. Функция токового полета («тяги») самца вальдшнепа — привлечение самки.*

ков, вечером взлетает с места почти вертикально и затем летит, как только может быстрее.

Совершенно иной полет этой птицы, когда она «тянет», т.е. продельывает свои воздушные упражнения, чтобы доставить удовольствие самке. В это время вальдшнеп приподнимает все перья, почему выглядит гораздо крупнее, чем есть на самом деле, пролетает чрезвычайно тихо, слабо взмахивая крыльями, и скорее становится похожим на сову, нежели на какую бы то ни было болотную или голенастую птицу*. Если два вальдшнепа-самца налетят друг на друга, между ними начинается оригинальная борьба в воздухе. Они долгое время гоняются один за другим, взаимно нанося удары клювами, иногда в полном смысле схватываются и мешают друг другу лететь. Случается, что три вальдшнепа образуют настоящий клубок и при падении вниз запутываются в густых ветвях. Эти драки, аналогичные токованию, начинаются уже во время полета; вначале они длятся короткое время, позднее на местах гнездования становятся более продолжительными, но с наступлением сумерек обыкновенно оканчиваются.

Первое время живого вальдшнепа можно счесть за глупую птицу, но это большая ошибка: он не только осторожен, но, сверх всякого ожидания, прямо-таки умен и, по крайней мере, хитер. Он очень хорошо понимает ту защиту, которую доставляет его оперение, подходящее под цвет земли или древесной коры, и мастерски умеет выбирать места для укрытия. Зоркий глаз самого испытанного и опытного охотника может просмотреть вальдшнепа, притаившегося в густой листве, среди сухого древесного валежника, возле свалившегося на землю куска коры или у торчащего корня дерева, и только в счастливом случае птицу можно открыть по ее крупным глазам. В таком положении он остается столько времени, сколько того требует осторожность. Когда же его преследуют, часто подпускает охотника на несколько шагов и затем вдруг снимается, при этом не иначе, как по другую сторону куста, и всегда с таким расчетом, чтобы между ним и охотником был куст или дерево. Перед тем, как садиться, вальдшнеп часто описывает широкую дугу, но, достигнув чащи, забирается еще дальше, иногда даже делает зигзаг и нередко так ловко обделывает дело и прячется, что охотник начинает искать его там, куда он и не садился.

С наступлением вечерних сумерек вальдшнеп вылетает на кормежку на широкие лесные прогалины, луга и на лесные болота или держится по близости этих мест. Здесь хорошо спрятавшийся наблюдатель, о присутствии которого птица совершенно не подозревает, может видеть, как вальдшнеп своим длинным клювом переворачивает и ворошит опавшую листву, открывая спрятавшихся под ней личинок, жуков и червячков, или «торкает» клювом серую, рыхлую почву, делая одно отверстие вплотную с другим. Точно таким же образом он поступает со свежей трухой

от коры, наполненной всевозможными личинками. Обыкновенно вальдшнеп не застывает долго на одном месте, а перелетает с одного на другое. Его пищу составляют личинки различных насекомых, сами насекомые, мелкие голые слизняки, в особенности дождевые черви. В неволе, если вначале ему в достаточном количестве доставлять дождевых червей, он мало-помалу привыкает и к вымоченной в молоке булке, и к муравьиным яйцам. Он очень скоро научается бурить в мягком дерне, даже если был взят из гнезда молодым, и не имел случая познакомиться с этим способом добывания пищи.

Самец, по-видимому, мало заботится о самке, однако присоединяется к ней, когда птенцы вылупятся и выбегут из гнезда*. Обе птицы выказывают заботу о своей семье, пугливо взлетают при приближении какого-либо врага, летят от него, испуская испуганное «дак-дак», однако описывают при полете лишь небольшой круг и снова падают на землю по близости гнезда. Молодые в это время так хорошо прячутся во мху и в траве, что без собаки их найти почти невозможно. Многочисленные охотники, а между ними и очень внимательные наблюдатели, видели, как старые вальдшнепы в минуту большой опасности уносили своих птенцов, взяв их когтями, или прижав их шей и клювом к груди, или захватив клювом, или зажав между бедрами**.

Они взлетали и относили своих цыплят в более безопасное место. Однако окончательно все-таки не выяснено, каким из вышеупомянутых способов эти птицы переносят своих детенышей. На третью неделю своей жизни птенцы начинают перепархивать и, хотя они не вполне еще научились летать, становятся уже самостоятельными.

Врагами вальдшнепов, их птенцов и яиц являются дикие и домашние кошки, куницы, ястребы и перепелятники, благородные соколы, сойки и сороки. Охотятся за ними только на пролете, а жители юга — и во время зимовки птиц, несмотря на то, что их мясо тогда бывает жестко и твердо. Охота на тяге принадлежит к числу самых приятных для истого охотника; немало удовольствия доставляет собой и охота на выводков. Местами эту прекрасную дичь ловят птичьим клеем, тенетами, петлями, силками и другими способами.

В Африке я познакомился с **цветным бекасом** (*Rostratula bengalensis*). Верхние части оперения самца черно-серые; продольная полоска посередине головы, надбровные и плечевые полоски — желтоватые. Верхние части крыла имеют бурый фон, покрытый волнистым рисунком; передняя часть шеи и верх грудки темного черно-серого цвета с белым волнистым рисунком; остальные нижние части белые. Маховые и рулевые перья украшены золотисто-желтыми глазчатыми и черными поперечными пятнами. У самок верхняя часть тела темно-бурая, неравномерно исчерченная поперечными зелено-черными полосками. Голова бу-

Семейство бекасовые

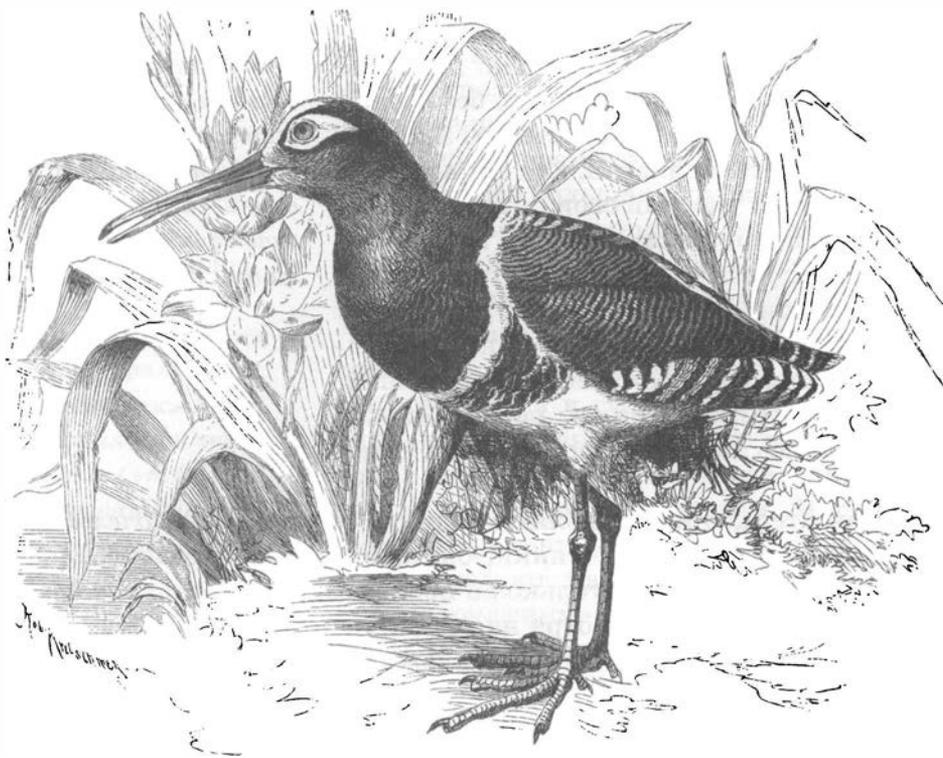

* Специальными исследованиями с индивидуальным мечением птиц показано, что насиживает яйца и заботится о птенцах у вальдшнепа только самка, самцы не участвуют в воспитании потомства.

** Действительно, есть очень редкие наблюдения, когда при опасности взрослые вальдшнепы переносили птенцов на другое место, зажав их между ногами, но случаи переноса птенцов в клюве, видимо, выдуманы. Клюв у вальдшнепа мягок и не настолько прочен, чтобы зажать в нем и удержать птенца.

рого цвета с зеленоватым отблеском, брови желтовато-белые. Полоска, идущая посередине головы, желтоватая; шея коричнево-бурая; передняя часть грудки черно-бурая, перехват, идущий от шеи к плечам, белый. Маховые и рулевые перья покрыты зеленым и черным волнистым рисунком и украшены золотисто-желтыми пятнами; кроющие перья крыльев зеленоватого цвета с мелкими черными полосками. Глаза у этих птиц карие; клюв у конца киноварно-красного цвета, у основания — темно-зеленый; ноги светло-зеленые. Длина самцов достигает 24 см, самок 26 см; размах крыльев у первых 42, у вторых — 47 см, длина крыла их 14, а хвоста 5 см.

Область распространения цветного бекаса простирается на большую часть Африки и южной Азии. Я находил их по берегу

Цветной бекас
(*Rostratula bengalensis*)

озера Мензала и в Нижнем Египте, а одиночных бекасов и в Судане. Другие натуралисты видали их в Сенегале, у Мозамбика и на Мадагаскаре, а экспедиция Гюсфельдта встречала их и в Нижней Гвинее. Кроме того, этот бекас водится в Японии, Китае и Индии, на Цейлоне и на Зондских островах, равно посещает и южную Австралию. По моим исследованиям, он не совершает перелетов. Так, его одновременно встречают в Нижнем Египте и в Восточном Судане. Он живет на болотах и топях, на заливных полях, однако держится и в кустах, даже в камышах, причем довольствуется для жизни самым небольшим клочком подходящего места. Весной цветные бекасы держатся парочками, позднее соединяются в небольшие стайки из 4—6 штук.

Образом жизни бекасы в существенных чертах напоминают куликов, но больше похожи на пастушков. Это ночные или сумеречные птицы. По возможности, прячась, они бегают между скрывающими их растениями, редко показываются на открытых местах и, если уж им приходится перебежать одно из таких мест, то как можно скорее спешат добраться до спасительной чащи.

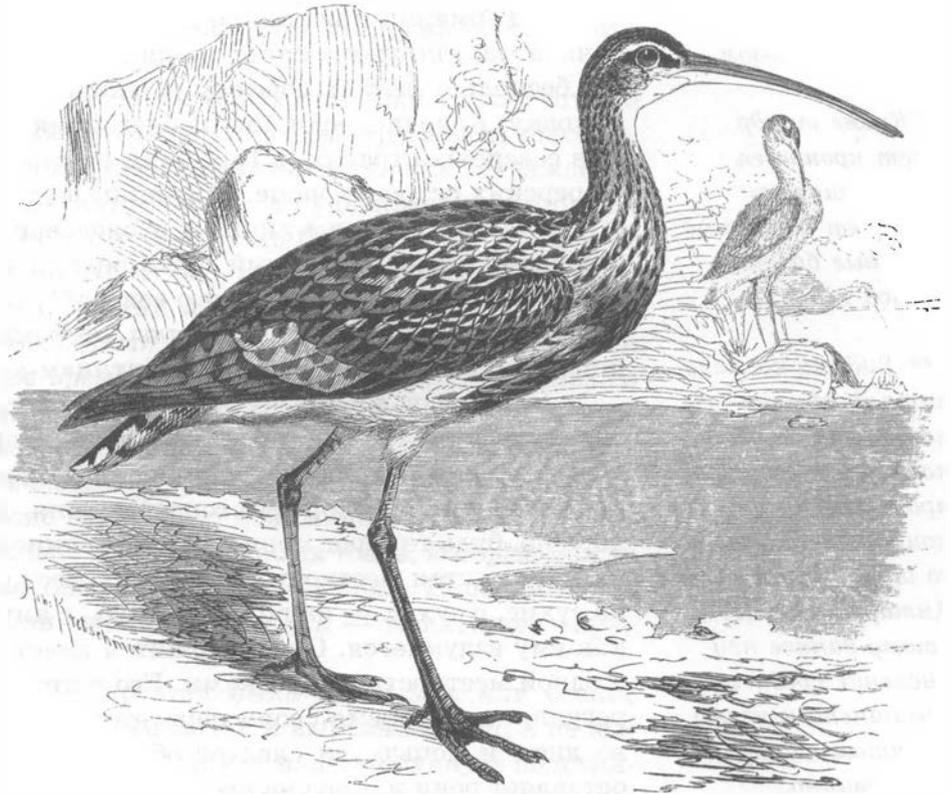
Их бег очень быстр, какова бы ни была почва, по которой они бегут, твердая или топкая. Но тем хуже их полет; все наблюдавшиеся мною цветные бекасы вырывались из-под самых моих ног, скорее перепархивая, чем летя, двигались вперед низким, неуклюжим и ковыляющим полетом и через несколько мгновений снова садились. Порхание этих жалких летунов нисколько не похоже на ловкий и искусный полет наших бекасов: даже водяные пастушки и коростели летают лучше их. Призывный голос, слышащийся весной, — это громкий, двусложный крик, который я передают слогами «нэки-нэки».

О размножении этих бекасов я не мог узнать ничего определенного.

Большой кроншнеп (*Numenius arquatus*). Длина его достигает 70—75 см, размах крыльев — 125 см, длина крыла — 32, хвоста — 12, клюва — 18—20 см. Оперение верхних частей тела бурое со светлыми ржаво-желтыми каемками. Нижняя часть спины белая с бурыми продольными пятнами, нижняя часть остального тела ржаво-желтая с бурыми стержнями перьев и продольными пятнами. Маховые перья черные, с белыми каемками и пятнами; три первые пера на внутренних опахалах имеют белые каймы,

остальные снабжены зубчатыми, более светлыми пятнами. Рулевые перья имеют черно-бурые поперечные полосы. Глаза темно-карие, клюв черный, у основания нижней половины оливково-серый, ноги свинцово-серого цвета. Молодые отличаются от старых коротким клювом и более бледными пятнами оперения нижних частей тела.

Средний кроншнеп (*Numenius phaeopus*) на одну четверть менее большого кроншнепа. Длина его достигает 52 см, размах крыльев 90, длина крыла 24, хвоста и клюва 11 см. Оперение, в общем, сходно с оперением вышеописанного вида.

Большой кроншнеп
(*Numenius arquatus*)

Семейство
бекасовые

* В Северной Америке обитает не большой кроншнеп, а похожий американский кроншнеп (*Numenius americanus*). Это вид отличается от большого кроншнепа более охристым оперением и более длинным клювом.

** Кроме тундр этот кроншнеп также широко населяет обширные верховые болота лесной зоны.

*** Видами-космополитами обычно называют виды, которые гнездятся практически на всех континентах земного шара, кроме Антарктиды. Поэтому данное причисление среднего кроншнепа к космополитам не вполне обоснованно.

**** Упоминание о наблюдениях кроншнепа в Новой Гвинее относится к дальневосточному кроншнепу (*Numenius madagascariensis*) — виду, также похожему на большого

Тонкоклювый кроншнеп (*Numenius tenuirostris*) отличается от среднего кроншнепа, которому по величине приблизительно равен, заметно более тонким клювом, более светлой окраской всего оперения, иногда цветом нижних шейных перьев. Его темя покрыто по ржаво-желтому фону черно-бурыми пятнами, по бокам груди и в паху — большие яйцевидные или ромбические пятна, белые хвостовые перья, украшены ясно очерченными черными поперечными полосами.

В Европе нет ни одной области, в которой не наблюдали бы большого кроншнепа: на севере он гнездится, на юге бывает во время своего пролета. Регулярно появляется на большей части Азии; в Африке, как и в Индии, прилетает в сентябре и остается до марта. В северозападной Америке он тоже не принадлежит к числу редких птиц*.

В Германии появляется в апреле и лёт его продолжается до начала мая, но уже в конце июля кроншнеп возвращается обратно, бесцельно летает повсюду и, наконец, в сентябре улетает на зимовку. Конечно, если погода благоприятна, то при случае зимует в северных странах, в Германии реже, в Великобритании и на Фарерских островах чаще. В Греции, по словам графа фон Мюле, а в Испании, по моим личным исследованиям, одиночных кроншнепов встречают круглый год. Средний кроншнеп в гнездовую пору живет в тундрах далекого севера**, совершает такие же далекие перелеты, как и другие виды, поэтому, как и большой кроншнеп, должен быть причислен к птицам-космополитам***.

По образу жизни все виды так походят друг на друга, что будет совершенно достаточным, если я ограничусь описанием образа жизни большого кроншнепа. Из всех куликов он наименее разборчив в выборе местопребывания. Для него всякое место хорошо, будь то берег моря или внутренние реки и озера, равнины или холмистая местность. С мокрых мест он летит на совершенно сухие, с сухих — на поля или луга, с них снова к воде, словом, как ему вздумается. Он то держится вместе с бекасами, то живет в одной местности с авдотками. Его встречают всюду, но никогда регулярно. Во время своих перелетов, совершаемых им одинаково днем и ночью, он следует общим пролетным путям, хотя и оставляет реки и озера на несколько миль в стороне и, не задумываясь, перелетает через горы средней высоты. На озерах представляет обычное явление. Подобно ибисам, он ловит в степях кузнечиков или, как в Нубии, отыскивает корм по скалистым берегам Нила. Все экземпляры, убитые Пехуэлем Леше в Нижней Гвинее на берегу моря и в лагунах, питались исключительно крабами****.

Я наблюдал кроншнепа на его гнездовьях в Лапландии и Сибири, Белом и Голубом Ниле, в Египте, Греции, Испании и Германии, видел его при различных условиях и убедился, что он всегда остается одним и тем же. Он пуглив, осторожен, недоверчив,

полон сознания собственного достоинства и все-таки боязлив. Будучи более общительной птицей, чем другие кулики, охотно объединяется в небольшие общества, и его осторожность всегда собирает вокруг него стаи других, менее понятливых голенастых птиц. Человека избегает всюду, даже в местах гнездования, хотя там он выказывает себя несравненно менее пугливым, чем где-либо в других местах. На южных озерах становится невыносимым, так как здесь он для охотника еще более неприятный страж, чем чибис. Кроншнеп постоянно взлетает, не только во время близкой опасности, но даже если издали увидит что-либо подозрительное. При этом он очень хорошо распознает опасных для него людей от неопасных. Подпускает к себе пастуха и крестьянина и улетает от всякого более или менее необычного для него человека. Моим помощникам удавалось убивать кроншнепов гораздо чаще, чем мне, хотя я и прилагал все старания перехитрить это лукавое создание.

Осанкой, походкой, полетом и голосом кроншнеп выгодно отличается от остальных куликов. Он ходит крупными шагами, но легко и красиво, «поступью джентльмена», как выражается Науман; если ему нужно идти быстро, то удваивает ширину шагов, но не число их. Он часто бродит по брюхо в воде и плавает хорошо и непринужденно. Полет его, хотя и не особенно быстрый, но ровный, правильный, ловкий и иногда сопровождается самыми разнообразными поворотами. Перед тем, как сесть, кроншнеп обыкновенно некоторое время кружится в воздухе; опускаясь со значительной высоты, он складывает крылья и камнем, со свистом, несется стремглав вниз, однако, несколькими взмахами крыльев и распустив их, вовремя удерживается от удара о землю, на которую и садится после некоторого ковыляния в воздухе. Голос его состоит из округленных, полных, звучных тонов, которые можно передать слогами «таю-таю» и «тлаюид-тлаюид». Перекликаясь, кроншнепы издают «тви-тви»; крик страха — кряхтящее «крэ» или «крю».

Гнездо кроншнепа — простая ямка среди мха или осоки, которая, по-моему, просто выминается и выравнивается, а не выкапывается птицей. В одних гнездах я нашел скудную подстилку из натасканного растительного материала; в других она состояла из мха. Четыре яйца, крупнее утиных, размером около 66 мм в длину и 46 мм в толщину. Они имеют грушевидную или округлую форму, не слишком гладкие, лишены глянца. По грязному оливково-зеленому фону с желтоватым и буроватым оттенком покрыты темно-серыми пятнами и крапинками, а также зеленоватыми черно-бурыми пятнами, штрихами и завитками. Самец и самка, по-видимому, сидят на яйцах попеременно, проявляют горячую любовь к своему потомству и, при виде врага, подвергают себя опасности. Молодые, как только можно, скорее уводятся в места, заросшие высокой травой.

кроншнепа, но отличающегося от последнего гораздо более длинным клювом и некоторыми другими морфологическими и поведенческими особенностями.

Пищу взрослых кроншнепов составляют насекомые, самые разнообразные и во всех стадиях развития, червяки, ракушки, рачки, также рыбешки и гады, наконец, всевозможная растительная пища, в особенности ягоды; молодые едят только насекомых, а на севере исключительно комаров и их личинок.

Охота за кроншнепами нелегка, и помочь охотнику может только случай. Более благоприятные результаты получаются от ловли этих птиц на гнезде; их ловят из шалаша, как бекасов. Кроншнеп для завязанного птицелова является такой же желанной добычей, как для охотника глухарь или олень. Необыкновенная осторожность и понятливость птицы требуют со стороны ловца самого строгого внимания. Он не смеет пошевелиться в своем шалаше, должен хорошо подражать голосу птицы, притом избегать выкрикивать не вовремя или затягивать этот крик. Такая охота является хорошим испытанием терпения и заставляет ловца выжидать птиц долго, при этом нередко понапрасну. «Зато не малая бывает и радость птицелова, когда пять, шесть и даже больше кроншнепов одновременно запутаются в сетях».

Мясо кроншнепов недурно, но по вкусу уступает мясу бекасов; при этом оно хорошо только поздним летом, но не осенью или весной. Кроншнепы, убиваемые зимою в Африке, годятся разве только на суп.

Между мелкими птицами, которые живут на берегах моря, иногда замечаешь очень красивую и проворную птичку, которая отличается от других не только своей внешностью, но также и своеобразным поведением. **Камнешарка** (*Arenaria interpres*), о которой я хочу говорить, встречается почти по всему земному шару. На берегах Исландии и Скандинавского полуострова, в Греции, южной Италии и в Испании, в Австралии, Северной Америке и в Бразилии, в Египте и у мыса Доброй Надежды, в Китае и в Индии. Птицу эту видишь чаще всего около моря и только во время перелета, и то лишь поодиночке, около рек и озер.

Туловище у камнешарки довольно плотное, голова сравнительно большая, лоб выпуклый, клюв короче головы, конусообразный, сверху немного загнутый, на спинке плоский и везде твердый. Ноги не очень высокие, но сильные, лапы четырехпалые, крылья длинные и острые. Хвост, скорее короткий, состоит из 12 рулевых перьев, на конце слегка округленный. Оперение довольно густое, но плотно прилегающее и отличается пестрой окраской. Длина достигает 24 см, размах крыльев 48, длина крыла 15, а хвоста 6 см.

Следует предположить, что камнешарка при перелете преимущественно держится берегов, ее редко встречают в глубинах материков. Как на севере, так и на юге Европы можно заметить, что перелет этих птиц совершается так же регулярно, как и у других береговых птиц. На Скандинавском полуострове, в Исландии и Гренландии камнешарки появляются в первых числах апреля,

их прилет тянется до середины мая, а покидают эти страны уже в конце августа. В это же самое время птиц замечают на северных и на южных берегах Средиземного моря. В летнем своем местопребывании камнешарки живут парочками и только во время перелета маленькими стайками; зимой они иногда соединяются с маленькими песочниками. Стаи эти только тогда удаляются от морского берега, когда вблизи есть озеро с соленой водой.

Камнешарки отличаются красотой оперения, живостью, подвижностью и веселым нравом. Их редко видишь в спокойном состоянии, разве только среди дня они дремлют несколько минут, сидя на одном месте. В остальное время они в постоянном движении от раннего утра до заката солнца и часто даже ночью. Когда камнешарки отыскивают корм, то ходят довольно тихо, семена ножками, но могут чрезвычайно быстро передвигаться на большие расстояния; обыкновенно они пробегают некоторое пространство сразу, затем на минутку останавливаются на каком-нибудь возвышении и снова бегут дальше.

Камнешарка летает так же хорошо, как и все ее родичи, с быстротой стрелы несется по воздуху, ловко поворачивается и двигается так же хорошо над землей, как и на значительной высоте. На морском берегу камнешарка принадлежит к числу самых осторожных птиц. Она охотно пользуется предостережениями других, более крупных береговых птиц, но когда находится в обществе маленьких песочников, то сама берет на себя роль сторожа, так что ее слушаются. При преследованиях делается очень пугливой.

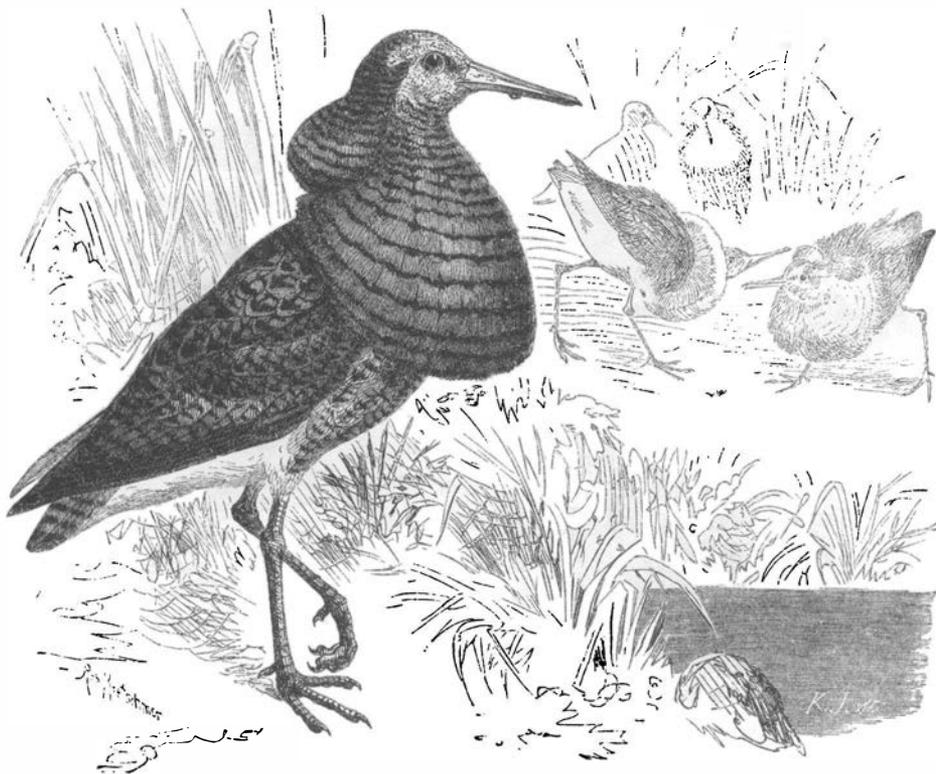
В деятельности она все время отыскивает корм, который состоит из мелких морских животных, преимущественно червей и небольших мягкотелых. Чтобы достать их, роется в песке и переворачивает камни, отчего и происходит ее название. Она, без сомнения, схватывает и насекомых, которые находятся на берегу,

Камнешарка
(*Arenaria interpres*)

там, куда волны не достают. Настоящей областью ее питания следует считать береговую полосу, которая высыхает только во время отлива.

Камнешарка устраивает гнездо охотнее всего на небольших плоских песчаных островках или на каменистых местах побережья. Самое гнездо состоит из ямки, застланной несколькими сухими травками. Кладка состоит из четырех яиц, имеющих 40 мм длины и 30 мм ширины; у них гладкая скорлупа серовато-бурого, желтовато-оливкового или синевато-зеленого цвета с темно-бурыми, серыми и черновато-оливковыми пятнами, точками и завитками, которых бывает больше на тупом конце.

Турухтан
(*Philomachus pugnax*)

Очень интересная птица **турухтан** (*Philomachus pugnax*). Клюв его равен длине головы, прямой, у кончика слегка согнутый, но не расширенный, по всей длине мягкий. Ноги высокие и тонкие, четырехпалые; средний палец с наружным соединены маленькой перепонкой, задний палец короткий и сочленяется довольно высоко. Крылья средней длины и заостренные. Хвост короткий, плоско закругленный. Мягкое и густое мелкое опере-

ние к телу прилегает большей частью гладко; весной самцов украшают большие боевые воротники, покрывающие их шею и грудь. Самцы отличаются от самок, они на треть крупнее и в брачную пору имеют оперение в высшей степени разнообразное по цвету. Около клюва у них вырастают своеобразные бородавки, осенью пропадающие вместе с воротниками. Описание, которое было бы общим для всех турухтанов, дать невозможно. Верхняя сторона крыльев — темно-буро-серая, хвост черно-серый с черными пятнами на шести средних перьях, брюхо белое, остальное оперение бывает чрезвычайно разнообразно по окраске и рисунку. Воротник, окружающий большую часть шеи, состоит из жестких, крепких, около 5 см длиной перьев. Фон его черно-синего, черного, черно-зеленого, темно-ржаво-бурого, красно-бурого, ржавого, бело-

го и других цветов; при этом он бывает покрыт такими разнообразными, светлыми или темными пятнами, полосами, разводами или рисунками, что трудно найти двух самцов, которые были бы похожи друг на друга. Исследования показали, что у одной и той же птицы каждый год на пере появляется один и тот же рисунок и одна и та же окраска. Грудные перья бывают одного рисунка с воротником или окрашены иначе. То же относится к окраске спины. Длина птицы достигает 29—32 см, размах крыльев около 64, длина крыла ее 19, хвоста 8 см. Оперение самок не меняется. Верхние части тела у них серого цвета, который более или менее отлиывает красным и покрыт темными пятнами; лицевая часть и лоб обыкновенно светло-серые; перья верхушки головы серые с продольными буро-черными пятнышками. Затылочные перья серые, перья спины и плеч имеют буро-черное среднее поле и ржавые края; перья на горле и под глоткой серые, оперение брюха более или менее белого цвета. Длина самки достигает 26 см при размахе крыльев в 57 см.

Отечество турухтанов — север Старого Света; одиночные экземпляры, впрочем, залетали и в Северную Америку. На своем пролетном пути эти птицы не только посещают все европейские и азиатские области, но и всю Африку; их убивали на Капской земле, в Сенегале и на верхнем течении Нила. Очень обширные плоские болота обыкновенно служат пристанищем для турухтанов. Их часто можно видеть на морском берегу, хотя настоящей морской птицей назвать нельзя. Они следуют долинам рек от моря и до далеких областей внутри материков, держатся большей частью вблизи этих рек, но иногда отлетают довольно далеко от их берегов и встречаются на полях и даже в степях.

До птенцовой поры и после высидывания поведение самцов и самок совершенно одинаково. Походка их красивая, скорее шагающая, нежели бегающая, поступь гордая и полная достоинства; полет очень быстрый, но плавный и отличающийся легкими и быстрыми поворотами. Едва покажется заря, как они, подобно родственным видам, уже веселы и бодры, и так вплоть до глубокой ночи, а при луне деятельны и всю ночь; таким образом, отдыхают и спят они самое большее в полуденные часы. Утром и вечером усердно заняты отыскиванием корма, который состоит из различных водяных животных; впрочем, они едят и наземных насекомых, червяков, а также и различные семена. Отыскивая корм, турухтаны ведут себя тихо и молчаливо, всецело поглощенные важным занятием; в это время разве только при взлете можно услышать их очень слабый крик, оживленное «как-как». С наступлением ночи они становятся более деятельными и часто долгое время носятся повсюду, по-видимому, ради собственного удовольствия.

Поведение турухтанов совершенно изменяется, когда наступает пора спаривания. В это время они вполне оправдывают свое латинское название (*rignaх* — «боевой»). Между самцами начи-

Семейство бекасовые

наются непрерывные драки, возможно даже, что не из-за самок, а из-за всякой мухи, жучка, червячка, из-за места, — словом, из-за всего, а в сущности, не из-за чего. Близко от них самки или их нет рядом, находятся сами самцы на свободе или томятся в неволе, пойманы они несколько часов тому назад или уже годы прожили в клетке — все это для турухтанов не имеет значения. Когда приходит время, они пускаются между собой в драки, дерутся во всякое время дня, дерутся решительно при всех условиях. Там, где турухтаны в изобилии, они собираются на особые места, которые расположены друг от друга шагов на 500—600. Такие места посещаются дерущимися турухтанами ежегодно, и от постоянного пользования почва этих площадок становится отличной от почвы окружающего леса. Местом боя избирается слегка возвышенная, всегда сырая, покрытая короткой травой площадка от 1,5 до 2 м в поперечнике. Такое место несколько раз в день посещается известным количеством самцов. Здесь каждый поджидает своего противника и вступает с ним в драку. Пока воротниковые перья на шее турухтана не выросли, на такой площадке его не увидишь, но лишь только он оденется в полный брачный наряд, то с удивительной настойчивостью придерживается раз выбранного места.

Иногда на месте боя присутствует и самка. Она занимает такое же место, как и самцы, бегаёт кругом между ними, но никогда не вмешивается в драку и скоро опять улетает прочь. Тогда может случиться, что какой-нибудь самец последует за ней, и некоторое время они проведут вместе. Однако вскоре он снова возвращается на поле битвы, более не заботясь о самке. Никогда не бывает, чтобы самцы гонялись один за другим во время полета. Драки происходят только на избранных аренах, вне которых царствует полный мир.

Гнездо редко устраивается вдали от воды, чаще помещается на какой-нибудь кочке в болоте, представляя собой не более как ямку, скудно выложенную твердыми стебельками и травинками. Кладка состоит из четырех, реже трех яиц значительной величины, около 40 мм в длину и 32 мм в поперечнике. Они оливково-буроватого или зеленоватого цвета с красновато-бурыми или черноватыми пятнами, покрывающими поверхность яйца у тупого конца гуще, чем у острого. Самка сидит на яйцах одна, высиживая птенцов 17—19 дней*. Она очень любит свое потомство и возле гнезда прибегает к тем же уловкам, что и другие кулики; птенцы ведут тот же образ жизни, что и родственные виды. Самец не заботится о своем потомстве.

Ни одного кулика нельзя поймать с такой легкостью, ни один кулик не привыкает так легко к неволе, как турухтан. Стоит поставить силки на месте боев, и самец непременно попадет в них; турухтанов ловят часто и в большом количестве в сачки для ловли бекасов. В клетках они тотчас же свыкаются, без всяких колебаний принимаются есть и живут очень хорошо.

* Подробными наблюдениями установлено, что период насиживания у турухтанов составляет 22—23 дня.

Кроме человека, турухтанов преследуют все известные четвероногие и пернатые враги мелких птиц; в особенности многие делаются добычей хищных птиц. Яйца и птенцы гибнут при разливах. Мясо турухтанов вкусно, яйца их собирают на еду.

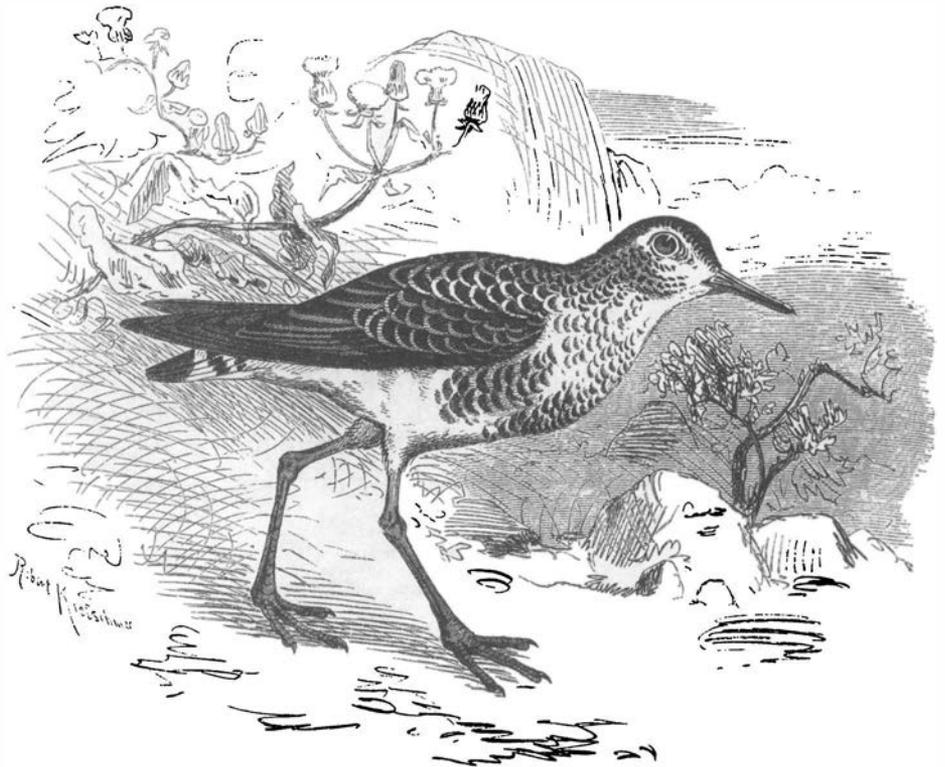
Песчанка (*Calidris alba*) отличается от родственных видов отсутствием заднего пальца. Длина ее достигает 18 см, размах крыльев 38, длина крыла 12, хвоста 5 см.

Отечеством этой милой птички служит север всего земного шара, местом пребывания — берега морей и океанов. Отсюда зимой она совершает перелеты на юг и зимует в Греции, Испании, Египте, Китае; однако улетает и в более южные широты, особенно в южную Азию, среднюю Африку, Бразилию. Она вообще не наблюдалась до сих пор только в Австралии*.

Внутри материков она показывается редко, следуя во время перелетов, по видимому, направлению морских берегов. На зимовках песчанка живет более или менее многочисленными обществами, летом же — парочками.

Походка ее красива и проворна, полет изящен, ловок и быстр, сходен с полетом речной ржанки. Летая с места на место, песчанка ведет себя тихо, всегда занята; она несколько спокойнее своих сородичей, но столь же беззаботна и доверчива. Часто примешивается к стае песочников или вообще к кучке береговых птиц; при виде человека ощущает мало страха. Голос песчанки простой, свистящий, отрывистый, тихий призывный крик, который можно передать слогами «при» или «шри». Крик этот, смотря по обстоятельствам, звучит по-разному и имеет разное значение.

Как и другие родственные ей виды, песчанка ест всевозможных мелких животных. На берегу у самой линии морского прибоя можно видеть кучку песчанок; дождавшись приливной волны, они вместе с ее отливом бегут вслед за ней к морю и вновь удирают от нового приливного вала. Это бегание продолжается

Песчанка
(*Calidris alba*)

* В настоящее время песчанки зимуют и в Австралии, особенно много их на западном побережье этого материка.

* Сейчас о размножении песчанки известно больше, чем во времена Брема, тем не менее она по-прежнему остается малоизученным видом куликов.

часами. Однако их можно встретить и вдали от воды, где они усердно заняты, тыкая нос то туда, то сюда, и так углубляются в это занятие, что, прежде чем заметить человека, подпускают его всего на несколько шагов; только тогда они пугаются и улетают прочь.

Так как песчанка гнездится исключительно на севере, то о размножении ее нам еще пока ничего не известно*. Яйца имеют глинисто-желтый или зеленоватый фон и покрыты несколькими слабыми пурпурово-буроватыми пятнышками и довольно неправильными желтовато-бурыми крапинками.

На морском берегу за песчанками охотятся так же, как и за всеми мелкими береговыми птицами, и часто один выстрел укладывает много этих беззаботных пташек.

СЕМЕЙСТВО ТИРКУШКОВЫЕ (Glareolidae)

«Когда крокодил лежит на земле с открытой пастью, — рассказывает Плиний, пользуясь сообщением Геродота, — то туда влетает птичка трохил и очищает ему пасть. Это нравится крокодилу, и потому он щадит птицу и даже еще шире открывает пасть, чтобы птице не пришлось погибать, когда она захочет вылезти. Птица эта невелика, не больше дрозда; она держится вблизи воды и предупреждает крокодила о приближении ихневмона, причем прилетает к нему и, отчасти голосом, отчасти клеванием в морду, будит это животное». Это сообщение, которое следовало бы отнести в область басен, имеет, однако, основание, так как и ныне замечается дружба между крокодилом и его сторожем, как называют арабы эту птицу.

Египетский бегунок (*Pluvianus aegyptius*). Телосложение у него приземистое, голова средней величины, относительно меньше, чем у ржанок, клюв величиной более половины длины головы и довольно толстый. Ноги значительно ниже, чем у других ржанок, но все же довольно высокие, а лапы трехпалые. Крылья настолько длинны, что когда сложены, то достигают конца хвоста; хвост средней длины, слабо округленный. Перья на задней части головы образуют короткий хохолок. Длина достигает 22 см, длина крыла 13, хвоста 7 см. Самка только немного меньше самца.

Изображение египетского бегунка часто встречается на древнеегипетских памятниках; он и теперь еще очень обыкновенен в Нильской долине. От Каира вверх по течению реки его можно встретить везде на удобных местах. Его область распространения на юг простирается настолько, насколько я сам туда проникал, но я его видал только около самого Нила, и потому можно считать берега этой реки за его родину на северо-востоке Африки. Впрочем, его видели и около рек западной Африки, а изредка и в Пале-

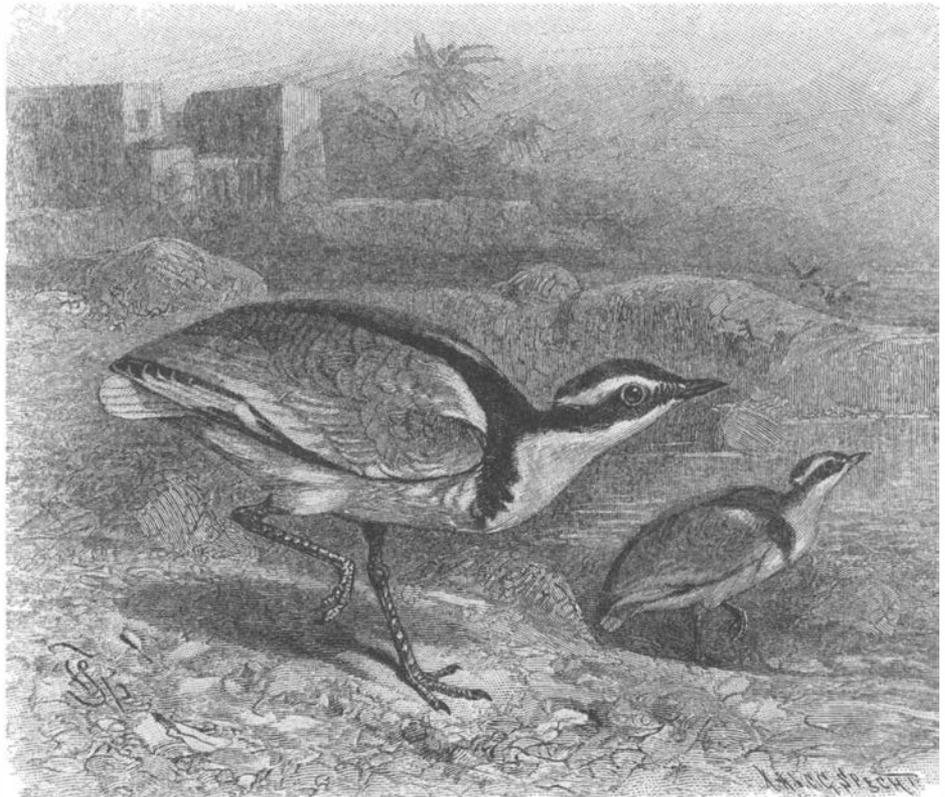
стине, но встречали ли его в Европе, еще неразрешенный вопрос. Во всяком случае его нельзя считать ни перелетной, ни кочующей птицей*.

Если возможно, то он избирает местопребыванием песчаную отмель и до тех пор остается там, пока поднятие воды его оттуда не прогонит.

Трудно себе представить путешественника, которому не бросилась бы в глаза эта красивая, живая, ловкая и крикливая птица. Она очень заметна, когда бегаёт по берегу Нила со свойственной этому семейству быстротой, но еще заметнее, когда летит над водой, причем видна вся красота ее крыльев, испещренных черными и белыми полосками. Бег чрезвычайно скорый, но не порывистый; полет, благодаря острым крыльям, очень быстрый и, по-видимому, несколько не утомляет птицу, хотя очень далеко она никогда не летает.

Египетский бегунок почти всегда летает от одной песчаной отмели к другой и при этом держится низко около самой воды. Во время полета слышен его громкий свистящий голос, состоящий из нескольких тонов, которые можно передать слогами «чип-чип-хойт». Но птица эта кричит и в спокойном состоянии, и во время бега, она гораздо более говорлива, чем ее родичи.

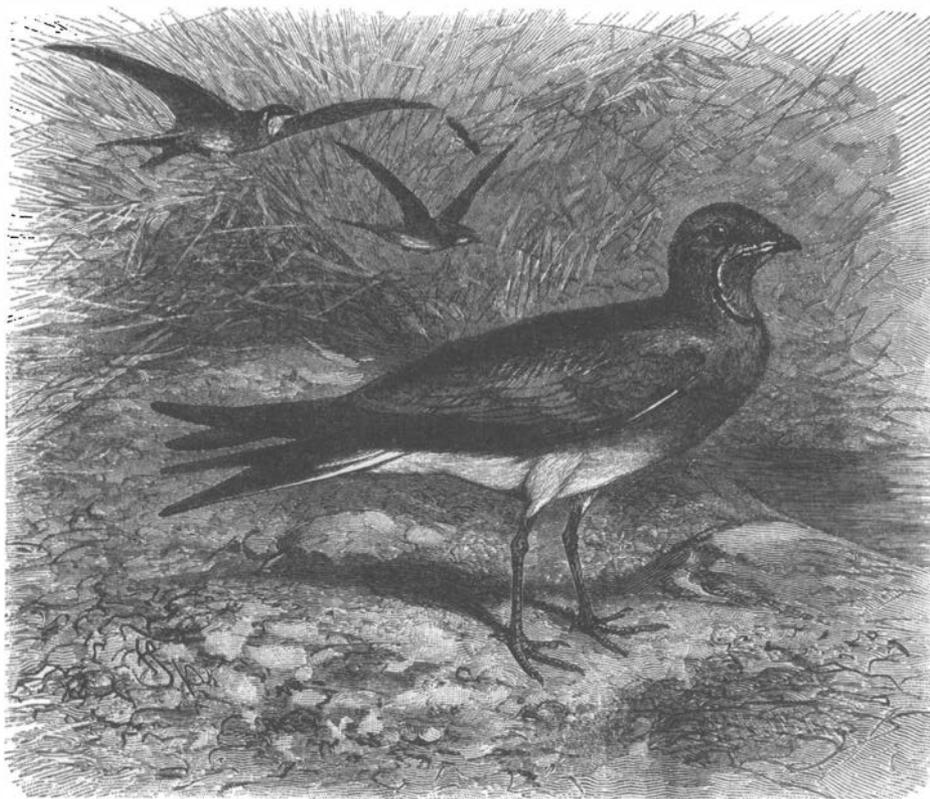
Арабы совершенно справедливо называют бегунка «крокодиловый сторож», хотя он оказывает услуги не только крокодилу, но и всем другим животным, которые желают пользоваться его предостережениями. Каждый корабль, каждый приближающийся человек, каждое большое млекопитающее привлекают его внимание, и он спешит громким криком оповестить об этом окружающих. Бегунок замечательно хитер и понятлив и имеет удивительную память. Кажется, что он вовсе не боится опасностей, потому что очень хорошо понимает степень их важности; он действительно живет в дружбе с крокодилом, но не потому, что это прожорливое

Египетский бегунок
(*Pluvianus aegyptius*).

* Египетский бегунок распространен в Африке к югу от Северного тропика до Великих озер и бассейна р. Конго. В Палестину и в Европу он очень редко залетает.

пресмыкающееся питает к нему какие-либо нежные чувства, а потому, что бегунок умеет приноровиться к опасному соседству вследствие своей внимательности и проворству. Так как он постоянно живет на тех же песчаных отмелях, где греется на солнце крокодил, то и научился жить в полной безопасности около этого хищного животного. Он без опасения бегаёт взад и вперед по спине чудовищного пресмыкающегося, как будто двигается по зеленому дерну. Спокойно клюет насекомых и пиявок, которые собираются сосать крокодила, осмеливается даже чистить зубы своему гигантскому приятелю, в буквальном смысле этого слова выклеивает

*Луговая тиркушка
(Glareola pratincola)*

* В степях Сибири луговая тиркушка не живет. Здесь ее заменяет близкий вид — степная тиркушка (*Glareola nordmanni*), которая отличается от луговой черным исподом крыльев.

кусочки пищи, засевшие между зубами. Ест животных, которые присосались к губам и деснам крокодила. Все это я видел несколько раз. В обращении с орланом бегунок выказывает столько же смелости, сколько и рассудительности, он похож на воробья, который залетает в клетку с пойманными орлами и, по-видимому, равнодушно собирает крошки на глазах хищной птицы. Заслуга крокодилового сторожа в том, что он в высшей степени внимателен и хорошо понимает степень опасности. Крик, который он издает при виде всякого незнакомого и, по-видимому, опасного существа или предмета, будит спящего крокодила и заставляет искать спасения в более безопасной для него стихии.

Обыкновенная пища бегунка состоит из различных животных, но возможно, что он иногда ест и зерна. Он клюет всевозможных насекомых, жуков, живущих в песке, мух, водяных пауков, червячков, маленьких улиток, рыб.

Луговая тиркушка (*Glareola pratincola*) встречается во всех странах около Средиземного и Черного морей, на равнинах по Дунаю и Волге, в степях южной России и Сибири*. Длина ее равняется 26 см, размах крыльев 59, длина крыла 19, а хвоста 10 см. Оперение верхней части тела бурое с жирным оттенком, затылок ржа-

во-бурый с грязным оттенком, плечи и кроющие перья с металлическим отливом, надхвостье, нижняя часть груди и брюшко белые, верхняя часть груди грязно-буроватая. Красновато-желтое горло окружено бурой каемкой, большие маховые перья и их кроющие — черные, малые маховые перья у конца сероватые с узкой белой каемкой, нижние кроющие перья крыла темного, каштаново-бурого цвета, рулевые перья черновато-бурые, у основания белые, крайние — с белыми каемками на наружных опахалах, а средние имеют такие каемки на конце. Глаза темно-карие, клюв черный, около угла рта кораллово-красный, ноги черно-бурые. Самец и самка очень похожи друг на друга.

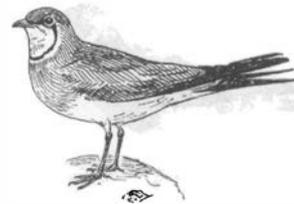
Степная тиркушка (*Glareola nordmani*), которая живет в степях около Черного моря, отличается от луговой тиркушки более высокими плюснами и черно-бурой окраской нижних кроющих перьев крыла*.

Область распространения обеих тиркушек простирается далеко за пределы Европы. Они при перелетах посещают все страны средней и южной Европы, Среднюю и южную Азию и всю Африку. Луговая тиркушка появляется ежегодно в Египте в числе многих тысяч, и потому была известна древним египтянам, очень часто изображалась на древних памятниках, причем обозначалась там как птица, за которой охотятся; например, по древней могильной надписи видно, что один богатый египтянин Пта-Хотен в течение жизни убил 111 000 тиркушек.

Тиркушка прекрасно бегают, но еще лучше летает. Бег ее происходит с остановками, вроде того, как у ржанок, но с тем различием, что тиркушка при этом машет хвостиком, как каменка. Полет ее похож на полет щурки и отличается быстротой, красивыми изгибами, быстрыми поворотами и чрезвычайно большим разнообразием движений. Голос может быть передан слогом «клит», к которому присоединяется иногда жужжащее «керр». Среди внешних чувств наиболее развито зрение, о чем можно догадаться по большим глазам и по всем действиям живой птицы.

Во время гнездования видишь, как эти красивые, безвредные птички попарно, бегая или летая, охотятся за насекомыми: жуками, мелкими бабочками, большими комарами, коромыслами и кузнечиками. Бегом они охотятся довольно часто и делают это на манер бегунков, но с той особенностью, что тиркушки иногда прыгают до метра вышины, чтобы поймать летящее насекомое; еще чаще они охотятся, летая с такою ловкостью и проворством, которые немного уступают полету ласточек. Они неустанно носятся взад и вперед над болотными камышами, засеянными полями, а особенно клеверными лугами, внезапно бросаются вниз, открывают широкий клюв и ловят насекомое одинаково ловко, летит оно или сидит на высокой траве, причем щелканье клюва тиркушек очень хорошо слышно. Тиркушки глотают целиком всех съедобных животных совершенно так, как это делает козо-

Семейство тиркушковые

* В наши дни степная тиркушка стала очень редким видом Причерноморских степей. Основная область ее гнездования располагается в степной и полупустынной зонах Нижнего Поволжья, Казахстана, Приуралья и юга Западной Сибири.

Семейство тиркушковые

* Четыре яйца в кладках тиркушек встречаются далеко не часто. Обычно эти птицы откладывают только три яйца, и довольно обычны кладки из двух яиц.

дой. Они похожи на козодоев еще тем, что часто охотятся поздно вечером, так что их можно скорее назвать сумеречными, чем дневными животными. В полуденные часы всегда спят, сидя около своего гнезда, а во время перелета спят, усевшись длинными рядами на берегу реки или моря.

Для устройства гнезда тиркушки предпочитают сырые берега болот, не заросшие деревьями пастбища в степях или такие поля, которые возделаны только отдельными местами. Гнездо состоит из ямки, выстланной травой и корешками; в кладка четыре яйца*.

Тиркушки любят свое потомство так же нежно, как большинство других голенастых птиц, и употребляют все средства, чтобы спасти яйца и птенцов от нападений врага. Птенцы очень скоро покидают гнездо, в первые же дни своей жизни умеют отлично прятаться; они скоро вырастают и приобретают внешность и привычки взрослых.

В Венгрии и России беспощадно собирают яйца тиркушек, в Греции преследуют и самих птиц из-за мяса, которое осенью очень жирно и потому очень вкусно.

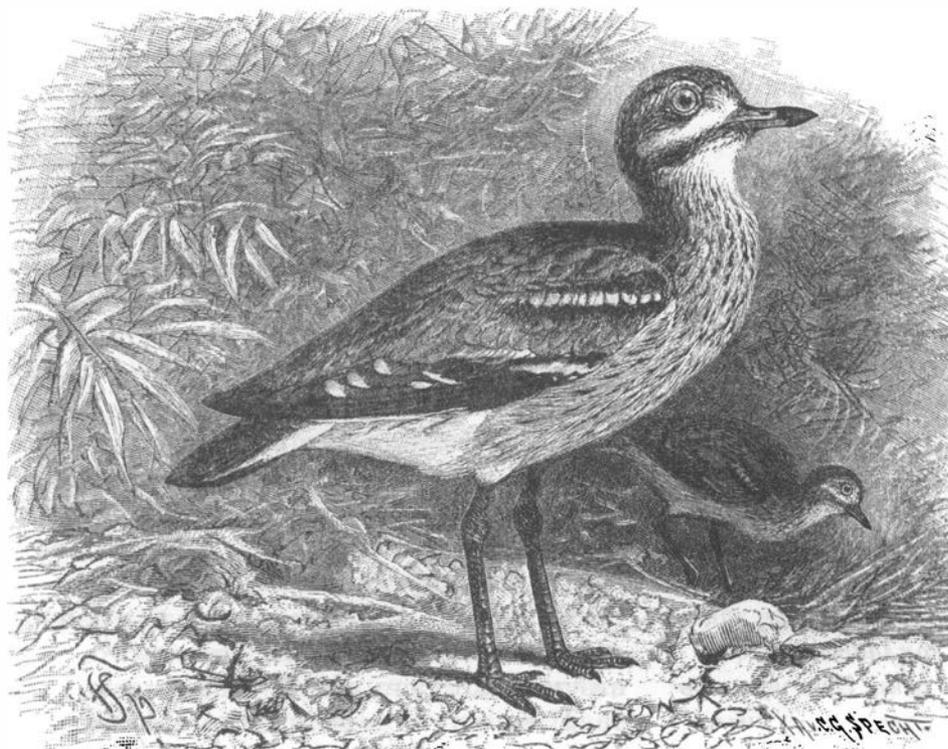
СЕМЕЙСТВО АВДОТКОВЫЕ (Buurhinidae)

Авдотка (*Burhinus oedicnemus*), по-другому, лежень, имеет в длину 45 см, размах крыльев достигает 80, длина крыла 25, а хвоста 13 см. Оперение всей верхней части тела такого же цвета, как у жаворонков; перья ржаво-серые с черно-бурыми полосками посередине; лоб, местечко около глаз, полоски над глазами и под ними — белые. Белая полоска проходит и по верхней части крыла. Нижняя часть тела желтовато-белая, маховые перья черные, рулевые перья тоже черные, только края их и кончики белые. Глаза золотисто-желтые, клюв желтый с черным кончиком; ноги соломенно-желтого цвета; веки также желтые. У молодых птиц преобладающая окраска — ржавый цвет.

Родиной авдоток считаются страны южной Европы, северной Африки и Средней Азии, где имеются настоящие пустыни или, по крайней мере, степные пространства. Все страны по Средиземному морю, Сирия, Персия, Аравия, Индия и другие оказывают приют множеству этих птиц. В Венгрии, Австрии и Германии в них также недостатка нет; они встречаются даже в Голландии, Великобритании, Дании и южной Швеции, где их, по крайней мере для Германии, следует причислить к постоянно встречающимся птицам, так как они из года в год водятся на одних и тех же местах. Поздней осенью авдотка покидает северные страны, перелетает на юг Европы или в другие местности соответствующей широты, а весной возвращается обратно. Живущие около Средиземного моря авдотки уже не странствуют, а просто, как оседлые

или кочевые птицы, из года в год путешествуют по одной и той же области. Местожительства этой птицы весьма разнообразны, хотя всегда имеют пустынный характер. Арабы уверяли меня, что хорошо известная им птица, которую они называют «караван», не только днем садится на мечети, фабрики и другие здания, плоские крыши которых редко или никогда не посещаются людьми, но даже гнездится там. По тому, что я сам наблюдал, у меня нет никаких оснований сомневаться в справедливости этих рассказов. Только в одном отношении наша авдотка при всех обстоятельствах остается верной себе: ее местожительство должно быть или с далеко открывающимся горизонтом, или с надежным убежищем.

Авдотка — большая любительница одиночества; она несколько не заботится о себе подобных и мало способна уживаться с другими созданиями; тем не менее, внимательно изучает своих соседей и сообразно этому согласует свое дальнейшее поведение. Авдотка никому не доверяет; любое другое животное кажется ей, если не подозрительным, то заслуживающим наблюдения. Таким образом, она вечно всматривается в то, что происходит вокруг, и редко ошибается. Днем ее трудно увидеть, разве только случайно, так как она гораздо раньше замечает приближающегося к ней человека, чем он ее. Если авдотка находится на обширной, ровной поверхности, то плотно прижимается к земле и тогда, благодаря своему одноцветному с землей оперению, становится совершенно незаметной. Если же для прикрытия поблизости есть чаща, то она бежит к ней, но не прячется, а проворно пробегает через кустарники и выходит с противоположной стороны опять-таки на открытое поле. В степи или в пустыне она сначала прижимается к земле, но если убедится, что враг приближается, тотчас поднимается и, не прибегая к помощи крыльев, бежит вперед, время от времени оглядываясь, бежит так быстро, что опережает охотника на расстояние выстрела. Всаднику она так же

Авдотка
(*Burhinus oedicnemus*)

Семейство авдотковые

редко дает обмануть себя, так как отлично понимает, насколько он для нее опасен.

Походка авдотки, пока она не спешит, неповоротливая и трусящая, но может превратиться в быстрый бег; полет ее нежный и мягкий, даже довольно ловкий, но только в редких случаях продолжительный. С наступлением ночи она становится оживленной, беспокойно бегаёт и летает взад и вперед, издает крики, легко, точно играя, поднимается на значительную высоту и демонстрирует такое искусство в летании, какого в ней нельзя было даже подозревать. Быстрыми шагами, подобно тени, скользит по земле, то появляясь на мгновение в полосе лунного света, то снова блуждая, невидимо, как привидение, в неосвещенных местах. Голос авдотки звонко раздается в тихую ночь, особенно во время пролета, когда птица летит высоко над землей.

Авдотка питается червями, насекомыми во всех стадиях их развития, улитками и другими мягкотелыми, лягушками, ящерицами и мышами; яйца и птенцы других пернатых также, по всей вероятности, не застрахованы от ее нападений. Полевых мышей она, по словам Наумана, подстерегает как кошка и очень ловко ловит их на бегу; поймавши, прежде всего наносит им сильный удар клювом, затем схватывает, вторично колотит уже о землю до тех пор, пока не раздробит все кости, и наконец, буквально раздавивши, проглатывает. Насекомых она тоже предварительно убивает, а затем уже проглатывает. Для облегчения пищеварения глотает крупные песчинки.

В конце апреля можно видеть гнездо, маленькое углубление в песке, а в нем, без всякой подстилки 3—4 яйца, величиной приблизительно с куриные. Самка насиживает яйца в течение 16 дней, самец же в это время старательно оберегает ее*. Как только птенцы совершенно обсохнут, они тотчас же пускаются вслед за родителями и больше уже не возвращаются в гнездо. Вначале оба родителя дают своим птенцам готовую добычу, но по прошествии некоторого времени приучают их к самостоятельной охоте. Птенцы при малейшей опасности тотчас же прижимаются к земле, где всякая неровность служит им защитой. Хищника родители стараются как-нибудь отвлечь; но опытному охотнику они выдают свое убежище суетливой беготней вокруг этого места.

Старую авдотку очень трудно обмануть настолько, чтобы подкрасться к ней на расстояние выстрела. В Индии или в Сахаре для ловли употребляют кречетов; но такого способа ловли, который обеспечивал бы верный успех, еще никто не знает.

* Как правило, кладка авдотки состоит всего из двух яиц, бывают кладки из одного или трех яиц, но очень редко. Четыре яйца откладывают две самки. Это установлено специальными исследованиями биологии размножения авдоток.

ОТРЯД
ГОЛУБЕОБРАЗНЫЕ
(Columbiformes)

Семейство
рябковые

СЕМЕЙСТВО
РЯБКОВЫЕ (Pterocletidae)

Образующие самостоятельное семейство рябки представляют не что иное, как голубей, приспособленных к жизни в пустыне. Их своеобразная родина, безлесная и бедная растительностью равнина, будь то совершенная пустыня или степь, пустынное поле или заброшенная местность, как бы отражается в этих птицах. Любимые детища пустынь, рябки имеют не только одеяния, вполне приспособленные к жизни на голых равнинах, но и ту подвижность, которая позволяет им отыскивать пропитание в этих неплодородных местностях.

Благодаря своим длинным крыльям и большому хвосту, они кажутся стройными, но на самом деле сложены очень плотно. Туловище короткое, грудь выпуклая, шея умеренной длины, голова небольшая и красивая, клюв маленький, короткий, слегка загнутый на верхушке и немного утолщенный на нижней челюсти около кончика; он очень незначительно сжат с боков, так что кажется кругловатым. Ноздри расположены у основания клюва и скрыты под лобными перьями; они могут наполовину закрываться особой перепонкой и открываются кверху. Ноги небольшие, со сравнительно короткими плюснами и очень короткими пальцами, а у представителей одного из видов они совсем мало развиты. Все передние пальцы соединены до первого сустава и далее перепонкой, можно даже сказать, что они сросшиеся и оторочены перепонками. Задний палец или недоразвит и прикрепляется очень высоко, или вовсе отсутствует. Когти короткие, слабо изогнутые, тупые и широкие. Крылья с короткой плечевой костью, маховая же часть очень длинная; маховые перья, начиная с первого, равномерно укорачиваются. Хвост, состоящий из 14—18 перьев, иногда закруглен, обыкновенно клиновидно заострен, и два средних пера его гораздо длиннее остальных. Оперение состоит из довольно коротких, широких, закругленных и очень жестких перьев, придающих телу гладкий вид, хотя они и не прилегают к нему особенно плотно. Окраска, подходящая для жителя пустыни, вполне соответствующая цвету почвы, большей час-

тью напоминающая песок; узоры обыкновенно чрезвычайно красивые и разнообразные. Самец и самка в большинстве случаев отличаются друг от друга. Вполне оперившиеся птенцы похожи на мать, но очень скоро приобретают окраску взрослых птиц.

Рябки водятся только в Старом Свете и преимущественно в Африке, хотя нельзя сказать, чтобы в этой части света встречалось наибольшее количество видов. Их родина так же обширна, как и пустыня; поэтому они наиболее многочисленны в Африке, но имеют также представителей в Азии и попадаются даже у нас в Европе, хотя только в той ее части, которая напоминает Африку. Во всех частях света, кроме Европы, имеются свои особые виды, некоторые из них распространены по огромным районам и встречаются в качестве оседлых птиц, а иногда перекочевывают и в такие страны, где они прежде совсем не были известны. Почти все виды живут из года в год на одном и том же месте, или, по крайней мере, в одном и том же районе. Но удивительная способность летать позволяет им без затруднения переноситься на тысячи километров, а особые, еще неизвестные нам причины заставляют их улетать иногда далеко за пределы области распространения.

Немногие птицы умеют так оживлять пустынные местности, как рябки. Среди самой бесплодной пустыни, где только встречаются молчаливые степные бегунки да слышится печальный голос жаворонка, перед путешественником вдруг поднимается с шумом и гамом говорливая, можно сказать, даже болтливая стая этих интересных птиц. Это настоящие жители пустыни. Там, где природа создала хоть какие-нибудь изначальные условия для существования, уже встретишь рябков, можно даже сказать, что именно они извещают нас о существовании таких условий. Часто бывает совершенно непонятно, каким образом они могут находить себе пропитание. Несмотря на то, что им приходится ежедневно летать на водопой, отдаленность воды от той местности, где они ищут пищу, по-видимому, не смущает их; перед сном рябкам ничего не стоит сделать экскурсию, на которую мы потратили бы целый день и даже более. Охотнику или наблюдателю рябки попадают на глаза преимущественно в то время, когда летят на водопой; собравшись в громадную стаю, они летят густой вереницей, издавая крик «кадда-кадда» (так кричат почти все виды их). Даже самый близорукий глаз и самое тупое ухо не могут не заметить их. В другое время далеко не так легко увидеть этих птиц: окраска, приспособленная к пустыне, превосходно защищает их и делает незаметными даже для опытного глаза.

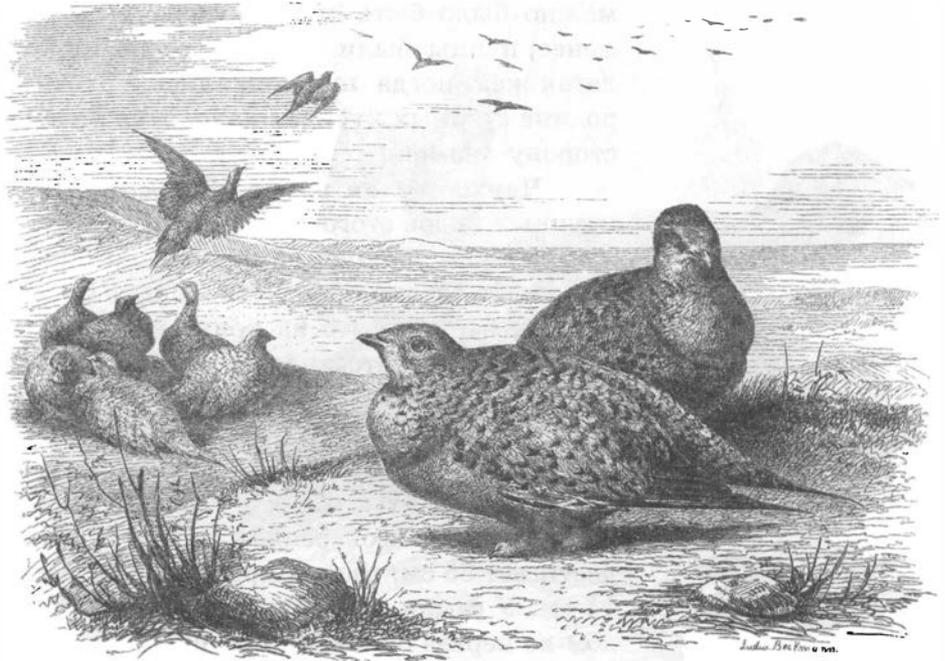
Таким образом, стаи рябков держатся вместе до тех пор, пока не наступит период спаривания и в дело не вмешается любовь. Тогда они разделяются на небольшие группы, а те — на отдельные парочки, из которых каждая выбирает себе удобное местечко на песчаной почве и выкапывает небольшое углубление. Поло-

живши здесь несколько яиц, самка вся отдается высиживанию. Таким образом выводятся одно или два поколения; затем птицы опять собираются в стаи и начинают вести прежний образ жизни, если только этому не помешают какие-нибудь особые обстоятельства.

Саджа (*Syrhaptus paradoxus*), зовется также копыткой, степной курочкой. Достигает 39 см в длину без удлинённых перьев хвоста; размах крыльев 60 см, не считая удлинённых концов маховых перьев. Длина крыла 18 см, длина хвоста 12 см, а вместе с длинными средними перьями около 20 см. Самка немного меньше и тоньше самца.

Паллас описал сажу в 1770 году, но он ничего не сообщает об ее образе жизни и замечает только, что она встречается в степях восточной Татарии. Эверсман несколько точнее определяет ее область распространения и сообщает, что она водится только в степи, к востоку от Каспийского моря до Джунгарии и что на западе она редко встречается севернее 46 градусов северной широты, на востоке встречается гораздо севернее, например, в горных степях южного Алтая, и по верхнему течению Чу и близ китайских форпостов. Богданов сообщает, что степная курочка распространена вдоль всего восточного берега Каспийского моря, особенно в Устюрте. Миссионер Гук дал описание этой птицы и ее образа жизни, представляющее смесь правды с вымыслом, и только Радде и Свинхое впервые дали о ней точные сведения. Описание Радде вполне подтверждает и Пржевальский.

Наши сведения об образе жизни сажки значительно обогатились уже через год после появления сочинения Радде, благодаря странному случаю. Уже в 1866 году Шлегель и Мур несомненно доказали, что отдельные экземпляры этих птиц залетали в среднюю Европу; их убивали на дюнах Голландии и в Англии, и, если верить сообщению Коллетта, то в середине августа 1861 года близ Мандала в Норвегии была замечена стая курочек, штук в

Саджа
(*Syrhaptus paradoxus*)

14—15, и несколько из них были убиты. На такие отдельные экземпляры смотрели как на случайно залетевших гостей и не придавали особенного значения их неоднократным посещениям. Нечто подобное случилось, по словам Свинхое, осенью 1861 года в северном Китае, но здесь пришлось иметь дело не с несколькими, случайно залетевшими экземплярами, а с целой громадной стаей этих птиц, опустившихся на равнины между Пекином и Тьенцином. Китайцы ревностно преследовали этих чужестранных посетителей, хорошо известных у них под названием «садуки» — песочные куры, и рассказывали Свинхое, что они часто ловят этих птиц в сети и убивают из пищалей. После того, как выпал обильный снег, ловля стала до того прибыльна, что рынок Тьенцина был решительно завален ими. Стоило только расчистить от снега некоторые места в степи, расставить здесь сети, и можно было быть вполне уверенным в богатой добыче. Тем не менее, птицы были пугливы, особенно когда держались на земле; летая же, иногда приближались к охотнику. Туземцы знали, что родина степных курочек находится на обширных равнинах, по ту сторону знаменитой стены.

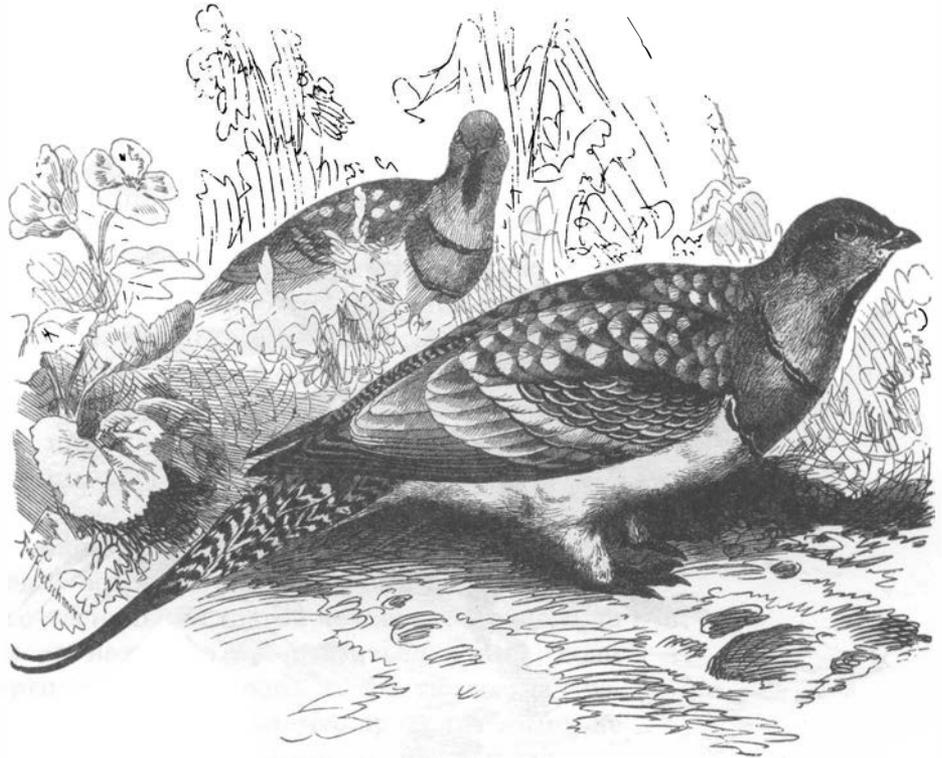
Чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*) — один из самых крупных видов этого семейства. Голова и задняя часть шеи красновато-серые; затылок темнее передней части головы. Нижние шейные перья бледно или темно-желтые с аспидными пятнами, расположенными так, что на конце каждого пера образуется охристо-желтое кругловатое пятно, ограниченное более темной полосой. Горло охристо-желтое, а идущая через него полоса буро-черная. Грудь красновато-серая, а резко обрисовывающаяся грудная полоска — черная или буро-черная, так же, как и брюшко. Оперение ног окрашено в темный буро-желтый цвет. Глаза темно-карие, клюв грязно-синий, неоперенная часть ног темная сине-серая. В длину достигает 35 см; размах крыльев 70, длина крыла 23, длина хвоста 11 см. У самки вся спина и бока шеи песочно-желтые, и на каждом из перьев спины по несколько черно-бурых поперечных полосок. На каждом перье головы, затылка, шеи и передней части груди есть темные пятнышки, имеющие вид капель. Горловая и грудная полосы только слегка обозначены; брюшко тоже буро-черное, но светлее, чем у самца. По моим измерениям, между обоими полами нет почти никакой разницы в росте.

Белобрюхий рябок (*Pterocles alchata*) несколько меньше чернобрюхого, зато окраска более яркая. Самец имеет в длину 37 см, благодаря удлинненным хвостовым перьям, размах крыльев 60, длина крыла 19, а хвоста — 13 см.

Подражательная песчаная окраска достигает полного совершенства у третьего вида описываемых нами птиц, называемого **сенегальским, или пустынным, рябком** (*Pterocles exustus*). Общий цвет его оперения — красивый красновато-буланый, переходящий на щеках и кроющих перьях крыла в ярко-желтый, а на

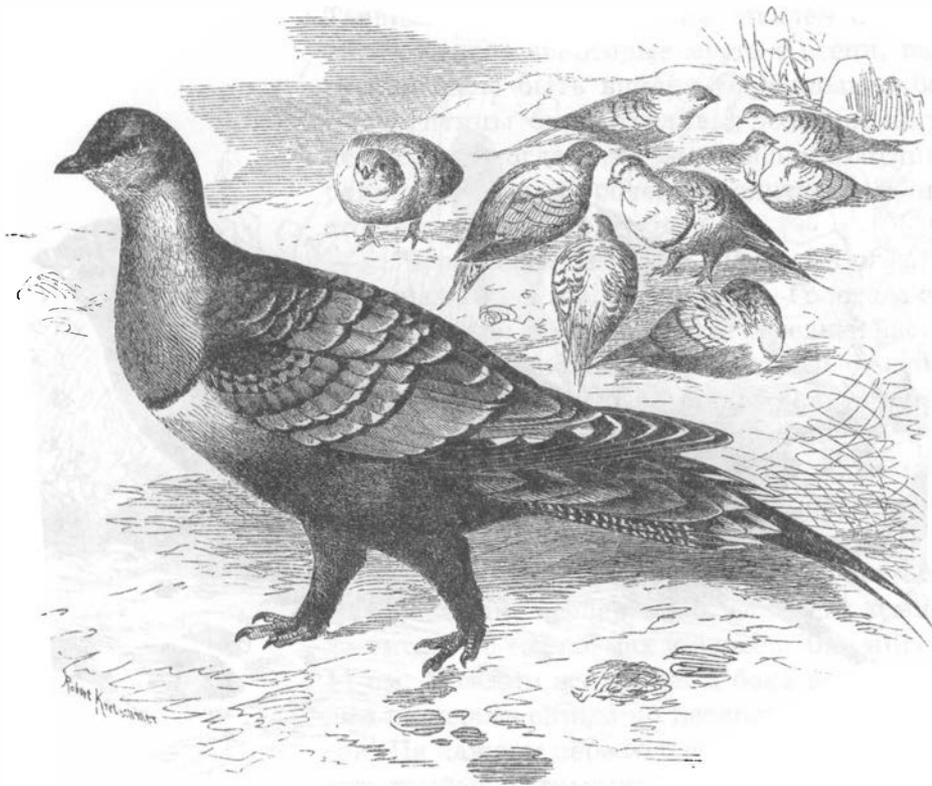
спине приобретающий зеленоватый отлив. Цвет этот отделяется узкой черной полоской, начинающейся на боках шеи и проходящей поперек верхней части груди, от темной шоколадно-бурой нижней части груди и брюшка. Оперение нижних покровных перьев хвоста светло-желтое. На конце небольших покровных перьев крыла находится по шоколадно-бурому пятну, имеющему вид полосы. Глаза темно-карие; широкое голое кольцо вокруг глаза лимонно-желтое; клюв и пальцы свинцового цвета. Птица достигает 33 см в длину, размах крыльев 60, длина крыла 19, хвоста 14 см. У самки светло-желтый фон верхней части испещрен более темными пятнами и полосками; голова (кроме горла и области уха), затылок и шея серовато-буро-желтые с темными пятнами, напоминающими капли. Грудная полоса едва заметна; брюшко бурое с черными полосами; средние рулевые перья только немного длиннее других.

Чернобрюхий и обыкновенный рябок живут приблизительно в одних и тех же местностях, сенегальский рябок водится в более южных странах. Из европейских стран только Испания может считаться родиной рябков; хотя чернобрюхий рябок и встречается в других странах южной Европы и даже в средней Германии, но как его, так и другие виды, иногда появляющиеся здесь, следует считать только случайными залетевшими сюда гостями. Как и следует ожидать, родина этих птиц обнимает очень обширную полосу Старого Света. Чернобрюхий рябок и белобрюхий рябок встречаются во всех пустынных местностях северо-западной Африки, к востоку — до Туниса; они распространены также в большей части Азии, а именно по всему степному району, и, по крайней мере, зимой регулярно появляются в Индии. Впрочем, здесь так же, как и в северо-восточной и центральной Африке представителем описываемого нами семейства является также сенегальский рябок, выводящий в этих

Белобрюхий рябок
(*Pterocles alchata*)

странах птенцов. Вальтер в марте 1887 года наблюдал рябков во время перелета их на Амударье в течение нескольких недель. Вот что он говорит об этом случае: «Стаи штук в 8—60 и до 80 летели тогда одна за другой через Амударью с утра до вечера, направляясь как раз с юго-запада на северо-восток. Во время периода размножения эти рябки, очевидно, живут у подножия Бухарских гор. Невозможно хоть приблизительно определить число быстро пролетающих птиц. Во всяком случае, не будет преувеличением говорить о сотнях тысяч и даже миллионах их. Своеобразный крик и свистящий шум от ударов крыльев покрывали все остальные звуки, обыкновенно слышимые в этой местности.

Сенегальский рябок
(*Pterocles exustus*)

Ночью все стихало, но рано утром снова подымался шум». Эти рябки должны быть причислены к наиболее характерным для Испании птицам и в некоторых провинциях Иберийского полуострова встречаются так же часто, как в Азии и Африке. В Испании рябки водятся в Андалузии, Мурсии, Валенсии, в обеих Кастильях и Арагонии; но в каждой провинции обыкновенно преобладает какой-нибудь один вид. То же самое можно сказать об Африке, а, по словам Жердона, и об Индии: различные виды живут по соседству друг от друга, но не вместе.

Все рябки живут исключительно в пустынях или степях; на полях они появляются только после жатвы. Любимым их местопребыванием служат равнины, покрытые сухой и жесткой африканской травой, в особенности запущенные поля. В Испании водятся в таких же местах; здесь они встречаются главным образом в так называемых кампо, т.е. поросших мелкой травой равнинах, представляющих собой почти ту же пустыню. Рябки старательно избегают лесистых местностей и, наоборот, по-видимому, очень хорошо чувствуют себя в местах, поросших низким и редким кустарником, как это бывает в африканских

степях. Они боятся густого леса, подвергаются в нем опасности, так как при очень быстром полете довольно неповоротливы на лету; там, где возвышаются только отдельные кусты и деревья, птицы эти имеют достаточно пространства, чтобы двигаться вполне свободно. Они всегда избирают для своего местопребывания такие местности, цвет почвы которых как можно более подходит к окраске их оперения. Красновато-серая окраска чернобрюхого рябка чрезвычайно сходна с цветом глинистых кампос Испании и пестрых степей Азии, а ярко-желтый цвет оперения сенегальского рябка трудно отличить от почти золотистого песка пустыни.

Что касается до характера и поведения, то все рябки чрезвычайно сходны друг с другом.

Как заметил Гааке, рябки могут надувать зоб подобно голубям. Голос их настолько характерен, что его невозможно смешать с голосом других птиц. Арабское название белобрюхого рябка — «кхата» или вернее «кхадда» есть подражание крику, издаваемому ими на лету; когда же бегают по земле, то издают гораздо более нежные и тихие звуки, при помощи которых они, по-видимому, переговариваются друг с другом.

Относительно развития внешних чувств и духовных способностей рябков трудно высказать вполне определенное мнение. В том, что у них острое зрение, скоро убеждается всякий охотник; что у них хорошо развит слух, видно из того, как внимательно они прислушиваются к самому незначительному шуму, особенно к доносящемуся издали призывному крику своих сотоварищей; но насколько развиты у них другие органы чувств, я не решаюсь сказать.

Только там, где рябков преследуют, они бывают пугливы. Среди пустыни, где редко встречаются люди, они подпускают к себе на расстояние всего нескольких шагов человека, едущего на верблюде. Даже пешеходу нетрудно приблизиться к ним, если только он вовремя заметил их и употребил хитрость, всегда пускаемую в ход охотниками, т.е. сделал вид, что проходит мимо, не обращая на них внимания. Но именно заметить-то их и трудно. Нужно иметь очень острое зрение для того, чтобы увидеть этих птиц. Я охотился сотни раз на рябков, но каждый раз должен был изумляться их умению скрываться от взоров. При этом подражательная окраска оказывает им большие услуги. Рябку стоит только прижаться к земле, цвет которой передает его оперение до мельчайших тонкостей, а затем сидеть спокойно на месте, и тогда он как бы совсем сливается с окружающей почвой; нет никакой возможности отличить его от земли. Каждая пролетающая хищная птица, каждое живое существо, появляющееся поблизости этих птиц и почему-либо кажущееся им подозрительным, «превращает» сотни рябков в сотни простых кучек, настолько похожих на песок, что каждый раз поневоле удивляешься, ког-

Семейство рябковые

** Обычно в кладках рябков три яйца, довольно часто находили гнезда с двумя яйцами, четыре яйца в гнезде встречаются исключительно редко.*

да видишь, как с места, где раньше не замечал ничего, кроме песка, с шумом поднимается стая больших птиц.

Пища рябков состоит почти исключительно из семян. Там, где по близости пустыни есть поля, им нетрудно собирать зерна; так, например, во всей северо-восточной Африке они целыми месяцами питаются одной только дуррой; в Испании опустошают поля, засеянные пшеницей, маисом и викой; в Индии после жатвы появляются на высушенных солнцем рисовых полях. Но в пустыне и степях более или менее обильную пищу им доставляют только колосья немногих видов трав, и совершенно непонятно, каким образом им удастся здесь наполнить свой обширный зоб. Я не знаю, едят ли они насекомых; насколько мне помнится, я всегда находил в их желудке одни только зерна.

В южной Европе и северной Африке рябки размножаются в начале дождливого времени года, заменяющего здесь весну; в южной Индии, по словам Жердона, период размножения приходится на месяцы между декабром и маем, а в средней Индии он начинается несколько позже.

Жердон утверждает, что кладка состоит из трех или четырех яиц*.

По описанию арабов гнездо рябков представляет незначительное углубление, вырытое в песке и не снабженное никакой подстилкой. Ирби замечает, что яйца рябков были найдены им в местности, совершенно лишенной деревьев и что они лежали прямо на песке, так что собственно нельзя и говорить о настоящем гнезде. Яйцо чернобрюхого рябка имеет 48 мм в длину, яйцо его белобрюхого родича — 44 мм; поперечник яиц их равняется 32—28 мм.

Злейшим врагом рябков, как и многих других птиц, является человек. Я слышал, что им опасен сокол, а ночью также степная лисица. Пока они еще не сделались пугливыми, добыть их бывает нетрудно, так как обыкновенно они слишком полагаются на свою подражательную окраску. Я помню, что однажды убил 14 штук одним выстрелом. Совсем иначе держат себя рябки в тех местах, где их сильно преследуют; здесь, чтобы охотиться на них, приходится отыскивать место, куда они летают на водопой, и поджидать в засаде.

«Так как испанцы любят мясо рябков, — говорит брат мой Рейнгольд, — то этих птиц всячески преследуют, и они становятся, вследствие этого, очень пугливыми и осторожными. Их стреляют всегда из засады на тех местах, куда они летают на водопой».

Ловля рябков, по-видимому, выгоднее охоты на них с ружьем. «Рябки, — говорит Болле, — благодаря своим коротким ножкам, никогда не переступают добровольно через более или менее крупные камни, а всего охотнее бегают по совершенно ровным местам. Поэтому, если устроить им дорогу к воде, расположить

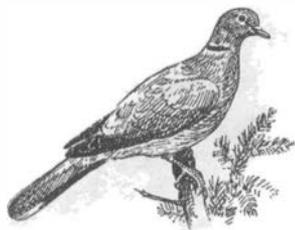
камни в два ряда так, чтобы между ними оставался проход, как раз достаточно широкий, чтобы по нему могла пройти рябок, и укрепить на этой дороге несколько петель, то многие из птиц попадают живьем».

В неволе эти обыкновенно пугливые птицы становятся очень ручными. «Я содержал, — рассказывает мой брат, — пару рябков в своей комнате больше года. Большую часть дня они проводили вне клетки, бегая на свободе, и им не приходило в голову улететь через открытое окно, хотя они взлетали на стол, бегали по нему, подбирали крошки или ели у меня из рук. Рано утром меня будил самец своим криком, очень напоминающим воркование голубя; часто я слышал этот крик и ночью, из чего можно заключить, что рябки и на свободе бодрствуют по ночам. Очень забавно было смотреть, как самка, после того как она вполне ознакомилась со своим местом заключения и всем окружающим, обращалась с незнакомыми людьми и животными. Если к ней подходил кто-нибудь незнакомый, то она оттопыривала головные и спинные перья, издавала сердитое «гур-гур-гур» и, вытянув шею, направлялась на пришельца, а если он не отступал, то клевала его в ноги или руки, награждая при этом сильными ударами крыльев. Собак и кошек она всегда прогоняла таким образом из комнаты. Самец реже вел себя так воинственно и только, если его загоняли совсем в угол, защищался клювом и крыльями. С другими птицами мои рябки жили в мире. Я держал их вместе с жаворонками, дроздами и другими маленькими птицами и никогда не случилось, чтобы они поссорились или чтобы рябки воспользовались правом сильного». Чернобрюхие рябки, которых я содержал, без всякого неудобства или вреда для здоровья переносили холод в 25 градусов по Цельсию. Гораздо вреднее холода для них сырость. К дождю они очень чувствительны, и потому в дождливые дни их следует держать в закрытом помещении, так как они слишком глупы для того, чтобы войти в клетку, в которой ночуют, и спрятаться в ней от дождя.

СЕМЕЙСТВО ГОЛУБИНЫЕ (Columbidae)

Голуби — птицы средней величины с маленькой головкой, короткой шеей и обильным и жестким оперением. Жесткое и твердое оперение прилегает довольно гладко: отдельные перья его сравнительно велики, широко закруглены, снизу пушисты. В оперении преобладают нежные краски, хотя встречаются яркие и светлые цвета; именно, на шее и покровных перьях крыльев они переливаются великолепным металлическим блеском. Самец и самка у большей части видов мало различаются один от другого; птенцы же, наоборот, всегда значительно отличаются от родителей. Относительно величины можно сказать, что исполин среди

известных нам до сих пор голубей равняется небольшой индейке, а карлик — приблизительно жаворонку.

Голубиных птиц можно назвать высокоодаренными существами. Они могут ходить неумоимо, хотя и не очень скоро, но при каждом шаге кивают головой, потому что у них низкие ноги. Некоторые виды голубиных бегают, подобно куриным, очень скоро, другие кажутся на земле неловкими, и, напротив, очень ловко передвигаются среди ветвей деревьев. Те, которые лучше всех ходят, летают хуже других. Большинство голубиных, впрочем, отличается очень быстрым и сильным полетом, способным на ловкие повороты в воздухе, обыкновенно сопровождаемым громким свистящим шумом. Что голуби по доброй воле иногда плавают — я сам видел в Египте, а что они, в случае крайней нужды, и ныряют — узнали Науман и Гомейер. Голос их в общем у всех сходен, и только у небольшого количества видов отличается довольно сильно. Большинство голубей издает отрывистые, глухие, низкие звуки, в которых преобладает слог «рук» или «руке», другие воркуют, т.е. издают нежно дрожащие звуки, некоторые виды стонут или смеются; одни издают чрезвычайно благозвучные, полные, законченные тоны, другие же ворчат отвратительно.

Из внешних чувств, без сомнения, выше всего стоит зрение, о чем свидетельствуют большие, выразительные, красивые по форме и цвету глаза голубя. Едва ли менее хорош и слух; есть основание предполагать, что вкус, обоняние и осязание также очень хорошо развиты. Душевные способности голубей часто преувеличивают, так как добродушие и кротость их нрава скорее кажущиеся, нежели действительно существующие качества. Голуби обыкновенно робки и осторожны, но никогда не умеют, как другие птицы, отличить настоящую опасность от кажущейся, всегда предпочитают верное неверному, и потому так же боязливо избегают крестьянина или пастуха, как и охотника. Приручить их настоящим образом очень трудно, так как сообразительность довольно слаба, и память невыдающаяся.

Нрав птиц кажется настолько привлекательным, что еще в глубокой древности их считали эмблемой кротости и даже олицетворяли ими отвлеченные понятия. Беспристрастному взгляду нрав голубей предстает в менее привлекательном свете. Их добродушие, конечно, никто не станет оспаривать, а каждое чувствительное сердце, без сомнения, будет весьма тронуту обоюдной нежностью птиц одной пары, взаимное клеванье которых так напоминает наши поцелуи. В действительности, многие не без основания сомневаются в прославленной супружеской верности голубей, а самоотверженной привязанности к детям, по крайней мере у многих видов, совсем не заметно. Многие, но никак не все голуби, живут парами. Остаются ли птицы одной пары верны друг другу в продолжении всей жизни, как это обыкновенно предполагают, подлежит сомнению. Существуют также наблюдения, кото-

рые вовсе не говорят в пользу их взаимной верности. Бессердечие некоторых голубей относительно своего потомства кажется нам поистине отвратительным. Они покидают не только кладку, но даже и едва вылупившихся птенцов, как только их потревожат и возбудят в них недоверие.

Голуби — обитатели всего земного шара в самом широком смысле этого слова. Они живут во всех частях света и во всех поясах, на высотах и низменностях, но всегда преимущественно в лесах. Лишь немногие их виды селятся на бесплодных скалах. Близость воды они любят и избегают безводных пространств, хотя нельзя сказать, чтобы их там вовсе не было, так как сильный полет дает им возможность посещать ежедневно отдаленные места для водопоя. Голуби больше всего населяют острова, нежели большие материки, особенно их много на островах Тихого океана. Относительно их местопребывания можно заметить, что различные виды поделили между собой различные местности. В то время, как одни из них исключительно селятся на деревьях и только разве для питья слетают на землю, другие проводят всю жизнь на земле или поднимаются только на короткий срок на низкие ветки. Первые населяют темные леса, вторые селятся в редких степных кустарниках; некоторые живут только на скалах, в низком густом кустарнике, исключительно на маленьких островах и т.д.

Все виды, живущие на севере, — перелетные, а живущие на юге, — кочевые или оседлые птицы. Последние изредка живут маленькими обществами, обыкновенно же парами; другие соединяются только на время перелета большими стаями; некоторые образуют в течение целого года большие общества, а многие виды собираются такими огромными массами, что, по достоверной оценке, превосходят все прочие обычные сборища птиц. Путешествия редко бывают далекие; сизые голуби, например, улетают не далее северной Африки, большей частью остаются в южной Европе.

Пищу птицы берут почти исключительно из растительного царства. Правда, в зобу некоторых видов находили маленьких улиток, червяков и гусениц. Семена и клубни всевозможных растений составляют пищу большинства; некоторые питаются ягодами и лесными плодами. Пищу просто срывают или снимают с ветки, редко добывают посредством раскалывания (например, стручков бобов) или другими усилиями, еще реже выскребывают ногами, а чаще выклевают. Найденную пищу до проглатывания не раздробляют. Многие виды любят солончаковую землю и потому обыкновенно появляются на местах, содержащих в себе соль, по наблюдениям Снэля, преимущественно в то время, когда у них есть птенцы. Те виды, которые едят твердые зерна, проглатывают для ускорения пищеварения маленькие кусочки кварца и другие твердые тела, а самки, в период кладки, также и известку. Голубям нужно много воды, которая служит не только для

утоления жажды, но и для того, чтобы в ней разбухали твердые зерна.

Гнезда закладывают различно: в ветвях деревьев и кустов, высоко и низко над землей, в пещерах скал и в дуплах деревьев, на толстых сучьях или пнях, редко на самой земле. Жалкая постройка из немногих сухих хворостинок, наложенных рыхло и беспорядочно одна на другую часто так непрочна, что нельзя понять, как такое гнездо может противостоять ветру и непогоде. Кладка состоит из двух белых яиц. В период спаривания самец очень усердно добивается расположения самки: воркует, стонет, смеется, подходит, нагибаясь, наклоняет голову, вертится, бегаёт взад и вперед со странными движениями, взлетает с хлопающим звуком вверх, и тихонько спускается опять вниз, клюется со своей самкой, между прочим снимает с нее вшей, и вообще выказывает всякими знаками и телодвижениями сильное волнение. В высиживании яиц принимают участие самец и самка.

Птенцы вылупляются через 14—20 дней: это маленькие, беспомощные, слепые создания, скудно одетые желтым пушком, остающиеся в гнезде до тех пор, пока научатся летать. Сначала они кормятся творожистым веществом, выделяющимся из стенок зоба самки, позднее же размягченными, и, наконец, твердыми семенами, которые родители кладут, или скорее запихивают им в рот. Дальнейшее их развитие после вылета из гнезда занимает немного времени, так как большинство видов уже к концу первого года жизни способны к размножению.

Все голуби, по крайней мере живущие у нас, могут считаться полезными птицами. Снэль после тщательных и усердных наблюдений убедился, что хотя некоторые виды и срывают зерна злаков, которые, может быть, и без них бы погибли, но в общем питаются почти исключительно семенами различных вредных для хозяйства сорных трав и тем приносят неоцененную пользу. Тот же наблюдатель нашел в зобу убитого им домашнего голубя 3 582 зерна мышиного горошка и вычислил, что один голубь с одним птенцом ежегодно уничтожает до 800 000 этих зерен. Добросовестные наблюдения Снэля устраняют все упреки, делаемые голубям, и всякое подозрение в приносимом вреде, которое иногда на них возводят.

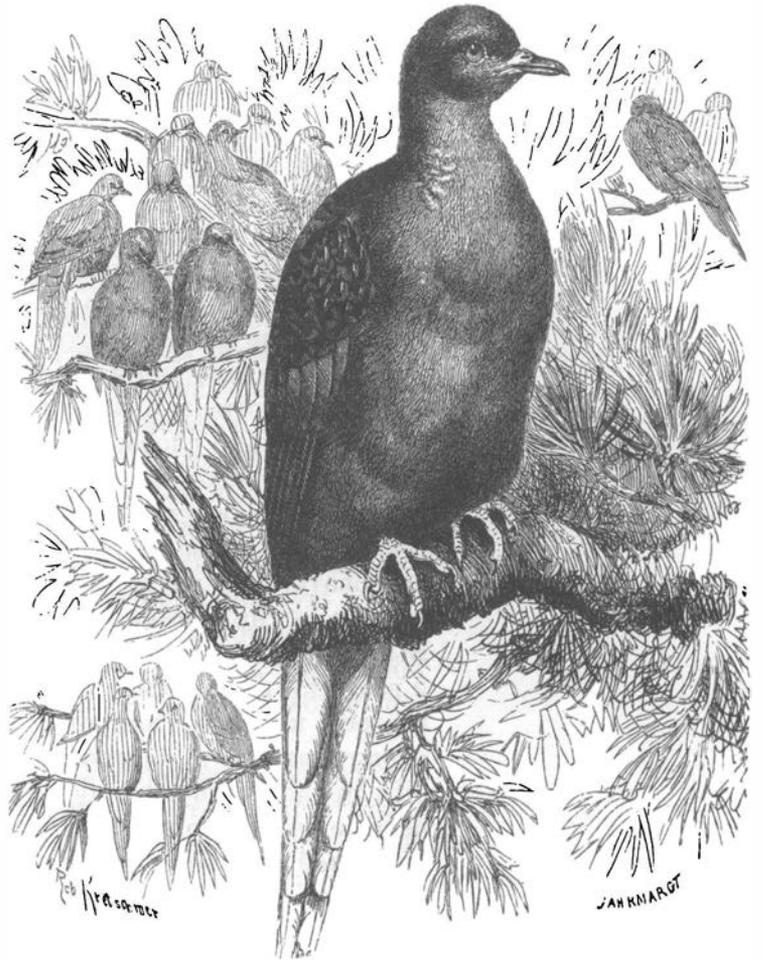
Из голубиных прежде всего назовем **странствующего голубя** (*Ectopistes migratorius*). Он плотного сложения, с длинной шеей и маленькой головой. Общий цвет перьев аспидно-синий, с нижней стороны красновато-серый; бока блестящего пурпурово-фиолетового цвета, брюшко и гузка белые. Глаза ярко-красные. Клюв черный, ноги кровавого красного цвета. У самки, которая меньше самца, преобладает пепельно-бурый цвет. Длина самца 42 см, самки 39, размах крыльев 65 и 60, длина крыльев и хвоста около 21 см.

Странствующий голубь встречается во всех штатах Северной Америки от Гудзонова залива до Мексиканского и от Скали-

стых гор до восточного побережья. В восточных штатах они появляются, по словам Гергардта, огромными массами, и потому описания их нравов и привычек, переданные нам даже самыми достоверными наблюдателями, кажутся европейцам совершенно невероятными. Им, например, приходится слышать, что в Северной Америке стаи диких голубей закрывают солнце, портят на целые мили леса своим вредным пометом, обламывают толстые сучья деревьев, садясь на них в слишком большом количестве, доставляют не только людям, но даже свиньям и различным хищникам пищу на целые недели и действительно наносят страшный вред полям и лесам.

«Странствующий голубь, которого в Америке называют диким голубем, — говорит Одюбон, — двигается с необыкновенной скоростью, с помощью быстрого повторяющихся ударов крыльями по воздуху. Он часто делает большие круги в воздухе, поддерживая себя на лету обоими поднятыми под прямым углом крыльями, пока не спустится на землю. Тогда он ударяет друг о друга концами крыльев, чем производит шум, слышный на 30—40 м. Опускаясь, голубь умеряет быстроту полета частыми ударами крыльев, чтобы получить возможность спокойно ухватиться за ветку или встать ногами на землю.

Я начал с описания полета голубей потому, что именно он лучше всего определяет привычки этих птиц. Перелеты их происходят исключительно в поисках пищи, а вовсе не для того, чтобы избежать суровой зимы северных широт или чтобы отыскать себе удобное место для кладки и высиживания яиц. Поэтому они нигде не устраиваются оседло, но остаются там, где находят себе пищу. При благоприятных обстоятельствах они живут иногда годами там, где их прежде никогда не видали, потом внезапно исчезают и возвращаются только по прошествии нескольких лет. Необыкновенная сила их крыльев дает возможность совершать удивительные перелеты; эта способность была доказана в Америке многими достоверными фактами. Случалось убивать в окрест-

Странствующий
голубь
(*Ectopistes migratorius*)

ностях Нью-Йорка голубей, зобы которых были наполнены рисом, между тем как есть последний они могли только в полях Джорджии и Каролины. Имея же в виду, что пищеварение их совершается так быстро, что принятая ими пища в течение 12 часов совершенно переваривается, мы должны прийти к заключению, что эти голуби пролетели за шесть часов от 300 до 400 английских миль, или по миле в минуту. Следовательно, при такой скорости полета они могут долететь до Европы за три дня. Кроме этой силы полета голуби одарены еще очень развитыми внешними чувствами, что дает им возможность во время самого быстрого полета обозревать окрестности и находить себе пищу. Я наблюдал, что, пролетая над неплодородной местностью, они держались очень высоко над землей, между тем как в плодородных и лесистых районах часто опускались очень низко».

«По дороге в форт Франк, — рассказывает Вильсон, — я проходил лесом и видел, как через него утром пролетали голуби, направляясь к востоку. Около часу пополудни они стали возвращаться такими огромными стаями, что я не мог вспомнить, чтоб когда-либо видел такую массу птиц. Просека вблизи бухты Берзоэ дала мне возможность наблюдать за ними, и то, что я здесь увидел, привело меня в совершенное изумление. На высоте ружейного выстрела быстро и непрерывно неслись надо мной голуби в несколько слоев, так близко прижимаясь друг к другу, что одним выстрелом можно было бы убить их множество. Направо и налево, насколько хватало зрения, тянулась эта необозримая стая и везде казалась одинаково густой и сплошной. Желая исследовать, как долго продолжится это зрелище, я посмотрел на часы и сел на землю, чтобы наблюдать за пролетающими стаями. Было четверть первого, и я просидел с того времени дольше часа и все-таки не заметил, чтобы количество летящих голубей уменьшалось; казалось, напротив того, оно еще все росло; вместе с тем увеличивалась и быстрота полета птиц; между тем я принужден был продолжать свой путь, чтоб дойти вовремя до форта. Около четырех часов пополудни я пересек реку у форта, но живой поток над моей головой казался таким же многочисленным и широким, как и прежде. Гораздо позже я заметил отдельные большие стаи голубей, которым требовалось от 6 до 8 минут, чтобы пролететь над моей головой; за ними следовали опять другие стаи, летевшие все по тому же направлению, т.е. на юго-восток. Так продолжалось до шести часов вечера. Огромная ширина пролетающей стаи могла дать понятие о соответствующей обширности их места гнездования».

«Когда осенью 1813 года, — говорит Одюбон, — проходил по берегу Огайо, по сухим равнинам, немного южнее Гарденсбурга, то заметил стаю странствующих голубей, которая неслась с северо-востока на юго-запад. Так как количество их показалось необыкновенно большим, то мне пришлось на ум сосчитать стаи,

пролетевшие перед глазами в течение одного часа. Поэтому я сошел с лошади, сел на возвышенность и при каждой пролетающей стае делал карандашом значок на бумаге. Но скоро увидел, что задуманное неисполнимо, так как птицы появлялись неисчислимыми массами. Встав на ноги, сосчитал сделанные мной значки и нашел, что в течение 21 минуты я сделал их 163. Я продолжил путь и заметил, что число голубей все прибавлялось. Воздух был положительно наполнен голубями, и полуденное солнце было совершенно ими закрыто, точно при затмении. Помет их падал массой, будто снежные хлопья, и шум крыльев действовал на меня усыпляющим образом. Пока в ожидании обеда я сидел в гостинице Юнга при слиянии Солт Ривера с Огайо, я увидел бесчисленные легионы голубей, которые тянулись от самого Огайо до виднеющихся вдали лесов. Ни один голубь не спустился на землю, так как во всей этой местности не оказалось ни одного ореха или желудя. Поэтому они летели так высоко, что попытки попасть в них из моей превосходной винтовки оказались напрасными: выстрелы даже не тревожили их. Невозможно описать всю красоту их поворотов в воздухе, когда сокол старался ухватить одного голубя из стаи. С громовым шумом спускались они тогда мгновенно с высоты, сплотившись целой массой как живой поток; они неслись неудержимо вперед плотной, волнообразной ломаной линией, ниспадали до самой земли и со страшной быстротой летели над ней, касаясь ее крыльями; потом подымались опять отвесно к небу, подобно громадной колонне, и, достигнув прежней высоты, опять выравнивались в одну линию, напоминающую своими изгибами какую-то исполинскую змею. Перед закатом солнца приехал я в Луисвилль, который отстоял от Гарденсбурга на 55 миль. Голуби все еще неслись надо мной непрерывными стаями, и так продолжалось безостановочно целых три дня.

Все население взялось за оружие. У берегов Огайо толпились мужчины и мальчики и безостановочно стреляли в птиц, которые здесь, для перелета через реку, опустились ниже. Целые массы их были убиты, и все население в продолжении недели питалось одним голубиным жиром и мясом, и все разговоры вертелись около того же сюжета. Воздух же был насыщен испарениями, свойственными этому виду птиц.

Я предполагаю, что не совсем бесполезно будет определить число голубей в такой стае и количество уничтожаемой ими пищи. Принимая в расчет, что подобный пролет бывает шириной в целую милю (что вовсе не преувеличено) и что при известной нам быстроте он летит безостановочно в течение трех часов, то получается параллелограмм в 180 английских квадратных миль. Полагая только по два голубя на один квадратный метр, окажется, что стая состоит из 1 115 136 000 штук странствующих голубей, а так как каждый голубь уничтожает по полпинте пищи ежеднев-

но, то оказывается, что вся стая требует до 8 712 000 бушелей (около двух миллионов четвертей) ежедневно. Вильсон делает подобный же расчет и приходит к заключению, что стая содержит до двух миллиардов голубей и ежедневно нуждается в 17 424 000 бушелях разных питательных зерен.

Осмотрим теперь одно такое место ночлега, хотя бы, например, на реке Зеленой в Кентукки, которое я часто посещал. Оно находилось в высоком лесу, в котором весьма мало росло кустарника. Я проскакал по нему целых 40 миль и удостоверился, проехав вдоль и поперек, что ширина его была более трех миль. Когда я в первый раз посетил этот лес, то узнал, что голуби ужи почти 14 дней назад захватили его в свое владение. Я прибыл туда за два часа до заката солнца. Голубей почти не было видно, но на опушке леса расположилось множество людей с лошадьми и повозками, оружием и всякими снарядами. Два сельских хозяина пригнали сюда, за 100 миль, стадо в 300 свиней, в намерении накормить их голубиным мясом. Всюду можно было видеть людей, занятых солением голубиного мяса, и всюду лежали целые кучи убитых птиц. Падающий сверху, как густой снег, помет покрывал уже землю на несколько сантиметров на всем протяжении места отдыха голубей. Многие деревья, стволы которых имели до 60 см в поперечнике, сломались у самой земли, и большие сучья самых высоких и крепких из них были сорваны, как будто здесь свирепствовал сильный ураган. По всем признакам можно было догадаться, что количество гнездящихся здесь птиц превосходило всякое понятие. Когда подошло время появления голубей, поджидающие их враги стали почти боязливо приготовляться к их встрече. Многие люди появились с горшками, содержащими серу, другие со смоляными факелами, третьи с луками и стрелами, остальные с огнестрельным оружием. Солнце уже зашло за горизонт, а мы еще не видели ни одного голубя; но все было уже готово к принятию их, и все глаза устремлены были к небу, просвечивающему сквозь листву высоких деревьев. Вдруг раздался общий крик: «они летят!». И они действительно летели, хотя еще в отдалении, но шум, производимый их крыльями, напоминал завывание снежной бури в снастях корабля. Когда они, наконец, появились, и стая неслась над моей головой, я почувствовал сильное движение воздуха. Тысячи голубей были мгновенно убиты длинными жердями, но на их место тотчас появились новые. Тогда зажглись огни, и нашим глазам представилось насколько великолепное и чудное, настолько и отвратительное зрелище. Голуби, прилетавшие тысячами, садились всюду, пока вокруг сучьев и ветвей не образовались плотные массы. По временам под их тяжестью с шумом подламывались ветки, убивая целые сотни сидящих под ними птиц, которые массами падали на землю. Тогда началось общее смятение и замешательство. Совершенно бесполезно было говорить или даже кричать ближайшему

соседу. Даже ружейные выстрелы замечались только по вспыхиванию заряда в конце ствола.

Никто не отважился ступить на место побоища. Свиньи были загнаны за особый плетень, так как их дело, т.е. подбирание мертвых и раненых голубей, — должно было начаться со следующего утра. Между тем настала полночь, а голуби все еще прибывали, не уменьшаясь в количестве. Суматоха таким образом продолжалась целую ночь. Мне очень интересно было знать, как далеко можно было слышать шум побоища, и я послал человека для исследования этого дела. Он вернулся с известием, что шум был слышен на расстоянии трех миль. Только к рассвету суматоха наконец улеглась. Задолго до того времени, когда можно было ясно различать предметы, голуби стали отлетать, но совершенно в другом направлении, чем то, откуда они прилетели. К рассвету исчезли все голуби, которые могли еще лететь. Тут послышались завывания волков, лисиц, кугуаров, медведей, полоскунов и двуутробок, бродящих кругом побоища, между тем как орлы и ястребы слетались для оспаривания у них добычи. Но теперь и люди, виновники побоища, принялись подбирать убитых, умирающих и раненых голубей. Их складывали в кучи, пока каждый человек не набрал себе столько, сколько ему было нужно; тогда напустили свиней, которые истребили остальное».

Точно такое побоище происходит на местах размножения голубей.

Следовало бы предположить, что подобные варварские побоища должны привести к совершенному уничтожению этого вида голубей. «Но долготелным опытом я убедился, — замечает Одюбон, — что ничто, кроме совершенной вырубki лесов, не может привести к окончательному истреблению их». В 1805 году прибыли в Нью-Йорк маленькие суда, нагруженные странствующими голубями; штука продавалась по одному центу. Одюбон сообщает, что один птицелов в Пенсильвании поймал однажды в свою западню около 500 дюжин голубей и иногда покрывал сетью до 20 дюжин птиц зараз. Еще в 1830 году их привозили на рынок Нью-Йорка в таком множестве, что они лежали везде целыми кучами.

В неволе странствующие голуби живут при надлежащем уходе многие годы, размножаются тоже легко, но в настоящее время редко появляются в наших зоологических садах*.

К распространенному везде роду принадлежит и **вяхирь** (*Columba palumbus*). Оперение его на затылке, голове и горле темно-голубое; на верхней части спины и крыльев темно-серо-голубое, на нижней части спины и гузке светло-голубое, на голове и груди красновато-серое, на остальной нижней части светло-серовато-голубое и только на нижней части брюшка белое; нижняя часть шеи украшена с обеих сторон блестящими белыми пятнами и имеет металлический отблеск. Самка отличается от самца мень-

Семейство голубиные

* Странствующий голубь относился к самым многочисленным птицам земного шара. Непрекращавшаяся целенаправленная истребление этого вида в Северной Америке привело к тому, что самый многочисленный вид птиц Земли был полностью уничтожен к началу нашего столетия. Последний дикий странствующий голубь был убит в 1900 году в штате Огайо, последний голубь этого вида, содержащийся в неволе, умер в 1913 году в зоопарке г. Цинциннати.

Нравы и обычаи этого вида описаны впервые особенно верно и подробно моим отцом. «Вяхирь чрезвычайно быстрая и осторожная птица; он ходит хорошо, но не очень скоро, причем держит тело то горизонтально, то совсем прямо и беспрестанно двигает шейю. Садится он то на самую вершину дерева, то прячется в самую густоту ветвей. У него есть излюбленные деревья, на которых его можно увидеть почти каждое утро; деревья эти или самые высокие, или отличаются сухой вершиной. Полет его красивый, ловкий, быстрый; при начале его слышится хлопанье, а потом свист в воздухе. Уже издали можно узнать летящего вяхиря не только по величине, но и по длинному хвосту и белому пятну на крыльях.

Чтобы дать верное понятие о поведении и нравах этого голубя, мы опишем вкратце его образ жизни. Просыпаются они еще до рассвета, и самец направляется к своему любимому дереву. Здесь, среди полутьмы, начинает он ворковать. При этом крепко сидит на ветке, надувает и ворочает во все стороны шею. Каждое воркованье повторяется три-четыре раза и, чем больше разгорячается голубь, тем чаще один за другим раздаются звуки. Живущие поблизости самцы слетаются на этот зов, садятся на соседние деревья и начинают взапуски ворковать. Но замечательно то, что на небольшом расстоянии друг от друга воркуют обыкновенно три самца, редко два, но никогда число их не достигает четырех. Сидят они обыкновенно при этом на самых высоких деревьях и нередко на верхушках. Самое сильное воркованье слышится в тихое, теплое утро; но мне случалось слышать его и в дождь и во время позднего весеннего снега, от апреля до августа, и сильнее всего в то время, когда парочка приступает к новой кладке.

Весной и летом вяхири живут обыкновенно парами, редко маленькими обществами и еще реже стаями. При спаривании, которому воркованье служит прелюдией, самец выказывает страшную суетливость. Он не сидит спокойно ни минуты, без всякой надобности летит с места и поднимается вверх по косому направлению, так сильно хлопая крыльями, что звук этот слышится издали; после того он опять спускается вниз; заигрывание это продолжается часто довольно долгое время. Самка летит иногда вслед за ним, но по большей части ждет его спокойно на месте, так как самец, описавши большой круг в воздухе, обыкновенно возвращается на свое любимое место. Я никогда не замечал, чтобы два самца дрались между собой. Обе птицы собирают материалы для гнезда, но самка обрабатывает их. Гнездо устраивают высоко и глубоко среди листвы дерева. Я находил их на соснах, елях, дубах, буках, ясенях и липах на высоте от 3 до 30 м, обыкновенно на тонких деревьях в густой чаще или у ствола толстых деревьев, и всегда тщательно скрытые от глаз. Гнездо состоит из сухих или свежих веток сосны, ели и бука, но так слабо и плохо построено, что яйца просвечиваются снизу;

оно совсем плоско, углублено только в том месте, где лежат яйца и имеет в диаметре 30—40 см. Но несмотря на свое плохое устройство, гнездо вяхиря очень прочно и может противостоять всякой погоде. Мне никогда не приходилось находить подобного гнезда, сброшенного на землю бурей. Но вяхирь часто вовсе не вьет самостоятельного гнезда, а овладевает покинутым беличьим гнездом, которое сверху сглаживает и иногда обкладывает хворостом. Я однажды тоже нашел яйца этого голубя в старом сорочьем гнезде, верхняя часть которого была унесена его хозяевами на место сооружения нового гнезда. С половины апреля до половины июля я постоянно находил гнезда, с двумя ярко белыми продолговатыми, почти одинаково закругленными с обоих концов яйцами, 39 мм длины и 29 мм толщины с тонкой, шероховатой шелухой.

К уже вылупившимся птенцам любовь родителей бывает сильнее, однако же все-таки не так сильна, как у других птиц. Я взял однажды молодого голубя из пары еще не совсем оперившихся птенцов, чтоб воспитать его у себя, но родители так были этим огорчены и рассержены, что перестали кормить и оставшегося у них птенца. Пока голубята еще без перьев, родители поочередно и постоянно согревают их под своими крыльями; позднее, до самого вылета из гнезда, согревает их уже одна самка только ночью или в дождливые и холодные дни. Пока птенцы еще малы, родители кормят их творожистым веществом из своего зоба; когда же они уже оперились — размягченными в зобу семенами. Родители недолго кормят птенцов после вылета их из гнезда, потому что они сами очень скоро выучиваются искать себе корм и избегать всяких опасностей.

Любимой пищей вяхиря служат семена хвойных деревьев: ими очень часто набит зоб убитых летом голубей. Они их отыскивают не только на земле, выклевывают и из раскрывшихся чешуек еловых шишек. Кроме того, голубь ест еще разные хлебные зерна, в исключительных случаях улиток и дождевых червей, а поздней осенью и бруснику». По словам Наумана, вяхирь находит и в лиственных лесах любимую пищу в виде желудей. Эти наблюдения совершенно соответствуют тому, что я слышал и видел сам в Испании, где плоды вечнозеленого дуба составляют главнейшую пищу зимующих там вяхирей.

Они очень осторожны и не доверяют ни одному человеку, каким бы добродушным он ни казался. Осторожность эта спасает их от большей части преследований и служит причиной тому обстоятельству, что этот вид голубей до сих пор еще не истреблен, а, напротив того, все размножается. Кроме человека, эта осторожная птица почти не имеет опасных врагов. Впрочем, ястреб, сапсан и большие сородичи этих птиц ловят старых голубей, а дикая кошка, куница, белка, иногда копчик, а ночью филин часто бывают страшны молодым птицам.

Клинтух (*Columba oenas*) водится почти во всех странах, где живет и вяхирь, только он встречается реже его по той простой причине, что для устройства своего гнезда связан со старыми дуплистыми деревьями. Он живет во всех лесах, нередко даже на одиноко стоящих в поле деревьях, если в них есть удобные углубления для устройства гнезда. Чаще всего я видел их на низовьях Дуная в лесах, состоящих почти исключительно из ивы. Он тоже зимует в южной Европе, и только изредка небольшие их стаи залетают в северо-западную Африку.

Клинтух не так быстр при полете, как вяхирь, но движения его не менее проворны; он ходит лучше и держится прямее вяхиря. Летает он ловко, причем вначале слышится хлопающий звук, а потом звонкий сильный свист; опускается он на землю, тихо паря в воздухе, уже без всякого шума. Своим голосом, т.е. воркованием, он значительно отличается от вяхиря и сизого голубя. Он кричит просто: «гу-гу-гу».

Парочка клинтухов представляет образец самой нежной супружеской любви. Самец чрезвычайно привязан к своей подруге, находится почти постоянно около нее, забавляет ее своим воркованием, пока она сидит на яйцах, и улетает с ней вместе, если ее сгонят с гнезда. Тотчас по прибытии своем на родину весной парочка выбирает себе удобное углубление для гнезда, и уже в начале апреля находят в нем первую кладку, состоящую из двух белых яиц длиной 36 мм и толщиной 27 мм. Оба родителя самоотверженно сидят на яйцах. «Насколько вяхирь, — говорит мой отец, — равнодушен к своим яйцам, настолько же клинтух привязан к своим. Они так крепко сидят на яйцах, что самку можно снять руками с гнезда, после чего она с опасностью для жизни опять отыскивает его. В нее можно даже стрелять в упор, прежде чем она решится бросить яйца».

Все враги вяхиря опасны и клинтуху. Многие гнезда разоряют лесные куницы и горностаи, хотя не раз замечено мирное проживание клинтуха в самой близости с хищными разбойниками, которая кажется почти невероятной. Отец рассказывал мне, что близ места моего рождения срубили дуб, в нижнем дупле которого нашли двух куниц, а в другом углублении, повыше первого, сидела парочка молодых клинтухов. Не думаю, чтобы подобное соседство могло часто встретиться.

Самый важный для человека голубь — это **сизый голубь** (*Columba livia*), который должен считаться прародителем домашнего голубя. Длина достигает 34 см, размах крыльев 60, длина крыла 21, а хвоста 11 см.

Область распространения сизого голубя ограничивается в Европе несколькими северными островами и берегами Средиземного моря, но охватывает, кроме того, почти всю северную Африку, Палестину, Сирию, Малую Азию и Персию, также как и некоторые части Гималайского хребта. Он постоянно живет в различ-

** Со времен Брема сформировались синантропные популяции сизого голубя, связанные с поселениями человека, которые расселились по всей Европе, Северной Америке и большей части Азии, а также по многим крупным городам Африки, Южной Америки и Австралии. В Европе синантропные сизые голуби обитают практически во всех более или менее крупных городах и сельских населенных пунктах.*

ных местностях вдоль западного берега Шотландии, в особенности на Гебридских островах, а также на Оркнейских, Шетландских и Фарерских и на маленьком скалистом острове Реннесэ, близ Ставангера, у юго-западного берега Норвегии. Сизый голубь населяет все удобные для него местности на крутых склонах скал средиземноморского побережья Греции, Италии, Франции и Южной Испании*.

В окрестностях Триеста голуби живут везде в удобных местах, а именно на горе Карст в подземных воронкообразных углублениях, часто глубоко под землей; в Истрии, Далмации, Италии, Греции и Малой Азии, также на греческих островах и скалах у самого моря и на высочайших горах. На Канарских островах появляется он, по словам Болле, во множестве не только вдоль берегов, но и внутри островов. В Египте я часто видал их на отвесных скалах, вблизи быстрых потоков, но попадались мне тоже целые стаи среди пустыни, где можно было только удивляться, каким образом такая масса птиц находила себе пищу в этой бедной стране. Далее в глубине материка они попадаются уже реже; однако их можно еще встретить на удобных местах, а высокие скалы, с отвесными стенами, всегда служат им надежным приютом. В Индии сизый голубь принадлежит к числу самых обыкновенных птиц, вьет гнезда в пещерах и углублениях скал и утесов, по возможности близ воды и часто в сообществе стрижей. Здесь, как и в Египте, этот голубь живет в полудиком состоянии и населяет все старые постройки, городские стены, пагоды, храмы в скалах и тому подобные здания или селится в башенках, собственно для него выстроенных.

На юге сизые голуби — оседлые птицы; на севере зимний холод принуждает их к перелету. Они собираются перед отлетом в большие стаи, которые, по-видимому, не разъединяются и в чужой стороне. Весьма вероятно, что мы часто видим подобные пролетающие стаи, но не узнаем их, а принимаем за домашних голубей.

Поведение сизых голубей почти ничем не отличается от поведения домашнего голубя. Он проворнее и быстрее летает, чем домашний голубь, и постоянно избегает людей; во всем остальном нравы потомков представляют верный снимок нравов их предков.

Пищу сизых и домашних голубей составляют семена рапса, репы, чечевицы, гороха, льна, а прежде всего зерна трудно уничтожаемой вредной травы, известной как птичий горох. Их до сих пор считали вредными животными, потому что они очень прожорливы и могут причинить довольно значительные убытки; но когда мы примем во внимание, что они едят семена только во время посева, то придется судить их менее строго; кроме того, съедая семена вредных трав, они с избытком вознаграждают причиненный ими вред. Не подлежит никакому сомнению, что они приносят нам гораздо больше пользы, чем мы думаем.

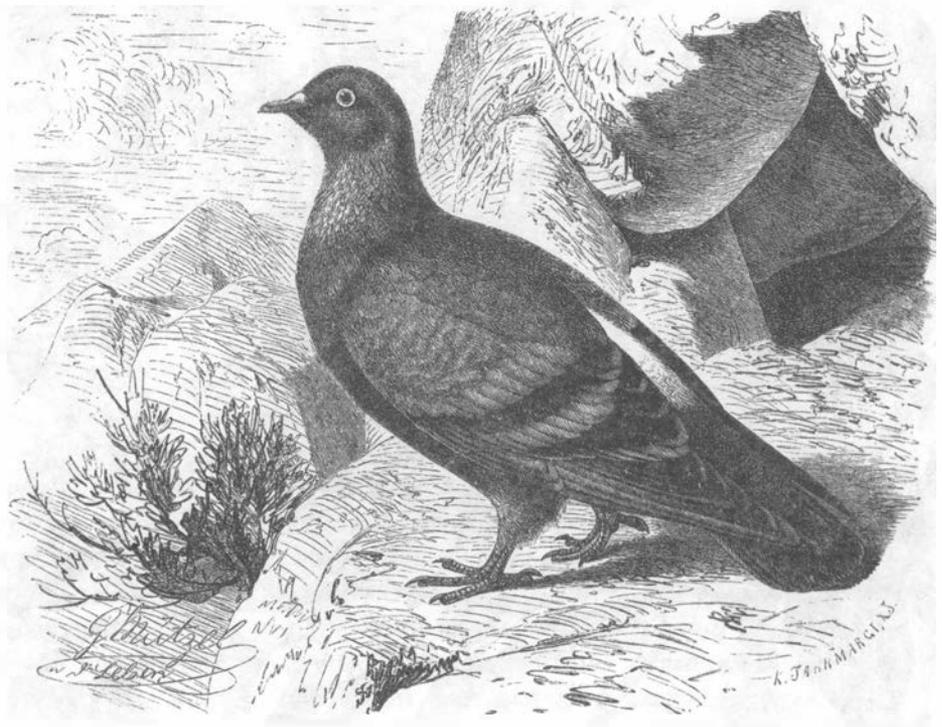
В начале весны самец воркует очень усердно, становится задорным относительно других самцов, и отвоевывает себе не без труда самку, к которой выказывает величайшую нежность. «Однажды соединившаяся пара, — говорит Науман, — не расстаётся всю жизнь и остается вместе даже после времени размножения. Исключения из этого правила редки».

Оба яйца, составляющие кладку, имеют продолговатую форму и гладкую, блестящую чисто-белую скорлупу. Обе птицы сидят попеременно на яйцах. Через 16—18 дней яйца созрели, и слепые беспомощные птенцы вылупляются из них один за другим в продолжение 24—36 часов. Первое время родители кормят их кашицей, образовавшейся у них в зобу; позднее они получают размягченные, а наконец, и твердые зерна, вместе с маленькими камешками и кусочками глины. Недели через четыре птенцы уже совершенно оперились и вместе с родителями вылетают из гнезда; несколько дней спустя они уже совершенно самостоятельны, и тогда старые птицы приступают к новой кладке.

У сизых голубей те же враги, как и у других видов этого семейства; у домашних, конечно, их больше, чем у сизых, потому что последние не только

лучше знают своих врагов, но и лучше умеют избегать их. У нас самыми злейшими их врагами можно считать куницу, сапсана и ястреба; на юге их заменяют другие хищные их сородичи. Голуби до того боятся хищных птиц, что иногда для своего спасения прибегают к весьма странным средствам. Так, например, Науман видел однажды, как сизые голуби, спасаясь от преследований сокола, бросались в пруд и даже в море, ныряли и, вынырнув в совершенно другом, отдаленном месте, продолжали далее свой путь*. Известно тоже, что голуби часто спасаются внутри домов, причем разбивают оконные стекла.

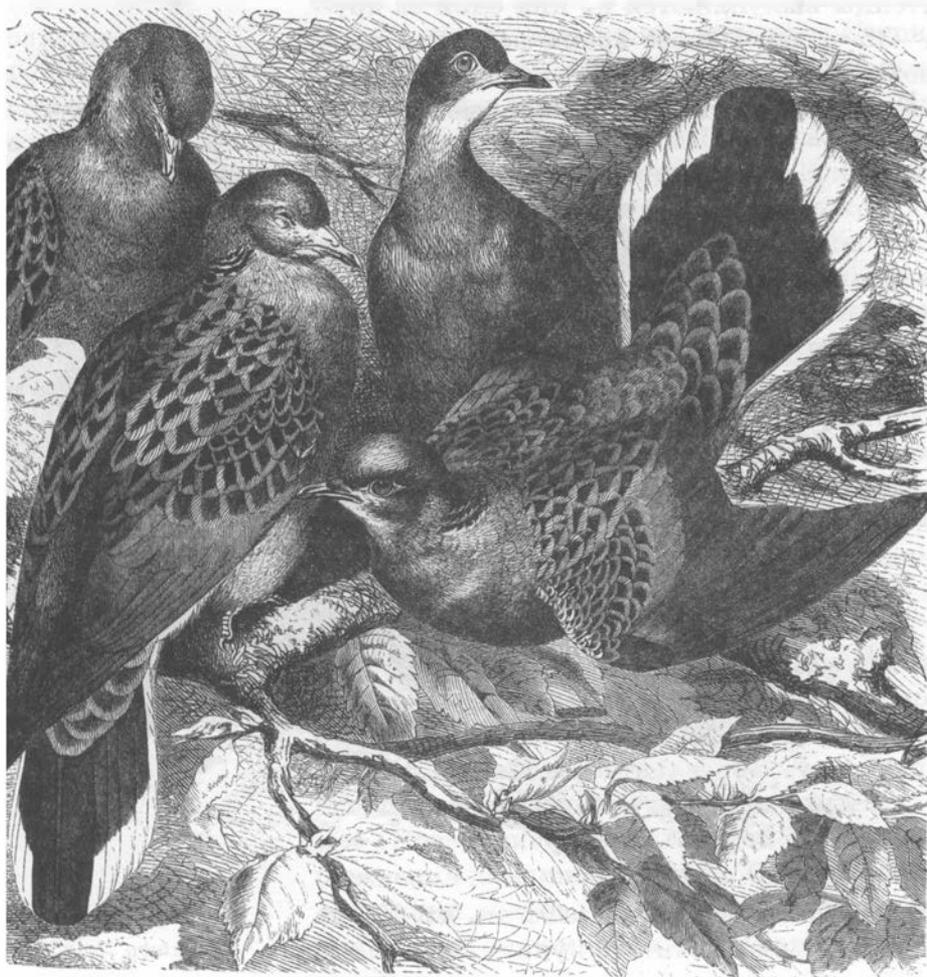
Обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*) отличается стройным телом, прямым, несколько утолщенным клювом, длин-

Сизый голубь
(*Columba livia*)

* Наблюдения ныряющих голубей, несомненно, относятся к области фантастики.

ными ногами со слабыми пальцами, длинными крыльями. Перья верхней части тела ржаво-буро-серые, по краям бурые, посередине покрыты черными и пепельно-серыми пятнами, темя и задняя часть шеи серовато-голубые; боковые части шеи украшены четырьмя черными поперечными полосками с серебристыми краями, передняя часть шеи, зоб и верхняя часть груди винно-красного цвета; нижняя часть тела голубовато-красно-серого цвета, переходящего мало помалу в беловато-серый. Глаза буровато-желтые, кольцо около глаз голубовато-красное, клюв черный, ноги карминно-красного цвета. Длина ее достигает 30 см, размах крыльев 52, длина крыла 18, длина хвоста 12 см.

Горлица распространена на большей части Европы и Азии, зимой же пролетает большие пространства по направлению к югу.

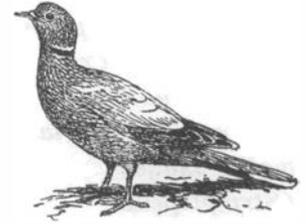
Ее красота уже располагает в ее пользу и привлекает всех. Мягкие нежные оттенки оперения так красиво переходят одни в другие и сгруппированы с таким вкусом, что на нее всякий смотрит с удовольствием. Нрав у горлицы также чрезвычайно при-

влекательный, хотя нельзя не сознаться, что его обыкновенно прославляют выше меры. Грациозные движения, вся осанка и нежное воркование подкупают наблюдателя, а когда он видит нежность, с которой самец обращается со своей самкой, то сочтет себя в праве признать эту птицу самой благонравной их всех.

Нежный и приятный голос горлицы хорошо передается латинским ее названием. Строго говоря, воркование — это высокое монотонное ворчание, состоящее из звуков: «тур, тур», которые часто повторяются, но это «тур, тур» так благозвучно, что

Обыкновенная
горлица
(*Streptopelia turtur*)

598

нравится всякому. Голубь обыкновенно воркует, сидя на верхушке сосны, пихты, ели, березы, а на юге на любом кусте или на сухой вершине или выдающейся ветке какого-либо более высокого дерева; при этом он надувает шею и немного опускает вниз голову и клюв. Если подойти к нему близко, то можно услышать, что между воркованием он вставляет легкое щелканье, которое происходит, может быть, от быстрого вдыхания. Воркование — это любовная песнь голубя, и он поет ее главным образом во время любовного возбуждения перед спариванием.

Пищу горлицы составляют семена самых разнообразных растений, в особенности сосны, ели, березы, ольхи, мака, а осенью молочая; также съедают они и маленьких улиток. Горлицы приносят пользу полям тем, что уничтожают семена сорных трав, и потому незначительный вред, который они причиняют, подбирая семена конопли, льна, проса, рапса, гороха, чечевицы, вики, едва ли следует принимать в расчет. За час до полудня и вечером горлица непременно отправляется на водопой и часто улетает за четверть мили от своего жилища, отыскивая хорошую ключевую воду, которую она очень любит.

Размножение начинается вскоре после прилета горлиц в апреле, самое позднее в мае, и продолжается до августа, так как горлица, при благоприятных обстоятельствах, высидивает птенцов несколько раз в году*. Гнездо, построенное обеими птицами на незначительной высоте, на лиственном или хвойном дереве, сплетается без особого искусства из сухого хвороста, вереска и корешков; оно плоское, но там, где откладываются яйца, немного углублено: оно обыкновенно так дурно построено, что снизу через щели можно ясно видеть два яйца и сидящую на них голубку. Но самое место, где расположено это гнездо, защищает его от опустошительного влияния бури, которая непременно снесла бы его, если бы оно находилось на более открытом месте. Оба яйца, продольный диаметр которых 29 мм, а поперечный 23 мм, высидивают попеременно обе птицы**, а вылупившихся птенцов они не покидают даже в случае явной опасности для жизни. Выкармливают этих птенцов так же, как и птенцов других голубей.

Ловкость и быстрота полета спасают горлицу от многих врагов. Она улетает от большинства хищных птиц, и только птенцы страдают иногда от разного рода хищников.

Кроме обыкновенной горлицы, ни один другой вид, исключая сизого голубя, не содержится так часто в неволе, как близко ей родственная смеющаяся горлица (*Streptopelia risoria*). Она бланжево-желтого цвета; спина темнее, а голова, горло и брюшко более светлые; маховые перья черноватые, затылочное кольцо черное, глаза светло-красные, клюв черный, ноги карминово-красные. Длина ее равняется 31 см, размах крыльев 52, длина крыла 17, а хвоста 13 см.

* В южных районах нашей страны горлицы обычно имеют два цикла размножения, на севере, естественно, только один. Для самых южных районов гнездования горлиц (Африка, Средний Восток) горлицы размножаются до трех раз в году.

** Как правило, все заботы по насиживанию лежат на самке, самец лишь иногда подменяет ее.

Семейство голубиные

* В Индии распространен другой, сходный вид, называемый просто кольчатой горлицей (*Streptopelia decacota*).

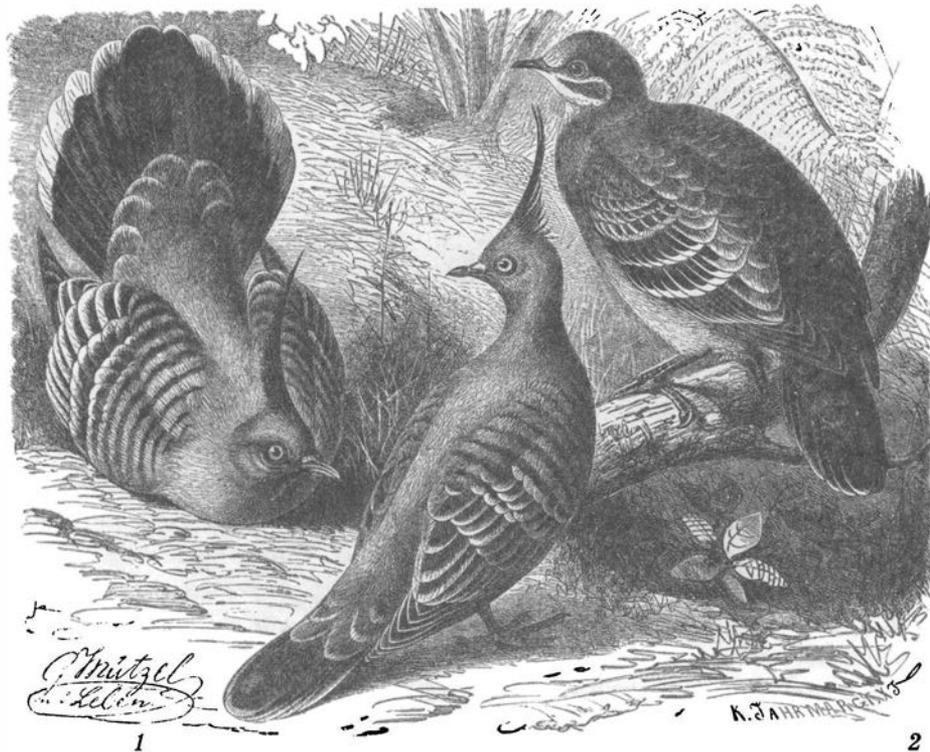
Места обитания смеющейся горлицы составляют северо-восточная Африка и Индия*; в степных зарослях я встречал их иногда в бесчисленном количестве. На основании моих наблюдений, смеющаяся горлица предпочитает жить в сухих пустынных местностях. Она очень часто встречается к югу от средней Нубии, а во внутренней Африке принадлежит к числу самых обыкновенных представителей семейства голубиных. При проезде через Самхару или какой-либо другой район внутренней Африки почти с каждого куста постоянно слышишь смех и воркование этих горлиц.

Хохлатый бронзовокрылый голубь (*Ocyphaps lophotes*) отличается сравнительно тонким туловищем, коротким, сильно выгнутым на конце клювом, низкими ногами, средние пальцы кото-

рых равны длине плюсны; довольно длинными острыми крыльями. Длина равняется 15 см, длина крыла и хвоста также по 15 см.

«Вследствие изящной внешности и своеобразного длинного хохла, — говорит Гульд, — этого голубя можно считать одним из самых красивых голубей Австралии; пожалуй, это даже самая красивая птица всего семейства. По-видимому, он предпочитает болотистые места, так что его присутствие

считается верным признаком богатой водой местности. Самым близким к морю местом, где я встречал его, была река Муррей; здесь он попадает очень часто. Они собираются в большие стаи, которые, прилетая во время сухого времени года к озерам или берегам рек, выбирают какое-нибудь одно дерево или куст, на который и опускаются. В большом количестве они сидят друг возле друга, и все вместе слетают к воде такой густой стаей, что одним выстрелом можно убить несколько десятков птиц. Полет их отличается от полета всех других видов чрезвычайной быстротой. Взлетая, они делают несколько быстрых взмахов крыльями, а затем поднимаются, по-видимому, уже не шевеля ими». Гульд полагает, что хохлатый бронзовокрылый голубь, как обитатель

1 — Хохлатый
бронзовокрылый
голубь

(*Ocyphaps lophotes*)

2 — Обыкновенный
бронзовокрылый
голубь-фанс

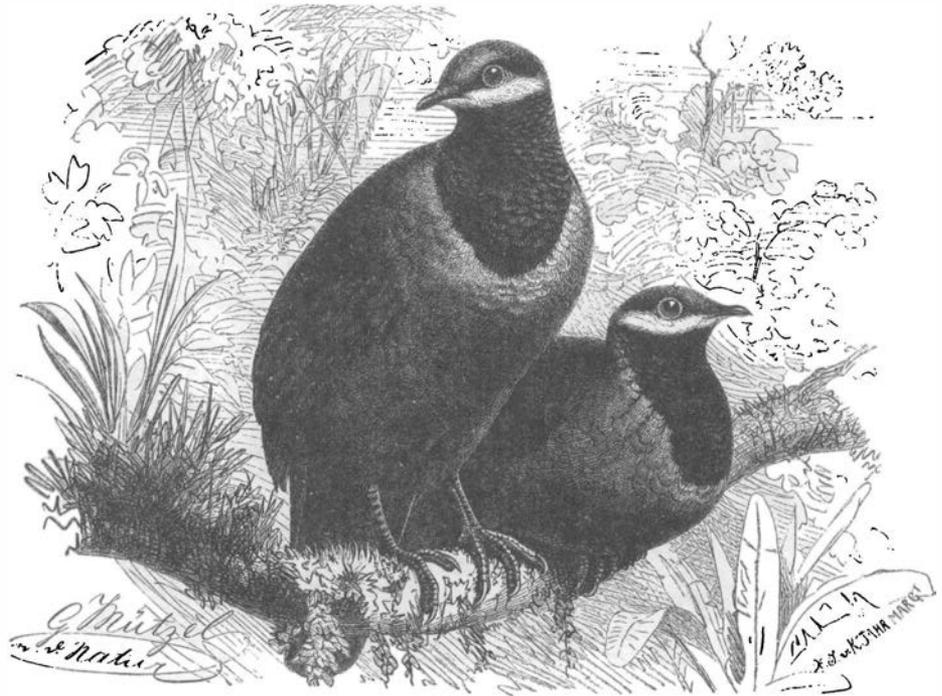
(*Phaps chalcoptera*)

внутренних райнов страны, может редко попадаться на глаза наблюдателю. С тех пор этого красивого голубя часто привозили в Европу, и теперь он украшает клетки всех наших зоологических садов. Здесь он выдерживает неволю при самом простом уходе и размножается. По свидетельству Гааке, он легко переносит длинные суровые зимы.

У другого вида, **обыкновенного бронзовокрылого голубя-фапса** (*Phaps chalcoptera*) верхняя сторона туловища бурая, затылок темно-бурый, нижняя сторона винно-красная, к брюшку переходящая в сероватый цвет; передняя часть головы, полоса под глазом и на горле — желтовато-белые, бока шеи серые. Покровные перья крыльев украшены продолговатыми медно-красными переливчатыми пятнами; на двух или трех маховых перьях блестящие зеленые пятна. Средние покровные перья хвоста бурые, остальные — темно-серые. Глаза темно-красновато-бурые, клюв черновато-серый, ноги карминово-красные. У самки нет светлой лобной полосы; оперение ее более сероватое и зеркальца меньше. Птица имеет 34 см в длину, длина крыла 19, а хвоста 13 см.

Этот голубь принадлежит к числу тех австралийских птиц, которые попадались в руки уже первым исследователям. По-видимому, он распространен по всему матерiku, но в некоторых местностях встречается только в качестве перелетной птицы. Пустынные местности, поросшие низким кустарником или травой, составляют его любимое место пребывания.

Синеголовый земляной голубь (*Starnoenas cyanocephala*) плотно сложен, клюв у него толстый, высокий и широкий, выпуклый на верхушке; ноги совершенно куриные, длинные с толстыми плюснами и короткими мясистыми пальцами, снабженными большими изогнутыми когтями. Крылья короткие, большие маховые перья узкие, саблевидно изогнутые и заостренные. Хвост умеренно длинный и закругленный. Оперение обильное и несколь-

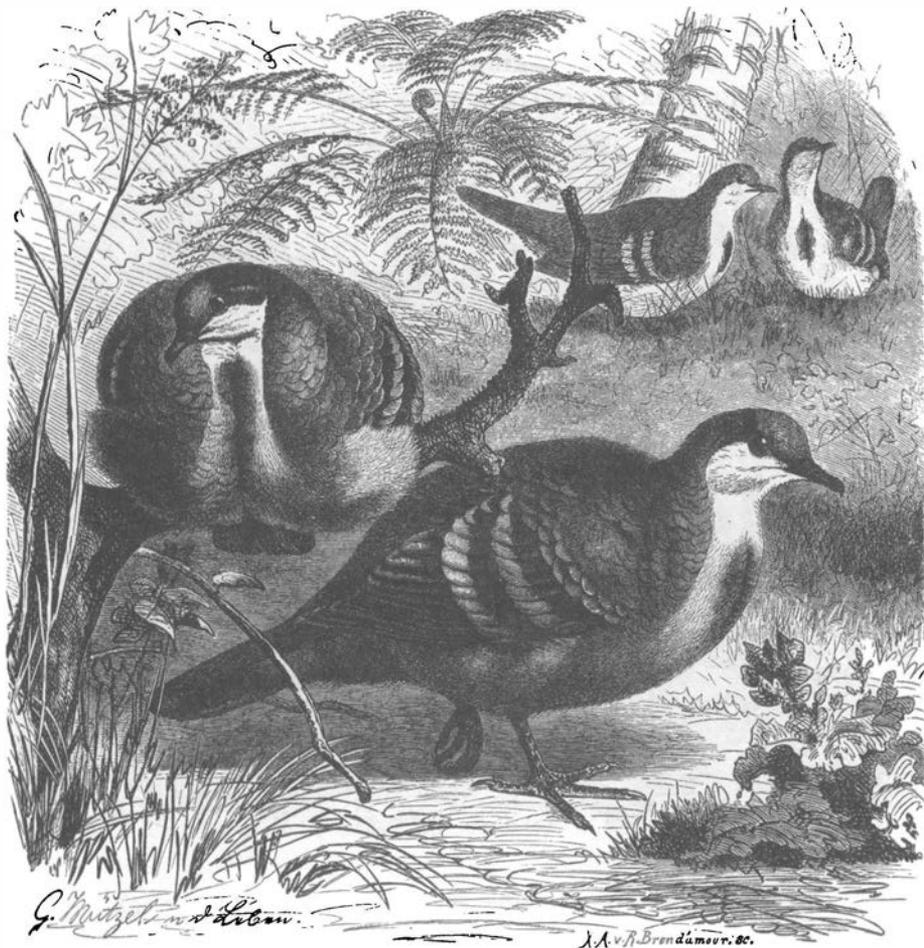
Синеголовый
земляной голубь
(*Starnoenas
cyanocephala*)

ко жесткое. В длину земляной голубь имеет 31 см; размах крыльев 44 см; длина крыла так же, как и хвоста 13 см.

Местом обитания этой великолепной птицы следует считать Кубу, откуда она распространяется к северу до Флориды, к югу до Венесуэлы и, по словам Бурмейстера, встречается вплоть до высоких местностей Бразилии по течению Амазонки, но южнее этого не попадает. Она живет также на Ямайке, но на остальных Антильских островах, по-видимому, отсутствует. Одюбон встретил несколько этих голубей во Флориде в мае и видел также парочку

вскормленных с молодости в неволе, вероятно, взятых из гнезда, но не мог ничего узнать относительно жизни их на воле. Только Рикор и после него Гундлах дают нам более подробные сведения об этих красивых птицах, бывших известными уже старейшим орнитологам.

«Земляной голубь, — говорит Рикор, — живет очень уединенно в девственных лесах Кубы. Наблюдать его в высшей степени трудно, так как непрерывно ведущаяся расчистка лесов прогоняет этих голубей; кроме того, их постоянно преследуют, так как креолы очень ценят как пре-

Кровавогрудый
куриный голубь
(*Gallinolumba luzonica*)

красное мясо, так и выгоду, получаемую от продажи, и потому истребляют их при всякой возможности. Чтобы охотиться за этой птицей, нужно быть на месте уже рано утром, потому что с восходом солнца она имеет обыкновение лететь по направлению к востоку и садиться на верхние ветви самых высоких деревьев. Роса, выпадающая на Антильских островах по ночам в большом количестве, промачивает перья голубя, словно дождь, и принуждает его обсушиться; поэтому-то он и летит навстречу первым лучам выходящего солнца. Позднее можно встретить земляного голубя

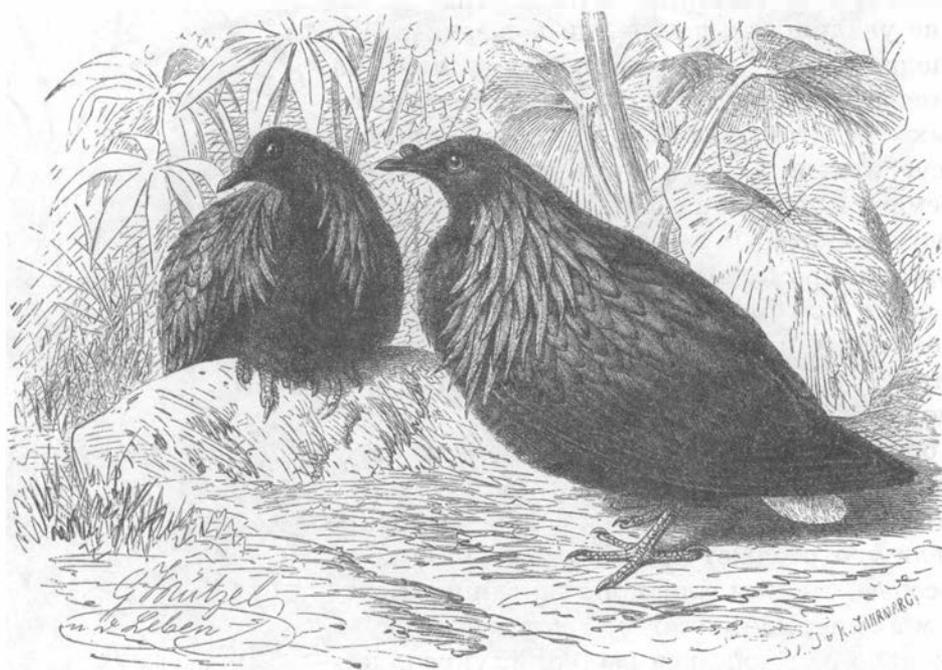
в лесной чаще на самых густолиственных ветвях, которые он выискивает, чтобы укрыться от дневного жара, особенно часто вблизи рек, к которым он прилетает, чтобы утолить жажду. Тогда он бывает менее робок, чем утром, может быть, потому, что под прикрытием листвы считает себя в безопасности, а может быть, и потому, что дневной жар уменьшает его обычную живость. Но если в полдень легче подкрасться к нему, то тем труднее бывает его заметить; охотник в это время не с таким увлечением преследует птицу, так как полуденный зной так же неприятен для него, как и для дичи. Особенно часто можно застать земляного голубя в известное время на сахарном горохе, из стручков которого он вылуцкивает зерна». Более содержательны сообщения Гундлаха. Этот голубь — настоящая оседлая птица Кубы; он нередко встречается в больших лесах, особенно там, где каменистая почва; но его никогда не увидишь ни в поле, ни в саваннах. Он ходит, втянув шею и подняв хвост, медленно шагая, и ищет на земле семена, ягоды и иногда маленьких улиток, а также роется в сухих, опавших листьях. Насытившись, он садится на горизонтальный, безлиственный сук или на какое-нибудь растение, чтобы отдохнуть. Время от времени издает призывный крик, состоящий из двух звуков — «ху-уп», из которых первый протяжный, а второй, наоборот, очень короткий; кроме того, слышится как бы тихое бормотание. По крику этого голубя очень трудно судить, на каком расстоянии он находится, так как кажется, что крик этот то приближается, то отдалется. Полет его начинается очень шумно, совершенно сходно с полетом перепела.

У жителей Кубы без белого превосходного мяса этих голубей не обходится ни один парадный обед. Поскольку за ними усиленно охотятся, то год от года их становится все меньше. Для ловли их местные жители употребляют приманных птиц или, за неимением таковых, особые свистки для приманивания. Круглая, имеющая около 3 м в поперечнике сетка, к которой внизу, в виде груза привязано кольцо из вьющихся растений, укрепляется на совершенно открытом, хорошо расчищенном месте в лесу при помощи длинной веревки, перекинутой через сук и достигающей до того места, где прячется птицелов. Сетку подтягивают на такую высоту над землей, чтобы приманиваемые птицы могли подбегать под нее со всех сторон. Приманную птицу привязывают на короткой веревочке на середине находящегося под сетью места, которое усыпают маисом. Призывный крик привязанного земляного голубя или звук свистка привлекают сизых голубей, и птицелову остается только вовремя опустить на них сеть. Он продает их живыми местным торговцам, которые держат птиц в больших клетках и кормят до тех пор, пока не представится случай сбыть их.

Кровавогрудый куриный голубь (*Gallinolumba luzonica*) водится на Филиппинских островах. Относительно жизни его на

воле известно только, что он населяет леса, много движется по земле и что местные жители часто ловят его в силки и приручают. Все упоминающие о нем путешественники говорят более или менее подробно о кровавом пятне на его зобу и уподобляют его ране, нанесенной кинжалом, а самого голубя иногда сравнивают с пеликаном, хотя такое сравнение совсем неудачно. Но ни один из этих путешественников не сообщает ни малейших сведений относительно образа жизни этих птиц.

К самым великолепным представителям семейства голубиных следует причислить **никобарского, или гривистого, голубя** (*Caloenas nicobarica*). Он очень плотно сложен; на крепком клюве у самого лба находится мягкая шарообразная бородавка; ноги, совершенно напоминающие куриные, сильны, с высокими плюснами и

Никобарский голубь
(*Caloenas nicobarica*)

короткими пальцами. Крылья чрезвычайно сильно развиты, очень длинные и широкие. Хвост, состоящий из 12 широких перьев, слегка закруглен; оперение обильное и в области шеи удлиняется настолько, что образует ниспадающую гриву. Голова, шея, вся нижняя сторона и маховые перья черно-зеленые; перья нижней стороны снабжены каемками василькового цвета. Длиннейшие шейные перья воротника, спина, надхвостье и покровные перья крыльев травянисто-зеленые с металлическим отблеском, более короткие перья воротника с золотистым блеском, а перья хвоста — чисто белые. Глаза светлого красно-бурого цвета, клюв черный, словно кожаный, ноги красновато-пурпуровые. У молодых экземпляров оперение менее блестящее и хвостовые перья черные. Длина этой птицы 36 см, размах крыльев 75, длина крыла 25, а хвоста 7 см.

Голубь этот встречается на всех островах близ берега Новой Гвинеи до Филиппинских островов, особенно на маленьких необитаемых островках, все равно — лежат ли они вблизи материка или среди открытого моря. Он принадлежит к видам, живущим почти исключительно на земле, и полет его кажется тяжелым; он может, однако, пролететь, не утомляясь, несколько сот километ-

ров. Некий Дювенбоден рассказывал Уоллесу, что он видал, как один такой голубь летел к коралловому островку, находившемуся на расстоянии 100 морских миль от Новой Гвинеи и всех других островов; однако, еще не долетев до берега, он упал от истощения в воду и был спасен вышеупомянутым наблюдателем.

Всюду, где водится этот голубь, он встречается довольно редко или, по крайней мере, никогда не попадает большими стаями. По уверению путешественников, он питается семенами, ягодами и маленькими плодами, не пренебрегая, однако, и животной пищей. Гнездо устраивает на земле. Европейцы, поселившиеся на родине этих голубей, часто содержат их в неволе, но в Европу их привозят не так часто, как было бы желательно.

Голубой венценосный голубь (*Goura cristata*) имеет в длину 75 см, длина крыла 38, а хвоста 26 см. Общий цвет оперения светлый аспидно-голубой; спина, крылья и хвост несколько темнее.

У веероносного голубя Виктории (*Goura victoria*) преобладает также аспидно-голубой цвет, но нижняя сторона у него окрашена в каштаново-бурый цвет, полоска на крыльях серовато-синяя, а широкая кайма на хвосте беловато-серая. Кроме того, перья хохлы не просто распушены, но усажены еще на концах маленькими бородачками, имеющими вид продолговатых треугольников. Глаза киноварно-красного цвета, ноги — телесного.

Уже в 1699 году старый наблюдатель Дампьер видал венценосных голубей на их родине; позже значительное количество их было перевезено в Ост-Индию и на Зондские острова, где они содержались на дворах как куры. Несколько экземпляров были перевезены также в Голландию и украшали здесь коллекции богатых любителей. Но до последнего времени мы не знали почти ничего об их жизни на воле, да и в настоящее время сведения наши еще очень неполны.

Веероносный голубь
Виктории
(*Goura victoria*)

«Голубой венценосный голубь, — говорит Розенберг, — живет в огромном количестве на побережье Новой Гвинеи, а также на островах Вайгиу, Салавати и Мизуль. Образом жизни он напоминает фазана, странствует небольшими стаями по лесу и охотно держится на земле». Уоллес часто встречал его в Новой Гвинее бегающим по лесным дорожкам, так как большую часть дня он проводит на земле, питаясь опавшими плодами; только если его спугнуть, он перелетает на одну из нижних ветвей соседнего дерева, которую выбирает также и для ночлега. «Подстрелить венценосного голубя, — продолжает Розенберг, — дело вовсе не трудное. Поднимаясь по верхнему течению реки Каруфы, на западном берегу Новой Гвинеи, мы убили с лодки сидевшую в гнезде самку. Гнездо состояло из плохо переплетенных ветвей, и в нем мы нашли только что вылупившегося птенца. В Дора венценосного голубя называют «Мамбрук», на юго-западном побережье — «Тити». Его довольно часто привозят живым на острова Амбоину, Яву и Банду, а оттуда в Европу, что повело к ложному заключению, будто этот голубь водится на упомянутых островах. Венценосный голубь Виктории, по-видимому, более редкая птица и населяет южные местности Новой Гвинеи».

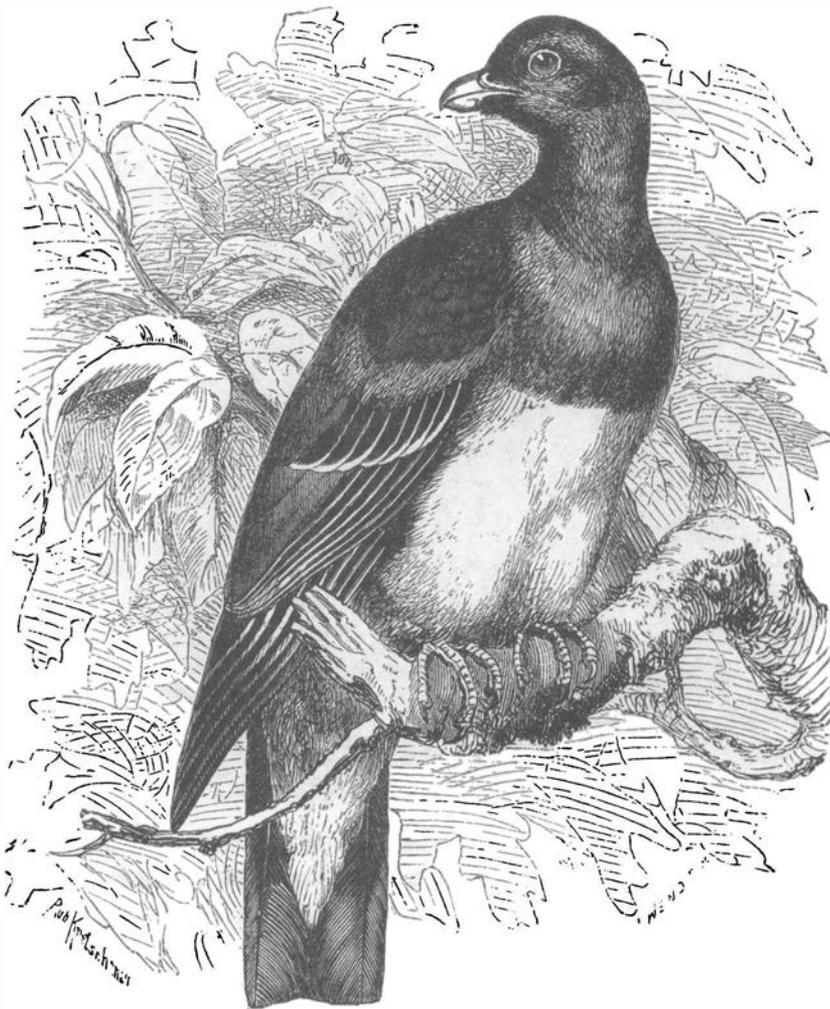
К самым великолепным, отличающимся красивой окраской, следует причислить **шишкоклювого голубя** (*Alectroenas pulcherrimus*). Он плотно сложен, передняя часть лица, равно как и область глаз, — голые. Область носа и передняя часть щек покрыты большими кожистыми наростами и бородавками; кроме того, с обеих сторон лба находится по кожистой лопасти, у которой посередине имеется неглубокая выемка. Клюв у него короткий, ноги маленькие и слабые, крылья умеренной длины, третье маховое перо самое длинное из всех. Хвост короткий и слегка закругленный, перья головы имеют волосистое строение; на шее перья удлинены, заострены, раздваиваются и расположены полосами; прочие части покрыты большими перьями. Перья головы, напоминающие волосы, окрашены в кровавый вишневый или грязно-карминовый цвет; задняя часть головы, затылок, шея и зоб голубоватого пепельно-серого цвета; верхняя часть спины и верхняя часть груди жемчужно-серые; все же прочие части окрашены в темный пурпурово-индиговый цвет. Клюв грязно-оранжевый, неоперенная часть головы яркая киноварно-красная, глаза лимонно-желтые, ноги темно-серые. В длину этот голубь имеет 26 см, длина крыла 15, длина хвоста 8 см.

Шишкоклювый голубь так же, как и его родичи, водится на Сейшельских островах, а именно на островах Маэ, Силуэт, Праслен, Марианна и Фелисито. Относительно его образа жизни нам ничего неизвестно. О родственниках ему видах сообщают, что они держатся в высокоствольных лесах обществами в 6—8 штук, питаются разными плодами, особенно плодами дикой финиковой пальмы, во время уборки риса появляются в

небольшом количестве на плантациях и здесь, при обильной пище, скоро жиреют.

Перейдя первый высокий горный хребет на восточноафриканском берегу и оставив за собой пустынные низменности Самхары, путешественник вступает в покрытые богатой растительностью долины, где из всех звуков чаще всего слышится звонкий голос сорокопута. Здесь повсеместно можно встретить самого красивого из всех голубей северо-восточной Африки; громкий свистящий шум, который производит крыльями на лету спугнутая стая этих гоубей, или странные, напоминающие вой, звуки, которые можно передать приблизительно слогами «ги-га-гу», должны поневоле обратить на себя внимание даже самого неопытного натуралиста.

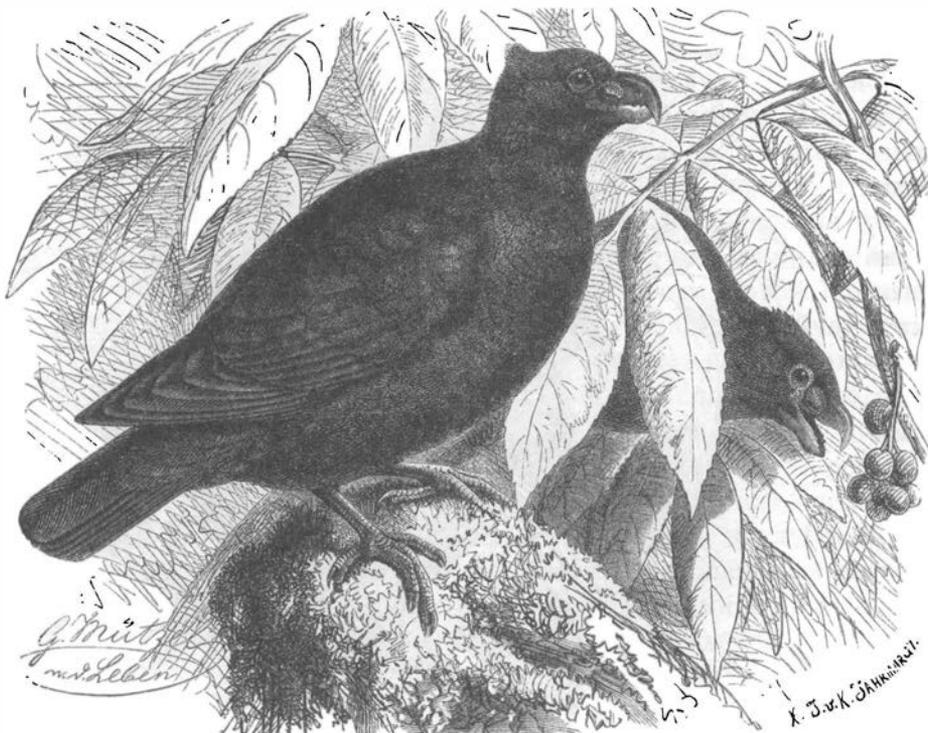
Ваали, желтобрюхий зеленый голубь (*Treron waalia*) сложен плотно, крылья у него длинные, хвост короткий. Клюв короткий, крепкий; верхняя половина его загнута крючком, у основания он голый. Плюсны сравнительно короткие, большей частью оперены; ноги отличаются широкой подошвой и короткими пальцами. Крылья острые, хвост прямо обрубленный. Окраска оперения великолепна. Верхняя сторона бледная оливково-зеленая, нижняя — светло-желтая; голова, шея и грудь пепельно-серовато-зеленые, плечи винно-красноватые, покровные перья крыльев черноватые с широкой светло-желтой каемкой, маховые перья черноватые с еще более светлыми каемками, рулевые перья пепельно-серые, снизу от корня и до середины черные, а от середины до кончика серебристо-серые. Вокруг глазного яблока идет узкое ярко-голубое кольцо; остальная радужная оболочка пурпурово-красная, неоперенное кольцо вокруг глаза голубовато-серо-красное; клюв у корня белый с голубоватым отливом, на кончике же бледно-красный, восковица грязного кораллово-красного цвета, ноги

*Желтобрюхий
зеленый голубь
(Treron waalia)*

темного оранжево-желтого. Длина равняется 31 см, размах крыльев 55, длина крыла 17, длина хвоста 11 см. Самка окрашена точно так же, как самец, и отличается от него только меньшей величиной.

Ваали распространен по всей средней Африке от берегов Индийского океана и Красного моря до западноафриканских островов. Я не считаю этого голубя перелетной птицей, и все новейшие наблюдатели, по-видимому, придерживаются того же мнения. По моим наблюдениям, ваали живут небольшими семействами в глубоких горных долинах и на граничащих с горами низменностях Самхары, где вполне проявляется все великолепие тропических стран. Высокоствольные мимозы, окруженные терновником и переплетенные четы-

Зубчатоклювый
голубь
(*Didunculus
strigirostris*)

реплетенные четырёхгранными побегами вьющихся растений, являются в Самхаре любимым местопребыванием этих голубей; в горных же долинах великолепные тамаринды, густолиственные кигелии и, наконец, тенистые вершины огромных сикомор представляют для них еще более удобное жилище. Там, где есть группа из 3 или 4 таких деревьев, почти всегда можно увидеть ваали, и даже некоторые от-

дельные сикоморы служат для них местом утренних и вечерних сборищ, в их же тени они отдыхают во время полуденного зноя. Кое-где эти птицы встречаются парами, но обыкновенно они собираются в небольшие стаи по 8—20 штук; в большом количестве мне никогда не приходилось их встречать.

Голубь этот действительно представляет большое сходство с попугаями. Уже одни цвета его оперения — чудный зеленый и ярко-желтый напоминают нам этих птиц. К этому присоединяется еще своеобразное лазанье по деревьям и странные позы, принимаемые ими. Даже опытный охотник нередко ошибается и думает, что перед ним действительно попугай. Надо еще упомянуть о следующей совершенно своеобразной особенности ваали: иногда он ложится плашмя на сук, совсем почти как спящий козодой. Полет его быстрый и порывистый, но твердый и сопровожда-

ется громким и свистящим шумом крыльев, отличающимся от подобного же шума всех других голубей. Только его голос представляет мало приятного, напротив, даже напоминает несколько вой. Дрожащих или воркующих звуков я совсем не слышал.

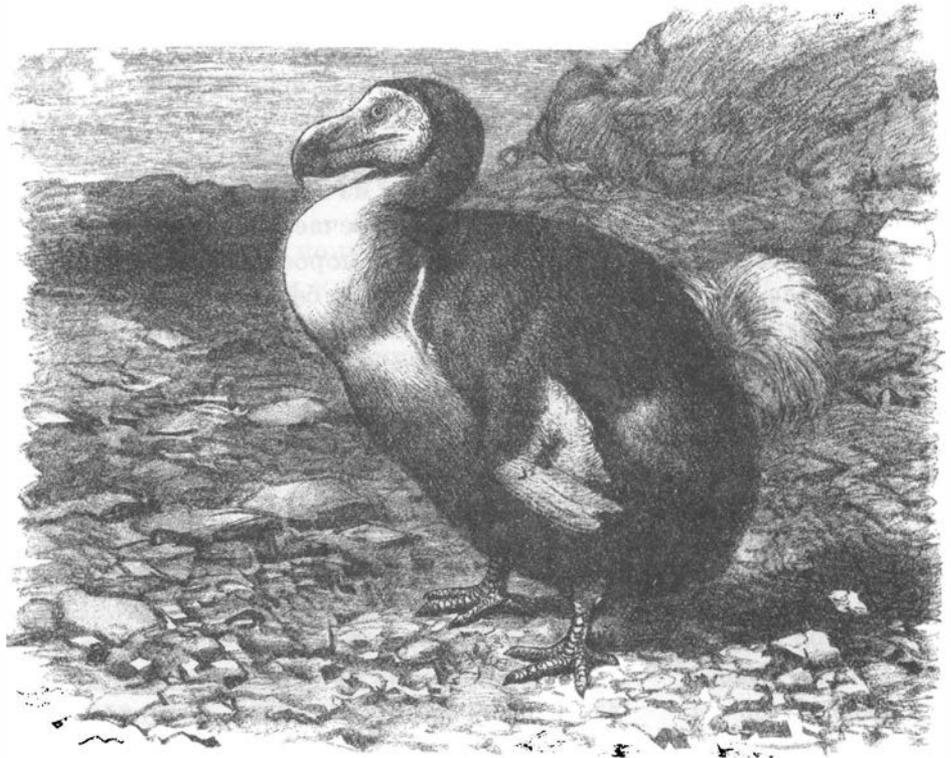
В желудках убитых мной экземпляров я находил всевозможные ягоды, и местные жители говорили, что голуби эти водятся только там, где есть деревья и кусты, приносящие ягоды. Как совершенно верно замечает Гейглин, ваали ищет пищу преимущественно на диких фиговых деревьях, покрытых роскошной листвой и изобилующих плодами. На таких деревьях он поселяется на более или менее продолжительное время, и валяющиеся на земле

или постоянно падающие с дерева куски плодов выдают его присутствие даже тогда, когда густая листва скрывает его от глаза. Когда созреют фиги, часто весь клюв ваали бывает вымазан желтым соком этих плодов, и жир его также принимает желтоватую окраску. С этими наблюдениями относительно рода пищи ваали согласуется и то, что этот голубь никогда не спускается на землю; по крайней мере я видел его только на верхушках деревьев.

Левальян говорит, что ваали гнездятся в дуплах, на довольно высоких кучах мха и сухих листьев, и что самка кладет четыре желтовато-белых яйца. Конечно, я не могу опровергнуть это сведение личными наблюдениями, но все же считаю их ошибочными. Если ваали и гнездится в дуплах, то во всяком случае он не делает в них куч из мха и листьев, а также не кладет и четырех яиц вместо обычных двух.

Охота на ваали только тогда бывает легка и удачна, если удастся открыть одно из любимых им деревьев и спрятаться под ним; птица эта так боязлива или, по крайней мере, осторожна, что нелегко подпускает к себе охотника.

Зубчатоклювый голубь (*Didunculus strigirostris*). Сложен он плотно, голова большая; вышина клюва гораздо более значи-

Маврикийский
дронт*
(*Raphus cucullatus*)

* Отряд голубеобразных включал в себя ранее еще одно, ныне исчезнувшее, семейство — дронтовых (*Raphidae*). Это были крупные нелетающие птицы, размером примерно с

Семейство голубиные

индейку, массой до 20 кг. Они обитали на Маскаренских островах. Гнездились на земле, в кладке было одно яйцо. Питались эти исполинские «голуби» растительными кормами: плодами, семенами, почками и листьями. Корм собирали на земле. После заселения островов людьми дронты были быстро истреблены. Завезенные на острова собаки, кошки и свиньи способствовали их истреблению, уничтожая кладки и птенцов. На о. Маврикий дронты исчезли в 1680—1690 годах, на о. Реюньон (бывший о. Бурбон) — исчезли в середине XVIII века и на о. Родригес — в начале XIX века. В настоящее время в музеях мира осталось лишь несколько неполных скелетов, а также лапа и голова от пропавшего чучела дронты.

тельна, чем ширина. У основания верхняя часть клюва слегка загнута кверху, далее же равномерно и сильно изогнута книзу и образует острый крючок на конце; на краях ее нет ни зубцов, ни выемок. Нижняя половина клюва также выгнута книзу, но спереди она косо притуплена и с каждого края снабжена выемками, образующими три зубца; самый край слегка выгнут книзу. Длина зубчатоклювого голубя 33 см, размах крыльев 63, длина крыла 18, длина хвоста 8 см.

Первый такой голубь был приобретен леди Гарвей на аукционе австралийских товаров. На этом основании он был принят за австралийскую птицу, изображен и описан Гульдом в его сочинении о птицах Австралии. Позже мы получили сведения об области распространения и образе жизни этой птицы от Пиля, Вальполя, Беннета, Стера, Рамзая и Греффе; наконец ее доставили даже живой в Европу.

Насколько известно, зубчатоклювый голубь водится исключительно на двух из островов Самоа, а именно на Уполу и Савайи, да и здесь он встречается только в некоторых небольших районах. Он обитает в поросших лесом гористых местностях на известном расстоянии от берега моря. По сообщению Вальполя, голуби эти водились прежде в большом количестве на острове Уполу, так что путешественник этот питался главным образом их мясом. Обыкновенно их приходилось встречать парами, но иногда и стаями штук до девяти. По образу жизни они совершенно напоминают других голубей и летают, ходят, воркуют и высиживают точно так же, как и последние. В настоящее время зубчатоклювый голубь уже только изредка попадает на острове Уполу и притом не столько потому, что местные жители используют огнестрельное оружие, сколько вследствие их пристрастия к кошкам, которые отчасти одичали и производят большие опустошения среди этих птиц, не страдавших прежде ни от одного хищника. Аборигены называют этого голубя «манумеа» (красная птица) и так высоко ценят его превосходное мясо, что ежегодно предпринимают большие экскурсии в горы исключительно для того, чтобы наловить манумеа. Но кошки преследуют этих голубей и в горах, куда они переселились. Греффе утверждает, что зубчатоклювые голуби живут здесь преимущественно на больших деревьях, напоминающих ясень и называемых «мауке», и питаются главным образом их кожистыми мясистыми плодами, содержащими трехгранные красные семена. Громкий крик птиц выдает их присутствие на этих высоких густолиственных деревьях, но кроме туземцев почти никто не в состоянии заметить и подстрелить их среди густой чащи ветвей.

ОТРЯД
ПОПУГАЕОБРАЗНЫЕ
(Psittaciformes)

*Семейство
попугаевые*

СЕМЕЙСТВО
ПОПУГАЕВЫЕ (Psittacidae)

Распространенный в тропических странах, богатый видами, отряд попугаев представляет собой замкнутую группу. Их телосложение и резкое отличие от других птиц свидетельствуют о древнем происхождении этой группы.

Самым характерным признаком у попугаев является их клюв, который нельзя спутать ни с одним клювом других птиц, как бы сходны они ни были. Штауде, пытавшийся установить естественную классификацию птиц, назвал попугаев шароклювыми. И это название выбрано им отнюдь не случайно. При поверхностном осмотре клюв попугаев действительно похож на клюв хищных птиц, хотя на самом деле он значительно толще и сильнее последнего, относительно выше и в общем пропорциональнее. У основания его на верхней половине находится восковица, т.е. неоперенное, но и не роговое место, лежащее наподобие седла на основании клюва. За исключением попугаев из птиц с такой восковицей можно назвать только дневных хищных птиц и сов.

Не менее характерны и другие части тела попугаев, а равно и внутреннее строение их тела. Ноги, пишет Бурмейстер, у них «толсты, сильны, мясисты, но никогда не бывают высоки; плюсна гораздо короче среднего пальца и всегда покрыта маленькими чешуйчатыми табличками. Пальцы довольно длинные, наружный и внутренний обращены назад; все они снабжены крепкими подошвами, а на конце особым утолщением. Подобно плюсне, на верхней стороне они покрыты чешуйками; последние к концу постепенно увеличиваются и на последнем суставе у когтя переходят в таблитчатые или поясковые щитки. Когти не длинные, но сильно согнуты и довольно остры, хотя и не сильны. Внутренний передний палец имеет обыкновенно самый маленький коготь, а коготь большого пальца немного больше последнего. Самый большой принадлежит наружному переднему пальцу, однако коготь заднего наружного по величине ему уступает немного». Крылья, по Финшу, у попугаев вообще очень развиты. Они большие и заостренные; маховые перья их, число которых колеблется между

19 и 22, но большей же частью равно 20, снабжены крепкими стержнями и широкими опахалами; к концу они суживаются или закругляются. Двенадцать хвостовых перьев различаются как по форме, так и по длине, почему и форма самого хвоста бывает различной.

Мелкое оперение попугаев состоит из небольшого числа разрозненно усаженных перьев с относительно большим добавочным стержнем; под ними находится пух. Окраска оперения при всем ее разнообразии имеет, однако, много общего у птиц этого отряда. Преобладающим цветом является более или менее роскошный травянисто-зеленый; хотя есть попугаи и с гиацинтово-голубой, пурпурово-красной, золотисто-желтой окраской. Замечательно распределение цветов на оперении этих птиц. Особенно характерно присутствие резко ограниченных окрашенных полей и бросающееся в глаза разнообразие цветов. На одной и той же птице мы видим часто дополняющие друг друга цвета спектра (голубовато-фиолетовый, темно-синий, светло-голубой и зеленый наверху и светло-желтый, оранжево-желтый, пурпурово-красный внизу). Самцы и самки по большей части, однако отнюдь не всегда, окрашены одинаково; молодые птенцы по окраске обычно мало отличаются от взрослых птиц, хотя бывают и исключения.

Особенно интересным у попугаев является язык, характерный не только своей короткостью, толщиной и мягкостью, но и присутствием иногда на его конце бесчисленных нитевидных сосочков.

Итак, с какой бы стороны мы ни рассматривали попугаев, мы видим в них совершенно самостоятельную группу птиц, резко отличающуюся от других представителей класса. Подобную группу мы называем отрядом, т.е. определяем ее как нечто стройное и целое, которое не может быть включено в другие группы птиц.

Самостоятельное положение отряда попугаев обуславливается, однако, не исключительно одним строением их тела, но находит подтверждение и в образе их жизни, а именно в поведении, манерах, привычках и обычаях. Уже заранее должно предполагать тесную зависимость между организацией этих птиц и образом их жизни.

Крупные виды попугаев взлетают тяжело, но дальнейший полет их быстр; мелкие виды более проворны. Полет одних видов волнообразный, полет других же напоминает зигзаги. Стая несущихся какаду образует красивые дуги, только земляные попугаи редко употребляют в дело свои крылья.

Многие попугаи выказывают себя неловкими в движениях по земле и больше прыгают по ней, нежели ходят. Исключения составляют земляные попугаи, которые бегают по земле столь же быстро и ловко, как и побережные птицы. Так, бег австралийского земляного попугая можно сравнить с бегом кулика, а об одном травяном попугае Гульд говорит, что этот попугай бегаёт по земле,

подобно ржанке. По сучкам попугаи прыгают с трудом, чего отнюдь нельзя сказать про их движения в ветвях вообще. Дальние пространства они пролетают, небольшие же проходят, карабкаясь по ветвям, причем иные проделывают это довольно тяжеловесно. Одни попугаи при лазании употребляют в дело клюв и ноги, другие только ноги. Достоверно, что птицы эти весьма ловко пользуются своими ногами и клювом, причем несравненно лучше остальных птиц. Первые заменяют им руки, по крайней мере, попугаи пользуются ими точно руками. Клюв, который у большинства птиц заступает место рук, у них более подвижен. Попугаи пользуются им для того, чтобы поднять с земли тот или иной предмет, сорвать и разгрызть плоды, для защиты во время нападения. Кроме того, он служит им, подобно тому, как резцы грызунам, для обламывания сучков, раскусывания и прокусывания их и, наконец, является вспомогательным органом при лазании.

Голос попугаев сильный, часто пронзительный, однако не вполне лишен благозвучия. У некоторых видов он очень гибок и выразителен. Пронзительный крик многочисленного общества попугайчиков положительно режет ухо. Шум и гам, производимые стаями карликовых попугаев, можно сравнить со стуком в кузнице, где выделываются косы. Некоторые виды издают лающие звуки, другие — свистящие, третьи — ворчливые, четвертые — тихие мурлыкающие; одни выпускают короткий, ясный крик, другие — квакающий, иные же подают звонкий призывной голос. Некоторые виды распевают перед своими самками такие милые песенки, что не будь они попугаями, их можно было бы причислить к певчим птицам; другие выучиваются насвистывать песни с такой чистотой, что могут пристыдить любого снегиря. Способность попугая перенимать голос и слова человека хорошо известна. В этом они превосходят всех других птиц, достигают изумительного, невероятного искусства. Можно сказать даже, что это не болтовня, а настоящая речь. Да будут правильно поняты мои слова: я, конечно, не хочу сказать, что попугаи понимают или в состоянии понимать повторяемые ими слова, что они умеют различать фразы и составлять их, но я утверждаю, что птицы эти умеют при удобном случае правильно применить заученное, например, сказать на утреннее приветствие знакомого человека, если их тому выучили, подходящее «доброе утро», а не «добрый вечер».

За исключением Европы, попугаи живут во всех частях света. Из 429 видов, установленных в 1889 году Маршаллом, 161 живет в Америке, 203 — в Австралии и на островах Океании, 25 — в Африке и 40 — в Южной Азии, включая сюда и Зондские острова. Новые открытия немного увеличили число известных видов, но соотношение чисел распределения не изменилось*. Большинство видов принадлежит к жаркому поясу.

Попугаи благодаря своей яркой окраске весьма заметны в лесах. «Своим богато окрашенным оперением, — замечает принц

** В настоящее время орнитологами признается 324–328 ныне живущих видов и 15 видов попугаев, которые уже вымерли или истреблены.*

фон Вид, — попугаи украшают темную сень тропических лесов». «Невозможно описать, — сообщает Гульд, — как очаровательны некоторые попугаи, особенно ярко окрашенные в красный цвет, когда они носятся над серебристой листвой австралийских акаций. Их великолепное оперение чудно выделяется на фоне окружающего». «Какаду, — восклицает Митчель, — превращают вершины деревьев в чудные райские рощи». «Я видел ветви деревьев, — пишет Одюбон, — сплошь покрытые попугаями».

Да и чем были бы эти чудные тропические леса без попугаев? Мертвый сад волшебника, безмолвная равнина, пустыня! Кто, как не эти красивые птицы вносят веселое разнообразие в лесную жизнь, одинаково лаская слух и зрение жителей!

За исключением периода птенцовой поры попугаи живут стаями. Местом своего жительства они выбирают какой-нибудь участок леса и отсюда изо дня в день совершают полеты на дальние расстояния. Колонии живут в тесной дружбе между собой, сообщая переносят все жизненные невзгоды. Ранним утром они одновременно покидают свой ночлег, садятся на какое-нибудь дерево или поле, чтобы воспользоваться их плодами, выставляют сторожей, на обязанности которых лежит радеть о безопасности всего общества, и чутко следят за предостерегающим криком последних. Во время бегства птицы держатся довольно близко друг к другу, а в случае опасности дружно защищаются. На ночлег прилетают все вместе и пользуются им по возможности сообща.

Насущной потребностью попугаев, после удобного места для ночлега, является густые вершины деревьев, которые служат им не столько защитой от непогоды, сколько хорошим укрывным местом, где можно прятаться. Во всяком случае, прежде всего они любят тепло, хотя и не боятся холода и сырости. «Во время сильных тропических непогод, следствием которых является иногда необычный сумрак, — говорит принц фон Вид, — попугаев часто видишь сидящими неподвижно на сухих вершинах деревьев. Не обращая внимания на текущую по их перьям воду, они бодро и весело кричат. Несмотря на присутствие поблизости густой листвы и толстых сучков, где они могли бы найти защиту от непогоды, птицы предпочитают мокнуть под ливнем теплого дождя. Они, по-видимому, находят в этом удовольствие. Но как только дождь перестает, попугаи первым делом заботятся о просушке своих перьев». Серые африканские попугаи также любят дождь и делаются гораздо веселее и крикливее, когда попадают под ливень или, вообще, когда в воздухе пахнет дождем. При хорошей погоде, как я убедился в том, эти птицы предпочитают держаться в густых деревьях. Они прекрасно знают, какую верную защиту представляют для них, окрашенных в цвета листвы, густолиственные вершины деревьев. В такой листве попугаев заметить нелегко. Можно знать, наверное, что на одном дереве уселось, быть

может, одновременно 50 штук этих птиц, и, тем не менее, не видеть ни одной. Прячась, попугаи не только прибегают к помощи покровительственной окраски их оперения цвета листвы, но и употребляют в дело свойственную почти всем им хитрость. Так, если один из стаи, вовремя заметивший приближение врага, подаст сигнал, то все остальные тотчас же смолкают, возвращаются в глубь верхушки, бесшумно карабкаясь, перебираются на противоположную от врага сторону вершины дерева и улетают прочь. И только уже на расстоянии вне выстрела издают свой громкий крик, по-видимому, больше подсмеиваясь над удачно проведенным неприятелем, чем для перекликанья между собой. Так ведут они себя в особенности тогда, когда собираются на какое-нибудь дерево пообедать. И вообще, все свои воровские проделки попугаи совершают с подобающей хитростью и осторожностью.

Пища попугаев состоит преимущественно из плодов и семян. Однако есть виды, которые питаются почти исключительно соком цветов и цветочной пылью, а может быть, еще и насекомыми, которых находят в цветочных венчиках; ары и клинохвостые попугаи наряду с плодами и зернами едят почки и древесные цветы, а некоторые какаду охотно питаются личинками насекомых, червями и тому подобным. Вообще мне совсем не кажется невероятным, что крупные виды этого отряда питаются животной пищей больше, чем мы то полагаем. Едва ли можно удивляться сведениям о попугае кака. Замечено, что по крайней мере некоторые из этого вида являются настоящими плотоядными птицами и едят даже падаль. Однако основной пищей попугаев остается все-таки растительная.

Опустошения, производимые попугаями на полях и в садах, невероятно велики и вызывают со стороны человека ревностное противодействие им. Мало что недоступно этим птицам, и нет ничего, что было бы вполне защищено от их нападений. «Попугаи, в особенности большие араны*, — говорит принц фон Вид, — разгрызают своим огромным, сильным и подвижным клювом самые твердые плоды и орехи; однако также хорошо справляются они со скользкими плодами или мелкими зернами». Желобкообразные и зазубренные бороздки верхней половинки клюва помогают попугаям удерживать скользкую или мелкую пищу, причем существенную помощь при этом оказывает им их язык. В одно мгновение разгрызается орех, вымолачивается колос или вышелушивается зерно. То, с чем не справляется клюв, могут справиться ноги, и ловко схваченная ногами пища исправно отправляется в рот. Попугаи, подобно обезьянам, опустошают гораздо больше, чем съедают.

Наевшись, попугаи летят на водопой или выкупаться. Пьют они много. По словам Одюбона и Шомбургка, попугаи употребляют также соленую воду или, по крайней мере, такую, которая по нашим понятиям непригодна для питья. Кроме случайных

Семейство попугаевые

* Сейчас эти попугаи известны под названием ары.

купаний под дождем, они купаются и в лужах. По сообщению Левальяна, попугаи полощутся так, «что капли падают на них дождем». По наблюдениям Одюбона, они охотно ворошатся в песке, причем исправно запыляют свое оперение и нередко для этой цели залезают в норы крупных зимородков. Они выискивают также солончаковую почву и летают на лесные солончаки.

Период размножения попугаев приходится на те месяцы, которые на их родине соответствуют нашей весне и предшествуют времени созревания плодов. Все виды, об образе жизни которых мы имеем сведения, живут парами, и самец с самкой скреплены узами самой горячей и самой верной взаимной любви. Совершенно точно названы некоторые виды попугаев «неразлучными». С таким же правом можно применить этот эпитет и к остальным попугаям. Более крупные виды выводят птенцов, по видимому, лишь раз в году и кладут только по два яйца; однако австралийские серые попугаи и другие широкохвостые попугаи вообще уклоняются от этого правила: они регулярно кладут 3—4, некоторые даже 6—10 яиц и выводят птенцов, как это можно заключить по наблюдениям над попугаями, жившими в неволе, 2—3 раза в году. Какаду и другие виды кладут также постоянно более двух яиц, но выводят птенцов только раз в год. Яйца попугаев всегда белого цвета, гладкие и округлые.

Предпочитаемые попугаями дупла деревьев не являются исключительными местами для гнезд. Некоторые американские виды гнездятся в земляных норах или в скалах; индийские попугаи, по словам Жердона, часто выбирают для гнезд углубления в старых строениях, пагодах, гробницах, домах и т.д. Попугай-монах устраивает рыхлое гнездо из толстых ветвей; земляные попугаи кладут яйца прямо на голую землю.

Яйца насиживаются обыкновенно и самцом, и самкой попеременно*. У мелких видов, как, например, у волнистого попугайчика, время высидывания длится 16—18 дней; у других попугаев на это уходит 19, 23, 25 дней; сколько времени высидывают свои яйца ары — неизвестно**. Птенцы вылупляются весьма беспомощными, но развиваются чрезвычайно быстро. Вначале они скудно покрыты пухом; по прошествии 5—6 дней появляются первые пеньки перьев; на 8-м или 18-м дне их жизни птенцы делаются зрячими. Птенцы волнистого попугайчика оставляют гнездо через 33 дня, а двумя днями позже уже летают по окрестностям.

Оба родителя приносят корм для птенцов и продолжают кормить их некоторое время и по вылете их из гнезда. Пища, если таковая состоит из зерен, предварительно размягчается в зобу и затем уже кладется в рот птенцов.

Очень возможно, что большинство попугаев умирает чаще от старости, нежели насильственной смертью. Из врагов самым опасным для них является человек. Благодаря своей хитрости

** У некоторых видов попугаев насиживанием заняты только самки.*

*** Ары и другие крупные попугаи высидывают яйца около или 30 дней.*

попугаи умеют избегать встречи с хищными животными. Мелкие виды попугаев часто делаются добычей соколов и лазящих хищных млекопитающих. Более крупные виды, защищаясь, с успехом пускают в дело свой клюв. Однако против козней человека им не помогают ни хитрость, ни храбрость. В конце концов, они становятся жертвой его бесчисленных ловушек.

Попугаев преследуют повсюду, и везде за ними усердно охотятся. В одних случаях это делается ради добычи, в других — чтобы защититься от них. Последнее является необходимым там, где плантации граничат с лесами, в которых обитают попугаи. Чилийцы, заметив на полях птиц, быстро подбегают к ним и гибкими палками бьют взлетающую стаю. Австралийцы спугивают попугаев с мест их ночлега и бросают в кружащиеся стаи бумеранги. Некоторые смельчаки туземцы спускаются по отвесным скалам, в которых гнездятся южно-американские виды попугаев, и крючьями вытаскивают птенцов из гнездовых нор. Начиная охотники и промышленники обыкновенно подкрадываются к птицам, когда те заняты едой. Молодых птиц достают также с деревьев, и если на последние невозможно залезть, их срубают. Кроме этого, попугаев ловят сетями, на прутья, намазанные клеем, и т.п. Мясо убитых попугаев, хотя твердо и жестко, но в пищу употребляется, по крайней мере, из него готовят крепкий бульон. Шомбургк по собственному опыту считает суп из попугаев превосходным кушаньем. Чилийцы же им положительно объедаются. Американские индейцы и австралийские дикари также усердно преследуют попугаев ради их мяса.

Еще чаще за попугаями охотятся из-за их красивых перьев. «Ничего нет удивительного в том, что дикарям очень нравится этот столь простой и красивый убор, — считает принц фон Вид. — Путешественники не раз описывали красоту этих грубых украшений, которые надевали на себя некоторые племена. Дикари Бразилии особенно славятся своим искусством пользоваться перьями попугаев: именно им приписывали умение красить их с помощью крови лягушки». Вышеупомянутый естествоиспытатель, однако, считает это за выдумку, основанную, быть может, на небылицах, придуманных самими же дикарями и рассказанных легковерным европейцам.

Польза, которую приносят нам попугаи, — почти равнозначна той, которую мы извлекаем из обезьян. Не говоря уже о мясе и шкурках этих птиц, что идут в употребление, попугаи служат нам хорошими комнатными друзьями. Мы быстро привыкаем к ним, несмотря на их проказы, прощаем им их режущий ухо крик и слишком частое злоупотребление своим разрушительным клювом, который, как это ни покажется невероятным, иной раз не щадит даже и железа. Все это искупается красотой их оперения и понятливостью.

Приручение попугаев некоторым образом напоминает порабощение человеком домашних животных. Начало его относится к древнейшим временам. На древнеегипетских памятниках, как я узнал от Дюмихена, изображения попугаев еще отсутствуют. В Библии также об этих птицах не упоминается, но в Индии Онезикрит, полководец Александра Великого, нашел их ручными у туземцев и привез некоторых в Грецию в качестве домашних птиц. Позднее попугаи часто привозились в Рим. Плиний весьма наглядно описывает их поведение, но трактует всегда об одном только виде — об ожереловом попугае. Красотою и умом попугаи пленили римлян настолько, что увлечение это было осмеяно публично на форуме. «О несчастный Рим! — восклицал суровый цензор Марк Порций Катон. — До каких времен мы дожили: на своих половинах женщины вскармливают собак, мужчины носят на руках попугаев!» Попугаев сажали в клетки из серебра, панциря черепахи и слоновой кости, держали для них особых учителей, главным образом птиц выучивали произносить слово «цезарь». Цена за говорящего попугая иногда превышала стоимость раба. Овидий даже воспел в стихах одного попугая. Гелиогабал, правда, не нашел ничего более драгоценного для угощения своих гостей, как блюдо из голов попугаев. Во времена правления Нерона были известны, по всей вероятности, только индийские виды; позднее могли быть ввезены и африканские попугаи. Во времена Крестовых походов эти птицы украшали собой клетки в домах германских богачей.

При открытии Америки первые европейцы уже встречали ручных попугаев в хижинах туземцев. Когда в 1509 году под предводительством Никуэза и Охеда испанцы намеревались напасть врасплох на Карабскую деревню Юрбако, расположенную на Дариенском перешейке, сидевшие на верхушках деревьев чуткие попугаи предупредили о приближении врага своим криком и тем самым дали возможность туземцам вовремя обратиться в бегство. По словам Шомбургка, местные жители Южной Америки и теперь еще держат на свободе своих ручных попугаев и не подрезывают у них крылья.

В сравнении с той свободой, которой пользуются ручные попугаи индейцев, летающие всюду около хижины, птицы, отправляемые в Европу, конечно, подвергаются печальной участи. Хуже всего им приходится до тех пор, пока они еще не прибыли на место своего окончательного назначения. Житель девственных лесов, который ловит их, чтобы выменять на какой-либо товар из Европы, передает попугаев в первом же портовом городе в руки какого-нибудь матроса, не имеющего ни малейшего представления ни об уходе за птицей, ни о соответствующем для нее корме. Только чуть больше половины всех попугаев, попавших на корабль, выносят далекое путешествие по океану, а из тех, что благополучно доехали до Европы, еще многие гибнут в темных, гряз-

ных, зараженных лавчонках разных торговцев. И лишь после того, как за попугаями начнут надлежащим образом ухаживать, судьба их улучшается, но к тому времени они часто становятся угрюмыми, недоверчивыми, буйными, неприятными, и требуется долгий уход, чтобы исправить в них эти дурные качества.

Но попугай умен и скоро научается применяться к новым условиям жизни. Прежде всего, он привыкает к всевозможной пище. Вместо сочных плодов и зерен его родных лесов ему предлагают иную пищу. Чем больше он ест ее, тем больше она ему нравится. Вначале он довольствуется коноплей и канареечным семенем, но вскоре становится требовательнее. Если его баловать сладкими, из него выходит исправный лакомка, которого простая пища уже не удовлетворяет. Попугая можно приучить почти ко всему, что ест человек, даже к кофе, чаю, вину, пиву и т.п. Случается, что он бывает навеселе, когда выпьет чего-нибудь хмельного. Впрочем, вышесказанное не относится к мелким видам отряда: никакой другой пищи, кроме зерен и зелени, они не принимают.

Среди попугаев так же, как и среди других высших животных, между особями одного и того же вида одни оказываются более, другие менее понятливыми. Один попугай выучивается скоро и многому, другой медленно и малому, третий же вовсе ничему не выучивается. Здесь, впрочем, очень много значит правильное обучение. Большим подспорьем в нем служит превосходная память попугаев. Они помнят однажды заученное в течение нескольких лет.

Значительная понятливость попугая проявляется и в других случаях, я бы сказал даже — всегда. Он не только различает, как многие другие птицы, мужчин от женщин, друзей от врагов, но и понимает людей вообще. Часто приходится удивляться умению попугаев распознавать людей. При воспитании и обучении попугаев все это нужно принимать во внимание. Как и всякое существо, воспитывающееся под влиянием другого высшего существа, попугай требует известной правильности в обучении, и при всей ласковости с ним необходима и некоторая строгость, иначе он будет портиться, а не совершенствоваться. Как чрезмерная мягкость в обращении, так и излишняя строгость портят его одинаково. Одиноким дамам, воспитывающим попугаев, часто делают их совершенно неприятными птицами потому, что обращаются со своими питомцами слишком мягко и снисходительно.

Богатая своеобразными птицами Новая Зеландия является родиной таких замечательных попугаев, как **нестор-кака** (*Nestor meridionalis*), которого маори называют **кака**, и **кеа** (*Nestor notabilis*).

Длина кака 47 см, размах крыльев 83, длина крыла 28, а хвоста 18 см. Кеа больше его сородича: его длина 50 см, длина крыла 32 см, а хвоста 20 см. В оперении преобладает оливково-зеленый цвет. Плечи и крылья ярко-красного цвета с бурыми

Семейство попугаевые

кончиками, глаза темно-карие, клюв желтовато-бурый, ноги желтовато-оливковые.

Область распространения кака — большая часть западных Новозеландских гор, от подошвы вверх до границы высокого леса. Область же распространения кеа ограничивается полосой южных гор между 1500 и 2000 м высоты, откуда он спускается в долины только во время суровой зимы. Дикие горные цепи, многоводные, быстрые и шумные реки преграждают путь путешественнику и доставляют этим птицам полную безопасность. Отвесные скалы, пещеры и ущелья представляют удобные места для приюта и гнезд, а богатые растительностью поляны каждое лето украшаются великолепными цветами и дают им пищу в изобилии. Только с одним новозеландским благородным соколом делят попугаи эту дикую местность. Кроме упомянутого нами врага, они встречают здесь разве что еще одного — суровую зиму.

Насколько кака можно назвать древесной птицей, настолько справедливо будет назвать кеа птицей земляной. Первый так же, как и большая часть попугаев, тяжело движется по земле, подпрыгивая, наподобие наших ворон, но только неуклюжее их. На деревьях он чувствует себя совершенно как дома, лазает вверх и вниз с замечательной ловкостью и с поразительной быстротой может проплясать вдоль ветки вверх и вниз; кеа же, наоборот, бегаёт по земле со скоростью австралийских земляных попугаев или носатых какаду и едва ли может быть назван древесной птицей.

Оба этих вида, как и вообще все попугаи, имеют склонность к общительности. Не только птицы одной пары, но и все птицы одного вида живут дружно между собой. Охотник, странствующий по лесу, к немалому своему удивлению замечает, что попугаи слетаются со всех сторон на испуганный крик раненного им попугая. Молчаливый до сих пор лес вдруг оглашается общим криком все прибывающих к тому месту птиц, и по их оживленным телодвижениям можно видеть, какое искреннее участие они принимают в судьбе своего товарища. За исключением подобных случайностей, жизнь их не представляет ничего замечательного.

Земляной попугай (*Pezoporus wallicus*) величиной с дрозда и отличается пестрым, хотя и не очень разнообразным оперением. Основной цвет оливково-травяной.

По сообщению Гульда, земляной попугай распространён по всей Южной Австралии, включая и Тасманию. Бесплодные песчаные ландшафты, поросшие жесткой травой, или болота, заросшие камышом, являются его постоянным местопребыванием. Здесь живет он по одиночке и парами, очень уединенно, так что без собаки его трудно найти. Бегаёт попугай в траве, как кулик, чрезвычайно быстро и неутомимо, ловко пользуется всякой неровностью почвы, чтобы спрятаться. При случае плотно прижимается к земле, подобно куропаткам или болотным птицам, в надежде, что его не заметят. Однако же застигнутый врасплох, он

быстро взлетает в воздух, стремительно несется невысоко над поверхностью земли, делая на лету различные повороты, также быстро падает опять на землю и поспешно бежит дальше. Собаки делают над ним стойку, так что охотник, преследующий его или другую болотную птицу, никогда не знает, стоит ли собака над земляным попугаем или над куликом.

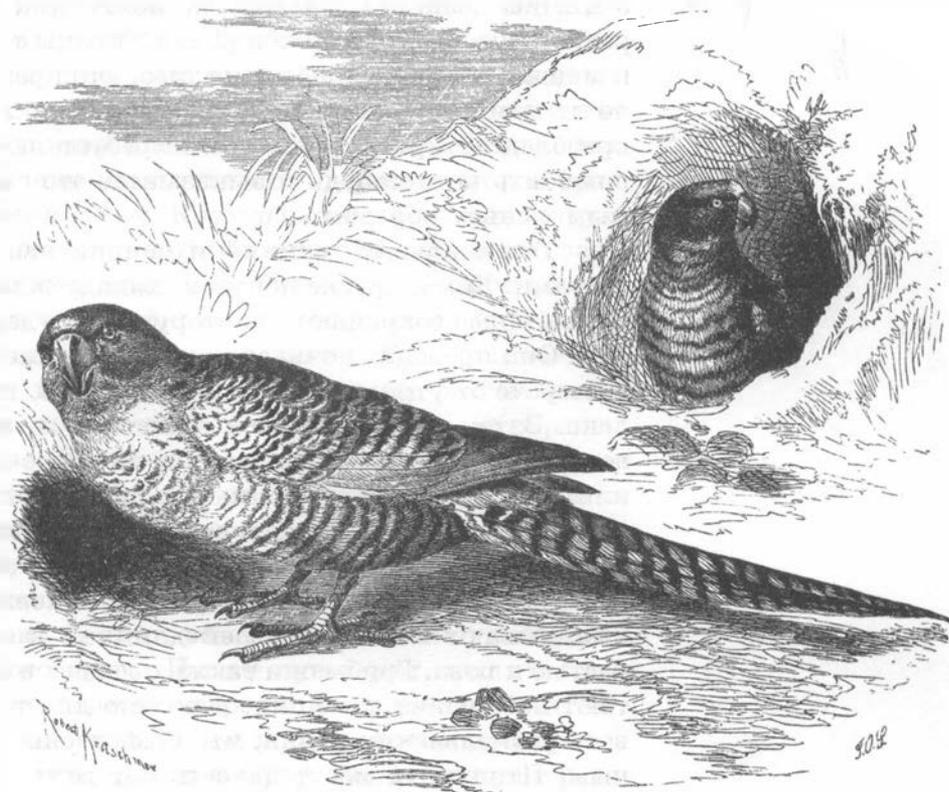
Земляной попугай откладывает яйца на голую землю; высиживают же их попеременно оба родителя. Молодые птицы очень скоро становятся похожими на родителей и, сделавшись самостоятельными, отделяются от них.

Мясо земляного попугая, в противоположность всем остальным видам, считается необыкновенно вкусным; оно нежнее мяса кулика и напоминает мясо перепелки, но отличается особым вкусом, так что охотнику одинаково приятно принести с охоты и бекаса, и этого попугая.

Среди многочисленных попугаев, живущих в Австралии, какаду занимают выдающееся место. Отличительным признаком их является большой подвижный хохол на голове; этим они отличаются от всех других сородичей, за исключением нимфы.

Область распространения какаду простирается от Филиппинских островов до Новой Зеландии и от островов Тимора и Флореса до Соломоновых островов. Почти все виды какаду соединяются в большие, иногда даже огромные стаи, которые населяют различного рода леса и рощи и оттуда налетают на окрестные поля и луга. Громадные стаи какаду представляют собой великолепное зрелище, и даже натуралисты охотно присоединяются к восторженным похвалам, расточаемым обыкновенно этим птицам путешественниками.

По образу жизни и движениям какаду похожи на прочих попугаев, но принадлежат к числу приятных птиц этого отряда.

Земляной попугай
(*Pezoporus wallicus*)

Однако когда они живут огромными стаями, то их резкий голос может сделаться настолько оглушительным, что люди начинают проклинать их присутствие. Но если имеешь дело с одной птицей, то почти всегда подружишься с ней и полюбишь ее. Все какаду умны и понятливы, а у большинства из них серьезный и кроткий нрав. Им свойственны большое любопытство и хорошая память, а некоторые виды отличаются индивидуальными, им только присущими, способностями. Одно лишь дурное обращение делает этих птиц недоверчивыми и сердитыми. Следует опасаться возбудить в какаду неприязнь к себе, так как его прекрасная память сохраняет в течение многих лет полученные впечатления. Он с трудом забывает нанесенные ему обиды или даже вовсе не забывает их, и однажды возникшее недоверие почти никогда не проходит. Нередко случается, что у обиженной птицы появляется стремление к мщению, и она нападает на того, кто прежде ей сделал зло. Это почти единственная неприятная черта какаду. Вообще же у него преобладает кроткий нрав. Он требует любви, и сам стремится полюбить кого-нибудь и выказывает это своему воспитателю самым ясным образом.

Голос какаду громкий и неприятный, его трудно описать словами. Как и другие попугаи, какаду живут на свободе группами, которые сохраняют некоторую связь даже во время гнездования. Они проводят ночь, спрятавшись в листве высоких деревьев, и встречают утро очень громким криком, который слышен издали. Затем они снимаются с места и летят, паря и скользя по воздуху, редко махая крыльями, на какое-нибудь засеянное поле или другое место, где надеются найти обильный корм. По возможности попугаи съедают весь корм, до которого могут добраться. Главную пищу их составляют плоды, зерна и семена. Кроме того, они едят небольшие клубни и луковицы, которые искусно выкапывают из земли своей длинной и крючковатой верхней частью клюва. Грибы они также съедают и совсем, как куры, глотают небольшие камешки, вероятно для того, чтобы способствовать размельчению пищи, что свойственно вообще всем зерноядным. Птицы эти могут нанести ощутимый вред недавно засеянным полям и огородам, где зреет кукуруза. За исключением полуденных часов они деятельны в течение целого дня и очень внимательны ко всему, что вокруг них происходит. Как только стая насытилась, она возвращается на место отдохновения в лес и сидит там, можно сказать, довольно тихо, пока пища переваривается. Затем попугаи еще раз летят на поля, а с наступлением ночи отправляются на покой на свое обычное место.

Так живут стаи до времени гнездования, когда происходит разделение на пары, и каждая из них отыскивает себе удобное углубление для гнезда. Гнездо может находиться в дуплах деревьев, в выгнивших толстых сучках, а также в трещинах скал. Крутые скалистые берега южно-австралийских рек ежегодно слу-

жат местом гнездования многих тысяч какаду точно так, как на берегах северных морей подобные скалы служат приютом для целых стай чаек. Кладка состоит из двух, редко из трех чисто белых немного остроконечных яиц, которые по величине примерно равняются яйцам наших карликовых кур, но отличаются от них своею глянцеви́тостью*.

Вследствие огромного вреда, приносимого стаями какаду сельскому хозяйству, их усердно преследуют на родине и убивают во множестве. Некоторые путешественники рассказывают, что как только какаду заметят враждебные намерения человека, то делаются необыкновенно осторожными. Они тогда с большою хитростью совершают свои хищнические набеги, и их трудно бывает удержать от посещения засеянных полей. Туземцы охотятся на какаду своеобразным способом. «Трудно представить себе более привлекательное зрелище, чем охоту австралийцев на этих птиц, — говорит Грэй. — Они пользуются для этого туземным оружием, известным под названием «бумеранг». Бумеранг — это плоская серпообразная дощечка из твердого дерева, которая бросается рукою на расстояние 30 м. Кружась, она прорезает воздух и, несмотря на многие отклонения от прямого пути, довольно верно достигает цели. Туземец ищет большую стаю какаду по полям и лесам и охотнее всего пробирается к реке или озеру, которые окружены высокими и густыми деревьями. Какаду особенно любят подобные места, их можно встретить здесь несметными стаями, причем попугаи то лазают по ветвям деревьев, то перелетают с дерева на дерево. Туземец со всевозможными предосторожностями подползает к такому озерку, пробирается от дерева к дереву, прячется за кусты, одним словом, всеми силами старается как можно меньше напугать осторожных птиц. Однако, несмотря на то, что его легкие шаги не производят почти никакого шума, какаду все-таки замечают его, их всеобщее смятение указывает на приближение опасного врага. Птицы чувствуют, что им грозит опасность, но еще не вполне уверены в значительности ее. Охотник тем временем доходит до воды и здесь, более не скрываясь, показывает свою темную голую фигуру. Белые птицы с раздирающими уши криками поднимаются в воздух, и туземец в то же мгновение бросает свое оружие. Бумеранг удивительными изгибами пересекает воздух над водою, поднимается все выше и попадает в середину стаи. Охотник бросает второе, третье, четвертое оружие... Смущенные птицы напрасно стараются избежать ударов: неправильный полет бумерангов сбивает их с толку и затрудняет движения. Многие получают удары бумеранга: некоторым он попадает по шее, другим ломает крылья. Раненые птицы с громкими криками падают на землю и становятся добычей темнокожего охотника. Тогда только остальная часть стаи приходит в себя, с ужасом улетает и прячется в верхушках высоких деревьев».

** Некоторые виды какаду имеют кладки до 5 яиц.*

Мясо какаду считается довольно вкусным; особенно славится бульон из этих птиц.

Какаду часто ловят живыми и привозят к нам в Европу. Попугаи эти очень хорошо переносят неволю и неприхотливы в еде, почему их можно без труда перевозить на большие расстояния. При хорошем уходе какаду может прожить в Европе очень долго: известны случаи, когда какаду доживали в клетке до 70 лет. Содержание его доставляет мало хлопот, так как он понемногу приучается есть все то, что ест человек.

В Новой Гвинее, северной оконечности Австралии и на соседних островах живет **черный какаду** (*Probosciger aterrimus*). Птица эта принадлежит к числу самых больших попугаев, и клюв у нее огромнейший, какой только можно себе представить. Этот чудовищный клюв крупнее головы. Длина клюва гораздо больше его вышины, он сжат с боков, верхняя часть его согнута полукругом и оканчивается длинным тонким и повернутым внутрь острием. Верхняя часть клюва перед концом снабжена выступом в виде прямого угла, в который упирается нижняя часть клюва, которая не обхватывается верхней и отличается широкими сторонами и кончиком, срезанным под прямым углом. В Новой Гвинее черного какаду называют «расмолос». По росту он крупнее большинства ара. Оперение у него однообразно черное с небольшим зеленоватым отливом, но у живых птиц почти всегда сероватое, так как оно покрыто

Черный какаду
(*Probosciger aterrimus*)

белой пылью. Голые морщинистые щеки окрашены в красный цвет. Хохол состоит из длинных узких перьев, цвет которых скорее сероватый, чем черный.

О жизни этой птицы на свободе мы знаем еще очень мало. Мак Джилливейр нашел его вблизи предгорий полуострова Йорк в довольно большом количестве. Он жил здесь на высочайших каменных деревьях, издавал громкий крик, похожий на «вит-вит», был очень пуглив и питался преимущественно небольшими паль-

мовыми орешками (в желудке убитых птиц нашли эти орешки и кусочки кварца). «Черный какаду, — говорит Розенберг, — не редок на островах Новой Гвинеи. Чаще всего он сидит на верхушках высочайших деревьев, постоянно находится в движении и, лазая или высоко летая, кричит очень громко хриплым голосом, совершенно отличным от голоса белых какаду. Туземцы берут молодых птиц из гнезда, выращивают их, а затем продают торговцам. В неволе попугаи охотнее всего едят орешки канарского дерева, очень крепкую оболочку которых они ловко раскусывают».

Уэллс наблюдал этого попугая на островах Ару. «Он живет здесь в низменностях лесов, встречается поодиночке или по два-три экземпляра; летает тихо, бесшумно; питается различными плодами и семенами, по преимуществу орехами канарского дерева, растущими на высоких деревьях, которые произрастают в большом количестве на этих островах. Тот способ, который он употребляет для того, чтобы раскусывать орехи, указывает отчасти на опыт, отчасти на навык, приобретенный им вследствие того, что эти орехи служат ему основным кормом. Скорлупа этого почти трехгранного ореха необыкновенно тверда и гладка, так что может быть разбита лишь ударом тяжелого молота. Черный какаду захватывает конец ореха в клюв, придерживает его языком и вырезает поперечное отверстие в скорлупе, пропилив ее острым краем нижней части клюва. Затем он захватывает орех когтями, откусывает кусок и укладывает его в глубоком желобке нижней части клюва; орех не выскальзывает, потому что он обернут в зеленый лист наружной плодовой оболочки. Попугай всовывает край нижней части клюва в отверстие ореха и сильным движением головы отламывает большой кусок скорлупы. Затем снова берет орех, всовывает длинный острый конец верхней части клюва внутрь его, отламывает один кусочек ядра за другим и съедает их. Таким образом, каждая часть своеобразно устроенного клюва находит себе применение. Вместо резкого крика белых какаду черный издает лишь жалобный свист».

Ближайшими сородичами описанного выше вида следует считать **траурных какаду** (*Calyptrorhynchus funereus*), которые почти все крупного роста, величиною с галку или ворона; благодаря своим длинным крыльям они кажутся больше, чем есть на самом деле. Замечательно большой клюв их по высоте своей больше ширины, имеет форму полукруга, и короткий кончик его загнут назад; верхняя часть клюва у основания широкая и сильно закругленная, спинка ее образует острое ребро, кончик сжат с боков, и на нем замечается глубокая, но совершенно закругленная выемка. Нижняя часть клюва не так высока, как верхняя, очень широка, имеет чрезвычайно широкий передний край; стороны нижней части прямые, а у конца загибаются наверх крючком.

Шлемоносный какаду (*Callocephalon fimbriatum*). Птица эта размером с какаду среднего роста, оперение шиферно-черное со

светлыми волнистыми поперечными полосками, происходящими вследствие того, что каждое перышко на конце имеет узкую серовато-белую каемку. Голова, затылок, щеки и хохол великолепно го малиново-красного цвета.

1

2

1 — Траурный
какаду

(*Calyptorhynchos
funereus*)

2 — Носатый
какаду

(*Cacatua tenuirostris*)

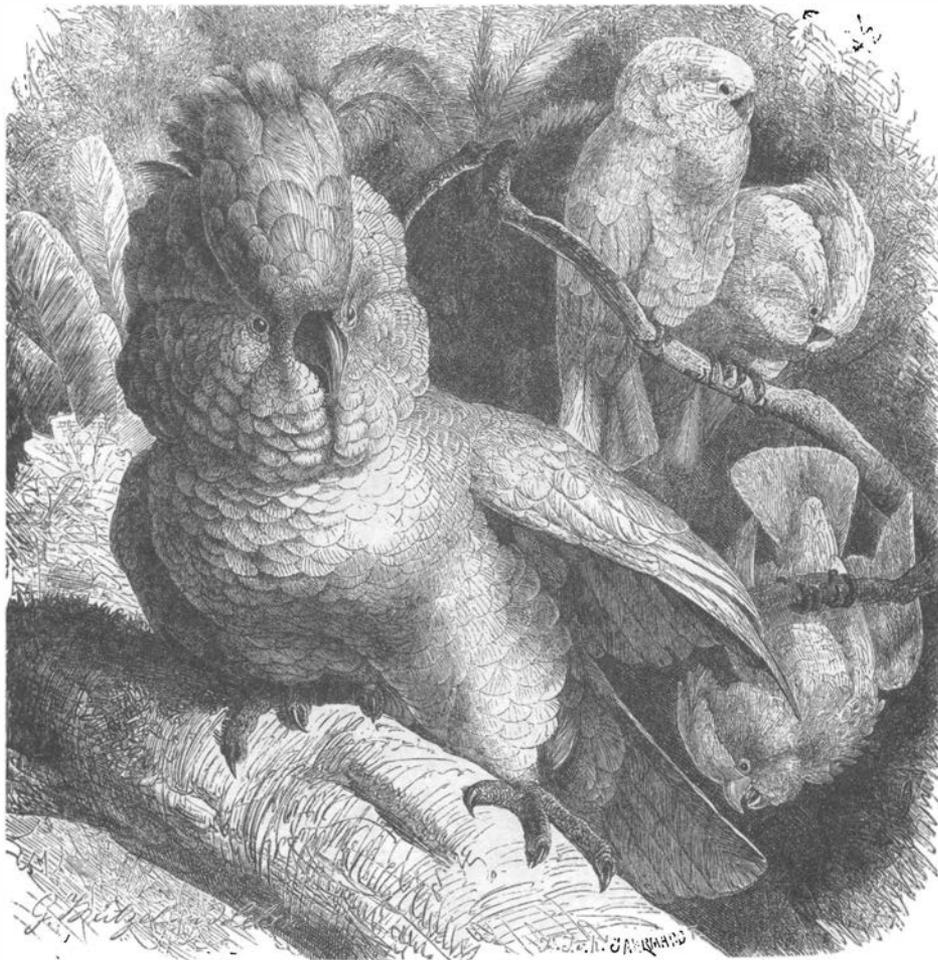
О жизни этого попугая на свободе мы знаем еще очень мало, и о жизни его в неволе я также многого сказать не могу, хотя часто видел его у торговцев птицами и в зоологических садах. Гульд говорит, что он живет на южной оконечности Австралии, некоторых соседних островах и в северных местностях Тасмании. Попугай встречается там на верхушках самых высоких деревьев, питается семенами различных видов деревьев. Перон встречал его на острове Кинг, а экземпляр, находящийся в Сиднейском музее, убит около залива Моретон.

Молуккский какаду (*Cacatua moluccensis*), которого индусы называют голаби-какатауа, принадлежит к числу самых крупных какаду; имеет белое оперение со слабым розовым отливом и мясо-красный хохол 17 см вышиной. Основные части маховых и рулевых перьев с нижней стороны желтые, глаза темно-карие, голый ободок вокруг глаз синевато-серый или синевато-белый, клюв и ноги черные с серым налетом, который у живых птиц переходит в фиолетово-синий. У птиц, живущих на свободе, по сообщению Розен-

берга, бледно-розовый цвет приобретает с возрастом такой яркий оттенок, какой никогда не бывает у какаду, живущих в неволе.

О жизни на свободе молуккского какаду дает нам подробные сведения Розенберг. «Молуккский какаду, — пишет этот опытный путешественник, — встречается исключительно на острове Церам. Редко перелетает он на расположенный несколько южнее остров Амбоин, где я лишь однажды встретил его и убил. На этом острове

у жителей Церама он носит название каталла. На родине своей он принадлежит к числу самых обыкновенных птиц и оживляет леса этого не очень богатого птицами острова, встречаясь как на морском берегу, так и внутри страны, как на равнинах, так и в горных районах. Этот красивейший из всех какаду представляет собой на свободе великолепное зрелище. Летает он быстро, по прямому направлению, крыльями машет шумно; иногда во время полета кричит, в особенности тогда, когда его испугнут. Этого какаду можно видеть как на земле, так и на верхушках высочайших деревьев, причем он всегда чем-нибудь занят и очень заботится о своей безопасности. В безлюдных горных лесах его довольно легко обмануть, но в населенных людьми местностях, особенно там, где его часто преследуют, он необыкновенно пуглив. Его видишь обыкновенно парами, а после гнездования и стаями. Когда какаду собираются ограбить какую-нибудь плантацию, то делают это всегда большим обществом. По словам туземцев, самец всю жизнь остается верным одной самке. Питается он семенами, хлебными зернами и различными древесными плодами.

В конце сухого времени года самка отыскивает себе подходящее дупло, более или менее старательно расширяет его и кладет на подстилку из щепок и гнилья 3—4 блестяще-белых яйца около 4 см длиной, которые насиживает в течение 25 дней. Птенцы уже в гнезде получают оперение своих родителей. Туземцы, которые мастера лазать по деревьям, часто вынимают птенцов из гнезд, воспитывают их, а затем продают. На Цераме птицы эти стоят по одному голландскому гульдену и даже меньше, а на Амбоине 2—3 гульдена».

Молуккский какаду
(*Cacatua moluccensis*)

Из австралийских видов особенно выделяется своей красотой **какаду-инка** (*Cacatua leadbeateri*), которого туземцы называют яккул. Его белое оперение на передней части головы, на лбу и на сторонах шеи, а также на средней и нижней части крыльев, на

середине брюшка и в основной части внутренних опахал рулевых перьев с розовым оттенком, а под крыльями красивого лососевого цвета. Особенно красив у него хохол: отдельные перья у основания ярко-красного цвета, по середине с желтыми пятнами, а на конце белые. При опущенном хохле заметны только белые кончики, но как только птица приподнимет свои головные перья, то является ярко-красный цвет, а средние желтые пятна образуют полосу, отчего хохол делается еще красивее. Глаза у попугая светло-карие, клюв светлого рогового цвета, а ноги темно-бурые. Самка отличается менее ярким оперением нижней части тела, и желтые пятнышки на перьях хохла у нее мельче. По размеру инка меньше моллукского попугая, и туловище у него стройнее.

Дятловый попугайчик Скэлэтера (*Micropsitta pusio*) по росту немного более чижики. Оперение травянисто-зеленого цвета, нижние части тела светлее, верхняя часть головы желтая, уздечка и место вокруг глаза желтовато-бурые; кроющие перья кры-

льев черные с широкими зелеными каймами. Черные большие маховые перья имеют узкие зеленые каемки, малые маховые — широкую зеленую каемку на внутренних опахалах; последние маховые перья совсем зеленые. Рулевые перья черные и на конце внутреннего опахала желтое пятно; оба средних рулевых небесно-голубого цвета, а обе наружные пары перьев имеют с внеш-

Какаду-инка
(*Cacatua leadbeateri*)

ней стороны узкие зеленые каемки; нижние кроющие перья хвоста желтые, а к концу зеленовато-желтые. Клюв серовато-черный, ноги серовато-бурого цвета. Оба пола по оперению не различаются.

Первые две птицы этого вида, которых Куа и Гэмар привезли из кругосветного путешествия, попали к нам совершенно случайно: один из их охотников выстрелил в птицу, сидящую на дереве, но вместо нее убил этих двух, до той поры вовсе неизвестных попугаев. Лишь в последние годы многие из этих птиц попали в наши музеи, и мы получили от Бернштейна, Розенберга, Уэллиса и, наконец, Беккари кое-какие незначительные сведения об их образе жизни на свободе. Кроме последнего наблюдателя, все другие согласны в том, что этого попугайчика очень трудно заметить и убить, потому что он постоянно держится на верхушках густолиственных деревьев. Только Беккари замечает, что если знаешь любимые деревья дятловых попугайчиков, то их нетрудно найти и застрелить.

Я опишу попугая, которого мне посчастливилось держать в клетке в течение двух лет. Малайцы его называют серендак, синдада и бурунг слинде, яванцы — силиндит, суматранцы — сериндит, а даяки — тализок. **Серендак** (*Loriculus galgulus*) размером не более нашего полевого воробья. Оперение главным образом зеленое. На верхушке головы находится круглое ярко-синее пятно, на спине — оранжевое треугольное пятно, обращенное вершиной назад, на горле — продолговато-овальное поперечное яркомалиновое пятно; надхвостье и верхние кроющие перья хвоста также малиновые. На задней части спины через надхвостье проходит узкая желтая поперечная полоска. Нижние перья на голени имеют желтые каемки. Маховые перья у основания черные, а на конце точно такие, как и рулевые перья, — голубые, цвета морской воды; нижние кроющие перья крыльев зеленые. Глаза темно-карие, клюв черный, восковица светло-серого цвета, ноги желтовато-серые. Оперение самки несколько бледнее, чем самца; вместо голубого у нее зеленое пятно на темени, а на спине небольшое голубовато-зеленое пятно; красного шейного пятна у нее нет. У молодых оперение темнее, теменное пятно лишь обозначено, а на спине и горле цветных пятен вовсе нет.

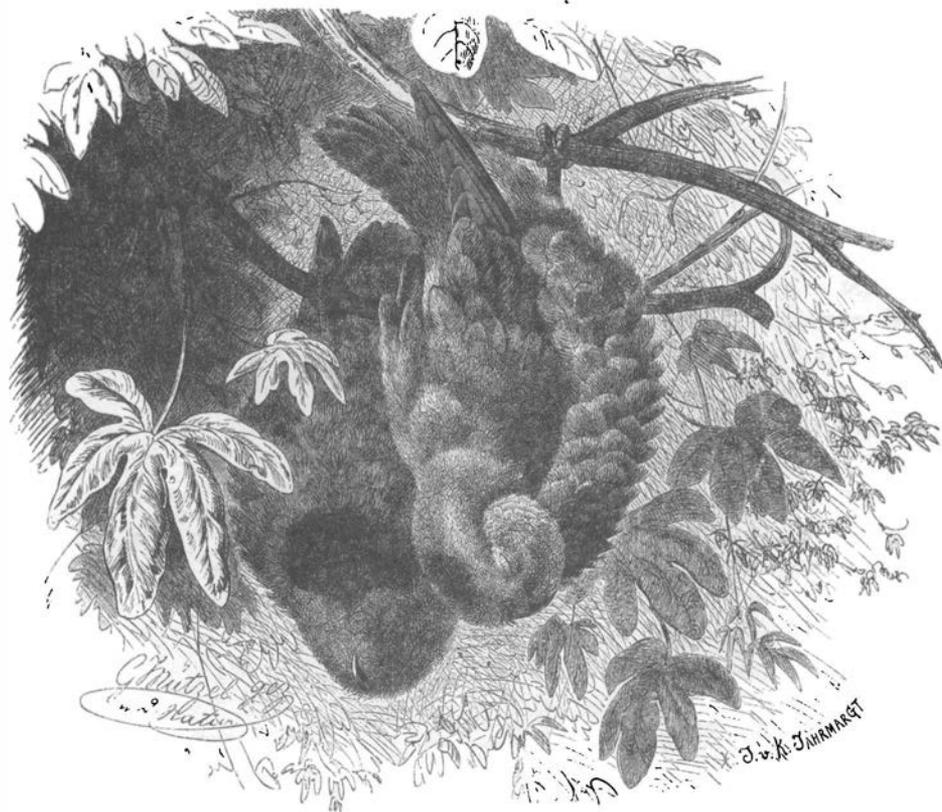
Насколько известно, серендак живет исключительно на островах Калимантан, Суматра, Банка и южной оконечности полуострова Малакка. Соломон Мюллер, который наблюдал этих хорошеньких птичек в южной части Калимантана, приводит лишь некоторые сведения о жизни их на свободе. Этот деятельный и сведущий путешественник видел этих попугаев у даяков. Они держат их обыкновенно по несколько штук вместе в большой цилиндрической клетке из бамбуковых палочек, которая может вращаться вокруг оси. Попугайчики лазают по ней, и она приходит в движение (вроде беличьего колеса). Но свободе попугайчи-

Семейство попугаевые

ки питаются древесными почками, нежными побегами и цветами, в основном цветками эритриний. В неволе птиц кормят вареным рисом, а иногда сырыми бананами, которые, говорят, они едят охотно. Кроме того, Мюллер сообщает, что этих маленьких птичек очень трудно заметить среди зелени и красных цветков эритриний.

К счастью, мне удавалось несколько раз покупать живых серендаков, а одна парочка жила у меня около двух лет. Эти попугайчики так же, как и ближайшие их сородичи, бесспорно, принадлежат к числу самых приятных комнатных птиц. Нрав у них в высшей степени приятный, они очень доверчивы и деятельны,

но не чрезмерно; они поют и болтают, болтают и поют, но никогда не беспокоят резкими и раздражающими ухо криками. Все движения их необыкновенно легки и грациозны. Бегают они по земле быстро, мелкими шажками, с боку на бок не переваливаются; безбоязненно прыгают на довольно большое для их коротких ножек расстояние; по решеткам лазают скоро и ловко, пользуясь при этом как ногами, так и клювом.

Серендак
(*Loriculus galgulus*)

Полет их, который я мог наблюдать лишь в ограниченном пространстве — в большой клетке, легок и совершается без труда, хотя крылья при этом двигаются очень быстро. Во время отдыха они редко садятся на ветки, как это делают другие птицы. В большинстве же случаев, а во время сна постоянно, принимают положение спящих летучих мышей, причем прицепляются ногами к верхней решетке клетки или сухому сучку и свешивают вниз не только туловище, но и голову, так что спина, шея, темя и клюв образуют прямую линию. Хвост же, вероятно, для того, чтобы не касаться сучка, приподнят вверх, оперение беспорядочно нахохлено. Хорошенькие птички тогда имеют совсем другой вид, не как обычно, они кажутся гораздо толще и принимают почти шарообразную фор-

му. Часто попугаи висят на одной ноге, а другую втягивают так, что видны только скрюченные когти. Иногда они меняют ноги, чтобы дать отдохнуть той, на которой тело долго висело. Если их испугнуть, то они тотчас же бросаются к потолку, как бы чувствуя себя в большей безопасности в висячем положении. На весу попугайчики иногда чистят себе перышки и тихим болтанием выражают свое довольство, однако, сидя они чистятся и болтают чаще. Если птица чувствует потребность испражниться в висячем положении, то нагибает более обыкновенного хвост, туловище наклоняет вперед дугою и выбрасывает на 30 см комочек помета, который окружен слизью. Во время совершенного покоя и сна тело ее еще больше надувается, а веки смыкаются так, что остается небольшая щель. Едва ли необходимо говорить, что серендак может принимать и другие положения, свойственные попугаям; он лазает одинаково хорошо, как головою вверх, так и вниз. Однако чаще всего видишь этих птиц в висячем положении, и оно так характерно, что им совершенно справедливо дали название попугаев-нетопырей*.

Душевные способности серендака находятся примерно на той же степени развития, что и у других попугайчиков. Они кротки и сознательно доверчивы, скоро научаются узнавать своего воспитателя и членов его семейства, не пугаются их, когда те приближаются к клетке, а продолжают спокойно сидеть или висеть. Они даже не переменяют положения, когда клетку переносят с места на место. Очень хорошо различают чужих людей и относятся к ним с доверием, но появление собаки производит между ними большое смятение.

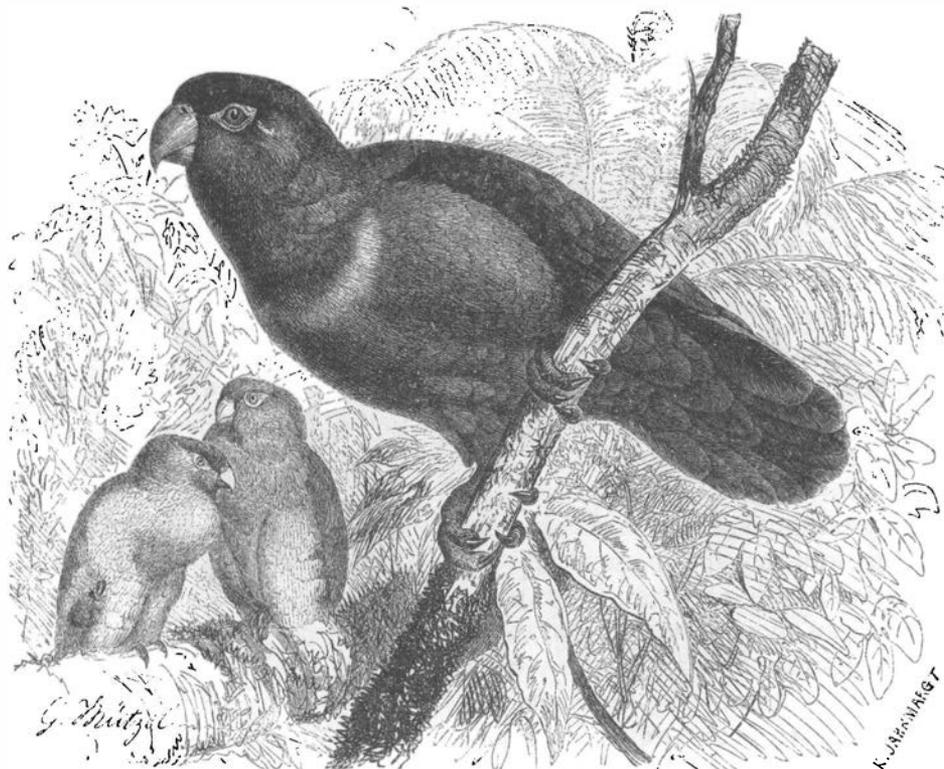
Я кормил своих серендаков обыкновенным канареечным кормом, который им давали еще во время переезда по морю, а также плодами, разрезанными на маленькие кусочки, и муравьиными куколками. При этом они чувствовали себя хорошо и благополучно вылиняли, не уменьшив своей живости и не изменив цвета оперения, однако к размножению не приступали.

Пурпурношапочный широкохвостый лори (*Lorius domicellus*). Жители Амбоины называют касторизэ, а в Цераме — лури или нинри. Обладает сильным клювом, высота которого равна длине; он сжат с боков, имеет закругленную спинку и сильно загнутый, свешивающийся кончик, перед которым замечается отлогая выемка. У нижней части клюва край прямой. В оперении преобладает великолепный малиново-красный цвет; лоб и плечи совершенно черные, к затылку темно-фиолетовые; на зобу находится широкий ярко-желтый щит, который доходит иногда до груди. Крылышко синее, и каждое перо имеет по краю белую каемку. Самое крыло темно-зеленое, а около плеча грязного оливково-бурого цвета. Большие маховые перья на внутренней стороне желтые и только на нижней трети — черные. Малые маховые перья, за исключением двух последних зеленых, — внутри со-

* Эти попугаи вполне заслуженно называются также висячими попугаями. Данное название сейчас общепринято, и под ним объединяют 12 мелких попугаев, включаемых в один род — *Loriculus*.

всем желтые. Маленькие крошечные перья нижней части крыла и оперение нижней части бедра васильково-голубого цвета. Около зрачка заметно узкое желтое кольцо, а прочая часть радужной оболочки каряя, клюв ярко-оранжевый, ноги серовато-черные. Оба пола по окраске оперения сходны, молодые окрашены темнее: перья верхней части туловища у основания зеленые, и желтого цвета на груди нет. По словам Розенберга, изменения в цвете встречаются довольно часто, например, пятно на темени может быть розовое, а крылья — желтыми.

Благодаря любезности названного натуралиста, могу сообщить следующие сведения о жизни на свободе широкохвостого лори. «Эта красивая птица живет исключительно на Амбоине и

Пурпурношапочный
широкохвостый лори
(*Lorius domicellus*)

Цераме и так же, как другие виды, не встречается на Калимантане и в Азии. Но на родине своей этот лори довольно обыкновенен. Его можно видеть и в первобытном лесу, и около жилищ человека, но в горах Церама, по крайней мере, я никогда его не встречал. Я их часто видел быстро летевшими небольшими стайками над городом Амбоина, причем они описывали красивые дуги, и их легко было узнать по крику и красивому, блестящему на солнце оперению. Пища лори состоит из сладкого сока цветов и плодов, особенно пизанга. Гнезда они устраивают в дуплах деревьев. Яйца, как и у других попугаев, блестяще-белые, по размеру немного больше яиц нашего черного дрозда.

На Амбоине ни одна птица не встречается так часто в неволе, как широкохвостый лори, а в самом городе нет ни одного дома или даже хижины, в которых бы его не было. Это любимая птица местных жителей, и она заслуживает этого, как по своей красоте и кротости, так и по способности многому научиться. Он довольно скоро выучивается говорить и составляет тогда гордость своих воспитателей. Ученую птицу нельзя купить дешевле 8—10

голландских гульденов, между тем как необученные попугаи продаются за 1—2 гульдена. Бывают, однако, глупые и коварные лори.

В неволе птиц кормят сырым и вареным рисом, разбухшим в воде саго и плодами пизанга, а кроме того, дают ежедневно свежей воды, так как они много пьют и часто купаются, причем опрыскивают себе очень сильно все оперение».

При хорошем уходе лори живут у нас в клетках подолгу, но уход за ними не легок.

Многоцветный лорикет (*Trichoglossus haematodus*) по росту равняется примерно каролинскому попугаю. Голова, щеки и горло у него фиолетово-синие, задняя часть шеи, передняя часть спины, надхвостье и хвост темно-зеленые, перья средней части спины у основания красные, а посередине желтые. Перья затылка желтовато-зеленые и образуют неясное ожерелье. Зоб, грудь и нижние кроющие перья крыльев ярко-красного цвета, с неправильными широкими темными полосками. Стороны груди ярко-желтые. Перья брюшка темно-синие, у основания красные, на сторонах брюшка — красные с синими пятнами на концах. Бедрa, голени, окружность заднего прохода и нижние кроющие перья хвоста травянисто-зеленые. Каждое из этих перьев у основания красное, затем желтое, а на конце зеленое. Маховые перья внутри черные, а посередине с широким желтым пятном. Рулевые перья внутри лимонно-желтые, у основания немного красноватые. Радужная оболочка оранжевого цвета, клюв кроваво-красного; восковица темно-бурая, ноги бледно-бурые.

Хотя Гульд и считает родиной многоцветного лорикета только южную Австралию, но он встречается на всей материке и даже в Тасмании, где особенно многочислен, потому что камедные деревья ему доставляют здесь пищу в изобилии. Попугай так привязан к камедным деревьям, что в других лесах его и не увидишь. Те деревья, на которых недавно распустились цветы, лорикет предпочитает всем прочим, потому что на них больше сладкого сока. Трудно описать словами все великолепие цветущего леса камедных деревьев, ветви которых покрыты, кроме того, другими попугаями и иными видами медососущих птиц. Можно встретить три-четыре вида лорикетов, сидящих на одной ветви и сообща сосущих мед из цветов. Еще труднее описать словами тысячеголосый крик и страшный шум, производимый этими птицами, когда они разом поднимаются с дерева, чтобы перелететь в другую часть леса. Подобные стаи нужно видеть и слышать самому, чтобы составить о них понятие.

Калай полагает, что этот лорикет питается исключительно сладким соком цветов и даже в неволе никогда не ест семян, почему содержание его в клетках весьма затруднительно. Указание это не совсем верно, так как в последнее время многоцветный лорикет все чаще и чаще привозится в Европу и содержится в клетках. Несколько десятков лет тому назад их вовсе у нас не

Семейство попугаевые

было, но вдруг их привезли довольно много за раз и стали продавать под различными названиями.

По моему, правда, не очень богатому опыту, я должен согласиться с тем, что клинохвостые попугаи действительно плохо уживаются в неволе, но бывают и исключения. Так, г-н министр Гесслер писал мне, что у него пять лет кряду жил многоцветный лорикет, который отличался отменным здоровьем и даже отложил 6 яиц. Корм попугая состоял из конопляного семени, тертого нежирного мяса, тертой свеклы и сахара, смешанных вместе поровну. Попугай с жадностью набрасывался на приготовленный корм и съедал его до последней крохи, что доказывает пригодность этой пищи для этих птиц. Насекомых, которых ему предлагали, он отбрасывал в сторону и даже выплевывал, если их клали ему в рот.

Самый замечательный вид попугаев — **какапо**, ночная птица Новой Зеландии, которая поразительно напоминает сову.

Совиный попугай, или **какапо** (*Strigops habroptilus*), принадлежит к большим попугаям и из-за густоты своего оперения по величине почти равняется сове. У самца верхняя часть тела ярко-зеленая. Расходящийся лучеобразно, как у сов, венчик перьев, закрывающий лоб и ушную область, так же, как и подбородок — бледно-желтый, и только около уха принимает светлый зеленовато-коричневый оттенок.

Несмотря на то, что Новая Зеландия нам давно знакома, только последним исследователям ее удалось обнаружить какапо и собрать сведения о его образе жизни. Прежде всего, стали известны зеленые перья и голова этой замечательной птицы, которыми украшали себя туземцы. Трудности наблюдения над попугаями вызваны их местом жительства и образом жизни. Видимо, по этой причине первое чучело какапо было привезено в Европу только в 1845 году. Но в последнее время мы уже довольно хорошо познакомились с этим попугаем и вместе с тем слышали несколько раз высказанное опасение, что его в скором времени постигнет участь дронты и он будет истреблен. В самом деле птица эта встречается в изобилии только в отдаленных горных долинах на Южном острове Новой Зеландии, на Северном же почти истреблена, так что выраженные опасения на этот счет имеют действительно некоторое основание*.

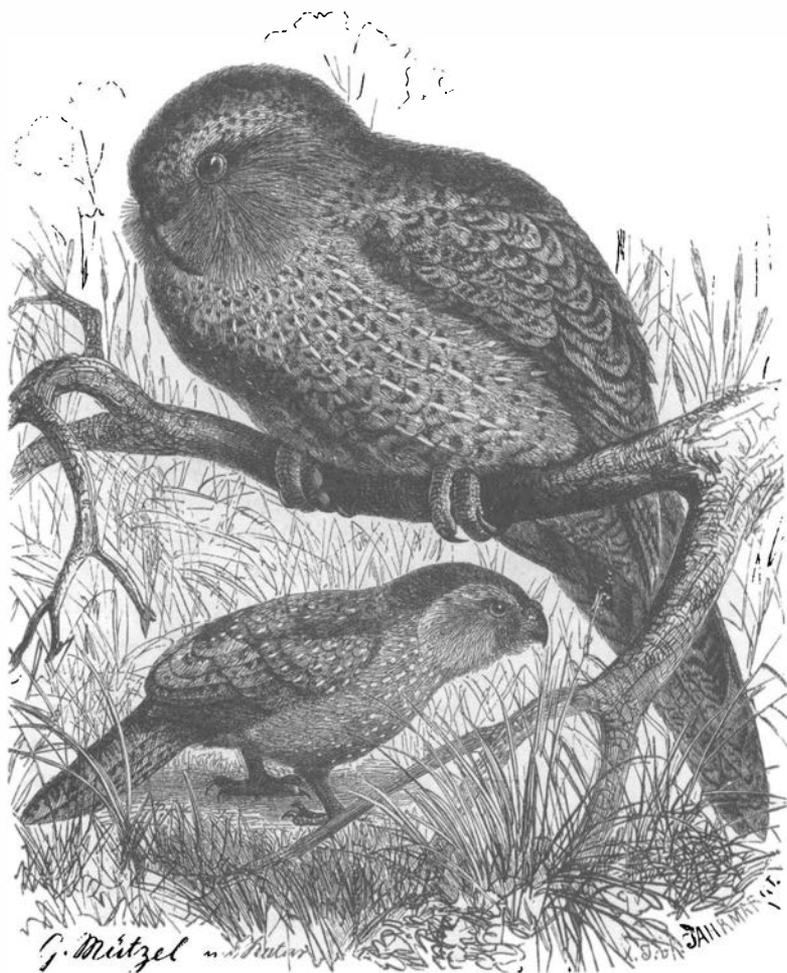
Гааст, Лейель и Грэй сообщили нам многие подробности о жизни какапо, которые я и соединяю здесь в одно общее описание. «Хотя обыкновенно предполагают, — говорит Лейель, — что какапо встречается иногда и на высоких горах в середине Северного острова Новой Зеландии, однако единственное место, где я видел эту птицу при исследовании берегов Новой Зеландии, был юго-запад острова. Там, в глубоких заливах, которые врезаются в эту часть острова, можно встретить их в значительном количестве. Они населяют здесь сухие склоны холмов или плоские

* В настоящее время какапо сохранился только на Южном острове Новой Зеландии, и численность его продолжает сокращаться. Причины этого не вполне ясны, и их связывают с хищничеством завезенных в Новую Зеландию крыс и горностая.

пространства близ берегов рек, где деревья высоки и леса свободны от папоротника и мелкого кустарника. Первое место, где мы увидели какапо, была гора, возвышавшаяся на 1300 м над уровнем моря. Однако мы находили его — и притом целыми обществами — и на ровных местностях у речных устьев близ самого моря».

«Чрезвычайно замечательно, — подтверждает и дополняет Гааст, — что какапо никогда не встречается на восточных склонах гор, за исключением долины реки Макароро, образующей озеро Ванакко, хотя и тут растут высокие леса. По-видимому, он ограничивает свое местопребывание только западной стороной главной горной цепи, переходит по узкой лесистой полосе, соединяющей истоки реки Гааст с истоками Макароро, и доходит до впадения этой реки в озеро Ванакко; недостаток лесов, вероятно, препятствует его дальнейшему распространению. В долине реки Макароро и в береговых ее лесах какапо встречается довольно часто, несмотря на то, что здесь работают дровосеки. Расположившись лагерем на опушке леса, мы постоянно слышали крик какапо; но никто из рабочих не подозревал близкое нахождение такой большой птицы, хотя пронзительный, звонкий крик ее часто возбуждал их внимание. Гораздо реже встречается она в долине Вилькин, где я, кстати сказать, нашел следы диких собак. В долине Гунтер, отделенной от этих местностей не слишком высокой цепью гор и несколькими холмами, нет следов какапо, несмотря на то, что большие буковые деревья явились бы для него довольно удобным местожительством».

«В таких местностях, — продолжает Лейель, — мы часто замечали следы какапо. Они имеют около 30 см длины, правильно отпечатаны до краев, которые на 5—7 см углубляются в мох и обыкновенно пересекают друг друга под прямым углом. Очертание их так своеобразно, что они иногда удивительно походят на

Совиный попугай,
или какапо
(*Strigops habroptilus*)

человеческие следы, и мы действительно думали сначала, что где-то поблизости были туземцы».

«Какапо живет в углублениях под корнями деревьев, иногда его находят также под сводами нависших скал. Так как корни многих видов новозеландских деревьев несколько поднимаются над землей, то под ними очень часто встречаются углубления; но нам казалось, что те углубления, в которых мы находили какапо, были отчасти увеличены самими птицами, хотя мы нигде не находили вырытой земли». Гааст приходит к тому же заключению. «Хотя все различные места жительства какапо, которые я исследовал, были натуральными углублениями, однако я нашел одно, которое было вырыто. На северном берегу реки Гааст, близ устья реки Кларк, вследствие размывания берегового песка образовался обрыв в 2—3 м вышиной. В этом обрыве, почти под самой поверхностью земли, были видны круглые отверстия, в которые собака пролезть не могла. Она тотчас принялась обнюхивать поверхность почвы и рыть землю. Вскоре собака добралась до конца норы, откуда и вытащила птицу. Эти углубления были, конечно, сделаны искусственно, поэтому весьма вероятно, что птица эта способна рыть землю». У нор этих — часто два отверстия, а растущие над ними деревья почти всегда имеют внизу дупла.

Днем можно увидеть какапо не иначе, как выгнав его из норы. «Чтобы отыскать какапо, — говорит Лейель, — мы были вынуждены прибегать к помощи собак. В прежнее время, когда эта птица встречалась еще во множестве в населенных местах острова, туземцы охотились за нею ночью при свете факелов. В настоящее время только одни полудикие собаки, живущие в северных частях острова, постоянно гоняются за какапо, так что он там почти истреблен. Говорят, что дальнейшему распространению этих собак препятствует река и что окончательного истребления какапо можно опасаться только в том случае, если собакам удастся переплыть через реку. Хотя какапо умеет весьма чувствительно пускать в ход свои когти и клюв и смело защищается, тем не менее, он все-таки становится жертвой своего четвероногого неприятеля. Видимо, там, где водятся дикие собаки, какапо рано или поздно грозит судьба дронта».

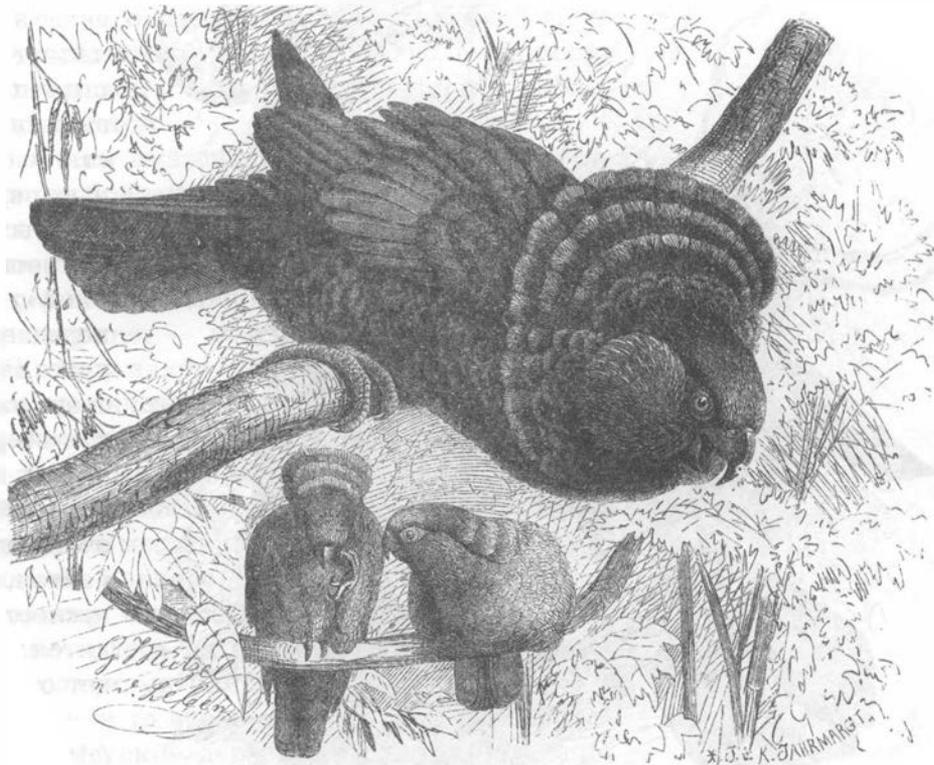
«Вероятно, вследствие растительной пищи, которую поедают какапо, их жир тверд и бел, а не желтоват и мягок, как у других птиц, а мясо тверже и вкуснее, чем у других видов попугаев, и отличается превосходным вкусом. Меня извинят, надеюсь, если я замечу, что эта птица может служить весьма лакомым блюдом для путешественника, и я очень сочувствую старому маори с западного берега, у которого слюнки текли при одном упоминании о какапо».

О размножении какапо Лейель сообщает следующее. «Проведя вторую половину февраля и начало марта в отечестве какапо, я часто находил в их норах одного, редко двух птенцов. Од-

нажды я нашел рядом с птенцом и гнилое яйцо. По большей части, хотя не всегда, вместе с молодой птицей сидела в норе старая. Настоящего гнезда у какапо вовсе нет. Он выкапывает себе неглубокую ямку в сухой сердцевине сгнившего дерева. Яйцо его, величиной с голубиное, чисто белого цвета. Птенцы, которых мы находили, были разных возрастов: одни почти оперившиеся, другие едва покрытые пухом».

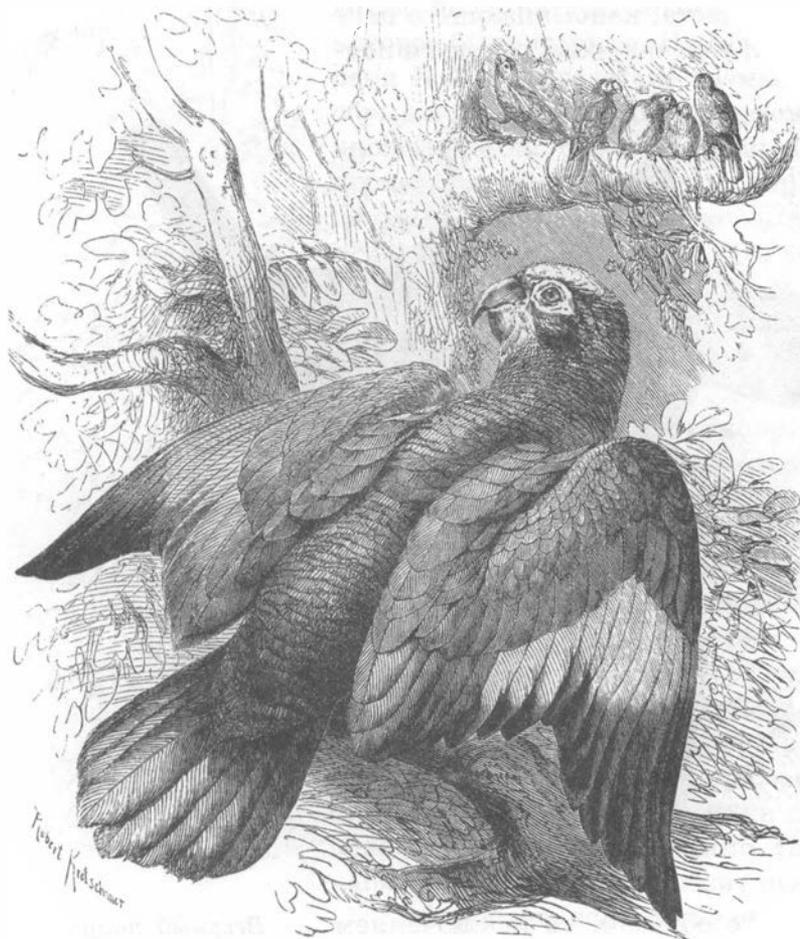
Веерный попугай (*Deropterus accipitrinus*). Оперение задней и боковых частей шеи его, всей верхней части тела и бедер — блестящего темно-зеленого цвета. Передняя и верхняя части головы светлого буро-желтого цвета, напоминающего цвет кофе с молоком. Виски, область уха, уздечка, бока головы и подборок — бледно-буроватые с разбросанными по ним бледно-белыми стержневыми полосками и пятнами.

Оперение задней части головы и затылка — темно-красное, отливающее фиолетовым цветом. Оно образует очень удлиненный, подвижный, распускающийся веером воротник, состоящий из широких перьев. Каждое перо затылка имеет бледно-бурое основание и на конце украшено широкою синею каймой. Вся нижняя часть тела окрашена и украшена точно таким же образом, за исключением грудных боковых перьев, снаружи зеленых. Большие маховые перья и кроющие их перья совершенно черные, передние же малые маховые только в основной половине внутреннего опахала черные, последние три пера — зеленого цвета. Хвостовые перья, за исключением наружных (внутри черных, снаружи синечерных), зеленые, как и спина; внутри они имеют матово-черные каемки. Нижние кроющие перья хвоста зеленого цвета. Зрачок бурый; клюв, ноги и голые ободки вокруг глаз выглядят бурочерными. Длина птицы достигает 27 см, длина крыла 18, хвоста 14 см.

Веерный попугай
(*Deropterus
accipitrinus*)

Насколько известно, веерный попугай живет преимущественно в рощах на Амазонке, в Суринаме и Гвиане и, по-видимому, встречается реже других попугаев. Спик встретил его на Амазонке. Шомбургк упоминает о нем в известном описании своего путешествия только два раза. Он нашел этого попугая в Рупунуни и в хижинах племени Варрау (прирученным). Хотя он в одном месте и упоминает, что бесчисленная масса этих милых попугаев оживляла собой пальмы савари, приветствовала путешественников пронзительным криком и тем самым доставляла

Венесуэльский
амазон
(*Amazona amazonica*)

удобный случай для наблюдений над ними, однако в общем Шомбургк сообщает об этих птицах весьма немного. «В гневе эта птица, без сомнения, является одним из красивейших попугаев, так как при этом она поднимает свои блестяще окрашенные затылочные перья и образует вокруг головы правильный круг. Колонисты зовут этого попугая «хиа»; название это вполне передает его крик». Из научного описания путешествия этого натуралиста мы узнаем, что веерный попугай предпочитает селиться в невысоких лесах, вблизи поселений, что он очень доверчив, легко приручается, но живет недолго и неспособен к обучению, гнездится в дуплах деревьев и кладет от 2 до 4 яиц.

Венесуэльский амазон (*Amazona amazonica*), курика и папагайо креолов. Длина птицы достигает 35 см, размах крыльев 56, длина крыла 19, хвоста 10 см. Оперение темного травянисто-зеленого цвета, на затылке перья на концах снабжены черноватыми каймами. Широкий край лба лилово-синий, верх головы и верхние части щек — ярко-желтые, сгиб крыла зеленый, место сочленения кисти желтое. Большие маховые перья, за исключением первого черного, имеют матово-зеленые основания наружных опахал, остальная часть опахал индигово-синяя. Основания второго, третьего и четвертого малых маховых перьев — зеленые, середина их — киноварно-красного цвета, концы — индигово-синие. Остальные

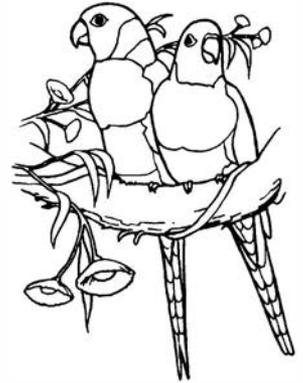
же из этих перьев, за исключением двух последних зеленых, снаружи зеленого цвета, внутри черного, а на конце синего цвета. Нижние кроющие перья крыльев — зеленого цвета. Четыре наружных хвостовых пера внутри красного цвета, снаружи темно-зеленые и имеют темно-зеленые концы. Пятое рулевое перо на внутреннем опахале имеет красное пятно, на втором и третьем рулевых перьях пятна такого же цвета, но у основания и по стержню эти пятна бледнее. Красный цвет остальных рулевых перьев пересекается широкой зеленой поперечной полоской. Нижние кроющие перья хвоста окрашены в желто-зеленый цвет. Хвостовые перья, если на них смотреть снизу, имеют две полосы на матовом киноварно-красном фоне: одну поперечную посередине зеленого цвета, другую широкую концевую желто-зеленого цвета. Зрачок киноварно-красного цвета; клюв рогового желтого цвета; на конце темно-бурый; ноги буроватые. В неволе эти попугаи легко изменяют свою окраску, и тогда у них появляются иногда очень красивые переливы цветов.

Область распространения амазонского попугая простирается от средней Бразилии до британской Гвианы и Тринидада, к западу же продолжается до Боготы, Эквадора и Венесуэлы.

«Во всех посещенных мною областях восточного берега Бразилии, — говорит принц фон Вид, давший такое прекрасное описание вида курика, или курике, — этот попугай был одним из самых обыкновенных. Я всюду находил их во множестве там, где густые девственные леса граничат с болотами, поросшими мангровыми деревьями, и устьями рек. Они одинаково гнездятся как здесь, так и там, но, по-видимому, особенно любят плоды мангрового дерева. Этим попугаев уже во множестве встречают в окрестностях Рио-де-Жанейро в тех местах, где растут большие леса, а также по северным рекам на Параибе, Эспириту-Санто, Бельмонте. Мы находили их повсюду и в особенности по утрам и вечерам слышали их громкие голоса на болотах, по устьям рек с кустов, часто наполовину залитых приливом. Эти кусты по бразильским рекам являются чем-то вроде наших европейских ивовых зарослей, только бразильские деревья обыкновенно выше, почему попугаи часто гнездятся в их толстых дуплистых сучьях или стволах.

В птенцовую пору курике летают парами, обыкновенно очень высоко, причем громко кричат и перекликаются. Кроме пары спаривания, они держатся всегда обществами, иногда очень многочисленными. Я видел такие бесчисленные общества короткохвостых попугаев в лесах Мукури и в других местах. Они наполняли собой весь лес и оглашали его своими громкими криками. Здесь же собиралось одновременно несколько видов этих птиц. Пролет одной только стаи и тот длился долго. Крик собравшихся птиц звучал весьма оригинально. Одна стая сгоняла с дерева другую, и это постоянное беспокойство придавало крикам птиц еще

Семейство попугаевые

более оживления. Такие собрания попугаев бывают довольно многочисленны, но их все-таки нельзя сравнить с огромными стаями перелетных голубей в Северной Америке. Если попугаи сядут на какое-нибудь высокое, густолиственное дерево девственного леса, их часто бывает трудно разглядеть на нем: зеленый цвет является для них защитой. Однако присутствие птиц заметно по падающим с дерева зернам и шелухе плодов. Во время еды они ведут себя тихо, но стоит их чем-либо напугать, как они тотчас же выпускают громкий крик. Их убивают во множестве, так как они являются собой сытную пищу: суп из попугая — излюбленное блюдо не только в Бразилии, но и в Суринаме».

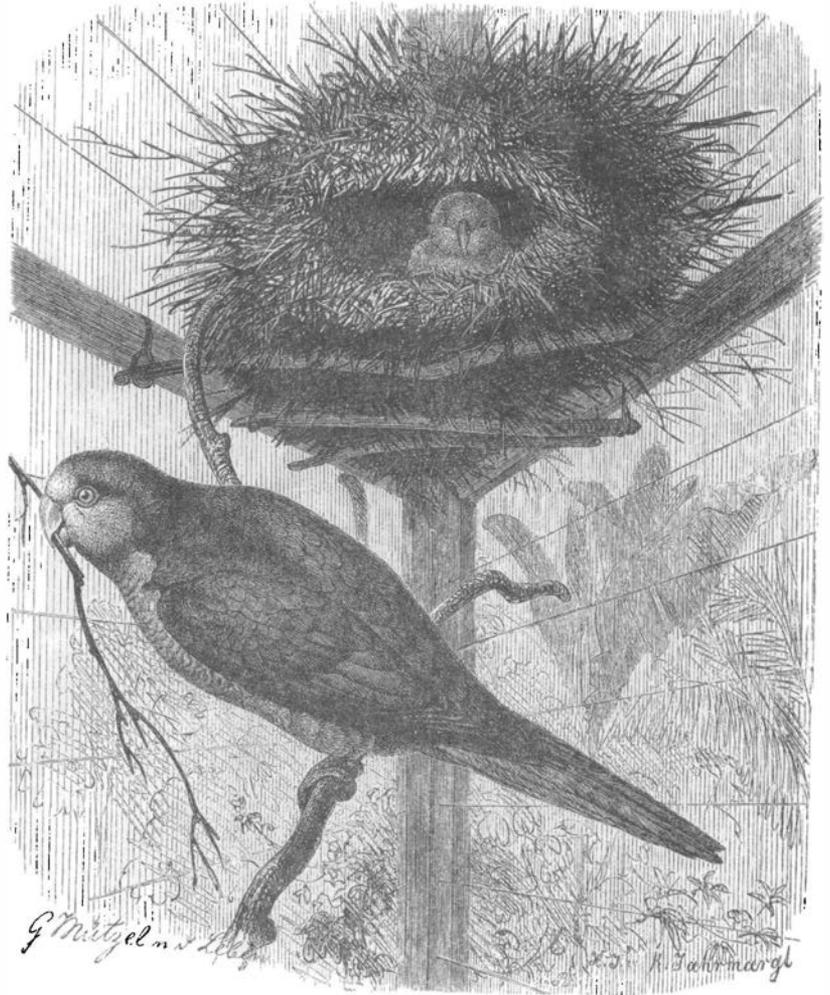
Калита (*Myiopsitta monachus*) носит у южноамериканцев, кроме этого названия, еще другое — которра. Длина его тела достигает 27 см, длина крыльев — 15, а хвоста — 12 см. Общая окраска его оперения — травянисто-зеленая с серым налетом.

Главным местом распространения калиты, по-видимому, следует считать Ла-Платскую низменность; простирается же она по Парагваю, Уругваю, Аргентине, Боливии, быть может, даже по юго-западной части Бразилии, а к западу до Мату-Гросу. О жизни этих попугаев на воле подробных сведений опубликовано не было, только о гнездовании их мы знаем несколько больше, нежели о гнездовании других попугаев. Из немногих сведений, доставленных путешественниками, в особенности Ренггером и Дарвином, явствует, что калита принадлежит к самым обыкновенным птицам в Парагвае и восточной Банде. За исключением птенцовой поры, попугаи эти носятся по стране стаями по 50—200 штук и в это время чрезвычайно много вредят посевам злаков, в особенности маисовым полям, почему и подвергаются самому беспощадному преследованию. По сообщениям Ренггера, они прилетают в таких огромных количествах и притом так назойливы, что, несмотря на выставленных против них караульчиков, которые целый день ходят по полям, разогнать этих птиц нет никакой возможности. В защиту от этих обжорливых пернатых воров пускаются в ход все средства. Их ловят огромными массами, и за каждую дюжину голов этих попугаев ловцу выдается определенная премия. Дарвин рассказывает, что в колонии Сакраменты на Ла-Плате в один год их было убито не менее 2500 штук.

Размножение калиты представляет собой особенный интерес, так как, насколько нам известно, это единственный попугай, который строит на деревьях большие свободнолежащие гнезда. Первые упоминания об этом мы встречаем у Азара. Он пишет, что гнезда калиты представляют собой крупные постройки, иногда длиной 1 м в поперечнике, прикрытые сверху, внутри набитые травой. Причем, прибавляет он, на одном и том же дереве часто встречается несколько гнезд, и одно гнездо может служить одновременно нескольким самкам. Сообщение этого ученого путешественника показалось некоторым натуралистам таким неправдоподоб-

ным, что они сочли долгом отнестись к нему с недоверием. Однако сведения, сообщенные Азарой, были подтверждены другими путешественниками. На одном из островов Параны Дарвин нашел много гнезд калиты, причем одна группа их была настолько скучена, что в целом гнезда представляли собой массу наваленного хвороста. Кастельно, подобно Азаре, наблюдал несколько самок, гнездившихся в одном и том же гнезде. Бродя по болотам Ярайа, он натолкнулся на необыкновенно большое, выстроенное из небольших прутьев гнездо, снабженное 4—5 входными отверстиями. Гнездо это служило жилищем многочисленной стаи попугаев, обыкновенно встречающихся на болотах. У местных жителей они носят название «болотный попугай». Такие же гнезда видел и Бурмейстер. «За отсутствием другого занятия, — говорит он в описании своего путешествия по штатам Ла-Платы, — я смотрел на одиноко стоявшие высокие, лишенные листьев деревья, которые считал засохшими. Среди ветвей их, переплетаясь между собой и образуя одну общую массу, висели прутья, солома и хворост, присутствие и назначение которых для меня было непонятно, так как для птичьих гнезд их масса была слишком велика и слишком свободно висела. Однако спутники мои уверяли, что это, тем не менее, были гнезда и именно постройки зеленого попугая с серым горлом, который в стране носит название «калита». Птицы эти имеют обыкновение строить свои гнезда общественно, почему постройки эти в общей сложности и принимают такой большой объем. Вскоре я заметил и самих птиц, парочками прилетавших и улетающих из гнезда».

Сколько времени длилось насиживание, по этим наблюдениям прослежено быть не могло. За достоверное можно принять сообщение о том, что от кладки до вылета птенцов проходит не менее 40 дней.

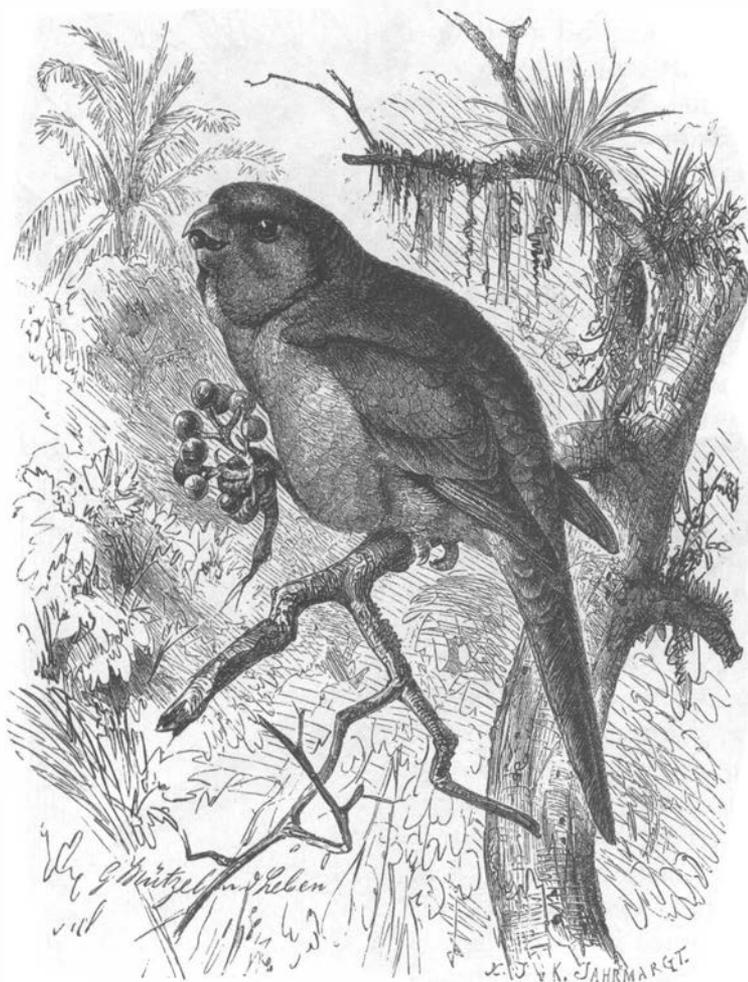

Калита
(*Myiopsitta monachus*)

К числу наиболее крупных видов принадлежит **тирика** (*Brotogerys tirica*). Основной цвет этого вида травянисто-зеленый, сверху он немного темнее, на лбу, за щеками и на нижней стороне светлее; нижние кроющие перья крыльев почти желтого цвета. Самка отличается более матовой окраской.

Тирика распространен по большей части в восточных областях Южной Америки, населяет всю береговую лесистую область Бразилии, а также встречается в лесах Гвианы. В восточной Бразилии он принадлежит к числу самых обыкновенных птиц, жи-

вет многочисленными стаями и иногда в сообществе с мелкими клинохвостыми попугаями, однако никогда с ними не смешивается. Летают тирики с быстротою стрелы от одной рощи к другой, издают короткий, резкий, звонкий крик, который бывает очень разнообразен. Когда эти попугаи соберутся с другими, то они производят положительно оглушающий шум. На рисовых и маисовых плантациях эта небольшая птичка является одним из самых неприятных гостей; приносит им много вреда, почему и терпит от поселян беспощадное гонение. Так как тирики мало пугливы, то они часто попадают под выстрелы. А вследствие того, что попугаи выказывают большую привязанность к своим собратьям, некоторые из них делаются жертвами этой дружбы. Их ловят на клеевые прутики при помощи птицы-приманки и затем содержат в клетках. Благодаря своему кроткому нраву и легкой приручаемости, они принадлежат к числу

Тирика
(*Brotogerys tirica*)

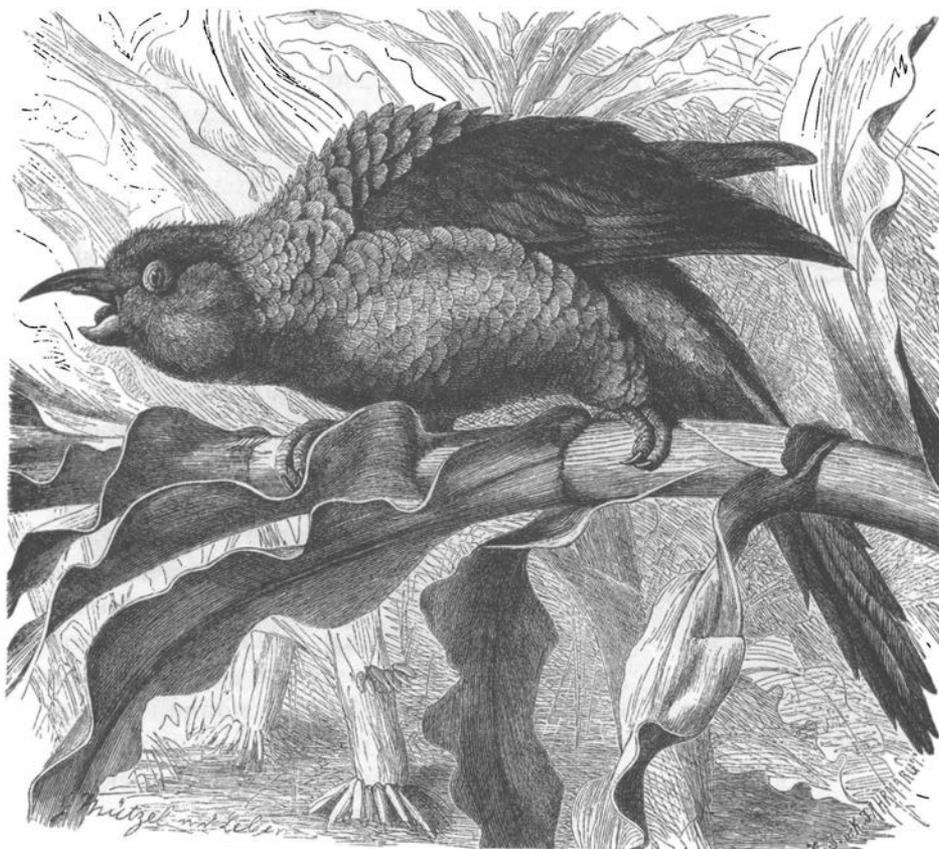
весьма излюбленных домашних птиц бразильцев. Обыкновенно их держат привязанными на цепочке к шесту, который прикрепляется снаружи дома.

Длинноклювый попугай (*Enicognathus leptorhynchus*) носит у чилийцев название «чорой». Этот попугай большую часть времени проводит на земле, у него чрезвычайно вытянутый, длинный, заостренный клюв. По строению крыльев и хвоста он имеет сходство с ближайшими сородичами, другими клинохвостыми попугаями, хотя отличается от них своим клювом. Клюв этот средний

по толщине, узкий и весьма удлинённый. Верхняя половинка его в длину в два раза больше, чем в высоту, согнута очень мало, сплюснута с боков по спинке, широко округлена и вытянута в длинный суживающийся, почти горизонтально направленный кончик, у основания которого находится ясный зубовидный вырез. Нижняя половинка такой же высоты, как и верхняя, с боков сплюснутая, округленная по нижним краям и со слегка согнутыми кверху краями расщепла. Оперение жесткое, преобладающий цвет его — оливково-травянистый, а на нижней части — оливково-зеленый. Край лба, перышки по восковице, уздечка и узкие края вокруг глаз —

темного медно-красного цвета. Таким же цветом подернуты и средние перья брюшка, благодаря чему на нем замечается неясное красное пятно. Перья верхней части головы имеют на концах широкие черные каймы. Большие маховые перья и их кроющие снаружи голубовато-зеленые с черными краями и черноватыми оторочками на концах. Наиболее длинные кроющие перья крыльев и маховые перья снизу серовато-черного цвета с бледным оливково-желтым оттенком по краям внутренних опахал. Рулевые перья как снизу, так и сверху темного медно-красного цвета. Радужная оболочка глаза золотисто-желтая. Клюв и ноги голубовато-серые. У самок оперение несколько мутнее, и красноватое пятно на брюшке меньше и бледнее. Не редка особая — желтая разновидность длинноклювого попугая, которого чилийцы зовут «rey de choro», т.е. «король чороев». Длина всей птицы достигает 38 см, длина ее крыльев 20, хвоста 17 см. Таким образом, попугай этот размером приблизительно с нашу галку.

О жизни этого попугая на воле известно пока мало. Однако мы уже знаем, как он применяет к делу свой удивительный клюв.

Длинноклювый
попугай
(*Enicognathus
leptorhynchus*)

Семейство попугаевые

Этими сведениями мы обязаны Беку, Гэю и Ландбеку. Птица эта очень обыкновенна. Стаи ее многочисленны и состоят порой из многих сотен и тысяч попугаев, крик которых действует оглушающим образом. По словам Гэя, он часто мешал ему спать, когда тот был вынужден проводить ночь на воздухе. Местом жительства длинноклювых попугаев служат леса. Однако отсюда в поисках корма они совершают путешествия. С начала октября по апрель попугаи летают в Вальдивию. В это время каждое утро там появляются их стаи, летящие с севера, а вечером те же стаи возвращаются обратно. Эти перелеты, как у большинства попугаев, следуют по определенным маршрутам, и каждая стая летит в том же направлении, что и предыдущая. Чорой чаще встречаются на земле, нежели на деревьях. Их часто можно видеть в большом количестве в пампасах или, что бывает реже, на полях. Эти птицы являются самыми опасными врагами пшеничных и майсовых посевов, так как они одинаково ловко умеют вытаскивать из земли своим почти прямым клювом, как всходы пшеницы и маиса, так и корни трав, которые и составляют их главную пищу. К великой досаде плантаторов они никогда не упустят случая пограбить и налетают даже на плодовые сады, где портят яблоки исключительно ради зерен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они заслужили ненависть чилийских поселян и преследуются ими самым ревностным образом. От Ландбека мы узнали, что они гнездятся в дуплах деревьев, тогда как другой вид чилийского попугая роет норы до 3 м глубиной. По словам Бека, молодые длинноклювые попугаи выращиваются в неволе без особого труда. Мясо этих птиц жестко и твердо.

К клинохвостым попугаям принадлежит единственный попугай, живущий в Северной Америке и получивший название **каролинского попугая** (*Conuropsis carolinensis*) по имени своей родины. Длина его достигает 32 см, размах крыльев 55, длина крыла 18, хвоста 15 см. Основная окраска приятного темного травянисто-зеленого цвета, по обыкновению на спине темнее, а на нижней стороне желтее. Лоб и щеки — красновато-оранжевые, тот же цвет и на затылке, плечах и маховых перьях, тогда как зашеек чистого золотисто-желтого цвета. Более длинные кроющие перья крыльев снабжены оливково-зелеными кончиками. Маховые перья травянисто-зеленого цвета, внутри пурпурово-черные. Последние малые маховые перья и плечевые перья на конечной половине — оливково-буровато-зеленые. Хвостовые перья темно-зеленого цвета, вблизи стержней голубого, изнутри имеют черноватые, серо-желтые каймы; снизу эти перья темного серо-желтого цвета, снаружи — черноватые. Глаза серо-карие; клюв рогово-беловатый, бледный; ноги желтовато-мясного цвета. Самки окрашены бледнее. Птенцы же имеют один сплошной зеленый цвет, кроме передней части головы. Она окрашена в оранжевый цвет.

Семейство попугаевые

жить более-менее спокойно. Он еще встречается во Флориде, Иллинойсе, Арканзасе, Канзасе, Небраске, Мичигане и Миссури и еще водится, как показали исследования Гайдена, в густо лесистых долинах Миссури, к северу до форта Ливенортс, может быть, даже до устья реки Платт под 41 градусом северной широты. Любимым местопребыванием его служат все те местности, почва которых поросла одной сорной травой, носящей название «складчатый репейник». Головки этого репейника, несмотря на то, что они вооружены густым покровом длинных шипов, составляют любимую пищу каролинского попугая. Вместе с тем попугай нападает и на плантации, часто принося им большой вред, так как он больше портит, чем ест.

Описание каролинского попугая принцем фон Видом совпадает с предыдущим. Весенними месяцами он находил этих птиц на Миссисипи, часто огромными стаями, хотя они и терпели самое ревностное преследование со стороны их непримиримых врагов — плантаторов. В низовьях Миссури их еще встречают, в верхнем же течении уже нет. Индейцы, живущие близ форта Унион, носят шкурки этих птиц в качестве головных украшений. Попугаи, жившие у принца фон Вида, брали пищу с первых же дней и вскоре становились ручными. Вначале они кусали тех, кто брал их на руки, но скоро привыкли к людям. Один из пленников нашего натуралиста кончил жизнь весьма печально. Он был пойман во время холодного времени года и усердно искал в комнате тепла, вначале греясь в лучах солнца, позднее же — у камина. Но огонь оказался для него пагубным: от жара он получил воспаление в мозгу и умер.

В последние годы наши торговцы привозили так много живых каролинских попугаев, что цена на них упала до нескольких марок. Однако таких пленников только изредка видишь в зоологических садах и в клетках любителей*.

Самыми большими из попугаев являются арары, или ары — попугаи, величиной от галки до ворона. Отличительными признаками их будут следующие: очень сильный, необыкновенно большой клюв, с боков сжатый, с сильно округленной спинкой и свешивающимся вытянутым концом; голое место на передней части головы, захватывающее собой уздечку, ободок вокруг глаза и переднюю часть щек, в более редких случаях ограничивается складчатой кожей вокруг нижней половинки клюва; очень длинный хвост. Голые бока головы часто покрыты короткими, далеко отстоящими друг от друга рядами перышек. Крылья длинные и заостренные; кончик крыла сильно вытянут вперед. Хвост длинный, клиновидный; наружные перья его равняются приблизительно одной трети длины средних. Плотное, жесткое оперение особенно ярко блестит зелеными, красными и голубыми цветами. Самцы и самки друг от друга не отличаются, молодые же попугаи отличаются от старых очень мало.

* Опасения за судьбу каролинского попугая, описанные в очерке о нем, к сожалению, оправдались. Беспощадное преследование привело к тому, что этот вид исчез с лица Земли. Последнее известие о каролинском попугае относится к 1920 году.

Ары распространены от северной Мексики до южной Бразилии и Парагвая, но не доходят до Чили. В Андах некоторые виды живут на высоте 3500 м. Большинство видов населяют девственные леса, вдали от человека и его жилья. С распространением культуры они оттесняются все далее и далее и встречаются уже реже. В отличие от большинства других попугаев ары живут парами, иной раз совершенно изолированно от других парочек, чаще же имеют друг с другом сношения, когда по окончании птенцовой поры летают небольшими группами; но такие общества только в редких случаях становятся большими стаями*. Каждая пара очень привязана к месту своего жительства, мало от него отдалается, но часто совершает ежедневные экскурсии из центрального пункта своего местожительства. Таким центральным пунктом, вероятно, нужно считать дерево, на котором находится гнездо ар. Одна и та же пара из года в год предпочитает гнездоваться на том же дереве. Об этом было известно уже древним перуанцам и, как в настоящее время для индейских племен Гвианы и Бразилии, так и для них, эти деревья служили своеобразным источником дохода. Такие деревья с гнездами переходили по наследству от отца к сыну. Как ни скромны требования ар в выборе деревьев для гнезда, птицам все-таки необходимы широкие дупла; деревья же с такими дуплами в девственном лесу очень редки, да и птицы эти держатся только в известных областях. Пищей им служат различные древесные плоды родных лесов. Однако попугаи нападают и на поля, и там, где ары встречаются часто, они приносят значительный вред. В весенние месяцы птицы откладывают в свое старое гнездо 2 яйца, которые высидивает, по-видимому, одна самка, хотя оба родителя проявляют в отношении своих птенцов такую горячую любовь, какая замечается между птицами одной пары. Как и в давние времена, индейцы вынимают молодых ар из гнезд и воспитывают их у себя; за старыми же птицами, как издавна, так и теперь, охотятся ради их роскошных перьев.

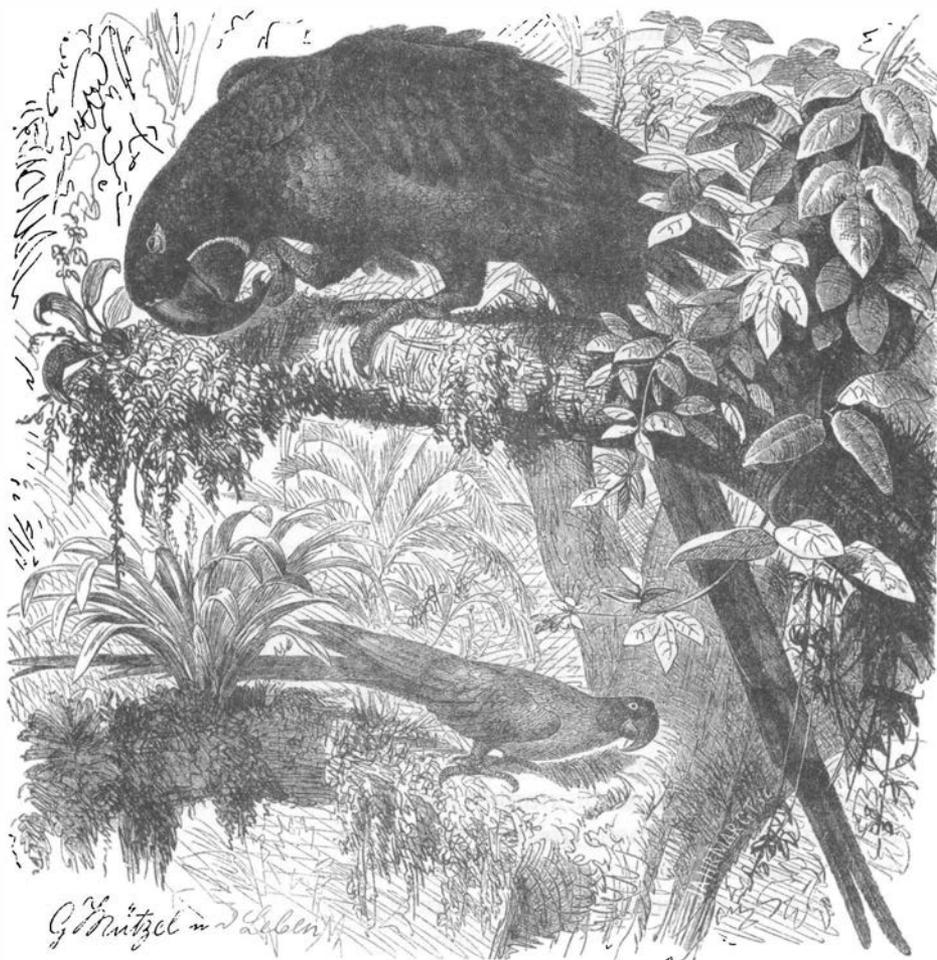
Думаю, будет совершенно достаточно, если я опишу в настоящем издании лишь самых крупных попугаев, притом тех, которые чаще всего живут в наших клетках.

По своей величине и красоте выше всех попугаев стоит **гиацинтовый ара** (*Anodorhynchus hyacinthinus*). Эта прекрасная птица примечательна своим крупным клювом, у нее одноцветная темная кобальтово-синяя окраска, немного более светлая на голове и шее. Основания перьев — серые, а внутренние опахала маховых перьев имеют черноватые края. Маховые, рулевые перья и большая часть нижних кроющих — блестящего черного цвета с такими же стержнями. Глаза темно-карие; большой голый глазной ободок и очень широкий участок голой кожи вокруг нижней половинки клюва — ярко-оранжевые. Клюв черный, ноги черновато-бурые. Длина птицы достигает 1 м, длина крыльев 42 см, хвоста 58 см.

* Это не совсем так. Вне периода размножения многие ары ведут стайный образ жизни, и скопления их бывают весьма велики.

Область распространения гиацинтового ары ограничивается северную часть средней Бразилии. Однако внутри этого района ара встречается только одиночками, и поэтому принадлежит к числу редких птиц на наших зоологических рынках.

Более обыкновенен и более распространен другой вид — **красный ара** (*Ara macao*). Эта столь же красивая птица достигает в длину 86 см, размах крыльев 1,05 м, длина крыльев ее равна 40, хвоста — 32 см. Мелкое оперение ее пурпурово-красного цвета, на лбу и в области уха несколько светлее; задняя

часть спины, надхвостье, верхние и нижние кроющие перья хвоста — красивого небесно-голубого цвета. Большие и малые маховые перья, их кроющие и крыловые сгибы — цвета берлинской лазури, причем первые на внутренних опахалах имеют широкие черноватые края. Наиболее длинные верхние кроющие перья крыльев и перья плеч — оранжево-желтые с зелеными пятнами на концах. Рулевые перья — пурпурово-красные с кончиками небесно-голубого цвета; обе пары самых наружных — темно-синего цвета. Нижние

Гиацинтовый ара
(*Anodorhynchus
hyacinthinus*)

кроющие перья крыльев и нижняя сторона маховых и рулевых перьев — блестящего пурпурово-красного цвета. Глаза желтовато-белые, голые части щек — буроватого мясного цвета; верхняя половинка клюва белого рогового цвета, а у края основания имеет черное треугольное пятно, нижняя половинка черная; ноги серовато-черные.

Красный ара распространен в северных странах Южной Америки, от Боливии и северной Бразилии до Гватемалы и Гондураса, однако попадает в Перу и Мексике.

С только что описанным видом часто путают **зеленокрылого ару** (*Ara chloroptera*), хотя он довольно заметно отличается своим темным пурпурово-красным оперением и зеленым цветом верхних кроющих перьев крыла и плеч. В средней и южной Бразилии он занимает место араканги, но далеко распространяется как на север, так и на юг и запад.

Последним я упомяну **сине-желтого ару** (*Ara ararauna*). Все верхние части тела этого ары и кроющие перья хвоста — темно-голубого цвета; бока шеи и нижние части — ярко-оранжевые; полоска, охватывающая задние части щек, и подбородок — черные. Глаза зеленоватого, жемчужно-серого цвета; голые боковые части головы — буроватого мясного цвета. Клюв черный; ноги буровато-черные. Длина птицы достигает 97 см, длина ее крыла 40, а хвоста 52 см. Область распространения та же, что и у красного ары.

Ары принадлежат к числу птиц, типичных для девственных лесов. Их излюбленным местопребыванием являются долины и леса, прорезываемые руслами рек. Некоторые виды не ограничиваются только лесом, но встречаются и в сухих, высоких областях, выжженных солнцем; их крик встречает путешественника и в диких скалистых горах провинции Багии. «Во время плавания по рекам, окаймленным густым прибрежным лесом, — говорит принц фон Вид, — вы встречаете этих красивых птиц и тотчас же узнаете их по голове, величине и длинному хвосту, когда, взмахивая своими длинными, большими крыльями, они медленно и плавно летят в далекой темно-голубой выси». Путешественники имеют обыкновение весьма преувеличивать сведения, касающиеся этих, столь интересных для европейцев птиц. Так, Ватертон упоминает о величественном зрелище, которое представляют тысячи ар, летящие высоко в воздухе, тогда как принц фон Вид и все остальные ученые натуралисты утверждают, что никто не видел, чтобы ары собирались в таком количестве.

«Образ жизни этих красивых птиц, — продолжает принц фон Вид, — в общем не отличается от образа жизни других попугаев».

В своей «Естественной истории попугаев» Левальян говорит, что ары глупые птицы, не боящиеся выстрела охотника. Однако принц фон Вид сообщает: «На основании собственных наблюдений я должен заметить, что в безлюдных лесах Бразилии, где ары очень многочисленны, их причисляют к числу самых пугливых и хитрых птиц».

Насколько верен взгляд бразильцев, доказывают пойманные и доставленные нам ары. Нужно быть слепым, чтобы не замечать их высокой степени одаренности. У них нет той оживленности и бодрости, которые свойственны другим их сородичам, но было бы совершенно несправедливо считать их неповоротливыми и вялыми. В сравнении с другими попугаями они кажутся птицами спокойными, осмотрительными и строгими. В недостатке развития нежных чувств и понятливости упрекнуть их может только

Семейство попугаевые

тот, кто их не наблюдал. Они не только добродушны и привязчивы, но проявляют много нежности, как супружеской и родительской, так и в отношении того, кто о них заботится.

Главную пищу ар составляют плоды, орехи и семена деревьев девственных лесов. Их клюв весьма приспособлен для разгрызания самой твердой скорлупы плодов различных пальм. Однако по временам ары посещают и плантации. Подобно другим плодоядным птицам девственного леса, они, за исключением поры размножения, следуют по пути вызревания плодов. При этом случается, что во время своих перелетов они достигают границы девственного леса и тогда опустошительно нападают на поля и плодовые плантации. Их хищнические набеги очень наглядно описывает Шомбургк. «Найдя какое-нибудь созревшее поле, они выставляют вокруг него сторожей на ближайших деревьях. Несмолкаемые до тех пор шум и дикое карканье стихают, только временами слышатся сдержанные ворчливые или шуршащие звуки. Если к этой, занятой грабежом, компании приближается какое-нибудь внушающее подозрение существо, первый заметивший его страж издает тихий предостерегающий крик, на который пернатые вору отвечают сдержанным карканьем, показывая тем, что предупреждение ими принято к сведению. Если опасность становится очевидной, сторож с громким карканьем слетает со своего поста, а вместе с ним с диким криком поднимается и вся стая, ища спасения в быстром бегстве».

«В пору спаривания, — рассказывает принц фон Вид далее, — ары обыкновенно разыскивают то же гнездо, которое они занимали ранее, по крайней мере, делают это в том случае, если их никто на этом гнезде не тревожил. В течение многих лет их видят гнездящимися все на том же месте. Для своего гнезда попугаи выбирают в лесу дуплистое дерево, очень широкое в обхвате, с дуплистым суком или выгнившей щелью, которую они увеличивают до надлежащей ширины своим сильным клювом. Сюда самка кладет 2 белых яйца, как и большинство других видов попугаев». Птенцы не просят корма криками, но, чувствуя голод, стучат в стенку дупла. На первых порах, как и у всех попугаев, птенцы ар имеют весьма некрасивый и беспомощный вид, но и после вылета из гнезда они еще долгое время находятся под надзором и на попечении родителей. Туземцы вынимают их обыкновенно прежде, чем они получают полное оперение: тогда они становятся очень ручными.

Пойманные ары уже издавна были любимыми птицами индейцев. «Весьма приятно было видеть, — говорит Гумбольдт, — вокруг индейских хижин ручных ар, летавших по полям, подобно нашим голубям. Эти птицы служат большим украшением птичников индейцев. Они не уступают в роскоши оперения ни золотистым фазанам, ни павлинам, ни гокко, ни другим лесным куриным. Уже Колумбу бросился в глаза обычай индейцев зани-

маться разведением попугаев — птиц, принадлежащих к семейству, так далеко отстоящему от куриных. И уже во время открытия Америки он обратил внимание, что туземцы Антильских островов едят вместо кур ар и других крупных попугаев».

Держать ар всегда представляет некоторую опасность, так как они довольно часто пускают в дело совсем нежелательным образом свой ужасный клюв. Однако некоторые становятся весьма ручными.

Ары редко выучиваются говорить так же хорошо, как и другие попугаи, но они отнюдь не лишены этого дара.

Ары, за которыми ухаживают надлежащим образом, доживают в клетках до глубокой старости. Азара приводит достоверный пример, когда ара прожил 44 года в одной семье, одряхлел от старости и, в конце концов, мог переваривать только вареный маис.

Охота на ар одинаково ревностно ведется как туземцами, так и белыми. Европейский охотник считает себя уже счастливым, если метким выстрелом убьет одну из этих роскошно оперенных птиц. Если охотнику удастся заполучить раненную им добычу, он может поздравить себя с излюбленным блюдом. Мясо ар напоминает говядину, у старых птиц оно жестко, в холодное время года часто бывает очень жирным и дает крепкий навар. Красивые перья этих попугаев используются по-разному. Охотник, убивший ару, обычно украшает свою шапку его красными и голубыми маховыми и рулевыми перьями. Бразильцы употребляют маховые перья для писания. Многие дикие племена делают из перьев различные украшения, пестрыми маховыми перьями они большей частью оперяют свои стрелы. В настоящее время многие из индейцев украшают свой костюм роскошным оперением ар. В прежнее время племя лингоа-герал, теперь до известной степени просвещенное, делало из таких перьев разные украшения, которые они до каждого употребления в дело прятали в заклеенные воском бурачки. Тупинамбы восточного берега, жившие в местах, посещенных мною, приступали особенно торжественно к празднику по поводу предстоящего убиения или съедения взятого в плен неприятельского воина. Палач, несший дубину, был вымазан особой смолой и обсыпан мелкими перьями ар. На голове его находилась корона из хвостовых перьев этих красивых птиц. Перья ар у этих дикарей были символом войны. Даже в настоящее время эти дикие племена любят эти столь простые и красивые украшения. Миссионерам-иезуитам стоило большого труда вывести из употребления эти перья у береговых племен, ныне уже вышедших из дикого состояния.

Самым разумным и легко поддающимся обучению из всех попугаев является всем известный **серый попугай**, или **жако** (*Psittacus erithacus*). Характерными признаками его будут следующие: сильный клюв; длинные крылья с хорошо развитыми крыловыми концами; средней длины, почти ровно срезанный хвост;

оперение, состоящее из крупных перьев. Ноздри, восковица, уздечка и ободок вокруг глаза у него не оперены. В оперении жако различаются только два главных цвета: хвост пурпурово-красный, остальные же перья пепельно-серого цвета с несколько более светлыми краями. Иногда встречаются экземпляры с роскошной окраской, у которых малые маховые перья и другие части оперения покрыты красноватым налетом. Однако таких птиц редко привозят в Европу, так как торговцы, живущие на западном берегу Африки, ценят их очень высоко, называют королевскими попугаями и обыкновенно оставляют у себя. Зрачок старого жако желтого цвета; клюв черный; ноги свинцово-серые. Самец немного крупнее самки. Длина птицы достигает 31 см, размах крыльев 65, длина крыла 22, хвоста 8 см.

Жако
(*Psittacus erithacus*)

Область распространения серого попугая в Западной Африке простирается от Золотого берега до Бенгуэлы, на остров Фернандо По и Принцевы острова, доходит до озера Чад и почти до водораздела северной половины государства Конго, таким образом совпадая с областью распространения масличной пальмы. В нижних частях Анголы и Бенгуэлы

и в южных частях государства Конго жако, по-видимому, не встречается. Там, где этот попугай распространен, он попадает почти всюду, где только есть довольно скученные и крупные леса или совершенно заросшие, далеко тянущиеся лесные чащи.

Нижеследующим описанием читатель и я обязаны Рейхену, наблюдения которого над серыми попугаями существеннее и подробнее, нежели наблюдения других лиц. Он был настолько любезен, что отдал это описание в мое распоряжение.

«Куда бы вы ни свернули, всюду вас сопровождает крик серого попугая. Они совершенно обыкновенны в Западной Африке, а именно на Золотом берегу, в дельте Нигера, в Камеруне и Габоне. Здесь в непроходимых лесах, на топях и болотах речных усть-

ев природа предоставила им такое безопасное и подходящее местожительство, что они могут не опасаться преследования со стороны туземцев и немногих других опасных для них врагов. Главным местом их гнездования являются мангровые леса по близости берега. Попугаи пользуются уже существующими дуплами деревьев или же расширяют дупла сучков с помощью своего сильного клюва настолько, чтобы в них можно было гнездиться. В птенцовую пору парочки живут более или менее отдельно одна от другой. Пора эта приходится на месяцы дождей и соответствует, в зависимости от того, южнее или севернее находится их место жительства, нашим летним или зимним месяцам. По окончании птенцовой поры они вместе с молодыми присоединяются к другим попугаям, образуя стаи, и уже сообща носятся по окрестностям, сообща отправляются за кормом и сообща летают на ночлег. Жако выбирают для ночлега высочайшие деревья и собираются на них каждый вечер. Такие ночлеги становятся скоро заметными. Далеко по округе раздается каркающий крик прибывающих попугаев, и только с наступлением сумерек эти крики замолкают совершенно. Ранним утром крики поднимаются снова и на этот раз свидетельствуют об общем отлете. Не переставая шуметь, каркать и испускать пронзительные возгласы, серые попугаи летят вглубь страны, чтобы полакомиться на маисовых полях Нигера, преимущественно расположенных на высоких долинах. Полусозревший маис составляет их излюбленную пищу, и опустошения, производимые ими на маисовых полях, оказываются ужасными. Только перед заходом солнца они направляются на места своих ночных сборищ.

Полет серых попугаев ни в коем случае нельзя назвать проворным. Коротко и быстро взмахивая крыльями, они летят по прямому направлению туда, куда им нужно, и имеют вид птиц, испуганных и каждую минуту боящихся упасть».

Сведения о гнездовании серых попугаев мы находим у Кейлеманса. На Принцевых островах, сообщает этот путешественник, время гнездования приходится на декабрь после поры дождей. Гнездом попугаю служит большей частью какое-нибудь глубокое дупло дерева. Самка кладет до пяти чисто белых яиц, не вполне овальной формы, на тупом конце слегка, на остром сильно закругленных. Так как эти птицы гнездуются в непроходимых лесах, то гнезда их найти нелегко. В одном районе часто гнездуются несколько сотен пар, но при этом большею частью на одном дереве находится только одно гнездо. Старики хорошо умеют защищать своих птенцов и находят поддержку у своих собратьев. Туземцы не вынимают из гнезд молодых, будучи уверены, что в гнезде этих попугаев страшный жар, способный обжечь пальцы, если опустить руку в дупло с гнездом.

«Среди пернатых хищников, — продолжает Рейхенов, — одним из опасных врагов серых попугаев является, по-видимому,

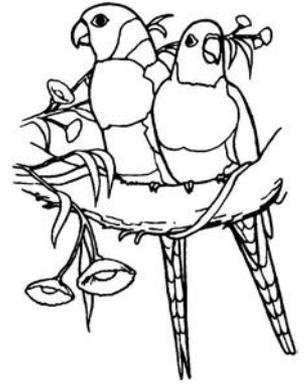

грифовый орлан. Я много раз видел его преследовавшим этих попугаев, и по их сильно испуганному виду мог убедиться, насколько они боялись его. Не было никакого сомнения, что орлан, несмотря на то, что сам не принадлежит к числу хороших летунов, мог свободно настигать и схватывать этих неловких на лету попугаев».

Жаркое из серого попугая, приготовленное особым способом, очень хвалит Дорн. По его словам, оно необыкновенно вкусно. Рейхенов, наоборот, отдает предпочтение супу из хорошо сваренного очень жирного жако. Мясо же, говорит он, жесткое и не поддается ни острому ножу, ни крепким зубам, хотя с виду похоже на говядину. Другие путешественники также подтверждают, что мясо серого попугая жестко и годится только для варки супа. Туземцы же разделяют мнение Дорна, но они едва ли могут быть компетентны, так как африканцы большей частью не требовательны в отношении случайно перепадающей им мясной пищи. Впрочем, за жако охотятся не столько ради мяса, сколько из-за его красных хвостовых перьев, так как все негры употребляют их в качестве военного украшения головы и иным образом или же готовят из них различные амулеты.

Туземцы ловят жако, приручают и выучивают говорить, а также пользуются им как предметом обмена и торговли. Денхам, Клаппертон и Гюрней привезли в Англию живых серых попугаев с озера Чад. Гейглин встретил этого же попугая в стране Ниам-Ниам и в Бонго. Все путешественники, посетившие западные берега Африки, видели его у туземцев, у одних племен чаще, у других реже.

Серый попугай считается одной из любимейших комнатных птиц и вполне заслуживает выказываемое ему расположение. Его кротость, понятливость и привязанность к своему хозяину вызывают удивление. О нем знают во многих странах, о нем говорится во всякой естественной истории и даже вообще во всякой книге, где только есть часть, посвященная описанию жизни животных. Множество милых сценок из жизни жако стали сюжетами для картин. Уже Левальян подробно рассказывает об одном сером попугае, жившем у амстердамского купца, и прославляет достоинства этой птицы. «Карл, так звали попугая, говорил не хуже Цицерона, и я мог бы наполнить целый том прекрасными изречениями, которые я слышал от него и которые он повторял мне, не пропуская ни одного слога. По приказанию он приносил ночной колпак и туфли своего хозяина и звал служанку, если она была нужна в комнате. Его любимым местопребыванием стал магазин, и здесь попугай оказался очень полезен. Так, если в отсутствие хозяина в лавку входил посторонний, попугай кричал до тех пор, пока кто-нибудь не приходил. Он имел превосходную память и точно заучивал целые фразы голландских изречений. Только на 60-м году жизни в неволе память его ослабла, и

он ежедневно забывал что-нибудь из того, что знал прежде. С этих пор он уже повторял не более половины фразы, перемещал даже слоги и путал слова одной фразы со словами другой».

После Левальяна о жако писали многие. Собрался, таким образом, более или менее ценный материал. Наблюдения ясно показали, что почти все пернатые пленники обладают одними и теми же качествами. Но и между ними попадались жако с исключительными способностями. Один из таких попугаев, быть может, самый понятливый из всех, много лет прожил в Вене и Зальцбурге и нашел внимательного и прилежного наблюдателя. Сообщения последнего уже не раз были опубликованы, однако я считаю своим долгом дать им место и в настоящей книге. Ленц, безусловно, прав, говоря, что с тех пор, как птицы живут на земле, не было еще ни одного попугая или какой-либо другой птицы, которые превосходили бы упомянутого попугая искусством и умом. Эта удивительная птица была куплена в 1827 году за 25 гульденов у одного капитана в Триесте министерским советником Андреасом Мехлетаром по поручению каноника Зальцбургского капитула Иосифа Мархнера, а в 1830 году перешла во владение к церемониймейстеру капитула Ганиклу. Последний регулярно давал попугаю уроки перед обедом от 9 до 11 или вечером от 10 до 11 часов. Кроме того, он вообще много занимался с ним и добился, таким образом, высокого умственного развития попугая. После смерти Ганикла жако был продан за 150 гульденов, а в 1840 году вторично перепродан уже за 370 гульденов. Друг моего покойного отца граф Гурси Друатомон первый оповестил об этой птице в 1835 году в «Изисе» Окена. Клеймарн, последний владелец попугая, по просьбе Ленца дополнил это сообщение, и Ленц суммировал следующим образом все известное об этой птице.

«Жако обращает внимание на все, что совершается вокруг него, умеет всему дать известную оценку, дает правильные ответы на вопросы, делает все, что ему приказывают, приветствует входящих, здоровается с идущими мимо, только утром говорит «доброе утро», а вечером — «добрый вечер», просит есть, когда он голоден. Каждого члена семьи он называет по имени и к одним из них расположен больше, чем к другим. Если попугай хочет позвать меня, то кричит: «Папа, поди-ка сюда!» Говорит ли он, поет ли или свистит, все это он исполняет так же чисто, как человек. Иногда, в минуты увлечения, он становится импровизатором, и его речь напоминает собою речь оратора, которую слышат издали и потому не понимают.

Вот перечень того, что говорит, поет и высвистывает жако: «Доброе утро, ваше преподобие». — «Ваше преподобие, прошу дать мне миндалю». — «Хочешь миндалю? Хочешь орех? Получи-ка кое-что. Вот тебе кое-что». — «Капитан! Здравствуйте, капитан!» — «Покорный слуга, госпожа архитекторша». — «Мужик плут, плут, мужик, уйдешь ли, разбойник? Уйдешь ли, уйдешь ли домой, уй-

дешь ты или нет? погоди же, мошенник!» — «Эй ты бродяга, мошенник, пройдоха!» — «Славный попка, добрый попка». — «Ты, брат, славный паренек, молодец паренек!» — «На-ка кукурузы, на-ка кой чего». — «Нани! Нани!» — «Господин сосед, подождите! Подождите, господин сосед!» Если кто-нибудь стучит в дверь, попугай кричит очень громко, ясно и совершенно человеческим голосом: «Войдите, войдите. Мое почтение, господин Брэй. Покорный слуга! Рад вас видеть, очень рад вас видеть». Он и сам стучит в дверь, выкрикивая те же слова. Попугай очень хорошо подражает кукушке. «Поцелуй меня! Хорошенько поцелуй: получишь за это миндаль». — «Смотри туда!» — «Выходи!» — «Лезь наверх, иди туда!» — «Мой милый попка!» — «Браво, брависсимо!» — «На молитву, идем на молитву!» — «Идем обедать!» — «Идем к окошку!» — «Иероним, вставай!» — «Я иду, да хранит тебя Бог!» — «Многая лета императору! Многая лета!» — «Куда идешь? Виноват, я думал, вы птица». Если он что-нибудь погрызет или испортит, то говорит: «Не смей грызть, сиди смиренно! Что ты натворил?» — «Что ты натворил? погоди, плут, погоди, мошенник, я тебя поколочу!» — «Попка, здорово, как живешь?» — «Ты что-то ешь?» — «Хорошего аппетита!» — «Пст, пст! Покойной ночи!» — «Попка может выйти. Ну, выходи, ну!» — «Попка, пли, пли, попка!» И вслед за тем он стреляет, громко выкрикивая: «Пу-у!» — «Гугу! Гугу!» — «Пошел домой! Пойдешь ли ты домой? Ало марш! Сейчас марш домой! погоди я тебя поколочу». Он звонит в колокольчик, повешенный в его клетке, и громко кричит: «Кто звонит? Кто звонит? Попка звонит». — «Какаду, какаду!» — «Га-га-га-га! Я тебе! Что за га? Ах ты!» — «Вот пес, славный пес, отличный пес!» — и он свистит собаке. Далее попугай говорит: «Как кричит собака?» — и начинает лаять. После этого он говорит: «Свистни собаку!» — и свистит. Если ему приказывают: «Пли», — он кричит: «Пу-у!» — и затем отдает настоящую команду: «Стой! Равняйся! Стой! Равняйся! Оправьсь! Г'товсь! На прицел! Пли! Пу-у! Браво, брависсимо!» Иногда попугай командует: «Пли» — и кричит непосредственно после слов «г'товсь, на прицел!»: «Пу-у», но уже не прибавляет «браво, брависсимо», как бы сознавая свою ошибку. «Храни вас Бог, а Dio! Храни вас Бог!» — говорит он людям, уходящим из комнаты. «Как? Меня за шиворот? Как? За шиворот?» При этом он поднимает ужасный крик, как будто его действительно трясут за шиворот, и затем вновь кричит: «Как? Меня за шиворот? За шиворот? Постой, негодяй! Меня за шиворот?» «Да, да. Да, так-то все на свете! Именно так, именно так!» — и он начинает отчетливо хохотать. «Попка болен, бедный попка болен». — «Слышишь Ганса?» — «Гугу, гугу! Попка здесь!» — «Постой, как схвачу тебя за шиворот!» Когда он видит, что накрывают на стол или слышит это из других комнат, он тотчас же выкри-

кивает: «Идем обедать! Ало марш обедать!» Когда его хозяин завтракает во второй или третьей комнате, он кричит: «Какау (какао), на-ка какау, на-ка кой чего!»

Когда попугай во время церковной службы слышит звон соборных колоколов, он кричит: «Я иду, слава Господу, я иду!» Если хозяин его уходит не в церковь, то попугай, хотя бы он все время до того молчал, когда открывают двери, кричит и почти каждый раз самым сердечным тоном: «Храни тя Господь!» Но если при этом присутствуют посторонние, он выкрикивает уходящему с ними хозяину: «Храни вас Господь!» Если попугай ночью находится в спальне своего хозяина, то молчит все время, пока тот спит. Если же он проводит ночь в другой комнате, то с наступлением утра начинает говорить, петь и свистать.

У хозяина жако был перепел. Когда весною тот впервые начал выделывать свое «подь полодь», попугай обернулся к нему и закричал: «Браво, попка, браво!» Чтобы посмотреть, можно ли выучить попугая что-либо петь, в начале подбирали к мелодии такие слова, которые он мог произносить без труда, как, например, следующие: «Тут ли милый попка? Тут ли бравый попка? Тут ли славный попка? Тут ли попка? О, да! О, да!» Позднее он выучился петь песенку: «О Питциги, о Питциги, поиграй за меня в свирель, поиграй за меня в свирель, дуй, дуй, дуй, дуй за меня в свирель!» Он может подражать аккордам, очень бегло и чисто высвистывает гамму от начала до конца и обратно, исполняет и другие вещи, выделывает трели. Но все это он поет и свистит не всегда в одном и том же тоне, но иногда берет целым тоном выше или ниже, нисколько не фальшивя. В Вене попугай даже выучился высвистывать одну арию из оперы «Марта», и так как при этом его учитель приплясывал в такт, то он перенял и самый танец, по крайней мере, во время пения поднимал то одну, то другую ногу, презабавно покачивая головой в разные стороны.

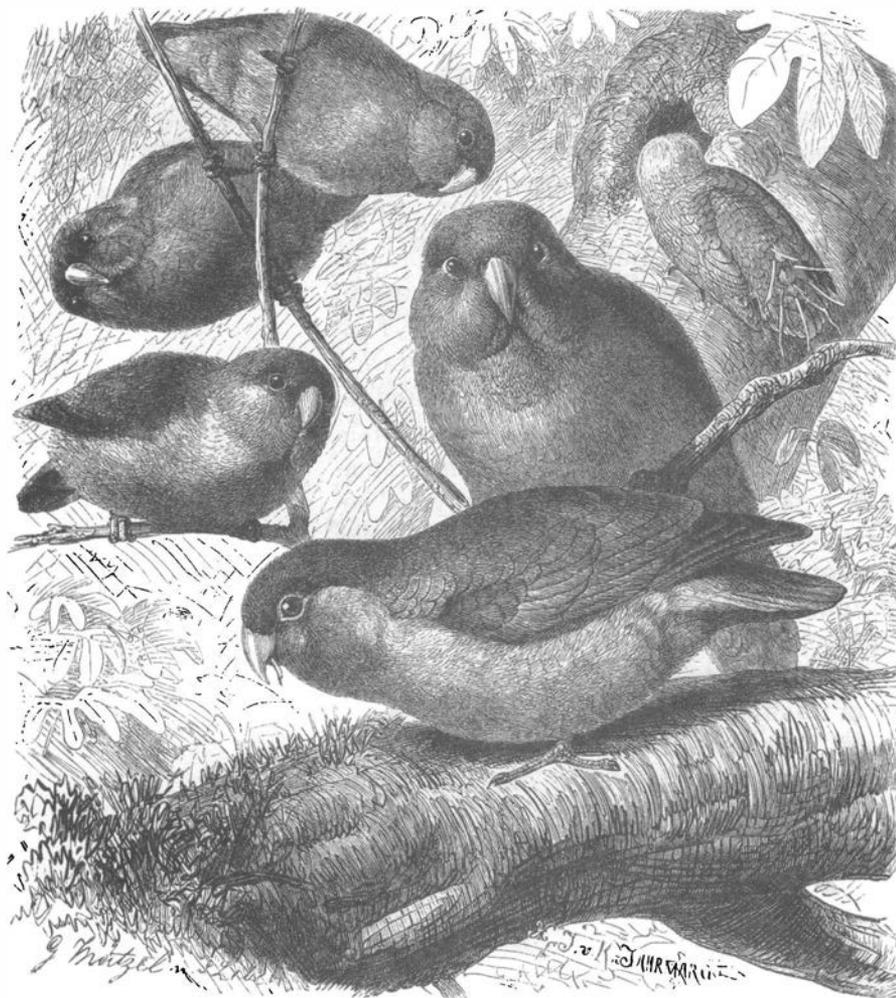
В 1853 году Клеймарн умер. Жако начал прихварывать, по-видимому, от тоски по своему хозяину. В 1854 году попугай, совсем ослабевший, был положен в маленькую кроватку. За ним ухаживали весьма внимательно. Жако все еще прилежно болтал и часто говорил печальным тоном: «Попка болен, болен бедный попка». Вскоре он умер».

При хорошем уходе и простой пище жако могут прожить очень долго. У амстердамского купца Миннинг-Хейзена попугай жил в неволе 32 года, затем по наследству достался другому владельцу, у которого прожил еще 41 год. За 4 или 5 лет до своей смерти он совсем одряхлел: его живость и душевные способности, особенно память, стали убывать и, наконец, совсем исчезли. Последние два года он уже не мог сидеть на жердочке, а сидел, сгорбившись, на полу. Под конец он перестал сам брать пищу, и его пришлось кормить, как птенца. Он стал очень неправильно линять и, постепенно дряхлея и слабея, скончался.

Семейство попугаевые

Из всех мне известных видов неразлучных попугаев, или неразлучников, которые отличаются коротким и сильно закругленным хвостом, мы займемся описанием **розовощекого неразлучника** (*Agapornis roseicollis*). Он принадлежит к числу крупных видов: длина его 17 см, длина крыла 10, а хвоста 5 см. Преобладающим цветом оперения является прекрасный травянисто-зеленый, который становится несколько светлее на нижних частях тела, а на боках принимает желтоватый оттенок. Полоска

на лбу и брови бледно-малинового цвета; уздечка, щеки, ушная область и горло нежного персикового цвета или бледно-розового, причем на горле этот цвет незаметно переходит в зеленый. Надхвостье и кроющие перья хвоста небесно-голубого цвета, маховые перья снаружи зеленые, к концу темнее, почти черные, снизу черноватые; внутренние бородки имеют неясную голубоватую каемку. Два средних рулевых пера — зеленые, прочие рулевые перья также зеленые, но на конце принимают голубоватый оттенок; в конце у них замечается черноватая поперечная полоса, а у основания ярко-красное пятно. Зрачок темно-карий, клюв желтый, как воск, а на конце зеле-

Розовощекий
неразлучник
(*Agapornis roseicollis*)

новатый; ноги голубовато-зеленые. Молодые птицы отличаются от родителей тем, что оперение у них более темное и на лбу нет красной полоски. Самка одинакового цвета с самцом.

Родиной розовощекого неразлучника следует считать юг и юго-запад Африки, именно Кафрскую область, а также Наму, Дамару и Анголу. Однако птица эта, как сообщает Кирка, встречается и на юго-востоке, на берегах Замбези. По словам Ортлена, буры очень любят этого попугайчика и часто держат его в клетках. О

его жизни на воле сообщает, насколько мне известно, только Андерсон. «Этот красивый маленький попугайчик распространен по всей области Дамара и Большой Нама, но его находят также около озер Окаванго и Нгами. Он встречается всегда небольшими стаями вблизи озера или реки. По крайней мере, раз в день он отправляется к водоему и может служить надежным путеводителем жаждущему путнику. Если только последний сумеет воспользоваться этим указанием, то найдет иногда очень незначительный ключ, который бывает часто расположен в каком-нибудь закрытом месте. Розовощекий неразлучник летает очень быстро; маленькие стаи с быстротой стрелы перелетают с места на место, когда ищут себе корма или направляются к водопою. Во время своего быстрого полета попугаи громко кричат, что случается также и тогда, когда их испугают. Пища их состоит из ягод и мягких семян.

Попугаи эти не строят своих гнезд, а захватывают гнезда других птиц, особенно общественного ткача. Я не могу сообщить, прогоняют ли они настоящих владельцев или пользуются покинутыми гнездами, но я видел, что эти попугайчики гнездятся вместе с общественными воробьями под одной кровлей. Яйца у них чисто белые и более удлиненной формы, чем у дятлов».

Зелено-красный попугай (*Eclectus roratus*) ростом заметно крупнее серого и окрашен в ярко-зеленый цвет, который сверху несколько темнее, чем снизу. Стороны груди, покровные перья основания крыла и нижние покровные перья самого крыла малиново-красного цвета. Крылышко и малые покровные перья предплечья светло-голубые, большие покровные перья ярко-синего цвета с черной каемкой внутри, малые маховые перья от основания до середины — зеленого, а на конце темно-голубого цвета. Три задних пера из них сплошь зеленые. Наружные рулевые перья темно-индигового цвета, внутри с черными каемками, четвертое и пятое рулевое перо на конце синие, а остальная часть их зеленая. Зрачок глаза оранжево-желтый, верхняя часть клюва кораллово-красная, а у основания желтого воскового цвета, нижняя часть клюва и ноги — черные. У самки голова, шея, грудь и нижние кроющие перья хвоста малиново-красного цвета, а спина, крылья, хвост и гузка вишнево-красного; конец хвоста светло-красный; окружность глаз, полоска на затылке, брюшко, края крыльев и нижние кроющие перья крыла — голубые; клюв черный.

Об образе жизни этих попугаев на воле у нас мало сведений. Известна лишь область их распространения. Они встречаются на островах Тернате, Гальмагера и Батьян; кроме того, в Новой Гвинее, на Гуэбэ, Вайгео и Мизоль. Из наблюдений Мартенса можно заключить, что эти попугаи не так общительны, как другие, так как в лесу их видишь чаще поодиночке, чем стаями. То же самое наблюдал Гааке в Новой Гвинее. Со слов одного малайца

Семейство попугаевые

* Малаец, рассказавший об этом факте Мейеру, видимо, не знал, что самцы и самки зелено-красного попугая резко отличаются по окраске.

Мейер сообщает, что зеленые и красные попугаи сидят по очереди на яйцах одного и того же гнезда*.

Они довольно легко делаются ручными и даже привозятся к нам. Но характер их почти всегда испорчен. Однако они привязываются к своим воспитателям, которые сумели победить их первоначальное недоверие, и даже выучиваются говорить. Но они не переносят долго неволи и часто околевают от неизвестной причины, поэтому их считают более нежными созданиями, чем других попугаев той же величины.

Ожереловый попугай Крамера (*Psittacula krameri*) у индусов носит названия тига, тия, голлар, лейбар, рагу и киру, у арабов — дура и бабачан, а у абиссинцев — герзей. Это очень грациозная и приятно окрашенная птица средней величины. Длина самца 35 и 40 см, из которых более 25 см занимает хвост, длина крыльев от сочленения до кончика всего 15 см. Цвет оперения — ярко травянисто-зеленый, часто переходящий в желтоватый; цвет этот ярче всего на темени, бледнее на брюшке и темнее на крыльях. С обеих сторон шеи и на щеках оперение принимает нежно-лиловый или небесно-голубой цвет, который отделяется от зеленого цвета груди узкой черной полоской и великолепной широкой ярко-розовой полосой. Хвостовые перья — травянисто-зеленые с ярко-желтыми внутренними опахалами и голубыми кончиками. Оба средних рулевых пера — голубые. Нижние стороны крыльев и хвоста желтовато-зеленые. Зрачок желтовато-белый, узкая радужная оболочка — красная, клюв красный с темным кончиком на верхней его части; ноги серые. Оба пола по оперению друг от друга не отличаются; молодые птицы до первой линьки отличаются более бледным и равномерным светло-зеленым цветом.

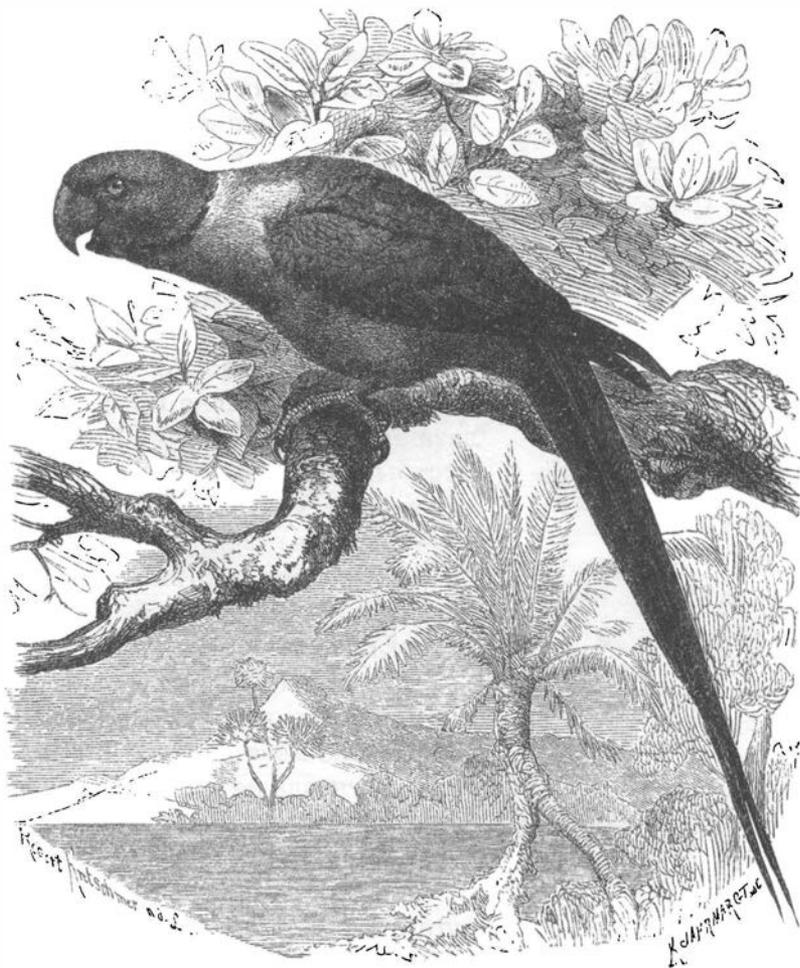
Область распространения ожерелового попугая обширнее, чем других попугаев. Он встречается как в южной Азии, так и в Африке. Правда, африканские ожереловые попугаи отличаются от азиатских меньшим ростом, более насыщенным желтовато-зеленым цветом оперения, более широкой полосой, идущей от углов рта, голубоватым отливом на верхушке головы и тем, что ожерелье посередине прервано.

В Индии и на Цейлоне ожереловый попугай принадлежит к числу самых обыкновенных птиц, живущих по преимуществу, но не только, на равнинах. Здесь, по словам Блайта, он предпочитает местности, где земля обработана. Это единственный индийский попугай, который ищет соседства с человеком. Он гнездится и выкармливает своих птенцов не только в садах и рощах, но и на деревьях, растущих вдоль дорог и шоссе, а также в углублениях стен различных зданий и в щелях каменных оград. В некоторых местах он живет вдали от леса и довольствуется теми немногими деревьями, которые жители города или деревни посадили около домов ради плодов или для тени. В одних индийских городах эти птицы, словно галки, сидят на крышах домов, в других выбирают

себе для отдохновения деревья на площадях и не обращают внимания на происходящий под деревьями шум от базара.

Ожереловый попугай сильно грабит плодовые сады и производит большие опустошения на посеянных полях. Он прицепляется к сучьям деревьев и срывает плоды еще до их вызревания и вытаскивает зерна из колосьев еще раньше, чем они успевают окрепнуть. Когда жатва свезена в гумно, то он, как наши голуби, ищет зерен в обмолоченной соломе на току и, как каролинский попугай, прилетает к скирдам, чтобы там поживиться зернами. Иногда попугаи собираются в большие стаи и отправляются довольно далеко. Если подобная стая увидит на пути дерево со спелыми плодами, то, конечно, не пролетит мимо, а будет долго кружиться над ним с распростертыми крыльями и развернутым хвостом. Наконец, вся стая садится на дерево, и все плоды его уничтожаются в самое короткое время. Иногда эти птицы присоединяются к стаям других попугаев и вместе с ними рыщут по стране в поисках корма. Попугаи, без сомнения, вредят садам и полям, и только благодаря добродушию индусов и их любви к животным, птиц здесь не преследуют.

Путешественнику в этих странах было бы трудно не заметить ожереловых попугаев. натуралист, прежде всего, отличает этих птиц по их резкому крику, который пересиливает всякие другие звуки в лесу, и бывает потому заметнее, что попугаи всегда живут более или менее многочисленными стаями. Подобная стая часто соединяется с другими и образует таким образом очень многочисленное общество. Для постоянного местожительства она обыкновенно избирает себе группу тамариндовых или других густых деревьев и оттуда ежедневно предпринимает странствования по окрестностям. В ранние утренние часы птицы большею частью довольно спокойны, но скоро после восхода солнца они с криком и карканьем летят за пищею, и тогда видно, как стаи быстро несутся над лесом.

Ожереловый попугай
Крамера
(*Psittacula krameri*)

Африканские леса довольно бедны плодоносными деревьями, но роскошная растительность в тени деревьев изобилует различного рода семенами, что и привлекает попугаев на землю. Только когда созревают маленькие круглые плоды африканского дерна и нежные стручки тамаринды становятся съедобными, попугаи уже не спускаются на землю или делают это очень редко. Весьма вероятно, что они едят и животную пищу. По крайней мере, я часто видел, как они чего-то искали около муравейников и термитовых построек, и у пленных птиц я также замечал стремление к мясной пище. Этих попугаев редко встретишь на засеянных полях, которые жители внутренней Африки устраивают у опушки леса. В клетках этих птиц можно кормить семенами тамошних посевных растений. На воле им, однако, лесные плоды и семена нравятся больше, чем хлебные зерна. Стаи до полудня заняты отыскиванием пищи. После этого они летят на водопой, а затем садятся на какую-нибудь густую верхушку дерева, чтобы отдохнуть там несколько часов. При этом попугаи болтают и громко кричат, так что общество это очень заметно, но отыскать его все-таки трудно.

Насколько ловко и быстро эти попугаи летают, настолько медленно, неуклюже и беспомощно движутся они по земле, да и лазают они по ветвям не особенно искусно. Полет у них очень быстрый, но, по-видимому, он утомляет их. По крайней мере, полет требует частых ударов крыльями и в непродолжительное парение переходит лишь тогда, когда попугай собирается садиться. Из одного удовольствия попугай этот никогда не летает. Он всегда летит к определенной цели и тотчас садится, как только цель достигнута.

От Жердона мы узнаем, что ожереловый попугай гнездится в Индии с января до марта. Внутри Африки это происходит в дождливые месяцы года. В Индии, как уже было сказано, он устраивает гнезда не только на деревьях, но и в разных углублениях, даже в зданиях. В Африке же попугаи эти гнездятся только на деревьях.

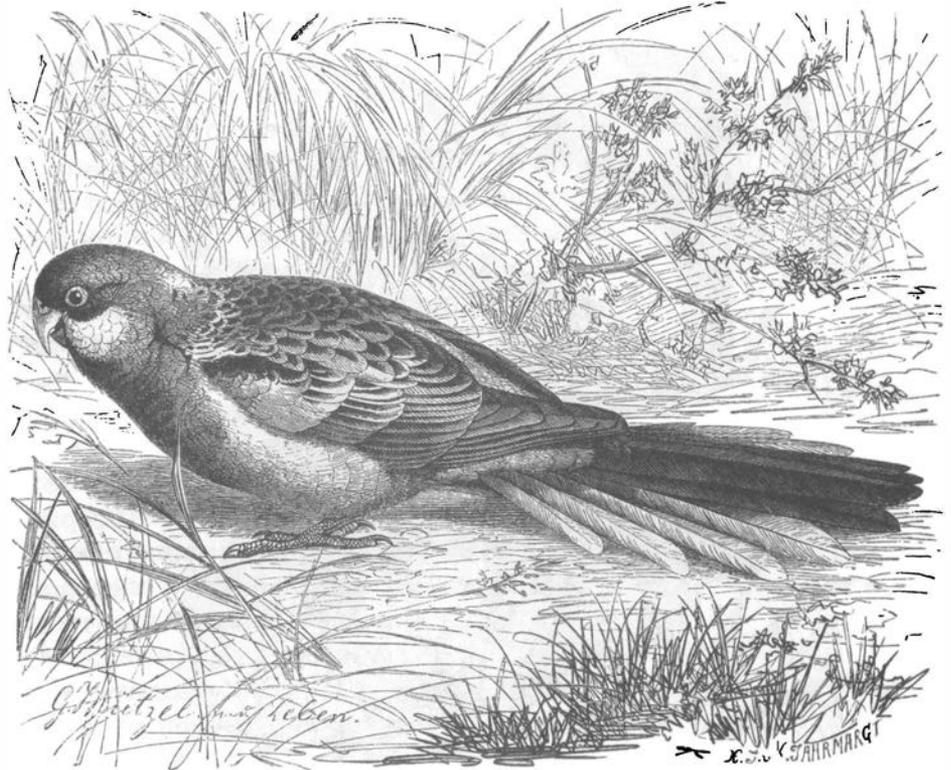
Несмотря на крепкий клюв и сильные лапы, ожереловые попугаи много терпят от больших хищных птиц и, по уверению индийских наблюдателей, они делаются добычей даже менее ловких хищников. Филлипс замечает, что местный коршун часто набрасывается на них, когда они сидят на деревьях, и утаскивает то одного, то другого, а также, что на этих попугаев нередко нападают крупные совы. Андерсон, напротив, только один вид сокола* считает за их злейшего врага. «Маленькие стайки попугаев, — рассказывает он, — летели мимо меня к своим вечерним убежищам, как вдруг, к моему удовольствию, сокол бросился на них и пронесся в нескольких шагах от головы моей лошади. Он три раза повторил свое нападение, и попугаи всякий раз теснились в страхе и смятении друг к другу и падали в борозды поля, через которое я

* Имеется в виду один из подвидов сапсана (*Falco peregrinus peregrinator*), которого некоторые ученые считают самостоятельным видом.

ехал. Как только попугаи поднимались, то сокол снова повторял свое нападение, но неудачно, так что, наконец, он, очевидно, не в духе, уселся на сучок близ стоящего дерева». В Африке я не видал подобной охоты, но не сомневаюсь в том, что и там местные соколы нападают на ожереловых попугаев.

В тех странах Африки, где мне случалось бывать, только натуралисты охотятся на ожереловых попугаев, когда хотят получить их для своих коллекций. Туземцы никогда не нападают на них с оружием и ловят попугаев живыми, если надеются их выгодно продать. Несмотря на многочисленность попугаев, не очень-то легко застрелить этих птиц: хитрость их способна обмануть и опытного охотника, старания которого часто бывают неудачны.

Обыкновенная розелла (*Platycercus eximius*), называемая австралийскими колонистами розелла, а туземцами Нового Южного Уэльса — бундулок, — попугай величиной с крупного дрозда, то есть около 32 см длиной. Голова, горло и грудь так же, как и нижние кроющие перья хвоста — яркого багряно-красного цвета, причем все перья здесь у основания желтые. Задняя часть шеи и стороны ее, верхняя часть спины и плечи — черные, с широкой бледно-желтой каймой. Нижняя часть груди ярко-желтая, стороны груди также желтые с черными пятнами посередине каждого пера. Брюшко, бедра, надхвостье и верхние кроющие перья хвоста красивого светло-зеленого цвета с серовато-желтым налетом. Крылья темно-бурые, а снаружи темно-синие. Большие маховые перья великолепного фиолетово-синего цвета, а последние 3—4 из малых маховых перьев снаружи имеют светло-зеленые каемки. Снизу все маховые перья серовато-черные. Оба средних рулевых пера темного оливково-зеленого цвета, а к концу синевато-зеленого. Прочие рулевые перья на одной половине темно-синие, на другой фиолетово-синие, а на кончике белые. От верхней

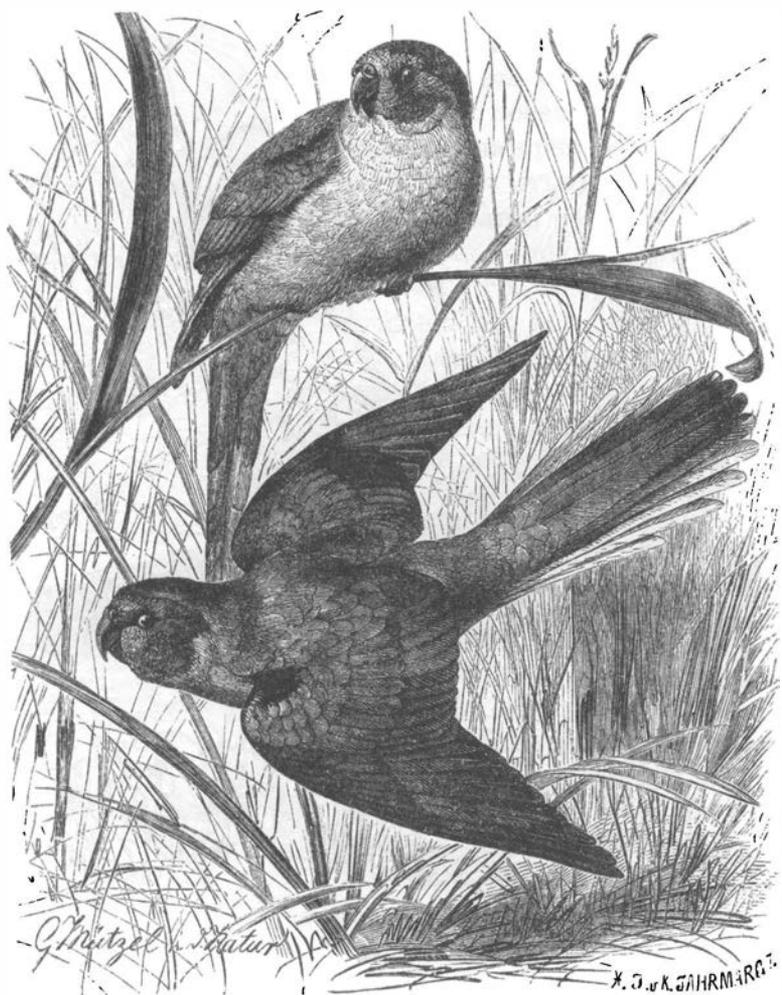
Обыкновенная
розелла
(*Platycercus eximius*)

части клюва до ушей замечается белое пятно, а на середине крыла большое черное пятно. Глаза темно-карие, клюв и ноги темно-бурые.

Этот красивый попугайчик живет в Южной Австралии, Новом Южном Уэльсе и Тасмании. Он здесь очень обыкновенен, но населяет лишь известные местности, ограниченные иногда ручейком, через который попугаи почти никогда не перелетают. Розеллы, как правило, не собираются в большие стаи, а встречаются

лишь семьями или маленькими стайками. Любимым местопребыванием им служат открытые местности, ровные или холмистые, где местами растут высокие деревья или группы кустарников. Эти деревья тогда делают центральными пунктами их местопребывания, откуда они разлетаются по песчаным равнинам или прогалинам лесов в поисках корма. Попугаи в местах своего обитания ведут себя так же, как наши воробьи на улицах. Если их спугнуть, то они садятся лишь на соседнее дерево, чтобы тотчас же снова спуститься на землю. Путешественники уверяют, что впечатление, производимое этими птицами на уроженцев севера, трудно описать словами.

Розелла летает волнообразными линиями, быстро взмахивая крыльями, но редко пролетает сразу большие пространства, так как, по-видимому, быстро устает. Тем проворнее прыгает он по земле, где по ловкости движений мало уступает

Лазурный травяной
попугайчик
(*Neophema pulchella*)

воробьям. Голос его, как у большинства сородичей, состоит из очень приятного свиста, который можно почти назвать пением. Пища состоит из различных зерен, по преимуществу из семян злаков, но при случае, говорят, он ест и насекомых. Время гнездования — от октября до января. Самка кладет 7—10 продолговатых яичек в дупло толстого сучка камедного или какого-нибудь другого большого дерева. Яйца довольно толстые, почти одинаково округленные с обоих концов, 25 мм длиной и 21 мм шириной, бледного

серовато-желтого цвета, а на свет они кажутся зеленовато-белыми. Дупло иногда бывает очень большой глубины, но это не мешает розелле пользоваться им.

Чаще других встречается **лазурный травяной попугайчик** (*Neophema pulchella*). Вся передняя часть головы его до глаз и кроющие перья верхней части крыла небесно-голубого цвета, за исключением каштаново-бурого пятна, находящегося на предплечье и образованного самыми мелкими кроющими перышками. Плечи, спина и прочие верхние части травянисто-зеленого цвета. Вся нижняя сторона тела от подбородка до нижних кроющих перьев хвоста ярко-зеленого цвета. Обе стороны брюшка и грудь — с зеленым налетом. Маховые перья черные, наружные опахала темно-синего цвета с узкой зеленой каемкой. Оба средних рулевых пера зеленые, наружные почти по всей длине ярко-желтые, только у основания зеленые и черные, причем эти последние цвета к середине хвоста занимают больше места. Радужная оболочка каряя, клюв черноватый, ноги светлого буровато-серого цвета. У самки щеки, подбородок, зоб и грудь желтовато-зеленые, и красновато-бурое пятно на предплечье менее ясно. Молодые попугайчики похожи на самку, различие в окраске обоих полов делается заметным скоро после вылета птенцов из гнезда.

По сообщению Гульда, эти птицы живут в пустынных береговых местностях Австралии, встречаются большими или маленькими стаями. В начале весны они появляются, высидывают детенышей, а после гнездования опять исчезают, удаляясь вглубь страны. При благоприятных условиях, именно когда злаки дают большое количество семян, стаи эти собираются в огромнейшие толпы и наполняют собой густые заросли высоких трав. Как большинство прочих австралийских попугаев, лазурные попугайчики проводят значительную часть времени на земле, отыскивая там себе корм. Бегают они с ловкостью маленьких болотных птиц, быстро семеня ножками, по-видимому, без всякого напряжения. Благодаря своему умению лазать, попугаи ловко переходят через рвы и неровности почвы. Летают они красивыми дугообразными линиями, несясь по воздуху с быстротой стрелы, но большей частью низко над землей. Только иногда они поднимаются в высоту.

Нимфа (*Nymphicus hollandicus*), которого колонисты в Австралии называют какаду, по размеру похож на наших крупных дроздов, но кажется больше из-за длинного хвоста. Оперение очень пестрое и красивое: основным цветом его можно считать темный оливково-серый цвет, который на нижней стороне тела переходит в чисто серый. Верхняя часть головы, уздечка и задние части щек — бледного соломенно-желтого цвета, перья хохолка также бледно-желтые, но с серыми кончиками. Радужная оболочка темно-каряя, голый ободок вокруг глаза серый, клюв серовато-черный; ноги серовато-бурые.

Семейство попугаевые

Семейство попугаевые

Гульд, которому мы обязаны жизнеописанием нимфы, находит эту красивую птицу в большом количестве во внутренней части Австралии. У берегов она встречается реже. По крайней мере, по сравнению с тысячами этих птиц, которых можно видеть на внутренних плоскогорьях, очень немногие замечаются на равнинах между высокими хребтами гор и морем. На востоке Австралии нимфы, по-видимому, встречаются чаще, чем на западе. Летом они гнездятся на плоскогорьях, расположенных по верхнему течению Гунтера, Пиля и других рек, текущих на север, там, где находятся их любимые деревья. После гнездования они собираются в бесчисленные стаи, покрывающие на большом пространстве почву или сажающиеся на сухие ветви камедных деревьев, расположенных около воды. В сентябре эти стаи предпринимают странствования и показываются тогда на местах своего гнездования. В феврале и марте они снова возвращаются на север. Попугайчики эти питаются семенами трав и без воды обходиться не могут, почему держатся всегда вблизи рек и гнездятся в лесах, расположенных по их берегам. Нимфы очень проворны, ловко бегают по земле, хорошо лазают и летают, хотя не особенно быстро, но легко. Часто совершают разом большие перелеты. Они мало боятся людей. Если их спугнуть с земли, то они летят к ближайшему дереву и садятся там на сухие ветки. Когда им кажется, что опасность миновала, то они снова слетают на землю. Вообще они совсем не пугливы, и потому их часто убивают и ловят, как из-за их вкусного мяса, так и вследствие того, что они очень милы и приятны в клетках. 5—6 белых яичек, составляющих кладку, имеют около 2 см длины.

Из всех попугаев, которых мы держим в клетках, более других обращает на себя внимание маленький австралийский попугайчик, которого я собираюсь описать. Попугаи обычно восхищают нас красотой своего оперения, а волнистый попугайчик, о котором идет речь, своей миловидностью и приятным нравом. Он также очень красив, но его приятный нрав превосходит красоту его оперения. Он служит украшением любой комнаты и скоро приобретает любовь даже черствого человека. **Волнистый попугайчик** (*Melopsittacus undulatus*) принадлежит к числу самых маленьких попугаев, но кажется больше вследствие длинного хвоста. Длина попугая 20—22 см, размах крыльев 26—27 см, длина крыла 9, а хвоста 10 см. Длинный хвост имеет ступенчатое строение, так что крайняя пара перьев в три раза меньше средних, которые по длине значительно превосходят остальные. Оперение необыкновенно мягкое и красиво окрашенное. Окраска у самца и самки почти одинаковая, и молодые птицы мало отличаются от взрослых.

Шау — первый натуралист, описавший волнистого попугайчика, а Гульд — первый путешественник, который сообщил нам сведения о его жизни на свободе. Теперь мы знаем, что эта птица

живет огромными стаями внутри Австралии, а именно на равнинах, поросших травой. Питается семенами злаков. Все наблюдатели, ознакомившиеся с его жизнью на воле, восхищаются им точно так, как и любители, которые содержат его в клетках.

Когда Гульд посетил в декабре равнины внутренней части Австралии, то увидел себя окруженным волнистыми попугайчиками и решил остаться там на некоторое время, чтобы иметь случай наблюдать их нравы и привычки. Они прилетали стаями в 20—100 штук к маленькой лужице, чтобы напиться, а затем в известное время улетали на луга, чтобы собирать свой корм, состоящий исключительно из семян различных трав. Чаще всего они прилетали к воде рано утром и вечером, перед наступлением сумерек. Во время полуденной жары они без движения сидели под листьями камедных деревьев, в дуплах которых в это время года проживали парочки, насиживающие яйца. Пока попугаи смирно сидели на деревьях, их трудно было заметить, но когда они собирались лететь на водопой, то открыто усаживались целыми массами на сухие сучки камедных деревьев и на те ветви, которые были ближе к воде. Движения их быстры и изящны. Летают они прямо и удивительно быстро, как ласточки и соколы. Их полет вовсе не похож на полет прочих попугаев. По земле они ходят относительно хорошо, а по ветвям лазают с некоторою ловкостью. При полете издают резкий крик. Во время сидения по-

Волнистый
попугайчик
(*Melopsittacus
undulatus*)

пугай забавляются нежным щебетанием, которое нельзя назвать пением только потому, что голоса множества птиц смешиваются и образуют хаотическое сочетание тонов.

Волнистые попугайчики живут группами и во время гнездования, хотя парочек очень легко узнать, так как они всегда держатся вместе. Гнездо бывает расположено в отверстиях и трещинах камедных деревьев и в декабре содержит от 4 до 6 беловатых и довольно закругленных яиц. В конце декабря птенцы обыкновенно уже вылетают из гнезда и могут сами о себе заботиться. По окончании гнездования стаи предпринимают свои странствования. Они летят с юга на север и возвращаются к местам гнездования лишь тогда, когда созревают семена трав. В Южной Австралии они появляются весной, которая по времени совпадает с нашей осенью, с той же правильностью, как и наши перелетные птицы. Туземцы говорят, что иногда эти птицы появляются в странах, где прежде они никогда не показывались. Это очень правдоподобно, если иметь в виду легкость и быстроту их полета.

Большим преимуществом волнистого попугайчика следует считать его неприхотливость: ни одна комнатная птица не требует столь малого разнообразия в корме, как этот попугайчик. Он может довольствоваться одной и той же пищей в продолжение года и дольше. В Европе вместо австралийских семян ему дают чечевицу, канареечное и льняное семя, и он вполне довольствуется этим кормом. Попытки приучить его к другим семенам остались без успеха, но он охотно ест сочные листья салата, капусты и другую зелень. Сначала он отказывается от плодов, сахара и иных лакомств, но потом понемногу приучается к ним, несмотря на то, что любит сухой корм. Волнистый попугайчик редко пьет и иногда по неделям не подходит к воде, но все-таки не следует забывать снабжать его клетку холодной водой. Кроме того, ему необходимы соль, известь и песок. Понятно, что легкость содержания этих попугаев сильно способствует тому, чтобы их любили.

Но волнистый попугайчик умеет снискать себе любовь человека и другими способами. По своей понятливости он стоит, без сомнения, несколько ниже крупных попугаев, однако различие это не очень заметно. Большинство других попугаев, даже те виды, которые хорошо подражают человеческому голосу, несмотря на свою любезность, делаются порой несносными из-за своего оглушительного крика. Научаясь разговаривать со своими воспитателями, они часто не могут отказать себе в удовольствии пошуметь и немилосердно покричать в перерывах между отдельными словами и фразами. Немногие люди способны долго переносить это неприятное свойство попугаев. Волнистые попугайчики ведут себя иначе: они тоже голосисты, но никогда не пользуются своим голосом для бестолковых криков, и голос их

всегда приятен. Самца волнистого попугайчика можно с уверенностью причислить к певчим птицам: его болтовню нельзя назвать простым щебетанием, это настоящая, хотя и скромная, но очень приятная песенка. Волнистый попугайчик хорошо выучивается подражать пению других певцов и воспроизводит их с удивительным искусством. Некоторые из них выучиваются выговаривать несколько слов.

*Семейство
попугаевые*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Русские названия

- Авдотка, 572
Авдотковые, семейство, 572
Аист
 белобрюхий, 126
 белый, 120
 седлоклювый, 127
 черный, 126
Аистовые, семейство, 119
Аистообразные, отряд, 99
Аист-разиня африканский, 131
Альбатрос странствующий, 65
Альбатросовые, семейство, 65
Амазон венесуэльский, 638
Ара
 гиацинтовый, 647
 зеленокрылый, 649
 красный, 648
 сине-желтый, 649
Аргус большой, 426
Баклан большой, 89
Баклановые, семейство, 87
Балобан, 338
Бегунок египетский, 568
Бекас цветной, 557
Бекасовые, семейство, 553
Беркут, 205
Бобуайт виргинский, 404
Большеног
 кустарниковый, 380
 филиппинский, 377
Бородач, 295
Бургомистр, 518
Буревестник
 гигантский, 69
 обыкновенный ныряющий, 75
Буревестники ныряющие, семейство, 75
Буревестниковые, семейство, 69
Вальдшнеп, 553
Водорез африканский, 526
Водорезовые, семейство, 526
Волчок, 105
Выпь
 американская, 108
 большая, 108
 малая, 105
Вяхирь, 591
Гага обыкновенная, 185
Гага-гребенушка, 186
Гагара
 краснозобая, 62
 полярная, 62
 чернозобая, 62
Гагарка, 531
 бескрылая, 531
Гагаровые, семейство, 62
Гагарообразные, отряд, 62
Гарпия
 гвианская, 269
 южноамериканская, 270
Глупыш северный, 70
Глухарь, 439
Гокко хохлатый, 372
Голубеобразные, отряд, 575
Голубиные, семейство, 583
Голубок капский, 72
Голубь
 Ваали желтобрюхий зеленый, 607
 Виктории веероносный, 605
 голубой венценосный, 605
 гривистый, 604

- Голубь
зубчатоклювый, 609
кровогрудый куриный, 603
никобарский, 604
сизый, 595
синеголовый земляной, 601
странствующий, 586
хохлатый бронзовокрылый, 600
шишкоклювый, 606
- Голубь-фапс,
обыкновенный бронзовокрылый, 601
- Горлица
обыкновенная, 597
смеющаяся, 599
- Гриф
африканский ушастый, 313
индийский ушастый, 313
королевский, 195
пальмовый, 245
черный, 311
- Гриф-индейка, 196
- Грифы американские, семейство, 191
- Гусь
белый, 161
куриный, 173
нильский, 165
обыкновенный шпорцевый, 172
серый, 160
- Дербник, 351
- Дронг, 609
- Дрофа, 493
- Дрофины, семейство, 493
- Жако, 651
- Журавлеобразные, отряд, 467
- Журавлиные, семейство, 470
- Журавль
белый, 475
даурский, 475
серый, 471
- Журавль-красавка, 475
- Зимняк, 225
- Змеешейка
американская, 93
африканская, 93
- Змеешейковые, семейство, 92
- Змеяд, 231
- Ибис
священный, 137
- Ибисовые, семейство, 134
- Индейка, 434
глазчатая, 435
- Индейковые, семейство, 434
- Кагу, 488
- Кагу, семейство, 488
- Казарка
белощекая, 164
канадская, 165
краснозобая, 164
черная, 162
- Казуар шлемоносный, 45
- Казуаровые, семейство, 45
- Казуарообразные, отряд, 45
- Кайра толстоклювая, 535
- Какаду
молуккский, 626
траурный, 625
черный, 624
шлемоносный, 625
- Какаду-инка, 628
- Какапо, 634
- Калита, 640
- Камнешарка, 562
- Камышница, 480
- Канюк обыкновенный, 228
- Каравайка, 135
- Каракара, 365
- Каракара, семейство, 362
- Качурка
прямохвостая, 73
северная вилхвостая, 73
- Качурковые, семейство, 73
- Кваква, 110
- Кеа, 619
- Кеклик, 383
- Киви
обыкновенный, 51
южный, 51
- Киви, семейство, 51
- Кивиобразные, отряд, 51
- Китоглав, 114
- Китоглавы, семейство, 114
- Клинтух, 595
- Клювач африканский, 133
- Кобчик, 358
- Колпица обыкновенная, 140
- Кондор андский, 192
- Коростель, 485
- Коршун
вилхвостый, 255
красный, 258
миссисипский, 254
чернокрылый дымчатый, 252
черный, 260

- Коршун-паразит, 264
 Краксы, семейство, 372
 Крачковые, семейство, 522
 Кречет, 335
 Кроншнеп
 большой, 559
 средний, 559
 тонкоклювый, 560
 Кряква, 176
 Кулик-сорока, 550
 Кулики, подотряд, 539
 Кулики-сороки, семейство, 550
 Курица
 банкивская, 408
 джунглевая, 377
 индийская дикая, 408
 Курообразные, отряд, 369
 Куропатка
 белая, 459
 венценосная, 402
 виргинская, 404
 красная, 385
 серая, 388
 тундряная, 464
 Курочка болотная, 483
 Куры сорные, семейство, 376
 Лапчатонг малый американский, 487
 Лапчатоговые, семейство, 487
 Лебедь
 черношейный, 156
 черный, 156
 Лебедь-кликун, 154
 Лебедь-шипун, 154
 Лори
 пурпурношапочный широкохвостый,
 631
 Лорикет многоцветный, 633
 Лофура черная, 409
 Лунь
 болотный, 291
 луговой, 287
 полевой, 285
 степной, 285
 Лысуха, 478
 Малео, 378
 Марабу африканский, 129
 Могильник, 214
 Молотоглав, 116
 Молотоглавые, семейство, 116
 Монал гималайский, 422
 Мути, 362
 Нандовые, семейство, 40
 Нанду обыкновенный, 40
 Нандуобразные, отряд, 40
 Неразлучник розовощекий, 658
 Нестор-кака, 619
 Нимфа, 665
 Огарь, 168
 Олуша
 обыкновенная, 86
 северная, 86
 Олушевые, семейство, 86
 Орел
 боевой, 266
 гребенчатый, 268
 ястребиный, 223
 Орел-карлик, 220
 Орел-скоморох, 233
 Орлан
 белоголовый, 237
 грифовый, 245
 Орлан-белохвост, 237
 Орлан-крикун, 243
 Осоед, 248
 Павлин
 индийский, 418
 хохлатый, 418
 Паламедеи, семейство, 149
 Паламедея рогатая, 149
 Пастушковые, семейство, 477
 Пеганка, 170
 Пеликан
 кудрявый, 82
 розовый, 82
 Пеликановые, семейство, 81
 Пеликанообразные, отряд, 78
 Пенелопа рыжебокая, 375
 Перепел
 калифорнийский хохлатый, 406
 обыкновенный, 398
 Песчанка, 567
 Пикопара, 487
 Пингвин
 королевский, 57
 очковый, 60
 скалистый златовласый, 58
 Пингвиновые, семейство, 57
 Пингвинообразные, отряд, 57
 Пластинчатоклювые, отряд, 149
 Поганковые, семейство, 503

- Поганкообразные, отряд, 503
 Погоньш обыкновенный, 483
 Подорлик малый, 217
 Поморник
 большой, 510
 длиннохвостый, 513
 Поморниковые, семейство, 509
 Попугаевые, семейство, 611
 Попугаеобразные, отряд, 611
 Попугай
 веерный, 637
 длинноклювый, 642
 зелено-красный, 659
 земляной, 620
 каролинский, 644
 Крамера ожереловый, 660
 серый, 651
 совиный, 634
 Попугайчик
 волнистый, 666
 лазурный травяной, 665
 Склэтера дятловый, 628
 Птица-секретарь, 323
 Пустельга
 обыкновенная, 354
 степная, 357

 Ржанка золотистая, 544
 Ржанковые, семейство, 540
 Ржанкообразные, отряд, 509
 Розелла обыкновенная, 663
 Руруль, 402
 Рябковые, семейство, 575
 Рябок
 белобрюхий, 518
 пустынный, 518
 сенегальский, 518
 чернобрюхий, 518
 Рябчик, 452

 Саджа, 577
 Сапсан, 339
 Секретари, семейство, 323
 Серендак, 629
 Сериема, 490
 Сериемовые, семейство, 490
 Сип
 белоголовый, 315
 Рюппеля, 315
 Скопа, 201
 Скопиные, семейство, 201
 Сокол
 красношейный, 345
 турумти, 345

 Соколиные, семейство, 328
 Стервятник, 318
 бурый, 321
 Стерх, 475
 Страус африканский, 31
 Страусовые, семейство, 31
 Страусообразные, отряд, 31
 Стрепет, 499
 Султанка, 481

 Тетерев 445
 кавказский, 452
 луговой, 455
 Тетерев-межняк, 451
 Тетеревиные, семейство, 439
 Тинамовые, семейство, 54
 Тинаму краснокрылый, 55
 Тинаму, отряд, 54
 Тирика, 642
 Тиркушка
 луговая, 570
 степная, 571
 Тиркушковые, семейство, 568
 Трагопан-сатир, 423
 Трехперстка африканская, 468
 Трехперстковые, семейство, 467
 Трубач серокрылый, 476
 Трубачи, семейство, 476
 Трубноносые, отряд, 65
 Тупик, 528
 Турач, 390
 Турухтан, 564

 Улар
 гималайский, 393
 кавказский, 392
 Урубубу, 197
 Утиные, семейство, 151
 Утка
 каролинская, 183
 красная, 168

 Фазан
 алмазный, 418
 гималайский, 409
 золотистый, 416
 золотой, 416
 королевский, 414
 маньчжурский ушастый, 411
 обыкновенный, 413
 павлиний, 425
 серебристый, 410
 серебряный, 410
 Фазановые, семейство, 383

Фаэтон красноклювый, 79
Фаэтоновые, семейство, 79
Фламинго
 обыкновенный, 143
 розовый, 143
Фламинговые, семейство, 143
Фламингообразные, отряд, 143
Фрегат великолепный, 96
Фрегатовые, семейство, 96
Химанго, 364
Химахина, 363
Хищные птицы, отряд, 187
Ходулочник, 547
Хрустан, 546
Цаплевые, семейство, 100
Цапли солнечные, семейство, 488
Цапля
 большая белая, 104
 исполинская, 104
 малая белая, 105
 ночная, 110
 серая, 101
 солнечная, 488
Цапля-голиаф, 104
Цесарка
 грифовая, 429
 обыкновенная, 431
 хохлатая, 431

Чайка
 обыкновенная, 518
 озерная, 518
 розовая, 521
Чайки, подотряд, 509
Чайковые, семейство, 515
Чеглок, 347
Чеграва, 524
Челноклюв, 113
Челноклювые, семейство, 113
Чибис, 540
Чибис шпорцевый, 543
Чирок-свистунок, 180
Чирок-трескунок, 179
Чистиковые, подотряд, 527
Чистиковые, семейство, 527
Чомга, 505
Шилоклювка, 548
Шилоклювые, семейство, 547
Широконоска, 181
Эму, 48
Эму, семейство, 48
Ябиру седлоклювый, 127
Ягнятник, 295
Якана желтолобая, 539
Якановые, семейство, 539
Ястреб-габар певчий, 284
Ястребиные, семейство 205
Ястреб-перепелятник, 273
Ястреб-тетеревятник, 278

Латинские названия

Accipiter gentilis, 278
Accipiter nisus, 273
Acciptridae, 205
Acryllium vulturinum, 429
Aegyptius monachus, 311
Agapornis roseicollis, 658
Agriocharis ocellata, 435
Aquila chrysaetus, 205
Aquila heliaca, 214
Aquila pomarina, 217
Aicidae, 527
Aix sponsa, 183
Alca torda, 531
Alcidae, 527

Alectoris chukar, 383
Alectoris rufa, 385
Alectroenas pulcherrimus, 606
Alectura lathamii, 380
Alopochen aegyptiacus, 165
Amazona amazonica, 638
Anas clypeata, 181
Anas crecca, 180
Anas platyrhynchos, 176
Anas querquedula, 179
Anastomus lamelligerus, 131
Anatidae, 151
Anhima cornuta, 149
Anhimidae, 149

Anhinga anhinga, 93
 Anhinga rufa, 93
 Anhingidae, 92
 Anodorhynchus hyacinthinus, 647
 Anser anser, 160
 Anser caerulescens, 161
 Anseriformes, 149
 Anthropoides virgo, 475
 Aptenodytes patagonica, 57
 Apterigiformes, 51
 Apterygidae, 51
 Apteryx australis, 51
 Aquila chrysaetus, 205
 Aquila heliaca, 214
 Aquila pomarina, 217
 Ara ararauna, 649
 Ara chloroptera, 649
 Ara macao, 648
 Ardea cinerea, 101
 Ardea goliath, 104
 Ardeidae, 100
 Arenaria interpres, 562
 Argussianus argus, 426

 Balaeniceps rex, 114
 Balaenoci pitidae, 114
 Botaurus lentiginosus, 108
 Botaurus stellaris, 108
 Branta bernicla, 162
 Branta canadensis, 165
 Branta leucopsis, 164
 Branta ruficollis, 164
 Brotogeris tircica, 642
 Burhinus oedicnemus, 572
 Buteo buteo, 228
 Buteo lagopus, 225
 Buurhinidae, 572

 Cacatua leadbeateri, 628
 Cacatua moluccensis, 626
 Calidris alba, 567
 Callocephalon fimbriatum, 625
 Caloenas nicobarica, 604
 Calyptorhynchus funereus, 625
 Cariama cristata, 490
 Cariamidae, 490
 Casuariidae, 45
 Casuariiformes, 45
 Casuarius casuarius, 45
 Cathartes aura, 196
 Cathartidae, 191
 Cereopsis novae-hollandiae, 173

 Charadrii, 539
 Charadriidae, 540
 Charadriiformes, 509
 Chrysolophus amherstiae, 418
 Chrysolophus pictus, 416
 Ciconia abdimii, 126
 Ciconia ciconia, 120
 Ciconia nigra, 126
 Ciconiidae, 119
 Ciconiiformes, 99
 Circaetus gallicus, 231
 Circus aeruginosus, 291
 Circus cyaneus, 285
 Circus macrourus, 285
 Circus pygargus, 287
 Cobumba oenas, 595
 Cochlearidae, 113
 Cochlearius cochlearius, 113
 Colinus virginianus, 404
 Columba livia, 595
 Columba palumbus, 591
 Columbidae, 583
 Columbiformes, 575
 Conuropsis carolinensis, 644
 Coragyps atratus, 197
 Coturnix coturnix, 398
 Crax alector, 372
 Crex crex, 485
 Crossoptilon mantchuricum, 411
 Cygnus atratus, 156
 Cygnus cygnus, 154
 Cygnus malanocoryphus, 156
 Cygnus olor, 154

 Daption capensis, 72
 Deropterus accipitrinus, 637
 Didunculus strigirostris, 609
 Diomedea exulans, 65
 Diomedidae, 65
 Dromaiidae, 48
 Dromaius novae-hollandiae, 48

 Eclectus roratus, 659
 Ectopistes migratorius, 586
 Egretta alba, 104
 Egretta garzetta, 105
 Elanoides forficatus, 255
 Elanus caeruleus, 252
 Enicognathus leptorhynchus, 642
 Ehippiorhynchus senegalensis, 127
 Eudromias morinellus, 546
 Eudytes chrysolophus, 58

Eurypyga helios, 488
Eurypygidae, 488
Falco cherrug, 338
Falco chiquera, 345
Falco columbarius, 351
Falco naumanni, 357
Falco peregrinus, 339
Falco rusticolus, 335
Falco subbuteo, 347
Falco tinnunculus, 354
Falco vespertinus, 358
Falconinae, 328
Francolinus francolinus, 390
Fratercula arctica, 528
Fregata magnificer, 96
Fregatidae, 96
Fulica atra, 478
Fulmarus glacialis, 70
Gallicolumba luzonica, 603
Galliformes, 369
Gallinula chloropus, 480
Gallus gallus, 408
Gavia arctica, 62
Gavia immer, 62
Gavia stellata, 62
Gaviidae, 62
Gaviiformes, 62
Glareola nordmani, 571
Glareola pratincola, 570
Glareolidae, 568
Goura cristata, 607
Goura victoria, 607
Gracidae, 372
Gruidae, 470
Gruiformes, 467
Grus grus, 471
Grus leucogeranus, 475
Grus vipio, 475
Guttera edouardi, 431
Gypaetus barbatus, 295
Gypohierax angolensis, 245
Gyps fulvus, 315
Gyps ruppellii, 315
Haematopus ostralegus, 550
Haemotopodidae, 550
Haliaeetus albicilla, 237
Haliaeetus leucocephalus, 237
Haliaeetus vocifer, 243
Harpyia harpyia, 270
Heliornis fulica, 487
Heliornithidae, 487
Hieraaetus fasciatus, 223
Hieraaetus pennatus, 220
Himantopus himantopus, 547
Hoplopterus spinosus, 543
Hydrobates pelagicus, 73
Hydrobatidae, 73
Hydroprogne caspia, 524
Ibis ibis, 133
Ictinia mississippiensis, 254
Ixobrychus minutus, 105
Jacana spinosa, 539
Jacanidae, 539
Lagopus lagopus, 459
Lagopus mutus, 464
Lari, 509
Laridae, 515
Larus hyperboreus, 518
Larus ridibundus, 518
Larus rosea, 521
Leptoptilus crumeniferus, 129
Lophaëtus occipitalis, 268
Lophophorus impejanus, 422
Lophortyx californica, 406
Lophura leucomelana, 409
Lophura nycthemera, 410
Loriculus galgulus, 629
Lorius domicellus, 631
Lulurus tetrix, 451
Lyrurus meckoseiwiczi, 452
Lyrurus tetrix, 445
Macrocephalon maleo, 378
Macronectes giganteus, 69
Megapodiidae, 376
Megapodius cummingi, 377
Megapodius freycinet, 377
Meleagridae, 434
Meleagris gallopavo, 434
Melopsittacus undulatus, 666
Microhierax caerulescens, 362
Micronisus gabar, 284
Micropsitta pusio, 628
Milvago chimachina, 363
Milvago chimango, 364
Milvus migrans, 260
Milvus milvus, 258
Milvus parasitus, 264
Morphnus guianensis, 269
Myiopsitta monachus, 640

Neophema pulchella, 665
Neophron monachus, 321
Neophron percnopterus, 318
Nestor meridionalis, 619
Nestor notabilis, 619
Numenius arquatus, 559
Numenius phaeopus, 559
Numenius tenuirostris, 560
Numida meleagris, 431
Nycticorax nycticorax, 110
Nymphicus hollandicus, 665

Oceanodroma leucorhoa, 73
Ocyphaps lophotes, 600
Otididae, 493
Otis tarda, 493

Pandion haliaetus, 201
Pandionidae, 201
Pavo cristatus, 418
Pelecanidae, 81
Pelecaniformes, 78
Pelecanoides urinatrix, 75
Pelecanoididae, 75
Pelecanus crispus, 82
Pelecanus onocrotalus, 82
Penelope supercilialis, 375
Perdix perdix, 388
Pernis apivorus, 248
Pezoporus wallicus, 620
Phaethontidae, 79
Phaeton aethereus 79
Phalacrocoracidae, 87
Phalacrocorax carbo, 89
Phaps chalcoptera, 601
Phasianidae, 383
Phasianus colchicus, 413
Philomachus pugnax, 564
Phoenicopteridae, 143
Phoenicopteriformes, 143
Phoenicopus roseus, 143
Pinguinus impennis, 531
Platalea leucorodia, 140
Platycercus eximius, 663
Plectropterus gambensis, 172
Plegadis falcinellus, 135
Pluvialis apricaria, 544
Pluvianus aegyptius, 568
Podiceps cristatus, 505
Podicipedidae, 503
Podicipediformes, 503
Polemaëtus bellicosus, 266

Polyborinae, 362
Polyborus plancus, 365
Polyplectron bicalcaratus, 425
Porphyrio porphyrio, 481
Porzana porzana, 483
Probosciger aterrimus, 624
Procellariidae, 69
Procellariiformes, 65
Psittacidae, 611
Psittaciformes, 611
Psittacula krameri, 660
Psittacus erithacus, 651
Psophia crepitans, 476
Psophiidae, 476
Pterocles alchata, 578
Pterocles exustus, 578
Pterocles orientalis, 578
Pterocletidae, 575

Rallidae, 477
Recurvirostra avosetta, 548
Recurvirostridae, 547
Rhea americana, 40
Rheidae, 40
Rheiformes, 40
Rhinchotus rufescens, 55
Rhinochetus jubatus, 488
Rhynchotidae, 488
Rollulus roulroul, 402
Rostratula bengalensis, 557
Rynchopidae, 526
Rynchops flavirostris, 526

Sagittariidae, 323
Sagittarius serpentarius, 323
Sarcogyps calvus, 313
Sarcorhamphus papa, 195
Scolopacidae, 553
Scolopax rusticola, 553
Scopidae, 116
Scopus umbretta, 116
Somateria mollissima, 185
Somateria spectabilis, 186
Spheniscidae, 57
Sphenisciformes, 57
Spheniscus demersus, 60
Starnoenas cyanocephala, 601
Stercorariidae, 509
Stercorarius longicaudus, 513
Stercorarius skua, 510
Sternidae, 522
Streptopelia risoria, 599

Streptopelia turtur, 597
Strigops habroptilus, 634
Struthio camelus, 31
Struthionidae, 31
Struthioniformes, 31
Sula bassana, 86
Sulidae, 86
Syrnaticus reevesii, 414
Syrrhaptes paradoxus, 577
Tadorna tadorna, 170
Tadorna ferruginea, 168
Terathopus ecaudatus, 233
Tetrao urogallus, 439
Tetraogallus caucasicus, 392
Tetraogallus himalayensis, 393
Tetraonidae, 439

Tetrastes bonasia, 452
Tetrax tetrax, 499
Threskiornis aethiopicus, 137
Threskiornithidae, 134
Tinamidae, 54
Tinamiformes, 54
Torgos tracheliotos, 313
Tragopan satyra, 423
Treron waalia, 607
Trichoglossus haematodus, 633
Turnicidae, 467
Turnix sylvatica, 468
Tympanuchus cupido, 455
Uria lomvia, 535
Vanellus vanellus, 540
Vultur gryphus, 192

СОДЕРЖАНИЕ

Биография Альфреда Эдмунда Брема	7
Общая часть	17
Отряд страусообразные	31
Семейство страусовые	31
Отряд нандуобразные	40
Семейство нандовые	40
Отряд казуарообразные	45
Семейство казуаровые	45
Семейство эму	48
Отряд кивиобразные	51
Семейство киви	51
Отряд тинаму	54
Семейство тинамовые	54
Отряд пингвинообразные	57
Семейство пингвиновые	57
Отряд гагарообразные	62
Семейство гагаровые	62
Отряд трубконосые	65
Семейство альбатросовые	65
Семейство буревестниковые	69
Семейство качурковые	73
Семейство ныряющие буревестники	75
Отряд пеликанообразные	78
Семейство фазтоновые	79
Семейство пеликановые	81
Семейство олушевые	86
Семейство баклановые	87

Семейство змеешейковые	92
Семейство фрегатовые	96
Отряд аистообразные	99
Семейство цаплевые	100
Семейство челноклювые	113
Семейство китоглавые	114
Семейство молотоглавые	116
Семейство аистовые	119
Семейство ибисовые	134
Отряд фламингообразные	143
Семейство фламинговые	143
Отряд пластинчатоклювые	149
Семейство паламедеи	149
Семейство утиные	151
Отряд хищные птицы	187
Семейство американские грифы	191
Семейство скопиные	201
Семейство ястребиные	205
Семейство секретари	323
Семейство соколиные	328
Семейство каракара	362
Отряд курообразные	369
Семейство краксы	372
Семейство сорные куры	376
Семейство фазановые	383
Семейство индейковые	434
Семейство тетеревиные	439
Отряд журавлеобразные	467
Семейство трехперстковые	467
Семейство журавлиные	470
Семейство трубачи	476
Семейство пастушковые	477
Семейство лапчатоноговые	487
Семейство кагу	488
Семейство солнечные цапли	488
Семейство сериемовые	490
Семейство дрофиные	493
Отряд поганкообразные	503
Семейство поганковые	503
Отряд ржанкообразные	509
Подотряд чайки	509

Семейство поморниковые	509
Семейство чайковые	515
Семейство крачковые	522
Семейство водорезовые	526
Подотряд чистиковые	527
Семейство чистиковые	527
Подотряд кулики	539
Семейство якановые	539
Семейство ржанковые	540
Семейство шилоклювые	547
Семейство кулики-сороки	550
Семейство бекасовые	553
Семейство тиркушковые	568
Семейство авдотковые	572
Отряд голубеобразные	575
Семейство рябковые	575
Семейство голубиные	583
Отряд попугаеобразные	611
Семейство попугаевые	611
Алфавитный указатель	670
Русские названия	670
Латинские названия	674

Содержание

Брем Альфред

ПТИЦЫ, том I

Директор издательства *О.С. Бартенев*
Оформление художника *М.А. Трубецкого*
Редакторы *Н.А. Рожкова, М.Е. Панфилова*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Набор и верстка *Ю.Н. Дородницына, Л.Ф. Комаровская,*
Р.А. Курбакова, Н.Е. Манушкина
Корректор *Н.С. Емельянова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 26.07.99. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.
Печать Офсетная. Печ. л. 43. Тираж 10 000 экз. Заказ 3182.

ООО «Фирма «Издательство АСТ» в сотрудничестве с ООО «Астрель».
ООО «Фирма «Издательство АСТ». ЛП № 066236 от 22.12.98 г.
366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Московская, 13а.
E-mail: AST@POSTMAN.RU

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

УНИКАЛЬНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ПРОЕКТ - НОВЫЕ ВЕРСИИ
КЛАССИЧЕСКИХ КНИГ

Лучшие книги о живой природе в серии
“ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ”

А.Брем “Птицы” (в двух томах)

А.Брем “Звери” (в двух томах)

А.Брем “Гады”

А.Брем “Рыбы”

А.Брем “Путешествие по Нилу”

А.Брем “Рисунки животных”

Д.Кайгородов “Наши птицы”

Ж.А.Фабр “Жизнь насекомых”

*Всемирно известные,
богато иллюстрированные книги
о жизни дикой природы*

ISBN 523703130-7

9 785237 031300

АСТ